This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Sec. 21141 d. 11

= PC. 7. U. 11

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТ

РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

1868

ІЮЛЬ—СЕНТЯБРЬ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
1868.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

Цѣны на серебро.

Труды и Лѣтописи общества исторіи и древностей Россійскихъ, 8 частей. М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 50 к. за каждую, на перес. за 2 ф.

Русскія достопамятности. Часть 1-я. 1815 г., ц. 50 к., перес. за 2 ф.; Ч. 2-я Русская Правда. 1843 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.; Ч. 3-я Слово о Полку Игоревѣ. 1844 г. ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской исторіи, г. Эверса, пер. съ Нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Древности сѣвернаго берега Понта, соч. П. Кеппена, переводъ съ Нѣмец. Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 ф.

Обозрѣніе кормчей книги въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розенкампфа. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ф.

Корсунскія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, описаны и объяснены Ѳ. Аделунгомъ; пер. съ Нѣмец. П. Артемова; съ рисунками. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ф.

Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи, изд. Княземъ М. Оболенскимъ М. 1836 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Псковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р., перес. за 3 ф.

Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. на 3 ф. за каждый.

Повѣствованіе о Россіи, въ трехъ томахъ, соч. Н. С. Арцыбышева. М. 1838—1843 г. Цѣна за всѣ 10 руб., перес. за 13 ф.

Книга посольская метрики Великаго княжества Литовскаго, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія; два тома, изданныя Кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., 2 р., перес. за 6 ф.

Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или **Галицкой Руси** до конца XV столѣтія, соч. Зубрицкаго; пер. съ Польск. О. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Книга, Большой чертежъ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книги. Г. Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича и послѣ его до Петра I-го, изслѣд. И. Бѣлаева. М. 1846 г., ц. 50 коп. перес. за 2 ф.

Библіотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, сост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Изслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи о Русской исторіи, М. Погодина. М. 1846 г.; томы: 1, 2 и 3-й, по 1 р., перес. за 6 ф.

Исторія о Донскихъ Казакахъ, соч. А. Ригельмана, съ 19 рисунк. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, соч. А. Ригельмана. съ 30 рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., перес. за 4 ф.

Исторія Россійская, В. Н. Татищева, книга 5-я или часть 4-я. М. 1848 г., 1 р. 50 к., перес. за 4 ф.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1869 ГОДУ ЖУРНАЛА:

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ будуть издаваться и въ наступающемъ 1869 году, по той же самой программѣ, какъ доселѣ, въ томъ же самомъ объемѣ, направленіи и въ тѣ же сроки.

ПОДПИСКА ГОДОВАЯ:

Шесть рублей серебромъ въ Москвѣ, а съ пересылкою въ другія мѣста *семь* рублей 50 к. сереб.

Съ требованіями обращаться:

1. Въ самое Общество, или

2. Въ книжный магазинъ Московскаго книгопродавца и Коммисіонера Общества Ивана Григорьевича Соловьева (бывшій Ивана Васильевича Базунова), на Страстномъ бульварѣ, противъ Университетской Типографіи.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

О. М. Бодянскаго.

1868

Іюль — Сентябрь.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.
1868.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

О. М. Бодянскаго.

1868

Іюль — Сентябрь.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.
1868.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

BODLEIAN
P
15 DEC 1965
LIBRARY

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ

ПЕРІОДА УДѢЛОВЪ.

Минувшее и настоящее часто цѣлою бездною отдѣляются другъ отъ друга. Тамъ беззаботность и игры, сдѣсь воля твердая, страсти живыя, помыслы высокіе; тамъ дитя—шалунъ, сдѣсь заботливый отецъ семьи, мужъ высокій доблестями религіозными и гражданскими. Тамъ и сдѣсь, въ настоящемъ и въ прошедшемъ, одинъ и тотъ же человѣкъ, но въ различныхъ образахъ, которые какъ будьто бы принадлежатъ двумъ отдѣльнымъ лицамъ. Тысячи обстоятельствъ, тысячи впечатлѣній неуловимыхъ растили и живили зерно, зароненное въ душу человѣка свыше, и онъ самъ себѣ не даетъ положительнаго отчета, какъ онъ созрѣлъ на радость семьи, славу родины, украшеніе человѣчества.

Еще труднѣе обхватить мыслію то огромное различіе, которое мы находимъ между жизнію народа младенчествующаго и жизнію народа возмужалаго. Теперь Россія первенствуетъ въ системѣ Европейскихъ Государствъ, * двуглавый орелъ ея ширитъ крылья свои надъ тремя частями свѣта, и многіе народы сокрылись подъ тѣнію ихъ; а тамъ, при Рюрикѣ, Игорѣ, Святославѣ, Владимірѣ, эта Россія—младенецъ, едва отбивается отъ полудикихъ сосѣдей своихъ. Какъ предугадать въ этомъ младенцѣ-народѣ его блестящую будущность, его могущество, его первенство? Когда даже развернуты скрижали исторіи нашей, этотъ переходъ Россіи, какъ бы отъ ничтожества, къ роли важной, къ значенію великому въ жизни человѣчества, остается *для насъ* почти загадкою.

---

* *Писано* въ 50-тыхъ годахъ. О. Б.

Не случайно же возникло это Государство-колосъ! Правда, наши ученые думаютъ, что оно обязано своимъ возвышеніемъ Монголамъ, или политикѣ Московскихъ Князей, опиравшихся на руку Монголовъ, но ошибочность подобнаго предположенія, унизительнаго для человѣка и народа, открывается изъ самыхъ простыхъ соображеній. Пуля летитъ, когда сила дѣйствуетъ; столбъ праха держится, когда сила вихря вздымаетъ его; но ослабла сила, пуля падаетъ, прахъ разсыпается. Москва же, послѣ паденія Монголовъ, не останавливается въ своемъ движеніи, возвышается быстро, и мысль о единодержавіи зрѣетъ въ ней, достигая наконецъ блестящаго, можно сказать, безпримѣрнаго развитія въ царствованіе Петра. И что умъ человѣческій, что политика наша, когда расходятся на безгранной поверхности моря свирѣпыя волны, когда развернутся могилой хлябы бездонныя, могучій вѣтръ сорветъ паруса, сломаетъ мачты, и корабль въ дребезги расшибается о подводный камень, о гранитныя скалы? А жизнь духа еще глубже, безграннѣй, могучѣй, нежели самое море. Сорвется она съ якоря вѣры, съ якоря думы, которую духъ носитъ въ самомъ себѣ, обоймется страстями, и тогда ни какая политика, ни какія силы не задержатъ ее въ граняхъ, тогда жизнь—бушующее море и политика—разбитый корабль о гранитныя скалы. Мудрая политика ищетъ силъ не въ себѣ, а въ самой жизни народа. Въ думѣ Божественной смиряются стихіи, и изъ нихъ возникаетъ безконечно дивный міръ; въ думѣ Божественной почіетъ и зрѣетъ жизнь народная. Не случайно, во всякомъ случаѣ, пала сила Казарская; не случайно, при Святополкѣ-Михаилѣ дикіе сосѣди наши, Половцы, отброшены были далеко отъ предѣловъ Государства; не случайно исчезли на берегахъ Непрядвы полчища Мамая: о грудь Русскую разбивалась и сила Казарская, и сила Половецкая, и сила Татарская. Во время междуцарствія врагъ ворвался въ самое сердце земли Русской, и испепеливъ кругомъ города и селы, воцарился на престолѣ Мономаховомъ, попирая завѣтное наше; казалось, пробилъ уже послѣдній часъ родины, и тщетно лили предки кровь свою, защищая самобытность земли Русской. Но духъ жизни носился надъ нами, и искра, ниспавшая свыше въ душу Минина, разрѣшаетъ бурею жизнь родины, и въ этой бурѣ врагъ исчезъ, какъ сонъ: слѣды опустошеній и борьбы всюду, но ясенъ небосклонъ и торжественно воздымается грудь Русская, упиваясь воздухомъ свободы. Не случайно же, по крайней мѣрѣ, все это: сдѣсь

воля разрѣшила за разъ отношенія всѣхъ интересовъ жизни, и перелила ихъ въ чувство глубоко религіозное и въ чувство живой любви къ родинѣ. Не случай жизнь человѣка, а тѣмъ болѣе жизнь цѣлаго и великаго народа. И человѣкъ и народъ — храмъ истинъ Божественныхъ, храмъ любви и вѣры; и великъ, могучъ народъ Русскій сознаніемъ своего назначенія! Петръ одинокъ въ исторіи всемірной: подобнаго Царя не представляютъ ни древній, ни новый міръ, и Петръ принадлежитъ Исторіи Русской: въ немъ говорила, дѣйствовала душа Русская; онъ возникъ въ средѣ жизни Русской: и всѣ великія думы его пали на широкую грудь его родины: она хранитъ ихъ, и это одно уже задогъ великихъ судебъ Россіи въ судьбахъ человѣчества. Но да не гордимся мы своимъ назначеніемъ, а благоговѣйно преклонимся предъ Всевышнимъ, и да совершимъ торжественно-религіозно тотъ путь, на которомъ поддерживаетъ насъ дума свыше. Предъ нами милліоны предковъ, павшихъ съ оружіемъ въ рукахъ, защищая великую святыню, которой храмомъ были они, которой храмомъ должны быть мы, которой храмомъ должно быть Православное Царство Русское.

Гдѣ же храмъ этотъ въ періодѣ Удѣловъ? Гдѣ проблески этой блестящей будущности? Сдѣсь все разбито, разъединено, все враждуетъ между собою.

Рѣзкія противоположности составляютъ отличительную черту сего періода, и этѣ противуположности въ одномъ и томъ же лицѣ, въ одной и той же части Государства. Даются клятвы, и посреди дѣлъ полныхъ благочестія нарушаются; храмы то воздвигаются чувствомъ благоговѣйно-религіознымъ, то святотатственно разрушаются; то льется кровь, то слышится плачъ, молитвы; роздаются имѣнія вдовамъ, сиротамъ, нищимъ, и человѣкъ является отшельникомъ. Общая дума Князей какъ бы притомить поганыхъ Половцевъ, губителей земли Русской: они соединяются противъ нихъ, громятъ земли Половецкія; и этѣ же Князья вводятъ поганыхъ въ Русскую землю и вмѣстѣ съ ними пустошатъ ее. Князья ищутъ власти, стремятся расширить предѣлы владѣній своихъ, и они добровольно уступаютъ части удѣловъ Князьямъ младшимъ, Княгинямъ, Княжнамъ, въ видѣ надѣла, дара, приданаго. Дружины то являются преданными безпредѣльно Князю своему, то возникаетъ посреди ихъ крамола, и они же какъ будто дерзко возстаютъ противъ закона и порядка. Въ

самомъ основаніи Удѣльной системы кроются два положенія, которыя, по видимому, не только не предвозвѣщаютъ величія Россіи, но, напротивъ, стремятся разрушить ее. По первому изъ этѣхъ положеній, каждый потомокъ Княжескаго рода имѣетъ право на особый удѣлъ; по второму старѣйшій Князь обязанъ былъ не только поддерживать права каждаго младшаго Князя, но, съ расширеніемъ собственныхъ владѣній, расширять владѣнія и Князя младшаго. Нарушить этѣ положенія значило вооружить противъ себя и сдѣлаться жертвою времени. Воля Всеволода Ольговича должна была также покориться времени. Сначала Всеволодъ думалъ расширить свои владѣнія въ Кіевской системѣ удѣловъ, но встрѣтилъ въ этомъ сильный отпоръ со стороны Мономаховичей. Когда, на примѣръ, онъ выступилъ войною противъ Андрея Володимировича, и требовалъ отъ него удаленія изъ Переяслава, Андрей отвѣчалъ: «Ты можешъ убить меня, но не изгнать; пока живъ, не оставлю Переяславля». [1] Видя подобное сопротивленіе въ Князьяхъ рода Мономаха, Всеволодъ было измѣнилъ свои намѣренія, и искалъ дружбы сихъ Князей, стараясь угодить имъ; но это вооружило противъ него опять Князей Черниговской системы, его ближайшихъ родственниковъ: они поднялись войною и заставили его удовлетворить ихъ требованія. [2] Когда Ростиславъ Кіевскій, стѣсненный Князьями Черниговской системы удѣловъ, вздумалъ уступить подъ младшимъ Княземъ, племянникомъ своимъ, Мстиславомъ, Переяславъ, Мстиславъ разорвалъ съ нимъ союзъ, сказавъ: «Такъ не мнѣ Переяславль, не тебѣ Кіевъ», и бросилъ въ то же время поле битвы. [3] Андрей Боголюбскій хотѣлъ изгнать Ростиславичей изъ ихъ удѣловъ; но Ростиславичи обидѣлись этѣмъ до такой степени, что одинъ изъ нихъ, Мстиславъ, велѣлъ остричь голову и бороду послу, дерзнувшему передать ему требованіе Андрея: [4] Каждый Князь искалъ

---

[1] Ипат. 16.

[2] Ипат. 18 и 19.

[3] Ипат. 76: Мстиславъ же то слышавъ, иже даетъ подъ нимъ Переяславль, рече: «Да ни мнѣ будетъ Переяславля, ни тобѣ Кіева.» И рекъ, повороти конь Мстиславъ подъ собою, съ дружиною своею, отъ стрья своего».

[4] Ипат. 109: Мстиславъ бо отъ уности навыкъ бяше не уполошитися ни кого же, но токмо Бога единого блюстися; и повелѣ Андреева посла емше, постричи го-

себѣ удѣла, и получалъ его; каждый Князь, при первой возможности, стремился расширить свою власть, свои владѣнія, и отстаивалъ до послѣдняго свои права на удѣлъ, жертвуя для этого общимъ и частнымъ благомъ. Такимъ, образомъ съ постепеннымъ увеличеніемъ членовъ Княжескаго рода, Государство должно было болѣе и болѣе дробиться и перейти наконецъ какъ бы въ помѣщичьи владѣнія. Гдѣ же здѣсь храмъ святыни?... И въ древнія времена, какъ и теперь, Русь была полна вѣры и благоговѣнія къ Царю Царей и къ властителямъ своимъ: нѣтъ различія между тою и другою Русью въ характерѣ быта и жизни; различіе между ними состоитъ единственно въ степени образованности, въ степени развитія понятій о жизни вообще, и преимущественно о жизни Государственной.

Широкимъ, заманчивымъ моремъ раскидывалась предъ юнымъ воображеніемъ предковъ нашихъ природа. Они были поражены величіемъ, таинственностію ея и, какъ дѣти, хотѣли быть вездѣ, видѣть все, и завладѣть всѣми благами міра. По этому мы видимъ ихъ посреди лѣсовъ, полей и водъ; посреди опасностей съ оружіемъ въ рукахъ, ищущихъ золота, серебра, драгоцѣнныхъ каменьевъ, дорогихъ тканей и т. п. Святославу и на яву и во снѣ мечтались богатства земли Болгарской: «Не любо ми есть въ Кіевѣ быти,» говорилъ онъ; «хочю жити въ Переяславцѣ на Дунаи, яко то есть середа земли моей, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, паволоки, вина и овощеве розноличныя; изъ Чехъ же и изъ Угоръ сребро и комони; изъ Руси же скора (мѣха), и воскъ, медъ и челядъ.» Въ этѣхъ словахъ рѣзко выражается время, взглядъ времени на жизнь. Святославъ забываетъ трудъ, опасности, чтобъ только завладѣть Болгаріею, этѣмъ земнымъ раемъ. Мечта его вдохновляетъ и его воиновъ, и въ этой мечтѣ сливается бытіе съ смертію, исчезаетъ весь міръ. Сдѣсь жизнь, сдѣсь поэзія жизни, безотчетное и могучее увлеченіе прелестями міра Божія: они Святослава увлекутъ, или онъ падетъ за нихъ: «Ляжемъ костьми ту», говорилъ онъ дружинѣ въ минуту критическую, «мертвые бо срама не имутъ. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамы, и не имамы

лову передъ собою и бороду, рекъ ему: «Иди же ко Князю своему, и рци ему: «Мы тя до сихъ мѣстъ аки отца имѣли по любви; аже еси съ сякими рѣчьми прислалъ, не акы къ Князю, но акы къ подручнику и просту человѣку, а что умыслилъ еси, а то дѣй, а Богъ за всѣмъ.»

убѣжати, но станемъ крѣпко; азъ же предъ вами пойду. Аще моя глава ляжетъ, вы промыслите о себѣ.» Дружина Святослава была настроена тѣмъ же самымъ чувствомъ: «Идѣже глава твоя, ту и свои главы сложимъ,» былъ отвѣтъ ея Князю. Такъ дико и бурно, по видимому, стремленіе Святослава на лоно богатствъ природы. Но что жь задерживаетъ его посреди страстнаго желанія завладѣть Болгаріею? Она уже была въ его рукахъ послѣ перваго похода, но онъ «вборзѣ всѣде на конѣ съ дружиною своею, и приде Кіеву,» когда Кіевляне, извѣщая его о появленіи Печенѣговъ объ опасности, которая угрожала имъ вмѣстѣ съ матерью Святослава и его дѣтьми, сказали ему чрезъ пословъ своихъ: «Аще не поидеши, ни оборониши насъ, да паки ны возмутъ, аще ти не жаль отчины своея, ни матери стары сущи, и дѣтій своихъ.» [5]

Какъ орелъ, носясь въ поднебесьи, мчится съ добычею въ родимое гнѣздо, къ птенцамъ своимъ, готовый пасть за нихъ: такъ предки наши не разъ уносились далеко отъ родимаго очага, и, стяжая лишеніями и опасностями блага міра, стремились съ богатствами въ родную семью. Семья была для нихъ болѣе, чѣмъ жизнь. Въ ней сознавалось значеніе бытія человѣка, даже бытія міра: она храмъ, святыня. Для нея блага міра, для нея всѣ силы, всѣ помыслы, для нея молитва, вся жизнь. Чувство семейное двигаетъ всѣми дѣлами періода удѣловъ; оно говорило въ Князьяхъ, въ дружинахъ, въ народѣ. Въ этомъ чувствѣ миръ, и нѣтъ ни войны, ни тревогъ, и всѣ противуположности, о которыхъ мы говорили сейчасъ, исчезаютъ въ немъ сами собою.

Чувствомъ семейнымъ опредѣляются отношенія къ природѣ, къ Богу, къ людямъ. Свершаетъ ли въ пространствѣ небесномъ свой дивный путь комета; теряетъ ли солнце въ затмѣніи свой свѣтъ, тьма разстилается и посреди дня мерцаетъ звѣздное небо: это не вѣстники мудрости Божественной, исполняющей жизнію всю вселенную, каждую точку безконечнаго пространства, а вѣстники несчастія того или другаго Князя, той или другой страны. Подобный взглядъ и на другія явленія природы. Вьется, на прим., стая орловъ надъ дружи-

---

[5] Лавр. 28 и слѣд.

нами Княжескими: это предвѣстники несомнѣннаго успѣха. Всѣ явленія такимъ образомъ уясняются. Ихъ значеніе только около лица, семьи, подвластной Князю страны; ими Божество высказываетъ или гнѣвъ, или милость свою Князю и его близкимъ и подданнымъ. [6] Семья чувствуетъ надъ собой во всемъ и вездѣ промыслъ, или гнѣвъ, Божественный, и въ радостномъ трепетѣ, или смущенная, падаетъ ницъ предъ Всемогущимъ, возносится молитвами, дѣлаетъ жертвы, приношенія и воздвигаетъ храмъ за храмомъ, въ ознаменованіе ли милостей къ ней Божіихъ, или въ умилостивленіе Божества; разливаетъ любовь на весь подвластный ей кругъ; а въ то же время, руководимая тѣмъ же чувствомъ, тѣмъ же взглядомъ, стремится, если позволятъ такъ выразиться, поглотить, присвоить себѣ весь міръ и лишить его самобытнаго существованія. Тотъ же взглядъ въ отношеніи къ людямъ: или членъ семьи, или другъ, или данникъ, или врагъ. Семья желаетъ замкнуться въ самой себѣ со всѣми благами и святынями міра: и святыни и всѣ блага міра для нея и въ ней. Ударъ, который падаетъ на нее, падаетъ на святыни, которыя она носитъ въ нѣдрахъ своихъ, и этотъ ударъ слышится ей во всемъ міросданіи. Подобнымъ сознаніемъ, сколько бы оно ни было темно и грубо, отецъ семьи, глава семьи, невольно возвышается въ глазахъ собственныхъ, въ глазахъ подвластныхъ ему. По этому права его, права его семьи, должны были быть обширны, свято храниться, и всякое обстоятельство, которое нарушало жизнь въ семейномъ чувствѣ, не могло не ложиться тревогой на душу, и не вызывать на дѣла кровопролитныя и даже жестокія.

Княгиня Ольга, узнавъ о несчастной кончинѣ Игоря, потеряла, казалось, все въ мірѣ, забыла наслажденія жизни домашней. Ни Древлянскій Князь Малъ, ни Императоръ Греческій, не успѣли привлечь ее, овладѣть ея рукою, по разсказу лѣтописца: она полна тоски, тревоги, и эта тревога высказывается тремя страшно кровавыми признаками, въ которыхъ погибли виновники смерти ея мужа и сожженъ Коростень. Самое даже принятіе Ольгою Христіянской религіи, быть можетъ, было слѣдствіемъ той же тревоги души, которая, не успокоившись гибелью враговъ, искала утѣшеній въ исти-

[6] Ипат. 3, 90, 105, 147, 183 и др.

нахъ высокихъ и святыхъ Христіянской религіи; по крайней мѣрѣ, на этотъ религіозный путь чувство семейное вело другихъ Княгинь нашихъ, которыя, потерявъ мужей, отказывались отъ міра и удалялись въ монастырь. И не то ли же семейное чувство говорило въ междуусобныхъ войнахъ Князей нашихъ? Не оно ли, подобно перекатамъ грома, встревоженное въ самомъ себѣ, переливалось изъ тона въ тонъ и разражалось иногда бурею въ жизни народной?

Свенельдъ не былъ покоенъ, пока не погибъ Ярополкъ, виновникъ смерти сына его. [7] Неуваженіе воли старѣйшаго Князя въ родѣ, обнаруженное Глѣбомъ и Ярославомъ, вооружило противъ нихъ Владиміра Мономаха. [8] Многолѣтняя и упорная война Святослава Ольговича была плодомъ глубоко оскорбленнаго родственнаго чувства. На требованіе Давидовичей, чтобъ онъ удалился изъ Новгорода въ Путивль, а брата своего оставилъ заключеннымъ въ темницѣ, въ рукахъ Изяслава, Святославъ отвѣчалъ: «Ни волости хочю, ни иного чего, развѣ толико пустите ми брата!» [9] и когда Давидовичи повторили требованіе относительно Игоря, соглашаясь оставить за нимъ Новгородъ, Святославъ прослезился, говоритъ лѣтопись, и, лишенный всѣхъ средствъ вырвать брата изъ рукъ Изяслава, не опускаетъ меча: становится подъ руку Георгія Суздальскаго; кланяется ему, признаетъ его отцемъ своимъ и молитъ за брата: «Брата ми, Всеволода, Богъ поялъ, а Игоря Изяславъ ялъ; а пойди въ Рускую землю Кіеву, милосердовавъ, налѣзи ми брата!» [10] Участіе въ скорби Святослава съ одной стороны, съ другой нарушеніе Изяславомъ его собственныхъ семейныхъ правъ, вооружаетъ Георгія противъ послѣдняго. Тогда возникаетъ рядъ войнъ жестокихъ, которыя, обнявъ всѣ системы удѣловъ и вводя не разъ полчища Вентровъ и Половцевъ въ Государство, опустошали его по всѣмъ направленіямъ. Тотъ же Георгій, сдѣлавшись Кіевскимъ Княземъ, сосредоточилъ силы двухъ системъ

---

[7] Кенигсб. 66. «И моляше всегда Ярополку Свенальдъ: «Пойди на братъ свой, пріими волость его!» хотя отомстити сыну своему.»

[8] Ипат. 7.

[9] Ипат. 25.

[10] Тамъ же 25.

и повелъ ихъ противъ Мстислава Изяславича, Владимірскаго Князя, увлеченный къ тому не общимъ благомъ, а чувствомъ семейнымъ, и именно исполняя этѣмъ только обѣтъ, данный имъ брату своему, Андрею, покровительствовать его сыну и удержать за нимъ Владиміръ: «Сыну!» говорилъ Георгій сему послѣднему, возвращаясь уже въ Кіевъ послѣ неудачнаго похода противъ Князя Волынскаго, «азъ есмь съ твоимъ отцемъ, а съ своимъ братомъ, Андреемъ, хрестъ цѣловалъ на томъ, яко кто ся наю (изъ насъ) останетъ (останется въ живыхъ), то тый (тотъ) будетъ обоимъ дѣтемъ отецъ и волость удержати, а потомъ къ тобѣ хрестъ цѣловалъ есмь имѣти тя сыномъ собѣ и Володимиря ти искати; нынѣ же, сыну, аче ти есмь Володимиря не добылъ, а се ти волость;» и «да ему, говоритъ лѣтописецъ, Дорогобужъ и Пересопницю и всѣ Погоринскіе городы. [11] Володарь, за ослѣпленіе брата своего, Василька, несъ смерть и опустошенія въ область Давидову. [12] Потускнѣлъ ликъ Андрея Боголюбскаго, говоритъ намъ лѣтопись, когда Мстиславъ оскорбилъ въ немъ чувство родственности, и пятидесятитысячное войско шло наказать дерзкаго племянника и его непослушныхъ братьевъ, Рюрика и Давида. Однимъ словомъ, разбирая причины войнъ періода удѣловъ, до явленія Татаръ, мы видимъ единственнымъ ихъ источникомъ встревоженное семейное чувство, или въ Князьяхъ, или въ самомъ народѣ. Конечно, были исключенія, но этѣхъ исключеній не много.

По этому исторія междоусобій періода удѣловъ должна представить намъ не картину нескончаемыхъ войнъ, а картину переливовъ семейнаго чувства. Но гдѣ взять факты для этой картины? Выдумывать? Превращать исторію въ романъ? Ни мало! Въ лѣтописяхъ разбросано множество фактовъ, которые обрисовываютъ бытъ того времени: только соберите этѣ факты, вникните въ нихъ пристальнѣе, и многія темныя и безжизненныя сказанія нашихъ лѣтописей получатъ живое значеніе въ исторіи родины. Лѣтописцы передавали то, что видѣли, или слышали, не углубляясь въ начала событій, и мы, читая ихъ, бродимъ по обломкамъ жизни былой, и громоздя

[11] Ипат. 80.

[12] Кенигсб. 161.

обломки на обломкахъ, по указаніямъ лѣтописцевъ, не созидаемъ еще самой исторіи. Мы не можемъ, мы не должны, ограничиваться въ исторіи фактами лѣтописей о томъ или другомъ событіи: сказаніе лѣтописца, при всей полнотѣ своей, не самое событіе, а это событіе не дума, не чувства, которыя возродили и поддерживали его. Многія изъ событій, передаваемыхъ лѣтописцами о жизни общественной, какъ повтореніе, и при томъ слабое, одного и того же начала, могутъ быть даже совершенно опускаемы историкомъ; за то факты, которые, сами по себѣ хотя ничтожные, не имѣющіе ни какого прямаго и существеннаго вліянія на жизнь общественную, но обрисовывающіе духъ времени, основныя начала жизни, должны составлять драгоцѣнность для историка.

До сихъ поръ, описывая періодъ Удѣловъ, наши историки, къ сожалѣнію, останавливали вниманіе на одномъ ходѣ событій, не опредѣляя сохранившимися красками старины основныхъ началъ, въ коихъ пребывала жизнь, къ сожалѣнію, со всѣми своими разнообразными явленіями, и безъ коихъ она видимо сдѣлалась бы хаосомъ и погасла бы мгновенно. Не зная силы и характера этѣхъ началъ, мы никогда не поймемъ самой жизни, и никогда не поймемъ періода удѣловъ, не опредѣливъ силы и характера семейнаго въ то время начала. Трудъ этотъ обширенъ, но безъ него вся жизнь періода удѣловъ будетъ, какъ прахъ безъ души, превратится въ безжизненную, хотя снятую по всѣмъ правиламъ искуства, картину, гдѣ всѣ части въ отдѣльности какъ будто бы совершенно схожи съ натурой, но въ цѣломъ, а слѣдовательно и въ частяхъ, отсутствуетъ выраженіе живаго подлинника, отсутствуетъ и мысль и чувство, и свѣжесть жизни, исполняющія натуру. А сколько, сколько мы имѣемъ данныхъ и въ лѣтописяхъ и въ преданіяхъ, чтобы видѣть, что семейное чувство двигаетъ всѣми событіями періода удѣловъ, господствуетъ въ немъ, и, развиваясь все болѣе и болѣе, созидаетъ будущее великаго Государства въ системѣ другихъ Государствъ, непоколебимое въ вѣрѣ своей и въ преданности къ престолу, Государство съ характеромъ чистымъ, высокимъ. Слѣдующіе факты въ этомъ отношеніи должны быть для насъ драгоцѣнны.

Предъ нами, на примѣръ, старецъ Кіевскій, Князь Святославъ Всеволодовичъ. Онъ недоволенъ, что младшій Князь, Игорь Святосла-

вичъ, безъ вѣдома его, съ братомъ своимъ, Всеволодомъ, открылъ походъ на Половцевъ, походъ, который разрушилъ планы его и плоды прежнихъ побѣдъ надъ этѣми полудикими, тревожными сосѣдями; но гдѣ же это недовольство, гдѣ планы Святослава, когда онъ получилъ вѣсть, что вся Игоря дружина улеглась костьми въ степяхъ Половецкихъ, и самъ Игорь въ плѣну? Святославъ, при этой вѣсти, «вельми воздохнувъ», говоритъ лѣтопись, «утеръ слезъ своихъ, и рече: «Да како жаль ми бяшетъ на Игоря.. тако нынѣ жалую (сожалѣю) больши по Игорѣ братѣ моемъ.»[13] Самъ Игорь Святославичъ, во время битвы, видя неминуемое истребленіе дружины и усиленную борьбу брата своего, Всеволода, этого буй-тура, по сказанію пѣвца XII столѣтія, искалъ въ битвѣ смерти, чтобъ только не видать гибели брата.[14] Потомъ уже въ плѣну у Половцевъ, задумываясь о прошедшемъ, онъ исполняется тоскою, но только не о самомъ себѣ, а о близкихъ ему, которыхъ погубили его юныя отважныя мечты, извѣдать славы воинской въ степяхъ Половецкихъ, и Игорь, говоритъ себѣ: «По что азъ единъ повиньный не пріяхъ страсти за вся си!»[15] «И бысть скорбь и туга люта, говоритъ лѣтопись, яко николи же не бывала во всемъ Посемьи и въ Новѣгородѣ Сѣверьскомъ и по всей волости Черниговьской,» когда узнали о истребленіи дружинъ Игоря и брата его: «Князи изыманы и дружина изымана, избита,» продолжаетъ лѣтопись, «и мятяхуться аки въ мотви, городи воставахуть и не мидо бяшеть тогда комуждо свое ближнее, но мнозѣ тогда отрекахуся душъ своихъ, жалующе (сожалѣя) по Князихъ своихъ.[16] Сдѣсь, въ стонѣ любви, гаснетъ другое чувство, гаснутъ страсти. Вотъ факты о томъ же чувствѣ любви, въ самомъ себѣ. Святославъ, когда-то юный и смѣлый,

---

[13] Ипат. 132.

[14] «Добри бо вси бяхуться, идуще пѣши, и посредѣ ихъ Всеволодъ не мало мужьство показа. И яко приближися Игорь къ полкомъ своимъ, и переѣхаша поперекъ, и ту яша, единъ перестрѣлъ одалѣ отъ полку своего. Держимъ же Игорь (плѣненный), видѣ брата своего, Всеволода, крѣпко борющася, и проси души своей смерти, яко дабы не видѣлъ паденія брата своего.»

[15] Ипат. 131.

[16] Тамъ же, 132.

на краю могилы: гдѣ же дума его? Собравъ послѣднія силы, онъ ѣдетъ въ Вышгородъ, чтобъ облобызать раку мучениковъ Бориса и Глѣба и поклониться останкамъ отцовскимъ; даже въ часъ смерти мысль объ отцѣ не оставляетъ его, онъ вспоминаетъ день смерти родителя, который около пятидесяти лѣтъ лежалъ уже въ могилѣ. [17] Любовь семейная связывала и духъ съ духомъ, и прахъ съ прахомъ. Ярославъ Володимировичъ говорилъ сыну своему, Всеволоду: «Когда Богъ пріиметъ отъ тебя душу, то прахъ твой пусть ляжетъ подлѣ моего праха, понеже люблю тебя паче братіе твоей.» [18] Тотъ же Ярославъ выкапываетъ кости дядей своихъ, Ярополка и Олега, чтобъ чрезъ крещеніе пріобщить того и другого къ жизни собственной, къ жизни всѣхъ Православныхъ родичей ихъ, и потомъ успокоиваетъ останки въ храмѣ Св. Богородицы. Ростиславъ Мстиславичъ также не хотѣлъ нигдѣ положить прахъ свой, какъ только подлѣ праха предковъ: «Не могу здѣсь лечи, повезите мя Кыеву; аще мя Богъ отъиметь на пути, то положите мя въ отни благословеньи, у Св. Ѳедора» (въ Кіевѣ), отвѣчалъ онъ сестрѣ, когда сія послѣдняя уговаривала его больнаго остаться въ Смоленскѣ до выздоровленія. [19] Такъ дума Князей и въ часъ смерти носится около родины, около праха предковъ

---

[17] «Святославъ же (уже больной), пришедъ въ Кыевъ, и ѣха къ Вышегороду, въ пятницю поклонитися Святымъ Мученикомъ, и влѣзъ во церковь, со слезами облобыза святую раку; и по семъ же приде ко отни гробници, и хотѣ внити по обычаю; попови же отшедшю съ ключемъ; Святославъ же не дождавъ, и ѣха, не любоваше во умѣ своемъ, яко не поклонися отню гробу, и пріѣха Кыеву... въ недѣлю же (въ воскресенье)... не може ѣхати съ нонаго двора... Сего же болми охудѣваюци силѣ и отемняюци языкъ, и возбнувъ, и рече ко Княгинѣ своей: «Коли будетъ, рче, Святыхъ Маковѣй?» Она же: «Въ понедѣльникъ.» Князь рче: «О не дождочю ти я того;» бяшетъ бо отецъ его, Всеволодъ, во день Святыхъ Маковѣй пошелъ къ Богови. Княгини же усмотрѣвши, яко ино видѣніе видѣ нѣкако Князь ея, нача прошати; онъ же, не повѣдавъ ей, и рче: «Азъ вѣрую во единого Бога.» И веля ся постричи въ черньцы.... преставися.» Ипат. 143.

[18] Любимъ бѣ отцемъ своимъ, яко глаголати отцу къ нему: «Сыне мой! благо тебѣ будетъ, яко слышу о тебѣ кротость, и радуюсь, яко ты покоиши старость мою. Аще ти подастъ Богъ пріяти власть стола моего по братьи своей со правдою, а не насильствомъ, то егда отведеть тя Богъ отъ житія сего, то ляжеши, идѣже азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче братьи твоей.» Кенигс. 133.

[19] Ипат. 94.

и близкихъ своихъ. Вся жизнь, вся прелесть жизни, сознается въ семейномъ чувствѣ, черезъ семью. Андрей, сынъ Мономаха, хотѣлъ лучше погибнуть, нежели оставить родовый свой городъ, свою наслѣдственную Переяславльскую волость. [20] Глѣбъ Рязанскій, захваченный Всеволодомъ въ плѣнъ, томясь въ темницѣ, говорилъ, что умереть или отказаться отъ родоваго города, одно и то же, и, оставаясь вѣрнымъ себѣ, умираетъ въ темницѣ. [21] Мстиславъ Ростиславичъ отказывается отъ почестей сидѣть на престолѣ Новгородскомъ, баюкаясь тоже въ колыбели семейнаго чувства: «Не могу ити изъ отчины своее, и со братьею своей розойтися», былъ отвѣтъ его Новгородцамъ, и нужны были усиленныя убѣжденія братьевъ, чтобъ онъ рѣшился оставить Кіевскія области; но, и оставляя ихъ, онъ говорилъ, въ душѣ своей, по сказанію лѣтописца, что до тѣхъ поръ, пока хранитъ его Богъ, онъ не забудетъ милой отчины своей, земель Кіевскихъ. [22]

Отеческая заботливость старшаго о младшихъ; благословеніе предъ старѣйшимъ членомъ семьи, чувство любви между остальными членами, готовое, въ случаѣ нужды и на великія пожертвованія, не только не гаснутъ среди борьбы, но напротивъ живѣй, могучѣй и яснѣй пробуждаются во взаимныхъ неудовольствіяхъ, недоразумѣніяхъ и распряхъ. «Не буди ми взяти руки на брата своего старѣйшаго: аще отецъ мой умре, то сей будетъ мнѣ въ отца мѣсто,» былъ отвѣтъ Бориса, когда отцовская дружина предлагала ему, мимо Святополка, старѣйшаго

---

[20] «Пришедъ же Всеволодъ къ Переяславлю, хотѣ выгнати Андрея, а брата своего посадити, Андрееви рекуче: «Курьску изволи ити!» И Андрей тако рече, съдумавъ съ дружиною своею: «Лѣпьши ми того смерть и съ дружиною на своей отчинѣ и на дѣдинѣ взяти, нежели Курьское Княженіе. Отецъ мой Курьскѣ не сидѣлъ, но въ Переяславли; хочю на своей отчинѣ смерть пріяти.... а хощеши сея волости, а убивъ мене, а тобѣ волость, а живъ не иду изъ своей волости....» и посла Всеволодъ брата своего, Святослава, съ полкы къ Переяславлю, и усрѣтоша Андреева дружина, и бишася съ нимъ; и поможе Богъ Андрееви...» Ипат. 16.

[21] «Рекъ бяше Святославъ (ходатайствуя предъ Всеволодомъ за Глѣба): оже пустить Глѣба, пойдеть въ Русь; но Глѣбъ рече: Луче сдѣ умру, не иду.» Тогда же Князь Глѣбъ мертвъ бысть.» Ипат. 119.

[22] Ипат. 120. «Аще Богъ приведеть мя здороваго дни сія, то не могу ни како же Руской землѣ забыти.»

Князя, престолъ Кіевскій. [23] Владиміръ Мономахъ на сеймѣ съ Святополкомъ Изяславичемъ, въ присутствіи дружинъ, безмолствуетъ предъ старѣйшимъ, хотя дума его была не о себѣ, а о благосостояніи отчины, дума, которою онъ желалъ вдохновить и Святополка, и его дружину, и дружину свою собственную, и начинаетъ рѣчь не иначе, какъ съ дозволенія Святополка: «и бывшу молчанью», говоритъ лѣтопись, и рече Володимеръ: «Брате! ты еси старѣй: почни глаголати, како быхомъ промыслили о Русской земли.» И рече Святополкъ: «Ты почни!» [24] Замѣчательны также, въ этомъ отношеніи, предсмертныя слова Ярослава къ своимъ дѣтямъ: «Пребывайте мирно, братъ брата послушающе. Се же поручаю въ себе мѣсто столъ сыну своему и брату вашему, Изяславу (старѣйшему изъ нихъ) Кіевъ; сего послушайте, яко же послушасте мене, да и той вы будетъ въ отца мѣсто». [25] Не смотря на всѣ распри, которыя возникли послѣ смерти Ярослава между дѣтьми его, этотъ завѣтъ отца не остался втунѣ: меньшій братъ, Всеволодъ, чтилъ въ Изяславѣ старѣйшаго своего, а Изяславъ былъ ему вторымъ отцомъ. Вотъ одинъ фактъ изъ жизни послѣдняго, и онъ одинъ достаточно опредѣляетъ отношенія Изяслава къ меньшимъ братьямъ. Когда Всеволодъ, изгнанный Князьями, Борисомъ и Глѣбомъ, изъ Чернигова, явился къ Изяславу въ Кіевъ и просилъ о помощи, отвѣтъ Изяслава былъ слѣдующій: «Брате, не тужи: видиши ли, колико ся мнѣ сключи? Первое не выгнаша ли мене, и имѣнье мое разграбиша? и паки кую вину вторую створихъ бѣхъ, не изгнанъ ли бѣхъ отъ ваю, брату своею, не блудилъ ли бѣхъ по чюжимъ землямъ, имѣнья лишенъ бѣхъ, а не створихъ зла ни что же? И нынѣ, брате, не туживѣ: аще будетъ нама причастье въ Руськѣй земли, то обѣма; аще лишена будевѣ, то оба; азъ сложу главу свою за тя»; [26] и этотъ отвѣтъ Изяславъ подтвердилъ дѣломъ, сложивъ главу свою за Всеволода. Чувство семейное, удовлетворенное въ са-

---

[23] Кенигсб. 94.

[24] Ипат. 1.

[25] Кенигсб. 114.

[26] Лаврент. 86.

момъ себѣ, забываетъ всѣ расчеты, наслаждается счастіемъ, разливая на кругъ свой любовь, миръ и счастіе. Изяславъ, внукъ Мономаха, сынъ Мстислава, открыто враждуетъ съ дядей своимъ, Георгіемъ; но когда сынъ послѣдняго, Глѣбъ Георгіевичъ, приходитъ поклониться ему, какъ брату и отцу, Изяславъ принимаетъ его дружески и, вина Георгія въ непріязненныхъ отношеніяхъ, угощаетъ Глѣба обѣдомъ, увѣряетъ его въ дружбѣ, и, отпуская къ отцу, даетъ ему въ провожатые своего сына съ дружиною. [27] Столь же дружески высказался Изяславъ еще прежде того къ другому сыну Георгія, во время той же вражды противъ сего послѣдняго: не получая отъ отца особаго удѣла, Ростиславъ Георгіевичъ идетъ поклониться Изяславу, отдавая себя въ любовь его: «Отецъ мя», говоритъ онъ Изяславу, переобидилъ и волости ми не далъ; и пришелъ есмь, нарекъ Бога и тебе, зане ты еси старѣй навъ въ Володимирихъ внуцѣхъ, а за Руськую землю хочю страдати и подлѣ тебе ѣздити». Отвѣтъ на это Изяслава выражаетъ, съ одной стороны, непріятность ссоры его съ Георгіемъ, съ другой любовь и полную готовность къ миру: «Всихъ васъ старѣй отецъ твой, но съ нами не умѣетъ жити, а мнѣ дай Богъ васъ, братью свою, всю имѣти и весь родъ свой въ правду, ако и душю свою; нынѣ же аче отецъ ти волости не далъ, а язъ ти даю»; и назначаетъ ему пять городовъ: Бужскый, Межибожіе и др. [28] По этому-то случалось, что загоралась война, и погасала почти безъ кровопролитій: поклонъ старѣйшему Князю, предоставленіе себя въ

6.

[27] «Въ то же время Глѣбъ стояше выше города Пересопницы, на Стублѣ, товары; и оттуда одна утече самъ Глѣбъ въ городъ, а товары его взяша, и дружину его изимаша, и конѣ его заяша, иную дружину его заѣхаша отъ города, и не бѣ съ кимъ стояти противу ему (Изяславу). Выслажъ же Глѣбъ и рече Изяславу: «Ако ми Гюрги отець, тако мнѣ и ты отець, а язъ ти ся кланяю; ты ся съ моимъ отцемъ самъ вѣдаешь, а мене пусти къ отцю и цѣлуй ко мнѣ Св. Богородицу, яко мене не примеши, но пустиши мя къ отцю своему; а язъ къ тобѣ самъ поѣду и поклонюся.» Изяславъ же цѣлова къ нему Святую Богородицю, и рече ему: «Вы мнѣ братья своя; до васъ нѣту рѣчи ни коея же, но обидитъ мя твой отець, а съ нами не умѣетъ жити.» Глѣбъ же выѣха и поклонися Изяславу. Изяславъ же позва и къ собѣ на обѣдъ, и ту обѣдавъ, и оттуда поя съ собою до Дорогобужа, и ту приставя къ нему сына своего, Мьстислава, до Коречьска; и тако проводивъ и за Корческъ.» и пр. Ипат. 49.

[28] Ипат. 39.

любовь его, однимъ словомъ успокоеніе раздраженнаго семейнаго чувства, прекращаетъ враждебныя отношенія между Князьями, и они, успокоенные, располагаются на уступки, на жертвы. Чтобъ обезоружить Владиміра Мономаха, Глѣбу и Ярославу, о коихъ мы упомянули выше, достаточно было выйти и поклониться Князю старѣйшему. [29] Точно также примирился Георгій съ Ростиславомъ: первый вошелъ уже съ дружинами въ Княжество Смоленское, Ростиславъ выступилъ противъ него съ своими дружинами: война загоралась; но Ростиславъ посылаетъ посла къ Георгію, съ словами: «Отче! кланяю ти ся: ты переди до мене добръ былъ еси, и азъ до тебе; а нынѣ кланяютися, стрый ми еси, яко отець»; и Георгій, не помяня злобы брата его (Изяслава), какъ сказано въ лѣтописи, отда ему гнѣвъ,» называя его своимъ братомъ и сыномъ. [30] Слова Изяслава: «Ты мнѣ отець: люблю тебя, чту тебя, какъ отца,» пріятно падаютъ на душу Вячеслава, заставляютъ забыть справедливый гнѣвъ, съ которымъ онъ встрѣтилъ Изяслава, пріѣхавшаго поклониться ему изъ Кіева въ Вышгородъ, забыть всѣ оскорбленія, нанесенныя ему Изяславомъ: торжественная клятва, при честномъ крестѣ, соединяетъ Вячеслава съ Изяславомъ, какъ отца съ сыномъ, и эта клятва, не смотря на всѣ обстоятельства, не была нарушена. Изяславъ чтилъ слово, совѣты, распоряженія Вячеслава въ продолженіи всей жизни, и готовъ былъ съ своей дружиною на берегахъ Руты положить за него свою голову: Вячеславъ ввѣрилъ ему управленіе Княжествомъ; смотрѣлъ на брата Изяславова, Ростислава, какъ на своего сына; не хотѣлъ слушать меньшаго своего брата, врага Изяславова, Георгія, когда сей послѣдній предлагалъ ему миръ; признавалъ его отцемъ, чтобъ только удалить отъ него Изяслава: «У тебе сыновъ 7», говорилъ онъ Георгію, «а язъ ихъ отъ тебе не отгоню, а у мене едина два сына, Изяславъ и Ростиславъ, а иніи моложьшіи суть же; но я,

---

[29] «И нача ся молити Глѣбъ Володимеру, шля отъ себе послы. Володимеръ же съжалися тѣмъ, оже проливаштеться кровь въ дни постъныя великого поста, и вдасть ему миръ; Глѣбъ же, вышедъ изъ города съ дѣтми и съ дружиною, поклонися Володимеру, и молвиша рѣчи о мирѣ, и обѣщася Глѣбъ по всему послушати Володимера. Володимеръ же, омиривъ Глѣба и наказавъ (наставивъ) его о всемъ, вдасть ему Менескъ, а самъ възвратися Кіеву.» Ипат. 7.

[30] Ипат. 77.

брате, тобѣ молвлю, Рускы дѣля (ради) земля и Хрестьянъ дѣля, поѣди же у свой Переяславль и въ Курескъ, и съ своими сыны, а опамо у тебе Ростовъ Великій, а Ольговичи пусти домови, а сами ся урядимъ, а крови Хрестьянскы не продеймы; пакы ли по своему замыслу поидеши, ако же еси и поѣхалъ», «и озряся», говоритъ лѣтопись, «на Святую Богородицю, яже есть надъ Золотыми вороты», продолжалъ: «а тої ны Пречистѣй Госпожи судити съ сыномъ своимъ и Богомъ нашимъ въ сій вѣкъ и въ будущій.» [31] И когда Изяславъ умеръ, плакала по немъ вся Русская земля, но въ особенности Вячеславъ, который, взирая на прахъ когда-то пылкаго Изяслава, не могъ не выразить горя объ утратѣ слѣдующими словами, весьма простыми, но въ которыхъ проглядываетъ отеческое чувство: «Сыну! то мое было мѣсто, но предъ Богомъ не что учинити». [32] Наклонность къ миру, стремленіе на лоно любви, замѣтно такимъ образомъ всюду даже посреди самой вражды, междоусобій; и семейность кладетъ печать свою на всѣ событія того времени.

Образъ сношенія Князей между собою носитъ на себѣ печать семейной любви: «брате, сыну, отче,» или, «свате», были обыкновенныя наименованія, коими Князья привѣтствовали другъ друга, посреди мира и войны, и тѣ же наименованія употребляются ими даже въ сношеніяхъ съ иностранными Государями; и этѣ наименованія имѣли въ то время полный смыслъ, опредѣляли отношенія однихъ Князей къ другимъ. Сынъ повинуется отцу, содѣйствуетъ ему въ его предпріятіяхъ и совѣтуется съ нимъ въ предпріятіяхъ своихъ. Отецъ заботится о выгодахъ сына, поддерживаетъ его въ его владѣніяхъ посредничествомъ, совѣтомъ и дружиною. Въ этѣ формы стремится заключиться удѣльная система. Всѣ Князья раздѣляются, такимъ образомъ, на отцевъ и дѣтей, и какъ дѣти, въ свою очередь, могутъ имѣть свои семьи, такъ Князья младшіе были, въ свою очередь, въ отношеніи другихъ старѣйшими и назывались отцами сихъ послѣднихъ. На прим.: Ростиславъ признаетъ Георгія своимъ отцемъ, и самъ признается отцомъ Князьями Рязанскими, между которыми былъ опять свой старѣйшій Князь, и, слѣдовательно, отецъ подчинен-

[31] Ипат. 61.

[32] Тамъ же 74.

ныхъ ему Князей. Кому повинуется, въ чьей рукѣ состоитъ старѣйшій Князь, тому повинуются и Князья младшіе, хотя и не непосредственно. Вообще отношенія Князей между собою были не что иное, какъ приложеніе отношеній семейныхъ къ быту общественному. Большее или меньшее развитіе семейнаго начала, семейнаго чувства, большее или меньшее сознаніе своевременныхъ событій, давали болѣе или менѣе блестящее развитіе самой удѣльной системѣ въ отношеніяхъ Княжескихъ.

Такъ глубоки слѣды семейности во всей жизни періода удѣловъ; но, подобно морю, однако жь, волнуется тогда земля Русская: ближайшая цѣль каждой семьи поддерживать честь своего рода, собрать блага міра для своихъ ближнихъ, ивъ этомъ стремленіи нарушается покой общій: но исходъ этой борьбы опять въ семейномъ чувствѣ.

Князья не могли смотрѣть на Государство, какъ на живой органъ воли Провидѣнія къ развитію божественной истины въ человѣчествѣ: они смотрѣли на него, какъ на отчину, на наслѣдіе отцовъ своихъ; такой, по крайней мѣрѣ, господствующій характеръ періода удѣловъ. Отсюда-то вытекало первое положеніе удѣльнаго начала, по коему каждый потомокъ Княжескаго рода долженъ имѣть особый удѣлъ въ Государствѣ, какъ каждое частное лице въ наслѣдіи предковъ. Отсюда же вытекало и второе и третье положеніе онаго, въ силу коихъ старѣйшій въ родѣ (какъ это сохранилось и до нынѣ, хотя только въ простомъ быту) пользовался преимущественнымъ правомъ на главный или Великокняжескій престолъ, и, пользуясь особеннымъ уваженіемъ отъ Князей младшихъ, замѣнялъ имъ отца, защищая ихъ и покровительствуя имъ. Отсюда же непосредственно истекало, что младшіе Князья находились подъ рукою Князей старѣйшихъ и должны были содѣйствовать въ ихъ предпріятіяхъ. Изяславъ съ огромными средствами не могъ ни чего сдѣлать противъ этого закона старѣйшинства, непосредственно исшедшаго изъ быта семьи, не смотря на свой духъ вполнѣ воинственный, не смотря даже на чрезвычайную дѣятельность и твердость свойствъ. Онъ не опускалъ меча въ продолженіи всего своего княженія: его жизнь—рядъ войнъ, посреди которыхъ лилась кровь и пустошились города и села отъ Новгорода до Курска и отъ Ростова и Мурома до Галича, и все отъ того, что не хотѣлъ ходить въ волѣ старѣйшаго, отъ того, что хотѣлъ бороться

съ самимъ временемъ, хотя все таки принужденъ былъ болѣе или менѣе уступить ему. Утомляясь борьбою, не видя выгоднаго исхода ея для себя, онъ сокрылся наконецъ подъ тѣнію старѣйшинства Вячеслава, старшаго брата Георгія, и призналъ его своимъ отцемъ. Чтобъ яснѣе видѣть торжество семейнаго чувства въ этомъ признаніи Изяслава, мы приводимъ подлинные слова лѣтописца: «Изяславъ съ боляры своими ѣха къ Вячеславу Вышегороду, и рече Изяславъ Вячеславу: «Ты ми еси отець, а се ти Кіевъ, а се волость, которая тобѣ вгодно, то возьми, а иное мнѣ вдай!» Вячеславъ же рече съ гнѣвомъ Изяславу: «Чему ми еси во ономъ дни не далъ, но съ великомъ соромомъ ѣхалъ изъ Кіева? Аже рать идеть изъ Галича, а другая изъ Чернигова, то ты мнѣ Кіевъ даешь.» Изяславъ же рече Вячеславу: «Азъ есмь къ тобѣ слалъ, а Кіевъ тобѣ дая, и то ти есмь являлъ, съ тобою могу быти, а съ братомъ твоимъ, Гюргемъ, не управити ми есть, но тебе люблю акы отца, и нынѣ ти молвлю: «Ты ми еси отець, а Кіевъ твой, поѣди въ оны!» Вячеславъ же то слышавъ, и любо бысть ему, и та цѣловаста крестъ у Святую Мученику на гробѣ, на томъ: Изяславу имѣти отцемъ Вячеслава, а Вячеславу имѣти сыномъ Изяслава».... [33]

По этому Государство распадалось на удѣлы, а чувство семейное держало его въ общемъ родственномъ союзѣ Князей; но это единство Государства въ союзѣ Князей было, по видимому, единство мнимое: въ томъ же семейномъ чувствѣ, преобразовавшемся въ чувство племенное или областное, лежала жизнь самаго народа.

Къ приходу Рюрика предки наши раздѣлены были этѣмъ чувствомъ на племена или области. Даже въ послѣдствіи, когда исчезли имена Древлянъ, Полянъ, Радимичей, Вятичей, Полочанъ, Сѣверянъ, племенная независимость не погасла между ними: различныя части Государства, вводимыя въ соприкосновеніе Князьями, борятся другъ съ другомъ, и смуты кипятъ внутри жизни самаго народа.

Еще до прихода Рюрика развился между Славянскими племенами военный духъ, извѣстный въ нашихъ лѣтописяхъ подъ названіемъ дружины. Существованіе, до времени основанія Государ-

[33] Ипат. 50.

ства, у насъ городовъ уже положительно это доказываетъ; кромѣ того въ лѣтописи Нестора прямо говорится о дружинахъ Полянъ и Древлянъ. Подобныя же дружины должны были быть между другими Славянскими племенами, по крайней мѣрѣ, въ Ростовѣ, Суздалѣ, Полоцкѣ, Муромѣ и Новгородѣ. Обращая вниманіе вообще на значеніе дружинъ въ Отечественной Исторіи, мы, кажется, можемъ утверждать, что существенную часть ихъ составляли старшины народные. Только, можетъ быть, у Древлянъ и Полянъ мысль дружинъ, правителей народныхъ, достигла къ приходу Рюрика такой зрѣлости, что изъ среды дружинъ выступали уже Князья народные. У другихъ же племенъ до пришествія Рюрика, до развитія въ нашемъ Отечествѣ повсемѣстно удѣльнаго строя, Князей не видно. Отличительною чертою этѣхъ дружинъ было охранять родную землю, родное племя. Связи между старѣйшинами и кореннымъ племенемъ, изъ котораго они исходили и котораго выгоды были тѣсно соединены съ ихъ собственными выгодами, были чисто патріархальныя, семейныя. Старшихъ чтили, какъ отцовъ и владыкъ, покланялись имъ, осыпали дарами, слушались; они защищали своею жизнію страну, племя, судили и казнили. Слова: «Наши Князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю», сказаныя Древлянами Ольгѣ,—это звуки того патріархальнаго быта Славянскихъ племенъ.

Народная пословица: «Что городъ, то норовъ» указываетъ, въ свою очередь, на разнообразность нашихъ древнихъ городовъ, и нѣтъ сомнѣнія, что кругъ каждаго города былъ первоначально не широкъ, даже весьма ограниченъ, но, съ возрожденіемъ уже въ племенахъ военнаго начала, онъ, разумѣется, самъ собою, долженъ былъ шириться и окружности городовъ сближаться другъ съ другомъ. Сближеніе границъ городскихъ или, какъ правильнѣе говорятъ лѣтописи, волостей (или властей, что состоитъ подъ властію) вело уже само собою къ спорамъ, а этѣ споры къ войнамъ и даже завоеваніямъ. Сдѣсь не могли уже сохраниться первоначальныя отношенія между старшинами или городомъ, и между народомъ или волостью. Коренное начало налегало на начало, подпавшее подъ его власть, въ слѣдствіе ли неудачной войны, или въ слѣдствіе стремленія найти покровительство отъ враждебныхъ сосѣдей. По этому дружины должны были быть, съ одной стороны, стражей благосостоянія одной части страны, а съ другой гнетомъ. Въ

такомъ, кажется, состояніи застали предковъ нашихъ Варяго-Руссы. Правда, объ этой первоначальной борьбѣ Славянскихъ племенъ не дошло до насъ почти ни какихъ данныхъ: мы видимъ только, что около Новгорода горѣли ссоры и вражда; на югѣ Древляне тѣснили Полянъ; но когда завѣса исторіи подымается, этѣ непомирившіяся отношенія различныхъ Славянскихъ племенъ или областей дѣлаются совершенно ясными. Кіевляне отбрасыва ютъ отъ себя вліяніе Черниговцевъ, Черниговцы Кіевлянъ, и т. д. Владимирцы, поддерживаемые Андреемъ Боголюбскимъ, Михаиломъ и Всеволодомъ, сбрасываютъ съ себя вліянія Ростовское и Суздальское. Кіевляне избиваютъ дружину, составившуюся въ Черниговскомъ кругѣ удѣловъ и водворенную между ними Всеволодомъ Ольговичемъ; они же избиваютъ дружину Ростовцевъ и Суздальцевъ, приведенную къ нимъ Георгіемъ, и въ этой же борьбѣ различныхъ началъ Государства гибли Князья, и между другими погибъ Андрей Боголюбскій, погибъ и Игорь Ольговичъ. Воспринявъ отъ Кіева Князей, каждая область становится подъ щитъ своего Князя и стремится, подобно семьѣ, замкнуться отъ посторонняго вліянія, отъ вліянія на нее другихъ Князей, другихъ областей, готовая за свою Княжескую вѣтвь бороться до послѣдняго. Это стремленіе не согласно съ семейными отношеніями Князей, на основаніи коихъ младшіе Князья повинуются старшимъ въ родѣ; оно не согласно и съ стремленіемъ Кіевской области, подчинившей себѣ всѣ остальныя области и желавшей сохранить свой верхъ надъ ними: отсюда, изъ этѣхъ противуположныхъ стремленій, возникаютъ неудовольствія, ссоры и войны, посреди которыхъ не щадились и храмы враждебныхъ областей, но предавались разграбленію и совершенному уничтоженію. Въ жизни народа мысль о Государствѣ, объ единствѣ всѣхъ областей, существуетъ только или, какъ мы сказали уже, въ мысли объ единствѣ Княжескаго рода, или же въ отношеніи сильнаго общаго врага: здѣсь всѣ области, носящія свои собственныя наименованія, сливаются въ имени Руси, въ имени Православной Руси, но мысль объ единствѣ не проникла еще всей внутренней жизни, и Государство является въ распадающемся видѣ, въ видѣ отдѣльныхъ областей, изъ коихъ каждая стремится болѣе или менѣе замкнуться въ самой себѣ. Кіевъ составляетъ видимую среду Государства, но, какъ отдѣльная область, онъ усиливается, подобно другимъ областямъ, имѣть на своемъ престолѣ свою собственную вѣтвь Княжескую: въ этомъ

стремленіи онъ отталкиваетъ отъ себя Князей-искателей другихъ областей; и борьба за его престолъ старшихъ въ родѣ Князей родовыхъ, борьба областей за то, чтобъ освободиться самимъ изъ подъ вліянія Кіева, шлютъ на него волну за волною, и мало по малу уничтожаютъ это стремленіе къ средоточію. Въ это время вступаетъ Владимирская область, съ подобнымъ же стремленіемъ, какъ и Кіевская, и еще болѣе могучая, хотя и не столь воинственная, которая, опираясь, съ одной стороны, на глубину семейнаго чувства, съ другой на мысть старѣйшинства своихъ Князей, видимо возвышается и наконецъ даетъ Князьямъ своимъ и нравственныя и естественныя силы сосредоточить всѣ Русскія области во едино. Но подробное изложеніе отношеній различныхъ Государственныхъ началъ въ древней нашей Исторіи, по принятому нами чертежу, должно составить рядъ особыхъ разсказовъ: въ настоящемъ очеркѣ мы старались только объяснить, что господствующимъ чувствомъ въ древней нашей Исторіи было чувство семейно-областное: въ немъ сознавалась жизнь, и изъ него исходила. Отступивъ, однако жь, нѣсколько отъ главной нашей задачи, мы считаемъ необходимымъ изложить сдѣсь мысли свои и объ основаніи Государства, въ отношеніи къ господствующему чувству.

Съ приходомъ Рюрика внесено было въ жизнь племенъ Славянскихъ новое начало, совершенно чуждое намъ. Оно явилось въ одно и то же время въ разныхъ точкахъ нашего Славянскаго міра; главныя же силы его сосредоточились въ Кіевѣ.

Если одно племя Славянское стремилось, по чувству самобытности семейно-общинной, оттолкнуть другое родственное племя, могли ли Варяго-Руссы утвердиться покойно между предками нашими? Положительно можно сказать, что нѣтъ. Народное начало въ лицѣ простолюдина еще до сихъ поръ непривѣтливо смотритъ на все заморское. Борьба должна была завязаться, и кончиться не прежде, пока начало Варяжское не переродится въ начало Славянское, или не сольется съ Это слитіе могло происходить, съ одной стороны, чрезъ Княгинь происхожденія Славянскаго, а съ другой стороны, чрезъ блестящее выраженіе первыми Князьями нашими мысли, которая лежала въ основаніи коренныхъ дружинъ. При томъ послѣдніе въ ихъ первоначальномъ объемѣ не могли быть значительны и достаточно служить покровомъ

Славянскихъ племенъ даже въ войнахъ ихъ между собою, а тѣмъ болѣе въ войнахъ съ сильными сосѣдями, когда Древляне могли тѣснить Полянъ, когда Казаре брали дань съ многихъ племенъ Славянскихъ, и подобное же, быть можетъ, испытывали земли Ростовской части со стороны Болгаръ; когда Новгородъ уже во время основанія Государства такъ легко могъ быть взятъ Полоцкимъ Княземъ и опустошенъ имъ; между тѣмъ въ Рюрикѣ и потомкахъ перваго нашего Князя Славяне видѣли не своихъ Бояръ-старѣйшинъ, а властителей, которые заставляютъ кланяться себѣ и Царей Греческихъ, и берутъ даже съ нихъ огромные подарки. Замѣчательны въ этомъ отношеніи слова лѣтописца объ основателяхъ Кіева, какъ объясняющія тогдашнія понятія о Князѣ: «Бяху бо мудри и смыслени, нарицахуся Поляне, отъ нихъ же суть Поляне Кіевѣ и до сего дне. Ини же не свѣдуще рекоша, яко Кій есть перевозникъ былъ; у Кіева бо бяше перевозъ тогда съ оноя стороны Днѣпра; тѣмъ глаголаху: на перевозъ на Кіевъ. Аще бо бы перевозникъ Кій, то не бы ходилъ ко Царюгороду; но се Кій княжаше въ родѣ своемъ, и приходившу ему ко Царю, не свѣмы, но только о томъ свѣмы, яко велику честь пріялъ отъ Царя, котораго не вѣмы, и при которомъ приходи Цари.» [19] При этомъ взглядѣ, при своей слабости въ отношеніи Древлянъ и Казаръ, дружина Кіевская могла сама искать покрова подъ Варяго-Русскимъ началомъ, которое явилось вблизи ея. Не сливаясь между собою, начало Варяжское и начало Славянское могли, однако жь, дѣйствовать союзно, одушевляемыя, одни чувствомъ пріобрѣтенія, другіе стремленіемъ освободиться отъ гнета враговъ своихъ. Дружины племенныя, какъ коренные представители страны, нѣтъ сомнѣнія, обращались съ мольбою и просьбами къ Князьямъ въ случаяхъ затруднительныхъ, дѣлали дары имъ и, быть можетъ, немаловажныя, по тогдашнему времени, соглашались на уступки, чтобъ только освободиться самимъ и освободить свое племя изъ тѣхъ обстоятельствъ. Сами Князья первоначально, не слившись съ народомъ, смотрѣли на Славянскій міръ, какъ на обширное поле для поборовъ или даней. Вотъ простые слова лѣтописи: «Сей же Олегъ нача городы ставити, и устави дани Славянамъ, и Кривичемъ, и Мерямъ, и устави Варягомъ дань

[19] Кенигсб. 9.

даяти отъ Новгорода гривенъ 300 на лѣто мира дѣля, иже и до смерти Ярослава даяше Варягомъ.» [35] Древляне были покорены Олегомъ, [36] какъ говоритъ лѣтопись, но между тѣмъ, въ 913 г., Игорь ходилъ съ своей на нихъ дружиной не усмирять, а съ оружіемъ въ рукахъ вновь взять съ нихъ дань; по этому Древляне встрѣтили его, какъ врага, и когда Игорь, взявъ съ нихъ дань, снова пошелъ за оной, они, въ совѣщаніи съ Княземъ своимъ, Маломъ, говорили: «Когда повадится волкъ ходить къ овцамъ, то вынесетъ всѣ овцы», и чрезъ посла сказали Игорю: «По что идеши опять? Поималъ еси всю дань». [37] Таковы были отношенія первыхъ Князей нашихъ къ племенамъ Славянскимъ, если исключить изъ этого однихъ Полянъ. Прежде нежели дружина Древлянская погасла въ областной самобытности своей, палъ Игорь. Еще при Ольгѣ они имѣли своего Князя, за котораго даже сватали ее. Вятичи, покоренные Святославомъ, заставляютъ Владимира поднять противъ нихъ оружіе, а въ слѣдующій за тѣмъ годъ Владимиръ снова идетъ противъ нихъ съ войскомъ. [38] Радимичи, побѣжденные Олегомъ, не хотѣли слушать Владимира, такъ что Князь Кіевскій, для усмиренія ихъ, долженъ былъ прибѣгнуть къ оружію. [39] Объ основаніи Новгорода находятся самыя противорѣчивыя данныя въ лѣтописи Нестора: то этотъ городъ существуетъ до прихода Рюрика, то основывается опять симъ Княземъ; принимая, однако жь, слово «городъ» въ томъ ограниченномъ значеніи, въ какомъ оно принималось въ древности, это противорѣчіе изчезаетъ, и Новгородъ, основанный Рюрикомъ, могъ быть не что иное, какъ крѣпостная стѣна, за которой хранилось Варяго-Русское начало, близъ Новгорода стараго, котораго коренные обитатели, по сказанію лѣтописца, были Славяне; точно

---

[35] Кенигсб. 19.

[36] «Поча Олегъ воевати на Деревляны, и примучивъ я, имаше на нихъ дань по черной кунѣ.»... Тамъ же.

[37] Кенигсб. 46.

[38] Подъ 981 г.: «и Вятичи побѣди (Владимиръ), и възложи на нь дань отъ плуга, яко же и отець его имаше.» Подъ 982 г.: «Заратишася Вятичи, и иде на ня Владимиръ, и побѣди е второе.» Лаврент. 35.

[39] Лаврент. 36.

также, какъ во времена уже совершенно историческія, въ Новгородѣ основывался городъ, т. е., основывалась новая крѣпость. Вышгородъ [40] и Кіевъ, быть можетъ, находились точно въ такихъ же отношеніяхъ, заключая въ себѣ разнородныя начала. Не въ такихъ ли опять отношеніяхъ находились между собою Черниговъ и Любечь? Замѣчательно въ семъ отношеніи слѣдующее. Во времена уже историческія около Любеча были главныя имѣнія или вотчины Князей Черниговскихъ. Вышегородцы поддерживали Святополка, между тѣмъ какъ Кіевляне не любили его, и Вышегородцы же вызываются на убіеніе Бориса, котораго поддерживала дружина Кіевская, при чемъ должно еще замѣтить, что въ числѣ убійцъ лѣтописецъ указываетъ именно на двухъ Варяговъ. Для Кіева есть еще и другія болѣе убѣдительныя доказательства отдѣльнаго существованія двухъ началъ даже до самаго Владимира. Кто такой былъ Свѣнельдъ? Его дружина была отдѣльна отъ дружины Игоря, которая говорила своему Князю: «Отроцы Свѣнельжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази; а поиди, Княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы.» [41] Роль, которую игралъ Свѣнельдъ, столь значительна, что лѣтописецъ, разсказывая о договорѣ, заключенномъ при Святославѣ, говоритъ, что онъ былъ подобенъ заключенному при Игорѣ и Свѣнельдѣ, называя перваго Великимъ Княземъ Русскимъ, и не объясняя при этомъ, кто это такой былъ Свѣнельдъ, [42] хотя въ дальнѣйшемъ разсказѣ своемъ, относительно возвращенія Святослава изъ Болгаріи, называетъ его не болѣе, какъ Воеводой Игоря. [43] Въ княженіи Ярополка происходитъ весьма замѣчательная борьба между двумя началами, Варяжскимъ и Славянскимъ, борьба, послѣдствіемъ которой было паденіе Ярополка, представителя,

---

[40] Вышгородъ находился верстахъ въ 14 отъ Кіева, вверхъ по Днѣпру.

[41] Кенигсб. 46.

[42] Тамъ же 64. «Царь же радъ бывъ, и повелѣ писцу писати вся рѣчи Святославли на харатьи. Нача глаголать посолъ вся рѣчи, и нача писецъ писати глаголы сице: «Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ, Великомъ Князѣ Русѣмъ, и при Свѣнальдѣ.»

[43] Тамъ же 65. «Створивъ же миръ Святославъ съ Греки, поиде въ лодьяхъ къ порогомъ, и рече ему Воевода отень (отцевскіи) Свѣнальдъ,» и т. д.

вполнѣ, или отчасти, начала Варяжскаго, и восшествіе на престолъ Кіевскій Владимира, представителя Славянскаго начала. «Поміяй ми,» говоритъ Владимиръ Воеводѣ Кіевскому, Блуду, выступивъ съ Новгородцами и наемными Варягами противъ Ярополка: «аще убью брата своего, имѣти тя хочу во отца мѣсто.» [44] Блудъ возсталъ не открыто на Ярополка, но склонилъ его удалиться изъ Кіева, угрожая ему недовольствомъ Кіевлянъ, и потомъ хитростію готовился предать его Владимиру. Въ это время мы видимъ подлѣ Ярополка, преданнаго ему совершенно, какого-то Варяга, и Варяга не простаго; ибо послѣ того, какъ Ярополкъ, не послушавъ его совѣта, палъ подъ мечами убійцъ, этотъ Варягъ бѣжитъ къ Печенѣгамъ, и вмѣстѣ съ ними продолжаетъ войну противъ Владиміра: «и много воева съ Печенѣги на Володимира, и едва приваби и» (Владимиръ), говоритъ лѣтописецъ. [45] Это сказаніе Нестора драгоцѣнно въ полномъ смыслѣ для Русской Исторіи, если даже допустить, что Ярополкъ былъ не народнымъ представителемъ Варяжскаго начала. За исключеніемъ добрыхъ, смысленыхъ и храбрыхъ, которыхъ Владимиръ оставилъ у себя въ службѣ, всѣ Варяги, приведенные съ Сѣвера противъ Ярополка, удалились въ Грецію. [46] Изъ сего открывается, что начало Варяжское, какъ господствующее, видимо уже погасло въ Славянскомъ мірѣ. Владимира поддерживаетъ, окружаетъ собственно уже Славянская дружина. Самъ Владимиръ, какъ увидимъ ниже, и по образу жизни, и по образу понятій своихъ, былъ настоящій Славянинъ. И не это ли торжество Славянскаго начала въ лицѣ Владимира было одною изъ главныхъ причинъ, по коимъ имя его, передаваясь изъ устъ въ уста, сохранилось до нашихъ временъ въ преданіи простаго народа, не смотря на всѣ перевороты, которые совершились въ нашемъ Отечествѣ въ теченіи этихъ болѣе восьми столѣтій со времени кончины сего Князя?

Но Игорь, Святославъ были ли они Князья Славянской крови, или крови Норманской? Сдѣсь лабиринтъ, въ которомъ до сихъ поръ путаются наши историки, за совершенною недостаточностію въ

---

[44] Лавр. 32.

[45] Тамъ же 33.

[46] Тамъ же 34.

данныхъ. Я, съ своей стороны, готовъ раздѣлить мнѣніе тѣхъ, которые считаютъ ихъ Славянскими Князьями, а не Варяжскими, но только съ оговоркой.

Что Варяги служили первымъ Русскимъ Князьямъ, въ томъ нѣтъ ни какого сомнѣнія; что они иногда держали въ нѣкоторой зависимости отъ себя племена Славянскія,—тоже; но это еще ни чего не доказываетъ, что Игорь и Святославъ были Князья не Славянскаго происхожденія.

Сказаніе лѣтописца о Княженіи Олега, Игоря, Святослава не разъ превращается въ такія сказки, которыя не заслуживаютъ ни какого довѣрія, какъ, на примѣръ: сказаніе его о смерти Олега отъ ужаленія змѣи, скрывавшейся въ черепѣ когда-то любимаго имъ коня, или о путешествіи Олега въ корабляхъ по сухому пути къ Константинополю, конечно не что иное, какъ вымыслъ; къ числу этѣхъ сказокъ принадлежитъ и разсказъ лѣтописца объ убіеніи Аскольда и Дира. Нельзя, или, по крайней мѣрѣ, нѣтъ повода сомнѣваться въ существованіи Аскольда и Дира, но они умерли, конечно, не безъ битвы и, безъ сомнѣнія, не такъ, какъ описываетъ лѣтописецъ. Аскольдъ и Диръ завоевали Кіевъ (если они завоевали его) собственною дружиною, не для Рюрика и не для потомства его; слѣдующія слова, приписанныя лѣтописцемъ Олегу: «Вы нѣста Князя, ни рода Княжа, но азъ есмь роду Княжа, а се есть сынъ Рюриковъ!» какъ доводъ противъ ничтожности правъ Аскольда и Дира на Кіевъ, не имѣютъ смысла, если только Игорь былъ сынъ Князя Варяжскаго. И такъ прямыя сказанія лѣтописца, по настоящему предмету, не могутъ быть приняты въ соображеніе безъ другихъ данныхъ, а этѣ другія данныя представляютъ дѣло совсѣмъ въ другомъ видѣ.

Еще Карамзинъ замѣтилъ, что сохранились въ живни народной темныя и безотчетныя воспоминанія о рѣкѣ Дунаѣ. Въ Малороссійскихъ пѣсняхъ, воспѣваемыхъ въ честь языческаго божества Купала, и, слѣдовательно, въ пѣсняхъ глубокой древности, до сихъ поръ вторится имя Дуная. Сказаніе лѣтописца, который не знаетъ ни чего о дѣлахъ перваго Князя, безпрестанно обращается къ берегамъ Дуная, и онъ довольно подробно разсказываетъ о судьбѣ тамошнихъ племенъ. Гдѣ искать начала этѣхъ явленій? Конечно,

не въ случайности. Не забудемъ при томъ слова Святослава, сказанныя имъ о Болгаріи: «то есть середа земли моей.» Положимъ, они выдуманы лѣтописцемъ; но походъ Святослава на Болгарію—походъ историческій; съ какими же силами Святославъ предпринялъ его? Какая цѣль этого похода? Корыстолюбіе? Исполненіе договора съ Греками? Но что значитъ упорность этой борьбы, упорность, подобной которой мы не видимъ въ послѣдующей Исторіи Руси, какъ только въ мгновенія, когда рѣшалась судьба родины? Не родимыя ли земли хотѣлъ возвратить Святославъ? Не помогали ли ему въ этомъ походѣ всѣ безъ исключенія Славянскія племена, оттолкнутыя при движеніи народовъ къ Сѣверо-Востоку? По нашему предположенію—да: иначе походъ Святослава на Болгарію—совершенная загадка. При томъ, если Поляне, какъ объ этомъ говоритъ нашъ лѣтописецъ, и въ чемъ мы не можемъ сомнѣваться, были переселенцы съ береговъ Дуная, то отъ чего же, вмѣстѣ съ ними, или даже гораздо послѣ, когда другіе Придунайскіе Славяне несли еще ярмо побѣдителей, не могъ удалиться къ берегамъ Днѣпра также и одинъ изъ Придунайскихъ Князей и образовать, посреди Полянъ, или вмѣстѣ съ частію ихъ, особую стихію, которая, утративъ при этомъ переходѣ первоначальную значимость свою (что тѣмъ легче могло случиться, если Поляне не были одного племеннаго происхожденія, а были смѣсь различныхъ племенъ, соединенныхъ общимъ несчастіемъ), оставалась долгое время незамѣтною для Исторіи, а потомъ, соединившись съ новыми выходцами изъ Болгаріи, съ Кіевлянами и съ самими Варягами, является во всей силѣ и полагаетъ основаніе Россійскому Государству? И все это могло произойти только подъ однимъ вліяніемъ Норманновъ, которые могли покорить Кіевлянъ, или тѣснить ихъ, будучи призваны ими на помощь, и тѣмъ самымъ содѣйствовать къ тѣснѣйшему соединенію сихъ послѣднихъ съ Князьями, переселившимися съ Дуная, и въ семъ случаѣ слова лѣтописца, что Аскольдъ и Диръ не могли княжить надъ Кіевлянами, когда между ними былъ Князь Славянскаго происхожденія, имѣютъ достаточное основаніе. При семъ нельзя не замѣтить, что въ самыхъ именахъ: Игорь, Святославъ, слышатся имена чисто Славянскаго происхожденія, между тѣмъ какъ трудно предположить, чтобъ Варяги такъ скоро могли утратить свою народность, чтобъ сынъ Рюрика носилъ бы уже имя Славянское. Сверхъ того, такъ какъ Свѣнельдъ имѣлъ отдѣльную дружину отъ Игоря и располагалъ ею

самобытно, то эта дружина, судя по имени вождя ея, была скорѣе Варяжская, нежели Славянская. Самъ лѣтописецъ, передавшій намъ темныя свѣдѣнія о Варяго-Русскомъ происхожденіи первыхъ нашихъ Князей, самъ же онъ передаетъ намъ другое народное преданіе, что Поляне, предки Кіевлянъ, управлялись до основанія Государства собственными Князьями, потомками Князя Кія: «И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ» (въ земляхъ Кіевскихъ). [47]

Такимъ образомъ, обращая вниманіе на всѣ этѣ данныя, я не могу не видѣть въ Игорѣ и Святославѣ Князей Славянской крови. Но мы не разъ еще возвратимся къ настоящему предмету; теперь же замѣтимъ только, что семейное чувство, достигши уже развитія до чувства областнаго, отталкивая отъ Славянскихъ племенъ постороннія имъ начала, ни въ какомъ случаѣ не могло покойно признать надъ собою совершенно чуждое имъ начало Варяжское, если этѣ Варяги были даже Варяги-Славяне.

Василій Пассекъ.

---

[47] Лавр. 5.

ХАНЪ НАГАЙ

и

ЕГО ВЛІЯНІЕ НА РОССІЮ И ЮЖНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

Чѣмъ ограниченнѣе въ нашей Исторіи число такихъ событій, которыми она соприкасается съ Исторіею Южно-Славянскихъ Царствъ, Болгарскаго и Сербскаго, тѣмъ этѣ событія любопытнѣе для изслѣдованія. Къ числу такихъ событій относится, въ XIII вѣкѣ, водвореніе, сперва на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, а потомъ на низовьяхъ Дуная, Татарской Орды Хана Нагая, власть и вліяніе котораго, какъ оказывается, простиралось не только на юго-Западную Россію, но и на Южныхъ Славянъ.

Еще въ 1240 годахъ Монгольскій или Татарскій Ханъ, Батый, по опустошеніи Сѣверо-Восточной Россіи и разореніи матери градовъ Русскихъ, Кіева, двинулся оттуда на Галицкую Русь, а, перейдя Карпатскія горы, устремился съ своими полчащими и на Угрію, куда скрылся тогда Великій Князь Галицкій, Даніилъ, тщетно искавшій себѣ тамъ союзника для общаго, дружнаго отраженія новыхъ враговъ, и представлявшій Королю ея (Белѣ IV) гибельныя слѣдствія его отказа. Наши лѣтописцы, упоминая кратко о дѣйствіяхъ Батыя въ Угріи, подъ 1241 г., говорятъ: «Король же Бела (Бела IV, сынъ Андрея) и Коломанъ срѣтоша Батыя у Солонои рѣки, и бившимся обоимъ полкомъ, и бысть сѣча велика, и побѣгоша Угрѣ, Татарове же гнашась по нихъ до Дуная рѣки, и стояша по побѣдѣ 3 лѣта, и воеваша до Володавы и по озеромъ (зимой?), и возвратишася въ землю свою.

(Воскр. лѣтопись II, 206). Сербскіе лѣтописцы говорятъ, что Батый изъ Угріи, въ 1242 и послѣдующихъ годахъ, прошелъ, воюя, по Болгаріи, Сербіи, Рассіи и Босніи, и опустошивъ самую Далмацію, возвратился обратно въ свои Волжскія кочевья (см. у Раича въ Истор. Слав. на одовъ ч. I, стр. 498).

Съ этого времени Россійскіе Князья сдѣлались данниками Татаръ, а Южная Русь, опустошенная ими въ конецъ, надолго осталась пустынею, способною привлекать на свои равнины, по слѣдамъ Батыя, другихъ кочевниковъ-воителей. И точно, не прошло и 30 лѣтъ послѣ двукратнаго прохода черезъ Южную Россію съ огнемъ и мечемъ полчищъ Батыя, какъ явился въ нее, уже на постоянное кочевье, выходецъ изъ той же Большой или Золотой Орды Ханъ Нагай. Расположившись сперва на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, а потомъ въ низовьяхъ Дуная, онъ оттуда разсылалъ свои войска въ разныя стороны и былъ достаточно силенъ для того, чтобы заставить заискивать въ себѣ гордую Византію, вмѣшиваться во внутреннія дѣла Болгарскаго Царства и требовать къ себѣ на службу сына Краля Сербскаго.

Какъ Византійскія, такъ Русскія и Сербскія лѣтописи доставляютъ о Ханѣ Нагаѣ довольно согласныя свѣдѣнія, достаточныя для опредѣленія его личности и современнаго значенія, если не въ подробности, то въ общихъ чертахъ.

Во первыхъ видно, что онъ кочевалъ болѣе въ низовьяхъ Дуная (въ нынѣшней Молдавіи), сдѣлавъ своими данниками жителей этой страны, Влаховъ: «поробыша (говоритъ Сербскій лѣтописецъ) Татары Влашку земдю» (Данича I, 31), которыхъ Византійскіе историки безразлично называли то Скиѳами, то Волохами, и во время своихъ походовъ усиливалъ ими свое войско, что и подало поводъ нѣкоторымъ изъ Западныхъ писателей смѣшивать завоевателей съ завоеванными и самихъ Татаръ называть то Волохами (Дюфренъ), то Скиѳами (Мавроурбинъ); но Византійскіе лѣтописцы, Пахимеръ и Грегорасъ, ясно называютъ ихъ Татарами.

По свѣдѣтельству Дегиня (Histoire des Huns I, 288), Ханъ Нагай былъ правнукъ Туши или (по Рит. ч. VII, гл. 1) Чучи, а

правильнѣе Джучи Хана, и полководецъ со времени Хана Берки. Отложившись отъ Золотой или Большой Орды, онъ около 1270 года перекочевалъ къ сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря (см. Истор. Пахимера I, 236) и, расположившись сдѣсь, сталъ искусно расширять свое вліяніе на сосѣднія страны, вмѣшиваясь то въ междоусобныя, то въ домашнія, ихъ распри. Такъ сперва мы видимъ его союзникомъ (вѣроятно, черезъ посредство его данниковъ, Басарабовъ или Волоховъ) Болгарскаго Краля, Константина Теха, который, по свѣдѣтельству Пахимера, пользуясь отвлеченіемъ войскъ Византійскаго Императора, Михаила Палеолога, для войны въ Азіи съ Сельджуцкимъ Султаномъ, Азатиномъ, присоединилъ къ себѣ 20,000 вспомогательнаго Татарскаго войска, объявилъ войну Имперіи: «разсѣявшись по всѣмъ странамъ Болгары, точнѣе же ихъ союзники, Татары, одновременно плѣняли, умерщвляли и отводили въ плѣнъ все, что встрѣчалось имъ на пути,» пишетъ Греческій историкъ. Это ужасное опустошеніе до того устрашило Императора, что онъ не зналъ, что дѣлать; выйдя же на встрѣчу непріятелю съ небольшимъ отрядомъ, который успѣлъ собрать наскоро, былъ разбитъ на голову соединенными силами Болгаръ и Татаръ и рѣшился спасаться бѣгствомъ. Но непріятель, предупредивъ его, занялъ всѣ пути и проходы и уже находился на полъ дня пути отъ Императора. Съ трудомъ удалось ему скрыться въ горахъ и оттуда убѣжать на морской берегъ, гдѣ онъ сѣлъ на корабль и отплылъ поспѣшно въ Константинополь, а войско его, разбѣжавшееся по Ѳракіи, сдѣлалось добычею непріятеля и спаслось только малое число.

Не болѣе успѣха имѣлъ, и призванный на помощь противъ Болгаръ и Татаръ изъ Азіи, Султанъ Азатинъ, * разбитый Константиномъ: онъ былъ осажденъ въ городѣ Енни, жители котораго, избѣгая осады, рѣшились выдать Константину Султана, со всѣми его сокровищами; посланное на выручку Султана моремъ, вспомогательное Императорское войско, прибыло къ городу, спустя два дни послѣ выдачи Султана, сокровища котораго

* Султанъ Рума (то есть, Малой Азіи), или Султанъ Сельджуцкихъ Турковъ.

обогатили казну Болгарскаго Краля и дали ему средство щедро наградить наемное войско своего союзника, Нагая. Раздраженный малодушіемъ жителей Енни и его гарнизона, Императоръ обратилъ свой гнѣвъ на Епископа, а начальника гарнизона приказалъ, бивъ, одѣть въ женское платье и водить съ безчестіемъ по городу, какъ «женски предавшаго,» по замѣчанію Пахимера, градъ и Султана. (Пахим. кн. III, гл. 25, Мавроурбинъ стр. 326, Дюренъ гл. VIII § 10, стр. 109, и Грегорасъ кн. IV, стр. 71, 37),

Все это случилось въ 1270 году. За тѣмъ Императоръ заключилъ миръ съ Болгарскимъ Кралемъ, Константиномъ, выдавъ за него свою племянницу, а въ то же время, чтобы отстранить впредь возможность союзныхъ дѣйствій Болгаръ съ Татарами противъ Имперіи, вошелъ въ непосредственныя сношенія съ Ханомъ Нагаемъ, выдалъ тоже и за него свою побочную дочь, Евфросинью, и тѣмъ вполнѣ достигъ своей цѣли; ибо, замѣчаетъ Пахимеръ, когда Константинъ начиналъ опустошать земли Греческія, Нагай, по любви къ тестю своему (Императору Михаилу), разстроивалъ всѣ его замыслы. Получивъ же столь сильнаго пріятеля, Императоръ не хотѣлъ уже уступить Константину ни чего того, что обѣщалъ, въ слѣдствіе мирнаго и свадебнаго договора (Пах. кн. V, гл. 5).

Происшедшія по смерти Болгарскаго Краля, Константина, внутреннія междоусобія въ Болгарскомъ Царствѣ дали удобный поводъ Нагаю, въ качествѣ Императорскаго союзника и родственника, вмѣшаться во внутреннія дѣла Болгаріи. Въ 1279 году Нагай велъ войну съ похитителемъ Болгарскаго престола, Лаханомъ, и въ то время, какъ главныя Болгарскія войска, подъ предводительствомъ Лахана, находились въ походѣ, Терновскіе Бояре, пользуясь отсутствіемъ Лахана, отчасти добровольно, а отчасти принужденно, приняли и посадили на престолъ Болгарскаго Царства Асѣня, сына Краля Мицы, поддерживаемаго Императоромъ, а жену Лахана, Марію (вдову Краля Константина), и сына ея, Михаила, выдали вождямъ Императорскимъ. Но царствованіе сего Асѣня, за котораго Императоръ предварительно выдалъ дочь свою, Ирину, продолжалось не долго: видя въ немъ лишь слѣпое орудіе Византійской политики, Болгаре, въ 1280 году, избрали себѣ Пра-

вителя изъ среды своей, нѣкоего Боярина Тертера, а неспособный къ правленію Асѣнь съ женою долженъ былъ спасаться бѣгствомъ.

Тогда въ Ордѣ Хана Нагая явились разомъ два притязателя на Болгарскій престолъ: Лаханъ и юный Асѣнь, оба съ просьбою о помощи противъ Тертера, оба называя его похитителемъ ихъ престола. А такъ какъ Асѣнь былъ присланъ отъ Императора, то онъ и могъ скорѣй расчитывать на помощь могущественнаго Хана. Впрочемъ, Нагай, тая свои замыслы, принялъ ласково обоихъ изгнанниковъ и обоимъ обѣщалъ помощь противъ Тертера, какъ общаго ихъ непріятеля. Однажды, разсказываетъ Пахимеръ, когда Нагай устроилъ пиръ, на которомъ присутствовали Лаханъ съ своимъ Протостраторомъ Цисимпаксомъ, а равно и Асѣнь, и когда всѣ порядкомъ подпили, Нагай вдругъ, какъ бы воспрянувъ отъ сна, началъ разсуждать о просимой ими отъ него помощи, и велѣлъ предстоящимъ рабамъ схватить Лахана, говоря: «Онъ врагъ отца моего (называя себя по женѣ сыномъ Императора).» Они схватили его, уже разслабѣвшаго отъ вина, связали ему руки и, по знаку Нагая, одинъ изъ предстоящихъ воиновъ сѣкирою отрубилъ головы, какъ ему, такъ и Цисимпаксу. Асѣнь съ ужасомъ взиралъ на это неожиданное убійство, опасаясь, чтобы и ему не пришлось испытать того же. И дѣйствительно, та же участь ожидала и Асѣня, если бы жена Нагаева, Евфросинія, не скрыла его (какъ родственника), и потомъ отпустила невредима.

Все это способствовало къ утвержденію на Болгарскомъ престолѣ выше упомянутаго Тертера, тѣмъ болѣе, что вскорѣ сошли съ поприща главные его непріятели: Императоръ Михаилъ Палеологъ и, покровительствуемый имъ, Іоаннъ Асѣнь. Наслѣдникъ Михаила, Андроникъ, поспѣшилъ примириться съ Тертеромъ и возвратилъ ему его законную жену и сына Святослава (содержавшихся въ Константинополѣ, по условію его съ Михаиломъ), а Тертеръ отослалъ обратно въ Константинополь навязанную ему почти насильно въ жену, сестру умершаго Іоанна Асѣня. Это было въ 1283 году.

Но Нагай не былъ доволенъ возстановленіемъ мира между Греками и Болгарами. Онъ началъ опустошать Болгарію и вынудилъ наконецъ Тертера спасаться бѣгствомъ: Тертеръ бѣжалъ въ предѣлы Адріянопольскіе, прося у Андроника помощи противъ Татаръ. Но Императоръ не смѣлъ подать ему помощи, опасаясь тѣмъ привлечь Нагая во Ѳракію. Болгары вынуждены были принять въ Крали нѣкоего Смильцу, котораго поставилъ имъ Нагай. Около этого времени Нагай умеръ, а наслѣдникъ его Чака или Чакасъ, * за которымъ была дочь Тертера, входитъ въ Болгарію, съ цѣлью овладѣть ею, дѣйствуя, съ согласія Святослава, сына Тертера (его шурина), который наружно помогалъ ему во всемъ, прибирая межъ тѣмъ тайно по немногу власть въ свои руки; когда же проложилъ себѣ, съ помощію Татарина, дорогу къ престолу, то внезапно захватилъ и заключилъ его въ темницу, гдѣ онъ, по сказанію Пахимера, былъ удушенъ своими стражами или прислужниками Евреями.

Въ то же время Святославъ приказалъ свергнуть со стѣны и тогдашняго Терновскаго Патріарха, подозрѣваемаго, или уличеннаго, въ сношеніяхъ съ Татарами. Это было около 1296 года. Съ этѣхъ поръ имя Татаръ не встрѣчается болѣе на страницахъ дальнѣйшей Исторіи Болгарскаго Царства: оно смѣнилось вскорѣ

---

* А по другимъ, это было еще при жизни Нагая, и самъ Нагай, разсердясь за что-то на Смильцу, послалъ сына своего, Чаку, отнять у него престолъ. О самомъ же походѣ Чаки и Святослава разсказывается слѣдующее: Чака, съ цѣлью удобнѣе привлечь къ себѣ Болгарскихъ Бояръ, сблизился съ шуриномъ своимъ, Святославомъ, и согласилъ его раздѣлить между собою Болгарскія области. Бѣдность Святослава была вѣрнымъ обезпеченіемъ власти Татарина, а самъ Тертеръ находился еще тогда въ рукахъ Грековъ, не имѣя денегъ, какъ главнаго двигателя для успѣха въ своемъ дѣлѣ. Святославъ одинъ не могъ предпринять ни чего для возстановленія права, которое имѣлъ на Болгарію его отецъ. Случай помогъ Святославу; говорятъ, что онъ нашелъ богатую невѣсту въ торговомъ сословіи, и употребилъ полученныя за нею въ приданое деньги для пріобрѣтенія себѣ пріятелей; привлекая же многихъ на свою сторону, онъ усыпилъ бдительность Татарскаго Князя, и однажды, напавъ на него ночью, задержалъ его со всѣми его приближенными. Пахимеръ прибавляетъ, что онъ былъ затворенъ въ темницу и задушенъ тамъ прислуживавшими ему Евреями. (Болгарскіе книжицы 1858 г., № 4, стр. 122 — 123).

именемъ новыхъ враговъ, иго которыхъ, наложенное на Болгарію, ровно черезъ столѣтіе послѣ сего (1396 году), по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, тяготѣетъ надъ нею и доселѣ тверже, нежели надъ другими областями Турецкой Имперіи.

Но обратимся къ Нагаю. Есть извѣстія, что, по смерти его, Орда его была изгнана изъ Молдо-Валахіи Туктаемъ (или Тохтаемъ), Ханомъ Большой или Золотой Орды, а слѣд., попытка Нагая, или его наслѣдника, овладѣть Болгаріею и утвердиться въ ней, была послѣднимъ дѣйствіемъ вліянія этой Орды, вліянія, начавшагося и кончившагося смертію Нагая; ибо, по всей вѣроятности, покушеніе на Болгарію, кончившееся смертію Чаки, началось еще при жизни его отца, и подъ его руководствомъ.

Не меньшимъ доказательствомъ силы и вліянія, которыми, по счастію, не весьма долго пользовался Ханъ Нагай (отъ 1270 до 1290 или 1296 г.) и его Орда, служитъ и отношеніе его къ Сербскимъ Кралямъ. Послѣ успѣшной войны Краля Стефана (Милутина) съ Греками, пишетъ Сербскій историкъ, Архіепископъ Даніилъ, «ненавидяй добра діаволъ, иже искони человѣкоубійца бысть, тойже и сему беззаконному и нечестивому Царю Татаромъ, глаголему Ногею, вложи во умъ, и наусти его на сего Христолюбиваго Краля и на все отечество его, и начатъ готовитися, яко да воздвигнется съ силами пагубными...» Подтвержденіемъ же и разъясненіемъ этого обстоятельства служитъ собственное свѣдѣтельство Краля Милутина, заключающееся въ извѣстной записи о его царствованіи (составленной по совѣту Архіепископа Никодима и положеной на память родамъ въ Сербской Архіепископіи и 4-хъ Царскихъ монастыряхъ; изъ нихъ Хиландарскій свитокъ цѣлъ и по нынѣ). Въ этой записи Стефанъ, между прочимъ, пишетъ: «Великій и беззаконный Царь Татарскій Ногѣй со всѣми силами воздвигаетсе на ме. Кралевство ми, устроивъ богатые дары, посылаетъ къ нему. Беззаконный Царь, спѣшащій на Кралевство ми, пріемъ дары, возвратисе вспеть. Я послалъ сына Стефана (Дечанскаго) съ великоименитыми властели на службу его (Ногѣя).» Когда отчаявались въ его возвратѣ, Стефанъ невредимъ возвратися: «тогда бо сему беззаконному Царю междоусобная рать бысть» (см. Путеш. по Европ. Турціи, В. Григоровича, стр. 44). Слѣдователь-

но, это случилось въ концѣ Нагаева властительства и славы, около 1296 года.

Изъ этой же самой записи видно, что Татары участвовали въ войнѣ Сербскаго Краля съ Болгарско-Видинскимъ Деспотомъ, Шишманомъ (Стратимиромъ), составляя вспомогательное войско послѣдняго, а нѣсколько прежде они же являются союзниками Браничевскихъ Владѣтелей, Куделина и Дермана, окружившихъ брата Сербскаго Краля, Стефана Драгутина, въ то время, когда онъ возвращался въ Срем, послѣ счастливаго окончанія войны съ Греками. Однимъ словомъ, видно, что во время жизни Нагая, его полчища, въ междоусобіяхъ Южныхъ Славянъ съ Греками и другъ съ другомъ, постоянно играли ту же самую роль, которую въ слѣдующемъ столѣтіи унаслѣдовали Турки, и только благопріятныя обстоятельства спасли всѣхъ тѣхъ, которые пользовались ихъ услугами, отъ Монгольскаго ига, которое уже тяготѣло тогда надъ нашимъ Отечествомъ.

Въ Юго-Западной Россіи Нагай держался той же самой политики: властвуя надъ удѣльными Русскими Князьями, онъ вмѣшивался въ ихъ междоусобныя распри для того, чтобы укрѣплять и расширять свою власть. Первое извѣстіе о Нагаѣ въ нашихъ Южно-Русскихъ лѣтописяхъ (Волынской) встрѣчается подъ 1276 годомъ; слѣдовательно, когда онъ уже, по выше сказанному, окончательно утвердился въ низовьяхъ Дуная (нынѣшней Молдавіи), покоривъ Влашскую землю. Владѣтельные Князья Волынскіе, едва лишь успѣли помириться съ Великимъ Княземъ Литовскимъ, Тройденомъ, когда, въ самую позднюю осень, Ханъ Нагай прислалъ своихъ пословъ, Тегичага, Кутлубугу и Ешимута, съ грамотами къ Владимиру Васильковичу (Волынскому), Льву (сыну Галицкаго Короля Даніила) и Мстиславу, въ которой писалъ имъ, какъ уже своимъ данникамъ: «Всегда ми жалуете на Литву: о се вы далъ есмь рать и Воеводу съ ними Мамшея. Пойдѣте же съ нимъ на ворогы свои!» Зимой, воспользовавшись симъ, а можетъ быть исполняя лишь волю Хана, Мстиславъ и Владимиръ устремились на Литву, куда Левъ, не поѣхавъ самъ, отправилъ сына, Юрія. Идучи къ Новогородку, они получили въ Берестьи (Берестѣ Русскомъ, теперь Литовскомъ) увѣдомленіе, что они уже предварены у перваго Татарами и разсу-

дили такъ: «Оже пойдемъ къ Новугородьку, се тамо уже Татарове извоевали все; пойдемъ кдѣ къ цѣлому мѣсту.» И тако сдумавше, поидоша къ Городну,» и, миновавъ Волковыйскъ, остановились ночевать. Сдѣсь Мстиславъ и Юрій, тайно отъ Владимира, послали лучшихъ Бояръ, подъ начальствомъ Тюйны, для добычи. Но они, по своей оплошности, на обратномъ пути попали въ плѣнъ Городенскому гарнизону. Не смотря на эту неудачу, Князья приступили къ осадѣ Городна, и сняли ее лишь тогда, когда осаждаемые выдали плѣненныхъ ими Бояръ и воиновъ. (Ипат. стр. 207). Между тѣмъ въ Польшѣ (1279 г.) умеръ Болеславъ Краковскій, не оставивъ по себѣ наслѣдника. Левъ хотѣлъ завладѣть державой покойнаго, но не былъ допущенъ Польскими Вельможами, посадившими Лешка Чернаго на престолъ Краковскій. Сынъ Даніила, желая воспользоваться хотя порубежною частію, уѣхалъ къ Нагаю, и получилъ отъ него вспомогательное войско подъ начальствомъ Кончака, Козѣя и Кубатана. Съ ними и сыномъ Юріемъ, Левъ радостно выступилъ зимою въ походъ къ Сандомиру. Владимиръ и Мстиславъ съ сыномъ Даніиломъ былъ вынужденъ также принять участіе въ этомъ походѣ. Всѣ они перешли Вислу по льду у самаго города, сперва Левъ, послѣ Мстиславъ, наконецъ Татары, и расположились около города; но нестройная рать Львова скоро разбрелась за добычею и была по частямъ разбита непріятелемъ. Поляки убили многихъ Бояръ и нѣсколько Татаръ, а Левъ съ безчестіемъ возвратился домой. Въ отплату за это, Лешко выступилъ самъ противъ Льва, взялъ городы его, Переворескъ (нынѣ Преворскъ, недалеко отъ Перемышля) и Львовъ, изрубилъ тамъ всѣхъ и, по разореніи Львова, ушелъ обратно (Тамъ же, стр. 208 и слѣд.).

Въ 1282 или 1288 году явился изъ Большой Орды (Сарайской или Золотой) Ханъ Телебуга. Направляясь для завоеванія Польши, онъ по пути посѣтилъ Нагая, но не сошелся съ нимъ. Ханъ велѣлъ Заднѣпровскимъ и Волынскимъ Князьямъ слѣдовать въ этомъ походѣ за собою и приблизился къ рѣкѣ Горыни. Мстиславъ Даниловичъ съ напитками и дарами явился къ нему на встрѣчу; равную почесть получилъ Телебуга и отъ Владимира при Лещ, идучи мимо Кременца къ Перемилю. Левъ явился съ такимъ же приношеніемъ у Бужковичей. Сдѣлавъ смотръ войску въ

тамошней равнинѣ. Князья пошли, въ слѣдъ за Ханомъ, къ Владимиру Волынскому и остановились у Житани. Телебуга поѣхалъ осматривать Владимиръ; иные сказываютъ, что и былъ въ немъ. Однако Татары не завладѣли городомъ, а только произвели большія насилія, награбили много имущества и обобрали лошадей. Отсюда Ханъ направился далѣе въ Польшу (Тамъ же, стр. 210 и слѣд.). Послѣ этого въ Волынской лѣтописи описанъ походъ Телебуги въ Польшу: «а съ нимъ пдоша вси Князи, неволею Татарьскою,» откуда онъ возвратился ни съ чѣмъ: «вѣсть бо приде къ нему, говоритъ лѣтописецъ, оже Ногай попередилъ его ко Кракову притн, и про се бысть межю има болшее нелюбье, и тако, не снимався съ Ногаемъ, и поиде назадъ на Львову землю (Льва Даниловича Галицкаго), на городъ на Львовъ, и стояша на Львовѣ землѣ двѣ недѣли, кормячесь, не воюючe..... Кто выѣхашеть изъ города, овы избиваша, а друзіи поимаша, а иныя, излупивше, пущаху нагы а тѣи отъ мороза изомроша, зане бысть зима люта велми.... Измре въ городѣхъ во остою (осадѣ) бесчисленое множьство, друзіи же изомроша въ селѣхъ, вышедше изъ городовъ, по отшествіи беззаконьныхъ Агарянъ» (Тамъ же, стр. 212). Нагай при Краковѣ не имѣлъ успѣха. Нападеніе Нагая и Телебуги на Польшу Польскіе историки относятъ одни къ 1288, а другіе къ 1291 году.

Наши Великорусскіе лѣтописцы также упоминаетъ о Ханахъ Нагаѣ и Телебугѣ: такъ во время борьбы между сыновьями Александра Невскаго, въ 1282 году, когда Андрей вторично ходилъ въ Большую Орду съ жалобою на своего брата, В. К. Дмитрія Александровича, и вернулся во Владимиръ съ вспомогательнымъ Татарскимъ войскомъ, Дмитрій бѣжалъ на берега Чернаго моря къ Хану Нагаю, какъ сопернику Хана Золотой Орды, былъ принятъ имъ съ честію, и, получивъ отъ него вспомогательное войско, изгналъ изъ Владимира Андрея. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что помощь эта была не безкорыстна, и Даніилъ получилъ ее не иначе, какъ признавъ себя данникомъ Нагая (Новгородская лѣтопись подъ 6791 годомъ). Вторично упоминаютъ намъ лѣтописи о Нагаѣ, по случаю происшествій въ Курской области, а именно: Въ 1278 г. Ханъ Нагай, утвердившись въ Южной Россіи, покорилъ Курскую область, а въ 1283 году одинъ изъ

его Баскаковъ, Ахматъ, откупивъ дани въ этой области, сталъ притѣснять Князей и народъ, и населилъ въ окрестностяхъ разореннаго Курска двѣ слободы; принимая подъ свою защиту бѣглыхъ преступниковъ, онъ завелъ тамъ разные промыслы и производилъ торги. Когда же Святославъ, Князь Липецкій (одинъ изъ Князей Курской области), съ дозволенія Хана Большой Орды, Телебуги, разорилъ Ахматовы слободы, въ его отсутствіе, тогда Ханъ Нагай послалъ для защиты Ахмата войско (1284 г.), и Князья Курскіе принуждены были по неволѣ на время уступить, поплатившись при томъ разореніемъ своихъ городовъ: Ворголя, Липецка и Рыльска. Когда же Татары ушли, то Ахматъ, хотя и возобновилъ слободы, но, не имѣя смѣлости самъ жить въ нихъ, оставилъ, для охраненія ихъ, своихъ братьевъ. Случилось такъ, что въ въ Ѳомино Воскресенье (1284 г.) оба брата Ахматовы шли, съ 30 человѣками Русскихъ, изъ одной слободы въ другую; Святославъ, Князь Липецкій, подстерегъ ихъ на дорогѣ и, ударивъ внезапно изъ засады, убилъ изъ означеннаго числа 25 Россіянъ и 2 Татаръ. На другой разбѣжались врозь и жители обѣихъ Ахматовыхъ слободъ. Олегъ Рыльскій, не знавшій ни чего о семъ, былъ тогда въ Большой Ордѣ у Телебуги; услышавъ же о поступкѣ Святослава, онъ не одобрилъ его, боясь новаго мщенія со стороны Нагая: «Для чего ты поступилъ не по правдѣ, говорилъ онъ Святославу, и возложилъ разбойническое имя на меня и на себя? Прошедшею зимою ты ударилъ грабительски на слободы, а теперь разбилъ на дорогѣ. Знаешь обычай Татарскій! И у насъ въ Руси разбои не проходятъ даромъ. Пойди въ Орду и отвѣчай какъ знаешь.»—«Знаю, что дѣлаю,» возразилъ Святославъ; «я правъ: они мнѣ враги.»—«Мы съ тобою присягнули, говорилъ Олегъ, дѣйствовать единодушно; однако, при нашествіи на насъ непріятелей, ты, не поѣхавъ со мною къ Хану, остался въ лѣсахъ Воронежскихъ для разбоя и забылъ клятву. Для чего убивать Татаръ самоуправно? Ты сдѣлалъ и меня и себя отвѣтчикомъ, къ Хану же твоему, Нагаю, не идешь оправдываться; и такъ пусть Богъ разсудитъ насъ.» За тѣмъ Олегъ отправился въ Орду; возвратясь оттуда съ Татарами, онъ, съ позволенія Ханскаго, убилъ Святослава. А вскорѣ, къ великой радости Ахмата, братъ Святослава, Александръ, убилъ Олега и двухъ его сыновей. Такъ Русскіе Князья гибли въ междоусобіяхъ, на радость своимъ врагамъ!

Что сталось съ Нагаемъ и его Ордою? Мы уже упомянули выше, что, по однимъ извѣстіямъ, онъ умеръ въ своей Ордѣ, а по другимъ убитъ своимъ соперникомъ, Ханомъ Большой (Сарайской) Орды, Тохтой. Такъ или иначе, но наши и Сербскія лѣтописи согласно свѣдѣтельствуютъ, что удаленію или переселенію Нагайской Орды съ береговъ Чернаго моря предшествовало внутреннее междоусобіе Татарскихъ Хановъ. Наши лѣтописцы подъ 1291 годомъ пишутъ: «Заратись Царь Тохта съ Телебугою Царемъ и со Алгуемъ, и побѣди Тохта Телебугу» (Воскр. II, 266). «Бысть мятежь въ Татарѣхъ: Царь Ногуй уби Телебугу Царя и Ангуя Царя» (1 Новгор. подъ 6799 г.). «Заратишася во Ордѣ Цари, Тохтя съ Телебугою и со Олгуемъ, и одолѣ Тохтя. Того же лѣта Ногой Царь уби Телебугу Царя и Салагуя» (Ник. III, 89). И такъ, послѣ этого междоусобія остались два Хана: Тохта и Нагай; снося съ этѣмъ извѣстіемъ Болгарское сказаніе о изгнаніи Тохтою изъ Молдавіи Нагая (Болгар. книжицы 1858 г., № 4, стр. 122), становится ясною причина какъ бы внезапнаго исчезновенія съ театра дѣйствій Орды, основанной Нагаемъ на берегахъ Чернаго моря. То же подтверждаютъ и Сербскіе лѣтописцы, говоря: «По отшествіи сего (сына Краля Милутина, Стефана) отъ Ногая, малу времени минувшу, діавольскимъ наважденіемъ воста нѣкоторый единъ сильно именитый тогожде языка Татарскаго съ силою своею, и пришедъ на сего нечестиваго Царя Ногеа, хвалившася на державу сего благочестиваго (то есть, Сербскаго Краля Милутина), и ту велицѣй рати бывшей и кровопролитію между ими, и умертвивъ и (то есть, Ногая) оружіемъ своимъ, пріятъ престолъ его. И оттолѣ начаша сами вражды имѣти между собою, скончавающеся» (Даніиловъ Родословникъ). Очевидно, что Тохта, побѣдивъ Нагая, котораго Ханы Большой Орды должны были считать всегда бунтовщикомъ, какъ отложившагося отъ нихъ своевольно, перемѣстилъ его Орду, съ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, ближе къ своимъ Волжскимъ улусамъ (туда, гдѣ до послѣдняго времени сохранились еще ея остатки), черезъ что избавлялись Южные Славяне отъ близости столь опасныхъ и хищныхъ сосѣдей. Извѣстныхъ въ послѣдующія времена Нагайскихъ Татаръ надобно считать остатками этой воинственной Орды, справедливо усвоившими и сохранившими за

собою имя дѣйствительно замѣчательнаго, по своимъ широкимъ замысламъ и современному вліянію, своего перваго властителя.

Д. Членъ Архимандритъ Леонидъ.

Константинополь.
Февраль 1867 года.

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

ЗАПИСКИ

АДМИРАЛА АЛЕКСАНДРА СЕМЕНОВИЧА

ШИШКОВА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ, скончавшійся 87 лѣтъ 1841 года, столько извѣстный своею Государственною и ученою дѣятельностью, о коемъ Пушкинъ, еще въ 1824 г., выразился, во 2-омъ посланіи къ Аристарху:

«Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года;
Одинъ, среди Вельможъ, онъ Русскихъ музъ любилъ,
Ихъ не замѣченныхъ созвалъ, соединилъ...»

оставилъ, говорятъ, послѣ себя много тетрадей «Памятныхъ Записокъ»; о 15-ти изъ нихъ упоминается въ «Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки 1852 года» (стр. 53), какъ о пріобрѣтеніи ея. Въ издаваемыхъ теперь мною «Запискахъ» онъ называетъ ихъ «Домашними Записками» (см. примѣч. стран. 112). Не извѣстно мнѣ, въ какомъ отношеніи находятся къ онымъ: «Краткія Записки А. Шишкова, веденныя во время пребыванія при блаженной памяти Государѣ Императорѣ Александрѣ 1-мъ въ бывшую съ Французами въ 1812 и послѣдующихъ годахъ войну», изданныя въ первый разъ въ С.-Петербургѣ 1831, и черезъ годъ (1832) во второй, въ Типографіи Россійской Академіи, въ 8-ку (12+299+2 стр.). Тогда же (1832 г.) были онѣ переведены на Нѣмецкій языкъ и напечатаны въ Лейпцигѣ, подъ заглавіемъ: «Memoiren des Admirals Chichkoff... aus dem Russischen von Karl Goldhammer» (въ 8 д. л.). Равнымъ образомъ не знаю я и отношенія къ «Памятнымъ или Домашнимъ Запискамъ» его предлагаемыхъ Записокъ, обнимающихъ, правда, всего только два года съ половиною (съ 15-го Мая, 1824-го, по 12-ое Декабря, 1826 г.), но за то какіе годы! Печа-

тая сіи Записки, я имѣлъ подъ рукою два полныхъ ихъ списка, и третій въ довольно обширномъ извлеченіи: всѣ три оказались буквально схожими, кромѣ небольшихъ, тамъ и сямъ, особенностей правописанія, принадлежащихъ, конечно, переписчикамъ. Говорятъ, существуетъ и печатное изданіе ихъ, на что, между прочимъ, указываютъ ссылки на него, которыя стали встрѣчаться съ недавняго времени въ нѣкоторыхъ повременныхъ изданіяхъ нашихъ (на примѣръ: въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Вѣстникѣ Европы и друг.). Но когда, гдѣ и кѣмъ онѣ изданы? За границей, сколько помнится, Записки эти не появлялись еще; стало быть, явились онѣ у насъ; но за чѣмъ же не для всѣхъ, а лишь для однихъ избранныхъ? Что въ нихъ заиретнаго, такого, что дѣлало бы ихъ достояніемъ только немногихъ? Али, какъ говоритъ поэтъ:

«Что нужно Лондону, то рано для Москвы?»

О. Бодянскій.

17-го Ноября, 1868 г.
Москва.

ЗАПИСКИ

АДМИРАЛА А. С. ШИШКОВА.

Маія 15 дня, 1824 года, именованъ я Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

Того жъ мѣсяца 25 числа былъ въ первый разъ у Государя и читалъ ему слѣдующую записку:

«Прошу Высочайшаго позволенія:

1. Поручить мнѣ сдѣлать планъ, какіе употребить способы къ тихому и скорому потушенію того зла, которое хотя и не носитъ у насъ имени карбонарства, но есть точно оное, и уже крѣпко разными средствами усилилось и распространилось такъ, что если въ нынѣшнее время не обратить на него бдительнаго вниманія, не взять противъ него должныхъ мѣръ, и попустить ему еще нѣсколько возрастать, то уже силы его ни что не остановитъ.

2. Планъ сей буду я дѣлать медленно, осмотрительно, съ ясными на каждую статью доказательствами, сносясь и совѣтуясь тихо и подъ рукою съ благоразумными и благомыслящими людьми: по духовнымъ частямъ съ духовными, а по гражданскимъ съ гражданскими особами, преданными Государю и Отечеству. Все сіе, по мѣрѣ возрастанія сего плана, буду я по временамъ предварительно представлять на благоусмотрѣніе Вашего Величества.

3. Для обузданія разврата, разсѣеваемаго въ книгахъ тысячами различныхъ образовъ, не дожидаясь вышеозначеннаго

мною общаго плана, нужно какъ найскорѣе устроить Цензуру, которая до сего времени, можно сказать, не существовала. Сему цензурному постановленію надлежитъ немедленно и прежде всего сдѣлать особый планъ, которымъ, если угодно будетъ, я неукоснительно займусь и представлю Вашему Величеству. Потомъ въ дальнѣйшихъ на то подвигахъ да поможетъ мнѣ Господь и Государь!»

Его Императорское Величество, принявъ меня милостиво, одобрилъ сіе мое представленіе, и приказалъ мнѣ приступить къ начертанію сихъ плановъ. Послѣ чего подалъ я ему бумагу, прося его въ свободные часы прочитать оную. Бумага сія была слѣдующаго содержанія:

«Всемилостивѣйшій Государь!

Угодно было Монаршей волѣ Твоей, безъ всякаго у меня вопроса и безъ всякаго исканія моего, наименовать меня Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ самое многотруднѣйшее время для сего званія. Я повиновался священному гласу Твоему въ 1812 году, когда врагъ Отечества шелъ съ оружіемъ на Россію. Съ тѣмъ же пламеннымъ усердіемъ повинуюсь и нынѣ, когда тайная вражда умышляетъ противъ Церкви и Престола. Но, Государь, могу ли я, утружденный бременемъ лѣтъ и болѣзнями, стать противу гидры, которую преодолѣть потребны Геркулесовы силы? Нравственный развратъ, подъ названіемъ духа времени, долго росъ и усиливался. Юноши, воспитанные въ немъ, возмужали, и весьма многіе больше или меньше впали въ сіе заблужденіе, подкрѣпляемое неопытностію и самолюбіемъ. Сіе ослѣпленіе, подъ самыми священнѣйшими именами благочестія и человѣколюбія, умѣло вползать въ невинныя сердца и заражать ихъ ядомъ своимъ. Министерство Просвѣщенія, не знаю, по какимъ причинамъ, но явно и очевидно, попускало долгое время расти сему злу, и, мало сказать, попускало, но оказывало тому всякое покровительство и ободреніе. Восемь лѣтъ тому назадъ, въ представленномъ отъ меня Государственному Совѣту мнѣніи моемъ о Цензурѣ, говорилъ и доказывалъ я то же, что говорю теперь. Восемь лѣтъ много времени! Тогда уже плоды сего разврата явно

оказывались, не въ тихихъ между собою бесѣдахъ и разговорахъ, но и въ печатныхъ книгахъ, издаваемыхъ отъ Правительства и разсылаемыхъ въ Училища для преподаванія по нимъ наставленія юношамъ. Нынѣ сему, долговременно продолжавшемуся, теченію обстоятельствъ, безъ сомнѣнія, принесшихъ уже великіе успѣхи, дѣлается переломъ. Надлежитъ сей, широко разлившейся и быстрой, рѣкѣ поставить преграду. Сею преградою, симъ оплотомъ, Государь, повелеваешь ты быть мнѣ. Смѣю сказать (и Богъ мнѣ въ этомъ свидѣтель), что въ ревности и усердіи моемъ исполнить толь священную волю Твою, ни кому я не уступлю: у насъ, старыхъ людей, но Богѣ—Царь. Но опять возвращаюсь къ прежнему: тѣлесныя силы мои слабѣютъ, а съ ними притупляется и зрѣніе и память. Съ сими ли недостатками могу я быть въ толь важномъ подвигѣ дѣятельнымъ воли твоей исполнителемъ? Чувствую, что самъ собою я слабъ, немощенъ, ничтоженъ. Слѣдовательно, при таковомъ чувствованіи моемъ надлежало бы мнѣ упасть къ стопамъ Твоимъ и просить о снятіи съ меня сего бремени, котораго я понести не въ силахъ. Но Ты, не спрося меня, слово свое изрекъ. Можетъ ли даже и самая старость и слабость моя, при гласѣ Благословеннаго Александра, не воспрянуть и не ободриться? Могу ли святость изреченія Твоего остановить моею неспособностію? Долгъ и благоговѣніе мое воспрещаетъ мнѣ и помыслить о томъ. И такъ, Государь, я повинуюсь Тебѣ, повинуюсь охотно, вседушно, всеусердно: пріемлю на себя возложенное тобою бремя. Въ сихъ трудныхъ для меня обстоятельствахъ, имѣю я единую надежду на Бога; но позволь мнѣ, Государь, имѣть и другую на Тебя. Поддержи меня могуществомъ Твоей руки, подкрѣпи меня твердостію Твоей воли, просвѣти меня силою Твоего свѣдѣнія и разума! Безъ сего я буду ничтоженъ, безполезенъ Тебѣ, ненуженъ Отечеству и самому себѣ вреденъ. Я знаю, что при семъ переломѣ тысячи очей обращены на меня и ожидаютъ, какое сдѣлать заключеніе изъ обращенія Твоего со мною; если примѣтятъ, что я недоступенъ до Тебя, не могу сообщать Тебѣ мыслей моихъ, не могу пользоваться и руководствоваться Твоими наставленіями, то противная благимъ правиламъ и намѣреніямъ сторона тотчасъ ободрится и станетъ обо мнѣ разглашать: ему ли, съ его малосиліемъ, удержать наше стремленіе? Она восторжествуетъ и содѣлается дерзновеннѣе

прежняго. Я подвергнусь ихъ пронырствамъ и посмѣянію, да и самые благомысленные люди станутъ укорять меня безпечностію, нерадѣтельностію и, можетъ быть, я потеряю имя усерднаго Царю и Отечеству слуги, имя, столь для меня драгоцѣнное и котораго я ни за какія золотыя горы не промѣняю, ни для какихъ угрожающихъ мнѣ бѣдствій не отступлюсь. Вотъ, Всемилостивѣйшій Государь, чистосердечное предъ Тобою чувствъ моихъ изліяніе. Не подумай, глава Церкви и Отечества, чтобъ я, не чувствуя важности Твоихъ занятій и драгоцѣнности Твоихъ часовъ, хотѣлъ обременять Тебя какими либо мелочными докладами, или маловажными представленіями, но не возбраняй мнѣ входа съ нужными дѣлами, не отнимай у меня смѣлости обнажать предъ Тобою всю глубину души моей, всѣ мои помышленія, и слышать изъ устъ Твоихъ изреченный на нихъ судъ Твой и волю! Злочестіе и дерзость да увидятъ во мнѣ подъятое на нихъ орудіе Твое, и усмирятся. Безъ сего я буду слабая трость и, не взирая на величайшую мою преданность и повиновеніе, принужденъ буду сказать: «Воля Твоя, Государь, нѣтъ моихъ силъ: сними съ меня наложенное выше способностей моихъ бремя!» Не подумай также, милосердый Монархъ, чтобъ я изъ какой либо корысти, или честолюбія, искалъ приблизиться къ Тебѣ. Я безъ нихъ прожилъ на свѣтѣ семдесятъ лѣтъ, которые прошли какъ одинъ мигъ. Остатокъ дней моихъ кратокъ; онъ не возродитъ во мнѣ сихъ желаній. Я буду преданъ Тебѣ по гробъ мой, но собственно для меня надобенъ одинъ только Богъ. Прости великодушно сему чистосердечному объясненію моему, и да будетъ со мной Твоя Богомъ внушенная воля!

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный

А. Ш.»

Маія 22 дня, 1824 года.

Того жь мѣсяца 31 числа, въ 6 часовъ по полудни, на Каменномъ Острову былъ я у Государя съ докладами. Его Величество, принявъ меня, милостиво сказалъ мнѣ, что, по прочтеніи моей бумаги, всегдашнее уваженіе Его къ благороднымъ мыслямъ и чувствамъ моимъ, о которыхъ Онъ по опыту знаетъ, не только

не уменьшилось, но еще болѣе увеличилось. Я просилъ у Него позволенія и впредь объясняться съ Нимъ на бумагѣ, по тому что, въ устныхъ разговорахъ часто, а особливо при моей устарѣлой уже памяти, могу я забывать, о чемъ доложить Ему хотѣлъ. Онъ похвалилъ меня за сіе и сказалъ, что это гораздо лучше. Тутъ же, въ слѣдствіе испрошеннаго мною позволенія о сочиненіи плановъ, читалъ я ему слѣдующую бумагу:

«О цензурѣ или разсматриваніи книгъ.

Цензуру полезно устроить на слѣдующемъ основаніи:

1. Просмотрѣть Цензурный Уставъ, нѣтъ ли чего въ немъ выпустить, или прибавить, и если найдутся какія излишества, или недостатки, то исправить, пополнить и вновь издать оный.

2. Цензурный Уставъ долженъ быть напечатанъ и во всякой типографіи хранимъ, дабы писатели могли заблаговременно знать, какими правилами должны они въ сочиненіяхъ своихъ руководствоваться и чего остерегаться.

3. Сей Уставъ долженъ быть таковъ, чтобъ, давая свободу и отнюдь не связывая ума и дарованій писателя, служилъ, однако жь, къ обузданію своевольныхъ и неосновательныхъ мыслей, предписывая о наблюденіи, чтобъ издаваемыя сочиненія были въ правилахъ нравственности, въ правилахъ истиннаго просвѣщенія, никому необидны, всякому для чтенія полезны, или, по крайней мѣрѣ, забавны, но безъ всякаго вреда нравамъ, наукамъ и языку.

4. По изданіи Цензурнаго Устава надлежитъ избрать шесть, или восемь, человѣкъ, искусныхъ въ Словесности, Цензоровъ, съ хорошимъ содержаніемъ, и поручить изъ нихъ одному философическія, другому историческія, третьему нравственныя книги, четвертому журналы, и такъ далѣе, съ обязанностію, чтобъ каждый изъ нихъ вступающія къ нему по его части книги прилежно отъ доски до доски прочитывалъ, и на всѣхъ сомнительныхъ ему, особливо же несходныхъ съ Уставомъ, мѣстахъ останавливался и замѣчалъ ихъ, для донесенія Министру Просвѣще-

нія, который самъ собою или, въ случаѣ важности, по совѣту съ Верховнымъ Цензурнымъ Комитетомъ, приказывалъ бы пропустить, или не пропустить ихъ.

5. Верховный Цензурный Комитетъ долженъ состоять изъ шести, или, по крайней мѣрѣ, изъ пяти, особъ, а именно: изъ Митрополита, или ученаго Архіепископа, изъ Министра Просвѣщенія, Министра, Полиціи, Министра Внутреннихъ Дѣлъ и Министра Юстиціи. Можно къ симъ присовокупить и еще одного изъ Государственныхъ людей, имѣющаго достаточныя познанія.

6. Комитетъ сей долженъ требовать отъ Святѣйшаго Синода, нѣтъ ли какихъ изданныхъ въ свѣтъ противъ Православной нашей Церкви книгъ, и если таковыя книги найдутся и отъ него именованы будутъ, то, по расмотрѣніи оныхъ въ Комитетѣ, представить Государю Императору, дабы повелѣно было истребить оныя.

7. Образъ сего истребленія долженъ быть слѣдующій: безъ большой огласки отобрать ихъ у всѣхъ книгопродавцевъ, заплатя имъ за оныя умѣренную цѣну и запретя впредь продавать и перепечатывать. Но какъ таковое отобраніе не можетъ простираться на частныхъ людей, заранѣе купившихъ оныя, то оставить сіе безъ отыскиванія; а дабы уменьшить вредъ, приносимый ими, то можно противъ оныхъ издавать другія книги, доказывающія, или осуждающія, или осмѣивающія нелѣпость и безнравственность содержащихся въ нихъ умствованій и ученій.

8. Сверхъ наблюденія, чтобъ впредь худыя книги не были издаваемы и самыя вреднѣйшія изъ нихъ сколько можно истреблены, надлежитъ поручить Цензорамъ и всѣ изданныя до сего книги прочитать, съ тѣмъ, чтобъ попадающіяся въ нихъ худыя и безнравственныя мѣста выписывать, указуя и книгу и страницу, на которой таковая мысль, или выраженіе, встрѣтится. Тогда, по собраніи сихъ выписокъ, Верховный Комитетъ разсмотритъ ихъ и рѣшитъ, чтобъ, при перепечатываніи сихъ книгъ, негодныя мѣста были изъ нихъ выкинуты, или же и вся книга осуждена не быть никогда возобновленною.

9. Верховный Цензурный Комитетъ имѣетъ право и обязанность призывать къ себѣ тѣхъ писателей, которые подобное что ни будь написали и въ печать издали, или издать хотятъ, и дѣлать имъ замѣчанія, что образъ мыслей ихъ худъ, и чтобъ они впредь отъ изъявленія онаго воздерживались.

10. Цензоръ, пропустившій какое либо худое мѣсто, не донеся о томъ Цензурному Комитету и не получа отъ него разрѣшенія, отвѣтствуетъ за оное и подвергается наказанію, смотря по важности пропущеннаго имъ мѣста.

11. То жь самое наблюдается при издаваніи, или перепечатываніи, здѣсь иностранныхъ книгъ.

12. Министръ Просвѣщенія приготовляетъ дѣла и назначаетъ день для общаго засѣданія Верховнаго Комитета, о мнѣніи и положеніяхъ коего доноситъ Государю Императору на утвержденіе.»

По прочтеніи сей бумаги, Его Величество одобрилъ оную во всемъ, и когда я предложилъ Ему оставить ее у Него, дабы вновь на свободѣ прочитать и просмотрѣть, не найдетъ ли чего убавить, прибавить, или замѣтить, тогда Онъ спросилъ у меня: оставилъ ли я у себя списокъ съ ней? И когда я отвѣчалъ: нѣтъ, то Онъ приказалъ мнѣ, чтобъ я велѣлъ списать ее для себя, а подлинникъ, написанный моею рукою, отдалъ Ему при будущемъ докладѣ.

Іюня 7 числа, въ 6 часовъ по полудни, былъ я въ Царскомъ Селѣ съ докладами у Государя, и отдалъ Ему слѣдующую бумагу:

«Отъ Комитета Господъ Министровъ поручено было мнѣ и Министру Внутреннихъ Дѣлъ разсмотрѣть печатный переводъ Госнеровой книги. Разсмотрѣніе сіе внесено въ Комитетъ и читано сего Іюня 3-го числа, вмѣстѣ съ слѣдствіемъ отъ Полиціи, по сему дѣлу произведеннымъ. Не увлекаясь ни строгостію обвиненія, ни снисходительностію оправданія, но входя, чрезъ соображеніе одного мѣста съ другимъ, въ точный смыслъ и духъ сей книги, не возможно не признать цѣли ея, явно и очевидно состоящей въ

томъ, чтобъ, подъ видомъ толкованія Евангельскихъ текстовъ, проповѣдывать низверженіе всякой Христіянской Вѣры, отвращеніе отъ Священныхъ писаній и позывъ на возстаніе противъ всѣхъ Первосвященниковъ, всѣхъ Вельможъ и Царей. Намѣреніе сей книги согласуется со многими другими, изданными уже въ свѣтъ, и со всѣми прочими, предпріятыми по сему различными способами и дѣйствіями. Въ вышезначенномъ слѣдствіи открывается, что Директоръ Министерства Просвѣщенія самъ поправлялъ ее собственными своими толкованіями въ томъ же точно духѣ, въ какомъ писана сія книга, и, по признаніи оной всѣми за безбожную и зловредную, не перестаетъ и послѣ сего утверждать ее благочестивою и благонамѣренною. Когда Министерство Просвѣщенія не только не отвращало подобныхъ возмутительныхъ ученій и предпріемлемыхъ мѣръ, но старалось даже съ отличнымъ рвеніемъ распространять ихъ; когда оно размножало таковыя правила посредствомъ нарочно выписываемыхъ для сего проповѣдниковъ и миссіонеровъ, какъ въ столицы, такъ и во внутренность Государства; когда, слѣдственно, при таковой системѣ своей, долженствовало твердыхъ въ Вѣрѣ и преданныхъ Государю и Отечеству благомыслящихъ людей тѣснить и отдалять, вводя ихъ въ подозрѣніе, дабы себя отъ подозрѣнія и уличенія избавить; когда все сіе дѣлалось и длилось не малое время, то нельзя ни какъ въ великости происшедшихъ отъ того успѣховъ сомнѣваться. Равнымъ образомъ и то не возможно, чтобъ сіи дѣйствія и успѣхи ихъ оставались сокрытыми отъ очей народныхъ: они, подобно горящему зданію, до тѣхъ поръ неявны, доколѣ малы; но чѣмъ болѣе возрастаютъ, тѣмъ и всякому виднѣе становятся, и тѣмъ сильнѣйшее обращается на нихъ вниманіе не только своего, но и чужихъ народовъ; видя домъ свой зажигаемымъ, трепещатъ отъ ужаса и чужіе народы; при распространеніи огня сего въ сильной, страшной для нихъ, Державѣ, радуются, ибо на разрушеніи силъ ея создаютъ надежду своего величія. Главнѣйшее и сильнѣйшее потрясеніе Царства производится стремленіями къ разрушенію господствующей въ немъ Вѣры. Струна сія чрезвычайной важности: она, какъ въ электрическомъ сооруженіи, не можетъ быть тронута безъ послѣдованія за симъ страшнаго удара. Тогда или разрушители Вѣры одерживаютъ верхъ, и Царство погибаетъ, или народъ, вступясь за Вѣру, вос-

пается мщеніемъ и проливаетъ кровавые своихъ и чужихъ токи. Оба сіи случая суть бѣдственные и ужасные, и по тому заблаговременная прозорливость долженствуетъ всѣми способами не допускать до созрѣванія сего волненія умовъ и страстей, разрывающаго всѣ общественныя связи. По сіе время, видя явное въ Министерствѣ Просвѣщенія покровительство и стараніе о распространеніи противныхъ Вѣрѣ толковъ, гоненіе тѣмъ, кои защищали оную, и нѣкое господство надъ самимъ Синодомъ, благомыслящіе и твердые въ правилахъ люди, воздыхая, принуждены были молчать, а не твердые, побуждаясь корыстію и почестями, преклонялись на сторону (Просвѣщенія) Министерства; но когда сдѣлалась въ немъ неожидаемая ни кѣмъ перемѣна, тогда вниманіе всѣхъ обратилось на то, что, конечно, худость направленія умовъ открылась Верховной Власти, и она приняла мѣры къ обращенію всѣхъ на иной, противной сему, путь. Зловредность прежняго пути внезапною переменою сею обнаружилась яснѣе тѣмъ, что ропотъ на бывшее Министерство сдѣлался общій. Въ сихъ обстоятельствахъ, естественно, всѣ обрадовались, ожили и возложили на Тебя, Государь, несомнѣнную надежду, что Ты предпріялъ твердо истребить корни посѣяннаго зла и возстановить поколебленное спокойствіе. Я увѣренъ въ любви и преданности къ Тебѣ Россійскаго народа: онъ твердъ и незыблемъ въ ней, какъ непотрясаемая ни чѣмъ гора, но столько же и твердъ въ Вѣрѣ своей Православной, утвержденной вѣками. Одно только покушеніе противъ ней можетъ поколебать вѣрность его къ Тебѣ. Въ прошедшую войну съ Французами, или, лучше сказать, со всею Европою, Вѣра спасла и вознесла Тебя и насъ: да не будетъ Вѣра сія поругана и да не вознесетъ Православный на Православнаго и братъ на брата оружія своего! Боже да сохранитъ отъ сего и помилуетъ насъ!

Всемилостивѣйшій Государь, прости изліянію сихъ боязненныхъ чувствъ моихъ предъ Тобою! Время и обстоятельства исторгаютъ ихъ изъ души моей. Не настоитъ, конечно, ни какой еще опасности, но и отвращается оная не тогда, когда настанетъ, или усилится. Не ослаби единственной на Тебя надежды Твоихъ вѣрноподданныхъ! Малѣйшій видъ, что Ты попускаешь оставаться прежнимъ дѣйствіямъ и держишь надъ ними руку свою, приве-

детъ всѣхъ въ сомнѣніе о чистотѣ Твоихъ намѣреній и повергнетъ ихъ въ отчаяніе. Да не падетъ ни малѣйшая пылинка на священное имя Твое, — вотъ страхъ мой. Еще, умоляю Тебя, прости смѣлости моихъ рѣчей и дерзости совѣтовъ: сія смѣлость и сей страхъ не родились бы никогда во мнѣ, если бы я не о Твоей, всѣмъ нужной, но только о своей ничтожной пользѣ, помышлялъ.»

(Сію записку отдалъ я безъ подписанія имени моего, прося, какъ и прежде, прочитать ее безъ меня, и примолвя къ тому, что если найдетъ Онъ въ ней что либо не по мыслямъ своимъ, то простилъ бы моему чистосердечію. На сіе отвѣчалъ Онъ мнѣ, что Онъ находитъ разсужденія мои и мысли справедливыми, равно какъ и всѣ тѣ бумаги, которыя я въ прежнюю бытность мою при Немъ написалъ къ Нему. Предположеніе мое объ учрежденіи Цензуры и Верховнаго Цензурнаго Комитета оставилъ я у Него.)

Того жъ мѣсяца 14-го числа ѣздилъ я на Каменный Островъ съ докладами, но не былъ принятъ.

Того жъ мѣсяца 21-го числа тожъ ѣздилъ я въ Царское Село съ докладами, но не былъ принятъ.

Того жъ мѣсяца 28 числа Государь былъ отсутственъ.

Іюля 2-го числа писалъ я къ Государю слѣдующее: «Министръ Просвѣщенія Шишковъ, по приглашенію Графа Аракчеева, пріѣхать къ нему въ Грузино на 5 и 6 числа сего мѣсяца, проситъ позволенія въ субботу, т. е., 5 числа, отлучиться туда, послѣ, или прежде, доклада, какъ ему позволено будетъ.»

Сія записка прислана была ко мнѣ обратно съ слѣдующимъ отвѣтомъ, написаннымъ карандашемъ собственною Его Величества рукою: «Весьма согласенъ, и дабы удобнѣе вамъ ѣхать, я васъ приму въ субботу, въ 11-ть часовъ утра, въ Красномъ, Селѣ.» (Обыкновенно же докладывалъ я въ 6-ть часовъ по полудни.)

5-го числа того жъ мѣсяца былъ я въ Красномъ Селѣ съ докладами. Государь Императоръ между прочимъ изъявилъ мнѣ

благоволеніе свое за оставленную у Него, Іюня 7 числа, записку мою, обѣщая волю свою о семъ сдѣлать гласною. Оттуда отправился я въ Грузино, и пробылъ тамъ до 8 числа.

10-го числа того жь мѣсяца послалъ я къ Государю Императору слѣдующую записку: «Министръ Просвѣщенія, не имѣя ни какихъ нужныхъ докладовъ, которые бы не терпѣли времени, а при томъ и опасаясь сдѣлать неблаговременный въ Красное Село пріѣздъ, осмѣливается, по данному ему отъ Вашего Величества позволенію, отложить докладъ свой до 19 числа сего мѣсяца. Впрочемъ, онъ былъ у Графа Алексѣя Андреевича, переговорилъ съ нимъ обо всемъ нужномъ, видѣлъ поселенія, и займется приготовленіемъ предположенныхъ бумагъ.»

11-го числа того жь мѣсяца послалъ я къ Графу Аракчееву слѣдующее письмо:

«Милостивый Государь,

Графъ Алексѣй Андреевичъ!

Первымъ долгомъ поставляю принесть Вашему Сіятельству мою покорнѣйшую благодарность за пріятные часы, какіе препроводилъ я въ прекрасномъ вашемъ Грузинѣ, за угощеніе меня и показаніе мнѣ чудесныхъ красотъ поселенія. По изъявленіи сей моей особенной благодарности, позвольте поговорить съ откровенностію нѣчто о дѣлѣ общемъ. Ваше Сіятельство получили уже, или скоро получите, журналъ Комитета Господъ Министровъ о Госнерской исторіи. Въ немъ, безъ сомнѣнія, усмотрѣть изволите, до какой степени простиралась дерзость проповѣдывать безвѣріе и революцію. Впрочемъ, не одна сія книга, но и многія, равно какъ и всѣ дѣйствія къ тому же клонились, такъ что, соображая всѣ обстоятельства, ни какимъ образомъ не можно отрицать, чтобъ не было въ томъ явнаго намѣренія. Вся Россія и даже чужія земли это знали и видѣли. Случай съ сею книгою, и послѣдовавшая изъ того перемѣна Министерства, естественно подали поводъ говорить и разсуждать о томъ гласно. Государь Императоръ изволилъ книгу, какъ злонамѣренную, прислать на разсмотрѣніе въ Комитетъ, который и нашелъ ее точно таковою, и сочинитель ея высланъ. За всѣмъ симъ бывшій Директоръ

Министерства Просвѣщенія, Г. Поповъ, изобличенный не только въ пропускѣ, но и въ поправленіи ея, находитъ и утверждаетъ письменно какъ книгу сію полезною, такъ и высланнаго сочинителя ея, Госнера, благонамѣреннымъ человѣкомъ: слѣдственно, оглашаетъ сей актъ Правительства несправедливымъ. Все сіе всему свѣту извѣстно; ибо дѣло подобной важности не можетъ быть сокрыто, и не можетъ не обращать на себя сильнаго всѣхъ вниманія. Рѣшеніе онаго подастъ поводъ къ заключенію, которая сторона поддерживается, а заключеніе обыкновенно поведетъ къ слѣдствію, къ которой сторонѣ лучше пристать? Хотя всѣ знаютъ Государя Императора кроткимъ и милосердымъ, однако жь здѣсь идетъ дѣло о первѣйшемъ преступленіи, т. е., о заговорѣ и о возстаніи противъ Алтаря и Престола, о возстаніи весьма ожесточенномъ и твердомъ, которое, не смотря на сужденіе Госнеровой книги самимъ Государемъ и Комитетомъ Министровъ, не хочетъ сознаться въ ея худости, ниже извиниться недоразумѣніемъ своимъ; а по тому оставить сего человѣка при прежнихъ его преимуществахъ не можетъ ни какимъ образомъ приписано быть кротости и милосердію, но нѣкоему особенному покровительству. Послѣ сего ни какія слова и повелѣнія къ остановленію успѣховъ зла не могутъ имѣть должной важности и силы; ибо въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно смотрятъ на дѣйствія, которыя всегда бываютъ сильнѣе словъ. Бумага, о которой Ваше Сіятельство говорить мнѣ изволили, не произведетъ послѣ сего ни какихъ плодовъ. Сверхъ сего, если бы кто послѣ сего оказался въ подобной же дерзости и преступленіи, то какимъ образомъ, спустя одному, можно будетъ, безъ нарушенія справедливости, наказать другого? По всѣмъ симъ обстоятельствамъ хотя отнюдь не желаю я Г. Попову и никому ни малѣйшаго зла, и не имѣю ни какой причины желать, но какъ ненаказанность его бросаетъ нѣкоторую тѣнь подозрѣнія на священное имя Государя Императора, то въ такомъ случаѣ не могу я щадить и ходатайствовать ни за кого, ни за брата моего, ниже за самаго себя. По крайней мѣрѣ, по моему мнѣнію, надлежитъ лишить его нынѣшняго мѣста и удалить хотя на нѣкоторое время.

Я счелъ за нужное и должное изъявить Вашему Сіятельству мои мысли и предать ихъ вамъ на судъ. Впрочемъ, рѣ-

ніе и воля Государя Императора всегда будутъ для меня священны.

Съ истиннымъ и совершеннымъ почитаніемъ и преданностію имѣю честь быть Вашего Сіятельства

покорнѣйшій слуга А. Ш.»

12-го числа я съ докладами не ѣздилъ.

19-го числа ѣздилъ я съ докладами въ Царское Село, но Государя тутъ не нашелъ; Онъ возвратился уже поздно, и на другой день приказалъ мнѣ сказать, что Онъ и самъ имѣетъ нужду со мной поговорить, но, за отъѣздомъ въ Петергофъ, принять меня не можетъ, а увидится со мною тамъ.

21-го числа поѣхалъ я въ Петергофъ и велѣлъ доложить Государю, что я останусь сдѣсь и буду дожидаться, когда Ему угодно будетъ меня позвать. 24-го Великій Князь Николай Павловичъ съ супругою своею отправился въ море на кораблѣ «Эмгейтенъ». Въ бытность мою въ Петергофѣ обѣдалъ я два раза у Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

26-го числа Государь прислалъ за мною, чтобъ я въ часъ по полудни пришелъ къ Нему съ докладами. По окончаніи дѣлъ разговоръ былъ о Грузинѣ и поселеніяхъ. А какъ въ бытность мою у Графа Аракчеева, объявилъ Онъ мнѣ, что записка моя, которую Іюня 7-го дня оставилъ я у Государя, прислана къ Нему, и что Его Величество полагаетъ содѣлать волю свою гласною тѣмъ, что при отъѣздѣ своемъ оставитъ на имя мое письменное повелѣніе и препоручаетъ мнѣ написать оное, то, въ слѣдствіе сего, приготовилъ и прочиталъ я бумагу слѣдующаго содержанія:

«Къ крайнему сожалѣнію Нашему примѣчаемъ Мы, что Министерство Просвѣщенія, отъ самаго начала учрежденія своего, различными дѣйствіями своими отъ часу болѣе уклонившимся отъ благотворныхъ за нравственностію наблюденій, не соотвѣтствовало распространенію тѣхъ пользъ, какихъ Мы отъ него желали

и ожидали. Истинное просвѣщеніе состоитъ въ страхѣ Божіемъ, который есть начало премудрости; въ утвержденіи себя въ Православной нашей Вѣрѣ, напояющее душу и сердце человѣческое благоговѣніемъ къ Богу, любовію къ ближнему и всѣми нужнымъ для блаженственнаго общежитія добродѣтелями, и наконецъ въ украшеніи ума своего науками, отверзающими путь къ обширнѣйшимъ познаніямъ, къ полезнымъ искуствамъ и художествамъ. Но всѣ сіи стремленія къ обогащенію себя всѣми нужными свѣденіями должны основаны быть на кротости и смиренномъ разумѣ, чуждомъ возбужденныхъ страстями буйныхъ умствованій, вовлекающихъ въ неистовыя строптивыя заблужденія. Возносчивый умъ, не сопровождаемый благостію души, мрачнѣе и вреднѣе всякой простоты. Гордымъ противится Богъ, говоритъ Божественное слово; но что иное высокопарныя мнимыхъ мудрецовъ мечтанія, какъ не безумная гордость сердца? Она ослѣпляетъ умъ, помрачаетъ разсудокъ и, погашая свѣтъ Вѣры и наукъ, ведетъ, подъ именами оныхъ, въ невѣжество и тьму. Сколько сіи ложныя умствованія, подъ пышнымъ именемъ любомудрія, произвели пагубныхъ для человѣческаго рода слѣдствій! Истинное любомудріе тамъ водворяется и свѣтъ онаго тамъ свѣтитъ, гдѣ люди руководствуются законами Вышняго и правилами Вѣры, пріобрѣтая, по словамъ ея, съ мудростію змѣи, беззлобіе голубя, а не тамъ, гдѣ ухищряются они ложными толкованіями превращать духъ кротости въ духъ киченія и любовь къ общему благоденствію въ любовь къ одному себѣ. Тамъ всегда тяготѣла надъ нимъ рука Господня. Такъ съ разрушеніемъ порядка и законовъ поднимало лютую главу свою звѣрское безначаліе, и до тѣхъ поръ всѣми ужасами и муками терзало тишину общежитія, доколѣ удрученные въ изнеможеніи народы, познавъ обманъ и прелесть лжеучителей, не обращались паки къ прежнему благочестію и благоустройству. Срашные примѣры сему, въ нѣкоторыхъ странахъ свирѣпствовавшіе, долженствовали бы обуздать и усмирить киченіе ума человѣческаго, но злочестіе столь надменно и злобно, что оно не перестаетъ покушаться разливать повсюду ядовитыя внушенія свои, основывая ихъ частію на жестокости сердецъ, частію же на простотѣ умовъ людскихъ. Хотя Богомъ ввѣренный Намъ народъ христолюбивый Россійскій всегда былъ чуждъ сихъ неистовыхъ мнѣній, всегда твердъ въ Православной

Вѣрѣ, всегда вѣренъ Престолу и Отечеству, и хотя Мы не имѣемъ ни малѣйшаго въ томъ сомнѣнія, но, желая предохранить даже и малую часть людей, а особливо юношей, могущихъ, по неопытности и незрѣлости разсудка, прельститься сими соблазнительными лжами, повелѣваемъ вамъ войти въ строгое наблюденіе: не преподаются ли гдѣ въ Университетахъ, Гимназіяхъ, Народныхъ Училищахъ и Пансіонахъ, подъ видомъ наукъ, какія либо вредныя ученія; не разсѣяваются ли гдѣ въ свѣтской Словесности подобныя же мысли и сужденія; не выдаетъ ли кто себя за проповѣдника и учителя таковыхъ новизнъ? Однимъ словомъ, должны обратить вниманіе свое на всѣ подобныя дѣйствія, равно какъ и на книги, доселѣ изданныя и впредь издаваемыя, отвращая могущій происходить отъ нихъ вредъ всѣми возможными способами, а особливо изобличеніемъ лжемудрованія ихъ и замѣчаніемъ тѣхъ людей, кои подобное сему въ свѣтѣ выпускать, или какими иными средствами внушать и распространять, покушаются. Для сего представьте Намъ объ учрежденіи новой Цензуры, которая бы достаточна была имѣть надъ тѣмъ должный надзоръ. Въ Указѣ блаженной памяти Императрицы Екатерины II, данномъ въ Царскомъ Селѣ Іюля въ 27 день, 1787 г., и въ собственномъ Нашемъ, данномъ Правительствующему Сенату Февраля въ 9-й день, 1804 года, въ третьемъ пунктѣ изображено: «Что принадлежитъ до книгъ церковныхъ и вообще къ Вѣрѣ относящихся, въ изданіи ихъ поступать на точномъ основаніи Указа 27 Іюля, 1787 года, коимъ воспрещается въ частныхъ типографіяхъ печатать церковныя, или къ Священному Писанію, Вѣрѣ, либо толкованію законовъ, святости относящіяся книги: таковыя должны быть печатаны въ Синодальной, или иныхъ типографіяхъ, подъ вѣдомствомъ Синода состоящихъ.» Въ Цензурномъ Уставѣ, конфирмованномъ Нами того жь года 9-го Іюля, въ 8 пунктѣ сказано: «Книги и сочиненія, до Вѣры относящіяся и подлежащія къ печатанію въ Духовныхъ типографіяхъ, должны быть разсматриваемы Духовною Цензурою, находящеюся подъ вѣдѣніемъ Св. Синода и Епархіальныхъ Архіереевъ.» Но нынѣ дошло до Нашего свѣдѣнія, что таковыя книги, сочиняемыя и переводимыя съ иностранныхъ языковъ, вопреки вышеупомянутыхъ повелѣній, разсматриваны были Свѣтскою Цензурою и печатались въ частныхъ типографіяхъ, по чему и повелѣваемъ вамъ обратить строгое на то

вниманіе и, по сношенію съ Синодомъ, взять противъ распространенія содержащагося въ нихъ разврата должныя мѣры.»

По прочтеніи сей бумаги, Государь Императоръ изволилъ сказать мнѣ, что она краснорѣчиво и въ хорошихъ правилахъ написана, но что Онъ хочетъ еще ее просмотрѣть, и по тому приказалъ оставить у себя. * Въ то жь время прочиталъ я еще слѣдующую отъ имени моего записку:

«Не извѣстно мнѣ, по чему Министерство Просвѣщенія, уклонясь отъ общаго постановленія о Министерствахъ, не имѣло у себя ни Канцеляріи, ни особаго при ней Директора, соединяя онаго въ одномъ лицѣ съ Директоромъ Департамента. На семъ основаніи дѣла не могли имѣть порядочнаго теченія и должной отвѣтственности; а по сему испрашиваю позволенія подробнѣе оное разсмотрѣть и впредъ о томъ представить.»

На сіе Государь изъявилъ свое согласіе.

Августа 2-го дня я съ докладами не ѣздилъ.

7-го числа сообщилъ я Графу Аракчееву записку слѣдующаго содержанія:

«Доходятъ до меня слухи, повсюду, какъ кажется, распространившіеся, что будто Господамъ Губернаторамъ дано тайное повелѣніе: когда духовныя въ Епархіяхъ начальства будутъ требовать возвращенія Священниковъ, которые, измѣня своему сану и поругавъ алтари, укрываются между раскольниками, то, не возвращая ихъ, отвѣтствовать духовнымъ начальствамъ, что Священники сіи находятся тамъ, гдѣ имъ быть должно. О таковыхъ случаяхъ, сказываютъ, есть нѣсколько донесеній въ Синодѣ, оставленныхъ безъ вниманія. Не знаю, справедливы ли сіи слухи, но почитаю за нужное въ томъ удостовѣриться; ибо таковое предписаніе, буде оное подлинно дано Губернаторамъ, есть величайшій соблазнъ и одобреніе къ отпаденію отъ Вѣры и отъ Правительства.

---

* Бумага сія въ послѣдствіи времени осталась безъ всякаго употребленія.

На другой день Графъ Аракчеевъ объявилъ мнѣ, что онъ показывалъ записку мою Государю, и что о семъ дано уже повелѣніе, чтобъ предписаніе сіе уничтожить.

9-го числа былъ я съ докладомъ у Государя и между прочими дѣлами прочиталъ ему написанную мною слѣдующую бумагу:

«Статсъ-секретарь Кикинъ препроводилъ ко мнѣ сочиненную Евстаѳіемъ Станевичемъ книгу, подъ заглавіемъ: «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души тогда токмо утѣшительномъ, когда истина онаго утверждается на точномъ ученіи Вѣры и Церкви», съ тѣмъ, чтобы я, по прочтеніи, доложилъ о ней Вашему Величеству. Книга сія, по разсмотрѣніи въ Духовной Цензурѣ Архимандритомъ Иннокентіемъ, напечатана въ 1818 году и поднесена покойному Митрополиту Михаилу съ слѣдующею надписью:

Преосвященнѣйшій намъ пастырь Михаилъ!
Колико Богъ мой духъ въ сей книгѣ просвѣтилъ,
Противу ересей писалъ въ такую мѣру,
Владыко, не на даръ воззри, па теплу вѣру!

Книга сія, по донесенію о ней Вашему Величеству, изображена была нечестивою и противною нашему Вѣроисповѣданію и Церкви, въ слѣдствіе чего сочинитель ея высланъ изъ города, а книга у всѣхъ отобрана и запрещена. Но сіе донесеніе о ней, ни какимъ духовнымъ, ниже свѣтскимъ обществомъ, не разсмотрѣнное и не утвержденное, было совершенно несправедливо. Напротивъ, она содержитъ въ себѣ возраженія противу тѣхъ ложныхъ умствованій, которыя къ поколебанію Вѣры, Церкви и Престола разсѣялись тогда во многихъ сочиненіяхъ и переводимыхъ книгахъ. Сіи различныя ереси, преклоняющія къ отпаденію отъ всѣхъ Христіянскихъ добродѣтелей, изобличены въ ней ясно и убѣдительно, по чему, какъ думать должно, тѣмъ болѣе и подверглась она несправедливому о ней донесенію и сильному гоненію. Я нахожу ее таковою, но при всей моей увѣренности не желаю, чтобы Ваше Величество основались на одномъ моемъ мнѣніи, а по тому и осмѣливаюсь просить, не благоугодно ли будетъ приказать пре-

проводить ее къ какой-либо духовной особѣ, или въ Синодъ, для сдѣланія о ней точнаго заключенія.»

Государь Императоръ изволилъ на сіе согласиться. При прощаніи въ сей день со мною (ибо 16 числа сего мѣсяца назначенъ отъѣздъ его) благодарилъ Онъ меня за мои попеченія, а особливо за добрый духъ и справедливость. Въ слѣдствіе сего доклада на другой же день написалъ я Митрополиту (находившемуся въ сіе время въ Новгородѣ) и отправилъ съ нарочнымъ слѣдующаго содержанія письмо:

«Преосвященнѣйшій Владыко,

Милостивый Государь!

«Статсъ-секретарь Кикинъ прислалъ ко мнѣ препровождаемую при семъ книгу подъ названіемъ: «Бесѣда на гробѣ младенца» и проч., съ объявленіемъ Высочайшей воли, дабы я, по разсмотрѣніи сей книги, доложилъ о ней Его Императорскому Величеству. Въ силу сего повелѣнія имѣлъ я счастіе докладывать о томъ Государю Императору по запискѣ моей, которую здѣсь для свѣдѣнія вашего прилагаю. Его Императорское Величество, по выслушаніи сего доклада, повелѣлъ мнѣ, согласно съ желаніемъ моимъ, препроводить вышеозначенную книгу въ Духовное разсмотрѣніе, съ тѣмъ, чтобъ оно, изъявивъ о ней свое мнѣніе, доставило оное ко мнѣ для представленія Его Величеству. Сообщая о сей Монаршей волѣ Вашему Высокопреосвященству и ожидая исполненія по оной, съ истиннымъ почитаніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга А. Ш.

Августа 10-го дня, 1824 года, № 130.

P. S. Государь Императоръ изволилъ спрашивать меня: не можетъ ли Онъ сего мнѣнія имѣть прежде Своего отъѣзда, на что я отвѣтствовалъ Ему, что, по полученіи онаго, въ ту жь минуту доставлю Его Величеству.»

На конвертѣ написано: «Высокопреосвященнѣйшему Владыкѣ Серафиму, Митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому. Нужное.»

17-го числа получилъ я отъ Графа Аракчеева слѣдующее письмо:

«Милостивый Государь мой,

Александръ Семеновичъ!

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Дмитріевъ ходатайствуетъ, чрезъ посредство Статскаго Совѣтника Карамзина, о пожалованіи пенсіона 1,200 р. отставному Маіору Измайлову, что усмотрите изъ прилагаемой у сего записки.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ получить отъ Вашего Высокопревосходительства свѣдѣніе, извѣстенъ ли вамъ оный Г. Измайловъ и съ какой стороны, а равно заслуживаетъ ли онъ испрашиваемаго ему пенсіона?

Свѣдѣніе сіе покорно прошу васъ, Милостивый Государь мой, доставить ко мнѣ, съ возвращеніемъ прилагаемой записки, въ собственныя руки.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ,

Вашего Превосходительства

покорный слуга Графъ Аракчеевъ.

А равномѣрно доставить мнѣ свѣдѣніе, гдѣ онъ служитъ.»

Царское Село.
15-го Августа, 1824 года.

Его Высокопревосходительству А. С. Шишкову.

«Записка.

По ходатайству И. И. Дмитріева, чрезъ Карамзина, 1,200 р. пенсіи отставному Маіору Владиміру Васильеву сыну Измай-

---

* То и другое мнѣніе, т. е., въ пользу и противъ этой книги, напечатаны въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1861 г., кн. I и II, отд. V, стран. 201 и 202. *О. Б.*

лову (живущему въ Москвѣ), который сочиненіями и переводомъ хорошихъ книгъ пріобрѣлъ извѣстность въ нашей Словесности; человѣкъ добрый, умный и бѣдный до крайности.»

Отвѣтъ мой на сіе письмо былъ слѣдующаго содержанія:

«Милостивый Государь,

Графъ Алексѣй Андреевичъ!

На письмо Вашего Сіятельства отъ 12-го сего мѣсяца имѣю честь отвѣтствовать: въ запискѣ объ оставномъ Маіорѣ Владимірѣ Васильевѣ сынѣ Измайловѣ, живущемъ въ Москвѣ, сказано: 1) что онъ сочиненіями и переводомъ хорошихъ книгъ пріобрѣлъ извѣстность въ нашей Словесности, и 2) что онъ человѣкъ добрый, умный и бѣдный до крайности. Справедливость требуетъ, чтобъ я сіе одобреніе о немъ раздѣлилъ на двѣ части, и о первой изъ нихъ, прямо ко мнѣ относящейся, сказалъ, что хотя Г. Измайловъ и упражняется въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ и переводахъ, но отнюдь не больше и не отличнѣе многихъ другихъ, а по тому дать ему пенсію было бы обидно для прочихъ. Въ подобныхъ случаяхъ, т. е., въ наградахъ по Словесности, нужно, чтобъ, кажется, для соблюденія порядка и безпристрастія, представленія о томъ не были дѣлаемы мимо меня, тѣмъ больше, что и самъ я иначе представлять не осмѣлюсь, какъ по оцѣнкѣ трудовъ писателя въ Россійской Академіи и въ Правленіи Училищъ. Инымъ образомъ (таковыя) награды могутъ, вмѣсто снисканія ихъ достоинствомъ, быть получаемы чрезъ выпрашиванія и угожденіе. Что жь принадлежитъ до второй части одобренія, а именно, что Г. Измайловъ человѣкъ добрый, умный и бѣдный до крайности, то я, не зная его лично, ни утверждать, ни отрицать сего не могу; впрочемъ, какъ сіи качества не подлежатъ той разборчивости къ наградѣ, или къ вспоможенію, какой подлежитъ удостоеніе по Словесности, то я и не дерзаю далѣе о томъ распространяться. Ваше Сіятельство въ концѣ письма своего спрашиваете у меня, гдѣ онъ служилъ? Я не могъ о семъ нигдѣ справиться, но, по видимому, онъ служилъ или въ гвардіи, или въ армейскихъ полкахъ и давно уже отставленъ.

Съ истиннымъ и совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть,

Вашего Сіятельства, покорнѣйшій слуга А. Ш.

P. S. Записку при семъ возвращаю. 20 Августа. 1824 года.»

Письмо къ Государю Императору.

Sire!

«Quelque part que je porte la vue, je ne vois que des pierres d'achoppement et des piéges tendus. Les Neologues levant les têtes, et les ultra-mystiques demasqués—tous les deux ennemis jurés du sain et pur Lutheranisme,—viennent de se reconcilier pour plus facilement faire perdre les étriers à un pauvre evêque. On n'attend que le depart de Votre Majesté Impériale pour mettre en oeuvre les pratiques.

Sire!

«De grâce! n'abandonnez pas un serviteur zélé, qui ne se trouve ici que pour s'avoir donné à Votre Majesté par un devouement entier. Daignez me mettre à l'abri de la persecution, et ne cachez point Votre face de moi.

Je suis,

Sire,

avec le plus profond respect de Votre Majesté Impériale

Le plus soumis et le plus zélé serviteur

l'Evêque Evang. Escygneus.»

S.-Pétersbourg.
Le 12 Août, 1824.

Сіе письмо прислано было ко мнѣ съ изображеніемъ на немъ слѣдующихъ собственною Его Величества рукою написанныхъ словъ: «Скажите Епископу, что Я получилъ его письмо въ самую минуту отъѣзда, и по тому не былъ въ возможности его видѣть. По возвращеніи же Моемъ Я его непремѣнно приму. До того же времени, чтобы онъ откровенно съ вами объяснил-

ся, васъ же прошу дать ему всю надлежащую защиту. Онъ человѣкъ благомыслящій.»

Ромашкино.

Августа 16 числа, 1824 года. (Получено на третій день.)

Письмо къ графу Аракчееву.

«Милостивый Государь,

Графъ Алексѣй Андреевичъ!

Почитая себя въ обязанности, по долгу вѣрноподданнаго, откровенно говорить Государю Императору, я то жь думаю и съ Вашимъ Сіятельствомъ, по уваженію моему къ вамъ. Я знаю, что вы Ему и Отечеству преданы. Ваше Сіятельство не безъизвѣстны о поданныхъ мною Его Величеству бумагахъ, въ которыхъ, между прочихъ, главнѣйше просилъ я: 1) объ учрежденіи Цензоровъ и верховнаго Цензурнаго Комитета, и 2) о рескриптѣ на мое имя, дабы, по изъявленной мнѣ волѣ Монаршей, могъ я имѣть твердый голосъ и свободу дѣйствовать соотвѣтственно возложенной на меня должности. Обѣ сіи вещи необходимо нужны, если хотѣть остановить и не дать далѣе распространяться долго укоренявшемуся и напослѣдокъ открывшемуся злу; ибо безъ того я буду связанъ, безсиленъ воспротивиться оному, и тогда все пойдетъ по прежнему. Въ доказательство тому препровождаю къ Вашему Сіятельству Московскія Вѣдомости, въ которыхъ изволите увидѣть подъ статьею Москва 27 Августа выписку изъ журнала засѣданія Московскаго Комитета Библейскаго Общества гдѣ успѣхи онаго превозносятся и, въ слѣдъ за сею статьею, возвѣщается о церковныхъ книгахъ, продаваемыхъ отъ Библейскаго Общества, на Славянскомъ, одномъ Русскомъ и Словено-Русскомъ языкѣ. Дѣлаются воззванія о семъ и, въ противность всякаго понятія о Старообрядцахъ, не терпящихъ ни малѣйшаго измѣненія въ Библейскихъ текстахъ, возглашается, что они съ радостію раскупаютъ и читаютъ Новый Завѣтъ на Русскомъ языкѣ, и сей языкъ какъ будто бы нѣкій особый, названъ ихъ природнымъ! Таковая,

преимущественная предъ настоящими Христіанами, похвала Старообрядцамъ, то есть, Раскольникамъ, и увѣреніе, что Русскій языкъ имъ особенно природенъ, есть явная и совершенная ложь, очевидно, для того только проповѣдываемая, чтобъ возвысить расколы и уничижить тотъ языкъ, на которомъ въ церквахъ производится служба и читается Евангеліе. Сіи статьи печатаются въ Московскихъ Вѣдомостяхъ спустя три мѣсяца послѣ перемѣны Народнаго Просвѣщенія, и тогда, когда въ С.-Петербургѣ ни чего о Библейскихъ Обществахъ не упоминается. Возможно ли Московскому Архіепископу не знать о сихъ расположеніяхъ и безъ особаго намѣренія допускать до подобнаго обнародованія статей, прежній духъ и прежнее стремленіе къ потрясенію общаго спокойствія обнаруживающихъ. На второмъ, приложенномъ при семъ, листкѣ Московскихъ Вѣдомостей, Ваше Сіятельство усмотрите публичную продажу книгъ, изъ которыхъ главную часть, яко противныхъ всякой Христіанской Вѣрѣ и возмутительныхъ противъ Правительствъ, надлежало бы истребить. Нѣкоторыя изъ нихъ были уже запрещены, но опять появились. Такъ пронырливое злонамѣреніе будетъ всегда стараться возставать и вновь усиливаться, если твердою рукою отъ покушеній своихъ не удержится! Мнѣ поручено Министерство Просвѣщенія, но какъ просвѣщеніе можетъ быть тамъ, гдѣ колеблется Вѣра? Если Библейскія Общества будутъ по прежнему существовать и; проповѣдуя пользу и распространеніе въ Христіанскомъ Государствѣ Христіанства, въ самомъ дѣлѣ умножать только ереси и расколы; если церковныя книги для того, чтобъ уронить важность ихъ, будутъ съ высокаго языка, сдѣлавшагося для насъ священнымъ, переводиться невѣдомо кѣмъ и какъ на простонародный языкъ, какимъ мы говоримъ между собою и на театрѣ; если, при распространеніи таковыхъ переводовъ (развѣ для того только нужныхъ, чтобъ со временемъ не разумѣть церковной службы, или чтобъ и обѣдни служить на томъ языкѣ, на какомъ пишутся комедіи), еще, сверхъ того, съ иностранныхъ языковъ, вмѣсто нашихъ молитвъ и Евангельскихъ нравоученій, переводиться будутъ, такъ называемыя, духовно-философическія, а по настоящему ихъ смыслу, карбонарскія и революціонныя книги; если, говорю, все это будетъ продолжаться по прежнему, то я Министромъ Просвѣщенія быть не гожусь; ибо, по моему образу мыслей, просвѣщеніе, не основан-

ное на Вѣрѣ и вѣрности къ Государю и Отечеству, есть мракъ и вредное заблужденіе. Предположенія мои, какія имѣлъ я щастіе къ отвращенію сего представлять Государю Императору, всѣ одобрены были Его Величествомъ, но, вѣроятно, за отъѣздомъ Его не могли быть произведены въ дѣйство. Между тѣмъ, сѣющіе безвѣріе и развратъ, продолжаютъ перепечатываться и публично продаваться. Духовенство знаетъ объ нихъ, и не только молчитъ и не отвращаетъ сего зла, но многіе нововоспитанные священно-церковнослужители (кромѣ нѣкоторыхъ истинно усердныхъ благочестивыхъ), подъ личиною Вѣры, споспѣшествуютъ сему. Когда одинъ человѣкъ, произносящій на площади возмутительныя слова, вреденъ и опасенъ, то книги, распущенныя тысячами по улицамъ и по всему пространству Россіи, несравненно вреднѣе и опаснѣе. Долгъ мой и присяга требуютъ, чтобы я не давалъ возобновляться тому, что доселѣ потрясало всю нравственность и благочестіе; но я не разрѣшенъ на то гласною волею Государя, не имѣю повелѣнія употреблять всевозможные способы къ потушенію сего тлѣющаго огня, и, слѣдовательно, противъ совѣсти моей и нарушая, по моимъ понятіямъ, вѣрность къ Богу и Царю, долженъ, видя раздуваніе сихъ искръ, молчать и быть только по имени, а не по дѣйствію, Министромъ Просвѣщенія. Такое положеніе почиталъ я для себя хорошимъ, если бъ думалъ, что духъ времени взялъ силу, что головой стѣну не проломишь, что мнѣ остается не долго жить, что я бездѣтенъ, что на моемъ вѣку ни чего не случится, и что, между тѣмъ, покамѣстъ я поживу, могу попользоваться честію и преимуществами, сопряженными съ моимъ званіемъ. Но, что мнѣ дѣлать, когда я совсѣмъ не такъ думаю, когда совѣсть говоритъ мнѣ: помни, что ты обязанъ служить вѣрно Государю и Отечеству, что дашь въ томъ Богу отвѣтъ, и чѣмъ ты старѣе, тѣмъ меньше это забывай, и лучше навлеки на себя гнѣвъ за правду, нежели милость за неправду. Иногда я самъ себя испытую и думаю, не излишне ли я забочусь? не увеличиваю ли вещи? не хлопочу ли о какой излишней ненужной гласности, безъ которой можно обойтиться? Но вижу, что не одинъ я такъ думаю. Изъ приложеннаго при семъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ перевода изъ иностранныхъ Вѣдомостей, подъ статьею: Франкфуртъ отъ 25 Августа, Ваше Сіятельство усмотрите, какою важностію почитаетъ и съ

какою гласностію говоритъ о семъ Австрійскій Императоръ (тожь и Прусскій Король). Между тѣмъ я не безъ основанія полагаю, что Германія, при тѣхъ строгихъ и рѣшительныхъ мѣрахъ Правительства, какія въ ней оглашаются, должна меньше быть заражена тѣми духовными и политическими сектами, противъ которыхъ она вопіетъ и которыя у насъ отъ обуздыванія ихъ усиливаются. И такъ соображая всѣ сіи обстоятельства, я отнюдь не могу себя упрекнуть какими-либо въ словахъ и представленіяхъ моихъ необдуманностями. По сему смѣю ласкаться, что Ваше Сіятельство обратите на то свое вниманіе и не отречетесь въ томъ важномъ и затруднительномъ дѣлѣ подкрѣплять меня и подавать мнѣ руку помощи; ибо я самъ собою слабъ и бездѣйственность моя, продолжаясь далѣе, скоро, противною правиламъ моимъ стороною, сочтена будетъ за невозможность поставить ей оплотъ и обращена мнѣ въ посмѣяніе. Тогда, не сдѣлавъ ни чего полезнаго, лишусь я и того добраго имени, которое долговременностію моей жизни и службы пріобрѣсть могъ. Я счелъ за нужное обо всемъ ономъ Вашему Сіятельству сообщить и предать на собственный Вашъ судъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга А. Ш.»

13 Сентября, 1824 года.

Письмо къ нему же.

«Милостивый Государь,

Графъ Алексѣй Андреевичъ!

«Въ слѣдъ за донесеніемъ моимъ о Библейскихъ Обществахъ, превозносимыхъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, почитаю долгомъ увѣдомить Ваше Сіятельство о присланныхъ сюда отъ Госнера на Нѣмецкомъ языкѣ стихахъ съ нотами для распѣванія оныхъ. Прилагаю при семъ сдѣланный при семъ переводъ, изъ котораго можно усмотрѣть, съ какимъ неслыханнымъ злочестіемъ, твердя о Христѣ Спасителѣ, разумѣетъ онъ подъ нимъ своего христа, или лучше сказать антихриста, и, соединяя въ себѣ предательство Іудино съ хитростію змія, прельстившаго Адама, думаетъ, что для единомышленниковъ своихъ говоритъ онъ до-

вольно ясно, а другихъ, не совершенно еще обращенныхъ, или истинно вѣрующихъ, прикроетъ смысломъ словъ своихъ, отводящихъ отъ Православной Вѣры употребленіемъ имени Іисуса Христа. Скрывая такимъ образомъ настоящую свою цѣль, превращаетъ имена, сектаторовъ своихъ называетъ Христіанами, а истинныхъ Христіанъ врагами Божіими. Вся стихотворная пѣсня его состоитъ въ сей хитрости. Въ семъ смыслѣ, подразумѣвая изгнаніе свое изъ Россіи, называетъ онъ малое стадо свое (т. е., оторженное уже ложными его поученіями отъ истиннаго Вѣроисповѣданія), осиротѣлымъ, а себя, пастыря ихъ, пораженнымъ. Но, продолжая утѣшать и ободрять къ терпѣнію и вѣрности, говоритъ: «Іисусъ Христосъ да благословитъ тя, о малое стадо! каждое сердце да стремится достигнуть вящей твердости!» Потомъ, презирая актъ Правительства, изгнавшій его отселѣ, и надѣясь на оставшихся къ нему приверженцевъ, съ дерзостію возглашаетъ: «Сатана хотя и великимъ исполненъ гнѣвомъ, но силы его малы.» И поощряя ихъ къ тому, чтобъ не покидали своей секты, прибавляетъ: «Знаете ли, что есть лучшее для стадъ осиротѣлыхъ? то, что, вопреки козни вражіей, они пребываютъ цѣлы.» А дабы, отдѣляя ихъ отъ истинныхъ Христіанъ именемъ немногихъ, подать имъ надежду, что они вскорѣ умножатся, проповѣдуетъ имъ: «Малая церковь Іакова радуйся! Онъ (то есть, ихъ Христосъ) тебя избралъ и вѣчно о тебѣ промышляетъ, чтобы тебѣ ни въ чемъ не было скудости. Вѣруй только несомнѣнно, что онъ тебя знаетъ, о малое осиротѣлое стадо, и что онъ тебя своимъ называетъ, блаженное собраніе вѣрныхъ! Сердечному благоволенію того, который милліоны сердецъ объемлетъ своимъ сердцемъ, поручилъ я тебя, а ты—награда его болѣзней!» Впрочемъ, чтобъ утѣшить ихъ въ своемъ отсутствіи и обнадежить въ возвращеніи, говоритъ: «Приходитъ мнѣ иногда на мысль, когда бы можно намъ опять быть съ вами. Прежде нежели думаете, будемъ васъ привѣтствовать. Тогда будемъ мы въ соединеніи, и въ немъ вѣчно останемся; ибо туда не смѣетъ проникнуть врагъ, который бы могъ насъ выгнать.» Здѣсь уже безъ всякаго иносказанія и загадокъ сочинитель явно мысль свою обнаруживаетъ, и наконецъ присовокупляетъ, что онъ всего имъ

описать не можетъ, а предоставляетъ чувствовать,» и заключаетъ подкидное посланіе свое слѣдующими словами: «За симъ, любезные, прощайте! Живите въ спокойствіи и мирѣ, въ веселіи и радости, хотя мы и разлучены съ вами!» Господинъ Оберъ-Полицмейстеръ, сообщившій мнѣ сіи стихи съ нотами (полученные мною потомъ и отъ Графа Милорадовича), сказывалъ, что ихъ привезено до сорока экземляровъ. Попеченіе его о семъ дѣлаетъ ему великую честь; но ежели открыты будутъ ворота къ привозу сихъ вещей, то не достанетъ у него силъ къ открытію и остановленію сихъ умысловъ и покушеній. Сверхъ того Военный Генералъ-Губернаторъ сообщилъ мнѣ извѣщеніе о нѣкоторой Финской сектѣ, здѣсь въ столицѣ и въ окрестностяхъ ея издавна распространившейся и нынѣ продолжающей свои сходки для отправленія своихъ сумазбродныхъ обрядовъ, вредныхъ толковъ и соблазнительныхъ дѣйствій. Все сіе вмѣстѣ и множество другихъ, тотъ же духъ показывающихъ, обстоятельствъ, хотя не прямо относится къ моему званію, но имѣетъ съ нимъ тѣсную связь; ибо гдѣ сѣется развратъ, тамъ ни какія сѣмена просвѣщенія не прозябнутъ; кромѣ того преданность моя къ Государю и Отечеству не позволяютъ мнѣ, видя размноженіе стремящихся къ разрушенію спокойствія замысловъ, молчать и не помышлять о способахъ къ ихъ пресѣченію. Вотъ причина, по которой я письмами моими Васъ утруждаю, оставаясь всегда при тѣхъ мысляхъ, что пора принять противъ нихъ рѣшительныя, твердыя, гласныя мѣры, и что одно свѣдѣніе объ нихъ, безъ изъявленія строгаго къ исторженію ихъ ополченія, послужитъ только къ одобренію и умноженію ихъ дерзостей, которыя если заблаговременно не уймутся, то и унять ихъ будетъ трудно. Впрочемъ, я разумѣю подъ рѣшительными мѣрами не преслѣдованіе и наказаніе тѣхъ лицъ, кои могутъ открываться виновными (ибо сіе также, по множеству ихъ, можетъ быть неудобно), но, предавая прошедшее забвенію, дать знать, что впредь малѣйшія къ тому поползновенія будутъ подвергаться законному сужденію.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію, имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга А. Ш.»

19 Сентября, 1824 года.

Отвѣтъ Графа Аракчеева на первое мое письмо.

«Милостивый Государь,

Александръ Семеновичъ!

Я спѣшу принесть Вашему Высокопревосходительству * за письмо Ваше, писанное 13 сентября, изъ коего я вижу вашу ко мнѣ довѣренность, которую я буду стараться поддержать. Всѣ вами изъясняемыя въ письмѣ разсужденія я нахожу весьма справедливыми и дѣльными, совершенно съ ними согласенъ. Какимъ же образомъ по оному дѣйствовать, то объ ономъ нужно намъ лично переговорить по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ, куда я располагаюсь пріѣхать въ началѣ Октября мѣсяца.

Примите истинное мое почтеніе навсегда, съ коимъ я неизмѣнно пребуду

Вашего Высокопревосходительства покорный слуга

Графъ Аракчеевъ.»

Округа поселенія гренад. Его Величества Короля Прусскаго полка.

18 Сентября, 1824 года.

«РАЗБОРЪ КНИГИ ПАСТОРА ГОСНЕРА,

представленный мною въ Комитетъ Гг. Министровъ. **

Разсмотрѣніе книги на Нѣмецкомъ языкѣ, подъ названіемъ: «Geist des Lebens und der Lehre Jesu Christi, in Betrach-

---

* Пропущены, кажется, слова: «мою благодарность.»

** См. Записки Іюня подъ 7 числомъ.

tungen und Bemerkungen über das ganze Neue Testament. Erster Band. Matthäus und Marcus,» а въ переводѣ на Русскомъ языкѣ (безъ заглавнаго листа): «О Евангеліи отъ Матѳея.» Подлинникъ печатанъ въ С. Петербургѣ у Карла Края, въ Малой Морской (№ 104) въ 1824 году, а въ переводѣ мѣсто печатанія не показано, на листкахъ же показано: «Брискорнъ.»

По внимательномъ разсмотрѣніи сей книги оказывается, что въ толкованіи Евангельскихъ текстовъ вездѣ, подъ видомъ наставленія въ Вѣрѣ, внушаются противныя ей правила, основанныя на ложныхъ умствованіяхъ, смѣшанныхъ, однако жь, съ истинными и скрытыхъ подъ оными, дабы сею хитростію омрачить умъ читателя, или слушателя, и по немногу отводить его отъ Вѣры своей, отъ должностей мирнаго гражданина и отъ всѣхъ обязанностей къ небесному и земному Царю. Изъ разсмотрѣнія всей книги можно бы ясно сіе вывесть, но, для убѣжденія себя въ томъ, довольно и того, чтобъ токмо нѣкоторыя мѣста изъ оной выписать.

Подъ словами: «Книга родства Іисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля (глав. 1, стр. 4) сказано: «Въ семъ родословіи встрѣчается столь много именъ извѣстныхъ и великихъ грѣшниковъ, ибо и большая часть Царей были люди злые, что и въ самомъ началѣ исторіи Іисуса исполнилось пророчество: «онъ сопричтенъ будетъ къ преступникамъ.» Не извѣстно, отколѣ сіе пророчество почерпнуто: если изъ словъ: «со беззаконными вмѣнися,» то сіе сказано не о родословіи Христовомъ, но объ осужденіи его на крестную смерть и распятіи между двумя разбойниками. И такъ вотъ уже при самомъ началѣ, безъ всякой нужды, бросается нѣкоторая чернота на имена Царей, и при томъ съ немалымъ отъ себя прибавленіемъ и увеличеніемъ; ибо на страницѣ 6-ой возобновляетъ говорить о томъ же: «Здѣсь именованы по порядку всѣ прародители Іисуса, по истиннѣ не ради заслугъ своихъ; ибо они почти всѣ, исключая двухъ, или трехъ, не были достойны имѣть такого потомка.»

По приведеніи текста (стр. 11): «Іосифъ же, мужъ ея, праведенъ сый и не хотя ее обличити, восхотѣ тай ну-

стити ю,»—сочинитель разсуждаетъ: «Благочестивый мужъ не хотѣлъ ни увеличивать, ни уменьшать сего обстоятельства, а желалъ прикрыть проступки ближняго покровомъ любви, и лучше уступить нѣсколько своего права. Онъ могъ бы ясно ее обличить, какъ въ другихъ случаяхъ требовала бы того и строгость правосудія, но онъ не хотѣлъ также оставить у себя, поелику не былъ довольно увѣренъ въ ея невинности.»

Іосифъ могъ такъ думать, не будучи еще извѣщенъ отъ Ангела; но по чему проповѣдникъ, извѣстный уже о семъ, называетъ это проступкомъ, и по какой пристойности говоритъ, что Іосифъ желалъ лучше уступить нѣсколько своего права? Что такое въ семъ случаѣ уступить нѣсколько? Какую иную мысль могутъ порождать слова сіи, какъ не ту, что раздѣлить право свое съ другимъ? И эту развратную, нечестивую мысль почерпаетъ проповѣдникъ изъ священнаго текста и сообщаетъ ее своимъ слушателямъ и читателямъ! Онъ даже даетъ мужьямъ совѣтъ терпѣть невѣрность женъ своихъ, продолжая дѣлать слѣдующія, едва ли въ романахъ позволительныя, разсужденія: «Истинная любовь умѣетъ находить средину между ревностію и нечувствительностію. Праведный умѣетъ сохранить сію честь ближняго чрезъ открытіе его проступковъ. Легковѣріе и ложное рвеніе къ соблюденію закона часто нарушаютъ самый законъ, когда обращаютъ вниманіе только на мщеніе и строгость, допускаемыя, какъ кажется, закономъ. Но благоразумная любовь и истинное благочестіе умѣютъ находить кротость въ законѣ, не принуждающемъ ни кого быть доносителемъ на свою супругу.»

По приведеніи текста (ст. 13): «Родитъ же сына, и наречетъ имя ему Іисусъ, той бо спасетъ люди своя отъ грѣха ихъ,» сочинитель, разсуждая объ имени Іисусъ, между прочимъ говоритъ: «по сей самой причинѣ и Ангелъ свидѣтельствуетъ, что Спаситель избавитъ народъ свой отъ грѣховъ мученія и власти.»

Отъ грѣховъ—такъ, но отъ какой власти и отъ какого мученія? Темнота выраженія сего смѣшиваетъ адское мученіе и

дьявольскую власть съ законною властію земныхъ правителей и съ происходящимъ иногда отъ злоупотребленія оной терпѣніемъ, или мученіемъ, народнымъ. Но темнота сія находится только въ Русскомъ переводѣ, въ подлинникѣ нѣтъ ея. Тамъ сказано: «Dass der Heiland sein Volk von der Noth, Tyranney und Gewalt der Sünde erlösen werde, т. е., что Спаситель избавитъ народъ свой отъ тягости, мучительства и насилія грѣха.»

Далѣе сочинитель, продолжая толковать имя Іисусъ, говоритъ: «Нынѣшніе Христіане именуютъ Его устами, но на опытѣ Его не знаютъ и не испытали въ сердцахъ своихъ силы сего имени, по сему именуютъ они Его безъ почтенія, безъ благоговѣнія, легкомысленно и по привычкѣ, когда бываютъ въ ужасѣ, или въ удивленіи.» Что такое нынѣшніе Христіане? По чему сочинитель полагаетъ всѣхъ вообще нынѣшнихъ Христіанъ чуждыми благочестія, и хочетъ ученіями своими произвесть новыхъ, небывалыхъ Христіанъ? Въ сей гордости его, въ семъ общемъ обвиненіи всѣхъ, кромѣ себя, не видно Христіанской любви и кротости.

Онъ продолжаетъ (стр. 17): «Но кому открылась десница Господня, имя Господне? Кто нынѣ вѣритъ, что таковое могущество, содѣлать блаженными и избавить отъ грѣховъ, заключается въ Его имени и въ Его лицѣ?» Что значатъ его слова: «кому открылась десница Господня, имя Господне?» Что значитъ сей вопросъ: «кто нынѣ вѣритъ?» Вопросъ, изъ котораго непремѣнно слѣдуетъ сдѣлать заключеніе, что нѣкогда вѣрили и потомъ перестали, или что по какой ни будь общей причинѣ никто не сталъ вѣрить. Да и чему не стали вѣрить? «Тому, что блаженство и избавленіе грѣховъ заключается въ имени Господни.» Кто пойметъ сіи слова? Проповѣдникъ продолжаетъ: «Они говорятъ, что не могутъ дѣлать инаково, что должны грѣшить. Они не вѣрятъ, что Господь можетъ и хочетъ освободить ихъ отъ грѣховъ.» Кто такіе они, кто не вѣритъ, и какъ сему не вѣрить? Подобныя загадки по видимому пишутся не для общаго разумѣнія, но только для тѣхъ, кому онѣ понятны.

Далѣе (на стр. 20) проповѣдникъ говоритъ: «Христіанинъ ищетъ и обрѣтаетъ во всемъ и повсюду токмо своего Христа. Онъ для него есть всяческая во всѣхъ. Въ немъ соединяется все, что разсѣяно въ милліонахъ, и ни въ комъ другомъ не можетъ быть обрѣтено такъ, какъ въ немъ.» Кто пойметъ смыслъ сихъ словъ? Научится ли новый Христіанинъ изъ нихъ быть благочестивымъ, кроткимъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ? Какой благоразумный проповѣдникъ облекаетъ ясное и утѣшительное Христово нравоученіе въ такой мракъ и непостижимость? Далѣе (на стр. 21) говоритъ онъ: «Теперь Іисусъ Еммануилъ у насъ. Если Богъ во Христѣ намъ явился, намъ дарованъ и данъ такъ, что Онъ, яко Богъ, хочетъ быть съ нами и въ насъ, чего жь нѣтъ у насъ? чего намъ недостаетъ? Какую мы сами по себѣ имѣемъ крѣпость, какую силу? И чего не можемъ преодолѣть въ Немъ, съ Нимъ и чрезъ Него? Осмѣлимся ли мы извиниться слабостію своею? Развѣ Іисусъ Еммануилъ не тотъ, который стеръ главу змія, который уничтожилъ всѣ козни лукаваго, силу и коварство искусителя?» Для чего жь тоже то самое не сказать простымъ и яснымъ образомъ, не дѣлая изъ того, о чемъ говорится, ни какой загадки, на примѣръ: «Призывая съ вѣрою на помощь Христа Бога, мы можемъ находить въ себѣ довольно твердости преодолѣвать наши страсти, влекущія насъ въ пороки и прегрѣшенія.» На что мыслію затмѣвать и облекать ее въ такіе вопросы, которые похожи больше на нѣкое пылкое воззваніе, нежели на спокойное разсужденіе: «Чего намъ недостаетъ? Осмѣлимся ли извиниться своею слабостію? Развѣ мы сами собою не крѣпки, не сильны? Развѣ съ именемъ Христа не можемъ преодолѣть и стереть главу змія?» Кто сей змій, противъ котораго крѣпки мы сами собою? Такой скрытной языкъ, умышленно ли онъ, или нѣтъ, не подаетъ ли поводъ злонамѣреннымъ людямъ почерпать изъ сего двусмысленнаго иносказанія совсѣмъ иное заключеніе?

По приведеніи текста (стр. 22): «Воставъ же Іосифъ отъ сна, сотвори, яко же повелѣ ему Ангелъ Господенъ, и пріятъ жену свою,» сочинитель говоритъ: «Кто любитъ Бога, тотъ довольствуется тѣмъ, что знаетъ волю Господню, дабы оную мгновенно исполнять, хотя не усматриваетъ тому причины

Возможно ли извлекать изъ Евангелія, изъ сей Божественной книги, толь ложныя и развратныя поученія? Какимъ образомъ случай съ Іосифомъ распространять на всѣ случаи? Какимъ образомъ изъ того, что Іосифъ, по благовѣствованію Ангела, принялъ опять жену свою, выводить, что если бы кому помыслилось, или привидѣлось во снѣ, или кто его научилъ совершить какое ни будь злодѣяніе, то онъ, хотя бы и не усматривалъ тому причины, долженъ безъ всякаго размышленія, потушая въ себѣ гласъ совѣсти, гласъ Божескихъ и человѣческихъ законовъ, повѣрить, что это воля Божія и мгновенно ее исполнять? Не по такимъ ли постановленіямъ обуянный Равальякъ убилъ Генриха IV, и то жь самое въ недавныя времена Зандъ сдѣлалъ съ Коцебу? И это называется любить Бога! Какой преступникъ и злодѣй по симъ правиламъ не найдетъ себѣ оправданія, подобно Прусскому солдату, который, будучи обличенъ въ обобраніи въ церкви оклада съ образа Богоматери, предъ судомъ сказалъ, что сама она ему явилась во снѣ и приказала это сдѣлать?

Послѣ текста (стр. 24): «и не знаяше ея, дондеже роди сына своего первенца, и нарече имя ему Іисусъ,» сочинитель, утверждая, что Матѳей справедливо его назвалъ первенцемъ, какъ единороднаго сына Божія, присовокупляетъ къ тому: «А кто хочетъ выводить дальнѣйшія къ тому слѣдствія, на примѣръ, что Іосифъ послѣ позналъ ее, и она еще многихъ дѣтей рождала, тотъ уже слишкомъ много выводитъ заключеній изъ того изреченія.» Пристойно ли проповѣднику произносить и печатать сіи слова, отъ которыхъ всякой благочестивый человѣкъ долженъ заграждать слухъ свой, дабы не слышать ихъ? Въ защиту ему скажутъ: да онъ для того приводитъ ихъ, чтобъ послѣ опровергнуть. Но развѣ злонамѣреніе не такія же употребляетъ хитрости, когда хочетъ сѣять развратъ? Оно знаетъ, что такимъ изреченіемъ подобнаго богохуленія больше посѣетъ зла и соблазна, нежели возраженіемъ противъ того принесетъ добра и пользы. Но посмотримъ еще, какимъ образомъ онъ опровергаетъ сіе. Вотъ какимъ: «Богъ обѣщалъ Іакову не оставлять его дотолѣ, когда исполнится все обѣтованіе. Итакъ оставилъ ли его онъ послѣ? Слѣдовательно, онъ тогда остается

такъ же первенецъ, хотя бы и никого не было рожденнаго послѣ него. При всемъ томъ по истинѣ приличествуетъ Іисусу, что онъ былъ единымъ сыномъ матери, которая въ дѣвствѣ зачала его отъ Святаго Духа, и что сіе чрево, столь чисто его зачавшее, носившее и родившее послѣ него, ни какихъ уже дѣтей не зачинало и не рождало. Какъ онъ есть единородный отъ Бога, такъ онъ единородный и отъ дѣвы. Но если Марія и рождала еще и другихъ дѣтей, то мы при всемъ томъ не менѣе будемъ любить Іисуса. Онъ остается навсегда несравненный, единый, высочайшій и преблагій.» Изъ подобныхъ сему выраженій: «хотя и никого рожденнаго не было послѣ него» (слѣдовательно, думаетъ, что можетъ быть и было); по истинѣ приличествуетъ Іисусу, что онъ былъ единымъ сыномъ матери (слово приличествуетъ скорѣе отрицаетъ, нежели утверждаетъ сущность дѣла); но если Марія рождала и другихъ дѣтей, то мы не меньше будемъ любить Іисуса;» не ясно ли, что проповѣдникъ самъ соглашается на опровергаемое имъ мнѣніе, и выводитъ изъ того ни съ чѣмъ не сообразное заключеніе, что будто бы мы, разруша въ себѣ вѣру и, слѣдственно, не вѣря болѣе въ Іисуса, не меньше будемъ его любить! Подобныя, говорю, возраженія не больше ли противурѣчіемъ своимъ показываютъ сомнѣнія, нежели вѣры? И такъ когда проповѣдникъ, толкуя Евангеліе, приводитъ изъ него яко бы кроющуяся въ немъ нелѣпую, богохульную, никому на умъ не вспадавшую мысль, то по какой надобности приводитъ онъ сіе? Буде для опроверженія, чтобъ никто изъ слушателей его тому не вѣрилъ, то они безъ того никогда тому не вѣрили, и, можетъ быть, всякъ изъ нихъ впервые о такихъ злочестивыхъ мысляхъ отъ него услышалъ. И какъ же отвращаетъ онъ ихъ отъ вѣрованія тому? Возраженіемъ противъ сего, но въ возраженіи оказывается самъ сомнѣвающимся! Чему же онъ научаетъ ихъ, правовѣрію, или невѣрію?

На страницѣ 26 сочинитель говоритъ: «Предубѣжденіе объ особенномъ уваженіи къ нѣкоторымъ лицамъ и мѣстамъ не рѣдко совращаетъ человѣка съ истиннаго и прямаго пути, и помрачаетъ его зрѣніе такъ, что онъ не видитъ уже болѣе яснаго свѣта Евангелія!» Что такое предубѣжденіе къ нѣ-

которымъ лицамъ и мѣстамъ? Зачѣмъ говорить вездѣ такими скрытными и двусмысленными словами? Кто такія сіи лица? Не угодники ли Божіи, которыхъ мы за добродѣтели ихъ почитаемъ? Не земныя ли власти, которымъ мы, для соблюденія общаго спокойствія и порядка, повинуемся и уважаемъ ихъ? По чему же должное къ нимъ уваженіе есть предубѣжденіе, не совмѣстное съ Христіанствомъ? По чему помрачаетъ оно зрѣніе наше и закрываетъ отъ насъ свѣтъ Евангелія? Подобная мысль была бы самая гнусная клевета на Вѣру и Священное Писаніе. Сочинитель продолжаетъ: «Человѣкъ весьма охотно бросается на что либо важное, имѣющее величественный видъ и блескъ. Такъ стремятся нѣкоторые за красными и лицемѣрно священными словами, или мыслями; другіе же мнятъ будто можно найти Христа въ большихъ почестяхъ и преизобиліи, между тѣмъ какъ онъ всего вѣрнѣе и точнѣе обрѣтается въ Виелеемѣ въ яслахъ, въ бѣдности, въ поруганіи, въ гоненіяхъ и страданіяхъ. Не во храмѣ Іерусалимскомъ, который содѣлался вертепомъ разбойниковъ, не при дворѣ Ирода, не въ пышномъ и блистательномъ состояніи, но въ простомъ, тихомъ и чистомъ быту, въ униженіи и простотѣ, рождается и обрѣтается Христосъ, дабы человѣкъ ни подъ какимъ видомъ не увлекался наружностію, но обрѣлъ его самого. Сколь многія души чувствами своими и съ любопытствомъ повсюду озираются, и гдѣ усмотрятъ что либо блистательное, знаменитое и ученое, въ томъ мнятъ обрѣсти свое спасеніе, между тѣмъ какъ никогда не достигаютъ увѣренія и спокойствія.» Что такое проповѣдникъ хочетъ здѣсь сказать? Ежели напомнить и повторить извѣстную всѣмъ, какъ по Евангельскому ученію, такъ и по самой кратковременности нашей жизни, истину, что не должно уповать на земныя блага, то за чѣмъ простую и ясную мысль сію облекаетъ такими околичностями, такими удаленными отъ ней умствованіями, что она въ нихъ совсѣмъ теряется и представляетъ нѣчто другое? Что такое: нѣкоторые стремятся за красными и лицемѣрно священными словами, или мыслями? Что такое: надобно искать Христа не въ большихъ почестяхъ и преизобиліи, но въ яслахъ, въ бѣдности, въ поруганіи, въ гоненіи и страданіяхъ; не во храмѣ Іерусалимскомъ, который сдѣлался вертепомъ разбойниковъ, не при дворѣ у Ирода,

не въ пышномъ и блистательномъ состояніи, но въ униженіи, въ простомъ быту? Что значатъ сіи выраженія? Чему поучаетъ насъ проповѣдникъ? Не уже ли тому, чтобы мы оставили храмы Божіи, почитая ихъ вертепами разбойниковъ? Не уже ли тому, чтобы оставили Дворъ, всѣ обязанности гражданскія и пошли искать Христа въ ясляхъ, въ униженномъ быту? Къ чему сіе новое, нигдѣ въ Священномъ Писаніи не употребляемое, выраженіе искать Христа? Словно какъ будто и мы нынѣ, какъ въ тѣ времена Волхвы, ходимъ и ищемъ Христа въ какомъ либо мѣстѣ, или сословіи людей; ибо знаетъ гдѣ онъ, что такое онъ, какъ избавилъ его и что предписываетъ къ его спасенію, вѣруетъ въ него и послѣдуетъ его ученію,—вотъ обязанностіи Христіанскія. Что жь такое искать Христа? За чѣмъ чистоту и ясность нравоученія облекать въ хитрости, въ загадки и двумысліе? Наконецъ что такое: многія души чувствами своими и съ любопытствомъ повсюду озираются, и гдѣ усмотрятъ что либо блистательное, знаменитое и ученое, въ томъ мнятъ обрѣсти спасеніе, между тѣмъ какъ никогда не достигаютъ увѣренія и спокойствія? Ни какая душа чувствами своими не озирается, никто въ блистательномъ, знаменитомъ и ученомъ не мнитъ обрѣсти спасенія, и никогда симъ образомъ не думаетъ достигнуть увѣренія и спокойствія. Въ сихъ темныхъ словахъ ни чего не видно, кромѣ желанія очернить знаменитость и ученіе. Когда благочестивые проповѣдники Слова Божія: Василій Великій, Іоанны Дамаскины, Златоусты, Ѳеофаны и проч. говорили такимъ таинственнымъ, не вразумительнымъ языкомъ?

Послѣ текста, въ которомъ пришедшіе во дни Ирода Царя въ Іерусалимъ Волхвы вопрошаютъ: «гдѣ есть рождейся Царь Іудейскій? Видѣхомъ звѣзду его на Востоцѣ, и пріидохомъ поклонитися ему,» проповѣдникъ (на стр. 28), дѣлая довольно странные вопросы, таковы какъ: «по чему солнце не озаряетъ своимъ свѣтомъ тѣхъ, которые сидятъ въ темныхъ покояхъ?» приступаетъ опять къ загадкамъ: «свѣтъ (говоритъ онъ)—звѣзда Евангелія Іисусъ Христова, свѣтитъ и освѣщаетъ какъ солнце, но по чему не всѣ онаго объемлютъ, тому всякъ самъ долженъ знать причину.» И послѣ сей загадки продолжаетъ:

«Христосъ имѣетъ все, что имѣютъ и земные Вельможи, даже и звѣзду; но все, что онъ имѣетъ, есть божественное, небесное и безконечно большое. Его звѣзды не можно было носить на одеждѣ, она была на небесахъ.» Какой проповѣдникъ станетъ увѣрять слушателей своихъ въ томъ, что небесныхъ звѣздъ не носятъ на одеждѣ? Хуже ли они знаютъ это, и кому придетъ въ голову свѣтъ Евангельскаго откровенія сравнивать съ кавалерскою звѣздою? Вся цѣль уподобленія сихъ звѣздъ не можетъ быть иная, какъ та, чтобъ внушить нѣкоторыя неуваженіе и презрѣніе къ звѣздамъ на платьяхъ. Сообразно съ симъ проповѣдникъ вездѣ располагаетъ ученія и толкованія свои такъ, чтобъ онѣ были двусмысленны, т. е., чтобъ вдавшемуся уже въ революціонныя мысли были ясны, а Христіанину, твердому еще въ Вѣрѣ своей, казались Христіанскими, и только по немногу смущали его и отвлекали отъ оной. Такимъ образомъ, толкуя о внутренней звѣздѣ, внутреннемъ чувствованіи, взываетъ онъ (стр. 30): «мужественная и непоколебимая Вѣра волховъ служитъ намъ примѣромъ, приводящимъ насъ въ стыдъ: послушаніе и простота ихъ скрывали отъ нихъ опасности, въ которыя они ввергались, но Богъ вдѣлъ надъ ними и зналъ какъ ихъ спасти. И такъ будь ты только послушенъ Богу,—Онъ уже защититъ тебя. Послѣдуй только звѣздѣ слова Божія,—и не бойся ни чего: живъ еще Богъ тѣхъ волховъ.» Ежели бъ какой революціонный проповѣдникъ осмѣлился явно, снявъ съ себя маску Вѣры, побуждать людей къ безначалію, то бы онъ, выпустя только имена Бога и Евангелія, сталъ говорить то же: ступайте съ нами искать того, кто насъ освободитъ, не бойтесь ни какихъ опасностей, онъ надъ вами бдитъ и спасетъ васъ: послѣдуйте только ему и убѣдитесь въ томъ внутренними чувствами! Хитрость мыслей его, прикрытая священными текстами, ясно открывается, какъ скоро поприлежнѣе вникнемъ въ нихъ и сблизимъ, разсѣянныя между двусмысленными, мѣстами, тѣ мѣста, въ которыхъ уже давно обнаруживается и намѣреніе и взываніе. Нижеслѣдующія выписки очевиднымъ образомъ намъ то покажутъ.

Послѣ текста: «слышавъ же Иродъ Царь смутися, и весь Іерусалимъ съ нимъ,» проповѣдникъ говоритъ: «Іисусъ

есть всегда утѣшеніемъ благочестивыхъ и ужасомъ безбожныхъ. Ни землетрясеніе, ни тысячи ударовъ, не могли бы днесь навести такого ужаса и распространить такого страха, какой произведенъ былъ гласомъ: «Грядетъ женихъ, Господь!» Какъ бы тамъ задрожало, затряслось отъ ужаса, все великое сборище Христіанъ, носящихъ только имя сіе? Какъ бы вострепетали многіе, такъ называемые, благочестивые люди!» Гдѣ тамъ? И по чему относить укоризну сію на такое общее лице: все великое сборище Христіанъ? Впрочемъ, мы видѣли ужасы сіи во время Французской революціи: подлинно вострепетали тогда истинные Христіане и благочестивые люди! Да и быть сіе иначе не можетъ, когда сила перейдетъ на сторону буйства и безначалія, котораго ярость обращается тотчасъ на Вѣру, благочестіе и законныя власти.

Проповѣдникъ продолжаетъ (ст. 31): «Подобно тому, какъ Иродъ и Іерусалимъ не познали тогда Христа и страшились его, такъ и днесь еще великіе и малые люди, ложное Христіанство и главы онаго, страшатся и не познаютъ его.» Вездѣ, вмѣсто нѣкоторыхъ во всякомъ состояніи грѣшниковъ, проповѣдникъ говоритъ всегда на общее лицо: ложное Христіанство и главы онаго. Не открывается ли изъ сего, что онъ, въ отношеніи къ какому-то своему Христіанству, называетъ наше ложнымъ, и подъ главами сего послѣдняго разумѣетъ духовныя и гражданскія власти? Продолжая такимъ образомъ говорить двусмысленно, не пропускаетъ, однако жъ, мысль свою въ иныхъ мѣстахъ яснѣе открывать. Такъ, на примѣръ, стараясь посѣять въ сердца читателей своихъ неуваженіе къ ученымъ людямъ, духовенству и властямъ гражданскимъ (стр. 33), говоритъ: «всю честь свою поставляютъ они (ученые) только въ знаніи и изслѣдованіи, думая, что довольно для нихъ, когда найдутъ Христа въ книгахъ, въ строкахъ, на бумагѣ, когда могутъ производить споры и доказывать: но въ Виѳлеемѣ, на самомъ дѣлѣ и по истинѣ въ ясляхъ, въ сердцѣ, въ житіи и бытіи своемъ, имѣть его не хотятъ.» Проповѣдникъ, по видимому, запрещаетъ ученымъ искать Христа въ книгахъ, то есть, въ Священномъ Писаніи: что тамъ не о томъ Христѣ говорится, о которомъ онъ думаетъ, для того не велитъ имъ спорить и доказывать, что доказательствъ ихъ

не можно опровергнуть. Что жь такое велитъ онъ имъ и всѣмъ прочимъ людямъ? Велитъ, искать Христа въ ясляхъ! Какъ будто онъ и нынѣ, по прошествіи осмнадцати вѣковъ отъ смерти и воскресенія его, находится еще во плоти младенцемъ, и намъ, какъ Волхвамъ, еще не знающимъ о немъ, надлежитъ искать его, имѣя предъ собою звѣзду, которая бы насъ вела къ нему! Не ясно ли изъ сего видѣть можно, что онъ подъ именемъ Христа и Евангелія разумѣетъ не того Христа, въ котораго мы вѣруемъ, но другого, ибо велитъ еще искать его въ книгахъ; а какія книги, какъ не Евангеліе, возвѣщаютъ о немъ? Онъ велитъ каждому возжигать внутри себя звѣзду, не изъ чтенія священныхъ книгъ, не изъ Евангельскаго откровенія и нравоученія, не изъ гласа разума и совѣсти, но изъ собственнаго своего побужденія, не смотря на Вѣру, на законъ и на данное намъ отъ Бога познаніе о добрѣ и злѣ. Вотъ какую звѣзду велитъ онъ намъ возжигать въ себѣ! И, укоряя насъ привязанностію къ книгамъ и пребываніемъ въ покоѣ и мирномъ вѣроисповѣданіи, тутъ же взываетъ: «книжная пыль имѣетъ что-то весьма привлекательнаго, что она прилѣпляетъ ученыхъ къ буквамъ и содѣлываетъ ихъ какъ бы лишенными движенія, когда надобно возстать и искать Господа.» Кто изъ сего выше означеннаго не почувствуетъ, что значатъ слова: возстать и искать Господа? Проповѣдникъ продолжаетъ: «О, вы бѣдные ослѣпленные книжники, служащіе одному только Ироду; бѣдные ослѣпленные, льстивые богословы, испытующіе Священное Писаніе только тогда, когда Дворъ и знать вопрошаютъ о Христѣ, и вопрошаютъ объ немъ для того только, чтобы истребить его, а не для того, чтобы ему поклониться!» О какомъ Христѣ Дворы и знать вопрошаютъ книжниковъ и богослововъ для истребленія его? Иродъ помышлялъ сіе; но по чему же, указуя на тѣ времена, говоритъ такъ, какъ будто бы нынѣшніе Цари были Ироды? Для чего всѣхъ ученыхъ богослововъ называетъ ослѣпленными льстецами, служащими одному только Ироду? Да и при самомъ Иродѣ Іоаннъ Крститель обращалъ его къ вѣроисповѣданію во Христа.

На стр. 36-й проповѣдникъ разсуждаетъ: «они (т. е., богословы) вопрошаютъ о времени явленія звѣзды, о пришествіи и

будущности Іисуса, хотятъ проникнуть тайну и глубину Библіи, но не слѣдуютъ той звѣздѣ, которую обрѣли. Кто чистосердечно и тщательно ищетъ свѣтъ Христа, тотъ найдетъ его и узритъ такъ, какъ Волхвы .....» (Сужденіе, съ истиною вещей не сообразное: Волхвы видѣли его плѣсными очами во плоти,—мы, въ наше время, ни найти, ни видѣть его такимъ образомъ не можемъ). «Иродъ желалъ также видѣть тотъ свѣтъ, и желаніе его было искреннее. Онъ велѣлъ умертвить многія тысячи дѣтей, искомаго же младенца, однако жь не нашелъ; ибо тотъ младенецъ отъ него устранился: чѣмъ болѣе онъ объ немъ развѣдывалъ, тѣмъ больше младенецъ отъ него удалялся..... .....» (Какимъ же образомъ желаніе Ирода найти и узрѣть Христа было искреннее, когда онъ искалъ убить его?). «Иродъ (продолжаетъ проповѣдникъ) представляетъ здѣсь образъ тѣхъ людей, которымъ свѣтъ не всходитъ, сколько бы они его ни искали.» Но по какой причинѣ? Вѣдь они вопрошаютъ объ ономъ и желаютъ оный имѣть: по чему же Богъ попускаетъ ихъ впадать въ заблужденіе? По чему могуществомъ его не проповѣдуется Евангеліе всѣмъ людямъ, и звѣзда истины имъ не восходитъ?—«Для того, чтобы они не сдѣлались дьяволами и врагами Божіями, подобно Ироду».—Когда Христіанскіе проповѣдники говаривали такимъ безбожнымъ и даже безразсуднымъ языкомъ? Богъ попускаетъ людямъ впадать въ заблужденія, для того, чтобы они не сдѣлались ему врагами! Да если бъ и о человѣкѣ сказать, что онъ попускаетъ другому упадать въ яму, опасаясь, чтобъ онъ не сдѣлался ему непріятелемъ, то и человѣка сего нельзя назвать добрымъ; а проповѣдникъ говоритъ это о Богѣ, о всемогущемъ и всеблагомъ существѣ. Да и какимъ образомъ человѣкъ въ заблужденіи не есть врагъ Богу, а выведенный изъ заблужденія сдѣлается таковымъ? И Богъ его опасается, и для того попускаетъ впадать въ заблужденія! Нельзя не удивляться слабости ума того слушателя, кто, не бывши въ единомысліи съ проповѣдникомъ, пріемлетъ тѣ явныя нелѣпости его за нѣкую сокрытую въ нихъ мудрость.* Далѣе проповѣдникъ даетъ читателямъ своимъ слѣдующіе со-

* Извѣстно, что проповѣдникъ привлекалъ къ себѣ многихъ слушателей, изъ которыхъ многіе плѣнялись его проповѣдями.

вѣты: «Удались только охотно изъ высокаго Святаго Іерусалима, гдѣ господствуетъ гордость и пышное великолѣпіе, книжная мудрость и властолюбіе, и бѣги въ униженный и презрѣнный Виѳлеемъ; не останавливайся въ мірѣ и у Князей мірскихъ, дабы они не запутали тебя въ свои сѣти величіемъ и знатностію, почестями и свѣтскими обѣщаніями!» Изобразя такими красками всѣ Дворы и Князей мірскихъ, и приказывая всякому бѣжать и удаляться отъ нихъ, какъ отъ нѣкакой заразы, проповѣдникъ, остерегая своихъ слушателей и читателей отъ притворной ласки ихъ и благосклонности, продолжаетъ свои совѣты: «Не будьте слишкомъ довѣрчивы, возлюбленные мои! Тогда-то и оружіе всего нужнѣе, поелику тогда настоитъ величайшая опасность. Когда міръ, или люди мыслящіе по мірскому, пріемлютъ видъ смиренія и святости, то не имѣютъ они по истинѣ другого намѣренія, кромѣ подобнаго Иродову, а именно: цѣлятъ умертвить въ сердцахъ вѣрующихъ силу и жизнь Іисуса Христа, или, развѣдавъ о расположеніи сердецъ, предать ихъ врагамъ. Они пресмыкаются въ слѣдъ за младенцемъ, также подъ видомъ поклоненія ему, въ самомъ же дѣлѣ они управляются и внушены Княземъ міра сего, который старается погубить младенца, опасаясь, чтобъ оный не взросъ и не лишилъ его царства и престола.» Какая опасность настоитъ и по какой недовѣрчивости проповѣдникъ велитъ готовиться къ оружію? Ни кто изъ Князей мірскихъ не возстаетъ на разрушеніе Вѣры, ни кто изъ Христіанскихъ Государей не думаетъ, что Христосъ возрастаетъ и придетъ у него отнять царство и престолъ. Какъ возрасти тому, кто давно уже возросъ, умеръ и воскресъ? По какому приличію дѣла и мысли Ирода относить на нынѣшнихъ Царей? Не явно ли и здѣсь, какъ и вездѣ въ другихъ мѣстахъ, открывается хитрость проповѣдника, что онъ, подъ именемъ младенца Христа, разумѣетъ революцію, то есть, разрушеніе Православныхъ церквей и престоловъ? О ней говоритъ, что Князья мірскіе, развѣдавъ о расположеніи сердецъ, стараются потушить ее, не дать возрасти младенцу, и что, не смотря на ихъ кротость и смиреніе, не надобно довѣрять имъ, а должно готовить противъ нихъ оружіе.

На страницахъ 41 и 42 въ такомъ же смыслѣ продолжаетъ онъ: «Когда мы надолго остаемся съ мертвыми и холодными

учеными въ большомъ градѣ сего міра, или съ вельможами и царедворцами, на нихъ смотримъ и у нихъ спрашиваемъ, тогда теряемъ мы звѣзду; но если мы, оставя все то, пойдемъ путемъ, ведущимъ къ Іисусу, то найдемъ опять звѣзду истиннаго свѣта.» По чему проповѣдникъ почитаетъ самыми худыми людьми всѣхъ безъ изъятія ученыхъ, всѣхъ вельможъ и царедворцевъ? По чему безпрестанно о томъ твердитъ? По чему ихъ всѣхъ называетъ мертвыми и холодными? Да онъ, живой и горячій, къ какому классу людей принадлежитъ? Для чего не позволяетъ намъ смотрѣть на почтенныхъ вельможъ и царедворцевъ? Для чего не позволяетъ намъ спрашивать и поучаться закону Божію у благочестивыхъ священнослужителей? Какую звѣзду потеряемъ мы чрезъ то, и по чему тогда найдемъ ее опять, когда ихъ оставимъ? Что жь бы еще возмутительнѣе и развратнѣе сего могъ сказать и самъ посланный изъ преисподняго царства? Мудрено ли послѣ сего видѣть, къ какому Іисусу хочетъ онъ звѣздою своею вести тѣхъ, кои его послушаютъ? Онъ продолжаетъ: «Если ты найдешь гдѣ только буквальное или притворное Христіанство, то не долженъ тамъ останавливаться, но искать Христа живаго?» Что такое буквальное Христіанство? Кто не догадается, что подъ этимъ разумѣются книги Священнаго Писанія? Что такое искать Христа живаго? Какой Христіанинъ почитаетъ Христа Бога мертвымъ? Слѣдовательно, проповѣдникъ говоритъ о какомъ-то своемъ Христѣ, который, по его мнѣнію, еще живъ и во плоти. Онъ продолжаетъ: «Они (Волхвы) мнили, что должны найти Іисуса во Іерусалимѣ, во св. градѣ; и гдѣ жь иначе, если не тамъ? Тамъ храмъ, тамъ святыня, тамъ первосвященство, богослуженіе и проч.» Вотъ съ какою насмѣшкою проповѣдникъ говоритъ о храмахъ, первосвященникахъ, богослуженіи; вотъ что называетъ мертвою ученостію, ложнымъ буквальнымъ Христіанствомъ? И потомъ продолжаетъ: «но, при всемъ добромъ ихъ мнѣніи, потеряли они звѣзду, и не узрѣли оной прежде, какъ вышедши изъ сего, такъ называемаго, святаго града. Разумѣющій да разумѣетъ.» Вотъ какъ проповѣдникъ обнаруживаетъ себя, что онъ не о той Вѣрѣ говоритъ, въ которой всякъ наставленъ и читаетъ въ молитвахъ, или слышитъ во храмахъ Божіихъ, но о другой тайной, ему только, съ обращенными уже въ нее, извѣстной, въ которой всякое начальство и богослуженіе

опровергается: и какъ такое ученіе еще опасно явно проповѣдывать, то онъ иногда, закрывая себя личиною истиннаго Вѣроисповѣданія, иногда выглядывая изъ подъ ней и показываясь въ собственномъ своемъ видѣ, говоритъ разумѣющій да разумѣетъ.

Сколько ни станемъ мы разсматривать сію книгу, нигдѣ не найдемъ въ ней ни чего Евангельскаго, ни чего нравоучительнаго, но вездѣ твердится только злоязычная хула и поруганіе всему тому, что мы почитать привыкли. Такъ, на стр. 50-й учитъ онъ своего слушателя: «Старую дорогу долженъ ты оставить на всегда и на вѣки, если не хочешь попасть въ руки Ироду, книжникамъ и первосвященникамъ, кои Христа или умерщвляютъ, или опровергаютъ, или предаютъ проклятію». . . . . (Дерзкая и безстыдная ложь! Когда и гдѣ первосвященники предавали Христа проклятію?). Такъ, на стр. 52-й говоритъ: «Кто его (Христа) любитъ, тотъ не захочетъ нигдѣ быть въ нѣгѣ и къ мѣсту своему не прилѣпляется такъ, чтобы не быть готовымъ, ради Христа, вырваться изъ объятій нѣжнѣйшихъ своихъ друзей и послѣдовать обязанности своего званія и исполненію дѣла Божія. Христіанинъ не желаетъ имѣть инаго отечества, кромѣ обширнаго шара земнаго, принадлежащаго Господу.» Не разврату ли, не сущу ли разрушенію всѣхъ добродѣтелей учитъ насъ здѣсь проповѣдникъ? Священное Писаніе говоритъ намъ: не любя своего ближняго, ты не можешь любить Бога, а проповѣдникъ велитъ намъ вырываться изъ объятій и нѣжнѣйшихъ друзей нашихъ, не велитъ имѣть отечества, слѣдовательно, ни алтаря, ни Государя, ни отца, ни брата, и, потушая въ насъ любовь ко всему священнѣйшему, называетъ это обязанностію нашего званія и исполненіемъ дѣла Божія! Перо падаетъ изъ рукъ моихъ, гнушаясь описывать столь пагубныя и злочестивыя внушенія.

На стр. 62 говоритъ онъ: «Ожидай только, возлюбленная душа, ввержена Иродомъ въ Египетъ, въ жалостное положеніе, ожидай еще нѣсколько, и твой Иродъ умретъ, и твое гоненіе кончится, и ты возвратишься опять въ землю Израильскую.» Проповѣдникъ это говоритъ самому себѣ и своимъ слу-

шателямъ; въ какомъ же они, или души ихъ, находятся гоненіи? Кто ввергъ ихъ въ жалостное положеніе? Чего велитъ онъ подождать еще нѣсколько? Кого разумѣетъ подъ именемъ Ирода, и по чему пророчитъ ему скорую смерть? Темныя загадки! Но кто просвѣщенъ истиннымъ свѣтомъ Евангелія, чья душа чиста и незлокозненна, тому не трудно отгадать ихъ и отъ нихъ содрогнуться.

Въ иномъ мѣстѣ (стр. 74), укоряя тѣхъ, которые почитаютъ себя рожденными въ истинной Вѣрѣ, говоритъ: «Рожденіе ваше (т. е., рожденіе въ Христіанскомъ законѣ), имя (т. е., Христіанинъ), мечтанія (т. е., богопочитаніе и вѣроисповѣданіе), не содѣлаютъ васъ блаженными. Надобно быть учениками Христовыми (т. е., того мнимаго существа, которое проповѣдникъ называетъ Христомъ), и послѣдовать его ученію (т. е., тому ученію, какое онъ и единомышленники его въ книгахъ своихъ распространяютъ), надобно принести истинное покаяніе (т. е., раскаяться въ томъ, что былъ Христіанинъ), обратиться и уподобиться дѣтямъ (т. е., слѣпо разсуждая, подобно ребенку, вступить въ ихъ секту), со Іисусомъ тѣсно соединиться, какъ виноградныя кисти соединены съ лозою; все прочее (т. е., всѣ догматы Вѣры) есть обманъ и саморазвращеніе. Будьте вы какими ни были и называйтесь какъ хотите, Богъ къ вамъ не привязанъ; онъ можетъ изъ камней произвесть чадъ Аврааму, изъ каменныхъ сердецъ и изъ совершенно закоснѣлыхъ грѣшниковъ содѣлать чадъ Божіихъ, между тѣмъ какъ вы, состоя въ Православной Церкви, при всей тщетной славѣ и ложномъ упованіи на вашу устную вѣру и наружно честное житіе, останетесь чадами діавола и ада.» Ясны ли сіи слова? Нужно ли послѣ сего еще выводить, что проповѣдникъ учитъ не чрезъ Церковь соединяться съ Христомъ, но мимо ее ити къ нему, и, слѣдовательно, не къ тому Христу, который есть глава Церкви, но къ другому, подъ симъ именемъ разумѣемому. Сей Христосъ его, по настоящему имени Антихристъ, или народное буйство, отпадшее отъ Вѣры вездѣ, имъ и сообщниками его проповѣдуется; за него-то ходатайствуя, старается онъ очернить и Церковь, и первосвященниковъ, и Царей, и вельможъ, словомъ, всѣ духовныя и гражданскія власти, и говоритъ, что, оставаясь въ той Вѣрѣ, какая нынѣ всѣми

Христіанами исповѣдуется, мы становимся чадами діавола и ада, которыхъ слуги (присовокупляетъ онъ на страницѣ 94) именуются Князьями, Властелинами и Господами міра сего.

Почитая излишнимъ, при толь ясныхъ и очевидныхъ злонамѣреніяхъ, разсматривать далѣе книгу сію, наполненную далѣе вездѣ злочестивыми и возмутительными мыслями, обязаны мы, по долгу вѣрноподданнаго къ Государю и по любви къ Отечеству, обратить вниманіе Правительства и на другія, подобныя и столь же вредныя, книги, въ разныя времена изданныя и къ одной и той же цѣли стремящіяся, то есть, къ возмущенію народа противъ Православія и Престоловъ подъ видомъ таинственныхъ ученій и темныхъ толкованій Библіи. Неоднократно открывалось уже сіе, но, оставаясь въ прежнемъ положеніи, умножалось, росло, усиливалось въ дерзости и достигаетъ до великихъ успѣховъ. Высылка и наказаніе частныхъ лицъ не могутъ сего пресѣчь и отвратить. Одинъ подобный проповѣдникъ будетъ высланъ,—другой на мѣсто его явится, и прежде нежели распространяемая имъ ересь дойдетъ до свѣдѣнія, принесетъ уже много зла, да и по высылкѣ его, онъ уѣдетъ, а сѣмена посѣяннаго имъ разврата остаются созрѣвать и приносить плоды. Частное наказаніе Цензора за проступокъ сей, и другихъ, подобныхъ же книгъ, также ни чего не пособитъ; ибо Цензоръ, во первыхъ, можетъ не имѣть достаточнаго проницанія во вредъ, прикрытый въ нихъ мнимою пользою наставленія въ Вѣрѣ и просвѣщеніи; во вторыхъ, публичное проповѣдываніе и печатаніе книгъ сихъ въ здѣшней столицѣ отвлекаетъ Цензора отъ сомнѣнія въ пропускѣ перевода съ оныхъ, и если бы и увидѣлъ онъ что либо сомнительное, то опасается изъявить свое сомнѣніе, при явномъ покровительствѣ и благорасположеніи къ симъ сочинителямъ и переводчикамъ. И такъ зло сіе, отчасу больше усиливающееся, не можетъ иначе быть отвращено, какъ пресѣченіемъ покровительства оному и удержаніемъ его въ самомъ началѣ, срывая съ него, подъ какимъ бы видомъ оно ни явилось, личину лжеученія. Для сего нужно имѣть многихъ избранныхъ и благомыслiемъ своимъ извѣстныхъ Цензоровъ, надъ коими должно учредить Высшій Цензурный Комитетъ, который бы состоялъ не изъ одного, но изъ пяти, или, по крайней мѣрѣ,

четырехъ Духовныхъ и Государственныхъ особъ, къ коимъ бы Цензоры, въ случаѣ сомнѣній своихъ, могли относиться.

Подъ вѣдѣніемъ сего Комитета должны состоять не только всѣ, издаваемыя на Россійскомъ языкѣ, книги, но и всѣ иностранныя, привозимыя сюда, или здѣсь печатаемыя; также и образъ ученія, преподаваемый во всѣхъ Университетахъ, Гимназіяхъ и Училищахъ, за которыми надлежитъ строго смотрѣть, чтобъ Профессоры и Учители преподавали науки по извѣстнымъ книгамъ, а не по рукописнымъ тетрадямъ, въ коихъ они часто обучаютъ учениковъ не общимъ, но собственнымъ своимъ, правиламъ и мыслямъ. Всѣ другія мѣры окажутся недостаточными къ удержанію и отвращенію сего, подъ видомъ просвѣщенія и толкованія Священныхъ Писаній, распространившагося зла, требующаго, для общаго спокойствія и спасенія отъ него, яко отъ заразительнаго недуга, дѣятельныхъ мѣръ и неусыпнаго надзора.

Надзоръ сей долженъ состоять не въ одномъ обращеніи вниманія своего на прекращеніе подобными книгами и внушеніями распространять духъ дерзости и ослѣпленія, но въ дѣятельномъ и строгомъ изслѣдованіи всѣхъ, происшедшихъ отъ того, золъ и успѣховъ, не въ однѣхъ столицахъ и училищахъ, но внутри и въ отдаленнѣйшихъ краяхъ Россіи.

Мы читаемъ въ иностранныхъ Вѣдомостяхъ (Journal de Francfort № 119, 28 Avril, 1824, de Pétersbourg): «M. le docteur Ignace Fessler, Surintendant du Consistoire Évangélique de Saratow, qui compte plus de 600,000 colons aisés et Industrieux, a fait tout recement un voyage d'inspection de plus de 6,000 werstes dans les nouveaux Gouvernements, soumis à son diocese.» Таковыя обширныя порученія иностраннымъ проповѣдникамъ и учителямъ, изгнаннымъ изъ ихъ отечества, или, по крайней мѣрѣ, признаваемымъ за людей худыхъ правилъ и, можетъ быть, нарочно посылаемыхъ къ намъ для разрушенія мира и тишины, необходимо долженствовали, какъ и слышно, произвесть не малые плоды посѣяніемъ въ простомъ народѣ всякихъ ересей и буйства. Великость сихъ успѣховъ, разными средствами произведенныхъ, требуетъ строжайшаго и неукоснительнаго обращенія къ потушенію

сего огня, безпрестанно поджигаемаго иностранцами, и который, при малѣйшихъ еще попущеніяхъ, легко можетъ сдѣлаться неугасимымъ.»

(Разборъ сей читанъ мною въ Комитетѣ Гг. Министровъ 20 Маія, 1824 года.)

---

30 числа Октября (1824) былъ я у Графа Аракчеева и читалъ ему нѣкоторыя бумаги, съ которыми онъ согласился и обѣщалъ мнѣ во всѣхъ намѣреніяхъ моихъ содѣйствовать. На третій день, извѣстясь о нѣкоторыхъ вновь вышедшихъ книгахъ, писалъ я къ нему слѣдующее письмо:

«Милостивый Государь,

Графъ Алексѣй Андреевичъ!

Въ прежнихъ письмахъ моихъ имѣлъ я честь объяснить Вашему Сіятельству о продолжающихся и нынѣ покушеніяхъ и стараніяхъ продолжать собранія Библейскихъ Обществъ и распространять не переводы, а, такъ сказать, перекладку Священныхъ Писаній съ высокаго и важнаго языка на простонародное нарѣчіе: два сильнѣйшія орудія революціонныхъ замысловъ. Теперь почитаю себя въ необходимой обязанности препроводить къ вамъ новѣйшія тому свидѣтельства, а именно: ежемѣсячно издаваемую книжку подъ названіемъ: «Извѣстія о сихъ Обществахъ,» гдѣ ихъ дѣла до небесъ превозносятся, и другую: «Краткій Катихизисъ,» здѣсь, въ Синодальной Типографіи, недавно въ числѣ, какъ слышно, осмнадцати тысячъ экземпляровъ, напечатанную. Я имѣю причины (о которыхъ въ свое время не оставлю подробнѣе донести) просить Ваше Сіятельство доложить о семъ Государю Императору и принять неукоснительныя мѣры, чтобъ изданіе первой изъ сихъ книжекъ и разсылки второй теперь же, по крайнѣй мѣрѣ, до ближайшаго разсмотрѣнія оной, остановить; ибо если сія послѣдняя повсюду разойдется, то уже дѣйствія, ею произведеннаго, отвратить будетъ не можно. Не разсуждая уже о нѣкоторыхъ, введенныхъ въ нее, не совсѣмъ со-

гласныхъ съ ученіемъ нашей Церкви правилахъ, одно только то, что въ ней главнѣйшія молитвы, составляющія духовное наше воспитаніе и которымъ каждый отецъ пріучаетъ едва начинающаго еще лепетать своего сына, молитвы, въ которыхъ каждая буква должна казаться намъ неприкосновенною и священною, молитвы таковыя, какъ Отче нашъ, и Вѣрую во единаго Боꙗа, также и Заповѣди Господни, переложены на простой языкъ, переиначены и нарочно, для сильнѣйшаго впечатлѣнія сей важной перемѣны, напечатаны Церковными буквами; одно только сіе показываетъ уже, съ какимъ намѣреніемъ тиснуто оной огромное количество. Слѣдуя долгу званія моего, надлежало бы мнѣ тотчасъ во всѣ Училища разослать приказаніе, чтобъ нигдѣ помянутыхъ книжекъ не принимали, но, поставленный въ затрудненіе дѣйствовать во благо Церкви, Государя и Отечества, я буду ожидать или разрѣшенія на то, или увольненія меня отъ таковаго званія, въ которомъ не могу быть полезенъ, и долженъ, попуская возрастать и усиливаться прежнимъ стараніямъ и работамъ, съ укореніемъ совѣсти моей видѣть себя содѣйствующимъ въ томъ, что, по моимъ понятіямъ, можетъ принести крайній вредъ Благочестію, нравамъ и, слѣдовательно, Государству и человѣчеству.

Съ истиннымъ и совершеннымъ почитаніемъ имѣю честь быть

Вашего Сіятельства

покорный слуга А. Ш.»

Ноября 3 числа увидѣлся я съ Графомъ Аракчеевымъ въ Комитетѣ Гг. Министровъ. Онъ показалъ мнѣ мои, прежде писанныя къ нему, два письма, съ подчеркнутыми въ нѣкоторыхъ мѣстахъ строками, сказавъ: «Государь Императоръ приказалъ у васъ спросить, для чего же вы по этому не дѣйствуете?» Я при семъ случаѣ сдѣлалъ ему свой вопросъ: «Развѣ вы послѣдняго письма моего къ вамъ Ему не читали.» Онъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, а покажу завтра.» Тутъ мы разстались. На другой день по утру пріѣхалъ онъ ко мнѣ съ извѣщеніемъ, что Его Величеству угодно, чтобъ мы вмѣстѣ съѣздили къ Митрополиту, и съ нимъ, какъ о ежемѣсячномъ издаваніи «Извѣстій о Библейскихъ Обще-

ствахъ,» такъ и о «Краткомъ Катихизисѣ» объяснились. Того жь числа, въ 6 часовъ по полудни, отправились мы къ Митрополиту. Я началъ говорить, что хотя ни какихъ гласныхъ повелѣній о прекращеніи Библейскихъ Обществъ не дано, однако жь съ самой перемѣны Министерства Просвѣщенія намѣреніе склонилось уже къ тому, чтобъ нигдѣ объ нихъ не упоминать. Какимъ же образомъ здѣсь въ Петербургѣ, подъ его начальствомъ, продолжаютъ издавать объ нихъ извѣстія, и превозносить ихъ похвалами, тогда какъ въ цѣли и распространеніи оныхъ открывается явный вредъ? Митрополитъ отвѣчалъ, что какъ за этотъ годъ собраны уже подписки на сей журналъ, то онъ велѣлъ продолжать его до истеченія года, а съ будущаго Генваря оный прекратится. На сіе возразилъ я: гдѣ идетъ дѣло о вредѣ, наносимомъ Вѣрѣ и нравственности, и который и такъ уже сильно распространился, можно ли тамъ попускать еще болѣе распространяться и утверждаться оному для сбора нѣкотораго числа денегъ? Сверхъ того, съ перемѣною Министерства всѣ благомыслящіе люди ожидали и перемѣны направленія умовъ отъ прежней худой въ хорошую сторону; но когда чрезъ полгода, или болѣе, увидятъ то жь самое, что было доселѣ, то какое изъ того родится ободреніе и торжество для тѣхъ, которые всѣми силами и хитростями стараются не дать сдѣлаться сему перелому? Послѣ сего сужденіе обращено было на выше означенный «Краткій Катихизисъ,» Архіереемъ Филаретомъ написанный и Синодомъ утвержденный. Митрополитъ защищалъ въ немъ переводъ молитвъ, и вообще всѣ переводы Священнаго Писанія съ Славенскаго (какъ всѣ, не знающіе языка своего, журналисты говорятъ) на Русской языкъ, утверждая, что многіе Славенскаго языка не разумѣютъ. Тутъ не могъ я сохранить своего хладнокровія. Какъ! сказалъ я съ жаромъ, кто изъ насъ не разумѣетъ церковной службы? Развѣ тотъ одинъ, кто, отрекшись отъ отечества своего, забылъ и языкъ свой! Можно ли съ разсудкомъ повѣрить, что: «Вѣрую во единаго Бога» мы не понимаемъ, а «Вѣрую въ одного Бога,» понимаемъ? Что «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ,» есть чуждый намъ Славенскій, а Отче нашъ, сущій на небесахъ» собственный нашъ Русскій языкъ? И нужно ли на семъ, да позволено сказать, толь неосновательномъ мнѣніи основывать надобность раздѣленія языка Церкви съ языкомъ

народнымъ? И можетъ ли мнимая надобность сія, уронивъ важность Священныхъ Писаній, произвесть иное, какъ не ереси и расколы? Митрополитъ подтверждалъ еще мнѣніе свое слѣдующими словами: «Да куда жь дѣваться намъ съ такимъ множествомъ напечатанныхъ книгъ?» Тутъ едва удержался я въ предѣлахъ должнаго къ священному сану уваженія. Графъ Аракчеевъ также не вытерпѣлъ и сказалъ: «Не о деньгахъ дѣло идетъ: пусть ихъ пропадаютъ, лишь бы остановить и сколько можно отвратить сдѣланное зло.» Напослѣдокъ, по долгомъ прѣніи, общее заключеніе было такое, что Библейскія Общества должно прекратить, переводъ Священныхъ Писаній на простое нарѣчіе не выпускать и «Краткій Катихизисъ» остановить.

По пріѣздѣ сюда Государя Императора былъ я у него съ поздравленіемъ. Онъ принялъ меня милостиво, разсказывалъ о путешествіи своемъ и, отпуская меня, сказалъ: «Въ субботу увидимся.»

7 числа (въ пятницу) было несчастное паводненіе, причинившее столько бѣдствій и вреда всему городу и всѣмъ его окрестностямъ.

8 числа получилъ я записку, что Государь Императоръ въ сей день принять меня не можетъ, а приказываетъ мнѣ быть къ Нему съ докладами завтра, въ 7 часовъ по полудни.

9 числа, въ назначенное время, явился я къ Нему. Онъ долго съ сокрушеннымъ сердцемъ разговаривалъ со мною о случившихся несчастіяхъ, о многихъ погибшихъ людяхъ, и о повсемѣстномъ разореніи. Наконецъ приказалъ читать бумаги. Я предупредилъ его слѣдующею рѣчью: «Государь! Вы столько всегда были ко мнѣ милостивы, что пріучили меня говорить Вамъ откровенно, и по тому все, что Вы въ разныхъ бумагахъ моихъ слышать будете, есть безо всякаго опасенія и утайки совершенное чувствъ моихъ изліяніе. Я иду прямою дорогою, могу обманываться, но хитростей и уловокъ ни какихъ не знаю.» Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Я люблю откровенность, и благодарю тебя за то; Мнѣ надоѣли тѣ лицемѣрія и увертки, въ которыхъ нель-

за распознать правду съ ложью. Впрочемъ, мы всѣ люди, и обманываться всякъ можетъ. Читай!» Послѣ сего началъ я читать слѣдующія моей рукою писанныя бамаги:

«Въ 1818 году издана была, сочиненная на Россійскомъ языкѣ, одобренная Духовною Цензурою, книга подъ названіемъ: «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души.» О книгѣ сей, тотчасъ по изданіи ея, донесено было Вашему Величеству, яко бы оная содержала въ себѣ зловредныя и противныя нашему Вѣроисповѣданію правила; въ слѣдствіе чего книга сія запрещена и у всѣхъ отобрана; сочинитель ея, Станевичъ, выслалъ изъ столицы, а Цензору, пропустившему ее, покойному Архимандриту Иннокентію, сдѣланъ строжайшій выговоръ. Нынѣ же, въ прошедшемъ Августѣ мѣсяцѣ, книга сія, оставшаяся въ одномъ только экземплярѣ у покойнаго Митрополита Михаила, препровождена была ко мнѣ чрезъ Статсъ-Секретаря Кикина, съ тѣмъ, чтобъ я, по разсмотрѣніи ея, донесъ о ней Вашему Величеству. Исполняя повелѣніе сіе, я въ мнѣніи моемъ сказалъ, что прежнее донесеніе о ней было несправедливо, что, напротивъ того, она, защищая Церковь и Вѣру, опровергаетъ тѣ ложныя понятія, которыя къ вреду Благочестія и Правительства во многихъ книгахъ разсѣяны; но, вмѣстѣ съ симъ, просилъ, чтобъ, не полагаясь на одно мое мнѣніе, повелѣно было книгу сію разсмотрѣть духовнымъ особамъ. По соизволеніи на то Вашего Величества отослалъ я оную къ здѣшнему Митрополиту Серафиму, который нынѣ, при письмѣ своемъ ко мнѣ, прислалъ поданный ему объ оной слѣдующаго содержанія рапортъ:

Рапортъ Митрополиту.

«Сего 1824 года, Сентября 12 дня, благоугодно было Вашему Высокопреосвященству, приказомъ предписать намъ приложенную при немъ книгу, подъ названіемъ: «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души,» пересмотрѣть тщательнѣйшимъ образомъ и о достоинствахъ ея представить съ мнѣніемъ своимъ. Въ исполненіе сего приказа мы разсматривали оную книгу и, по разсмотрѣніи, сдѣлали о ней такое заключеніе, что книга сія по духу своему совершенно сообразна съ ученіемъ Вѣры и на-

шей Православной Церкви, и даже есть плодъ сильной ревности по Вѣрѣ и пламеннаго усердія къ Церкви. Сочинитель ея, разсуждая о безсмертіи души, обращаетъ свое вниманіе на тѣ пагубныя мудрованія, которыя у насъ съ нѣкотораго времени во многихъ книгахъ разсѣваются, и которыхъ распространители, проповѣдуя мечтательное благочестіе и мнимодуховную свободу, и свое лжеученіе подтверждая словами Священнаго Писанія, превратно изъясняемыми, стараются обольщать сердца, способныя увлекаться всякимъ вѣтромъ ученія, истреблять въ нихъ покорность Вѣрѣ и Церкви, унижать священныя дѣйствія богослуженія, и внушать неуваженія къ служителямъ Алтаря, и, такимъ образомъ, потрясая основанія Церкви и развращая нравственность народную, угрожаютъ опасностію благоустройству и благоденствію Государства, которыя всегда неразлучны съ благосостояніемъ Вѣры и Церкви. Сіи пагубныя мудрованія сочинитель «Бесѣды о безсмертіи души» раскрываетъ, обличаетъ и опровергаетъ съ такою ревностію и съ такимъ сильнымъ чувствомъ, какія свойственны усердному сыну Церкви и Отечества. По сему мы полагаемъ, что книга сія можетъ производить весьма полезныя дѣйствія въ сердцахъ читателей: однихъ предостерегая отъ вводящихъ раздѣленія и соблазны противъ ученія, которому научаетъ Святая Церковь, а другимъ открывая глаза на тѣ заблужденія, въ которыя они по невѣдѣнію могли быть вовлечены злыми дѣлателями, ком ласковыми и красивыми словами обольщаютъ сердца простодушныхъ. О таковомъ исполненіи приказа Вашего Высокопреосвященства симъ покорнѣйше рапортуемъ.»

На подлинномъ подписано:

«Протоіерей Тимоѳей Вещезѣровъ.

Профессоръ Академіи, Священникъ Іоакимъ Кочетовъ.»

Октября 1-го дня,
1824 года.

Сей рапортъ присланъ ко мнѣ при слѣдующемъ отъ Митрополита письмѣ:

«Ваше Высокопревосходительство,

Милостивый Государь!

Въ слѣдствіе почтеннѣйшаго Вашего Высокопревосходительства, отъ 10 прошедшаго Августа, отношенія, при которомъ изволили Вы, по Высочайшему Государя Императора повелѣнію, препроводить ко мнѣ на разсмотрѣніе книгу, подъ заглавіемъ: «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души,» препоручилъ я ее разсмотрѣть Протоіерею Спасосѣнновской церкви, Тимоѳею Вещезѣрову, и здѣшней Духовной Академіи Профессору, Священнику Іоакиму Кочетову, и какое получилъ отъ нихъ о достоинствѣ книги сей мнѣніе, оное въ подлинникѣ прилагаю при семъ, съ таковымъ, съ моей стороны, заключеніемъ, что я, прочитавъ съ особеннымъ вниманіемъ книгу сію, нашелъ въ ней всѣ тѣ достоинства, каковыя прописаны во мнѣніи Протоіерея Вещезѣрова и Священника Кочетова. Возвращая помянутую книгу, честь имѣю быть, и проч.»

На подлинномъ подписано:

«Серафимъ, Митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій.»

6 Октября, 1824 года.

Здѣсь нужно замѣтить, что въ томъ же году, тотчасъ по запрещеніи сей книги, дано было циркулярное предписаніе слѣдующаго содержанія:

«Чтобъ Цензурные Комитеты, при разсматриваніи сочиненій и переводовъ, предполагаемыхъ къ печатанію вторымъ, третьимъ и вообще возобновляющимся тисненіемъ, наблюдали строжайше, дабы несоотвѣтствующія настоящимъ видамъ Правительства мѣста въ книгахъ сихъ, содержащія въ себѣ мысли и духъ противный Религіи Христіанской, обнаруживающія или вольнодумство, безбожничество, невѣріе и неблагочестіе, или своевольство революціонной необузданности, мечтательнаго философствованія, или же опорочиваніе догматовъ Православной Церкви, и тому подобное, были непремѣнно запрещаемы къ печатанію, хотя бы въ напечатанныхъ книгахъ прежде находилось.»

Предписаніе сіе дано было тотчасъ по запрещеніи помянутой книги, «Бесѣда на гробѣ младенца;» слѣдовательно, какъ по донесенію объ ней, такъ и по сему, неукоснительно за тѣмъ воспослѣдовавшему, предписанію, очевидно явствуетъ, что она была поводомъ сего, и что къ ней относится выраженіе «не соотвѣтствующей настоящимъ видамъ Правительства.» Вскорѣ за симъ, по опредѣленію Духовныхъ Училищъ, какъ бы для показанія, въ чемъ состоятъ настоящіе виды Правительства, не только не въ маломъ количествѣ выпущены, но съ назначеніемъ цѣны разосланы для чтенія книги таковыя, какъ: «Опытъ дѣятельнаго ученія о дѣйствіи Св. Духа въ душахъ», «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова», и многія другія прямо противныя догматамъ нашей Вѣры, и тѣмъ правиламъ, какія въ помянутомъ предписаніи означены. Изъ сего ясно открывается, что книги, писанныя въ духѣ Вѣры и въ защиту благочестія, выдавались за зловредныя, и не только не были терпимы, но тщательно истреблялись, а сочинители ихъ подвергались гоненію. Отсюда не меньше ясно и то, что когда съ подобными книгами поступаемо было такимъ образомъ, то сіе не могло быть для инаго намѣренія, какъ для того, дабы не препятствовали онѣ внушать и распространять противныя имъ ложныя ученія и наставленія. Если обратить вниманіе на все то, что въ семъ намѣреніи напечатано и нарочно разсылаемо было для чтенія въ народѣ и по Училищамъ, если взглянуть при томъ и на другія разныя средства, къ размноженію сего употребленныя, и если исчислить успѣхи, чрезъ не малое время въ прельщеніи умовъ и въ воспитаніи юношества произведенные, то ужасная истина сія откроется во всей своей очевидности. Сія борьба своевольства съ законами появилась сперва въ хитрыхъ словахъ и тайныхъ шепотахъ; но скоро, возвыся голосъ, стала вопіять громче, яснѣе и дерзновеннѣе. Подъ личиною новой набожности и новаго просвѣщенія, она произвела новыя понятія, поколебала и раздѣлила мнѣніе людей о самоважнѣйшихъ для благоденствія народнаго предметахъ: о Вѣрѣ и Правительствѣ, требующихъ непремѣнно одинаковыхъ мыслей и единодушія. Усилясь въ дерзкой надеждѣ своей, стала она тайный образъ свой превращать въ явный, сдѣлалась всякому извѣстною, и подала поводъ къ небывалымъ прежде и непозволеннымъ

умствованіямъ и сужденіямъ. А по тому, если противъ сего распространившагося зла не взять нынѣ дѣятельныхъ и гласныхъ мѣръ, то оно еще болѣе умножится и возрастетъ; ибо духъ благомыслящихъ людей, и такъ уже упадшій, совершенно уронитъ, и вознесетъ надежду тѣхъ, которые, по злонамѣренію, или по соблазну, или по легковѣрію, или по видамъ корысти, хотятъ, чтобы заблужденіе господствовало и торжествовало. Для обузданія сего вреднаго духа, почитаю я крайне нужнымъ, чтобъ гласная и рѣшительная воля Вашего Императорскаго Величества изъявлена была даннымъ на мое имя рескриптомъ, которому, если мнѣніе мое удостоится одобренія, прилагаю при семъ проектъ:

Проектъ рескрипта.

«Въ Указѣ Нашемъ, данномъ Правительствующему Сенату Февраля въ 9-й день, 1802 года, между прочими постановленіями о разсматриваніи и печатаніи книгъ, во второмъ пунктѣ объяснено: «чтобъ не было ни чего въ нихъ, противнаго законамъ Божіимъ и гражданскимъ,» и того жь Указа въ третьемъ пунктѣ изображено: «что принадлежитъ до книгъ Церковныхъ и вообще къ Вѣрѣ относящихся, въ изданіи ихъ поступать на точномъ основаніи Указа 27 Іюля, 1787 года.» Нынѣ, по случаю препровожденной къ Новгородскому и С.-Петербургскому Митрополиту на разсмотрѣніе книги, подъ названіемъ: «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души,» изъ донесеній его усмотрѣно Мною, что, въ противность помянутымъ Указамъ, многія къ Вѣрѣ относящіяся книги, часто содержащія въ себѣ ложныя и соблазнительныя о Священномъ Писаніи толкованія, печатались въ частныхъ типографіяхъ безъ всякаго Синодскаго разсмотрѣнія, и что, напротивъ того, книги, въ духѣ Православной нашей Вѣры написанныя, подвергались строгому запрещенію. Такимъ образомъ помянутая книга, подъ названіемъ: «Бесѣда на гробѣ младенца» (по несправедливому о ней донесенію), (1) была запрещена и отобрана, дабы не препятствовала распространяться духу другихъ, къ соблазну Вѣры выпускаемыхъ книгъ. (Правительствующій Синодъ, вопреки обязанности своей и данныхъ ему предписаній, не обратилъ на

то своего вниманія и умолчалъ о семъ) (2). Въ слѣдствіе сихъ отступленій отъ выше помянутыхъ, данныхъ Нами, Указовъ и воспослѣдовавшаго отселѣ вреднаго просвѣщенію и нравственности направленія, повелѣваемъ вамъ войти въ строгое наблюденіе, дабы какъ въ изданныхъ, такъ и впредь издаваемыхъ сочиненіяхъ и переводахъ, особливо же въ преподаваніи по Училищамъ наукъ ни чего колеблющаго Вѣру и благонравіе не укрывалось. Народное благоденствіе много отъ сего пострадать можетъ, и по тому обязаны вы предъ Богомъ и предъ Нами употребить за симъ неусыпный надзоръ, истребляя и обличая всякія разсѣянныя въ книгахъ, или иначе внушаемыя, лжеученія, и не допуская ни въ какомъ видѣ вновь появляться онымъ. Въ важнѣйшихъ случаяхъ вы не оставите доводить сіе до Нашего свѣдѣнія. Выше означенную книгу: «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души» (по несправедливому о ней донесенію) (3) запрещенную и нынѣ Митрополитомъ разсмотрѣнную и одобренную, повелѣваемъ вновь на казенный счетъ * напечатать **.»

(Сію бумагу Государь изволилъ оставить у Себя.)

Рескриптъ сей, спустя нѣсколько времени, напослѣдокъ былъ подписанъ Государемъ и присланъ былъ ко мнѣ. Я велѣлъ оный тотчасъ напечатать и разослать повсюду. Въ немъ сдѣланы были нѣкоторыя перемѣны; а именно: слова, заключенныя въ скобкахъ подъ числомъ 1, 2, 3.

Сверхъ сихъ читаны были мною еще слѣдующія бумаги:

Первая.

О переводѣ Священныхъ Писаній.

«Переводы Священнаго Писанія съ высокаго языка (называемаго Славенскимъ) на простой, въ общежитіи употребляемый

*** Выпущены, и кромѣ того подъ знакомъ *, вмѣсто означенной скобками выпущенной рѣчи, прибавлено слово дозволить и подъ знаками ** прибавлено и продавать.

языкъ (называемый русскимъ), подъ предлогомъ лучшаго разумѣнія церковныхъ книгъ * придуманы для уменьшенія ихъ важности и поколебанія Вѣры. Можно было бы изъ многихъ примѣровъ ясно сіе доказать, но довольно и нѣсколькихъ мѣстъ для нѣкотораго въ томъ усмотрѣнія. И такъ сократимъ, сколько можемъ, разсужденіе о немъ самыми малыми примѣчаніями:

«Въ Краткомъ Катихизисѣ, недавно изданномъ, первая заповѣдь: «Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ мене,» изложена слѣдующимъ образомъ: Я Господь Богъ твой, да не будетъ у тебя другихъ боговъ предъ лицемъ моимъ.» Замѣтимъ первое, что заповѣди сіи называемъ мы Господними, и, слѣдовательно, почитаемъ ихъ Божескими изреченіями. Благоговѣніе къ Богу и древность запечатлѣла въ умѣ и въ сердцѣ нашемъ каждое въ нихъ слово. Когда древнія дѣла рукъ человѣческихъ, какъ, на примѣръ, одѣяніе, или сосуды, сохраняются неприкосновенными, дабы, по превращеніи ихъ въ новый видъ, не потеряли они своего достоинства, то какъ же дерзнуть на перемѣну словъ, почитаемыхъ исшедшими изъ устъ Божіихъ?

Второе, для чего дѣлать сію перемѣну? Какая въ томъ надобность? Если скажемъ, что многія слова вышли изъ употреб-

---

* Мнѣніе сіе, родившееся отъ незнанія силы языка и недостатка здраваго разсудка, заразившее не только новѣйшихъ свѣтскихъ писателей, но даже и самое духовенство, простерлось до такой степени, что въ отчетахъ Библейскихъ Обществъ сіе искаженіе Священныхъ Писаній называютъ переводомъ на природный Русскій языкъ, словно, какъ бы тотъ былъ для насъ чужой; отселѣ презрѣніе къ кореннымъ, самымъ знаменательнѣйшимъ, словамъ, отселѣ несвойственность многихъ выраженій, отселѣ неразумѣніе сильнаго краткаго слога и введеніе, на мѣсто онаго, почерпнутой изъ чужихъ языковъ безтолковицы. Мнѣніе сіе такъ усилилось, что нѣкто—не журналистъ, не самоучка-стихотворецъ, не Барыня, забывшая языкъ свой въ Парижѣ,—но одинъ изъ знаменитѣйшихъ духовныхъ пастырей, защищая надобность перевода Священныхъ Писаній, яко бы для лучшаго разумѣнія оныхъ, въ доказательство тому сказалъ: «При мнѣ одного Дьячка спросили, что значитъ слово ради, въ выраженіи: «насъ ради распятаго», и онъ не умѣлъ отвѣчать.» Тутъ одинъ изъ слушателей не могъ удержаться отъ смѣха и, захохотавъ, сказалъ: «Хороши наши Дьячки, когда не знаютъ даже и такихъ словъ, которыя всѣ нищіе, ходя по улицамъ, кричаніемъ своимъ: «Подай ради Христа!» безпрестанно повторяютъ.

ленія и никто ихъ не понимаетъ, такъ это неправда: они употребляются въ Священныхъ Писаніяхъ, въ церковной службѣ, во всѣхъ высокихъ свѣтскихъ твореніяхъ, въ лѣтописяхъ и законахъ. Не знать ихъ есть утверждать отпаденіе свое отъ Вѣры, отъ языка и отъ наукъ; есть признавать, что мы ни молитвъ не читаемъ, ни въ церковь не ходимъ, и словомъ—ни чего, кромѣ простыхъ другъ съ другомъ разговоровъ не знаемъ. Подобная мысль поведетъ насъ къ заключеніямъ, что и всю церковную службу должно переложить на простонародный языкъ; ибо когда я дома стану читать переиначенное Евангеліе, то изъ того непремѣнно уже послѣдуетъ, что я читаемаго въ церкви Евангелія или не буду разумѣть, или слыша въ немъ иной языкъ и складъ, не буду имѣть должнаго къ нему уваженія. Можно ли о такомъ преступномъ намѣреніи, чтобъ языкъ воспитанія отдѣлить отъ языка Церкви, подумать безъ ужаса?

Третіе, языкъ у насъ Славенскій и Русскій одинъ и тотъ же. Онъ различается только (больше, нежели всякой другой языкъ) на высокой и простой. Высокимъ написаны Священныя книги, простымъ мы говоримъ между собою и пишемъ свѣтскія сочиненія, комедіи, романы и проч. Но сіе различіе такъ велико, что слова, имѣющія одно и то же знаніе, приличны въ одномъ и неприличны въ другомъ случаѣ: воззрѣть очами и взглянуть глазами суть два выраженія, не смотря на одинакое значеніе словъ, весьма между собою различныя. Когда поютъ: «Се женихъ грядетъ въ полунощи,» я вижу Христа; но когда то жь самое скажутъ: «Вонъ женихъ идетъ въ полночь,» то я отнюдь не вижу тутъ Христа, а просто какого ни будь жениха. Сколько смѣшно въ простыхъ разговорахъ говорить высокимъ Славенскимъ слогомъ, столько же странно и дико употреблять простой языкъ въ Священномъ Писаніи. Не всякъ ли бы по неволѣ разсмѣялся, если бы въ Псалтирѣ, вмѣсто: «Рече безу мецъ въ сердцѣ своемъ, нѣсть Бога,» стали говорить: «Дуракъ говоритъ, нѣтъ Бога?» Между тѣмъ смыслъ въ сихъ двухъ выраженіяхъ есть одинъ и тотъ же. Сколько подобнаго повстрѣчается, если весь подлинникъ сличить съ переводомъ? Въ выше приведенной нами первой заповѣди мѣстоименіе «Азъ» перемѣнено въ «Я»; здѣсь, вмѣсто: «Азъ есмь Господь Богъ твой,» столько же

странно сказать: «Я Богъ твой,» сколько въ какой ни будь простой рѣчи, на примѣръ, вмѣсто: «Я ѣду въ гости,» сказать: «Азъ ѣдувъ гости;» при томъ же если «Азъ» перемѣню въ «Я» для того, что первое изъ сихъ мѣстоименій неупотребительно, то и слово «Господь» въ просторѣчіи также неупотребительно, и, слѣдовательно, когда одному позволено перемѣнить «Азъ» въ «Я,» по неупотребительности мѣстоименія «Азъ,» то другой, по той же самой причинѣ, перемѣнитъ слово «Господь» въ «Господина,» и, вмѣсто: «Азъ есмь Господь Богъ твой,» напишетъ: «Я Господинъ Богъ твой.» Не показываетъ ли одинъ сей примѣръ, до какой степени уронится важность Священныхъ Писаній? Послѣдняя въ сей заповѣди рѣчь: «да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ мене,» въ переводѣ сказана: «да не будетъ у тебя другихъ боговъ предъ лицемъ моимъ.» За чѣмъ ясную рѣчь «развѣ мене» (въ обыкновенныхъ разговорахъ «кромѣ меня») перемѣнять совсѣмъ въ иную и весьма неясную—«предъ лицемъ моимъ?» Гордость какого ни будь монаха, или хвастуна ученаго, скажетъ: такъ по Еврейски! Да кто меня увѣритъ, что онъ знаетъ всю силу Еврейскаго, толь мало извѣстнаго, языка, на которомъ писано сіе въ толь отдаленные вѣки? Кто меня увѣритъ, что онъ такой знатокъ, какого не бывало? И могу ли я согласиться дать ему переправлять не пѣсенку, не сказочку какую, но изреченія Священнаго Писанія, въ которомъ даже и къ самымъ темнымъ для меня выраженіямъ привыкъ я имѣть благоговѣніе? Но здѣсь и того нѣтъ, а напротивъ ясный смыслъ перемѣненъ въ темный; ибо: «не имѣй инаго Бога кромѣ меня» сказано и ясно и чисто, но: «не имѣй другихъ боговъ предъ лицемъ моимъ,» есть нѣчто двусмысленное, подвергающее сомнѣнію, въ чемъ состоитъ требованіе: въ томъ ли, чтобъ не имѣть другого Бога, или въ томъ, чтобы предъ лицемъ его (то есть, изображеніемъ) не ставить изображеній другихъ боговъ? Наконецъ въ томъ Катихизисѣ, вмѣсто: «Вѣрую во единаго Бога,» сказано: «Вѣрую въ одного Бога.» На что это? Не уже ли есть такіе люди, которые «во единаго» не понимаютъ, а «въ одного» понимаютъ? Ежели такъ, то за чѣмъ же оставлено «вѣрую?» ибо мы въ простыхъ разговорахъ не говоримъ «вѣрую,» «а вѣрю.» Трудно доказать надобность, но не трудно сыскать причину сихъ переводовъ, очевидно состоящую въ томъ, чтобъ, согласно съ намѣреніемъ Библейскихъ Об-

ществъ, исказить и привесть въ неуваженіе Священныя книги, измѣня въ нихъ языкъ Церкви въ языкъ театра. Я безъ всякой прибавки скажу, что сколько разъ ни случалось мнѣ, въ разныхъ мѣстахъ, слышать чтеніе сего перевода, вездѣ, вмѣсто благоговѣнія, самыхъ набожныхъ людей невольно преклонялъ онъ къ смѣху. Вотъ плоды, и могутъ ли они быть полезны Вѣрѣ и нравственности?»

Вторая.

Примѣчанія на нѣкоторыя книги.

«Въ 1822 году издана здѣсь, въ Петербургѣ, книга подъ названіемъ: «Краткій и легчайшій способъ молиться.» Оставляя всякія другія изъ сей книги выписки, изъ которыхъ ясно бы можно было увидѣть проповѣдываемое ею, подъ именемъ Вѣры, безвѣріе и злочестіе, скажемъ объ одномъ только данномъ ей заглавіи. Можетъ ли что быть страннѣе и неприличнѣе онаго? Обыкновенно говорится: краткій и легчайшій способъ красить сукна, или мочить пеньку, или дѣлать что ни будь подобное; но слыхано ли, чтобъ былъ краткій и легчайшій способъ молиться? Можно ли молитву уподоблять какому ни будь ремеслу, къ обученію котораго предлагается краткій и легчайшій способъ? Не есть ли это—насмѣхаться надъ человѣческими о молитвѣ понятіями? И еще просто сказано: молиться, не говоря, кому, Богу, или дьяволу; ибо можно и сему послѣднему молиться: Нужно ли по одному заглавію сему разсуждать о сей книгѣ еще далѣе?

Въ книгѣ, называемой «Божественною философіею» (напечатанной въ Москвѣ, въ Университетской типографіи, 1818 года), въ предисловіи говорится о какомъ-то мученикѣ Духа Святаго. Можетъ ли что быть безбожнѣе и злочестивѣе сего выраженія: мученикъ Духа Святаго! Обыкновенно о человѣкѣ, одержимомъ бѣшенствомъ, или какими либо иными зловредными страстями, говорится: дьяволъ мучитъ его; но чтобъ Духъ Святой могъ кого мучить,—такой злочестивой мысли никому въ голову не входило. Мученикъ сей, продолжаетъ переводчикъ, сначала осыпанъ благодатію (выраженіе не меньше странное), а потомъ

благодать отъ него сокрылась и онъ въ отчаяніи схватилъ бритву и хотѣлъ себя зарѣзать, но какой-то гласъ остановилъ его; тогда озарился онъ свѣтомъ, и свѣтъ сей былъ такъ силенъ, что онъ, для разгнанія его, нерѣдко долженъ былъ мѣшать карты! (стр. 7). Вопрошается: приличенъ ли такой низкой, пустой, безумный разсказъ книгѣ, называемой Божественною Философіею? Неизвѣстный переводчикъ о неизвѣстномъ сочинителѣ сей философіи говоритъ (ибо, не взирая на всю свою наглость, сочинители и переводчики стыдились при таковыхъ книгахъ ставить свои имена), что онъ два года провелъ на крестѣ въ ужасныхъ мученіяхъ, среди которыхъ писалъ сію книгу (какъ провелъ на крестѣ? Не уже ли распятъ былъ и на немъ вися писалъ? Какія чудеса! Нѣтъ, господинъ лгунъ, мученія на крестѣ, которыя претерпѣлъ Спаситель нашъ, не могли и нѣсколько часовъ продолжаться, стало быть, твое двухлѣтнее, среди котораго ты могъ писать, было не такое),—что и умеръ на крестѣ, сказавъ своимъ друзьямъ: «Я имѣлъ нѣкоторое удовольствіе пить шоколадъ, за то я умру задохнувшись» (стр. 10). Можно ли, не насмѣхаясь надъ читателями, начинять какую ни будь книгу такою гилью: два года провелъ на крестѣ въ ужасныхъ мученіяхъ, пилъ шоколадъ, сочинялъ, и передъ смертью сказалъ своимъ друзьямъ какой-то глупый каламбуръ? И это боговдохновенный человѣкъ, избранный Богомъ, возвѣщалъ его премудрость! И это переводится на Русскій языкъ и печатается въ Университетской типографіи! (Послѣ сего помѣщенъ еще третій подобный же разсказъ о нѣкоторой знатной особѣ изъ нашихъ соотечественницъ, которая умерла въ Лозаннѣ, что тѣло ея, прежде нежели землѣ было предано, вынесено было въ церковь....) Вотъ какую новость сказалъ! Да кто жъ не знаетъ того, что мертвыхъ никогда, послѣ преданія землѣ, не выносятъ въ церковь. Въ нѣкоторой комедіи хозяинъ дома, представляя гостю жену и дочь свою, говоритъ: «Вотъ эта, которая постарѣе, жена моя, а эта, которая помоложе, дочь!» Такая шутка хороша въ комедіяхъ, и то писанныхъ съ тѣмъ, чтобъ смѣшить простой народъ; но говорить подобное нѣчто въ, такъ называемой, «Божественной философіи,» не смѣшно, а жалко. И удивительно, какъ могутъ таковыя книги находить переводчиковъ и читателей (тутъ какой-то Дютуа, взглянулъ на ея мертвое

тѣло, и возрыдалъ о томъ состояніи, въ какомъ находилась душа, отъ него отлучившаяся (стр. 12). Да по чему онъ узналъ о состояніи ея души? Развѣ по тому, что покойница вмѣстѣ съ нимъ грѣшила? Но посмотримъ еще далѣе, чѣмъ это окончилось: онъ взялъ на себя ея грѣхи, Богъ три дни его мучилъ неизобразимымъ страданіемъ, и потомъ удостовѣрилъ его, что душа покойницы вкусила Райскія сладости (тамъ же). Можно ли что ни будь придумать богохульнѣе, нелѣпѣе сего? Не перейдешь ли отъ безумія къ совершенному безвѣрію и развращенію всякой нравственности? Сочинитель, подъ видомъ возстанія противъ ересей и ложной философіи, выдаетъ собственную свою философію безбожную, всякихъ ересей и безвѣрія несравненно злѣйшую,—говоритъ: заблужденіе пріемлетъ за вѣру, за сей даръ Единаго Бога и Духа его (слѣдовательно, отвергаетъ Троицу),—простое убѣжденіе въ Евангеліи, мало полезное, не сильное исправлять страсти, и которое есть токмо плодъ разума, никогда ни кого Христіанином не дѣлавшаго (стр. 19). Вотъ ученіе нынѣшнихъ толкователей о Вѣрѣ! У нихъ Евангеліе не есть Откровеніе, не есть божественное зерцало чистѣйшаго нравоученія, но только простое убѣжденіе, и какое же еще? мало полезное, не сильное исправлять страсти. По мнѣнію ихъ оно есть токмо плодъ разума, никогда никого Христіанином не дѣлавшаго! Да заградятся уста ваши, злочестивые богоотступники. Если Евангеліе не дѣлаетъ человѣка Христіанином, то какое же существо разумѣете вы подъ именемъ Христіанина? Безъ сомнѣнія, злонравное, лютое, адское; ибо если мы представимъ кого ни будь, напитаннаго правилами, противными Евангельскимъ ученіямъ, то едва ли и въ самомъ діаволѣ можно найти больше пороковъ. Изъ сихъ краткихъ выписокъ можно уже почувствовать, какими мыслями наполнена книга сія, отвергающая Вѣру и Евангеліе, слѣдовательно, уничтожающая всякое Правительство и законы, и при всемъ томъ называющая себя божественною, по одной только весьма простой хитрости, чтобъ безвѣріе и самые гнуснѣйшіе пороки предлагать подъ именемъ Вѣры и добродѣтелей. Сколько таковыхъ книгъ переведено, напечатано и распущено! Если бы извлечь изъ нихъ всѣ, въ разныхъ видахъ и смыслахъ, разсѣянныя лжеученія и привесть ихъ въ совокуп-

ность, то какой пагубной ядъ, миссіонерами, сектами и разными средствами распространяемый, открылся бы въ нихъ! Надлежитъ отдать справедливость Россійскому народу въ твердой вѣрности къ Богу и Государю, когда столько выпущенныхъ иностранцами книгъ, козней и соблазновъ не могли (о, дай Боже, да не возмогутъ) его поколебать.»

Третья.

«Въ отвѣтъ на полученную мною отъ Графа Аракчеева записку слѣдующаго содержанія: «По Высочайшему повелѣнію имѣю честь препроводить къ Вашему Высокопревосходительству приложенную при семъ записку.» Въ запискѣ сей, ни кѣмъ не подписанной, но, вѣроятно, поданной Государю отъ Оберъ-Полицмейстера, содержалось донесеніе, что взято подъ стражу одинадцать человѣкъ Финской секты раскольниковъ, дѣлающихъ между собою непозволенныя сборища; что люди сіи суть разные мастеровые—Финляндскіе урожденцы; что два изъ нихъ и прежде были за то же самое подъ стражею, но выпущены по увѣренія въ ихъ раскаяніи; что сіи 11 человѣкъ были призваны и увѣщеваемы дать письменное обязательство и обѣщаніе впредь не собираться, но что они на то не соглашаются, почитая сходбища свои богоугоднымъ дѣломъ. По прочтеніи сей записки написалъ я Государю слѣдующее:

«Вчерашній день получилъ я препровожденную ко мнѣ по Высочайшему повелѣнію записку о Финскихъ Раскольникахъ. Все, что я о семъ знаю и сказать могу, состоитъ въ томъ, что секта сія безумная и вредная, какъ всѣ другія секты, давно уже распространилась отсель въ Ропшу и по нѣкоторымъ окрестнымъ деревнямъ Она и понынѣ существуетъ. Впрочемъ, секта сія не одна въ сей столицѣ. Присылаемые сюда иностранные миссіонеры, или, по просту сказать, зажигатели, а особливо Англійскіе, стараются всячески ихъ умножить. Какой-то Шведскій Пасторъ собираетъ къ себѣ въ домъ слушателей и говоритъ имъ проповѣди. Я поручилъ о семъ хорошенько развѣдать, хотя, впрочемъ, молитвенныя собранія по домамъ ни въ какомъ случаѣ не должны быть допускаемы: на это есть церковь

«Госнерово осиротѣлое стадо, какъ онъ самъ, въ присланной сюда пѣсенкѣ своей, пишетъ, продолжаетъ также свои собранія. Татаринова тожь по прежнему представляетъ жрицу между вакханками, и Поповъ, какъ слышу, всякой день у ней бываетъ. Если противъ сихъ сборищъ по домамъ не возьмутся строгія мѣры, то я не знаю, до какой степени онѣ распространятся. Отвсюду слышу, что Библейскія Общества, въ послѣдніе три, или четыре, года умножили въ разныхъ Губерніяхъ, а особливо въ Саратовской, до ста тысячъ самыхъ злыхъ Раскольниковъ, называемыхъ Молоканами, которыхъ секта состоитъ въ томъ, чтобъ не имѣть ни какой Вѣры и не признавать надъ собой ни какой власти. Я самъ отъ нѣкоторыхъ весьма добрыхъ и достаточныхъ Помѣщиковъ слышалъ, что они, видя крестьянъ своихъ, дѣлающихся Раскольниками, хотѣли ихъ отъ того воздерживать, но принуждены были замолчать, получа отъ нихъ слѣдующій отвѣтъ: «Баринъ не можетъ намъ запрещать, и еще долженъ насъ похвалить за то, что мы, по внушеніямъ Правительства, собираемся и читаемъ Библію.» Нѣкто, въ письмѣ своемъ къ пріятелю, справедливо сказалъ: «Здѣшнимъ жителямъ доставленъ способъ за дешевую цѣну толковать криво Библію.» Обстоятельства сіи требуютъ обратить на нихъ вниманіе; ибо могущее изъ сего родиться зло, ужаснѣе всякаго пожара и потопа.»

По прочтеніи сихъ бумагъ Государь Императоръ изволилъ мнѣ сказать, что переводъ Библіи съ Славенскаго на Русскій языкъ Онъ самъ приказалъ сдѣлать, но что Его намѣреніе было только то, чтобъ переводъ печатали съ текстомъ, а послѣ того стали уже и безъ текста печатать оный.

16 числа былъ я у Государя Императора и, по окончаніи докладовъ, прочиталъ ему слѣдующую бумагу: «Нѣсколько дней тому назадъ пріѣхалъ ко мнѣ Митрополитъ и желалъ со мною увидѣться. Я принялъ его; онъ пробылъ у меня болѣе двухъ часовъ; по многихъ разговорахъ и сужденіяхъ онъ полагалъ за необходимо нужное (въ чемъ и я совершенно съ нимъ согласенъ) представить Вашему Величеству о слѣдующихъ обстоятельствахъ:

1. Изъ изслѣдованія всѣхъ дѣйствій Библейскихъ Обществъ (входя въ однѣ гласныя и не упоминая о тѣхъ, которыя могутъ быть сокрыты въ таинствѣ), ясно и несомнѣнно открывается, что чтеніе Священныхъ Книгъ состоитъ въ томъ, чтобъ истребить Православіе, возмутить отечество и произвесть въ немъ междоусобія и бунты. Хитрый и злодѣйскій планъ сей доведенъ до такой степени, что если не разрушить его скоро и до самаго основанія, то нельзя отвѣчать за пагубныя отъ того послѣдствія, могущія въ короткое время созрѣть и совершиться. Всѣ чувствуютъ сію опасность, ужаснѣйшую всякаго пожара и потопа, но немногіе смѣютъ о томъ говорить, по причинѣ пребывающаго въ цѣлости плана сего, и видя, что сіе змѣиное жало прикрыто благовидными цвѣтами. Въ сихъ обстоятельствахъ движимые духомъ преданности къ Церкви и Престолу, не можемъ мы иначе думать, какъ почитать за необходимо нужное, что надлежитъ, не упуская времени, всѣ Библейскія Общества сіи, подъ инымъ названіемъ «Масонскія ложи», повсемѣстно закрыть, и всѣ производимыя по онымъ дѣла и переписки, запечатавъ, прислать для храненія въ Синодъ.

2. Переводы Священныхъ Писаній на простое нарѣчіе и распространеніе ихъ въ неимовѣрномъ количествѣ экземпляровъ, есть также одно изъ средствъ, придуманное въ Библейскихъ Обществахъ къ поколебанію Вѣры; ибо если языкъ домашняго воспитанія въ законѣ Божіемъ будетъ различенъ съ языкомъ служенія въ церкви, то изъ сего непремѣнно долженствуютъ произойти соблазны и расколы, произойти единственно отъ раздѣленія сихъ языковъ, не упоминая уже о томъ, что переводы сіи во многихъ мѣстахъ могутъ быть и невѣрны, и слабы, и произвольны. Слѣдовательно, подадутъ поводъ къ разнымъ толкамъ и волненіямъ умовъ и страстей. А по тому тожь находили мы весьма нужнымъ остановить и не только не продолжать, но и стараться скромными мѣрами уменьшить число выпущенныхъ книгъ.

3. По причинѣ сильнаго втеченія сихъ заразительныхъ правилъ не въ однѣ свѣтскія, но даже и въ духовныя училища, непремѣнно нужно обратить ихъ къ истиннымъ и православнымъ

началамъ. Но какъ сіе требуетъ не мало труда и разсмотрѣнія, дабы очистить отъ худаго, положить доброе основаніе, то Митрополитъ желаетъ, чтобы на время призванъ былъ сюда Кіевскій Митрополитъ, Евгеній, котораго бы попеченію особенно поручено было устроить Духовныя Училища. На вопросъ мой: не будетъ ли призывъ Евгенія для него непріятенъ? отвѣчалъ онъ мнѣ, что такое мнѣніе для него оскорбительно; что тамъ, гдѣ идетъ дѣло о благѣ Церкви, Государя и Отечества, ни санъ его, ни сердечныя чувства, не позволяютъ ему опасаться какого-либо несогласія, или соперничества; но что, напротивъ, онъ желаетъ и намѣренъ самъ просить Ваше Величество, чтобъ, при столь важныхъ обстоятельствахъ и при слабомъ его здоровьѣ было съ кѣмъ ему раздѣлять и труды и совѣты. Я также, съ своей стороны, хотѣлъ бы пользоваться совѣщаніями съ Евгеніемъ, какъ съ человѣкомъ ученымъ и благонамѣреннымъ.

4. Поелику Синодъ нынѣ состоитъ по большой части изъ лицъ, долго участвовавшихъ въ прежнемъ духѣ и направленіи, то, какъ по сему участвованію, такъ и по связямъ, ими сдѣланнымъ, могутъ они, въ разсмотрѣніи бывшихъ обстоятельствъ и въ сужденіи о нихъ, быть не совсѣмъ чужды пристрастія. По сей причинѣ и Митрополитъ полагаетъ, что Архіереевъ Тверскаго и Казанскаго надлежитъ перемѣнить другими. Извѣстно, что они оба были избраны по совѣту Архимандрита Ѳеофила, того самаго, который нынѣ удаленъ изъ Одесскаго Лицея и противъ котораго весь тамошній край вопіетъ. Многія подобныя обстоятельства открываютъ, какимъ образомъ духовныя особы, по примѣченной въ нихъ податливости къ нововводимому образу мыслей, выбирались для заступленія важнѣйшихъ мѣстъ и въ члены Синода, дабы съ свѣтскими членами Библейскихъ Обществъ составить одинъ духъ и тѣло.

По изъявленіи Митрополитомъ о сихъ четырехъ важнѣйшихъ статьяхъ мнѣнія своего, съ которымъ я, по извѣстнымъ мнѣ и отчасу болѣе открывающимся доказательствамъ, не могъ не согласиться, я спросилъ у него, позволяетъ ли онъ мнѣ обо всемъ этомъ довести до свѣдѣнія Вашего Величества? На что отвѣчалъ онъ, что не только позволяетъ, но проситъ, и

что, при первомъ случаѣ свиданія своего съ Вашимъ Величествомъ, самъ обо всемъ говорить не преминетъ.

Чрезъ нѣсколько потомъ дней ѣздилъ я къ нему, и нашелъ его въ томъ же самомъ расположеніи, подтверждающимъ новыми доводами необходимую надобность всего выше прописаннаго, безъ чего крайне умножившееся зло ни отвращено, ни остановлено быть не можетъ.

Записка, которую читалъ я Государю Императору, о сочиненіи князя Сергія Шихматова, Декабря 14 дня:

«Князь Шихматовъ, пять, или шесть, лѣтъ тому назадъ, написалъ стихотворное сочиненіе подъ названіемъ: Мысли о должностяхъ владыкъ земныхъ, почерпнутыя изъ Священнаго Писанія.» Сочиненіе сіе, нравоучительное и написанное превосходными стихами, находится у него и понынѣ въ рукописи. Оно не могло быть напечатано, не бывъ прежде доведено до свѣдѣнія Вашего Величества; но никто, по видимому, не хотѣлъ представить Вамъ онаго, предполагая, какъ думать должно, что оное не будетъ Вамъ угодно. Я, напротивъ, зная образъ мыслей Вашего Величества, по желанію сочинителя, подношу Вамъ оное надежно и смѣло, почитая даже, что если стихотвореніе сіе напечатано будетъ съ надписаніемъ: «По Высочайшему повелѣнію,» то сіе послужитъ къ чести и славѣ Вашей по слѣдующимъ причинамъ:

1. Всѣ разсужденія и наставленія въ нихъ почерпнуты изъ Священныхъ Писаній, съ указаніемъ мѣстъ, отколѣ взяты.

2. Сочинитель, въ началѣ сего стихотворенія, описываетъ, согласно съ стихами Псалтири и Премудрости Соломоновой, великость Царей предъ смертными и малость ихъ предъ Всемогущимъ Богомъ. Правда, онъ описываетъ сіе въ сильныхъ выраженіяхъ, и это, конечно, можетъ не понравиться гордымъ Царямъ, равняющимъ себя съ Богомъ, но въ Тебѣ, Государь, мы ежедневно видимъ и слышимъ смиреніе предъ Создателемъ Вселенной. *

* На сіе Государь Императоръ сказалъ мнѣ: «Сохрани Меня, Боже, отъ подобной мысли! Кто можетъ равнять себя съ Богомъ?»

3. Сочинитель говоритъ объ обязанностяхъ Царей къ народамъ и народа къ Царямъ съ великою истиною, всегда основываясь на словѣ Божіемъ.

4. Сочинитель, сходственно съ Священнымъ Писаніемъ, совѣтуетъ Царямъ: не воюйте для собственной своей славы, но защищайте Отечество, и когда одержите надъ врагами побѣду, не приписывайте оную сами себѣ, но Богу, даровавшему вамъ оную. Государь, всѣ Твои манифесты свидѣтельствуютъ сіе. *

5. Сочинитель говоритъ, что праведнаго Царя Богъ посреди брани сохранитъ. Не то ли самое было съ Тобою, Государь, въ прошедшую войну?

6. Наконецъ сочинитель описываетъ милость, изліянную отъ Бога на добрыхъ Царей Израильскихъ, и гнѣвъ, ниспосланный на тѣхъ, которые, отступя отъ Него, возмечтали себя быть равными Ему. Вотъ все содержаніе сочиненія, и я, по моему разумѣнію, не могу себѣ представить, чтобъ оное по чему либо могло Тебѣ быть неугодно.»

По прочтеніи сей записки, просилъ я дозволенія прочитать нѣкоторыя мѣста изъ сего сочиненія. Государь позволилъ и слушалъ со вниманіемъ. Послѣ чего я оставилъ у него книгу, и онъ сказалъ мнѣ, что современемъ всю ее прочитаетъ.

Вскорѣ послѣ сего отправилъ я въ Царское Село слѣдующаго содержанія письмо:

«Всемилостивѣйшій Государь!

Въ прошедшую бытность мою съ докладами, на представленіе мое о необходимой надобности закрыть Библейскія Общества, возразилъ Ты мнѣ, Государь, что Правительству надле-

---

* Здѣсь Государь изволилъ мнѣ сказать. «Да манифесты-то ты писалъ.» На сіе отвѣчалъ я, что ежели бы Онъ не утверждалъ ихъ, то бы они и не были ни кому извѣстны.

жить быть твердымъ въ своихъ постановленіяхъ и не показывать слабости всегдашнею ихъ перемѣною.

Позволь мнѣ, всегда внимавшій словамъ моимъ съ благосклонностію, Государь, на сіе изреченіе Твое сдѣлать мои замѣчанія. Не дерзость спорить съ Тобою, не самонадѣянность на мой ничтожный умъ, управляютъ моимъ перомъ, но искренняя, не по одному долгу вѣрноподданнаго, но по личному къ Тебѣ уваженію, совершенная преданность. Могъ ли бы я свободно изливать предъ Тобою мои чувства, если бы не надѣялся, что Ты, хотя бы и нашелъ ихъ несходными съ Твоими, отвергнешь ихъ, но не отвергнешь въ нихъ усердіе къ Тебѣ? Сія моя надежда на Тебя, Государь, есть вѣрная Тебѣ порука за мое чистосердечіе, и такъ позволь мнѣ продолжать. Твердость Правительства, конечно, есть доброе и похвальное дѣло, но въ какомъ случаѣ? Когда нѣтъ ни какихъ причинъ къ перемѣнѣ постановленія, или когда оныя малы; но если Ты постановилъ что ни будь Твоимъ повелѣніемъ, и послѣ открылось, что постановленіе сіе приноситъ не пользу, а вредъ, тогда твердость Твоя будетъ непохвальна; ибо Царь, какой бы онъ ни былъ прозорливый, есть человѣкъ; онъ можетъ и обмануть, быть и самъ обманутымъ. Угождающій Тебѣ станетъ заглаживать Твою ошибку, уменьшать худость порожденныхъ отъ нея плодовъ, или еще украшать ихъ и скажетъ, что отмѣна Твоего повелѣнія подвергнетъ имя Твое нѣкоторой предосудительности. Но прямо любящій Тебя и славу Твою скажетъ: Государь, терпѣть вредныя послѣдствія сдѣланной ошибки, опасаясь, объявленіемъ оной, открыть свое непредусмотрѣніе, есть, по многимъ причинамъ, неправильное о славѣ Своей попеченіе: 1. симъ поступкомъ покажешь Ты, что уподобляешь себя Богу, не могущему погрѣшить, между тѣмъ какъ всякой знаетъ, что ни въ комъ изъ смертныхъ нѣтъ совершенства; 2. давать насажденному злу, къ общему всѣхъ вреду, укорениться и расти для того только, чтобъ не изобличить себя въ ошибкѣ, есть самолюбію своему жертвовать народнымъ благомъ; 3. всѣ и безъ объявленія Твоего знаютъ сію ошибку, а по тому упорное пребываніе Твое въ оной не закроетъ ее отъ глазъ людскихъ, но только покажетъ, что Ты любишь себя больше, нежели общее благо. Отселѣ непра-

вымъ путемъ идущіе люди, видя Тебя не препятствующаго ихъ намѣреніямъ, сдѣлаются дерзновеннѣе, а истинно преданные Тебѣ и Отечеству, охладѣютъ въ усердіи своемъ и съ печалію отъ Тебя уклонятся. Не могу воздержаться, чтобъ не подкрѣпить разсужденій моихъ случившимся примѣромъ: я думаю, Государь, Ты помнишь исторію Грузинскихъ Князей Эристовыхъ. Указомъ Твоимъ, тожь по ходатайству Библейскихъ Обществъ, о проповѣданіи яко бы Христіанства, повелѣлъ Ты отобрать у нихъ издревле принадлежащія имъ земли. Ртищевъ, начальствовавшій тогда въ Грузіи, по данной ему инструкціи, остановилъ Твой Указъ, донося, что принадлежность сихъ земель Князьямъ Эристовыхъ всему краю тому извѣстна. Комитетъ Министровъ представилъ Тебѣ, что отнять у Эристовыхъ собственность, безъ всякой ихъ вины, было бы несправедливо. Ты, Государь, далъ другой Указъ, отмѣняющій силу перваго. По возвращеніи сюда Ртищева, я спросилъ у него: какое дѣйствіе произвела въ томъ краю отмѣна перваго Указа? Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Всеобщую радость и похвалу Государю. Сей поступокъ Его обратилъ всѣхъ сердца, всѣ въ одинъ голосъ прославляли Его справедливость, твердя между собою, что какъ скоро Онъ увидѣлъ неправость дѣла, то, не смотря на прежнее свое рѣшеніе, отмѣнилъ оное.» Вотъ истинная слава Царей! Вотъ путь къ пріобрѣтенію любви народной! Сколько разъ Петръ Великій отдавалъ самъ себя на судъ, и, осужденный, похвалялъ судей за правосудіе? Сюлли, видя Генриха IV, готоваго, къ предосужденію своему, склониться на слезы и рыданія женскія, взялъ его и вывелъ насильно изъ горницы. Никто не осудилъ ни подданнаго, ни Царя, но всѣ даже и понынѣ взираютъ съ удивленіемъ на сей образецъ величія души того и другого. Подобные поступки Царей не только не помрачаютъ ихъ именъ, но возбуждаютъ къ нимъ любовь и гремятъ въ потомствѣ. Обратимся теперь къ Библейскихъ Обществамъ. Съ начала могли они показаться въ благовидномъ образѣ, и тѣмъ скорѣе, Государь, уловить сердце Твое, что оно человѣколюбиво, благонамѣренно и богобоязливо; но теперь, когда, по долговременномъ опытѣ, открываются вѣрныя свидѣтельства, обнаруживающія умышленность зловреднаго ихъ плана, то не разсматривать ихъ цѣли и не взвѣшивать того существеннаго зла, какое отъ нихъ произо-

шло, было бы для нихъ торжество, а для насъ вредъ и поношеніе. Ты требуешь, Государь, доказательствъ: требованіе Твое справедливо, но изъ онаго видно, что Тебѣ не всѣ подробности сего лютѣйшаго заговора извѣстны, чему непремѣнно и быть надлежало; ибо Ты не могъ узнать о всѣхъ хитрыхъ замыслахъ, тщательно отъ Тебя скрываемыхъ и доводимыхъ до Твоего свѣдѣнія тогда только, когда можно было имъ дать видъ благонамѣренный. Во всѣхъ углахъ Россіи Общество сіе торжественно распространилось, всѣ бумаги и вѣдомости наполнены были похвалами и превозношеніемъ пользы онаго, многіе изъ самаго духовенства нашего сдѣлались въ немъ членами. Кто жъ могъ пойти противъ него, не подвергаясь, за безплодную ревность свою, претерпѣть гоненія? Какимъ же образомъ истина могла до Тебя достигнуть и могъ ли гласъ быть услышанъ? Но нынѣ, когда намѣреніе и дѣянія сего Общества стали обнаруживаться; когда, Государь, позволилъ Ты преданнымъ Церкви и Тебѣ людямъ говорить правду; когда открылось не по вѣроятнымъ какимъ заключеніямъ, но по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, по книгамъ напечатаннымъ, обнародованнымъ и возвѣщающимъ, что Библейское Общество согласно съ ними, согласно съ иностранными, отъ него вызванными, проповѣдниками, дѣйствуетъ въ ихъ духѣ, въ ихъ правилахъ, состоящихъ въ томъ, чтобъ почитать Церковь нашу заблудшею, Первосвященниковъ нашихъ невѣрующими, всѣхъ Царей и Вельможъ угнетателями народовъ; когда все сіе прочитать въ ихъ книгахъ, и видѣть не токмо связи всѣхъ дѣйствій, но даже изъ самыхъ ясно сказанныхъ словъ, то какое остается въ томъ сомнѣніе? Какія еще нужны доказательства? Одно простое воззрѣніе на насъ показываетъ уже въ самомъ неблаговидномъ образѣ:

1. Отколѣ сіи Общества водворились къ намъ? Отъ Англійскихъ Методистовъ? Могутъ ли сіи люди, не токмо иновѣрцы съ нами, но и ни какой Вѣры не имѣющіе, учить насъ Христіанству? Развѣ мы какіе ни будь дикіе народы, безъ ихъ ученій обойтиться не могущіе? 2. Не странны ли, даже, смѣю сказать, не смѣшны ли въ Библейскихъ Обществахъ наши Митрополиты и Архіереи, засѣдающіе, въ противность Апостольскихъ постановленій, вмѣстѣ съ Лютеранами, Католиками, Кальвинами, Ква-

керами, словомъ со всѣми иновѣрцами? Они, съ сѣдою головою, въ своихъ рясахъ и клобукахъ, сидятъ съ мірянами всѣхъ націй, и имъ человѣкъ во фракѣ проповѣдуетъ слово Божіе! (Божіе по его названію, но въ самомъ дѣлѣ не такое). Гдѣ жь приличіе, гдѣ важность Священнослуженія? Гдѣ Церковь? 3. Они собираются въ домахъ, гдѣ часто на стѣнахъ висятъ картины языческихъ боговъ, или сладострастныя изображенія любовниковъ, и сіи собранія свои, безъ всякаго богослуженія, безъ чтенія молитвъ и Евангелія, сидя какъ бы въ театрѣ, безъ малѣйшаго благоговѣнія, равняютъ съ церковною службою, и домъ безпрестольный, но священный, гдѣ въ прочіе дни пируютъ и пляшутъ, называютъ храмомъ Божіимъ! Не похоже ли это на Содомъ и Гоморъ?

При столь непристойныхъ наружностяхъ, взглянемъ на дѣянія Библейскихъ Обществъ, посмотримъ, въ чемъ онѣ состоятъ: 1. Въ намѣреніи составить изъ всего рода человѣческаго одну какую-то общую Республику и одну Религію: мнѣніе мечтательное, безразсудное, породившееся въ головахъ или обманщиковъ, или суемудрыхъ людей. Оно сперва скрывалось подъ именами тайныхъ обществъ, масонскихъ ложъ, новой философіи, а потомъ обнаруженное укрылось подъ другія благовиднѣйшія имена либеральности, филантропіи, мистики, и тому подобныя; заразило многихъ, порабощаетъ Царство наше чужеземцамъ и угрожаетъ тѣми же бѣдствіями, какія нѣкогда въ ихъ земляхъ свирѣпствовали. 2. Въ напечатаніи столько Библій, чтобъ каждый въ. Государствѣ человѣкъ могъ ее имѣть (такъ сказано въ Отчетахъ). Что жь изъ этого послѣдуетъ? Употребится страшный капиталъ на то, чтобъ Евангеліе, выносимое съ такою торжественностію, потеряло важность свою, было измарано, изодрано, валялось подъ лавками, служило обверткою какихъ ни будь домашнихъ вещей и не дѣйствовало болѣе ни надъ умами, ни надъ сердцами человѣческими. 3. Въ переводѣ Библій на всѣ языки, на Турецкій, Татарскій, и проч. На что это? Кто поручится за вѣрность сихъ переводовъ и кто будетъ ихъ читать? 4. Въ размноженіи обществъ, состоящихъ изъ членовъ, которые, слѣдовательно, отдѣляются отъ прочихъ Христіанъ; ибо какая нужда Христіанину, который, по самому званію сему, есть членъ Церкви,

быть членомъ Библейскаго Общества? Не знакъ ли это, что онъ отпадаетъ отъ той Церкви, на которой основана Вѣра, и предается другой, признавая ее за лучшую? Сверхъ сего, къ чему иному поведутъ сіи размноженныя Общества, какъ не къ тому, чтобъ собирающаяся, гдѣ и какъ хочетъ, толпа простыхъ и безграмотныхъ людей толковала Библію по внушеніямъ какого ни будь еретика, или плута, подкупленнаго и посланнаго къ нимъ нарочно; чтобъ, объясняя Священное Писаніе криво и превратно, посѣять въ легковѣрныя сердца ихъ развратъ и неистовства, удобныя сдѣлать ихъ хуже и свирѣпѣе всякаго дикаря и язычника? Если обратить вниманіе на дѣйствія Библейскихъ Обществъ и на всѣхъ агентовъ ихъ, то сіи, произведенныя ими, пагубные плоды, сія уготовляемая ими вокругъ насъ зараза, окажутся, можетъ быть, страшнѣе и опаснѣе всякихъ непріятельскихъ нашествій.

Наконецъ, не исчисляя всѣхъ ихъ козней, которыхъ исчислить нельзя, довольно изъ хода дѣлъ и отчетовъ сихъ Обществъ усматривается, о чемъ прилагаемо было подлинное попеченіе—о пользѣ ли и утвержденіи Православной нашей Вѣры, или о противномъ тому? Изъ однихъ обнародованныхъ актовъ, не говоря уже о тайныхъ сношеніяхъ, можно видѣть, какого духе иностранцы вызываемы были сюда, какое имѣли покровительство и ободреніе проповѣдывать по домамъ, какое было ихъ ученіе и какіе отъ того породились секты и расколы. Если Библейскія Общества стараются только о распространеніи благочестія, какъ они говорятъ, то для чего не соединенно съ Церковію нашею, но особо отъ ней дѣйствуютъ и не согласно съ нею? Если намѣреніе ихъ состоитъ въ преподаваніи Христіанскихъ ученій, то развѣ Церковь наша не преподаетъ намъ оныхъ? развѣ мы до Библейскихъ Обществъ не были Христіане? И какъ же они учатъ насъ тому? Призываютъ учителей иновѣрцевъ и распускаютъ книги, противныя Христіанству! Вмѣстѣ съ Библіями разсылаютъ воззванія ко всеобщему бунту! Мнѣ кажется, отъ нихъ-то Христосъ въ Евангеліи предостерегаетъ насъ сими словами: «Блюдитеся, да никто же васъ прельститъ. Мнози бо пріидутъ во имя Мое, глаголюще: Азъ есмь Христосъ, и многи прельстятъ. Чѣмъ больше соображаю я все, доселѣ

происходящее съ сими Евангельскими словами, тѣмъ больше нахожу ихъ какъ бы прямо на наши времена указующими. Когда, какъ не нынѣ, со введенія къ намъ Библейскихъ Обществъ, слыхали мы столько толковъ о Вѣрѣ? И какихъ же! Точно такихъ, о которыхъ Спаситель, въ томъ же Евангеліи, говоритъ: «Аще кто речетъ вамъ: се здѣ Христосъ, не имите вѣры: узрите мерзость запустѣнія, стоящу на мѣстѣ святѣ.» Подлинно такъ мы видимъ это. Когда, какъ не нынѣ, мечтательными умствованіями, разрывающими союзъ Христіанскаго братства и любви, устремляются на потрясеніе единодушія и спокойствія народовъ? Когда, какъ не нынѣ, стараясь истребить Вѣру во Христа, твердятъ о Немъ, нарушая заповѣдь: «да непріемлеши имени Господа Бога твоего всуе»? Когда, какъ не нынѣ, возстаютъ другъ на друга и, вмѣсто кротости и смиренія, предписуемаго намъ Вѣрою, внушаютъ въ сердца наши лютость и свирѣпство противу тѣхъ, кои, не пріемля новыхъ ученій, остаются при вѣрованіи своихъ отцевъ? Когда, какъ не нынѣ, оказывается столько прельщенныхъ, даже добрыхъ и невинныхъ, но которыхъ слухъ и сердце обворожены хитрыми дѣйствіями и словами? Когда, какъ не нынѣ, даются всему превратныя имена? Ложь называютъ правдою, буйство свободою, своеволіе естественнымъ правомъ, законы пустословіемъ, твердость въ Вѣрѣ пребываніемъ въ заблужденіи, преданность Государю и Отечеству загрубѣлою стариною, странные и чуждые всякой добродѣтели поступки и дѣянія святостію,—и что еще? даже самыя гнуснѣйшія страсти и преступленія свои выдаютъ за Божескія внушенія!

Всемилостивѣйшій Государь! Долгъ вѣрноподданнаго и преданность моя къ Тебѣ не позволяетъ мнѣ умалчивать мыслей моихъ предъ Тобою. Часто изъ благихъ намѣреній Твоихъ, чрезъ злоупотребленіе оныхъ, выводились не соотвѣтствующія онымъ слѣдствія. Такъ, на примѣръ, я имѣлъ счастіе изъ собственныхъ устъ Твоихъ слышать, что Ты, для уменьшенія числа Раскольниковъ, желалъ, дабы правовѣрный и благоразумный Священникъ, уволенный къ нимъ подъ скрытнымъ именемъ, пріобрѣтя ихъ довѣренность, старался кроткимъ образомъ обращать ихъ на истинный путь. Такое Твое намѣреніе достойно благости

Твоего сердца. Но что жь изъ того послѣдовало? Не избранный отъ верховнаго духовенства, извѣстный благонравіемъ мужъ, посылался туда, но бѣглецъ, отступникъ отъ Вѣры, посрамившій санъ свой поруганіемъ Церкви, уходилъ къ нимъ, и о немъ-то, когда духовное начальство станетъ требовать его, для поступленія съ нимъ по законамъ, велѣно было отвѣчать: «Онъ тамъ, гдѣ ему быть должно.» Не совершенно ли это противоположно Твоимъ намѣреніямъ? Ты желалъ, чтобъ добрый въ стадѣ пастырь кроткими убѣжденіями уменьшилъ число заблудшихъ овецъ; а подъ этимъ видомъ защищаютъ и оставляютъ тамъ преступника, дабы совратить и тѣхъ, которые не поколебались еще въ Православіи! За книгу: «Бесѣда на гробѣ младенца» (благонамѣренную) сочинитель и цензоръ были наказаны, а за книгу: «Воззваніе къ человѣкамъ» (злонамѣренную) переводчикъ награжденъ. Могло ли происшествіе сіе, столь грозное для благонравныхъ, и столь одобрительное для злонравныхъ писателей, не подвергнуть священнаго имени Твоего нѣкоему сомнѣнію, которое сколько служило къ обузданію усердія первыхъ, столько же къ поощренію дерзости вторыхъ? Но можешь ли Ты, Государь, отъ подобныхъ неусмотрѣній избѣжать? Допустятъ ли Тебя безчисленныя Твои занятія и попеченія прочитывать всѣ выходящія книги, дабы узнать, которая изъ нихъ подлинно хороша, или подлинно худа? Въ подобныхъ обстоятельствахъ можетъ быть остановленъ Ты будешь мыслію, что отмѣнять единожды утвержденное Тобою, или съ Твоего позволенія сдѣланное, покажетъ нѣкоторый видъ Твоего непредусмотрѣнія; но, Государь, еще осмѣлюсь повторить, какой поступокъ принесетъ Тебѣ больше славы: тотъ ли, когда ты, открывъ злоупотребленіе, остановишь оное Твоимъ повелѣніемъ, или, когда, закрывая то, чего закрыть не возможно, попустишь существовать вреду, проистекшему отъ направленія добрыхъ Твоихъ намѣреній въ худую сторону? Я, конечно, могу обманываться въ моихъ размышленіяхъ, но могу также безтрепетно призвать самаго Бога въ свидѣтели, что сохраненіе имени Твоего отъ малѣйшей тѣни нареканія есть первѣйшее въ душѣ моей чувство.

Я прилагаю при семъ извлеченное, изъ печатныхъ актовъ, описаніе ежегоднаго хода Библейскихъ Обществъ, изъ котораго

можно видѣть какъ связь ихъ съ Англійскими Методистами, такъ и то жь самое намѣреніе о распространеніи книгъ, содержащихъ въ себѣ умствованія, совершенно противныя всякой Христіанской Вѣрѣ и всякому Правительству. Стараніе издавать таковыя книги вмѣстѣ съ Библіями показываетъ очевидное желаніе превратными толкованіями уронить Священное Писаніе и дать свободу страстямъ и своевольству. Дерзость предпріятія сего годъ отъ году постепенно возрастала. Плоды и успѣхи ея видны въ словахъ и писаніяхъ, недавно привезеннаго сюда съ Дону Есаула. * Кто знаетъ, до какой степени распространена сія зараза?

---

* Есаулъ сей схваченъ съ написанною имъ возмутительнаго противъ Вѣры и Правительства содержанія книгою, основанною на правилахъ изданной въ свѣтъ, переведенной съ иностраннаго языка, книги, подъ названіемъ: «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова.» Онъ призванъ былъ къ Графу Аракчееву въ присутствіи Митрополита и Архимандрита Фотія, гдѣ, вмѣсто признанія себя виновнымъ, укорялъ ихъ дерзкими словами въ незнаніи настоящей Вѣры, презиралъ всякія угрозы, и, напротивъ, угрожая самъ, говорилъ, что онъ радъ погибнуть; ибо знаетъ, что погибелью своею умножитъ ревность и число своихъ послѣдователей. Видя его свирѣпымъ и непреклоннымъ, Графъ Аракчеевъ и Митрополитъ полагали запереть его навсегда въ крѣпость, но Архимадритъ Фотій просилъ, чтобъ предоставить ему еще разъ сдѣлать надъ нимъ опытъ своихъ увѣщаній. По нѣкоторыхъ противорѣчіяхъ согласились на его представленіе. Онъ заперся одинъ съ нимъ въ келью. Первый разговоръ ихъ былъ такой, что Есаулъ, приведенный къ нему прямо изъ тюрьмы въ грязной, вшивой рубашкѣ, началъ на кроткіе его вопросы отвѣтствовать гнѣвомъ и бранью. Фотій напротивъ снималъ съ него вши и, при всякомъ бранномъ отъ него словѣ, обнималъ его и цѣлуя говорилъ: «Вотъ ты сердишься, а я нѣтъ; ты на меня досадуешь, а мнѣ тебя только жаль; изъ одного этого уже видно, что моя сторона правѣе твоей. Я не прошу тебя, чтобъ ты мнѣ вѣрилъ, но для чего намъ съ кротостію не выслушивать другъ друга?» Есаулъ нѣсколько укротился, но первое ихъ свиданіе ни чего надъ нимъ не подѣйствовало. Узнавъ о семъ, я просилъ сказать отцу Фотію, чтобъ онъ, оставаясь на единѣ съ такимъ отчаяннымъ суевѣромъ, остерегался, дабы онъ не принесъ съ собою оружія и не убилъ его. Слова мои были ему пересказаны. Что жь онъ на другой день сдѣлалъ? Велѣлъ накрыть столъ, посадилъ съ собою ужинать Есаула и говорить ему: «Опасаются, что ты можешь меня зарѣзать; ножикъ лежитъ предъ тобою, но я этого не боюсь. Безъ воли Божіей ты сего не сдѣлаешь, а Богъ не попуститъ тебя поднять руку на того, кто тебѣ добра желаетъ. Скажи, приходитъ ли тебѣ на мысль убить меня?» Есаулъ, мужичинище дородный, взглянулъ съ удивленіемъ на худощаваго собесѣдника своего и твердымъ голосомъ отвѣчалъ ему: «Нѣтъ,

Между тѣмъ, что можетъ быть опаснѣе отпадшихъ отъ истинной Вѣры пустосвятовъ и фанатиковъ, которыхъ первое стараніе грабить, разрушать законы, истреблять власти и все то, что имѣетъ нѣкоторую нравственность и не хочетъ раздѣлять съ нимъ ихъ звѣрства? По всѣмъ симъ обстоятельствамъ почитаю я весьма нужнымъ неукоснительно закрыть Библейскія Общества, и обратить строгое наблюденіе, чтобъ порожденное и питаемое ими зло всячески останавливать и искоренять. Если нужно закрытію ихъ придать нѣкоторую благовидность, не обнаруживая открывшейся злонамѣренной цѣли ихъ, то можно сіе сдѣлать разными образами, на примѣръ: предоставить Синоду донесть о ненадобности болѣе оныхъ, или, и безъ сего донесенія, дать Указъ, что какъ уже напечатано достаточное количе-

---

не убью.» — «Ну, такъ станемъ же продолжать наши разговоры,» сказалъ Фотій. Такимъ образомъ искореняя въ немъ ложныя понятія о Вѣрѣ, почерпнутыя имъ изъ чтенія мистическихъ книгъ, и открывая ему перетолкованный въ нихъ настоящій смыслъ Священныхъ Писаній, напослѣдокъ довелъ онъ его до совершеннаго раскаянія, такъ что онъ потребовалъ свою книгу и своеручною подписью предалъ ее проклятію. Въ такомъ же духѣ, отрицаясь отъ всѣхъ ересей, написалъ онъ письмо къ Митрополиту, прося у него прощенія и поручая себя его молитвамъ. Достойны примѣчанія слѣдующія слова сего Есаула; онъ говорилъ Фотію: «Я мужъ и отецъ. Предавшись пагубнымъ внушеніямъ и чтенію злочестивыхъ книгъ, я заразился ими, бросилъ жену и дѣтей; не думалъ больше ни объ нихъ, ни о себѣ. Теперь ты возбудилъ во мнѣ снова жалость къ нимъ. Я отступилъ отъ Вѣры, отъ добродѣтели, и достоинъ всякаго наказанія, но они, бѣдные, невинны и за меня страдаютъ. Жаль мнѣ ихъ, жаль!» — Окончаніе съ симъ Есауломъ послѣдовало такое, что велѣно было его освободить, дать ему тысячу рублей и отпустить на родину. Въ послѣдствіи времени оказалось, что Есаулъ сей, возвратясь на родину свою, сочинилъ еще злѣйшую прежней книгу, въ которой, насмѣшливымъ и ругательнымъ образомъ, описывалъ простоту тѣхъ, кои повѣрили притворному обращенію его въ Православную Вѣру и отреченію отъ своей, почерпнутой имъ изъ разныхъ, такъ называемыхъ, духовно-нравственныхъ книгъ, а особливо изъ книги: «Воззваніе.» Онъ продолжалъ распространять свою ересь, и вторично былъ взятъ и привезенъ въ Петербургъ, имѣя сопутницею своею молодую, пригожую, какъ сказываютъ, дѣвку, которую выдавалъ онъ за дочь свою, вѣроятно, надѣясь чрезъ нее привлечь къ себѣ больше сообщниковъ. Отослали его опять въ тотъ же монастырь, но Фотій не взялся уже обращать его, а поручено сіе было одному изъ тамошнихъ монаховъ, который, вмѣсто обращенія его, самъ отъ него заразился того же ересью и объявилъ о томъ письменно.

ство Библій, то, почитая дальнѣйшее попеченіе о томъ болѣе ненужнымъ, всѣ Библейскія Общества закрыть и всѣ въ оныхъ дѣла препроводить для храненія въ Св. Синодъ, которому впредь, по мѣрѣ надобности, издавать Библію на прежнемъ основаніи, какое было до введенія Библейскихъ Обществъ. Такимъ, или подобнымъ, образомъ можно прекратить оныя и отнять у иностранцевъ надежду возобладать надъ нами не силою оружія, чего они не могутъ, но лукавствами и хитростію, когда посѣютъ между нами секты и раздоры.

Государь! Я далъ Тебѣ слово быть откровеннымъ, и Ты священнымъ словомъ твоимъ въ томъ же меня увѣрилъ. Я держу свое слово и надѣюсь, что и Ты свое сдержишь въ томъ, что если я чистосердечными размышленіями моими наведу Тебѣ хотя малѣйшую непріятность, или скуку, то Ты безъ гнѣва повелишь мнѣ замочлать. Тройственный союзъ сдѣланъ былъ въ намѣреніи воспрепятствовать духу возстанія противъ Христіанства и власти, но между тѣмъ оный подъ иными видами (въ томъ числѣ и Библейскими Обществами) не престанетъ оказываться и расти. Карбонарство, явно себя обнаружившее, унято. Но гдѣ и кѣмъ? Въ малой землѣ великими державами. А если въ великой землѣ, наводящей огромностію и силой своей другимъ землямъ страхъ и зависть, скрытныя дѣйствія того жь самаго духа продолжаться будутъ и, чего, Боже, сохрани, созрѣютъ и вспыхнутъ, то кто придетъ въ землѣ сей устроить порядокъ? Тѣ ли, которымъ нужно, чтобъ она сама собой, внутреннимъ своимъ несогласіемъ, ослабила свои силы, и чрезъ то подверглась ихъ надъ нею господству? Всемилостивѣйшій Государь! Ты одинъ можешь укротить сей духъ буйства, порывающійся изъ чужихъ земель вторгнуться въ Россію, никогда о немъ не знавшую. Покажи себя защитникомъ Православной Вѣры своей и покровителемъ другихъ Христіанскихъ Вѣръ, не попуская раздѣляться имъ на секты и ереси! Будь прямо Русской Царь, надѣющійся на своихъ вѣрноподданныхъ! Возвысь Дворянъ, ограду Твоего Престола! Будь отецъ народу, но не давай возмущать себя преждевременными внушеніями о вольности, вовлекающими его въ своевольство! Да посѣятся между сими двумя состояніями тишина и миръ, а не вражда и злоба! Тогда Ты одинъ посреди

своего народа сильнѣе будешь всѣхъ Царей. Одно слово Твое, одинъ взоръ разсѣетъ въ Царствѣ Твоемъ всѣхъ вольнодумцевъ, учениковъ чужихъ земель. Они почувствуютъ заблужденіе свое и обратятся на правый путь. Престолъ Твой оградится вѣрнѣйшими тебѣ сердцами, и чужеземныя козни не посмѣютъ и приблизиться къ предѣламъ Твоего Царства. Ты защитилъ народъ Свой отъ вооружившейся на него Европы, Ты спасешь его отъ сильнѣйшаго врага—адскаго духа, устремляющагося искоренить въ немъ Вѣру и всѣ добродѣтели. Твой народъ возлюбилъ Тебя, чуждыя страны прославятъ, потомство будетъ Тебѣ благодарно, и Богъ, по долговременной жизни Твоей, приметъ Тебя въ свои объятія. Государь! Всякой, кто скажетъ Тебѣ не сходное съ симъ, скажетъ ложь, не преданъ Тебѣ, не любитъ Тебя.»

Письмо къ Кіевскому Митрополиту.

«Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивый Государь!

Зная, что Вы на нѣкоторое время призываетесь сюда, я сердечно тому порадовался. Можетъ быть Вы и неохотно разстанетесь съ мѣстомъ Вашей паствы, но я увѣренъ, что важность предстоящаго Вамъ дѣла воспламенитъ Ваше усердіе и не остановитъ Васъ ити на подвигъ, для сана и сердца Вашего священный. Куда зоветъ насъ и Богъ, и Государь, и Отечество, туда поспѣшать должно. Я думаю, дошелъ уже до Вашего свѣдѣнія Высочайше данный мнѣ Указъ, который, однако жь, на всякой случай здѣсь прилагаю. Изъ онаго Ваше Высокопреосвященство усмотрите, что намъ предлежитъ общій и весьма тяжелый трудъ и борьба, но Богъ поможетъ намъ. Онъ подкрѣпитъ наши силы и не допуститъ мерзости и запустѣнію стать на мѣстѣ святѣ. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ Вашего прибытія, и не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія какъ въ усердіи Вашемъ къ общему благу, такъ и въ особенномъ ко мнѣ благорасположеніи. Съ сею пріятною для меня надеждою, испрашивая Архипа-

стырскаго Вашего благословенія и съ совершеннымъ почитаніемъ и преданностію имѣю честь быть,

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга А. Ш.»

16-го Декабря, 1824 года.

Его Высокопреосвященству, Кіевскому Митрополиту Евгенію.

Отвѣтъ, полученный мною въ исходѣ января.

«Милостивый Государь

Александръ Семеновичъ!

Почтеннѣйшее письмо Вашего Высокопревосходительства, отъ 16 Декабря, имѣлъ я честь получить 30 того же мѣсяца. Чувствительнѣйшую приношу благодарность за предувѣдомленіе меня о вызовѣ на трудный подвигъ. Указъ о семъ получилъ я уже 4 Января. Буду собираться сколько возможно скорѣе, но нужно сдѣлать распоряженіе по многимъ дѣламъ на время отсутствія моего. Чрезъ двѣ недѣли могу собраться, хотя къ трудному дѣлу труденъ и путь по нынѣшнему времени. Самая почта въ 15 только дней до насъ доходитъ. Впрочемъ, повинуясь святой волѣ Монаршей, готовъ претерпѣть все и поспѣшить явиться къ Вашему Высокопревосходительству, съ изъявленіемъ совершеннѣйшей преданности и высокопочитанія, съ коими навсегда и имѣю честь быть и проч.»

На подлинномъ подписано: «Евгеній Митрополитъ Кіевской.»

Кіевъ. 7 Января, 1825 г.

Записка, поданная отъ меня Государю Императору въ началѣ 1825 года.

«Книга, подъ названіемъ: «О должностяхъ человѣка и гражданина,» издана была въ 1783 году, и назначена, по Высочайшему повелѣнію Императрицы Екатерины Второй, для чте-

ния въ Народныхъ Училищахъ Россійской Имперіи. Съ того времени издано оной было одиннадцать тисненій, послѣдне въ 1817 году, и дабы всякой могъ удобнѣе имѣть ее, положена за нее самая малая цѣна, а именно: 25 коп. Такимъ образомъ книга сія, не токмо подъ особеннымъ надзоромъ Императрицы напечатанная, но, судя по слогу и нравоученію, въ ней заключающемуся, едва ли не самой Ею сочиненная, около 40 лѣтъ почиталась полезною и существовала въ Народныхъ Училищахъ. Но въ 1819 году членъ Главнаго Управленія Училищъ, Преосвященный Филаретъ, предложилъ сему Правленію, что «не нужно дѣтямъ читать о должностяхъ человѣка и гражданина, изложенныхъ по философскимъ началамъ, всегда слабымъ»: * Въ слѣдствіе сего предложенія, по приказанію Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, всѣ экземпляры сей книги изъ Училищъ были отобраны и чрезъ бывшаго Директора Попова велѣно ихъ продать, съ заплатою по 50 коп. за пудъ, бумажному фабриканту, съ тѣмъ, чтобъ никому оныхъ не раздавать, а употреблять единственно на бумажную мельницу. Симъ образомъ книга, содержащая въ себѣ самыя чистыя нравоученія, основанныя на выписанныхъ изъ Евангелія и тутъ же приложенныхъ текстахъ, книга, наставляющая юношей въ правилахъ обуздывать свои страсти, воздерживаться отъ всякихъ пороковъ, быть добрымъ въ общежитіи человѣкомъ, вѣрнымъ подданнымъ Государю и полезнымъ Отечеству гражданиномъ, книга, начертанная сердцемъ и рукою Великой Екатерины, предана истребленію на бумажную мельницу! Сказанное о ней, яко бы оная изложена по философскимъ началамъ, есть столько же неопредѣлительное, сколько и несправедливое, изреченіе; ибо если наставленія, на правилахъ Вѣры и добродѣтельной жизни основанныя, названы обвинительно философскими, то какія же на мѣсто ихъ могутъ быть преподаваемы другія? Трудно повѣрить, чтобъ съ намѣреніемъ истреблять подобныя книги соединялось намѣреніе вводить безвѣріе и развратъ; но когда мы видимъ, что

---

* На мѣсто сихъ слабыхъ положены въ распущенныхъ книгахъ сильныя начала къ истребленію всего благочестиваго, добраго и нравственнаго. О времена! О нравы!

вмѣстѣ съ истребленіемъ сихъ книгъ, печатались и выпускались богохульныя, отвергающія Вѣру и нравственность, книги; когда знаешь, что сей революціонный духъ масонства и карбонарства во всѣхъ Государствахъ обнаружился и къ намъ проникъ, то что иное заключать можемъ? И не должно ли, послѣдуя прочимъ Державамъ, брать противъ него дѣятельныя мѣры?

Я прошу дозволенія выше означенную книгу, яко весьма для юношества полезную, вновь принять и ввести въ Народныя Училища.

При семъ прилагаю письмо, полученное мною отъ здѣшняго Митрополита, съ приложеніемъ сдѣланнаго двумя избранными отъ него духовными особами и подтвержденное имъ самимъ разсмотрѣніе книги подъ названіемъ: «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова». Выписки изъ сей книги показываютъ явное возстаніе противъ Вѣры и Правительства, гласное проповѣдываніе революціи съ угрозами страшныхъ истязаній всякому, кто останется Христіаниномъ и вѣрноподданнымъ. Книга сія, равно какъ и многія другія, тѣмъ же духомъ наполненныя, не токмо въ великомъ количествѣ и многими тисненіями напечатана, но и съ похвалою, какъ изъ дѣлъ явствуетъ, повсюду разсылаема была.

Всемилостивѣйшій Государь! Сіи донесенія мои Вашему Императорскому Величеству разглашаются за нѣкія будто бы личныя недоброжелательства мои къ прежнему Министерству Народнаго Просвѣщенія. Если бы таковые толки относились единственно къ сужденію о моей нравственности, то бы не счелъ я за нужное опровергать ихъ иными доказательствами, кромѣ безпорочности долговременной моей жизни; но какъ толки сіи нападаютъ на долгъ моего званія, стараясь, подъ симъ видомъ, ослабить, или уничтожить, во мнѣ оный, то и осмѣливаюсь я заключить оправданіе мое въ нижеслѣдующемъ: 1) Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества Указомъ повелѣно мнѣ войти въ строгое наблюденіе, дабы, какъ въ изданныхъ, такъ и впредь издаваемыхъ, сочиненіяхъ и переводахъ ни чего колеблющаго Вѣру и благонравіе не укрывалось. Слѣдовательно, не личность, не кле-

вета, но долгъ вѣрноподданный и правда обязываютъ меня къ тому. 2) По чувству Христіанской любви, конечно, не долженъ я ни кого осуждать и еще меньше желать кому какого либо зла; но когда дѣло идетъ о революціонномъ духѣ, явно распространяемомъ и стремящемся къ ниспроверженію Вѣры, Правительства и всякаго общественнаго спокойствія, то закрывать оный, не доводить дѣяній онаго до свѣдѣнія Вашего Величества, не смѣть гласно и громко изобличать зловреднаго ихъ намѣренія, и чрезъ то давать духу сему расти, усиливаться, было бы съ моей стороны величайшее преступленіе предъ Вами, Государь, предъ Отечествомъ и, что всего болѣе, предъ самимъ Богомъ, котораго страшному и праведному суду, по моимъ лѣтамъ и болѣзнямъ, вскорѣ я предстать долженъ. Доколѣ было сіе постороннимъ для меня дѣломъ, до тѣхъ поръ за молчаніе мое не отвѣтствовалъ я ни кому; но нынѣ, Государь, когда угодно было Вамъ возложить на меня обязанность наблюдать за нравственностію и воспитаніемъ, то могу ли я, съ нарушеніемъ присяги и вопреки правды и совѣсти, для какихъ бы то ни было вооружающихся противъ меня силъ и толковъ, отступить отъ моего долга, толь для меня священнаго? Не могу, Государь, и если бы даже суждено мнѣ было отъ сего погибнуть, то погибель въ здѣшнемъ свѣтѣ была бы мнѣ утѣшительною надеждою не погибнуть въ будущей жизни. Впрочемъ, Государь, какъ ни мало полагаюсь я на мою смѣтливость и проницаніе, но, мнѣ кажется, если тайныя общества и масонскія ложи строго запрещены и почитаются опасными, то не опаснѣе ли ихъ тотъ же самый духъ, распространяющій книги? Тѣ, по крайней мѣрѣ, тайно дѣйствовали, не смѣли внѣ своихъ собраній мысли свои обнаруживать, а сіи дѣйствуютъ явно и въ слухъ всего народа. Оставить ихъ на прежнемъ основаніи, не открывать ихъ дѣяній, не смѣть обнаруживать ихъ лжеученій, изъ опасенья, чтобъ не огласить тѣхъ намѣреній, которыя сами они явно оглашаютъ, не будетъ ли казаться нѣкоторою боязнію, признающею сей духъ безвѣрія и безначалія уже такъ усилившимся, что къ обузданію его теряется надежда? Не ободритъ ли сіе преданныхъ сему духу, не умножитъ ли и число ихъ и дерзость? Не отниметъ ли, напротивъ, всякое усердіе и ревность у тѣхъ, которые хотятъ пребыть вѣрными сынами Церкви и Престолу? Въ подобномъ случаѣ, что останется дѣлать симъ послѣднимъ, какъ не удалиться и

съ безмолвіемъ и сокрушеннымъ сердцемъ ожидать, какіе изъ того произрастутъ плоды? Вотъ, Всемилостивѣйшій Государь, мои чувства, мои мысли, мои опасенія. Я подвергаю ихъ суду Твоему; ибо сердце Твое въ руцѣ Божіей.» *

Письмо къ Графу Аракчееву.

«Милостивый Государь,

Графъ Алексѣй Андреевичъ!

На сихъ дняхъ получилъ я бумаги (съ которыхъ при семъ препровождаю къ Вашему Сіятельству копіи), одну отъ Московскаго Попечителя, содержащую въ себѣ отношеніе къ нему Углицкаго и Архангельскаго Сотоварищества Библейскихъ Обществъ о напечатаніи отчетовъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, другую отъ Комитета Правленія Императорской Академіи Наукъ о напеча-

* За нѣсколько времени прежде и послѣ сего письма началъ я примѣчать нѣкоторую холодность и молчаливость въ довольно рѣдкихъ свиданіяхъ со мною Государя Императора, по чему и я пересталъ Ему докучать моими съ Нимъ откровенными объясненіями, желая изъ того увидѣть и узнать Его къ онымъ расположенія. Три, или четыре, раза былъ я потомъ у Него съ докладами, не вопрошая ни чего о слѣдствіяхъ по моимъ письмамъ. Онъ также молчалъ и, казалось, не хотѣлъ возобновлять о томъ разговоръ. Причиною сему полагалъ я различныя внушенія противной стороны, имѣвшей весьма великія связи и, тѣмъ больше усилившейся, что, не взирая на перемѣну Министерства и на всѣ мои противъ прежнихъ дѣйствій вопіянія, видѣлъ ихъ еще торжествующими, и голосъ мой, весьма многими заглушаемый и почти ни кѣмъ не поддерживаемый, отчасу болѣе исчезающимъ и тщетнымъ. Обстоятельство сіе, соединявшееся съ удрученностію лѣтъ моихъ и домашними моими прискорбностями, крайне меня озабочивало, печалило и приводило въ уныніе. Въ послѣдній докладъ мой Государь, при отъѣздѣ Своемъ въ Варшаву, прощаясь со мною, сказалъ мнѣ: «Поступай, какъ ты началъ!» Слова сіи, съ одной стороны, ободряли меня, а съ другой великость противуборствующей силы не допускала меня ни радоваться, ни надѣяться.

танія списка членовъ здѣшняго (С.-Петербургскаго) Библейскаго Общества; третью отъ Митрополита Серафима. Сія послѣдняя содержитъ въ себѣ, писанное къ нему о тѣхъ же Обществахъ, письмо отъ Павла, Слободско-Украинскаго и Харьковскаго Епископа. Изъ всѣхъ оныхъ бумагъ Ваше Сіятельство усмотрѣть изволите, что, не взирая на явное зло, Библейскими Обществами распространенное, ниже на то, что дѣйствія ихъ нѣкоторымъ образомъ пріостановлены, они продолжаютъ свои работы и къ цѣли своей идутъ смѣлыми шагами, согласно со всѣми иностранными проповѣдниками и миссіонерами. Изъ одного письма Слободско-Украинскаго Епископа можно видѣть, какое колебаніе умовъ происходитъ отъ неизвѣстности, чему слѣдовать и чего держаться. Онъ спрашиваетъ разрѣшенія, какъ поступать, и дѣйствовать ли по прежнему? По видимому, зараженный самъ, не знаю, ложными ли понятіями, или инымъ какимъ побужденіемъ, выхваляя сіи Общества, признается, однако жъ, что всѣ сословія свѣтскаго состоянія терпѣть ихъ не могутъ, и что сборъ денегъ и продажа книгъ производится по всей Епархіи, по его распоряженію, посредствомъ одного Духовенства, и то по принужденію. Изъ сихъ краткихъ словъ его довольно уже явствуетъ, какимъ образомъ дѣлается и какую пользу приноситъ, такъ называемое ими, распространеніе Слова Божія:—благое названіе, данное злому дѣянію, а по тому и водворяющее, вмѣсто согласія и страха Господня, раздоры и суемудріе. Какое можетъ быть благочестіе тамъ, гдѣ, оставляя Церковь, собираются въ частномъ домѣ и Архіереи, и Священники, и Офицеры, и купцы, и даже иностранцы, не въ видѣ священно-служителей, какъ обыкновенно бываетъ въ храмахъ Божіихъ, но въ видѣ сотоварищества, гдѣ и стихи поютъ, и ученики читаютъ свои сочиненія, и Архіерей говоритъ рѣчь похвальную переводу Священныхъ Писаній съ высокаго церковнаго языка на простой, театральный, и пасторъ Лютеранскаго Исповѣданія провозглашаетъ свои ученія, и словомъ, всякой вмѣстѣ—и духовная и свѣтская особа, и Грекъ и Католикъ. * Можетъ ли въ такомъ смѣшеніи умовъ и страстей быть

---

* Все сіе въ упомянутыхъ бумагахъ, называемыхъ Отчетами, и присланныхъ для напечатанія, ясно было изложено и сказано, кто что дѣлалъ и что говорилъ.

какое либо благоговѣніе? Сверхъ сего насильственною продажею книгъ собираютъ деньги и, производя въ народѣ неудовольствіе и ропотъ, безстыднымъ образомъ лгутъ въ газетахъ, что всякой у нихъ съ радостію покупаетъ. Между тѣмъ миссіонеры и распущенныя во множествѣ, противныя и Вѣрѣ и всякой нравственности, книги смущаютъ простолюдиновъ и, толкуя имъ превратно Библію, вселяютъ въ нихъ мысли, что не должно уважать ни Церковь, ни Правительство. Видя это изъ многихъ и ясныхъ доказательствъ, могу ли и долженъ ли я молчать? Но, съ другой стороны, что мнѣ дѣлать? Я подъ рукою далъ знать, чтобъ касающагося до Библейскихъ Обществъ, безъ разрѣшенія на то, въ Вѣдомостяхъ не печатали; но этого мало: надобно, чтобъ переставъ дѣйствовать и кипѣть тотъ духъ, которымъ надѣются потрясти и разрушить всякую связь обществъ и всякую власть и законы. Сей духъ оказывается не одними расколами и не въ одномъ низкомъ состояніи людей, но и повсюду. На сихъ дняхъ былъ въ Сенатѣ судъ по Госнеровскому дѣлу. Извольте прочитать рѣчь Сенатора Муравьева. * Изъ ней одной видно, какъ и что говорить смѣютъ! Не токмо законы, но и здравой разсудокъ, попираютъ ногами! Въ одной изъ приложенныхъ здѣсь бумагъ усмотрите Вы, что здѣшняя Академія Наукъ спрашиваетъ у меня разрѣшенія о напечатаніи въ Адресъ-Календарѣ на сей 1825 годъ списка членовъ С.-Петербургскаго Библейскаго Общества. Я очень знаю, что этимъ самымъ оно утверждается и всѣмъ вообще дастъ поводъ думать, что перемѣна Министерства Просвѣщенія ни чего не значила, и что всѣ вещи остаются въ прежнемъ положеніи; но отвратить этого не могу. Все, что оставалось мнѣ придумать къ лучшему, состоитъ только въ томъ, что я велѣлъ, излагая сей списокъ, припечатать къ нему прошедшій 1824, а не нынѣшній годъ, дабы сколько ни будь дать почувствовать, что есть нѣкоторое помышленіе о принятіи мѣръ къ остановленію прежняго буйственнаго духа; но подобныя, не довольно твердыя, мѣры мало его останавливаютъ. Я счелъ за нужное довесть о семъ до свѣдѣнія Вашего Сіятельства, и сказать при томъ откровенно, что съ моею преданностію Вѣрѣ,

---

* Собственно «Мнѣніе», напечатанное въ 4-ой книгѣ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1859 года, отд. V, стр. 37—42.

Государю и Отечеству, и съ моимъ образомъ мыслей, тяжело мнѣ быть въ моемъ званіи, въ которомъ молчать и допускать расти сему глубоко укореняющемуся новомыслію запрещаютъ мнѣ долгъ и совѣсть, а противоборствовать ему нѣтъ силъ. Съ истиннымъ и совершеннымъ почитаніемъ имѣю честь быть,

Вашего Сіятельства,

покорнѣйшій слуга А. Ш.»

16 Мая, 1825 года.

Списокъ съ отвѣта Графа Аракчеева.

«Милостивый Государь

Александръ Семеновичъ!

Истинно благодарю Ваше Высокопревосходительство за письмо Ваше, писанное 16 Мая,—и я совершенно съ Вами согласенъ. Мое мнѣніе: Оболенскому не дѣлать ни какого отвѣта, и тѣмъ самымъ отмѣнится печатаніе въ Московскихъ Вѣдомостяхъ объ отчетахъ Углицкомъ и Архангельскомъ Архіерею Павлу не должно также дѣлать отвѣта на его письмо, а тѣмъ самымъ онъ долженъ будетъ понять, что ему слѣдуетъ дѣлать. О печатаніи въ Адресъ-Календарѣ списка я совершенно съ Вами согласенъ, чтобъ напечатать списокъ 1824 года. Прошу Васъ сдѣлать мнѣ, по дружбѣ Вашей, одолженіе, доставить мнѣ копію съ Рѣчи Сенатора Муравьева, которую я весьма желаю прочитать, отправя оную по мнѣ въ собственныя руки, въ городъ Старую Русу, куда я завтра рано отправлюсь до 1 Іюня. Съ истинной дружбой и истиннымъ же почтеніемъ пребуду

Вашего Высокопревосходительства,

покорный слуга

Графъ Аракчеевъ.»

С. Грузино,
20 Мая, 1825 года.

Мой на письмо его отвѣтъ.

«Милостивый Государь

Графъ Алексѣй Андреевичъ!

Находясь въ Царскомъ Селѣ, я имѣлъ честь получить письмо Ваше, отъ 20 Мая. Возвратясь въ Петербургъ, спѣшу исполнить приказаніе Ваше присылкою къ Вамъ Сенатской бумаги, гдѣ помѣщенъ и голосъ Сенатора Муравьева, къ которому многіе пристали, въ защиту дѣла преступнаго и по обстоятельствамъ весьма важнаго. Нѣкоторые, какъ слышу, съ чрезвычайнымъ жаромъ кричатъ о достоинствѣ голоса сего, унижая, напротивъ, голосъ Сенатора Сумарокова, * весьма благонамѣренный и справедливый. Я не могу понять сей ревности оправдывать то, что, безъ противурѣчія законамъ и явной потачкѣ худымъ замысламъ, ни коимъ образомъ оправдывать не можно. Кто не знаетъ (развѣ только тотъ, кто совсѣмъ не вѣдаетъ обстоятельствъ, или подлинно хочетъ зла), что здѣсь дѣло идетъ не о томъ, чтобъ наказать человѣка (кому нужно—наказанъ ли онъ будетъ, или, какъ заблуждающійся фанатикъ, прощенъ), но о томъ, что въ оправданіи его оправдывается самое злѣйшее покушеніе на Церковь, Престолъ и Отечество. Госнеровское дѣло связано съ обстоятельствами, изъ которыхъ покушеніе сіе доказывается не подлежащими ни какому сомнѣнію актами. Каковъ же будетъ примѣръ и ободреніе новозатѣвальщикамъ, когда самъ Правительствующій Сенатъ покажетъ себя на ихъ сторонѣ? Я смѣю увѣрить Ваше Сіятельство, что зло сіе, уже и такъ не малое, отъ часу больше растетъ, и пора обратить на него всевозможное вниманіе и принять рѣшительныя и дѣятельныя къ обузданію онаго мѣры. Люди, которымъ оно нравится, говорятъ о тѣхъ, кои противоборствуютъ имъ, какъ о людяхъ странныхъ и вредныхъ, заводящихъ инквизиціи; но это не новое, что они благонамѣренію даютъ худыя, а злонамѣренію хорошія, имена. Не на слова ихъ, а на дѣла, надоб-

* Напечатано тоже въ 4-й кн. «Чтеній» 1859 года, отд. V, стр. 43—48.

по взглянуть, и сличить ихъ съ дѣлами тѣхъ, которыхъ они, для закрытія себя, очернить стараются: тогда окажется, чья правда, чья неправда. Что значитъ слово ихъ: инквизиція? Оно собственно значитъ розыскъ, но какой? Не казни, не мученія; ибо сихъ никто не требуетъ; но просто розысканіе, или изслѣдованіе актовъ, изъ коихъ бы можно было увидѣть, какое въ нихъ скрывается намѣреніе — худое, или доброе. Вотъ что называютъ они инквизиціею! Но если сіе изслѣдованіе, которому даютъ они толь ненавистное имя, кажется имъ такъ страшнымъ, то, стало быть, дѣла ихъ нечисты, и, если не хотятъ, чтобъ открыты были тайныя ихъ пружины, то, стало быть, хотятъ, чтобы оныя не прежде были примѣчены, какъ тогда, когда уже всѣ предпринимаемыя противъ нихъ мѣры будутъ поздны и безуспѣшны. Я читалъ разныя о семъ донесенія и бумаги (по сіе время праздно лежащія), изъ которыхъ, соображая ихъ съ печатными книгами и дѣйствіями, изъ нихъ почерпнутыми, ясно открывается и начало, и ходъ, и успѣхи сихъ пагубныхъ покушеній, заразившихъ уже многое число людей. Тутъ не догадки, а документы, самые ясные и очевидные: нужно только на нихъ взглянуть, дабы удостовѣриться, и тогда должно будетъ рѣшиться на одно что ни будь: или съ твердостію тому воспротивиться, или необращеніемъ на то вниманія дать время духу сему созрѣть и ожидать съ трепетомъ неминуемо долженствующихъ выйти изъ того послѣдствій. Къ голосу Сенатора Муравьева прилагаю я здѣсь, для любопытства Вашего, нѣкоторыя краткія мои замѣчанія.

Если дѣло поступитъ въ Государственный Совѣтъ, то по неволѣ долженъ я буду пространнѣе о томъ объясниться: ибо я никогда не вступаюсь за себя (брани меня, кто хочетъ); но гдѣ идетъ дѣло о вредѣ общему благу, тамъ я не могу молчать. Я прилагаю при семъ и голосъ Сенатора Сумарокова, также и указъ Святѣйшаго Синода. Я отправляюсь въ Дерптъ, надѣюсь возвратиться чрезъ недѣлю и лично съ Вами переговорить. — Пріятно мнѣ видѣть благорасположеніе ко мнѣ Вашего Сіятельства, но опять повторю съ откровенностію, что трудно мнѣ слабому, при моей старости и тупѣющемъ зрѣніи, также и при многихъ другихъ обстоятельствахъ, стоять крѣпко на стражѣ и нести на плечахъ своихъ столь тяжелое бремя: чувствую, что я упаду подъ нимъ:

одно только утѣшаетъ меня—совѣсть, которая говоритъ мнѣ, что недостатокъ силъ не есть недостатокъ усердія.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Вашего Сіятельства,

покорнѣйшій слуга А. Ш.»

27 Мая, 1825 года.

Выписка изъ Французскихъ книгъ, изданныхъ въ Парижѣ.

Изъ первой:

«Справедливое сужденіе о взаимномъ обученіи, съ разсмотрѣніемъ его природы, его начала и его дѣйствій. Книжка сія издана съ слѣдующею надписью: «Берегитесь, да не будете прельщены баснями, и да не соблазнитъ васъ суетная и обманчивая философія» (Св. Павелъ къ Колос. гл. 2).»

Изъ второй, названной «Желаніями на 1825 г.»

«Мы желаемъ Россіи, чтобъ она почувствовала, что разлитіе рѣкъ ея не есть самое большое бѣдствіе, котораго она страшиться долженствуетъ; что ученія, разрушающія всѣ общественныя связи, влекутъ за собою несравненно величайшую пагубу, и что, прежде помышленія о спасеніи себя отъ морскихъ опустошеній, нужно ей ополчиться противъ хищной руки гордой философіи, о которой Богъ сказалъ: «Ты не пойдешь далѣе!» Сперва пусть ей поставятъ оплотъ, и потомъ примемся за удержаніе въ предѣлахъ Невы.»

(Объ выписки сіи читаны мною Государю Императору.)

Письмо ко мнѣ Государя Императора.

«Александръ Семеновичъ! Съ живѣйшимъ прискорбіемъ узналъ я о кончинѣ супруги Вашей, и искренно раздѣляю съ Вами

горесть Вашу, желая, чтобы Вы съ покорностію къ святой волѣ Всемогущаго, перенесли оную, и обрѣли утѣшеніе въ упованіи на благость Его.

Пребываю впрочемъ всегда къ Вамъ благосклоннымъ.

(На подлинномъ написано) Александръ».

Въ Таганрогѣ,
Сентября 25-го, 1825 года.

Мой отвѣтъ.

«Всемилостивѣйшій Государь!

Великодушное и милостивое о несчастіи моемъ сожалѣніе, которое угодно было Вашему Величеству изъявить мнѣ, наполнило душу мою неизреченною благодарностію. Долговременное страданіе и наконецъ смерть жены моей, съ которою провелъ я болѣе тридцати лѣтъ, не могли не изнурить и безъ того изнуренныхъ уже старостію силъ моихъ. Горесть моя велика, но утѣшеніе мое — Богъ, и отрада остатка дней моихъ—Вы, Государь! Подкрѣпляемый сими надеждами живу и дышу.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный

Александръ Шишковъ.»

С.-Петербургъ,
8-го Октября, 1825 года.

Нѣкоторыя нужныя для исторической связи объясненія, на помѣщенныя въ сихъ запискахъ бумаги.

1-е). На мое письмо къ Государю Императору, отъ 22 Мая, 1824 года (см. стр. 2—4).

Назначеніе меня, на мѣсто предмѣстника моего, Князя Голицына, Министромъ Народнаго Просвѣщенія произошло по слѣду-

ющимъ обстоятельствамъ: нѣкто монахъ Фотій (или Фокій), человѣкъ еще не старый, пылкій, защитникъ Православія, долгое время (т. е., около двухъ лѣтъ, или болѣе) былъ въ связи и частомъ сношеніи съ Княземъ Голицынымъ, въ намѣреніи, какъ сказываютъ, отвратить его отъ покровительства тѣмъ ересямъ и зловреднымъ книгамъ, какія, чрезъ внушенія иностранныхъ миссіонеровъ, по ходатайству его, выпускаются къ поколебанію нашей Вѣры, но, не получа въ томъ успѣха, рѣшился, не взирая на сильную его довѣренность у Государя Императора, употребить надъ нимъ духовную строгость. Съ симъ намѣреніемъ пригласилъ онъ его въ домъ Графини Орловой, гдѣ, поставя налой и положа на немъ Евангеліе и Крестъ, приготовился его встрѣтить. Когда Князь вошелъ въ комнату, и хотѣлъ по обыкновенію принять отъ него благословеніе, то онъ остановилъ его и сказалъ, что прежде не дастъ ему благословенія, покуда онъ не отречется отъ богоотступныхъ дѣлъ своихъ, покровительствуя иностраннымъ лжеучителямъ, возстающимъ противъ Церкви и Престола. Князь сперва отвѣчалъ ему хладнокровно, что онъ дѣйствовалъ по волѣ Государя, и что теперь, зайдя такъ далеко, поздно уже возвращаться назадъ; но когда Фотій грознымъ гласомъ возразилъ ему: «Поди къ Царю, стань предъ Нимъ на колѣни, и скажи, что ты виноватъ, самъ дѣлалъ худо и Его вводилъ въ заблужденіе!» тогда Князь разсердился и спросилъ у него: «Какое право имѣетъ онъ говорить ему такимъ повелительнымъ голосомъ?»—«Право служителя Алтаря Божія», отвѣчалъ ему Фотій, «могущаго, въ случаѣ упорнаго пребыванія твоего въ злочестіи, предать тебя проклятію». Князь послѣ словъ сихъ вспыхнулъ гнѣвомъ, и, сказавъ ему: «Увидимъ, кто изъ насъ кого преодолѣетъ», съ великимъ смущеніемъ побѣжалъ изъ горницы. Фотій въ слѣдъ ему кричалъ громко: «Анаѳема! да будешь ты проклятъ!» И тотчасъ послѣ сего происшествія, въ точности описавъ, какъ свой поступокъ, такъ и отвѣты Князевы, запечаталъ письмо свое и послалъ съ надписью: «Въ собственныя Его Величества руки». Вскорѣ Государь позвалъ его къ себѣ, и хотя сначала выговаривалъ съ гнѣвомъ за такой его поступокъ, находя оный не токмо не приличнымъ, но даже и не сообразнымъ съ Христіанскою покорностію, однако жь, по долгомъ съ нимъ бесѣдованіи, отпустилъ его безъ гнѣва. Въ то же время подоспѣло Госперовское дѣло. Сіи два обстоятельства

были главною причиною перемѣны Министерства Просвѣщенія, къ которому присоединены еще двѣ части, а именно: Управленіе Иностранныхъ Вѣроисповѣданій и Духовныя Дѣла, но сія послѣдняя часть при сей перемѣнѣ была отдѣлена; Князь же Голицынъ остался Главноначальствующимъ надъ Почтовымъ Департаментомъ.

2-е) (Объясненіе). На бумагу мою, отъ Іюня 7-го дня (1824 года), оставленную мною у Государя Императора (см. стран. 7—10), а также на письмо къ Графу Аракчееву, отъ 11-го числа того же мѣсяца (см. стр. 11 и 13). Мнѣ извѣстно было, что Графъ Аракчеевъ всегда письма мои къ нему показывалъ Его Величеству. Дѣло въ это время шло о Поповѣ, ревностномъ старателѣ промѣнять Церковь нашу на Протестантскую, Гернгутерскую, или какую либо иную, и который въ Библейскихъ Обществахъ представлялъ, послѣ Министра своего, лице первенствующее въ Синодѣ свѣтско-духовной особы. Онъ, подъ видомъ болѣзни, ѣздилъ въ Англію для совѣщанія съ тамошними Методистами, * отколѣ возвратясь изобличенъ былъ поправленіемъ своей

---

* Можно объ успѣхахъ сихъ совѣщаній заключить изъ слѣдующаго сихъ господъ обнародованнаго объ насъ отзыва: «Extrait de la feuille, publiée chez Fiffling et Hughes imprimeurs, Grosvenor Row, Chelsea, Mai 1817».

Le Mercredi 7 Mai 1817 s'est tenu à l'hotel des Francs-maçons à Londres le 13 anniversaire de la Societé Biblique britannique et étrangére. Aprés differentes lectures et quelques discours sur les progrès et l'utilité de la Societé Biblique, le revérend Richard Watson, Ministre de la secte methodiste, a pris la parole: «Mylord, le rapport et les adresses, que nous venons d'entendre, ont tourné notre attention sur l'Empire Russe. Ah! combien sont consolantes et les vues, qui nous sont presentées, et les esperances, qu'elles permettent de concevoir; desormais nous pouvons être assuré, que bientôt dans ce vaste pays la réligion sera rétablie dans toute sa pureté et cela par le seul effet de la circulation de saintes écritures, traduites dans les différents idiomes, qui se parlent dans cet immense Empire.

«Chez les payens nous sommes encore obligés d'envoyer des missionaires, comme explicateurs de la Bible, mais partout, où le Christianisme existe, fut-il même denaturé, la simple lecture des livres saints peut et doit suffir pour redresser la foi. La circulation de la Bible peut seule rétablir l'Église Grecque et la relever de la decadence actuelle. Les voûtes du temple subsistent, la Bible saura bientôt rallumer le feu des autels.

рукою перевода Госнеровой книги, и хотя по толь явному обнаруженію злочестивыхъ намѣреній своихъ не могъ не отданъ быть подъ судъ, однако жь переведенъ изъ Министерства Просвѣщенія въ Почтовый Департаментъ, со всѣми прежними выгодами и даже съ тайными нѣкоторымъ лицамъ внушеніями, чтобъ на судѣ старались его оправдать. Толь явное покровительство человѣку, участвовавшему въ дѣлѣ, оглашенномъ и признанномъ отъ самаго Правительства злонамѣреннымъ, давало несомнѣнный видъ, что хотя Министерство Просвѣщенія и перемѣнено, однако жь прежнія дѣйствія и духъ его защищаются. Сей видъ разрушалъ всѣ мои мѣры дѣйствовать противъ вольнодумства и введенія къ намъ новой, пагубной философіи. Я долженъ былъ при старости лѣтъ моихъ, или, заглушая въ себѣ совѣсть, уступать сей заразѣ, или почти одному, съ весьма не многимъ числомъ сотоварищей, безполезно бороться съ нею; но на первое попуститься ни какимъ образомъ я не могъ и не хотѣлъ, а второму воспротивиться не имѣлъ, по расположенію обстоятельствъ, ни силъ, ни возможности.

«Il éxiste dans ce pays plus qu'on ne le pense, des Ministres saints, qui quoique moits en apparence aujourd'hui semblables aux temoins de l'apocalypse se tiendront sur leurs pieds et prophétiseront aussitôt, que l'ésprit de verité entrera en eux.

«La circulation des ecritures dans l'Église Latine a produit notre glorieuse réformation et nous a donné le Protestanisme avec le bonheur et les bénédictions dont il est la source. Nous pouvons espérer aujourd'hui, que bientôt nous verrons l'Église Grecque jouir des mêmes avantages; avec cette différence cependant que l'opposition, faite par l'Église Latine contre la circulation des écritures saintes a produit des schismes terribles des malheurs sans nombre, et que cette circulation étant au contraire encouragée, comme le sont dans l'Empire de Russie toutes les Sociétés Bibliques, nous pouvons nous flatter, que la libre diffusion de la verit en eclairant l'Église Grecque sur ses erreurs, ranimera la foi et maintiendra l'union des fidéles. Cette espérance est bien douce et bien consolante pour les amis de l'humanité. Notre réformation dans son origine eut mille obstacles à surmonter et à vaincre, toutes nos églises protestantes prirent naissance au milieu des troubles et des discussions politiques, et leur berceau fut souvent ebranlé par la tempête. Ce grand et nécessaire changement au contraire va s'opérer en Russie sans aucune convulsion; cet heureux pays a l'espérance du bien et n'a ni inquiétude, ni danger à redouter. La reformation pour cet Empire predéstiné sera semblable au beau soleil levant, qui éclaire d'une lumiére égale et les chaumié-

3-е) (Объясненіе). На бумаги мои, читанныя при докладѣ въ 9-й день Ноября.

Видя, что Государь уклоняется изъявить волю Свою даннымъ мнѣ Указомъ, по которому бы могъ я дѣйствовать противу тѣхъ вредныхъ началъ, кои, досель утвержденныя и ободряемыя Верховною Властію, введены были и остаются еще въ той же силѣ своей, принужденъ я былъ выжидать на то случая. Бумага моя (см. стр. 13—16), поданная 28 Іюля въ видѣ проекта Указа о запрещеніи выпускать безъ Синодскаго разсмотрѣнія, такъ называемыя, духовно-нравственныя книги, осталась безъ всякаго вниманія и употребленія. Наконецъ, послѣ всѣхъ выше прописанныхъ донесеній о книгѣ «Бесѣда на гробѣ младенца» (см. стр. 18 и 55) и другихъ моихъ бумагъ, данъ на имя мое испрашиваемый мною Указъ (см. на стр. 55 проектъ рескрипта), въ силу котораго сообщилъ я въ Св. Синодъ обо всѣхъ, доселѣ изданныхъ, противныхъ Вѣрѣ нашей, книгахъ, съ тѣмъ, чтобъ отъ него приняты были мѣры къ уменьшенію разливаемаго ими безвѣрія, ихъ воспрепятствованію какъ по нашему, такъ и по другимъ Вѣроисповѣданіямъ, размножающихся отчасу болѣе расколовъ и ересей. Я думалъ, что, съ перемѣною Министерства, должна возникнуть и перемѣна въ попущеніи вредными сочиненіями заражать незрѣлые умы, и что при толь гласномъ (въ данномъ мнѣ Указѣ) изъявленіи воли Монаршей, какъ Св. Синодъ, такъ и другія Правительственныя Мѣста, сильными и убѣдительными представленіями своими Государю Императору, преклонятъ его къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ и распоряженіямъ, изъ которыхъ бы несомнѣнно явствовало, что продолжавшееся доселѣ по Министерству Просвѣщенія, худое направленіе нравственности обратило на себя вниманіе, и

---

res de Siberie et les palais de Czar, ou le plus sage, comme le plus puissant des souverains de la terre, médite aujourd'hui cette grande et sainte réforme.»

Вотъ до какой степени доведены были дѣла, что люди, отпадшіе отъ всякой Христіанской Вѣры, почитали уже Грекороссійскую Церковь нашу навѣрное разрушающеюся, и сія рѣчь ихъ, толь увѣрительно о семъ возвѣщающая, не была вымыслъ и клевета, но надежное заключеніе, основанное на успѣхѣ дѣйствій ихъ и ересей, между нами распространенныхъ.

что ни наши расколы, ни иностранныя секты, ни миссіонеры ихъ, ни книги, ими издаваемыя, ни превратные о вольности народной толки, ни люди, старающіеся къ возмущенію всообщаго спокойствія, разсѣвать пагубныя свои ученія не ободряются и не покровительствуются болѣе; но, къ крайней печали и сожалѣнію моему, увидѣлъ, что, вмѣсто сильной и необходимо нужной въ томъ себѣ подпоры, вездѣ и повсюду встрѣчалъ я или холодность и равнодушіе, или непреодолимыя преграды и препятствія, чему теперь же покажемъ достаточный образчикъ.

4-е) (Объясненіе). По дѣлу о Госнерѣ и Поповѣ, изъ которыхъ, какъ мы уже видѣли, одинъ былъ высланъ изъ Россіи, а другой отданъ подъ судъ.

Дѣло сіе поступило въ Общее Собраніе Сената, гдѣ два Сенатора, Сумароковъ и Муравьевъ-Апостолъ, подали свои мнѣнія. Первый, входя съ подробностію во всѣ дѣйствія и намѣренія, клонившіяся къ потрясенію Вѣры и Правительства, обвинялъ Попова, какъ облеченнаго довѣренностію Чиновника, * оказавшагося явнымъ въ томъ соучастникомъ; второй старался его оправдать. О мнѣніи перваго многіе говорили съ нѣкоторымъ кощунствомъ, тогда какъ мнѣніе второго превозносили похвалами, и въ Общемъ Собраніи большая половина Сенаторовъ къ нему пристали. Изъ сего можно даже нѣсколько усмотрѣть, до чего простиралось, такъ сказать, новомысліе и духъ угожденія сильнѣйшей партіи; но изъ послѣдующаго мы еще яснѣе то увидимъ. Изъ Сената дѣло сіе поступаетъ въ Государственный Совѣтъ. При семъ случаѣ остаться мнѣ въ молчаніи было бы отъ прежнихъ мнѣній моихъ и донесеній отказаться и признать голосъ Сенатора

---

* Чиновникъ сей находился подъ особымъ покровительствомъ предмѣстника моего и всѣхъ державшихся новаго ученія о Вѣрѣ и новыхъ мыслей. При первыхъ докладахъ моихъ Государь Императоръ говорилъ мнѣ о немъ съ похвалою и, казалось, бралъ въ немъ не малое участіе. Самъ Госнеръ многими при Дворѣ защищаемъ былъ, и обличеніе мое книги его поставлялось мнѣ въ нѣкое злорѣчіе и фанатизмъ. При таковомъ расположеніи умовъ, не удивительно, что всѣ лица, дѣйствовавшія въ прежнемъ Министерствѣ Просвѣщенія, имѣли за себя великую заступу.

Муравьева справедливымъ. За таковой поступокъ совѣсть моя не перестала бы никогда меня укорять. И такъ, по выслушаніи въ Государственномъ Совѣтѣ разногласнаго Сенатскаго рѣшенія, просилъ я Предсѣдателя и Господъ Членовъ отложить заключеніе свое до будущаго засѣданія, въ которое подамъ я мнѣніе мое письменно. Совѣтъ согласился, и бумага моя, вмѣщавшая въ себѣ весь безъ изъятія голосъ Муравьева, съ моими на каждую статью онаго объясненіями, была слѣдующаго содержанія:

«Книга Госнерова и согласныя съ нею проповѣдываніи его найдены Комитетомъ Господъ Министровъ зловредными для Вѣры и Правительства, по чему, съ утвержденія Его Императорскаго Величества, книга сія сожжена, а самъ Госнеръ, сочинитель ея, высланъ за границу. Послѣ сего не можетъ быть вопроса: виноватъ ли тотъ, кто переводилъ сію книгу на Русской языкъ, и тотъ, кто поправлялъ ее; ибо всѣ трое имѣли они одинакое намѣреніе издать ее въ свѣтъ. По здравому разсудку, переводчикъ и поправлятель еще болѣе виноваты, нежели самъ сочинитель, поелику сей былъ иностранецъ и написалъ книгу на Нѣмецкомъ, чуждомъ намъ, языкѣ, а они, будучи Россійскіе подданные, хотѣли то жь самое зло сдѣлать вреднѣйшимъ чрезъ напечатаніе и распространеніе онаго на собственномъ нашемъ языкѣ. Изъ сего слѣдуетъ неоспоримое заключеніе, что въ одномъ и томъ же дѣлѣ меньше виноватаго осуждать, а больше виноватаго оправдывать, не сходно ни съ какимъ понятіемъ о законахъ и правосудіи. Переводчикъ умеръ, а поправитель живъ и отданъ подъ судъ. При подобныхъ обстоятельствахъ судъ не можетъ состоять въ иномъ, какъ токмо въ изслѣдованіи, точно ли подсудимый поправлялъ книгу. Если это достовѣрно, то уже непремѣнно достовѣрно и то, что онъ въ намѣреніяхъ сочинителя и переводчика участвовалъ. Изъ сего непреложнаго заключенія ни коимъ образомъ изъять его не можно, а по тому и оправдывать нѣтъ возможности, кромѣ, развѣ, когда позволено будетъ говорить не сообразное ни съ обстоятельствами сего дѣла, ни съ законами, ниже съ здравымъ разсудкомъ. Тогда ни какія доказательства не нужны; ибо если изъ нихъ ложныя съ истинными равно принимаются, то на что они? Довольно спросить у каждаго о словѣ: да, или нѣтъ. *

* Вступленіе сіе, казалось, долженствовало бы обратить на себя вниманіе и воз-

Излагая мнѣніе мое, по неволѣ долженъ я обратиться къ несогласному съ онымъ голосу Господина Сенатора Муравьева, читанному въ Правительствующемъ Сенатѣ. Я нахожусь въ необходимости сдѣлать сіе, поелику въ немъ опровергается все то, что отъ насъ (т. е., Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и меня) представлено было Комитету Господъ Министровъ. Господинъ Сенаторъ въ оправданіе подсудимому приводитъ слѣдующія разсужденія: см. въ другой тетради (см. ниже, послѣ 2-го письма къ Государю, букву А.), только тамъ опущено слѣдующее примѣчаніе: «Читатель! Вотъ до какого злоупотребленія доведено, не скажу, хитрость, но безумная свобода, говорить противъ всѣхъ законовъ и здраваго разсудка—своевольное, очевидно, нелѣпое умствованіе—и гдѣ же? Въ Общемъ Собраніи Сената! Кто слыхалъ, чтобъ, для извиненія содѣяннаго живымъ человѣкомъ преступленія, позволительно было превращать его въ машину, въ мертваго истукана, читающаго и пишущаго механически! Можетъ ли быть что страннѣе сего предположенія, и совсѣмъ тѣмъ оно многими преемлется и одобряется! Но взглянемъ еще на мнимо-хитрыя увертки: оправдатель, сказавъ о подсудимомъ, что онъ смысла и подлинника нигдѣ не измѣнилъ, по видимому, почувствовалъ самъ, что неизмѣненіе смысла въ переводѣ книги, признанной вредною, не есть оправданіе, и для того, избѣгая отъ одной странности, впадаетъ еще въ худшую, говоря, что какъ онъ поправлялъ механически, то и образъ мыслей его принужденно сходствуетъ съ толкователемъ. Поставлять въ оправданіе Попова сходство смысла, и потомъ сходство сіе называть принужденнымъ (слѣдовательно, не такимъ, которое оправдываетъ), происшедшимъ отъ того, что поправитель былъ не человѣкъ, а машина, есть нѣчто необыкновенное, неслыханное не только отъ Судьи, ниже отъ Стряпчаго, которому бы было поручено защищать подсудимаго; думаю, что и тотъ не осмѣлился бы такими несообразными ни съ чѣмъ представленіями обижать своихъ слушателей; ибо за кого въ такомъ случаѣ онъ принимаетъ ихъ?»

родить хотя нѣкоторое въ совѣсти затрудненіе, не смотря ни на какія доказательства, безмолвно послѣдовать и соглашаться съ несправедливыми и явно пристрастными сужденіями; но мы послѣ увидимъ, что сердце преодолѣвало разумъ, и что, по несчастію, ложь могла торжествовать надъ правдой.

Сопровождавшія дѣло сіе обстоятельства:

Когда въ Государственномъ Совѣтѣ прочтенъ былъ сей, поступившій изъ Правительствующаго Сената, судъ о Поповѣ, тогда просилъ я остановить заключеніе по оному до будущаго засѣданія, въ которомъ намѣренъ я представить мнѣніе мое письменно. Совѣтъ согласился. Я подалъ оное и хотѣлъ самъ прочитать, ибо опасался, чтобъ не прочитали худо и не ясно. Находили въ томъ нѣкоторыя затрудненія, но когда я сказалъ, что въ такомъ случаѣ возьму назадъ мою бумагу, то мнѣ позволено было. Предъ самымъ началомъ чтенія обратился я къ Предсѣдателю и сказалъ ему: «Я возражаю на каждую статью голоса Г. Сенатора Муравьева особенно, и буду при каждой останавливаться. Если кому изъ Господъ Членовъ угодно будетъ при какой либо статьѣ остановить меня и возразить противъ моихъ доказательствъ, я охотно его выслушаю и отвѣчать буду.» Съ симъ условіемъ началъ я читать. При каждой статьѣ останавливался и ожидалъ возраженій, но ни кто ни малѣйшаго не сдѣлалъ мнѣ противорѣчія. Казалось, всѣ согласны были со мною; но когда послѣ чтенія начали отбирать голоса, тогда оказалось, что многіе Члены Совѣта, равно какъ и въ Сенатѣ, были на сторонѣ Сенатора Муравьева. Сіе показываетъ, что противъ правды говорить трудно, и что, зная напередъ силу неправды, хотя и пристаютъ къ ней, но въ тихомолку, стыдясь гласнымъ образомъ защищать ее. Къ голосу Муравьева пристали: Голицынъ, Нессельродъ, Карцовъ, Татищевъ, Болотниковъ, Салтыковъ, Тутолминъ, Сперанскій и (кто бы подумалъ?) Милорадовичъ, Васильчиковъ, Мордвиновъ!

Письмо мое по сему поводу къ Государю Императору.

«Всемилостивѣйшій Государь!

«Въ послѣднихъ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта читана Сенатская бумага, содержащая въ себѣ судъ надъ бывшимъ Директоромъ Департамента Народнаго Просвѣщенія Поповымъ. Въ бумагѣ сей большая половина Сенаторовъ, по голосу Сенатора Муравьева-Апостола, его оправдываютъ, и съ сею половиною согласился и Департаментъ Государственнаго Совѣта съ нѣкоторы-

ми другими, приставшими къ нему, Членами. Увѣренный въ противозаконныхъ и вредныхъ послѣдствіяхъ сего оправданія, нашелся я принужденнымъ, по важности сего дѣла и по долгу моему, подать возразительное противъ того мнѣніе мое, которое при семъ прилагаю (см. выше). Государь! Я не имѣю ни какой личности противъ подсудимаго Попова и совсѣмъ его не знаю; но здѣсь дѣло идетъ не о немъ, не о частномъ человѣкѣ, а о томъ возникшемъ и отъ часу больше возрастающемъ духѣ, который угрожаетъ потрясти спокойствіе и благоденствіе народное, а съ ними, Государь, и Твою собственную безопасность. Гдѣ не щадится Сынъ Божій, тамъ и Царь не пощадится; мы видѣли тому примѣры. Признаки сего буйнаго духа становятся день отъ дня явнѣе. Долговременно употребляемыя къ тому средства, таковыя, какъ разныя по домамъ сборища и чтенія подобныхъ Госнеровой книгъ, въ великомъ количествѣ выпущенныхъ, породили наконецъ и размножили сіи опасные расколы, сіи дышащія ненавистію къ Церкви и Престолу писанія, какія читаемъ въ бумагахъ Есаулова (см. примѣчаніе выше), и бѣгающихъ изъ полковъ солдатъ, составляющихъ увѣщательныя къ сотоварищамъ своимъ посланія, наполненныя фанатическими мечтаніями, но въ которыхъ, однако жь, видна одинакая цѣль, одинакое намѣреніе, ясно показывающее, что это не собственное ихъ заблужденіе, но внушаемое имъ тѣми, кому надобно дѣлать ихъ. Главный обманъ ихъ состоитъ въ проповѣдываніи какой-то иной Вѣры, не той, которая въ Россіи со временъ Владиміра исповѣдуется, но другой, выдуманной злонамѣренными людьми, дабы чрезъ то ослѣпить народъ и, воспламеня въ немъ, подъ именами сей мечтательной Вѣры и вольности, безвѣріе и своевольство, ополчить его противъ Бога, Царей и всякаго порядка. Бѣдственныя отъ сего слѣдствія оказывались во многихъ странахъ Европы, и не иначе потухали, какъ погибелью безчисленныхъ жертвъ. Богъ доселѣ хранилъ Россію, но нынѣ, кажется, рука Его тяготѣетъ на насъ. Съ нѣкотораго времени зараза сія водворилась и между нами. Она становится столь явною и смѣлою, что, кажется, не боится уже обнаруживать себя. Плоды распущенныхъ во множествѣ книгъ, въ которыхъ приводимые изъ Библіи тексты толкуются превратно, вездѣ оказываются въ Есаульскихъ и солдатскихъ посланіяхъ. Чрезвычайное въ краткое время умноженіе самыхъ

опаснѣйшихъ расколовъ есть несомнѣнное отъ сего послѣдствіе. Сему нечестію начинаютъ соотвѣтствовать подобныя же и дѣянія, таковыя, какъ частыя воровства и грабежи, даже не рѣдки смертоубійства, также слухи, распускаемые къ уничиженію Священства, о Попахъ съ козлиными рогами, подающіе сверхъ, того, поводъ народу по ночамъ скопляться. * Вѣроятно, есть и другія подобныя происшествія, о которыхъ Полиція больше меня свѣдуща. Судъ надъ Профессорами, преподававшими въ томъ же духѣ свои ученія, и возникавшія неоднократно такія же мысли въ Университетахъ и Училищахъ, часто свидѣтельствовали тѣ же самые замыслы. ** Во многихъ свѣтскихъ сочиненіяхъ появляются таковые же порывы. Сколь ни трудно для меня имѣть особое и неусыпное за симъ наблюденіе, однако жь я велѣлъ Цензорамъ при малѣйшемъ сомнѣніи относиться ко мнѣ. Многое останавливалъ. Напослѣдокъ, пришедшій разъ Цензоръ принесъ ко мнѣ поступившіе къ нему стихи и спрашивалъ, велю ли я ихъ пропустить? Стихи сіи присланы подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Посланіе къ артельнымъ друзьямъ.» Годъ поставленъ 1817. Имя сочинителя означено Мещевскій. Слово: «артельные друзья,» само собою показываетъ, что посланіе сіе относится не ко всѣмъ вообще читателямъ, но къ какой-то артели, т. е., неизвѣстному, или тайному, обществу. Годъ 1817 есть тотъ самый, съ котораго стали найболѣе печатать и распускать книги, явнымъ образомъ

---

* Извѣстно, что въ это время происходили въ Петербургѣ многія по домамъ покражи и, сверхъ того, учинены нѣкоторыя смертоубійства, изъ коихъ иныя по обстоятельствамъ казались такими, что не корысть побудила на оныя, но, вѣроятно, опасеніе, чтобъ человѣкъ сей не открылъ ввѣренной ему тайны. Также распущенъ былъ слухъ, будто бы какой-то Попъ, для содѣланія нѣкоего неистовства, нарядился въ козью съ рогами кожу, которая тотчасъ къ нему приросла, и что будто бы въ семъ видѣ повезутъ его ночью на казнь. Нелѣпая сказка сія такъ распространилась, что дни три сряду народъ скоплялся во множествѣ смотрѣть на сего чудеснаго преступника и, что всего страннѣе, сказка сія не въ одномъ здѣшнемъ, но и въ другихъ городахъ разглашена была.

** См. «Дѣло о С.-Петербургскомъ Университетѣ въ 1821 году, въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1866 г.», кн. 3, отд. V, стр. 61—161.

возмутительныя противъ Вѣры и Правительства. Въ стихахъ сихъ, между прочимъ, говорится слѣдующее:

«Друзья! Вотъ стонъ души моей,
Скорбящей, одинокой:
Мечта златая ранних дней
Еще отъ насъ далеко!
Еще въ туманѣ скрыта цѣль
Возлюбленныхъ желаній.
Кто жь благотворную артель,
Источникъ всѣхъ мечтаній,
Высокихъ чувствъ и сновъ златыхъ,
Для счастія отчизны,
Кто, въ шумѣ радостей пустыхъ,
Мнѣ замѣнитъ въ сей жизни?
Я съ вами—и въ душѣ горитъ
Добра огонь священный;
Безъ васъ иной все кажетъ видъ,
Столь низкій, столь презрѣнный!
Но часъ пробьетъ! Услышимъ мы
Отечества призванье,—
Тогда появится изъ тьмы
Душъ пламенныхъ желанье:
Сплетенные рука съ рукой
На путь мы ступимъ жизни,
И пылкой полетимъ душой
Ко счастію отчизны.—
И кто возможетъ положить
Преграды намъ въ полетѣ?
Кто для отчизны алчетъ жить,
Тотъ выше бѣдствій въ свѣтѣ.»

Не явно ли, стихи сіи заключаютъ въ себѣ воззваніе къ возмущенію? Ибо что можетъ быть яснѣе сихъ словъ: «друзья артельщики!» (Можетъ быть, нарочно не сказано: товарищи, дабы подъ словомъ: «артельщики» разумѣть вмѣстѣ и солдатъ). «Цѣль желаній нашихъ скрыта еще въ туманѣ.» Какая цѣль? Для чего скрыта? О какомъ «счастіи отчизны» старается какая-то неизвѣстная, тайная, «высокихъ чувствъ артель, источникъ всѣхъ мечтаній и сновъ златыхъ?» — И что еще? Безъ сей артели все прочее «кажетъ низкій, презрѣнный видъ!» А что, между тѣмъ, затѣваетъ артель сія? Взглянемъ только на без-

нравственныя сочиненія, на безстыдныя и наглыя умствованія, разсѣваемыя сими артельщиками, почитающими всѣхъ, кромѣ себя, «низкими и презрѣнными,» и тогда мы увидимъ, что нѣкоторые изъ нихъ по злобѣ, а другіе, путеводимые хитрѣйшими себя, по слѣпотѣ и безумію, стремятся разрушить всякое общество, истребить всякую Вѣру и Правительство. Тѣхъ они ненавидятъ, которые сего не хотятъ. Надежда ихъ на единомышленниковъ своихъ такъ велика, что они не только защищаютъ Госнеровъ и ему подобныхъ, не только въ слухъ о томъ твердятъ, но и посылаютъ въ печать стихи, въ которыхъ смѣло пророчествуютъ: «но часъ пробьетъ! услышимъ мы Отечества призванье: тогда изъ тьмы появится душъ пламенныхъ желанье!» Какое призванье Отечества? Не Отечество, противъ котораго они возстаютъ, призываетъ ихъ, но развратъ, внушенный имъ врагами человѣчества: не вѣдятъ бо, что творятъ, и въ семъ незнаніи исполняютъ волю общихъ и своихъ злодѣевъ, и, повинуясь имъ слѣпо и рабски, съ гордостію хвастаютъ пламеннымъ желаніемъ душъ своихъ и угрозами, что въ то время, когда сіе желаніе ихъ появится изъ тьмы, никто не возможетъ положить имъ преграды въ полетѣ, и что они выше всѣхъ бѣдствій. Вотъ какіе стихи не боятся присылать для напечатанія! Я призвалъ къ себѣ журналиста (Воейкова) и спросилъ у него: какъ смѣлъ онъ такіе стихи принять, съ намѣреніемъ издать въ своемъ журналѣ? Онъ сперва покушался дать имъ благовидный смыслъ, но когда увидѣлъ, что сего не возможно, то, въ извиненіе свое, отвѣчалъ мнѣ, что не смѣетъ присылаемыхъ къ нему стиховъ не принимать, опасаясь, что его вызовутъ за то на поединокъ. Потомъ, когда у него спросилъ, кто такой Мещевскій, подписавшійся подъ сими стихами, гдѣ онъ живетъ и откуда прислалъ ихъ? то онъ мнѣ сказалъ, что этотъ Мещевскій, года три, или четыре, тому назадъ, умеръ и оставилъ у него свои сочиненія. И такъ, по словамъ его, опасался онъ, что и мертвый вызоветъ его на поединокъ! Цензоръ тоже боится, что если не пропуститъ, то его разругаютъ, или прибьютъ. Вотъ до чего простираетея дерзость таковыхъ писаній и требованій! Въ оправданіе сему только и слышалось, что твердятъ: «да это господствующій духъ времени!»

Всемилостивѣйшій Государь! Вездѣ, въ Сенатѣ, въ Совѣтѣ, въ Комитетѣ Гг. Министровъ, въ публикѣ и при самомъ Дворѣ, духъ сей находитъ защиту и покровительство. Я очень вѣрю, что не всѣ дѣйствуютъ по злонамѣренію; но когда отъ всеобщаго покровительства произойдетъ всеобщее зло, то меньше ли зло сіе будетъ пагубно отъ того, что иной способствовалъ ему созрѣвать отъ незнанія, иной изъ угожденія, иной отъ равнодушія, иной по какой либо пріязни, или связямъ? Чего не дѣлаютъ на свѣтѣ страсти и обманы? Вдаваясь имъ, можно, прикрытыхъ личиною, враговъ своихъ почитать друзьями. Ухищренія ихъ въ свое время окажутся, но тогда уже будетъ поздно. Истина обнаружится, но торжество обмана чрезъ то не отвратится. Государь! Не вѣрь мнѣ, если сомнѣваешься въ искренности моихъ словъ, или почитаешь меня излишне предающимся своимъ мечтаніямъ, но не вѣрь и другимъ! Смотри не на слова людей, но на дѣла ихъ.

А. Ш.»

Примѣчаніе.

Къ чему служило мнѣ рвеніе мое остановить усилившуюся заразу? Съ одной стороны Богъ, совѣсть и Отечество, требовали отъ меня, чтобъ я, по долгу званія моего, сопротивлялся, сколько могу, безнравственному и пагубному вольнодумству или, такъ называемому, духу времени; но съ другой часъ отъ часу болѣе усматривалъ я, что не могу имѣть ни средствъ, ни возможности поставить преграду сему, широко развившемуся и безпрепятственно текущему, злу. * Надлежало мнѣ или уступить обстоятельствамъ,

---

* Зло сіе, отъ временъ Православія не извѣстное въ благословенномъ Русскомъ Царствѣ (ибо хотя, такъ называемые, расколы и прежде существовали у насъ, но они были малочисленны и гораздо менѣе зловредны), пришло къ намъ изъ чужихъ земель. Начало онаго было слѣдующее: Въ Царствованіе Великой Екатерины, нѣкто Новиковъ, съ товарищами, Тургеневымъ, Лопухинымъ и нѣкоторыми другими, задумали украдкою сочинять развратныя книги, и проповѣдывать, заимствованныя ими у чужеземныхъ лжеучителей, злочестивыя правила. Для расширенія связей своихъ и пріобрѣтенія нѣкоторыхъ свѣдѣній, послали они въ чужіе края молодаго, тогда еще мало извѣстнаго, писателя, Карамзина. Злонамѣреніе ихъ скоро было открыто и разрушено. Глава и Предводитель ихъ,

или безуспѣшно и со вредомъ себѣ противоборствовать онымъ. Я избралъ послѣднее. Сначала казалось мнѣ, что обстоятельства благопріятствуютъ тому, чтобъ гласъ истины, долгое время не дерзавшій вопіять противъ гласа лжи, напослѣдокъ возгремѣлъ противъ ней и злыя поученія ея изобличилъ и опровергъ; ибо возмущенія, происходившія въ Испаніи, въ Неаполѣ, и пребываніе Государя Императора въ Австріи, перемѣнили во многомъ образъ мыслей Его. Онъ пересталъ помышлять о дарованіи вольности народу, о соединеніи всѣхъ вѣръ, о новой философіи, подъ именемъ высокихъ таинствъ разрушавшей всѣ связи обществъ, и другихъ подобныхъ сему мечтаніяхъ. Случай, подавшій поводъ къ перемѣнѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Духовныхъ Дѣлъ, казалось, открылъ ему злонамѣренность тѣхъ правилъ, которымъ доселѣ послѣдовалъ. Онъ съ такою ревностію. Благосклонное вниманіе Его ко всѣмъ моимъ представленіямъ и кроткое выслушиваніе всѣхъ моихъ вопіяній противъ учрежденій и книгъ, Имъ самимъ вводимыхъ и одобряемыхъ, подавали мнѣ надежду, что, поддерживаемый силою гласа и твердостію воли Его, могу я благоуспѣшно дѣйствовать, исторгая сѣмена лжеученій и препятствуя возрастать имъ. Но вскорѣ увидѣлъ я, что всѣ мои надежды были тщетны. Привязанность, или какъ бы нѣкая страсть, Его къ прежнимъ своимъ дѣяніямъ и образу мыслей, не взирая на силу опытовъ и убѣжденій, не могла въ немъ истребиться,

---

Новиковъ, посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Тургеневу Екатерина повелѣла жить въ деревнѣ безъ выѣзда, подъ присмотромъ Губернатора, къ которому написала: «Наблюдайте за нимъ. Хотя онъ и раскаялся въ своемъ заблужденіи, но возьмите съ него честное Дворянское слово, что онъ впредь ни въ какія связи съ подобными людьми не войдетъ.» Такимъ образомъ первое покушеніе сіе было уничтожено. Павелъ I, по восшествіи своемъ на Престолъ, освободилъ Новикова. Въ Царствованіе Александра I чужеземныя внушенія сіи возникли снова и, подъ благовиднымъ именемъ Наукъ и Просвѣщенія, усилились и распространились. Въ знаменитѣйшую войну 1812 года Россія, низложившая исполинскія силы Наполеона, вознеслась на высокую степень славы, но, между тѣмъ, какъ она, окровавленная и побѣдоносная, пошла великодушно освобождать воевавшую противъ ней Европу отъ ига Французовъ, Англійскіе Методисты заводили въ ней Библейскія Осщества, долженствовавшія нѣкогда, подъ видомъ распространенія Христіянства, поколебать Православную ея Вѣру, и внутренними раздорами сокрушить ея могущество.

такъ что, казалось, Онъ, самъ съ собою борясь, увлекался попеременно то тѣми, то другими мыслями. Очевидность доказательствъ и сильныя мои настоянія принуждали Его соглашаться на предпріемлемыя мною мѣры, но Онъ разрушалъ ихъ тайнымъ образомъ. По дѣлу Пастора Госнера, отдавъ Попова подъ судъ, уговаривалъ Милорадовича, чтобъ онъ старался оправдать его. Но еще лучше можно посудить о семъ изъ слѣдующаго обстоятельства: по вступленіи моемъ въ Министерство Просвѣщенія, представилъ я Ему объ опредѣленіи въ Попечители Московскаго Университета, Сенатора Муравьева-Апостола. «Какъ! сказалъ Онъ мнѣ съ нѣкоторымъ удивленіемъ: ты представляешь въ Попечители Муравьева Ивана Матвѣевича?»—«Да, Государь,» отвѣчалъ я. «Но коротко ли ты его знаешь?» спросилъ Онъ.—«Коротко—не могу сказать, отвѣчалъ я, но сужу о немъ по тому, что онъ, кажется, человѣкъ съ познаніями и говоритъ на многихъ языкахъ.»—«Ну такъ Я скажу тебѣ о немъ: Я коротко его знаю, продолжалъ Онъ: это человѣкъ самой вредной и худой, какой только есть на свѣтѣ.» Тутъ разсказалъ Онъ мнѣ о его дѣлахъ и поступкахъ въ бытность его Посланникомъ въ Испаніи и недоброжелательствѣ къ Нему лично, къ Отечественнымъ пользамъ и, словомъ, описалъ его самыми черными красками.—«Если такъ, сказалъ я, выслушавъ сіе, то простите мнѣ, что я, не знавъ о томъ, осмѣлился его представить; но позвольте мнѣ, Государь, спросить: какимъ же образомъ недавно изволили Вы сдѣлать его Сенаторомъ?»—«Я не хотѣлъ мстить и помнить прежняго, отвѣчалъ Онъ.—«Не угодно ли будетъ Вамъ, продолжалъ я, опредѣлить его Членомъ въ Правленіе Училищъ? Тутъ онъ ни чего худаго сдѣлать не можетъ, а, можетъ быть, подастъ иногда такое мнѣніе, котораго полезность общимъ согласіемъ примется и утвердится мною.» — Государь нѣсколько поморщился, однако жь, напослѣдокъ, какъ бы не хотя, сказалъ: «Хорошо!» Спустя нѣкоторое время послѣ сего когда сей Господинъ Муравьевъ-Апостолъ подалъ въ Сенатѣ голосъ свой, и когда принужденъ я былъ написать противъ того мое возраженіе (см. выше), былъ я съ докладами у Государя. Онъ, по выслушаніи бумагъ моихъ, спросилъ у меня: «Доволенъ ли я всѣми тѣми Членами, которые, по представленію моему, опредѣлены въ Правленіе Училищъ?» На неожиданный вопросъ сей, не успѣвши въ скорости сообразиться, отвѣчалъ я: «Дово-

ленъ.» — «Какъ? продолжалъ Онъ: всѣми безъ изъятія?» — Тутъ вспомнилъ я о Муравьевѣ и сказалъ Ему: «Виноватъ, Государь, не всѣми: есть одинъ, которымъ я, узнавъ его короче, весьма недоволенъ.» —«Кто жь, кто жь такой это?» перервалъ Онъ съ торопливостію.—«Муравьевъ-Апостолъ,» сказалъ я.—«А! подхватилъ Онъ; не говорилъ ли Я тебѣ? Теперь ты повѣришь, что я не солгалъ.»—«Государь! Я даже и малѣйшаго сомнѣнія никогда въ томъ не имѣлъ», отвѣчалъ я. Таковъ былъ разговоръ нашъ тогда, когда Ему письменная моя съ симъ Сенаторомъ распря была уже извѣстна. Кто жь послѣ сего повѣритъ, что Онъ тихимъ образомъ призывалъ къ Себѣ Муравьева и благодарилъ за поданный имъ въ Сенатѣ голосъ! Я бы охотно въ томъ усомнился, но слышалъ это отъ людей достовѣрныхъ, и при томъ какъ изъ предшествовавшихъ, такъ и послѣдовавшихъ, обстоятельствъ видны были явные тому признаки. Одинъ изъ Сенаторовъ сказывалъ мнѣ, что предъ тѣмъ временемъ, какъ дѣло о Госнерѣ и Поповѣ долженствовало быть судимо въ Общемъ Собраніи Сената, Тургеневъ (сынъ выше упомянутаго Тургенева) и нѣкоторые другіе, защитники сего, пріѣзжали нарочно къ нему уговаривать его, чтобъ онъ былъ на сторонѣ тѣхъ, которые будутъ оправдывать Попова, и даже, въ противномъ случаѣ, грозили ему худыми послѣдствіями. Когда дѣло сіе потомъ поступило въ Государственный Совѣтъ, то многіе изъ Членовъ онаго, иные по собственному своему въ томъ участію, а другіе по расчисленію, что выгоднѣе держаться сильнѣйшей стороны, приставали къ ней.

И такъ хотя смѣна Министра Народнаго Просвѣщенія, изгнаніе Госнера, данный на имя мое Рескриптъ, позволеніе вновь напечатать книгу Станевича, закрытіе Библейскихъ Обществъ и проч., съ одной стороны, гласно обвиняли дѣйствія прежняго Министерства Просвѣщенія и Духовныхъ Дѣлъ, однако жь, съ другой, не только защита, но и награды тѣмъ, кои были въ немъ дѣйствующими лицами, столь же гласно показывали одну токмо наружность сихъ мѣръ, безъ всякаго намѣренія и желанія приводить ихъ въ дѣятельное исполненіе. Отселѣ прежняя сторона, видя себя покровительствуемою, не преставала усиливаться и противоборствовать разрушенію положенныхъ ею основаній. Мудрено ли, что, при такомъ расположеніи умовъ, многіе смотрѣ-

ли на меня, какъ на человѣка страннаго, хотящаго ладонью своей руки остановить быстрое теченіе потока.

Продолженіе историческое.

Государь Императоръ, съ супругою Своею, по причинѣ болѣзни ея, отправился въ Таганрогъ; Онъ простился со мною милостиво, обнялъ меня и поцѣловалъ. Могъ ли я тогда подумать, что это было мое послѣднее съ Нимъ свиданіе? Неожидаемая ни кѣмъ о смерти Его вѣсть, приходитъ и повергаетъ всѣхъ въ смятеніе. Собираютъ Государственный Совѣтъ. Графъ Милорадовичъ, Военный Губернаторъ и Членъ Совѣта, объявляетъ новаго Императора, Великаго Князя Константина Павловича (находившагося тогда въ Варшавѣ), и приглашаетъ ити къ присягѣ, сказывая, что Великій Князь Николай Павловичъ, старшій по немъ братъ, уже присягнулъ. Всѣ мы готовы были ити въ церковь, но Князь Лопухинъ и Князь Голицынъ предложили, что надобно напередъ прочитать хранящуюся за печатью бумагу, въ которой изображена воля покойнаго Императора. Я возразилъ противъ сего, предлагая, что бумагу можно открыть послѣ; ибо, если, паче чаянія, въ ней заключается что ни будь такое, которое можетъ общее мнѣніе привесть въ разногласіе, весьма въ подобныхъ обстоятельствахъ опасное, то лучше прочитать ее по совершеніи присяги и тогда рѣшить, нужно ли содержащее въ ней обнародовать, или не нужно. На сіе Князь Голицынъ отвѣчалъ мнѣ, что бумага эта ему извѣстна, писана его рукою, и что она не произведетъ ни какого разногласія. Послѣ сего я замолчалъ. Принесли запечатанный ящикъ, бумагу вынули, распечатали и прочитали. Она, къ общему всѣхъ удивленію, содержала въ себѣ отреченіе Великаго Князя Константина Павловича отъ Престола, съ уступленіемъ права своего младшему брату его, Николаю Павловичу. По прочтеніи сего, общее мнѣніе раздѣлилось: одни хотѣли присягать одному, другіе—другому. Графъ Милорадовичъ представлялъ, что Великій Князь Николай Павловичъ самъ присягнулъ уже брату своему, и что должно ему въ томъ послѣдовать; однако жь нѣкоторые тому противорѣчили. Видя несогласіе, Милорадовичъ сказалъ, что онъ пойдетъ доложить о семъ Великому Князю, который, конечно, не умедлитъ самъ сюда прійти. Тогда всѣ согласились лучше для

объясненія пойти къ нему, нежели его призывать въ Совѣтъ. Тотчасъ всѣ мы отправились въ его покои. Онъ вышелъ къ намъ, и всѣхъ, со слезами въ очахъ, убѣдительнѣйшимъ образомъ уговаривалъ, чтобы мы шли присягнуть Константину Павловичу. Мы всѣ молчали. Одинъ Князь Голицынъ, держа въ рукахъ выше упомянутую бумагу, неотступно просилъ его прочитать оную. Великій Князь не хотѣлъ читать, говоря, что онъ о содержаніи ея извѣстенъ; но Голицынъ приступалъ къ нему неотвязно, такъ что онъ напослѣдокъ взялъ ее, прочиталъ поспѣшно въ слухъ и, поцѣловавъ Голицына съ жаромъ въ голову, сказалъ: «Знаю, Александръ Николаевичъ, знаю все; но прошу всѣхъ васъ со слезами, успокойте меня и Матушку, подите къ Ней и скажите, что вы присягаете Константину Павловичу!» При сихъ словахъ онъ почти каждаго изъ насъ бралъ за руку и упрашивалъ сдѣлать сіе непремѣнно. Мы пошли къ Императрицѣ. Она въ глубокой печали сидѣла въ черномъ одѣяніи. Всѣ мы со слезами подошли къ Ней. Она прерывнымъ голосомъ сказала намъ, что, хотя, по волѣ покойнаго Императора и Ея собственной, сдѣлано завѣщаніе, въ которомъ Константинъ Павловичъ отрицается отъ принятія Престола, однако жь по праву должно Ему вступить на оный. По изреченіи сего отпустила насъ, и мы присягнули новому Императору. Ожидали скораго прибытія его изъ Варшавы, но оно, безъ всякаго объясненія о причинахъ, продлилось нѣсколько недѣль, такъ что наконецъ стали носиться о семъ разные толки и слухи. Великій Князь Михаилъ Павловичъ поѣхалъ самъ къ нему, и нѣсколько времени былъ отсутственъ. Всѣ почитали его въ Варшавѣ, но начали приходить извѣстія, что онъ остановился и живетъ на дорогѣ. Между тѣмъ въ Вѣдомостяхъ возвѣщено было, что Императоръ скоро будетъ. Обстоятельства сіи приводили всѣхъ въ нѣкоторую неизвѣстность и недоумѣніе. Напослѣдокъ, Декабря въ 13 день, сзываютъ Государственный Совѣтъ, назначая время въ 6 часовъ по полудни. Мы собираемся, не вѣдая тому причины, выключая, можетъ быть, одного Князя Голицына, который, по особой довѣренности, присутствовалъ въ комнатныхъ у Императрицы совѣщаніяхъ, при коихъ, какъ сказываютъ, находились также Карамзинъ (историографъ), Шторхъ (академикъ), Жуковскій (стихотворецъ) и нѣкоторые другіе. Когда мы собрались, то возвѣстили намъ, что оба

Великіе Князья, Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ, будутъ въ Совѣтѣ (послѣдній не возвратился еще изъ своего путешествія, но сказано было, что онъ уже близко и сего же вечера пріѣдетъ). Всѣ мы сидимъ въ глубокомъ молчаніи часъ, два, три и болѣе. Наступаетъ полночь; позвали насъ ужинать. Отужинавъ, садимся мы опять по своимъ мѣстамъ. Тутъ вскорѣ приходитъ Великій Князь Николай Павловичъ, садится между нами, и начинаетъ самъ читать письма Константина Павловича къ нему и къ матери своей, Императрицѣ, въ которыхъ онъ отрицается навсегда отъ принятія Престола и говоритъ, что онъ уже присягнулъ брату своему, Николаю Павловичу. Въ слѣдствіе сего новый Императоръ, Николай I, подозвалъ къ Себѣ Министра Юстиціи, Князя Лобанова-Ростовскаго, и сказалъ намъ, между прочимъ: «Сегодня Я васъ прошу, а завтра буду приказывать»; поручилъ ему бумаги сіи тотчасъ напечатать и обнародовать и поутру привесть всѣхъ къ присягѣ. По окончаніи сего откланялся намъ, ушелъ—и мы всѣ разъѣхались.

На другой день, чувствуя себя не очень здоровымъ, поѣхалъ я, однако жь, во дворецъ, присягнулъ, возвратился домой и хотѣлъ опять ѣхать туда же, но голова у меня такъ разболѣлась, что я принужденъ былъ лечь въ постель. Едва успѣлъ я раздѣться, какъ вдругъ прибѣжали мнѣ сказать, что войска, собравшись на Исакіевской площади, бунтуютъ, не хотятъ присягать, и что нѣкоторые изъ Генераловъ, хотѣвшихъ ихъ унять, изрублены. Встревоженный сею вѣстію, я рѣшился было, не смотря на головную боль мою, чрезъ силу ѣхать во дворецъ, но мнѣ сказали, что, по причинѣ великаго стеченія людей, проѣхать будетъ трудно. Чрезъ полчаса потомъ услышалъ я, что Графъ Милорадовичъ проскакалъ верхомъ мимо нашего дома, шатающійся, блѣдный и безъ шляпы. Я послалъ провѣдать о немъ и, къ крайнему сожалѣнію моему, услышалъ, что онъ раненъ. Одинъ изъ бунтующихъ Офицеровъ, нѣкто Каховскій, выстрѣлилъ въ него, когда онъ подъѣхалъ уговаривать солдатъ, чтобъ они оставили дерзновенное свое намѣреніе, и рана была такъ смертельна, что онъ на третій день умеръ. Такимъ образомъ храбрый военачальникъ сей, мимо котораго, въ разныя многократныя сраженія, столько непріятельскихъ пуль и ядеръ пролетѣло, погибъ, посреди столицы, отъ рукъ своего соотечественника.

Между тѣмъ другія, не участвовавшія въ возмущеніи, войска, конныя и пѣшія, собрались, привезли пушки и, послѣ нѣсколькихъ безполезныхъ покушеній привести возмутившихся въ послушаніе, по отверженіи ими увѣщаній Митрополита, подходившаго къ нимъ съ крестомъ въ рукахъ и въ полномъ облаченіи, Государь, видя непокорность ихъ, приказалъ палить въ нихъ картечью. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, при наступившихъ уже сумеркахъ, всѣ они, бросивъ ружья, побѣжали и разсѣялись. Пальба прекратилась, но страхъ и безпокойство еще господствовали. Часть изъ войска преслѣдовали бѣгущихъ, другая же главная часть расположилась на площади, противъ дворца, и ночевала тутъ съ раскладенными огнями. Съ наставшимъ утромъ открылось ужасное зрѣлище: Исакіевская площадь обагрена была кровію, множество тѣлъ лежало на ней; оторванныя руки и ноги валялись по мостовой. Скопившаяся толпа народа пострадала вмѣстѣ съ бунтовщиками. День сей, сколь ни былъ злополученъ и для многихъ бѣдственъ, однако жъ, онъ послужилъ къ нѣкоторому добру; ибо чрезъ него открылся между многими военнослужащими и гражданскими чиновниками заговоръ, состоявшій въ умыслѣ на жизнь покойнаго Императора, на весь Царскій Домъ и на перемѣну Правительства: плоды тѣхъ зловредныхъ дѣйствій и книгъ, противъ которыхъ я, въ выше означенныхъ письмахъ моихъ, безполезно вооружался.

Впрочемъ, въ сіи смутные сутки, къ чести Русскаго народа, можно замѣтить то, что нигдѣ, ниже въ самыхъ отдаленнѣйшихъ частяхъ города, не произошло ни какихъ буйствъ и грабежей.

По водвореніи устройства и тишины, Императоръ приступилъ къ исправленію дѣлъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и при покойномъ Государѣ. Мнѣ, для докладовъ по моему Министерству, назначенъ былъ тоже одинъ день въ недѣлю. Когда я первый разъ пришелъ съ бумагами, Его Величество, хотя и никогда не имѣлъ я прежде случая бывать у Него, или съ Нимъ бесѣдовать, принялъ меня весьма милостиво. Ободренный симъ, сказалъ я Ему: «Государь! Позвольте мнѣ напередъ доложить Вамъ о себѣ самомъ: ни я, ни служба моя, ни образъ мыслей моихъ, ни сношенія мои съ покойнымъ Императоромъ по дѣламъ весьма

немаловажнымъ, Вамъ не извѣстны, а по тому и почитаю я за должное, Вашему Величеству, при вступленіи Вашемъ на Престолъ, обо всемъ ономъ донести, дабы имѣли Вы полное о томъ свѣдѣніе.» Онъ позволилъ, — и тогда я, разсказавъ Ему, какимъ образомъ и въ какія времена взятъ я былъ, сперва въ Государственные Секретари, а потомъ въ Министры Просвѣщенія, спросилъ у Него: «Извѣстна ли Ему причина, по какой, въ 1812 году, покойный Государь, оставя въ окрестностяхъ Дриссы предводительство Свое надъ войсками, отправился въ Москву? И когда Онъ отвѣчалъ мнѣ, что не знаетъ, тогда подалъ я Ему небольшое описаніе о семъ, * которое Онъ въ то же время прочиталъ и согласился со мною, что безъ сего событія могли бы произойти совсѣмъ иныя слѣдствія. На многіе еще вопросы мои о приключеніяхъ, происходившихъ отъ опасныхъ и вредныхъ толкованій о Вѣрѣ и Правительствѣ, отзывался Онъ, что не имѣлъ ни какихъ о томъ свѣдѣній. Тогда отдалъ я Ему всѣ мои замѣчанія и письма, писанныя мною къ покойному Государю Императору и къ Графу Аракчееву, сказавъ при томъ, что я счелъ за долгъ со всею подробностію увѣдомить Его о томъ, что до восшествія Его на Престолъ по симъ дѣламъ происходило. Онъ обѣщалъ это прочитать и, казалось, былъ доволенъ моею съ Нимъ откровенностію, приказалъ мнѣ написать новый Цензурный Уставъ, и отпустилъ меня еще милостивѣе, нежели принялъ.

Письма мои къ Государю Императору Николаю Павловичу.

Первое.

(Января 15 дня, 1826 года.)

«Всемилостивѣйшій Государь!

Скоро представлено будетъ Вашему Величеству дѣло о бывшемъ Директорѣ Департамента Народнаго Просвѣщенія, Поповѣ. Дѣло сіе, само по себѣ маловажное, весьма важно по раз-

---

* Оно находится въ домашнихъ моихъ запискахъ. См. книжка 6.

дѣлению о немъ голосовъ и по гласности онаго, обращающей на него отъ всѣхъ великое вниманіе; а по тому и почитаю я долгомъ предварить Васъ, Государь, сообщеніемъ полнаго о немъ свѣдѣнія.

Вызванный сюда (равно какъ и многіе другіе, подобные ему) иностранецъ Госнеръ долгое время, получая хорошее жалованье, проповѣдывалъ здѣсь, въ особо нанятомъ для него домѣ, тѣ самыя ученія, которыя нынѣшніе Якобинцы и сектаторы вездѣ распространить стараются и въ которыхъ, подъ видомъ толкованія Священныхъ Писаній, преподаются наставленія, противныя всякой Христіанской Вѣрѣ и всякому благоустроенному Правительству. Къ нему собиралось множество слушателей. Напослѣдокъ сочиненную имъ въ семъ духѣ книгу, для большаго еще распространенія сихъ заразительныхъ ученій, перевели на Русскій языкъ и уже почти всю напечатали, но не знаю, какимъ образомъ доведено о семъ было до свѣдѣнія блаженной памяти Государя Императора.

Книгу сію, присланную отъ него въ Комитетъ Господъ Министровъ, приказано было Министру Внутреннихъ Дѣлъ и мнѣ разсмотрѣть. Мы сдѣлали изъ ней выписки, съ объясненіемъ содержащагося въ нихъ смысла и представили въ Комитетъ. Члены Комитета всѣ безъ изъятія утвердили наше мнѣніе; въ слѣдствіе сего покойный Императоръ повелѣлъ сочинителя ея, Госнера, выслать за границу, книгу его сжечь, и тѣхъ, которые хотѣли выдать ее на Русскомъ языкѣ, отдать подъ судъ. Но какъ переводчикъ ея, Брискорнъ, умеръ, то и преданъ суду выше упомянутый Директоръ Поповъ, изобличенный въ поправленіи ея собственною своею рукою (Поповъ передъ тѣмъ ѣздилъ въ Англію, подъ предлогомъ болѣзни, но всѣ знаютъ, что для сношенія съ тамошними Методистами). На вопросъ, сдѣланный Попову, съ какимъ намѣреніемъ поправлялъ столь вредную книгу, отвѣчалъ онъ, что почиталъ Госнера человѣкомъ благочестивымъ и книгу его таковою же. Когда дѣло сіе поступило въ Общее Собраніе Сената, тогда Сенаторъ Муравьевъ-Апостолъ подалъ письменный голосъ, въ которомъ, оправдывая Попова, говоритъ, однако жъ, что онъ прежняго мѣста своего заступить неспособенъ. Къ сему

голосу многіе Сенаторы пристали. Изъ Сената дѣло сіе поступило въ Государственный Совѣтъ. Обязанный, какъ по участію моему въ разсматриваніи Госнеровой книги, такъ и по долгу справедливости, принужденъ я былъ написать мнѣніе мое противъ голоса Муравьева, тѣмъ паче, что въ немъ, съ нарушеніемъ истины и всѣхъ законовъ, дѣлалось соблазнительное потворство явному злонамѣренію издать ядовитую книгу. Опровергнувъ всякой пунктъ голоса Муравьева, я прочиталъ въ Совѣтѣ доказательства мои, останавливаясь при каждомъ изъ оныхъ и прося Господъ Членовъ, не угодно ли кому сдѣлать мнѣ возраженіе, которое я охотно выслушаю и буду на него отвѣчать. Ни кто не сказалъ мнѣ ни чего вопреки, а по тому и думалъ я, что всѣ согласны со мною; но когда, по прочтеніи, начали отбирать голоса, то многіе оказались на сторонѣ Муравьева. Такимъ образомъ и по Совѣту мнѣнія раздѣлились, половина на половину. Въ семъ видѣ дойдетъ дѣло сіе до Вашего Величества, и какъ отъ рѣшенія онаго произойти могутъ послѣдствія, ободрительныя для той или другой стороны, то и укорилъ бы я себя неусердіемъ къ Престолу и Отечеству, если бы не довелъ до свѣдѣнія Вашего всѣхъ обстоятельствъ, сопровождающихъ дѣло сіе и которыя состоятъ въ слѣдующемъ:

Госнеръ проповѣдываніями своими и книгою, а еще больше оказываемымъ ему покровительствомъ, привлекъ на свою сторону многихъ, защищающихъ его и по нынѣ, подъ видомъ будто бы, по Лютеранскому Вѣроисповѣданію своему, онъ могъ тому учить, чему училъ. Но такая заступа за него происходитъ или отъ людей, вдавшихся въ его ученія, или отъ не проникшихъ цѣли его, или по одной наслышкѣ о немъ отъ его послѣдователей, или изъ угожденія, видя его въ сильномъ покровительствѣ. Наставленія его, напротивъ, не взирая на всю хитрость прикрыванія ихъ текстами Священнаго Писанія, противны всякой Вѣрѣ, всякой нравственности и всякому Правительству. Изъ многихъ мѣстъ книги его, согласно съ подобными же другими книгами, около того же времени во множествѣ выпущенными, очевидно это явствуетъ. Госнеръ, сверхъ сего, по изгнаніи его, прислалъ тайнымъ образомъ сюда нѣсколько экземпляровъ пѣсни съ нотами, въ которой вообще всякую Христіанскую Церковь и всѣхъ вѣрующихъ въ

нее именуетъ служителями антихриста, а послѣдователей своихъ называетъ малымъ, осиротѣвшимъ безъ него, стадомъ, увѣщеваетъ ихъ не унывать, быть вѣрными ему, обѣщаетъ скоро возвратиться къ нимъ, и увѣряетъ ихъ, что уже тогда ни какая дьявольская сила не посмѣетъ его выгнать. Пѣсни сей болѣе сорока экземпляровъ перехвачены были Оберъ-Полиціймейстеромъ и представлены покойному Государю. По изгнаніи Госнера, сектаторы его остались здѣсь и производили тайныя по домамъ сходбища, которыя открыты, и въ послѣдствіи сего наряжена была Коммисія, состоявшая изъ Графа Милорадовича, меня, Барона Ребиндера и Епископа Сигнеуса. При всѣхъ кроткихъ увѣщаніяхъ, человѣкъ до семидесяти остались упорными въ намѣреніяхъ своихъ, не хотѣли даже обѣщать, чтобъ не дѣлать болѣе тайныхъ сборищъ, такъ что, по причинѣ сего, ни чѣмъ непреодолимаго, упорства, принуждены мы были осудить ихъ къ разосланію и заточенію по разнымъ крѣпостямъ. Снося сіе происшествіе съ тетрадями Есаула, съ посланіями бѣжавшихъ солдатъ, съ распущенными злочестивыми книгами, съ умножившимися расколами и со всѣми другими обстоятельствами, не ясно ли открывается, что Госнеръ зналъ объ успѣхахъ у насъ безвѣрія и долженствующихъ вскорѣ послѣдовать изъ того возмущеніяхъ? Могъ ли онъ безъ полнаго свѣдѣнія о силѣ расплодившихся здѣсь всякаго рода сектъ (ибо всѣ онѣ къ одной цѣли, т. е., къ низверженію Вѣры и Престоловъ стремятся), могъ ли увѣрять о скоромъ своемъ возвращеніи сюда, по тому что Правительство, которое честитъ онъ дьявольскою силою, не въ состояніи будетъ его выгнать? Вотъ что Госнеръ! Вотъ какимъ намѣреніямъ и поученіямъ его оказываемо было покровительство и ободреніе! Самъ Директоръ Народнаго Просвѣщенія и Духовныхъ Дѣлъ поправлялъ своею рукою сочиненія его и хотѣлъ, чтобъ оныя изданы были на Русскомъ языкѣ; чего же добраго отъ таковыхъ стараній самаго Правительства можно было ожидать? Два бывшія возмущенія и открытіе столькихъ, больше или меньше участвовавшихъ въ томъ, молодыхъ людей и писателей, не явно ли показываютъ, до какой степени, распространеніемъ подобныхъ сочиненій, потрясена была Вѣра! Ибо всѣ сіи лжеумствованія о, такъ называемой, внутренней Церкви (т. е., ни какой), о народной свободѣ и равенствѣ состояній, о конституціяхъ, объ истребленіи Царей, о пролитіи рѣками

крови человѣческой, яко бы для будущаго ихъ блага, — всѣ сіи адскія мысли суть плоды самолюбія и гордости, порождаемые безвѣріемъ и отступленіемъ отъ Бога. Когда и нынѣ, послѣ всѣхъ обнаруженныхъ злонамѣреній, содержащихся въ издаваемыхъ съ давняго времени отъ самаго Правительства книгахъ, ополчавшихся противъ Вѣры и Верховной Власти, и даже послѣ пагубныхъ изъ того послѣдствій, оказавшихся въ наглыхъ и буйственныхъ возмущеніяхъ, когда говорю, и нынѣ таковые Госнеры и соучастники его Поповы находятъ защитниковъ и оправдателей, то видно, что любимое ихъ слово: «духъ времени» крѣпко распространился. Я весьма далекъ отъ того, чтобъ всѣхъ подозрѣвать въ какомъ либо злонамѣренномъ участіи, но, между тѣмъ, нельзя не полагать причиною сему или недостаточное ихъ о семъ свѣдѣніе, или наклонность къ угожденію сторонѣ, по мнѣнію ихъ, многочисленной и могущественной. Немного таковыхъ, которые бы, не увлекаясь разсчетами честолюбивыхъ видовъ, хотѣли лучше терпѣть за истину, нежели безъ нея блаженствовать.

Равнымъ образомъ я весьма далекъ и отъ того, чтобъ желать Попову, или кому бы то ни было, причинить какой либо вредъ, но еще несравненно далѣе отъ того, чтобъ для какого ни будь лица, ниже для самаго себя, пожертвовать пользами Церкви, Престола и Отечества.

Всемилостивѣйшій Государь! Долгъ вѣрноподданнаго не позволилъ мнѣ умолчать о семъ, предстоящемъ рѣшенію Вашего Величества, дѣлѣ. Оно важно по тому, что оправданіе Попова умножитъ силу и такъ уже весьма усилившейся стороны, отнимаетъ смѣлость и уменьшитъ число тѣхъ, которые по чистой совѣсти стоятъ за правду, и подаетъ поводъ къ подаванію и впредь такихъ отступающихъ отъ всякихъ законовъ и здраваго разсудка голосовъ, каковъ есть голосъ Сенатора Муравьева-Апостола. Ища собственныхъ моихъ выгодъ, я умѣлъ бы промолчать о семъ, или не прекословить многимъ другимъ, дабы не вооружить ихъ противъ себя; но, Государь, мнѣ уже поздно въ старости помышлять о томъ, о чемъ я и въ молодости никогда не помышлялъ. При томъ же, когда блаженной памяти Императору дерзалъ я говорить правду, хотя и зналъ, что ему трудно было рѣшиться гласно

и громко пойти противъ того, что самъ онъ прежде вводилъ и одобрялъ, то не обязанъ ли я буду, по долгу и усердію, Тебѣ, Государь, не участвовавшему въ сихъ попущеніяхъ, чистому дѣлами и душею, говорить то же? Богъ да направитъ всѣ Твои дѣянія къ собственному Твоему и Царства Твоего благоденствію!

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный

А. Ш.»

NB. Письмо сіе не имѣло успѣха: Поповъ былъ оправданъ и награжденъ, а Муравьевъ-Апостолъ, по желанію его, отпущенъ милостиво въ чужіе края.

Судъ послѣ бывшаго возмущенія.

Четырнадцатый день Декабря (1825 г.) открылъ между многими воинскими и гражданскими Чиновниками преступный противъ Правительства заговоръ, по которому многіе разнаго званія люди, иные здѣсь были взяты, другіе изъ разныхъ мѣстъ привезены и заключены въ крѣпость. По сему случаю наряжена была особая Коммисія для личныхъ допросовъ и точныхъ изслѣдованій всѣхъ дѣлъ сего обстоятельства. По окончаніи сего изслѣдованія, продолжавшагося около четырехъ мѣсяцевъ, составленъ былъ изъ четырехъ сословій, т. е., изъ Комитета Министровъ, Государственнаго Совѣта, Правительствующихъ Сената и Синода, такожде и другихъ нѣкоторыхъ воинскихъ чиновъ, Верховный Судъ, который, по разсмотрѣніи дѣйствій и намѣреній каждаго преступника, долженствовалъ, по большинству голосовъ, опредѣлить ему мѣру наказанія. Изъ числа оныхъ 5 человѣкъ осуждены были на смертную казнь, прочіе же всѣ приговорены къ лишенію чиновъ, дворянства и отосланію въ Сибирь на срочныя времена, въ каторжную работу, или на поселеніе. Я не присутствовалъ при началѣ отбиранія сихъ голосовъ, по тому что сдѣлался боленъ и не прежде, какъ чрезъ два дни, могъ явиться опять въ собраніе. Тутъ по усмотрѣніи, что исчисленіе большинства голосовъ произ-

водилось не такимъ образомъ, какимъ, по моему мнѣнію, было бы оно гораздо справедливѣе, и какъ по симъ двумъ счетамъ выходила не малая разность во времени, на какое осуждались виновные, то и подалъ я противъ сего, сдѣланнаго безъ меня, счета мое возраженіе, заключавшееся въ ниже слѣдующихъ словахъ.

Исчисленіе большинства голосовъ сдѣлано было слѣдующимъ образомъ:

Полагая, на примѣръ, что изъ 70 человѣкъ присутствующихъ членовъ 4 члена осуждаютъ на смерть,
24 » » на политическую смерть, т. е., на вѣчное заточеніе,
10 » » на временное 20-тилѣтнее заточеніе,
15 » » на 12-тилѣтнеее заточеніе,
11 » » на 10-тилѣтнее заточеніе,
6 » » на 8-милѣтнее заточеніе.

По симъ голосамъ сочтено за большинство оныхъ число 24, яко превосходнѣйшее противу всѣхъ прочихъ, взятыхъ порознь, и по тому рѣшено, что подсудимый приговоренъ къ вѣчному заточенію.

Но сей счетъ не вѣренъ и ошибоченъ. Надлежитъ расчислять слѣдующимъ образомъ:

4 члена осуждаютъ на отнятіе жизни,
66 член. присуждаютъ сохранить жизнь.

Слѣдовательно, большинство голосовъ состоитъ изъ шестидесяти шести противъ четырехъ. И такъ первый вопросъ рѣшенъ: 4 голоса отвергаются, остаются 66, по коимъ подсудимый приговоренъ къ сохраненію жизни.

Изъ сихъ шестидесяти шести голосовъ остающихся судьями
24 осуждаютъ на вѣчное заточеніе,
42 на временное.

Слѣдовательно, большинство голосовъ состоитъ изъ 42 противъ 24. И такъ второй вопросъ рѣшенъ: 24 голоса отвергаются,

остается 42, по коимъ подсудимый приговаривается къ заточенію временному.

Изъ сихъ сорока двухъ голосовъ:

10	осуждаютъ	на 20-лѣтнее заточеніе,
15	»	на 12-лѣтнее,
11	»	на 10-лѣтнее,
6	»	на 8-лѣтнее.

Здѣсь изъ сихъ членовъ, оставшихся по отверженіи прочихъ, единственными судьями, всѣ они въ главномъ приговорѣ (т. е., въ осужденіи на временное заточеніе) согласны, но разнятся только въ опредѣленіи числа лѣтъ. И такъ ежели и здѣсь изъ сихъ четырехъ раздѣленій взять за большинство голосовъ число 15, яко превосходнѣйшее, то и въ этомъ не будетъ точной справедливости; ибо, хотя оно превышаетъ всѣ другія числа, но также превышаетъ только каждаго изъ нихъ порознь, а не всѣхъ вмѣстѣ. Между тѣмъ всѣ они совокупно составляютъ число 27 и всѣ вообще говорятъ не то, что утверждаютъ 15 членовъ, а по тому большинство голосовъ долженствовало бы быть на ихъ сторонѣ; но какъ и они, т. е., всѣ три раздѣленія, не согласны между собою и каждое изъ нихъ опредѣляетъ разное число лѣтъ, то и оные не могутъ составлять большинства голосовъ. Въ такомъ случаѣ, для соблюденія точнаго вывода, надлежитъ взять въ разсужденіе голосъ каждаго члена.

Сей выводъ достовѣрнѣйшимъ образомъ извлечется слѣдующимъ расчисленіемъ:

Каждый	изъ	10	членовъ	осуждаетъ	на	20	лѣтъ,	выходитъ 200.
»	»	15	»	»	»	12	»	» 180.
»	»	11	»	»	»	10	»	» 110.
»	»	6	»	»		8	»	» 48.

Такимъ образомъ, слагая сіи числа, будутъ 42 и 538, изъ коихъ, раздѣляя второе на первое,

$$\frac{538}{42} = 12\frac{17}{21},$$

выйдетъ, что, по среднему числу, каждый изъ 42 членовъ приговариваетъ подсудимаго къ заточенію на $12\frac{17}{21}$, т. е., почти на 13 лѣтъ, а не на вѣчное, какъ выходило по прежнему расчисленію. Столь не малая разность въ приговорахъ, опредѣляющихъ участь человѣческую, не можетъ быть оставлена безъ обращенія на то правосуднаго вниманія.

Примѣчаніе. Справедливость и надобность изложеннаго здѣсь послѣдняго расчисленія еще яснѣе усмотрѣть можно изъ слѣдующаго соображенія: здѣсь число членовъ пришлось въ каждомъ раздѣленіи не равное, и по тому превосходнѣйшее изъ сихъ чиселъ, то есть, 15, могло, хотя и неправильно, быть принято за большинство голосовъ. Но ежели бы въ четырехъ раздѣленіяхъ число членовъ случилось равное, на примѣръ:

10	членовъ	осуждали	бы	на 20	лѣтъ
10	»	»	»	» 12	»
10	»	»	»	» 10	»
10	»	»	»	» 8	»

то какое бы изъ нихъ принять за большинство голосовъ? Ни какое; по тому что ни одно изъ нихъ не превышаетъ другого: и тогда, чтобъ узнать, къ чему приговаривается подсудимый, непремѣнно надлежало бы прибѣгнуть къ выше показанному способу, то есть, вывесть, уравнивающее голоса ихъ, среднее число, а именно:

$$\left.\begin{array}{l} 10 \times 20 = 200 \\ 10 \times 12 = 120 \\ 10 \times 10 = 100 \\ 10 \times 8 = 80 \end{array}\right\} \frac{500}{40} = 12\frac{1}{2} \text{ лѣтъ.}$$

Подано Іюля 5-го дня, 1828 года.

А. Ш.

Записка сія прочтена была въ Общемъ Собраніи Верховнаго Суда и хотя многіе изъ членовъ признавали ее справедливою, но

предсѣдательствующій въ семъ Собраніи, Князь Куракинъ, объявилъ, что какъ дѣло уже кончено, то не можетъ онъ допустить къ возобновленію онаго по новому расчисленію. Не удовольствовавшись, однако жъ, симъ, я, при письмѣ моемъ, препроводилъ сію Записку къ Государю Императору, но на оную не воспослѣдовало ни какого отвѣта.

Второе письмо къ Государю Императору.

(Декабря отъ 12 дня, 1826 года.) *

«Всемилостивѣйшій Государь!

Всѣмъ извѣстно, и ни какому сомнѣнію не подвержено, что, возникшая въ концѣ прошедшаго вѣка, Французская революція приготовлена была и произошла отъ слабаго смотрѣнія Прави-

---

* Письмо сіе написано по поводу оклеветаній Цензурнаго Устава и внушеній Государю Императору, яко бы Уставъ сей содержалъ въ себѣ многія неприличныя нынѣшнимъ временамъ строгости, стѣсняющія свободу писателей, и препятствующія распространенію и успѣхамъ просвѣщенія. Между тѣмъ какъ вольнодумство и самолюбіе старались сими толками благонамѣренность Устава представить въ превратномъ видѣ, учрежденъ былъ изъ довѣренныхъ лицъ особый Комитетъ, которому поручено было составить Цензурный Уставъ для иностранныхъ книгъ; но Комитетъ сей, оставя порученное ему дѣло, — принялся разсматривать и опорочивать изданный уже для Россійскихъ книгъ Цензурный Уставъ. Опороченіе сіе сочиняли два человѣка, изъ коихъ одинъ написалъ и напечаталъ нѣкогда рѣчь, наполненную такими противными Правительству и всякому благоустройству умствованіями, за которыя надлежало бы его подвергнуть отвѣтственности; а другой также нѣкогда написалъ на одно изъ сочиненій моихъ критику, которой нелѣпость обнаружена была мною (См. въ сочиненіяхъ моихъ часть IV, стр. 91, присовокупленіе къ тремъ статьямъ подъ заглавіемъ: Разсужденіе о краснорѣчіи Священнаго Писанія). Сей послѣдній, съ помощію перваго, сочинилъ отъ лица Комитета критику на поднесенный мною и утвержденный Государемъ Императоромъ Цензурный Уставъ. Критика сія весьма скудоумная, сочиненная по видимому сколько по вольнодумству, столько же по недостаточному о вещахъ свѣдѣнію, а, можетъ быть, и по злобѣ на меня опровержена возраженіями Предсѣдателя Цензурнаго Комитета, Генералъ-Маіора,

тельства за свободою книгопечатанія. Самые ученѣйшіе, но неблагочестивые люди, какъ-то: Вольтеры, Даламберты, Дидероты и множество другихъ, были главною и первоначальною тому виною. Острый умъ ихъ и краснорѣчивое перо, повинуясь внушеніямъ гордости и самолюбія, посѣяли тѣ сѣмена, которыя, созрѣвъ и расплодя новомысліе и безнравственность, поколебали Вѣру и Престолъ. По претерпѣніи ужаснѣйшихъ бѣдствій, изнемогшая Франція познала заблужденіе свое и возвратилась опять къ прежнему своему Вѣроисповѣданію и Правительству. Не нѣкто, едва ли не справедливо, сказалъ, что Французская революція хотя и погасла во Франціи, однако не истребится прежде, покуда не обойдетъ всѣхъ другихъ Державъ. Событіе сего пророчества мы уже видѣли въ Испаніи, въ Неаполѣ и въ другихъ странахъ. Россія была далеко отъ сего, но и въ ней мы начинаемъ видѣть ту же вкравшуюся заразу. Небывалые никогда прежде, произвольные толки о Вѣрѣ, о свободѣ, о Правительствѣ, умножили у насъ секты и расколы, возмутили простой народъ, поселили въ неопытные умы и сердца молодыхъ людей надменность по собственнымъ ихъ мечтаніямъ учреждать образъ Правительства. Все сіе не догадками одними, но самыми происшествіями, подтвер-

---

Карбонье, и моими, въ особой тетради написанными. Я имѣлъ повелѣніе присутствовать въ семъ Комитетѣ, но, видя въ немъ явное противъ меня возстаніе, или лучше сказать противъ правилъ моихъ, отвергающихъ революціонное Французское правило свободнаго книгопечатанія, я отказался отъ того, считая, что въ письмѣ моемъ къ Государю Императору все то сказано, что сказать надлежало, и что послѣ сего тщетно буду я убѣждать людей, раздраженныхъ моими словами, различнаго со мною образа мыслей, и столько же надѣющихся на свое уполномоченіе, сколько не обращающихъ ни малѣйшаго вниманія на представляемыя имъ доказательства. По сей причинѣ просилъ я Государя Императора позволить присутствовать въ Комитетѣ вмѣсто меня Г. Карбонье, донося при томъ, что я готовъ на всякую статью сочиняемаго ими новаго Цензурнаго Устава отвѣтствовать, дѣльно ли выкинута старая и полезна ли, или нѣтъ, вводимая ими новая статья. По нѣкоторыхъ о томъ прѣніяхъ прошло болѣе полугода въ совершенномъ молчаніи; Комитетъ даже не собирался и ни чего не дѣлалъ. Казалось, это отложено и предано забвенію; но вдругъ вышелъ Указъ, по которому, на мѣсто стараго Цензурнаго Устава, утвержденъ новый. Скоро послѣ сего и я, по желанію моему, отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія уволенъ.

ждается. Изъ многихъ дѣлъ и донесеній видимъ мы умноженіе вольнодумства и безвѣрія не только въ свѣтскихъ, но даже и въ духовныхъ лицахъ, до такой степени развратившихся, что нѣкоторые изъ нихъ, при чтеніи въ церквахъ Указа, подтвердившаго о крѣпостной зависимости, ободряли прихожанъ своихъ не повиноваться законной власти, и многія подобныя тому неистовства проповѣдывали. Видимъ, чего прежде не было, частыя возмущенія крестьянъ противъ помѣщиковъ, съ упорнымъ требованіемъ вольности, которая, по ихъ понятію, состоитъ въ тунеядствѣ и необузданности. Видѣли съ ужасомъ прошлогоднее Декабря 14 число, въ которое открылось уже не въ простомъ народѣ, но въ чиновныхъ—Князьяхъ и Дворянахъ, и писателяхъ, называвшихъ себя просвѣщенными и образованными людьми, одаренными остротою ума и свѣтскими пріятностями,—открылось, говорю, такое, основанное на заблужденіяхъ и безвѣріи, преступное злоумышленіе, какому доселѣ въ семъ классѣ людей не было никогда примѣра; ибо какимъ простымъ невѣждамъ, кромѣ обезумѣвшихъ отъ ложныхъ мечтаній ума, могло прійти въ голову истребить весь Царскій Домъ и самимъ сѣсть на Престолъ? Все сіе какъ во Франціи, такъ и у насъ, породилось отъ распространенія и чтенія мистическихъ, безнравственныхъ книгъ и журналовъ, безъ должнаго разсмотрѣнія проходившихъ чрезъ слабую Цензуру. Для отвращенія сего угодно было блаженной памяти Государю Императору сдѣлать меня Министромъ Народнаго Просвѣщенія, съ тѣмъ, чтобъ я сему, вкоренившемуся и постепенно отъ часу болѣе усиливающемуся, злу, подъ именемъ духа времени распространяемому, старался поставить преграду. Онъ обязалъ меня къ тому сильнѣйшими словами. Въ Указѣ Его, данномъ мнѣ, между прочимъ, сказано: «Повелѣваемъ вамъ войти въ строгое наблюденіе, дабы какъ въ изданныхъ, такъ и впредь издаваемыхъ, сочиненіяхъ и переводахъ, особливо же въ преподаваніи по Училищамъ наукъ, ни чего, колеблющаго Вѣру и благонравіе, не укрывалось. Народное благоденствіе много отъ сего пострадать можетъ, и по тому обязаны вы предъ Богомъ и предъ Нами употребить неусыпный за симъ надзоръ, истребляя и обличая всякія, разсѣянныя въ книгахъ, или иначе внушаемыя, лжеученія, и не допуская ни въ какомъ видѣ существовать и вновь появляться оными.» Хотя наименованіе меня Министромъ Просвѣщенія сдѣ-

лано было поздно, когда уже воспитаніе въ безнравственныхъ правилахъ укоренилось, и хотя Указъ обо мнѣ подписанъ былъ безъ вѣдома и вопреки волѣ моей; ибо я не могъ того желать, зная невозможность, безъ крайняго противъ меня вопіянія и даже клеветъ, дѣйствовать и воспротивиться тому, что столько времени было позволяемо и ободряемо; однако жь, чувствуя всю важность изреченія: «народное благоденствіе много отъ сего пострадать можетъ», и даннаго мнѣ строгого повелѣнія, подвергавшаго меня отвѣтственности предъ Богомъ, Царемъ и Отечествомъ, я, не смотря ни на старость мою, ниже на опасеніе вооружить противъ себя многихъ и сильныхъ противуборниковъ, принялся, со всею способностію умственныхъ и душевныхъ силъ моихъ, за исполненіе возложеннаго на меня толь священнаго долга, представляя покойному Государю Императору, съ откровенностію и чистосердечіемъ обо всемъ томъ, что къ поправленію прежнихъ весьма вредныхъ попущеній необходимо нужно было сдѣлать, и могу смѣло и по справедливости сказать, что въ краткое время моего Министерства остановлены многія злоупотребленія, и дано не только ученію въ Университетахъ, но и въ самомъ Духовенствѣ нашего и другихъ Вѣроисповѣданій иное, съ лучшими правилами и нравственностію согласное, направленіе. Это могутъ засвидѣтельствовать и доказать всѣ мои бумаги и предписанія, данныя мною подвѣдомственнымъ мнѣ мѣстамъ. Въ сіе время Ваше Императорское Величество взошли на прародительскій Престолъ. Я счелъ обязанностію поднести Вашему Величеству всѣ мои представленія блаженной памяти Государю Императору. Принявъ ихъ милостиво Вы, Государь, удостоили меня тою же довѣренностію, поруча мнѣ составить, яко нужнѣйшее и важнѣйшее по выше означеннымъ обстоятельствамъ дѣло, Уставъ и учрежденіе Цензуры. Я, не могши по слабости моего зрѣнія и здоровья, заняться самъ великимъ симъ трудомъ, употребилъ на то Директора Канцеляріи моей, Князя Шихматова, человѣка благоразумнаго и усерднаго къ пользамъ Престола и Отечества, приказавъ ему сообразиться со всѣми, бывшими доселѣ нашими и другихъ Державъ, Уставами и сочиненіями, извлечь изъ того нужнѣйшія, лучшія, принаровленныя къ обстоятельствамъ времени, правила, въ которыхъ бы, не стѣсняя ни малѣйше талантовъ писателей, заграждались пути къ покушеніямъ вводить хитрыя и

часто, распещренныя цвѣтами, злонамѣренныя сочиненія. Князь Шихматовъ совершилъ сей трудъ въ краткое время съ неутомимою ревностію, прочитывая мнѣ каждую, написанную имъ, статью (о ходѣ и производствѣ сего дѣла прилагается особо здѣсь нужное для свѣдѣнія изложеніе). Составленный такимъ образомъ проектъ Устава о Цензурѣ имѣлъ я счастіе представить Вашему Императорскому Величеству на благоусмотрѣніе и чрезъ нѣсколько времени получить оный обратно съ Высочайшимъ Вашего Величества утвержденіемъ. Нынѣ, по поводу повелѣнія Министру Внутреннихъ Дѣлъ о сочиненіи таковаго же Устава для иностранныхъ книгъ, учрежденъ особый Комитетъ, которому, чрезъ Статсъ-Секретаря Муравьева, объявлена слѣдующая Вашего Императорскаго Величества воля: «Комитету сему имѣть сужденіе, не стѣсняясь Цензурнымъ Уставомъ 10 Іюня, сего 1826 года, и въ то же время изложить свои замѣчанія, если нужны будутъ, на сей Цензурный Уставъ 10 Іюня.» Таковое предписаніе Вашего Величества основано на совершенной пользѣ и справедливости сего дѣла; ибо дѣйствительно между сими двумя Уставами должна быть та разность, что нѣкоторыя статьи, нужныя для цензуры Русскихъ книгъ, могутъ быть не нужны для иностранныхъ; а дабы видѣть яснѣе, по какимъ причинамъ сіи статьи не надобны для чужеязычныхъ книгъ, то слѣдовало сдѣлать на то нѣкоторыя замѣчанія, если оныя (какъ сказано въ предписаніи Вашего Величества) будутъ нужны. Но учрежденный Комитетъ принялъ сіе совсѣмъ въ иномъ смыслѣ: онъ, вмѣсто, чтобъ заняться составленіемъ Цензурнаго Устава для иностранныхъ книгъ, приступилъ къ пересмотру и критическому разбору утвержденнаго уже Вашимъ Величествомъ Устава о Русскихъ книгахъ, положа прочитывать оный статья за статьею отъ начала до конца. Не извѣстно мнѣ, по какой волѣ Вашего Императорскаго Величества (ибо изъ вышеприведеннаго предписанія оная не явствуетъ), также по какой надобности, по какому приличію и съ какимъ намѣреніемъ, приступлено къ сему пересмотру. Но инаго въ семъ намѣреніи быть не можетъ, какъ предположеніе, что поднесенный мною Вашему Величеству Уставъ преисполненъ погрѣшностей, а что Вы, Всемилостивѣйшій Государь, по излишней ко мнѣ довѣренности, съ сими самыми погрѣшностями утвердить его благо-

волили; а по тому яко бы настоитъ нужда пересмотрѣть оный и поднести вновь къ утвержденію. Въ такомъ видѣ представляется пересмотръ сей, иной цѣли имѣть не могущій, и таковымъ по всему городу разглашается. Въ сихъ обстоятельствахъ, при всемъ уваженіи моемъ къ Господамъ Членамъ сего Комитета, могъ бы я сказать, что ни долговременная служба, ни опытность, ни усердіе къ пользамъ Государя и Отечества, ни свѣдѣнія мои, конечно, ни кому изъ нихъ не уступающія, не заслуживаютъ столь оскорбительнаго для меня предположенія, по которому неизбѣжно почитаюсь я или не разумѣющимъ ни чего, или, по нерадѣнію о моей должности, дерзнувшимъ поднести Вашему Величеству недостойный утвержденія Вашего Уставъ. Я бы могъ со всею справедливостію сказать сіе, но о моемъ ничтожномъ имени я не забочусь, а если бы толь скорая перемѣна Устава не подвергала священнаго имени Вашего Величества нѣкоей неблаговидности, то бы я на обвиненіе меня въ томъ не отвѣтствовалъ ни слова. Сіе одно жестоко и несправедливо взводимое на меня подозрѣніе, будто бы я необдуманнымъ моимъ представленіемъ осмѣлился не побереч имени Монаршаго, сіе одно принуждаетъ меня принесть мое оправданіе, состоящее въ слѣдующемъ: 1-е. При составленіи сего Устава (какъ изъ приложенной при семъ о ходѣ сего дѣла Записки усмотрѣть можно) приняты были въ разсужденіе всѣ, относящіяся къ сему, какъ наши, такъ и чужестранныя, сочиненія, съ разборомъ надобности, или ненадобности, заимствованія изъ оныхъ. 2-е. Никто изъ Господъ Членовъ учрежденнаго Комитета не соучаствовалъ въ семъ трудѣ, а по тому и не можетъ съ должнымъ вниманіемъ и подробностію судить о причинахъ, побуждавшихъ ко внесенію въ Уставъ нѣкоторыхъ статей, нужныхъ для удержанія неблагонамѣренныхъ писателей отъ покушеній проходить чрезъ Цензуру хитрымъ прикрываніемъ вредныхъ своихъ мыслей. 3-е. Въ то же время приняты были также къ соображенію и тѣ выше приведенныя обстоятельства, а именно, что пришедшая къ намъ изъ Франціи книжная зараза стала и у насъ оказывать свои успѣхи, которыя побудили блаженной памяти Императора прибѣгнуть къ отдѣленію Духовныхъ Дѣлъ отъ Министерства Просвѣщенія, съ строгимъ сему послѣднему предписаніемъ, обратить неусыпное вниманіе на издаваемыя книги и стараться отвращать всякое внушаемое ими лже-

ченіе и вольнодумство. На руководствѣ сихъ правилъ составленъ изданный о Цензурѣ Уставъ, находимый нынѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, строгимъ и яко бы стѣсняющимъ таланты. 4-е. Изъ обстоятельствъ выше описанныхъ несомнѣнно явствуетъ, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ во многихъ изданныхъ книгахъ разсѣяно было множество противныхъ Вѣрѣ и Правительству умствованій, свободно пропускаемыхъ Цензурою (о чемъ легко можно удостовѣриться, когда сдѣлать изъ нихъ хотя нѣсколько выписокъ), и что сіи умствованія произвели уже пагубные плоды, въ умноженіи расколовъ, въ разныхъ возмущеніяхъ оказавшіеся. При таковыхъ времецахъ и обстоятельствахъ не знаю, полезна ли слабая Цензура, допускающая быть продолженію того же, что прежде было, и можно ли Цензуру, не препятствующую упражняться въ благонравной словесности, а только поставляющую преграды ухищреніямъ зломыслія, называть строгою и необдуманно поднесенною отъ меня къ Высочайшему утвержденію. Въ прежнемъ Цензурномъ Уставѣ была статья, предписывавшая, въ случаѣ двумыслія, толковать оную въ пользу автора, то есть, позволявшая всякому злонамѣренному писателю, употребляя только нѣкоторую хитрость, сѣять сколько ему угодно нечестія и разврата. Если и нынѣ въ предполагаемой переправкѣ Устава введены въ него будутъ подобныя статьи, или исключены нужныя предосторожности, то сомнительно, чтобъ волненіе умовъ, и такъ уже довольно взволнованныхъ, не поколебало нѣкогда народнаго спокойствія. Почитая долгомъ вѣрноподданнаго донести о семъ Вашему Императорскому Величеству, я осмѣливаюсь испрашивать одной только слѣдующей милости: когда отъ кого изъ Господъ Членовъ Комитета предоставлено будетъ какое либо мнѣніе, или замѣчаніе, на утвержденный Уставъ, то да позволено мнѣ будетъ разсмотрѣть оное, дабы могъ я знать, въ чемъ оное состоитъ, какими доказательствами обвиняюсь я, справедливы ли они, или нѣтъ. Я готовъ признать мою ошибку, ежели она точно не мечтательными мыслями, но здравымъ разсудкомъ, доказана будетъ. Въ противномъ же случаѣ не моя, но общая, польза и справедливость требуетъ, чтобъ разсматривающій меня разсмотрѣнъ былъ мною. Одностороннее мнѣніе можетъ затмѣвать истину, но обоюдное откроетъ ее лучше и яснѣе. Тогда буду я имѣть счастіе предать то и другое на благоусмотрѣніе Вашего Вели-

чества, и тогда всякое рѣшеніе Ваше, Всемилостивѣйшій Государь, приму я съ подобающимъ благоговѣніемъ и молчаніемъ.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный А. Ш.»

А. Книга Госнерова и согласныя съ нею проповѣдыванія его найдены Комитетомъ Господъ Министровъ зловредными для Вѣры и Правительства, по чему, съ утвержденія Его Императорскаго Величества, книга сія сожжена, а самъ Госнеръ, сочинитель ея, высланъ за границу. Послѣ сего не можетъ быть вопроса: виноватъ ли тотъ, кто переводилъ сію книгу на Русскій языкъ, и тотъ, кто поправлялъ ее; ибо всѣ трое имѣли они одинакое намѣреніе издать ее въ свѣтъ. По здравому разсудку переводчикъ и поправлятель еще болѣе виноваты, нежели самъ сочинитель, поелику сей былъ иностранецъ и написалъ книгу на Нѣмецкомъ, чуждомъ намъ, языкѣ, а они, будучи Россійскими подданными, хотѣли то же самое зло сдѣлать вреднѣйшимъ, чрезъ напечатаніе и распространеніе онаго на собственномъ нашемъ языкѣ. Изъ сего слѣдуетъ неоспоримое заключеніе, что въ одномъ и томъ же дѣлѣ меньше виноватаго осуждать, а больше виноватаго оправдать, не сходно ни съ какимъ понятіемъ о законахъ и правосудіи. Переводчикъ умеръ, а поправлятель живъ и отданъ подъ судъ. При подобныхъ обстоятельствахъ судъ не можетъ состоять въ иномъ, какъ только въ изслѣдованіи, точно ли подсудимый поправлялъ книгу. Если это достовѣрно, то уже непремѣнно достовѣрно и то, что въ намѣреніяхъ сочинителя и переводчикъ соучаствовалъ. Изъ сего непреложнаго заключенія ни какимъ образомъ изъять его нельзя, а по тому и оправдывать нѣтъ возможности, кромѣ развѣ, когда позволено будетъ говорить, не соображаясь ни съ обстоятельствами сего дѣла, ни съ законами, ниже съ здравымъ разсудкомъ. Тогда ни какія доказательства не нужны; ибо, если изъ нихъ ложныя съ истинными равно принимаются, то на что онѣ? Довольно спросить у каждаго о словѣ да, или нѣтъ.

Излагая мнѣніе мое, по неволѣ долженъ я обратиться къ несогласному съ онымъ голосу Г. Сенатора Муравьева, читанному въ Правительствующемъ Сенатѣ. Я нахожусь въ необходимости сдѣлать сіе, поелику въ немъ опровергается все то, что отъ насъ (то есть, отъ Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и меня) представлено было Комитету Господъ Министровъ. Г. Сенаторъ, въ оправданіе подсудимому, приводитъ слѣдующія разсужденія:

1-е (говоритъ) «что онъ (Г. Сенаторъ) рачительно сличалъ исправленный переводъ съ подлинникомъ и нашелъ: 1-е, что Г. Поповъ въ переводѣ собственно поправлялъ одинъ только слогъ; 2-е, что онъ смысла подлинника нигдѣ не измѣнилъ; 3-е, что своихъ собственныхъ мыслей, вмѣсто авторскихъ, нигдѣ не помѣстилъ; 4-е, что если онъ и цѣлыя страницы на полѣ перевода написалъ своею рукою, такъ это не отъ того, чтобы онъ хотѣлъ составлять цѣлыя страницы (онъ своего ни чего не составлялъ), но единственно по тому, что иначе возможности не было исправить дурной, исполненный Германизмами, слогъ переводчика.»

Г. Сенаторъ представляетъ здѣсь подсудимаго въ такомъ видѣ, какъ будто бы ему велѣно было поправлять переводъ; говоритъ, что иначе не было возможности исправить его. Но кто принуждалъ его къ тому? Какая нужда была исправить злочестивой Нѣмецкой книги худой Русской переводъ? Впрочемъ, сіи слова Г. Сенатора служатъ больше къ обвиненію подсудимаго, нежели къ оправданію; ибо когда Госнерова книга найдена зловредною, то сохранять смыслъ ея и поправлять въ слогѣ переводъ худой, есть хотѣть, для вящшаго вреда, украсить его краснорѣчіемъ и ясностію. Скорѣе могло бы служить извиненіемъ подсудимому, когда бы онъ смыслъ ея измѣнилъ и, вмѣсто худыхъ авторскихъ мыслей, поставилъ свои хорошія.

2-е. Г. Сенаторъ продолжаетъ: «что какъ занятіе его (Попова) въ поправленіи перевода было, такъ сказать, механическое, то и образъ мыслей его принужденно сходствуетъ съ толкователемъ.»

Сіи слова Г. Сенатора, конечно, могутъ служить нѣкоторымъ извиненіемъ подсудимому, но трудно себѣ представить, чтобы Директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія могъ читать и поправлять книгу механически, т. е., безъ всякаго содѣйствія ума и воли. Если и принять такое оправданіе, то развѣ исключительно на одинъ сей случай; ибо распространять оное на другіе случаи весьма опасно, поелику такимъ образомъ всякое, даже уголовное, преступленіе оправдать можно. На примѣръ, двое изобличаются въ томъ, что они убили человѣка, тогда, въ оправданіе обоихъ, или одного изъ нихъ, позволительно будетъ доказывать, что онъ не виноватъ; ибо, смотря на товарища, былъ съ нимъ и, такъ сказать, механически направляя руку свою принужденно за его рукою.

3-е. Г. Сенаторъ продолжаетъ: «а не такъ, какъ заключаетъ о немъ Г. Оберъ-Полиціймейстеръ, сказавшій, въ изслѣдованіи своемъ, что образъ мыслей его (Попова) не сходствуетъ съ толкователемъ. Напротивъ того, исправленный имъ переводъ можно назвать буквальнымъ, сколько то позволяетъ свойство нашего языка.»

Здѣсь, по видимому, Г. Сенаторъ увлекся ошибкою переписчика, поставившаго въ рѣчи Г. Оберъ-Полиціймейстера, вмѣсто глагола сходствуетъ, глаголъ не сходствуетъ. Но таковая ошибка, если бъ она и находилась въ бумагѣ, читанной Г. Сенаторомъ, могла по смыслу легко быть примѣчена; ибо, признавая сочиненіе Пастора Госнера исполненнымъ злочестія, сказать о томъ, кто книгу его поправлялъ, что онъ образомъ мыслей своихъ не сходствуетъ съ нимъ, было бы совершенно его оправдывать, поелику не сходное съ худымъ не можетъ иначе быть, какъ доброе. Настояніе Г. Сенатора, что поправки точно сходствуютъ съ подлинникомъ, гораздо больше служитъ къ обвиненію подсудимаго, нежели когда бы оныя почитались не сходствующими, какъ уже о томъ и выше упоминаемо было.

4-е. Г. Сенаторъ продолжаетъ: «Я долженъ еще замѣтить, въ отношеніи къ исправленной рукою Г. Попова тетради: 1-е, что она не была еще въ рукахъ Цензора; 2-е, что часть оной,

т. е., исправленная рукою Г. Попова, состоитъ изъ девятнадцати полулистовъ, писанныхъ въ половину, и что, слѣдственно, часть сія не составила бы и одного полнаго печатнаго листа въ осьмушку; 3-е, что исправленное Поповымъ мѣсто едва ли равняется съ одною 57-ю долею всѣхъ отпечатанныхъ листовъ.»

Сіе ариѳметическое исчисленіе долей не можетъ, кажется, служить ни къ какому оправданію Г. Попова; ибо не о томъ спрашивается, какую часть книги онъ поправлялъ, но о томъ, за чѣмъ, съ какимъ намѣреніемъ, самопроизвольно поправлялъ книгу, наполненную противными чашей Вѣрѣ и Правительству толкованіями? Вотъ о чемъ идетъ дѣло, а не о томъ, сотая, или пятидесятая, часть ея, и одинъ или два листа въ осьмушку поправлены его рукою. Это не подлежитъ сужденію; ибо часто и одна строка можетъ быть преступнѣе, нежели цѣлая громада листовъ.

5-е. Г. Сенаторъ продолжаетъ: «На второй пунктъ, что Г. Поповъ дерзнулъ упорствовать въ мнѣніи своемъ на счетъ книги и автора, какъ будто въ охужденіе заключенія о нихъ Правительства, обвиняемый, въ оправданіе свое, ссылается на подлинный отвѣтъ свой къ Оберъ-Полиціймейстеру. И дѣйствительно, въ отвѣтѣ семъ, предъ нами лежащемъ, ни чего нѣтъ тайнаго, что бы могло вмѣниться въ дерзость, и того еще меньше въ охужденіе. Его спрашиваютъ: «По какому случаю онъ поправлялъ переводъ?» Онъ отвѣчаетъ: «По тому, что Пасторъ Госнеръ былъ извѣстенъ ему за человѣка (сколько онъ могъ видѣть) истинно Христіанскихъ правилъ; а по сему онъ не сомнѣвался, чтобы и книга его не была писана въ духѣ благочестія.»

Г. Сенаторъ находитъ сей отвѣтъ Попова достаточнымъ къ его оправданію; но какимъ образомъ читать, поправлять книгу, и до такой степени быть не свѣдущу, что не знать, худое ли въ ней, или доброе, написано? Возможно ли съ подобнымъ отсутствіемъ разсудка приступать къ поправленію слога въ книгѣ? Впрочемъ, если принять это за оправданіе, то всякій писатель можетъ переводить и печатать всякую развратную и возмутительную книгу, и всякій учитель преподавать по ней уроки, оправдываясь тѣмъ, что онъ сочинителя ея зналъ за благонравнаго человѣка, а

по тому думалъ, что книга его благонравна. Кажется, Г. Сенаторъ самъ почувствовалъ необычайность сего извиненія; ибо

6-е. Въ поправленіе себя присовокупляетъ: «но такимъ образомъ онъ (Поповъ) выражается на счетъ мнѣнія своего о книгѣ и авторѣ ея не въ настоящемъ, а въ прошедшемъ, времени. Другаго отвѣта нельзя было и ожидать отъ него.»

Если бы подсудимый совсѣмъ не читалъ книги и не зналъ ея содержанія, а только бы оная найдена была у него, то отвѣтъ его, приводимый Г. Сенаторомъ, могъ бы имѣть нѣкоторую вѣроятность; но уличаемый своеручнымъ поправленіемъ такой книги, которую Комитетъ Господъ Министровъ единогласно призналъ, и Государь Императоръ утвердилъ, что она содержитъ разсужденія, не согласныя не только съ нашею, но и со всякою Христіанскою Вѣрою, и что заключаетъ въ себѣ умствованія противъ Правительства и всякой гражданской власти,—уличаемый, говорю, поправленіемъ слога такой книги, могъ ли подсудимый, безъ дерзкаго прекословія Правительству, и даже безъ отрицанія въ самомъ себѣ всякаго разсудка, отвѣтствовать, что Пасторъ Госнеръ былъ извѣстенъ ему за человѣка истинно Христіанскихъ правилъ, и что по тому онъ не сомнѣвался, чтобъ и книга его не была писана въ духѣ благочестія? Да развѣ онъ не поправлялъ слогъ этой книги? Развѣ можно поправлять не читая? А когда читалъ, поправлялъ, и когда уже надъ нею и надъ авторомъ ея произнесенъ былъ судъ Правительства, то какимъ образомъ такой отвѣтъ его принять за оправданіе? По этому какую бы кто ни принесъ ко мнѣ преступную и возмутительную бумагу, я слогъ въ ней поправлю своей рукою, и когда спросятъ меня, за чѣмъ я это дѣлалъ, то я могу отвѣчать: «Тотъ, кто принесъ ее, казался мнѣ человѣкомъ честнымъ, а по тому хотя я и поправлялъ бумагу, но, судя по немъ, думалъ, что она хороша;» и это примутъ отъ меня за оправданіе, или въ извиненіе мое скажутъ: «Да это говоритъ онъ не въ настоящемъ, а въ прошедшемъ времени!» Не знаю, въ какомъ Правительствѣ покажутъ мнѣ таковыя правила суда.

7-е. Г. Сенаторъ продолжаетъ: «А чтобы изъ даннаго имъ (Поповымъ) отвѣта выводить послѣдствіе, какъ заключаетъ Г. Оберъ-Полиціймейстеръ: что таковымъ изъясненіемъ онъ (Поповъ) рѣшился какъ бы охуждать рѣшеніе Правительства,—то я, по совѣсти моей, долженъ сказать, что и тѣни похожаго на это не вижу; примѣръ: я былъ знакомъ съ человѣкомъ, который впалъ въ тяжкое уголовное преступленіе, въ слѣдствіе коего онъ осуждается на позорную казнь. Меня спрашиваютъ: «Какъ могъ я имѣть сношеніе съ такимъ человѣкомъ?»—«По тому (отвѣчаю я), что онъ казался мнѣ хорошимъ, и я почиталъ его таковымъ. Не уже ли такой отвѣтъ мой вмѣнился бы мнѣ въ порицаніе судейскаго надъ преступникомъ приговора? Конечно, нѣтъ; ибо я такъ думалъ о немъ тогда, когда не я одинъ, а все общество, въ коемъ онъ обращался, находило въ немъ хорошаго человѣка; это не значитъ, что я и теперь то же о немъ заключаю. Такъ точно и Г. Поповъ, говоря о Госнерѣ и книгѣ его, въ секретномъ донесеніи своемъ къ Оберъ-Полиціймейстеру, открываетъ мнѣніе свое объ авторѣ и сочиненіи, бывшее до заключенія, а не настоящее, по заключеніи о нихъ Правительства.»

Здѣсь надлежитъ замѣтить, что хотя Г. Сенаторъ увѣряетъ по совѣсти своей, что онъ не видитъ въ заключеніи Г. Оберъ-Полиціймейстера и тѣни похожаго на сказанное имъ, но, не касаясь совѣсти его, можно и должно сказать о совершенной несправедливости его доказательствъ. Онъ приводитъ въ примѣръ знакомство свое съ человѣкомъ, впадшимъ въ уголовное преступленіе, и доказываетъ невинность свою тѣмъ, что онъ о впаденіи его въ сіе преступленіе не могъ напередъ знать. Но тотъ ли здѣсь случай? Поповъ обвиняется въ поправленіи книги, а о томъ, былъ ли знакомъ съ Госнеромъ, или нѣтъ, ни кто у него не спрашиваетъ. Примѣръ Г. Сенатора совсѣмъ не тотъ. Подходящій къ нему примѣръ есть слѣдующій: я зналъ о намѣреніи того, кто впалъ въ уголовное преступленіе, и, вмѣстѣ съ нимъ, придумывалъ, какъ бы произвесть оное въ дѣйствіе; иначе, какимъ образомъ, поправляя листки печатающейся книги, не участвовать въ ней и не быть согласну съ намѣреніемъ автора издать ее въ свѣтъ? Таковое чуждое всякаго правдоподобія увѣреніе для слушателя не убѣдительно, и даже самому Попову слу-

жить болѣе въ оскорбленіе, нежели въ защиту; ибо онъ, читая книгу, представляется не понимающимъ того, что въ ней написано, и словно какъ бы онъ при поправленіи ея двигалъ руку свою механически, безъ всякаго размышленія. Когда же не полагать его въ семъ машинальномъ состояніи, то какое средство изобрѣсти къ изъятію его отъ участвованія въ ней? Г. Сенаторъ говоритъ, что онъ открываетъ мнѣніе свое объ авторѣ и сочиненіи, бывшее до заключенія, а не настоящее по заключеніи о нихъ Правительства Но 1) если не выставлять его (какъ Г. Сенаторъ выставляетъ) дѣйствующимъ механически, то могъ онъ и прежде заключенія Правительства, изъ содержанія читаемой и поправляемой имъ книги, знать и о ней и о сочинителѣ ея. 2) Г. Поповъ писалъ отвѣты свои по высылкѣ уже Госнера и послѣ осужденія книги его; слѣдовательно, вопреки сему осужденію. По какому праву и основанію Г. Сенаторъ не видитъ и тѣни похожаго на то, что заключается въ мнѣніи Г. Оберъ-Полиціймейстера? Впрочемъ, предположеніе Г. Сенатора, что Поповъ могъ Госнера и книгу его почитать благочестивыми, по тому что не одинъ онъ, но и все общество, въ коемъ Госнеръ обращался, находило его хорошимъ человѣкомъ, есть весьма несовмѣстное предположеніе; ибо отзываться съ похвалою о Госнерѣ изгнанномъ, и о книгѣ его, преданной истребленію, оправдывая себя въ томъ какимъ-то мнимымъ къ нему уваженіемъ какого-то неизвѣстнаго общества, есть нѣчто весьма необычайное.

8-е. Г. Сенаторъ продолжаетъ: «Въ третьемъ пунктѣ ставляется въ вину Г. Попову, что ему не слѣдовало поправлять ни какихъ сочиненій, и что участіе его и покровительство автору ввело въ заблужденіе Цензоровъ, кои, вѣроятно, по сему вліянію одобрили книгу къ напечатанію. Здѣсь, гдѣ дѣло идетъ о судьбѣ человѣка, гадательно ни чего принимать не должно, а прежде всего потребно опредѣлить съ ясностію, въ чемъ состоитъ покровительство Попова Госнеру, или то, что собственно принадлежитъ къ предмету, могло ли вліяніе его дѣйствовать на Цензоровъ? Скорѣе всего это окажется чрезъ внимательное соображеніе обстоятельствъ времени и мѣста.»

Г. Сенаторъ весьма справедливо разсуждаетъ, что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о судьбѣ человѣка, не должно гадательно ни чего принимать; но да позволитъ онъ сдѣлать себѣ слѣдующіе вопросы: 1) Когда книга признана Правительствомъ зловредною, и когда подсудимый въ поправленіи слога ея изобличается собственною своею рукою, и самъ отъ того не отрицается, то что же тутъ гадательное? 2) Ежели должно помышлять о томъ, чтобы не отяготить судьбу человѣка, то не уже ли менѣе должно пещися о защитѣ Вѣры и Отечества отъ наводненія противныхъ благу ихъ сочиненій?

9-е. Г. Сенаторъ продолжаетъ: «Первое представляется' мнѣ то, что Г. Поповъ, уволенный въ чужіе края, для поправленія разстроеннаго здоровья своего, выѣхалъ изъ С.-Петербурга 7-го Марта, 1823 года, больной, и еще за полгода до того ни какими дѣлами, по болѣзни своей, не занимавшійся. Рукопись перевода Госнеровой книги, о которой Г. Поповъ тогда еще и не слыхалъ, поступила въ Цензуру только въ началѣ того года, а пропущена къ печатанію уже въ Маѣ мѣсяцѣ, т. е., во время пребыванія Г. Попова внѣ Россіи. Когда же онъ, того же самаго года, Сентября 13-го, возвратился въ Отечество свое, то книги той отпечатано было уже 50 листовъ, или еще и болѣе. Если бы Г. Поповъ поправлялъ первые листы сочиненія, то это могло бы еще послужить нѣкоторымъ безмолвнымъ одобреніемъ, подавшимъ Цензорамъ поводъ къ пропущенію книги въ печать: но онъ въ началѣ и не зналъ о книгѣ сей; а если въ томъ и не давать ему вѣры, то, по крайней мѣрѣ, можно уже утвердительно сказать, что онъ первыхъ листовъ не поправлялъ; что печатаніе первыхъ 50 листовъ произведено было въ отсутствіе его; что поправленная имъ тетрадь и не проходила еще чрезъ руки Цензора. Какое же вліяніе со стороны его остается возможнымъ? Или письменное извѣ, и словесное еще въ Россіи, до отъѣзда его въ чужіе края. Если есть такое письмо, коимъ можно уличить его, пускай представится; ежели есть такой человѣкъ, которому Поповъ внушалъ одобреніе книги, пускай онъ станетъ противъ него свидѣтелемъ: безъ того я не могу признать вліянія его на печатаніе книги * (1),

* См. въ концѣ примѣчанія: 1, 2, 3 и 4.

и тѣмъ еще болѣе, что самъ Цензоръ, Г. Бирюковъ, который бы могъ однимъ двусмысленнымъ словомъ облегчить лежащую на себѣ отвѣтственность, предпочелъ, однако жь, святую истину собственной своей безопасности, объявивъ съ благороднымъ чистосердечіемъ, что со стороны Г. Попова никогда не было ни какого внушенія ни въ пользу, ни во вредъ, разсмотрѣнной имъ помянутой книги.»

Здѣсь: 1) Г. Сенаторъ, устраняясь отъ существенныхъ въ дѣлѣ обстоятельствъ, затмѣваетъ ихъ посторонними, не принадлежащими къ дѣлу, разсказами, увѣряя, что Поповъ былъ болѣнъ, что съ полгода не занимался дѣлами, что поѣхалъ изъ Россіи 7-го Марта, 1823 года, и что будто по тому о рукописи, поступившей въ Цензуру въ началѣ того же года, не могъ слышать. Но по чему не могъ слышать? По чему и прежде отъѣзда своего и болѣзни не могъ о сей рукописи имѣть свѣдѣнія? По чему, не занимаясь дѣлами, не могъ заниматься чтеніемъ ея? Да если бы это и можно было доказать, то къ чему бы послужило такое доказательство, коимъ поправка книги рукою Г. Попова, существенное и главнѣйшее въ семъ дѣлѣ обстоятельство, ни мало чрезъ то не опровергается? 2) Г. Сенаторъ требуетъ письма, или свидѣтельства, словно какъ бы собственная рука Попова въ поправленіи книги не свидѣтельствовала, что онъ печатаніе не только одобрялъ, но и желалъ споспѣшествовать тому. 3) Г. Сенаторъ доказываетъ еще, что Поповъ поправлялъ послѣдніе, а не первые, листы книги. Но что до этого, когда книга и въ началѣ, и въ срединѣ, и въ концѣ злочестива и вредоносна? Да если бы въ концѣ своемъ она и не была такою, а только въ началѣ, или срединѣ, то и тогда поправленіе ея не могло почесться невиннымъ, поелику нельзя поправлять, не читавши начала и не знавъ содержанія книги. 4) Г. Сенаторъ доказываетъ невинность Попова тѣмъ, что Цензоръ не говоритъ, чтобы онъ побуждалъ къ пропуску книги; но это не служитъ ни къ малѣйшему оправданію Г. Попова, поелику желаніе его, чтобъ оная была напечатана, неоспоримымъ образомъ явствуетъ изъ его поправленія.

10-е. Г. Сенаторъ продолжаетъ: «Относительно же къ первой части того же 3 пункта обвиненія, въ коей сказано, что ему

не слѣдовало поправлять ни какого сочиненія, то я не знаю закона, или предписанія, возбраняющаго Директорамъ Народнаго Просвѣщенія такое занятіе. Если бы такой законъ существовалъ, то, конечно, поправленіе книги было бы нарушеніемъ онаго; но какъ онъ не существуетъ, то нельзя вмѣнить поступокъ Г. Попова въ преступленіе; ибо во всѣхъ начальныхъ основаніяхъ уголовнаго правовѣдѣнія принимается за аксіому: нѣтъ преступленія безъ закона (Nullum crimen sine lege), иначе: что не возбраняется, то не осуждается.»

Сомнительно, чтобы безъ какой ни будь недосмотрѣнной, при напечатаніи сей статьи, ошибки, Г. Сенаторъ, имѣя предъ собою въ той же самой Сенатской бумагѣ выписанные и приложенные на сей случай законы, могъ отвергать существованіе оныхъ. Не возможно, чтобы, толкуя предъ лицемъ Сената Латинскими словами начальныя основанія уголовнаго правовѣдѣнія, могъ онъ не знать, что поправлять обыкновенныя сочиненія ни кому не запрещается, но участвовать въ поправленіи сочиненій противъ Вѣры и Правительства, сочиненій, клонящихся къ возмущенію народнаго спокойствія, всегда и вездѣ было и есть преступленіе, осуждаемое и наказуемое Божескими и человѣческими законами. Таковое смѣшеніе и принятіе за одно сочиненій о наукахъ, или краснорѣчіи, съ развратными и возмутительными сочиненіями, конечно, не могло иначе произойти, какъ отъ ошибочнаго выраженія мыслей подлинника (2).

11-е. Г. Сенаторъ продолжаетъ: «Таково сужденіе мое о Г. Поповѣ. Оно основано на одной истинѣ; по крайней мѣрѣ, на внутреннемъ въ оной убѣжденіи, которое я здѣсь открываю со всею смѣлостію, внушенною мнѣ сознаніемъ исполненія священнаго долга, возложеннаго на меня званіемъ моимъ.»

Можно весьма согласиться на внутреннее убѣжденіе Г. Сенатора; но что касается до истины, внушенной ему смѣлостію исполненія священнаго долга, то да позволитъ онъ себѣ сказать, что остается еще сію истину его и священный долгъ положить на вѣсы правосудія и здраваго разсудка съ истиною и священнымъ долгомъ тѣхъ, кои противно ему разсуждаютъ:

тогда только окажется, чья истина вѣрнѣе, чей долгъ священнѣе, и чья смѣлость благонамѣреннѣе.

12-е. Г. Сенаторъ продолжаетъ: «Впрочемъ, мнѣ кажется, если я не ошибаюсь, что и сами Гг. Министры, просвѣщенные изслѣдователи Госперовой книги, указываютъ намъ на ту точку зрѣнія, съ которой мы должны разсматривать поступокъ Г. Попова. Въ заключеніи своемъ о Цензорѣ они сказали: во первыхъ Цензоръ можетъ не имѣть достаточнаго проницанія; вмѣсто Цензора поставимъ Директора и скажемъ ихъ же словами: во первыхъ Директоръ могъ не имѣть достаточнаго проницанія во вредъ, прикрытый въ книгѣ мнимою пользою наставленія въ Вѣрѣ и просвѣщеніи; во вторыхъ, публичное проповѣдываніе и печатаніе книгъ сихъ въ здѣшней столицѣ могли отвлечь Директора отъ сомнѣнія, и если бы онъ увидѣлъ что либо сомнительное, то опасался бы изъявить свое сомнѣніе при явномъ покровительствѣ и благорасположеніи къ симъ сочинителямъ и переводчикамъ (3). То, что служитъ къ оправданію Цензора, можетъ, безъ сомнѣнія, служить къ тому же и въ отношеніи къ Директору, въ настоящемъ же случаѣ еще и болѣе въ пользу сего послѣдняго; ибо Цензоръ, имѣвъ почти всю книгу въ рукахъ своихъ, могъ судить о духѣ, въ коемъ она писана, основательнѣе, нежели Директоръ, видѣвшій изъ нея только одну какую ни будь 57 долю.»

Г. Сенаторъ несправедливо и превратно толкуетъ здѣсь мнѣніе Гг. Министровъ, обращая слова ихъ совсѣмъ не къ тому, къ чему оныя сказаны. Обстоятельство сіе состоитъ въ слѣдующемъ: Комитетъ Гг. Министровъ поручилъ Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и мнѣ разсмотрѣть Госперову книгу. Исполняя сіе, мы представили наше мнѣніе, основанное на доказательствахъ, сдѣланныхъ противъ выписокъ изъ сей книги. Находя ее противною Вѣрѣ и нравственности, и присовокупляя къ тому, что многія и другія подобныя книги вышедшія, въ противность всѣмъ Указамъ, безъ всякаго Синодскаго разсмотрѣнія, мы полагали, что, для отвращенія вредныхъ отъ того послѣдствій, надлежитъ на будущее время взять мѣры учрежденіемъ гражданской Цензуры на лучшемъ основаніи. Здѣсь, не касаясь болѣе

до Госперова дѣла, но единственно говоря о новой предполагаемой Цензурѣ, излагали мы мнѣніе наше объ учрежденіи оной.

Прочитавъ всю статью о семъ, выписанную на страницѣ 12-й, въ Сенатской бумагѣ, можно видѣть, о чемъ и къ какому предмету разсужденія наши относились. Г. Сенаторъ, взявъ изъ сей статьи отрывокъ, и произвольно обратилъ оный не на общее сужденіе о Цензорахъ, но именно на Цензора Бирюкова, выводя изъ того несправедливое заключеніе, что будто бы Министры указываютъ на ту точку зрѣнія (4), съ которой долженъ онъ разсматривать поступокъ Г. Попова. Я, какъ дѣйствующее въ семъ дѣлѣ лице, отнюдь не могу согласиться принять на себя, будто я указывалъ ему на сію точку зрѣнія. Сужденіе мое объ этомъ есть слѣдующее: оба въ дѣлѣ толь важномъ виноваты—Директоръ и Цензоръ, но ни какъ нельзя ихъ поставить наравнѣ одного съ другимъ: первое по тому, что Цензоръ обязанъ читать всѣ приходящія къ нему книги, которыхъ нынѣ выходитъ не соразмѣрное съ силами одного или двухъ человѣкъ, множество, и требуютъ скораго прочитыванія и разрѣшенія, то и легко всякій Цензоръ можетъ неумышленно видѣ не досмотрѣть, видѣ не проникнуть настоящаго смысла, а особливо прикрытаго благовидностію. Директоръ, напротивъ, не по обязанности, но по собственной волѣ своей, избралъ одну сію книгу, избралъ для своеручнаго поправленія ея въ слогѣ: слѣдовательно, съ намѣреніемъ въ лучшемъ видѣ издать ее въ свѣтъ. Цензоръ могъ почитать ее за равную со всѣми другими, приходящими къ нему, книгами; но Директоръ, чрезъ избраніе и поправленіе ея своей рукою, необходимо долженъ былъ обратить на нее особенное вниманіе. Сверхъ сего, второе, Цензоръ Бирюковъ, находясь вмѣстѣ и Начальникомъ Отдѣленія, состоялъ подъ непосредственнымъ начальствомъ Директора, и по тому, видя поправленную рукою его книгу, могъ легко быть увлеченъ его примѣромъ. Изъ сего явствуетъ, что я смотрю на сіе дѣло отнюдь не съ той точки зрѣнія, какую мнѣ приписываютъ. Впрочемъ, Г. Сенаторъ, поставя Директора на мѣсто Цензора, и превознося сего послѣдняго похвалами, въ то же время обвиняетъ его болѣе, нежели Директора, по ариѳметическому расчисленію, что Цензоръ пропустилъ всю книгу, а Директоръ поправлялъ одну только 57 долю ея; но мнѣ кажется,

здѣсь исчисленіе долей, вмѣсто разсмотрѣнія существа дѣла, ни чего не доказываетъ.

13-е. Напослѣдокъ Г. Сенаторъ оканчиваетъ: «Такимъ образомъ, въ заключеніе всего, я, мнѣніемъ моимъ, полагаю: что нисколику ни что не доказываетъ ни отступленія отъ подлинника, въ поправленномъ переводѣ, ни порицанія заключенія Высшаго Правительства о Госнеровой книгѣ, ни вины на Цензора въ разсужденіи печатанія оной, то законъ воспрещаетъ признать въ Г. Поповѣ умышленнаго преступника. Что же касается до поступка его, т. е., собственно до поправленія имъ перевода Госнеровой книги, то, не пріемля въ уваженіе господствовавшаго тогда духа въ нашей литературѣ, я долженъ признаться, что Директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія, занимавшійся поправленіемъ такого рода книги, чрезъ то одно уже обличаетъ себя человѣкомъ совершенно неспособнымъ къ тому мѣсту, которое онъ занималъ.»

Изъ всего выше приведеннаго нами явствуетъ, что мнѣніе Г. Сенатора во всѣхъ частяхъ не содержитъ въ себѣ должнаго, основаннаго на правдѣ и законахъ, суда, но есть токмо нѣкая произвольная защита, силящаяся, отступленіемъ отъ существа дѣла, показать оное въ видѣ, противномъ сужденію о немъ Комитета Гг. Министровъ. Изъ сего мнѣнія своего выводитъ онъ подобныя, произвольныя и собственнымъ его словамъ противорѣчущія, заключенія, какъ то: 1) оправдавъ Попова, наказываетъ, приговаривая его, какъ неспособнаго, къ лишенію того мѣста, котораго онъ уже давно лишенъ; 2) находя выше сего, что законы не возбраняли ему поправлять книгу, здѣсь находитъ его виновнымъ въ поправленіи такого рода книги; 3) обвиняетъ, не пріемля въ уваженіе господствовавшаго тогда въ нашей литературѣ духа. При сихъ словахъ я долженъ остановиться и сказать, что выраженіе: господствующій духъ въ литературѣ не должно бы употребляться въ Государственныхъ бумагахъ; ибо когда въ нихъ будетъ признаваться господство духа, тогда власть и законы потеряютъ свое господство; ибо два Господина вмѣстѣ быть не могутъ.

Я согласенъ въ Г. Поповѣ признать человѣка, бывшаго въ заблужденіи, не видавшаго въ Госнерѣ злоумышленнаго сектатора, и не могшаго въ книгѣ проникнуть скрытаго злочестія, а потому и оправдавшаго оную въ томъ же самомъ заблужденіи.

Вотъ все, что къ извиненію его сколько ни будь принято быть можетъ! Но оправдывать поступокъ его, выказывать оный не противнымъ законамъ, и не къ лицу, по уваженію къ слабостямъ и недостаткамъ человѣческимъ, снисходить, но преступному и злонамѣренному дѣйствію давать видъ невинности, сего я дѣлать не умѣю, не хочу и не могу.

Примѣчанія.

1) Вліяніе на Цензоровъ, вліяніе письменное, вліяніе на печатаніе книгъ.—Бѣдный Русскій языкъ! И съ тобою не лучше поступаютъ, какъ съ законами и правосудіемъ. О времена! О нравы! Читатель! прости мнѣ сіи подъ звѣздочками прибавки, присовокупленныя въ Запискахъ моихъ уже послѣ, по прочтеніи въ Совѣтѣ бумаги моей. Нѣтъ возможности не скорбѣть, видя языкъ искаженнымъ и правду попираемую ногами.

2) Дѣйствительно, трудно повѣрить, чтобы, въ присутствіи полнаго собранія Русскаго Сената, можно было (не говоря уже о неприличіи ни мало не относящагося къ сему Латинскаго текста) нѣчто подобное утверждать; ибо, допуская сіе, останется только допустить, что хотя разбойникъ и зарѣзалъ человѣка, но какъ нѣтъ закона, воспрещающаго употребленіе ножа, то онъ не виноватъ—довольно сказать: «Nullum crimen sine lege.»

3) Благоразумный читатель! обращаюсь къ тебѣ. При какой нравственности можно Сенатору говорить сіе предъ лицомъ Общаго Собранія первенствующихъ судей и предъ цѣлымъ свѣтомъ? Онъ, первое, поставляетъ Директора Народнаго Просвѣщенія, засѣдавшаго въ Библейскихъ Обществахъ, сносившагося съ Англійскими Методистами, Госнерами и проч., и проч., не разумѣвающимъ того, о чемъ въ сихъ книгахъ, отъ Министерства Просвѣщенія издаваемыхъ и его собственною рукою поправляемыхъ,

толь прямо и ясно говорится. Второе, Сенаторъ въ оправданіе ему ставитъ то, что онъ, при вѣримъ къ сочинителямъ и переводчикамъ сихъ книгъ покровительствѣ и благорасположеніи (въ коихъ, слѣдственно, и самъ участвовалъ, поелику былъ Директоръ и поправлялъ ихъ своею рукою), опасался изъявить свое сомнѣніе..... Опасаться не участвовать и не опасаться участвовать въ изданіи книгъ возмутительныхъ, возстающихъ противъ Вѣры, Правительства и спокойствія народнаго,—прекрасное оправданіе, достойное просвѣщенныхъ нашихъ временъ!

4) И какъ здѣсь выставлены собственныя мои слова, то имѣю право изъявить мои чувства, что желаю лучше ослѣпнуть, нежели когда ни будь смотрѣть на сіе дѣло съ одинаковой съ Г. Сенаторомъ точки зрѣнія (слова сіи, впрочемъ, справедливыя, выпустилъ я изъ читанной мною въ Совѣтѣ бумаги).

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

ИЗОБРАЖЕНІЕ НАСИЛІЯ,

ЖЕСТОКО ОБРАЩЕННАГО НА СЛАБУЮ НЕВИННОСТЬ.

ЗАПИСКИ

О

СОБЫТІЯХЪ НА ВОЛЫНИ И ПОДОЛѢ

ВЪ 1789 ГОДУ,

ѲЕОДОСІЯ ВРОДОВИЧА,

АРХИПРЕСВИТЕРА ГРЕЧЕСКАГО УНІЯТСКАГО КАПИТУЛА ЛУЦКАГО.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ Предисловіи къ изданному мною во 2-й книгѣ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» 1865 года, отд. V (стр. 1—X), «Содержаніи доклада, поданнаго Сейму отъ Депутаціи, назначенной допрашивать обвиняемыхъ въ бунтахъ, въ засѣданіе 26 Марта, 1790 года,» изложено тогдашнее положеніе Польши и причины, вызвавшія собравшихся въ концѣ 1788 года Государственныхъ Чиновъ на Сеймъ въ Варшавѣ, нарядить эту Коммисію изъ среды себя или по тогдашнему Депутацію. «На этомъ продолжительномъ (четырехлѣтнемъ) Сеймѣ, замѣтилъ я, задумано было совершенно преобразовать Польское Государство... между прочимъ вздумали уничтожить обязательства касательно предоставленія Разновѣрцамъ (Диссидентамъ) свободы Богослуженія и правъ, наравнѣ съ Католиками. Въ число же Разновѣрцевъ входили и Русскіе, которые, какъ Православные, отбиваясь сами съ оружіемъ въ рукахъ отъ посягательствъ на нихъ Поляковъ, искали прежде всего заступленія у своихъ единоутробныхъ и единовѣрныхъ, нашли было оное, а теперь опять должны были его лишиться, въ силу преобразованій, благопріятствовавшихъ, съ первой до послѣдней буквы, одной лишь Шляхтѣ. А чтобы оправдать сколько ни есть свои мѣры по этому дѣлу, Поляки старались сообщить имъ характеръ Государственной необходимости, именно, что онѣ вызваны были чувствомъ самосохраненія, такъ какъ во всѣхъ областяхъ Югозападной Руси показались явные признаки, предсказывающіе близкое наступленіе новой Хмельницины, въ которой, какъ и въ первой (по убѣжденію Поляковъ), также присуща рука Москвы. Тотчасъ наряжена была особая Коммисія или, какъ тогда выражались, Депутація, которой и поручено допросить подозрѣваемыхъ въ сношеніяхъ съ Москалями, разузнать, отъ чего волнуется благоденствующая подъ воскрыліемъ Польши Русь на Украинѣ, Волыни, Подолѣ и Полѣсьѣ. Депутація представила донесеніе свое, въ которомъ утверждала, что, «бунтовъ и возмущеній позднѣйшихъ матерью

сдѣлалась злобная сосѣдственнаго Кабинета политика,» т. е., Россіи. Отвергая съ неслыханной беззастѣнчивостью всякую со стороны Польши Вѣроисповѣдную нетерпимость и отнятіе Государственныхъ правъ отъ Разновѣрующихъ подданныхъ своихъ, Депутація утверждала, что задумано было, при посредствѣ Москвы, новое возстаніе, подобное возстанію 1768 года, извѣстному подъ именемъ рѣзни въ Польско-Русскихъ краяхъ. «Явившееся вдругъ необычайное число Поповъ, маркитантовъ, Пилипоновъ, извощиковъ и прочихъ Россійскихъ бродягъ въ Польшѣ, ножи и другія разбойническія орудія, подъ видомъ торга ввезенныя ими въ край Польской, свѣдѣтельства, изъ допросовъ открывающіяся, что одинъ и тотъ же самый день назначенъ былъ во всей Польшѣ, Литвѣ и Украинѣ для начатія кровопролитія, что исповѣдь между прочимъ служила средствомъ тому неистовому договору, судебные приговоры, по которымъ столь много изобличенные въ соучастованіи въ безчеловѣчномъ томъ дѣлѣ, казнены были смертію, суть очевиднымъ доказательствомъ справедливости и начала подущеннаго бунта, и сомнѣваться не должно, чтобъ Россія того, что приготовляла въ теченіе толь многихъ лѣтъ политическимъ стараніемъ, и что доказать успѣла въ 1768 году, не замышляла произвести въ дѣйствіе въ 1789 году» (стр. 25—26).

Въ такомъ-то свѣтѣ доносила Сейму эта пресловутая Депутація, благодаря заговору Польской Шляхты противу бѣдной своей Руси, яко бы замыслившей, при содѣйствіи Москвы, окончательно повершить съ Поляками, насильниками и ворогами своими. Донесеніе Депутаціи издано было мною по современному переводу, найденному въ бумагахъ извѣстныхъ Генераловъ, братьевъ Кречетниковыхъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ дѣлахъ нашихъ съ Польшей того времени. Польскій подлинникъ былъ мнѣ тогда не извѣстенъ, какъ я и замѣтилъ въ упомянутомъ выше Предисловіи (стр. IV): только лѣтомъ этого года получилъ я печатный текстъ его совершенно неожиданно отъ Преподавателя Молодеченской Учительской Семинаріи, Г-на Юліяна Ѳедоровича Крачковскаго. Это: «Treść z relacyi od Deputacyi examinuiącey oskarzonych o bunty Stanom Seymuiącym na Sessyi Semotis Arbitris dnia 26 Marca r. 1790 uczynioney, za rozkazem Deputacyi interessow Zagranicznych wyciągnona.» Безъ

означенія года и мѣста напечатанія, но, конечно, въ 1790-мъ и въ Варшавѣ. Форматъ 12 доля листа, стр. 94 (то есть: тексту 72, приложеній 22 и для примѣчанія, поставленнаго передъ текстомъ 2, но безъ означенія числомъ). *

Но совсѣмъ иначе происходила вся эта сумятица въ нынѣшнемъ нашемъ Заднѣпровьѣ, какъ свѣдѣтельствуютъ современники и очевидцы, благодаря которымъ потомство наконецъ знаетъ, въ чемъ было дѣло, кѣмъ всчато и для чего. Къ числу такихъ непосредственныхъ очевидцевъ принадлежитъ Ѳеодосій Бродовичъ, Архипресвитеръ Греко-Уніятскаго Луцкаго Капитула, который описалъ все имъ видѣнное и слышанное, въ видѣ переписки между двумя знакомыми, однимъ—жителемъ Луцка, а другимъ Варшавы. Повѣствованію своему далъ онъ заглавіе: «Изображеніе насилія, жестоко обращеннаго на слабую невинность.» Писано по Польски, и по тому и самое заглавіе: «Widok przemocy na słabą niewinność srogo wywartej roku 1789.» Подлинникъ принадлежитъ Архиву Греко-Унитскаго Митрополичья Собора въ Львовѣ. Списковъ съ него не существуетъ. Рукопись состоитъ изъ двухъ частей: переписки, въ коей изложено все, происходившее тогда на глазахъ Архипресвитера, или слышанное имъ отъ достовѣрнѣйшихъ людей, т. е., всѣ казни и продѣлки обуявшей Шляхты противъ Руси и ея Духовенства безъ различія Вѣроисповѣдныхъ Обрядовъ (Соединеннаго и Несоединеннаго съ Римскимъ Католичествомъ), какъ извѣстно, никогда не отдѣлявшагося отъ своей паствы въ добрые и злые дни. Разсказываемое же сочинителемъ всюду подкрѣплено подлинными актами, которые и составили собою вторую часть, такъ называемый, «Перечень» («Summariusz tych praw, dokumentów, dekretów i wszelkich transakcyj, które w tej książce pod alfabetycznemi literami wzmiankowane są»). Письма содержатъ въ себѣ 211, а Перечень остальное по 556 страницу въ листъ, за исключеніемъ двухъ Богословскихъ статей на стр. 315—565.

---

* Приложеній всего 7. Сочиненіе это большая рѣдкость, и стоитъ того, чтобы, по важности его, сдѣлать болѣе доступнымъ посредствомъ перепечатанія, что, можетъ быть, и предпримемъ въ недальнемъ будущемъ.

Подлинникъ переписанъ четкимъ почеркомъ, большею частью рукой Симеона Бродовича, брата Архипресвитера, отчасти же, тамъ и симъ, и рукою самаго сочинителя. Умирая, сочинитель вручилъ описаніе свое брату своему и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отнесся письмомъ къ Прелату Уніятскаго Львовскаго Капитула, Михаилу Гарасевичу, прося его принять отъ брата его эту рукопись, въ надеждѣ, что она будетъ имъ оцѣнена надлежащимъ образомъ и сохранена для потомства. Дѣйствительно, Прелатъ внесъ ее въ Архивъ, какъ сказано выше, Капитула Митрополіи Греко-Унитской Львовской, гдѣ и до нынѣ сохраняется. Оба упоминаемыя письма помѣщаются ниже, передъ Предисловіемъ сочинителя къ его творенію. Этѣмъ описаніемъ событій 1789 года на Волыни и Подолѣ прежде всѣхъ, конечно, имѣлъ возможность воспользоваться самъ Гарасевичъ для своихъ «Историческихъ Записокъ объ Іерархіи Русской въ Галичинѣ и сосѣднихъ съ нею краяхъ.» * Кромѣ того она извѣстна была и нѣтоторымъ другимъ ученымъ Львовскимъ, но только въ 1858 году Г-нъ Антоній Петрушевичъ обратилъ на нее вниманіе своего Начальства; по чему оно и поручило сочиненіе это разсмотрѣть бывшему тогда Профессору Русскаго языка и Словесности въ Львовскомъ Университетѣ, Я. Ѳ. Головацкому, который, снявъ съ него противень, переслалъ послѣдній мнѣ, при письмѣ отъ 17-го Октября, 1859, полученномъ только 20-го Февраля, 1860 года. Посланное сопровождено запиской, относящейся до судьбы этого сочиненія, коею и пользуясь я при его изданіи въ свѣтъ. Получивъ посланное, я тотчасъ приступилъ къ печатанію, какъ подлинника на Польскомъ, такъ и приложеній къ нему на разныхъ языкахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и къ Русскому переводу одной лишь 1-ой части, что и сдѣлано А. И. Хмельницкимъ, представляя 2-ую часть только въ ея подлинномъ видѣ, какъ нужную для подтвержденія содержащагося въ самомъ изложеніи. Быть можетъ, со временемъ и находящееся въ приложеніяхъ

---

* «Historica notitia de statu Hierarchiae Ruthenae S-ae Romanae Ecclesiae Unitae in Russia Minori, Alba et Rubra, a tempore ejus originis seu ab anno 1595 usque ad annum 1834, conscripta et allegatis reflexionibusque munita.» Сочиненіе это, кажется, по сю пору находится въ рукописи.

переведется на Русскій кѣмъ либо, по мѣрѣ надобности въ томъ, все, или одно подходящее къ дѣлу. Что до Польскаго текста, то онъ изданъ мною съ цѣлію, т. е., чтобы Поляки не сказали намъ, что мы выдумываемъ на нихъ что либо, сочинили сами, да потомъ и пустили по міру, яко бы переводъ съ небывалаго Польскаго подлинника. Теперь же каждый въ состояніи провѣрить какъ переводъ, такъ и подлинникъ, сличивъ послѣдній въ мѣстѣ его храненія. Между тѣмъ, пока я печаталъ подлинникъ и приложенія къ нему, вдвое превышающія его своимъ объемомъ, что, при другихъ моихъ занятіяхъ, подвигалось медленно, обстоятельства нежданно перемѣнились въ Австріи, и то, что, при прежнемъ порядкѣ, никогда не могло разсчитывать на свое обнародованіе, вдругъ увидѣло возможность на оное. По сему уже въ Апрѣлѣ 1861 года появилась въ свѣтъ 1-ая часть этого сочиненія въ Львовѣ, изданная Г-нсмъ Головацкимъ, и въ полтора мѣсяца все ея изданіе (1200 заводъ) было раскуплено; отъ того въ концѣ того же года потребовалось новое, а въ слѣдующемъ (1862) выпущена и 2-ая часть. Сличая напечатанное мною съ напечатаннымъ въ Львовѣ, открываются кое-гдѣ въ мелочахъ нѣкоторыя неточности касательно языка, но я долженъ сказать, что, печатая Записки этѣ, я держался буквально текста, мнѣ вѣреннаго и завѣреннаго собственноручною, за сходство его съ подлинникомъ, подписью приславшаго.

Въ примѣчаніи къ Львскому изданію этого сочиненія, Я. Ѳ. Головацкій говоритъ, что въ самый годъ происходившихъ событій (1789-й) вышли въ Варшавѣ: «Uwagi polityczne, do prawideł Religii i zdrowej Filozofii zastosowane, tyczące się władzy kościelnej in temporalibus, ulepszenia duchowieństwa Katolickiego obrządu Greckiego, nieutwarzania Hierarchii Nieunickiego Kościoła w krajach Rzeczypospolitej i udzielenia sprawiedliwości poddanstwa Polskiego, przez Anonima krótko w jednym liście zebrane.» Въ нихъ доказывается необходимость уравненія въ правахъ обоихъ Обрядовъ, Римско-Католическаго и Греко-Каѳолическаго, соединеннаго съ первымъ, учрежденія Капитуловъ при послѣднемъ, заведенія Семинарій, опредѣленія содержанія для его приходскихъ Священниковъ, основанія сельскихъ училищъ и отстраненія нѣкоторыхъ злоупотребленій въ высшемъ

Духовенствѣ. Не смотря на увѣреніе сочинителя, что онъ не принадлежитъ къ Унитамъ (стр. 21), однако тѣ свѣдѣнія, которыя онъ сообщаетъ о Русско-Уніятскомъ Духовенствѣ и всемъ, его касающемся, и которыя отличаются точностію и обстоятельностью своею, также сходство мнѣній съ мнѣніями, встрѣчающимися въ Запискахъ Бродовича, очевидно показываютъ, что и этѣ «Политическія замѣчанія» принадлежатъ Русину, и, вѣроятнѣе всего, тому же Луцкому Соборному Протоіерею, Ѳеодосію Бродовичу.

Сохраненное имъ для потомства изображеніе гоненій на Русское Уніятское Духовенство и его паству, поднятыхъ, такъ называвшеюся тогда, Коммисіею общественной безопасности, по поводу мнимаго подущенія первымъ простаго народа къ возстанію противъ своихъ Господъ и рѣзни ихъ и Жидовъ, за одно угнетавшихъ тѣхъ и другихъ, эта вѣрная до мельчайшихъ подробностей картина тогдашняго порядка вещей, настроенія умовъ и проявленія желаній и стремленій къ извѣстной цѣли, представляетъ намъ во всей наготѣ извѣстную партію Конфедератовъ Польскихъ, отличавшуюся своей звѣрской кровожадностью, едва ли уступавшей въ чемъ злоповѣстной Инквизиціи. Безграничная ненависть ко всему Русскому, медленно перерождавшемуся въ Польское, особливо со стороны простаго народа и его пастырей, вызывала изступленныхъ изувѣровъ къ самымъ нечеловѣческимъ мѣрамъ. Достаточно было пары словъ, въ шутку, или необдуманно, сказанныхъ, также подъ веселую руку сорвавшихся съ языка, чтобы попасть тотчасъ же подъ стражу, быть брошеннымъ въ оковахъ въ отвратительное заключеніе, изстязуемымъ всякаго рода мученіями и пытками и даже взведеннымъ на висѣлицу. Такъ въ Луцкѣ въ двѣ недѣли поплатилось жизнью 5-ть ни въ чемъ невинныхъ, да въ Дубнѣ 13-ть. А сколько погибло отъ голода, холода и всевозможныхъ лишеній и страданій въ мрачныхъ и смрадныхъ темницахъ! Пользуясь второю нашей войной съ Турками, безсовѣстно распускали всюду слухъ, что Русскіе маркитанты, большею частью изъ Пилипоновъ, жившихъ издавна на югѣ, въ тогдашнихъ Польскихъ владѣніяхъ, промышлявшіе въ военное время доставкой продовольствія въ войска, а въ мирное разнаго рода торговлей по городамъ, городкамъ, селамъ и деревнямъ, особенно краснымъ товаромъ и другими хо-

зайственными вещами, что этѣ люди, на которыхъ дотолѣ ни кто не обращалъ и вниманія, то есть, на ихъ посѣщенія, остановки, ночлеги по домамъ знакомыхъ Помѣщиковъ, горожанъ, Священниковъ и прочихъ обитателей, имѣютъ порученіе отъ самой Русской Императрицы поднять тамошній народъ, какъ единовѣрный и единородный, противъ Польской Шляхты и вообще Польскаго Правительства, и по тому развозятъ повсюду и раздаютъ простонародью нужныя для того орудія. Не устыдились даже представить Сейму въ Варшавѣ изображеніе, между прочимъ, того самаго ножа, которымъ въ особенности предполагалось вооружить чернь, а она, по данному знаку въ урочное время, должна была произвести рѣзню, подобную Уманьской. Не смотря, однако же, на всѣ усилія убѣдить въ томъ посредствомъ разсылки такихъ ножей между Шляхтой Волыни и Подола, и всеобщую увѣренность ея въ истинѣ того, нигдѣ не нашли ни одного подобнаго ножа у заподозрѣнныхъ и принуждаемыхъ всевозможными страданіями выдать ихъ и т. п. И сама Варшавская Депутація, при всемъ желаніи вѣрить такому поклепу на свою Русь, при всемъ предубѣжденіи противу ея и увѣренности въ существованіи заговора противъ Пановъ и Панковъ, разсмотрѣвъ присланное изображеніе, признала его «произведеніемъ головъ злонамѣренныхъ и испорченныхъ» («osądziła być go wynalazkiem głów równie przewrotnych, jako i złosliwych»).

Но какъ ни хитрила, какъ ни ворожила Польская Шляхта, какъ ни играла въ начало, а року своего не избыла, попала таки сама подъ начало; недоля сталась—чужимъ досталась: послѣдовалъ второй и третій раздѣлы; сбылось, что давно ей пророчили всѣ, свои и чужіе, и почтенный Архипресвитеръ Луцкій, завершая описаніе пережитаго имъ, съ грустью заключаетъ: «Этѣмъ все окончилось,» и тутъ же невольно прибавляетъ: «а лучше бы было, если бъ никогда и не начиналось!» Предчувствіе старца вскорѣ исполнилось. Видя бѣду, стрясшуюся надъ Польшей, какъ она по клочкамъ расползлась, онъ спѣшитъ приписать: «Кровь невинная, не долго же вопіяла ты о мщеніи! Вся страна разобрана; нѣтъ имени, нѣтъ существованія Поляка!» («Kraj cały rozebrany, nie masz imienia, nie masz exystencyi Polaka»), между тѣмъ какъ то и дѣло раздавались передъ тѣмъ

дикіе вопли отъ горъ Карпатскихъ до береговъ Днѣпровскихъ и отъ водъ Балтійскихъ до водъ Черноморскихъ: «Нѣтъ Руси, нѣтъ отщепенцевъ!» («Nie masz Rusi, nie masz schysmatików!»). И точно: когда не стало Православныхъ въ Рѣчи Посполитой, принялись за Уніатовъ, но тутъ-то и налетѣлъ топоръ на сукъ, коса на камень: на Русь наступили, но оступились, бойко нагрянули, да о земь грянули, а Русь навалила, и тяжестью своей задавила. И вѣшто: Горькому Кузенькѣ горькая и долюшка!...

Не взирая на все это, мало по малу дни испытаній прошли, какъ и дни страданій, волненія улеглись, правда всплыла, какъ елей, на верхъ, кривда понесла заслуженное возмездіе; время сгладило неровности, забылись бѣды и напасти, и старое является молодому не въ томъ уже видѣ, какъ было на самомъ дѣлѣ, особливо подъ перомъ недобросовѣстныхъ поэтовъ и романистовъ, такъ называемой, Украинской школы, которые въ своихъ писаніяхъ представляютъ всю жизнь Шляхты въ такомъ розовомъ, заманчивомъ свѣтѣ, что не знаешь, чему вѣрить: ихъ ли вѣщимъ разсказамъ, или же простодушнымъ сказаніямъ своихъ и чужихъ о былыхъ Польскихъ порядкахъ и нарядѣ. Но немного нужно ума, чтобы отличить тутъ истину отъ вымысла; а кто бы захотѣлъ добытое разсужденіемъ провѣрить, тому стоитъ только прислушаться къ тому, что и теперь еще дѣется съ Русью Подкарпатской, какъ тамошняя Шляхта братается съ Русиномъ. Нѣтъ, какъ свѣтъ свѣтомъ, такъ не былъ и не будетъ Ляхъ Русскому братомъ! Къ сожалѣнію, непреложность этого подтверждаютъ и скрижали древнихъ лѣтъ и событія нашихъ дней. Если бы когда либо противное тому сталось, т. е., сближеніе, но сближеніе и братанье не внѣшнее, поверхностное, а искреннее, отъ души и сердца исшедшее, Русскіе, видя такое чудо, первые воспѣли бы Богу пѣснь хвалебную во псалтыри десятострунѣ, пѣснь нову, и возложили бы на алтарь тельцы своя...

Ѳ. Водянскій.

9-го Декабря, 1868 г.
Москва.

ИЗОБРАЖЕНІЕ

НАСИЛІЯ НАДЪ СЛАБОЙ НЕВИННОСТЬЮ.

Видѣхъ подъ олтарьмь доуша избиѥньныхъ за слово Божиѥ и за съвѣдѣтельство, ѥже имѣахѫ. И въꙁъпиша гласъмь великомь, глаголѭште: доколѣ, владыко свѧтыи и истиньныи, не сѫдиши и не мьстиши кръви нашеѩ отъ живѫштихъ на земли; И даны быша коѥмоуждо ихъ ризы бѣлы, и речено бысть имъ, да почиѭть ѥште врема мало, доньдеже съконьчаѭтьсѧ и клеврѣти ихъ и братиѩ ихъ, имѫштии избиѥни бъти, ѩкоже и тии.

Апокал. ѕ҃, ѳ҃, і҃, аі҃.

ПИСЬМО

КЪ МИХАИЛУ ГАРАСЕВИЧУ, ОФИЦІЯЛУ ЛЬВОВСКАГО КАПИТУЛА. *

Perillustris, Reverendissime Domine,

Patrone Colendissime!

Великія качества Ваши, всѣми славимыя, а также и доказательства милостей, которыя Вы благоволили оказывать по моимъ просьбамъ, всегда возжигали во мнѣ желаніе къ ближайшему знакомству съ Вами, чтобы, такимъ образомъ, возможнѣе было мнѣ заявить и свое уваженіе къ Вамъ, и благодарность, которою я Вамъ обязанъ. Но такое счастіе не выпало на мою долю, а между тѣмъ, по общему ходу вещей, я нахожусь уже на исходѣ жизни, и тѣмъ вѣрнѣе убѣжденъ въ смерти, что и врачи отъ меня отказались, и силы меня оставили. Прощаясь по сему съ моими друзьями, прощаюсь, вмѣстѣ съ тѣмъ, и съ Вами; но въ доказательство уваженія моего къ Вашей особѣ, которое желаю сохранить и по смерти, посылаю Вамъ книгу, или скорѣе, Исторію ужаснаго преслѣдованія, доведшаго меня до настоящаго положенія. Въ этомъ положеніи мнѣ остается только просить Васъ помнить обо мнѣ у алтаря Господня.

Посылая Вамъ посдѣднее выраженіе моего почтенія,

Perillustrissimi, Reverendissimi Domini,

Patroni Colendissimi

servus humillimus,

(Собственноручно) Theodosius Brodowicz,

Archipresbyter Luceoriensis.

---

* Писано рукою брата Бродовича, Симеона.

ПИСЬМО

СИМЕОНА БРОДОВИЧА КЪ РАРАСЕВИЧУ.

СКУРЧЕ. 25 Генваря, 1804 г.

Милостивый Государь!

Братъ мой, Архипресвитеръ Луцкаго Капитула, постоянно питая глубочайшее уваженіе къ Вашей особѣ, и съ этѣми чувствами сходя въ могилу, не позабылъ оставить письменное доказательство привязанности къ Вамъ, и поручилъ мнѣ переслать Вамъ рукопись своего сочиненія, вызваннаго совершившимся роковымъ происшествіемъ. Исполняя послѣднюю волю моего брата, имѣю честь извѣстить Васъ, что онъ преставился 13 Мая, 1803 года. Пересылая Вамъ оставленное имъ письмо и книгу, присоединяю къ нимъ заявленіе почтенія, съ которымъ подписываюсь Вашимъ всенижайшимъ слугою,

Симеонъ Бродовичъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

и

СОДЕРЖАНІЕ ВСЕГО СОЧИНЕНІЯ.

Очевидная правда не требуетъ доказательствъ; сама она говоритъ за себя. Самыя ужасныя происшествія, которыхъ свѣжая память и кровавые слѣды еще не исчезли, совершались передъ нашими глазами. Осьмнадцатый вѣкъ, именно въ концѣ своемъ, вѣкъ просвѣщенный, оказалъ такую нечувствительность даже къ человѣколюбію, что, по справедливости, можно бы сравнить его съ вѣкомъ, когда либо самымъ непросвѣщеннымъ и самымъ дикимъ.

Найдешь, читатель, свѣдѣтельства, показанія и даже самихъ свѣдѣтелей, которые еще живы, обстоятельства которыхъ приведутъ тебя въ изумленіе. Прочтешь постановленія, записанныя острымъ желѣзомъ; замѣтишь всюду насиліе, если не будешь смотрѣть пристрастнымъ окомъ.

Но если будешь читать съ предубѣжденіемъ, то оставь тотчасъ же это сочиненіе, и, не читавъ, сочти его ложнымъ. Лучше скажи, что солнце въ полдень не свѣтитъ, что рѣки текутъ снизу вверхъ, и что умы всѣхъ безъ изъятія людей могутъ быть введены въ обманъ.

Этѣмъ и оканчивается все предисловіе, какое обыкновенно помѣщаютъ въ началѣ всякаго труда, излагаемаго на письмѣ; а

вмѣсто него, я открываю тебѣ «Зрѣлище насилія, жестоко обращеннаго на слабую невинность.» Но чтобы ты понялъ всю его свирѣпость, слѣдуетъ обратиться нѣсколько назадъ и посмотрѣть тотъ очеркъ, изъ котораго образовалась нынѣ печальная картина.

По вступленіи, въ 1764 году, на престолъ Станислава Августа спокойствіе въ краѣ продолжалось не болѣе 3-хъ лѣтъ. Кто нарушилъ его и по какимъ причинамъ, это не касается цѣли настоящаго труда. Началась Барская Конфедерація подъ предводительствомъ Красинскаго и Пулавскаго. Всеобщая неурядица была причиною крестьянскаго возстанія въ отдаленныхъ частяхъ Украйны. Козакъ Желѣзнякъ, собравъ толпу вольницы (hultajów), вышелъ изъ Запорожья и подступилъ подъ Умань, наслѣдственное мѣстечко Франциска Потоцкаго, бывшаго въ то время Воеводы Кіевскаго. Уманскій Козакъ того же помѣщика, Гонта, вступивши въ заговоръ съ Желѣзнякомъ, отворилъ ворота мѣстечка, впустилъ вольницу и несчатныхъ жителей, укрывшихся въ Умани, истребилъ жестокою рѣзней, не смотря на возрастъ и полъ, не щадя Священниковъ и чернецовъ обоихъ обрядовъ Католическихъ. Какъ далеко распространилась эта свирѣпость и какъ много Русскаго духовенства отъ него было побито, прошу заглянуть въ универсалъ, помѣщеный въ Перечнѣ подъ буквою А и подъ тою же буквою универсалъ Козаковъ.

Кто читаетъ Отечественную исторію и захочетъ припомнить Богдана Хмельницкаго, тотъ не удивится появленію подобнаго тиранства въ Украйнѣ; но не можетъ не прійти въ удивленіе отъ того, что вышеупомянутые вожди Барской Конфедераці и повѣрили клеветѣ, злобно взведенной на Уніятское Русское духовенство, будьто оно на исповѣди уговаривало народъ къ поднятію насильственныхъ рукъ противъ своихъ господъ и ихъ управляющихъ. Объ этомъ свѣдѣтельствуетъ окружное письмо, писанное къ Епископамъ Русскимъ Начальниками Барской Конфедераціи, помѣщенное въ Перечнѣ подъ буквой В.

Въ то самое время, когда вольница нещадно проливала человѣческую кровь, появилась въ странѣ чума, и Епископы Русскіе при первой удобной возможности съѣхались въ Львовъ, и тамъ въ публичныхъ актахъ торжественно заявили свою и своего духовенства невинность. Смотри въ Перечнѣ букву С.

Сами же они съ духовенствомъ, препоручивши себя Божьему покровительству, скоро увидѣли конецъ этого двойнаго несчастія, т. е., мора и рѣзни. Чума, распространившаяся, по причинѣ Турецкой войны, въ Русскихъ Воеводствахъ, прилегающихъ къ Дунайскимъ Княжествамъ, прекратилась совершенно въ 1770 году; возстаніе же было уничтожено поимкой и истребленіемъ атамановъ; захватывать ихъ помогли и сами Москали; разсѣяна была тоже и Барская Конфедерація, послѣ насилія надъ особою Короля, къ безчестію народа, 3-го Ноября, 1771 года.

Вмѣсто неурядицы наступила желанная тишина, но и она не долго продолжалась, особенно въ Воеводствахъ Кіевскомъ и Брацлавскомъ. Неуніяты, въ силу договора, заключеннаго 1778 г. между Россіею и Рѣчью Посполитой (такъ какъ они получили право взять обратно въ свое вѣдомство церкви съ прихожанами, захваченныя Уніятами послѣ 1717 года), удаляли Священниковъ Русскаго соединеннаго обряда изъ приходовъ, и отбирали у нихъ церковные фундуши, а не хотящихъ уступить добровольно прогоняли, при помощи Русскихъ военныхъ отрядовъ, забирая ихъ въ неволю отъ женъ, дѣтей и имуществъ.

Не хочу перечислять помѣщиковъ, владѣющихъ въ Украйнѣ имѣніями, которые принуждали своихъ крестьянъ къ отпаденію отъ Уніи. Я пишу въ такомъ вѣкѣ, въ которомъ всѣ знаютъ, что личныя выгоды смѣло разрываютъ самыя тѣсныя связи Религіи съ Государствомъ.

Темницы въ Бердичевѣ и Великомъ Полонномъ были наполнены Священниками, содержавшимися подъ строгой стражей Русскаго войска, о чемъ свѣдѣтельствуютъ и свѣжая память, и самыя письма

тѣхъ узниковъ, писанныя къ Іосифу Гарампи, бывшему въ то время Папскимъ Нунціемъ въ Польшѣ, и его отвѣты, изъ которыхъ можно видѣть, чьимъ именно ходатайствомъ нѣскольколѣтніе узники вышли на свободу. Не нашедши своихъ домовъ и имуществъ и не получивъ другихъ приходовъ, въ которыхъ могли бы помѣститься, долго потомъ искали они пропитанія себѣ и своимъ семействамъ изъ рукъ Христіянскаго милосердія. Смотри въ Перечнѣ упомянутыя письма подъ буквою D.

Прошло, однако жь, и это бѣдствіе; Русское духовенство, довольно ревностно привязанное къ Уніи, было признано, и по временамъ слышались на Сеймѣ Сенаторскія и Депутатскія рѣчи въ похвалу этого духовенства. И по этому именно Его Величество, Король, желая всѣмъ своимъ подданнымъ, безъ различія сословій, показать любовь и особенную благость своего сердца, благосклонно принялъ просьбы Ясона Смогоревскаго, Митрополита всей Руси, и соизволилъ ходатайствовать передъ Римскимъ Престоломъ, чтобы онъ украсилъ какимъ либо новымъ отличіемъ первенствующія въ этомъ духовенствѣ особы ученостью и заслугами, награждая ихъ труды и поощряя другихъ къ тому же. По этому Св. отецъ, Пій VI, установилъ на вѣчныя времена для тридцати Священниковъ въ Іерархіи право ношенія отличительныхъ почетныхъ знаковъ, и раздачу ихъ отдалъ въ руки Митрополитовъ. Смотри въ Перечнѣ букву E.

Казалось, что Русское духовенство обезпечило навсегда свои преимущества; уже встрѣчало оно любовь и уваженіе между гражданами; уже первыя особы этого духовенства носили на себѣ знаки благоволенія Папскаго и Королевскаго Престоловъ; и наконецъ, когда по смерти Кипріяна Стецкаго, случившейся 1786 года, Декабря 26, по старому счисленію, помощникъ его, Михаилъ Стадницкій, [1] по своей слабости, не способенъ былъ принять управ-

[1] Михаилъ Стадницкій, изъ Сѣрадскаго Воеводства, сперва былъ Піаромъ, а потомъ изъ Піара сталъ бѣлымъ Священникомъ, Каноникомъ въ Луцкѣ, далѣе въ Краковѣ, потомъ изъ Мазура Русскимъ, Профессоромъ Супрасльскаго монастыря

леніе Луцкимъ престоломъ: на этомъ престолѣ уже увидѣли Стефана Левинскаго, избраннаго изъ бѣлаго духовенства, сперва въ помощники, а въ послѣдствіи и правящимъ съ полнымъ правомъ суда, посвященнаго предварительно на заграничное Епископство Тигейское съ титуломъ Викарія (Суфрагана) Митрополіи.

И вдругъ, среди этѣхъ благополучій, стремительно, подобно молніи, поднялась сильная буря противъ того же духовенства Русскаго, едва ли не большая, чѣмъ когда либо.

1789 годъ былъ началомъ небывалыхъ до тѣхъ поръ несчастій, которыя тѣмъ ужаснѣе были, что возникли изъ причинъ, менѣе всего относящихся къ неурядицѣ, и обстоятельствъ не только двусмысленныхъ, но и совершенно невинныхъ.

Причины этѣ были слѣдующія: Россія, воюя съ Турціею, хотѣла имѣть тутъ, на Руси, свои магазины, желая закупать хлѣбные запасы на наличныя деньги, но помѣщики, обращая вниманіе на сильный неурожай хлѣба, и по тому дороговизну его, учредили Коммисію хлѣбныхъ запасовъ, предписавъ ей правила, назначивъ цѣну разнаго хлѣба и количество мѣръ, которое каждому округу слѣдовало поставить въ Русскіе магазины не прежде, какъ по врученіи Комисарамъ полной платы за хлѣбъ.

Эта предосторожность, именно въ Волынскомъ Воеводствѣ, имѣла то послѣдствіе, что приставленные къ Русскимъ магазинамъ, не желая покупать такъ дорого, отказались отъ запасовъ и, какъ обыкновенно поступаютъ недовольные, грозили Волынскимъ помѣщикамъ, а тѣ стали думать, что Москва сдѣлаетъ съ ними и не вѣсть что.

Св. Василія, наконецъ Викарнымъ Епископомъ Луцкимъ и Острожскимъ. Перемѣнія и состояніе и Вѣроисповѣдный обрядъ, онъ показалъ, что всѣ этѣ переходы не очень его тревожатъ; но по смерти своего помощника (Викарія) перемѣнился совершенно.

Такъ же и Сеймъ 1778 года, открытый во время Конфедераціи, подавалъ поводы къ разнымъ толкамъ: зацальчивыя рѣчи Депутатовъ и Сенаторовъ противъ Россіи и неумѣренныя представленія ея Полномочному Послу; умноженіе войска до ста тысячъ; уничтоженіе постояннаго совѣта, подраздѣлявшагося на разные департаменты, и полное измѣненіе внутренняго управленія, вопреки договора, заключеннаго 1768 г., были болѣе, чѣмъ достаточной причиной возникновенія разныхъ мнѣній, соотвѣтственно различному образу мыслей. Однако жь этѣ мнѣнія, какъ ни были различны между собою, сходились вполнѣ въ томъ, что Россія, рано или поздно, если не открыто, то тайно, постарается свои ниспровергнутые планы снова поставить на ноги. Такъ какъ мѣстная неурядица казалась удобнѣйшимъ къ тому средствомъ, то ея и стали прежде всего ожидать и опасаться со стороны Россіи.

Обстоятельства же, которыя называю не только посторонними, но и совершенно невинными, суть слѣдующія: Съ давнихъ временъ Русскіе маркитанты (которыхъ много живетъ въ сдѣшнихъ краяхъ подъ именемъ Пилипоновъ) пріѣзжали съ разными товарами въ Польскія владѣнія. Ихъ видѣли по городамъ, мѣстечкамъ и даже по деревнямъ, Господскимъ домамъ, Священническимъ усадьбамъ и корчмамъ, продающими платки, поясы, хозяйственные ножи, мыло, китайку, ситецъ и другія вещи. Ни кто до того не обращалъ вниманія на ихъ число, остановки, проживанье и ночлеги; ибо не было ни какого подозрѣнія на счетъ ихъ, да и теперь подозрѣвать бы не слѣдовало, по тому что они проходили черезъ таможни. Но однажды принявъ за основаніе, что Россія начнетъ свое мщеніе съ мѣстной неурядицы, составили потомъ предположеніе, что она пользуется для этого маркитантами.

Прежде всего распустили слухъ, будто двѣ тысячи повозокъ, и при каждой по два маркитанта, вошло въ Польшу. Начали слѣдить, что они продаютъ, гдѣ бываютъ и гдѣ ночуютъ; осмотрѣли ихъ товары, но нашли, что они тѣ же самые, какіе были и прежде; когда же между ними оказались кухонные ножи, приняли это

за доказательство, какъ бы очевидное, что маркитанты высланы для совершенія такой рѣзни, какая 20 лѣтъ тому назадъ была въ Умани.

И такъ какъ этѣ маркитанты всего чаще останавливались ночевать у Священниковъ, для лучшей безопасности своихъ товаровъ, то и заключили, что они подговариваютъ Поповъ къ бунту, а Попы крестьянъ.

За тѣмъ, въ слѣдствіе всеобщей тревоги, возникшей изъ одного предубѣжденія, какъ хлѣбные Коммисары, такъ и много другихъ помѣщиковъ, съѣхались въ годоръ Луцкъ. Стали совѣщаться о способахъ предотвращенія предстоящей гибели. Послали къ Сеймовымъ Чинамъ эстафету, въ которой доносили объ этомъ съ такою живостью, какую могъ внушить только страхъ уже наступившаго бѣдствія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагали мѣры къ сохраненію общественной безопасности.

Сеймовые Чины, повѣривъ донесенію, уполномочили этѣхъ самыхъ хлѣбныхъ Коммисаровъ къ соблюденію порядка и общественнаго спокойствія, дали имъ власть производить наслѣдованія безпорядковъ способами, обыкновенно употребляющимися для этой цѣли, и обо всемъ приказали доносить себѣ.

Въ силу такого дозволенія, Коммисія запасовъ, обращенная въ Коммисію порядка, начала свои дѣйствія въ Луцкѣ, издавъ прежде всего универсалъ ко всѣмъ помѣщикамъ, чтобы они, въ продолженіе восьма дней отъ обнародованія его, подъ опасеніемъ тяжкаго наказанія, выставили изъ каждой деревни, имѣющей 30 жителей, коннаго ополченца, а изъ деревни меньшаго населенія, пѣшаго, но не изъ Русскихъ, а непремѣнно изъ Католиковъ, одѣтыхъ въ Воеводскіе мундиры, снабженныхъ оружіемъ, со всѣми принадлежностями и продовольствіемъ на четыре мѣсяца. См. букву F.

Тревогу усилило другое печальное происшествіе, случившееся по другому обстоятельству, а не въ слѣдствіе мнимыхъ крестьянскихъ волненій.

Въ Невѣрковѣ, селеніи, лежащемъ миляхъ въ двѣнадцати отъ Луцка, дворовые люди убили своихъ Господъ, мужа съ женою, а также нѣсколько женщинъ изъ прислуги.

Къ этому побудила ихъ жадность, по тому что они видѣли много денегъ у своихъ Господъ.

Только и говорили, только и доносили Коммисіи, что поднявшіеся крестьяне начали рѣзню въ Невѣрковѣ; а къ кому это извѣстіе прилетѣло прежде, тѣ толпами бѣжали, одни въ Дубно, другіе въ Луцкъ, съ женами, дѣтьми и всѣми домашними. И хотя потомъ при изслѣдованіи открылось, что Невѣрковская громада (міръ) не была въ сообществѣ съ этѣми убійцами, и сами они, бывъ схвачены, признали Невѣрковцевъ ни чего не знавшими и невинными, но все таки нельзя было изгладить изъ умовъ предубѣжденныхъ того подозрѣнія, что не будетъ больше дѣйствительныхъ бунтовъ.

Первое нападеніе было обращено на маркитантовъ. Присланные въ Луцкъ по выше упомянутому универсалу ополченцы ловили ихъ вездѣ, забирали находящіеся при нихъ товары и деньги, а самихъ отсылали въ темницы.

Коммисія стала выдавать приказы о присылкѣ ей людей, какъ крестьянъ, такъ и Священниковъ, гдѣ либо заподозрѣнныхъ въ бунтѣ, и о которыхъ кѣмъ либо было донесено письменно или даже словесно.

Не довольствуясь ополченцами, которыхъ однихъ было слишкомъ достаточно для угнетенія несчастной Руси, частыми эстафетами въ Варшавскую Военную Коммисію, просили о присылкѣ на Волынь разныхъ отдѣловъ Королевскихъ войскъ. Войска явились въ Луцкѣ, Кременцѣ и Владимирѣ, также и въ окрестностяхъ этѣхъ городовъ, преимущественно передъ Пасхою по Римскому Мѣсяцеслову, и все это для предотвращенія мнимой рѣзни, которая будто бы должна была начаться въ день Свѣтлаго Воскресенія.

А между тѣмъ, если какой ни будь маркитантъ ночевалъ у Священника, или крестьянина; если кто ни будь изъ Русскихъ, пьяный,

или трезвый, изъ похвальбы произносилъ какое ни есть слово; если кто ни будь грозилъ кому либо, тѣхъ хватали изъ собственныхъ жилищъ и, набивъ на нихъ колодки, сажали подъ строгую стражу, однихъ въ Луцкѣ, другихъ въ Дубнѣ, третьихъ наконецъ по разнымъ мѣстамъ и мѣстечкамъ. Искали подозрѣнія тамъ, гдѣ его не было, подсказывали отвѣты, въ особенности Священникамъ неученымъ, и, объясняя ихъ превратно, доносили объ этѣхъ людяхъ, какъ о бунтовщикахъ.

Подъ обвиненіе въ заговорѣ подводили и личную вражду, и пользовались этѣмъ случаемъ для мщенія; требовали объясненія въ словахъ обоюднаго значенія, произнесенныхъ за годъ передъ тѣмъ и болѣе; пріѣзжали ночью къ богатымъ Священникамъ, сказывали имъ, будто бы и они оговорены въ бунтѣ, и, подъ предлогомъ защищенія ихъ, вымогали у нихъ значительныя деньги.

Расширивъ, безъ позволенія Сеймскихъ Чиновъ, данное ей полномочіе, Коммисія присвоила себѣ судебную власть, и въ продолженіе двухъ недѣль приговорила къ висѣлицѣ пятерыхъ несчастныхъ въ Луцкѣ и тринадцать человѣкъ въ Дубнѣ, не считая погибшихъ въ темницахъ отъ голода, холода и жестокихъ истязаній.

За тѣмъ начались уголовные суды. Голосъ религіи былъ заглушенъ; права ея служителей попраны; умолкло человѣколюбіе и не ощущало въ себѣ врожденнаго ему состраданія; служители алтаря несли свои головы подъ мечъ, или, становясь жертвою свирѣпаго раздраженія, оканчивали свою несчастную жизнь въ отдаленныхъ темницахъ.

Позволь мнѣ, благосклонный читатель, отвратить взоры отъ такого зрѣлища и, вмѣсто него, представить тебѣ переписку двухъ знатныхъ лицъ того времени, свободныхъ отъ предубѣжденія.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

ВАРШАВА, 25 Мая, 1789 года.

Вы, Милостивый Государь, вѣроятно, очень заняты новою должностью въ Коммисіи Порядка, если я до сихъ поръ не получаю отъ Васъ отвѣта, въ особенности въ такое время, когда Волынь полна изумительнѣйшими извѣстіями. Каждая почта привозитъ мнѣ оттуда по истинѣ ужасныя новости, но, не получая ни чего отъ Васъ, не считаю ихъ такими, какими онѣ кажутся. Описанныя Вами, онѣ будутъ для меня самыми вѣрными, по тому что, прежде нежели пожелаете кому либо передать этѣ извѣстія, Вы, я это знаю, сами основательно все разсудите.

Со времени соединенія Русскихъ и Литовскихъ Воеводствъ съ Короной, нигдѣ не читалъ я, чтобы на Волыни крестьяне бунтовали противъ своихъ помѣщиковъ, а тѣмъ болѣе, чтобы духовныя власти Русскаго Обряда, соединеннаго съ Римскою Церковью, дѣлали изъ своихъ подручниковъ орудіе для произведенія въ странѣ кровавой неурядицы.

И хотя Вы просили здѣшнюю Военную Коммисію о присылкѣ полковъ для размѣщенія по Волынскому Воеводству, въ видахъ Вашей безопасности, и въ числѣ многихъ желающихъ прочелъ я и Вашу подпись; хотя пріѣзжіе своими глазами видѣли, какъ около Луцка, такъ и около Дубна, висѣлицы, наполненныя простонародьемъ, руки, прибитыя къ позорнымъ столбамъ, и множество крестьянъ, высѣченныхъ палачомъ подъ позорными столбами, и все это, какъ сказываютъ, по опредѣленію Вашей Коммисіи Порядка, все же не вѣ-

рится мнѣ, чтобы Коммисія, не имѣющая судебной власти, отважилась сама присвоить ее себѣ. Но когда доставленъ сюда Попъ изъ имѣнія Ржыщевскаго, Любачевскаго Каштеляна, а въ слѣдъ за нимъ еще двое, одинъ изъ подъ Луцка, а другой изъ подъ Кременца, будьто бы уличенные уже въ возмущеніи простонародья; когда наконецъ привезенъ сюда, подъ прикрытіемъ народной конницы, Садковскій, Архіерей Луцкій, Неунитъ, съ своимъ Намѣстникомъ, болѣе чѣмъ подозрѣваемый въ заговорѣ, и всѣ они посажены подъ строгую стражу, а Сеймовые Чины уже назначили для разслѣдованія особую Коммисію, то изо всего этого долженъ я заключить, что у Васъ тамъ случилось что-то страшное, и что Вы, по благоразумной предусмотрительности, выжидаете конца этой бури, и тогда меня обо всемъ обстоятельно увѣдомите.

Вотъ чего жду я отъ Вашей дружбы и отличныхъ чувствъ ко мнѣ. И до полученія отъ Васъ отвѣта на мое письмо, удержусь составленіемъ объ этѣхъ пропсшествіяхъ своего мнѣнія.

Остаюсь и проч.

Пп. Посылаю Вамъ универсалъ Сейма. Кажется, Сеймъ вѣритъ безпрестаннымъ донесеніямъ изъ Волыни о томъ, что тамъ существуютъ настоящіе бунты, и по тому назначаетъ уголовный судъ, а доносчиковъ, хотя бы они были и соумышленниками заговора, освобождаетъ отъ наказанія. Но это-то и послужитъ для простаковъ западнею. (См. универсалъ въ Перечнѣ подъ буквою G.)

ОТВѢТЪ

ПРІЯТЕЛЮ ВЪ ВАРШАВУ.

ЛУЦКЪ, 5 Іюня, 1789 года.

Не всегда Варшава должна быть столицей изумительныхъ новостей: въ теперешнемъ просвѣщенномъ вѣкѣ можно для этого выбрать городъ и въ провинціи, а въ немъ столько же, сколько и въ ней, понадѣлать. Въ Варшавѣ установляютъ законы, сдѣсь ихъ примѣняютъ и тотчасъ же исполняютъ. А мнѣ кажется, будьто сдѣсь дѣлается и больше, чѣмъ примѣненіе закона.

Указываю Вамъ главнѣйшее основаніе всѣхъ сдѣшнихъ происшествій; основываясь на немъ, я, въ отвѣтъ на Ваши дружескія чувства ко мнѣ, чистосердечно разскажу Вамъ обо всемъ.

Уже на Дубенскихъ контрактахъ съѣхавшіеся изъ разныхъ областей помѣщики начали тревожить другъ друга какою-то, ожидаемою отъ Россіи, неурядицей. Чѣмъ болѣе проходило времени, тѣмъ эта молва становилась огромнѣе, и наконецъ, для подавленія ея, или вѣрнѣе, для открытія ея источниковъ, еще въ Февралѣ съѣхались мы въ значительномъ числѣ въ Луцкъ, какъ бы на Сеймъ главный.

На этомъ первомъ съѣздѣ мы рѣшили, что Его Милость, Король, снесшись съ Императрицею, хочетъ взволновать Польскій край; что Россія, занятая войною со Шведомъ и Туркомъ, и не могущая вторгнуться въ настоящее время въ Польшу, хочетъ покамѣстъ

истреблять Поляковъ помощію крестьянскихъ возстаній, что Король употребляетъ сдѣшняго Русскаго Епископа для того, чтобы онъ поручилъ своему духовенству бунтовать крестьянъ по приходамъ; что этотъ Епископъ, какъ придворный человѣкъ и Королевскій присяжный Секретарь, отнесъ исполненіе этого порученія къ долгу вѣрности, которою онъ обязанъ Королю; что потомъ Россія обрушится всею своею силой на остальное и заберетъ весь край.

Едва прошло нѣсколько часовъ со времени открытія этого нашего Сейма, а мы уже счастливо порѣшили такіе важные вопросы и донесли Государственнымъ Чинамъ, чтобы они позаботились о нашей безопасности.

Вѣроятно, Вы меня при этомъ спросите, чѣмъ же мы въ то время во всемъ этомъ положительно убѣждались? Коротко отвѣчу Вамъ на это. Въ настоящее время духъ помѣщиковъ сдѣлался необычайно проницателенъ; издалека видитъ онъ сокровеннѣйшіе тайники сердца; не требуетъ онъ ни какихъ доказательствъ для того, чѣмъ желаетъ задаться, а если ихъ нужно будетъ для публики, постарается пріискать самыя лучшія. Никогда такъ скоро и такъ единодушно не наступало о чемъ либо согласіе, какъ въ то время обо всемъ этомъ. Казалось, Королю, Императрицѣ и Епископу было геометрически доказано ихъ сообщничество въ заговорѣ для произведенія въ краю неурядицы, послѣ чего Король и Императрица проиграли свою тяжбу въ судахъ нашего Луцкаго Сейма, а Епископъ съ убогою паствою долженъ отвѣчать уголовно.

По тому что, какъ только пришло рѣшеніе Сеймовыхъ Чиновъ, обращавшее насъ изъ коммисаровъ продовольственныхъ въ коммисаровъ порядка, всякій, кто только ощущалъ въ себѣ тотъ гражданскій духъ, подобно голодному волку, кидался на эту паству.

Посыпались къ намъ отовсюду донесенія, будто Россійскіе маркитанты, пріѣхавъ на Волынь подъ видомъ торговли, сговариваются съ Попами и крестьянами вырѣзать Поляковъ и Жидовъ.

Встревоженному воображенію достаточно было нѣсколькихъ, хотя и ложныхъ, извѣстій; боязнь не умѣетъ различать вещей, каковы

онѣ сами въ себѣ; какъ только кто неумѣстнымъ предубѣжденіемъ приготовился къ ней, тотъ уже готовъ рѣшиться на все, полагая, что дѣло идетъ о сохраненіи его жизни.

По этому показалось безотлагательною потребностію власть, данную рѣшеніемъ Сеймовыхъ Чиновъ, обратить во власть судебную. Но много ли между нами было коммисаровъ, понимавшихъ, что такое значитъ расточать кровь людскую? Ужь не Викентій ли Рогозинскій, человѣкъ помѣшанный, не Каетанъ ли Требуховскій, заливавшій большими стклянницами малую искорку ума? Не Валентій ли Заленскій, прошлогодній наѣздникъ на деревню Омеляны и убійца въ ней нѣсколькихъ крестьянъ? Не другіе ли, хотя и не преступные, но не знающіе законовъ, способны были въ такомъ щекотливомъ вопросѣ, каковъ вопросъ о человѣческой жизни, отправлять должность судей? А этѣ-то больше всѣхъ и домогались быть судьями.

Совершилось все это при всеобщей сумятицѣ. Приводить дозательства противъ этого, утверждать выраженіями Сеймоваго рѣшенія, что Чины не дали Коммисіи судебной власти, было преступленіемъ и оскорбленіемъ всего нашего общества; по этому надлежало молчать и принять насильственно навязанное правосудіе, или, вѣрнѣе сказать, власть тиранства надъ ближними.

До этой поры я полагалъ, что собраніе просвѣщенныхъ коммисаровъ, какихъ было больше, чѣмъ несвѣдущихъ, найдетъ какое либо средство пощадить кровъ невинную, но примѣтивъ послѣ Невѣрковскаго происшествія (хотя и обнаружилось, что крестьяне не были причастны убійству Господъ и ни чего заранѣе о немъ не знали), что и этѣ мои товарищи стали перемѣнять свои понятія и думать за одно съ предубѣжденнымъ большинствомъ, обратилъ я на то все свое вниманіе, и такъ старался выбирать время въ отправленіи моей должности, чтобы ни разу не подать голоса за смертный пригиворъ.

Раздѣлились мы: одна часть осталась въ Луцкѣ, а другая въ Дубнѣ. Госпожа Прушинская, вдова Волынскаго Чашника, первая обнаружила усердіе горячей гражданки. Въ селѣ ея, Кириловкѣ, парни и молодые хозяева собрались по обычаю колядовать у помѣщицы

Случилось это на Русскихъ Святкахъ, между первыми и послѣдними. Когда колядники пришли позднимъ вечеромъ подъ ея окна и вдругъ начали пѣть, она, испуганная такимъ внезапнымъ крикомъ и собираясь уже спать, приказала прогнать ихъ изъ подъ оконъ палками. Слѣдовало бы простонародію простить такой несвоевременный поступокъ и принять во вниманіе скорѣе доброе намѣреніе, чѣмъ неприличное его исполненіе.

Пристыженные такимъ образомъ и поколоченные палками, колядники сказали другъ другу: «Какая же недобрая наша пани! Нужно бы на нее сына Гонты, чтобы онъ выучилъ ее съ людьми обходиться полюдски.»

Надобно знать, что между торжественно разглашенными баснями была и эта, будьто сынъ Гонты, Казака, казненнаго за Уманьскую рѣзню, лично просилъ Императрицу позволить ему мстить за кровь своего отца. Можно ли повѣрить, чтобы Монархиня согласилась на это и обѣщала помогать ему въ такомъ намѣреніи? А между тѣмъ у насъ всему повѣрили. И когда эта новость кружила головы, распаленныя страхомъ, одинъ изъ колядниковъ сдѣлалъ своей Госпожѣ доносъ съ прибавленіемъ той грозной похвальбы, которую высказали его товарищи.

Испуганная этѣмъ доносомъ, она тотчасъ же отослала въ Дубно нѣсколько десятковъ крестьянъ, набивъ на нихъ колодки, съ приложеніемъ платы палачу, требуя скорѣйшаго ихъ наказанія.

Не долго добивались добровольнаго сознанія: крестьяне не скрывали, что сказали противъ своей Госпожи такія слова отъ боли и замѣшательства, но что они ни чего не знали ни о какихъ заговорахъ, ни о сынѣ Гонты, о которомъ вспомнили случайно.

Тринадцать изъ нихъ частью нашей Дубенской Коммисіи осуждены на смерть; въ слѣдствіе этого, передъ Святой Недѣлей однимъ отрубили головы, другихъ повѣсили, остальныхъ, высѣкши у позорнаго столба, отослали обратно въ Кириловку, и приказали высѣчь ихъ еще и тамъ, при сборѣ народа.

На двухъ станкахъ разрывала смерть насмы человѣческой жизни. Въ то же время во множествѣ приходили къ намъ въ Луцкъ

извѣстія о крестьянскомъ бунтѣ. У Франциска Вильчинскаго, кортомщика части села Любеча, принадлежащаго Князю Воронецкому, было нѣсколько зажиточныхъ крестьянъ, которые не такъ были ему послушны, какъ бы то сему хотѣлось; обвинилъ онъ ихъ въ бунтѣ, частію на томъ основаніи, что у нихъ много огнестрѣльнаго оружія, частію же по тому, что они издѣваются надъ своимъ Попомъ; о своей ненависти къ нимъ, происходившей изъ другого побужденія, онъ умолчалъ. Оба обвиненія были справедливы, по тому что богатый крестьянинъ въ Полѣсьи всегда держитъ въ достаточномъ количествѣ огнестрѣльное оружіе для истребленія звѣрей; но изъ этого нельзя еще дѣлать заключенія о какомъ либо бунтѣ; а закоренѣлая вражда между Священникомъ и однимъ изъ первыхъ въ Любечѣ крестьянъ, по прозванію Поручикомъ, точно вызвала со стороны самого его, или его сына, какія-то угрозы противъ перваго. Но это служило только предлогомъ къ обвиненію. Настоящая причина позорной смерти, которою они погибли, была та, что этѣ крестьяне доносили владѣльцу (Князю) обо всемъ, что только со вредомъ для крестьянства затѣвалъ въ его имѣніи кортомщикъ. Владѣлецъ обыкновенно успокоивалъ притѣсняемаго крестьянина тѣмъ, что хвалилъ его усердіе, и обнадеживалъ близкимъ концемъ притѣсненій, а крестьянинъ, увѣренный въ поддержкѣ владѣльца, становился смѣлѣе и менѣе послушнымъ содержателю.

Какъ только Вильчинскій подтвердилъ присягою свой доносъ, тотчасъ же были посланы ополченцы въ Любечъ: обвиненныхъ, названныхъ поименно, позабивали въ колодки, забрали ихъ огнестрѣльное оружіе и, для лучшаго уличенія въ мятежѣ, привезли въ Луцкъ. Послѣ краткихъ распросовъ, безо всякаго слѣдствія, сына повѣсили, а слишкомъ восьмидесятилѣтній отецъ, нѣсколько недѣль сидѣвшій въ колодкахъ, отъ голода, холода и глубокой старости умеръ: по смерти разбили на немъ колодки и безъ гроба привезли его на Русское кладбище, гдѣ и похороненъ былъ Священникомъ. Остальные сыновья этого хозяина и другіе Любецкіе крестьяне были немилосердно наказываемы въ каждомъ селѣ, лежащемъ между Луцкомъ и Любечемъ, [1] и едва живые доставлены по домамъ.

---

[1] Противъ этѣхъ крестьянъ состоялось въ Коммисіи постановленіе, чтобы по пути въ

На другой день послѣ казни Любецкаго крестьянина повѣшенъ былъ на второй висѣлицѣ Симонъ Яроцкій, Дьякъ изъ села Жукова, подъ Клеванью. Онъ лишился жизни за то, что пьяный, прыгая по избѣ, говорилъ, что станетъ рѣзать Поляковъ и Жидовъ.

Ни въ чемъ онъ не сознался, ни о чемъ не зналъ, и оттоваривался тѣмъ, что говорилъ такія слова въ шутку.

Тѣла ихъ висѣли четыре недѣли, пока не стали смердѣть. Спустя недѣлю повѣсили на третьей висѣлицѣ двоихъ: первый былъ кузнецъ изъ Квасова, другой крестьянинъ изъ Острожца. Этѣ также лишены жизни за слова, сказанныя ими съ пьяну. Такая же позорная смерть готовилась и крестьянину изъ Кроватки, но нашъ Капитулъ ходатайствовалъ о немъ, что, при многочисленномъ семействѣ и теперешней дороговизнѣ, дѣти его навѣрное погибнутъ отъ голода, если онъ будетъ казненъ: по этой причинѣ присудили отрубить ему правую руку и прибить ее къ позорному столбу; самъ онъ, оставшись калѣкой, былъ вылѣченъ попеченіемъ нашей Каѳедры и возвратился домой, но потомъ черезъ недѣлю умеръ.

Напрасно стараюсь я описать подробно все то, что дѣлалось беззаконно, при величайшемъ замѣшательствѣ; прошу извинить меня, ежели, желая выставить Вамъ происшествія со всѣми обстоятельствами, могу утомить Васъ частымъ повтореніемъ одного и того же выраженія. [2]

Выше я разсказалъ уже Вамъ, на какихъ предположеніяхъ основалась наша тревога; къ ней долженъ былъ примкнуть и Рус-

---

Любечъ имъ дано было въ каждомъ селеніи по 100 ударовъ. Вели ихъ черезъ Яровицу, Вышковъ, Липляны, Жидичинъ, Колочинъ, Рудню, Рожища, Козинъ, и Рудку въ Любечъ; такимъ образомъ остервенѣлые ополченцы дали имъ въ продолженіе пути по 1100 ударовъ. Изъ этого можно заключить о здоровьи этѣхъ несчастныхъ людей, и о томъ, способны ли они отправлять работы, сопряженныя съ ихъ состояніемъ.

[2] Этѣ смертные приговоры исполнялись въ нашу Страстную Недѣлю, когда Церковь наша въ особенности воспоминаетъ страданія Искупителя нашего.

скій Епископъ съ своимъ духовенствомъ, по тому что мы такъ опредѣлили.

Онъ былъ еще въ Варшавѣ, и его ожидали въ Епархію къ празднику; по этому мы потребовали Намѣстниковъ его и велѣли имъ, чтобы они запретили своимъ Попамъ принимать по приходамъ исповѣдь въ Страстную Субботу, и чтобы ихъ обязанности въ этомъ случаѣ приняли на себя чернецы Чина Св. Василія.

Достаточно было сказать это просвѣщеннымъ Епископскимъ Намѣстникамъ, чтобъ они догадались о взводимой на клиръ клеветѣ, будто онъ на исповѣди подговаривалъ народъ къ избіенію своихъ Господъ. По этому они съ смиреніемъ и скромностію отвѣчали намъ, что такъ какъ у Рускихъ исповѣдь начинается отъ средопостья, и всѣ прихожане кончаютъ ее къ Вербной Недѣлѣ, то теперь было бы безполезно запрещать и такою необычайностью приводить въ тревогу простонародье, по тому что до этой поры рѣдко кто изъ прихожанъ не отбылъ Пасхальной исповѣди.

Этѣмъ очевиднымъ доказательствомъ мы удовольствовались, но въ то же время паслали изъ Коммисіи приказаніе тѣмъ же Офиціялямъ, чтобы они представили намъ двухъ Священниковъ, т. е., Костюшкевича изъ Колковъ и Борковскаго изъ Старосела.

Это послужило бы первымъ доказательствомъ со стороны упомянутыхъ Офиціяловъ готовности ихъ подчиняться нашимъ приказаніямъ. Они тотчасъ же отвѣтили, что послали въ Колки за тѣми Священниками своего Слѣдователя. Колковскій Священникъ Костюшкевичъ добровольно явился въ Коммисію, прежде чѣмъ дошелъ до него Консисторскій приказъ. Священника Борковскаго доставилъ Слѣдователь. Оба они, по словесному доносу, будто подговаривали къ бунту своихъ прихожанъ, были посажены подъ строгій дозоръ.

Въ то же время было донесено Коммисіи, яко бы у Сускаго Пона, по прозванію Лукашевича, ночевалъ маркитантъ и въ разговорѣ проговорился какимъ-то словомъ.

Такъ какъ наша Коммисія уже нѣсколько человѣкъ, а считая съ Дубенскими, около сотни, за пустыя слова лишила жизни, то ей нужнѣе всего было схватиться за что ни будь болѣе важное, чѣмъ слова.

Одинъ изъ среды насъ, Коммисаровъ, Каетанъ Аксакъ, вызвался доставить изъ Суска этого Священника. Отправившись съ предвзятою мыслью, онъ нашелъ, какого желалъ. Священникъ тотъ былъ человѣкъ простой, едва умѣвшій коекакъ писать по Русски и отъ грубой черни отличался только платьемъ. Перепуганный тѣмъ, что ему какой-то Панъ приказываетъ явиться въ Луцкъ, онъ выѣхалъ изъ дому, оплаканный женою и дѣтьми.

Дорогою горячо просилъ онъ Пана сказать ему, за чѣмъ тотъ везетъ его въ Коммисію, которая надѣлала уже шуму и была страшна. Коммисаръ отвѣчалъ грозно: «Ты долженъ Коммисіи отвѣтить, Попъ, за то, что позволилъ маркитанту ночевать въ своемъ домѣ.» Священникъ, еще болѣе встревоженный этѣмъ, сталъ снова просить Пана научить его, что говорить ему передъ Коммисіею. Тутъ только ловкій Коммисаръ началъ ободрять испуганнаго простака. «Не бойся, Попъ, тебѣ ни чего худого не будетъ, если ты скажешь, что маркитантъ подговаривалъ тебя къ бунту, показывалъ письмо Императрицы, но что ты на это не рѣшился.» — «Но, Пане, этого не было; былъ, правда, разговоръ между нами о Московской войнѣ, что гдѣ-то съ кѣмъ-то дерутся; была также рѣчь и о томъ, что теперь и Поляки собираютъ войска: можетъ быть, тоже думаютъ съ кѣмъ ни будь воевать, а больше ни о чемъ.»—«А развѣ этого, Попъ, мало? Маркитантъ говорилъ о войнѣ, что Москва собирается на Поляковъ: ты уже долженъ былъ догадаться, что онъ хочетъ уговорить тебя взбунтовать противъ насъ крестьянъ. Когда приведутъ тебя въ Коммисію, скажи, что онъ тебя подговаривалъ и письмо Московское показывалъ; иначе пропадешь, погубишь жену и дѣтей, а жаль мнѣ тебя, право!» Въ доказательство своего сожалѣнія, Панъ Коммисаръ сунулъ Священнику два червонца: «Возьми, Попъ; это тебѣ пригодится на нѣкоторое время для прожитія въ Луцкѣ. Получишь больше, если хорошо сдѣлаешь дѣло.» Обнимая ноги такого великаго своего благодѣтеля, Священникъ спрашивалъ: «Буду ли я, Пане, свободенъ, сказавши это?» «Честью увѣряю тебя, Попъ, что

будешь не только свободенъ, но и большую награду получишь за свою вѣрность.» Священникъ обѣщался поступать въ Коммисіи согласно съ даннымъ наставленіемъ. [3] Оставивъ ученика въ квартирѣ въ Луцкѣ, Панъ учитель Аксакъ явился къ намъ съ извѣстіемъ, что Лукаевичъ, Сускій приходскій Священникъ, имѣетъ сообщить что-то особенное.

На любопытное засѣданіе собрались не только мы, Коммисары, но много и другихъ помѣщиковъ, и наши каѳедральные Ксендзы, начиная съ Офиціяла. Предсталъ передъ нами Лукаевичъ, какъ разъ насупротивъ своего учителя, Аксака. Признался, что маркитантъ ночевалъ у него, уговаривалъ его поднять Сускихъ прихожанъ противъ Поляковъ, показывалъ ему какое-то письмо, котораго прочитать онъ не могъ, а только въ подписи прочиталъ нѣсколько буквъ: «Екат.,» что тотъ маркитантъ увѣрялъ его, будто такова воля Императрицы, и кто ея послушается, тотъ получитъ большую награду.

Слыша такія признанія, одни удивлялись великости преступленія, другіе радовались, полагая, что по нити дошли до клубка, а иные негодовали на Москалей, задавая имъ уже крѣпкія битвы. Я сидѣлъ третьимъ отъ Аксака, также насупротивъ признававшагося Священника, и замѣтилъ большое его замѣшательство, изъ чего убѣдился, что простотою его коварно воспользовались.

Но когда дѣло дошло до присяги, то бѣдный Священникъ, навѣрное ея не ожидавшій, задрожалъ, посматривая безпрестанно на Аксака. Я очень внимательно наблюдалъ, какъ Священникъ, вразумленный его грознымъ взглядомъ, убѣдился, что отступать ему нельзя и небезопасно. И такъ въ величайшемъ замѣшательствѣ, по тому что сомнительно, чтобы онъ понималъ, что ему было сказывано, онъ подтвердилъ присягою свое показаніе. [4]

---

[3] Каетанъ Аксакъ, Королевскій Камергеръ, въ тѣсномъ кругу самъ разсказывалъ потомъ, какимъ образомъ Сускаго Священника довелъ онъ до такого сознанія.

[4] Тоже подтвердилъ и Священникъ Лукаевичъ, сожалѣя о невинной смерти маркитанта на висѣлицѣ, причиною которой былъ онъ, поддавшись внушеніямъ Аксака.

Тутъ Коммисары и помѣщики его стали ласкать, разсыпались передъ нимъ въ похвалахъ и въ обнадеживаніи большими наградами за то, что одинъ благороднаго сердца Священникъ открылъ заговоръ, составленный на нашу погибель. Отсюда родилась большая увѣренность въ томъ, что Русскій Епископъ и его духовенство знаютъ объ этомъ, что они составили заговоръ для такого преступленія и выжидаютъ только срока, назначеннаго для приведенія его въ исполненіе.

Приказали тщательно отыскивать всюду этого маркитанта, а между тѣмъ уже, безъ вѣдома Коммисіи, стали хватать Священниковъ одного высежа и отсылать ихъ въ Луцкъ. Въ самый Великій Четвертокъ, Соболевскій изъ Шипра, недавній кортомщикъ на Полѣсьи, изъ ненависти къ нѣкоторымъ Священникамъ, жившимъ въ близкомъ сосѣдствѣ, по своему произволу представилъ пятерыхъ въ колодкахъ на Луцкую площадь, и тамъ же троихъ изъ нихъ тотчасъ отпустилъ, взявши съ нихъ деньги, а двоихъ, не могшихъ отъ бѣды откупиться, отдалъ подъ стражу Слѣдователю нашей Коммисіи. [5]

И не только за такіе поступки онъ не получилъ выговора отъ Коммисіи, но, напротивъ, его ревность была одобрена. Долго потомъ тѣ два Священника, т. е., Збужскій и Берестянскій, оставались подъ стражей, и только уже на Гродскихъ Судахъ послѣ присяги получили свободу.

Привели также Священника изъ Рафаловки, имѣнія Олизара, бывшаго Короннаго Стольника.

Попъ этотъ, вовсе неученый, былъ обвиненъ въ томъ, что, когда ополченцы вели его черезъ мѣстечко Черторыйскъ, закричалъ: «Гвалтъ! Рятуйте! Ото Лихы, якъ чорты, беруть мене.» Вмѣнено ему также и то, что, встрѣтившись тамъ же съ однимъ своимъ управляющимъ, какъ съ пріятелемъ, онъ взялъ его за поясъ и пальцемъ вертѣлъ по брюху. Изъ этого заключили, что онъ въ послѣдствіи хотѣлъ просверлить его живаго, хотя Попъ оправдывался отъ такого обвиненія, говоря, что дѣлалъ это, какъ короткій знакомый.

---

[5] То были приходскіе Священники изъ селъ Полѣскихъ, т. е., изъ Збужа, Постойнаго, Берестянъ, Мицка, Осницы, а шестой изъ Вербча.

Приведенный въ Коммисію, управляющій подтвердилъ присягою свое показаніе, и Священника отправили подъ стражу.

Струхнулъ я, когда дѣло дошло до голосовъ. Панъ Требуховскій закричалъ первый: «Повѣсить!» Едва ли не при каждой тяжбѣ онъ подавалъ такое мнѣніе. Поданы были другіе голоса въ томъ же родѣ; нѣсколько изъ насъ воспротивились, но противники пересилили.[1]

Тревогу увеличилъ Іосифъ Заленскій, Подстароста Владимирскій. Покончивъ свои суды, онъ привезъ намъ извѣстіе, будьто маркитанты разсылаютъ по Попамъ записочки, чтобы они, съ возмутившимся народомъ, приходили къ ихъ войску. Записочки этѣ разносилъ какой-то нищій; схваченный ополченцами, онъ указалъ на нѣкоторыхъ Владимирскихъ Священниковъ, будьто были у нихъ, и отдалъ имъ записочки. Священники, представленные въ Коммисію, ни въ чемъ не сознались, а утверждали, что не знаютъ нищаго и никогда въ домахъ своихъ его не видывали, въ чемъ и присягнули; по этому были они судебнымъ порядкомъ освобождены отъ взведенной на нихъ напасти. Нищій же этотъ показалъ, что онъ родомъ изъ Торчина, имѣнія нашего Епископа; что тамъ у него родные; что всѣ оставшіяся у него маркитантскія записочки онъ спряталъ въ соломенной крышѣ своего Торчинскаго родственника. Его немедленно отправили въ Торчинъ, но ни дворъ, ни крестьяне не признали его тамошнимъ уроженцемъ. Указалъ онъ наконецъ ту соломенную кровлю: приказано ее сломать и разобрать по соломенкѣ, чтобы найти тѣ записочки, но и при такомъ усердномъ розыскѣ не нашли ни чего. До здѣ донесеніе вышереченнаго Пана Подстаросты.

---

[1] За не имѣющее смысла верченіе пальцемъ по брюху осуждать Священника на смерть похоже на препираніе крестьянина съ мудрецомъ, которое они вели помощію знаковъ. Мудрецъ показалъ крестьянину одинъ палецъ, а крестьянинъ ему два. Мудрецъ понималъ подъ однимъ показаннымъ пальцемъ, что Богъ единъ, а подъ двумя, показанными крестьяниномъ, что онъ не только милосердъ, но и справедливъ. Когда спросили крестьянина, что разумѣетъ онъ подъ тѣми знаками, онъ отвѣчалъ: «Хорошо понялъ я, что мудрецъ, показавши мнѣ одинъ палецъ, намѣренъ мнѣ выколоть глазъ; отъ того я ему и показалъ два пальца, что самъ я выколю ему оба глаза.» Какъ можно видѣть, оба хорошо поняли другъ друга.

И хотя ложь сказалась вполнѣ, и вѣрно одно, что этотъ нищій былъ помѣшаный, однако умный Подстароста приговорилъ его къ висѣлицѣ, и, такимъ образомъ, повѣшенъ былъ человѣкъ, который заслуживалъ не смертной казни, а развѣ того, чтобы фельдшеръ пустилъ ему кровь.

За тѣмъ уже хватали Священниковъ изъ домовъ по малѣйшему подозрѣнію, и такъ много навезли въ Луцкъ, Дубно, Кременецъ, однихъ для свѣдѣтельства, другихъ для дознанія о заговорѣ, что трудно всѣхъ перечислить. Схватили также и того маркитанта, котораго обвинилъ Сускій приходскій Священникъ. Представленный въ колодкахъ въ Коммисію, на очную ставку съ своимъ противникомъ, онъ сказалъ, что никогда не уговаривалъ его къ бунту; что ему, кромѣ пашпорта, ни какого другого письма не показывалъ, и что только въ обыкновенномъ разговорѣ о Московской войнѣ съ Турками высказалъ изъ простаго любопытства, что и Поляки не даромъ производятъ вербовки; что онъ ни чего не знаетъ, и прибылъ въ сдѣшній край съ товарами, какъ купецъ. Всячески отыскивали у него то письмо, о которомъ Сускій Попъ, показалъ, что прочиталъ въ немъ на подписи слова:« Екат.,» но нашли только одинъ пашпортъ. [7]

Этотъ человѣкъ не былъ маркитантомъ, т. е., Пилипономъ; напротивъ, былъ то Русскій Православный; а говорятъ, что нѣтъ примѣра, чтобы Пилипонъ позволилъ себя обратить въ Католическую Вѣру.

Мы присудили повѣсить его. По прочтеніи опредѣленія, онъ сейчасъ же учинилъ Исповѣданіе Вѣры, и спокойно дожидался смерти. Коммисары обѣщали даровать ему жизнь, если онъ добровольно сознается въ томъ, что подговаривалъ къ исполненію Императорскихъ приказаній о рѣзнѣ, но онъ отвѣчалъ, что не желаетъ купить жизнь

---

[7] Если бы не было другого доказательства лживости показаній Русскаго Попа, одно уже то служило бы сильнѣйшимъ противодоказательствомъ, будьто онъ читалъ на подписи «Екат.» т. е., Екатерина. Здравый смыслъ содрогается при мысли, яко бы Императрица Россійская собственноручно подписываетъ пашпорты маркитантамъ; а если это былъ не пашпортъ, яко бы она ввѣряла свое письмо людямъ такого незначительнаго сословія, въ особенности на пролитіе человѣческой крови.

маномъ и клеветою на свою Императрицу, исповѣдался весьма благоговѣйно и повторялъ по Русски слова: «Напрасно гину», т. е., безвинно погибаю. Предсмертную его исповѣдь у висѣлицы принялъ Священникъ Болга, сѣдовласый старецъ Чина Св. Василія, украшенный необыкновеннымъ умомъ и сѣдою бородой. Надъ этой бородой его глумились наши ополченцы и, ожидая конца исповѣди обвиненнаго, громко кричали на исповѣдника: «Пусть этотъ бородатый еретикъ перестанетъ слушать исповѣдь! Навѣрное онъ уговариваетъ его на рѣзню.» Съ той поры помянутый Священникъ Болга, по случаю такого преслѣдованія, не хотѣлъ принимать исповѣдь обвиненныхъ тремя днями ранѣе. Прежде чѣмъ наступила казнь несчастнаго Русскаго, которая совершилась въ Великую Пятницу, со вторничною почтою пришло изъ Варшавы отъ Сеймовыхъ Чиновъ запрещеніе Коммисіи Порядка въ Воеводствѣ присвоивать себѣ судебную власть, которой Чины ей не давали. По тому что Сейму было донесено, что въ короткое время, по старанію Коммисіи, наши города Луцкъ и Дубно украсились многими повѣшенными. Приказано переслать въ Варшаву слѣдственныя дѣла о загубленныхъ людяхъ; а тамъ, разсмотрѣвши ихъ, нашли, что чаще всего наказывали позорною смертію за пустыя слова, сказанныя подъ пьяную руку, слова, заслуживающія развѣ нѣсколько ударовъ. Нашимъ рьянымъ Коммисарамъ натянули носъ; Попъ изъ Рафаловки, большинствомъ голосовъ приговоренный къ висѣлицѣ, выигралъ дѣло, по тому что нельзя было прочитать ему уже готоваго приговора, а тѣмъ болѣе приволить его въ исполненіе. Это, однако, не спасло Русскаго отъ смерти. По настоянію помѣщиковъ, Коммисія, хотя и не имѣла власти, приказала все таки исполнить свой приговоръ. Коротко сказать: онъ былъ повѣшенъ, повторяя безпрестанно Русскія слова до послѣдней ступени: «Напрасно гину!»

Такой родъ смерти тѣмъ былъ ужаснѣе, что при Луцкомъ Магистратѣ не было палача, и не откуда было достать его на это время. Коммисія пользовалась для казней пьяницею трубочистомъ, который предложилъ свои услуги обществу даромъ, и довольствовался только тѣмъ, что находилъ на осужденныхъ. Незнакомый со способомъ вѣшанія, употребляемымъ опытными палачами, вѣшалъ по просту, т. е., затягивалъ веревкою, и такъ неловко распоряжался своимъ дѣломъ, что повѣшенные, видимо водя грудью, мучились, смотря

по тѣлосложенію, шесть, семь и восемь часовъ, прежде чѣмъ въ страшныхъ мученіяхъ удушались.

Коммисія, въ доказательство должной своей покорности Чинамъ, хотя и не выдавала болѣе смертныхъ приговоровъ, однако занималась объявленіемъ приказовъ противъ оговоренныхъ, доставленіемъ ихъ въ Луцкъ, заключеніемъ подъ стражу, допрашиваніемъ, и за тѣмъ отсылкою въ уголовный судъ.

Чаще всего засѣданія наши проходили въ спорѣ между Коммисарами о томъ, отнята ли у нихъ одна лишь власть на смертные приговоры, или же имъ запрещено даже и выслушиваніе признаній; и большинствомъ голосовъ поддерживали то одно, то другое мнѣніе.

Но несравненно болѣе затронуло насъ то, что Сеймовые Чины приказали представить имъ, въ Варшаву, нашего защитника, т. е., Сускаго Попа, Лукаевича, чтобы отъ него самого услышать обо всемъ. Снова потребовался тутъ учитель, Панъ Аксакъ, да и не одинъ онъ, по тому что дѣло шло обо всѣхъ.

Большая часть нашей Коммисіи занялась этѣмъ: взяли къ себѣ простака Попа, безпрестанно читали ему его сознаніе; а для лучшаго удержанія въ памяти, приказали ему написать для себя пункты по своему, и читать ихъ. Говорили ему, что его хотятъ послать въ Варшаву къ Королю и къ Сеймовымъ Чинамъ, для полученія великой награды, которая навѣрное его ожидаетъ, если онъ тамъ покажетъ то же самое, что показалъ сдѣсь; но буде онъ, Боже храни, какъ ни будь спутаетъ, то навѣрное не уйти ему отъ страшной смерти!

Ободряли его, чтобы онъ ни чего не боялся, кромѣ одной разноголосицы въ показаніяхъ, и, такимъ образомъ, въ продолженіи нѣсколькихъ дней наставивъ его достаточно, и частыми распрашиваніями изъ его удачныхъ отвѣтовъ крѣпко убѣдившись въ томъ, что онъ не собьется, справили ему платье, дали на дорогу денегъ и послали въ Варшаву. Итакъ тотъ Священникъ изъ подъ Луцка, о которомъ Вы пишете, нынѣ въ Варшавѣ, куда посланъ не за возмущеніе на-

рода, а скорѣе для полученія награды за открытіе будьто бы уже составленнаго народомъ заговора.

Что касается до другихъ двухъ Священниковъ, то одинъ изъ нихъ, Попъ Громачевскій, изъ Кременца, Благочинный, хорошо воспитанный, былъ сначала подъ стражей въ Дубнѣ; когда же на него не было ни какихъ показаній и Князь его освободилъ, то наши рьяные граждане единогласно порѣшили, что Князь освободилъ его, взявъ значительныя деньги, и въ такомъ смыслѣ отписали въ Варшаву. [8] Князю нужно было очистить себя отъ клеветы, а въ то же время спасти невиннаго; по этому онъ послалъ его въ Варшаву. Другой Попъ, изъ Верещакъ, имѣнія Каштеляна Любачевскаго, по прозванію Рубиновичъ, тоже посланъ въ Варшаву: это былъ человѣкъ безъ образованія и горькій пьяница; подъ него подкопался Крижановскій, солдатъ Острожскаго полка. [9] Надѣюсь, Сеймовая Коммисія отъ него ни чего не узнаетъ, кромѣ словъ, неосторожно сказанныхъ съ пьяну, да въ добавокъ коварства Крижановскаго.

---

[8] Вышеупомянутый Благочинный Громачевскій, обвиненный въ заговорѣ самыми короткими своими пріятелями изъ тамошнихъ Стрянчихъ, былъ отданъ подъ стражу Офицеру изъ Дубна, поставленному на постой. Ночевалъ онъ въ жилищѣ этого Офицера, и на другой день былъ отосланъ въ Дубно. Князь Любомирскій, видя безвинное преслѣдованіе Благочиннаго, написалъ Офицеру сильное письмо за то, что онъ осмѣлился взять его подъ стражу и отослать въ Дубно. Офицеръ, пріѣдя отъ этого въ отчаяніе, взялъ бритву и перерѣзалъ себѣ горло. Если бы Офицеръ сдѣлалъ это въ то время, когда у него ночевалъ Благочинный, какимъ образомъ могъ бы онъ оправдаться въ зарѣзаніи этого Офицера? А изъ этого слѣдуетъ, что судьи въ дѣлахъ такого рода не должны оставлять безъ разсмотрѣнія и даже малѣйшихъ обстоятельствъ.

[9] Перерядившись бѣглымъ солдатомъ, Крижановскій умышленно явился къ Верещацкому Попу, прося его, чтобы онъ его спряталъ. Исполнивъ его просьбу, Попъ поздно ночью, вмѣстѣ съ нимъ, напился пьянъ. Бѣглецъ много говорилъ передъ нимъ о Полякахъ, выдавая себя за Поповича, взятаго въ службу силою, грозился на Поляковъ, говорилъ, что пойдетъ къ Русскимъ и поступитъ тамъ на службу, что Москали разберутъ край до клочка: пьяный Попъ со всѣмъ соглашался. За тѣмъ бѣглецъ, будьто бы пойманный, обвинилъ Попа въ заговорѣ, по тому взяли его въ Дубно подъ стражу, и прежде отправленія въ Варшаву, донесено Королю и Чинамъ, яко бы о совершенно уличенномъ въ бунтѣ. Должно быть это показалось Королю стоющимъ вѣры, по тому что онъ

Иное дѣло взять Архіерея изъ Луцка: тотъ, будучи Православнымъ, если справедливо, будьто Москва хотѣла возмутить край, могъ имѣть объ этомъ свѣдѣніе.

Чины легко узнаютъ обо всемъ изъ его бумагъ и переписки съ разными лицами своего народа; и тѣ и другая, какъ мы узнали съ почтою, захвачены вмѣстѣ съ нимъ.

И Русскій Епископъ прибылъ уже въ свою Епархію въ Великій Пятокъ Не знаетъ навѣрно, какія наживетъ онъ тутъ хлопоты. Господа Заленскіе, по своимъ интересамъ, связаннымъ съ прежнимъ Епископомъ Стецкимъ, съ которымъ они были въ родствѣ, и не полодившіе съ теперешнимъ, отлично умѣли воспользоваться временемъ противъ него и его духовенства.

На другой день, въ Великую Субботу, произошла большая тревога по случаю приближающагося яко бы срока для произведенія рѣзни. По тому что всѣ были заняты слухомъ, распущеннымъ не извѣстно какою пустою головою, будьто въ Свѣтлое Воскресеніе маркитанты, соединясь съ Попами и крестьянами, перерѣжутъ Ляховъ и Жидовъ. Въ то время Жиды пользовались величайшимъ довѣріемъ и, наравнѣ съ ополченцами отправляя караулъ, сдѣлались стражами общественной безопасности. Какъ на несчастье, нельзя было въ Великую Субботу смѣяться, а непремѣнно слѣдовало бы, когда Главнокомандующій надъ ополченцами, Панъ Загорскій, нашъ городской Луцкій Судья, взобравшись на своего аргамака, съ нѣсколькими десятками ополченцевъ выѣхалъ за Луцкъ въ поле противъ маркитантскаго войска. Но гдѣ же это войско? Откуда видны его слѣды? Съ которой стороны намѣрено прійти? По землѣ, или по воздуху? Богатырскія сердца не затрудняются такими соображеніями, сбираясь преслѣдовать непріятеля въ открытомъ полѣ, и возвратиться на первый день Пасхи либо съ торжествомъ, либо же принести въ жертву свою жизнь, мужественно охраняя жизнь своихъ собратій.

написалъ Русскому Епископу письмо о низложеніи этого Попа. Письмо Королевское Епископъ получилъ, будучи уже въ Епархію.

Совершилось: никого въ полѣ не видали, только что-то виднѣлись вдали. Одинъ изъ найхрабрѣйшихъ ополченцевъ, высланный на единоборство, донесъ главнокомандующему, что нѣсколько бабъ, навѣщавшихъ могилы, возвращаются изъ Луцка по домамъ. Непріятель скрылся, не далъ разсмотрѣть себя, ушелъ въ недоступныя мѣста и не захотѣлъ помѣшать нашимъ рыцарямъ пропѣть радостную аллилуія.

На праздникъ прибылъ къ намъ Свентославскій, изъ Кременца, нашъ Волынскій депутатъ, и много сообщилъ сеймовыхъ диковинокъ, которыхъ здѣсь не перечисляю. Собраніе гражданъ, вмѣстѣ съ Господиномъ депутатомъ, у Заленскаго, Подстаросты Владимирскаго, было многочисленное; туда явился также одинъ изъ Офиціаловъ Русскаго Епископа, Бродовичъ, поздравилъ насъ отъ имени Епископа и своего собственнаго съ праздникомъ, желая при этомъ найлучшаго здоровья, долговременной жизни и исполненія всякого желанія. Приличія требовали принять это поздравленіе чистосердечно. Однако жъ хозяинъ нашъ, Панъ Подстароста, въ своемъ отвѣтѣ, поблагодаривши за поздравленіе, прибавилъ: «Исполненіе такого желанія, въ особенности долгоденствія, зависитъ отъ вашихъ рукъ и воли; а по тому, если искренни ваши желанія, позвольте имъ исполниться.» Офиціалъ, пристыженный такимъ отвѣтомъ, сказалъ, что «Тотъ, Кто видитъ тайны сердецъ человѣческихъ, научаетъ принимать зло за добро,» и тотчасъ же ушелъ. Послѣ его ухода были сдѣланы разныя предположенія. Госпожи наши рѣшили, что, насколько онѣ знаютъ Офиціала, теперь въ глазахъ у него проглядываетъ что-то злое, чего прежде не бывало; по этому онъ остался въ подозрѣніи у всѣхъ, исключая депутата. И не удивительно, что онъ иначе думаетъ и понимаетъ: достаточно сказать, что онъ прибылъ изъ Варшавы, проникнутый духомъ Двора.

Когда наши праздники уже прошли, а чрезъ недѣлю наступали Русскіе, горячимъ головамъ показалось, что въ Русскую Свѣтловоскресную заутреню должна произойти задуманная рѣзня; по этому мы, Коммисары, предписаніемъ, даннымъ Епископу, опредѣлили отмѣнить всѣ ночныя богослуженія, въ особенности же обычныя этому обряду въ Чистый Четвертокъ и Великую Субботу. Письма Епископскія, разосланныя по всей Епархіи на Страстной Недѣлѣ, подали новый поводъ къ преслѣдованію Поповъ. Обширная

Епархія Луцкая и Острожская не могла такъ скоро узнать объ этомъ, и только тѣ приходы, до которыхъ дошли письма, отправили означенное богослуженіе днемъ. Другіе, ни чего не зная, послѣдовали давнему обычаю; въ послѣдствіи они должны были отвѣчать за это, какъ ослушники и бунтовщики.

Епископъ отправилъ за тѣмъ два универсала въ ту же Епархію; цѣлію ихъ было напомнить духовенству, чтобъ оно научало крестьянъ быть вѣрными и покорными своимъ помѣщикамъ, и чтобы оно, вмѣстѣ съ народомъ, молило Бога объ отвращеніи отъ отечества всякаго несчастія. Универсалы этѣ нельзя было огласить безъ предварительнаго пересмотра въ Коммисіи. За одинъ изъ нихъ выше упомянутый Офиціалъ Бродовичъ долженъ былъ безвинно много вытерпѣть. [10]

Уже и у Русскихъ прошли праздники, и установившееся въ сосѣднихъ Уѣздахъ спокойствіе подавало такую же надежду и клиру Луцкой Епархіи, какъ снова поднялась на этотъ клиръ тѣмъ ужаснѣйшая невзгода, что сами же Священники, своимъ собственнымъ сознаніемъ, навлекли ее на себя и на все свое сословіе. Такое ихъ противорѣчіе въ показаніяхъ можно объяснить себѣ или личною враждою, или надеждою, что, оговоривъ невинныхъ, оставшихся по домамъ, сами они выйдутъ на волю, по тому что нельзя было считать этого послѣдствіемъ Божескаго наказанія.

---

[10] Этотъ Офиціалъ, примѣнясь къ обстоятельствамъ, помѣстилъ въ Универсалѣ такія слова: «Въ тѣ времена, когда идолопоклонники не было просвѣщено еще свѣтомъ Евангелія и язычники употребляли всѣ свои силы и власть для истребленія Христіянъ, и тогда, однако же, Святый Петръ, поучая вѣрныхъ, какъ они должны вести себя относительно Господъ, приказывалъ имъ быть покорными всякому человѣческому созданію для Бога, ибо на то есть воля Божія: «Будьте, говорилъ, послушны Господамъ со всякимъ страхомъ, не только благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ!» Какое же повиновеніе долженъ чувствовать въ себѣ каждый теперь, когда всѣ Господа, воспитанные въ лонѣ Церкви Божіей, не иначе пользуются властію, врученною имъ отъ Бога надъ подданными, какъ только по истинѣ съ отеческимъ сердцемъ, всегда готовымъ для нихъ на всякое благодѣяніе?» Могли ли быть лучше выраженія Универсала? Многимъ показалось, однако, что въ нихъ заключается тайное возбужденіе народа. Копію съ него вырвали изъ рукъ Офиціала, а на другой день написали отъ Коммисіи другой Универсалъ, съ приказаніемъ его напечатать. Смот. въ Перечнѣ букву И.

Перваго Мая, Глодовскій, Попъ изъ Хорупани, взятый въ Дубно показалъ, будто бы Священникъ Симеонъ Карповскій, Слѣдователь Русской Консисторіи, во время бывшихъ въ томъ году контрактовъ, склонялъ его подстрекать своихъ прихожанъ къ бунту; кромѣ того, взвелъ найчернѣйшую клевету на свое начальство, показавъ, будто отъ Консисторскихъ властей былъ написанъ приказъ на избіеніе нѣкоторыхъ Пановъ, и что такой страшный для чтенія и исполненія приказъ всѣхъ лучше извѣстенъ упомянутому Слѣдователю; видали его и у Попа Суражскаго, который потомъ сжегъ его.

Такое свое показаніе упомянутый Попъ Хорупанскій при свѣдѣтеляхъ, слышавшихъ его, записалъ въ актахъ Дубенскаго Магистрата. Не спустилъ въ немъ и самому Епископу и своимъ властямъ, а на всѣхъ подъ рядъ положилъ найсильнѣйшую печать оскорбленія. Показаніе это, выписанное изъ Магистрата, разсылалось повсюду въ сокращеніи для очерненія Епископа и его клира. А Подстароста Владимирскій, торжествуя въ предположеніи, будто бы удержитъ уже Епископа въ своихъ когтяхъ, послалъ сказанное извлеченіе въ Воеводство Кіевское, гдѣ оно было обнародовано въ городѣ Овручѣ подчиненнымъ ему лицомъ. Посылаю Вамъ все это на особомъ листѣ, а также и отвѣтъ Епископа, съ тѣмъ, чтобъ Вы разсудили, похоже ли все это сколько ни будь на правду. Смотри подъ буквою J.

Какъ только Хорупанскій Попъ подписалъ показаніе, Князь Михаилъ Любомирскій, Начальникъ Острожскаго полка, изъ Дубна, а Коммисія Воеводская изъ Луцка, послали особые отъ себя отряды въ Епископское мѣстопребываніе, Рожища, взять подъ стражу Слѣдователя.

Между Княземъ и Коммисіею поднялся споръ. Князь желалъ держать Слѣдователя подъ стражею въ Дубнѣ, Коммисія же поставить его передъ уголовнымъ судомъ въ Луцкѣ.

Коммисія взяла верхъ. Одинъ изъ сказанныхъ Коммисаровъ, Каетанъ Требуховскій, прибылъ 2-го Мая въ Рожища, вмѣстѣ съ Княземъ Каликстомъ Понинскимъ, не уступающимъ ему въ дикомъ рвеніи. Князь занялъ Епископа разговоромъ, а Коммисаръ, съ значительнымъ числомъ ополченцевъ, вломился къ Слѣдователю въ ком-

нату, и взялъ его въ Луцкъ; на самомъ же дѣлѣ вырвалъ его изъ рукъ Дубенскихъ солдатъ, и, привезши позднею ночью, посадилъ подъ строгій дозоръ. Всѣ бумаги Слѣдователя представилъ онъ Суду, будто бы для уличенія его, а тѣмъ болѣе Епископа и Консисторіи, въ заговорѣ съ Священниками, для возмущенія народа.

Взяли тоже въ Судъ и Попа Суражскаго въ Дубно, а изъ Дубна въ Кременецъ, а Хорупанскаго представили въ Луцкъ. Попъ Суражскій, спрошенный на Судѣ о письмѣ, показалъ, что онъ получилъ его не отъ Консисторскаго начальства, а отъ своего брата, Францисканца съ Цесарской границы, что въ письмѣ не было ни чего, похожаго на басню, выдуманную Хорупанскимъ Попомъ; что братъ его, Францисканецъ, писалъ ему собственно объ утѣсненіи тамошняго духовенства и просилъ совѣта, какъ бы ему перейти въ сдѣшнюю Епархію; письмо это читалъ сосѣдъ его, Рохмановскій приходскій Священникъ; что, наконецъ, Попадья бросила это письмо въ печь и сожгла. Вызванный къ суду для свѣдѣтельства, Рохмановскій Попъ показалъ то же самое, что и Суражскій, по тому что въ Кременцѣ въ недавнемъ времени самъ читалъ письмо и хорошо его помнитъ. Оба выше упомянутые Попы приняли присягу, и были, по рѣшенію Суда, освобождены. Но у насъ, въ Луцкѣ, все подозрѣніе основывалось на томъ, за чѣмъ сожженно было письмо. [11] Хорупанскій сослался на Иванскаго Попа, будто бы онъ слышалъ отъ гостившаго у него въ домѣ Слѣдователя, какъ тотъ подговаривалъ Хорупанскаго къ бунту. Вызвали и его къ Суду, но онъ послѣ присяги ни чего не показалъ на Слѣдователя. Однако жь Гродской Луцкой Судъ, не желая оставить это обстоятельство, Кременецкимъ слѣдствіемъ уже уничтоженное, рѣшился возстановить

---

[11] Попъ Суражскій, прочитавши письмо отъ брата, повторялъ слѣдующія слова: «Великое дѣлается несчастіе между людьми!» Въ продолженіе нѣсколькихъ дней Попъ былъ очень печаленъ, горюя о братѣ. Между простонародьемъ распространился слухъ, яко бы Попъ получилъ какое-то печальное извѣстіе. Это дошло потомъ до Панскаго двора. Дворъ Суражскій, встревоженный такими толками, приказалъ призвать Попа, а въ случаѣ его несогласія, привести силою. Попъ пошелъ ко двору, а между тѣмъ Попадья, зная, что вся тревога и путаница случилась изъ за этого письма, сожгла его. Вотъ и все, что открыли объ этомъ роковомъ письмѣ; это же подтвердилось и передъ Собраніемъ.

его, и послѣ совѣщанія, тайно призвалъ Хорупанскаго Попа и дозволилъ ему подтвердить присягою показаніе, уничтоженное въ Дубнѣ; послѣ чего клятвопреступника освободилъ, а Слѣдователя подвергнулъ строгому заключенію.

Одинъ изъ товарищества, свѣдѣтель признанія Попа Хорупанскаго, Андрей Дмошинскій, движимый ревностью къ усмиренію бунтовъ, взявши съ собою изъ Дубна трехъ рядовыхъ, поѣхалъ въ деревню Большое Сѣно, имѣніе Мнишекъ, вдовы Литовскаго Хорунжаго. Войдя въ Священническую усадьбу, нашелъ онъ въ ней приходскаго Священника, удрученнаго глубокою старостію; грозно спрашивалъ его о Паляницахъ, внушая ему, будто бы онъ принималъ ихъ въ домъ свой на ночлегъ. Испуганный старичокъ отвѣчалъ, что онъ не принималъ ихъ и не видалъ. Товарищъ началъ обыскивать домъ Священника; часть сундуковъ разбилъ, по тому что не было ключа, остальные же отперъ поданными ему ключами; годныя для продажи платья, тонкія рубашки и другія вещи и все, что стоитъ денегъ, забралъ; приказалъ поднять полъ и въ подпольи искалъ Паляницовъ; повысыпалъ на гумно изъ бочекъ хлѣбъ, перетрясъ всѣ кладовыя, ригу и всѣ постройки, и ни чего не найдя, Попа старичка, какъ бы злодѣя какого, повелъ передъ собою на Барскій дворъ.

Когда еще живой Попъ и тамъ, какъ ни въ чемъ невинный, не признался; то былъ схваченъ Дьячекъ, и товарищъ спрашивалъ его, куда Попъ спряталъ ножи, колья и сабли. Дьячекъ подъ нагайками отвѣчалъ, что ни какихъ ножей, копій и сабель не видалъ у Священника и не знаетъ о нихъ; до пяти разъ принимались бить его безъ милосердія съ головы до ногъ, перевернули навзничъ и то же самое тиранство произвели по груди и животу. Изнеможенный Дьячекъ просилъ дать ему время для исповѣди, и ему оказали столько состраданія, что позволили исповѣдаться, а послѣ исповѣди снова положили подъ нагайки и били до тѣхъ поръ, пока на всемъ тѣлѣ не оставалось частички, которая не была бы намѣчена дикимъ варварствомъ. [12]

---

[12] Ситенскій Священникъ назывался Леонтій Локацкій, было ему 83 года; Дьячку его, звѣрски замученному, Стефану Грабовскому, было около сорока девяти лѣтъ.

Замѣтивъ, что Дьячекъ уже кончается, снова набросились на старичка Священника. Сказанный товарищъ приказалъ ему раздѣваться; сняли съ него верхнее платье и раздѣли до рубашки. Но старичекъ, которому тамошній Управляющій всунулъ въ руку два рубля, догадался отдать ихъ товарищу; такимъ образомъ откупился онъ отъ этой свирѣпости. За тѣмъ взяты были подъ нагайку шесть человѣкъ изъ Ситенской громады и биты безъ милосердія. Четверо, послѣ попобоевъ долго и опасно хворали, двоихъ товарищъ приказалъ отправить въ Дубно, гдѣ они и умерли въ темницѣ. Избитаго же Дьячка подобрала съ Барскаго двора громада и на нарахъ отнесла домой. Прожилъ онъ дня четыре, весь распухлый и почернѣлый. Напутствованный Святыми Дарами, этотъ мученикъ любви къ ближнему отдалъ духъ свой Богу, и погребенъ тамъ же на кладбищѣ.

Пишу къ Вамъ объ этой печальной исторіи, и какъ о найдостовѣрнѣйшей, по тому что слышалъ о ней отъ четырехъ очевидцевъ, согласующихся между собою до слова во всѣхъ обстоятельствахъ. Таково-то было и есть ожесточеніе не одного Дмошинскаго, а едва ли не всѣхъ, въ безумномъ усердіи ему подобныхъ; до какого ужасающаго предѣла дошло оно, увидите изъ дальнѣйшаго изложенія моего описанія.

Въ то же самое время представленъ былъ въ уголовному суду Александръ Бендеровскій, Попъ Городищенскій, изъ имѣнія Яна Стецкаго, Старосты Овруцкаго. Первоначально этого Попа судилъ за заговоръ Овруцкій Магистратъ и, вмѣстѣ съ тремя прихожанами, приговорилъ къ висѣлицѣ. Уже на площади, когда одного изъ трехъ крестьянъ повѣсили, пришло отъ того же Старосты извѣщеніе, чтобы удержаться отъ исполненія, по тому что Сеймовые Чины отняли у всѣхъ Магистратовъ право осуждать на смерть, а предоставили его только Гродскимъ или Земскимъ Уѣзднымъ Судамъ; когда же, вернувшійся изъ подъ висѣлицы, всего съ двумя крестьянами, Городищенскій Попъ передъ Гродскимъ Луцкимъ Судомъ добровольно ни въ чемъ не сознался, то сторона, желавшая во чтобы то ни стало погубить его, т. е., Староста Овруцкій, взялась слѣдствіемъ уличить его въ заговорѣ съ крестьянами. Для этого выставила она свѣдѣтелями именно тѣхъ двухъ крестьянъ, взятыхъ изъ подъ Острожской висѣлицы, прибавивъ къ нимъ и другихъ, сколько по закону полагается;

защитник, данный взятому Попу, по уверенности ли въ его невинности, или же скорѣе по статьѣ, допустилъ на его погибель этихъ свѣдѣтелей, признавъ ихъ свѣдѣтелями отвѣтчика. Уличенный въ лжи ихъ показаніями, Городищенскій Попъ былъ приговоренъ къ смерти отрубленіемъ головы.

Это опредѣленіе, обнародованное 20-го Мая, на другой день было послано Епископу съ требованіемъ низложенія обвиненнаго изъ духовнаго сана. Какая по этому предмету началась переписка и споры между духовною властію и свѣтскою, прилагаю особо. Смотри въ Перечнѣ подъ буквою К.

Однако Епископъ, защищая духовное право, не могъ иначе приступить къ низложенію, какъ разсмотрѣвши наперед дѣло и убѣдившись, уголовное ли оно, и заслуживаетъ ли лишенія жизни: а свѣтскій судъ, опираясь на Литовскій Статутъ и на рѣшеніе Сеймовыхъ Чиновъ, считалъ себя въ этомъ дѣлѣ полноправнымъ, и по тому требовалъ, чтобы Епископъ, не входя въ разбирательство дѣла, такъ какъ оно по слѣдствію подробно изложено въ опредѣленіи, и не перечитывая слѣдствія, прямо низложилъ бы, по своимъ обрядамъ, осужденнаго на смерть Священника; въ противномъ случаѣ судъ заявилъ, что казнитъ его и безъ низложенія. А наша сволочъ по своему объясняла сопротивленіе Епископа.

Сторону свѣтскаго суда приняли нѣкоторые изъ нашихъ духовныхъ богослововъ, подавъ письменное опредѣленіе такого содержанія, что такъ какъ судъ въ настоящемъ случаѣ имѣетъ власть распространить наказаніе смертью и на духовное лицо, то можетъ онъ и безъ низложенія приступить къ исполненію своего опредѣленія.

Болѣе всѣхъ удивилось я сдѣшнему Тринитарскому Священнику Яну, а онъ иностъ и Священникъ, и ему слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ отъ роду; въ слѣдствіе низкаго подобострастія, или вѣрнѣе, какой-то ожесточенной ненависти къ Руси, онъ, при теперешнемъ всеобщемъ раздраженіи, и словами, и сочиненіемъ, совершенно неприличнымъ, еще болѣе поджигалъ и раздувалъ тотъ огонь, который ему, какъ духовному, слѣдовало бы тушить мудрыми совѣтами, или, по крайней мѣрѣ, молчать тамъ, гдѣ ихъ нельзя было пріискать.

Прилагаю печатное сочиненіе, а равно и рѣшеніе нашихъ богослововъ. Смотри въ Перечнѣ подъ буквою L.

Епископъ, встревоженный столь необыкновеннымъ происшествіемъ, что его опредѣленіемъ свѣтскаго суда, осудившимъ виновнаго на смерть, приневолили къ низложенію, послалъ эстафету въ Варшаву, къ Князю Примасу и Апостолическому Нунцію, прося ихъ хотайства о томъ, чтобы Священникъ былъ поставленъ передъ Сеймовыми Чинами и дѣло его вторично и обстоятельнѣе было разсмотрѣно. И такъ надлежало терпѣливо ждать возвращенія эстафеты и мужественно противостать всѣмъ домогательствамъ.

Но Судъ Гродской Луцкой и помѣщики, домогаясь болѣе всего, чтобы ихъ дѣйствія были подтверждены духовной властью, настойчивыми просьбами, а наконецъ и угрозами, не переставали склонять Епископа, чтобы онъ какъ можно скорѣе пріѣхалъ въ Луцкъ и совершилъ этотъ страшный обрядъ, а вѣрнѣе, свое и своего духовенства послѣднее поношеніе. Съ этою цѣлію послали въ Рожища выше сказаннаго Священника Яна, ревностнаго апостола на утѣсненіе Руси, съ сильными представленіями и объявленіемъ, что, въ случаѣ отказа, или замедленія, Епископскаго пріѣзда, они представятъ ad Acta противъ него большой манифестъ, а осужденнаго Попа казнятъ смертью безъ низложенія. Черезъ этого Священника Епископъ писалъ Гулевичу, Хорунжему Луцкому, съ такимъ для публики заявленіемъ, что онъ пріѣдетъ въ Луцкъ, если при требуемомъ низложеніи не будетъ воспрещено употребленіе духовныхъ законовъ и установленій; что сдѣлалъ съ этѣмъ письмомъ Священникъ Янъ, свѣдѣтельствуетъ отвѣтъ его. [13] Епископъ желалъ такимъ образомъ про-

---

[13] Отвѣтъ Священника Яна Епископу весьма любопытенъ по своимъ выраженіямъ. По титулѣ: «Вручилъ я письмо Suae illmae Хорунжему, который читалъ его въ собраніи вельможныхъ Коммисаровъ, должностныхъ лицъ и Уѣздныхъ помѣщиковъ. Требованіе о собщеніи Вамъ слѣдствій было всѣми отвергнуто на томъ основаніи, что врученіе, или объявленіе, ихъ возможно только для высшаго суда ejusdem generis et ordinis, на примѣръ для Земства, или Трубунала ex appellatione admissa; во вторыхъ, по тому, что слѣдствіе изложено обстоятельно въ опредѣленіяхъ, изъ которыхъ и на основаніи его постановленъ приговоръ, сдѣдовательно, вмѣстѣ съ опредѣленіемъ, получается и слѣдствіе. Это же самое

дать время до возвращенія эстафеты, а помѣщики хотѣли сократить его. По этому, 23 Мая, Олизаръ, Кравчій Литовскій, и Заленскій, Подстаростa Владимірскій, нарочно поѣхали въ домъ къ Епископу, и до тѣхъ поръ склоняли его и сильными просьбами и угрозами, пока онъ не согласился въ тотъ же день ѣхать въ Луцкъ; въ субботу ночью остановился онъ въ монастырѣ Тринитаріевъ. Никто изъ его Консисторскихъ Чиновниковъ съ нимъ не поѣхалъ.

Какъ только Коммисія получила извѣстіе о прибытіи Епископа, тотчасъ же сдѣлала распоряженіе о задержаніи всего безъ изъятія, что только будетъ отправлено къ нему; она боялась, чтобъ эстафета изъ Варшавы не привезла Епископу чего нибудь благопріятнаго для узника. Коммисія послала Епископу въ его пребываніе Сейменій универсалъ (тотъ самый, который Вы приказали мнѣ по своему снисхожденію); изъ него поименованный Епископъ долженъ былъ убѣдиться, что по дѣлу Городницкаго Священника послѣдовало рѣшеніе ratione criminis, въ судѣ, которому онъ подсуденъ, и по тому онъ старался только о томъ, чтобы удержать хоть наружные признаки Каноническаго права.

Я не такъ хорошо зналъ Епископа лично, чтобы осмѣлился открыть ему неисправимые промахи въ Гродскомъ приговорѣ, которыхъ онъ, казалось, не видѣлъ. А развѣ то малый промахъ, что

всю выразилъ Господинъ Хорунжій въ письмѣ, которое онъ написалъ къ Вамъ, но его не отправили по тому, что Судья и Уѣздные помѣщики упросили Олизара, Литовскаго Кравчаго, и Заленскаго, Скольнаго Луцкаго, въѣздить къ Вамъ съ послѣднею просьбою за окончательнымъ рѣшеніемъ Вашимъ, а между тѣмъ отложить до понедѣльника, не далѣе, исполненіе приговора и подачу манифеста къ запискѣ въ книги; все это сдѣлано въ слѣдствіе моего прибытія во время жаркихъ пренійй и принятія послѣднихъ мѣръ къ исполненію приговора. Желаніе всѣхъ благомыслящихъ въ этомъ дѣлѣ есть, salvo judico meliori, пріѣхать безотлагательно, и эту трагическую обязанность привесть въ исполненіе въ наикратчайшее время, а слѣдствіе, наложенное въ опредѣленіи, такъ какъ его можно только in diligentia пересмотрѣть въ манифестѣ, пусть служитъ pro cognitione corporis delicti seu criminis. Sua Illma обстоятельнѣе объ всемъ увѣдомитесь отъ Вашихъ и духовенства Вашего друзей по пріѣздѣ сюда, и ante omnia своимъ великимъ соображеніемъ утвердите изъ двухъ золъ то, которое сочтете наименьшимъ. А я Васъ жду и съ квартирой и приложеніемъ моимъ къ Вашимъ стопамъ. Янъ, Луцкій Тринатарскій Священникъ. 23-го Мая, 1789 года.»

два свѣдѣтеля (по тому что третій изъ нихъ былъ повѣшенъ), сообщники мнимаго заговора, уже осужденные Магистратскимъ опредѣленіемъ на смерть, въ награду за свѣдѣтельство, данное противъ Священника, получили прощеніе? Дѣло очевидное, Священникъ погибалъ преимущественно по ихъ показаніямъ, при подговорѣ другихъ свѣдѣтелей менѣе достовѣрныхъ, и что они, спасая собственную жизнь погубили Священника, по тому что въ этомъ были обнадежены Судомъ, какъ потомъ обнаружилось изъ ихъ же собственныхъ словъ. По справедливости, Судъ не могъ даровать имъ жизни, даже въ силу упомянутаго Универсала, такъ какъ они находились уже подъ стражей и были осуждены на смерть а по тому, въ случаѣ виновности, должны были погибнуть вмѣстѣ съ Священникомъ, или вмѣстѣ съ нимъ быть признаны невинными. Епископъ, кажется, не зналъ объ ожесточеной злобѣ на Священника, и по тому желалъ, чтобы ему представлены были, для прочтенія, слѣдствія, и въ то же время потребовалъ обвиненнаго къ своему духовному суду.

О сообщеніи сказанныхъ слѣдствій продолжался самый горячій споръ отъ 3-хъ до 6-ти часовъ дня. Порицали Епископа (конечно, заочно), что онъ не хочетъ вѣрить опредѣленію, въ которомъ заключаются и слѣдствія, по тому что опредѣленіе составлено по нимъ. Не смотря на то, наши Прелаты такое приложили стараніе, что слѣдствія, безъ вѣдома, однако жь, помѣщиковъ (по тому что иначе сдѣлать этого было не возможно), передали изъ Суда Епископу и избраннымъ отъ него членамъ-судьямъ.

И тутъ еще полагалъ я, что дѣла идутъ хорошо. Епископъ, по прочтеніи слѣдствія, навѣрное замѣтитъ его промахи, посовѣтуется съ членами-судьями, бывшими при немъ изъ нашего собора, не приступитъ къ низложенію и изъ двухъ золъ изберетъ меньшее, если оставитъ Священника во власти злобы, чтобы рѣшеніе, постановленное насиліемъ, насиліемъ же и было приведено въ исполненіе. Это было въ понедѣльникъ: наши Барыни складывались на покупку факеловъ съ тѣмъ, что, если бы Епископъ и не низложилъ обвиненнаго, непремѣнно отрубятъ ему голову при факелахъ, въ ночь съ понедѣльника на вторникъ, по тому что во вторникъ приходила почта изъ Варшавы.

25 Мая, въ 8 часовъ утра, Священникъ, поставленный въ цѣпяхъ предъ Епископскимъ судомъ, безъ всякаго Защитника (Стряпчаго), выслушалъ рѣшеніе, исключающее его изъ среды клира, съ лишеніемъ всѣхъ духовныхъ преимуществъ. Въ глубинѣ сердца скорбѣлъ я при мысли, что сегодня Епископъ приложилъ послѣднюю печать къ уничтоженію своего клира, ставшаго жертвой клеветы, взведенной на него ненавистью, и что такой жребій не могъ пройти для несчастной Руси безъ содѣйствія нашего духовенства. Напрасно и не во время желалъ я, чтобы оно не мѣшалось въ это дѣло и подъ благовиднымъ предлогомъ отговорилось бы предъ Епископомъ отъ засѣданія (Смотри въ Перечнѣ букву Б). [illegible]

[illegible]

Въ нашемъ соборѣ, въ 9 часу, во время святой Литургіи, при великомъ стеченіи помѣщиковъ и солдатъ, Епископъ разстригъ обвиненнаго! Барыни наши, прежде столь ревностныя и смѣлыя, во время этого страшнаго обряда падали однако же въ обмороки, и какъ передъ тѣмъ всѣ безъ исключенія сильно желали, такъ теперь, будучи не въ силахъ выдержать ужаснаго зрѣлища, отворачивались, заливаясь слезами. Нельзя было надивиться душевному присутствію духа помянутаго Священника, который выказалъ такое спокойствіе, какъ будто его провожали на пиръ, а не на смерть; исповѣдался и принялъ Св. Причастіе. По окончаніи богослуженія, чтобы подкрѣпить свои силы, онъ попросилъ стаканъ вина и чего нибудь закусить. Просьбу эту тотчасъ исполнили. О себѣ сказалъ онъ, что виновенъ въ непочтеніи къ своей матери и въ частомъ пьянствѣ въ приходѣ; что же касается народнаго бунта, онъ объ этомъ ничего не зналъ и мысли такой безумной у него не было. [illegible]

[illegible]

Изъ уваженія къ Св. Тайнамъ, исполненіе приговора пріостановили на два слишкомъ часа; потомъ повели осужденнаго на площадь подъ стражею всѣхъ ополченцевъ, а также Дубенскаго гарнизона и Татаръ, находившихся тамъ подъ командою Генерала Бѣляка. Разстриженный остановился посреди рынка и просилъ объ исповѣди Габріила Селецкаго, нашего Каноника; исповѣдь продолжалась около получаса. Потомъ читанъ былъ приговоръ, и когда образовался обширный кругъ, осужденный сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ читающему, чтобы слышать всѣ статьи онаго.

Когда дошло до слѣдующихъ словъ, содержащихся въ приговорѣ: «со времени вступленія въ управленіе приходомъ Городищенскимъ пилъ съ крестьянами въ корчмѣ, бранилъ мать свою, святую Литургію отправлялъ нетрезвый,» обвиненный вздохнулъ; когда же дочли до статьи, въ которой говорится, что онъ запирался съ крестьянами въ церкви и подговаривалъ ихъ къ бунту, отъ трясъ головою и вздыхалъ. А когда приступилъ къ нему палачь, онъ объявилъ, что имѣетъ еще кое-что сказать; палачу приказали остановиться, а духовникъ, Каноникъ Селецкій, обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Не называю тебя Священникомъ, по тому что ты исключенъ изъ среды духовенства и считаешься мертвымъ членомъ, предназначеннымъ къ отнятію отъ человѣческаго общества. Но не тайна для тебя, что въ жизни загробной ты будешь жить вѣчно, и что Священническій санъ, принятый тобою, никогда не будетъ снятъ съ твоей души. Ты стоишь уже на томъ мѣстѣ, откуда въ скоромъ времени отойдешь на судъ праведнаго Бога. Теперь напоминаю тебѣ самую первую твою обязанность, которую налагаетъ молитва Господня: «и остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.» На этомъ основаніи спрашиваю тебя, искренно ли ты прощаешь своему доносчику и обвинителю, предъ Судомъ?»—«Прощаю.»—«Не питаешь ли какого гнѣва противъ судей, приговорившихъ тебя къ смерти?»—«Ни какого.»—«Не держишь ли злобы на своего Епископа, разстригшаго тебя?»—«Нѣтъ.»—«Не былъ ли ты кѣмъ подговоренъ? Скажи теперь, не щадя ни кого, истинную правду?»—«Ни кто никогда не подговаривалъ меня.»[14]—«Говори же теперь то, что намѣренъ былъ сказать!»—«Слышалъ я, какъ, въ моемъ присутствіи, Филиппъ, Дьячукъ Городищенскій, сказалъ, что теперь настало время, будемъ рѣзать; то же самое, смѣясь, повторилъ и Ковальчукъ, также Городищенскій; но не знаю, шутя, или въ правду, они говорили это.» Послѣ сихъ словъ онъ просилъ объ отпущеніи грѣховъ. Ровно въ часъ по полудни палачь отрубилъ ему голову; жена и мать его, присутствовавшія при казни, тотчасъ

[14] Послѣдній вопросъ былъ не приличенъ духовнику, однако его нельзя похулить, по тому что въ этомъ случаѣ непремѣнно нужно свѣдѣтельство самаго умирающаго, такъ какъ всѣ полагали, что онъ скажетъ, что ни будь на Епископа и его клиръ. По этому съ великимъ нетерпѣніемъ ожидали обѣщаннаго сознанія.

отданы были подъ стражу, чтобъ чрезъ нихъ не дошло какого либо извѣстія до дома, а въ Городище послали ополченцевъ для взятія выше упомянутыхъ, оговоренныхъ покойникомъ. Но какъ Староста Овруцкій запретилъ выдавать ихъ, а Суду объяснилъ, что не намѣренъ отправлять людей на смерть за пустыя слова, сказанныя въ шутку, и тѣмъ далъ понять ему, что съ него довольно и одной головы, тоже за пустыя слова отрубленной, то Судъ не настаивалъ болѣе на выдачѣ оговоренныхъ. На другой день послѣ казни пришла къ Судьямъ эстафета съ рѣшеніемъ Сейма, который приказывалъ остановить исполненіе приговора и осужденнаго на смерть Священника представить въ Варшаву. Но уже было поздно. Невиннѣйшая голова уже не пристанетъ къ своей шеѣ.

Глубоко уважаю Вашу дальновидность, когда, пересылая мнѣ Универсалъ Сеймовыхъ Маршалковъ, Вы писали, что онъ можетъ быть западней для простонародья. Ибо многихъ погубили слѣдующія непонятныя слова этого Универсала: «Если бы кто, находясь въ такомъ заговорѣ, или будучи о немъ увѣдомленъ, своимъ доносомъ, прежде уличенія въ немъ, воспрепятствовалъ исполненію преступленія, тотъ не только не подвергнется наказанію, но, за сохраненіе жизни собратій и уничтоженіе неурядицы, получитъ еще особенную награду.» Заявляю, что простонародье не понимало, что означается словами: «прежде уличенія въ немъ.» Сильно ошиблись также и тѣ, кто были довольно свѣдующи и опирались на недавніе примѣры.

По тому что, читая въ приговорѣ о Городищенскомъ покойникѣ, что двухъ свѣдѣтелей, уже уличенныхъ и осужденныхъ Магистратомъ, Гродской Судъ освободилъ отъ смертной казни за взведеніе преступленія на себя и выше именованнаго Священника, предполагали, что тотъ же Судъ будетъ милостивъ и къ другимъ, взводящимъ на себя вину. Такъ поступилъ Г-нъ Яворовскій, назначенный въ Защитники Старосельскому Священнику. Можно ему вѣрить вполнѣ, что онъ не изъ коварства, но неумышленно погубилъ ввѣреннаго его защитѣ Священника, по тому что самъ онъ потомъ сожалѣлъ объ этомъ, и до сихъ поръ еще жалѣетъ.

Онъ уговорилъ этого Священника, чтобы тотъ добровольно обнесъ себя, будто бы у него былъ маркитантъ, который подгова-

ривалъ его къ рѣзнѣ, давая деньги; будто онъ тѣ деньги бралъ и, собравши народъ, склонялъ его къ заговору, но что крестьяне его не поняли, и онъ о томъ болѣе не напоминалъ. Священникъ не соглашался на такое показаніе, говоря, что грѣшно лгать на кого бы то ни было, а, слѣдовательно, и на себя. Но когда Защитникъ (Стрячій) объявилъ ему, что не знаетъ другого средства спасти его отъ заключенія; когда удостовѣрилъ, принимая на свою совѣсть, что, послѣ такого признанія, будетъ онъ непремѣнно освобожденъ; когда собственноручно написалъ изложеніе такого поклепа, съ тѣмъ, чтобы Священникъ, прочитавши приготовленную бумагу на Судѣ, подписалъ ее, добился онъ того, что, для полученія свободы, Священникъ уступилъ его требованію. Явившись въ Судъ, онъ не только этотъ поклепъ сознался, прочиталъ и подписалъ, но обнесъ себя еще болѣе: что онъ копья и ножи закопалъ въ землю при своемъ приходскомъ домѣ; обнесъ Консисторскаго Слѣдователя, представившаго его въ Луцкъ, будто и онъ знаетъ объ этомъ. Несъ что-то и на свое духовное начальство, и тутъ же отпирался, какъ помѣшанный. Смотри въ Перечнѣ букву М.

Ни чего не было легче, какъ послать на мѣсто и провѣрить сказку о закопанныхъ копьяхъ и ножахъ. Но такъ какъ, по тщательномъ розыскѣ, она не оправдалась и его болтовня обнаружилась, то и все его признаніе слѣдовало бы признать ложнымъ. Однако этимъ баснямъ повѣрили; пересмотрѣли Епископскіе Универсалы къ Епархіяльному клиру, разбирали каждое слово, такъ сказать, по буквѣ и, хотя ни чего не было подозрительнаго, однако все истолковано наоборотъ. Всѣ Епископы получили приказаніе отъ сконфедерованныхъ Чиновъ произвесть въ своихъ Епархіяхъ народную перепись по образу, присланному изъ Варшавы. Русскій Луцкій Епископъ, въ исполненіе этого предписанія, выдалъ, какъ я упомянулъ выше, къ клиру своему Универсалъ, и, приказавъ молиться объ утишеніи неурядицы, заключилъ пастырское посланіе распоряженіемъ о присылкѣ въ Рожища, по приложенному образцу, вѣдомостей о числѣ находящихся въ приходахъ душъ, съ обозначеніемъ пола, возраста и всѣхъ приличныхъ обстоятельствъ. Тотчасъ подхватили слова: «и всѣхъ приличныхъ обстоятельствъ» [15] и объясни-

[15] Не удивительно, что эти слова «приличныхъ обстоятельствъ» возбудили подо-

ли, что они составляютъ искуственное выраженіе замышленнаго духовенствомъ бунта.

Однимъ изъ первыхъ толкователей былъ Князь Каликстъ Поницкій, домогавшійся въ Луцкомъ Гродскомъ Судѣ опредѣленія, чтобъ Епископу приказано было всенародно объяснить этѣ слова передъ Судомъ.

Когда же Епископъ представилъ въ подлинникѣ письмо отъ Маршалка Конфедераціи; когда сослался на другихъ Епископовъ обоихъ обрядовъ, что и они въ своихъ Епархіяхъ дѣлали то же самое, а помянутый Князь, со многими помѣщиками, настаивалъ, что Епископа слѣдуетъ потребовать за это къ Суду, Судъ, уступая обстоятельствамъ, постановилъ позвать Епископа, и дѣло объ этомъ внести въ реестръ directi mandati. Итакъ Епископъ, очерненный и помѣщичьимъ манифестомъ, и потребованный въ свѣтскій Судъ, напрасно полагалъ, будьто разстриженіемъ покойнаго Городищенскаго Священника смягчитъ ожесточенные противъ Себя умы. Онъ протестовалъ противъ такого насилія, причиняемаго Епископскому самосуду, и приглашалъ къ угощенію всѣхъ въ свою деревеньку, неподалеку отъ Луцка, гдѣ, по настоянію нѣкоторыхъ помѣщиковъ, дышащихъ ревностнымъ духомъ преслѣдованія, отрѣшилъ всю свою Консисторію, по той единственной причинѣ, что этого хотѣли обезумѣвшіе отъ вина люди, и поручилъ Офиціальство Священнику Флоріяну Корсаку, Чина Святаго Василія, помощнику Жидычинскаго Игумена. Смотри въ Перечнѣ букву А.

зрѣніе, когда не ускользнули даже слова, не имѣющія ни какого сходства съ ними и за которыя, однако жь, Священникъ взятъ былъ подъ стражу. За 1½ года передъ симъ вышла на Польскомъ и Русскомъ языкахъ книжка, заключающая въ себѣ разныя лѣкарства для людей и скота. Это были выписки изъ разныхъ сочинителей, которыя собралъ и издалъ Староста Ленкевичъ, и отослалъ въ Рожища, съ просьбою о даровой раздачѣ экземпляровъ Епархіи. Между прочими диковинками сочинитель наставляетъ, какъ сохранять въ свѣжести орѣхи, совѣтуя пересыпать ихъ сухимъ пескомъ въ горшкѣ. Нашедши ту книжку у Священника, толковали, что она заключаетъ въ себѣ таинственный смыслъ; что подъ орѣхами нужно разумѣть пули, подъ пескомъ порохъ, подъ горшкомъ пушки. Слѣдовательно, Попы его сговорились губить Дворянъ. Несчастный Священникъ, взятый подъ стражу, принужденъ былъ долго объясняться.

Вотъ другой уже поступокъ Епископа, который вовсе мнѣ не нравился. Въ первомъ ему, какъ пастырю, необходимо было мужественно держаться закона, въ другомъ [16] соблюсти благоразуміе и справедливость. Консисторія его была составлена изъ достойныхъ и просвѣщенныхъ людей, какъ Офиціаловъ, такъ и Ассесоровъ. Отставивши всѣхъ ихъ разомъ, онъ такъ сильно повредилъ ихъ доброму имени, что теперь общество считаетъ ихъ виновниками заговора.

---

[16] Апостольскій Нунцій, въ письмѣ, по поводу низложенія, укорялъ Епископа за поспѣшность и сожалѣлъ о такомъ нарушеніи духовнаго права; по тому что въ тѣхъ случаяхъ, когда все зависитъ отъ насилія, надлежало изъ двухъ золъ выбирать меньшее; меньшее же было допустить, чтобъ свѣтской приговоръ былъ исполненъ безъ низложенія, а не подтверждать его Епископскимъ приговоромъ. Ибо такое нарушеніе духовнаго права можно было легко исправить; это засвѣдѣтельствовалъ тотъ же Нунцій, говоря, что подалъ бы Чинамъ заявленіе (ноту) объ обезпеченіи на будущее время духовныхъ правъ новыми постановленіями; но, прибавлялъ онъ, когда низложеніе было совершено, не могъ ни чего предпринять передъ Чинами, на томъ основаніи, что именно на Епископскомъ приговорѣ утверждаются всѣ въ убѣжденіи, будьто духовенство его принадлежало къ заговору. Этѣмъ оканчивается письмо Нунція. Но Богъ будетъ судить каждаго по дѣламъ его, и тамъ, на Его судѣ, откроется истина, достоинъ ли былъ смерти тотъ Священникъ? Убѣдительно ли было къ осужденію на смерть Священника слѣдствіе, основанное на показаніи двухъ свѣдѣтелей, будьто бы очевидцевъ, первоначально осужденныхъ Магистратомъ на смерть, а когда они оговорили въ сообщничествѣ съ ними Священника, отосланныхъ, послѣ повѣшенія третьяго изъ нихъ, въ Гродскій Судъ и за это самое получившихъ прощеніе? Слѣдовало ли этого Священника казнить смертью, если бы онъ наконецъ и сказалъ что ни будь неразумное, за одни слова, которыхъ не было возможности привести въ исполеніе съ двумя только соучастниками? При такомъ разгарѣ несправедливыхъ требованій, не слѣдовало ли пастырю стоять за духовное право и свое стадо съ того твердостію духа, какой требовали и высокое его званіе и пастырская обязанность душу свою полагати за овцы своя (animam ponere pro ovibus suis). Но, къ несчастію бѣднаго клира этой Епархіи, всѣ обстоятельства склонились къ тому, чтобъ окончательно извергнуть его въ пропасть. Стефанъ Левинскій, Епископъ-Коадъюторъ съ правомъ наслѣдованія и Администраторъ какъ бы съ полнымъ самосудомъ, первый изъ бѣлаго духовенства возведенный на каѳедру, безродный, боящійся собственной тѣни, хотя Король и Королевское семейство были хорошо распожены къ нему, за это самое ненавидимый помѣщиками, все свое стараніе употреблявшій на угожденіе каждому и своимъ правомъ Суда служившій прихоти каждаго, съ уничиженіемъ о своего значенія, не могъ найти въ себѣ столько смѣлости, чтобъ воспротивиться незаконнымъ желаніямъ.

Между тѣмъ взятый подъ стражу Консисторскій Слѣдователь, Карповскій, былъ предметомъ общественной ненависти въ Луцкѣ. Показаніе Попа Старосельскаго, будто бы онъ зналъ о заговорѣ и самъ принадлежалъ къ нему, только сильнѣе подтверждало прежнее показаніе Попа Хорупанскаго, и хотя онъ передъ Судомъ ни въ чемъ не признался и отвѣчалъ на всѣ обвиненія съ силою, какъ словесно, такъ и письменно; хотя, для подтвержденія тѣхъ обвиненій, вовсе не было свѣдѣтелей, а кого онъ хотѣлъ представить изъ Духовенства, тѣхъ не допустили и всѣхъ отвергли, какъ бунтовщиковъ, однакожь раздражительность противъ него до того усилилась, что помышляли не о дальнѣйшихъ доказательствахъ мнимаго его преступленія, а единственно о самомъ ужасномъ для него родѣ смерти. Для возбужденія еще большаго къ нему омерзѣнія разглашали, будто бы онъ Епископскій племянникъ, и по тому отлично знаетъ намѣренія Епископа и Духовенства.

Отъ Суда домогались, чтобы онъ безотлагательно былъ осужденъ въ теченіе настоящихъ засѣданій и казненъ, въ страхъ всѣмъ своимъ сообщникамъ. Въ этомъ случаѣ Гродскій Луцкій Судъ принялъ весьма разумныя мѣры. Видя, что желаніе осужденія на смерть становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе онъ того заслуживалъ, Судъ съ намѣреніемъ отложилъ рѣшеніе дѣла его до будущихъ засѣданій, въ той надеждѣ, что время ослабитъ всеобщую къ нему ненависть.

Даже въ самомъ заключеніи ему не суждено было пользоваться тѣмъ спокойствіемъ, какимъ пользовались другіе. Кто изъ знатнѣйшихъ помѣщиковъ ни пріѣзжалъ въ Луцкъ, всякой любопытствовалъ посмотрѣть на него, какъ на какое ни будь чудовище, желающее упиться помѣщичьей кровью, и, задавшись такимъ убѣжденіемъ, изрыгалъ на него тысячу клеветъ; дѣло заходило такъ далеко, что находящіеся при немъ воины часто принуждены бывали вырывать его изъ рукъ ожесточившихся посѣтителей и укрывать между собою. Пулавскій, Ротмистръ народной конницы, при посѣщеніи его, ни какъ не могъ удержать чрезмѣрнаго своего озлобленія. Не удовольствовавшись самой поносной бранью, онъ схватилъ его за грудь, и если бы не защитилъ несчастнаго, находящійся на стражѣ съ нѣсколькими воинами, Офицеръ, положилъ бы его

на мѣстѣ, или бы изувѣчилъ. Кирьякъ Нововейскій, видя Ротмистра Пулавскаго въ такомъ раздраженіи, и къ тому же пьянаго, не только не остановилъ его, но еще подстрекалъ, говоря, что у него для узника приготовлена тысяча веревокъ. [17]

---

[17] Случается, что человѣкъ честный въ нетрезвомъ видѣ иногда поступаетъ худо. Этотъ недостатокъ почти каждому изъ насъ свойственъ. Ротмистръ Пулавскій, находясь въ нетрезвомъ видѣ, нанесъ въ Корцѣ тамошнему Благочинному и его Викарію гораздо большее оскорбленіе, нежели Слѣдователю въ Луцкѣ, о чемъ потомъ сильно сожалѣлъ. Когда его увѣрили, что Попы взбунтовались на помѣщиковъ, онъ, значительно подпивши, приказалъ тотчасъ же привести къ себѣ Благочиннаго съ его Викаріемъ. Немедленно схватили ихъ изъ собственныхъ жилищъ и поставили передъ нимъ, когда онъ пировалъ въ Корцѣ на плотинѣ. Приставивъ къ груди Благочиннаго пистолетъ, онъ спросилъ, когда въ его приходѣ начнется затѣянная ими рѣзня? Благочинный отвѣчалъ, что нѣтъ ни какого заговора; что это клевета на Русское Духовенство, взведенная по злобѣ; что наконецъ никогда не можетъ быть доказано, будто бы Духовенство замышляло такое отвратительное преступленіе. Взбѣшенный этимъ смѣлымъ отвѣтомъ, онъ приказалъ схватить обоихъ Священниковъ и бросить ихъ въ прудъ, на самомъ глубокомъ мѣстѣ. Воины уже готовы были исполнить его приказаніе, какъ вдругъ, одумавшись, онъ отмѣнилъ приговоръ, и, вмѣсто утопленія, приказалъ дать имъ солдатское наставленіе. Благочинному тотчасъ же отпустили 50 ударовъ широкою саблею столь тяжкихъ, что у несчастнаго кровь полилась горломъ; Викарію же его 30, и обоихъ отвезли въ домъ ихъ. На другой день Ротмистръ, проспавшись, самъ сожалѣлъ о вчерашней исторіи и, гнѣваясь на излишнее послушаніе его безразсуднымъ приказаніямъ, просилъ прощенія у Благочиннаго и его Викарія, и обѣщалъ щедро наградить ихъ, чѣмъ только они пожелаютъ.

И Господину Нововейскому нельзя вмѣнять въ вину его веревочную расточительность. Потомокъ, происходящій по прямой линіи отъ своихъ благородныхъ по перцу, корицѣ и мушкатнымъ орѣхамъ предковъ, въ недавнее время добравшійся до званія депутата въ Коронномъ Судѣ, которое ему столько же извѣстно, сколько и Гданскіе Княжичи, находящіеся въ склепахъ, онъ понималъ, что его Дворянская извѣстность еще недастаточно установлена отбытою депутатскою службой. По этому искалъ онъ дальнѣйшаго подкрѣпленія ея весьма удобнымъ къ тому средствомъ,—угнетеніемъ Руси.

Не этимъ ли же путемъ счастливо достигъ своихъ цѣлій и Господинъ Ѳаддей Шеметъ? Какого значительнаго почета достигъ онъ у помѣщиковъ, сдѣлавшись чернѣйшимъ клеветникомъ Епископа и всѣхъ Русскихъ! Прежде мало зналъ о немъ Луцкій Уѣздъ, и то развѣ по вѣчнымъ ссорамъ его съ женою; а какъ только этотъ Шеметикъ началъ, въ теперешнихъ обстоятельствахъ, какъ бѣшеный кидаться на Русь, то хоть присягнуть, будь у него умъ и хара-

Посѣщалъ его также и Г. Стемпковскій, Кіевскій Воевода. Этотъ Сенаторъ былъ гораздо откровеннѣе другихъ и утѣшалъ печальнаго узника тѣмъ, что если онъ не виновенъ, то ему нечего опасаться какого либо наказанія.

По смерти Господина Каетана Олизара, Коронаго Стольника, случившейся 26-го текущаго Мая, который подъ конецъ жизни изъ набожности то же предавался притѣсненію Руси, начали освобождать нѣкоторыхъ Священниковъ; изъ нихъ одни оправдались очистительною присягою, другіе, обвинявшіеся только въ предосудительныхъ словахъ, отданы были Епископу для наложенія епитиміи. Но не такова была участь Тимоѳея Хржановскаго, приходскаго Священника села Милослава. Этотъ Попъ, обвиненный въ томъ, что у него ночевали Пилипоны, былъ 29 Марта заключенъ въ Дубенскую темницу. Послѣ разныхъ изслѣдованій, когда невинность его обнаружилась по всѣмъ допроснымъ статьямъ, его отослали 22-го Мая, по приказанію Войсковой Коммисіи, данному Князю Михайлу Любомирскому, подъ прикрытіемъ въ Рожища. Епископъ, желая узнать въ точности дѣло этого Священника, выслалъ въ Милославъ коммисаровъ обоихъ Обрядовъ, съ тѣмъ, чтобы они прислали на его разсмотрѣніе слѣдствіе, составившееся изъ показаній присяжныхъ свѣдѣтелей. Но когда коммисары прибыли въ Милославскій приходъ и приступили къ порученному имъ дѣлу. то сюда же съ шумомъ явился и Кирьякъ Нововейскій: онъ сорвалъ Коммисію, забралъ Епископскіе наказы, грозилъ коммисарамъ, и донесъ обо всемъ этомъ Луцкой Воеводской Коммисіи.

Тотчасъ же послано изъ Коммисіи отношеніе къ Епископу, въ которомъ требовалось, чтобы сказанный Попъ Милославскій былъ представленъ въ Судъ, по тому что, въ силу опредѣленія Чиновъ, никто, кромѣ города, или земства, не можетъ судить дѣла подобнаго рода. Въ слѣдствіе этого Епископъ принужденъ былъ отправить его изъ Рожищъ въ Луцкъ, ограждая себя тѣмъ только, что отослалъ

ктеръ, былъ бы взнесенъ на самыя высшія почести тѣми же самыми руками, которыя прежде колотили его по рожѣ въ Лыщѣ, Жидычинѣ и многихъ другихъ мѣстахъ, въ которыхъ онъ поочередно валялся пьяный.

Попа не прямо въ Судъ, а въ Доминиканскій монастырь, гдѣ онъ вторично высидѣлъ подъ стражей нѣсколько недѣль.

Тяжба между Епископомъ и Княземъ Каликстомъ Понинскимъ, не состоялась, по тому что болѣе важныя дѣла призывали его въ Варшаву. Братъ его, Князь и Коронный Подскарбій, предсѣдательствуя въ 1775 году на Сеймѣ, предалъ Отечество на раздробленіе, и за это, на томъ же Сеймѣ, получилъ Княжескую корону; теперь же, по приказанію сконфедерованныхъ Чиновъ, подвергся онъ строгому заключенію. Итакъ дѣло идетъ о жизни этого Министра и о Княжеской коронѣ его семейства, а, слѣдовательно, это гораздо важнѣе для Князя Каликста, чѣмъ уличеніе въ возмущеніи Русскаго Епископа, его же Универсалами. Судьба этого Сіятельнаго узника, Вамъ, въ столицѣ, лучше извѣстна, нежели намъ, въ провинціи.

Не устоялъ Слѣдователь Русской Консисторіи, Карповскій, противъ упорнаго преслѣдованія его со всѣхъ сторонъ: онъ написалъ письмо Священнику Іосифу Бучинскому, Правителю дѣлъ той же Консисторіи, и просилъ прислать ему яду, говоря, что такъ какъ невинность не можетъ защищать его при такомъ не ослабѣвающемъ раздраженіи, то, въ случаѣ такого же смертнаго приговора, какой состоялся противъ Городищенскаго Попа, хотѣлъ бы лучше умереть отъ яду, чѣмъ отъ руки палача. Письмо это поступило прежде въ Коммисію, а не къ тому, кому было надписано; снявъ съ него списокъ, подлинникъ нарочно отослали сказанному Правителю дѣлъ, Бучинскому, [18]

---

[18] Справедлива пословица: «Гдѣ дьяволъ не сможетъ, туда бабу пошлетъ.» Близъ темницы Слѣдователя, въ оградѣ стараго собора, поселилась Г-жа Рогуская, эта знаменитая самодержица своего мужа. Двери ея комнаты сообщались съ темницею. Эту Госпожу убѣдили посѣщать, подъ видомъ Христіянской любви, заключеннаго, приглашать его къ себѣ и навести на разговоръ, изъ котораго она могла бы добраться до извѣстнаго заговора. Хитрая женщина притворилась большою пріятельницею Слѣдователя. Скорбѣла о томъ, что онъ терпитъ такія тяжкія гоненія, посылала тысячу проклятій его притѣснителямъ, просила повѣрить ей всѣ тайны сердца, прибавляя, что легко можетъ помочь ему въ несчастномъ его положеніи. Но отъ этой невинной души не могла узнать ни чего такого, чего бы желала. Полагая, что Слѣдователь не довѣряетъ ей, она разставила противъ него другія сѣти. Между прочими безчисленными доказа-

желая видѣть, пошлетъ ли онъ требуемый ядъ. Посланецъ не засталъ Бучинскаго дома, и отдалъ подлинникъ Епископскому Секретарю, находившемуся въ то время въ Луцкѣ, а тотъ, прочитавъ страшныя слова, которыхъ не ожидалъ встрѣтить, сжегъ подлинникъ, не давши отвѣта.

Немедленно были потребованы выше упомянутые Священники, какъ Секретарь, такъ Дѣлоправитель Епископскіе, для представленія письма на разсмотрѣніе въ будущія засѣданія Суда, такъ какъ текущія засѣданія кончились 3 Іюня, а о Слѣдователѣ внесено было такое предложеніе, что, желая принять ядъ, этѣмъ самымъ онъ доказываетъ, что чувствуетъ свое участіе въ преступленіи. Кромѣ того, просили заковать его въ цѣпи. Хотя Судъ и не далъ по этому явнаго постановленія, но, вѣроятно, согласился на просьбу втайнѣ, по тому что на руки и ноги узника наложены были кандалы.

Разсматривая письмо Слѣдователя безъ предупрежденія (по тому что списокъ съ него есть въ Коммисіи), нельзя было поддерживать такія заключенія передъ Судомъ, не измѣнивъ выраженій письма. Однако жь и это обстоятельство не оставили безъ тщательнаго искаженія, по тому что, вслѣдъ за тѣмъ, разнесся слухъ, что подлинникъ сожженъ. Сеймовымъ Чинамъ было донесено, будьто бы Слѣдователь, Епископскій племянникъ, уличенъ въ бунтѣ письмомъ, подлинникъ котораго сожженъ, и что онъ желалъ принять ядъ для того, чтобы, заблаговременно лишивъ себя жизни, не выдать участниковъ заговора, а также чтобы не открыть ни срока, ни тѣхъ мѣръ, которыя считались надежнѣйшими для приведенія его въ исполненіе.

тельствами участія къ Слѣдователю, она говорила, что онъ навѣрное чувствуетъ потребность писать къ друзьямъ, и что чрезъ ея прислугу письма могутъ доходить всего вѣрнѣе. Этѣмъ способомъ она совершенно пріобрѣла его довѣріе. Обманутый Слѣдователь писалъ часто, извѣщая о томъ, что съ нимъ дѣлается, и послѣднее письмо отдалъ онъ ей же, какъ полагалъ, вѣрной своей пріятельницѣ. Она же велѣла принимать вручаемыя ей письма, приказывая каждое изъ нихъ сперва представлять въ Коммисію, и по прочтеніи, будьто бы съ большею тайною отдавать по надписи; а также и отвѣты сперва доставлять въ Коммисію, а потомъ передавать ихъ, съ тою же предосторожностію, заключенному (Смот. Перечень подъ букв. N).

Разсудите сами, могутъ ли Сеймовые Чины составить себѣ ясное понятія о дѣлахъ, которыя тутъ происходятъ, если они получаютъ всегда невѣрныя донесенія? По этой причинѣ на Епископскія возраженія, представленныя Сейму Нунціемъ, [19] или вовсе не состоялось ни какого опредѣленія, или не такое, какое по справедливости слѣдовало.

Однако жь Судъ Луцкій получилъ выговоръ, за присужденіе къ смерти приходскаго Городищенскаго Священника. По тому что, когда стали разсматривать поводы къ такому приговору; когда приняли во вниманіе, что Священникъ, преданный постоянному пьянству, будьто бы уговорившій трехъ своихъ прихожанъ къ рѣзнѣ, самъ вовсе не былъ способенъ привести ее въ исполненіе; когда при этомъ обнаружилась недостаточность уликъ, по тому что было всего два свѣдѣтеля очевидца, да и тѣ, будучи соучастниками въ преступленіи и, за признаніе въ немъ, получившіе прощеніе, не могли уличать въ немъ Священника, тогда сказали, что послѣдній не заслуживалъ смерти.

Подъ конецъ судебныхъ засѣданій читали опредѣленія Священникамъ многимъ изъ простонародья, а также и маркитантамъ, находившимся подъ стражей; по этѣмъ опредѣленіямъ (приговорамъ), въ слѣдствіе принятой ими присяги, однихъ освободили, другихъ послали для наказанія къ Епископу, приходскаго же Яблонецкаго Священника приговорили къ двѣнадцатилѣтнему заключенію въ Луцкѣ; [20] Слѣдователя

---

[19] Епископъ, зная о невинности своего Слѣдователя и о томъ, что Старосельскаго приходскаго Священника склоняютъ къ ложному показанію, хотѣлъ спасти ихъ отъ неминуемой гибели, которой они, казалось, должны были ожидать отъ общественнаго раздраженія. Съ этою цѣлію онъ послалъ эстафету къ Нунцію, убѣждая его ходатайствовать, чтобы Сеймовые Чины приказали доставить двухъ сказанныхъ Священниковъ въ Варшаву. Коронный Маршалъ, Малаховскій, охотно согласился на просьбу Нунція, и тотчасъ же написалъ въ Луцкій Гродскій Судъ; но, вмѣсто того, чтобы потребовать присылки узниковъ въ Варшаву, онъ только внушалъ Суду обращать болѣе вниманія на всѣ обстоятельства при постановленіи приговора. Изъ отвѣта Нунція Епископу было видно, что онъ вовсе ни чего не зналъ о превратномъ содержаніи Маршальскаго письма.

[20] Приходской Яблонецкій Священникъ, Бубаловичъ, самъ виноватъ въ томъ, что сталъ ненавистенъ Г. Богуцкому, своему Коллатору. Въ 1782 г. этотъ богобоязн-

и Колковскаго приходскаго Священника, Старосельскаго, и выше упомянутаго Рафаловецкаго, осужденныхъ на смерть приговоромъ уже изжившей Коммиссіи, оставили въ темницѣ до будущихъ засѣданій Судовъ. Весьма поразителенъ обширный выводъ, сдѣланный въ приговорѣ на основаніи признаній Попа Старосельскаго. Оговореннаго имъ маркитанта, по имени Борисова, велѣно искать повсюду. Дру-

---

ненный Коллаторъ отнялъ у Священника церковныя земли, подаренныя его предками, а самаго позвалъ къ Епископскому суду. Священникъ доказывалъ свою невинность и открылъ источникъ недоброжелательства къ нему Коллатора; выпросилъ также позволеніе вчать встрѣчный противъ него искъ. Изъ показаній присяжныхъ свѣдѣтелей оказалось, что Священникъ Яблонецкаго прихода исполнялъ примѣрно свои обязанности; что Коллаторъ несправедливо отнялъ у него давнишнее достояніе церкви, и, по опредѣленію Епископа, долженъ былъ возвратить его. Любостяжанію его это показалось несправедливостью, которую смиренно переносилъ онъ до настоящаго года, когда, въ свою очередь, отплатилъ Священнику. Онъ обвинилъ его въ возмущеніи крестьянъ, и, чтобы запастись доказательствами, употребилъ весьма разумныя мѣры. Велѣлъ перевести во дворъ, пономаря, Андрея Кабасюка, и прочиталъ ему пункты, составленные противъ Священника; когда же Кабасюкъ ни одного изъ этѣхъ пунктовъ, какъ вымышленныхъ, не призналъ, то ему дали триста розогъ, съ такимъ увѣреніемъ, что и на будущее время не оставитъ его Барская щедрость, и что его будутъ сѣчь до смерти, пока не подтвердитъ своимъ свѣдѣтельствомъ пункты противъ Священника. Въ виду такихъ мученій, онъ согласился во всемъ повиноваться Барской волѣ. Зная привязанность своихъ Яблонецкихъ крестьянъ къ Священнику и ожидая, что никто не станетъ противъ него свѣдѣтельствовать, Богуцкій и тутъ поступилъ весьма осторожно. Взялъ онъ изъ ближайшей деревеньки двѣнадцать человѣкъ, и, приказавъ имъ внимательно слушать, призвалъ Андрея Кабасюка, который призналъ справедливыми всѣ пункты противъ Священника и изъявилъ готовность подтвердить ихъ передъ Судомъ. По этому всѣхъ ихъ отвелъ онъ въ Луцкій Гродской Судъ, гдѣ они дали показанія противъ Священника. Вотъ какъ состоялся противъ него этотъ весьма справедливый приговоръ 12-тилѣтняго заключенія. Коллаторъ выместилъ свою злобу не только на самомъ Священникѣ; не только отперъ амбары, забралъ хлѣбъ, лошадей, воловъ и наличныя деньги; не только засѣялъ Церковныя поля въ свою пользу, но даже безпощадно сѣкъ розгами жену Священника. Прибралъ онъ себѣ въ помощники Валентія Заленскаго и Зелинскаго. Оба они извѣстны въ Луцкомъ Уѣздѣ, а въ прошломъ году убійствомъ Омелянскихъ крестьянъ прославленные рыцари, не отказали въ помощи своему почтенному сосѣду. Обрадованные этѣмъ случаемъ, они съ удовольствіемъ взяли Яблонецкаго и Собатынскаго приходскихъ Священниковъ изъ собственныхъ ихъ домовъ; подѣлились хотя и убогою, но по тому милою, добычею, что пришла она имъ очень легко. Коллатору досталось все

гихъ маркитантовъ, находившихся въ заключеніи и ни въ чемъ не уличенныхъ, отослали въ Дубенскую крѣпость. Многіе изъ простонародья были наказаны различнымъ образомъ. Многіе также оставлены въ заключеніи до будущихъ засѣданій Суда. Часто упоминаемый Старосельскій Попъ, видя, что многіе Священники, очистившись присягою, были освобождены, выразилъ неумѣстное сожалѣніе слѣдующими словами: «Не хорошо сдѣлалъ я, послушавъ своего Защитника и наговоривъ на себя напраслину; и я могъ бы очиститься присягою и, такимъ образомъ, получить свободу.»

Бѣдняга съ горькимъ сожалѣніемъ отказывался отъ своего показанія и плакалъ, но его уже не слушали, а, напротивъ, приговорили къ болѣе тяжелымъ цѣпямъ и содержанію вмѣстѣ съ простонародьемъ въ самыхъ скверныхъ и смрадныхъ мѣстахъ общественной замковой темницы. Такое жестокое обращеніе съ заключенными очень удивляетъ меня по тому именно, что наказаніе и вѣрно и строго, обвиненіе же въ преступленіи не имѣетъ ни какого вѣроятія, по тому что, кромѣ безтолковыхъ показаній, сдѣланныхъ запуганными, или подговоренными, узниками, ни въ Коммисіи, ни въ Луцкихъ Гродскихъ Судахъ, ни чего другого мы не слыхали.

Кончились засѣданія Судовъ; кончаю и я письмо мое, свѣдѣтельствуя должное Вамъ почтеніе, и пр.

Пп. Можетъ быть въ теперешнемъ просвѣщенномъ вѣкѣ люди и не виноваты. Можетъ быть, 1789 годъ такой роковой годъ, что вскру-

---

недвижимое имущество, а пресловутымъ его помощникамъ кони и деньги. И справедливо: на чемъ же они сами поѣхали бы и на чемъ повезли бы въ Судъ мнимыхъ бунтовщиковъ? Обоихъ ихъ заперли до утра въ дворѣ Яблонецкомъ и, не довольствуясь словами, полными обычнаго уваженія къ Божіимъ Священникамъ, не ограничиваясь щедрыми надѣлами кулаковъ, украсили ноги ихъ колодками; а чтобы еще болѣе выказать свое богатырство, избрали дорогу на Рожища, и стали кормить въ тамошнемъ постояломъ дворѣ, чтобы Епископъ благоволилъ замѣтить, съ какою вѣжливостью и подъ какою почетною стражею везутъ его Священниковъ въ Луцкъ. Если кто ни будь полюбопытствуетъ узнать, за что былъ взятъ Собятынскій Священникъ, да вѣдаетъ, что онъ былъ родной братъ приходскаго Яблонецкаго Священника. Развѣ это не уголовное преступленіе? Развѣ это не заслуживаетъ темницы?

жилъ головы и просвѣщеннымъ людямъ. Точно такое мнѣніе мы находимъ въ Дневникѣ: «Политико-Историческая картина,» выраженное слѣдующими словами:

«Въ 1789 году міръ потрясся, впалъ въ судороги и для человѣческаго рода въ Европѣ началась новая эпоха. Въ ряду многихъ вѣковъ, 1789 годъ самый замѣчательный. Ни въ какую пору, со временъ Крестовыхъ походовъ, извѣстныя политическія мнѣнія не распространялись такъ быстро и не доводили людей до такихъ крайностей. Подобно религіозному духу конца XI вѣка, духъ свободы въ XVIII столѣтіи сдѣлался воинственнымъ. Тогда воевали за святую землю, теперь воюютъ за святую свободу, и пр. и пр.

Желаніе свободы обратилось въ Парижѣ въ бѣснованіе, которое оттуда распространилось на востокъ, западъ и югъ, проникло даже въ западную Индію, гдѣ совершенно отняло разумъ у Негровъ. Свобода, сказалъ Руссо,—привлекательная пища, но требуетъ хорошаго желудка для переваренія; не таковъ онъ у всякаго.

Ни одинъ годъ въ исторіи человѣчества не былъ столь поучителенъ для Царей и народовъ, какъ 1789. Онъ показалъ и тѣмъ и другимъ, что искуство управлять обстоятельствами придаетъ силу и власти и могуществу; чернь, кажущаяся подавленною, во время насильственнаго переворота можетъ сокрушать престолы, и что въ такое время самая страшная военная сила превращается въ ничто; но, съ другой стороны, онъ же показалъ, что тотъ же народъ, чувствуя себя совершенно вольнымъ, приводитъ въ разстройство все Государство; что вельможи находятся въ зависимости отъ ничтожнѣйшихъ условій, и пр. и пр.

Франція увидѣла самыя страшныя явленія. Во многихъ мѣстахъ совершенно измѣнились порядокъ дѣлъ и самые люди. Рыбныя торговки садились рядомъ съ Государемъ, повелѣвавшимъ 25-ю милліонами подданныхъ, предписывали ему законы и уводили его изъ столицы. Увидѣли Королеву, сестру и дочь Императора, едва не убитую своими подданными и убѣгающую съ постели безъ одежды. *

---

* Это случилось между 5 и 6 Сентября послѣ полуночи. Молодой Дворянинъ де Варикуръ (Varicourt) спасъ Французскую Королеву. Онъ стоялъ на часахъ у дверей ея

Увидѣли Короля, носящаго на груди кокарду, которая служила знакомъ возмущенія противъ него. Увидѣли потомка Людовика Великаго, стоящаго передъ Магистратомъ въ то время, когда Магистратъ сидѣлъ. Увидѣли убійства, преступленія и ужасы междоусобной войны въ то время, когда говорили, будто нѣтъ ни какой усобицы. Увидѣли головы вѣрныхъ стражей Королевскихъ, защищавшихъ жизнь своей Королевы противъ убійцъ, носимыя по Парижу на копьяхъ; увидѣли, какъ одному убитому было всунуто въ ротъ сѣно, а тестю его приказано было цѣловать эту окровавленную голову. Все это было дикимъ варварствомъ, а не Европейскою свободою.

Увидѣли измѣны въ крѣпостяхъ, при дворахъ, въ гвардіяхъ, и у воиновъ, связанныхъ святостію присяги, 100 т. войско, побѣжденное тридцатитысячнымъ, по тому что начальникъ того войска былъ Великимъ Визиремъ, т. е., баричемъ, чиновникомъ, а не Офицеромъ, и, по невѣжеству и неспособности, надѣлалъ ошибокъ, обратившихъ въ ничто всю эту силу. * И въ томъ же году увидѣли начальника большой крѣпости, съ 18-ю тысячами человѣкъ, тремя стами пушекъ и весьма богатыми запасами, смиренно просящаго пощады у непрія-

---

спальни. Увидавъ на разсвѣтѣ, что множество убійцъ, переодѣтыхъ въ женское платье, ворвалось въ переднюю Королевы, онъ побѣжалъ къ ея горничной и закричалъ: «Уведите Королеву: вотъ сколько убійцъ!» Потомъ поспѣшно возвратился защищать входъ. Онъ получилъ десять ранъ кинжаломъ, но не допустилъ выломать дверей. Наконецъ, умирая, бросился онъ на двери и еще нѣсколько времени мѣшалъ убійцамъ ворваться въ переднюю. Эти четыре минуты дали Королевѣ время вскочить съ постели и въ одной рубашкѣ убѣжать къ Королю. Убійцы, не нашедъ цѣли своего преступленія, бросились на тѣло убитаго Варикура, и растерзали его на части. Относительно того, что сочинитель говоритъ о рыбныхъ торговкахъ (poissardes), слѣдуетъ замѣтить, что когда бунтъ распространился по Парижу, то и женщины, въ толпѣ простаго народа, вошли въ Версаль, обыкновенное мѣстопребыванія Французскихъ Королей, и приказывали Королю, чтобы онъ немедленно явился въ Парижъ къ суду Магистрата. Добрый Король послушался приказаній своихъ подданныхъ, сталъ предъ Магистратомъ и изъ любви къ народу принесъ примѣрную жертву.

* Великій Визирь, ворвавшійся въ Австрійскій Банатъ съ большими силами, былъ разбитъ и выгнанъ оттуда Императоромъ Іосифомъ II, у котораго находилось всего только 30 т. войска.

теля, не начинавшаго еще осады, и не имѣвшаго достаточной артиллеріи, чтобы истребить крѣпость и все, что въ ней находилось. *

Увидѣли Герцога, ближайшаго Королевскаго родственника, открыто обвиненнаго въ измѣнѣ своему Монарху, въ составленіи заговора и желаніи занять его мѣсто. ** Увидѣли дѣла, которымъ потомство съ трудомъ повѣритъ, дѣла, которыя одно лишь время вполнѣ раскроетъ и выяснитъ. ***

Окончился этотъ роковой годъ, наступилъ 1790. Въ Февралѣ мѣсяцѣ въ Австріи случилось самое роковое происшествіе, какое только можетъ постигнуть Царствующихъ особъ. Эрцъ-Герцогиня Елисавета, изъ Виртембергскаго дома, жена Эрцъ-Герцога Франца и сестра Великой Княгини Русской, умерла родами.

Императоръ Іосифъ II, царствованіе котораго было столь грозно для многихъ странъ и народовъ, котораго страшную силу въ прошломъ году извѣдало Оттоманское Царство, кончилъ жизнь 20-го числа того же мѣсяца. Смерть была самое вѣрное послѣдствіе того, что ему досталось отъ тѣснаго, неразрывнаго союза съ Россіей. Походъ 1788 года, совершенный Монархомъ лично, причинявшій ему безконечные труды, хлопоты, неудобства и при томъ въ странѣ, столь вредной для всѣхъ иностранцевъ, до того разрушилъ его здоровье, и безъ того ослабленное трудами, что въ Вѣну возвратился онъ больной. Вскорѣ началось кровохарканье, повлекшее за собой чахотку. Всѣ усилія врачей были тщетны. Монархъ, видя, что свѣча его жизни догораетъ, Христіянски приготовился къ смерти. 13-го числа, исповѣдавшись, пріобщился Св. Таинъ изъ рукъ придвор-

---

* Сераскиръ безъ выстрѣла отдалъ Бендеры, сильнѣйшую крѣпость, Князю Потемкину, и самъ перешелъ къ Русскимъ.

** Герцогъ Орлеанскій, братъ Французскаго Короля, въ ночь съ 5 на 6 Сентября, былъ въ толпѣ убійцъ, хотѣвшихъ умертвить Королеву.

*** Удивительно ли, если Русскія земли видѣли невинныхъ помазанниковъ Божіихъ Русскаго Католическаго Исповѣданія, осужденныхъ свѣтскимъ судомъ, приговоренныхъ къ смерти и казненныхъ?

наго Священника и пр. и пр. Потомъ занялся дѣлами, касающимися Государственнаго Управленія; всего болѣе заботился онъ о сохраненіи Галиціи, этой важной области, насильственное пріобрѣтеніе которой было столько же выгодно для Австріи, сколько потеря ея становилась день ото дня вреднѣе и невыносимѣе для Польши. Лишь только Польша начала вооружаться и входить въ тѣсную дружбу съ Королемъ Прусскимъ, какъ уже Вѣнскій Дворъ условился съ С.-Петербургскимъ объ обезпеченіи Галиціи со стороны Польши. Еще въ прошломъ году заложены были обширные магазины въ Бродахъ; то же самое начато было и въ Кіевѣ. Тридцатитысячное войско было отправлено въ Галицію; со стороны Россіи положено было столько же собрать въ Кіевской области. Не трудно угадать цѣль такого приготовленія. Она состояла въ томъ, чтобы, при первыхъ движеніяхъ Польши противъ Галиціи, войска обѣихъ Имперій вытянули кордонъ прямо черезъ Заславъ на Житоміръ, и тѣмъ отрѣзали бы всю Украйну отъ нашихъ владѣній и пр. и пр. 18-го Февраля дано было знать Монарху о смерти Эрцъ-Герцогини, Маріи Елизаветы. Императоръ заломалъ руки и воскликнулъ: «Я долженъ пережить еще и это несчастіе! Да будетъ воля Твоя, Господи!» Потомъ приказалъ онъ позвать Фельдмаршала Гадика, какъ Предсѣдателя Военнаго Департамента, вручилъ ему письменное прощаніе со всею арміею, и благодарилъ его за испытанное мужество и преданность, и пр. и пр. Старикъ Фельдмаршалъ такъ былъ тронутъ этѣмъ поступкомъ Императора, что, лишь только возвратился домой, опасно заболѣлъ. Умирая спокойно, съ полнымъ присутствіемъ духа, Императоръ наградилъ также Придворнаго Врача, Г. Кварма, за искренность, съ которою тотъ сообщилъ ему о близкой опасности: возвелъ его въ Дворянское достоинство и подарилъ ему 10,000 червонцевъ. Желалъ онъ увидѣть Эрцъ-Герцога Тосканскаго, Леопольда, брата и преемника своего, экипажи котораго уже прибыли въ Вѣну, но, не дождавшись его, скончался 20-го числа, въ 6 часовъ утра.»

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

ВАРШАВА, 12 Іюля.

Безконечно обязанъ Вамъ, Милостивый Государь, за то, что, въ описаніи Волынскихъ событій, Вы соблаговолили, не смотря на ихъ ужасть, низойти до мельчайшихъ частностей, и такъ удовлетворить меня, что я не слѣпо слѣдую противоположному мнѣнію. Я безсиленъ выразить тѣ чувства удивленія и сердечнаго стѣсненія, которыя были произведены этимъ печальнымъ зрѣлищемъ, небывалымъ въ тѣхъ краяхъ отъ начала Христіянства. Мнѣ кажется, будьто вернулись времена Діоклетіяновъ и Максиміяновъ, свирѣпыхъ въ пролитіи невинной крови, съ тѣмъ лишь различіемъ, что они были язычники, сдѣсь же Христіяне преслѣдуютъ Христіянъ, и вѣрные вѣрныхъ, сильнѣе чѣмъ невѣрныхъ, даже до смерти.

Когда же эта несчастная Русь, вотъ уже два вѣка соединенная съ Римскою Церковью, найдетъ между нами увѣренность въ томъ, что она вѣрна Богу и Отечеству? Пусть кто ни будь укажетъ мнѣ въ Отечественной исторіи, чтобы съ того времени Русь подняла оружіе для возвращенія своей самостоятельности. Если Богданъ Хмельницкій и вооружался на Отечество, то онъ не былъ изъ числа Русскихъ Унитовъ; онъ самъ, поддерживаемый Запорожцами, тѣснилъ ихъ, возводя на каѳедры своихъ Владыкъ и низводя съ нихъ Унитскихъ. Ежели послѣ гдѣ ни будь и случалось ужасное происшествіе, подобное Уманскому, то оно не было общимъ всему народу преступленіемъ, а частнымъ бунтомъ, въ которомъ болѣе всего погибало Унитовъ. Отдадимъ себѣ искренній отчетъ: мало ли найдется и у насъ еще болѣе суровыхъ обстоятельствъ? Развѣ мало было у насъ тѣхъ роковыхъ скоповъ, возникавшихъ изъ нашей неурядицы, въ которыхъ мы жадно упивались

кровью нашихъ братій? Прочтемъ ли мы грамоту присоединенія Княжества Литовскаго, а, слѣдовательно, и Княжествъ Русскихъ, къ Королевству; взглянемъ ли на привилегіи Королей, Наслѣдниковъ Престола Польскаго; вездѣ найдемъ мы «тѣ права, вольности и льготы», которыми мы пользуемся, выговоренныя и для нихъ. Спросимъ же себя: вѣрно ли соблюли мы все это? Пользуется ли ихъ Духовенство, уравненное съ нашимъ, одинаковыми съ нимъ преимуществами? Цѣлъ ли ихъ Католическій Обрядъ, огражденный столькими постановленіями, какъ свѣтскими, такъ и духовными? Не нанесли ли мы ему какого ни будь ущерба нашею неискреннею политикою? Остались ли въ томъ обрядѣ тѣ Господа и Князья, которые нѣкогда были украшеніемъ Сената и защитниками Отечества, владѣнія которыхъ простирались по всей Кіевской области, Брацлавской, Волынской, Русской, по многимъ Воеводствамъ Литвы и по другимъ краямъ? Мы переманили ихъ изъ церквей въ костелы; работали надъ ихъ потомками, чтобы стыдились они слѣдовать примѣру дѣдовъ и прадѣдовъ. Отнявъ у ихъ святыни тѣхъ великихъ людей, и оставивъ при ней одно темное простонародье, этѣхъ вѣчныхъ рабовъ нашихъ, мы и въ томъ завидуемъ имъ. [21]

Мы уничтожили ихъ вклады, вписанныя на вѣчныя времена въ Евангелія; [22] ослабили состояніе ихъ обширныхъ церковныхъ имуществъ, дробя ихъ на столько частей, сколько у насъ деревенекъ, строя въ каждой изъ нихъ кое-какія церквочки, недостойныя названія имущества Господня, открыто говоря, что дѣлаемъ то съ цѣлью умноженія славы Божіей; изыскивали средства увеличить свои доходы питейнымъ откупомъ, къ которому присоединили и Священника, имѣющаго одинаковый съ крестьянами надѣлъ земли, съ тѣмъ,

---

[21] Многочисленныя дѣла, разсѣянныя едва ли не повсѣмъ Русскимъ Консисторіямъ, свѣдѣтельствуютъ о томъ, что люди, призванные къ суду за отступленіе отъ Католическаго Русскаго Обряда, и за непослушаніе проклятые и оглашенные таковыми съ амвона, не смотря на все это были принимаемы въ костелы и пріобщаемы Св. Таинъ. Въ Литвѣ переманывали Уніатовъ цѣлыми селами къ Обряду Римскому, а также внушалось неповиновеніе своему Вѣдомству. Такимъ образомъ село Мадзѣлы все перешло къ Римскому Обряду, и сочиненіе негоднаго правовѣда, напечатанное въ Виленской Консисторіи, одобряетъ все это.

[22] Постановленіе 1607 года, при Сигизмундѣ III.

чтобы и надъ нимъ господствовалъ Жидъ; такъ сурово притѣсняли мы ихъ подводами, сборомъ продовольствія и военными постоями, что многократно прибѣгали они съ плачемъ къ нашимъ Сеймамъ,[23] вымаливая возобновленія привилегій своихъ, утвержденныхъ старинными законами, но и доселѣ еще недѣйствительныхъ, по тому что ихъ стоны, проходя мимо ушей, не касались сердецъ нашихъ. Умалчиваю о другихъ безчисленныхъ неправдахъ, происшедшихъ отъ неисполненія нами нашихъ торжественныхъ завѣреній. Мы унизили, наконецъ, ихъ высокій характеръ до того, что лишь отецъ оставался вольнымъ, а сынъ становился нашимъ рабомъ.[24]

А вѣдь они—люди именитые и по образованію, и по обычаямъ, а нѣкоторые изъ нихъ и по рожденію! Многихъ изъ таковыхъ я самъ имѣю честь знать за людей по истинѣ просвѣщенныхъ и съ преданностію исполняющихъ свои обязанности. А, вѣдь, они граждане, связанные съ нами одинаковостью страны, правленія и Вѣрой! Что же теперь означаетъ слово «гражданинъ» (obywatel), звучащее въ устахъ всѣхъ насъ? По здравой политикѣ, всякій человѣкъ, живущій подъ извѣстнымъ правленіемъ, означаетъ гражданина, по тому что пользуется тѣмъ гражданствомъ, котораго онъ есть членомъ, и, съ своей стороны, радѣя объ увеличеніи общественныхъ пользъ, исполняетъ гражданскую обязанность. Ужь не будетъ ли у насъ «гражданинъ» означать того, кто не хочетъ стѣснять своей свободы ни церковнымъ, ни гражданскимъ закономъ; кто полагаетъ ее въ томъ, чтобы безнаказанно приводить въ исполненіе всѣ злыя дѣла, внушенныя ему дикою страстью; кто, отдавшись себялюбію, всюду ищетъ своей выгоды со вредомъ обществу, и кто, угнетая своимъ могуществомъ слабыхъ, принимаетъ ихъ за презрѣнныя орудія, которыя должны служить его высокомѣрію? Но что же принесетъ такой гражданинъ общественному благу въ отплату Отечеству, изъ котораго онъ извлекаетъ свои выгоды?

Не въ томъ значеніи носитъ имя гражданъ Духовенство — наше ли, Русское ли—все равно. Оно есть стражъ Вѣры, на кото-

---

[23] При Владиславѣ IV и Янѣ Казимирѣ.

[24] Konst. Convocationis 1764 года о Поповичахъ.

рой основывается процвѣтаніе вѣрнаго люда, какъ внѣшнее, такъ и вѣчное; оно просвѣщаетъ нашихъ крестьянъ, омраченныхъ грубымъ невѣжествомъ, и наукою и примѣромъ, учитъ ихъ любить Бога и повиноваться Правительству, Намѣстнику Его на землѣ; оно внушаетъ имъ чувство вѣрности къ намъ, а насъ побуждаетъ къ благодѣяніямъ въ отношеніи къ нимъ; оно удерживаетъ супруговъ въ области обязанностей, въ которыхъ они взаимно другъ другу поклялись. Оно утѣщаетъ погруженныхъ въ печаль, подкрѣпляетъ больныхъ благочестивымъ приготовленіемъ къ смерти, умирающихъ—надеждою вѣчнаго блаженства. Оно искореняетъ всѣ злодѣйства, гнѣздящіяся въ тайныхъ изгибахъ сердца и, вмѣсто нихъ, прививаетъ различныя добродѣтели. Оно удерживаетъ на прямой дорогѣ всѣ сословія и Правительство въ исполненіи свойственныхъ имъ обязанностей относительно Бога и ближнихъ. На его сторонѣ трудъ по призванію, вознаграждаемый нами скуднымъ надѣломъ нѣсколькихъ клочковъ земли, на нашей—великая польза, появляющаяся во всемъ, чѣмъ добродѣтель и честность правильно воспитанныхъ человѣческихъ сердецъ счастливятъ общество; а между тѣмъ великое попеченіе его о насъ не заслужило себѣ отъ насъ и такого вниманія, какое оказываютъ Китайцы своимъ Бонзамъ, Индѣйцы своимъ Браминамъ, Татары своимъ Ламамъ, если мы не захотѣли съ нашей стороны освободить ихъ даже отъ такой незначительной доли общественныхъ податей.

Никто изъ гражданъ не можетъ быть смирнѣе и покорнѣе того, кто другихъ учитъ смиренію и покорности властямъ. Онъ не хочетъ чувствовать взваленную на него тяжесть, съ довольствомъ принимаетъ волю Правительства, въ которомъ полагаетъ волю Господа Бога; проситъ лишь, чтобы, отдавши, изъ десяти грошей, два на общественную пользу, былъ онъ увѣренъ въ восьми на прокормленіе себя и своего семейства; утѣшаетъ себя тою надеждою, что, если онъ такъ радѣетъ общественному благу и трудомъ и деньгами, и общество позволитъ ему быть подъ защитою законовъ, обезпеченныхъ его сословію. Утѣшаетъ плачущую жену, опечаленную тяжелыми, семейными и сторонними, приключеніями; ободряетъ дѣтей не бояться Господина, какъ цыплята боятся ястреба, а взрослыхъ сыновей желаетъ ввести въ духовное сословіе, нѣ-

сколько лѣтъ питывая ихъ хлѣбомъ, отъ устъ своихъ отрываемымъ, надѣясь имѣть въ нихъ подпору въ старости.

Въ такомъ предположеніи сдѣлалъ онъ уже всѣ приготовленія, пообѣщалъ руку дочери, желая счастливо устроить ея судьбу, честному, хорошо образованному молодому человѣку, какъ вдругъ жестокій насильникъ естественныхъ правъ, потомственный владѣлецъ села, вырывая изъ рукъ его дѣтей, одного изъ сыновей обращаетъ въ гайдуки, [26] другого въ лакеи, а дочь, разрывая ея будущность, назначаетъ въ жены Николаю, своему дворовому башмачнику, пользующемуся милостью за модные башмаки, которые онъ шьетъ барской любовницѣ.

Тщетно удрученный Священникъ со слезами проситъ о помилованіи; разбитая горемъ душа его всегда слышитъ неизмѣнный отвѣтъ: «Вотъ тебѣ, Попъ, и постановленіе, отдающее мнѣ твоихъ дѣтей въ крестьяне!»—«Но, я ихъ воспитывалъ не для того, чтобъ они были гайдуками и лакеями.»—«Молчи! Законамъ нужно повиноваться, а не оспаривать ихъ.»—«Но дочь, о которой и постановленіе не упоминаетъ.»—«Молчи, говорю тебѣ, и въ ней та же кровь, и ее родила таже утроба: уничтожу тебя, сгоню съ прихода, если станешь противиться моей волѣ.»—Такимъ образомъ сыновья и дочь, избавляя родителей своихъ отъ Господской мести, жестокости Господина, принесли въ жертву свободу и склонность сердецъ своихъ.

«Въ законѣ этомъ, скажутъ мнѣ, есть ограниченія относительно лицъ.» Отвѣчаю: если ясные законы не могутъ помочь этому сословію, то чему тутъ поможетъ ограниченіе? Я изложилъ этѣ подробности нѣсколько обширнѣе, по тому что живя, въ сосѣдствѣ съ однимъ Помѣщикомъ, самъ былъ очевидцемъ такой печальной трагедіи съ дѣтьми Священника.

Полагаю, однако жь, что минувшія ихъ бѣдствія малы еще въ сравненіи съ настоящими. Никнутъ онѣ въ моихъ глазахъ, когда

---

[26] Не называю по именамъ многихъ изъ такихъ помѣщиковъ, чтобы не возобновлять ихъ презрѣнной памяти. Они уже дали отчетъ на судѣ Божіемъ.

съ полною вѣрою читаю въ письмѣ Вашемъ, что дѣло идетъ уже не объ имуществѣ ихъ, не о свободѣ ихъ дѣтей, не о правахъ, волѣ, обычаяхъ и пр., и пр., но о добромъ имени, дорогомъ для каждаго человѣка, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ; о жизни лицъ, столь нужныхъ для религіи, столь полезныхъ странѣ, приносящихъ намъ столько личнаго добра. Это уже крайняя ступень свирѣпости, не досягаемая даже для дикихъ звѣрей. Тѣ, по крайней мѣрѣ, раздирая и пожирая несчастныхъ, не могутъ очернять своихъ жертвъ клеветою. [27]

Можетъ ли нашъ просвѣщенный вѣкъ называться такимъ по справедливости, когда сильный, воспламенный непримиримою ненавистью къ своему слабому собрату, не въ томъ полагаетъ величіе воего разума, чтобы, въ запутанныхъ обстоятельствахъ, доходить до сущей правды, а въ томъ, чтобы очевидный подлогъ превратить въ правду и невиннаго осудить на смерть?

Разберемъ, наконецъ, этотъ общественный слухъ, будто Россія (Moskwa) хотѣла смутить край нашъ маркитантами; будто бы съ этою цѣлью она давала имъ Указы, подписанные рукою Государыни, чтобы они возбуждали Русскихъ Священниковъ возмущать противъ насъ нашихъ крестьянъ, и поразмыслимъ, есть ли во всемъ этомъ хотя малѣйшее правдоподобіе.

И прежде всего: здравый смыслъ подсказываетъ, что для такой дѣятельности нужны бы были извращеннѣйшія головы, кото-

---

[27] Свирѣпѣйшіе звѣри иногда склонны къ чувству человѣчности. Они почтили нѣкогда Пророка, отданнаго имъ на растерзаніе. Но если отстраним свѣдѣтельство Св. Писанія, то повѣримъ, по крайней мѣрѣ, языческимъ лѣтописямъ, говорящимъ, что и звѣри признательны за оказанное имъ благодѣяніе. Но люди, потушившіе въ своихъ сердцахъ до послѣдней искорки любовь къ ближнему, никогда не ощущаютъ въ себѣ этихъ счастливыхъ минутъ сострадательности, и вообще всякая боль, способная усмирять звѣрство, лишь болѣе разжигаетъ ихъ и дѣлаетъ еще болѣе жестокими. Это львы, которыхъ свирѣпость постоянно растетъ; они, раздирая свою добычу, не ограничиваютъ своего желанія пожраніемъ ея, ихъ бѣшенство не погибаетъ съ ними: оно примѣромъ предковъ передается потомкамъ, которые, вмѣстѣ съ молокомъ, всасываютъ свирѣпый духъ отцевъ и наслѣдокъ наслѣдуютъ ихъ злодѣйство болѣе, нежели самыя имена и имѣнія.

рыя могли бы прибрать вѣрныя средства для приведенія ея въ дѣйствіе. Вѣроятно ли же, чтобы Россія употребила для этого такихъ грубыхъ и невѣжественныхъ простаковъ, каковы маркитанты?

Въ вторыхъ: каждому человѣку своя собственная жизнь такъ дорога, что онъ, даже отнимая чужую, желаетъ, однако жь, сохранить свою. Не нужно для этого просвѣщать ихъ неразвитый умъ. Законъ природы просвѣтилъ въ этомъ отношеніи всѣхъ. Гдѣ же эта ограда для маркитантовъ на чужой сторонѣ? Гдѣ сильныя плечи * для сообщниковъ ихъ, склоненныхъ къ бунту? Въ всей странѣ нѣтъ

---

* Плечи — отличительная черта Шляхетскихъ нравовъ, на которую доселѣ не обращаютъ надлежащаго вниманія, не смотря на то, что ни чѣмъ лучше ея не доказывается и полнѣйшее безсиліе, и нравственное уродство этой отверженной касты. Нѣтъ народа, нѣтъ Государства, въ которыхъ граждане не дѣлились бы на стороны, не заводили бы, при благопріятныхъ условіяхъ, внутреннихъ неурядицъ. Но тамъ люди одного убѣжденія за одно защищаютъ его, вмѣстѣ и торжествуютъ и гибнутъ. Такой образъ дѣйствія, въ глазахъ родовитаго Шляхтича, кажется верхомъ неразумія. Заводилась ли въ Польшѣ неурядица (а все историческое существованіе Польши было безконечною неурядицею), никогда лица, принадлежащія къ одному семейству и державшіяся одного убѣжденія, не становились поголовно на одну какую ни будь сторону: одинъ братъ обыкновенно держался, положимъ, Короля, другой, а за неимѣніемъ его, ближайшій родственникъ, былъ въ станѣ сконфедерованныхъ Пановъ. Въ слѣдствіе такого соображенія, для котораго ни на какомъ человѣческомъ языкѣ, кромѣ Польскаго, нѣтъ соотвѣтственнаго названія, ни кто не подвергался и малѣйшему ущербу: имѣніями побѣжденнаго побѣдители обыкновенно награждали брата, или родственника, державшаго ихъ сторону. И такое-то презрѣнное шулерство въ патріотизмъ и въ служеніе, будто бы, идеѣ, смѣетъ тягаться съ людьми, которые дѣйствуютъ въ подобныхъ обстоятельствахъ по людски! Шляхетскія преданія цѣло и невредимо сохранились до настоящаго времени. Разскажемъ одинъ случай плеченья, переданный намъ очевидцемъ. Въ Вильнѣ было два брата, Шляхтича: меньшой былъ довудцемъ (предводителемъ), старшій служилъ въ гражданской службѣ и состоялъ при Генералъ-Губернаторѣ: въ награду его преданности, на имѣніе, общее обоимъ братьямъ, не было наложено запрещенія. Ходили слухи (и доходили до кого слѣдуетъ) будто преданнѣйшій братецъ снабжалъ брата-довудцу всевозможными свѣдѣніями; будто онъ въ задушевномъ кругу оправдывался въ мнимой преданности Русскому Правительству необходимостью спасти имѣніе и, такимъ образомъ, обезпечить брату, которому, при неудачѣ, придется бѣжать, хоть какой ни будь кусокъ

Русскихъ; войска ихъ въ отдаленныхъ частяхъ свѣта обратили свое оружіе, и на сушѣ и на морѣ, противъ Шведовъ и Турокъ, и, навѣрное съ этѣми Державами не заключатъ миръ и не отдадутъ ни завоеванныхъ крѣпостей, ни покорившихся богатыхъ и обширныхъ владѣній, для того лишь, чтобы поспѣшить въ Польшу на защиту и подержаніе бунта крестьянъ противъ Господъ. Да и Польскія войска, разставленныя всюду по границамъ, задержали бы ихъ приближеніе, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не слетѣли ли бы съ плечъ головы возмутелей.

Въ третьихъ: положимъ, что грубый маркитантъ, или Попъ простакъ, убѣжденный имъ, или темный крестьянинъ, возбуждае-

---

хлѣба, но этѣмъ слухамъ не вѣрили. Пріѣхалъ, наконецъ, въ Вильну М. Н. Муравьевъ: преданнѣйшій сейчасъ же смекнулъ, что оставаться ему въ Вильнѣ небезопасно. Плечникъ придумалъ слѣдующую сцену, которая и передана намъ очевидцемъ. Во время одного утренняго пріема, онъ подалъ Генералу Муравьеву докладную записку о переводѣ на службу во внутреннія Губерніи.—«По чему же Вы хотите перейтиъ» спросилъ тотъ по прочтеніи записки.—«Ваше Высокопревосходительство (отвѣчалъ преданнѣйшій, разводя руками по правиламъ выхованаго панича, т. е., сперва лѣвою, а потомъ правою): братъ мой въ шайкахъ; я, какъ вѣрноподданный, смотрю съ отвращеніемъ на его преступленіе, но не могу же не сожалѣть о немъ, какъ о братѣ; это сожалѣніе (выставляется извѣстнымъ образомъ правая рука) ставится мнѣ въ вину со стороны Русскихъ; съ другой стороны (лѣвая рука) меня преслѣдуютъ ожесточеніе и клеветы ослѣпленныхъ земляковъ и дѣлаютъ пребываніе здѣсь невыносимымъ» (наклоненіе головы и вздохъ).—«Но вѣдь Вы искренно преданы Государю и Отечеству»—«Точно такъ, Ваше Высокопревосходительство» (лѣвая рука).—«Но вѣдь Вы вѣрноподданный?»—«Точно такъ, Ваше Высокопревосходительство: тяжелыми жертвами, борьбою съ самимъ собою и со сторонними внушеніями, доказываю я свою вѣрность» (правая рука).—«И прекрасно; и я вѣрноподданный и преданный Отечеству человѣкъ, и меня здѣсь не жалуютъ, да еще какъ! А между тѣмъ я служу. Служите и Вы; клеветѣ не только на Васъ, но на кого бы то ни было, я не повѣрю; но если оправдаются подозрѣнія (прибавилъ Генералъ), о которыхъ мнѣ доложено, будьте увѣрены, я Васъ повѣшу.»—Жалкій плечникъ, не приготовившійся къ подобной оговоркѣ, тутъ же упалъ въ обморокъ.

Припомнимъ также, къ какимъ исключительно Польскимъ средствамъ прибѣгалъ тоже извѣстный Адамъ Гуровскій, чтобы возвратить секвестрованныя свои имѣнія, и спросимъ, о чемъ хлопочетъ нынѣ Шляхта и Ясновельможные: объ убѣжденіяхъ, или о маѣнткахъ? Перев.

мый противъ Господина, не умѣли выводить заключеній; всякій, однако жь, знаетъ, что составленный заговоръ, болѣе нежели что ни будь, нужно держать въ тайнѣ; если намѣреніемъ ихъ было устроить рѣзню, то правдоподобно ли, чтобы они стали выдавать до времени то, о чемъ думали, всенародно разсказывать, похваляться, возвѣщать страшно угрожающія бѣдствія, что все могло бы приблизить для нихъ не осуществленіе заговора, но скорѣе оковы и ужасную смерть?

Въ четвертыхъ: развѣ мало въ Россіи Государственныхъ Министровъ, Главнокомандующихъ, Генералъ-Гурбенаторовъ, Градскихъ Головъ и другихъ должностыхъ лицъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ маркитанты жили осѣдло, или чрезъ которыя проходили, чтобы этой нѣсколькотысячной (какъ говорятъ) толпѣ никто, кромѣ Екатерины Второй, этой великой Государыни, не могъ подписать тѣхъ презрѣнныхъ грамотъ, и въ добавокъ на преступленіе, и естественнымъ, и Божіимъ, и гражданскими и международными законами каждаго человѣческаго общества считаемое отвратительнымъ? Или, если бы у маркитантовъ были эти грамоты, кѣмъ бы то ни было въ Россіи подписаныя, развѣ могли бы они утаить ихъ, когда, бывъ схвачены вмѣстѣ съ совсѣми товарами, посажены подъ крѣпкую стражу, подверглись строжайшему осмотру и допросу? Развѣ, послѣ многократныхъ обѣщаній освобожденія, они не сознались бы въ замышленномъ ими? Нѣтъ ни чего дороже жизни; а между тѣмъ сколько ихъ ни перемерло въ тяжкомъ заключеніи, никто не сознался; обвиненный же въ этомъ преступленія Суским Священникомъ и приговоренный къ смерти, хотя не разъ слыхалъ, что за добровольное признаніе ему будетъ дарована жизнь, однако жь и на послѣдней ступени кричалъ, что «Гину безвинно!»

Доказательства ихъ невинности слишкомъ убѣдительны, чтобы разбирать ихъ съ болѣе глубокимъ вниманіемъ. Причины притѣсненія Русскихъ Священниковъ и нашихъ крестьянъ слишкомъ очевидны, чтобы искать для нихъ другого источника. Всякій человѣкъ по природѣ стремится къ свободѣ: видитъ, что она есть у подобныхъ ему людей, и даже у тѣхъ, которые, переходя съ мѣста на мѣсто и высасывая его кровь, подобно ядовитымъ ящерицамъ, враги Религіи, не терпятъ Христіянскаго имени, вредны благо-

устроенному обществу [28] и не принадлежатъ къ общему его строю. Печальнымъ опытомъ убѣждается онъ, что лишь онъ одинъ въ своемъ состояніи осужденъ на вѣчное рабство; что все, что онъ ни имѣетъ, кромѣ одной души, Господское. Что же удивительнаго, если подъ часъ ему становится горько, и если скорбь и отчаяніе иногда выжмутъ изъ него слово не по нашему вкусу?

Пожалуй, кто ни будь возразитъ, что я ставлю Русскихъ Священниковъ на одну доску съ холопами; но желалъ бы я знать, разнится ли ихъ состояніе отъ состоянія холоповъ послѣ постановленія Convocationis, послѣ его произвольнаго толкованія нами, послѣ теперешнихъ насилій, колодокъ, послѣ оковъ, темницъ, смертныхъ приговоровъ? Развѣ не убѣдиться ли мнѣ во всемъ этомъ великими заключеніями Священника Яна, помощію которыхъ онъ установляетъ и почитаніе для нихъ, и отличіе ихъ льготъ отъ льготъ Священниковъ Московскихъ? (См. въ Перечнѣ буки, № 2).

А спросилъ бы я этого же Яна: дѣло ли разумнаго человѣка, богобоязненнаго монаха, благочестиваго Священника, низко льстить ничтожной гордости, помогать неистовому ожесточенію, и писать на бумагѣ чужія льготы, а въ исполненіи ихъ видѣть постоянно сопротивленіе? Захотѣлъ ли бы онъ принять на себя эту колодочную честь и это кандальное почитаніе? Пригласить бы его изъ великолѣпнаго монастыря, отъ обильнаго содержанія, въ село, къ бѣдному приходу, на черствый кусокъ хлѣба, заработанный кровавымъ потомъ; сдѣлать бы изъ него Попа, научить его законамъ любви къ ближнему и человѣчеству, чтобы по Христіянски, не взирая на лица, будь они соотечественники, или иноземцы, каждаго проезжаго принялъ въ свой домъ, а когда ненавистный сосѣдъ станетъ за это силою тащить его изъ дому и пожелаетъ украсить ноги его огромными колодками, посовѣтывать бы ему тогда, на основаніи: «Neminem captivabimus, nisi jure victum» (Ни кого не станемъ сажать въ заключеніе, кромѣ приговоренныхъ закономъ), чтобы онъ тотчасъ же воспользовался пра-

[28] Жиды суть монополисты бѣднаго холопа, которымъ жестокій Господинъ передаетъ его со всѣмъ его имуществомъ.

вомъ гражданина: «Invasor a se ipso occiditur» (Насильникъ самъ собою убивается). А послѣ всего этого наблюсти бы за дальнѣйшей его судьбой, чтобы онъ домогался, какъ самъ выражается, почтенія къ себѣ, сообразно съ высокимъ достоинствомъ своего сана, а болѣе всего, чтобы сильнѣе проникся убѣжденіемъ, можетъ ли кто либо, кромѣ духовной власти, покарать его въ Польшѣ?

Но оставимъ въ покоѣ убогаго монаха, который, отрекшись отъ суетности свѣта, скрывается въ сѣни монастырской, какъ крыса въ Голландскомъ сырѣ.

Вы сообщаете мнѣ, что, въ своей разбойничьей Коммисіи, мы, ни чего не открыли, кромѣ глупости людей застращанныхъ, или преднамѣренно подговореныхъ; что тоже оказалось и въ Гродскихъ Судахъ, орошенныхъ невинною кровью. Позвольте мнѣ добавить къ этому, что ни до чего и не доберетесь, хотя бы перегубили всѣхъ Поповъ и холоповъ. Невинность имѣетъ то преимущество, что въ какую бы найчернѣйшую клевету ни облекли ее, она будетъ носить ее одну лишь минуту, и позорная смерть приноситъ ей найбольшую славу. Можно всѣми силами стараться поклепать Русиновъ въ этомъ злодѣйствѣ; можно свое жестокое побужденіе обставить искусно подобранными доказательствами, но нельзя обмануть глаза прозорливаго общества, какъ своего, такъ и сосѣдскаго.

Россія уже прислала сюда Императорскій «Указъ», данный тамошнему Синоду, и также «Распоряженіе Синода.» Посылаю Вамъ списокъ съ нихъ, чтобы Вы видѣли, какимъ образомъ Россія объясняетъ, что, помимо ея намѣренія, произошла въ Польшѣ неурядица, и разсудили бы, что изъ этого можетъ послѣдовать. (См. въ Перечнѣ букву О).

Поздно уже привязываться къ маркитантамъ; должно сознаться въ недостаточности доказательствъ взведеннаго на нихъ преступленія, и въ томъ, что мы нарушили ихъ торговыя права. Русскій Полномочный Посолъ зорко слѣдитъ за Депутаціею (Коммисіею) *

---

* См. «Содержаніе доклада, поданнаго Сенату отъ Депутаціи, назначенной до-

по дѣлу Архіерея Садковскаго, и если онъ окажется невиннымъ, то за насиліе, нанесенное его особѣ, за продолжительное его заключеніе, за оскорбленіе его сана, а въ его лицѣ и всего Русскаго народа, мы не раздѣляемся такъ дешево, какъ съ нашими Попами.

На нихъ обращаю я свое вниманіе. Какія это добрыя созданія, трудолюбивыя, подобно пчеламъ, приносящимъ намъ полные меда улья; а мы за это избиваемъ ихъ поголовно.

Такова у нихъ и матка. Я ее слишкомъ хорошо знаю, и могу живыми красками написать вѣрный ея портретъ. [29] Она не вступается за ихъ неприкосновенность, по тому что безсильна; въ сущности у нея есть и разумъ и добродѣтель, но по какой-то безсмысленной недовѣрчивости къ себѣ самой, не смѣетъ она являться такою, какова на самомъ дѣлѣ. Годится она только подчиняться, а не управлять. Каждое предпріятіе кажется ей невозможнымъ. А если, наконецъ, начинаетъ что либо, то удобная минута уходитъ: она умѣетъ лишь сомнѣваться, а не разсуждать основательно; едва сдѣлаетъ какой либо шагъ къ рѣшенію, какъ тотчасъ же что либо другое кажется ей лучшимъ, [30] отъ коего она снова отступается

прашивать обвиняемыхъ въ бунтахъ, въ засѣданіе 26 Марта, 1790 года», напеч. въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1865 г., кн. 2, отд. V, стр. 1—28. О. Б.

[29] Портретъ этотъ Епископа Левинскаго.

[30] «Самое замѣтное преимущество слугъ Господня алтаря, которые почтены его особеннымъ намѣстничествомъ, есть то, что когда истина является священнымъ залогомъ, они съ ней тѣсно связываются и проповѣдуютъ ее безъ боязни. Ихъ сердце должно быть святилищемъ истины и могущественнѣйшей твердыней, которую не могли бы сокрушить ни страхъ, ни надежда, ни временныя расчеты и ни какая человѣческая сила. Ей довѣрено это драгоцѣнное сокровище, и они должны защищать его отъ всякой дерзости заблужденія. Шаткость, угодливость, а особенно молчаніе тамъ, гдѣ должно говорить, осквернили бы ихъ уста, посвященныя истинѣ. Нужно, чтобы та святая правда блистала на ихъ лицахъ съ возвышеннымъ упованіемъ, и чтобы она имѣла исходъ изъ глубины ихъ сердца. Этой правдой предки подчинили себѣ свѣтъ, ею уничтожаются и теперь всякіе порывы безсильнаго недоброжелательства;

ради чего либо иного; свойства ея вѣчно не на своемъ мѣстѣ: гдѣ нужна власть, тамъ является неумѣстная сговорчивость; гдѣ сговорчивость, тамъ даже до низости доходящее прислуживанье; гдѣ нужна справедливость, тамъ на напрасное подчиненіе партіямъ; гдѣ нужна щедрость, тамъ обнаруживается скупость; гдѣ нужна стойкость въ намѣреніяхъ, для отпора всякой назойливости, тамъ дѣтская боязнь чего-то. И во всемъ этомъ одно лишь служеніе личнымъ выгодамъ. Вообще, по имени, это матка, по сущности же при ней дѣтямъ бѣда.

Присмотрѣвшись къ этому портрету, перестанете удивляться, что разстриженіе послѣдовало, не смотря на вопіющіе промахи, которыхъ нельзя было не замѣтить въ Гродскомъ приговорѣ. Достаточно было и того, что его настойчиво требовали сильные люди. Сомнѣ-

---

словомъ, вся ихъ сила основывается на правдѣ; но когда они отступаютъ отъ нея и не смѣютъ ею пользоваться, то становятся низкими и наиболѣе достойными презрѣнія, и свѣтъ тѣмъ болѣе постепенно уменьшаетъ къ нимъ свое уваженіе, чѣмъ болѣе они стараются ему нравиться. При томъ пламенная любовь къ нимъ вѣрнаго ихъ люда одушевляетъ ихъ сословіе, и различныя ихъ постановленія суть лишь различныя части этой любви. Всѣ ихъ дѣйствія считаются чуждыми и безполезными, если они не устремляются къ этой цѣли. Далекіе отъ всякаго исканія временныхъ благъ, они посвящаютъ всѣ свои способности, труды, усилія, имущество и всю жизнь свою попеченію о спасеніи человѣчества. Не прельщаютъ ихъ ожиданія тѣхъ, кто вѣритъ, что въ лицѣ ихъ они найдутъ правосудныхъ отцовъ, утѣшителей и вѣрныхъ руководителей. Они не ищутъ обогащенія посредствомъ грабительства своей паствы; и какъ же могли бы они дозволить себѣ этотъ грязный торгъ и эту несправедливую корысть, когда они посвящаютъ себя всецѣло спасенію и поддержкѣ братіи, когда они не обращаютъ вниманія на собственное благо, а только на благо бѣдныхъ, и когда для нихъ, за столько положенныхъ трудовъ, единственной наградой является блаженная жизнь въ памяти народа, которой они такъ пламенно желаютъ? Ни почести, ни достоинства, ни богатства, ни что на свѣтѣ не въ состояніи поколебать ихъ мощную крѣпость. Эти возвышенные защитники правосудія почитаютъ за счастіе, если имъ удастся вырвать притѣсненную невинность изъ жестокихъ рукъ бѣшенаго гнѣва, и, исполняя прямой долгъ своего призванія, они не обманываютъ сладкой надежды несчастныхъ, которые протягиваютъ къ нимъ руки для избавленія, и хотя бы пламенная ненависть противилась имъ всѣмъ своимъ дикимъ могуществомъ, не можетъ ихъ отклонить отъ дѣятельной защиты притѣсненныхъ, которую они должны подать.» (Массильонъ, Епископъ Клермонтскій).

ваюсь, остановится ли на этомъ дѣло, если разгорѣченныя головы не уймутся. Желалъ бы ошибиться въ своихъ предположеніяхъ, но когда оглянусь на минувшіе вѣка; когда нигдѣ не могу вычитать, чтобы въ нашей странѣ, посреди вѣрнѣйшаго Христіянства, предки наши воздвигали подобныя гоненія противъ духовныхъ лицъ, гоненія, которыя были свойственны лишь язычникамъ, кажется мнѣ, будто я несправедливо осуждаю Христіянство; виновато оно развѣ въ томъ, что не обращаетъ достаточного вниманія на различныя козни, измѣны, обманы.

А между тѣмъ и у насъ нашлись уже философы, которые стыдятся быть на столько слабыми, чтобы повиноваться какому бы то ни было требованію закона. Ихъ мудрость безконечно превышаетъ мудрость язычниковъ тѣмъ, что у этѣхъ была религія, а у религіи свои права; противниковъ ея общественное рвеніе присуждало искоренять. Наши же философы не только не допускаютъ ни какой религіи, но ради бы низвергнуть и небо, и землю, и алтари, и престолы. [31] Духовные—первое и сильнѣйшее препятствіе такимъ намѣреніямъ; слѣдовательно, мало по малу должно устранить ихъ. Эти философы потребовали всѣхъ ихъ передъ судилище своего разума,

---

[31] Есть два рода этѣхъ философовъ или скорѣе безбожниковъ. Одни, къ своему несчастію, люди великаго ума, обширнаго понятія и нравовъ, по крайней мѣрѣ, по наружности, не столь развратныхъ. Проводя дни и ночи въ уединеніи, они силятся подкопать основы Религіи. Съ такимъ намѣреніемъ издаютъ они безбожныя сочиненія, свѣдѣтельствующія какъ о гибкости ихъ ума, такъ и объ огромности заблужденій. Въ Польскомъ народѣ нѣтъ еще такихъ учителей, которые для земляковъ устроивали бы каѳедры этой язвы, но, вмѣсто нихъ, у нѣкогда правовѣрной Польши есть безчисленное множество подчиненныхъ служителей, т. е., безбожниковъ другого рода, которые, набравшись яду за границей, заражаютъ имъ всѣ общества. Они отважно ведутъ споръ о глубочайшихъ тайнахъ Вѣры, не разумѣя даже первыхъ ея начатковъ или Катихизиса. Если спросить ихъ о доказательствахъ тому, о чемъ такъ упорно мудрствуютъ, весь ихъ отвѣтъ будетъ состоять въ томъ, что прикажутъ вѣрить словамъ своихъ наставниковъ. Сердце человѣческое есть колыбель безвѣрія; устрашенное злодѣяніями, оно не терпитъ ярма, высвобождается изъ него, желая, вмѣстѣ съ тѣмъ, уничтожить и свои обязанности для него. Вѣра становится подозрительною. Если хочешь кого либо снова сдѣлать вѣрующимъ, то назови добродѣтелями любимыя преступленія его, и онъ никогда отъ такой Вѣры не отступится. (Это примѣчаніе написано Бродовичемъ собственноручно. Я. Г.).

и весьма благоразумно предположили ударить сперва на слабѣйшую сторону, чтобы потомъ, при успѣхѣ, уничтожить и сильнѣйшую. Ихъ число не мало и со дня на день увеличивается распространяющимися по странѣ книгами, которыя читаетъ наша молодежь и съ удовольствіемъ поглощаетъ этотъ ядъ, смѣется надъ Благочестіемъ, издѣвается надъ Духовенствомъ и святѣйшими тайнами Религіи. Есть уже у нихъ и свои послѣдователи одна ли не въ каждомъ сословіи и между должностными людьми; они готовы ухватиться за всякое замѣтное обстоятельство, чтобы, облекши его плащемъ общественнаго блага, коего усерднѣйшими ревнителями стараются показать себя, воспользоваться имъ для тайныхъ своихъ замысловъ. Они первые готовы унижаться до заявленія особеннаго нашъ почтенія, чтобы, пріобрѣтя довѣріе, уваженіе и благосклонность, покорыстоваться нашимъ благодушіемъ и, вооруживши насъ, вѣрныхъ, противъ вѣрныхъ же, сдѣлать насъ низкимъ орудіемъ для исполненія своихъ замысловъ. Такимъ-то тономъ научитъ теперь громкое слово «гражданинъ» (obywatel) и заглушаетъ всѣхъ другихъ членовъ общества. Такими-то шагами стремится Отечество наше къ паденію. Преданныя сердца болѣютъ, но помочь не могутъ.

Изъ сдѣшнихъ новостей сообщу Вамъ въ особенности, что Лукасевичъ, Священникъ Сухій, умѣлъ вести себя согласно съ даннымъ ему наставленіемъ, но все таки не признался въ томъ, будто бы на письмѣ маркитанта прочелъ въ подписи такія слова: «Ekat.», а только всю вину свалилъ на маркитанта.

Вамъ бы слѣдовало и на это дать ему особенный наказъ. Ваши Волынцы водили эту глуповатую деревенщину, какъ медвѣдя, по всѣмъ обществамъ и въ особенности представили его Сеймовымъ Чинамъ, съ тѣмъ, чтобы ему назначили значительную для него награду. Разныя предлагались отличія и достоинства, на пр., Епископскій санъ (вотъ была-бы радость для женатаго духовенства, которое добилось бы своихъ старинныхъ правъ на Епископскую митру!); да этому Попу не достаетъ бездѣлицы—разума! Кончилось тѣмъ, что Вашъ великій Защитникъ, по волѣ Его Величества Короля и скофедерованныхъ Чиновъ, получилъ золотую медаль, которую долженъ носить на груди, въ доказательство своей вѣрности, а точнѣе говоря, въ доказательство убійства невиннаго маркитанта. Коронная казна отсчитала ему

двѣ тысячи Польскихъ злотыхъ, а Сеймовые Маршалы подписали свѣдѣтельство, въ доказательство его заслуги и въ полученной за благородное сердце наградѣ. [32] Выше упомянутый Священникъ Сускій, защищенный такимъ вниманіемъ Чиновъ, получилъ, въ добавокъ, отъ Папскаго Нунція письмо къ своему Епископу объ освобожденіи его отъ церковныхъ наказаній, которымъ подвергаются духовные за убійство. [33]

Было бы неприлично отпустить безъ награды такого просвѣщеннаго, невинно преслѣдуемаго, Священника, каковъ Громачевскій, Благочинный Кременецкій, а по тому и онъ получилъ отъ Короля медаль, письменное свѣдѣтельство отъ Маршалковъ въ невинности и 1200

---

[32] Горе тому благородному сердцу, которое отважится быть подобнымъ образомъ благородно; горе увлеченному, но несравненно большее горе увлекшему, воспользовавшемуся чужой глупостью на погубленіе невиннаго и на всеобщее притѣсненіе. Но таковы чувства Христіянскихъ сердецъ, а Философъ привыкъ обходиться безъ нихъ. Во всей этой козни онъ дѣйствовалъ архи-философски.

[33] «Станиславъ Наленчъ Малаховскій и проч., Князь Казимиръ Сапега и проч., Маршалки. Объявляемъ всѣхъ вообще и каждому въ особенности, кому о томъ вѣдать надлежитъ. Не тайна всему народу смуты, возникшія изъ хлопскихъ бунтовъ, которыхъ страшное начало ознаменовалось казнью преступныхъ и всеобщей тревогой. Въ числѣ людей, обрекавшихъ невинныхъ въ жертву своей злобѣ, былъ одинъ Русскій маркитантъ, который усиливался поколебать добродѣтель Священника Лукаевича, обратить человѣколюбіе его въ озлобленіе и склонялъ его къ бунту. Сказанный маркитантъ понесъ надлежащую кару, а Лукаевичъ, приходскій Священникъ Греческаго Исповѣданія, соединеннаго съ Римскою Церковію, дважды допрошенный на мѣстѣ, былъ поставленъ передъ Депутаціей, назначенною Сеймомъ для изслѣдованія обвиненныхъ въ бунтѣ. Изъ прочитаннаго въ Депутаціи слѣдствія и очныхъ ставокъ открылось, что злодѣйство не имѣло доступа къ сердцу Священника, и что онъ указаніемъ подговорщика къ бунту открылъ замышленное преступленіе, и такимъ образомъ участвовалъ въ своевременномъ устраненіи бѣдствія, угрожавшаго жителямъ того края. Найсвѣтлѣйшій Король и Пресвѣтлые Чины, получивъ увѣдомленіе объ этомъ отъ назначенной для того Депутаціи, поручили намъ, Маршалкамъ, наградить добродѣтель Священника Лукаевича и засвѣдѣтельствовать непорочность его поступковъ. Во исполненіе чего, мы опредѣлили выдать Лукаевичу изъ Коронной казны двѣ тысячи Польскихъ злотыхъ. Данную ему медаль дозволяемъ носить на груди, во свѣдѣтельство подвига. Въ заключеніе таковое наше засвѣдѣтельствованіе утверждаемъ подписями и проч.»

злотыхъ изъ Коронnаго Казначейства. Обѣ этѣ медали, данныя поименованнымъ Священникамъ, изображали, съ одной стороны Королевскій портретъ, а съ другой гербы, Коронный и Литовскій, съ надписью: «Pro fide, lege et patria» (за Вѣру, законъ и отечество), и были величиною съ Московскій рубль. [34] Вѣроятно, теперь оба Священники уже на Волыни, по тому что прошло болѣе двухъ недѣль, какъ они выѣхали изъ столицы.

На этомъ сообщеніи намѣренъ я былъ кончить письмо, но получилъ извѣстіе, что схваченъ бѣжавшій изъ подъ стражи Князь Адамъ Понинскій, Подскарбій Коронный, и сегодня отвезенъ въ казармы. Узнавъ о всѣхъ подробностяхъ, пишу Вамъ и объ этой новости.

Извѣстно, за что этотъ Князь уже нѣсколько недѣль находился подъ политическимъ заключеніемъ. Прибывшему сюда сыну его отвели помѣщеніе стѣна объ стѣну съ отцемъ. Онъ навѣстилъ заключеннаго,

---

[34] «Станиславъ Палечъ Малаховскій, Князь Казимиръ Сапега, Маршалки: Всѣмъ вообще и проч. Печальные признаки бунтовъ, грозящіе странѣ смутою, обратили внимательное усердіе гражданъ изслѣдовать источникъ ожидаемаго несчастія. Когда въ числѣ обвиненныхъ въ подстрекательствѣ холоповъ къ возстанію противъ Высочайшей власти страны [и Господъ своихъ, Священникъ Павелъ Громачевскій, Греческаго Обряда, соединеннаго съ Церковью Римскою, Благочинный (Деканъ) Кременецкій, изъ Благочинія Луцкой Епархіи, подвергнутый двукратному слѣдствію, былъ привезенъ наконецъ въ Варшаву, и по приказанію Его Королевскаго Величества и Пресвѣтлыхъ Чиновъ Рѣчи Посполитой, Депутація, подъ нашимъ, Маршалковъ, предсѣдательствомъ назначенная чрезъ Сеймовыхъ Членовъ, послѣ розысканій и очныхъ ставокъ, нашла доблести сего Священника Громачевскаго непорочными, а доказательства невинности торжественными, Его Милость, Король, и Пресвѣтлые сконфедерованные Чины Рѣчи Посполитой, изнѣщенные Депутаціею о невинности выше упомянутаго Благочиннаго поручили намъ, Маршалкамъ, чтобы мы, торжественнымъ засвѣдѣтельствованіемъ, увѣрили все общество въ томъ, что Кременецкій Благочинный, Священникъ Громачевскій, не былъ уличенъ ни въ какомъ преступленіи, и что вообще обвиненіе, основанное лишь на ложныхъ признакахъ, въ сущности далеко было отъ чего либо даже похожаго на преступленіе. Таковое наше засвѣдѣтельствованіе и проч. и проч., собственноручно подписываемъ. Дано въ Варшавѣ и проч.»

родителя и, послѣ краткаго свиданія, возвратился къ себѣ. На слѣдующій день отецъ пригласилъ на обѣдъ пріятелей, и въ то время, какъ угощалъ ихъ въ залѣ, сынъ постарался пробить въ стѣнѣ дыру, именно въ томъ мѣстѣ въ спальнѣ Князя, гдѣ огромный комодъ заслонялъ стѣну; когда же уподчиванные пріятели разошлись и наступила темная ночь, сынъ вывелъ отца черезъ дыру и сопровождалъ его въ бѣгствѣ. Разосланы были гонцы по всѣмъ дорогамъ, обѣщана большая награда тому, кто схватитъ бѣглеца; счастіе послужило Рудницкому, который, съ эскадрономъ народной конницы, догналъ Князя въ селѣ Рубинковѣ, подъ Торунемъ, и доставилъ сюда. Рудницкій получилъ награду, а Князь посаженъ уже не подъ политическій, какъ прежде, а подъ строгій дозоръ. Сынъ не признанъ виновнымъ, во уваженіе къ законамъ природы, которые обязывали его спасать отца. Чѣмъ кончится это заключеніе, не извѣстно, но весьма любопытно. [35]

Полагалъ бы я, что Князя, убѣгающаго за границу, ловить не слѣдовало, по тому что и послѣ Сеймоваго суда его ожидаетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ изгнаніе изъ Отечества. Пускай бы уходилъ себѣ по добру, по здорову туда, куда влечетъ его собственная воля. Кто знаетъ, какая еще судьба ожидаетъ Отечество? Теперь же, поручая себя постоянной дружбѣ Вашей, остаюсь и проч.

---

[35] Къ единовластію не приложимо правило, что: «Ubi multi peccant, nemo punitur» (Гдѣ всѣ виноваты, тамъ ни кто не наказывается). Если же Король удѣляетъ всему народу свои качества, то и народъ можетъ быть проницателенъ и справедливъ. Въ Рѣчи Посполитой, въ которой рядитъ толпа, каждый, оберегая свою безопасность, не попуститъ погубить своего соучастника, съ которымъ имѣлъ честь плыть въ одной лодкѣ. Пришлось бы 100,000-ое войско раздѣлить на мелкіе отряды, которые оберегали бы благородныхъ узниковъ, подобныхъ Князю Понинскому, но черезъ чуръ уже дороги такія драгоцѣнности и у Отечества не хватитъ для нихъ казны.

ОТВѢТЪ ПРІЯТЕЛЮ

ВЪ ВАРШАВУ, въ послѣднихъ дняхъ Августа.

Много разъ перечитывалъ я Ваше письмо, и не могу довольно начитаться. Оно объясняетъ мнѣ то, чего я до сихъ поръ или вовсе не зналъ, или на что не обращалъ вниманія. Я писалъ лишь объ историческихъ событіяхъ, какіе приходили мнѣ на мысль, а Вы учите меня теоріи и даете свѣтильникъ, при свѣтѣ котораго съ увѣренностью можно ити отъ потока къ источнику, отъ словъ къ сердцу, отъ дѣйствій къ сокровеннымъ ихъ причинамъ. Я пошелъ за этѣмъ свѣтильникомъ, и первый случай показалъ мнѣ, что ученикъ не ошибся въ возвышенныхъ соображеніяхъ своего учителя. Считаю себя обязаннымъ подѣлиться съ Вами удовольствіемъ, полученнымъ мною этѣмъ путемъ.

Взялъ я къ себѣ двухъ служителей, прослужившихъ годъ у одного Господина. Бывшій ихъ Господинъ и по должности, и по образу своихъ мыслей, пользуется большимъ значеніемъ въ сдѣшнемъ Воеводствѣ. Вольныя рѣчи, смѣлыя возраженія, бойкіе отвѣты, трескучія мнѣнія, рѣшительный тонъ пріобрѣли ему имя человѣка просвѣщеннаго, но, вмѣстѣ съ этѣмъ, породили въ нѣкоторыхъ, какъ онъ говорилъ, фанатикахъ подозрѣніе, будто Религія не можетъ быть для него выгодною, если онъ такъ часто борется съ ея постановленіями. Не въ моихъ правилахъ распрашивать слугъ о Господской жизни, по тому что такое любопытство благородному человѣку не прилично; по этому безъ всякаго умысла спросилъ я новыхъ слугъ своихъ только о томъ, по своей ли волѣ отошли они, или ихъ выгнали? Они отвѣчали мнѣ, что сами, по окончаніи года, просили отпустить ихъ. За тѣмъ я пожелалъ знать, по чему не хотѣли они оставаться у хорошо платящаго и нескупо живущаго Господина?

Этотъ вопросъ привелъ ихъ въ какое-то замѣшательство, стали они между собою переглядываться, а я, не получая отвѣта, подумалъ, что они предъ своимъ Госиодиномъ сдѣлали какой ни будь проступокъ, о которомъ я до тѣхъ поръ не зналъ, и по тому, заботясь о своей безопасности, строго сказалъ имъ, чтобы они тотчасъ же отвѣчали на мой вопросъ, иначе отошлю ихъ къ прежнему Господину съ совѣтомъ пересмотрѣть хорошенько все у себя въ домѣ.—«Не тревожьтесь, Сударь, и не сомнѣвайтесь въ нашей вѣрности; къ тому же въ Вашей власти справиться о насъ въ домѣ прежняго нашего Барина и получить болѣе вѣрныя свѣдѣнія, чѣмъ тѣ, какія даны о насъ на бумагѣ: это намъ ни сколько не повредитъ. Насъ привелъ въ замѣшательство неожиданный вопросъ Вашъ, а еще болѣе мученіе преступной совѣсти, заставляющей сознаться, что, будучи слишкомъ вѣрными своему Господину, мы стали невѣрными Богу.

Съ любопытствомъ слушалъ я ихъ признаніе и, примѣтивъ на глазахъ ихъ слезы, ясный признакъ ихъ религіозности, утѣшалъ ихъ, какъ Католикъ, что нѣтъ столь тяжкаго грѣха, котораго бы Богъ не простилъ, коль скоро они исправятся. Не буду описывать Вамъ длинныхъ церемоній, прежде чѣмъ дѣло дошло до признанія. Они признавались съ такимъ смиреніемъ, сокрушеніемъ и полною покорностью моей волѣ, какъ будьто ожидали неминуемой смерти. Они разсказали мнѣ, какъ много гостей съѣзжалось къ ихъ Господину; какъ долго, запершись въ комнатахъ, разсуждали они между собою, и какъ послѣ этого совѣщанія Господинъ призвалъ ихъ къ себѣ; какъ посылалъ ихъ на исповѣдь Священникамъ (а въ то время у Русскихъ наступалъ праздникъ Сошествія Святаго Духа); какъ переодѣвалъ ихъ въ крестьянскую одежду и училъ, чтобы на исповѣди сказали, будьто они подговорены къ бунту противъ Господъ; будьто они дали уже слово явиться въ назначенное время и мѣсто; будьто они взяли деньги для того, чтобы и другихъ склонить къ участію въ этомъ дѣлѣ; будьто ихъ сильно убѣждали; будьто они надѣются вырѣзать ненавистныхъ Ляховъ и Жидовъ и освободить крестьянъ отъ этого рабства; наконецъ будьто, не зная навѣрное кто изъ нихъ погибнетъ во время этого бунта, они просятъ отпущенія грѣховъ и благословенія на такое дѣло. Разсказывали, какъ Господинъ приказывалъ имъ помнить, что на это скажутъ Священники, какой будутъ давать совѣтъ; все это велѣлъ передать ему въ точности.

Такимъ образомъ они, увлеченные обѣщаніями Господина, не обращая вниманія на святотатственный поступокъ, исполнили все, чему были научены. Но въ рукахъ Божіихъ это дѣло должно было восторжествовать надъ людскимъ суемудріемъ. Духъ Святый разными дарами просвѣтилъ простыхъ людей, избранныхъ Имъ для своего земнаго намѣстничества. Они представляли притворно кающимся, что любовь къ Богу и къ ближнему одна безъ другой быть не могутъ, и что человѣкъ, не имѣющій сихъ добродѣтелей, не получитъ спасенія. Грозили вѣчнымъ осужденіемъ на судѣ Господа Бога, а прежде него и сдѣсь, на землѣ, ужасною смертію, если они рѣшатся на такое преступленіе. Приказали, подъ страхомъ не отпущенія грѣховъ, выдать зачинщиковъ бунта и велѣли, для удостовѣренія ихъ въ этомъ, полученныя деньги возвратить своимъ Господамъ; настоятельно требовали, чтобы они непремѣнно отклонили отъ злаго намѣренія тѣхъ, кого сами подговорили.

Съ этѣмъ возвратились они къ своему Господину, и, кажется, не одни они, но и другіе, въ разныхъ мѣстахъ подученные своими предержащими, чистосердечно разсказавъ ему все, что услышали на исповѣди; вмѣсто ожидаемой награды, они пріобрѣли нерасположеніе Господина за то, что не съумѣли обдѣлать порученное имъ дѣло. По этой причинѣ они, по окончаніи года, и отошли. Случай этотъ убѣждаетъ меня, что какъ только кто свергнетъ съ себя ярмо Религіи, то уже нѣтъ для него святыни, которой бы онъ не попралъ; нѣтъ преступленія, на которое бы не рѣшился, по тому что ему кажется гораздо удобнѣе не знать другого закона, кромѣ своихъ страстей. Признаюсь, однако жъ, не понимаю отвѣта этого Господина, который онъ далъ своимъ слугамъ: по тому что какъ же они не съумѣли обдѣлать порученное имъ дѣло? Ужъ не были ли они обязаны угадать намѣренія своего Господина, и, дойдя до преступнаго святотатства, прибавить къ нему, по возвращеніи отъ исповѣди, клевету? Предоставляя это Вашему разсужденію, обращаюсь къ описанію дальнѣйшаго хода сдѣшнихъ событій.

7, 8, 9-го Іюня по нашему Мѣсяцеслову у Руси былъ праздникъ Сошествія Св. Духа. Въ это время снова какъ будьто адъ излилъ всю злобу для того, чтобы возбудить въ умахъ уже нѣ-

сколько утихшее: отъ времени волненіе. По тому что когда спокойно прошли сроки, какъ бы назначенные для рѣзни, т. е., Свѣтлое Воскресеніе, наше и Русское, потомъ Ѳомино воскресенье и Вознесеніе Господне, то распаленнымъ головамъ показалось, будьто рѣзня навѣрно будетъ совершена въ Троицкіе дни. Тогда же наступалъ срокъ Земскихъ Свято-Троицкихъ Судовъ; собрались мы, всѣ коммисары Воеводства; караулы были усилены; разосланы лазутчики по дорогамъ, по окольнымъ городкамъ и деревнямъ; возобновлены прежнія донесенія, по своей лживости давно уже потерявшія силу, или сочинены новыя, схожія съ прежними, до того, что несчастная Русь, не имѣющая, кромѣ Бога, другихъ свѣдѣтелей и защитниковъ ихъ невинности, должна была трепетать при каждомъ такомъ случаѣ. Сказать правду, было между нами нѣсколько такихъ, которые умышленно сочиняли этѣ басни, а потомъ разглашали ихъ посредствомъ подставленныхъ для этой цѣли людей. Это было въ выгодахъ Коммисіи. Коммисарамъ хорошо было жить въ Луцкѣ на отвсюду доставляемомъ безплатномъ продовольствіи; хорошо было коммисарамъ, при такой дороговизнѣ, домашніе свои расходы оплачивать изъ общественныхъ сборовъ, а лошадей гражданъ, данныхъ ополченцамъ для общественной службы; употреблять для своихъ поѣздокъ, да и самихъ ополченцевъ брать себѣ въ услуженіе; и все это подъ видомъ величайшей заботливости объ общей безопасности.

Уже власть наша стала было терять свою силу; уже граждане стали шептаться между собою о расходахъ, что они только намъ, праднымъ, доставляютъ удобства и напрасно разоряютъ своихъ холоповъ. По этому мы обнародовали къ нимъ Универсалъ, чтобы они именно въ такое время, когда бунтъ еще не подавленъ, и когда искра, засыпанная пепломъ, нашедши себѣ удобный матеріялъ, можетъ вспыхнуть опаснымъ пламенемъ, немедленно высылали въ Луцкъ не явившихся ополченцевъ и недосланное продовольствіе. (См. въ Перечнѣ букву Q.)

Съ цѣлію обмануть всѣхъ, хотя это и не совсѣмъ по Католически, 10-го Іюня потребовали мы отъ Русскаго Епископа, чтобы онъ объяснился передъ нами объ Универсалѣ, изданномъ имъ по своей Епархіи, и оказали ему только то вниманіе, что выслушали его не въ томъ мѣстѣ, гдѣ собирается Коммисія, а въ пребываніи

Предсѣдателя. Мы не сдѣлали ни какого постановленія, по тому что не прилично было сдѣлать его на бумагѣ и, такимъ образомъ, оставить проницательному потомству памятникъ нашего безумія.

Однако же не надолго послужила и эта продѣлка, придуманная для поддержанія ослабѣвающей нашей власти. Въ это время вышелъ по Епархіи Универсалъ Епископскій къ народу, прямо объясняющій ему, что Вѣра одна, хотя есть два Католическихъ Обряда, т. е., Русскій и Латинскій. Это сдѣлано было, кажется, не столько для просвѣщенія народа, который, конечно, въ томъ не сомнѣвался, сколько для уничтоженія въ публикѣ ненависти и подозрѣнія относительно первыхъ лицъ этого Духовенства; ибо нельзя было безъ особеннаго чувства видѣть, какъ наша молодежь находящаяся частію въ палестрахъ, частію при дворѣ, а особенно въ войскѣ, указывала пальцемъ, какъ на бунтовщиковъ и зачинщиковъ мнимаго бунта, на почтенныхъ въ этомъ Духовенствѣ людей, которые, въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ, даже до сѣдыхъ волосъ, при общемъ одобреніи, остаются при своихъ должностяхъ; какъ молодежь эта говоритъ о нихъ самыя лживыя рѣчи до того, что имъ нельзя: ни оправдываться, ни запираться, ни пускаться въ опроверженія, потому что и вѣрнѣйшія ихъ слова были перетолковываемы, [36] либо тот-

---

[36] Что касается до приходскаго духовенства, то имъ помыкали не только дворовые люди, но и Жиды. Большая часть Священниковъ была забираема подъ стражу по ихъ злобнымъ доносамъ; придирки на Жида значило то же, что принадлежать къ заговору о рѣзнѣ. Изъ происшествія, случившагося въ мѣстечкѣ Локачахъ, принадлежащемъ Вильгѣ, Воеводѣ Черниговскому, можно видѣть, какіе придирки должно было переносить простонародье. Ѣздившіе въ Варшаву Украинцы продали тамъ ведчину и возвращались по домамъ какъ разъ въ то время, когда Жиды праздновали свои куцы. Остановились они въ Локачахъ пасти воловъ, и стали просить Жида, чтобы онъ продалъ имъ водки. Когда Жидъ отвѣтилъ имъ на это съ наглостью, отсылая ихъ въ корчму, стали они просить, чтобы онъ далъ имъ хоть тарелку, на которой можно было бы разрѣзать селедку. Но когда и вторично Жидъ обругалъ ихъ, то одинъ изъ нихъ сказалъ, указывая на столъ: «Отъ ту рѣжь!» (Вотъ здѣсь рѣжь!). Въ то же мгновеніе Жидъ завопилъ во все горло: сбѣжалась толпа Жидовъ, передъ которыми Жидъ сталъ говорить, что проѣзжіе хотѣли его рѣзать. Напрасно бѣдные Украинцы объясняли, что это значило рѣзать на столѣ селедку. Повели ихъ на Барскій дворъ, а Управляющій, судья справедливый, приказалъ каждому изъ

часъ же влекли за собою бѣду отъ лживаго доноса, либо угрозы заключеніемъ, кандалами, палачемъ и висѣлицею. 16-го Іюня, съ Варшавской почтой узнали мы, что проектъ нашего Депутата Г. Святославскаго, относительно избранія двухъ помощниковъ для сужденія, вмѣстѣ съ однимъ Городскимъ судьею, обвиняемыхъ въ подстрекательствѣ къ бунту въ Волынскомъ, Кіевскомъ и Брячеславскомъ Воеводствахъ, былъ единогласно принятъ всѣми Чинами Государства и обращенъ въ законъ. Полагаю, что Депутатъ хотѣлъ этѣмъ угодить гражданамъ, но угодилъ ли онъ также заключеннымъ? Лица, составляющія полный Судъ, хотя бы и не вполнѣ были свѣдущи въ законахъ, какъ у насъ часто случается, однако же самая практика можетъ научить ихъ, и по тому они могутъ легче разбирать въ подобныхъ дѣлахъ запутанныя обстоятельства. Не понимаю, однако, могутъ ли поступать справедливо помощники, обыкновенно избираемые изъ самыхъ усердныхъ, безъ этѣхъ познаній, безъ практики, не сдерживаемой ни какими соображеніями, въ особенности по тому, что въ такомъ случаѣ личныя выгоды всегда представляютъ великими тѣ мелочи, которыя здравому и безпристрастному сужденію показались бы призракомъ чего либо. Самое предубѣжденіе много значитъ, а ненависть въ самомъ разслѣдованіи старается отыскивать причину ненависти. Такія побужденія весьма естественны и вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенны у людей себялюбивыхъ; а по тому мнѣ кажется, что судьбы человѣческой жизни отданы въ менѣе надежныя руки, чѣмъ имущество.

17-го того же мѣсяца. Получили изъ Кременца извѣстіе, что тамъ находится подъ военной стражей Василій Хрущевскій, Священникъ Малыхъ Дедеркалъ, съ своею женою. Обвинили его въ томъ, что онъ будто бы обѣщалъ маркитантамъ набрать десять человѣкъ, и съ ними начать рѣзню Поляковъ и Жидовъ; будто въ томъ далъ онъ имъ присягу и взялъ деньги. Сперва онъ признался, потомъ запирался и постоянно несъ околесную. Говорилъ и то, будто онъ спрашивалъ у маркитантовъ, кто бы распоряжался этѣмъ дѣломъ? Тѣ назвали ему какое-то безыменное Вѣдомтсво невѣдомо

нихъ дать по 50 ударовъ батожьемъ и выгнать изъ мѣстечка; по крайней мѣрѣ онъ за то достоинъ похвалы, что не отослалъ ихъ въ Луцкую Коммисію.

какого Государства, потомъ отъ этого отпирался; а жена его, какъ сначала сказала почти одно съ мужемъ, такъ и до сихъ поръ отсталась при одномъ и томъ же показаніи. Мужа съ женою допрашивалъ Судъ, предъ которымъ они сказали, что вѣкъ свой провели въ супружескомъ согласіи и любви. Подъ стражей содержались они порознь и не видались другъ съ другомъ; и мужъ и жена не получили ни какого воспитанія, люди простые и совершенно ничтожные.

Послали еще ополченцевъ за другими двумя Священниками, т. е., за Чабанскимъ и Глибецкимъ, также обвиненными въ бунтѣ. Я передалъ Вамъ дословно это Кременецкое донесеніе, чтобы Вы разсудили, есть ли что ни будь дѣйствительное въ этомъ, и не порождено ли оно въ Священникахъ какимъ либо побочнымъ внушеніемъ, въ особенности же Универсаломъ Маршаловъ Сейма? Меня удивляетъ только постоянно одинаковое показаніе его жены [37]

---

[37] Жена его, видя, что мужъ, обманутый внушеніями сословія Кременецкихъ Приказныхъ, безпрестанно мѣняя свои показанія, ни сколько не улучшилъ тѣмъ своей судьбы, постоянно держалась одного показанія, полагая, что такимъ образомъ лучше защититъ себя.

Г-нъ Стройновскій, не извѣстно какихъ войскъ Поручикъ, пріѣхавъ въ Кустинъ и узнавъ, что у тамошняго приходскаго Священника ночевалъ маркитантъ, приказалъ связать Попа и отправить въ Здолбицу, имѣніе своего однофамильца, Бужскаго Подкоморія. Священникъ пробылъ подъ стражею нѣсколько дней, и едва былъ выпущенъ въ слѣдствіе настоятельныхъ просьбъ одной госпожи, бывшей въ связи съ этимъ Поручикомъ.

Г-нъ Варицкій, товарищъ у Ротмистра Ворцеля, Литовскаго Подстолія, придумалъ благочестивые себѣ доходы, именно: поѣхалъ онъ по приходскимъ Священникамъ Полѣсья, приказывалъ доставлять всякія удобства себѣ и своимъ рядовымъ, а также и лошадямъ, и запугивая Поповъ тѣмъ, будто бы дознался объ ихъ соглашеніи съ Пилипонами, какъ бы находящимися у него подъ стражей, показывалъ видъ, что хочетъ отослать ихъ въ Коммисію, и, не принимая ни какихъ оправданій, кромѣ денегъ, такимъ образомъ грабилъ невинныхъ. Наконецъ пріѣхалъ онъ въ Заборолы, зарясь на тамошняго приходскаго Священника Малевича, о которомъ зналъ, что онъ не бѣденъ. На несчастье, не засталъ онъ его дома; тогда онъ оставилъ въ приходскомъ домѣ письмо, въ которомъ извѣщалъ Священника о своей обязанности. Содержаніе письма таково: «Высланный съ порученіемъ, заѣхалъ я предостеречь Васъ, чтобы Вы болѣе не водились съ маркитантами; и за то, что съ ними натворили уже, врядъ ли раздѣ-

19-го числа того же мѣсяца, усердствуя поддержать свое достоинство, мы снова старались поднять тревогу, увѣряя всѣхъ, что, по минованіи многихъ уже сроковъ, назначавшихся къ исполненію угрожающаго несчастія, уничтоженныхъ особенною нашею за-

---

лаетесь. Они у меня подъ стражей и сильно Васъ оговариваютъ. Разсудите, что Васъ ожидаетъ! Ѣду отсюда въ Корыта, и буду тамъ ждать Васъ нѣсколько дней, чтобы Вы повидались со мною и все это уладили. Ежели же Вы не пріѣдете, будьте увѣрены, что возьму Васъ въ Луцкую Коммисію, а Вы знаете, что тамъ съ подобными Вамъ дѣлается. Adieu. Я. Варицкій.»

Если гдѣ либо у Священника были сыновья, хоть бы найлучшимъ образомъ воспитанные, хоть бы одиночки, которыхъ, по закону природы, слѣдовало оставлять на прокормленіе родителей, тѣхъ отряды, высланныя для сбора рекрутъ забирали въ войско, нападали ночью на домы приходскихъ Священниковъ, вязали, били и силою вырывали изъ родительскихъ рукъ. Избитые и окровавленные Священники искали, и не находили, милости у начальниковъ отрядовъ. Клерикъ Янъ Кореневичъ, Краковскій Студентъ, сынъ Скнытскаго приходскаго Священника, назначенный на мѣсто умершаго своего отца въ тотъ же Скнытъ, проѣзжая черезъ Острогъ, былъ взятъ подъ стражу стоящимъ тамъ отрядомъ за то, что не хотѣлъ добровольно итти въ военную службу. Защищалъ онъ себя правами своего Университета, но когда онѣ не помогли ему, и когда надоѣло ему нѣскольконедѣльное заключеніе, показалъ, наконецъ, подарки Князя, Каштеляна Краковскаго. Помощію ихъ освободился онъ, только весьма страннымъ образомъ. Начальникъ отряда поступилъ съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, готовящимся къ духовному званію, вполнѣ по духовному, т. ., приказалъ снять съ него причетническій кафтанъ и, растянувъ на столѣ, велѣлъ ему читать акаѳистъ всѣмъ Святымъ. Читалось благоговѣйно, и послѣ каждаго стиха влепливались ему добрые удары нагайкою. По окончаніи богослуженія былъ онъ выпущенъ, и вылежалъ нѣсколько недѣль въ монастырѣ Чина Св. Василія, очень ужь утрудившись такою службою.

Не доставало одного—чтобы Священники, наравнѣ съ холопами, ставили своихъ лошадей на станціи подъ солдатъ; однако жь Коммисаръ завелъ и этотъ порядокъ въ имѣніяхъ Князя Яблоновскаго, Каштеляна Краковскаго, приказавъ, подъ опасеніемъ лишенія прихода, для скорѣйшаго доставленія въ Коммисію донесеній, либо самимъ отбывать стойку, либо же нанимать за себя другихъ.

Въ селеніи Головлѣ тамошній помошникъ Подстаросты, Залаевичъ, захотѣлъ занять пять рублей у Викарія Якимовича, состоявшаго при Головлевской церкви; а тотъ, отговорившись бѣдностью, такъ озлилъ тѣмъ его, что онъ немедленно поѣхалъ въ Дубно и донесъ на Викарія, какъ на бунтовщика, который держитъ у себя ножи и копья. Прибылъ отрядъ для слѣдованія, сталъ искать ножей копій по сундукамъ, но, вмѣсто этого оружія, котораго нигдѣ не было

ботливостію, наступаетъ наконецъ несомнѣнный въ день Русскаго праздника Св. Апостоловъ Петра и Павла; къ этому прибавили, будто мы узнали это изъ тайныхъ показаній свѣдѣтелей; и на этотъ разъ удалось намъ еще обмануть гражданъ. Собрали мы

нашли то, что имъ было всего нужнѣе, т. е., триста Польскихъ злотыхъ. Всѣ эти деньги, отложенныя Викаріемъ на прокормленіе жены и дѣтей, помощникъ Подстаросты, Залаевичъ, милостиво пригребъ себѣ, вмѣсто пяти рублей, оказавъ Викарію то благодѣяніе, что выпросилъ его будто бы у отряда не брать въ Дубно подъ стражу; за это ему Викарій и хлѣбы всенощные освятилъ, и самъ просидѣлъ у милѣйшаго помощникъ Подстаросты до поздней ночи на пиру. На утро наступало Русское Вербное Воскресенье, а по тому Дьячекъ, желая увести Викарія изъ Господскаго дома, напоминалъ ему, что завтра большая служба, при чемъ сказалъ по Русски: «Трусъ будетъ». Этѣмъ хотѣлъ онъ выразить, что будетъ большое скопленіе исповѣдниковъ, что надо рано вставать, чтобы успѣть и со службою, и съ говѣющими, по тому въ особенности, что имъ не можетъ пособить тамошній приходскій Священникъ, лежащій въ параличѣ. За эти два слова Дьячка тотчасъ же забили въ колодки и цѣлую недѣлю сѣкли плетьми такъ, что онъ едва живъ остался.

Донесеніе изъ Кременца, отъ 9 Іюля.

«Въ это время Уголовный Судъ присудилъ приходскаго Каламаринецкаго Священника къ шестинедѣльному заключенію въ Дубенской крѣпости; восемь Священниковъ ожидаютъ своей участи въ заключеніи, изъ простонародья находится болѣе ста заключенныхъ, а новыхъ еще и теперь представляютъ. О времена! Когда же минетъ это бѣдствіе!»

Какой-то бродяга и мошенникъ, Кирило Пундикъ, холопъ съ Австрійской границы, обвиненный въ воровствѣ, чтобы избавиться наказанія за свои преступленія, принялся оговаривать Священниковъ и крестьянъ въ заговорѣ вырѣзать Поляковъ и Жидовъ. Замутилъ онъ весь Подолъ, и по его наговорамъ нѣсколь о десятковъ крестьянъ было посажено подъ стражу, а нѣсколько десятковъ Священниковъ разсажено по разнымъ городамъ. И хотя было очевидно, что онъ клеветникъ и злостный доносчикъ, по тому что, вмѣсто тѣхъ, на кого онъ доносилъ, нарочно ставили другихъ, и спрашивали у него, тѣ ли это, онъ, зная ихъ толь о по фамиліямъ, а не въ лицо, говорилъ, что это они самые, и что имъ, а не другимъ, передавалъ онъ отъ маркитантовъ деньги; что ихъ онъ подговаривалъ, и они обѣщали помогать въ рѣзнѣ; не смотря на это, всѣхъ оговоренныхъ, какъ Священниковъ, такъ и крестьянъ, тотчасъ сажали подъ стражу. Онъ оговорилъ Данила Подчашинскаго, приходскаго Каламаринецкаго Священника, будто бы онъ принадлежалъ къ заговору и деньги принялъ; за это ополченцы взяли его въ Константиновъ и, не взирая на его Священническій санъ, об-

опять хотя немного свѣжихъ припасовъ, по тому что нечѣмъ уже было жить въ Луцкѣ. Рьяность и месть увеличились. Въ особенности во время помогъ намъ Заленскій, Подстароста Владимирскій, и другіе, подговоренные имъ граждане, донося, какъ о дѣлѣ, не подлежащемъ сомнѣнію, что Попы молятся за Царицу; что для этого не нужно и свѣдѣтелей, по тому что они сами готовы присягнуть

наженнаго отъ затылка до пятъ, сѣкли розгами, и въ продолженіе двухъ недѣль натѣшившись надъ нимъ въ волю, отпустили его, такъ какъ онъ ни въ чемъ не сознался. Кирило оговорилъ того же Священника еще разъ, и по тому вторично взяли его въ Кременецъ, гдѣ опять оставался онъ подъ стражею до 9 Іюля, когда, какъ выше сказано, по Кирилову доносу былъ осужденъ на шестиведѣльное заточеніе въ Дубенской крѣпости. Сеймовые Чины, увѣдомленные многими донесеніями о Кирилѣ, что онъ многихъ оговариваетъ въ бунтѣ, приказали доставить его въ Варшаву, куда онъ и посланъ.

Появился на Подолѣ другой мошенникъ, такой же какъ Кирило, Василій Дебрійчукъ: онъ оговорилъ Якова Мархелевича, Константиновскаго Благочиннаго, приходскаго Западинецкаго Священника, извѣстнаго и ученостью и набожностью, будто бы и онъ принадлежалъ къ этому заговору. Отрядъ, посланный изъ Каменца въ домъ его, производилъ строжайшій осмотръ и, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, на его счетъ объѣдался и бражничалъ, поѣвши же и уничтоживши все, взялъ его подъ стражу въ Каменецъ Подольскій, откуда онъ былъ освобожденъ по настоянію многихъ особъ, удостовѣрившихъ его невинность.

Во многихъ мѣстахъ сами ополченцы, а также рядовые w конюхи, подучаемые своими старшинами, нарочно, для притѣсненія Священниковъ, копья свои, пистолеты, ружья и ножи зарывали въ солому и прятали въ крыши, а потомъ, будто случайно найдя ихъ, вязали Священниковъ и заставляли ихъ откупаться. Такъ Дорожевскій, одинъ изъ народной конницы, прибывши на осмотръ въ село Хролинъ, не держатъ ли крестьяне оружія, посадилъ въ колодки тамошняго приходскаго Священника Соботовича и, послѣ двудневнаго заключенія, отпустилъ только по просьбѣ Барскаго двора, а вѣрнѣе за выкупъ. Онъ же былъ и въ Неоспалахъ, осматривалъ церковь и приходскую усадьбу, поднималъ въ церкви полъ, искалъ въ сундукахъ, ящикахъ и бадьяхъ (bedniach) ножей, копій и Пилипоновъ, и наконецъ уѣхалъ, наградивъ себя за хлопоты полотнами, платками, рубахами и простынями, найденными въ этѣхъ помѣщеніяхъ.

Въ село Онаховцы, позднею ночью, пріѣхало нѣсколько десятковъ солдатъ, приказали Священнику отпереть церковь и зажечь на алтарѣ свѣчи; когда одни изъ нихъ искали тамъ будто бы спрятанныхъ маркитантовъ, другіе между тѣмъ

въ томъ, какъ своими ушами слышали Поповъ, молящихся такимъ образомъ. Какъ только этотъ слухъ разнесся между нашею молодежью, то одно только неимѣніе висѣлицъ и палачей помѣшало ей разомъ перебить и перевѣшать всѣхъ Поповъ. Не во гнѣвъ именитому сановнику, Господину Подстаросте, не могъ я вѣрить его донесенію, предчувствуя, что оно непремѣнно пристрастное. Не

привели какую-то барышню. Старшій надъ солдатами приказалъ вѣнчать себя съ нею. Напрасно Священникъ отговаривался тѣмъ, что такой бракъ не можетъ быть дѣйствительнымъ, по тому что и женихъ, и невѣста не его прихода. Попа убѣдили приставленнымъ къ груди пистолетомъ благословить этотъ бракъ, или вѣрнѣе безпутство. Тогда мнимый женихъ показалъ, что онъ Капралъ, зовутъ его Ѳомой Боженскимъ, а невѣста — Ирина Юревичъ, изъ Лабуня, дочь приходскаго Священника. Свѣдѣтельство, данное этимъ Боженскимъ Онаховецкому Попу, гласитъ, что онъ самъ приказалъ повѣнчать себя, что Священникъ въ этомъ не виноватъ, и что онъ, Боженскій, расправится съ тѣмъ, кто вздумаетъ обвинять Священника.

Стоящій въ Ямполѣ отрядъ взялъ подъ стражу Ланецкаго, тамошняго приходскаго Священника, и старичка, Священника Бѣчковскаго изъ Лепесовки; причиною ихъ заключенія было то, что у нихъ работалъ какой-то Москаль, уже нѣсколько лѣтъ проживавшій въ приходѣ. Точно также работалъ онъ поденно и у другихъ, но ихъ не заподозрѣли, а только однихъ Священниковъ, и они, послѣ нѣсколькодневнаго заключенія, должны были откупиться. Москаль же между тѣмъ убѣжалъ безъ откупа.

Г-нъ Канскій, Кременецкій Судья, потерявшаго силы приходскаго Васьковчицкаго Священника, собиравшагося ѣхать для лѣченія въ Славуты, къ Китлѣ, извѣстному Доктору, приказалъ схватить и связаннаго представилъ въ Кременецкій Судъ, куда законнымъ порядкомъ подалъ на него слѣдующіе обвинительные статьи: 1) что онъ навѣрное собирался уѣхать изъ дому съ тѣмъ, чтобы присоединиться къ бунтовщикамъ; 2) что о чемъ-то шептался съ проѣзжимъ Шляхтичемъ, изъ чего заключаетъ, что и тотъ Шляхтичъ есть подговоренный имъ соучастникъ; 3) что водится съ маркитантами, по тому что они, проѣзжая черезъ Васьковчики, спрашивали о Попѣ, но тогда его не было дома. Такія-то статьи оказались достаточными для того, чтобы заключить въ темницу и представить къ Уголовному Суду Священника; но какъ не было ни свѣдѣтелей, ни какихъ либо другихъ доказательствъ, а наружность его показывала крайнюю слабость его здоровья и совершенную неспособность къ подобному дѣлу, къ тому же недавнее гоненіе подавало мало надежды не только на выздоровленіе, но и продолженіе жизни, то Судъ Кременецкій уволилъ его отъ такихъ придирокъ. Вскорѣ потомъ онъ благодарилъ Судъ за то, что онъ дозволилъ умереть ему въ своей бѣдной хатѣ.

возможно, чтобы Русь дошла наконецъ до такого ослѣпленія, что, поминая за службою Короля и Чины, явно молилась за Царицу, не находясь въ ея Государствѣ, или что и ее присоединила къ народному Правительству. Съ этою цѣлью обратился я тайно къ сдѣшнимъ монахамъ Чина Св. Василія съ вопросомъ, сказано ли гдѣ въ Русскихъ Служебникахъ, чтобы молились, особенно передъ обѣдней, за Царицу, и означаетъ ли слово «Царица» Императрицу Россійскую? Мнѣ было очень досадно, что мой вопросъ возбудилъ смѣхъ между монахами; но, измѣнивши тонъ въ важный, я сказалъ, что предлагаю вопросъ не изъ одного любопытства, а по важнымъ причинамъ хочу знать объ этомъ. Мнѣ объяснили, что царица значитъ владычица; что въ Русскомъ Служебникѣ, когда Священникъ приготовляется къ службѣ, вспоминаетъ Царицу, но не молится за нее, а, напротивъ, проситъ, чтобы эта Царица ходатайствовала за него предъ Богомъ, по тому что это не Императрица Россійская, но Пресвятая Дѣва Марія. Это самое по Латыни выражается такъ: «Adstitit Regina a dextris tuis etc.» Вотъ, подумалъ я про себя, новая машина, изобрѣтенная для добиванія Поповъ. Собирались было уже потребовать у Епископа объясненія по этому предмету, по тому что ни мнѣ, ни монахамъ не вѣрили, но наши Каѳедральные Священника, которые умѣютъ читать по Русски, дали въ этомъ случаѣ свое удостовѣреніе. Когда и эта пружина принесла своему изобрѣтателю мало чести, а намъ пользы, тогда постарались разгласить другую, не менѣе замѣчательную, новость, и донесли Коммисіи что Гусаковскій, Священникъ и Благочинный Клеванскій, только что освобожденный изъ-подъ стражи Гродскимъ судебнымъ опредѣленіемъ, возвратившись въ свой приходъ, велѣлъ ударить въ набатъ въ большой колоколъ, и когда прихожане сбѣжались на этотъ необыкновенной шумъ, онъ, запершись въ церкви, долгое время съ ними о чемъ-то тайно совѣщался. Къ счастію его, въ то время присутствовалъ въ Коммисіи Фелиціянъ Дубровскій, его пріятель, который, предполагая невозможность такого поступка, вызвался самъ отправиться въ Клевань и собрать обстоятельныя свѣдѣнія.

21 Іюня онъ воротился изъ Клевани, говоря, что не засталъ дома Благочиннаго, который недѣли двѣ назадъ уѣхалъ за Кременецъ, къ своимъ роднымъ, и представилъ свѣдѣтельство объ этомъ Клеванскаго Господскаго двора. Что же касается до набата,

онъ донесъ намъ, что это дѣйствительно было, но не по приказанію Благочиннаго, по тому что ударили въ набатъ въ его отсутствіе, и донесено объ этомъ едва ли не въ превратномъ видѣ. Случилось это во время прохожденія народной конницы черезъ Клевань. Всадники встрѣтили дѣвушку, довольно красивую, дочь тамошняго Бурмистра; пришли къ нему въ домъ съ намѣреніемъ, свѣдѣтельствующимъ о великомъ повреждении нравовъ молодежи, не сдержанномъ военною дисциплиной. Испуганный отецъ, желая спасти дочь отъ близкаго посрамленія, бросившись на колокольню, ударилъ въ набатъ. Бѣднякъ обманулся, по тому что и дочери не защитилъ, и самъ жестоко избитъ былъ военными.

Далѣе обратили мы вниманіе даже на письма Епископа и его Консисторскихъ, въ особенности на писанныя въ Варшаву и въ Епархію; мы читали ихъ и, снова тщательно запечатавши, отсылали, по обыкновенной почтѣ, тѣмъ, къ кому они были надписаны.

Мы отбирали отвѣты, и этѣмъ средствомъ старались доискаться слѣдовъ какихъ ни будь соглашеній между ними. Но все напрасно! Старались мы также увѣрить публику въ не прекращающихся бунтахъ. Съ этою цѣлію наши кознодѣи отправили войско въ Колки, привезли оттуда въ кандалахъ Андрея Борковскаго, Викарія, который, по взятіи подъ стражу тамошнихъ приходскихъ Священниковъ, остался одинъ для службы прихожанамъ. Его обвиняли въ томъ, что онъ пьяный, или не будучи натощакъ, приступалъ къ Святой Литургіи. Хотя этотъ случай не имѣлъ ни какой связи съ упомянутымъ бунтомъ, но умамъ, зараженнымъ ненавистію къ духовному сословію, казалось, что это дѣло подсудно свѣтскому Суду. Время покажетъ, остается ли еще за Епископомъ право, чтобы суду его подлежали Духовные. Ополченцы наши схватили также проѣзжаго Священника съ Австрійской границы, прибывшаго къ своимъ роднымъ, и обоихъ отдали подъ стражу Воеводскому Слѣдователю. Но такъ какъ противъ нихъ не было ни какого свѣдѣтельства, то волею, неволею, должны были мы выпустить ихъ послѣ осьмидневнаго задержанія.

23 числа того же мѣсяца. Прислали намъ въ Коммисію страшное изображеніе нарисованнаго на бумагѣ ножа, яко бы точно такіе но-

жи найдены были въ какомъ-то мѣстѣ у бунтовщиковъ. * Но такъ какъ нельзя было опредѣлить въ точности ни этого мѣста, ни этѣхъ бунтовщиковъ, то я догадался, что и это изобрѣтеніе было слѣдствіемъ такой же поддѣлки, употребленной для поддержанія почти уже кончающагося нашего коммисарскаго значенія. Распространено было также подметное письмо (пасквиль) на Франца Браницкаго, Великаго Коронаго Гетмана, написанное по образцу покаяннаго псалма, [38] въ кото-

---

* При рукописи Ѳеодосія Бродовича приложено изображеніе огромнаго, на серединѣ зазубленнаго, ножа съ острымъ концемъ, похожимъ на жало стрѣлы. На рукояткѣ написано: «JX. Minister Trynitarski przywiózł mi z Łucka ten straszny model 1789.» (Священникъ Тринитарскій привезъ мнѣ изъ Луцка этотъ страшный образецъ). Пониже рукою Бродовича замѣчено: «To pisał własnoręcznie JX Stefan Lewiński, Biskup Łucki.» (Это написалъ своею рукою Стефанъ Левинскій, Епископъ Луцкій). Прим. Я. Ѳ. Головацкаго.

[38] Молитва Гетмана къ Королю: «Король! Не памятуй о моихъ злодѣяніяхъ и не входи въ счетъ о нихъ съ неблагодарнымъ; ибо мозгъ въ костяхъ моихъ высыхаетъ, когда вспомню я о тѣхъ милостяхъ, которыми ты осыпалъ меня. Былъ я нищимъ, а тебѣ выговаривалъ, что, родясь на свѣтъ съ тремя стами тысячъ дохода, истратилъ ихъ на тебя. Не помнилъ я благодѣяній твоихъ, которыми ты осыпалъ меня и сестру мою, и осмѣлился сказать, что въ моемъ реестрѣ нѣтъ твоихъ дорогихъ подарковъ. Взвелъ я на тебя вину раздѣленія страны, а самъ, будучи посланъ во Францію, помышлялъ не объ обязанностяхъ Посла, а объ напиткахъ, и хотя имѣлъ порученіе сдѣлать отъ твоего имени представленіе Конфедераціи Барской, чтобы не допустить страну до раздѣла, но, по легкомыслію, упустилъ время. А когда сердце твое не позволило тебѣ сражаться съ соотечественниками, я съ этѣмъ не согласился, собралъ полки и остатки войска, чтобы угнетать несчастныхъ. А такъ какъ твоя щедрость ко мнѣ начала колебаться, я сталъ готовить измѣну тебѣ, или противъ твоихъ благодѣяній; я старался помѣщать въ Судахъ твоихъ противниковъ. Но ты, Государь, самъ въ этомъ виноватъ; ибо ты далъ мнѣ возможность къ тому въ милліонныхъ доходахъ, а я сдѣлался неблагодарнымъ къ тебѣ и къ Отечеству; ибо, желая пользоваться его гибелью, взялъ на помощь Московку. Ея дядѣ (Потемкину) обрекъ я на погибель независимость страны, которою ты управляешь, возбудилъ возстанія и побуждалъ Пилиповъ возжигать ихъ. Предостерегъ я дядю, что буду сильно говорить, чтобы обмануть народъ внѣшностью, а на дѣлѣ рѣшился покорыстоваться его ошибками. Ты, Государь, добръ и простишь вину мою, хотя знаешь все, не выдашь меня на позоръ; однако жь, боюсь я, чтобы не выдала меня кровь, которая будетъ невинно пролита. Признаюсь, что договоръ подъ Очаковымъ имѣетъ цѣлію не что иное, какъ только повредить силамъ страны. Я набираю помощниковъ, но ни мнѣ, ни

ромъ есть та особенность, что творецъ сочиненія щадитъ Короля и дѣлаетъ его совершенно непричастнымъ теперешней неурядицѣ, а сваливаетъ все на Гетмана и на Князя Потемкина, Фельдмаршала Русскихъ войскъ (на племянницѣ котораго этотъ Гетманъ Браницкій женатъ).

24 числа того же мѣсяца. Послѣ нѣсколькихъ обѣдовъ, данныхъ Русскимъ Епископомъ въ Луцкѣ для насъ, Коммисаровъ и Судей, какъ Земскихъ, такъ и Городскихъ, а также и для многихъ гражданъ, давалъ онъ послѣдній обѣдъ, на которомъ присутствовали Земскіе Судьи, всѣ мы и многочисленное собраніе гражданъ. Но и этимъ угощеніемъ Епископъ не уничтожилъ давнишняго предубѣжденія: ибо, въ слѣдствіе того, что этотъ Епископъ кормежныя имѣнія свои, село Теремно и приселокъ Липяны, хотѣлъ отдать въ трехлѣтній откупъ Луцкимъ Господамъ, Подстаростѣ Леону Гулевичу, и Городскому Писарю, Іосифу Кавецкому, во всеуслышаніе клеветали

имъ не хотятъ довѣрять. Я разставляю разныя сѣти для разныхъ лицъ, но не многихъ могу поймать въ нихъ. Хотѣлъ бы начальствовать надъ войсками въ Украинѣ, чтобы погубить страну вконецъ, но ты употребляешь всѣ способы къ тому, чтобы я не достигъ цѣли. Закупленные друзья мои готовы мнѣ на помощь, но они немногочисленцы, а иные только насмѣхаются. Желчь мою смѣшалъ я съ виномъ, и пью ее каждый день, чтобы испытывать мои горести. Хвастовство мое, что я все могу, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе упадаетъ, и во что же я обращусь? Я не осмѣлюсь поднять глазъ своихъ предъ Таврическимъ, такъ какъ не могу исполнить того, что обѣщалъ. Упадаетъ надежда на малѣйшую часть моей силы, и я совсѣмъ уничтожаюсь. А если это такъ будетъ, то чѣмъ же я сдѣлаюсь? По крайней мѣрѣ ты, Государь, сжалься надо мною! Не дѣлай извѣстными моихъ злодѣяній, такъ какъ голова моя не удержится на плечахъ. Однако, Милостивый, такъ какъ ты простилъ убійцамъ твоимъ, прости и мнѣ, хотящему погубить мать свою! Не отвратй очей твоихъ отъ меня, прости Таврическому дядѣ, который возставилъ меня противъ тебя и народа! Время наше коротко и дни счастія окончатся вмѣстѣ съ жизнію Екатерины. Слава же твоя, когда откроются тайныя мысли, сохранится на вѣки. Ты согласился уже на изгнаніе друзей и помощниковъ нашихъ, и стараешься, какъ и прежде, объ увеличеніи силъ страны. Сжалься надъ бѣдными, и не ускоряй погибели несчастнаго! Въ то время, когда я сдѣлаюсь жертвою правосудія, поставятъ меня предъ престоломъ, какъ тельца на алтарѣ. Хвала тебѣ, Король, а намъ вѣчная ненависть и презрѣніе, какъ было въ началѣ, такъ будетъ и во вѣки. Аминь.»

на этѣхъ особъ, будьто они такою мѣрою подкуплены Епископомъ. Болѣе всѣхъ въ этомъ дѣлѣ приводилъ доказательствъ усердный нашъ Стольникъ Требуховскій, который самъ старался взять въ откупъ эти деревни, но не успѣлъ. Онъ выдавалъ за несомнѣнную истину, что Судъ, одолженный Епископомъ, не разсудитъ по справедливости гражданъ съ бунтующими Священниками и будетъ причиною приведенія въ исполненіе неподавленной рѣзни; что, находящійся подъ стражей, Консисторскій Слѣдователь, будетъ освобожденъ и не замедлитъ исполнить свои замыслы, внушенные ему тѣмъ же Епископомъ.

Послѣ такихъ предположеній, умышленно разглашенныхъ, упомянутый Подстароста отказался отъ обѣщанной ему аренды, а Францъ Рогозинскій, Луцкій Земскій Писарь, вмѣсто благодарности Епископу за ласковый пріемъ, напившись на этомъ обѣдѣ донельзя, всенародно спрашивалъ его нѣсколько разъ: «Могутъ ли граждане считать жизнь свою въ безопасности отъ его Духовенства? Не приказалъ ли онъ вырѣзать ихъ, и можетъ ли Епископъ поручиться, что, по отъѣздѣ его въ Варшаву, Духовенство будетъ спокойно?»

А когда Епископъ на такіе вопросы или молчалъ, или отвѣчалъ что ни будь такъ, какъ въ писаніи: «Responde stulto secundum stultitiam ejus,» то на другой день, уже протрезвившись, сказанный Писарь распустилъ слухъ, яко бы онъ самъ слышалъ отъ Епископа, что тотъ не хочетъ даровать жизнь гражданамъ, а, напротивъ, хочетъ привести въ исполненіе свой замыселъ. По этому того же 25 числа высланы ополченцы въ Бытень, которые взяли подъ стражу Малевича, Рожицкаго Благочиннаго. Его обвинилъ Самуилъ Ольшанскій, человѣкъ низкаго происхожденія, [89] нарочно выбранный для этого,

---

[89] Нельзя Господина Самуила Ольшанскаго называть человѣкомъ низкаго происхожденія. Честь его защитилъ Госп. Венжикъ, представивъ два Метрическихъ Свѣдѣтельства: первое относительно смерти того Ольшанскаго, котораго сыномъ называется онъ, а другое Свѣдѣтельство о крещеніи самаго Господина Самуила. Родословная, правда, не знаменитая; ибо изъ нея явно было видно, что Самуилъ Ольшанскій родился чрезъ два года по смерти предполагаемаго отца своего отъ матери, проживавшей во вдовствѣ. Всего лучше назвать его знатнымъ плодомъ

съ тою цѣлью, чтобы ему не чѣмъ было заплатить Благочинному, въ случаѣ несостоятельности взведенныхъ на него обвиненій. Между ничтожными обвиненіями, въ самое большое преступленіе поставлено Благочинному то, что онъ часто бывалъ у своего Епископа въ Рожищахъ, и по тому онъ, или его сообщникъ, или же долженъ знать объ его соглашеніи съ Духовенствомъ на рѣзню.

Никогда не дѣлалъ большей низости Борецкій, Староста Скальницкій, какъ въ этомъ случаѣ, когда, изъ личной непріязни къ упомянутому Благочинному, стакнулся противъ него съ названнымъ Самуиломъ. Онъ донесъ о рѣдкомъ пребываніи Благочиннаго дома и о постоянныхъ разъѣздахъ; [40] и хотя въ этомъ Благочинный оправдался и Гродскимъ Луцкимъ Судомъ признанъ невиннымъ, однако жь долженъ былъ просидѣть въ заключеніи слишкомъ три недѣли.

Что важнѣе всего, 27 числа того же мѣсяца, послали мы шесть ополченцевъ въ мѣсто жительства Епископа, Рожищи, для взятія Священника Павла Ненадкевича, находившагося тамъ, въ слѣдствіе Епископскаго распоряженія, подъ духовнымъ запрещеніемъ. Это было уже крайнимъ презрѣніемъ къ Епископской самосудности. Зеленскій, Вла-

---

съ лѣваго боку. Если же существуетъ какой либо законъ, не дозволяющій принимать доносы отъ знатности такого рода, то, безъ сомнѣнія, этимъ законнымъ благодѣяніемъ не должны пользоваться Священники.

[40] У Борецкаго, по его мнѣнію, была довольно справедливая причина для обвиненія Благочиннаго, по тому что онъ рѣдко бывалъ у него, а часто у Пинскаго, Владимирскаго Войскаго. Правда, этотъ Войскій—человѣкъ великаго характера, великой честности, съ возвышеннымъ образомъ мыслей, и за это ненавистенъ Господину Борецкому; Благочинному же слѣдовало избѣгать тѣхъ, кого ненавидитъ Господинъ Борецкій, по тому что имя его находится въ числѣ Коллаторовъ Бытенскихъ. Допустимъ, что такое притязаніе было справедливо, и что Благочинный долженъ былъ подчиниться его прихотямъ. И такъ, будучи у Борецкаго на обѣдѣ и увѣренный въ своей невинности, онъ сказалъ ему: «Панъ добродій можетъ развѣ умертвить меня, но ни въ чемъ не уличитъ, по тому что я невиненъ.» На это онъ услышалъ отъ Старосты страшный отвѣтъ: «Не надѣйтесь, Попе (сказалъ онъ), на свою невинность; было уже у меня наготовѣ нѣсколько Шляхтичей, которые по моему приказу присягнули бы, что Вы,

димирскій Подстароста, напившись, по своему обыкновенію до нельзя, старался, вмѣстѣ съ Требуховскимъ, доказать намъ до очевидности, что упомянутый Священникъ знаетъ о Епископскомъ заговорѣ; что онъ, хотя и удаленный отъ прихода, однако жь получаетъ всѣ удобства отъ Епископа, и что, подъ видомъ епитиміи, Епископъ держитъ его при себѣ, женѣ и дѣтямъ его даетъ содержанье, шьетъ ему одежду, и такимъ образомъ умасливаетъ его не выдавать тайны. По этому велѣно посадить его подъ стражу, чтобы Коммисія узнала отъ него обо всемъ. Такъ-то помогъ себѣ Епископъ своими обѣдами, а въ особенности послѣднимъ, что и самъ подвергся клеветѣ и посмѣянію, и Духовенство его должно переносить несказанное притѣсненіе.

Двѣ недѣли упомянутый Священникъ Ненадкевичъ оставался подъ стражей; были употреблены всевозможныя средства, чтобы вывѣдать отъ него что либо касательно Епископа, или его Офиціяловъ; но этотъ Священникъ, въ простотѣ своего сердца, отвѣчалъ на все, что ни чего не знаетъ и не можетъ такъ несправедливо судить о своемъ начальствѣ.

Надоѣло уже гражданамъ убаюкиванье постоянно лживыми вѣстями. Приближеніе по Русскому Мѣсяцеслову, праздника Св. Апостоловъ Петра и Павла не обѣщало ни чего грознаго, по тому что какъ не было, такъ и нѣтъ ни чего похожаго на бунтъ; а вмѣсто того явилось новое стѣсненіе, которое граждане начали непріятно чувствовать; ибо, не говоря уже о доставляемомъ безъ нужды продовольствіи, когда надъ ополченцами постановили начальниковъ и всюду разставили нхъ по квартирамъ, раздѣливъ по приходамъ, пограничнымъ съ Луцкомъ, эти любезные начальники пустились дѣлать наѣзды съ ополченцами на своихъ сосѣдей. По этому граждане, съѣхавшись въ Луцкъ, составили, 3-го Іюля, объявленіе о томъ, что

подъ предлогомъ покупки воловъ, ѣздили даже за границу и были у Князя Потемкина; если бы у меня не было совѣсти, я погубилъ бы Васъ.» Конечно, это устрашило бы каждаго, когда въ настоящее время, для всякаго самаго злостнѣйшаго доноса противъ невинности легко найти за деньги свѣдѣтеля-очевидца, и когда достаточно троихъ «pro plena convictione et consequenter ad mortem condemnationem.»

имъ ополченцы не нужны, и что каждый гражданинъ воленъ взять себѣ своихъ съ полнымъ вооруженіемъ.

То былъ первый шагъ со стороны гражданъ, служившій какъ бы нѣкоторою надеждою на дальнѣйшее успокоеніе страны.

6-го Іюля начались засѣданія Уголовныхъ Луцкихъ Гродскихъ Судовъ; на нихъ, находящіеся подъ стражей, Священники и крестьяне должны были получить окончательное рѣшеніе своей участи.

Надо было выдумать что либо новое для воодушевленія Судей, чтобы они не остыли отъ прежняго усердія, а вѣрнѣе, отъ доказаннаго раздраженія, и не изслѣдовали бы хладнокровно всѣхъ обстоятельствъ, которыя могли бы смягчить строгость прежнихъ приговоровъ. Для этого распустили слухъ, будто въ Ямполѣ, въ имѣніяхъ Князя Радивила, Воеводы Виленскаго, тамошніе жители заказывали ножи, копья и иное оружіе, годное для убійства, и будто схваченные отрядомъ, стоящимъ въ Свѣнцѣ, сами сознались въ томъ, что, прежде всего намѣревались они напасть на свое Дворовое начальство, а потомъ соединиться съ другими и начать въ томъ краѣ всеобщую рѣзню Поляковъ и Жидовъ.

Получили мы также извѣстіе изъ Кременца, что туда привезенъ къ колодкахъ Антоній Кващаковскій, приходской Кончецкій Священникъ изъ имѣній Князей Яблоновскихъ, схваченный подъ Ляховцами вмѣстѣ съ нѣсколькими крестьянами и Цыганомъ кузнецомъ, показывающимъ на него, будто, для выполненія рѣзни, онъ заказалъ ему сдѣлать ножи, топоры и копья, какъ для себя собственно, такъ и для крестьянъ, прихожанъ своихъ. [41]

---

[41] Собственно говоря, дѣйствительно было нѣчто, имѣвшее сходство съ рѣзнею. Цыганъ-кузнецъ зашелъ въ селеніе Кончу, гдѣ всякій шелъ къ нему и заказывалъ сдѣлать, или починить, разныя необходимыя вещи, по тому что къ другимъ кузнецамъ ѣздить было далеко. Тамошній Священникъ велѣлъ ему поправить плуги, сохи, топоры, и сдѣлать два хозяйственные кухонные ножа. То же самое сдѣлали и его прихожане. Стоявшіе тамъ солдаты также пришли къ этому Цыгану съ требованіемъ сдѣлать копскія подковы, а одинъ

Этѣ новости, хотя и были несправедливы, успѣли, однако жь, значительно поднять горячность, прежде нежели, съ теченіемъ времени, были получены болѣе вѣрныя свѣдѣнія. Свѣжая ненависть къ Русскому Духовенству усилилась тѣмъ, что судъ Кременецкій донесъ сдѣшнему Суду, что онъ приговорилъ къ смерти трехъ Священниковъ, вполнѣ уличенныхъ въ участіи въ бунтѣ, и отправитъ ихъ въ Луцкъ для растриженія; что многихъ изъ простонародья, участвовавшихъ, вмѣстѣ съ Духовенствомъ, въ заговорѣ объ выполненіи рѣзни, онъ присудилъ, однихъ къ висѣлицѣ, другихъ къ заключенію въ Каменцѣ Подольскомъ, а иныхъ къ наказанію у позорнаго столба, и удостовѣрялъ, что ежели въ Луцкѣ, при помощи свѣдѣтелей-очевидцевъ, и не было еще достаточно раскрыто намѣреніе Русскихъ истребить всѣхъ Поляковъ, то въ Кременцѣ это оказалось уже очевиднымъ. [42]

Вотъ тотъ-то бродяга и мошенникъ, Кирило Пундикъ, который отправленъ въ Варшаву, наполнилъ всѣ темницы невиннымъ народомъ. А какъ безъ него, какъ доносчика, Кременецкій Судъ ни чего не могъ рѣшить окончательно, то граждане подали Сей-

---

изъ нихъ заказалъ для себя ножъ. Малолѣтняя дочь этого Цыгана сказала, что отецъ ея сдѣлалъ отличный ножъ для Священника. Солдатъ, обрадовавшись этому случаю, сталъ съ любопытствомъ разспрашивать дѣвочку; кузнецъ, услыхавши, что дѣтя, въ простотѣ своего сердца, плететъ то, что не годится говорить и изъ чего, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, могло выйти не доброе, грозно взглянулъ на малютку, которая тотчасъ и умолкла. Солдатъ замѣтилъ это, и донесъ начальнику, за что и были схвачены Священникъ, Цыганъ и еще нѣсколько крестьянъ, и препровождены въ Кременецъ, гдѣ ихъ нѣсколько недѣль продержали въ темницѣ и потомъ выпустили, удостовѣрившись въ ихъ невинности.

[42] Нѣтъ ни какого сомнѣнія въ томъ, что Судъ Кременецкій приговорилъ трехъ Священниковъ къ плахѣ, а многихъ изъ простонародья къ висѣлицѣ и къ заключенію въ Каменецкой крѣпости. Это—послѣдствія закона, только что выработаннаго Депутатомъ Святославскимъ. Но по законамъ ли постановляли свои рѣшенія Иванъ Загурскій, Судья, и Святоянскій, засѣдающій вмѣсто Писаря, оба пылающіе ненавистію къ Русскимъ, и очевидно ли обнаруженъ былъ въ ихъ Судѣ заговоръ Русскихъ на истребленіе Поляковъ? Это покажетъ время. Nihil occultum, quod non reveletur (нѣтъ ни чего тайнаго, чтобы послѣ не открылось). (Это примѣчаніе сдѣлалъ Бродовичъ собственноручно. Я. Ѳ. Г.).

мовымъ Чинамъ просьбу, и умѣли такимъ образомъ выхлопотать возвращеніе Кирила изъ Варшавы въ Кременецъ, дабы, при его свѣдѣтельствѣ, невинные узники скорѣе были приговорены къ смерти. Не понимаю, могъ ли Судъ Кременецкій по совѣсти опираться на доносы этого мошенника, и въ то же время допускать его къ свѣдѣтельству тамъ, гдѣ дѣло шло о человѣческой жизни. Какъ бы то ни было, этотъ Судъ доноситъ въ Луцкъ письменно, что онъ рѣшительно открылъ бунтъ. То же самое подтвердилъ и Заленскій, Подстароста Владимирскій, объявляя, яко бы и онъ въ своемъ Судѣ имѣетъ достовѣрныя доказательства того, что Русскіе маркитанты съ тою мыслью и пришли въ этотъ край, чтобы, въ слѣдствіе даннаго имъ приказанія, соединившись съ Попами и крестьянами, произвести рѣзню; но нельзя основываться на мнѣніи Подстаросты, по тому что, между нами будь сказано, подлежитъ сомнѣнію, знаетъ ли еще онъ что такое неопровержимый доводъ и дѣйствительная улика въ дѣлѣ такой важности. [43]

---

[43] Г. Заленскій, Подстароста Владимирскій, самъ старается отмѣнить свое утвержденіе; ибо совсѣмъ иначе свѣдѣтельствуетъ собственный его приговоръ, постановленный по дѣлу одного маркитанта. Если онъ позабылъ о немъ, то слѣдуетъ ему напомнить оный со всѣми подробностями. Во Владимирѣ былъ взятъ подъ стражу купецъ-маркитантъ. При осмотрѣ его товаровъ найдены такія только вещи, какими онъ торговалъ обыкновенно; были тамъ, конечно, и ножи хозяйственные, но что же изъ этого слѣдуетъ? Безъ нихъ не можетъ обойтись самый бѣдный человѣкъ. Но у маркитанта было нѣсколько тысячъ денегъ, вырученныхъ за распроданный уже товаръ: вотъ онѣ-то и подали Подстаростѣ поводъ къ особенному подозрѣнію. Онъ велѣлъ эти деньги положить въ Судъ за городскою печатью и, въ надеждѣ, что маркитантъ можетъ быть причисленъ къ бунтовщикамъ (и это навѣрное случилось бы, если бы его Милость самъ производилъ надъ нимъ судъ), не могъ преодолѣть сильнаго соблазна, влекшаго его къ деньгамъ, взялъ ихъ изъ подъ печати и, посягая на общественное достояніе, роздалъ въ разныя руки во Владимирѣ и въ Луцкѣ. Случилось же такъ, что на упомянутаго маркитанта не было ни чего доказано, не смотря на то, что всюду, гдѣ только онъ ни бывалъ, были пропзводимы, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, строжайшія разслѣдованія и поиски. Уже прошло нѣсколько Судебныхъ засѣданій, и надо же было написать какое либо рѣшеніе о маркитантѣ, и—самое немыслимое дѣло!—необходимо было возвратить ему деньги. Вотъ и сучецъ: нужно его обойти, по тому что нѣтъ уже подъ руками плахи. А для-чего же разумъ-то да законовѣдство? Вотъ судья праведный и написалъ такой приговоръ: «Хотя маркитантъ, по слѣдствію и розыску, до

16-го числа текущаго мѣсяца собрался у насъ помѣщичій Сеймикъ. Описывать то, что дѣлалось въ этомъ собраніи, не достанетъ ни мѣста, ни времени: разскажу вкратцѣ. Прежде всего мы воздали Свѣтлѣйшему Государю не искреннія похвалы и благодаренія, горя въ сердцахъ своихъ застарѣлою къ нему ненавистью и питая ни сколько не уменьшившееся предубѣжденіе, яко бы онъ, по стачкѣ съ Императрицею, мутитъ наше спокойствіе. Во вторыхъ, причисляя къ разряду людей, дѣйствовавшихъ въ этомъ же смыслѣ, Русскаго Епископа и его Духовенство, какъ исполнителей мнимаго бунта, мы оставили въ актахъ «Laudum» (постановленіе) на очерненіе ихъ, а для себя не добрую память въ потомствѣ (см. въ Перечнѣ букв. О). Въ третьихъ, хотя у насъ и не было ни какихъ доказательствъ, даже и тѣни какого либо подозрѣнія противъ первыхъ особъ этого Духовенства, однако же хотѣли ихъ трудовыя деньги захватить и обратить въ войсковой капиталъ, желали истребить Русскіе Капитулы и уничтожить ихъ надѣлы. Болѣе же всего удивило меня въ этѣхъ дѣлахъ то обстоятельство, что нѣкоторые изъ того Духовенства не только не сострадали утѣсненію невинныхъ братій своихъ, но еще подавали предубѣжденнымъ гражданамъ проекты, именно клонившіеся къ уничтоженію порядковъ, установленныхъ первобытною Церковію. Въ то время многимъ бездоказательное наказываніе несчастныхъ Поповъ казалось столь справедливымъ дѣломъ, что болѣе просвѣщенные граждане съ большимъ трудомъ едва могли отвратить подобное увлеченіе. Не все, однако жь, можно было сдѣлать всѣмъ внушеніями; остальное прочитаете въ посылаемомъ мною «Laudum,» и сами увидите, что раздраженіе вовсе не нуждается въ разсудкѣ.

Не мало соболѣзновалъ я тоже о томъ, что долженъ былъ подписаться подъ похвальнымъ листомъ, даннымъ нашему Слѣдователю,

---

спхъ поръ ни въ чемъ не уличенъ по дѣлу о бунтѣ, въ которомъ его обвиняли, однако же Судъ, по причинамъ, ему извѣстнымъ, приговорилъ содержать его въ заключеніи и на дальнѣйшее время.» Послѣ такого рѣшенія многократно уговаривали маркитанта, чтобы онъ бѣжалъ изъ заключенія. Но простакъ не хотѣлъ послушаться совѣтовъ правовѣдовъ, все толковалъ о деньгахъ, требовалъ, чтобы онѣ были возвращены ему; за это онъ и остается до спхъ поръ подъ стражей. Кто жь виноватъ, что онъ такой смѣльчакъ? Есть ли здѣсь улика?

Якову Костренскому. „Ибо знаю, что, кромѣ другихъ безпорядковъ, уже за одно то достоинъ онъ висѣлицы, что нѣсколькихъ человѣкъ, приведенныхъ единственно во свѣдѣтели, онъ посадилъ въ темницу, жестоко мучилъ ихъ, по тому что не добился отъ нихъ того, чего ему хотѣлось касательно заключенныхъ Поповъ, и, наконецъ, замучилъ ихъ на смерть; и, однако жь, этотъ жестокій поступокъ почли за горячее съ его стороны усердіе. “

“ 20 Іюля. Рапортъ изъ Кременца о томъ, что три Священника, осужденные на смерть Гродскимъ Уголовнымъ Судомъ, ѣдутъ въ Луцкъ, для разстриженія. Того же числа рапортъ изъ Луцка о томъ, что два человѣка, т. е., Дьякъ Суховецкій и работникъ Василій Одарчукъ, которые съ давняго времени были заключены въ тамошней темницѣ и до сихъ поръ на Судѣ ни въ чемъ не изобличены, не могли выдержать немилосердыхъ плетей и померли; по смерти сбили съ нихъ колодки и похоронили ихъ тѣла; а Яроцкій, приходскій Священникъ Суховецкій, несправедливо обвиненный въ участіи въ бунтѣ Г. Нововейскимъ, бывшимъ Старостой Брячеславскимъ и своимъ Коллаторомъ, освобожденъ Гродскимъ Луцкимъ рѣшеніемъ «praevio juramento,» послѣ того какъ высидѣлъ въ заключеніи недѣль девятьнадцать въ Дубнѣ и Луцкѣ. Этотъ просвѣщенный Священникъ долго противился не надлежащимъ образомъ назначенной присягѣ, которой съ умысломъ добивался для себя въ Судѣ сынъ бывшаго Старосты и которая состояла въ томъ, чтобы «tamquam pro semireo» упомянутый Священникъ не искалъ удовлетворенія за свое заключеніе, tandem по совѣту своихъ покровителей присягнулъ, et insuper далъ письменное обѣщаніе въ томъ, что во всемъ будетъ послушенъ своему Коллатору. Иначе онъ не былъ бы освобожденъ. Два свѣдѣтеля противъ Никифора Костюкевича, Благочиннаго Черторыйскаго, приходскаго Священника Колковскаго, препровожденные сюда и посаженные въ темницу, многократно битые и ни чего дурнаго на своего пастыря не показавшіе, померли, будучи не въ состояніи выдержать тяжести строгаго заключенія и немилосердаго истязанія.

Варшавская общественная газета.

«Допросы Архимандрита Слуцкаго и Владыки Переяславскаго уже окончены и сданы слѣдственною Депутаціею Сеймовымъ Чинамъ. Вскорѣ начнется судопроизводство въ Сеймовыхъ Судахъ. При Архимандритѣ и его Попахъ найдено до 400 листовъ разныхъ бумагъ, относящихся къ той страшной, замышленной ими, рѣзнѣ. Между послѣдними найдено письмо Ея Императорскаго Величества, въ которомъ она поощряла Архимандрита къ крестьянскимъ бунтамъ противъ Польскаго Дворянства, обѣщая дать имъ великія вольности, достоинства и награды, и это съ тою цѣлію, чтобы Русскія области, принадлежащія Польшѣ и Литвѣ, отложились, посредствомъ этого страшнаго дѣла, и подчинились ей,

На слѣдующее утро, по окончаніи Сеймика, приходскій Старосельскій Священникъ, Ѳеодоръ Борковскій, поставленный передъ Гродскимъ Луцкимъ Судомъ, отказался отъ всѣхъ своихъ словъ, сказанныхъ имъ въ прошлыхъ засѣданіяхъ, объявляя, что подучилъ его къ ложному въ то время показанію Защитникъ (Адвокатъ) его, Яворовскій, увѣрившій его, что только этѣмъ путемъ онъ можетъ добыть

какъ единовѣрной съ нами покровительницѣ. Объ этѣхъ дѣлахъ знали нѣкоторые изъ нашихъ значительныхъ помѣщиковъ. Пятьдесятъ Поповъ дали Императрицѣ присягу въ вѣрномъ совершеніи рѣзни. По начатіи судебнаго дѣла Архимандрита, наши Государственные Чины издадутъ манифестъ ко всѣмъ Державамъ касательно столь жестокихъ покушеній Императрицы на погибель Польскаго народа,» и проч. Изъ этого слѣдуетъ заключить, какъ быстро узнаетъ у насъ общество обо всемъ; и можно ли такъ слѣпо наносить Вѣнчанной Главѣ столь великія обиды? Подобными сочиненіями умышленно раздували пламя съ тою цѣлію, чтобы каждый тѣмъ безопаснѣе могъ стремиться къ угнетенію невинности, чѣмъ она казалась ему слабѣйшею, не только не имѣющею защиты и поддержки, но и надежды на нихъ.»

Въ Луцкой Коммисіи составлено 70 пунктовъ противъ Бродовича, Каѳедральнаго Архипресвитера. Это дѣло заняло все засѣданіе: одни коммисары требовали, чтобы упомянутый Бродовичъ явился для объясненія; другіе, видя, что эти пункты написаны изъ одной ненависти къ нему, говорили, что объясненія не нужны. Такъ какъ въ этѣхъ спорахъ засѣданіе окончилось, то можно утвердительно сказать, что другого подобнаго уже не будетъ, по тому что рьяные коммисары разъѣдутся, а на ихъ мѣсто поступятъ другіе.

23 Іюля свѣдѣтели въ дѣлѣ Слѣдователя Карповскаго, возвратившись въ свои дома, не могли вполнѣ передать всю ту ненависть, противъ Епископа и его Офиціяловъ, которую они замѣтили въ Луцкѣ со стороны разныхъ лицъ изъ гражданъ (Шляхты) и Приказной молодежи. Среди другихъ вопросовъ, предлагаемыхъ этѣмъ свѣдѣтелямъ, чаще всего допекивались, не племянникъ ли Слѣдователь Карповскій Епископу? И хотя ни одинъ свѣдѣтель не высказалъ этой лжи, однако, по свѣдѣтельству Подстаросты Заленскаго, увѣрившаго въ этомъ всѣхъ своею честью и благороднымъ словомъ, убѣдились, что онъ дѣйствительно племянникъ Епископа. Такое убѣжденіе, конечно, принесетъ узнику еще большее страданіе. Противъ этого же Слѣдователя подано болѣе 20-ти пунктовъ, въ которыхъ изложена, начиная со дня его рожденія, вся его жизнь вплоть до настоящаго заточенія. Отвѣтъ же его, состоящій изъ такого же числа пунктовъ, не приняли, и только для формы дозволили ему защиту противъ нѣсколькихъ пунктовъ, которой онъ домогался. Изъ 24 свѣдѣтелей Слѣдователя, представлен

себѣ свободу. А когда за такое отреченіе Судъ погрозилъ ему смертію, онъ отвѣчалъ: «Готовъ умереть невинно; я не боюсь смерти. Одного долженъ я бояться, чтобы Господь не покаралъ и не осудилъ меня за несправедливые доносы на себя самого и на другихъ.»

Пока доставало продовольствія отъ гражданъ, до тѣхъ поръ и наше коммисарское рвеніе ни на волосъ не умалялось. Доѣдали мы послѣдніе остатки хлѣба, изъ милости даннаго, или, лучше сказать, выжатаго изъ крови крестьянъ, этѣхъ вѣчныхъ невольниковъ нашихъ, по тому что ни одинъ гражданинъ не давалъ изъ своихъ житницъ: каждый угнеталъ только крестьянъ, чтобы намъ ни въ чемъ недостатка не было,—и это въ то самое время, когда мы ихъ невинныхъ убивали. Хоть и не во время, можно сознаться въ щедрости Шляхты, по тому что намъ доставляли столько продовольствія, что мы, роскошествуя сами въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и не предвидя дальнѣйшихъ послѣдствій, много сѣна и овса велѣли продать.

Убѣдились мы опытомъ, что самыя лучшія надежды часто бываютъ обманчивы. Пришлось намъ обратиться къ собственнымъ сред-

---

выхъ Защитниками, выбрали лишь нѣкоторыхъ; за то девять человѣкъ изъ Приказной молодежи предложили себя въ свѣдѣтели противъ него, и были допущены къ присягѣ, вопреки требованію Защитниковъ объ отводѣ ихъ. Пусть же всякій остановится на этомъ. Луцкая Приказная молодежь, ни чего не вѣдавшая о жизни и свойствахъ этого Слѣдователя, теперь только въ заключеніи узнала его. Предложили же себя въ свѣдѣтели въ уголовномъ дѣлѣ, съ тою цѣлію, чтобы, по отстраненіи свѣдѣтелей, имъ поставленныхъ, дополнить число ихъ, предписываемое закономъ. Ни чего они не знали о немъ въ точности, но изъ общихъ толковъ, ложно разглашенныхъ, знали на столько, чтобы можно было погубить его. Знали, что онъ требовалъ яду; съ умысломъ разгласили, будто онъ хотѣлъ отравиться съ тою цѣлью, чтобы, будучи бунтовщикомъ, не выдать своихъ соучастниковъ. Не хотѣли знать о томъ, что онъ желалъ яду по другимъ причинамъ, которыя и высказалъ въ своемъ письмѣ. Это письмо его, записанное въ актахъ Коммисіи, рѣдко кому изъ Приказной молодежи было извѣстно. А между тѣмъ такого рода слѣдствіе грозитъ Слѣдователю вѣрною гибелью. Самый невинный, конечно, долженъ погибнуть, по тому что въ теперешнихъ обстоятельствахъ достаточно разгласить о немъ какую ни будь ложь и, подобравши трехъ злонамѣренныхъ, или подкупленныхъ, свѣдѣтелей, остальныя доказательства дополнить «ex publica fama sinistre divulgata», а изъ этого уже слѣдуетъ, что у невиннаго надо отнять жизнь.

ствамъ и уже на счетъ своего кармана показать гражданамъ ту же самую заботливость объ ихъ безопасности. Но, какъ на несчастье, изъ весьма многихъ насъ едва нѣсколько человѣкъ отважилось на этотъ подвигъ: каждый поѣхалъ въ свою сторону, а между тѣмъ Заленскій, Подстароста Владимирскій, съ прочими своими единомышленниками, насъ, оставшихся коммисаровъ, занялъ новымъ предложеніемъ.

Домогались они, чтобы мы дали приказаніе, стоящему въ Луцкѣ, отряду взять подъ стражу, изъ Рожищъ, Ѳеодора Охримовича, Канцлера Луцкой Каѳедры, бывшаго Острожскаго Офиціяла. Причина этого была такого рода: такъ какъ Архипресвитеръ Луцкой Каѳедры Бродовичъ, котораго уже нѣсколько разъ призывали въ Коммисію, ни чего не сообщилъ о бунтахъ, и рѣшительно нѣтъ ни какой надежды, чтобы онъ когда либо сознался въ томъ, то лучше всего посадить на нѣсколько недѣль упомянутаго Охримовича въ строгое заключеніе, который, по старости лѣтъ, навѣрно захочетъ поскорѣе избавиться такого несчастія и вынужденъ будетъ признаться во всемъ, что только онъ знаетъ относительно тлѣющаго въ Епархіи бунта; а при этомъ и Священникъ Бродовичъ не избѣгнетъ уже взятія подъ стражу. Михаловскій, Стольникъ Бужскій, сталъ «ex patrocinio» за упомянутыхъ двухъ Священниковъ, докладывая, что такъ какъ столько обвиненныхъ и свѣдѣтелей ни чего не показали на обоихъ бывшихъ Консисторскихъ Судей, а между тѣмъ въ такомъ многочисленномъ Духовенствѣ никогда не могло бы утаиться ни какое распоряженіе въ этомъ смыслѣ, если бы только оно послѣдовало отъ нихъ, то по этому не должно слушать дикой притязательности домогающихся такого взятія подъ стражу. При этомъ онъ прибавилъ, что Подстароста Владимирскій имѣетъ на упомянутыхъ двухъ Священниковъ свои особенныя неудовольствія, далекія отъ пользъ общественныхъ, въ которыхъ пусть ищетъ себѣ удовлетворенія путемъ закона, а не мщенія.

Не возможно выразить, какъ это заключеніе съ подобнымъ прибавленіемъ раздражило обвинителя. Но, наконецъ, сами коммисары, долго стараясь укрощать порывы гнѣва Подстаросты, оставили предложеніе его безъ рѣшенія.

25 Іюля. Пришло печальное для Епископа требованіе о растриженіи не только трехъ, присланныхъ изъ Кременца, Священниковъ, но еще и четвертаго, присужденнаго къ смерти сдѣсь, въ Луцкѣ. Этотъ четвертый—Ѳеодоръ Борковскій, приходскій Священникъ изъ Староселья, предмѣстія Колковъ. Такъ какъ это требованіе застало Епископа въ дорогѣ (онъ ѣхалъ къ наступающему Воскресенью въ Боромлю на праздникъ Св. Кунигунды, съ цѣлію торжественно отпраздновать имянины г-жи Чацкой, жены Короннаго Стражника), то онъ отвѣчалъ, что не можетъ поспѣть въ Луцкъ въ назначенный срокъ, то есть, въ это Воскресенье, но обѣщалъ прибыть въ Понедѣльникъ (Videantur tria decreta in castro Cremenecensi in Sum. sub lit. P).

Онъ сдержалъ свое слово, пріѣхалъ въ Понедѣльникъ и, выбравъ въ Ассессоры нашихъ Каѳедральныхъ Священниковъ, во главѣ которыхъ засѣдалъ и самъ Подгороденскій Священникъ, нашъ Офиціялъ (изъ духовныхъ Русскаго Обряда, какъ при первомъ, такъ и при настоящемъ, низложеніи, не присутствовало ни одного Офиціяла, кромѣ новоопредѣленнаго Офиціяла Флоріяна Корсака, Чина Св. Василія, Игумена Жидычинскаго), началъ свои дѣйствія требованіемъ о доставленіи ему, прежде всего бумагъ, составляющихъ слѣдствія, произведенныя по дѣлу приходскаго Старосельскаго Священика, какъ сдѣсь, въ Луцкѣ, такъ и въ Кременцѣ.

Приговоръ противъ этого Старосельскаго Священника еще не обнародованъ. Подгороденскій нашъ Офиціялъ представилъ вниманію Суда, что Епископскій судъ, безъ совершеннаго нарушенія Церковныхъ правъ, не можетъ быть простымъ исполнителемъ свѣтскихъ опредѣленій. Епископъ долженъ сперва убѣдиться въ проступкѣ обвиненнаго, и найдя, что онъ заслужилъ смертную казнь, сперва лишитъ его сана, а потомъ уже передастъ свѣтской власти, для исполненія казни.

Судъ, согласившись съ справедливымъ замѣчаніемъ, и обѣщая удержаться оглашеніемъ рѣшенія до окончанія Епископскаго суда, выдалъ ему «in originali» (подлинникомъ) слѣдствія. Что же касается трехъ Священниковъ, осужденныхъ на смерть Кременецкимъ Судомъ, то присланы только одни, уже обнародованные, приговоры, съ обозначеніемъ срока исполненія ихъ.

Гродскому Луцкому Суду, который и прежде доставлялъ свои слѣдствія Епископу, и теперь представилъ, показалось это обиднымъ, и по тому онъ требовалъ отъ Епископа, чтобы тотъ, безъ доставленія слѣдствій, не приступалъ къ растриженію Кременецкихъ узниковъ. Да и самъ Подстароста Луцкій, Леонъ Гулевичъ, написалъ сильное письмо въ Кременецкій Судъ, ссылаясь на законы и недавній примѣръ по дѣлу низложеннаго Священника Городенскаго, что такія слѣдствія должно представлять Епископскому суду.

Противъ этого Кременецкій Судъ отговаривался тѣмъ, что въ немъ имѣются большіе томы личныхъ показаній, записанныхъ подъ рядъ какъ въ дѣлопроизводствахъ надъ многими изъ крестьянъ, такъ равно и надъ этѣми Попами; слѣдовательно, для выборки показаній, относящихся только до Священниковъ, потребуется много времени и совершенно не возможно, чтобы къ назначенному уже сроку казни показанія этѣ могли быть выписаны. По этѣмъ причинамъ Кременецкій Судъ не можетъ прислать помянутыхъ показаній, а настоятельно требуетъ, чтобы Епископъ, положившись на Судебные приговоры, благоволилъ исполнить зависящую отъ него обрядность. По полученіи такого письма, Епископъ совѣтовался съ нашими Прелатами о томъ, какъ ему поступить въ этомъ случаѣ. На совѣщаніи рѣшили, что два Священника, Іосифъ Бучинскій, Консисторскій Секретарь, и Георгій Маковецкій, Чина Св. Василія, Секретарь Епископа, «qua juratae personae,» будутъ посланы прочитать слѣдствія въ актахъ и выписать «quoad cathegorias» относящееся къ этѣмъ несчастнымъ, осужденнымъ на смерть.

Не знатокъ я въ Церковномъ Законовѣдѣніи, но по словамъ людей, свѣдущихъ въ немъ, не могу понять, чѣмъ оправдаютъ этѣ совѣтники себя, Епископа и названныхъ выше посланныхъ «ab acceleratione fatorum» (въ ускореніи судьбы) въ этомъ дѣлѣ. *

---

* Письмо Епископа къ одному изъ своихъ Офиціяловъ. Луцкъ 31 Іюля.

«На совѣщаніи постановили, чтобы послать въ Гродскій Кременецкій Судъ, для прочтенія въ актахъ слѣдствія и выписанія того, «quoad cathegorias» несчастныхъ осужденныхъ касается. Также послалъ я Бучинскаго и Маковецкаго, «qua personas juratas;» посмотрю, съ чѣмъ возвратятся; между тѣмъ срокъ для

Какъ только Кременецкій Судъ отказался выдать слѣдствіе, Епископу слѣдовало бы умыть руки, а не посылать за нимъ; потому что это все равно, что въ крови умыть руки, если посланные его привезутъ слѣдствіе. Въ промежутокъ нѣсколькихъ дней, въ который должны были прійти извѣстія изъ Кременца, Епископъ и требовалъ къ своему суду Старосельскаго приходскаго Священника. Сталъ онъ въ назначенный срокъ, представлено и слѣдствіе о немъ; и какъ, на основаніи ихъ, нельзя было осудить его на смерть, а лишь доказывалось, что, какъ въ прежнее время, такъ и теперь, любилъ онъ, частію въ шутку, частію не совсѣмъ трезвый, говорить о Москаляхъ, хвалить ихъ храбрость, что Поляки не устоятъ противъ ихъ силы, и вести съ простонародіемъ иные, подобные этимъ, разговоры, то, для погубленія его, приложено было Судомъ подробное его сознаніе, написанное чужою рукою и имъ только подписанное.

Онъ, однако жъ, отвергалъ такое свое показаніе какъ въ свѣтскомъ Судѣ, въ которомъ не былъ выслушанъ, такъ и въ Епископскомъ haec formulia: «Яворовскій, мой Защитникъ, уговорилъ меня и увѣрилъ, будьто такимъ только образомъ буду я освобожденъ; онъ самъ написалъ все показаніе и мнѣ читалъ; онъ выдумалъ, будьто я принялъ отъ Борисова деньги; правда, я уже нѣсколько лѣтъ знаю Борисова, купца-маркитана, но никогда не вступалъ съ нимъ въ подобные уговоры, ни какихъ денегъ отъ него не бралъ и ни чего отъ него о бунтахъ не слыхалъ; только покупалъ у него, что мнѣ по хозяйству было нужно; прихожанъ моихъ сбиралъ въ свой дворъ не за тѣмъ, чтобы бунтовать ихъ, но, будучи небогатымъ хозяиномъ, угощалъ ихъ за то, что помогли мнѣ собрать посѣянное и просилъ помочь, на будущее время; безъ ихъ помощи ни одинъ небогатый Священникъ обойтись не можетъ, а съ людьми надобно жить полюдски. Вотъ изъ того-то, что я теперь показалъ и что

казни исполнился. По извѣстному первому требованію, выслать слѣдствія не хотѣли. О Старосельскомъ просилъ граждянъ похлопотать, чтобы былъ онъ осужденъ не на смерть, а на вѣчное заключеніе. Vacillat (колеблется) Подстароста, но надѣюсь, что tandem (наконецъ) согласится. Много пособилъ Князь Воевода Волынскій, пріѣхавшій для удостовѣренія присягою доходовъ съ своихъ имѣній,» и проч.

моему Защитнику первоначально говорилъ, онъ составилъ такое описаніе и мнѣ твердилъ, чтобы я, будучи призванъ въ Судъ, признался во всемъ, что написано. Былъ въ скоромъ времени потребованъ въ Судъ и слыша, какъ Загурскій, Луцкій Городской Судья, началъ клясться своею душею, женою и дѣтьми въ томъ, что я буду освобожденъ, лишь бы показалъ на себя, какъ написано, и подписался бы подъ этѣмъ, я не возражалъ противъ читанныхъ мнѣ обвиненій, по тому что надоѣло мнѣ продолжительное заключеніе, которое выношу уже около полугода въ одной съ простонародьемъ ямѣ, и цѣпи въѣлись мнѣ въ ноги. Богъ, проникающій мысли мои, видитъ, что я невиненъ, и подписалъ сознаніе единственно для полученія свободы, въ чемъ завѣрили меня и защитники мои, и Судья.»

Такое опроверженіе подѣйствовало на Духовный Судъ: долго разсуждали о томъ, чтобы прекратить дѣло, за неимѣніемъ доказательствъ; всѣ Судьи соглашались, что нельзя было приступить къ лишенію сана. Однако жь, чтобы не показать торопливости, отложили составленіе приговора на три дня. Между тѣмъ посланные въ Кременецъ возвратились ни съ чѣмъ, по тому что Кременецкій Судъ, по истинѣ уголовный, не могъ выдать слѣдствій, которыхъ «in rerum natura» (на самомъ дѣлѣ) не было, такъ какъ онъ постановлялъ смертные приговоры по однимъ допросамъ заключеннымъ, а чаще всего по злостнымъ показаніямъ часто упоминаемаго Кирилы. * Допросы же

---

* **Рапортъ изъ Епархіи Епископу о томъ, что тамъ записанъ въ актахъ доносъ на него.**

«Illustrissime, Excellentissime et Reverendissime Domine, Protector Singularissime!

Такъ далеко распространилась людская злоба, что даже и въ сдѣшнемъ Воеводствѣ усиливается распускать клевету. 17 Іюля текущаго года подано сдѣсь въ Кіевскій Гродскій Судъ для записанія показаніе какихъ-то Гг. Товарищей, Антонія Гонтковскаго и Андрея Дмошинскаго, сдѣланное 6 Мая передъ Дубенскимъ Магистратомъ, будьто бы, по признанію какого-то Іоанна Глодовскаго, приходскаго Хорупанскаго Священника, который передъ тѣми же Товарищами, будьто бы у него квартировавшими, сказалъ, что подущеніе на бунты происходило по приказанію Луцкаго Духовнаго Начальства. Въ этомъ показаніи названы Слѣдователь и особа Ваша. Живу я «in procinctu viae» на Подолѣ, недостаетъ мнѣ времени на полученіе списка съ этой отвратительной

снимались въ разныхъ мѣстахъ, сперва Офицерами, которые, при взятіи подъ стражу обвиненныхъ въ бунтахъ и представленіи свѣдѣтелей, безчеловѣчными истязаніями принуждали ихъ сознаваться въ мятежѣ, а свѣдѣтели и сами взятые, не стерпѣвъ тяжкихъ наказаній, сознавались въ томъ, о чемъ и не помышляли; такіе, военными начальствами доставленные допросы, Гродскій Кременецкій Судъ призналъ достовѣрными и, сличая ихъ съ имѣвшимся у него, постановлялъ смертные приговоры. Это же самое доказы-

---

записи; но ежели Вы еще ни чего не знаете объ этомъ показаніи, можете приказать выписать его для Васъ изъ актовъ Дубенскаго Магистрата, и, какъ мнѣ кажется, не мѣшало бы выдать объ этомъ подробный манифестъ. По тому что и въ сдѣшнемъ Воеводствѣ кроется духъ клеветы. Будучи сердцемъ и душею преданъ чести Вашей, спѣшу какъ можно скорѣе донести Вамъ объ этомъ; есмь и проч. Г. Трохлинскій, Офиціялъ Епархіяльный. P. S. Къ записанію подалъ какой-то Янъ Гирыловичъ, сдѣшній Приказный, по порученію одного гражданина.»

Филиппъ Нерій Олизаръ, Литовскій Подчашій, возвратившись изъ своихъ Кіевскихъ имѣній, всенародно разсказывалъ, что онъ самъ видѣлъ и читалъ копіи съ писемъ Бродовича, бывшаго Луцкаго Офиціяла, къ разнымъ Священникамъ, писанныхъ съ подущеніемъ на бунтъ, будто бы съ подлинныхъ его писемъ, которыя сняты ходили по рукамъ гражданъ Кіевскаго Воеводства. Столько-то дѣйствовала чья-то злоба на поврежденіе добраго имени этого Священника, что осмѣлилась подобнымъ даже средствомъ возбуждать противъ него общество. Однако жъ тотъ же Подчашій Литовскій удостовѣрялъ, что ему извѣстны и слогъ и почеркъ Бродовича, и что это не его изложеніе, а клевета, на него вымышленная. Легко догадаться, чья это была злоба, возникшая изъ частныхъ интересовъ, обнаружившаяся противъ Епископа поданіемъ къ запискѣ въ актахъ выше упомянутаго доноса, а противъ Офиціяла его выдумкою такихъ писемъ.

Священникъ Громачевскій, Благочинный Кременецкій, отпущенный изъ Варшавы и, въ доказательство его невинности, украшенный золотою медалью, встрѣтилъ, по возвращеніи въ Кременецъ, такую ненависть къ себѣ со стороны гражданъ, что, будучи не въ состояніи выдержать гоненія, рѣшился отказаться отъ своего Кременецкаго прихода. Онъ, какъ очевидецъ, разсказывалъ, что когда, по приговорамъ тамошняго Суда, казнили крестьянъ, и монахи Чина Св. Василія были приставлены исповѣдывать ихъ, то одинъ обвиненный, взведенный послѣ исповѣди на висѣлицу, на послѣдней ступени просилъ, чтобы приказали палачу остановиться, по тому что онъ намѣренъ сообщить нѣчто. Тотчасъ велѣно пріостановить исполненіе, и онъ сказалъ: «Наступаетъ для меня послѣдній часъ, иду на судъ Господа Бога; удивляюсь, какъ вы вѣрите этому негодяю Кириллу, который готовитъ смерть столькимъ невиннымъ людямъ! Если я что либо говорилъ и въ

вается и приговоромъ, выданнымъ противъ тѣхъ трехъ несчастныхъ Священниковъ. Въ немъ и не упоминается о слѣдствіи. Даже сами заключенные, показывавшіе противъ нихъ, будто бы съ ними вмѣстѣ были въ заговорѣ, передъ смертью, когда палачъ надѣвалъ уже имъ петлю, отвергали свое показаніе противъ Священниковъ, но ихъ не хотѣли слушать. Много кажется изъ простонародья, какъ показываютъ такіе приговоры, помѣщенные въ Перечнѣ, которые только per connexionem касались простона-

---

чемъ либо сознался, какъ о себѣ, такъ и о Священникѣ Чабанскомъ, сперва передъ начальникомъ въ Свентѣ, а потомъ здѣсь, передъ Судомъ, все то дѣлалъ я, тамъ — принужденный розгами, а тутъ — страхомъ, чтобы меня не приказано было также мучить, какъ мучили въ Свентѣ. Ни чего я не знаю, ни съ кого денегъ я не бралъ; Священникъ Чабанскій также ни въ чемъ не виноватъ. Все это такъ справедливо, какъ я прошу у Бога о спасеніи души моей.» Велѣно, однако жь, повѣсить его тотчасъ. А когда другого обвиненнаго также вели на смерть, и онъ, увидя монаха, просилъ исповѣдать, то присутствовавшіе при этомъ граждане разгнѣвались и требовали, чтобы монахи не исповѣдывали уже приговоренныхъ къ смерти, по тому что тѣ научаютъ ихъ запираться въ своихъ и въ чужихъ преступленіяхъ. Послали за Реформатскимъ Священникомъ, чтобы онъ ихъ исповѣдалъ. Ужасное положеніе бѣднаго простонародья, если ему нельзя по своему желанію выбрать исповѣдника даже въ минуту смерти!

Другой, такимъ же образомъ веденный на казнь, по отдаленности мѣста болѣе двухъ часовъ долженъ былъ употребить на совершеніе своего рокового путешествія; онъ такъ считалъ себя обиженнымъ Кременецкимъ Судомъ за безвинное осужденіе на смерть, что на убѣжденія духовника изъ любви къ Богу простить всѣмъ нанесенныя ему оскорбленія, отвѣчалъ, что всѣмъ прощаетъ отъ чистаго сердца, но не можетъ простить Суду такой великой несправедливости; долго трудился надъ нимъ духовникъ и уже подъ висѣлицею получилъ такой отвѣтъ: «Хотя я и прощаю Суду причиненную мнѣ несправедливость, но Господь Богъ, вѣдающій мою невинность, не проститъ ему!» Такіе-то приговоры выходили по настояніямъ Яна Загурскаго, Кременецкаго Судьи, роднаго брата Судьи нашего, а также Святоянскаго, исполнявшаго должность Секретаря. Такова была доля Священниковъ и крестьянъ въ Кременецкихъ темницахъ, частью отъ того, что узниковъ замыкали на ночь, просунувъ одну ногу въ общую колоду, отъ чего они должны были всю ночь лежать на одномъ боку, частію отъ недостатка въ пищѣ, отъ чего много съ голоду умирало, а наконецъ отъ невыносимаго смрада, происходившаго отъ чрезмѣрнаго накопленія заключенныхъ; грызущія насѣкомыя такъ размножились между ними, что, подобно муравьямъ, не только по землѣ и людямъ, но и по стѣнамъ ползали. А отъ того узники,

родія, будто бы участвовавшаго съ Священниками въ бунтѣ. Что же сказать о тѣхъ приговорахъ, которые выданы противъ однихъ крестьянъ? Много ихъ погублено этѣми приговорами!

Разсмотрѣвъ въ своемъ Судѣ выше упомянутые приговоры и къ тому же ободренный внушеніемъ сдѣшняго Суда, по тому что дѣло касалось и его значенія, Епископъ не приступилъ къ лишенію сана трехъ Кременецкихъ Священниковъ, а между тѣмъ отъ Сеймовыхъ Чиновъ подоспѣлъ приказъ о пріостановленіи исполненія надъ ними приговора до лучшаго разузнанія вины и убѣжденія въ ней.

долгое время такимъ образомъ немилосердо томимые, выслушивая приговоры Суда, осуждавшіе ихъ или на смерть, или на нѣскольколѣтнюю работу въ Каменецкой крѣпости, принимали отъ наказанія съ величайшею радостью, возносили взоры и руки къ небу и, обернувшись лицомъ къ Господнимъ Святынямъ, благодарили Бога какъ бы за совершенное избавленіе.

Въ то время много перенесъ и Епископъ отъ нѣкоторыхъ гражданъ, а въ особенности отъ Іосифа Стецкаго, Кавалера ордена Св. Станислава, за то, что не хотѣлъ разстричь Кременецкихъ Священниковъ и оттянулъ разстриженіе Попа Старосельскаго. Стецкій публично выговаривалъ Епископу такими словами: «Въ недобрый часъ сдѣлались Вы сдѣшнимъ Епископомъ; за чѣмъ этѣхъ негодныхъ Поповъ защищаете, за чѣмъ не разстригаете ихъ? Не приберегаете ли Вы ихъ для послѣдней нашей погибели?» Пристыженный Епископъ извинялся тѣмъ, что онъ ихъ разстрижетъ, какъ только по закону можно будетъ ему приступить къ этому. Впрочемъ, Гродскіе Луцкіе Судьи вступились за этого, истинно несчастнаго, Епископа, который неумѣстною уступчивостью потералъ доброе о себѣ мнѣніе, и убѣдили Стецкаго не приставать къ нему больше.

Когда разнеслась вѣсть о такомъ множествѣ погубленныхъ въ Кременцѣ, то народъ на Подолѣ, по которому бродилъ извѣстный доносчикъ Кирило, такъ встревожился, что при первомъ появленіи въ деревнѣ военнаго отряда, приходившаго за продовольствіемъ, либо на стоянку, крестьяне покидали дома, женъ и дѣтей и убѣгали въ открытыя поля и овраги, какъ то бывало во времена Татарщины, когда народъ забирали въ ясырь, т. е., въ полонъ. Наконецъ и сами владѣльцы стали опасаться, чтобы крестьяне не разбѣжались отъ нихъ вовсе. Въ слѣдствіе этого, желая увѣрить крестьянъ, что Кирило Пундикъ вредить имъ уже не будетъ, они постарались о томъ, чтобы его заключили въ Каменецкую крѣпость.

Злая искра и домъ сожжетъ, и сама сгинетъ!

Оставляя Кременецкое дѣло, возвращаюсь къ Луцкому. Либо тайна была выдана, либо же изъ отсрочки, сдѣланной Духовнымъ Судомъ, сами Защитники вывели такое заключеніе, что Судъ оснуется на опроверженіи обвиненнаго и Епископъ не приступитъ къ распоряженію. Прогремѣло это извѣстіе по всему Луцку, а между тѣмъ Гродскій Луцкій Судъ, опасаясь неожиданнаго для себя въ Епископскомъ Судѣ случая, не смотря на данное обѣщаніе, поспѣшилъ огласить смертный приговоръ противъ несчастнаго Старосельскаго Священника, съ намѣреніемъ прибавивъ въ оном слѣдующее: «Отсылается, если нужно будетъ, къ Епископу для разстриженія.»

Старосельскій Священникъ, по прочтенія ему приговора, тутъ же обратился къ своему Защитнику и сказалъ ему: «Вижу теперь, что Вы меня погубили. Не хотѣлъ я первоначально уступить Вашимъ внушеніямъ, но повѣрилъ Вамъ, когда Вы мнѣ сказали, что только этѣмъ средствомъ получу я свободу, а теперь несчастнымъ образомъ убѣждаюсь, что только такимъ путемъ и можно было погубить меня. Не виноватъ я ни въ чемъ; безвинно осудили меня на смерть, что не перестану повторять, пока душа останется въ моемъ тѣлѣ.»

Такъ несчастный страдалъ постоянно, и, будучи въ несостояніи, изъ боязни близкой смерти, преодолѣть своего горя, казалось, помѣшался.

На другой день, по оглашеніи таковаго приговора, наступалъ конецъ острочки для обвиненнаго передъ Епископскимъ Судомъ. Любопытство томило насъ, что произойдетъ въ этомъ Судѣ. Всѣ мы полагали, что Судъ, не обращая вниманія на постановленіе Свѣтскаго, оснуетъ свой приговоръ на опроверженіи обвиненнаго и не приступитъ къ разстриженію, по тому что ему надлежало поступить такимъ образомъ, хотя бы наконецъ велѣли казнить и безъ лишенія; было бы это только большимъ насиліемъ правъ Духовныхъ, а не преступленіемъ Духовныхъ Судей.

Нашлись, однако, двѣ головы, дышащія однимъ духомъ уступчивости, Епископъ Левинскій и Офиціялъ Подгороденскій. На второмъ засѣданіи оба они придумали средство осудить невиннаго,

говоря, что имъ должно, по крайней мѣрѣ, provisionaliter поддержать духовные законы и не допустить до казни безъ лишенія сана, чрезъ что (какъ говорили) была бы нанесена духовному самосуду невознаградимая обида; по этому и написали постановленіе о разстриженіи. (Videatur in Summario sub lit Q.)

Теперь уже не удивляюсь я, что и Господь Іисусъ Христосъ осужденъ духовнымъ Судомъ! [45]

11-го Августа упомянутый Ѳеодоръ Борковскій, Старосельскій приходскій Священникъ, 59 лѣтъ отъ роду, по разстриженіи, отдавшись волѣ Божіей, былъ казненъ, въ 9-ть часовъ утра.

Мѣсто этого Священника подавало надежду многимъ врагамъ Русскаго Духовенства, что онъ, потерявъ надежду на спасеніе жизни, всѣхъ обвинитъ въ участіи въ заговорѣ; но они были приведены въ удивленіе, по тому что, ни чего не зная о комъ либо, не могъ ни чего и показать, даже и на зятя своего, котораго въ первоначальныхъ своихъ допросахъ нѣсколько обвинялъ. Изъ данныхъ ему исповѣдниковъ нашего Обряда, не принялъ онъ ни Медушевскаго, ни Офиціяла Подгороденскаго, ниже кого либо другого, а взялъ

---

[45] Въ немъ одному Римскому Проконсулу было сказано: «Si hunc dimittis, non es amicus Caesaris» (Аще сего пустиши, нѣси другъ Кесаревъ. Іоан. 19, 12). А здѣсь и Подстароста Луцкій, и Епископъ Луцкій, и Офиціялъ Римско-Луцкій, каждый въ особенности, боятся, чтобы имъ не сказали чего ни будь похожаго. Люди не привыкли дѣлать что либо безъ достаточной причины; поищемъ же ея, можетъ быть найдемъ относящуюся до настоящаго случая. Кто знаетъ положеніе Леона Гулевича, Луцкаго Подстаросты, участіе въ его возвышеніи и щедрое вспоможеніе ему Старосты Овруцкаго, Г-на Стецкаго; кто припомнитъ, что, по настоянію того же Старосты Овруцкаго и въ томъ же Судѣ, осужденъ на смерть Городищенскій Священникъ; что дѣло этого же Старосты надобно было оправдать и подкрѣпить новымъ приговоромъ, чтобы потомство не говорило, будьто онъ старался лишить жизни своего Священника изъ одной ненависти; кто наконецъ разсмыслитъ и о томъ, что чѣмъ больше, хотя и невинныхъ, жертвъ будетъ умерщвлено за бунты, тѣмъ самые бунты будутъ яснѣе передъ обществомъ обнаружены, а оно, съ своей стороны, тѣмъ болѣе обязано будетъ благодарить Подстаросту Луцкаго, что онъ дѣйствовалъ, какъ политикъ. Жаль очень, что и такой причины нельзя приписать ни Епископу, ни Офиціялу.

Каноника Глинку, который и былъ при немъ до послѣдняго мгновенія.

Также и Слѣдователь, Симеонъ Карповскій, содержащійся до сихъ поръ подъ стражею со 2-го Мая, получилъ окончательное рѣшеніе. Не помогли ему ни какія законно приводимыя доказательства: Судъ, основавшись на злостномъ показаніи Хорупанскаго Попа, и принявъ въ соображеніе, что Карповскій, чувствуя себя преступнымъ, желалъ яду, осудилъ его на трехлѣтнее заключеніе въ Каменецкой крѣпости, а потомъ на пожизненное заточеніе въ какомъ либо монастырѣ Чина Св. Василія, по назначенію Епископа. [46]

Точно также и Никифоръ Костюкевичъ, приходскій Колковскій Священникъ, зять покойнаго Старосельскаго Священника, сидѣвшій до сихъ поръ подъ стражею съ 4-го Апрѣля, когда многіе и нѣсколько разъ представляемые Суду свѣдѣтели ни чего противъ него не доказали, а сторона обвиняющая, угождая общественному раздраженію, взялась предетавить доказательства его виновности, то онъ получилъ такое judicatum (рѣшеніе): что Судъ назначилъ разбирательство на мѣстѣ въ Колкахъ, а его приказалъ посадить въ Тринитарскій монастырь, до слѣдующаго ряда Судебныхъ засѣданій.

Тотчасъ по оглашеніи этѣхъ приговоровъ былъ удаленъ, постановленіемъ Гродскаго Суда, отъ должности, за свои злодѣйства, присяжный Воеводскій Слѣдователь, Костренскій, котораго мы такъ превознесли похвалами «in Laudo,» [47] а на мѣсто его выбраны изъ

---

[46] Упомянутый Слѣдователь, Симеонъ Карповскій, во исполненіе Гродскаго Луцкаго приговора, противъ него состоявшагося 16 Августа, взятъ изъ Луцкаго заключенія въ Дубенскую крѣпость, а оттуда подъ прикрытіемъ отправленъ въ Каменецъ Подольскій. Такую тяжелую и несчастную участь его можно, однако жь, по взятіи его изъ Луцка, назвать благополучною, по тому что такимъ образомъ онъ спасся отъ невыразимаго преслѣдованія и обезпечилъ себѣ жизнь, такъ какъ первоначально помышляли единственно о самомъ страшномъ для него родѣ смерти. Ему не позволили и помыслить даже объ аппелляціи!

[47] Вельможный Панъ Яковъ Костренскій, Подкоморій Его Королевской Милости, (такъ онъ подписывался въ явкахъ въ Судѣ), возгордясь полученной благодарностью Воеводства, торжественно записанною въ актахъ, за неутомимое испол-

среды Приказной три Слѣдователя, т. е., Казимиръ Сабицкій, Хамецъ и Люблинскій, которые и присягнули.

13-го Августа Русскій Епископъ, избѣгая какого либо противнаго ему постановленія по поводу Кременецкихъ узниковъ, отправленныхъ отсюда безъ лишенія сана, выѣхалъ, въ 9-ть часовъ утра, въ Варшаву. Эти узники, по возвращеніи своемъ въ Кременецъ, заточенные въ темнѣйшія тюрьмы, возбуждаютъ любопытство всѣхъ о дальнѣйшей своей судьбѣ.

Съ почтеніемъ пребываю и пр.

ненie обязанности доносчика на бунтовщиковъ, много неистовствовалъ надъ узниками, бывшими въ его власти, и нѣсколькихъ замучилъ до смерти, безъ вѣдома Суда. Обиралъ онъ каждаго допага, и разжившись такимъ грабежемъ, отдавался всевозможному разврату. Но великія злодѣйства его не могли попрядить его значенію. А между тѣмъ онъ тѣмъ только и заявилъ себя, что, отрекшись отъ религіозныхъ и прирожденныхъ человѣку чувствъ, съ одинаковымъ немилосердіемъ мучилъ и духовныхъ и простонародье. Этому мужу двѣ вещи помѣшали пріобрѣсти всеобщее уваженіе: взяточничество и гордость. Пока онъ дѣлился награбленною у Пилипоновъ добычею съ Вице-Регентомъ Ленкевичемъ, Тарлинскимъ, Кмитой, Яворскимъ, Мушинскимъ, Люблинскимъ и другими первостепенными Мецепатами, до тѣхъ поръ громко гремѣла слава старинаго имени Костренскихъ; а какъ только пересталъ съ ними дѣлиться, они, какъ на несчастье, подкопались подъ Его Милость, Подкоморія Его Королевской Милости, и смѣщеніемъ съ должности постарались сбавить ему спеси. У насъ вотъ что считается неотпустимымъ грѣхомъ: вольно Шляхтичу грабить, бить, калѣчить, убивать и пр., а крестьянину нельзя. Не довольствуясь отставкою Костренскаго, придумали навсегда выжить его изъ Луцка; для этого подговорили младшаго изъ между себя, а тотъ, встрѣтивъ Вельможнаго Подкоморія на улицѣ, провожавшаго одну госпожу, по всевозможныхъ извиненіяхъ передъ нею, поколотилъ ему рожу, вырвалъ чубъ и отдулъ палкою по бокамъ, а за тѣмъ приказалъ не оставаться въ Луцкѣ болѣе нѣсколькихъ часовъ. Что за дерзость! Жаль именитаго чиновника! (Примѣч. 46 и 47 писаны собственноручно Ѳеодосіемъ Вродовичемъ (Я. Ѳ. Г.).

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО *

ВАРШАВА, 24 Сентября.

Не могъ я безъ слезъ смотрѣть на картину тираніи, которую въ письмѣ, отъ послѣднихъ чиселъ Августа, Вы снова мнѣ изобразили. Разсказалъ мнѣ обо всемъ, хотя и не очень подробно, Епископъ Левинскій, пріѣхавшій сюда собственно для отдыха послѣ столькихъ мученій. Король, встрѣтивъ его во дворцѣ, сказалъ ему: «Сильно удручали Васъ на Волыни; собственнымъ опытомъ узнали Вы, какъ много приходится вынести при отправленіи общественной должности.»

Оправдалось мое предсказаніе, что дѣло не остановится на той крови, которую Вы пролили на Луцкой площади. Пролили Вы и другую кровь, чтобы она сильнѣе вопіяла объ отмщеніи и скорѣе навлекла ее на несчастное Отечество. О если бы я ошибся въ этомъ моемъ предвидѣніи! Однако жь нельзя не видѣть приближающейся гибели, глядя на теперешнія наши совѣщанія, которыя сдѣсь, какъ нѣкогда при Вавилонскомъ столпотвореніи, происходятъ съ смѣшеніемъ языковъ, а кончатся разсѣяніемъ народа.

Всѣ, наиболѣе кричащіе противъ Москвы, посягающіе даже на честь самой Монархини, суть вѣрнѣйшіе ея друзья, и хотя по видимому различаются другъ отъ друга, однако жь всегда стремятся къ одной и той же цѣли и преднамѣренно соглашаются со всѣмъ, что влечетъ за собою печальныя для всей страны происшествія.

---

* Это третье, какъ равно и четвертое, письмо со всѣми примѣчаніями писано собственноручно Бродовичемъ. Я. Ѳ. Г.

Пишу Вамъ вообще; не гнѣвайтесь, если перо мое удерживается отъ описанія подробностей; по тому что этѣ подробности, истекающія изъ многочисленныхъ родниковъ, разростаются едва ли не съ каждымъ Сеймомъ; стало, не великую окажу я Вамъ услугу неполнымъ описаніемъ того, что натворили наши законодатели, одни по слѣпому усердію, другіе по пристрастію. И будутъ они до тѣхъ поръ куролесить, пока имя Поляка не утопятъ въ собственной его крови. Къ тому же Вы получаете по почтѣ извѣстія о сдѣшнихъ дѣлахъ, и, вникнувъ въ сущность ихъ, согласитесь со мною.

Обращаю мысли мои къ печальнымъ жертвамъ Волынскаго раздраженія. Поблагодарилъ я Епископа за то, что не хотѣлъ онъ разстричь трехъ Священниковъ, осужденныхъ на смерть Кременецкимъ Судомъ по однимъ показаніямъ узниковъ, вынужденнымъ жестокими побоями. Благодаренъ и Гулевичу «in hoc solum non impio,» за совѣтъ, данный Епископу, не приступать къ чему либо безъ присылки изъ Гродскаго Кременецкаго Суда слѣдствій, которыхъ къ тому же, «in rerum natura» и не было.

Священники, возвращенные въ темнѣйшее заключеніе, можетъ быть, когда ни будь увидятъ свѣтъ, а Старосельскій приходскій Священникъ, сложившій на плахѣ голову въ слѣдствіе до сихъ поръ продолжающагося ожесточенія, уже изъ подъ алтаря вопіетъ о мести. Изъ опроверженія, сдѣланнаго имъ передъ судомъ, очевидно, что въ погибели его виновенъ собственно Судья Загурскій. У меня есть одно донесеніе, изъ котораго ясно, что онъ присовѣтовалъ Защитникамъ, чтобы они предлагали узнику освобожденіе отъ наказанія и заключенія только подъ условіемъ добровольнаго сознанія въ преступленіи. Не могли же Защитники не повѣрить Судьѣ, а тѣмъ болѣе простакъ Священникъ, не могъ догадаться о безбожномъ коварствѣ.

Если бы я не зналъ родословной Загурскихъ, то, по ихъ поступкамъ, догадался бы, что этѣ оба Судьи, Луцкій и Кременецкій, родные братья: одинаковыя помышленія, одинаковая заносчивость, хитрость, несправедливость, а особливо свирѣпость надъ подпавшими подъ ихъ власть, тѣсно соединяютъ ихъ другъ съ другомъ. Припоминаю, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одному изъ нихъ всенародно было сказано, что онъ гораздо лучше поступилъ бы, если

бы послѣдовалъ примѣру павлина, который тѣмъ обуздываетъ въ себѣ врожденную надменность, внушаемую ему великолѣпными перьями, что глядитъ на свои отвратительныя ноги.

Не удивляйтесь, что депутатъ Святославскій провелъ законъ, не щадящій людской крови въ Воеводствахъ Русскихъ. Сдѣлали это донесенія Коммисаровъ и Судей изъ трехъ Уѣздовъ, которымъ и теперь еще мерещится, будто заговоръ о рѣзнѣ дѣйствительно существуетъ. И большая часть депутатовъ теперешняго Сейма вѣритъ этой выдумкѣ, а тѣ изъ нихъ, которые поумнѣе, ловко воспользовались этѣмъ переполохомъ для своихъ цѣлей.

Припомните, какой шумъ поднимался на Сеймахъ, когда предлагалось усилить войско и увеличить подати. Теперь эти два предложенія, подъ вліяніемъ выдуманнаго предлога, единогласно обращены въ законъ, и гражданинъ, не хотѣвшій прежде дать злотый, теперь охотно соглашается платить съ доходовъ десять злотыхъ.

Въ теперешнемъ вѣкѣ, больше чѣмъ когда либо, политика не сходится съ ученіемъ Христіянскаго Законодателя. Отдаетъ она въ жертву часть, какъ говорятъ, черни, для спасенія большей и лучшей части общества. Но все это безполезно. Боюсь дождаться того, чтобы за свои же деньги не купить своей неволи.

Страшное изображеніе на бумагѣ ножа, присланнаго изъ Волыни, разсматривала Сеймовая Депутація (Коммиссія), и признала его произведеніемъ головъ злонамѣренныхъ и непорченныхъ!

Хотьбы въ теперешнихъ обстоятельствахъ ваши Повѣтовые Судьи сохранили то благоразуміе, какое соблюдаетъ сѣшняя Депутація, разбирая съ величайшимъ усердіемъ бумаги привезеннаго сюда изъ Луцка Архіерея Садковскаго: она ни чего еще не нашла въ нихъ похожаго на бунтъ. Тогда это раздраженіе, уменьшаясь мало по малу, должно было бы наконецъ совсѣмъ угаснуть.

Проживаетъ до сихъ поръ присланный сюда изъ Верещакъ Священникъ главнымъ образомъ по тому, что дѣло о немъ ведется въ Депутаціи и Судьи не видятъ за нимъ ни чего, кромѣ простоватости

и словъ, сказанныхъ съ пьяну, которыми злоумышленно воспользовались. Давно бы уже онъ не жилъ, если бы его въ Луцкѣ, или въ Кременцѣ «solito more» (обыкновеннымъ способомъ) судили.

Не теряю, однако жь, надежды, что буря эта утихнетъ, если уже граждане стали подумывать о распущеніи своихъ ополченцевъ.

Еще разъ жду отъ Васъ извѣстій и остаюсь и проч.

ПРИПИСКА (Post scriptum).

Извѣстный обвинитель Русскихъ Священниковъ и крестьянъ, Кирило Пундикъ, какъ Вы его называете, нѣсколько недѣль тому назадъ представленный сюда изъ Кременца, возбудилъ всеобще любопытство. Депутація часто призывала его и записывала его показанія, но какъ мнѣ сказывали, онъ, будучи допрашиваемъ объ одномъ и томъ же предметѣ, не ладилъ самъ съ собою, отрекаясь отъ того сегодня, что утверждалъ вчера; изъ этого можно предполагать, что и у сатаны есть свои апостолы!

И Король приказалъ представить его себѣ, и сказалъ ему, чтобы онъ показывалъ чистую правду и думалъ о Богѣ и спасеніи души. Депутація, отправивъ его отсюда, послала съ тѣмъ вмѣстѣ и его разнорѣчивыя показанія.

ПОСЛѢДНЕЕ ПИСЬМО.

ВЪ ВАРШАВУ, 26 Ноября.

Вѣроятно продолжительное ожиданіе моего отвѣта заставило Васъ думать, что послѣ бури мы предались отдохновенію. Тотчасъ по окончаніи Судебныхъ засѣданій въ Августѣ, Судьи наши и мы, коммисары, поѣхали по деревнямъ сбирать новый хлѣбъ.

Кажется намъ, будто живемъ въ другомъ мірѣ: ни какая зловѣщая повѣсть не мѣшаетъ нашему покою. Священники отправляютъ по селамъ прежнія обязанности, крестьяне несутъ тѣже повинности; ихъ молчаніе, пугливость и большее, чѣмъ прежде, стараніе угождать нашей волѣ, служатъ упрекомъ намъ въ томъ, что мы не по-людски поступали съ ними. Нѣкоторые граждане тѣшились еще кое-какою надеждою, что ихъ предположенія могутъ оправдаться; наконецъ и эта надежда исчезла.

Писалъ я Вамъ, что по дѣлу о Костюкевичѣ, Колковскомъ Священникѣ, Благочинномъ Черторыйскомъ, сидѣвшемъ подъ стражею, послѣ представленія въ Судъ многочисленныхъ свѣдѣтелей, назначено было наконецъ дознаніе на мѣстѣ, въ самыхъ Колкахъ. Срокъ этого дознанія былъ назначенъ на 24 Сентября (pro d. 24 Septembris). Съѣхались судебныя лица, или заступающія ихъ мѣста. Тамъ, въ отсутствіе этого Священника, доносчики [48] усиливалися уличить его

---

[48] Доносчиками противъ него были: Завойскій, новый Шляхтичъ, пожалованный, по милости Князя Понинскаго, и Комерникъ Несѣцкій. Первый изъ нихъ, неизвѣстно какими богатырскими дѣяніями, сдѣлался Генераломъ войскъ Рѣчи Посполитой; вѣрнѣе, что барыни за обѣдомъ такъ его назвали (по тому что у насъ обыкновенно барыни раздаютъ на такія почести свои привилегіи); женился на

хотя въ чемъ либо, относящемся до бунта, но, не имѣя возможности лишить невиннаго жизни, лишили имущества, по тому что приказали на его счетъ поставлять изъ города все, что требовалось для нихъ и для Судей. Въ теперешнія засѣданія Суда обнародовано рѣшеніе, очищающее столь долго томившагося узника отъ всѣхъ обвиненій и предоставляющее ему право иска противъ доносчиковъ.

Трогательное это было зрѣлище для сердецъ чувствительныхъ! Слѣдуетъ стыдиться (думалъ я) того легковѣрія, которое многихъ заставляло прежде желать смерти этому Священнику.

Всѣ слушавшіе чтеніе рѣшенія, [49] вспоминая, какъ жестоко обходились съ Священникомъ, не могли скрыть чрезвычайнаго волненія, а вѣрнѣе угрызенія совѣсти.

Каштеляншѣ Выжицкой, выгналъ брата ея, а своего шурина, изъ отцевскихъ имѣній, единственную дочь свою выдалъ за Князя Четвертинскаго и, поссорившись съ нимъ, пожертвовалъ имѣнія Выжицкихъ на стотысячное войско Рѣчи Посполитой. И хотя этой его жертвы, столь противной праву природы, Государственные Чины не приняли, однако жь усердіе его, всюду на Волыни превозносимое, такое доставило ему уваженіе и значеніе, что всему, чтобы онъ самаго злостнаго ни выдумалъ на Русиновъ, вѣрили безъ всякихъ доказательствъ. Другой доносчикъ, Несѣцкій, владѣлецъ села Омельна, сосѣдъ упомянутаго Генерала, живущаго въ Журавицахъ, бывавшій очень часто въ Колкахъ на богослуженіи, а по тому и въ домѣ Священника Костюкевича, за его общительность и искреннее къ нему сердце, подслужился этѣмъ доносомъ и расплатился съ нимъ за все этою продолжительною неволею.

[49] Не много же было при обнародованіи этого рѣшенія такихъ чувствительныхъ сердецъ. Сочинитель письма выразился бы точнѣе, если бы сказалъ: «всѣ честные люди, слушавшіе чтеніе рѣшенія». Христіянская честь опирается на любовь къ Богу и ближнему, а ея не было и тѣни въ неправыхъ сердцахъ именно въ то время, когда самымъ яснымъ образомъ обнаружилась невинность духовной особы. Одни сожалѣли, что дѣло Колковское, на которое они такъ расчитывали, кончилось не согласно съ ихъ ожиданіями. Другіе, называя свѣдѣтелей соучастниками въ преступленіи своего приходскаго Священника, умышленно разглашали въ обществѣ, будто онъ освобожденъ въ слѣдствіе лжесвѣдѣтельскихъ клятвенныхъ показаній. Наконецъ были и такіе, которые подъ рукою говорили и о Судьяхъ, будто имъ слѣдовало бы, для поддержанія убѣжденія въ дѣйствительности бунта Русиновъ, эту остальную голову по-

Узникъ радовался тому только, что выходилъ на свободу. Сами Судьи, кажется, въ первый разъ почувствовали въ себѣ состраданіе, которое и высказали въ словахъ, проникнутыхъ человѣколюбіемъ.

Этѣмъ все окончилось; а лучше бы было, если бы никогда и не начиналось.

Поручаю себя постоянной дружбѣ Вашей и пр.

ложить на плаху. Погибъ же Городищенскій Священникъ, говорили они, хотя и не уличенный въ заговорѣ, по тому что за его голову, ненавистную Овруцкому Старостѣ, послѣдній щедро заплатилъ червонцами; погибъ и обманутый Старосельскій Священникъ, хотя и отвергалъ свое показаніе, по тому что, для поддержанія интересовъ того же Старосты, была необходима эта вторая голова. По чему же тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ общественной пользѣ, наши Судьи освободили отъ смерти Колковскаго Священника, и пощадили зятя, казня тестя? Оба они жили въ одномъ и томъ же городѣ, зять въ Колкахъ, тесть въ Старосельѣ, то есть, въ предмѣстьѣ. Кровныя узы и общія выгоды служатъ не малымъ доказательствомъ того, что они либо оба уголовные преступники, либо оба невинны. Показывалъ же тесть первоначально на зятя въ Коммисіи, какъ потомъ на себя въ Судѣ. За что же одного казнили, а другого помиловали? По чему же, когда свѣдѣтели противъ перваго не показали ни чего, кромѣ неосторожныхъ словъ, сказанныхъ въ шутку, а онъ самъ свое показаніе отвергнулъ, по чему же Судъ, въ виду постояннаго запирательства втораго, не употребилъ достаточно времени для раскрытія истины, которую обязанъ былъ искать всѣми средствами, которую легко открылъ бы, если бы приведенныя въ томъ показаніи обстоятельства провѣрилъ на мѣстѣ? Отъ чего не захотѣлъ выслушать какъ Защитника, уговорившаго сдѣлать показаніе, такъ и отвергавшаго оное узника; также побужденій къ сознанію и къ запирательству? За чѣмъ не отложилъ смертной казни тестя до того времени, пока бы въ томъ же преступленіи не уличили, либо не оправдали и зятя? Такими и подобными этѣмъ рѣчами, доказательствами и тонкостями доказывали несправедливость Суда; но выводимое изъ нихъ заключеніе не показывало любви къ Богу и ближнему, по тому что его основывали единственно на томъ, что (хоть бы для оправданія себя передъ потомствомъ) окончаніе этѣхъ бунтовъ слѣдовало запечатать головою Колковскаго Священника. Но тому-то мало кто изъ извѣстнѣйшихъ гражданъ отказался отъ предубѣжденія противъ Русиновъ, наиболѣе изъ такихъ, которые и теперь ихъ преслѣдуютъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.*

Еще корпѣлъ я надъ чтеніемъ сочиненій о Торговицкой Конфедераціи, превратившейся въ Городенскую, и о вторичномъ раздѣлѣ Польши между тремя Державами, послѣдовавшемъ при содѣйствіи артиллерійскаго Генерала, Станислава Потоцкаго; еще надѣялся я, что Сарматскій орелъ, потерявши крылья, по крайней мѣрѣ, укроетъ голову и туловище свое подъ защитою тѣхъ же Державъ; еще казалось, мнѣ что Господь Богъ, покаравшій за пролитіе невинной крови вторымъ раздѣломъ края, остановится на этомъ наказаніи: но вотъ въ Мартѣ (in Martio) 1794 года читаю о новомъ возстаніи народа подъ начальствомъ Ѳаддея Костюшка. Вижу, что на подавленіе этой бури спѣшатъ отовсюду войска Россійскія, въ Русскихъ Воеводствахъ Австрійскія, а въ Великой Польшѣ Прусскія. Теперь, подумалъ я, конецъ моему Отечеству! Кровь невинная! недолго вопіяла ты изъ подъ алтаря о мщеніи! Подъ Мацѣевичами разбиты Польскія войска, предводитель попалъ въ полонъ и отправленъ въ Петербургъ. Офицеры и солдаты большею частію загнаны туда же, Прага подъ Варшавою вырѣзана, вся страна разобрана: нѣтъ имени, нѣтъ существованія Поляка!

---

* Приписка, сдѣланная въ концѣ рукописи самимъ Бродовичемъ. Я. Ѳ. Г.

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

КНИГА ТРЕТЬЯ,

ОПИСАНІЯ НОВАГО ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ ПЕРСІЮ,

ПОВѢСТВУЮЩАЯ О РОССІИ И ЕЯ ЖИТЕЛЯХЪ.

ГЛАВА I.

О Русскомъ Государствѣ, объ областяхъ, рѣкахъ и городахъ.

Россія или, какъ нѣкоторые называютъ ее, Бѣлая Россія (Weiss. Russland), или же, какъ вообще также называютъ ее, по главному, стольному городу ея, Москвѣ, лежащему въ срединѣ страны, Московія (Musscowien), составляетъ одну изъ самыхъ крайнихъ частей Европы, граничащую съ Азіей и обнимающую собою весьма значительное пространство. Такъ, въ длину она простирается на 30 градусовъ, или 450 Нѣмецкихъ миль, а въ ширину на 16°, или 140 Нѣмецкихъ миль. Границы ея, особенно если принимать въ соображеніе земли, нынѣ находящіяся подъ владычествомъ Царя, или Великаго Князя, Московскаго, простираются: на сѣверъ или полночь черезъ полуночный кругъ до Ледовитаго моря, на востокъ или утро до великой рѣки Оби, протекающей черезъ земли Ногайскихъ Татаръ, на югъ или полдень до владѣній Крымскихъ или Перекопскихъ Татаръ, и на западъ или вечеръ до сосѣдственныхъ земель: Литвы, Польши, Ливоніи и Швеціи.

Русское Государство раздѣляется на нѣсколько различныхъ Княжествъ и областей (провинцій), большая часть которыхъ поименованы выше въ титулѣ Великаго Князя. Первымъ и важнѣйшимъ искони было Княжество Володимерское, или Владимирское,

какъ называютъ его теперь, лежащее между двумя рѣками, Волгою и Окою, гдѣ и нынѣ еще находится старый городъ и крѣпость того же имени; городъ этотъ построенъ въ 928 году Великимъ Княземъ Владимиромъ [1] и былъ стольнымъ Царскимъ городомъ какъ его, Владимира, такъ и слѣдовавшихъ за нимъ Великихъ Князей до тѣхъ поръ, пока Великій Князь Иванъ Даниловичъ (Danilow Michaelowitz) не перенесъ изъ него своего главнаго мѣстопребыванія въ городъ Москву.

Остальныя Княжества въ прежнія времена имѣли своихъ собственныхъ Князей и владѣтелей, которыми и управлялись, но потомъ всѣ они, или, по крайней мѣрѣ, большая часть изъ нихъ тираномъ Иваномъ Васильевичемъ покорены мечемъ Царской Московской Державѣ (скипетру).

Черезъ этѣ страны и области протекаетъ много превосходныхъ большихъ и судоходныхъ рѣкъ, такъ что я долженъ сказать, едва ли подобныя рѣки находятся гдѣ въ другихъ какихъ мѣстахъ Европы. Важнѣйшая изъ этѣхъ рѣкъ Волга, которая, по нашему измѣренію, отъ Нижняго Новгорода до Каспійскаго моря, имѣетъ 500 Нѣмецкихъ миль, не считая еще изгиба отъ ея истока до Нижняго Новгорода, простирающагося болѣе нежели на 100 миль. Днѣпръ (Neper) или Борисоенъ также превосходная рѣка, отдѣляющая Россію отъ Литвы и впадающая въ Понтъ Эвксинскій или Черное море. Также замѣчательна Двина, которая у Архангельска изливается въ Бѣлое море. Ока (Осса) и Москва (Mussca) также значительныя рѣки, хотя и менѣе трехъ первыхъ; не называю здѣсь множества другихъ малыхъ рѣкъ, которыя всѣ способствуютъ жителямъ къ удобнѣйшему производству торговли, или же доставляютъ имъ добрую пищу богатыми рыбными ловлями.

И замѣчательно, что всѣ этѣ воды берутъ свое начало не такъ, какъ это обыкновенно бываетъ, изъ горъ, или скалъ, которыхъ нѣтъ во всемъ Великомъ Княжествѣ, но изъ озерныхъ, болотистыхъ и песчаныхъ, мѣстъ.

---

[1] Какъ извѣстно, Владимиромъ Мономахомъ. О. Б.

Въ Россіи есть много большихъ и въ своемъ родѣ прекрасныхъ городовъ, изъ которыхъ важнѣйшіе: Москва (Muscow), Великій Новгородъ (Nawgard), Нижній (Niesen) Новгородъ, Псковъ (Plescaw), Смоленскъ (Smolensko) (этотъ послѣдній городъ сначала принадлежалъ не Русскимъ, а Литвѣ и Польскому Королю, какъ значится это въ Московской Хроникѣ Петрея, но въ 1514 г. по Р. Х. онъ завоеванъ Москвитянами, у которыхъ въ 1611 году опять взятъ Сигизмундомъ, Королемъ Польскимъ; въ 1632 Великій Князь Михаилъ Ѳедоровичъ снова осадилъ его, но долженъ былъ снять осаду съ великою потерею и малою славою для себя; теперь же, съ прошлаго 1654 года, городъ этотъ снова перешелъ къ Великому Князю, по договору), Архангельскъ (Archangel), большой Ганзейскій и торговый городъ, Тверь (Twere), Торжокъ (Torsock), Рязань (Resan), Тула, Калуга (Cologa), Ростовъ, Переславль (Peressla), Ярославль (Jaressla), Угличъ (Uglitz), Вологда (Wolchda), Владимиръ (Vladimer), Старая Русса (Stara Russa) (т. е., Старый Русскій). отъ которой, какъ нѣкоторые полагаютъ, Русскіе получили свое имя.

Я говорю, что это важнѣйшіе города въ Россіи, но, кромѣ ихъ, въ ней есть еще много малыхъ городовъ, городковъ и безчисленное множество селеній.

Въ нѣкоторыхъ городахъ, и даже во многихъ, есть крѣпости (Schlösser, кремли), но большею частію, какъ и самые города, построенные изъ положенныхъ одно на другое накрестъ бревенъ и балокъ, такъ что они представляютъ плохую защиту противъ поджигателей.

Кромѣ того, у Казанскихъ, Астраханскихъ и у другихъ, подвластныхъ Великому Князю, Татаръ, тамъ и симъ находятся довольно красивые города; но такъ какъ они собственно не принадлежатъ Россіи, то мы опишемъ ихъ въ послѣдствіи, когда будемъ говорить о путешествіи черезъ этѣ города.

Что касается до Москвы (Musscow), стольнаго и главнаго города во всемъ Великомъ Княжествѣ, то она весьма заслуживаетъ того, чтобы подробнѣе поговорить здѣсь о ней.

Имя свое получила она отъ рѣки Москвы (Mussca), которая течетъ черезъ городъ въ южной его части и обтекаетъ красную стѣну. Баронъ Герберштейнъ пишетъ, что высота полюса надъ небосклономъ Москвы, какъ онъ слышалъ отъ другихъ, равняется 58°; онъ же, съ своей астролябіей, 9 Іюня, въ полдень, нашелъ высоту солнца въ 58°. Полагая по Новому Календарю, когда солнце находится въ 18° зодіяка и имѣетъ, слѣдовательно, 23° склоненія, то если отнять это послѣднее число градусовъ отъ высоты солнца, получится высота равноденственника въ 35°. Отнявъ это число отъ всего квадранта 90°, останется 55°, а не 50, какъ выходитъ по исчисленію изъ принятой имъ, Герберштейномъ, высоты. Если исчислять по Старому Календарю, то и такое исчисленіе также не будетъ согласно съ мнѣніемъ Герберштейна. Самъ я не однократными наблюденіями нашелъ высоту полюса въ 55° 36′ широты. Въ первомъ изданіи по ошибкѣ типографщика напечатано 56°. Долгота же равняется 66°, сколько могъ я дознать по времени луны въ полуденной линіи. [2]

Городъ лежитъ въ срединѣ, какъ бы въ сердцѣ страны, и Москвитяне полагаютъ, что онъ отстоитъ отъ границъ во всѣ стороны на 120 миль, но мили эти, впрочемъ, не во всѣхъ мѣстахъ одинаковы. Величина его въ окружности считается до 3 Нѣмецкихъ миль, но въ прежнія времена онъ былъ, должно быть, вдвое больше. Матеій изъ Мѣхова (Matthias a Michovia) пишетъ, что въ его время Москва была вдвое больше, чѣмъ Флоренція въ Тосканѣ, или Прага въ Чехіи. Но въ 1571 году, во время великаго нашествія Крымскихъ или Перекопскихъ Татаръ, и въ другой разъ, въ 1611 году, Поляками она была совершенно выжжена до самаго Кремля, какъ повѣствуетъ объ этомъ Гельмольдъ (Helmoldus) въ своей Славянской хроникѣ (Chronica Slavonica), [3] Хитрей, подъ тѣмъ же годомъ [4] въ своей Саксоніи (Saxonia) Мет-

[2] По нынѣшнему исчисленію 55°, 45 С. ш. и 55°, 14 В. д. О. Б.

[3] Но Гельмольдъ довелъ свое «Chronicon Slavorum et Venedorum» только по 1168 годъ, Арнольдъ продолжилъ его по 1209, а неизвѣстный Бременскій Пресвитеръ по 1448. О. Б.

[4] Chronicon Saxoniae О. Б.

теранъ (Metteranus (подъ 1572 годомъ) и Петрей (Petraeus), въ своей Московской Хроникѣ, на стр. 40, и какъ сами Русскіе разсказываютъ объ этомъ. Собственно окружность города, какъ онъ лежитъ и какъ обведенъ въ настоящее время валами и укрѣпленіями, читатель можетъ видѣть изъ прилагаемаго при семъ плана. [5] Но говорятъ, что и теперь еще можно насчитать тамъ до 40,000 погорѣлыхъ жилыхъ прежде мѣстъ.

Жилые городскіе дома (за исключеніемъ принадлежащихъ большимъ Боярамъ и богатѣйшимъ изъ купцовъ и Нѣмцевъ, которые на дворахъ своихъ имѣютъ каменныя палаты) мнѣ построены изъ дерева, изъ положенныхъ другъ на друга (на концахъ крестообразно) сосновыхъ и еловыхъ балокъ, какъ можно видѣть это на нѣкоторыхъ рисункахъ, особенно на стр. 25 и 40. [6] Крыши на домахъ дѣлаются изъ тесу, поверхъ котораго настилается березовая кора (береста), а иногда и дернъ, отъ чего бываютъ частые большіе пожары, такъ что не проходитъ не только мѣсяца, но даже недѣли, чтобы не сгорѣло нѣсколько домовъ, а иногда, при сильномъ вѣтрѣ, и цѣлыхъ улицъ. Во время нашего пребыванія нѣсколько разъ случалось такъ, что ночью мы видѣли огонь въ 3-хъ, или 4-хъ, мѣстахъ въ одно и то же время. Не за долго до пріѣзда нашего въ Москву въ ней выгорѣла цѣлая треть города, и то же самое повторилось тамъ и 4 года тому назадъ.

При подобныхъ несчастіяхъ наряжаются стрѣльцы и особая стража, которые должны дѣйствовать противъ огня; но огонь тамъ никогда не тушатъ водою, а прекращаютъ распространеніе его тѣмъ, что ломаютъ близъ стоящія строенія, для того, чтобы огонь, потерявъ свою силу, потухъ самъ собою. Для этой-то цѣли каждый солдатъ и ночной сторожъ долженъ носить при себѣ топоръ.

Въ каменныхъ палатахъ и подвалахъ (сводахъ), для предохраненія отъ сосѣдняго пожара, дѣлаются маленькія оконца, ко-

[5] При подлинникѣ, О. Б.

[6] Подлинника. О. Б.

торыя въ подобныхъ случаяхъ закрываются ставнями изъ листоваго желѣза. Но погорѣльцы, потерявшіе дома свои отъ пожара, скоро поселяются въ новыхъ домахъ: въ Москвѣ, за Бѣлой стѣной, есть особый рынокъ разныхъ построекъ, и тамъ стоитъ множество совсѣмъ сложенныхъ и разобранныхъ домовъ, которые покупаются, перевозятся съ небольшими издержками на мѣсто и быстро устанавливаются.

Улицы въ Москвѣ довольно широки, но осенью и вообще въ дождливую погоду ужасно грязны, и грязь тамъ глубокая; по этому лучшія улицы выложены деревянной мостовой, состоящей изъ положеныхъ одно подлѣ другого бревенъ, по которымъ ходятъ и ѣздятъ, какъ по мосту.

Весь городъ Москвичи раздѣляютъ на 4 главныя части (округа): первый изъ нихъ называется Китай городъ, т. е., средній городъ, по тому что онъ занимаетъ самое середнее мѣсто города, обозначенное по рисункѣ буквою B; онъ обведенъ толстою красною каменною (изъ краснаго кирпича?) стѣною, которая и называется «Красная стѣна «(Crasna stenna). Съ южной стороны, какъ выше сказано, онъ замыкается рѣкою Москвою (Musska), а съ сѣверной рѣкой Неглинной (Neglina), которая позади Кремля соединяется съ рѣкою Москвою. Почти половину этой части города занимаетъ Великокняжескій замокъ Кремль (Schloss Krämelin), который величиною съ порядочный городъ, обведенъ тройной толстой каменной стѣною и глубокимъ рвомъ и достаточно снабженъ отличнымъ оружіемъ и воинами. Внутри стѣнъ находится много богатыхъ каменныхъ зданій, палатъ (дворцовъ) и церквей, занимаемыхъ и посѣщаемыхъ Великимъ Княземъ, Патріархомъ, важнѣйшими Государственными Совѣтниками и Боярами. Хотя прежній Великій Князь, Михаилъ Ѳедоровичъ, бывшій еще въ живыхъ тогда, когда мы были въ Москвѣ, и выстроилъ хорошія каменныя палаты, а для сына своего, теперешняго Великаго Князя, великолѣпнѣйшій дворецъ и палаты въ Итальянскомъ родѣ, но самъ, какъ говорили намъ, ради здоровья, жилъ въ деревянномъ дворцѣ. Нынѣшній Патріархъ также выстроилъ, для помѣщенія своего, великолѣпнѣйшій дворецъ, который развѣ не много чѣмъ будетъ похуже Великокняжескаго.

Кромѣ двухъ монастырей, мужескаго и женскаго, насчитывается въ немъ до 50 каменныхъ церквей, изъ которыхъ замѣчательнѣйшія и самыя большія: Св. Троицы, Св. Маріи (Успенія), Св. Михаила (въ немъ погребаются Великіе Князья) и Св. Николая. Въ одной изъ этѣхъ церквей, находящейся на лѣвой сторонѣ (мимо которой мы проходили на представленіе), есть огромной величины двери, о двухъ створахъ, всѣ обитыя толстымъ листовымъ серебромъ.

Всѣ эти, равно какъ и всѣ другія каменныя церкви по всей странѣ, имѣютъ по 5 бѣлыхъ башенъ (главъ), на вершинахъ которыхъ водружены тройные кресты; словомъ, церкви эти формою и видомъ такія, какая изображена на прилагаемомъ рисункѣ, гдѣ можно видѣть вѣрный снимокъ съ церкви, находящейся въ Бѣлой стѣнѣ. Но въ Кремлѣ церковныя главы покрыты гладкою крѣпко золоченою жестью, которая при солнечномъ свѣтѣ ярко блеститъ и тѣмъ придаетъ всему городу снаружи великолѣпный видъ, такъ что нѣкоторые изъ насъ, когда въѣзжали въ городъ, говорили: «Снаружи городъ кажется Іерусалимомъ, внутри же онъ Виѳлеемъ.»

На самой срединѣ площади въ Кремлѣ стоитъ чрезвычайно высокая колокольня, называемая Иванъ Великій (Gross Hans), глава которой обита упомянутой сейчасъ золоченой жестью, а на самой колокольнѣ множество колоколовъ. Рядомъ съ этой стоитъ другая колокольня, на которой вылитъ самый большой колоколъ, вѣсомъ въ 356 центнеровъ, при Великомъ Князѣ Борисѣ Годуновѣ (Boris Gudenow). Въ этотъ колоколъ звонятъ только во время большихъ торжествъ или въ праздники (Brasnick), какъ называютъ ихъ Русскіе, а также при встрѣчѣ Великихъ Пословъ и при шествіи ихъ на торжественное представленіе; для звона употребляются 24 человѣка, и даже болѣе, которые стоятъ на площади внизу и, ухватившись за небольшія веревки, привязанныя къ двухъ длиннымъ канатамъ, висящимъ по обѣимъ сторонамъ колокольни, звонятъ такимъ образомъ всѣ вмѣстѣ то съ одной, то съ другой стороны.

Но при этомъ нужно звонить осторожно, чтобы избѣгнуть сильнаго сотрясенія колокольни и возможной опасности отъ ея

паденія; для этого на верху у самаго колокола тоже стоятъ нѣсколько человѣкъ, которые помогаютъ приводить въ движеніе языкъ колокола.

Въ этомъ же Кремлѣ находятся Великняжескія казнохранилища, продовольственые и пороховые дома.

Внѣ Кремля, въ части Китай городъ, съ правой стороны большихъ Кремлевскихъ воротъ, стоитъ искусно построенная церковь Св. Троицы (S. Trois), строитель которой, по окончаніи ея, былъ ослѣпленъ, по приказанію тирана, съ тою цѣлію, чтобы онъ уже не могъ сдѣлать другой подобной. Церковь эту я старательно срисовалъ и снимокъ ея находится выше на 45 страницѣ. [7]

Не далеко отъ этой церкви находится упомянутая мною на 60 стран. площадь, на которой прямо на землѣ лежатъ несдвигаемо два огромныхъ металлическихъ куска, по направленію къ большой улицѣ, черезъ которую Татары обыкновенно дѣлали свои вторженія. Передъ Кремлемъ находится самой большой и лучшій рынокъ во всемъ городѣ, полный по цѣлымъ днямъ торговцевъ, мужчинъ и женщинъ, рабовъ и праздношатающагося народу; не далеко отъ площади, тамъ, гдѣ на помянутомъ рисункѣ изображены Великій Князь и Патріархъ, торговки имѣютъ свои лавочки съ полотняными товаромъ; нѣкоторыя изъ торговокъ, стоя, торгуютъ мелкими вещами, держатъ во рту перстни, обыкновенно съ бирюзою, продаютъ ихъ, при чемъ, какъ сообщали мнѣ, нѣкоторыя изъ нихъ торгуютъ еще и кое-чѣмъ другимъ.

На рынкѣ и въ сосѣднихъ съ нимъ улицахъ устроены извѣстныя мѣста и лавки для всякаго рода товаровъ и промышленныхъ издѣлій, такъ что въ одномъ мѣстѣ можно найти только одинаковые товары. Продавцы шелковыхъ, суконныхъ товаровъ, золотыхъ дѣлъ мастера, сѣдельники, сапожники, портные, скорняки (Bundtacher oder Körszner), шапочники и другіе, каждый имѣютъ свои особыя улицы, въ которыхъ и торгуютъ своими товарами. Такой порядокъ очень удобенъ, по тому что каждый

[7] Подлинника. Это Покровскій Соборъ или Василій Блаженный. О. Б.

знаетъ, куда ему ити и гдѣ онъ можетъ купить то, или другое. Не далеко же отъ Кремля, въ улицѣ, идущей на право, находится ихъ иконный рядъ, гдѣ исключительно продаются писанные образа ихъ древнихъ Святыхъ. Русскіе, впрочемъ, куплю иконъ не называютъ куплею, а говорятъ, что они вымѣниваютъ ихъ на деньги. и при этомъ большого запроса не бываетъ.

Далѣе на право, когда пойдешь отъ Посольскаго двора въ Кремль, есть особая площадка, на которой Русскіе во время хорошей погоды сидятъ подъ открытымъ небомъ, брѣются и стригутся. Рынокъ этотъ, называемый у нихъ Вшивый (Lausemarckt), до такой степени устланъ толстымъ слоемъ волосъ, что ходишь по немъ точно по подушкѣ.

Въ этой части живутъ также лучшіе и знатнѣйшіе гости или купцы, а равно и нѣкоторые изъ Московскихъ Князей.

Другой округъ города, называемый Царьгородъ (Zaar gorod), лежитъ въ формѣ полумѣсяца, окруженъ также крѣпкой каменной стѣной, которую Русскіе называютъ Бѣлая стѣна (Biela stenna), и посреди его течетъ рѣка Неглинная. Здѣсь живутъ многіе Бояре и Московскіе Князья, Боярскія Дѣти (Sin bojaren), или Благородные люди (Edelleute), важнѣйшіе граждане и купцы, которые ведутъ торговлю въ разныхъ мѣстахъ по всей странѣ; кромѣ того, здѣсь живутъ всякого рода промышленники, преимущественно же хлѣбники. Тутъ же находятся сѣмянныя и мучныя лавки, мясныя, скотный рынокъ, кабаки съ продажею пива, меда и водки. Въ этомъ округѣ находится и конюшня Его Царскаго Величества, а равно и Монетный или Литейный дворъ стоящій на мѣстѣ, называемомъ Поганый Прудъ (Poggana brut), при рѣчкѣ Неглинной, на которомъ выливается множество пушекъ и большіе колокола. До этого времени Русскіе имѣли у себя одного искуснаго мастера, по имени Ганса Фалькена (Hans Falcken) изъ Нюренберга, отъ котораго нѣкоторые изъ нихъ только наглядкою выучились отливать довольно изрядно. Гансъ Фалькенъ особымъ пріемомъ отливалъ такія пушки, что изъ нихъ безопасно можно было стрѣлять 26 фунтовыми ядрами, количествомъ пороху въ 25 фун.; этимъ мастерствомъ онъ до того прославился

въ Голландіи, что о немъ печатали тамъ въ Меттерановой Типографіи (или изданіи?).

Третья часть города Москвы называется Скородомъ (Skorodom), самая крайняя, простирающаяся на сѣверъ, востокъ и западъ около Царьгорода; она имѣла нѣкогда, до сожженія города Татарами, какъ говорятъ, до 25 верстъ или 5 Нѣмецкихъ миль въ окружности. Рѣка Яуза (Jagusa) протекаетъ эту часть города и впадаетъ въ рѣку Москву. Въ этой же части города находится дровяной и, упомянутый выше, домовой рынокъ, на которомъ можно купить домъ и въ два дня выстроить его совершенно готовымъ на другомъ мѣстѣ города, по тому что продающіяся бревна всѣ заготовлены, пригнаны другъ къ другу, и ихъ стоитъ только сложить на новомъ мѣстѣ и проконопатить мохомъ.

Четвертая часть города называется Стрѣлецкая Слобода (Strelitza Slawoda): она лежитъ въ южной части, за Москвой рѣкой, въ сторону къ Татарской землѣ, окружена заборами на подобіе частокола или изгороди изъ кольевъ, и деревянными болъверками. Часть эта построена отцемъ тирана, Василіемъ, для иноземныхъ волновъ: Поляковъ, Литовцевъ и Нѣмцевъ, и названа Налейки (Naleiki), именно по причинѣ господствующаго тамъ пьянства; ибо слово «Налей!» (Nali) значитъ у Русскихъ: поднеси! Это особое помѣщеніе для иноземныхъ войскъ устроено по тому, что иноземцы преданы пьянству еще болѣе Москвитянъ, и такъ какъ нельзя было надѣяться, чтобы искоренить въ нихъ привычку, такъ давно ими усвоенную и сдѣлавшуюся даже ихъ врóжденнымъ порокомъ, то имъ и предоставили полную свободу пить; а чтобы Русскіе не могли заразиться дурнымъ примѣромъ (хотя, впрочемъ, и они очень наклонны къ обжорству и пьянству, и у нихъ только нѣсколько дней въ году, именно, въ самые большіе праздники, пьянство строго воспрещается), то положено, чтобы горькіе пьяницы жили уже одни, за рѣкою: такъ объясняется это у Герберштейна, на 46 стр. in «Commentario rerum Moscovitarum,» и у Гваньина (Gwagnino). Теперь же въ этомъ округѣ живутъ стрѣльцы или солдаты, состоящіе на службѣ у Его Царскаго Величества, и другой черный (простой) народъ.

Внутри и внѣ стѣнъ города Москвы находится множество церквей, часовенъ и монастырей. Въ 1-мъ изданіи я опредѣлилъ число ихъ до 1500, что показалось удивительнымъ и даже невѣроятнымъ Іоанну Людвигу Готфриду въ его «Archontologia Cosmica», стр. 467; но я показалъ тогда еще мало, какъ дознался я это потомъ изъ дальнѣйшихъ вѣрныхъ извѣстій, частію отъ нашихъ соотечественниковъ, нѣсколько лѣтъ уже прожившихъ въ Москвѣ, частію же отъ самихъ Москвитянъ, которые въ прошедшемъ году жили у насъ, въ Голштиніи, нѣсколько времени при поимкѣ плѣнника ихъ, ложнаго Шуйскаго (Falschen Zuski), и съ которыми я ежедневно видѣлся и бесѣдовалъ. Этѣ-то лица единогласно сообщили мнѣ, что въ городѣ Москвѣ находится болѣе 2000 церквей, монастырей и часовенъ.

Почти черезъ каждые пять домовъ тамъ стоитъ часовня (Capelle). Теперь же каждый большой Бояринъ строитъ себѣ свою часовню, содержитъ на свой счетъ собственнаго своего Священника, и одинъ съ домочадцами своими слушаетъ у себя Божественную службу. По приказанію теперешняго Патріарха, въ слѣдствіе часто случающихся пожаровъ, большая часть часовенъ деревянныхъ сломаны, и на мѣсто ихъ повыстроены каменныя; но онѣ небольшія и нѣкоторыя внутри не выше 15 футовъ. Сказаннаго здѣсь о городѣ Москвѣ пока будетъ довольно.

Такъ какъ Архангельскъ (Archangel) также важный торговый городъ, и о немъ, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ еще писано не было, то здѣсь я хочу сказать и о немъ нѣсколько словъ.

На картѣ и въ атласѣ городъ этотъ называется Св. Михаиломъ Архангеломъ, Русскіе же называютъ его просто Архангельскъ; лежитъ онъ высоко на сѣверѣ, въ Двинской области, при рѣкѣ того же имени, Двинѣ, и въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ рѣка раздѣляется и, обтекая своими рукавами островъ Пудожемскъ (Podesemski), впадаетъ въ Бѣлое море

Городъ и входъ въ него еще не стары. и прежде корабли входили въ лѣвый рукавъ Двины, у монастыря Св. Николая, отъ котораго и самое мѣсто это называлось пристанью Св. Николая,

какъ это можно видѣть у Петрея на стр. 65. Но такъ какъ отъ наносимаго постоянно песку устье лѣваго рукава обмелѣло, а въ правомъ оно было глубже, то стали плавать больше по правому рукаву, и при немъ-то построили и самый городъ.

Городъ самъ хотя и не великъ, но весьма замѣчателенъ множествомъ живущихъ въ немъ купцовъ и морскою торговлею. Сюда пріѣзжаютъ Голландскіе, Англійскіе и Гамбурскіе корабли со всевозможными товарами. Къ тому времени съѣзжаются туда и купцы изъ внутренней стороны, особенно Нѣмцы изъ Москвы, и зимою на саняхъ, съ своими товарами, снова возвращаются домой.

Теперешній Великій Князь, наложилъ на товары, привозимые въ этотъ городъ, большую пошлину, которую собираетъ Воевода, живущій тамъ въ замкѣ или кремлѣ.

Такъ какъ пошлина эта довольно тягостна для купцовъ и напротивъ, пошлина, взимаемая Его Величествомъ, Королемъ Шведскимъ, съ товаровъ, идущихъ чрезъ Ливонію въ Нарву, простирается только до 2 процентовъ со ста, то полагаютъ, что Архангельская торговля упадетъ и обратится къ Балтійскому морю чрезъ Ливонію, тѣмъ болѣе, что сдѣсь и путь безопаснѣе вездѣ, чѣмъ въ Архангельскѣ.

Не далеко отъ Архангельска, на Бѣломъ морѣ, въ одномъ заливѣ или углѣ, лежатъ, не вдалекѣ другъ отъ друга, три острова, изъ которыхъ найбольшій называетя Соловка (Solofka), другой Анзеръ (Anger), и третій Косова (Cosowa). [8] На Соловецкомъ островѣ есть монастырь, въ которомъ погребенъ одинъ изъ Русскихъ Святыхъ. Этого Святаго Великій Князь, по просьбѣ Патріярха, годъ тому назадъ велѣлъ вырыть и перевезти въ Москву,

[8] Извѣстно, что Соловки состоятъ изъ 6 островъ: собственно Соловка, Анзеръ (или Колгуй), два Муксальмы (Сиговы) и два Заячьи. А какъ зайца народъ въ шутку зоветъ еще Косой, то, вѣроятно, отсюда и у Олеарія названіе 3-го острова Cosova, т. е., островъ Косова (косого), подслушанное имъ въ народѣ. О. Б.

о чемъ тогда было много толковъ въ народѣ. [9] Нѣкоторые разсказываютъ, что прежніе Великіе Князья поперевозили на этотъ островъ высокій, скалистый и весьма недоступный, богатѣйшія сокровища.

На расположеніе этого мѣста и на въѣздъ съ моря я получилъ планъ или чертежъ, отъ одного добраго моего друга, который, совершивъ туда нѣсколько поѣздокъ, отлично знаетъ всю тамошнюю сторону. Чертежъ этотъ я предлагаю здѣсь моему благосклонному читателю, любителю топографіи. [10]

ГЛАВА II.

О свойствѣ воздуха, грозы (бури), о качествѣ почвы, о растеніяхъ и садахъ страны.

Воздухъ, климатъ и качество земли въ Великомъ Княжествѣ, по множеству различныхъ облытей, лежащихъ не далеко другъ

---

[9] Рѣчь идетъ о Митрополитѣ Филиппѣ (изъ роду Бояръ Колычевыхъ), бывшемъ сперва Игуменомъ въ Соловецкомъ монастырѣ (съ 1548), а въ 1566 г. Митрополитомъ Московскимъ, сосланномъ за увѣщанія Царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ Тверской Отрочъ монастырь, гдѣ и былъ задушенъ Малютой Скуратовымъ, по приказанію Царя, 9-го Генваря (по однимъ въ 1569, по другимъ 1570, и по третьимъ 1572 году); въ 1584 же году онъ былъ, по просьбѣ Соловецкихъ иноковъ, перенесенъ Игуменомъ Іяковомъ въ ихъ обитель, а изъ нея, въ 1652 году, Іюля 3 дня, по желанію Митрополита Никона, въ Москву и поставленъ въ соборной Успенской церкви; впрочемъ, часть его мощей оставлена въ прежней ракѣ, въ Соловкахъ. А какъ Олеарій говоритъ, что это произошло за годъ передъ симъ, т. е., когда онъ писалъ, то изъ сего открывается, что замѣчаніе это сдѣлано было имъ въ 1653 году. Мощи Святителя Филиппа, по перенесеніи изъ Отроча монастыря въ Соловецкій, дѣйствительно сперва были преданы землѣ при церкви Зосимы и Савватія, подъ папертью, откуда, въ 1646 году, Игуменъ Илія изялъ ихъ изъ земли, перенесъ въ соборную церковь Преображенія Господня и поставилъ въ ракѣ противъ праваго крылоса, въ углу, Мая 30 дня. О. Б.

[10] Т. е., при подлинникѣ. О. Б.

отъ друга и въ различныхъ климатахъ, не одинаковы. Что касается до самаго Московскаго Княжества и пограничныхъ съ нимъ мѣстностей, то вообще тамъ свѣжій, здоровый воздухъ и, какъ пишутъ и говорятъ сами Русскіе, тамъ рѣдко слышатъ о какихъ ни будь заразительныхъ болѣзняхъ, или большой смертности, а также и люди тамъ доживаютъ вообще до глубокой старости. По этому въ высшей степени удивительно, что въ 1654 году, во время войны за Смоленскъ, въ Москвѣ открылись, и теперь еще продолжаются, такой заразительный воздухъ и такая сильная язва или моръ, что люди, выходящіе, по ихъ мнѣнію, изъ дому совершенно здоровые, падаютъ на улицахъ и умираютъ. Это было причиной, что въ Москву запрещенъ былъ въѣздъ и выѣздъ изъ нея.

Зимою вообще по всей Россіи такая сильная стужа, что едва можно укрыться отъ нея, и тамъ не рѣдко отмораживаютъ себѣ носъ, уши, руки и ноги. Въ бытность нашу въ первый разъ въ Москвѣ, въ 1634 году, была такая суровая зима, что на рынкѣ передъ Кремлемъ отъ морозу образовалась въ землѣ трещина, длиною въ 20 саженъ и шириною въ четверть локтя; никто изъ насъ не могъ пройти по улицѣ съ открытымъ лицомъ и 50 шаговъ безъ того, чтобы ему не показалось, что онъ отморозилъ себѣ носъ и уши. Я нашелъ также справедливымъ, какъ нѣкоторые писали, и то, что капля воды, или слюна, выплюнутая изъ рта, замерзаетъ прежде, чѣмъ упадетъ на землю.

Хотя зимою тамъ такой сильный холодъ, тѣмъ не менѣе весною трава и листья быстро зеленѣютъ и вообще во время произрастенія и созрѣванія растительность тамъ не уступаетъ нашей Германіи. Такъ какъ снѣгъ тамъ всегда выпадаетъ въ обиліи и глубокій, то вся земля и кустарникъ покрываются какъ бы одною одеждою, которая и защищаетъ ихъ отъ сильныхъ морозовъ.

По причинѣ такихъ сильныхъ морозовъ и глубокаго снѣгу по всей Россіи и Ливоніи, тамъ весьма удобно ѣздить на Русскихъ саняхъ, которыя низки и дѣлаются изъ лубка или листовой коры. Нѣкоторые изъ насъ такія сани обивали войлокомъ, клали за тѣмъ въ нихъ овечьи длинные тулупы, которые вообще тамъ довольно дешевы, а посверхъ саней покрывались опять вой-

локомъ, или шерстянымъ одѣяломъ, и, устроившись такъ, мы въ самые большіе морозы ѣхали, везомые крестьянами, въ совершенномъ теплѣ, даже потѣли и преспокойно спали на дорогѣ.

Къ такой скорой ѣздѣ удобны также и Русскіе лошади, которыя хотя и малорослы, но бѣгутъ быстро и привыкли дѣлать въ одну упряжку по 8, 10, а иногда и по 12 миль, какъ ѣздилъ я самъ на нихъ два раза по дорогѣ отъ Твери до Торжка. Впрочемъ, дорога въ этомъ мѣстѣ, также какъ почти и во всей Россіи, не представляетъ ни особенныхъ горъ, ни долинъ между ними.

По всему этому тамъ можно весьма скоро дѣлать далекія поѣздки и съ самыми небольшими издержками. Такъ, за 2, за 3, или самое большое за 4 рейхсталера крестьянинъ везетъ цѣлыя 50 Нѣмецкихъ миль, какъ это однажды случилось со мною, когда за такую плату провезли меня изъ Ревеля въ Ригу, разстояніемъ 50 Нѣмецкихъ миль.

Какъ сильны морозы зимою, такъ, напротивъ, велики бываютъ жары лѣтомъ, которые весьма тятостны для путешественниковъ, не только палящими лучами солнца во время дня, но и множествомъ комаровъ, порождаемыхъ солнечною теплотою изъ болотъ, лежащихъ почти по всей Россіи, отъ которыхъ нельзя ни на мгновенье оставаться въ покоѣ ни днемъ, ни ночью. По этому ночью ложатся спать либо по близости къ разложенному огню, либо же подъ сѣткою отъ комаровъ, какъ сказано было уже объ этомъ выше.

Хотя обширная страна Русская тамъ и сямъ покрыта кустарникомъ, обильна лѣсомъ, большею частію еловымъ, березовымъ и орѣшникомъ, хотя она довольно пустынна и болотиста, тѣмъ не менѣе, по причинѣ добраго качества почвы, земля въ ней, при небольшой обработкѣ, чрезвычайно плодородна (за исключеніемъ немногихъ миль около города Москвы, гдѣ почва песчаная), и родитъ рожь и пшеницу въ громадномъ изобиліи. Сами Голландцы признаютъ это и разсказываютъ, что во время бывшей у нихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ дороговизны хлѣба, Россія помогла имъ самымъ лучшимъ образомъ. Рѣдко

услышишь, чтобы въ Россіи была дороговизна на хлѣбъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ страны, гдѣ нѣтъ ни какого сбыту хлѣба, земля не обработывается вовсе, хотя бы и была удобна къ тому, и лишняго запаса хлѣба не дѣлаютъ, довольствуясь тѣмъ, что нужно на годовой запасъ; ибо каждый знаетъ, что всякій годъ соберетъ свою богатую жатву. Отъ этого бездна прекрасной, плодоносной земли оставляется безъ воздѣлыванія, какъ это видѣлъ я самъ, когда мы проѣзжали нѣкоторыя мѣстности черноземной, жирной почвы, поросшей такою высокою травой, которая достигала по самое брюхо лошадей, и траву эту, такъ какъ она тамъ въ изобиліи, никто не собираетъ и не употребляетъ для корма скота.

Удивительно, какъ разсказывали намъ въ Нарвѣ, что тамъ, на Русской сторонѣ, тотчасъ за рѣкой, земля гораздо доброкачественнѣй и все тамъ растетъ скорѣе и лучше, чѣмъ по эту сторону рѣки Нарвы, въ Алентакенѣ, хотя между обѣими почвами протекаетъ только рѣка. Въ этомъ мѣстѣ, въ Ижоріи, также какъ въ Карелiи, Россіи и Ливоніи на сѣверъ, земледѣлецъ сѣетъ сѣмя въ землю за 3 недѣли до Иванова дня, которое за тѣмъ, въ слѣдствіе постоянно увеличивающагося жара отъ солнца, едва касающагося небосклона при закатѣ, видимо произрастаетъ и созрѣваетъ такъ что въ продолженіи 7, много 8, недѣль сѣмя сѣется и сжинается (собирается). Если бъ крестьяне захотѣли засѣвать ранѣе, то, по промерзлости еще земли и холоднымъ вѣтрамъ, сѣмя не дало бы ни какого росту и урожая.

Русскіе въ уборкѣ хлѣба имѣютъ передъ Ливонцами то преимущество, что послѣ жатвы и молотьбы они обыкновенно сухое зерно прямо ссыпаютъ въ сараи, или кучи; Ливонцы же, напротивъ, должны жатву свою сушить жаромъ огня. Для этого въ каждомъ помѣстьи строются особые сараи, или дома, называемые у нихъ ригами; въ нихъ-то на балкахъ раскладывается хлѣбъ еще въ соломѣ и просушивается такимъ образомъ теплотою, или жаромъ отъ огня, разложеннаго въ печи, устроенной на подобіе пекарни, и часто случается, что такія риги и съ находящимся въ нихъ хлѣбомъ сгараютъ до тла. Но хлѣбъ, нѣсколько долго пролежавшій на такихъ балкахъ и чрезъ мѣру вы-

сохшій, уже не даетъ такихъ хорошихъ сѣмянъ для посѣва, какъ тотъ, который высохъ самъ собою.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и особенно въ Москвѣ, есть также и превосходныя садовыя произрастенія, яблони, груши, вишни, сливы и смородина. Въ этомъ отношеніи мы находимъ совсѣмъ не то, что писали о Россіи Герберштейнъ, Гваньино и другіе, которые говорятъ, что въ ней, именно по причинѣ большихъ холодовъ, нельзя будто бы найти ни какого плода, ни вкуснаго яблока. Между прочими хорошими родами яблоковъ, въ Россіи есть еще одинъ такой нѣжный и бѣлый, что если такое яблоко держать на свѣтъ противъ солнца, то внутри его можно видѣть зерна. Но хотя на видъ и вкусъ яблоко это очень хорошо, за то, отъ чрезвычайной сочности и нѣжности, оно не можетъ сохраниться такъ долго, какъ яблоки въ Германіи.

Есть тамъ и разнаго рода овощи, въ особенности спаржа, толщиною въ большой палецъ, какую я самъ ѣлъ въ Москвѣ у одного Голландскаго купца, добраго моего пріятеля; также хорошіе огурцы, лукъ и чеснокъ въ огромномъ количествѣ. Лактука и другого салата Русскіе никогда не разводятъ, и тѣмъ болѣе не ѣдятъ, но еще смѣются надъ Нѣмцами, когда видятъ, что они ѣдятъ салатъ, говоря, что они ѣдятъ траву; въ настоящее время, впрочемъ, нѣкоторые изъ Русскихъ также начинаютъ ѣсть и салатъ. Дыни вездѣ сажаютъ въ большомъ количествѣ и разведеніемъ ихъ многіе занимаются для торговли и для доставленія пищи. Тамошнія дыни не только растутъ въ большомъ количествѣ, но и громадныхъ размѣровъ, чрезвычайно вкусны и сладки, такъ что ихъ можно ѣсть безъ сахару. Такую дыню, вѣсомъ въ пудъ, т. е., въ 40 фун., подарилъ мнѣ на дорогу одинъ мой хорошій пріятель въ 1643 году, когда я уѣзжалъ изъ Москвы.

Русскіе владѣютъ особеннымъ умѣньемъ и искуствомъ разводить и выращивать дыни, о чемъ довольно вѣрно говорится отчасти у Герберштейна на стр. 45-й. Они мочатъ сперва сѣмена въ сладкомъ молокѣ, а нѣкоторые въ настоѣ дождевой воды, размѣшивая въ ней старый овечій пометъ, за тѣмъ берутъ конскій по-

метъ, перемѣшиваютъ его хорошенько съ соломой, настилаютъ этотъ слой навоза въ землѣ, вырытой локтя на два глубиною, и все это прикрываютъ хорошей землей, въ которой проводятъ ровныя борозды, въ полъ локтя шириною. Въ этѣ-то борозды кладутъ сѣмена, которыя такимъ образомъ получаютъ теплоту съ низу отъ навоза, а съ прочихъ сторонъ отъ солнечнаго жара; на ночь, для защиты отъ инея и мороза, грядки покрываютъ рамками, въ которыхъ, вмѣсто стеколъ, употребляется слюда; такъ оставляютъ посадку сѣменъ часто на нѣсколько дней. Потомъ обрѣзываютъ ростки, пошедшіе въ сторону (боковые ростки), и въ извѣстное время кончики усиковъ. Такимъ образомъ Русскіе помогаютъ росту дынь своимъ прилежаніемъ и терпѣніемъ.

Разсказывали намъ также, что тамъ, за Самарой, между рѣками Волгою и Дономъ, растетъ рѣдкій видъ дыни, или скорѣе тыквы, которая величиной и родомъ похожа на обыкновенныя дыни, наружностью же походитъ какъ бы на ягненка, имѣя весьма ясно очертанные члены его, и Русскіе по этому называютъ ее баранецъ (Boranetz). Стебель этой дыни начинается, какъ обыкновенно, тотчасъ у пупочка, но самая дыня, которая во время росту перемѣняетъ мѣсто на такое разстояніе, какъ только дозволяетъ это стебель, куда ни обратится, вездѣ высушиваетъ траву, и Русскіе говорятъ, что эта дыня пожираетъ траву. Когда плодъ созрѣетъ, то стебель засыхаетъ, самый же плодъ покрывается курчавой шерстью, какъ у ягненка, и шерсть эту, какъ разсказываютъ, можно выдѣлывать и приготовлять къ употребленію противъ холода. Въ Москвѣ намъ показывали нѣсколько кусочковъ этой шерсти, вырванныхъ изъ одѣяла, и выдавали намъ за шерсть дыни баранецъ; шерсть эта была нѣжна и курчава, какъ шкурка ягненка, вырѣзаннаго изъ брюха матки (мерлушка), или недавно рожденнаго. Скалигеръ, въ своемъ «Exerc.» 181, также упоминаетъ объ этомъ плодѣ, что будто онъ бываетъ въ полномъ ростѣ во все время, пока вокругъ него есть трава и зелень, какъ и ягненокъ на полномъ лугу, при недостаткѣ же травы онъ портится и пропадаетъ. Русскіе же говорятъ, что въ такомъ случаѣ плодъ этотъ скоро созрѣетъ. Должно быть справедливо и то, что Скалигеръ пишетъ далѣе, яко бы одни только волки, и ни какой другой звѣрь, охотники до этого плода, и даже на немъ ловятся.

Хорошей зелени и цвѣточныхъ растеній въ прежніе годы въ Россіи было не много. Но прежній Великій Князь, предшѣственникъ настоящаго, вскорѣ по прибытіи нашемъ въ Москву, приказалъ устроить свой садъ и украсить его всевозможными дорогими растеніями и цвѣтами. До этого времени не знали также тамъ о хорошей, полной розѣ, довольствуясь и украшая сады свои просто дикою розою или шиповникомъ. Назадъ тому только нѣсколько лѣтъ, одинъ знатный купецъ, Петръ Марцелій привезъ въ Москву первыя полныя садовыя розы изъ Готторфскаго сада моего Милостивѣйшаго Князя и Государя, и розы эти принялись тамъ какъ нельзя лучше.

Ни Грецкаго орѣха, ни винограда въ Москвѣ нѣтъ; но вино разнаго рода и въ большомъ количествѣ привозится туда черезъ Архангельскъ на Голландскихъ и другихъ корабляхъ; въ послѣднее же время оно доставляется и изъ Астрахани, гдѣ теперь даже и выдѣлывается вино, какъ будетъ сказано объ этомъ ниже.

Изъ всего сказаннаго ясно видно, что недостатокъ въ Россіи нѣкоторыхъ плодовъ и растеній должно приписывать не свойству почвы и воздуха, но нерадѣнію, или невѣдѣнію, ея обитателей.

Въ произведеніяхъ земли, составляющихъ необходимыя потребности жизни, вообще въ Россіи нѣтъ недостатка. Пенька и ленъ воздѣлываются тамъ въ огромномъ количествѣ, по чему и полотно въ Россіи чрезвычайно дешево.

Медъ и воскъ, находимые вездѣ въ лѣсахъ, тамъ въ такомъ изобиліи, что Русскіе, кромѣ того, что потребляютъ сами первый на варку напитка медоваго, а второй на восковыя свѣчи, для домашняго обиходу и при Богослуженіяхъ (послѣднее употребленіе весьма значительно), но излишекъ огромными частями продаютъ въ другія земли. Товаръ этотъ главнымъ образомъ идетъ чрезъ Псковъ.

Вся Россія, равно какъ и Ливонія, повсемѣстно, за исключеніемъ пространствъ, выженныхъ подъ хлѣбныя поля, по-

крыта кустарникомъ и лѣсами; отъ того тамъ бездна всякой лѣсной дичи, птицъ и звѣрей Пернатая дичь, водящаяся тамъ въ громадномъ числѣ, не считается за рѣдкость и не цѣнится такъ высоко, какъ у насъ: тетеревовъ, разныхъ рябчиковъ, куропатокъ, дикихъ гусей и утокъ, журавлей, лебедей тоже, а мелкихъ птицъ, какъ дроздовъ, жаворонковъ, рябчиковъ и проч., хоть ихъ и бездна, считаютъ не стоящими того, чтобы ловить ихъ и употреблять въ пищу. Аистовъ же нѣтъ ни въ Россіи, ни въ Ливоніи.

Лѣса богаты всякаго рода дикихъ звѣрей, за исключеніемъ оленей, которыхъ тамъ или вовсе нѣтъ, или, какъ увѣряютъ нѣкоторые, встрѣчаютъ весьма рѣдко. Лось, дикая свинья и заяцъ вездѣ во множествѣ. Зайцы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а въ Ливоніи вездѣ, лѣтомъ сѣрые, а зимою бѣлые, какъ снѣгъ.

Замѣчательно, что въ Куроніи, граничащей съ Ливоніей и отдѣляющейся отъ нея только р. Двиною, зайцы и зимою остаются сѣрые. По этому, если иногда, когда Двина уже замерзнетъ, поймаютъ въ Ливоніи такого зайца, то его называютъ Куронскимъ перебѣжчикомъ.

Причина такой перемѣны цвѣта заключается въ темпераментѣ (въ сложеніи), такъ какъ цвѣтъ волосъ слѣдуетъ цвѣту темперамента животнаго, какъ говоритъ Целій Родигинъ (Caelius Rodiginus): «Capilli imitantur humoris colorem, unde alimenta trahunt.» Этѣ звѣри въ Россіи, въ слѣдствіе болотистой, сырой почвы, имѣютъ болѣе флегматическую, сырую и холодную природу, чѣмъ наши; по этому, когда настаетъ наружный холодъ, какъ зимою, когда «hiems habet vim et naturam phlegmatis,» какъ говоритъ Авицена въ «Cantitis,» то они бѣлѣютъ; ибо бѣлый цвѣтъ происходитъ отъ холода («albus capillus innuit frigidam complexionem,» замѣчаетъ Аверроесъ (Averroes) о помянутомъ сей часъ мѣстѣ Авицены), точно такъ, какъ черный отъ жара. Когда же лѣтомъ настаетъ опять теплый и сухой воздухъ, какъ это бываетъ тамъ обыкновенно, тотчасъ вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняются и ихъ темпераментъ (сложеніе) и цвѣтъ. Припомню сдѣсь то, что я слышалъ отъ покойнаго моего тестя, въ Ливоніи:

лѣтомъ, къ свадьбѣ одного изъ своихъ сыновей, онъ велѣлъ наловить зайцевъ, посадить ихъ въ погребъ, и тамъ кормить (это было въ его имѣніи, Кундѣ, между Ревелемъ и Нарвою); чрезъ нѣсколько недѣль зайцы эти измѣнили свою сѣрую шерсть на бѣлую, какъ бы въ зимнее время; изъ этого ясно можно видѣть причину перемѣны ими цвѣта шерсти.

Кромѣ этихъ, употребляемыхъ въ пищу, въ Россіи водится множество хищныхъ, нечистыхъ дикихъ звѣрей: медвѣдей, волковъ, рысей, тигровъ, лисицъ, соболей и куницъ, мѣхами которыхъ Русскіе ведутъ значительную торговлю.

Такъ какъ выше сказано, что въ Россіи повсюду находятся богатыя пастбища, то тамъ во множествѣ разводятъ и домашній скотъ: коровъ, быковъ и овецъ, которые продаются тамъ весьма дешево.

Однажды, во время перваго нашего путешествія, мы купили въ Ладогѣ жирнаго, хотя и не крупнаго, быка (въ Россіи вообще скотъ рогатый не крупенъ), за 2 талера, а овцу за 10 копѣекъ или пять Мишенскихъ грошей (Meinische).

Текущія рѣки и стоячія воды въ озерахъ, которыхъ въ Россіи множество, изобилуютъ до чрезвычайности всякаго рода рыбою, за исключеніемъ карповъ, которыхъ нѣтъ и въ Ливоніи. Въ Астрахани, впрочемъ, мы видѣли карповъ много и необыкновенной величины, и покупали тамъ ихъ по шиллингу за штуку; они ловятся тамъ въ Волгѣ, но имѣютъ грубое, жесткое мясо и на вкусъ не особенно пріятное.

Изъ добываемаго въ нѣдрахъ земли самое замѣчательнѣйшее произведеніе составляетъ слюда, которую въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ находятъ въ каменоломняхъ и во всей Россіи употребляютъ вмѣсто стеколъ.

Во всей Россіи прежде не было ни одной рудокопни, и только нѣсколько лѣтъ тому назадъ на Татарской границѣ у Тулы, въ 26 миляхъ отъ Москвы, начали тамъ разработку одного руд-

ника. Нѣсколько Нѣмецкихъ горныхъ мастеровъ, присланныхъ, по просьбѣ Его Царскаго Величества, Его Свѣтлостію, Курфирстомъ Саксонскимъ, начали разработку этого рудника, устроили дѣло, и теперь онъ даетъ хорошую добычу, или выручку, хотя добывается въ немъ больше желѣзо.

Въ 7 верстахъ, или въ полуторѣ мили отъ этой мины (рудокопни), между двумя горами, въ пріятной долинѣ, при удобной рѣчкѣ, построенъ желѣзный заводъ, гдѣ изготовляется желѣзо, въ полосахъ выдѣлываемое, и выливаются также всякаго рода другія вещи.

Этимъ заводомъ управляетъ Г-нъ Петръ Марселій, по особому договору съ Великимъ Княземъ, по которому ежегодно и доставляетъ въ Оружейную Палату Его Царскаго Величества извѣстное количество полосоваго желѣза, нѣсколько пушекъ (орудій) и много тысячъ пудовъ ядеръ; по этому Марселій пользовался и пользуется великою милостію и почетомъ, какъ прежняго, такъ и настоящаго, Великаго Князя, и ведетъ въ Москвѣ и другого рода большую торговлю.

Еще при Царѣ Михайлѣ Ѳедоровичѣ, лѣтъ 15 тому назадъ, одинъ человѣкъ открылъ было въ одномъ мѣстѣ въ Россіи золотую мину; но дальнѣйше ея не разработалъ, въ слѣдствіе чего открыватель ея и объявитель (начинщикъ), надѣявшійся разбогатѣть, сдѣлался совершеннымъ бѣднякомъ.

Тѣ, которые заявляютъ о какомъ ни будь новомъ открытіи, или изобрѣтеніи, въ намѣреніи доставить выгоды Государю, при Царскомъ Дворѣ имѣютъ мало счастія и успѣха (какъ это часто случается). Хотя прежній Царь и очень заботился объ открытіи чего ни будь новаго, для обогащенія своей казны, но, чтобы не быть обмануту, или если дѣло не пойдетъ такъ, какъ ожидается, требовалъ, дабы не потерпѣть убытковъ, чтобы изобрѣтатель дѣлалъ опыты на свой собственный счетъ; въ случаѣ же, если изобрѣтатель самъ не имѣлъ для этого средствъ, то за вѣрнымъ ручательствомъ ему выдавались впередъ небольшія деньги. Когда послѣ этого предпріятіе удавалось, изобрѣтатель получалъ богатое вознагражденіе, въ противномъ же случаѣ

долженъ онъ, а не Великій Князь, нести всѣ убытки. Въ подтвержденіе этого приведу здѣсь примѣръ, сей часъ упомянутый мною съ золотою миною. Въ то, названное мною, время одинъ знатный Англійскій купецъ, мой хорошій пріятель (имя его умолчу, изъ уваженія къ его чести), честнѣйшій и справедливѣйшій человѣкъ, проживалъ уже нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ и велъ тамъ значительную торговлю. Когда онъ заявилъ, что, судя по особымъ свойствамъ и признакамъ одного мѣста, онъ надѣется найти въ немъ золотую руду, то Великому Князю это понравилось, и онъ приказалъ выдать ему подъ поручительство нѣкоторое количество денегъ. Но предпріятіе этого добраго человѣка не удалось, работа и издержки всѣ пропали, и когда его имѣнія не достало на уплату потраченныхъ имъ Великокняжескихъ денегъ, то его засадили въ долговую темницу. Потомъ его выпустили на поруки его соотечественниковъ, чтобы онъ ходилъ по своимъ пріятелямъ и выпрашивалъ у нихъ помощи, что онъ и дѣлалъ, и набралъ, наконецъ, столько денегъ, что не только уплатилъ Великокняжескій долгъ и удовлетворилъ своихъ соотечественниковъ, но былъ въ состояніи и выѣхать изъ Россіи. О такомъ своемъ несчастіи и Русскомъ правосудіи онъ разсказывалъ мнѣ обстоятельно и съ большимъ сокрушеніемъ сердечнымъ самъ въ то время, когда я былъ въ послѣдній разъ въ Москвѣ, когда собственно и случилось съ нимъ это несчастіе.

ГЛАВА III.

О свойствѣ сѣверныхъ обитателей и о народѣ Самоѣдахъ.

О свойствѣ и произведеніяхъ странъ, лежащихъ на Сѣверѣ, именно: Двинской области, Югорской, Пермской, Сибирской и Самоѣдовъ, жители которыхъ признаютъ надъ собою владычество Великаго Князя, такъ какъ самъ я въ этѣхъ странахъ не былъ, я ни чего вѣрнаго и написать не могу.

Но Русскіе повѣствуютъ, а также и другіе пишутъ единогласно (тамъ гдѣ они не заимствуютъ другъ у друга), что стра-

ны этѣ, по суровому климату, долгой зимѣ и короткому лѣту, совершенно безплодны, и особенно неудобны для земледѣлія, обработки хлѣба и древесныхъ плодовъ; что обитатели этѣхъ странъ ни чего не знаютъ о хлѣбѣ, но, живя въ дикихъ пустыняхъ, при рѣкахъ и озерахъ, гдѣ бездна дикихъ животныхъ и рыбы, они имѣютъ въ нихъ и свой кормъ и пропитаніе, одѣваются шкурами звѣрей и ими же платятъ свои оброки и подати Великому Князю. Лучшіе соболевые мѣха, куньи, бѣлыхъ медвѣдей (этѣ послѣднія развѣшиваются Московскими Боярами на задкахъ своихъ саней), рыбы и другіе разные мѣха, во множествѣ вывозятся изъ Сѣверныхъ странъ и продаются въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ.

Но если изъ Сѣверныхъ народовъ я найболѣе распространюсь сдѣсь о Самоѣдахъ, то это частію по тому, что о нихъ вообще мало повѣствуется въ описаніяхъ странъ, а частію по тому, что я самъ имѣлъ случай говорить съ ними и узнать отъ нихъ о ихъ образѣ жизни. Когда я, бывши въ Москвѣ въ 1643 году, 30 Іюля, долженъ былъ явиться на открытое представленіе къ Его Царскому Величеству, и прежде долженъ былъ еще подождать въ Посольской Канцеляріи нѣкоторое время, пока выйдетъ съ представленія Персидскій Посолъ, потребованный на нее прежде меня, пришли туда и два Самоѣда, которые присланы изъ ихъ родины, для врученія Великому Князю нѣсколькихъ шкуръ Сѣверныхъ оленей и бѣлыхъ медвѣдей. Съ этѣми-то Самоѣдами я вступилъ въ разговоръ, и они говорили свободно, разумно и давали обстоятельные отвѣты на всѣ мои вопросы, такъ какъ хорошо понимали Русскій языкъ, на которомъ я разговаривалъ съ ними черезъ моего переводчика.

У древнихъ писателей мы не находимъ, чтобы народы этѣ назывались Самоѣдами, но они называются Скиѳами, и я полагаю, что имя Самоѣдовъ впервые получили они отъ Русскихъ. Такъ какъ до того времени они ѣли людей, и даже тѣла своихъ умершихъ друзей мѣшали съ мясомъ дикихъ животныхъ и поѣдали, какъ свѣдѣтельствуютъ это Плиній и Олай Магнусъ, то ихъ и назвали Самоѣдами, что значитъ по Русски ѣдятъ сами себя; такъ объясняетъ это названіе прямо и Гваньино въ своемъ опи-

саніи Московіи, говоря объ области Печорской. Точно также и Плиній называетъ ихъ Греческимъ словомъ Ἀνθροποφάγοι (Androphagi), т. е., людоѣдами, и подобное же пишутъ и о жителяхъ Бразиліи.

Ихъ страна не есть Самогитія, которую географы полагаютъ между Литвою, Польшею и Ливоніею, Русскіе именуютъ Жимотская (Жмудская) земля (Samotzka Sembla), но земля Самоѣдовъ, которая на новыхъ картахъ помѣщается за Сибирью у горъ, называемыхъ Гиперборейскими, по сю и по ту сторону великой рѣки Оби (Oby), у Татарскаго моря и Вайгача (Вайгацкаго пролива), (Weygat), какъ называютъ его Голландцы.

Это были тѣ самые варвары, Татары и язычники, которые издревле назывались Scythae Septentrionales, Europaei et Asiatici; ибо они живутъ въ тѣхъ же границахъ и мѣстахъ. Объ нихъ упоминаетъ Страбонъ въ 7 книгѣ, К. Курцій, тоже въ 7 книгѣ, который называетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ Abios Scythas, безъ сомнѣнія, отъ рѣки Аби или Оби. Подобно имъ говоритъ Юстинъ во 2-й книгѣ, Олай Магнусъ въ своей «Histor. de gentib. Septentr.,» l. 4, c. 3, и Минстеръ, въ «своей Cosmographia,» с. 5, въ 60-й и слѣдующихъ главахъ. Народы эти не имѣютъ ни устроенныхъ, ни защищенныхъ городовъ, но и теперь еще живутъ въ лѣсахъ и пустыняхъ, какъ жили они во времена Александра, по словамъ ихъ пословъ къ нему, приводимыхъ въ помянутой сейчасъ книгѣ Курція: «Nos deserta et humano cultu vacua magis, quam urbes et opulentos agros sequimur.» И такъ какъ они обитаютъ въ холодномъ поясѣ (zona frigida) то большая часть года тамъ стоитъ суровая зима и весьма глубокіе снѣга. Это также заявляли Александру сказанные послы, говоря: «Si humanum genus omne superaveris, cum silvis et nivibus et fluminibus ferisque bestiis gesturus es bellum.» Они живутъ въ небольшихъ, низкихъ, на половину въ землѣ устроенныхъ, хижинахъ, которыхъ (по ихъ разсказамъ) къ верху заканчиваются округло, съуживаясь постепенно, съ отверстіемъ по серединѣ, въ родѣ трубы, черезъ которое они и входятъ въ хижину въ зимнее время. Такой ходъ устроивается у нихъ по тому, что хижины ихъ зимою совершенно заносятся снѣгомъ, выпадающимъ толщиною въ два человѣческихъ роста, и

ни кто иначе не можетъ ни выйти изъ хижины, ни войти въ нее. Подъ снѣгомъ, впрочемъ, они продѣлываютъ свои особые ходы, которыми и ходятъ изъ одной хижины въ другую.

Такъ какъ въ это время почти цѣлые полгода у нихъ нѣтъ ни солнца, ни дня, но постоянная ночь, и по этому внѣ дома они ни чего не могутъ и предпринять, то имъ такое состояніе погоды сноснѣе въ ихъ хижинахъ. Въ такія времена для освѣщенія они употребляютъ рыбій жиръ, которымъ и пользуются до тѣхъ поръ, пока не настанетъ опять дневной свѣтъ, т. е., когда солнце опять поднимется за равноденственную черту и пройдетъ полуночные знаки; тогда уже оно не заходитъ и въ странахъ тѣхъ не бываетъ ночи въ это время. Снѣгъ быстро тогда исчезаетъ, и жители выходятъ на землю до слѣдующей зимы, въ которую опять всѣ собираются въ свои жилья.

Можетъ быть справедливо и то, что нѣкоторые пишутъ объ этѣхъ Сѣверныхъ или Полуночныхъ народахъ, а именно, будьто между ними есть люди, которые, какъ ласточки, или лягушки, цѣлые полгода, то есть, всю зиму лежатъ замертво, лѣтомъ же снова оживаютъ и странствуютъ. Смотри объ этомъ у Гваньина, въ его описаніи Лукоморья (Lucomaria), и у Олая Магнуса. Они не занимаются земледѣліемъ, не знаютъ по этому ни чего о хлѣбѣ, и питаются, вмѣсто хлѣба, высушеною на воздухѣ рыбою, медомъ и всякою дичью, которой у нихъ изобиліе.

Самоѣды не велики ростомъ, широколицы, имѣютъ малые глаза и короткія ноги и вообще походятъ на Гренландцевъ, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ я самъ видѣлъ недавно въ Голштиніи, о чемъ скажу еще въ слѣдующей главѣ.

Что касается до одежды Самоѣдовъ, то она дѣлается изъ шкуры Сѣверныхъ оленей. Они носятъ широкія шапки, или изъ всякаго рода лоскутовъ цвѣтнаго сукна, получаемыхъ ими отъ Русскихъ, или просто изъ шкуры, съ длинными наушниками, которые обвязываютъ они вокругъ шеи. Рубашки дѣлаютъ они изъ шерсти молоденькихъ Сѣверныхъ оленей, которая довольно разтяжима и имѣетъ короткій волосъ Подъ рубашкой носятъ шта-

ны и сверху длинный кафтанъ. Подолъ рубашки и кафтана обшиваютъ они длинноволосыми хвостиками. Сапоги у нихъ изъ той же шкуры, которую они во всей одеждѣ носятъ шерстью наружу. Нитки, которыми они шьютъ свои одежды, дѣлаются у нихъ изъ сухихъ и другихъ жилъ. Вмѣсто носоваго платка они употребляютъ зеленое (молодое) дерево, именно: скоблятъ его въ тонкія стружки и нити, которыя похожи на тонко наскобленный рогъ, или пергаментъ. Этѣхъ стружекъ берутъ они полную горсть и сморкаютъ въ нихъ: на ощупь онѣ довольно мягки.

Когда очень холодно, они надѣваютъ свои кафтаны на головы, а рукава спускаютъ вмѣстѣ по сторонамъ, что для непривычнаго глаза представляетъ довольно странный видъ. Видъ этотъ, особенно для путешествовавшихъ у береговъ съ корабля, можетъ быть и далъ поводъ къ тому, что писали нѣкоторые изъ древнихъ писателей, будто бы есть люди безъ головы, но имѣющіе лице на груди; также будто есть люди, которые имѣютъ такія огромныя ступни, что могутъ покрыться. Но если бъ на свѣтѣ находились такіе люди, то я полагаю, что мы имѣли бы о нихъ теперь болѣе вѣрныя свѣдѣнія; ибо уже 100 лѣтъ, какъ нашъ свѣтъ повсюду, на водѣ и сушѣ, обозрѣвается и изучается достаточно, особенно Голландскими, Англійскими и Испанскими мореплавателями и путешественниками, однако же описанія ихъ путешествій не указываютъ ни на что подобное. Что касается до огромныхъ ногъ, находимыхъ у людей, то легко можетъ быть, что къ заключенію о нихъ подала поводъ огромная зимняя обувь, видѣнная у Сѣверныхъ народовъ.

Народы этѣ, также какъ Лапонцы (Lappen), Чудь (Финны) и Черемисы (Zeremissen), зимою по глубокимъ снѣгамъ ходятъ, и весьма быстро, на длинныхъ и широкихъ лыжахъ, выдѣланныхъ изъ березовой коры, или изъ дерева. Лыжи этѣ Чудь дѣлаетъ себѣ позади пятки на столько же длинными, какъ и спереди, и длина нѣкоторыхъ изъ нихъ бываетъ до 3-хъ локтей; называютъ они этѣ лыжи сукситъ (Suksit). Такой способъ бѣгать на лыжахъ мы видѣли въ Нарвѣ, гдѣ Начальникъ пристани для нашего удовольствія приказалъ нѣсколькимъ Чудинамъ, своимъ воннамъ, кататься съ большаго холма, находящагося пе-

редъ городомъ. Самоѣды же свои лыжи называютъ нарты (Narten), какъ объ этомъ прямо говоритъ Гваньино, въ своемъ описаніи Пермской области. Сапоги ихъ также дѣлаются изъ невыдѣланной шкуры, внутри подбиты мѣхомъ, и они достигаютъ у нихъ до колѣнъ.

Сѣверные олени величиною и видомъ походятъ на обыкновеннаго оленя, но цвѣтомъ бѣлые и сѣроватые, имѣютъ широкія, какъ у коровы, копыта (мы видѣли нѣсколько такихъ оленей въ Московскомъ Кремлѣ), дѣлаются легко ручными, ходятъ въ жилища и изъ жилищъ, какъ домашній скотъ, и употребляются вмѣсто лошадей, для чего ихъ впрягаютъ въ небольшія, легкія сани, похожія видомъ на полулодки или половину бота, и въ этѣхъ саняхъ они чрезвычайно быстро могутъ пробѣгать довольно дальнія разстоянія.

Въ 1595 году Голландцы, въ своемъ вторичномъ плаваніи, по Сѣверному морю, встрѣтили Самоѣдовъ въ такомъ состояніи, не далеко отъ Вайгача (Weigat). Они пишутъ, что когда 31-го Августа того года, вышедши на берегъ у Вайгача, они прошли на милю пути, то увидѣли человѣкъ съ 20 этого народа, которыхъ и приняли было сперва за совершенныхъ дикарей. Сначала люди этѣ схватились за луки и стрѣлы, которыми они по видимому ловко владѣли, и нацѣлились ими въ Голландцевъ, какъ въ нежданныхъ гостей, но когда черезъ Русскаго переводчика они услыхали (Самоѣды, какъ выше сказано, знаютъ по Русски), что Голланды пришли не какъ враги, но какъ друзья, то они опустили свои луки и стрѣлы, дружески приблизились, привѣтствуя Голландцевъ, вступили съ ними въ разговоръ и сообщили имъ подробныя свѣдѣнія о свойствѣ ихъ страны и моря. При этомъ, впрочемъ, они все таки держали себя съ нѣкоторою боязнью и недовѣріемъ, хотя Голландцы обращались съ ними дружески и съ добрымъ расположеніемъ. Когда одному изъ нихъ дали сухарь, то хотя онъ принялъ его съ выраженіемъ благодарности, тотчасъ накусилъ его и за тѣмъ съѣлъ, но все такое боязливо озирался; и когда всѣ они услышали ружейный выстрѣлъ, сдѣланный въ сторону моря, то они такъ перепугались и запрыгали, точно подѣлались съумасшедшими. Объ этомъ

подробно разсказывается въ помянутомъ описаніи мореплаванія Голландцевъ, на 8 стран. Этѣ же Голландцы пишутъ и изображаютъ Самоѣдовъ такъ, что будто они волосы свои заплетаютъ въ длинныя косы и спускаютъ ихъ вмѣстѣ вдоль спины поверхъ платья. Но у тѣхъ Самоѣдовъ, которыхъ я видѣлъ въ Москвѣ, я косъ не замѣтилъ. Одинъ изъ этѣхъ послѣднихъ, видѣнныхъ мною въ Москвѣ Самоѣдовъ, когда онъ разсказалъ мнѣ про свое житье-бытье, по мнѣнію нашему, довольно жалкое и суровое, между прочимъ былъ спрошенъ: какъ нравится ему Московская страна и жизнь, и не захотѣлъ ли бы онъ лучше остаться въ Москвѣ, чѣмъ жить въ своей странѣ? Онъ отвѣчалъ на это: хотя Москва ему и нравится, но все таки его земля, въ которой онъ родился, ему милѣе всѣхъ другихъ странъ: онъ къ ней привыкъ и живетъ въ ней совершенно счастливо и спокойно. Наконецъ, онъ не сомнѣвается, что если бъ и Великій Князь узналъ ихъ веселую и пріятную жизнь, то онъ оставилъ бы свою столицу и переселился бы къ нимъ на житье.

Этѣ слова напоминаютъ Улиса, который (какъ говоритъ Муретъ (Muretus) изъ Cic. 1. de orat.), лучше хотѣлъ жить въ своемъ горномъ суровомъ отечествѣ, чѣмъ у Калипсы во всякаго рода удовольствіяхъ и наслажденіяхъ. Смотри объ этомъ Гомера l. 10. Odyss. Можно также сказать, вмѣстѣ съ Овидіемъ, lib. 1, de Ponto El. 3:

Nescio, qua natale solum dulcedine cunctos,
Ducit, et immemores non sinit esse sui.
Quid melius Roma, Scythico quid frigore pejus?
Hue tamen ex illa Barbarus urbe fugit.

Народы этѣ искони, какъ язычники, почитаютъ солнце, мѣсяцъ и дѣланныхъ идоловъ за боговъ, какъ это видно изъ помянутаго выше описанія мореплаванія. Голландцы на одномъ холмистомъ мысѣ Вайгача нашли нѣсколько сотъ такихъ грубо и безобразно сдѣланныхъ идоловъ, изображенныхъ въ сидячемъ положеніи, и когда, отъѣзжая отъ берега, они взяли было одного такого идола съ собою, то одинъ Самоѣдъ догналъ ихъ, потребовалъ съ выразительными движеніями идола назадъ и такимъ образомъ воротилъ его.

Около 23-хъ лѣтъ тому назадъ Самоѣды прислали къ Великому Князю Посольство отъ себя, съ просьбою сдѣлать ихъ причастными Православной Вѣры. Просьба эта была уважена, и къ нимъ посланъ былъ Владимирскій Епископъ съ нѣсколькими Священниками для наученія ихъ правиламъ Христіянской Вѣры и для крещенія ихъ.

ГЛАВА IV.

О Гренландцахъ.

Такъ какъ, благосклонный читатель, въ предыдущей главѣ я упомянулъ о Гренландцахъ, въ которыхъ я нахожу много сходнаго съ Самоѣдами и другими, также съ Татарами, встрѣчавшимися намъ въ нашемъ путешествіи, и, кромѣ того, вижу въ нихъ и иныя, достойныя замѣчанія, стороны, то полагаю не лишнимъ сдѣлать небольшое отступленіе въ нашемъ повѣствованіи и остановиться немного на народѣ Гренландцахъ, тѣмъ болѣе, что я самъ ихъ видѣлъ, слышалъ и до нѣкоторой степени ознакомился съ ихъ особенностями и свойствами. Сначала, впрочемъ, упомяну о томъ, что было извѣстно и писано о Гренландцахъ до настоящаго времени, и за тѣмъ перейду къ описанію состоянія, въ которомъ они теперь находятся.

Древніе міроописатели, географы и естествоиспытатели, каковы: Птоломей, Страбонъ, Плиній, Солинъ и другіе, знали только 3 части свѣта: Европу, Азію и Африку, четвертая же часть Америка, гадательно, и только со стороны переднихъ острововъ, открыта въ 1492 году по Р. Х. Христофоромъ Колумбомъ, а черезъ пять лѣтъ послѣ этого Америкъ Веспуцій открылъ уже цѣлый материкъ, и по немъ земля эта и до нынѣ называется Америкой. По этому въ тѣ времена о другихъ земляхъ и народахъ, которые находились внѣ сказанныхъ трехъ частей (какова и Гренландія), изъ древнихъ писателей узнать ни чего нельзя; и хотя они упоминаютъ о нѣкоторыхъ сѣверныхъ островахъ, которыя Помпоній Мела называетъ Оркадскими, изъ этого все таки ни чего вѣрнаго и особеннаго извлечь не возможно.

Гренландія лежитъ въ Ледовитомъ морѣ за островомъ Исландіей и, по сказанію недавно плававшаго туда Датскаго корабля, въ 60 миляхъ за этѣмъ островомъ. Многіе считали Гренландію островомъ, но вѣроятно, что она на востокъ упирается въ Татарію, а на западъ въ Америку, какъ это сказано будетъ сейчасъ ниже сего.

Аригримъ Іона (Arngrim Jonas), Исландецъ, упоминаетъ въ Хронографіи, которую онъ называетъ «Specimen Islandiae historicum,» стр. 146, что Гренландія впервые открыта въ 982 году по Р. Х., четыре года спустя она была занята и заселена Эрихомъ Руфомъ или Рыжеволосымъ, который изъ Норвегіи, происходя отъ благороднаго рода и имѣя большое состояніе, переселился въ Исландію съ отцемъ своимъ, Торвальдомъ (нѣкоторые говорятъ, въ слѣдствіе убійства, совершеннаго имъ въ Норвегіи). Не могши сдѣсь, по смерти отца своего, ужиться въ мирѣ съ нѣкоторыми знатными родоначальниками Исландіи, онъ сѣлъ на корабль и поплылъ далѣе на сѣверъ, гдѣ и попалъ на Гренландію. Такъ какъ земля эта, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ присталъ къ ней, найдена была поросшею превосходною зеленой травой, то онъ и далъ ей такое названіе, Гренландія (Grünland), т. е., Зеленая земля. Потомъ и многіе другіе Исландцы, по молвѣ о прекрасной странѣ, послѣдовали за Эрихомъ въ Гренландію на корабляхъ и со множествомъ народа.

14 лѣтъ спустя, именно въ 1000 году по Р. Х., сынъ Эриха, по имени Лейфъ, поплылъ изъ Гренландіи въ Норвегію, гдѣ Королемъ Олаемъ обращенъ былъ въ Христіянскую Вѣру и крещенъ. Потомъ этотъ Лейфъ (Leiff) съ однимъ Священникомъ снова возвратился въ Гренландію, и довелъ дѣло обращенія въ Христіянство до того, что отецъ его, Эрихъ, со всѣмъ народомъ своимъ крестился и также принялъ Христіянскую Вѣру.

Этѣ послѣдователи и потомки Эриха послѣ размножились, проникли далѣе внутрь земли, построили города и монастыри, имѣли въ нихъ своихъ Епископовъ, изъ которыхъ о нѣкоторыхъ повѣствуетъ помянутый Аригримъ на стр. 148, доводя ихъ до 1389 года по Р. Х. Гарде (Garde), городъ, былъ тамъ въ то время Епископской столицею. Въ 1023 году по Р. Х.

Гренландія на столько, на сколько она была тогда извѣстна, платила дань Королю Норвежскому, и въ 1261 году совершенно сдѣлалась ему подвластной.

Датскій историкъ Понтанъ утверждаетъ, что въ 834 году по Р. Х. Императоръ Людовикъ и Папа Григорій IV-й назначили Епископа Бременскаго и Гамбургскаго, Ангарія, Архіепископомъ въ Сѣверныя земли, при чемъ будьто бы ясно названы, въ числѣ сказанныхъ земель, также Исландія и Гренландія, какъ это явствуетъ изъ дипломатическихъ документовъ, которые тогда сообщены были Епископу и которыя находятся въ 4-й книгѣ Понтана на стр. 97-й. По этому Гренландія была будьто бы открыта и обращена въ Христіянство гораздо прежде, чѣмъ упомянуто выше. Исландецъ же Аригримъ Іона положительно противорѣчитъ этому писателю и, основываясь на своихъ древностяхъ и исторіи, говоритъ, что въ это время Гренландія вовсе не была еще извѣстна, а тѣмъ менѣе обращена въ Христіянство. Онъ считаетъ по этому такое извѣстіе за сочиненіе и вымыслъ, которые Понтанъ употребилъ въ подтвержденіе своего ложнаго мнѣнія объ Исландіи, называя ее древнѣйшею частью свѣта, и по тому онъ, Аригримъ Іона, думаетъ, что въ подлинныхъ дипломатическихъ актахъ (autographis diplomatarum) названій Гренландія и Исландія быть не можетъ, о чемъ подробнѣе можно читать въ помянутомъ его «Specimine,» partis 2, memb. 2.

Въ Бременской Хроникѣ хотя и значится, что въ 858 году Папа Николай, подобно Григорію IV, назначилъ Ансгарія Легатомъ и Викаріемъ Апостольскаго престола для всѣхъ язычниковъ, Датчанъ, Шведовъ и Славянъ (Sclaven), но о Гренландіи при этомъ ни слова не упоминается. Смотри объ этомъ: «M. Adami Historiam Ecclesiasticam Bremens.,» lib. 1, c. 23, p. 24. Также, ни въ «Annalibus Baronii,» ни въ «Conciliis Magnis» (которые тщательно провѣрены Папскимъ Библіотекаремъ и изданы въ Парижѣ въ 1644 году), рѣшительно нѣтъ указаній на то, чтобы въ это время было Апостольское Посольство, направленное въ Гренландію.

Въ первое время Исландскіе и Норвежскіе корабли часто посѣщали Гренландію, но со времени Королевы Маргариты, когда

доходы съ Гренландіи достались въ удѣлъ Норвежскихъ Королей, никто не смѣлъ болѣе ѣздить туда безъ особаго дозволенія. Такъ, нѣсколько мореплавателей, отправившихся туда безъ этого позволенія въ 1389 году, были казнены смертію, такъ какъ они не могли доказать, что ихъ загнали въ Гренландію буря и великая опасность, и что они противъ воли своей попали въ нее. Вскорѣ послѣ того Королева послала туда собственные свои корабли, которые, однако, не возвратились назадъ. То же повторилось спустя нѣсколько лѣтъ и послѣ. Такъ какъ вмѣстѣ съ такимъ строгимъ запрещеніемъ, и самое плаваніе моремъ представляло великія опасности, то его неохотно предпринимали, и, такимъ образомъ, дошло до того, что плаваніе въ Гренландію совершенно прекратилось.

Сдѣсь упомяну странное для меня извѣстіе, которое утверждаетъ Понтанъ въ 9 книгѣ на стр. 521, именно, будьто бы въ прежнія времена мореплаваніе въ Гренландію не было такъ опасно, какъ теперь, и по тому будьто тогда массы льда въ тѣхъ мѣстахъ не скоплялись въ такомъ громадномъ количествѣ, въ какомъ накопляются онѣ тамъ въ настоящее время, въ слѣдствіе чего плаваніе туда и приставаніе къ землѣ сдѣлались теперь очень затруднительны и опасны. По чему же въ настоящее время должно быть тамъ больше ледяныхъ глыбъ, чѣмъ за нѣсколько сотъ, или даже тысячъ, лѣтъ тому назадъ, или по чему ихъ было тогда не такъ много, какъ теперь? Такъ какъ свѣтъ существуетъ уже такъ давно и всякій годъ въ немъ бываютъ зима и лѣто, въ которыя ледъ образуется и таетъ, то слѣдуетъ по этому допустить, что иногда въ лѣтнее время ледъ не совершенно растаяваетъ, и что это случалось позднѣе, а въ прежнее время не бывало. Или же онъ долженъ доказать, что въ древности зима тамъ была не столь сурова, либо лѣто жарче, чѣмъ теперь. Но въ такомъ случаѣ какъ же случилось, что теперь опять можно плавать и приставать въ Гренландію, какъ доказываютъ это совершенныя туда годъ, два и 3 года тому назадъ путешествія Датчанъ?

Въ правленіе Датскихъ Королей Христіяна III и Фридриха II-го началось снова давно оставленное плаваніе въ Гренландію;

но нѣкоторые плаватели не могли отыскать опять материка ея, другіе же хотя и видѣли землю, не могли пристать къ ней, какъ, на примѣръ, корабль, посланный Королемъ Фридрихомъ въ 1588 году подъ начальствомъ Магнуса Геннигсена (Hennigsen), который, по неизвѣстной причинѣ, простоялъ спокойно среди моря, не могши продвинуться далѣе, и воротился назадъ, не исполнивши дѣла, для котораго былъ отправленъ.

Англійская Королева Елисавета также посылала въ Гренландію моряка, по имени Мартина Форбисера (Forbisser), съ 3-мя кораблями, которые хотя и пристали къ землѣ, но не осмѣлились проникнуть глубже въ нее, по тому что встрѣтились тамъ съ народомъ дикимъ, недовѣрчивымъ, хитрымъ, своенравнымъ и враждебнымъ, какъ подробнѣе говорится объ этомъ въ помянутомъ выше мореплаваніи.

Въ 1605 году Король Датскій Христіанъ IV снова задумалъ отправить корабли въ Гренландію, для чего пріобрѣлъ опытнаго морехода изъ Англіи, и, подъ начальствомъ Адмирала Гоцке Линденава (Gotzke Lindenaw), послалъ 3 корабля, которые достигли Гренландіи, Адмиралъ съ своимъ кораблемъ съ сѣверо-восточной стороны, Англійскій же мореходъ, оттѣсненный льдомъ, въ другомъ мѣстѣ, въ одномъ заливѣ, лежащемъ на юго-западѣ, слѣдовательно, по ихъ мнѣнію, совершенно на другой противуположной сторонѣ. Этотъ послѣдній Англичанинъ нашелъ тамъ нѣсколько удобныхъ пристаней, хорошую почву, обильную зелеными лугами и жителей удобнѣе и лучше одѣтыми, чѣмъ на другой сторонѣ.

Дикари, впрочемъ, въ обоихъ мѣстахъ охотно вымѣнивали свои товары на Датскіе, особенно же зеркала, ножи, сталь и желѣзо; золото и серебро мало обращали на себя ихъ вниманіе. Адмиралъ схватилъ двухъ дикарей, пришедшихъ къ нему на судно, и силою задержалъ ихъ на кораблѣ; подобно ему Англичанинъ, въ своемъ мѣстѣ, задержалъ троихъ дикарей, за что, въ отмщеніе и съ намѣреніемъ освободить и возвратить захваченныхъ насильно, другіе дикари начали было бросать каменьями и стрѣлять изъ лука въ Датчанъ, но были избиты и разсѣяны сильнымъ ружейнымъ огнемъ послѣднихъ. Такимъ образомъ Датчане взяли этѣхъ пяте-

рыхъ дикарей съ собою въ Данію. На слѣдующій годъ Король вторично послалъ въ Гренландію Гоцке съ 5-ю кораблями, и отправилъ съ нимъ и троихъ изъ плѣнныхъ дикарей, которые охотно согласились на это; но одинъ изъ нихъ на пути умеръ, другой же, имѣя въ виду, что онъ долженъ будетъ снова вернуться въ Данію, бросился въ воду и утонулъ. Въ это путешествіе Датчане хотя и достигли береговъ Гренландіи, но дикари, можетъ быть, въ слѣдствіе похищенія у нихъ въ прошломъ году пятерыхъ людей, не хотѣли торговать съ ними и вообще выказали себя довольно враждебно, такъ что слуга Гоцке, дерзнувшій высадиться на берегъ, въ надеждѣ завязать съ дикарями мирную торговлю, былъ схваченъ ими, убитъ и растерзанъ на части. Съ своей стороны Датчане въ другомъ мѣстѣ захватили дикихъ, плававшихъ на своихъ маленькихъ судахъ подлѣ корабля и за кораблемъ, и вмѣстѣ съ этѣми судами ихъ, взяли ихъ къ себѣ на корабли.

На слѣдующій годъ Король послалъ снова въ Гренландію два корабля, которые хотя и доплыли до того, что имѣли ее въ виду у себя, но пристать къ ней, по причинѣ множества льдовъ, словно высокія горы нагроможденныхъ другъ на другѣ, не могли, и по тому безуспѣшно вернулись домой.

Послѣ этого Король не посылалъ уже кораблей въ Гренландію; но нѣкоторые Копенгагенскіе купцы, согласившись между собою, снарядили два корабля, и въ 1636 году послали ихъ въ Гренландію; корабли этѣ пристали сдѣсь у пролива Девисова (Freto Davis), открытаго впервые Іоанномъ Девисомъ въ 1586 году, поторговали съ дикарями, и за тѣмъ двухъ изъ нихъ схватили, привязали къ мачтѣ и увезли съ собою. Отъѣхавши нѣсколько миль отъ Гренландіи, и бывши уже въ открытомъ морѣ, Датчане развязали своихъ плѣнныхъ дикарей, которые тотчасъ же бросились въ море, поплыли на сѣверъ и безъ сомнѣнія потонули. Что касается до дикарей, оставшихся еще въ Даніи, то Король приказалъ сторожить ихъ особымъ приставленнымъ для того людямъ и имѣть о нихъ надлежащее попеченіе. Но любовь къ родинѣ, въ сторону которой они часто обращались вздыхая, побудила нѣкоторыхъ изъ нихъ отважиться на опасныя предпріятія: такъ, когда имъ дозволенъ былъ свободный входъ и выходъ изъ дома ихъ пре-

бываніе, то, по нерадѣнію надзиравшихъ за ними, они завладѣли своими судами (лодками), весьма небольшими и могущими помѣстить на себѣ только одного человѣка, и пустились на нихъ въ море, въ надеждѣ достигнуть своего далекаго отечества: но эти смѣлые бѣглецы въ 10 миляхъ отъ Зунда были выкинуты бурею на берегъ, захвачены крестьянами и снова доставлены въ Копенгагенъ. Двое изъ этихъ потерпѣвшихъ крушеніе вторично рѣшились на побѣгъ, уплыли на своихъ раякках (Rajakka), какъ называютъ они свои маленькія лодки, но одинъ изъ нихъ, ушедши на нѣсколько миль въ море, былъ пойманъ и возвращенъ назадъ, другой же уплылъ далеко и пропалъ безъ вѣсти.

Остальные дикари оставались еще лѣтъ 12 въ Даніи, но постоянно тосковали по своей родинѣ, и наконецъ перемерли съ горя одинъ за другимъ.

Послѣ сказаннаго послѣдняго плаванія, Датскіе корабли около 20 лѣтъ не посѣщали болѣе Гренландіи.

По вступленіи же нынѣ царствующаго Датскаго Короля, Фридриха III, снова вспомнили о Гренландіи. Такъ какъ Его Королевское Величество по природѣ своей былъ склоненъ ко всякаго рода знаніямъ и предпріятіямъ, свойственнымъ владѣтельнымъ особамъ, то онъ приказалъ, между прочимъ, возобновить плаваніе въ Гренландію, оказавшееся выгоднымъ, за нѣсколько лѣтъ назадъ, для чего и соблаговолилъ, чтобы главный управляющій таможнею, Господинъ Генрихъ Миллеръ (знатный и богатый человѣкъ въ Копенгагенѣ, также особенный любитель всего чужестраннаго и необыкновеннаго), по своему начертанію устроилъ первый опытъ поѣздки въ Гренландію; по этому Генрихъ Миллеръ въ 1652 году снарядилъ корабль и отправилъ его въ Гренландію подъ начальствомъ Капитана Давида Даннеля (Dannel), человѣка опытнаго и искуснаго въ мореходствѣ. Такъ какъ первое такое путешествіе совершено было благополучно, то тотъ же корабль, съ тѣмъ же Капитаномъ, плавали туда еще и въ слѣдующіе два года, и всякій разъ счастливо возвращались домой.

Новѣйшее туда путешествіе совершено въ 1654 году. Корабль вышелъ изъ Копенгагена весною и въ концѣ Іюля прибылъ въ Гренландію, и именно въ такомъ мѣстѣ, гдѣ страна состоитъ вся изъ скалъ, высокихъ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, и самый берегъ занесенъ былъ множествомъ льду. Такъ какъ по скалистому дну моря на якорѣ держаться было нельзя, то корабль пробылъ тамъ только нѣсколько дней.

Дикіе вскорѣ собрались около корабля на своихъ маленькихъ судахъ, которыхъ было до ста, и, хотя сначала были недовѣрчивы и не хотѣли было всходить на корабль, но когда увидали, что ихъ дружески приглашаютъ знаками и оказываютъ имъ доброе расположеніе, то сдѣлались смѣлѣе, взошли на корабль и начали торговать съ пріѣзжими. Нѣкоторые привозили съ собою на судно и нѣсколькихъ женщинъ, ради любопытства посмотрѣть чужестранцевъ и пріобрѣсть что ни будь отъ нихъ своимъ обычнымъ способомъ; этотъ народъ вообще довольно страстный, къ любодѣянію склонный, и на это нѣтъ у нихъ ни какого запрещенія; въ слѣдствіе этой склонности нѣкоторые изъ дикарей были захвачены Датчанами. Такъ, когда подъ конецъ Датскій корабль готовился уже отправиться домой, въ числѣ дикарей, явившихся на корабль для торговли, прибыло и нѣсколько дикарокъ, и одна изъ нихъ очень пожелала выменять у одного боцмана пару ножей, за которые предлагала тюленью шкуру, но боцманъ не хотѣлъ тюленьей шкуры, которую не ставилъ ни во что, и разными тѣлодвиженіями и знаками далъ понять дикаркѣ, что онъ желалъ бы попользоваться за свои ножи ея живымъ мѣхомъ. Какъ только дикарка поняла это, тотчасъ же сняла панталоны и хотѣла было лечь на верхней палубѣ (декѣ), въ присутствіи всего бывшаго тутъ народа. Когда же боцманъ вразумилъ ее, что такое дѣло не прилично дѣлать при людяхъ, и что она для этого должна пойти съ нимъ въ корабельную мурью (трюмъ), дикарка обратилась къ своему отцу, находившемуся тутъ же, и спросила его: что дѣлать и должна ли она пойти въ мурью съ боцманомъ? Отецъ согласился, и тогда за дикаркой пошли въ мурью изъ дикарей еще двѣ старухи, мальчикъ и дѣвочка, съ намѣреніемъ посмотрѣть, какъ будетъ совершаться торгъ. Но только что всѣ они

сошли въ низъ, какъ лазъ (люкъ) закрыли, распустили паруса, и корабль пустился въ море.

Какъ скоро дикіе увидали, что они были обмануты, то подняли на кораблѣ и внутри его громкій и жалобный вопль, и тѣ изъ нихъ, которые были на свободѣ на кораблѣ, тотчасъ же бросились съ него въ море и поплыли на свои суда. Многіе изъ нихъ, на этѣхъ судахъ своихъ, преслѣдовали корабль нѣсколько миль, въ надеждѣ освободить ихъ плѣнныхъ товарищей. Мальчикъ, оставшійся на кораблѣ, былъ такъ дикъ и проворенъ, что оставилъ въ рукахъ у боцмана, который держалъ его, свое платье и бѣжалъ было; потомъ, когда этотъ боцманъ схватилъ было его уже раздѣтаго, то вырвался и изъ рукъ и, пролѣзши черезъ отверстіе, въ которомъ былъ проведенъ якорный канатъ, и которое было довольно просторно, спрыгнулъ въ воду и уплылъ.

Не хотѣли Датчане удерживать еще одной старухи дикарки, которую было захватили; по этому они знаками объяснили дикарямъ, слѣдовавшимъ за ними на своихъ судахъ, чтобы они взяли и ее, и такимъ образомъ освободились отъ нея.

И такъ на кораблѣ осталось только четверо дикихъ, а именно: одинъ мужчина, двѣ женщины и дѣвочка, которые всѣ сначала были неистовы и злы; но когда ихъ стали дружески уговаривать, ласково съ ними обращаться, и когда имъ дали понять, что ихъ опять привезутъ со временемъ въ ихъ отечество, то они стали смирнѣе и нѣсколько успокоились. Когда, прибывши въ Норвегію, взошли на тамошнія горы, то дикарь мужчина сдѣлался даже веселъ и расходился до того, что схватилъ было за колѣни одну знатную госпожу, пришедшую взглянуть на дикарей. Этотъ бѣдняга послѣ все таки не доѣхалъ до Даніи и умеръ на кораблѣ. Дочь его, видя, что душа его скоро должна отлетѣть, крѣпко закутала его лицо въ свое платье, и въ такомъ положеніи дикарь и умеръ. Черезъ нѣсколько часовъ дочь, страшными воплями оплакавъ своего отца, закутала потомъ его въ полотно и бросила за край корабля. Имя этого дикаря было Игіобъ (Ihiob). Оставшіяся три дикарки привезены здоровыя въ Данію. У старѣйшей изъ нихъ, женщины 45 лѣтъ, по имени Кюнелингъ (Küneling), осталось дома

двое дѣтей. Средняя, 25 лѣтъ, называлась Кабелау (Kabelau), и черезъ нее-то захвачены были и всѣ остальныя. Младшая, дѣвочка 13 лѣтъ, называлась Сигоко (Sigoko).

Въ Даніи въ это время обнаружилась моровая язва, свирѣпствовавшая тамъ цѣлый годъ, въ слѣдствіе чего Его Королевское Величество, Датскій Король, переѣхалъ на житье въ Голштинію, въ г. Фленсбургъ (Flensburg), куда привезены были и сказанныя три Гренландки, содержавшіяся тамъ до возвращенія Его Величества домой. Для наблюденія за этѣми Гренландками, для продовольствія и снабженія ихъ всѣмъ необходимымъ, и для обученія ихъ Датскому языку, приставленъ былъ особый фельдшеръ, уроженецъ Поморскій, по имени Рейнгольдъ Горнъ (Horrn), умный и способный для этого дѣла человѣкъ, который путешествовалъ въ Гренландію и знакомъ былъ съ языкомъ тамошнихъ обитателей.

Его Королевское Величество, по особой добротѣ своей, оказывалъ плѣннымъ дикаркамъ своимъ всевозможную милость, одарялъ ихъ разнаго рода подарками, которые были имъ пріятны, или нравились имъ, и приказалъ, съ прежнимъ же кораблемъ, который Его Королевское Величество снова намѣренъ былъ послать въ Гренландію, отвезти туда и сказанныхъ Гренландокъ къ ихъ соотечественикамъ. Цѣль возвращенія дикарокъ на родину состояла въ томъ, чтобы онѣ сообщили своимъ о благодѣяніяхъ и добрыхъ свойствахъ Датчанъ, и тѣмъ хотя бы отчасти побудили Гренландцевъ сблизиться и вести съ ними торговлю, а за тѣмъ имѣлось въ виду и достохвальнѣйшее намѣреніе — распространеніе между этѣми дикарями Христіянской Вѣры.

Его Королевское Величество присылалъ помянутыхъ трехъ дикарокъ на показъ въ Готторфѣ къ моему Государю, Герцогу Шлезвигъ-Голштинскому, такъ какъ этотъ послѣдній былъ особенный любитель и охотникъ знать и видѣть все, что Богъ и природа производитъ и воспитываетъ въ отдаленнѣйшихъ частяхъ свѣта. Въ бытность этѣхъ Гренландокъ въ Готторфѣ, онѣ прожили нѣсколько дней въ моемъ домѣ, гдѣ я достаточно изучилъ ихъ свойства. Онѣ были низкого роста, коренасты, широколицы, самая старшая и самая младшая съ черными небольшими глазами,

короткими руками и ногами, и ходятъ онѣ этѣми послѣдними носками внутрь (косолапо). Во всемъ этомъ, по наружному виду, онѣ походятъ на Самоѣдовъ, или Ногайскихъ Татаръ (какъ прямо утверждаетъ это Іоаннъ де Лаетъ (de Laet) въ «De originibus gentium Americarum» (Amstelodami 1643), но только Гренландцы гораздо черньѣе (темножелтаго цвѣта, подобно испорченной оливѣ), имѣютъ кожу мягкую, на ощупь будьто шелкъ. Тѣло у нихъ гораздо черньѣе, или темньѣе, лица.

Но средняя, по имени Кабелау, была не такъ черна, какъ другія, имѣла гораздо бо́льшіе глаза и обнаруживала вообще болѣе смышлености, способностей и веселости. Надо думать, что она была изъ потомковъ Христіянъ, за нѣсколько сотъ лѣтъ жившихъ въ Гренландіи, или принадлежала къ особой сектѣ, по тому что она и ѣла не все то, что ѣли другія двѣ, какъ, напримѣръ, она не ѣла нечистыхъ животныхъ и птицъ, а также и ни чего изъ внутренностей животныхъ: легкихъ, печени, сердца и кишекъ.

Гренландки имѣютъ черные, какъ уголь, гладкіе волосы, которые онѣ свиваютъ въ кучку на макушкѣ; у мужчинъ лицо болѣе морщиновато и губы толще, чѣмъ у женщинъ, волосы на бородѣ тонкіе, или рѣдкіе, нѣкоторые же и вовсе не имѣютъ волосъ на бородѣ, какъ Самоѣды. Лица взрослыхъ Гренландокъ всѣ раскрашены были темносиними полосами, какъ у Американцевъ, т. е., отъ нижней губы до конца подбородка, и за тѣмъ ниже вдоль шеи. У одной изъ помянутыхъ выше Гренландокъ было 13, а у другой 15, такихъ полосъ, шириною въ суровую нитку, проведенныхъ рядомъ одна шире другой. Въ верхней части носа между глазами, идетъ также полоса, расходящаяся на лбу и идущая надъ бровями до висковъ, гдѣ заканчивается двумя чертами, на подобіе вилки. Подобныя же черты есть у нихъ и подъ глазами. Всѣ этѣ знаки выдѣлываютъ они себѣ въ кожѣ иголкою съ ниткою, намазанною чернымъ жиромъ: «Ipsis bello, nobis deformi spectaculo», какъ говоритъ Барлей (Barloeus) о Неграхъ въ Америкѣ. Онѣ считаютъ такіе знаки украшеніемъ, которое на наши глаза отвратительно, и имѣть ихъ могутъ женщины только взрослыя; по этому только двѣ старшія Гренландки были съ этѣми

знаками, у третьей же, 13-тилѣтней, ихъ не было. Онѣ показывали еще двѣ дырочки на ушахъ и объяснили, что онѣ носятъ въ нихъ большія кольца. Женщины, не имѣвшія даже дѣтей, имѣютъ длинныя, висячія груди, съ длинными же и черными, какъ уголь, сосками; чтобы кормить дитя грудью, женщины вскидываютъ обыкновенно груди на верхъ черезъ плечо, къ головѣ и ко рту ребенка, который виситъ у нихъ на спинѣ за плечами.

Я слышалъ отъ тѣхъ людей, у которыхъ сказанныя Гренландки жили во Фленсбургѣ, а также и отъ другихъ, находившихся постоянно съ ними, quod in certa quadam corporis parte cariant crinibus, и что дѣйствительно у нихъ бываетъ то, что говоритъ Sennertus de fluxu sanguinis menstrui, книга 4: «Referunt, mulieres Indicas mensibus carere.» Причина этого явленія объясняется въ томъ же мѣстѣ. Съ этѣмъ согласенъ и Rodericus de Castro въ «De natura mulierum», lib. 2, c. 9.

Языкъ и произношеніе походятъ на Татарское: они говорятъ и бормочатъ быстро, при чемъ слова у нихъ большею частію какъ бы задерживаются въ palatu или въ верхней части горла, и произносятся cum ratione quadam, или въ половину картаво, особенно когда въ словахъ встрѣчается буква Г. (g), какъ, на примѣръ, kagsua. Подобно Китайскому, во всемъ ихъ языкѣ нѣтъ буквы р; по этому они не могутъ хорошо выговаривать слова, въ которыхъ находится эта буква, какъ, на прим., слово Herre, которое они произносятъ Helle. Вообще языкъ ихъ особенный, не имѣющій ни чего общаго ни съ однимъ изъ языковъ Европейскихъ; и хотя нѣкоторыя отдѣльныя слова звучатъ иногда сходно съ Датскими и Норвежскими, какъ., на прим., mamad, кушанье всякого рода; konä, женскій полъ; posak, кошелекъ; тѣмъ не менѣе самый языкъ ихъ далекъ отъ того и другого.

Очень можетъ быть, что теперешніе Гренландцы удержали нѣкоторые слова отъ древнихъ Исландскихъ и Норвежскихъ пришельцевъ и купцовъ, которые съ теченіемъ времени были истреблены дикарями; но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы по этому у Гренландцевъ былъ и Норвежскій языкъ, какъ это ду-

маетъ Г. Гротъ (H. Grotius). У нихъ есть тоже нѣсколько словъ, сходныхъ съ Греческими и Латинскими, какъ, на пр., iliout, солнце; igne, огонь; keileng, небо; Nau, корабль, какъ это бываетъ и съ другими языками; но изъ этого нельзя еще выводить ни чего вѣрнаго. Смотри Горна (Hornium): «De originibus Americanis.» Hagae 1652.

Для любителей чужестраннаго приведу сдѣсь 100 Гренландскихъ словъ, сообщенныхъ мнѣ выше помянутымъ Рейнгольдомъ Горномъ, и слышанныхъ мною самимъ отъ 3-хъ Гренландокъ, и какъ онѣ произносили ихъ мнѣ. Многія изъ этѣхъ словъ, особенно имѣющія букву H (n), онѣ выговаривали черезъ носъ (въ носъ), такъ что ихъ трудно въ точности передать на письмѣ. Вотъ этѣ слова:

Keileng, небо; Iliout, Ilioun, солнце; Aningang, мѣсяцъ; Ubleisin, звѣзда; Igne, огонь; Igga, дымъ; Imè, вода; Imak, море; Siruksua, дождь; Apon, снѣгъ; Nidlong, ледъ, Ipssau, земля; Ipgin, трава; Ugaggan камень; Keisuin, дерево; Suwigming, желѣзо; Kisakaun, тепло; Keigenakaun, холодно; Iglun, домъ; Nau, корабль; Rajakka, маленькая лодка; Pauting, весло; Mingakeisin, рыба; Kapissiling, лосось, семга; Kalulia, Kalulisen, треска; Touwak, Touwaksen, морской единорогъ (рыба); Uglessin, птица; Kachsluton, утка; Tukto, мясо; Kalipsi, горшокъ; Keijuta, ложка; Ingeling, ножъ; Aemeisà, посуда для питья; Niakau, голова; Isikin, глазъ; Keinga, носъ; Siuta, ухо; Kanexuà, ротъ; Kiguting, зубъ; Ukang, языкъ; Umixuin, борода; Akseita, рука; Tikagga, палецъ; Kublun, большой палецъ; Kuggie, ноготь; Nasekka, брюхо; Kanà, кость ноги; Sikadin, нога; Ennowan, Neizin, кафтанъ, камзолъ; Naglein, Karlein, штаны; Kaming, сапогъ; Ubia, отецъ; Nulia, мать; Pannien, дитя; Petting, мужчина; Konà, женщина; Kannoctuina, старикъ; Kajoctuinas, молодой; Pinallu, красивъ; Ekikin, дуренъ, гадокъ; Pisikse, лукъ; Kaksua, стрѣла; Uhlau, день; Unuwoa, ночь; Agakwugoo, вчера; Akaggoo, нынче; Itaguptaa, завтра, утро; Uängga, я; Ibling, ты; Ab, да; Nagga, нѣтъ; Pissiak, собака; Amiga, мѣхъ, шерсть; Mek-

kone, игла; Mikakkaun, малый; Angewo, большой; Agnessui, высокій; Eipa, низкій; Kachain, голодный; Kassilakaun, сытъ; Kapziun, ѣсть; Jemektaun, пить, пѣть; Keigerson, плакать; Iglakton, смѣяться; Aliasukton, печалиться; Tabatton, веселиться; Jeptone, принеси сюда: Nikatin, поди туда; Kia meble, что значитъ? Sunà, Suà, что это, что ты хочешь?

За тѣмъ названіе чиселъ:

Taussi, одинъ; Maglune, два; Pingegua, три; Sissemà, четыре; Tellimà, пять; Akbukmen, шесть; Arleng, семь; Pengeguen, восемь; Sissemen, девять; Tellimen, десять.

Гренландцы одноземцевъ своихъ зовутъ Inguin, а чужестранцовъ Kablunassuin.

Одежда Гренландцевъ дѣлается изъ тюленьей шкуры и оленьей кожи, шерстью наружу, какъ у Самоѣдовъ. Внутри она подбита пухомъ птицъ, преимущественно лебедей, дикихъ гусей, утокъ и чаекъ; лѣтомъ она выворачивается перьемъ наружу. Мужчины и женщины одѣваются почти одинаково: они носятъ узкіе штаны и кафтаны на подобіе фуфаекъ или короткихъ куртокъ, едва достигающихъ до сидѣнья; въ верхней части этѣхъ куртокъ придѣлывается нѣчто въ родѣ колпака или капора, для покрытія шеи и головы (какъ монашескіе клобуки), и въ этѣхъ-то колпакахъ есть различіе: у мужчинъ онъ лежитъ низко, плотно къ головѣ, у женщинъ же онъ въ полъ аршина вышиною; различіе это происходитъ отъ способа ношенія волосъ, которые женщины завязываютъ высокою кучею посреди головы. Кромѣ того, у женщинъ кафтаны или куртки заканчиваются спереди и сзади длинными клинами, идущими до колѣнъ, въ мужскихъ же кафтанахъ клиньевъ этѣхъ нѣтъ. Порты или штаны у мужчинъ идутъ до колѣнъ, у нѣкоторыхъ даже ниже; у женщинъ же они заканчиваются короче, гораздо выше колѣнъ у толстаго мяса, такъ что едва прикрываютъ сидѣнье. Мѣсто отъ конца штановъ до сапогъ, которые на ладонь не доходятъ до колѣнъ, отчасти у нихъ совершенно голое.

Рубахи Гренландцы дѣлаютъ себѣ изъ разрѣзанныхъ и высушенныхъ тюленьихъ кишекъ, которыя они тонкими ремешками

сшиваютъ вмѣстѣ; онѣ коротки, едва доходятъ до сидѣнья и называются у нихъ канисилъ (Kapissil).

По прибытіи 3-хъ Гренландокъ, о которыхъ мы говорили, въ Фленсбургъ, для нихъ приказали сдѣлать длинныя шерстяныя платья. Когда нѣсколько платьевъ этѣхъ, сдѣланныхъ изъ шерстяной матеріи различнаго цвѣта, предложили имъ на выборъ, то онѣ бросились на платья зеленаго цвѣта. Цвѣтъ этотъ онѣ особенно любятъ.

Жилища ихъ, въ ихъ отечествѣ, составляютъ хижины и шалаши. Для устройства хижинъ они вырываютъ землю на полъ аршина, обтыкаютъ вырытое мѣсто тычинами изъ растѣній и обтягиваютъ этѣ послѣднія шкурою тюленей и моржей. Точно также этѣми шкурами обтягиваютъ они съ обѣихъ сторонъ и легкій остовъ (дѣлаемый частію изъ рыбьихъ костей, частію же изъ дерева) своихъ маленькихъ лодокъ. Лодочки этѣ имѣютъ видъ утка, заостреннаго съ обоихъ концовъ; глубиною въ полъ локтя, шириною почти въ локоть, и по срединѣ оставляется отверстіе, въ которое только что можетъ пролѣзть человѣкъ; въ это отверстіе влѣзаетъ пловецъ, протягивая ноги впередъ. Кафтанъ свой онъ плотно привязываетъ къ краямъ отверстія, завязываетъ его также плотно на рукахъ и у головы, чтобы вода не могла къ нему проникнуть ни какимъ образомъ. Для плаванія на такой лодочкѣ онъ употребляетъ только одно весло, которое прямо идетъ на обѣ стороны, или имѣетъ по обѣимъ сторонамъ наконечники и гладкія лопатки, которыми онъ и держится въ равновѣсіи, и если опрокинется волною, то съ помощію ихъ можетъ тотчасъ же опять стать прямо. Гренландцы, для своего удовольствія, и для того, чтобъ показать себя передъ чужестранцами, часто нарочно опрокидываются въ волны въ этѣхъ своихъ лодочкахъ, и за тѣмъ тотчасъ же становятся опять прямо и плывутъ какъ ни въ чемъ не бывало. На такихъ лодкахъ они пускаются смѣло на нѣсколько миль въ море, и плаваютъ на нихъ такъ быстро, что наши многовесельныя судна не могутъ послѣдовать за ними.

Главнѣйшее занятіе Гренландцевъ составляетъ ловля въ морѣ рыбы, которую они добываютъ съ помощію лука и стрѣлъ

(важнѣйшаго ихъ орудія), или же ловятъ удочками. Удочки свои дѣлаютъ они не изъ желѣза, а изъ рыбьей кости, изъ которой они мастерски изготовляютъ ихъ, и называютъ этѣ удочки Карлуза (Karluza). Особенно искусны они въ ловлѣ китовъ, хотя и ловятъ ихъ совсѣмъ инымъ образомъ, чѣмъ Европейцы. Для ловли ихъ, равно какъ и для ловли тюленей и моржей, они употребляютъ весьма длинный ремень, вырѣзанный изъ рыбьей кожи, который они называютъ агла (Agla); на конецъ этого ремня привязываютъ длинную стрѣлу или багоръ, снабженный нѣсколькими крючками и называемый у нихъ аненнингъ (Anenning), а на другомъ концѣ надутую воздухомъ тюленью кожу, по ихнему авата (Awata). Когда стрѣла попадетъ въ рыбу, то рыбу пускаютъ плыть въ глубь съ этою стрѣлою, при чемъ надутая кожа, держась на водѣ, показываетъ слѣдъ рыбы: вынырнетъ рыба снова на поверхность, тутъ въ нее пускаютъ еще нѣсколько стрѣлъ, и когда она потеряетъ уже много крови и ослабѣетъ, ее убиваютъ и волокутъ на берегъ. Такая ловля доставляетъ имъ главнѣйшее средство питанія, по тому что въ странѣ ихъ преимущественная пища заключается въ рыбьемъ жирѣ, особенно въ жирѣ тюленей, который они ѣдятъ охотно и въ огромномъ количествѣ. Кромѣ того они ѣдятъ всякого рода сушеную и сырую морскую рыбу, особенно большую и жирную Hellbutten, особый родъ щуки, большихъ птицъ, водящихся тамъ во множествѣ, оленей и другую дичь, и даже нечистыхъ животныхъ, на прим., лисицу и собаку Эту послѣднюю ѣдятъ они, впрочемъ, не въ сыромъ видѣ, какъ пишутъ нѣкоторые, но вареную и вмѣстѣ съ рыбьимъ жиромъ, который они даже и пьютъ охотно, такъ что кромѣ жиру пьютъ только воду. Имъ давали вина, но они не могли его пить, находили его кислымъ и поскорѣе запивали его водою. Воды вливаютъ они въ себя невообразимо огромное количество, охотно ѣдятъ ледъ и снѣгъ, и пьютъ даже во время ночи. Они ѣли въ Даніи всякого рода мясо, дикихъ и домашнихъ животныхъ, треску ѣли сырую и вареную; но всѣ ихъ кушанья изготовляются безъ соли и кореньевъ, по тому что они терпѣть не могутъ ни соленаго, ни сладкаго, ни кислаго, какъ, на примѣръ, ни сахару, ни уксусу. Хлѣба они также не ѣли, но размоченный въ мясномъ бульонѣ они

ѣли его и при томъ ложкою. Мясо, когда ѣдятъ, отрѣзываютъ кусочками у самаго рта.

Охотно также ѣдятъ они сушеную, не вареную треску, которую приправляютъ ворванью, или масломъ, и откусываютъ кусками. Горшки въ Гренландіи дѣлаются изъ особаго сѣроватаго, легко рѣжущагося камня, который, когда пропитается ворванью, дѣлается твердымъ и выдерживаетъ сильный огонь. Ножи свои дѣлаютъ они изъ боковыхъ зубовъ морской рыбы, которую они зовутъ ekuluksua, piso; на Бразильскомъ же языкѣ, въ «Historia naturali Brasiliae», стр. 180, и у Іонстона (Jonstonius) «De piscibus», стр. 201, она называется Piratia Pua.

Кушанья ихъ вообще, приготовленныя по ихъ способу, безвредныя для ихъ природы, пріобыкшей къ разнымъ гадостямъ, легко могутъ быть вредны здоровью не привыкшаго къ нимъ, и даже опасны для его жизни.

Что касается до природы и нрава Гренландцевъ, то вообще ихъ можно назвать дикарями, такъ какъ у нихъ нѣтъ большаго ума, ни какого воспитанія, вѣжливости и стыда; живутъ они по скотски, издаютъ въ своихъ одеждахъ очень непріятный запахъ, никогда не моются, и если попадетъ какая нечистота имъ на руки, то они облизываютъ ее, какъ собаки, и наконецъ ѣдятъ собственныя гадины съ своего тѣла. Три помянутыя выше Гренландки, впрочемъ, отвыкли отъ этой отвратительной привычки. Смотрятъ они пасмурно, рѣдко смѣются, и большая часть ихъ робки, недовѣрчивы, хитры и необузданны, какъ значится это въ приведенныхъ выше путешествіяхъ въ Гренландію. Вообще народъ этотъ такой природы, какой бываютъ народы, живущіе подъ совершенно холоднымъ небомъ, которые, по мнѣнію Плинія, имѣютъ свои особенности. Такъ онъ говоритъ: Truces sunt ex coeli rigore.» Это хорошо знала Дидона, и по тому-то, когда хотѣла дать память спутникамъ Энея объ ея добромъ расположеніи къ нимъ, ея миролюбіи и дружбѣ, она сказала:

«Non obtusa adeo gestamus pectora Poeni,
Nec tam aversus equos Tyria sol jungit ab urbe.»

Т. е.

Мы, Пенейцы, вовсе негрубаго разума;
Солнце не такъ далеко уклонилось и отъ насъ.

Но Гренландцы на пространствѣ своего отечества въ разныхъ мѣстахъ бываютъ различны, какъ свѣдѣтельствуютъ о томъ Гоцке, Линдавъ и Англійскій мореходъ, на стр. 166. Этотъ послѣдній въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ присталъ и высадился, на юго-западѣ страны, нашелъ какъ самую страну, такъ и народонаселеніе въ ней, гораздо лучше, нежели Гоцке въ своей болѣе суровой сторонѣ. Наши 3 Гренландки, взятыя на пути Девиса, у Бальривира, тихи и легко перенимаютъ изъ того, что видятъ. Одна изъ нихъ, когда я нарисовалъ при ней карандашомъ руку и лице, довольно порядочно могла подражать мнѣ. Средняя, Кабелау, начала уже хорошо исполнять разнаго рода ручныя работы, которыми охотно занимаются наши дѣвицы, какъ, на прим., вязанье и тому подобное.

Когда во Фленсбургѣ давали балетъ для Его Королевскаго Величества, то на него взяли и сказанныхъ 3 Гренландокъ, чтобы онѣ могли позаимствоваться въ танцахъ, и какъ ни удивительны были для нихъ этѣ танцы, онѣ все таки научились не много и могли подражать имъ. Собственные же ихъ танцы состояли въ томъ, что онѣ изгибались въ дугу (смычкомъ), скакали то въ ту, то въ другую сторону и били въ ладоши, поднимая къ верху руки. Если, впрочемъ, онѣ охотно и легко перенимали иныя вещи, то учиться Датскому языку, напротивъ, охоты не имѣли, хотя отчетливо выговаривали всѣ выраженія, которыя заставляли ихъ повторять.

Ни серебру, ни деньгамъ ни какимъ Гренландки вовсе не давали ни какой цѣны, но очень дорожили желѣзомъ, сталью и всѣми вещами, сдѣланными изъ этѣхъ металловъ, какъ, на прим., ножами, ножницами, топорами, шпагами, гвоздями и подобными ими. Одной изъ нихъ я предложилъ ножъ и червонецъ, другой ножъ и рейхсталеръ, предоставивъ имъ на волю взять, что хотятъ, и обѣ онѣ взяли ножи, оставивъ деньги мнѣ.

Торгуются съ чужестранцами Гренландцы слѣдующимъ образомъ: выбравъ изъ чужеземныхъ товаровъ то, что имъ нужно, онѣ кладутъ ихъ въ одну кучку, и за тѣмъ въ другой помѣщаютъ свои товары въ такомъ количествѣ, которое онѣ считаютъ достаточнымъ для обмѣна. Потомъ каждая изъ торгующихся сторонъ отбираетъ, или добавляетъ, часть своихъ товаровъ до тѣхъ поръ, пока согласится въ стоимости обмѣняемыхъ товаровъ. Товары преимущественно вымѣниваемые ими у чужестранцевъ, составляютъ, какъ сказано уже: ножи, ножницы, иглы, зеркала, ленты, желѣзо, сталь, стеклянные бусы и проч.; ихніе же товары заключаются: въ тюленьей шкурѣ, въ тюленьемъ и китовомъ жирѣ, рыбьемъ жирѣ и рогѣ единорога. Единорогъ этотъ, впрочемъ, не есть четвероногое, на землѣ живущее животное, а особый родъ кита, водящійся въ Гренландскомъ морѣ. Рогъ у этого животнаго ростетъ впереди носа, и по тому скорѣе можетъ быть названъ зубомъ, нежели рогомъ. Что этотъ рогъ не есть принадлежность четвероногаго животнаго, доказывается тѣмъ, что онъ имѣетъ силу и дѣйствіе, приписываемыя рогу морскаго единорога, именно, что онъ употребляется противъ яда, какъ это дознано въ разныхъ мѣстахъ и, между прочимъ, 3 года тому назадъ въ Копенгагенѣ, покойнымъ и знаменитымъ врачомъ Олаемъ Вурмомъ, а еще недавно и у насъ въ опытахъ надъ нѣсколькими собаками.

Корабль помянутаго выше Г-на Генриха Миллера привезъ нѣсколько такихъ роговъ единороговъ, и одинъ изъ нихъ находится въ Готторфѣ, въ Палатѣ рѣдкостей Его Княжеской Свѣтлости, моего Милостивѣйшаго Государя, вмѣстѣ съ рыболовными снастями, лодкой и одеждой Гренландцевъ, а также портретами 3-хъ Гренландокъ. Рогъ этотъ величиною 8 фут. и 2 дюйма и вѣсомъ 18 фунтовъ. Въ Палатѣ же рѣдкостей (Кунстъ-Камерѣ) Его Величества Короля Датскаго находится рогъ еще 6-ю дюймами длиннѣе этого.

Изъ такого рога дикіе дѣлаютъ свои багры для ловли большихъ рыбъ и наконечники для стрѣлъ, также своего рода рубящіе и рѣжущіе орудія, которые они отлично обтачиваютъ на камняхъ. Какія кромѣ того предметы и богатства на-

ходятся въ Гренландіи, можно видѣть въ неоднократно уже упомянутомъ 26 мореплаваніи, которое издалъ (описалъ) Христофоръ Ле Блонъ (Le Blon, pag. 14), а именно: тамъ есть дорогой мраморъ всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шпатъ, талькъ и слюда. Въ томъ мѣстѣ Гренландіи, гдѣ высадился Англійскій мореходъ, по испаренію (дыму, пару), восходившему изъ земли, заключили, что въ странѣ находятся сѣрные рудники. Посланые на кораблѣ въ Гренландію Королемъ Фридрихомъ II нашли тамъ богатую серебряную руду, давшую 100 фунтовъ 26 унцевъ чистаго серебра.

Купеческій корабль, плававшій въ Гренландію въ 1636 году, нашелъ тамъ у одной рѣчки песокъ, цвѣтомъ и тяжестію похожій на золото; этимъ пескомъ экипажъ наполнилъ большую часть корабля; но когда онъ возвратился въ Данію, то песокъ этотъ данъ былъ на пробу одному золотыхъ дѣлъ мастеру (вѣроятно, не знавшему ни чего о томъ, какъ сплавлять подобный пескъ). Когда же изъ этой пробы ни чего не вышло, то песокъ этотъ, не потвергая болѣе основательному изслѣдованію, выбросили въ море, для облегченія корабля, какъ бы отъ излишней тяжести. Потомъ разскаявались въ этомъ, когда увидали, что изъ подобнаго же песку, найденнаго въ Норвежскихъ горахъ, другой опытный золотыхъ дѣлъ мастеръ извлекъ золото хорошаго качества.

Много лѣтъ протекло, и не многіе знали, что горы Сѣверныхъ странъ богаты серебромъ и золотомъ, но теперь, нѣсколько только лѣтъ, это окончательно дознано: особенно въ Норвегіи открыты богатыя серебромъ рудокопни, изъ которыхъ добываютъ большія глыбы чистаго серебра, и я самъ недавно видѣлъ и держалъ въ рукахъ кусокъ такого серебра, у Его Величества, Датскаго Короля, въ тридцать фунтовъ вѣсомъ.

Что касается до Вѣры Гренландцевъ, то не могли еще узнать, въ чемъ именно она заключается. Не сомнѣнно то, что они язычники и идолопоклонники, и одного ихъ идола, найденнаго на берегу Девисова пролива, мы пріобрѣли изъ Палаты рѣдкостей Палудана (Paludanus). Идолъ этотъ довольно грубо вырѣ-

занъ изъ дерева, величиною въ полъ локтя, одѣтъ въ перья и шерсть и обвѣшанъ небольшими продолговатыми зубами животныхъ, или звѣрей. Когда я показалъ Гренландкамъ этого идола, онѣ тотчасъ признали его, называли его Nalymguisang и объяснили, что дѣти ихъ обыкновенно пляшутъ передъ нимъ. Дѣти же должны обращаться по временамъ къ солнцу и плакать, когда оно взошло ясно. Должно думать, что они обожаютъ солнце, какъ пишетъ это и Іоаннъ Лае (Laet,) основываясь на другихъ свѣдѣніяхъ. Ни въ какое другое время не слыхали и не видали, чтобы они молились, вставая отъ сна, или ложась спать, ни передъ ѣдою, ни послѣ ея.

Цейлеръ (Zeilerus), въ своемъ описаніи Скандіи или Schonen, говоритъ, что они, какъ и Лапонцы, весьма искусны въ чародѣйствѣ, своими заклинаніями могутъ насылать грозу и поставлять такимъ образомъ въ опасность корабли чужестранцевъ, для того, чтобы имъ удобнѣе было грабить ихъ. Объ этомъ хотя и не слышно въ новѣйшихъ недавнихъ путешествіяхъ въ Гренландію, но полагаютъ, что подобная продѣлка имѣла мѣсто тогда, когда корабль Магнуса Геннингсена долженъ былъ простоять на морѣ въ бездѣйствіи и вернуться безуспѣшно, какъ говорили мы выше объ этомъ.

Они придаютъ большое значеніе заклинаніямъ, произносимымъ ими, какъ это видно изъ слѣдующаго: когда кто ни будь изъ бывшихъ у насъ Гренландцевъ заболѣвалъ, то здоровый ложился подлѣ больнаго навзничь; на него садился потомъ больной, обвязывалъ голову здороваго повязкой, втыкалъ за эту повязку у лба палку, которую безпрестанно приподымалъ голову здороваго и при этомъ что-то много говорилъ. Приподнималась такимъ образомъ голова въ началѣ легко, потомъ все труднѣе и труднѣе, а наконецъ больной и вовсе не могъ приподнимать головы здороваго. Тогда страждущій начиналъ произносить уже совсѣмъ другія слова и снова, принимался приподнимать тѣмъ же способомъ голову здороваго, но только наоборотъ, въ началѣ съ трудомъ, и за тѣмъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ легче. Какое представленіе или понятіе связываютъ они съ такого рода дѣйствіями, извѣстно одному Богу.

У себя Гренландцы не признаютъ ни какого начальства, не имѣютъ ни какого различія состояній; но у кого больше дѣтей, луковъ и стрѣлъ, кто больше набьетъ рыбы и дикихъ звѣрей, тотъ и считается у нихъ богатѣйшимъ и знатнѣйшимъ.

Въ отношеніи естественныхъ свойствъ обитателей этой страны, особенно же что касается темножелтаго цвѣта ихъ кожи, то свойство это даетъ достаточныя причины каждому удивляться ему; ибо цвѣтъ этотъ можно предполагать только въ жаркихъ, а не въ такихъ сурово-холодныхъ, странахъ, въ которыхъ живутъ Гренландцы. Плиній говоритъ: «Aethiopas vicini sideris vapore torreri, adustisque similes gigni, et adversa plaga mundi atque glaciali candida cute esse gentes, flavis promissis crinibus.» Если бъ такой темный цвѣтъ происходилъ только отъ одного солнечнаго жара, то Гренландцы, не подверженные ему, тѣломъ своимъ были бы не такъ черны, но гораздо бѣлѣе, какъ и Самоѣды, которые живутъ подъ одной съ ними линіей неба, или подъ одной высотою полюса.

Подобное различія цвѣта мы находимъ и во многихъ другихъ мѣстахъ свѣта: люди, живущіе на Африканскомъ мысѣ Доброй Надежды, черны, какъ смоль, какъ это видѣли и пишутъ Мандельсо въ своемъ странствіи въ Восточную Индію и другіе путешественники. Испанцы же и Итальянцы, равно какъ и Персы, живущіе въ такомъ же разстояніи отъ равноденственника (на такой же широтѣ), хотя въ Сѣверномъ, а тѣ (т. е., жители мыса Доброй Надежды) въ Южномъ полушаріи, цвѣтомъ бѣлые. Также жители страны отца Іоанна (одинъ изъ такихъ находится при нашемъ Дворѣ), темножелтаго цвѣта, а жители Цейлана и Малабара чернаго, какъ уголь, хотя и тѣ и другіе лежатъ подъ одною линіею. Еще болѣе: почти всѣ народы живущіе въ Америкѣ, и всѣ тѣ безъ исключенія, которые живутъ тамъ прямо подъ равноденственникомъ, не вполнѣ чернаго цвѣта, но также, какъ и Гренландцы, темножелтаго. Если изъ этого усматриваемъ, что причина такого явленія заключается не въ одной только близости, или отдаленности, солнца, и если спросимъ о прямыхъ, дѣйствительныхъ его причинахъ, то должны будемъ приписать ихъ сокрытымъ таинственнымъ свойствамъ земли, неба, или воздуха, которыя

(какъ говоритъ Барлей въ своей «Historia Brasiliae, оспаривая Графа Морица) «ignorantiae, proh dolor! humanae asyla.»

Сдѣсь долженъ я также упомянуть о томъ, что Французскій писатель, Бохартъ (Bochartus), въ своемъ «Phaleg или въ Священной Географіи (lib. 4, c. 1, de Chami posteris) пишетъ, размышляя о Маврахъ и вообще о дикихъ чернаго цвѣта. А именно, что они будучи потомками проклятаго Хама, должны были носить черный какъ знакъ проклятія, и что самое имя Хама носитъ въ себѣ слѣды этого проклятія, ибо חם Хамъ значитъ жаркій, горячій, и חום Хумъ (Chum) черный, и что, наконецъ, не безъ особеннаго соизволенія Божьяго случилось то, что Хаму досталась часть въ жаркихъ палящихъ земляхъ, которыми и теперь обладаютъ его потомки; такъ, на пр., часть Азіи, Африки, отсюда въ Америку и такъ далѣе, до этѣхъ Гренландцевъ, которые, безъ сомнѣнія, также суть потомки Хама. Таковы церковныя воззрѣнія на чернокожихъ и дикихъ. Что касается до естественнаго развѣтвленія и различія между черными и темножелтымъ цвѣтами въ различныхъ мѣстахъ, то должно полагать, что оно происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что первоначально установленная природа и коренной родъ черныхъ, отъ родителей черныхъ, съ теченіемъ времени смѣшался съ бѣлымъ, и отъ того пошла порода не совершенно черныхъ. То же видимъ мы на прививкахъ и мулахъ, которые происходятъ отъ двухъ родовъ и породъ (Это сравненіе я беру сдѣсь, слѣдуя Бодину, Bodinus). И такой родъ и свойства не перемѣняютъ они съ перемѣною мѣста.

По этому ученый Горнъ (Hornius), въ своемъ «De origine gentium Americanarum», полагаетъ, что обитатели Кварека (Quareca), такъ какъ они гораздо чернье всѣхъ другихъ Американцевъ, совершенно похожи на Мавровъ, размножились тамъ отъ Мавровъ, и перемѣна неба не имѣла на нихъ ни какого вліянія. Основываясь на этомъ, я также, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, держусь мнѣнія, что происхожденіе Гренландцевъ должно быть изъ Америки и изъ Татаріи, и что Гренландія должна на востокъ примыкать къ Америкѣ, а на западъ къ Татаріи, или даже соединяться съ ними посредствомъ какого ни будь узкаго ледянаго моря (пролива), черезъ которое легко можно было бы

пройти и проѣхать. Цейлеръ, въ приведенномъ выше сочиненіи, думаетъ, что Гренландія соприкасается также съ Лапоніей, ибо жители ея, какъ и Лаплонцы, имѣютъ общую наклонность къ чародѣйству. (См. Horn. l. 2, c. 1). Что, слѣдовательно, Гренландцы, имѣющіе чисто Американскій цвѣтъ и внутреннія свойства, а лицо и волосы Татарскіе, пришли съ запада, изъ Америки, смѣшались съ Татарами и удержали свой цвѣтъ въ такой холодной мѣстности, какъ и Мавры въ нашей странѣ. И это вовсе не плохое объясненіе истиннаго происхожденія Гренландцевъ; ибо помянутый сейчасъ писатель говоритъ: «Magnum prae ceteris in eruenda gentium origine momentum habet corporis habitus, minus quam cetera mutationi obnoxius.» На этомъ основаніи и Геродотъ доказывалъ, что Колхидяне должны были прибыть изъ Египта, по тому что имѣли черные курчавые волоса. Объ этомъ можно читать въ его «Euterpe».

Для дальнѣйшаго подтвержденія такого мнѣнія, приведу здѣсь мѣсто изъ описанія Западной Индіи Іоанна де Лае (Johannes de Laet), гдѣ онъ пишетъ объ островѣ, называемомъ «Новая Земля» (Terra Nova), который лежитъ противъ Гренландіи, на западъ, въ Америкѣ: «Quicunque nuper de hac insula scripserunt, magno consensu testantur orientalem et meridionalem illius plagam nullis hominibus habitari, sed omnes incolas barbaros ad occidentalem et orientalem partes incertis sedibus vagari, asperi et inculti, et cet.» То есть: Всѣ, писавшіе объ этой странѣ, единогласно свѣдѣтельствуютъ, что восточная и западная ея части не обитаемы ни какимъ извѣстнымъ народомъ, но посѣщаются варварами, которые шатаются туда и сюда. Это—грубые, дикіе люди, которые не признаютъ и не боятся ни Бога, ни какого либо правленія. Живутъ они болѣе какъ звѣри, чѣмъ какъ люди, и такъ какъ они во всемъ сходны съ обитателями Сѣверныхъ частей материка, то, безъ сомнѣнія, и одного съ ними происхожденія. Они не велики ростомъ, черноволосы и съ приплюснутыми носами. Одежда ихъ, какъ и жилища, дѣлаются изъ шкуръ морскихъ животныхъ. Они весьма искусны въ китоловствѣ, въ добываніи изъ китовъ ворвани (жиру) и чрезвычайно трудолюбивы и услужливы по отношенію къ Французамъ и Испанцамъ, которые ежегодно пріѣзжаютъ въ проливъ Св. Лаврентія для ловли ки-

товъ. И такъ далѣе въ помянутомъ мѣстѣ сочиненія Іоанна де Лае.

Изъ сихъ обстоятельствъ видно, что эти люди, по природѣ горячіе, темножелтые и съ расписанными лицами, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, жизни, нравахъ и видѣ сходны съ Гренландцами, и по тому Гренландцы (такъ говоря) могутъ быть названы Сѣверо-Американцами. Также, что Гренландія не есть вовсе отдѣльная отъ Америки земля, не смотря на проливъ Девиса (Freto Davis), который отдѣляетъ ихъ и которымъ возражаютъ противъ сказаннаго предположенія, говоря, что море это никто еще не переходилъ. Но его должно скорѣе считать заливомъ, которыхъ тамъ много, и которые, будучи окружены землей, подобно стоячимъ озерамъ, легко замерзаютъ

Изъ сказаннаго ясно, что весьма ученый Г. Гротъ (H. Grotius) очень ошибается, говоря, что Гренландія, и даже всѣ огромное пространство цѣлой половины Америки до перешейка (Isthmum) и города Панамы (Panoma), заселено Норвежцами; ибо жители ея ни видомъ, ни цвѣтомъ, ни языкомъ вовсе не похожи на Норвежцевъ, но совершенно сходны съ Африканцами и Татарами. Въ этомъ согласны со мною помянутые де Лае и Горнъ, достаточно въ такомъ случаѣ опровергающіе Грота.

На этотъ разъ довольно будетъ о Гренландцахъ. За симъ обратимся снова въ Россію къ нашимъ Москвитянамъ.

ГЛАВА V.

Собственно о Русскихъ, относительно ихъ внѣшняго вида и одежды.

Москвитянъ или Русскихъ разсмотримъ мы прежде всего съ внѣшней стороны, а именно, по ихъ наружному виду, образу и одеждѣ, а за тѣмъ уже съ внутренней, по ихъ духу, способностямъ и нравамъ.

Мужчины вообще великорослые, плотные и крѣпкіе люди, кожею и естественнымъ цвѣтомъ похожіе на остальныхъ Европейцевъ. Они придаютъ большое значеніе длиннымъ, окладистымъ, бородамъ и толстымъ брюхамъ, и по тому обладающіе ими пользуются большимъ почетомъ отъ другихъ. Даже Его Царское Величество наряжаетъ такихъ людей, обыкновенно бывающихъ между купечествомъ, на службу при торжественныхъ представленіяхъ, даваемыхъ Посламъ, чѣмъ Его Величество думаетъ придать большее уваженіе къ своей особѣ. Усы Русскіе отпускаютъ длинные, висящіе черезъ уста.

Волосы на головѣ только одни ихъ Попы или Священники носятъ длинные, распущенные по плечамъ, всѣ же остальные коротко подстриженные. Знатные Бояре подбриваютъ ихъ даже бритвою и считаютъ это украшеніемъ. Амвросій (Ambrosius), впрочемъ, совсѣмъ иного объ этомъ мнѣнія и говоритъ: «Ex arboribus licet, quae humani sit gratia capitis, aestimare: tolle arbori comam, tota arbor ingrata est.» Можетъ быть, это онъ заимствовалъ изъ Овидія:

«Turpe pecus mutilum, turpis sine gramine campus,
Et sine fronde frutex, et sine crine caput.»

Т. е., Не хорошо животное безъ хвоста, лугъ безъ травы, кустарникъ безъ листвы, точно также не хороша и голова безъ волосъ.

Но какъ скоро кто провинится въ чемъ передъ Его Царскимъ Величествомъ, или узнаетъ, что онъ подъ опалой, то отпускаетъ себѣ длинные, не расчесываемые, волосы на все время, пока бываетъ въ немилости. Обычай этотъ, можетъ быть, они заимствовали у Грековъ, которымъ стараются они подражать во всемъ; ибо Греки, по сказанію Плутарха, при какомъ ни будь большомъ несчастіи ходили съ длинными, распущенными волосами. Женщины же въ подобныхъ обстоятельствахъ стригли себѣ волосы (Plut. Quaest. Rom. 14, pag. 267).

Женщины въ Россіи средняго роста, вообще стройны, нѣжны лицемъ и сложеніемъ, но въ городахъ всѣ румянятся, и такъ

грубо и замѣтно, что, глядя на нихъ, подумаешь, будьто кто вымазалъ ихъ рукою, полною муки, и потомъ кисточкой намазывалъ имъ щеки красной краской. Брови и рѣсницы они также подкрашиваютъ черною, а иногда коричневою, краской.

Навѣщая сосѣдей, или появляясь въ обществѣ гдѣ ни будь въ гостяхъ, женщина, чтобы быть угодною для всѣхъ, непремѣнно должна раскраситься сказаннымъ образомъ, хотя отъ природы она и была бы красивѣе, чѣмъ нарумянена, и дѣлается это для того, чтобы природная красота не выдавала безобразія тѣхъ, которыя имѣли нужду въ искуственной прикрасѣ. Такъ случилось разъ въ нашу бытность въ Москвѣ, что жена знатнѣйшаго Вельможи и Боярина, Князя Ивана Борисовича Черкаскаго (Ivan Borissewitz Zirkaski), прекрасная собою, не хотѣла было румяниться сначала, но ее тотчасъ же оговорили жены другихъ Бояръ, за чѣмъ она презираетъ порядокъ и обычаи ихъ земли, и тѣмъ хочетъ опозорить другихъ, себѣ подобныхъ, и дѣло до того довели чрезъ своихъ мужей, что эта, красивая отъ природы, женщина принуждена была, наконецъ, румяниться и, такъ сказать, зажигать свѣчку при свѣтломъ сіяніи солнца.

Такъ какъ всѣ румянятся тамъ, не скрываясь, то женихъ обязанъ, передъ свадьбою, между прочими подарками, прислать невѣстѣ и коробочку румянъ, о чемъ, впрочемъ, скажу я еще при описаніи ихъ свадебъ вообще.

Замужнія женщины волосы носятъ подобранныя вмѣстѣ подъ шапочкой (Mützen), взрослыя же дѣвицы заплетаютъ ихъ въ косы, которыя спускаютъ вдоль спины, и на концахъ ихъ вплетаютъ красныя шелковыя ленты.

У дѣтей моложе 10 лѣтъ, какъ у дѣвочекъ, такъ и у мальчиковъ, волосы стригутъ на всей головѣ, оставляя только по локону по обѣимъ сторонамъ; дѣвочки же, въ отличіе отъ мальчиковъ, носятъ въ ушахъ большія серебряныя, или мѣдныя, кольца (сережки).

Одежда мужчинъ Русскихъ почти похожа на Греческую: они носятъ рубашки широкія, но короткія, едва достигающія до си-

дѣнья, и безъ отложнаго ворота около шеи; на спинѣ, внизъ отъ плечей, подшивается подкладка, въ видѣ треугольника, вышитаго краснымъ шелкомъ, у нѣкоторыхъ подъ мышками, и снизу по обѣимъ сторонамъ, вшиваютъ довольно красиво ластовицы изъ красной тафты. У богатыхъ воротъ рубашки шириною въ дюймъ, разрѣзъ напереди и рукава вышиты разноцвѣтными шелками, иногда же золотомъ и жемчугомъ, и въ такомъ случаѣ рукава эти выпускаютъ изъ подъ рукавовъ кафтана; въ томъ мѣстѣ, гдѣ воротникъ рубашки сходится, пришиваются двѣ жемчужныя, серебряныя, или золотыя, застежки. Штаны или порты носятъ они вверху широкіе, собранные на тесьмѣ, на которой они распускаютъ ихъ шире, или стягиваютъ уже, смотря по надобности. Поверхъ рубашки они носятъ узкіе кафтаны, похожіе на наши фуфайки, только длинные до колѣнъ и съ длинными же рукавами, стянутыми у кисти и собранными въ нѣсколько складокъ; сзади, у шеи, на кафтанѣ дѣлаются воротники, длиною и шириною въ $^1/_4$ локтя, снизу подбитые бархатомъ, а у знатныхъ парчею, и воротники эти выпускаются изъ подъ верхнихъ кафтановъ и твердо стоятъ подъ затылкомъ. Одежду эту они называютъ кафтаномъ (Kafftan). Сверхъ этого кафтана нѣкоторые надѣваютъ еще другой, длинный до икръ, называемый у нихъ ферязью (Feres). Оба эти нижніе кафтана шьются изъ полуситца, киндяка, тафты, камки, или атласа, смотря по достатку. Ферязи подбиваются ватой. Сверхъ ферязи надѣвается еще болѣе длинный кафтанъ, достигающій до пятъ; но этотъ кафтанъ надѣваютъ они сверхъ первыхъ двухъ только тогда, когда выходятъ со двора. Такіе верхніе кафтаны шьются вообще изъ голубо-фіолетоваго, темно-коричневаго, или темно-зеленаго сукна, а также изъ пестраго атласа, или парчи.

Всѣ послѣдняго рода, т. е., парчевые кафтаны, хранятся обыкновенно въ Великокняжескихъ кладовыхъ и ссужаются только сановникамъ и почетнымъ Боярамъ, которые наряжаются для присутствованія при торжественныхъ представленіяхъ.

У верхнихъ кафтановъ назади, на плечахъ, дѣлается широкій воротникъ; спереди и по бокамъ разрѣзы, обшитые золотымъ, а иногда и жемчугомъ унизаннымъ, снуркомъ, на которомъ

висятъ длиныя кисти. Рукава въ этѣхъ кафтанахъ такой же почти длины, какъ и самые кафтаны, но чрезвычайно узки; надѣвая ихъ, рукава этѣ собираются на руки во множество складокъ, такъ что едва возможно бываетъ высунуть изъ нихъ руки наружу; иногда въ ходьбѣ рукава этѣ распускаются съ руки во всю ихъ длину, такъ что они висятъ гораздо длиннѣе рукъ. Холопы и мошенники въ такихъ рукавахъ не рѣдко скрываютъ камни, или дубинки, съ которыми нападаютъ, особенно ночью, на проходящихъ и убиваютъ ихъ.

Русскіе всѣ носятъ на головахъ шапки, Князья и Бояре, или Государственные Совѣтники (Царскіе Думные), когда выходятъ на торжественныя собранія, изъ черной лисицы, или соболя, вышиною съ локоть (¾ аршина); въ другое же время—бархатныя, на подобіе нашихъ, шапки, подбитыя черною лисицей, или соболемъ, съ небольшою опушкою изъ того же мѣха, и по обѣимъ сторонамъ обшитыя золотымъ, или жемчужнымъ, снуромъ. Простой народъ лѣтомъ носитъ бѣлыя войлочныя шляпы, а зимою суконныя, подбитыя обыкновеннымъ (бараньимъ) мѣхомъ шапки (Schapken).

Всѣ Русскіе, также какъ и Поляки, носятъ короткіе сапоги, съ длинными острыми носками, изъ юфти, или изъ Персидскаго сафьяну. О кордуалѣ (Греческой кожѣ), они ни чего и не знаютъ. Женщины, особенно дѣвицы, носятъ башмаки съ весьма высокими, въ четверть локтя каблуками, подбитыми снизу кругомъ маленькими, красивыми гвоздиками; въ такихъ башмакахъ онѣ не могутъ и ходить много, по тому что должны ступать только на цыпочки, едва касаясь земли передкомъ башмака.

Женское платье похоже на мужское, только верхнее у нихъ шире нѣсколько, а шьется изъ того же сукна; богатыя женщины обшиваютъ свои платья спереди, сверху до низу, позументами и другими золотыми тесьмами, нѣкоторыя окаймляютъ ихъ снурками и кистями, остальныя наконецъ разукрашиваютъ ихъ большими серебряными и свинцовыми пуговицами. На верху у плечей рукава въ платьяхъ имѣютъ отверстія, въ которыя можно было бы просовывать руки, и въ такомъ случаѣ самые рукава

оставляются висящими. Женщины не носятъ вовсе кафтановъ, а тѣмъ болѣе четырехъугольныхъ, высоко подъ затылкомъ стоящихъ воротниковъ. Рукава въ женскихъ рубашкахъ дѣлаются въ 6, 8 и 10 локтей, а если рубашки шьются изъ чистаго полусита, то и длиннѣе, но узкіе и собираемые на руки во множество складокъ. На головахъ женщины носятъ развалистыя, широкія шапки парчевыя, атласныя или камчатыя и обшитыя золотою каймою, нѣкоторыя же разукрашиваютъ ихъ золотомъ и жемчугомъ съ опушкою изъ боброваго мѣху, волосъ котораго опушаетъ и закрываетъ у нихъ болѣе половины лба. Взрослыя дѣвицы носятъ большія лисьи шапки.

Въ прежнее время Нѣмцы, Голландцы, Французы и другіе иностранцы, служившіе у Великаго Князя, или по торговымъ дѣламъ своимъ пребывавшіе и жившіе въ Москвѣ, должны были носить платье и всю одежду, сшитыя на Русскій образецъ, для того, чтобы тѣмъ оградить ихъ отъ ругательствъ и оскорбленій чернаго народа. Но назадъ тому годъ, нынѣшній Патріяхъ измѣнилъ это и именно по слѣдующему случаю: однажды, когда въ городѣ была большой, торжественный ходъ, въ которомъ принималъ участіе самъ Патріярхъ, благословляющій обыкновенно по улицамъ народъ, толпящійся вокругъ, нѣсколько Нѣмцевъ, стоявшіе также въ толпѣ между Русскими, отвѣчали на благословенія Патріярха не такими низкими поклонами, какъ Русскіе. Патріярхъ съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на нихъ и узнавъ, что то были Нѣмцы, сказалъ: «Не подобаетъ недостойнымъ чужестранцамъ, по невѣдѣнію моему ихъ, получать мое благословеніе.» И по тому, чтобы впередъ онъ могъ узнавать ихъ и различать отъ Русскихъ въ толпѣ, онъ издалъ строгій приказъ всѣмъ иноземцамъ, чтобы они немедленно перестали носить Русскія одежды, и ходили бы въ своихъ, ихъ странѣ свойственныхъ, платьяхъ.

Какъ ни трудно было нѣкоторымъ изъ иностранцевъ немедленное исполненіе такого строгаго приказа, тѣмъ не менѣе, не желая навлечь себѣ непріятностей, они поспѣшили возможно скорѣе его исполнить. Многіе изъ нихъ, по недостатку матеріи и другихъ принадлежностей одежды, для изготовленія новаго платья, а также и по тому, что портные не могли немедленно построить

этѣ новыя платья, поставлены были въ затруднительное положеніе, такъ какъ, обязанные ежедневною службой при Царскомъ Дворѣ, они не могли явиться туда, не навлекши на себя неудовольствія. По этому каждый хватался за то, что было у него ближе подъ рукою. Иные надѣли на себи отцовскія, дѣдовскія, и, можетъ быть, даже прадѣдовскія, или другихъ друзей, платья, изъ которыхъ часть еще при Грозномъ прибыла въ Москву, вмѣстѣ съ привозомъ въ нее древнихъ Ливонцевъ, и хранилась тамъ въ сундукахъ до сего времени. Когда одѣтые такимъ образомъ этѣ иностранцы прибыли въ свое собраніе, то появленіе ихъ причинило не мало смѣху, не по тому только, что платье на нихъ было уже старо и вышло изъ обыкновенія, но и по тому, что на одномъ платье было уже очень широко, а на другомъ коротко и узко.

Въ настоящее время, всѣ иностранцы, какой землѣ они ни принадлежали бы, должны носить свои народныя платья, для того, чтобы ихъ можно было отличить отъ Русскихъ.

Въ Москвѣ живетъ Князь, по имени Никита Ивановичъ Романовъ (Mikita Ivanovitz Romano), знатнѣйшій и богатѣйшій изъ Бояръ послѣ Царя и близкій его родственникъ, превеселый Боярин, большой любитель Нѣмецкой музыки. Онъ имѣетъ особенное расположеніе не только ко всѣмъ иностранцамъ, преимущественно же къ Нѣмцамъ, но даже и къ ихъ платью, такъ что построилъ себѣ Польское и Нѣмецкое платье, въ которыхъ, ради своего удовольствія, и выѣзжаетъ иногда на охоту, не обращая вниманія на замѣчаніе Патріярха; но на этѣ, равно и на другія, замѣчанія его, по поводу нѣкоторыхъ противъ-религіозныхъ поступковъ, Князь всегда давалъ короткіе и рѣзкіе отвѣты, такъ что наконецъ Патріярхъ долженъ былъ хитростію похитить у Князя иностранныя платья, и такимъ образомъ лишить его возможности одѣваться въ нихъ.

ГЛАВА VI.

О природныхъ свойствахъ Русскихъ, объ ихъ правахъ и обычаяхъ.

Если разсматривать Русскихъ со стороны нравовъ, обычаевъ и образа ихъ жизни, то по справедливости ихъ должно отнести къ варварамъ; ибо и теперь имъ далеко еще до того, что еще въ древности были Греки, и хотя Русскіе хвалятся прибытіемъ къ себѣ Грековъ и родствомъ съ ними, но они не имѣютъ ни чего общаго между собою ни по языку, ни по искуствамъ. Извѣстно, что одни только Греки считались разумными и образованными людьми; всѣ же прочіе, не Греки, назывались варварами. Такъ какъ Русскіе не любятъ ни какихъ высшихъ знаній, ни свободныхъ искуствъ, а тѣмъ менѣе сами охотно ими занимаются, то, по изреченію: «Didicisse fideliter artes emolit mores, nec sinit esse feros» (т. е., занятіе искуствами смягчаетъ нравы и не дозволяетъ быть жестокимъ), Русскіе и остаются невѣжественны и грубы.

Большинство Русскихъ, когда что либо узнаютъ отъ чужестранцевъ о высокихъ знаніяхъ и извѣстныхъ имъ естественныхъ наукахъ и искуствахъ, произноситъ самыя грубыя и неразумныя сужденія: такъ Астрономію и Астрологію они считаютъ волшебными науками. Они ни какъ не думаютъ, чтобы было естественно знать напередъ и предсказать затмѣнія солнца и луны, равно какъ движеніе другой какой либо планеты. По этому, когда, по возвращеніи нашемъ изъ Персіи, въ Москвѣ стало извѣстно, что Великій Князь пригласилъ и назначилъ меня своимъ Астрономомъ, начались толки: въ Москву, де, скоро вернется волшебникъ, находящійся теперь въ Голштинскомъ Посольствѣ, который по звѣздамъ узнаетъ будущее. Нѣкоторые возымѣли даже отвращеніе ко мнѣ, что, вмѣстѣ съ другими причинами, и заставило меня отказаться отъ предложенной мнѣ должности.

Можетъ быть, впрочемъ, Москвитяне желали удержать меня въ своей землѣ, не за то, что я былъ свѣдущъ въ Астрономіи,

а по тому скорѣе, что я рисовалъ, какъ имъ стало извѣстно, рѣку Волгу и Персидскія области, черезъ которыя мы проѣзжали, и положилъ ихъ на карту.

Позднѣе, именно въ 1643 году, когда я опять былъ въ Москвѣ, будучи посланъ туда моимъ Милостивѣйшимъ Государемъ, я, сидя дома, забавлялся камеръ-обскурой, пропуская сквозь небольшое отверстіе и шлифованное стекло все то, что происходило на улицѣ передъ окномъ, и представляя этѣ изображенія живыми красками, вошелъ ко мнѣ Русскій Подканцлеръ, которому я и показалъ тѣ изображенія. Онъ перекрестился и сказалъ: «Это чародѣйство!» Его собственно поразили люди и лошади, ходившіе вверхъ ногами, какъ представлялись они на изображеніи.

Хотя Русскіе любятъ и уважаютъ Врачей и ихъ искуство, но ни какъ не одобряютъ и не допускаютъ тѣхъ обыкновенныхъ средствъ, которыя употребляются въ Германіи и другихъ странахъ и которыми наглядным образомъ только и можно совершенствоваться въ дѣлѣ лѣченія, какъ, на прим., анатоміированія тѣла человѣческаго, или дѣланія скелетовъ, къ которымъ Русскіе питаютъ величайшее отвращеніе.

Не много лѣтъ тому назадъ, одинъ искусный цырюльникъ, по имени Квиринъ (Quirinus), Голландецъ, чрезвычайно любезный человѣкъ, находился въ службѣ у Великаго Князя и въ своемъ жилищѣ имѣлъ человѣческій скелетъ, который висѣлъ у него на стѣнѣ позади стола. Однажды, когда онъ, по своему обыкновенію, сидя за столомъ, игралъ на лютнѣ, пришли, на звукъ музыки, Стрѣльцы, которые тогда еще держали постоянную стражу на Нѣмецкомъ Дворѣ, и, ради любопытства, заглянули въ дверь. Когда они увидѣли висѣвшія на стѣнѣ человѣческія кости, то перепугались, и тѣмъ еще болѣе, когда замѣтили, что кости тѣ двигались; въ ужасѣ они разбѣжались и распустили слухъ, что Нѣмецкій цырюльникъ повѣсилъ у себя на стѣнѣ мертвеца, и когда самъ играетъ на лютнѣ, то мертвецъ движется. Слухъ этотъ тотчасъ дошелъ до Великаго Князя и Патріярха, которые послали немедленно нарочныхъ посмотрѣть и разузнать все обстоятельно, особенно наблюдая за тѣмъ, когда цырюльникъ будетъ играть на лютнѣ. Посланные не

только подтвердили первое показаніе, но еще увѣряли, что мертвецъ на стѣнѣ просто плясалъ подъ лютню.

Русскимъ показалось это великимъ дивомъ: они начали держать совѣтъ и порѣшили, что цырюльникъ непремѣнно должно быть колдунъ, и что его слѣдуетъ сжечь, вмѣстѣ съ его костями мертвеца. Какъ только Квиринъ узналъ о замышленномъ втайнѣ противъ него, опасномъ для него, рѣшеніи, тотчасъ послалъ одного знатнаго Нѣмецкаго купца, котораго всѣ Бояре всегда хорошо принимали, къ Князю Ивану Борисовичу Черкаскому, объяснить настоящее значеніе дѣла и отклонить отъ него, Квирина, грозящее ему непристойное намѣреніе Русскихъ. Купецъ этотъ, въ разговорѣ съ Бояриномъ, объяснилъ ему, что по скелету ни какъ нельзя еще приписывать цырюльнику какое ни будь волшебство; такъ, въ Германіи ужь такой обычай, что всѣ лучшіе Врачи и цырюльники имѣютъ у себя человѣческія кости, которыя и стараются изучать, для того собственно, что если кому либо изъ живыхъ людей случится сломить себѣ ногу, или повредить другой какой ни есть членъ, то по скелету можно лучше узнать, какъ приняться за дѣло и излѣчить поврежденіе. Что же касается до того, что висѣвшія кости двигались, то происходило это не отъ игры цырюльника на лютнѣ, а отъ вѣтра, который дулъ въ открытое окно и качалъ кости. Хотя послѣ такого объясненія сказанное рѣшеніе и было отмѣнено, но все таки Квиринъ долженъ былъ немедленно выѣхать изъ Россіи, а его скелетъ выволокли за Москву рѣку и тамъ сожгли. Подобную же трагедію, еще недавно, Русскіе хотѣли было разыграть съ однимъ живописцемъ, Нѣмцемъ Іоанномъ Детерсеномъ (Johann Detersen). Во время большаго пожара въ Москвѣ, бывшаго 4 года тому назадъ, Стрѣльцы, прекращая огонь по своему, описанному выше, способу, т. е., ломая близъ стоящія къ пожару строенія, взошли въ домъ этого живописца, и нашли тамъ старый черепъ; они тотчасъ же порѣшили и черепъ и самого живописца бросить въ огонь, и исполнили бы это, если бъ не случились тутъ нѣкоторые, болѣе разумные, люди, убѣдившіе Стрѣльцовъ, что черепъ этотъ, по обычаю Нѣмецкихъ живописцевъ, служитъ Детерсену не для чего иного, какъ только для рисованія.

Что касается до ума Русскихъ, то хотя они остроумны и хитры, но способности этѣ употребляются не на добрыя и похвальныя дѣла, а для достиженія какихъ ни будь личныхъ выгодъ, пользы для себя и для удовлетворенія своихъ желаній. По этому они, какъ говоритъ Якобъ (Jacobus), Nobilis Danus (какъ онъ самъ себя называетъ), Посланникъ Датскаго Короля Фридриха II-го, въ сочиненіи своемъ, «Hodoeporicum Ruthenicum» (Francof. 1608): «Callidi, versuti, pertinaces, effreni, adversi et perversi, ne dicam impudentes, ad omne malum proclives, utentes violentia pro ratione, quique virtutibus (crede mihi) omnibus nuncium remiserunt», то есть: они коварны, своенравны, необузданны, строптивы, изворотливы, безстыдны и на всякое зло склонны; силу употребляютъ они вмѣсто права, и вообще распрощались со всѣми добродѣтелями и потеряли всякій стыдъ.

Свою смышленность и хитрость Русскіе, между прочимъ, проявляютъ въ торговлѣ, весьма хорошо понимая, что и какъ купить, или продать, повыгоднѣе, и придумываютъ при этомъ всѣ способы обмануть ближняго, чтобы получить себѣ всякого рода выгоду и барышъ. Кто захотѣлъ бы ихъ обмануть, тотъ долженъ обладать не малымъ умомъ. Скрывая сами истину, употребляя на каждомъ шагу ложь, они очень подозрительны и весьма не легко вѣрятъ другимъ; если же кому удастся обмануть ихъ какъ ни будь, то они хвалятъ такого и считаютъ мастеромъ своего дѣла. По этому, однажды нѣсколько Московскихъ купцовъ очень просили одного Голландца, который въ торговлѣ надулъ ихъ на огромную сумму, чтобы онъ вступилъ въ ихъ общество и велъ бы съ ними вмѣстѣ торговлю. Такъ какъ Голландецъ зналъ разныя мастерскія по ихнему пріемы и продѣлки въ торговлѣ, то сказанные купцы надѣялись, пріобрѣтя такого человѣка, повести торговлю самую прибыльную. Странно, однако жь, что между Русскими, которые вообще обманъ не считаютъ дѣломъ совѣсти, но, напротивъ, скорѣе называютъ его разумнымъ и достойнымъ похвалы дѣломъ, есть много такихъ людей, которые почитаютъ грѣхомъ, если они не возвратятъ покупателю, передавшему имъ по ошибкѣ при расчетѣ лишнія деньги. Возвратить такія деньги они считаютъ себя обязанными по тому, что передача такая случилась по невѣдѣнію и противъ воли покупателя, и удержать ее, стало быть, было

бы просто воровство. Если же передача случится по доброй волѣ и съ вѣдома покупателя, то такой покупатель считается ихъ противникомъ, и передача ему не возвращается, такъ какъ, вступая въ торгъ, нужно имѣть разумъ и сообразительность, иначе и не берись за это дѣло.

Чтобы выместить на какомъ ни будь ближнемъ, противъ котораго они питаютъ злобу и ненависть, свою досаду, обманъ и коварство, Русскіе, между прочимъ, прибѣгаютъ и къ слѣдующей продѣлкѣ: такъ какъ воровство считается у нихъ преступленіемъ, влекущимъ довольно строгое наказаніе, то они ищутъ случая обвинить въ немъ нелюбимаго ими человѣка, для чего отправляются къ нему, берутъ у него въ займы деньги, подъ которыя оставляютъ въ залогъ платье, посуду и другія вещи, также потихоньку, иногда пробираются въ домъ къ нему, или не замѣтно всовываютъ ему въ сапогъ (въ которомъ Русскіе имѣютъ обыкновеніе носить письма, ножи, деньги и другія малыя вещи) какую ни будь изъ своихъ вещей, и за тѣмъ взводятъ обвиненіе и объявляютъ, что тотъ самъ укралъ у нихъ эту вещь. Если заявленныя такимъ образомъ вещи дѣйствительно найдутся у обвиняемаго, то его тотчасъ же подвергаютъ наказанію. Такъ какъ подобные обманы и клеветы сдѣлались уже общеупотребительными и всѣмъ извѣстными, то въ бытность нашу въ Москвѣ, въ 1634-мъ году, Великій Князь въ Новый Годъ издалъ новый Указъ во всеобщее свѣдѣніе, чтобы никто, ни даже отецъ съ сыномъ, не ссужали другъ друга деньгами и не закладывали вещей безъ дачи съ обѣихъ сторонъ извѣстной росписки, подъ опасеніемъ заключенія обоихъ тяжущихся въ темницу до тѣхъ поръ, пока не будетъ представлено ясныхъ доказательствъ, что требованіе справедливо, или что оно должно быть отвергнуто, какъ незаконное. Бываетъ и такъ, что нѣкоторые неправедные судьи сами даже подучаютъ потихоньку къ подобнымъ ложнымъ доносамъ, съ корыстными для себя цѣлями, какъ это подробнѣе увидимъ ниже сего.

Вообще ложные доносы и обманъ между Русскими въ такомъ ходу, что ихъ можно опасаться не только со стороны чужихъ людей и сосѣдей, но и со стороны братьевъ, или супруговъ, какъ это видно изъ слѣдующаго примѣра.

Въ царствованіе Великого Князя Бориса Годунова случилось (какъ намъ разсказывалъ это, бывшій въ Москвѣ въ наше тамъ пребываніе, Нарвскій Пасторъ Мартинъ Бееръ) (Bäär), что, заболѣвъ однажды весьма сильно подагрою, Великій Князь приказалъ объявить, не найдется ли кого, кто бы могъ освободить его отъ этой болѣзни: такой явился бы ко Двору, и какого бы состоянія и Вѣры онъ ни былъ, будетъ награжденъ за излѣченіе великими милостями и богатою платой. Услышавъ это, жена одного Боярина, который довольно строго держалъ ее, вздумала воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ для отмщенія мужу своему, тотчасъ же пошла и заявила, что мужъ ея знаетъ вѣрное средство помочь Великому Князю, но что онъ только не хочетъ этого сдѣлать по нерасположенію къ Царю. Бояринъ тотчасъ же былъ потребованъ къ В. Князю, и тамъ допрошенъ; когда онъ объяснилъ сдѣсь, что вовсе не смыслитъ ни чего въ наукѣ лѣченія, то его сильно побили палкою и посадили въ темницу. Когда же онъ сказалъ, что все это продѣлки жены его, которая, по ненависти къ нему, наговорила на него, и съ которою онъ за это раздѣлается, то его еще нещаднѣе побили, грозили даже смертною казнію, которую хотѣли не медля исполнить, если онъ не вылѣчитъ Великаго Князя. Несчастный Бояринъ поблѣднѣлъ отъ страха, не зналъ что дѣлать, и рѣшился наконецъ попробовать лѣченія, для чего и просилъ, чтобы ему дали сроку, по крайней мѣрѣ, на 14 дней, въ которые онъ могъ бы собрать необходимыя для лѣченья травы. Испрашивая этотъ срокъ, онъ желалъ только продлить какъ ни будь свою жизнь, въ надеждѣ, что въ этотъ промежутокъ времени обстоятельства какъ ни есть могутъ измѣниться въ его пользу. Когда ему дали отсрочку на 14 дней, онъ послалъ въ Чирбакъ? (Czirback), [1] отстоящій отъ Москвы на два дня пути, при рѣкѣ Окѣ, и приказалъ привезти оттуда разнаго рода земли и травы, которая росла тамъ въ изобилін и отличалась длиною, цѣлый возъ, и изъ этого-то зелья онъ сдѣлалъ Великому Князю ванну. Къ великому счастію Боярина страданіяб ольнаго послѣ ванны прошли, можетъ быть, не столько отъ ванны, сколько сами собою. Послѣ этого Бояринъ хотя и былъ еще жестоко побитъ за то, что онъ, знавши средство вылѣчить

[1] Серпуховъ? О. Б.

Царя, запирался, не желая помочь ему, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и былъ награжденъ новымъ платьемъ, 200-ми рублями или 400-ми рейхсталерами и 18-ю душами крестьянъ въ потомственное владѣніе, съ строгимъ наказомъ, чтобъ онъ отнюдь не смѣлъ мстить своей женѣ. Этѣ супруги послѣ того жили уже въ добромъ согласіи.

Въ прежнее время по такого рода злымъ и ложнымъ доносамъ, особенно если дѣло касалось оскорбленія Его Величества, виновнаго тотчасъ же, безъ всякихъ допросовъ, доказательствъ и оправданій, подвергали наказанію и отправляли въ ссылку, или даже казнили смертію, и не только низшаго званія людей, но часто и высшихъ сословій, чужестранцевъ, или своихъ, все равно. Такіе примѣры у Русскихъ неисчислимы.

Въ такихъ случаяхъ не бывало пощады даже и иностраннымъ Посланникамъ разныхъ владѣтельныхъ особъ. Такъ, подобный скорый судъ исполненъ былъ надъ Посломъ Римскаго Императора: по доносу онъ посаженъ былъ сначала въ темницу, а за тѣмъ сосланъ въ отдаленное мѣсто, гдѣ, въ надеждѣ, что съ нимъ будутъ лучше обращаться, принялъ Русскую Вѣру. Въ бытность нашу въ Москвѣ этотъ Посолъ находился еще тамъ. Подобное же повторилось и въ наше время съ Посломъ Французскаго Короля, Карломъ Талераномъ, Княземъ Шальскимъ (Charles Tallerand, Prince de Chales), который тайно, по Русскому обычаю, былъ оклеветанъ и преданъ злонамѣреннымъ товарищемъ своимъ, Яковомъ Рушелемъ (Jacob Rouchelle). Объ этомъ подробнѣе сказано уже было мною въ 17 главѣ 1-й книги.

Когда же наконецъ дознали, что большею частію обвиненія этѣ и доносы безстыдно дѣлались, безъ всякаго основанія и единственно только изъ ненависти и вражды другъ къ другу, то Правительство Русское рѣшилось поступать въ такихъ случаяхъ осторожнѣе, и постановило, чтобы впередъ, въ уголовныхъ дѣлахъ, обвинители и доносчики, для подкрѣпленія и утвержденія своихъ обвиненій, прежде всего сами подвергались пыткѣ.

Если на пыткѣ доносчикъ оставался при первомъ своемъ показаніи и доносѣ, то тогда уже принимаются за обвиняемаго

и подвергаютъ его также пыткѣ, или же, если обстоятельства дѣла ясны, прямо, безъ всякаго дальнѣйшаго суда, приступаютъ къ наказанію. Подобное случилось при насъ, когда одинъ изъ Великокняжескихъ конюховъ обвинялся по доносу своей злой жены въ томъ, что имѣлъ будьто намѣреніе отравить Великокняжескихъ лошадей, а если бъ ему представился случай, то отравилъ бы и самого Великаго Князя. По такому доносу сказанная жена конюха подвергнута была пыткѣ, и такъ какъ она вынесла все мученіе, не измѣнивъ своего показанія, то мужъ ее признанъ былъ виновнымъ и отправленъ въ ссылку въ Сибирь; жена же его осталась въ Москвѣ и получала изъ казны на прожитокъ половину годоваго жалованья своего мужа.

Если Русскіе такъ часто во многихъ дѣлахъ употребляютъ коварство и хитрость, и сами между собою до такой степени вѣроломны, то легко себѣ представить, какое расположеніе питаютъ они къ чужестранцамъ, и въ какой степени можно полагаться на ихъ искренность. Когда случается, что они предлагаютъ кому свою дружбу, то дѣлается это не изъ любви къ добродѣтели (которой они не уважаютъ, и которая, по мнѣнію философа, должна быть основаніемъ и цѣлію всякаго добраго дѣла), а единственно изъ желанія достигнуть своей собственной выгоды и пользы, такъ что про нихъ справедливо можно сказать: «Vulgus amicitias utilitate probat,» т. е., если чернь оказываетъ дружбу, то, конечно, расчитывая только на выгоду отъ того.

Русскіе также, особенно тѣ изъ простолюдиновъ, которые вышли въ знатные люди по счастью, или богатству, по какой ни есть службѣ, или должности, чрезвычайно высокомѣрны и горды, что и стараются они выказывать, преимущественно по отношенію къ иностранцамъ, не только какимъ ни будь намекомъ, но и открыто, разными тѣлодвиженіями, словами и дѣйствіями. И такъ какъ всякаго иностранца они считаютъ ниже людей своей земли, и видятъ въ немъ нѣчто особенное, то точно также думаютъ, что и ни одинъ Государь въ мірѣ не можетъ сравниться съ ихъ Великимъ Княземъ ни по богатству, могуществу и величію, ни по почету и достоинству. Они не примутъ ни какого письма, надписаннаго къ Его Царскому Величеству, если въ немъ сдѣ-

лишь ничтожный пропускъ въ титулѣ, или что ни будь не извѣстное имъ.

Было забавно, какъ въ прошломъ году два Русскіе Посланника, отправленные въ Голштинію къ тамошнему Правительству, не хотѣли принять отъ Его Свѣтлости письма къ Его Царскому Величеству по тому, что на конвертѣ, по обыкновенію, какъ надписывались письма къ прежнимъ Великимъ Князьямъ, было выставлено: «дядѣ и зятю,» до тѣхъ поръ, пока этѣ два слова не будутъ исключены изъ подписи. Посланники увѣряли, что прибавка этѣхъ словъ будетъ стоить имъ жизни, и думали, что Его Царское Величество слишкомъ высокъ для того, чтобы какой бы то ни было иностранный Государь могъ назвать его своимъ зятемъ. Не смотря, однако жь, на то, этѣмъ Посланникамъ было объяснено и доказано, что такъ какъ Герцогъ Магнусъ Голштинскій, двоюродный братъ моего Милостивѣйшаго Государя, состоитъ въ родствѣ съ предками Его Царскаго Величества, то по этому и сказанныя слова выставлены на конвертѣ надлежащимъ и законнымъ образомъ. Это похоже на то, что Персы пишутъ о своемъ великомъ свѣтомъ и покровителѣ Аэли (Aaly), что «если онъ и не самый Богъ, то близкій его родственникъ.»

Русскіе рѣзко вспыльчивы и не воздерживаются отъ этой вспыльчивости, если ихъ не такъ принимаютъ, или угощаютъ, какъ бы имъ того хотѣлось.

Приставы, на примѣръ, наряжаемые Его Царскимъ Величествомъ въ услуженіе и для принятія иностранныхъ Пословъ, нисколько не совѣстятся требовать торжественно, чтобы Послы снимали шапки и слезали съ лошадей прежде, чѣмъ Русскіе. Также, во время поѣздовъ они насильно протѣсняются впередъ, чтобы ѣхать, или ити, выше Пословъ, и выдѣлываютъ и другія подобныя невѣжливости. Они думаютъ, что очень унизятъ достоинство своего Царя и всего народа, если выкажутъ какую ни будь вѣжливость, почтительность, или снисхожденіе къ чужеземнымъ гостямъ и Посламъ Великихъ Государей, которые, по словамъ Fred. de Merseler, въ его «Legatus,» Imagines Principum et

principali honore digni censendi,» т. е., представители своихъ Государей достойны высокой Царской чести.

Даже знатнѣйшіе изъ Русскихъ въ писѣмахъ своихъ къ иностраннымъ особамъ употребляютъ довольно рѣзкія выраженія, и иногда только пустой наборъ словъ, ради приличія, но сами очень не любятъ, если имъ отвѣчаютъ тѣмъ же. Впрочемъ, намъ случалось встрѣчать Русскихъ, правда, не многихъ, которые оказывали намъ всевозможное вниманіе и доброе расположеніе. Прежде, конечно, они были еще грубѣе, но теперь, въ слѣдствіе постояннаго сообщества и обращенія съ иностранцами, стали общительнѣе. Выше помянутый Никита (Mikita), какъ по разуму, такъ почестности и доброму обращенію, есть найлучшій между всѣми, а по тому и найболѣе приносящій пользы и можетъ считаться украшеніемъ Русскихъ, какъ это скоро убидимъ мы подробнѣе.

По своему высокомѣрію, Русскіе и сами между собою ни въ чемъ не уступаютъ другъ другу, спорятъ за почетнѣйшія мѣста и часто зоводятъ о нихъ большія ссоры. Такъ случилось однажды даже въ нашемъ присутствіи въ Нижнемъ Новгородѣ. 14-го Іюля прибылъ туда изъ Москвы, осмотрѣть нашъ вновь выстроенный корабль и засвѣдѣтельствовать свое почтеніе Посламъ, Дворецкій (Hoffmeister) Государственнаго Канцлера, человѣкъ весьма почтенный. Вынужденный сѣсть за столомъ подлѣ одного Пристава, онъ затѣялъ съ нимъ страшный споръ: б..... сынъ, с..... сынъ и другія бранныя слова были ихъ отборными титлами другъ друга. Дворецкій полагалъ, что онъ, какъ сынъ Боярскій или Дворянинъ, долженъ сидѣть выше Пристава, происходившаго изъ простаго званія людей. Приставъ же, въ свою очередь, опирался на то, что онъ слуга Великаго Князя, и ему, ради его Государя, по праву принадлежитъ высшее мѣсто.

Мы были раздосадованы, и намъ даже стыдно стало слушать такую перебранку и руготню, продолжавшуюся почти полчаса, они же не стыдились продолжать ссору, пока, наконецъ, наши Посланники не вмѣшались въ споръ и не сказали имъ: «Мы думали, что вы прибыли къ намъ, какъ друзья, которые доставятъ

намъ удовольствіе, а не непріятность, и что вы не будете сами, въ нашемъ присутствіи, такъ поносить другъ друга,» при чемъ Послы просили ихъ быть дружелюбнѣе и ласковѣе другъ съ другомъ для того, чтобы тѣмъ пріятнѣе было для Пословъ ихъ присутствіе. Послѣ этого споривше смолкли и, подвыпивши, скоро совершенно примирились и поладили между собою.

Вообще Русскіе народъ пресварливый, обзываютъ другъ друга самыми грубыми и неприличными словами, какъ, на пр., «собака» и проч. На улицахъ безпрестанно слышишь такую перебранку между ними, даже старыя бабы грызутся часто одна съ другою съ такимъ ожесточеніемъ, что не привыкшій къ этѣмъ выходкамъ подумаетъ, что онѣ тотчасъ же вцѣпятся другъ другу въ волосы. Но до драки рѣдко у нихъ доходитъ, а если и дойдетъ, то дерутся просто кулаками, которыми они колотятъ другъ друга изо всей силы по бокамъ и подъ брюхо. Не было еще примѣра, чтобы Русскіе вызвали другъ друга биться на сабляхъ, или огнестрѣльнымъ оружіемъ, какъ это не рѣдко дѣлается въ Германіи и другихъ странахъ Европы. Но извѣстно, что, вмѣсто того, знатные Русскіе Господа, и даже Князья, выѣзжая на лошадяхъ, отстегиваютъ другъ друга нещадно плетьми, какъ разсказывали намъ это за достовѣрное, и, какъ мы сами видѣли, случилось это съ двумя Боярскими Дѣтьми, во время описаннаго выше принятія Турецкаго Посланника.

Выражая свой гнѣвъ и ругательства, они не употребляютъ общеупотребительныя, къ сожалѣнію, у насъ бранныя проклятія и пожеланія, каковы, на примѣръ: будь проклятъ, убирайся къ чорту, шельма и проч., но, вмѣсто того, прибираютъ весьма поносныя и отвратительныя слова и срамныя выраженія, которыми я не рѣшился бы оскорблять ухо читателя, если бъ не требовала отъ меня того обязанность историка У нихъ постоянно на языкѣ: б..... сынъ, с..... сынъ, собака, и другія матерныя и сквернословныя брани и выраженія, которыми бранятся не одни только взрослые и старые люди, но и малыя дѣти, знающія этѣ слова прежде, чѣмъ они узнаютъ названія Бога, отца и матери, и такая срамная брань одинаково употребляется, какъ родителями противъ дѣтей, такъ и дѣтьми противъ родителей.

Съ недавняго времени, впрочемъ, скверныя и страшныя брани и ругательства строго на строго воспрещены и виновныхъ въ нихъ при всѣхъ наказываютъ кнутомъ, или розгами, что въ началѣ въ точности исполнялось; по улицамъ и на рынкахъ между народомъ расхаживаютъ тайно, нарочно назначаемые для того, люди, которые, съ помощію приставленныхъ къ нимъ Стрѣльцовъ и палачей, хватаютъ на мѣстѣ виновныхъ, и тутъ же, въ примѣръ прочимъ, наказываютъ всенародно.

Но усвоенная съ давнихъ лѣтъ и такъ глубоко укоренившаяся привычка браниться скверными словами, требовала повсюду гораздо большаго надзора, чѣмъ сколько было его назначено, и причинила надзирателямъ, судьямъ и палачамъ такую невыносимую работу, что имъ уже самимъ надоѣло и было не подъ силу безпрестанно задерживать и наказывать виновныхъ.

Чтобы сдѣлать различіе между ругательствами, поношеніями и безчестіемъ, наносимыми простолюдинамъ, отъ причиняемыхъ важнымъ особамъ, Правительство Русское постановило, чтобы тотъ, кто ударитъ, или инымъ чѣмъ оскорбитъ Боярина, жену его, или слугу Великаго Князя, Русскаго, или иностранца, платилъ оскорбленному за оскорбленіе большое количество денегъ, что у Русскихъ называется «заплатить безчестіе» (Beszestia). Количество этого безчестія расчитывается сообразно съ званіемъ, должностію, или мѣстомъ, дающимъ оскорбленному извѣстное жалованье, которое и называется окладомъ (Oclad). Каждому служащему, по извѣстному распредѣленію, полагается свой окладъ. Такъ, Боярамъ, смотря по ихъ происхожденію, состоянію и достоинствамъ, иному полагается 2000 талеровъ, другому 1500, третьему 1000 талеровъ и т. д. Царскому же слугѣ платится по его годовому жалованью: такъ Врачу 700 талеровъ годоваго жалованья (при чемъ недѣльныя жалованья не считаются). Такое-то количество обидчикъ обязанъ заплатить обиженному, когда онъ судомъ потребуетъ его. Но такъ какъ безчестіе можетъ быть нанесено не только мужьямъ, но и женѣ и дѣтямъ, то за оскорбленіе жены взимается безчестье вдвое, за оскорбленіе каждой дочери 1800 и каждаго сына 600 талеровъ. Случается, что обидчикъ, по легкомыслію своему и въ гнѣвѣ, обругаетъ родителей кого либо и даже дѣдовъ,

то хотя бы этѣ родители и дѣды давно померли, онъ все таки обязанъ заплатить безчестіе. Если виновный не можетъ ни деньгами, ни всѣмъ имуществомъ, какое имѣетъ, уплатить безчестье, то онъ лично отсылается въ домъ оскорбленнаго, и этотъ воленъ поступить съ нимъ, какъ ему заблагоразсудится. Такіе преступники часто дѣлаются холопами обиженнаго, или же всенародно наказываются имъ розгами, либо плетьми.

Такого рода наказанія обидчиковъ и поносителей имѣютъ одинаковую силу, какъ для Нѣмцевъ и другихъ иностранцевъ, такъ и для Русскихъ, и между Русскими употребляются весьма часто, а между иностранцами рѣже. Между этѣми послѣдними мнѣ извѣстны только два примѣра: такъ въ царствованіе Великаго Князя Михайла Ѳедоровича, одинъ старый Англичанинъ, Іоаннъ Барнесли, (Barnesley) долженъ былъ заплатить безчестье Врачу Дей (Dey), тоже Англичанину, придворному Медику Великаго Князя. Позднѣе Полковникъ Бокегофенъ (Bockehoffen) младшій также требовалъ безчестья отъ Капитана де ла Костъ, родомъ Француза; но такъ какъ Бокегофенъ былъ самъ въ то же время принужденъ къ платежу безчестья за оскорбленіе имъ одного Француза, Антона de Groen (который, какъ увидимъ ниже, перекрестился въ Русскую Вѣру), хорошаго пріятеля Капитана де ла Костъ, то тяжущіеся рѣшили тѣмъ, что кончили дѣло миромъ, покрывши одно безчестіе другимъ.

Большой вѣжливости и досточтимыхъ нравовъ у Русскихъ нечего и искать: достоинства этѣ имъ совершенно чужды. Они вовсе не стыдятся во всеуслышаніе и не щадя ни чьего обонянія, пускать на волю то, что природа требуетъ испустить верхомъ и низомъ послѣ ѣды, и такъ какъ они очень любятъ и ѣдятъ въ изобиліи лукъ и чеснокъ, то для не привычнаго самое присутствіе ихъ невыносимо тягостно. Потягиваться и рыгать въ слухъ у нихъ ни по чемъ, даже на тайномъ представленіи, и можетъ быть съ нѣкоторыми случалось это даже противъ ихъ желанія.

Не будучи знакомы съ достохвальными знаніями, не заботясь много о достопамятныхъ дѣлахъ и событіяхъ отцовъ и предковъ своихъ, и не имѣя желанія ознакомиться и съ чуждыми наро-

дами и ихъ свойствами, Русскіе весьма естественно въ своихъ собраніяхъ никогда не заводятъ и рѣчи о подобныхъ вещахъ. Я не говорю, впрочемъ, здѣсь о собраніяхъ самыхъ знатныхъ Бояръ. Большая часть ихъ разговоровъ сосредоточена на томъ, къ чему даетъ поводъ ихъ природа и обычный ихъ образъ жизни, а именно: говорятъ о сладострастіи, постыдныхъ порокахъ, развратѣ и любодѣяніи ихъ самихъ, или другихъ лицъ; разсказываютъ всякого рода срамныя сказки, и тотъ, кто найболѣе сквернословитъ и отпускаетъ самыя неприличныя шутки, сопровождая ихъ непристойными тѣлодвиженіями, тотъ и считается у нихъ лучшимъ и пріятнѣйшимъ въ обществѣ. Къ тому же направлены и ихъ пляски, которыя они исполняютъ съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ страстныхъ тѣлодвиженій. Случается также, что странствующіе комедіянты въ пляскахъ своихъ обнажаютъ задницы и другія части тѣла, какъ, на примѣръ, угостили однажды такими непристойными плясками Датскаго Посланника Якоба. Русскія же женщины въ окнахъ домовъ своихъ выдѣлывали этому Посланнику разныя странныя положенія и знаки, какъ объ этомъ подробнѣе можно прочесть въ «Hodoeporicon» этого Якоба, на 17-ой страницѣ.

Плотскимъ побужденіямъ своимъ и любодѣянію Русскіе предаются до того, что нѣкоторые изъ нихъ грязнятъ себя отвратительнымъ порокомъ, извѣстнымъ у насъ подъ названіемъ Содомскаго, и употребляютъ для этого не только pueros muliebria pati asvetos, какъ говоритъ Курцій, но даже мужчинъ и лошадей.

И такія-то постыдныя дѣйствія ихъ доставляютъ матеріялъ для разговоровъ ихъ на ихъ пирушкахъ, такъ какъ обличенныя въ такихъ порокахъ строго не наказываются. Подобныя срамныя дѣла уличные скрипачи воспѣваютъ всенародно на улицахъ, другіе же комедіянты показываютъ ихъ въ своихъ кукольныхъ представленіяхъ за деньги простонародной молодежи и даже дѣтямъ, а вожаки медвѣдей имѣютъ при себѣ такихъ комедіянтовъ, которые, между прочимъ, тотчасъ же могутъ представить какую ни будь шутку или Klücht (шалость), какъ называютъ это Голландцы, съ помощію куколъ. Для этого они обвязываютъ вокругъ своего тѣла простыню, поднимаютъ свободную его сторону вверхъ и у-

страиваютъ надъ головой своей такимъ образомъ нѣчто въ родѣ сцены (theatrum portatile), съ которою они и ходятъ по улицамъ, и показываютъ на ней изъ куколъ разныя представленія.

«Omnem pudorem ac verecundiam exuerunt,» говоритъ неоднократно уже упомянутый Датскій Дворянинъ Якобъ. Мы сами не разъ видѣли, какъ мужчины и женщины выходили изъ общественныхъ бань, чтобы прохладиться, совершенно голые, какъ сотворилъ ихъ Богъ, подходили на встрѣчу къ намъ и безстыдно зазывали къ себѣ нашу молодежь ломаными Нѣмецкими словами. Къ такому разврату весьма много располагаетъ ихъ праздность, такъ какъ ежедневно можно видѣть толпы, а мѣстами цѣлыя сотни, праздношатающагося народу на рынкахъ и у Кремля; въ особенности же побуждаетъ ихъ къ тому пьянство, которому Русскіе предапы болѣе всякаго другого народа въ мірѣ. «Venter mero aestuans cito despumat in libidinem», говоритъ Іеронимъ въ 83-мъ письмѣ. Когда они уже черезъ мѣру напьются, то какъ необузданные звѣри неистово предаются всему, къ чему побуждаютъ ихъ страстныя желанія Сдѣсь припомню разсказанное мнѣ Великокняжескимъ переводчикомъ въ Великомъ Новгородѣ, а именно: Въ Новгородѣ ежегодно бываетъ день большаго богомолья, и въ этотъ-то день корчмарь, или цѣловальникъ, съ купленнаго дозволенія Митрополита, разбиваетъ передъ кабакомъ нѣсколько палатокъ, въ которыхъ чуть только занимается заря, собираются, какъ сторонніе, такъ и мѣстные, богомольцы и богомолки, выпиваютъ тамъ еще до богослуженія по нѣсколько чарокъ водки, а нѣкоторые остаются тамъ и на цѣлый день и утопляютъ въ винѣ свои кабачныя помышленія. Въ такой-то день случилось, что одна напившаяся уже баба, вышедши изъ кабака, упала на дорогѣ и заснула. Въ то же время пьяный мужчина, проходя мимо, увидалъ лежавшую и обнажившуюся съ пьяна бабу, возгорѣлъ похотью и прилегъ къ бабѣ, не смотря на бывшій ясный день и на то, что мѣсто было на открытой для всѣхъ дорогѣ. Легши къ бабѣ, онъ также наконецъ заснулъ. Скоро вокругъ этой пары животныхъ образовалась цѣлая толпа молодыхъ парней, которые смѣялись и глумились надъ такимъ зрѣлищемъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ не подошелъ одинъ

старикъ, который накинулъ кафтанъ на лежавшихъ, и такимъ образомъ прикрылъ срамоту ихъ.

Порокъ пьянство распространенъ въ Русскомъ народѣ одинаково во всѣхъ состояніяхъ, между духовными и свѣтскими, высшими и низшими, сословіями, между мужчинами и женщинами, старыми и малыми, до такой степени, что если видишь по улицамъ тамъ и сямъ пьяныхъ, валяющихся въ грязи, то не обращаешь на нихъ и вниманія, какъ на явленіе самое обычное. Попадетъ извощикъ на такого пьянаго, валяющагося на улицѣ и ему знакомаго, то взвалитъ его на телѣгу и отвезетъ домой, гдѣ получаетъ плату за благополучную доставку. Русскіе никогда не пропускаютъ удобнаго случая выпить, или опохмѣлиться чѣмъ бы то ни было, но большею частью просто водкою. Они считаютъ за великую честь, если кто въ гостяхъ, или собраніяхъ ихъ, поднесетъ чарку и болѣе водки (tzarko wino), а простой народъ, холопы, или крестьяне, такъ цѣнятъ такую честь, что если какой ни будь знатный Бояринъ поднесетъ имъ изъ собственныхъ рукъ 3 и 4 и т. д. чарокъ, то они все будутъ пить, изъ опасенія оскорбить отказомъ, до тѣмъ поръ, пока не свалятся на мѣстѣ, при чемъ иногда отдаютъ тутъ и душу Богу, какъ это случилось однажды, въ нашу бытность въ Россіи, когда служащіе при Посольствѣ нашемъ угощали и неотступно просили Русскихъ выпить еще. И не только простой народъ, но и знатные Бояре, даже Царскіе Великіе Послы, обязанные строго блюсти и поддерживать въ чужихъ странахъ высокое достоинство своего Государя, тоже не знаютъ ни какой мѣры въ употребленіи предлагаемыхъ имъ крѣпкихъ напитковъ, и если только напитки эти придутся по вкусу, то они льютъ ихъ въ себя, какъ воду, такъ что совершенно теряютъ человѣческій смыслъ, а иногда и до смерти опиваются. Такой случай былъ съ однимъ Великимъ Русскимъ Посланникомъ, отправленнымъ въ 1608-мъ году къ Шведскому Королю, Карлу IX. Не смотря на предостереженіе о томъ, что предлагаемая ему водка была весьма крѣпкая, Посолъ этотъ напился ея до того, что въ тотъ день, когда ему слѣдовало представиться, его нашли мертвымъ въ его постели. Въ бытность нашу въ Москвѣ, тамъ вездѣ находились открытые питейные домы или кабаки, въ которые всякій желающій имѣлъ входъ и пилъ за свои деньги вод-

ку; при такомъ удобствѣ простой народъ все, что заработывалъ, приносилъ въ кабакъ, и такъ крѣпко засиживался тамъ, что, пропивши заработокъ, снималъ съ себя платье, даже рубашку, и оставлялъ ее продавцу за водку, а за тѣмъ нагой, какъ родился, возвращался домой. Въ 1643 году, когда я былъ въ Новгородѣ, и помѣщался въ гостинницѣ, что на Любецкомъ дворѣ, не далеко отъ моего пребыванія находился кабакъ, и тутъ-то случалось мнѣ часто видѣть, какъ этѣ напившіеся и пропившіеся молодцы выходили изъ кабака, кто безъ шапки, кто безъ сапогъ и чулокъ, а кто и въ одной рубашкѣ. Между прочими я замѣтилъ одного, который, пропивши кафтанъ, вышелъ изъ кабака въ рубашкѣ и, встрѣтивъ на дорогѣ хорошаго пріятеля, также направлявшагося къ кабаку, опять вернулся съ нимъ въ кабакъ. Черезъ нѣсколько часовъ молодецъ мой вышелъ снова изъ кабака, но уже безъ рубашки, въ однихъ портахъ; когда я спросилъ его: гдѣ дѣлъ онъ рубашку, кто обобралъ ее у него? онъ отвѣчалъ, съ прибавкою обычной матерной брани, что это сдѣлалъ цѣловальникъ. За тѣмъ, замѣтивши, что гдѣ остались кафтанъ и рубашка, тамъ могутъ остаться и порты, онъ вернулся опять въ кабакъ, и черезъ нѣсколько времени вышелъ оттуда уже совершенно нагъ; сорвавши полную руку травы одуванчикъ, росшей около кабака, онъ прикрылъ ею свое срамное тѣло и отправился себѣ домой веселый и припѣваючи. Съ недавняго времени, впрочемъ, всѣ этѣ общественные кабаки, принадлежавшіе частію Царю, частію Боярамъ, уничтожены, такъ какъ они отвлекаютъ народъ отъ работы и способствуютъ ему пропивать въ нихъ послѣднюю заработанную имъ копѣйку, и теперь никто уже не можетъ получить водки въ розницу на двѣ, на три копѣйки, на шиллингъ, или на грошъ; вмѣсто кабаковъ теперь одинъ лишь Царь отъ себя устроиваетъ, или содержитъ, въ каждомъ городѣ, такъ называемый у нихъ, Кружечный Дворъ, или Домъ, изъ котораго отпускается водка только цѣльми кружками, или штофами, и для продажи въ немъ водки приставлены особые присяжные люди, которые ежегодно доставляютъ въ Царскую казну неимовѣрное число денегъ отъ такой продажи вина. Но отъ такого распоряженія повседневное пьянство мало уменьшилось; ибо нѣсколько сосѣдей складываются вмѣстѣ, покупаютъ себѣ штофъ и болѣе водки, и не разстаются, пока не опорож-

нятъ посуды, при чемъ часто тутъ же и свалятся другъ подлѣ друга. Нѣкоторые же покупаютъ водку разомъ по большому количеству и тайно распродаютъ ее по чаркамъ. По этому, хотя теперь не видно уже такого множества до гола пропившихся, но все таки не много меньше прежняго встрѣчается пьянаго народу, шатающагося и валяющагося по улицамъ.

Женщины также вовсе не считаютъ за стыдъ напиваться до пьяна и валяться пьяными на дорогѣ подлѣ мужей своихъ. Когда я былъ въ Нарвѣ, то мнѣ случилось видѣть въ гостинницѣ, гдѣ я жилъ, въ Нигофѣ (Niehoffische), пирушку Русскихъ, во время которой пришли на пиръ къ мужьямъ своимъ и нѣсколько Русскихъ женщинъ, которыя подсѣли къ мужьямъ и преисправно пили съ ними водку. Когда мужья понапились вдоволь и хотѣли было ити домой, то жены, не напившись еще, воспротивились тому, и хотя получили отъ мужей по нѣскольку оплеухъ, но все таки не двинулись съ мѣста и остались пировать далѣе. Когда же наконецъ мужья ихъ съ пьяну попадали на полъ и позаснули, жены сѣли на нихъ и продолжали тянуть водку, одна за другой, до тѣхъ поръ, пока не упились до нельзя.

Хозяинъ нашъ въ Нарвѣ, Якобъ фонъ Келленъ (Köllen), разсказывалъ намъ, что подобную же комедію продѣлывали Русскіе на его свадьбѣ, а именно: напившіеся уже мужья порядкомъ околотили прежде своихъ женъ, ради шутки, и за тѣмъ начали съ ними попойку; жены же потомъ, сѣвши на своихъ свалившихся и заснувшихъ мужей, пили до тѣхъ поръ, пока тоже не свалились и не позаснули тутъ же, подлѣ своихъ супруговъ. Легко понять, какъ отъ подобнаго образа дѣйствій должны страдать воспитаніе и чувство чести.

Я сказалъ уже, что духовныя особы также не чужды порока пьянства. Попы и чернецы, также какъ и міряне и крестьяне, часто встрѣчаются пьяные. Хотя ни въ одномъ монастырѣ не держится вина, водки, меду, или крѣпкаго пива, но только употребляется квасъ, то есть, тонкое пиво (Kofend), но монахи пользуются свободою въ этомъ случаѣ, когда выходятъ изъ монасты-

ря и посѣщаютъ своихъ добрыхъ пріятелей, при чемъ не ограничиваются тѣмъ, что сильно выпиваютъ въ гостяхъ, но требуютъ также, чтобы напитки отпустили съ ними и домой, и часто они такъ напиваются, что только и можно по одеждѣ отличить ихъ отъ пьяныхъ мірянъ.

Когда мы, во 2-е путешествіе наше, проѣзжали черезъ Великій Новгородъ, то я видѣлъ одного Попа, шатавшагося пьянымъ на улицѣ, только въ одномъ кафтанѣ или нижнемъ платьѣ (верхній кафтанъ свой онъ, безъ сомнѣнія, заложилъ въ кабакѣ). Проходя мимо гостинницы (постоялаго двора), въ которой я останавливался, онъ хотѣлъ, по обыкновенію своему, благословить Стрѣльцовъ, державшихъ стражу; но въ это время, когда онъ, простерши руку, нѣсколько наклонился, голова у него отяжелѣла, и онъ упалъ прямо въ грязь. Стрѣльцы подняли его на ноги, и онъ все таки благословилъ ихъ, хотя и вымаранными въ грязи перстами. Такъ какъ подобныя зрѣлища повторяются ежедневно, то никто изъ Русскихъ не обращаетъ на это ни какого вниманія.

Русскіе большіе любители также табаку, и за нѣсколько лѣтъ передъ симъ каждый изъ нихъ носилъ табакъ при себѣ, такъ что простой и бѣдный человѣкъ копѣйку свою скорѣе отдастъ на табакъ, чѣмъ на хлѣбъ. Когда же увидали, что людямъ отъ табаку не только нѣтъ ни какой пользы, но дѣлается, напротивъ, видимый вредъ; ибо при употребленіи табаку у всякого человѣка, особенно же у прислуги и рабовъ, пропадаетъ много рабочаго времени; при томъ, по неосторожности съ огнемъ и искрами отъ куренія, много домовъ дѣлается жертвою пламени; наконецъ, дурной запахъ отъ табаку, который не проходитъ и тогда, когда народъ собирается на Богослуженіе въ церкви, и стоитъ тамъ передъ образами, окуриваемыми только благовоніями и ладономъ, все это было причиною, что Великій Князь, посовѣтовавшись съ Патріархомъ, совершенно воспретилъ, въ 1644 году, торговлю и употребленіе табаку, вмѣстѣ съ частною продажею водки и пива. Виновныхъ противъ этого запрещенія строго наказываютъ: выдергиваютъ имъ ноздри и всенародно сѣкутъ розгами, какъ это видѣли мы сами, когда наказывали мужчинъ и женщинъ, о чемъ подробнѣе скажу еще ниже, говоря о судопроизводствѣ Русскихъ.

Такъ какъ Русскіе по природѣ своей грубы и какъ бы рождены для рабства, то ихъ и держатъ всегда въ суровомъ и строгомъ подчиненіи и покорности, и даже на работу сгоняютъ ихъ палками, или плетью, къ каковому обращенію они довольно терпѣливы, по тому что его требуетъ нравственное ихъ состояніе и они привыкли къ этому. Молодые и подростки парни сходятся иногда въ извѣстные дни, бьются на кулачки, для того, чтобы пріобрѣсть къ вынесенію побоевъ привычку, эту вторую природу, и черезъ то легче сносить тѣлесныя наказанія, которымъ они могутъ въ послѣдствіи подвергнуться. Всѣ Русскіе суть рабы (Sclaven) и крѣпостные (Leibeigene). У нихъ ужь такой обычай и образъ унижаться передъ другими и выказывать свое рабское униженіе: когда имѣютъ дѣло съ какимъ ни будь знатнымъ Господиномъ, они привѣтствуютъ его земнымъ поклономъ, наклоняютъ низко голову, касаясь ею даже до земли, а иногда и просто валяются у него въ ногахъ, и такимъ образомъ благодарятъ даже за побои и наказанія, которымъ онъ подвергалъ ихъ. Подобно тому, какъ всѣ подданные, высшаго и низшаго состоянія, считаются холопами (Goloppen), рабами и крѣпостными Царя, и дорожатъ этимъ названіемъ, такъ и Бояре Русскіе и знатные ихъ люди, въ свою очередь, имѣютъ своихъ рабовъ, крѣпостныхъ слугъ и крестьянъ. Князья и Великіе Бояре, чтобы выразить свое рабство и ничтожество передъ Царемъ, между прочимъ, въ подписяхъ, на просьбахъ своихъ и другихъ бумагахъ къ Царю, подписываютъ обыкновенно имена свои уменьшительными словами, какъ, на пр., Ивашка (Iwaske), вмѣсто Иванъ, Петрушка холопъ твой (Petruske twoy golop) и т. п. Самъ Великій Князь, когда разговариваетъ съ кѣмъ, употребляетъ такія же уменьшительныя имена. Случается также, что Великіе Бояре, за преступленія свои, подвергаются такимъ же варварскимъ наказаніямъ, какимъ подвергаютъ они своихъ собственныхъ рабовъ. Въ слѣдствіе всего этого они говорятъ даже, что все, что они имѣютъ, принадлежитъ Богу и ихъ Великому Князю.

Иностранцы, состоящіе на службѣ у Великаго Князя, также должны унижаться передъ Царемъ и всегда быть готовы исполнять его приказанія, нравятся, или не нравятся, они имъ. И хотя Царь обыкновенно милостиво обходится съ знатнѣйшими людьми,

но эти послѣдніе легко могутъ потерять это обращеніе и заслужить его немилость.

Въ прежнее время было весьма опасно состоять Придворнымъ Врачемъ при Великомъ Князѣ: если данное имъ лѣкарство не подѣйствовало сообразно съ желаніемъ Царя, или если больной умиралъ, не смотря на лѣченіе, тогда Врачь впадалъ въ величайшую немилость, и съ нимъ поступали, какъ съ рабомъ. Извѣстна исторія о Великомъ Князѣ Борисѣ Годуновѣ и его Врачѣ. Въ 1602 году прибылъ въ Москву Герцогъ Іоаннъ, братъ Датскаго Короля, Христіяна IV, съ намѣреніемъ жениться на дочери Великаго Князя, и вдругъ внезапно и сильно заболѣлъ; Великій Князь строго и съ крѣпкою угрозой приказалъ, чтобы Врачи приложили все свое стараніе и искуство помочь Герцогу и не допустить его умереть. Когда же ни какія лѣкарства не помогли и Герцогъ умеръ, то Врачи должны были скрыться и долгое время не показываться на глаза Царя.

У Бориса Годунова, въ числѣ прочихъ, былъ еще одинъ Нѣмецъ изъ южной Германіи, котораго онъ самъ сдѣлалъ Врачомъ. Однажды, когда этотъ Нѣмецъ испрашивалъ дозволенія отправиться въ Нѣмецкій Университетъ и получить тамъ степень Доктора, Великій Князь спросилъ его: «Что это значитъ сдѣлаться Докторомъ, и какъ получается это званіе?» Когда же онъ услыхалъ въ отвѣтъ, что для этого желающій долженъ выдержать испытаніе по своему искуству, и если найдутъ его способнымъ, то признаютъ его Докторомъ, въ удостовѣреніе чего и даютъ ему свѣдѣтельство за подписью и печатью Медицинскаго Факультета, то на это Великій Князь сказалъ Нѣмцу: «Поѣздку ты можешь отложить и сохранить себѣ путевыя издержки; я самъ испыталъ твое искуство (не задолго передъ этимъ Нѣмецъ вылѣчилъ Царя отъ подагры), и хочу произвесть тебя въ Доктора; я дамъ тебѣ такую большую грамоту, какой за границей ты не получишь», что и дѣйствительно было исполнено имъ. Спустя нѣсколько времени Великій Князь, заболѣвъ снова припадками подагры, потребовалъ къ себѣ этого Московскаго своего Доктора. Несчастный подумалъ уже, что его лишатъ жизни, по этому одѣлся въ старое, изорванное платье, всклочилъ и распустилъ себѣ волосы на лицо

и на четвереньках вползъ въ двери къ Великому Князю, говоря, что, подвергшись его немилости, онъ не достоинъ уже жить на свѣтѣ, а тѣмъ болѣе зрѣть свѣтлыя очи Его Царскаго Величества. Находившійся тутъ же у Царя одинъ Бояринъ, думая угодить Царю, ударилъ Нѣмца ногою и такъ сильно, что концомъ сапога поранилъ ему голову и обругалъ въ то же время собакой. Докторъ же, замѣтивъ милостивый взглядъ Царя, вздумалъ воспользоваться этимъ нанесеннымъ ему оскорбленіемъ и жалобнымъ голосомъ продолжалъ: «О великій Царь! Я твой, а никого другого, рабъ; я очень много согрѣшилъ передъ тобою, вполнѣ заслужилъ смерть, и почелъ бы себя блаженнымъ, если бъ могъ умереть отъ твоей руки. Но терпѣть такое поруганіе отъ твоего холопа мнѣ крайне прискорбно; ибо знаю, что на то нѣтъ твоей воли, чтобы кто ни будь другой проявлялъ такое жестокое насиліе надо мною, слугою твоимъ.» Эта униженная рѣчь перемѣнила гнѣвъ Вел. Князя на милость; Нѣмецъ получилъ 500 р. награды, всѣ другіе Доктора освобождены были отъ немилости, Бояринъ же былъ битъ.

-Что касается рабовъ и холоповъ, принадлежащихъ великимъ и другимъ знатнымъ Господамъ, то ихъ безчисленное множество, у иныхъ болѣе 50, а у другихъ даже по сотнѣ и болѣе въ имѣніи и дворѣ. Живущіе въ Москвѣ не имѣютъ обыкновенно обѣда при дворахъ Господъ своихъ, а получаютъ на прокормъ деньги, столь, впрочемъ, ничтожныя, что на нихъ едва могутъ поддерживать свое существованіе, отъ чего въ Москвѣ такая бездна воровъ и разбойниковъ. Во время нашего тамъ пребыванія не проходило почти ни одной ночи, чтобы воры не проникали въ дома нашихъ людей и не утащили чего ни будь. Часто случается, что воры, забравшись въ домъ, запираютъ въ немъ въ какой ни есть комнатѣ хозяина, и берутъ себѣ, что хотятъ, и если хозяинъ не имѣетъ достаточно силы для сопротивленія, то, видя все это, долженъ сидѣть молча, буде не хочетъ подвергать опасности свою жизнь, или не желаетъ, чтобы домъ его былъ сожженъ. По этому-то при дворахъ знатныхъ Господъ приставляется особая стража, которая ночью должна постукивать, какъ бы въ барабанъ, въ повѣшенную доску палкой съ набалдашникомъ и бить часы. Но такъ какъ не рѣдко случалось, что такая стража, или

караульные, не столько оберегали Господъ, сколько воровъ, указывая имъ болѣе безопасные пути къ воровству и помогая воровать, а за тѣмъ скрывалась, то теперь постановлено, что ни кто не можетъ быть взятъ въ караульные, или въ слуги (кромѣ рабовъ, слуги могутъ быть и наемные) безъ того, чтобы онъ не представилъ ручательство за себя какого ни будь извѣстнаго и почтеннаго гражданина. Сказанные выше рабы дѣлаютъ самыя улицы въ Москвѣ, особенно по ночамъ, небезопасными, такъ что безъ хорошаго оружія, или безъ проводниковъ, того и гляди, что подвергнешься нападенію, какъ это и случилось съ нами. Однажды нѣкоторые изъ нашего Посольства засидѣлись въ гостяхъ у одного хорошаго пріятеля до поздней ночи, и когда возвращались домой, то на одного изъ насъ, шедшаго нѣсколько впереди, напали два Русскихъ уличныхъ разбойника; когда, по крику товарища объ опасности, мы подбѣжали къ нему на помощь, то одинъ изъ мошенниковъ успѣлъ бѣжать, а другой получилъ такіе побои, что едва могъ еле уплестись отъ нихъ.

Въ другой разъ наши Посланники были въ гостяхъ у одного знатнаго Господина, [2] съ своими людьми. Изъ нихъ они отослали домой своего повара, котораго взялся проводить поваръ хозяина гостинницы, въ которой гостили Послы. На возвратномъ пути хозяйскій поваръ былъ застрѣленъ [3] разбойниками. Вскорѣ послѣ того убитъ былъ и Арентъ Шпирингсъ (Spierings), Гофмейстеръ Шведскаго Посланника, возвращавшійся ночью отъ одного своего хорошаго пріятеля. Колетъ его, еще обрызганный кровью, черезъ 8 дней послѣ его убійства, продавался на рынкѣ.

Подобное же случилось и съ нашимъ Лейтенантомъ Іоанномъ Китъ (Kit), когда мы уже возвратились изъ Персіи. Онъ былъ со мною на одной Нѣмецкой свадьбѣ, и пошелъ оттуда домой нѣсколько раньше меня. На дорогѣ Русскіе разбойники такъ избили его, что,

---

[2] Въ 1-мъ изданіи 1647 г. значится: «въ гостяхъ у Генриха фонъ Рингенъ »

[3] Въ томъ же 1-мъ изданіи прибавлено: «на Неглинной, настоящемъ притонѣ воровъ и разбойниковъ.»

пролежавши слѣдующій день и за тѣмъ ночь безъ памяти и чувствъ, онъ отдалъ наконецъ Богу душу.

Другіе подобные случаи, совершавшіеся между самими Русскими, неизчислимы. Не проходитъ ночи, чтобы на утро не найдено было на улицахъ нѣсколькихъ мертвыхъ тѣлъ. Такія убійства чаще совершаются въ большіе ихъ праздники, преимущественно на Масляной Недѣлѣ, въ теченіи 8-ми дней передъ Великимъ Постомъ, когда Русскіе цѣлые дни пьянствуютъ до безумія. Въ бытность нашу въ Москвѣ, въ теченіи 11 дней Ноября мѣсяца, было поднято 15 человѣкъ убитыхъ, какъ оказалось по счету на Земскомъ Дворѣ. На этотъ Земскій Дворъ свозятъ утромъ мертвыя тѣла, и если кто увидитъ, что кто нибудь изъ семейныхъ не ночевалъ дома, то идетъ искать пропавшаго на этотъ Земскій Дворъ. Если мертвое тѣло не будетъ признано ни кѣмъ за своего, и не будетъ по этому увезено для погребенія домой, то его хоронятъ безъ похороннаго обряда. Рабы Русскіе и разбойники дерзки до такой степени, что не боялись даже однажды, среди бѣлаго дня, напасть на Царскаго Придворнаго Врача Г. Гартмана Граменя (Hartmann Gramen): нѣсколько этихъ разбойниковъ схватили было уже его и хотѣли отрѣзать у него палецъ, на которомъ онъ носилъ перстень съ печатью, и исполнили бы это конечно, если бъ дѣло это не случилось у воротъ дома одного Князя, хорошаго пріятеля Врача, который выслалъ своихъ слугъ и отбилъ такимъ образомъ его изъ рукъ мошенниковъ. Сами граждане по ночамъ при такихъ несчастіяхъ бывали очень не мягкосерды, такъ что если они и услышатъ даже у себя подъ окномъ, что кого нибудь грабятъ, или бьютъ, то не выглянутъ изъ окна, а тѣмъ менѣе подумаютъ выйти на помощь несчастному. Слышалъ я, впрочемъ, что теперь тамъ заведены лучшіе порядки, а именно: на всѣхъ перекресткахъ по ночамъ разставляется крѣпкая стража изъ стрѣльцовъ, или солдатъ, и строго воспрещается по ночамъ ходить, ѣздить въ экипажѣ, или верхомъ, на улицѣ безъ фонаря, или огня, при чемъ стража спрашиваетъ: куда и за чѣмъ идетъ, или ѣдетъ, человѣкъ? Встрѣченные безъ огня задерживаются и отводятся въ Стрѣлецкій Приказъ, гдѣ на другой день допрашиваются и, смотря по обстоятельствамъ дѣла, или отпускаются на свободу, или же подвергаются пыткѣ.

Въ Августѣ мѣсяцѣ, во время сѣнокосовъ, дорога по сю сторону Москвы, на цѣлыя 20 миль, чрезвычайно опасна, по причинѣ сказанныхъ рабовъ; ибо Бояре, имѣющіе въ этѣхъ мѣстахъ свои луга, высылаютъ всю эту челядь сюда на работу. Тамъ есть гора, съ которой издалека еще можно высматривать путниковъ, которыхъ весьма часто грабятъ, и даже убиваютъ и зарываютъ въ песокъ. Если на этѣхъ воровъ и разбойниковъ возникаетъ жалоба, то Господа ихъ, дающіе имъ ничтожное содержаніе, на которое едва можно прикрыть только тѣло, смотрятъ сквозь пальцы на такія жалобы.

Если такіе Господскіе рабы, или крѣпостные люди, отпускаются на волю по смерти своихъ Господъ, или по добротѣ этѣхъ послѣднихъ, то отпущенники сіи скорехонько снова продаютъ себя въ крѣпость. У нихъ обыкновенно не бываетъ ни чего, чѣмъ бы они могли жить, и по тому они ни сколько не дорожатъ свободою, и даже не знаютъ, какъ ею пользоваться. Какъ говоритъ умный Аристотель о варварахъ: «Натура ихъ такова, что они не могутъ и не должны жить иначе, какъ въ рабствѣ.» То, что сказалъ Аристотель о народахъ малой Азіи, называвшихся Іонянами, которые также происходили отъ Грековъ, можно примѣнить и къ Русскимъ: «quod in libertate mali, in servitute boni sunt», т. е., въ свободѣ они злые, а въ рабствѣ добрые люди. Всякій Господинъ можетъ продать, или подарить, своего раба другому. Но въ отношеніяхъ отца къ дѣтямъ касательно рабства существуетъ слѣдующее узаконеніе: ни какой отецъ не можетъ продать своего сына, и теперь этого уже никто и не дѣлаетъ; онъ также неохотно отдаетъ сына въ услуженіе къ какому бы то ни было почетному лицу, и пусть сынъ сидитъ лучше дома и терпитъ голодъ, чѣмъ пойдетъ къ кому въ услуженіе: это послѣднее считаютъ они себѣ за стыдъ. Но если отецъ кому задолжаетъ, и не имѣетъ чѣмъ уплатить долга, то онъ можетъ заложить своихъ дѣтей, или въ уплату долга отдать ихъ въ услуженіе на извѣстное число лѣтъ: сына за 10 и дочь за 8 рейхсталеровъ въ годъ, пока не уплатится долгъ, послѣ чего вѣритель долженъ отпустить ихъ отъ себя. Если сынъ, или дочь, не послушаютъ отца, и отецъ поведетъ дѣло судомъ; и если на суду дѣйствительно окажется, что отецъ долга заплатить не можетъ; то Русское законодательство обя-

зываетъ дѣтей уплатить за родителей. Если же дѣти согласны исполнить волю родителей, то они могутъ выдать заимодавцу отца своего кабалу на себя, или письменное обязательство въ томъ, что они кабальные заимодавца, и будутъ служить ему.

По причинѣ рабства и грубой суровой жизни, Русскіе весьма терпѣливы въ войнѣ и могутъ твердо стоять въ ней. Въ извѣстныхъ случаяхъ, когда настаетъ въ этомъ надобность, они поставляютъ изъ себя смѣлыхъ и отважныхъ воиновъ.

Если древніе Римляне не хотѣли, какъ это прямо значится въ законахъ Гратіяна, Валентина и Ѳеодосія, чтобы въ рядахъ ихъ на войнѣ были воины изъ рабовъ, или какіе ни будь пройдохи неизвѣстнаго происхожденія и жизни, то это происходило отъ того, что люди, желавшіе тогда поступить въ ряды воиновъ и воевать, имѣли совсѣмъ другую цѣль, именно: добродѣтель и благо міра, чѣмъ теперешніе воины, которые большею частію воюютъ съ цѣлію грабежа, разбоя и обогащенія себя.

О настоящемъ времени вообще можно привести слова Виргилія: «Dolus an virtus quis in hoste requirat?» Какой же большой выборъ можно было бы сдѣлать по Римскому способу, между такимъ народомъ, каковы Русскіе?

Русскіе рабы, впрочемъ, строго повинуются своимъ Господамъ и военоначальникамъ, вѣрно и крѣпко стоятъ за нихъ, и если бы у нихъ были опытные чужеземные Полковники и вожди (а въ этомъ-то у нихъ и большой недостатокъ); то они способны оказать подвиги великой храбрости и богатырскаго духа, хотя болѣе въ крѣпостяхъ и городахъ, чѣмъ въ открытомъ полѣ, какъ это видѣли уже мы изъ приведеннаго выше примѣра съ двумя Русскими, оставшимися при сдачи крѣпости Орѣшка. Такое же мужество оказали Русскіе въ войнѣ съ Поляками въ 1579-мъ году, когда, при осадѣ замка Суколя (Suckol), Поляки обстрѣливали ихъ жестокимъ огнемъ, и Русскіе упорно стояли лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, не смотря на то, что отъ пожара позади ихъ на нихъ горѣли ихъ платья, о чемъ подробнѣе можно прочесть въ Ливонской Лѣтописи Геннинга (Henninges), на 20-й

страницѣ. Въ этой же книгѣ и въ томъ же мѣстѣ упоминается объ осадѣ и завоеваніи монастыря Падиса (Abbey Padis), въ Ливоніи, гдѣ Русскіе держались такъ упорно, что при сдачѣ крѣпости, отъ изнуренія голодомъ, не могли выйти на встрѣчу Шведамъ къ крѣпостнымъ воротамъ. Писатель съ удивленіемъ прибавляетъ къ этому извѣстію: «Вотъ каковы должны быть воины въ крѣпостяхъ: по приказанію своего начальника они готовы отважиться на все»!

Но въ битвахъ на открытомъ полѣ, въ осадахъ городовъ и крѣпостей, Русскіе хотя также подвизаются, но уже не такъ храбры и стойки; обыкновенно они ведутъ такія кратковременныя войны съ Поляками, Литовцами и Шведами, и въ нихъ-то иногда они скорѣе бѣгутъ отъ непріятеля, чѣмъ преслѣдуютъ его. То, что въ прошломъ году Русскіе взяли городъ Смоленскъ, имѣя войска болѣе 200,000 человѣкъ, такъ же мало можетъ свѣдѣтельствовать о ихъ храбрости, какъ и то, что въ 1632-мъ году они съ величайшимъ стыдомъ и позоромъ должны были отступить отъ него, и оба этѣ случаи не доблестны для Русскихъ, хотя въ оба раза не обошлось безъ подозрѣнія въ измѣнѣ. Неудачу осады въ 1632 году приписывали измѣнѣ Генерала Шеина; неудача же втораго дѣла происходила отъ другихъ, неизвѣстныхъ и сторонніхъ, причинъ.

Хотя Русскіе, особенно простой народъ, живя въ рабствѣ и подъ жестокимъ гнетомъ, изъ любви къ Господамъ своимъ, могутъ сносить и вытерпливать весьма многое, но если гнетъ этотъ переходитъ мѣру, то про нихъ можно сказать: «Patientia saepe laesa fit tandem furor.» Тогда въ нихъ возбуждается опасное возстаніе, которое грозитъ гибелью, если не высшему, то ближайшему, ихъ начальству. Такъ бываетъ, на примѣръ, тогда, когда ихъ черезъ чуръ уже притѣсняютъ ихъ непосредственные начальники, или даже люди изъ ихъ же среды, и они не видятъ защиты отъ высшаго начальства. Если же однажды они вышли изъ терпѣнія и возмутились, то не легко бываетъ усмирить ихъ. Тогда они пренебрегаютъ всѣми, предстоящими имъ, опасностями, становятся способны на всякое насиліе и жестокость, и дѣлаются совершенно безумными людьми.

Это хорошо извѣдалъ бывшій Великій Князь Михаилъ Ѳедоровичъ, а именно: когда Русское войско возвратилось изъ бѣд-

ственнаго похода подъ Смоленскъ, то оно крѣпко жаловалось на измѣну своего Генерала Шеина (подозрѣніе это на такого высокаго начальника было не безъ основанія); когда же жалобы войска не уважили и поступили было строго съ жалующимися, тогда вспыхнуло всеобщее возстаніе, для утишенія котораго Великій Князь вынужденъ былъ обѣщать, что, для удовлетворенія народа, онъ прикажетъ казнить Шеина. Для того же, чтобы Шеинъ, безъ вреда другимъ, охотнѣе согласился на такое распоряженіе Великаго Князя, употреблена была слѣдующая хитрость: ему дано знать, что онъ только для виду будетъ выведенъ на мѣсто казни, но казненъ не будетъ; нужно только, чтобы народъ видѣлъ волю Царя, и когда Шеинъ ляжетъ на плаху, тотчасъ же прислано будетъ на мѣсто ходатайство, по которому послѣдуетъ помилованіе, чѣмъ простой народъ и удовольствуется. Успокоясь этой доброй надеждой (еще болѣе укрѣпленной увѣреніями Патріярха, къ которому Генералъ питалъ особое довѣріе по нѣкоторымъ причинамъ), Шеинъ явился на мѣсто казни, легъ ничкомъ на землю, но въ то же время данъ былъ знакъ палачу рубить скорѣе, что палачъ и исполнилъ, и голова Шеина, окровавленная и пораненная въ нѣсколькихъ мѣстахъ, покатилась прочь отъ туловища.

За тѣмъ, въ тотъ же день сынъ Шеина, который также былъ подъ Смоленскомъ, по требованію народа, былъ, по ихъ обыкновенію, засѣченъ на смерть кнутомъ. Остальные пріятели Шеина сосланы были немедленно въ Сибирь, и тогда только народъ удовольствовался и возстаніе утихло. Случилось это въ Іюнѣ 1633 года. Эту войну подъ Смоленскомъ описалъ, хотя и не во всей подробности, Пясецкій (Piasecius) въ своей: «Chronica memorabilium in Europa» (на стр. 462), гдѣ описаніе это можно найти подъ 1633 и 1634 годами.

О такомъ долготерпѣніи, выносимомъ въ началѣ Русскими, переходящемъ потомъ въ страшное озлобленіе и открытое возстаніе, дальнѣйшіе примѣры приведу я еще ниже сего, при описаніи устройства Полиціи. Я опишу тогда два страшныхъ бунта и возмущенія, бывшихъ въ Россіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

ГЛАВА VII.

О домашнемъ бытѣ Русскихъ, объ обычной ихъ жизни, пищѣ ихъ и содержаніи.

Хозяйство Русскихъ устроивается каждымъ сообразно его состоянію. Вообще они живутъ плохо, и на домашнее обзаведеніе ихъ требуется весьма немного. Хотя въ настоящее время большіе Бояре и богатые купцы живутъ въ богатыхъ палатахъ, которыя, впрочемъ, начали строиться въ Россіи не болѣе 30 лѣтъ назадъ, за то прежде они тоже довольствовались своими плохими домишками. Большая часть Русскихъ, особенно изъ простонародья, расходуетъ на свое житье-бытье весьма мало. Какъ жилища ихъ, какъ сказано, плохи и бѣдны, точно такъ и запасы и домашняя утварь, находящаяся въ этѣхъ жилищахъ, крайне ничтожны и не обильны, хотя и достаточны для нихъ. У большей части хозяевъ найдется 3, 4 глиняныхъ горшка и столько же глиняныхъ, или деревянныхъ, блюдъ; рѣдко встрѣтишь оловянную, а тѣмъ менѣе серебряную, посуду, и то развѣ однѣ чарки для водки, или меду. Русскіе не привыкли такъ-же прилагать трудъ держать чище свою посуду, или полировать ее. Даже и въ Великокняжеской оловянной и серебряной посудѣ, на которой подавались кушанья Посланникамъ, попадалась почернѣвшая и помятая, точно носуда та и кружки принадлежали какой ни будь лѣнивой хозяйкѣ, которая цѣлый годъ, а можетъ быть и никогда, ихъ не чистила. По этому-то ни въ одномъ домѣ, ни у богатыхъ, ни у бѣдныхъ, людей посуда не разставляется, какъ украшеніе, и видны однѣ голыя стѣны, которыя у знатныхъ только обиваются плетеной рогожей, да пара живописныхъ Святыхъ (образовъ). Пуховики изъ перьевъ рѣдко у кого бываютъ, большинство же не употребляетъ ни какихъ перинъ и спитъ на подушкахъ, на соломѣ, рогожѣ, или на своей одеждѣ. Мѣста для спанья у нихъ обыкновенно лавки, а зимою, какъ и у жителей Ливоніи, печи; въ этѣхъ печахъ они готовятъ себѣ кушанье, а вверху устраиваютъ гладкія площадки, на которыхъ и спятъ всѣ повалкой: мужъ, жена, дѣти, слуги и дѣвицы. Подъ печью

и лавками, по селеніямъ, видали мы въ нѣкоторыхъ избахъ свиней и куръ.

Русскіе не привыкли ни къ какимъ изысканнымъ кушаньямъ и сластямъ: ежедневная пища ихъ состоитъ изъ каши, рѣпы, капусты, свѣжихъ и соленыхъ огурцовъ, а въ Москвѣ изъ крупной, большею частію соленой, рыбы, которая иногда, по причинѣ малаго ея соленія, очень воняетъ, но которую тѣмъ не менѣе они охотно ѣдятъ. Ихъ рыбный рынокъ по этому гораздо раньше почувствуешь носомъ, чѣмъ увидишь его, или войдешь въ оный. Такъ какъ въ Россіи превосходныя пастьбища, то тамъ много и хорошаго мяса бараньяго, крупнаго рогатаго скота и свинаго; но имѣя, по своей Вѣрѣ, въ году столько же почти постныхъ дней, сколько и скоромныхъ, въ которые дозволяется ѣсть мясное, Русскіе пріобыкли къ грубой и дурной пищѣ, и мясо употребляютъ сравнительно мало. Они умѣютъ изготовлять изъ рыбы, изъ разнаго печенья, изъ овощей, или зелени, всякаго рода кушанья, такъ что въ мясномъ могутъ даже и не чувствовать особой надобности. Такъ, однажды, постомъ, по Царской милости, мы кушали такой обѣдъ, какъ я говорилъ выше, состоявшій изъ 40 разныхъ однихъ постныхъ блюдъ. Между прочимъ у нихъ есть особый родъ печенья, нѣчто въ родѣ пастетовъ, или еще болѣе блиновъ, которое они называютъ пирогами, величиною въ кругъ масла, или съ нашу сдобную булку, только нѣсколько длиннѣе, и начиняютъ этѣ пироги мелко искрошенной рыбой, или говядиной съ лукомъ, за тѣмъ поджариваютъ въ маслѣ, а въ постные дни въ оливѣ; такія печенья довольно вкусны и ими угощаетъ каждый своего гостя, если хозяинъ расположенъ къ нему и хочетъ хорошенько накормить гостя.

Довольно общеупотребительное кушанье у нихъ есть еще икра (Ikari), добываемая изъ большихъ рыбъ, особенно изъ осетровъ и бѣлорыбицы. Отдѣливъ ее отъ кожицы, въ которой она лежитъ, они солятъ ее, и давши постоять такъ отъ шести до осьми дней, мѣшаютъ ее съ перцемъ и мелко изрубленнымъ лукомъ, нѣкоторые же подбавляютъ еще уксусу и Прованскаго (деревяннаго) масла, и за тѣмъ ѣдятъ. Это вовсе недурное кушанье, особенно если, вмѣсто уксусу, надавить въ него лимоннаго соку: оно придаетъ

быть на пищу и возбуждаетъ силы природы. Такая икра добывается и просаливается на Волгѣ, большею частію близъ Астрахани, часть ея просушивается на солнцѣ и въ количествѣ нѣсколькихъ сотенъ тоннъ развозится въ чужія страны, преимущественно въ Италію, гдѣ она считается нѣжнѣйшимъ кушаньемъ и называется кавьяръ (Caviaro). Нѣкоторые купцы берутъ торговлю этѣмъ товаромъ на откупъ у Великаго Князя, за извѣстное число денегъ. Есть еще у Русскихъ родъ кушанья, которое обыкновенно ѣдятъ они послѣ попойки, съ похмѣлья (pochmeli), или когда они вообще въ дурномъ расположеніи духа; дѣлается оно такъ: изжаренную, холодную баранину рѣжутъ на мелкіе кусочки, въ видѣ кубиковъ, только продолговатѣе и шире, мѣшаютъ ее тоже съ мелко накрошенными огурцами, подбавляютъ перцу, разводятъ уксусомъ и огуречнымъ разсоломъ по равной части, и за тѣмъ хлѣбаютъ эту смѣсь ложками. Поѣвши ее, они снова принимаются за питье. Вообще кушанья Русскихъ всѣ почти приправляются чеснокомъ, или лукомъ, отъ чего всѣ ихъ комнаты и дома, даже пышныя Великокняжескія покои и палаты въ Кремлѣ, сами Русскіе, наконецъ, когда разговариваютъ съ кѣмъ, и мѣста, гдѣ они только побываютъ хоть не много, издаютъ сильный и для насъ, Нѣмцевъ, весьма непріятный запахъ.

Главнымъ напиткомъ у простаго народа служитъ квасъ, похожій на наше тонкое пиво, также пиво, медъ и водка. Водку всѣ пьютъ передъ тѣмъ, какъ садиться за столъ, и за тѣмъ продолжаютъ пить ее и во время стола, вмѣстѣ съ другими напитками. Знатнѣйшіе Господа, кромѣ пива, пьютъ также Шампанское, Рейнское и Французскія вина, всякаго рода меда и двойную водку.

У Русскихъ хорошее пиво, которое преимущественно Нѣмцы умѣютъ мастерски варить весною и сохранять на продолжительное время. Для этого въ Россіи изготовляются погреба, набиваемыя снѣгомъ и льдомъ: на этотъ снѣгъ и ледъ кладется рядъ бочекъ, которыя засыпаются опять снѣгомъ и льдомъ, за тѣмъ кладется новый рядъ бочекъ, которыя также засыпаются снѣгомъ, и такъ далѣе. На верху поверхъ снѣга кладутся солома и доски, сверху же такіе погреба имѣютъ и входъ. Такимъ образомъ сохраняемое пиво они пьютъ, осушая бочку за бочкой, при чемъ

самое пиво сохраняется свѣжимъ и пріятнымъ на вкусъ на цѣлое лѣто, которое въ Россіи бываетъ довольно жарко. Вина получаются въ Россіи черезъ Архангельскъ, но употребляютъ вина больше Нѣмцы, чѣмъ Русскіе, которые предпочитаютъ имъ хорошую водку.

Русскіе умѣютъ варить превосходный и превкусный медъ изъ малины, ежевики, вишенъ и другихъ ягодъ. Изъ всѣхъ этихъ меловъ намъ особенно нравился малиновый, по своему пріятному запаху и вкусу. Я самъ выучился приготовлять этотъ медъ, который дѣлается слѣдующимъ образомъ: сперва совершенно спѣлую малину кладутъ въ бочку, наливаютъ ее чистою водою и даютъ постоять такъ день, или два, пока вкусъ и цвѣтъ малины извлечется весь въ воду. Такую воду сливаютъ потомъ съ малины и примѣшиваютъ въ нее чистаго, или очищеннаго отъ воску, меду, а именно: на одну кружку меду по двѣ и по три кружки сказанной настоянной воды; смотря по тому, покрѣпче, или послаще, желаютъ имѣть медъ. За тѣмъ кладутъ туда кусочекъ поджареной булки и небольшое количество дрожжей, и когда медъ начнетъ бродить, булку вынимаютъ (иначе медъ получитъ ея вкусъ) и оставляютъ такъ бродить 4, или 5, дней. Желающіе придать меду вкусъ и запахъ пряныхъ кореньевъ, кладутъ въ него мѣшечки съ гвоздикой, кардамономъ и корицей. Если такъ изготовленный медъ стоитъ въ тепломъ мѣстѣ, то онъ не перестаетъ бродить въ продолженіи восьми дней, а по тому, послѣ извѣстнаго, потребнаго для надлежащаго броженія, времени, бочки съ медомъ выставляютъ на холодъ и дрожжи въ немъ отстаиваютъ.

Нѣкоторые наливаютъ малину простою водкой, хорошенько вабалтываютъ ее въ водкѣ, и послѣ суточнаго стоянія, водку сливаютъ съ ягоды, разводятъ медомъ, и такой настой дѣлается очень пріятнымъ напиткомъ, такъ какъ водка, насыщенная малиной и смѣшанная съ нею, почти совсѣмъ теряетъ свой настоящій вкусъ.

Русскіе задаютъ иногда пиры, при чемъ все великолѣпіе свое выказываютъ во множествѣ разнаго рода кушаньевъ и напитковъ. Если же знатные Вельможи затѣваютъ пиръ и прика-

шаютъ на него гостей низшаго состоянія, что дѣлается, конечно, съ иною цѣлію, а не съ тѣмъ, чтобы оказать этимъ людямъ свое доброе расположеніе, то тогда яства и хлѣбъ на этомъ пиру составляютъ какъ бы приманку на удочкѣ, которою хозяинъ пріобрѣтаетъ болѣе, чѣмъ издерживаетъ; ибо у нихъ ужь такой обычай, что гости такому хозяину приносятъ съ собою почетные подарки, или приношенія. По этому если, на примѣръ, какого ни будь Нѣмецкаго купца удостоятъ пригласить, онъ долженъ впередъ знать, какъ дорого обойдется ему такая честь. Воеводы въ городахъ, особено въ мѣстахъ, гдѣ сосредоточивается наибольшая торговая и промышленная дѣятельность, по два и по три раза въ году задаютъ торжественные пиры, на которыхъ являются любезными и радушными хозяевами и на которые обыкновенно приглашаютъ всѣхъ богатыхъ купцовъ.

Самая высокая честь и дружба, какую только можетъ оказать хозяинъ своему гостю на такихъ пиршествахъ, или отдѣльныхъ посѣщеніяхъ и провѣдкахъ, въ знакъ того, что гость очень любъ и пріятенъ хозяину, состоитъ у Русскихъ въ томъ, что, послѣ всѣхъ угощеній, выходитъ жена хозяина, разодѣтая и изъ собственныхъ рукъ подноситъ гостю чару водки; иногда же, если гость особенно милъ и любезенъ хозяину, ему позволяется и поцѣловать хозяйку въ губы. Такую великую честь оказалъ однажды и мнѣ, въ 1643 году, когда я былъ въ послѣдній разъ въ Москвѣ, Графъ Левъ Александровичъ фонъ Шлаковъ (Leo Alexander von Sclackow) въ своемъ домѣ. [1]

Послѣ богатѣйшаго угощенія Графъ этотъ отозвалъ меня особо отъ другихъ гостей, повелъ въ другую комнату и сказалъ, что самая большая честь и благорасположеніе, какія только могутъ быть оказаны гостю въ Россіи, состоятъ въ томъ, что жена хозяина, какъ домохозяйка, сама выходитъ къ пирующимъ, и

[1] Онъ былъкалъ, какъ свѣдѣтельствуютъ «Повседневныя Дворцовыя Записки» (М. 1769), въ 1643 году изъ «Дацкія земли», представлялся, 1-го Декабря, Государю, и просился «на Государево имя служить», что и дозволено было ему, за тѣмъ крестился и получилъ имя: «Князь Левъ Александровичъ Шляховской», вмѣсто: «Графъ Матей (Mathias) Шлаковъ»; ему повелѣно «быть во Дворянахъ Московскихъ.» О. Б.

также, какъ и хозяинъ, потчуетъ гостя. А такъ какъ я, служа у Его Свѣтлости, Герцога Голштинскаго, очень пріятенъ ему, то, въ честь и во уваженіе Герцога, котораго многими высокими милостями пользовался онъ во время своихъ странствованій и гоненій (о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже), онъ желаетъ и мнѣ оказать подобающую честь. Въ слѣдъ за симъ явилась супруга Графа, весьма красивая собою, хотя и подрумяненная, въ подвѣнечномъ платьи (о подвѣнечномъ платьи подробнѣе будетъ сказано ниже, при описаніи сватьбы Русскихъ), въ сопровожденіи другой женщины, которая несла графинѣ съ водкою и чарку. Вступивши въ комнату, хозяйка поклонилась сперва своему мужу, потомъ мнѣ, за тѣмъ приказала налить чарку водки, поднесла ее къ своимъ губамъ, и потомъ сама поднесла чарку мнѣ и просила выпить меня, что повторила три раза. Послѣ этого Графъ пожелалъ, чтобы я поцѣловалъ хозяйку; но такъ какъ я не привыченъ былъ къ такой чести, то и поцѣловалъ только руку у Графини. Графъ не удовольствовался этѣмъ, настаивалъ, чтобы я поцѣловалъ Графиню въ губы, и, изъ уваженія къ нему, я долженъ былъ исполнить, по ихъ обычаю, его просьбу. Въ заключеніе Графиня подарила мнѣ носовой платокъ изъ бѣлой тафты, вышитый золотомъ и серебромъ и украшенный длинною бахрамою. Такими платками жены и дочери знатныхъ Господъ дарятъ обыкновенно къ свадьбѣ невѣстъ; такъ и на подаренномъ мнѣ платкѣ вышито было мелкими буквами имя Стрѣшнева (Stressnoff), которое принадлежало брату отца Великой Княгини.

Хотя Бояре и знатные Господа, по всей вѣроятности, издерживаютъ весьма много, при желаніи вести себя достойно занимаемыхъ имъ мѣстъ и при своихъ широкихъ домохозяйствахъ, но для этого, кромѣ бѣльшихъ жалованій, они имѣютъ еще и богатыя помѣстья и крестьянъ, ежегодно приносящихъ имъ громадные доходы. Купцы и ремесленники добываютъ себѣ пропитаніе и ежедневные заработки только своими промыслами, при чемъ купцы довольно хитры и ловки въ извлеченіи барышей изъ своей торговли. Торгующіе внутри страны торгуютъ предметами, составляющими необходимую жизненную потребность; тѣ же, которые, съ дозволенія Его Царскаго Величества, ѣздятъ въ сосѣдственныя земли, какъ, на примѣръ, въ Ливонію, Швецію, Поль-

шу и Персію, торгуютъ большею частію соболями и разными другими мѣхами, льномъ, коноплей и кожей (юфтью). Этѣ же купцы, у Англійскихъ купцовъ, которые въ Москвѣ ведутъ большую торговлю, покупаютъ иногда сукно по 4 таллера за локоть, а сами продаютъ его по $3^1/_2$, и даже по 3 талера, за тотъ же локоть, и получаютъ при этомъ еще порядочный барышъ. Это дѣлается ими такъ: они берутъ одну, или нѣсколько штукъ сукна за условленную цѣну, съ уплатою всего количества черезъ полгода, или даже черезъ годъ, и за тѣмъ тотчасъ распродаютъ это сукно мелкимъ торговцамъ, въ розницу по аршинамъ, на чистыя деньги, и на этѣ вырученныя чистыя деньги они закупаютъ другіе товары, которые опять тотчасъ же продаютъ, и такимъ образомъ въ продолженіи всего времени, которое имѣютъ они до срока уплаты за купленное ими на вѣру сукно, они дѣлаютъ денежный оборотъ три и даже болѣе раза, и отъ того получаютъ наконецъ себѣ чистую прибыль.

Ремеслепники, по простой жизни своей не требующіе многого, добываютъ трудами рукъ своихъ весьма достаточно для того, чтобы имѣть надлежащее неприхотливое содержаніе и чарку водки, чтобы безъ нужды прокормить себя и свои семейства. Люди этѣ очень способны къ разнымъ ремесламъ, легко перенимаютъ все, что увидятъ у Нѣмцевъ, и въ немного лѣтъ они научились и переняли у послѣднихъ много такого, чего прежде совсѣмъ и не знали. По этому, въ настоящее время они улучшенныя издѣлія свои продаютъ уже за гораздо высшую цѣну, въ сравненіи съ прежними цѣнами. Особенно удивили меня Русскіе золотыхъ дѣлъ мастера, которые дѣлаютъ теперь серебряную съ разными украшеніями посуду съ такимъ искуствомъ и изяществомъ, что не уступаютъ въ томъ ни сколько Нѣмцамъ.

По этому, если кто въ какомъ ни будь ремеслѣ обладаетъ особеннымъ знаніемъ, или пріемомъ, которымъ хотѣлъ бы пользоваться только онъ одинъ, то онъ не долженъ показывать своего искуства ни какому Русскому. Такъ въ началѣ и поступилъ знаменитый литейный мастеръ Гансъ Фалькъ (Hans Falck), который требовалъ, чтобы во время отливки имъ и выдѣлки значительнѣйшихъ пушекъ и другихъ предметовъ, Русскіе подмастерья его оставляли его одного и уходили прочь. Теперь, впро-

чемъ, Русскіе уже сами умѣютъ лить большія пушки и колокола: такъ, въ прошломъ еще году, въ Кремлѣ, близъ колокольни Ивана Великого, выученики помянутаго Ганса Фалька вылили огромный колоколъ, который, по совершенной очисткѣ и отдѣлкѣ, вѣсилъ 7700 пудовъ, т. е., 308,000 фунтовъ или 2080 центнеровъ, какъ сообщали мнѣ это многіе Нѣмцы, бывшіе въ Москвѣ, а также и сами Русскіе. Но этотъ колоколъ, когда его повѣсили на приготовленномъ для него мѣстѣ и начали звонить, далъ трещину, или раскололся, а пока не имѣлъ трещины, издавалъ пріятный и чистый звонъ. Въ настоящее время его разбили снова, и Его Царское Величество приказалъ вылить на томъ же мѣстѣ еще большой колоколъ, который бы на вѣки оставилъ память объ его имени, и уже приступали къ разнаго рода предварительнымъ работамъ для отливки этого новаго колокола, сопряженнымъ съ огромными издержками.

Русскіе всѣ, какъ высшаго, такъ и низшаго, сословія имѣютъ обыкновеніе отдыхать и спать въ полдень, послѣ обѣда; по этому въ это время и запирается большая часть лучшихъ лавокъ, и самые лавочники, или мальчики ихъ, спятъ просто передъ дверьми. Въ это же время нельзя добиться до свиданія, или переговоровъ, съ кѣмъ либо изъ знатныхъ Бояръ, или купцовъ, по тому что они отдыхаютъ, или спятъ, послѣ обѣда.

Имѣя въ виду этотъ обычай, Русскіе пришли къ заключенію, что Лжедимитрій, о которомъ мы скоро будемъ говорить подробнѣе, не могъ быть по рожденію Русскимъ и сыномъ Великаго Князя, такъ какъ онъ не любилъ спать послѣ обѣда, подобно всѣмъ другимъ Русскимъ. Такъ думали они о немъ и по тому, что онъ не такъ часто, какъ это водится у Русскихъ, ходилъ въ баню, ибо Русскіе крѣпко держатся обычая мыться въ банѣ, и особенно считаютъ это необходимымъ дѣломъ послѣ первой свадебной ночи. По этому-то во всѣхъ городахъ и селеніяхъ у нихъ множество общественныхъ и частныхъ бань, въ которыхъ всегда почти найдешь множество моющихся.

Когда я былъ въ Астраханѣ, то посѣтилъ тамъ потихоньку баню, съ намѣреніемъ взглянуть, какъ моются тамъ Русскіе Бани самыя раздѣлены были на двѣ половины досчатыми перего-

родками, для того, чтобы мужчины и женщины могли мыться отдѣльно. Но тѣ и другіе входили и выходили въ одну общую дверь, при чемъ ходили совершенно нагіе, ни чѣмъ не прикрываясь, и только нѣкоторые держали передъ собою березовый вѣникъ, у остальныхъ же и того не было. Иногда женщины безъ всякаго стыда входили въ мужское отдѣленіе и разговаривали тамъ съ своими мужьями.

Русскіе могутъ выносить чрезвычайно жаръ, и въ банѣ, ложась на полкахъ, велятъ себя бить и тереть свое тѣло разгоряченными березовыми вѣниками, чего я ни какъ не могъ выносить; за тѣмъ, когда отъ такого жару они сдѣлаются всѣ красными и изнемогутъ до того, что уже не въ состояніи оставаться въ банѣ, они выбѣгаютъ изъ нея голые, какъ мужчины, такъ и женщины, и обливаются холодною водою; зимою же, выскочивъ изъ бани, они валяются на снѣгу, трутъ имъ тѣло, будто мыломъ, и потомъ, остывши такимъ образомъ, снова входятъ въ жаркую баню. Такъ какъ бани ихъ обыкновенно устраиваются при рѣкахъ, или ручьяхъ, то моющіеся въ нихъ изъ жару прямо бросаются въ холодную воду. Случилось однажды, что одинъ Нѣмецъ забрался въ купальню къ женщинамъ, и оказалось, что они не были такъ стыдливы, какъ Діана, которая, разгнѣвавшись за подобную выходку, на одного смѣльчака, дерзнувшаго вмѣшаться въ толпу ея спутницъ въ то время, когда она купалась, тотчасъ же, узнавши объ этомъ, обрызгала виновнаго водою и обратила его въ оленя.

Въ Астрахани также случилось однажды, что 4 молодыя женщины, вышедши изъ бани, бросились прохладиться въ Волгу, которая около этого мѣста протекала рукавомъ своимъ, и доставила весьма пріятное и прохладное купанье. Въ то же время пришелъ туда купаться и одинъ изъ нашихъ солдатъ, также бросился въ воду, а купающіяся его сосѣдки начали изъ шутки брызгаться водою. Одна изъ сказанныхъ женщинъ, заплыла незамѣтно на болѣе глубокое мѣсто, запуталась тамъ въ тонкой тинѣ и начала тонуть; тогда, остальныя ея товарки, видя опасность, подняли крикъ, бросились къ солдату, который плавалъ около, и умоляли его о помощи. Солдатъ не заставилъ просить себя долго, поспѣшилъ къ утопающей, схватилъ ее поперекъ тѣла, за

тѣмъ велѣлъ ей схватиться за него, и такимъ образомъ выплылъ съ нею на мелкое мѣсто и спасъ утопавшую. Послѣ этого женщины этѣ благодарили, хвалили Нѣмца и говорили, что онъ былъ посланъ къ нимъ въ воду будьто ангелъ спаситель.

Описанный выше способъ мыться въ баняхъ мы видѣли не только въ Россіи, но и въ Ливоніи и Ижоріи, гдѣ простой народъ, особенно же Чудь, въ самый жестокій морозъ, выбѣгаютъ голые на улицу, трутъ себя снѣгомъ, и потомъ снова входятъ въ жаркую баню, и такой рѣзкій переходъ отъ жара къ холоду ни сколько не вредитъ имъ, такъ какъ они привыкли къ этому еще съ дѣтства. По этому-то Чудь, Латыши, также какъ и Русскіе, крѣпкій, сильный, выносимый народъ, способный легко переносить и стужу и жаръ.

Въ Нарвѣ я съ удивленіемъ смотрѣлъ на Русскихъ и Чудскихъ мальчиковъ, 8-ми, 9 и 10 лѣтъ, какъ они, въ однихъ тонкихъ полотняныхъ кафтанахъ, босыми ногами, похожими на гусиныя, цѣлые полчаса ходили и стояли на снѣгу, не обращая ни малѣйшаго вниманія на нестерпимый морозъ.

Вообще въ Россіи люди здоровые, доживающіе глубокой старости и рѣдко болѣющіе; если жь заболѣетъ кто, то въ простомъ народѣ самымъ лучшимъ лѣкарствомъ, даже въ горячкѣ, считается водка и чеснокъ; знатные же Бояре начинаютъ уже теперь обращаться за совѣтами къ Нѣмецкимъ Врачамъ и употреблять извѣстныя, прописываемыя ими, лѣкарства.

Особенно хорошія бани нашли мы у Нѣмцевъ и Ливонцевъ, живущихъ въ Москвѣ, при ихъ домахъ. Въ этѣхъ баняхъ устроивается печь со сводомъ, въ которой, на особомъ возвышенномъ помѣщеніи, накладывается куча камней. Изъ печи дѣлается одно отверстіе въ баню, которое закрывается заслонкою и навозомъ, или птичьимъ пометомъ. Другое отверстіе въ печи такое же, только меньше, выдается наружу и черезъ него выходитъ дымъ. Когда камни достаточно нагрѣются, или накалятся, внутреннее отверстіе открываютъ, а наружное прикрываютъ, и если захотятъ подать пару, то льютъ на камни воду, въ которой иногда настаиваютъ пахучія травы. Въ самой банѣ, по стѣнамъ кругомъ, подѣла-

ны лавки и полки для пропотѣнія и обмыванія, одна повыше другой, и на нихъ полотняные, сѣномъ набитые, мѣшки, или постилки, обсыпанныя цвѣтами и всякаго рода благовонными травами, которыми утыканы и окна бани, а на полу набрасывается мелко нарубленный и измятый еловый кустарникъ, издающій пріятный и усладительный запахъ. Для мытья дается женщина, или дѣвушка. Если моется знакомый чужестранецъ въ банѣ у своихъ соотечественниковъ, и, слѣдовательно, если онъ желанный гость, то его холятъ какъ нельзя лучше, заботятся о немъ и всячески ублажаютъ. Въ такихъ случаяхъ хозяйка, или дочь ея, приносятъ сами, или посылаютъ обыкновенно нѣсколько ломтей рѣдьки, посыпанныхъ солью, и вкусно изготовленную пивную похлебку, гостю въ баню. Если жь этого не сдѣлаютъ хозяева, то это считается за великое неуваженіе къ гостю и служитъ ему знакомъ, что онъ вовсе нежеланный гость. Послѣ бани гостя потчуютъ, по достоинству, опять всякаго рода приличными дѣлу, освѣжающими угощеніями.

Такого почетнаго пріема и чистоты не найдешь у спесивыхъ, своекорыстныхъ и грязныхъ Русскихъ, у которыхъ все это неопрятно и противно.

Одинъ изъ насъ, видѣвшій и наблюдавшій образъ жизни и обычаи Москвичей, вкратцѣ описалъ ихъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Kirchen, Bilder, Creuze, Glocken,
Weiber, die geschminckt, als Docken,
Huren, Knoblauch, Brantewein,
Seynd in Muskow sehr gemein.
Auff dem Marckte müssig gehen,
Vor dem Bad entblösset stehen,
Mittags schlaffen völlerey,
Rulzen, farzen ohne Scheu.
Zanken, peitschen, stehlen, morden,
Ist auch so Gemeine worden,
Dass sich niemand mehr dran kehrt,
Weil mans täglich siht und hört.

ГЛАВА VIII.

О брачномъ состояніи Русскихъ и образѣ совершенія свадебъ ихъ.

Хотя Русскіе весьма склонны къ плотскимъ наслажденіямъ, но у нихъ нѣтъ открытыхъ развратныхъ домовъ, существующихъ, къ сожалѣнію, въ Персіи и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, и составляющихъ извѣстную статью дохода Правительства.

Русскіе имѣютъ свой законный бракъ, и каждому дозволяется имѣть только одну жену. Въ случаѣ, если жена умретъ, мужъ можетъ жениться въ другой и даже въ 3-й разъ, но въ 4-й разъ не дозволяется, и если Священникъ обвѣнчаетъ кого въ 4-й разъ, то отрѣшается отъ должности. Священники Русскіе, служащіе алтарю (бѣлое духовенство), непремѣнно должны быть люди женатые, и по смерти 1-й жены вторично вступить въ бракъ не могутъ; для этого они должны оставить свой Священническій санъ, сложить свою скуфью и причислиться въ купечество, или въ сословіе ремесленниковъ. При вступленіи въ бракъ, принимается у Русскихъ во вниманіе arbor consaguinitatis, или родство, и бракъ между кровными родственниками, и даже свойственниками, не допускается, равно какъ не дозволяется двумъ братьямъ жениться на двухъ сестрахъ, или воспріемникамъ одного дѣтяти брачиться другъ на другѣ. Самое вѣнчаніе совершается у нихъ въ общественныхъ церквахъ съ извѣстнаго рода обрядами, и при свадьбахъ вообще соблюдаются слѣдующіе обычаи:

Молодымъ людямъ и дѣвицамъ отнюдь не дозволяется какими ни будь способами сходиться, тѣмъ болѣе совѣщаться между собою о бракѣ и обѣщать себя другъ другу, но родители, имѣющіе сыновей взрослыхъ, которыхъ бы они хотѣли уже поженить, большею же частію родители дочерей, отправляются къ тѣмъ, дѣти которыхъ, по ихъ мнѣнію, могли бы составить приличный союзъ, заводятъ рѣчь съ самими этѣми молодыми людьми, или съ ихъ родителями, либо друзьями, и выказывая къ нимъ свое доброе расположеніе, стараются разузнать ихъ намѣреніе и мнѣніе относительно бракосочетанія ихъ дѣтей. Если на такое предложеніе

изъявляется согласіе, то выражается желаніе сперва видѣть невѣсту дочь, и хотя обыкновенно въ этомъ желаніи отказывается, но иногда, особенно когда невѣста красива, дозволяется матери жениха, или его подругѣ, посмотрѣть невѣсту. Если осмотрѣвшіе невѣсту не найдутъ въ ней ни какого видимаго, или замѣтнаго, недостатка, увидятъ, что она ни слѣпа, ни хрома, то между родителями жениха и невѣсты и пріятелями ихъ начинаются переговоры о придачѣ, называемой у нихъ приданымъ, а за тѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, толкуютъ и рѣшаютъ уже о самомъ бракѣ.

Вообще люди, хоть сколько ни будь знатные, воспитываютъ своихъ дочерей въ недоступныхъ ни кому покояхъ, держатъ ихъ сокрытыми отъ сторонникъ людей, и женихъ не прежде можетъ увидать свою невѣсту, какъ уже по совершеніи брака, въ брачномъ своемъ покоѣ. По этому иногда обманываютъ, вмѣсто красивой иной получаетъ безобразную и уродливую жену, иногда даже, вмѣсто дочери, дадутъ ему какую ни будь другую родственницу, даже просто служанку, чему бывали примѣры даже между знатными Господами, по чему не удивительно, что новобрачные живутъ между собою, какъ кошки съ собакою, и что побои женъ у Русскихъ такъ обыкновенны.

Свадьбы Русскихъ и торжественное сопровожденіе невѣсты совершаются съ особенною пышностію, а именно: свадьбы знатныхъ Князей, Бояръ и Дѣтей Боярскихъ справляются слѣдующимъ образомъ:

Къ жениху и невѣстѣ приставляются двѣ женщины, называемыя у нихъ свахами, въ родѣ ключницъ, которыя въ домѣ вѣнчающихся должны все устроить и приготовить. Сваха невѣсты въ день свадьбы идетъ въ домъ жениха и приготовляетъ тамъ брачную постель. Съ нею идетъ до 100 разодѣтыхъ въ кафтаны слугъ, которые несутъ на головахъ каждый что либо, принадлежащее къ брачной постели, или къ украшенію брачнаго покоя. Брачная постель приготовляется на 40 ржаныхъ снопахъ, положенныхъ рядомъ и одинъ на другомъ, и первые снопы кладетъ самъ женихъ; за тѣмъ, въ томъ же покоѣ, ставится нѣсколько кадокъ, или боченковъ, съ пшеницей, ячменемъ и овсомъ, что означаетъ

и какъ бы способствуетъ тому, чтобы вступающіе въ бракъ въ сожительствѣ своемъ имѣли всегда изобиліе въ пищѣ и въ средствахъ къ жизни.

Проведши цѣлый день въ такихъ приготовленіяхъ и устройствѣ должнымъ порядкомъ всего нужнаго, уже позднимъ вечеромъ женихъ отправляется, со всѣми своими друзьями и пріятелями, предводимый Священникомъ, долженствующимъ вѣнчать его и ѣдущимъ верхомъ на лошади, въ домъ невѣсты. Сдѣсь, собравшіеся уже друзья и пріятели невѣсты принимаютъ жениха со всѣми его сопутниками, и важнѣйшіе изъ нихъ, или ближайшіе пріятели жениха, приглашаются къ столу, на которомъ поставлено уже три блюда, но къ блюдамъ этѣмъ никто изъ гостей не прикасается. Въ верхнемъ концѣ стола оставляется мѣсто для жениха, который, по приходѣ, остается нѣкоторое время на ногахъ и бесѣдуетъ съ друзьями и дружками невѣсты; въ это время на оставленное для жениха мѣсто сажаютъ мальчика, котораго женихъ, кончивъ свою бесѣду, долженъ почтительно снять со скамьи. Когда такимъ образомъ, снявши мальчика, женихъ сядетъ на свое мѣсто, приводятъ невѣсту, съ закрытымъ лицомъ и великолѣпно разодѣтую, сажаютъ ее рядомъ съ женихомъ, и чтобы они не могли видѣть другъ друга, между ними протягивается кусокъ красивой тафты, который держатъ два мальчика. За тѣмъ приходитъ сваха невѣсты, чешетъ ей волосы, которыя у нея распущены, заплетаетъ ихъ въ двѣ косы, надѣваетъ ей на голову вѣнецъ и другія украшенія, которыя и оставляетъ такъ на ней открытыми. Вѣнецъ дѣлается изъ тонко кованнаго листоваго золота, или серебра, подбивается матеріей и по сторонамъ, около ушей, гдѣ вѣнецъ нѣсколько загибается къ низу, привѣшиваются къ нему 4, 6 и болѣе нитокъ крупнаго жемчугу, которыя ниспадаютъ на грудь. Верхній кафтанъ невѣсты, спереди сверху до низу, около рукавовъ, которые бываютъ шириною аршина (arsin) въ два, а также и на твердо стоячемъ воротникѣ, бывающемъ пальца въ три шириною и охватывающемъ шею будьто собачій ошейникъ, плотно унизанъ крупнымъ жемчугомъ, и такой кафтанъ стоитъ иногда далеко дороже 1000 талеровъ.

Сваха расчесываетъ также и жениха, а между тѣмъ нѣсколько женщинъ, вскочивши на лавки, поютъ всякаго рода срамныя

пѣсни. За тѣмъ приходятъ два молодыхъ человѣка, весьма богато одѣтые, и приносятъ на носилкахъ огромной величины сыръ и нѣсколько хлѣбовъ, со всѣхъ сторонъ обвѣшанныхъ соболями. Такіе же хлѣбы приносятся и со стороны невѣсты, и хлѣбы этѣ называются коровайниками (Krabeinicke). Попъ благословляетъ принесенные сыръ и хлѣбы, которые и относятся послѣ этого въ церковь. За тѣмъ приносятъ большое серебряное блюдо, кладутъ на него четверо угольныя кусочки атласу и тафты, столько, чтобы изъ нихъ можно было сшить небольшой кошель, также четвероугольныя небольшія серебряныя пластинки, хмѣль, ячмень и овесъ, все это перемѣшивается на блюдѣ, и самое блюдо ставятъ на столъ. Тогда опять появляется сваха, которая снова покрываетъ невѣсту и изъ блюда посыпаетъ всѣхъ Бояръ и прочихъ мужчинъ, которые, если хотятъ, подбираютъ разбросанные свахою кусочки атласу и серебра, а между тѣмъ во все это время поются пѣсни. Наконецъ встаютъ родители жениха и невѣсты, и заставляютъ послѣднихъ обмѣниваться кольцами.

Послѣ всѣхъ этѣхъ обрядовъ сваха беретъ невѣсту, усаживаетъ ее въ сани, и все еще съ закрытымъ лицомъ везетъ ее въ церковь. Лошадь, которая везетъ невѣсту въ церковь, вокругъ шеи и подъ дугою обвѣшивается множествомъ лисьихъ хвостовъ. За невѣстой тотчасъ же отправляется женихъ, сопровождаемый своими дружками и Священникомъ, при чемъ этого послѣдняго иногда, готоваго уже отъ свадебныхъ напитковъ, свалиться съ лошади, нужно бываетъ поддерживать съ обѣихъ сторонъ, какъ во время его поѣзда въ церковь верхомъ на ней, такъ и въ церкви, при совершеніи имъ вѣнчанія. Подлѣ саней ѣдутъ нѣкоторые хорошіе друзья и множество прислуги (рабовъ), и въ это время отпускаются при поѣздѣ самыя грубыя и непристойныя шутки.

Въ церкви довольно большое пространство пола, гдѣ долженъ совершиться обрядъ вѣнчанія, покрывается красною тафтою, а на ней постилается еще особый кусокъ этой матеріи, на которую и становятся женихъ съ невѣстой. Передъ вѣнчаніемъ дѣлаются Священнику, по его требованію, приношенія, состоящія изъ пироговъ и другихъ печеній; за тѣмъ надъ головами жениха и невѣсты держатъ образа и благословляютъ брачущихся. Потомъ

Попъ обѣими своими руками беретъ правую руку жениха, лѣвую невѣсты, и трижды спрашиваетъ ихъ: желаютъ ли они имѣть другъ друга и жить неразлучно? Получивъ отвѣты, Священникъ обводитъ вѣнчающихся кругомъ и поетъ 127 псаломъ, который женихъ и невѣста, обходя кругъ, какъ бы приплясывая, повторяютъ по частямъ. Послѣ такого кругового хожденія Священникъ возлагаетъ на головы жениха и невѣсты довольно красивыя короны или вѣнцы; но если изъ брачущихся кто либо вдовецъ, или вдова, то вѣнцы возлагаются не на головы, а на плечи, при чемъ, во всякомъ случаѣ, Попъ произноситъ: «Растите и множитеся,» а соединяя ихъ, говоритъ далѣе: «Что Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ» и проч. Между тѣмъ, предстоящіе въ церкви свадебные гости зажигаютъ маленькія восковыя свѣчи и подаютъ Попу деревянную, вызолоченную чашу, или просто стеклянную рюмку съ краснымъ виномъ, изъ которой Священникъ даетъ пить брачущимся, такъ, чтобы каждый изъ нихъ могъ пить по три раза, и за послѣднимъ разомъ допить все вино. Тутъ женихъ бросаетъ пустую рюмку объ полъ, разбиваетъ ее и топчетъ кусочки ея ногами, вмѣстѣ съ невѣстою, съ слѣдующими словами: «да расточатся такъ, и да потребятся такъ нашими ногами всѣ тѣ, которые вознамѣрятся возбудить вражду и ненависть между нами!» Тутъ предстоящія женщины обсыпаютъ новобрачныхъ льняными и конопляными сѣменемъ, желаютъ имъ счастія, и нѣкоторыя дергаютъ и тащутъ невѣсту, какъ бы желая отнять ее у жениха, но женихъ и невѣста крѣпко держатся другъ за друга. Наконецъ женихъ уводитъ невѣсту изъ церкви къ санямъ, сажаетъ ее, самъ же опять ѣдетъ за нею верхомъ. Около саней невѣсты несутъ шесть горящихъ восковыхъ свѣчей, а провожающіе гости и пріятели опять начинаютъ выдѣлывать разныя грубѣйшія шутки.

По прибытіи въ свадебный домъ, т. е., въ домъ жениха, гости съ женихомъ садятся за столы, ѣдятъ, пьютъ и веселятся; невѣста же тотчасъ уходитъ въ брачный покой, раздѣвается до рубашки и ложится въ постель. Едва только женихъ начнетъ ѣсть, какъ его требуютъ къ невѣстѣ. Ему предшествуютъ 6, или 8, мальчиковъ, съ зажженными факелами. Услыхавъ о приближеніи жениха, невѣста встаетъ съ постели, накидываетъ на себя соболью шубку, и съ поклономъ принимаетъ своего возлюблен-

наго. Мальчики ставятъ свои зажженные факелы въ выше помянутые боченки съ рожью и ячменемъ и удаляются. Тогда женихъ садится съ невѣстой за проготовленный уже столъ, и тутъ только въ первый разъ онъ видитъ ее съ открытымъ лицомъ. Приносятся кушанья и, между прочимъ, жареная курица, которую разрѣзываетъ самъ женихъ, и первую отрѣзанную ножку, или крыло, онъ бросаетъ позади себя, а другую ѣстъ самъ. Послѣ такого стола, продолжающагося, впрочемъ, очень не долго, женихъ идетъ съ невѣстой въ постель, и при этомъ всѣ удаляются, кромѣ одного стараго служителя, который долженъ прохаживаться взадъ и впередъ передъ дверями спальни. Въ это время родители и пріятели жениха и невѣсты скоморошничаютъ и совершаютъ разныя чары на благополучное сожительство новобрачныхъ. Слуга же, поставленный на часахъ у дверей брачной спальни, отъ времени до времени долженъ спрашивать: «Сталось ли дѣло?» Если женихъ отвѣтитъ: «Да!» тотчасъ начинаютъ трубить и бить въ барабаны, заранѣе уже припасенные, все громче и веселѣе. За тѣмъ немедленно топится баня, въ которую, спустя нѣсколько часовъ, идутъ мыться, отдѣльно, впрочемъ, другъ отъ друга новобрачные, гдѣ и моются и обдаются водою, медомъ и виномъ; послѣ бани молодая жена даритъ своего мужа рубашкою, у которой воротъ вышитъ жемчугомъ и новымъ, весьма дорогимъ, полнымъ платьемъ.

Слѣдующіе два дня проводятся въ непомѣрномъ употребленіи яствъ, напитковъ, въ пляскахъ и всякого рода увеселеніяхъ, какія только могутъ придумать. Тутъ же играетъ и разная музыка, между прочимъ на инструментѣ, называемомъ псалтирь (Psaltir), похожемъ на гусли, который, во время игры на немъ, кладется на колѣни и играютъ на немъ пальцами по струнамъ, какъ на арфѣ, что можно видѣть на прилагаемомъ рисункѣ. [1]

Во время этѣхъ пиршествъ замужнія женщины позволяютъ себѣ разнаго рода шалости и продѣлки съ своими знакомыми не женатыми людьми, а также и съ мужьями другихъ женъ, такъ какъ ихъ собственные мужья не могутъ наблюдать за ними, будучи

[1] На стр. 193-й подлинника. О. Б.

совершенно пьяными; онѣ пользуются этимъ случаемъ сборищъ, или собраній, для того, чтобы предаться своимъ удовольствіямъ-такъ какъ удовольствія эти найлучшимъ образомъ могутъ совершить онѣ посредствомъ такихъ общественныхъ пиршествъ. Все сказанное составляетъ правдивое повѣствованіе объ обрядахъ и обычаяхъ во время свадьбы теперешнихъ большихъ Бояръ въ Москвѣ.

Если же затѣютъ свадьбу простолюдины, или горожане, то женихъ, обыкновенно, за день до свадьбы посылаетъ своей невѣстѣ новое платье, шапочку и пару сапоговъ, а также ящичекъ съ румянами, гребнемъ и зеркаломъ. На другой день, когда должна совершиться свадьба, приходитъ Попъ съ серебрянымъ крестомъ, въ сопровожденіи двухъ мальчиковъ, несущихъ зажженныя восковыя свѣчи; онъ благословляетъ прежде мальчиковъ, потомъ и гостей. За тѣмъ женихъ и невѣста садятся за столъ и между ними также протягивается кусокъ тафты. Когда сваха уберетъ невѣсту, она заставляетъ молодыхъ приблизиться лицами другъ къ другу, смотрѣться въ одно зеркало и любезно улыбаться другъ другу. Между тѣмъ другія свахи обсыпаютъ молодыхъ и гостей хмѣлемъ. Послѣ этого отправляются въ церковь, гдѣ вѣнчаніе совершается описаннымъ уже выше образомъ.

Послѣ свадьбы молодыя жены содержатся въ своихъ покояхъ, рѣдко выходятъ въ люди и чаще посѣщаются своими хорошими знакомыми, чѣмъ сами посѣщаютъ ихъ.

ГЛАВА IX.

О положеніи Русскихъ женщинъ.

Такъ какъ дочери большихъ Бояръ и купцовъ весьма мало, да и вовсе не пріучаются къ хозяйству, то и послѣ въ замужествѣ онѣ также мало имъ занимаются, и только сидятъ себѣ дома, шьютъ и вышиваютъ золотомъ и серебромъ красивые носовые платки изъ бѣлой тафты, или чистаго полотна, вяжутъ кошельки

для денегъ и тому подобное. Онѣ никогда не рѣшатся зарѣзать курицу, или другое какое животное, а тѣмъ болѣе приготовить какое ни будь кушанье, изъ опасенія оскверниться такимъ дѣломъ, и всякую подобную работу предоставляютъ своимъ слугамъ. Изъ ревности, мужья рѣдко выпускаютъ своихъ женъ изъ дому, даже въ самую церковь; но въ простомъ народѣ это не такъ строго соблюдается.

Дома женщины одѣваются обыкновенно очень дурно; если же, по приказанію мужей, онѣ должны сдѣлать гостю честь и попотчивать его чаркой водки, или, если онѣ появляются на улицахъ, идучи въ церковь, то надѣваютъ самыя дорогія платья и крѣпко на крѣпко толстымъ слоемъ бѣлятъ себѣ лицо и шею.

Княжескія, Боярскія и другихъ Вельможъ жены лѣтомъ ѣздятъ въ закрытыхъ каретахъ, обтянутыхъ краснымъ сукномъ; кареты эти, поставленныя на полозья, употребляютъ онѣ и въ зимнее время. Въ этѣхъ каретахъ или колымагахъ сидятъ онѣ, во всемъ великолѣпіи, какъ богини, а въ ногахъ у нихъ помѣщается крѣпостная дѣвочка, служанка. Подлѣ кареты бѣгутъ обыкновенно ихъ холопы и крѣпостные люди въ большомъ числѣ, иногда по 30 и по 40 человѣкъ. Лошадь, запряженная въ такую карету, или сани, убирается подобно той, которая возитъ невѣсту, лисьими хвостами, что, впрочемъ, не въ свадебное время встрѣчается рѣдко. Подобное убранство лошадей видѣли мы не только при выѣздахъ знатныхъ Боярынь, но и въ поѣздахъ знатныхъ Бояръ и самаго Великаго Князя, лошади котораго увѣшиваются иногда, вмѣсто лисьихъ, отличными чернаго соболя хвостами.

Такъ какъ молодыя жены сидятъ больше праздно дома, рѣдко показываются въ люди, хозяйствомъ почти не занимаются, то по этому онѣ мало имѣютъ развлеченій и отъ скуки сами придумываютъ себѣ разныя забавы съ своими дѣвушками, а именно качели, до которыхъ онѣ страстныя охотницы. Обыкновенный способъ качанія такой: кладутъ на колоду доску, двѣ женщины становятся на концы этой доски и, перевѣшивая одна другую, высоко подкидываютъ другъ друга на воздухъ. Иногда употреб-

ляются также и веревочныя качели, на которыхъ онѣ качаются страшно высоко. Простой народъ, особенно въ слободахъ и селахъ, потѣшается качелями открыто, на улицахъ. Этѣ общественныя качели устроиваютъ они на подобіе висѣлицы, съ перекладиною, къ которой крестообразно придѣлываются, на особыхъ брусьяхъ, висячія мѣста для сидѣнья, и на такихъ качеляхъ разомъ могутъ качаться по 2, по 3 и болѣе человѣкъ. Всего болѣе потѣшается на качеляхъ народъ по праздникамъ; въ праздники этѣ извѣстные уже молодые парни заготовляютъ сказанныя мѣста для сидѣнья и все нужное для качалей, качаютъ желающихъ за нѣсколько копѣекъ. Такую забаву мужья охотно дозволяютъ своимъ женамъ и иногда сами помогаютъ качать ихъ.

Несогласія между супругами и даже побои происходятъ у Русскихъ или отъ того, что жены поносятъ мужей своихъ неприличными и бранными словами, на что онѣ всегда бываютъ готовы, или отъ того, что жены пьянствуютъ чаще мужей, или же, наконецъ, отъ того, что жены своимъ ласковымъ и черезъ чуръ дружескимъ обращеніемъ съ стороннимъ мужчиною возбуждаютъ ревность въ мужьяхъ своихъ. Этѣ три причины очень часто встрѣчаются въ Русскихъ женщинахъ въ одно время.

Жены не очень-то обижаются, если мужья порядкомъ иной разъ поучатъ ихъ плеткой, или кнутомъ; ибо чувствуютъ, что сами виноваты, и при томъ видятъ, что и съ сосѣдками ихъ и пріятельницами, повинными въ такихъ же продѣлкахъ, случается то же самое; но чтобы Русскія женщины думали, что чѣмъ больше бьютъ и сѣкутъ плетками мужья ихъ, тѣмъ больше будьто бы онѣ любимы своими мужьями, и что, на оборотъ, недостатокъ побоевъ отъ мужей онѣ считаютъ, будьто бы, признакомъ нелюбящаго и нерасположеннаго къ нимъ сердца мужей ихъ, какъ пишутъ это нѣкоторые историки, основываясь на Русской Лѣтописи Петрея, который, безъ сомнѣнія, самъ заимствовалъ это извѣстіе у Герберштейна и у Барклая изъ его «Icon animorum» (Francof. 1625), то этого я нигдѣ не видалъ и не слыхалъ; да, признаюсь, и не могу себѣ представить, чтобы Русскія женщины могли любить то, что обыкновенно устрашаетъ природу и всякую тварь, и чтобы дѣйствія гнѣва и вражды онѣ принимали за признаки любви. Обыкно-

венная пословица: «Побои не радуютъ,» по моему мнѣнію, имѣетъ свою силу и у Русскихъ женщинъ. Никто, въ здравомъ умѣ, безъ причины не возненавидитъ и не будетъ истязать плоть свою. Можетъ быть, впрочемъ, что нѣкоторыя изъ Русскихъ женщинъ и вели съ своими мужьями, ради шутки, подобныя рѣчи, или же то была, должно быть, совсѣмъ глупая женщина, которая, проживъ съ мужемъ долгое время въ мирѣ и согласіи, сказала ему, что она не видитъ, чтобы онъ дѣйствительно любилъ ее, по тому что ни разу еще не получала отъ него побоевъ. Въ слѣдствіе этого мужъ, желая доказать ей любовь свою желаннымъ ею образомъ, не заставилъ долго просить собя и постегалъ ее плетью; такъ какъ это очень ей понравилось, то, спустя нѣсколько времени, мужъ повторилъ побои, а за тѣмъ, чтобъ доказать ей свою особенную любовь, поколотилъ ее и въ 3-й разъ и такъ сильно, что уходилъ ее до смерти: человѣкъ этотъ, по имени Іорданъ, должно быть, родомъ былъ Итальянецъ. Герберштейнъ называетъ его «Alemannum fabrum ferrarium,» Нѣмецкимъ кузнецомъ, и говоритъ, что описанное происшествіе случилось въ Москвѣ, въ бытность его тамъ. Случай этотъ, бывшій съ одною женщиной, не слѣдуетъ принимать за образецъ дѣйствій прочихъ женщинъ, и по нраву одной нельзя заключать о природѣ всѣхъ остальныхъ.

За нарушеніе супружеской вѣрности у Русскихъ смертью не наказываютъ, и они не называютъ нарушеніемъ этой вѣрности, если женатый будетъ имѣть сожительство съ другой сторонней женщиной, и считаютъ это просто любодѣйствомъ; нарушителемъ же супружеской вѣрности называютъ они того мужа, который отъ живой жены женится на другой.

Если жена впадетъ въ развратную жизнь, и на то поступитъ отъ мужа жалоба, и преступленіе будетъ доказано, то ее наказываютъ плетью и выдерживаютъ нѣсколько дней въ монастырѣ на хлѣбѣ и на водѣ, за тѣмъ она возвращается въ домъ мужа, гдѣ получаетъ новое наказаніе плетью за запущенное хозяйство.

Если супруги надоѣдятъ другъ другу, не могутъ жить вмѣстѣ и выносить одинъ другого, то есть средство разойтись, имен-

но: одинъ изъ супруговъ можетъ пойти въ монастырь; если это дѣлаетъ мужъ, оставляя, ради посвященія себя Богу, жену, жена эта выходитъ за другого мужа, то первый можетъ, если пожелаетъ, быть посвященъ въ Попы, хотя бы прежде этого онъ былъ башмачникомъ, или портнымъ. Мужъ имѣетъ право, въ случаѣ безплодія жены, заключить ее въ монастырь и, спустя шесть недѣль, жениться на иной.

Такіе примѣры бывали съ Великими Князьями, которые, не имѣя отъ женъ своихъ наслѣдниковъ, или же имѣя только дочерей, заключали этѣхъ женъ своихъ въ монастырь и женились на другой. Такъ именно поступилъ тиранъ Иванъ Васильевичъ,[1] заключивши силою въ монастырь супругу свою, Соломонію, отъ которой, въ продолженіи 21 года брачной жизни, не имѣлъ дѣтей, и женившійся потомъ на другой, именно на Еленѣ, дочери Михаила Глинскаго (Linzki). Въ монастырѣ же прежняя его супруга въ скоромъ времени родила сына, какъ свѣдѣтельствуютъ объ этомъ подробнѣе Герберштейнъ на 19-й и Тилеманъ (Tilemann) Bredenbachius (De Armeniorum moribus etc. Basil. 1577) на 251-й страницахъ. Также, если частный человѣкъ замѣтитъ, что жена невѣрна ему, и можетъ это доказать, то она также постригается въ монастырь, при чемъ часто мужъ дѣйствуетъ болѣе по произволу своему, нежели по справедливости. Такъ, если иногда по одному только подозрѣнію, или по другимъ какимъ ничтожнымъ причинамъ, мужъ возненавидитъ свою жену, то онъ подкупаетъ двухъ бѣдняковъ негодяевъ, и идетъ съ ними къ судьѣ обвинять и доказывать на жену, что она застигнута ими въ томъ, или другомъ, нечестномъ дѣлѣ, или въ любодѣяніи, и дѣло доводится до того, особенно если помогаютъ тутъ деньги, что добрую женщину, прежде чѣмъ она еще догадается въ чемъ дѣло, одѣваютъ въ монашеское платье и заключаютъ въ монастырь, гдѣ и должна провести остальные дни своей жизни; ибо у Русскихъ, посвятившій себя однажды въ монашество, и будучи постриженъ, уже не можетъ выйти изъ него, а тѣмъ болѣе вступить въ новый бракъ.

---

[1] Не Иванъ Васильевичъ, но отецъ его, Василій Ивановичъ. О. Б.

Подобное съ прискорбіемъ испыталъ, въ наше время, одинъ Полякъ, который принялъ Русскую Вѣру и женился на одной прекрасной молодой Русской дѣвицѣ. Имѣя надобность, по дѣламъ своимъ, отлучиться отъ жены, онъ не могъ возвратиться домой въ продолженіе цѣлаго года; жена же его, соскучившись жить въ одиночествѣ, сошлась въ это время съ другимъ, и прижила съ нимъ сына. Узнавъ о скоромъ возвращеніи мужа, и видя, что не можетъ дать ему честнаго отвѣта въ своихъ домашнихъ дѣлахъ, она бѣжала въ монастырь, и тамъ постриглась. Когда же мужъ вернулся домой и узналъ истину, то не столько скорбѣлъ объ измѣнѣ жены, сколько о томъ, что она сдѣлалась монахиней; онъ охотно простилъ ее, хотѣлъ снова взять ее къ себѣ, и сама жена также хотѣла пойти опять къ мужу, но, не смотря на все ихъ желаніе, они ни какъ не могли добиться того, чтобы имъ дозволили снова сойтись и жить вмѣстѣ. Патріархъ и монахи считали это за великій, никогда и ни чѣмъ не искупимый, грѣхъ противъ Св. Духа.

Какъ ни склонны Русскіе къ плотскимъ наслажденіямъ, въ брачномъ состояніи и внѣ онаго, какъ ни грѣховны и ни грязны они въ этомъ отношеніи, но въ то же время они отнюдь не дозволяютъ себѣ, при совершеніи плотскаго грѣха, имѣть на себѣ крестъ, надѣваемый на нихъ при крещеніи, но снимаютъ его съ себя на время грѣховнаго дѣла, а также, если оно совершается въ комнатѣ, гдѣ стоятъ иконы, то завѣшиваютъ ихъ на это время.

Имѣвшій соитіе не смѣетъ также въ тотъ день ходить въ церковь, но долженъ прежде начисто вымыться и одѣться въ чистое бѣлье, болѣе совѣстливые и набожные не входятъ даже въ церковь, и остаются передъ нею, или въ сѣняхъ церковныхъ, и тамъ совершаютъ свое моленье. Если Священникъ имѣетъ совокупленіе съ женой, то обязанъ хорошенько вымыться надъ пупкомъ и подъ пупкомъ, и хотя послѣ этого можетъ ити въ церковь, но входить въ алтарь не долженъ. Женщины вообще у Русскихъ считаются не столь чистыми, какъ мужчины; по этому онѣ какъ бы не вполнѣ допускаются въ церковь, но помѣщаются въ ней обыкновенно въ мѣстахъ, ближайшихъ къ дверямъ.

ГЛАВА X.

О свѣтской власти и полицейскомъ управленіи Русскихъ.

Что касается до образа правленія Русскихъ, то, какъ это отчасти видно уже изъ предыдущихъ главъ, оно монархическое неограниченное (Monarchia dominica et despotica, какъ говорятъ политики), гдѣ Государь, именно Царь, или Великій Князь, достигая короны по наслѣдству, одинъ управляетъ всею страною, и всѣ подданные его, какъ Дворяне и Князья, такъ и простой народъ, граждане и крестьяне, суть его холопы и рабы, которыми онъ управляетъ и распоряжается, какъ глава семьи своими слугами. Этотъ образъ правленія весьма сходенъ съ тѣмъ, который Аристотель описываетъ (Pol. l. 3, c. 14), говоря: «Est alia species Monarchiae, qualia sunt apud quosdam barbaros regna vim habentia, proximam tyrannidi.» Такъ какъ обыкновенное различіе между правленіемъ надлежащимъ или правомѣрнымъ и тираническимъ полагаютъ въ томъ, что въ первомъ имѣется въ виду благо подданныхъ, а во второмъ собственная польза Государя, то на этомъ основаніи образъ правленія Русскихъ близко подходитъ къ тираническому.

Большіе Господа не считаютъ постыднымъ для себя, съ употребленіемъ своего имени въ уменьшительномъ видѣ, какъ выше сказано, называть сами себя рабами, равно не стыдятся и того, что съ ними обращаются, какъ съ рабами. Въ прежнее время гости или знатные купцы и большіе Господа, долженствующіе являться на службу, всякій разъ при торжественныхъ представленіяхъ, въ драгоцѣнныхъ одеждахъ, въ случаѣ неявки безъ уважительныхъ причинъ, наказывались такимъ же образомъ, какъ наказываютъ рабовъ, именно, кнутомъ по обнаженной спинѣ; теперь же за такой проступокъ подвергаютъ ихъ на два, либо на три, дня темничному заключенію, если только при Дворѣ они имѣютъ своихъ покровителей и заступниковъ.

Своего Государя Русскіе называютъ Великимъ Княземъ (Welikoi Kness), Царскимъ Величествомъ, Царемъ, и нѣкоторые слово

Царь производятъ отъ Цезарь (Caesar). Подобно тому, какъ и у Его Величества, Римскаго Императора, у Русскаго Царя на Государственномъ гербѣ и печати изображенъ двуглавый орелъ, только съ опущенными крыльями, и надъ главами орла, прежде двѣ, а теперь три, короны, обозначающія, вмѣстѣ съ Русскимъ, еще два Татарскія Царства: Астраханское и Казанское. На груди орла виситъ щитъ, на которомъ изображенъ всадникъ, поражающій копьемъ дракона, какъ это значится на прилагаемомъ рисункѣ,[1] въ которомъ, вмѣстѣ съ титуломъ, можно видѣть и величину печати. Такой орелъ впервые введенъ въ Россіи тираномъ Иваномъ Васильевичемъ изъ честолюбія, который хвалился своимъ происхожденіемъ отъ Римскихъ Императоровъ. Царскіе толмачи и нѣкоторые изъ Нѣмецкихъ купцовъ, живущихъ въ Москвѣ, называютъ его также Императоромъ. Но какъ Русскіе и Короля Давыда называютъ Царемъ, то слово Царь означаетъ скорѣе Король и, можетъ быть, происходитъ отъ Еврейскаго צֳרִי Zarah, обозначающаго бальзамъ, или мvро, какъ это видно изъ 1-й книги Моисея, гл. 37, ст. 25, и изъ Пророка Іереміи гл. 51. 8, въ которыхъ говорится, что Король долженъ называться помазанникомъ, ибо въ древности Короли помазывались мvромъ.[2]

---

[1] Стр. 220 подлинника. Надпись кругомъ орла такова: бж҃іею млстію велікій гдрь црь і велікій кнзь алексѣ михаиловічь всеа рүсіи самодержецъ владимерскій московскій новгородцкій црь казанскій црь астораханскій црь сібірскій гдрь псковскій і велікій кнзь тверскі югорскі пермскій вятцкій болгарскій и иных гдрь і велікій кнзь новагорода нізовскіе землі резанскій ростовскій ярославскій белоозерскій коүдорскій обдорскій кондійскій і всеа северныя страны повелітель і гдрь іверскіе земли карталінскій грүзінскихъ црей и кабардінские земли черкаскихъ і горскихъ кнзей и иныхъ многіхъ гдрьствъ гдрь і обладатель.

[2] Быт.: «И сѣдоша ясти хлѣбъ, и, воззрѣвше очима, видѣша: и се путницы Исмаилтяне идяху отъ Галаада, и велблюды ихъ полны ѳvміама, и ритины (тукъ маститый, изъ древа текущій) и стакти». Въ Русскомъ переводѣ «Священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта», изданныхъ, по благословенію Святѣйшаго Синода, въ С.-Петербургѣ 1868 года: «И сѣли они ѣсть хлѣбъ, и, взглянувъ, увидѣли, вотъ, идетъ изъ Галаада караванъ Измаилтянъ, и верблюды ихъ несутъ стираксу, бальзамъ, и ладонъ.» Прор. Іереміи: «Внезапу паде Вавилонъ, и сокрушися: плачите по немъ, возмите масти къ болѣзни его, да исцѣлится». Въ Русском-

Русскіе почитаютъ своего Царя весьма высоко, произносятъ имя его въ своихъ собраніяхъ съ величайшимъ уваженіемъ и боятся его даже больше Бога; о нихъ то же можно сказать, что Саади въ своей «Персидской Долинѣ,» разъ сказалъ, обращаясь къ одному робкому Царскому слугѣ: «Если бъ ты боялся и почиталъ Бога, какъ своего Государя, то, говорю тебѣ, ты былъ бы Ангеломъ еще при жизни.»

Молодымъ людямъ съ самаго ранняго дѣтства Русскіе накрѣпко внушаютъ, что они объ Его Царскомъ Величествѣ должны говорить и почитать его, какъ самаго Бога; по этому они часто выражаются такъ: «Про то знаетъ только Богъ да Великій Князь.» Отсюда происходятъ и другія обычныя ихъ выраженія, какъ наприм., вмѣсто того, чтобы сказать: «явиться предъ Царя,» они говорятъ: «видѣть свѣтлыя очи Его Царскаго Величества.» Чтобы выразить свое глубокое смиреніе и покорность Царю, они говорятъ, что все, чѣмъ они владѣютъ, принадлежитъ не столько имъ, сколько Богу и Великому Князю: («Все Божье да Государево»). Къ подобнымъ покорнымъ рѣчамъ пріучилъ Русскихъ главнымъ образомъ, не разъ уже упомянутый, тиранъ Иванъ Васильевичъ своими насиліями; да иначе, сообразуясь съ состояніемъ Русскихъ, онъ и не могъ поступать съ ними и съ ихъ имуществомъ. Для того же, чтобы спокойно держать ихъ въ рабствѣ и страхѣ, онъ приказалъ, чтобы никто, подъ смертною казнію, не смѣлъ выѣзжать изъ Государства и знакомиться съ свободою чуждыхъ земель, а также, чтобы ни одинъ купецъ, для торговли своей, не смѣлъ ѣздить за границу и торговать тамъ безъ особаго Царскаго дозволенія.

переводѣ Г. П. Павскаго: «Вдругъ упалъ Вавилонъ и расшибся, рыдайте о немъ, приложите бальзама къ ранѣ его, можетъ быть, онъ уцѣлѣетъ.» Въ Еврейскомъ, по Polyglotten-Bibel (bearbeitet von R. Stier u. K. G. W. Theile. Bielefeld 1847) читается это слово такъ: צרי въ Греческомъ тамъ же и по 70 толковникахъ (Vetus Testam. Graece juxta LXX interpretes, ed. Const. Tischendorf. Lips. 1850): ῥητίνης; въ Латинскомъ тамъ же (Polygl. Bib.): resinam; въ Нѣмецкомъ (по Лютерову перев.): Balsam. Іерем. צרי, ῥητίνην, resinam, Salben, но въ Berlenburger Bibel и перев. de Wette стоитъ тоже Balsam. О. Б.

Лѣтъ 10 тому назадъ, одинъ Нѣмецкій толмачъ, Гансъ Гельмсъ (Hanss Helms) (умершій въ прошломъ году на 97 году своей жизни), по особой милости и соизволенію Великаго Князя, послалъ своего сына, воспитаннаго въ Москвѣ, въ Нѣмецкую Академію, для изученія Медицины, съ тѣмъ, чтобы потомъ поступить на службу къ Великому Князю; въ Германіи молодой Гельмсъ окончалъ въ Медицинѣ такіе успѣхи, что получилъ съ великою славою степень Доктора и, отправившись за тѣмъ въ Англію, прославился тамъ въ Оксфордскомъ Университетѣ, какъ нѣкое чудо. Вырвавшись однажды изъ Московскаго рабства, этотъ молодой Гельмсъ видѣть впредь не желаетъ возвращаться, и не возвратился еще въ Россію. Въ слѣдствіе сего Новгородскій купецъ Петръ Миклаесъ (Miklaff), разумный и честный человѣкъ, бывшій у насъ въ прошломъ году Посланникомъ и пожелавшій было оставить мнѣ своего сына, для обученія его Нѣмецкому и Латинскому языкамъ, ни какъ не могъ получить на то дозволенія ни отъ Патріарха, ни отъ Великаго Князя.

Что до настоящаго теперешняго Великаго Князя, то хотя онъ и имѣетъ власть, подобно прежнему тирану, сказаннымъ насильственнымъ образомъ поступать съ подданными и ихъ имуществомъ, но онъ не поступаетъ такъ, не смотря на то, впрочемъ, что нѣкоторые писатели и теперь еще приписываютъ ему подобные поступки, можетъ быть, заимствуя изъ старыхъ, а именно: изъ Герберштейна, Іовія, Гваньино и другихъ, писавшихъ о прежнемъ бѣдственномъ состояніи Россіи, которое они испытали подъ желѣзнымъ жезломъ тирана. Многого изъ того, что писалось прежде о Русскихъ, въ настоящее время уже не существуетъ, безъ сомнѣнія, въ слѣдствіе общаго измѣненія во времени, въ правленіи и въ самихъ людяхъ. Нынѣшній Великій Князь, царствующій теперь, человѣкъ благочестивый, подобно отцу своему, не дозволитъ дойти до нищеты ни кому даже изъ крестьянъ своихъ. Если кто, по причинѣ неурожая, или инаго какого случая и несчастія, впадетъ въ бѣдность, Царскій ли будетъ онъ, или Боярскій крестьянинъ, ему дѣлается вспоможеніе изъ Царскаго Приказа или Канцеляріи, и вообще обращается вниманіе на его положеніе, съ тѣмъ, чтобы обѣднявшій снова могъ поправиться, уплатить свои долги и отправлять передъ своимъ начальствомъ подлежащія повинно-

сти. Даже тѣмъ, которые за оскорбленіе Его Царскаго Величества, или за другія великія, доказанныя, преступленія, впадаютъ въ немилость и должны быть сосланы въ Сибирь (что, впрочемъ, случается теперь уже не такъ часто), немилость эта, или наказаніе, смягчается такимъ образомъ, что, смотря по состоянію и достоинствамъ виновнаго лица, ему назначается сносное содержаніе, а большимъ Господамъ выдаются и деньги. Такъ пищалъ дается должность въ Канцеляріяхъ, въ какомъ нибудь изъ Сибирскихъ городовъ, стрѣльцамъ и солдатамъ такія же и солдатскія мѣста, за что они получаютъ свое готовое жалованье и подлежащее продовольствіе. Для большинства Русскихъ самое тяжкое наказаніе заключается въ томъ, что за свои вины они удаляются отъ высокаго лица Его Царскаго Величества и становятся недостойными видѣть его свѣтлыя очи.

Были, впрочемъ, примѣры, что нѣкоторые изъ такой немилости извлекали для себя великую пользу; ибо находили, что въ ссылкѣ могли прибыльнѣе продолжать свое ремесло и торговлю, чѣмъ въ Москвѣ, и они неживали тамъ такое хорошее состояніе, что если бъ только были при нихъ жена и дѣти, то они вовсе не желали бы возвращаться въ Москву, хотя бы получили полную свободу.

Русскій Царь заботливо старается поддерживать все высокое значеніе своего Величества и соблюдаетъ свои jura Majestatis, подобно тому, какъ это дѣлаютъ другіе Монархи и независимые Государи. Такъ, онъ не подчиняется ни какому закону, но самъ, по своему усмотрѣнію и волѣ, можетъ давать и устанавливать разнаго рода законы и указы. Всѣ эти законы и указы, каковы бы они ни были, должны быть принимаемы и соблюдаемы безъ всякого противорѣчія и съ такою покорностію, какъ бы имъ далъ самъ Богъ; и такая покорность Русскихъ Царскимъ постановленіямъ вытекаетъ изъ того, что Русскіе полагаютъ, какъ справедливо пишетъ о нихъ Хитрей (Chytraeus, lib. 1 Saxoniae. Lips. 1599), что Великій Князь дѣлаетъ все по волѣ Божіей. По этому, въ доказательство непогрѣшимой правды и справедливости Царя, у нихъ есть поговорка: «Слово Бога и Великаго Князя должно быть неизмѣнно и соблюдаемо непогрѣшительно (непреступительно).»

Великій Князь поставляетъ и смѣняетъ всякихъ начальниковъ, ссылаетъ и даже повелѣваетъ иногда казнить ихъ, когда захочетъ, и по тому у Русскихъ тотъ же обычай, какой, по выраженію Пророка Даніила (гл. 5, 19), [3] былъ въ ходу въ правленіе Царя Навуходоносора: онъ умерщвлялъ, когда хотѣлъ, билъ, возвышалъ и низводилъ (унижалъ), когда хотѣлъ.

Во всѣ области и города Великій Князь назначаетъ своихъ Воеводъ (Weiwoden), Намѣстниковъ и Правителей, которые, съ Канцеляріей, Дьяками или Писцами, должны производить судъ и расправу. Что Воеводы присудятъ, то одобряется Дворомъ, и на ихъ судъ жалобы не бываетъ. При такомъ управленіи областями и городами Великій Князь держится того же образа дѣйствій и способа, какой у Барклая (l. 3, c. 6), Клеовулъ выхваляетъ и совѣтуетъ Королю Сицилійскому, а именно: чтобы ни какого Воеводу, или Правителя, не оставлять на Воеводствѣ ни одномъ мѣстѣ болѣе двухъ, или трехъ, лѣтъ, по тѣмъ уважительнымъ причинамъ, дабы, съ одной стороны, въ случаѣ дурнаго управленія, не отягощать страны на долгое время, а съ другой, дабы, въ случаѣ большаго уже дружества и расположенія, которое можетъ установиться между управителями и управляемыми, эти управители не усилились и не отложились, или не сдѣлались независимыми.

Великій Князь одному себѣ предоставляетъ право объявлять войну чужимъ народамъ и вести ее по своему усмотрѣнію; если же онъ и спрашиваетъ совѣта о семъ у своихъ Бояръ и Думцевъ, то дѣлаетъ это точно также, какъ нѣкогда Кларнесъ, Царь Персидскій, который повелѣлъ созвать всѣхъ Азіятскихъ Князей для совѣта о войнѣ, которую онъ хотѣлъ предпринять противъ Грековъ, и сдѣлалъ это болѣе для того, чтобы объявить этимъ Князьямъ, чего собственно онъ хочетъ, и доказать имъ, что онъ одинъ есть неограниченный повелитель. Такъ, онъ объявилъ этимъ Князьямъ, что хотя онъ и созвалъ ихъ для того,

[3] «И иже хотяше убиваше, и иже хотяше біяше, и иже хотяше возвышаше, и иже хотяше, той смиряшеѣ».

чтобы не сказали, будто онъ все дѣлаетъ только по собственному своему усмотрѣнію, но при этомъ они должны знать, что имъ приличнѣе повиноваться, нежели совѣтовать (Herod. l. 77; Valer. Max. l. 2, c. 5).

Великій Князь заботится также о томъ, чтобы отличать высокими почестями людей, которые оказали какую нибудь услугу ему, или Государству, или по чему иному сдѣлаются достойными его милости, и такихъ людей возводитъ въ Князья. Нѣкоторые изъ Великихъ Князей, услышавъ, что въ Германіи владѣтельныя особы пользуются правомъ возводить въ званіе Доктора, посредствомъ особыхъ дипломовъ, присвоили и себѣ это право, и какъ мы уже видѣли отчасти, нѣкоторые изъ нихъ возводили въ это достоинство своихъ Врачей и даже простыхъ цырюльниковъ.

Царь имѣетъ собственныя свои деньги, которыя онъ приказываетъ чеканить изъ чистаго серебра, иногда изъ золота, въ 4-хъ разныхъ городахъ: Москвѣ, Новѣгородѣ, Твери и Псковѣ; всѣ эти деньги небольшія, такія же маленькія, какъ Датскія Зекелинги, и поменьше Нѣмецкихъ Пфенниговъ, частію круглыя, частію же продолговатыя. На одной сторонѣ этихъ денегъ обыкновенно изображается всадникъ, поражающій копьемъ дракона, — гербъ, принадлежавшій прежде только одному Новгороду; на другой сторонѣ Русскими буквами означены имя Великого Князя и того города, въ которомъ деньги вычеканены. Этотъ родъ денегъ называется деньгами (Denning) и копѣйками (Copeck), каждая равняется стоимостію Голландскому стюферу (Stüfer), почти въ половину Мишненскаго (Meissnischer) гроша, или въ Голштинскій шиллингъ, такъ что 50 такихъ монетъ составляютъ одинъ рейхсталеръ. У Русскихъ есть еще болѣе мелкій родъ денегъ, половина и ¼ копѣйки, которыя они называютъ полушками (Polusko) и Московскими (Московками? Muskofske); изображенія ихъ видны на прилагаемомъ рисункѣ.* Всѣ эти мелкія деньги, по своей мелкотѣ, весьма неудобны при обращеніи во время торга, и такъ какъ они легко падаютъ изъ рукъ сквозь пальцы, то Русскіе, для отвра-

* Подлинника стр. 224.

щенія этого, сдѣлали привычку, осматривая, или показывая, товаръ и отмѣривая его, брать деньги въ ротъ, копѣекъ по 50 разомъ, при чемъ они продолжаютъ разговаривать и торговаться такъ, что и не замѣтишь, что они изо рта подѣлали, такъ сказать, карманы себѣ. Они ведутъ счетъ на алтыны (Altin), гривны (Griffen) и рубли (Rubeln), хотя подобнаго рода денегъ въ цѣлыхъ монетахъ не имѣютъ, а считаютъ ихъ извѣстнымъ числомъ копѣекъ; такъ алтынъ заключаетъ въ себѣ 3 копѣйки, гривна 10 и рубль 100 копѣекъ. Наши рейхсталеры также въ ходу у Русскихъ; они называютъ ихъ ефимками (отъ Іохимсталя, Jochimsthal),[1] охотно даютъ по 50 к. за рейхсталеръ, и тотчасъ же идутъ съ нимъ на Монетный Дворъ и обмѣниваютъ его тамъ съ выгодою для себя; ибо одинъ рубль или 100 копѣекъ вѣсятъ на полъ лота меньше 2-хъ рейхсталеровъ. Золотыхъ монетъ встрѣчается тамъ не много: Великій Князь приказываетъ чеканить ихъ только по случаю какой ни будь побѣды надъ врагомъ, чтобы награждать ими воиновъ (солдатъ), или если иного кого онъ захочетъ почтить этою своею милостію.[2]

---

[1] По Чешскому городу Яхимову (Jáchymov), Нѣм. Joachimsthal, первоначально Thal, долъ, долина, въ Хебскомъ (Егерскомъ) округѣ, на рѣчкѣ Быстрицѣ (Нѣм. Weseritz), на сѣверъ отъ Карловыхъ Варъ (Карлсбада), близъ самыхъ Рудныхъ горъ (Erzgebirge), составляющихъ границу со стороны Саксоніи. Въ немъ считается за 5000 жителей Нѣмцевъ, занимающихся приготовленіемъ въ особенности сигаръ, перчатокъ и т. п. И теперь еще онъ имѣетъ серебренные рудники, которые въ XVI столѣтіи очень славились. Рудники этѣ первоначально составляли собственность Графовъ Шликовъ, изъ коихъ Стефанъ, въ 1519 году, выстроилъ монетный дворъ, на коемъ стали чеканить въ первый разъ Долары (по долу, такъ названные), Долскіе гроши (Dolské groše), у сосѣднихъ Нѣмцевъ обратившіеся въ Талеры (Thaler), но у Шведовъ и Датчанъ Daler, у Англичанъ Dollar. О. Б.

[2] Въ подлинникѣ находится 5-ть изображеній. Первое: Poluski; на ней, съ одной стороны, летящая птица, а съ другой надпись гдрь (Государь). Второе: Denninski (денежки); всадникъ съ поднятымъ обнаженнымъ мечемъ, на оборотѣ: кнзь велікі иван. Третье: Kopeki (копѣйки): Георгій Побѣдоносецъ, и надпись на оборотѣ: црь велікі кнзь демітрі ивановичъ (Рострига). Четвертое: тоже копѣйка съ такимъ же изображеніемъ и надписью: црь и велікі кнзь михаілъ федоро(вичъ). Пятое: копѣйка съ Георгіемъ и надписью: црь и велікі кнзь алекс(ѣй) михаиловичъ. О. Б.

Онъ установляетъ также въ разныхъ мѣстахъ довольно тяжелыя пошлины, и въ настоящее время всѣ купцы, какъ Русскіе, такъ и иностранные, въ Архангельскѣ и Астрахани, должны платить пять процентовъ, что ежегодно приноситъ ему большой доходъ.

Царь часто отправляетъ и пышныя посольства къ Римскому Императору, Королямъ Датскому и Шведскому, въ Персію и къ другимъ владѣтельнымъ особамъ. Важнѣйшіе Посланники называются у нихъ Великими Послами (Welikoi Posol), гонцы же и менѣе значительные Посды — Посланниками (Poslanik). Иногда съ Посольствомъ Царь шлетъ иноземнымъ Государямъ богатые подарки, именно разными мѣхами. Между прочимъ замѣчателенъ подарокъ, который Великій Князь Ѳедоръ Ивановичъ сдѣлалъ Императору, Рудольфу II-му, въ 1595 г., съ своимъ почетнымъ Посольствомъ, состоявшій, какъ я знаю это изъ вѣрныхъ рукъ, въ слѣдующемъ: 1003 сороковъ соболей, 519 сороковъ куницъ, 120 чернобурой лисицы, 337,000 простой лисицы, 3000 бобровъ, 1000 шкуръ волчьихъ, и 74 шкуръ лосиныхъ.

Если Посланники, особенно же гонцы, не привозятъ съ собою ни какихъ подарковъ отъ Великаго Князя, то сами отъ себя привозятъ въ даръ нѣсколько паръ соболей, съ тою цѣлію, чтобы, въ замѣнъ ихъ, получить также подарки, и если находятъ, что полученные ими подарки незначительны, то стараются сами намекнуть объ этомъ.

Великій Князь почти ежегодно отправляетъ къ Персидскому Шаху Посланника или незначительнаго Посла по торговымъ дѣламъ, вообще ведущимся у нихъ довольно плохо, хотя, кромѣ того, онъ посылаетъ туда особо и простыхъ купцовъ. Такъ какъ такіе Посланники во все время своего пребыванія въ Персіи содержатся на счетъ Шаха, то по этому они пріобрѣтаютъ тамъ еще большія выгоды отъ своихъ торговыхъ дѣлъ. Отправляя довольно часто Посольства къ иностраннымъ Государямъ, Царь, въ свою очередь, и принимаетъ также часто чужеземныя Посольства, такъ что не рѣдко случается, что въ Москвѣ съѣзжается въ одно время по два, по три и болѣе этихъ Посольствъ, которыхъ

пріемъ и отпускъ совершается обыкновенно въ довольно продолжительное время. Нѣкоторые иностранные Государи имѣютъ въ Москвѣ своихъ Легатовъ и постоянныхъ Консуловъ (Consules perpetuos) или Резидентовъ, которые и живутъ тамъ въ своихъ собственныхъ дворахъ. Въ Москвѣ повыстроены удобные дома и дворы, въ которыхъ помѣщаются пріѣзжающія Посольства; только въ нихъ нѣтъ кроватей, и если кто не хочетъ спать на соломѣ, или на голой лавкѣ, тотъ долженъ привозить собственную постель. У воротъ Посольскаго Двора всегда приставляется сильная стража, и прежде съ такою строгостію содержали Пословъ, что ни кого изъ принадлежащихъ Посольству не выпускали со двора, равно и къ нимъ ни кого не впускали, и вообще содержали ихъ, какъ плѣнниковъ; въ настоящее же время, послѣ перваго торжественнаго представленія, каждый можетъ свободно выходить, куда хочетъ, и Москвичи говорили намъ, что въ первое наше Посольство мы были первые, которымъ предоставлена была такая свобода выхода и входа.

Послы со всею своею прислугою весьма щедро продовольствуются во все время своего пребыванія въ Россіи, и ихъ очень часто посѣщаютъ и прислуживаютъ имъ два, приставленные къ нимъ, Приставы (Pristaffen) и прикащики. Обычные вопросы отъ Приставовъ къ Посланникамъ заключаются въ слѣдующемъ: Въ чемъ состоитъ ихъ дѣло къ Великому Князю? Не знаютъ ли они, что писано въ грамотѣ къ Царю? Привезли ли Послы подарки, и много ли, для врученія Его Царскому Величеству, и нѣтъ ли чего и на ихъ, Приставовъ, долю? Когда же подарки будутъ уже переданы по назначенію, то Великій Князь немедленно приказываетъ на другой же, или на третій, день извѣстнымъ людямъ оцѣнить, какъ дорого стоятъ они.

Въ прежнее время Посланники, послѣ торжественнаго представленія, всегда обѣдывали въ покояхъ Великаго Князя, а иногда и за его столомъ; теперь же жалованныя Царскія кушанья и напитки приносятся обыкновенно къ Посланникамъ на домъ.

Посланники и прислуга ихъ, при отъѣздѣ домой, также получаютъ хорошіе подарки соболями и другими мѣхами, если только

они привозили подарки отъ своихъ Государей, или сами отъ себя. Послы, которые привозятъ только дружественную грамоту отъ какого ни будь чужестраннаго Государя, получаютъ сорокъ, или 20, паръ соболей, стоящихъ въ Москвѣ около 100 талеровъ и дороже.

Для скорѣйшей и безостановочной ѣзды Посланниковъ и гонцовъ заведены по дорогамъ хорошіе порядки; такъ, въ различныхъ мѣстахъ Государства содержатся извѣстные крестьяне, которые въ какомъ ни будь селѣ должны ежедневно имѣть на готовѣ 40, 50 и болѣе лошадей, чтобы, по полученіи Великокняжескаго приказа, немедленно запрягать этѣхъ лошадей и везтиОсловъ далѣе; при этомъ Приставъ самъ ѣдетъ впередъ, или посылаетъ впередъ кого ни будь другого, и приказываетъ ожидатьОсловъ; когда же Послы пріѣдутъ, днемъ ли то будетъ, или ночью, ямщики съ своими лошадьми должны быть уже на лицо. При такихъ порядкахъ можно совершенно легко пріѣхать изъ Новгорода въ Москву, на разстояніи 120 Нѣмецкихъ миль, въ 6, или 7, дней, а зимой, по санной дорогѣ, еще скорѣе. За такую службу каждый крестьянинъ ежегодно получаетъ по 30 рублей, или по 60 рейхсталеровъ; сверхъ того онъ имѣетъ свою вольную землю, которою надѣляетъ его Великій Князь, и освобождается отъ всѣхъ повинностей и налоговъ. Во время поѣздокъ Приставъ обязанъ также каждому ямщику выдавать по одному, или по два алтына, смотря по обстоятельствамъ, каковыя деньги они называютъ хлѣбомъ съ масломъ (Butterbrodt). [7] Такъ какъ положеніе этѣхъ крестьянъ, при такой службѣ, довольно обезпечено, то многіе крестьяне домогаются попасть въ эту должность ямщиковъ.

---

[7] На водку? О. Б.

V

СМѢСЬ

ДѢЛО САЛНИКѢЕВА.

Тяжелое время переживала Россія во всю первую половину прошлаго столѣтія! При Петрѣ внезапность и рѣшительность преобразованій переворачивали вверхъ дномъ все, начиная отъ высшихъ Государственныхъ учрежденій и застарѣлыхъ понятій общежитія до мелочей ежедневной и безразличной наружности, до покроя платья и бороды. И все это вводимо было не путемъ нравственнаго дѣйствія на умы, не путемъ образованія, не силою примѣра и дознаннаго опыта, но приказомъ, за прекословіе которому можно было поплатиться не однимъ имуществомъ, но и честью и даже жизнью. Сколько тысячъ людей пострадало самымъ жестокимъ образомъ, унижено и оскорблено самымъ чувствительнымъ способомъ отъ этѣхъ неожиданныхъ и неподготовленныхъ преобразованій его церковной, гражданской и семейной жизни, отъ этой искуственной, не признаваемой народомъ, гражданственности, пересаженной на не готовую для нея почву! Но тутъ еще тягости преобразованія, до нѣкоторой степени, выкупались ихъ благими послѣдствіями, вознаграждались тѣми плодами, которые они принесли, или которыхъ въ правѣ были ожидать отъ нихъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Величіе Петра неоспоримо въ Исторіи и въ памяти народнаго чувства, какую бы тѣнь ни набрасывали на него противники его преобразованій. Но послѣ него наступило время, которое въ тягости не уступало его времени, но не имѣло и тѣни величія, окружавшаго его имя и наполнявшаго его царствованіе. Это время безурядицы безначалія, безвластія въ Россіи со всѣми явленіями этого порядка, или точнѣе, безпорядка вещей. Это пора временщиковъ, для которыхъ не было ни чего выше ихъ честолюбія, у которыхъ все было направлено къ одной цѣли—держать въ своихъ рукахъ власть и оберегать ее отъ совмѣстничества противныхъ сторонъ.

Государи, именемъ которыхъ они управляли народомъ, носили только имя Государей. Народъ, надъ которымъ они властвовали, народъ, съ его нуждами и интересами, былъ попираемъ ими, какъ ни чего не значащая вещь въ Государственномъ хозяйствѣ, такая вещь, о которой и думать не стоитъ. До него ли имъ было на ихъ высотѣ, гдѣ раскрывалось передъ ними столько интересовъ высшаго Государственнаго порядка! Если бы онъ вздумалъ напомнить о себѣ и докучать своими нуждами, можно зажать ему ротъ, можно запретить ему и думать о томъ, что ему не хорошо: стоитъ только поставить на сторожѣ зоркаго Генерала Ушакова, который имѣлъ счастливую способность читать даже въ мысляхъ Русскаго человѣка.

Въ каждомъ Государствѣ во всякое время есть люди почтенные, которые пользуются общимъ уваженіемъ и которые, занимая соотвѣтственныя ихъ опытности и заслугамъ мѣста, пользуются общимъ довѣріемъ и уваженіемъ. Въ это несчастное время не было такихъ людей, не по тому, что на самомъ дѣлѣ обезлюдѣла Русская земля, но по тому, что въ ней, то есть, въ ея лучшихъ слояхъ, подавлено было понятіе о личной чести и доблести. Наплывъ искательныхъ, своекорыстныхъ иноземцевъ задушилъ въ Русскихъ чувство гражданской доблести, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ его безвыходнымъ и безплоднымъ. Пробиться въ люди стало—ухаживать за временщиками и сильными иноземцами, держаться въ людяхъ—значило льстить имъ словами и угождать подарками; не угодилъ, такъ не спасетъ ни родъ, ни званіе, ни заслуги. Плеть и кнутъ не щадили ни кого; не было исключеній ни для кого, въ самомъ крайнемъ смыслѣ этого слова. Если и этого казалось мало, то вывозили плаху на площадь и казнили политически и самымъ дѣломъ самыхъ высокихъ и сановныхъ лицъ въ Государствѣ. Члены Кабинета, Верховнаго Совѣта, Сената, Синода, Коллегій, Митрополиты, Епископы, всѣ были подъ одинаковымъ гнетомъ и страхомъ крѣпости, плетей, кнута и пытокъ тяжелѣе смерти. Подобнаго упадка гражданскаго чувства, подобнаго униженія и оскорбленія народа, никогда не было въ Россіи ни прежде, ни послѣ описываемаго времени.

Къ этому-то несчастному времени относится дѣло Салникѣева, одно изъ любопытнѣйшихъ дѣлъ первой половины XVIII столѣтія.

Кромѣ того, въ числѣ частію вызвавшихъ, частію объясняющихъ его, обстоятельствъ, было одно, замѣчательное въ Церковно-Историческомъ отношеніи: это—надежды и попытки одной части Русскаго Духовенства на возстановленіе прежней Патріяршеской формы церковнаго правленія, вмѣсто новоучрежденнаго Синода, въ которомъ она видѣла болѣе судебную и административную инстанцію, нежели живое представительство Церкви, какимъ она считала Патріяршество. Учрежденіемъ Синода, по ихъ понятію, Церковь введена была во всѣ формы гражданской жизни, поставлена въ одинъ рядъ съ вѣдомствами разныхъ управленій, какъ одно изъ нихъ, вмѣсто того, чтобы возвышаться надъ ними, какъ независимому и одушевляющему началу гражданскаго общества. Къ этому, до нѣкоторой степени справедливому, мнѣнію, какъ во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ, присоединились личныя страсти и выгоды передовыхъ лицъ и вождей этой стороны, которые, подъ видомъ защиты церковнаго дѣла, прокладали пути своему властолюбію и честолюбію. Въ дѣлѣ Георгія Дашкова намъ извѣстно, какъ они вели свое дѣло и какъ, пользуясь смутами Государственными, вводили замѣшательство въ ходъ церковнаго управленія, чтобы ниспровергнуть нововведенный порядокъ вещей и на мѣсто его поставить прежній, освященный болѣе чѣмъ вѣковою давностію и образовавшій уже въ народѣ привычку къ извѣстной формѣ церковнаго правленія и церковно-общественной жизни. Въ дѣлѣ Салникѣева мы встрѣтимся съ тѣми же лицами, которыя участвовали въ дѣлѣ Дашкова, и съ тѣми же счастливыми и несчастными перемѣнами въ ихъ судьбѣ, какъ и тамъ.

Но, кромѣ того, дѣло это получаетъ новую занимательность отъ случайнаго прикосновенія къ нему лица, замѣчательнаго своею странною судьбою и все еще загадочнаго для Исторіи: разумѣемъ А. П. Волынскаго.

Сдѣсь мы фактически прояснимъ одинъ изъ темныхъ эпизодовъ его исторіи, сообщая новые документы, которые не извѣстны еще въ печатной литературѣ.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ дѣлѣ былъ Архимандритъ Казанскаго Спаскаго монастыря, Іона Салникѣевъ.

Онъ былъ родомъ изъ Смоленска, Дворянскій сынъ. Не извѣстно, какое побужденіе увлекло его въ монашество, которое вовсе не соотвѣтствовало его личнымъ склонностямъ. Въ первыхъ годахъ прошлаго столѣтія онъ былъ Іеромонахомъ Троицкаго Сергіева монастыря. Въ то время Настоятелемъ этого монастыря былъ Архимандритъ изъ Дворянъ, Сильвестръ Холмскій, не походившій на него ни нравомъ, ни привычками. Еще въ ту пору были между ними какія-то темныя денежныя исторіи, о которыхъ они вспоминали другъ другу и въ послѣдствіи; но скоро они разошлись въ стороны, каждый своей дорогой. Салникѣевъ перешелъ въ Казань, гдѣ, какъ человѣкъ ловкій и образованный, успѣлъ войти въ милость къ престарѣлому Митрополиту, Тихону и сдѣлался Судьею Архіерейскаго дома. Пользуясь старостію и снисходительностію своего начальника, онъ самоуправно распоряжался въ его Епархіи, нажилъ себѣ состояньице, дружилъ съ Губернскою знатью и жилъ бариномъ. Полы его Архимандритскихъ покоевъ устланы были коврами, стѣны обиты тонкимъ Нѣмецкимъ сукномъ, столы покрыты заграничными коврами. Для выѣздовъ у него было нѣсколько паръ кровныхъ лошадей, заграничныя кареты, коляски и возки. У высшихъ властей онъ также былъ на хорошемъ счету, такъ что когда въ послѣдній годъ жизни Петра состоялся Указъ, чтобы въ Синодъ вызывались на чреду, вмѣстѣ съ Архіерсями, по два Архимандрита, которые могли бы быть избираемы потомъ въ Архіереи, [1] Іона вызванъ былъ первый и засѣдалъ въ Синодѣ наравнѣ съ Членами.

По смерти Петра, когда началось извѣстное дѣло Новгородскаго Архіепископа, Ѳеодосія Яновскаго, Іона посылянъ былъ, вмѣстѣ съ Капитаномъ гвардіи, Шушериным, въ Новгородъ повѣрпть по описямъ Соборную ризницу и домовую Архіерейскую казну. По какимъ-то доносамъ Іону потребовали изъ Новгорода въ Тайную Канцелярію. Синодъ вступился за честь своего Члена, и 7 Іюля подалъ докладъ Государынѣ, что «знатныя духовныя персоны арестуются иногда по подозрѣніямъ и доносамъ людей, не заслуживающихъ довѣрія, отъ чего не только бываетъ имъ не малая тягость, но и здравію и чести поврежденіе.» Синодъ просилъ, чтобы дѣла ихъ рѣшались безъ промедленія и подъ арестомъ ихъ не держать, а отдавать

[1] 1725 г., Генвара 12.

на знатныя и вѣроятія достойныя поруки. Однимъ словомъ, въ доселѣшней жизни Іоны все шло честь честью.[1] Но, на горе ему, судьба опять столкнула его съ Сильвестромъ.

Исторія Сильвестра извѣстна намъ изъ дѣла Ростовскаго Архіепископа, Георгія Дашкова. Изъ Троицкихъ Архимандритовъ онъ посвященъ былъ въ 1708 году въ Нижегородскіе Митрополиты; въ 1719 году переведенъ изъ Нижняго въ Смоленскъ, изъ Смоленска въ Тверь съ повышеніемъ, а изъ Твери, по уничтоженіи званія Митрополитовъ, въ Рязань простымъ Епископомъ. Съ назначеніемъ въ Синодъ покровителя его Дашкова, при Екатеринѣ, его перевели въ Казань Архіепископомъ.

Прибывши въ Казань, онъ встрѣтился съ старымъ знакомцемъ, Іоною, который былъ тамъ въ чести—Судьею Архіерейскаго дома и Синодальнымъ Членомъ. Іона держался въ отношеніи къ новому начальнику довольно свободно и независимо, а тотъ, человѣкъ старый и стараго времени, не могъ перенести смѣлыхъ выходокъ подчиненнаго. Въ досадѣ на новоучрежденный Синодъ, который лишилъ его званія Митрополита, Сильвестръ не велѣлъ поминать его въ церкви и не признавалъ нѣкоторыхъ его распоряженій. Въ церкви, вмѣсто Синода, велѣлъ поминать Святѣйшихъ Вселенскихъ Патріарховъ, а на ставленныхъ грамотахъ подписывался: «Сильвестръ, бывшій

---

[1] «Былъ здѣсь въ знатномъ монастырѣ Архимандритомъ Смолянинъ», писалъ о немъ Волынскій», опъ же и Дворянскій сынъ, Іона Салникѣевъ (или по Русски Салникѣевичъ), которой при покойномъ Тихонѣ, бывшемъ здѣшнемъ Митрополитѣ, былъ Судьею и въ крайней милости и имѣлъ богатства своего на нѣсколько тысячъ, въ томъ числѣ денегъ съ три тысячи, или больше; потомъ взятъ въ Синодъ, и тамъ былъ Членомъ, да скучно ему, дураку, въ Петербургѣ стало, что тамъ живыхъ стерлядей нѣтъ и что онъ разлучился съ своими друзьями, которому всѣ знатные Дворяне и лучшіе купцы друзья и пріятели; также и бѣднымъ пріѣзжимъ Офицерамъ всѣмъ былъ благодѣтель, понеже былъ обходительный человѣкъ и жилъ зѣло роскошно, котораго и Губернаторы, Петръ Матвѣевичъ, Петръ Самойловичъ и Алексѣй Петровичъ безмѣрно любили, и такой человѣкъ былъ, что надобно было любить, и ужь когда сюды и нынѣшній Архіерей въ Епархію прибылъ, сначала былъ къ нему очень добръ, и такъ и при немъ былъ Судьею, какъ при Тихонѣ Митрополитѣ, да учинилась у нихъ ссора»... (Изъ письма Волынскаго къ Княгинѣ Черкаской).

Нижегородскій Митрополитъ, нынѣ же Казанскій и Свіяжскій.» [3] Іона, по своей должности, напоминалъ ему объ его незаконныхъ дѣйствіяхъ, и впалъ въ крайнюю немилость у Владыки. Но Владыка отмстилъ ему не милостиво.

I.

Въ 1726 году, пользуясь милостію Дашкова и Коломенскаго Митрополита, Игнатія, Сильвестръ рѣшился поприжать своего Судью, чтобы онъ не зазнавался и не перечилъ ему въ его распоряженіяхъ. Онъ написалъ къ нимъ и къ Синодальному Оберъ-Прокурору, что его Судья живетъ непорядкомъ, обираетъ монастыри, продаетъ церковныя вещи и обращаетъ вырученныя деньги въ свою собственность.

Іона ужь кончилъ свою очередь въ Синодѣ и собирался въ путь, какъ Синодальный Оберъ-Прокуроръ, Баскаковъ, сдѣлалъ Синоду предложеніе: «Относится здѣсь, что Казанскаго Спаскаго Преображенскаго монастыря Архимандритъ Салникѣевъ нѣкоторыя вещи, до церкви принадлежащія, распродалъ, о чемъ и Вашему Святѣйшеству о нѣкоторыхъ сообщено.» Синодъ приказалъ это дѣло изслѣдовать, и поручилъ это Сильвестру. Іону приказано было отправить для слѣдствія въ Казань за поруками, а если порукъ по себѣ не дастъ, то выслать его изъ Синодальной Канцеляріи съ кѣмъ пристойно, чтобъ за нимъ въ слѣдованіи остановки не было. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сильвестру предписано было Указомъ слѣдовать то дѣло безъ послабленія и, если что казенное растащено напрасно, взыскивать безъ упущенія.

Понятно, какого можно ожидать слѣдствія отъ Сильвестра, при извѣстныхъ его отношеніяхъ къ подсудимому.

---

[3] Изъ этого въ послѣдствіи, въ 1732 году, возникло огромное слѣдственное дѣло, кончившееся тѣмъ, что множество Архимандритовъ, Священниковъ и монаховъ Казанской Епархіи, за непоминаніе Синода и прикрытіе Сильвестра, лишены были сана и разосланы, кто въ Сибирь, кто въ отдаленные монастыри въ послушаніе и работу, изъ которыхъ освобождены были, кто остался въ живыхъ, уже при Императрицѣ Елисаветѣ, въ 1740 году.

По полученіи Указа, Сильвестръ немедленно приступилъ къ слѣдствію, и въ концѣ Ноября представилъ въ Синодъ репортъ, съ копіями допросовъ и показаній Салникѣева. Въ этомъ репортѣ Іона обвиняемъ былъ въ отобраніи и обращеніи въ свою пользу нѣкоторыхъ церковныхъ вещей и украшеній изъ Спасо-Казанскаго монастыря и приписныхъ къ нему монастырей, Кизическаго и Ѳедоровскаго. По монастырскимъ описямъ въ нихъ не оказывалось жемчужныхъ ожерельевъ, панагій, гривенъ, серебряныхъ цатъ, серегъ, репьевъ, дробницъ, драгоцѣнныхъ камней, ризъ на иконахъ, вѣнцовъ и разныхъ привѣсокъ.

Іона оправдывался тѣмъ, что у нихъ въ монастырѣ не было хлѣба, и по тому онъ продалъ нѣсколько монастырскаго жемчуга и серебра на покупку хлѣба, а другія вещи для устройства церкви въ монастырскомъ селѣ Плетеняхъ, и сдѣлалъ это по словесному разрѣшенію покойнаго Митрополита, Тихона. Изъ Ѳедоровскаго и Кизическаго монастырей онъ перевезъ утварь въ свой монастырь, по его же, Митрополичьему, Указу, которымъ этѣ монастыри были упразднены въ 1724 году.

Въ разсужденіи этѣхъ монастырей Сильвестръ заинтересованъ былъ тѣмъ, что они были приписными къ Архіерейскому дому. Іона, пользуясь слабостію и старостію Тихона, приписалъ оба монастыря къ своему и перевезъ къ себѣ всю ихъ церковную утварь. Сильвестръ, бывшій задолго до Іоны также Судьею Казанскаго Архіерейскаго дома, зналъ очень хорошо положеніе дѣлъ, грамоты и указы, и хотѣлъ возвратить ихъ Архіерейскому дому.

Сильвестръ прибавилъ въ своемъ донесеніи, что Салникѣевъ его смиренію оказался не послушенъ, и подъ слѣдственнымъ дѣломъ упрямствомъ своимъ не подписался, и во всемъ строптивыми своими поступками учинился ему противенъ. Опасаясь съ его стороны побѣга, Сильвестръ посадилъ его подъ караулъ и просилъ о переводѣ его куда ни будь въ другую Епархію.

Синодъ, выслушавши репортъ Сильвестра, приказалъ отрѣшить Іону отъ управленія монастыремъ и взыскать съ него деньги за проданныя вещи, въ количествѣ 290 р. 33 к., а до тѣхъ поръ, пока онъ не уплатитъ требуемой суммы, держать его подъ стражей;

когда же все взыскано будетъ, выслать его, Салникѣева, въ Москву въ Духовную Дикастерію.

Сильвестръ не могъ, однако жь, ни чего добиться отъ Салникѣева, жаловался Синоду, просилъ смирить его жезломъ правды, и чтобъ другимъ воровство умножать и отбывательство умышлять было не повадно, предложилъ отправить его въ Преображенскій Приказъ (20 Февраля, 1728 г.).

Салникѣевъ не могъ не видѣть всей невыгоды своего положенія. Чтобы какъ ни будь замять дѣло и отстранить Сильвестра отъ слѣдствія, 13 Декабря, 1727 года, онъ сказалъ за собой Государево дѣло, и взятъ въ Губернскую Канцелярію. Губернаторъ, Генералъ-Маіоръ Зотовъ, съ Вице-Губернаторомъ, Нефедомъ Кудрявцевымъ, отобрали отъ него показаніе, въ которомъ онъ объявлялъ Сильвестра противникомъ и ругателемъ Высочайшихъ Его Императорскаго Величества Указовъ.

У Іоны потребовали объясненій.

Салникѣевъ показалъ, что въ 1725 году, когда Сильвестръ пожалованъ былъ въ Казань изъ Епископовъ въ Архіепископы, онъ, гнушаясь этою милостію и ругаясь Высочайшимъ Указомъ, какъ въ церквахъ во время служенія, такъ и въ дѣловыхъ бумагахъ, Архіепископомъ писать себя не велѣлъ, а велѣлъ писать и поминать Архіереемъ, а у Поповскихъ грамотъ подписывался Митрополитомъ: «Бывый Нижегородскій Митрополитъ, нынѣ же Казанскій и Свіяжскій.»

Кромѣ того, онъ у многихъ людей не принималъ исковыхъ челобитенъ, написанныхъ на Высочайшее имя и отдавалъ челобитчикамъ обратно и велѣлъ переписывать на свое Архіерейское имя, а переписанныя принималъ и производилъ въ дѣло.

По отобраніи этѣхъ показаній, Губернская Канцелярія отправила его назадъ въ Архіерейскій Приказъ, для взысканія по Синодскому Указу, а о показаніяхъ сдѣлала донесеніе Синоду. Фискальная Губернская Канцелярія, съ своей стороны, донесла объ этомъ Сенату; Сенатъ поручилъ изслѣдованіе дѣла Преображенскому При-

казу; но Преображенскій Приказъ передалъ его въ Синодъ, для изслѣдованія духовною властію.

Синодъ, бывшій въ ту пору въ Москвѣ, приказалъ, для изслѣдованія этого дѣла, взять Іону въ Москву и везти въ желѣзахъ за крѣпкимъ карауломъ (14 Марта, 1728 г.).

По пріѣздѣ въ Москву Іона оставленъ былъ до Указу подъ карауломъ. Ему показали копіи съ оправдательныхъ отвѣтовъ Сильвестра противъ взводимаго на него обвиненія и потребовали отъ него доказательствъ; но Іона, сдѣлавши доказательства на первый пунктъ Архіерейскаго отвѣта, о пренебреженіи чести Синодальной, сказалъ, что о пренебреженіи Высочайшаго имени теперь доказательства говорить не будетъ, а будетъ доказывать въ то время, когда Сильвестръ въ Синодъ призванъ будетъ. Синодъ, отнеся это къ упрямству Салникѣева, приказалъ наложить на него цѣпь и желѣза и содержать подъ крѣпкимъ присмотромъ.

Коломенскій Митрополитъ Игнатій посылалъ къ нему Синодскаго Секретаря спросить: для чего онъ не представляетъ доказательствъ на второй пунктъ Сильвестровыхъ показаній? Іона отвѣчалъ, что безъ Сильвестра онъ доказательствъ представлять не станетъ; потомъ просилъ, чтобъ отослать его по тому дѣлу въ Преображенскій Приказъ. Секретарь сказалъ, что въ Преображенскомъ Приказѣ слѣдуются дѣла только по первымъ двумъ пунктамъ. Іона отвѣчалъ, что по пунктамъ онъ не знаетъ, но можетъ доказать, что Сильвестръ ругатель не только Указовъ, но и Императорскаго Величества (26 Ноября, 1728 г.). Послѣ этого показанія Синодъ приказалъ еще усилить надъ нимъ караулъ, никого для разговоровъ съ нимъ не допускать и его никуда не выпускать, чернилъ и бумаги ему не давать.

Но предосторожность взята поздно, по тому что Іона успѣлъ подать въ Верховный Тайный Совѣтъ два доношенія, которыми, оправдаваясь въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ, просилъ взять его дѣло изъ Святѣйшаго Синода, куда надлежитъ.

Но этѣ прошенія ни къ чему не привели.

Наконецъ Іона рѣшился сдѣлать доказательства противъ втораго пункта показаній Сильвестра. Онъ указалъ на извѣстные ему

случаи, когда Сильвестръ отдавалъ назадъ прошенія, написанныя на Высочайшее имя и велѣлъ переписывать на свое Архіерейское, и прибавилъ, что когда онъ, по своей должности, Архіерею объ этомъ говаривалъ, то Архіерей обнесъ его въ похищеніи церковныхъ монастырскихъ вещей.

Въ защиту себя Салникѣевъ сказалъ, что, еще бывши въ Казани, онъ перемѣтилъ буквами Польскаго алфавита всѣ дѣла, вершенныя по этѣмъ челобитнымъ, чтобъ послѣ ни чего нельзя было подмѣнить въ нихъ, и просилъ взять ихъ въ Синодъ на обличеніе Архіерею. Этого мало: онъ сберегъ у себя нѣсколько челобитныхъ на Высочайшее имя, изорванныхъ Архіереемъ по тому, что написаны не на его, Архіерейское, имя. Подлинность этѣхъ челобитныхъ Іона доказывалъ тѣмъ, что они занесены были во входящіе журналы за номерами. Вмѣсто этѣхъ драныхъ дѣлъ произведены были другія дѣла по челобитнымъ, писаннымъ на Архіерейское имя.

Но Іонѣ трудно было добиться правды, по тому что въ Синодѣ сидѣли друзья Сильвестра. А по тому, вмѣсто ожиданнаго слѣдствія, въ Синодѣ состоялся Указъ, которымъ всѣ доносы Іоны объявлены извѣтомъ и враньемъ. «И въ тѣхъ его, извѣтчика Салникѣева, показаніяхъ явилась розны и несходство, изъ чего признается, по такой розни и несходству его, извѣтчика Салникѣева, сущая вина, а по отвѣту Казанскаго Архіерея ни какой важности не находится; а ежели бы по отвѣту онаго Архіерея явились къ вящшей важности, то бы по оному дѣлу надлежащее рѣшеніе учинено было въ Преображенскомъ Приказѣ, а то видно, что по тому его, Салникѣева, отвѣту и по отвѣту Казанскаго Архіерея важности до онаго Архіерея по слѣдованію Преображенскаго Приказу знатно, что не причтено и прислано къ разсмотрѣнію Святѣйшаго Синода, а въ Синодѣ по отвѣту его ни какой важности не находится. Видимо, что оный извѣтчикъ такую великую важность на онаго Митрополита наводитъ вымышленно отъ себя, по злобѣ своей, злоковарно, примѣрно примѣняя отъ себя вымысломъ своимъ, и не отъ словъ его, Архіерейскихъ, мстя за то, что онъ, чрезъ слѣдствіе онаго Архіерея, явился въ похищеніи монастырскихъ и церковныхъ вещей и избывая въ томъ явнаго своего воровства.» Къ этому преступленію Іоны выведены были справки изъ Церковныхъ правилъ и Соборна-

го Уложенія о непринятіи доносовъ на Епископа отъ лицъ, находящихся подъ судомъ, о клирикахъ, творящихъ совѣты на Епископа, о доносящихъ на кого важное Государево дѣло и не доказавшихъ, и, по силѣ этѣхъ справокъ, состоялся приговоръ, чтобы, за недоказанную клевету на Епископа, обнажа его іеромонашества и монашества, отослать его къ гражданскому публичному наказанію, по исполненіи котораго взыскивать съ него похищенное имъ церковное имущество по прежнему безъ удержанія (11 Дек., 1728 г.).

Въ виду неизбѣжнаго позора, Іона рискнулъ еще на доносъ. Въ Юстицъ-Коллегію онъ подалъ донесеніе на Сильвестра въ драньѣ челобитенъ и другихъ бумагъ, писанныхъ на Высочайшее имя. Предсѣдатель Коллегіи, Князь Михаилъ Голицынъ, представилъ это донесеніе на усмотрѣніе Сената. Но Сенатъ предписалъ исполнить въ точности Указъ Синода о наказаніи Салникѣева, а о драньѣ дѣлъ Сильвестромъ сообщилъ Синоду для надлежащаго изслѣдованія.

18 Іюня, 1729 года, Юстицъ-Коллегія доносила Синоду, что Осипу Салникѣеву наказаніе учинено: «битъ кнутомъ,» и по наказаніи возвращенъ въ Синодъ для продолженія слѣдствія.

Но торжество Сильвестра, успѣвшаго передъ тѣмъ выпросить себѣ званіе Митрополита, хотя безъ бѣлаго клобука, и возвратить захваченные Салникѣевымъ монастыри Архіерейскому дому, продолжалось не долго.

II.

По смерти Петра II-го, Дашковъ впалъ въ немилость. Это отозвалось и на покровительствуемыхъ имъ. Синодъ потребовалъ у Салникѣева дранаго дѣла. Салникѣевъ отвѣчалъ, что оно имѣется у него въ домѣ Князя Василія Михайловича Вяземскаго, въ Поварской Улицѣ, за Арбатскими воротами. Дѣло взяли къ слѣдствію. Это была челобитная Казанскаго гарнизоннаго Унтеръ-Офицера Саморокова на домовыхъ Архіерейскихъ крестьянъ Кононовыхъ въ безчестіи его, Саморокова. А между тѣмъ съ Салникѣева взыскивали и причтенные ему въ воровство церковныя и монастырскія деньги. Салникѣевъ ставилъ въ свое оправданіе то, что ему не давали денегъ на

содержаніе въ бытность въ Синодѣ. Синодъ, не уваживъ этого представленія и считая его отбывательствомъ, опредѣлилъ: «для взысканія съ него за церковныя вещи отослать его въ Казанскую Губернскую Канцелярію съ нарочнымъ солдатомъ, дабы, освидѣтельствовавъ достовѣрно, что доведется, снесшися съ Преосвященнымъ Сильвестромъ, оные деньги съ него взыскивали неослабно, какъ Указы повелѣваютъ.» Вмѣстѣ съ нимъ положили отослать въ Губернскую Канцелярію и драное дѣло, дабы, какъ о томъ, такъ и о другихъ отъ него показуемыхъ драныхъ дѣлахъ, когда, и кѣмъ, и для чего драны ль, справяся достовѣрно, освидѣтельствовать Архіерею, Губернатору, которымъ былъ въ то время, послѣ Зотова, Волынскій, и Вице-Губернатору, со всякою очисткою, и то свидѣтельство прислать въ Синодъ при доношеніи немедленно (15 Декабря, 1729 г.).

Въ слѣдъ за этѣмъ у Салникѣева, по словесному приказанію Остермана, сдѣлали обыскъ, при которомъ найдено два Календаря на 1727 и 1728 годы. Календари отправлены къ Остерману, а надъ колодникомъ усиленъ караулъ. Но такъ какъ по этому особливому дѣлу ни чего за нимъ не отозвалось, то Синодъ, 16 Марта, 1730 г., приказалъ «отправить его, во исполненіе своего. прежняго опредѣленія, въ Казанскую Губернскую Канцелярію, на коштѣ Казанскаго Митрополита. А для касающихся по тѣмъ же дѣламъ духовныхъ персонъ, при томъ слѣдованіи и рѣшеніи, вмѣстѣ съ Губернаторомъ и Вице-Губернаторомъ, быть двумъ духовнымъ персонамъ, а именно: изъ Синодальной области Нижегородскаго Благовѣщенскаго монастыря Архимандриту Лаврентію, и Нижегородской Епархіи изъ монастырскихъ властей, или Протопоповъ, кого Архіепископъ Питиримъ опредѣлитъ, и все то дѣло производить имъ общимъ согласіемъ.» Архіепископъ Питиримъ, съ своей стороны, назначилъ къ слѣдствію, Протоіерея Нижегородскаго Архангельскаго собора, Андрея Иванова.

Сильвестръ, жившій въ ту пору въ Москвѣ, успѣлъ, однако жь, смягчить дѣло.

Протоколомъ Марта 24 приказано было взыскать деньги за проѣздъ Салникѣева не съ Казанскаго Митрополита, а съ Управителей Казанскаго Архіерейскаго Приказа, которые были у дѣлъ въ

1726 и 1727 годахъ, по тому что къ этѣмъ годамъ относилось предъявленное Салникѣевымъ драное дѣло. Другимъ протоколомъ, 8 Апрѣля, велѣно было наряженной для слѣдствія Казанскихъ дѣлъ Коммисіи слѣдовать токмо о взысканіи церковныхъ вещей съ Салникѣева, а объ упомянутомъ драньѣ дѣлъ и челобитенъ ни чего не производить, но слѣдовать то въ Синодѣ, по тому что то касается до духовной Архіерейской персоны, и посланноеи зъ Синода Саморокова дѣло прислать обратно въ Синодъ безъ промедленія.

Изъ назначенныхъ въ Казань слѣдователей Архимандритъ Лаврентій доносилъ, что, за весеннею распутицею, онъ въ Казань вскорѣ ѣхать не можетъ, къ тому же онъ страдаетъ тяжкою головною болѣзнію. Наконецъ, уже въ Маѣ, слѣдователи собрались въ Казани, и прислали оттуда прошеніе: на какія средства имъ жить и откуда требовать денегъ.

Сильвестръ, съ своей стороны, подалъ доношеніе, въ которомъ писалъ, что «онъ посылалъ къ Губернатору Волынскому солдатъ за дранымъ дѣломъ, но Волынскій, мстя ему за поданныя на него въ Сенатѣ и въ Юстицъ-Коллегіи и въ другихъ мѣстахъ прошенія о различныхъ ему обидахъ отъ Волынскаго, солдатъ держитъ и Сумарокова дѣло имъ не отдаетъ, даже и о полученіи Синодскаго Указа тому седьмая недѣля не репортуетъ, и знатно хощетъ, продолжалъ Сильвестръ, нанести мнѣ, по злобѣ своей, напрасное здѣсь утѣсненіе и бѣдство и дому нашему разореніе безъ всякой причины, для того что Архимандритъ Лаврентій и Протопопъ Андрей Ивановъ и говорить о томъ Волынскому не смѣютъ. И отъ того чрезвычайнаго, за посягательствомъ ко мнѣ Губернаторскимъ, продолженія, живучи въ Москвѣ, разоряюсь безвинно, а не дождавъ по тому дѣлу здѣсь подлиннаго рѣшенія, въ Казань ѣхать не смѣю.» Сильвестръ просилъ послать къ Волынскому вторичный Указъ съ подтвержденіемъ о присылкѣ въ Москву Саморокова дѣла, а не о исполненіи имъ Указовъ Синода сообщить въ Правительствующій Сенатъ съ требованіемъ резолюціи. Синодъ послалъ къ Волынскому вторичный Указъ съ нарочнымъ, которому поручено было взять дѣло и съ требованіемъ объясненія въ неисполненіи перваго Указа (27 Мая, 1730 г.).

Но, не дождавшись отвѣта Волынскаго, Сильвестръ, 5 Іюня, подалъ на него въ Синодъ новое доношеніе, съ 38 пунктами, которыми обвинялъ Волынскаго въ разныхъ преступленіяхъ. Заключая свои пункты, Сильвестръ просилъ: «жезломъ паствы Вашего Святѣйшества Церкви Божія и насъ сиротствующихъ отъ него, Волынскаго, съ другими оборонить и защитить и яко сильному насъ немощныхъ въ руки не предать, и о воровствахъ растриги Салникѣева дѣла изъ Губернской Канцеляріи у него взять, и послать къ рѣшенію въ Казань же, къ кому надлежитъ, мимо его, Волынскаго... и къ нему, Губернатору, послать третій Указъ съ подтвержденіемъ, и въ Сенатъ внесть вѣдѣніе съ мнѣніемъ и требованіемъ на все резолюціи.»

Такъ какъ жалоба Сильвестра имѣла гражданскій характеръ, то Синодъ сообщилъ ее въ Правительствующій Сенатъ, а Губернатора Волынскаго, за вышепоказаннымъ на него подозрѣніемъ, по дѣламъ Салникѣева положилъ отстранить отъ слѣдствія, поручивши слѣдовать то дѣло опредѣленнымъ къ тому духовнымъ персонамъ однимъ (15 Іюня, 1730 г.).

Управившись съ однимъ, главнымъ слѣдователемъ, Сильвестръ принялся за другихъ.

У него былъ вѣрный слуга, Питиримъ Смирной, котораго онъ посвятилъ въ Архимандриты на мѣсто Салникѣева. Это былъ истый подъячій прежняго времени, ловкій на всѣ крючки и продѣлки. Онъ жилъ неотлучно при Сильвестрѣ, составлялъ ему всѣ бумаги и былъ его правой рукой во всѣхъ судныхъ дѣлахъ. Покончивши съ Волынскимъ, они принялись за духовныхъ персонъ и, не зная, къ чему придраться, сами сочинили предлогъ къ доносу. Питиримъ прислалъ въ Синодъ доношеніе, что «духовные слѣдователи, Архимандритъ Лаврентій и Протопопъ Андрей, пріѣхали въ Казань не по препорціи своихъ ранговъ, зѣло многолюдно и съ немалою славою, на нашъ коштъ, а у насъ монастырь разореной и содержать ихъ будетъ не на чемъ, и за подводы подъ нихъ и служителей ихъ до Казани и обратно до Нижняго, заплатить не чѣмъ, и всякаго довольства имъ покупать не на что. А есть извѣстіе изъ Казани, что оныя духовныя персоны поступаютъ весьма неумѣренно и показываютъ Келарю нашему съ братіею всякія утѣсненія, паче же за-

даютъ нестерпимые страхи и грозятъ имъ различнымъ прещеніемъ, и берутъ про свой расходъ, что хотятъ, съ великой обидой для братіи, и, сверхъ того, еще требуютъ отъ монастыря всякаго себѣ въ корысть награжденія, и за то нанесли Секретарю жестокой бой; отъ чего монастырь приходитъ во всеконечное и, сверхъ Салникѣева, горшее разореніе; а обносится слухъ, что оныя персоны, и кромѣ Указныхъ имъ монастырскихъ нашихъ дѣлъ, и въ прочія вникаютъ, знатно хотя въ Казани бытіемъ продолжить и объявить себя яко бы сущими всему вѣдомцами.» Синодъ, однако жь, не очень ему повѣрилъ и, сдѣлавши распоряженіе, чтобы слѣдователи получали содержаніе оттуда же, откуда получаютъ его духовные управители Архіерейскаго дома, поручилъ объявить Питириму, что онъ не изъяснилъ, какія именно и кому происходятъ обиды отъ духовныхъ слѣдователей (15 Іюня, 1730 г.).

Волынскій, еще ни чего не подозрѣвая со стороны Сильвестра, прислалъ доношеніе (по первому Указу) о томъ, что онъ слѣдованіе вмѣстѣ съ духовными слѣдователями началъ, и что ему изъ Архіерейскаго Приказа не хотѣли выдать дѣлъ, нужныхъ къ слѣдованію, но онъ взялъ ихъ чрезъ Секретаря Губернской Канцеляріи по описи.

Но только что онъ отправилъ это донесеніе, какъ узналъ о второмъ Указѣ, который присланъ былъ не прямо къ нему, а въ Архіерейскій Приказъ, для объявленія Губернатору. «Прошедшаго 23 Іюня увѣдомился я отъ духовныхъ слѣдователей, что присланъ ко мнѣ вторичный Указъ изъ Святѣйшаго Синода, и что онъ уже въ Архіерейскомъ Приказѣ нѣсколько дней; и слышно было, что онаго Указу и подавать мнѣ изъ Архіерейскаго духовнаго Приказу не хотѣли.» За тѣмъ Волынскій объясняетъ, что промедленіе въ отсылкѣ дѣла произошло «за неприбытіемъ изъ Нижняго духовныхъ слѣдователей, и за неприсылкою изъ Архіерейскаго Приказу подлинныхъ дѣлъ, но что потомъ дѣло немедленно отдано посланнымъ за нимъ солдатамъ; а для чего солдаты то дѣло вмѣстѣ съ доношеніемъ удержали, или мимо Святѣйшаго Синода подали Сильвестру, или кто, похлебствуя ему, принявъ, удержалъ, о томъ онъ не извѣстенъ. А что Сильвестръ, писалъ онъ, въ Синодъ вымышленно (не хотя, чтобъ дѣла о похищеніи правильно слѣдованы были) на-

писалъ на меня, будто я на него злобствую, мстя, что онъ подалъ (или подаетъ) на меня составныя и затѣйныя свои прошенія въ Сенатъ и въ Юстицъ-Коллегію и въ другія мѣста, будто въ показанныхъ отъ меня обидахъ, я добровольно кленуся въ томъ, что не только на него злобствовать, или мстить, истинно я до полученія сего Указа и не вѣдалъ, что онъ на меня пишетъ и подаетъ, а и теперь не знаю, гдѣ подавалъ оныя прошенія, и въ какихъ моихъ обидахъ; а ежели бъ какія отъ меня были показаны къ нему обиды, то надлежало было ему просить на меня прежде, нежели повелѣно мнѣ оныя дѣла слѣдовать, и хотя уже Его Преосвященство дошелъ до самой глубокой старости, понеже имѣетъ близъ осмидесяти лѣтъ жизни своей, однако жь онъ, Преосвященный, презирая такую свою старость и забывъ Бога и свою бѣдную душу, клеплетъ на меня тѣмъ и вредитъ честь мою напрасно. А если бъ подлинно были Его Преосвященству и прочимъ властямъ отъ меня какія обиды и разоренія, то бъ онъ въ томъ челобитьѣ своемъ могъ показать о томъ имянно, а по формѣ суда такихъ не имянно писанныхъ о обидахъ и разореніяхъ доношеній и челобитенъ и принимать не велѣно; того ради Святѣйшаго Синода всепокорно и прилежно прошу, дабы повелѣно было отъ него взять за его рукою подлинныя показательства, какія я ему и прочимъ властямъ учинилъ обиды и разоренія, и при томъ чтобъ повелѣно было спросить его, чего ради онъ не просилъ на меня прежде, нежели Указомъ Святѣйшаго Синода опредѣленъ я къ слѣдствію оныхъ дѣлъ, понеже онъ, Архіерей, давно уже въ Москвѣ обрѣтается (изъ чего видно, что онъ защищаетъ плутовъ, которые, непорядочно похлѣбствуя Его Преосвященству, оныя о похищеніи дѣла производили, что явно по нашему слѣдствію показаться можетъ), и чтобъ оныя его показательства на меня повелѣно было сообщить въ Правительствующій Сенатъ, и повелѣно бъ было правильно о томъ розыскать, и всѣхъ обрѣтающихся въ здѣшней Епархіи подвластныхъ его Архіерейскихъ допросить, духовныхъ по священству и монашествующихъ по присягамъ, а мірскихъ и подъ страхомъ смерти, и ежели какая моя вина по прихотямъ моимъ, или по какой моей страсти, явится, я о себѣ не буду просить ни какого милосердія отъ Ея Императорскаго Величества. Буде же и то явится, что то отъ него, Архіерея, затѣяно на меня напрасно, чтобъ повелѣно было ему учинить хотя въ полы противъ того, чего бы я былъ достоинъ (30 Іюня, 1730 г.).

Въ слѣдъ за этѣмъ Волынскій получилъ третій Указъ изъ Синода, которымъ онъ, въ слѣдствіе поданной на него челобитной Сильвестра, устранялся отъ слѣдованія по дѣлу Салникѣева.

Въ досадѣ Волынскій написалъ письмо къ Салтыкову, въ которомъ просилъ самъ на себя суда по жалобѣ Сильвестра.

«Наслалъ на меня Богъ проклятые дѣла, которыхъ я не искалъ, ни желалъ, и какимъ образомъ то мнѣ пришло, не знаю. Понеже въ нынѣшнемъ году Апрѣля 3 дня, при Указѣ Ея Императорскаго Величества изъ Святѣйшаго Синода, прислано въ Казанскую Губернскую Канцелярію для изслѣдствія драное дѣло, да двѣ выписки, о которыхъ во оном Указѣ написано, первое о дѣлѣ, что доносилъ на Казанскаго Митрополита Сильвестра, Казанскаго жъ Спасскаго монастыря Архимандритъ Іона (что нынѣ ростригa Іосифъ), что оной Митрополитъ исковыхъ челобитенъ, которые написаны на имя Императорскаго Величества, у многихъ людей не принималъ и дралъ и бросалъ, и не только дралъ челобитные, но и дѣла произведенные въ дѣйство за помѣтами въ шнурованныхъ за печатью тетрадяхъ, дралъ же, изъ которыхъ по тому ево, Салникѣева, доношенію для слѣдствія прислано было драное дѣло Унтеръ-Офицера Максима Саморокова, на крестьянъ Казанскаго Архіерея въ безчестьѣ; тако жъ велѣно слѣдовать о похищеніи церковныхъ и монастырскихъ вещей онымъ бывшимъ Архимандритомъ, что нынѣ ростригa; а при томъ слѣдствіи обще со мною велѣно быть и Нижегородской Епархіи Архимандриту да Протопопу. А потомъ присланъ вторичной Указъ, чтобъ о томъ драномъ дѣлѣ не слѣдовать, и оное отослать по прежнему въ Святѣйшій Синодъ (которое по тому Указу и послано), а слѣдовать бы только о помянутыхъ церковныхъ и монастырскихъ вещей похищеніяхъ, въ той силѣ, что оные дѣла слѣдованы въ прошлыхъ годѣхъ въ Архіерейскомъ Приказѣ неправильно, что и самая правда по нашему слѣдствію является, а нынѣ по прошенію Преосвященнаго ево, Сильвестра, Казанскаго Митрополита, присланъ ко мнѣ третей Указъ, въ которомъ и затѣйное ево доношеніе съ великими мнѣ образами и безчестьемъ прописано, такъ что не только такому старому человѣку и пастырю церквамъ, истинно ни какому и свѣтскому, а совѣстному человѣку писать такъ ложно и затѣвать не возможно, развѣ бы кто уже былъ бездѣльной и безсовѣстный ябедникъ.

И можетъ сыскаться, что онъ, Архіерей, во многомъ виноватъ будетъ, того ради онъ показалъ на меня подозрѣніе и сплетчи поябеднически, а не по Архіерейски, дабы тѣмъ покрыть свои блудни, подалъ на меня сплетное поябеднически доношеніе, по. которому присланъ ко мнѣ третей Указъ, а въ немъ имянно оное затѣйное это доношеніе прописано, будто я великой обидчикъ и разоритель; и хотя онъ уже человѣкъ престарѣлой, такой, что уже было надлежало ему только Бога и душу памятовать, какъ ему явиться суду Божію, однако жъ онъ, забывъ все то, тѣмъ меня поклепалъ зѣло: въ мысли моей не бывало, не только бъ я то дѣлалъ и столько вредилъ мою честь, что не токмо Архіерею и такому старику, истинно, Милостивый мой отецъ, ни изъ свѣтскихъ ни кто бъ такъ не похотѣлъ душевредничать, развѣ кто уже былъ безпутной и безсовѣстной ябедникъ, противъ чего принужденъ я, въ мое оправданіе, послать доношеніе въ Синодъ, а другое въ Сенатъ (въ одной силѣ оба) и прошу о томъ, чтобъ велѣли про меня розыскать, и всѣхъ ево, Архіерейскихъ, подвластныхъ здѣсь допросить, чернецовъ и бѣльцовъ; буде же того не довольно, чтобъ повелѣно было всѣхъ здѣшнихъ жителей, не только Казанцовъ, я радъ тому, чтобъ, по Уѣздамъ ѣздя, про меня спрашивали. И есть ли какая моя вина, по прихотямъ моимъ, или по какой моей страсти, сыщется, я не буду просить отъ Ея Императорскаго Величества ни какова милосердія; а буде и то явится, что то на меня затѣяно, прошу, чтобъ я отъ такой наглой и нестерпимой мнѣ обиды оборонен былъ. Для того я Ваше Превосходительство, Милостиваго Государя и отца всепокорно прошу показать ко мнѣ отеческую милость, пожаловать поговорить Архіереямъ, которые въ Синодѣ засѣдаютъ, также и Господамъ Сенаторамъ, чтобъ приказали про меня, безо всякаго мнѣ послабленія, изслѣдовать, какія я кому дѣлалъ обиды; а изъ того видно будетъ, кто изъ насъ виноватъ, или правъ, будетъ. Паче же прошу, ежели донесется сія на меня наглая напраслина Ея Императорскому Величеству, чтобъ прежде нежели сыскано будетъ, не изволила вѣрить безсовѣстному ево, Архіерейскому, доношенію, и не изволила бъ содержать меня за такова человѣка, какъ онъ лжетъ. Я столько смѣло доношу, что я готовъ подписаться на смерть, естьли онъ на меня что докажетъ дѣльно. Что же я такъ дерзновенно пишу, милостиво извольте разсудить по совѣсти, сколь чувственна человѣку обида, а паче та, которая чести касается. Сверхъ того,

Милостивой Государь, Архіерейско ль то дѣло, что по приказу ево нѣкоторые плуты шильничали здѣсь по всему городу и проискивали, чтобъ кто что на меня показалъ, и слышу, что къ одной челобитной, не знаю какіе бездѣльники, и не знаю въ чемъ, восемь человѣкъ приложили на меня руки, и съ тѣмъ одинъ плутъ чернецъ къ Архіерею поѣхалъ, однако жъ я благодарю Бога, не боюся ни чего, въ чемъ Ваше Превосходительство безъ сумнѣнія изволь мнѣ вѣрить.

При семъ прилагаю копію съ доношенія моего, посланнаго въ Синодъ, которую прошу сообщить Князю Алексѣю Михайловичу, въ которомъ прописана матерія присланнаго ко мнѣ изъ Синоду Указа и его, Архіерейское, ябедническое доношеніе, поданное на меня и мое оправданіе прописано.

Милостивой Государь мой, отецъ, покажи Божескую надо мной милость, обороните меня, Бога ради, отъ такова плута! Понеже столько меня замаралъ и запачкалъ, что я теперь никуда не гожусь, какъ бы уже подлинно такой былъ бездѣльникъ, и чаю, многіе по ево старости и чину, вѣрятъ ему. Я ни какой иной не прошу милости отъ васъ и помощи себѣ, только чтобъ правду розыскать велѣли, въ чемъ я на васъ, Ваше Превосходительство, Милостивой Государь, отца благонадѣюсь, пребывая, остаюсь съ должнѣйшимъ уваженіемъ. (30 Іюня, 1730 г.).» [1]

Дѣло его, между тѣмъ, перешло въ Сенатъ.

Ходатай его по дѣламъ въ Москвѣ, Борисъ Останковъ, извѣщалъ его 4 Іюля:

«Въ Сенатѣ, Государь, по доношенію Казанскаго Архіерея, дѣло слушано и говорено, чтобъ по тому дѣлу послать для слѣдствія; и того ради призыванъ былъ Иванъ Ивановичъ Бахметевъ, и отговорился онъ отъ той посылки ссорою, что имѣлась въ Саратовѣ, и за тѣмъ, Государь, еще къ тому дѣлу ни кто не опредѣленъ.»

Вѣроятно, тогда же Волынскому сообщена была копія съ поданныхъ на него пунктовъ; но онъ пока не прислалъ своего оправ-

---

[1] Такое жь письмо послано и къ Князю А. М. Черкаскому.

данія, въ надеждѣ, что Сенатъ пошлетъ кого ни будь изслѣдовать дѣло на мѣстѣ.

Въ ожиданіи этого онъ хотѣлъ сдать, въ слѣдствіе Синодскаго Указа, слѣдственныя дѣла Духовнымъ слѣдователямъ. Но они не приняли отъ него дѣлъ и отвѣчали, что имъ нельзя принять ихъ, по тому что Питиримъ ябедою своею показалъ на нихъ въ Синодѣ подозрѣніе, будто бы оной монастырь они привели въ разореніе паче Салникѣева, и за тѣмъ подозрѣніемъ слѣдовать имъ не возможно.

Волынскій донесъ объ этомъ Синоду и, вмѣстѣ съ этѣмъ, представилъ выписку изъ слѣдствія, сколько его произведено было до сихъ поръ. Онъ донесъ, что посланныя въ Синодъ изъ Аріэхрейскаго Приказа выписки по слѣдствію надъ Салникѣевымъ съ подлинными дѣлами, взятыми изъ Архіерейскаго Приказа, оказались не согласны, по тому что многія рѣчи изъ допросовъ и показаній не вписаны и изъ черной выписки вычеркнуты, а при Архіерейскомъ слѣдствіи многимъ людямъ допросовъ вовсе не было; нѣкоторые изъ нихъ при нынѣшнемъ слѣдствіи были допрашиваны, а другіе, которыхъ въ Казани нѣтъ, и понынѣ не допрашиваны; оцѣнка многихъ вещей сдѣлана по волѣ Преосвященнаго безъ цѣновщиковъ; выписки, посланныя въ Синодъ, по показаніямъ Секретарей, сочинены въ Архіерейскомъ домѣ, не извѣстно кѣмъ; одну Подьячій Бекбулатовъ скрѣпилъ и подписался, исподъ неволи, по тому что Архіерей замахивался на него палкой, другую скрѣпилъ Подьячій Крыловъ, за устрашеніемъ Подьячаго Кирѣева, который сказалъ, что ежели онъ къ той выпискѣ не подпишется, и за то будетъ битъ плетьми, а Кирѣевъ показалъ, что этѣ выписки сочинялъ жившій при Архіерейскихъ кельяхъ Питиримъ, и по его же Приказу онъ принуждалъ Подьячего Крылова подписаться подъ выпиской. А кто подъ мнѣніями и сказками подписались, тѣмъ оныхъ мнѣній и сказокъ не читали, показывали только подпись Сильвестра, который подписался прежде всѣхъ властей. Въ слѣдъ за тѣмъ Волынскій излагаетъ подробно новыя стороны этого дѣла, изъ которыхъ видно, что мнѣніе Архіерейское также не право, какъ фальшивы составленныя имъ выписки (26 Іюля, 1740 г.). Такое же доношеніе послалъ онъ и въ Сенатъ.

Духовные слѣдователи, съ своей стороны, во всемъ оправдывали Волынскаго, и показывали, что замедленіе въ отсылкѣ дѣла

произошло въ слѣдствіе причинъ, объясненныхъ въ донесеніи Волынскаго. А на счетъ своихъ отношеній къ нему, будто они ему и говорить не смѣютъ, писали, что они засѣдаютъ въ Губернской Канцеляріи съ нимъ, Губернаторомъ, обще, и какъ онъ безъ совѣту ихъ, такъ и они безъ его совѣту, ни чего не слѣдовали. Вмѣстѣ съ тѣмъ они просили Синодъ оборонить ихъ судомъ отъ клеветы Питиримовой, розыскать противъ того его ябедническаго затѣйнаго челобитья и допросить всю братію Спаскаго монастыря, каждаго порознь, подъ присягой: какую кому обиду и разореніе они учинили, по тому что изъ монастыря, кромѣ печенаго хлѣба и квасу, и то по усильной просьбѣ Келаря, они ни чего не брали. Доношеніе Волынскаго, съ слѣдствіемъ по дѣлу Салникѣева, они признали во всей силѣ.

Само собой разумѣется, что такой неожиданный оборотъ дѣла встревожилъ Волынскаго. Какъ бы онъ ни чувствовалъ себя правымъ въ обвиненіяхъ, которыя взводилъ на него Сильвестръ, но попасть подъ судъ ни для кого не бываетъ пріятно, а особенно это не могло быть пріятно для Волынскаго, которому открывалась при новой Государынѣ блестящая будущность. Чтобы понять всю неловкость его положенія, мы вернемся нѣсколько назадъ ко времени восшествія на престолъ Императрицы Анны, и посмотримъ, какія надежды развернуло передъ нимъ это событіе.

III.

Обстоятельства этого событія, мало извѣстныя въ своихъ подробностяхъ, очень извѣстны по своимъ главнымъ чертамъ, и по тому мы укажемъ только на тѣ частности, которыя имѣютъ отношеніе къ нашему дѣлу.

19 Генваря, 1730 года, отправлены были въ Митаву депутаты отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта съ предложеніемъ Русскаго престола Курляндской Герцогинѣ, Аннѣ, на нѣкоторыхъ условіяхъ.

Въ ночь съ 1 на 2 Февраля получено было согласіе Анны на принятіе Русскаго престола на предложенныхъ условіяхъ. [5]

[5] Въ дѣлахъ Волынскаго есть пункты, предложенные Императрицѣ, въ двухъ близкихъ одна къ другой редакціяхъ. Подъ одной изъ нихъ замѣчено: «И под-

Получивши согласіе Императрицы, Верховный Совѣтъ предложилъ подавать, кто захочетъ, свои заявленія о лучшемъ устройствѣ порядка въ новой формѣ правленія.

Такихъ заявленій подано было нѣсколько.

Одни изъ нихъ клонились къ тому, чтобы ограничить власть Верховниковъ; другія, чтобъ выиграть время до прибытія Императрицы, когда дѣла могли принять другой оборотъ. [6]

Во время этѣхъ волненій и борьбы партій, 11 Февраля прибыла въ Москву Императрица. Сторона, противная Совѣту, повела дѣла черезъ госпожъ, назначенныхъ въ штатъ новой Императрицѣ: это были жены лицъ, извѣстныхъ ей со стороны преданности, именно: Княгиня Черкаская, Графиня Салтыкова, Баронеса Остерманъ и жена Генерала Чернышова.

25 Февраля они успѣли подать Императрицѣ прошеніе, въ которомъ отъ имени народа просили ее объ установленіи такой формы правленія, которая признается по большинству голосовъ. Во время происшедшаго при этомъ смятенія во дворцѣ, Полковникъ гвардіи, Салтыковъ, вызвался привесть къ повиновенію сопротивляющихся

писано подъ сими пунктами Ея Величества собственною рукою тако: «Содержать посему, а ежели что противно учиню, то лишена буду Россійскія короны.» Подъ другой также находятся слѣдующія слова Императрицы: «Правда, что Богъ всѣмъ владѣетъ, и Онъ вложилъ въ сердца ваши такое попеченіе о мнѣ; однако жъ я тотъ поступокъ почитаю за великое ваше и всего народа усердіе ко мнѣ. И намѣреніе мое ко всему народу и къ вамъ, сколько Богъ мнѣ положитъ, всякую милость казать и во всемъ Отечеству моему пользы и благополучія искать.»

[6] Въ дѣлахъ Волынскаго есть два такихъ мнѣнія или заявленія. Одно въ девяти пунктахъ, подписанное 28 лицами, въ томъ числѣ двумя Головкиными, Макаровымъ, Шаховскимъ, Ст. Лопухинымъ, Черкаскимъ, Юсуповымъ, Чернышовымъ и Елагинымъ; другое въ десяти пунктахъ, безъ подписей, и еще девять пунктовъ, съ общимъ заглавіемъ: «Нынѣ обществомъ сочиняется.» Первый изъ пунктовъ этой послѣдней статьи касается образованія Сената и уничтоженія Верховнаго Совѣта. Какъ относятся этѣ заявленія къ мнѣніямъ Черкаскаго, Матюшкина и Гагарина, упоминаемымъ въ Запискахъ Дюка Лирійскаго, пока трудно рѣшить.

волѣ ея Величества. Императрица приняла его предложеніе и, приказавши присутствующимъ слушаться Салтыкова, написала на прошеніи: «По сему разсмотрѣть.» Но въ тотъ же день они выпросили новую аудіенцію, въ которой просили Императрицу о принятіи Самодержавія, уничтоженіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, и о возвращеніи Сенату прежняго значенія, какое онъ имѣлъ при Петрѣ, и чтобъ онъ состоялъ изъ 21 члена. Императрица приняла это предложеніе, и обѣщала все сдѣлать по желанію народа.

До Волынскаго въ Казань доходили только темные слухи объ этой перемѣнѣ; но скоро пришло извѣстіе довольно опредѣленное. У него въ Москвѣ былъ двоюродный братъ, Бригадиръ, въ послѣдствіи Нижегородскій Вице-Губернаторъ, Иванъ Михайловъ Волынскій, который письмомъ, отъ 1 Марта, увѣдомилъ его о Московскихъ смутахъ. Слѣдующія строки его къ Волынскому составляютъ собственно приписку къ письму, которое само не имѣетъ ни какого значенія.

«Здѣсь дѣла дивныя дѣлаются. По кончинѣ Его Величества выбрали Царевну Анну Ивановну, съ подписаніемъ пунктовъ, склонныхъ вольности, и чтобы быть въ правленіи Государства Верховному Совѣту восьми персонамъ, а въ Сенатѣ одиннадцати. И въ ономъ спорили больше Шляхетство, чтобы быть въ Верховномъ Совѣтѣ двадцати одной персонѣ, и выбирать оныхъ балтированіемъ, а большіе не хотѣли онаго, чтобы по ихъ желанію было восемь персонъ. И за то Шляхетство подали челобитную Ея Величеству, чтобы быть въ двадцати одной персонѣ, и оная челобитная Ея Величества собственною рукою тако: «По сему разсмотрѣть,» и потомъ ея и оную челобитную изволила отдать Князь Алексѣю Михайловичу Черкаскому. И съ Шляхетствомъ подавалъ челобитную Князь Алексѣй Михайловичъ, и потомъ за опасностію Шляхетство подали челобитную другую Ея Величеству, чтобы соизволила принять суверенство, и тако учинилась въ суверенствѣ; и присягу вторично сдѣлали, а оное дѣлалъ все Князь Алексѣй Михайловичъ и Генералитетъ съ нимъ и Шляхетство, и что изъ того будетъ впредь, Богъ знаетъ. Нынѣ въ великой силѣ Семенъ Андрѣевичъ Салтыковъ, того ради извольте быть извѣстны, и живетъ онъ въ верху, и ночуетъ при Ея Величествѣ: я разумѣю, что вамъ надобно его просить о пере-

мѣнѣ чину; извольте ко мнѣ отписать, какъ вы намѣрены, въ Сенатѣ быть или Губернаторомъ, а Верховнаго Совѣту не будетъ, будетъ одинъ Сенатъ, такъ какъ при первомъ Императорѣ было, понеже о томъ просили Государствомъ Ея Величеству. Не худо Гавриду Ивановичу и дѣтямъ его, а я Семену Андрѣевичу, слегка о васъ упоминалъ, о перемѣнѣ чину, только ты ему о семъ не пиши, что я ему упоминалъ о васъ; извольте ко мнѣ отписать о своемъ намѣреніи, чтобы я могъ знать, гдѣ придучится, говорить объ васъ; а большіе въ великомъ подозрѣніи и въ стыдѣ обрѣтаются двѣ фамиліи, и съ ними Матюшкинъ, Измайловы, Еропкинъ, Шуваловъ, Наумовъ, Дмитріевъ, Матьѣй Воейковъ, и такова дива отъ начала не бывало.»

Волынскому льстила эта перемѣна тѣмъ, что родной дядя его, Семенъ Андрѣевичъ Салтыковъ, благодаря волнамъ смятенія, попалъ на ступени трона. Слѣдовательно, интересъ Салтыкова въ его глазахъ сливался съ интересами Императрицы и вмѣстѣ съ его собственными интересами.

Волынскому самому хотѣлось заявить хоть чѣмъ ни будь участіе къ дѣламъ торжествующей стороны. Случай скоро доставилъ ему къ этому способъ.

Какой-то Бригадиръ Козловъ, прибывши въ Казань, началъ распускать слухи о Московской перемѣнѣ; но, по видимому, онъ зналъ только начало дѣла, а не зналъ ему конца, о которомъ ужь былъ увѣдомленъ Волынскій, и по тому попалъ въ просакъ. Волынскій сдѣлалъ на него доносъ Салтыкову, прикрываясь защитникомъ возмущаемаго имъ общественнаго спокойствія и порядка.

16 Марта онъ послалъ къ Салтыкову письмо съ увѣдомленіемъ о распускаемыхъ Козловымъ слухахъ:

«Возвратясь сюды изъ Москвы И. К. (Иванъ Козловъ) въ великую печаль враньемъ своимъ привелъ меня. Сказавъ порядокъ прошедшаго опредѣленія, которое такъ похвалилъ, что теперь у насъ прямое правленіе Государства стало порядочное, какова нигдѣ не бывало, и нынѣ уже прямое теченіе дѣламъ будетъ, и что

уже больше Бога не надобно просить, кромѣ чтобъ только между главными согласіе было. А естьли будетъ между ими согласіе такъ какъ положено, то, конечно, ни кто сего опровергнуть не можетъ.

Есть, де, нѣкоторые бездѣльники, которые трудятся и мѣшаютъ, однако жъ ничего не сдѣлаютъ, а больше-де всѣхъ мудрствуютъ съ своею партишкою Князь Алексѣй Михайловичъ. Однако жъ-де ничего не успѣваютъ и не сдѣлается.

И о Государынѣ Императрицѣ такъ положено: что хотя въ маломъ въ чемъ не такъ будетъ поступать, какъ ей опредѣлено, то ее, конечно, вышлютъ назадъ въ Курляндію, и для того будь она довольна тѣмъ, что она Государыня Россійская: полно, де, и того. Ей же, де, опредѣляютъ на годъ 100,000, и что тѣмъ ей можно довольной быть, понеже, де, дядя ея, Императоръ, и съ теткою ея довольствовался только 60,000 въ годъ, а сверхъ того не повинна она брать себѣ ни чего, развѣ съ позволенія Верховнаго Тайнаго Совѣта; такъ же, де, и деревень ни какихъ, ни денегъ не повинна давать ни кому, и не токмо того, ни послѣдней табакерки изъ Государевыхъ сокровищъ не можетъ себѣ вовсе взять, не только давать кому, а что надобно ей будетъ, то будутъ давать ей съ росписками.

А всего, де, лучше положено, чтобъ ей при дворѣ своемъ отъ ихъ свойственниковъ своихъ не держать, а и другихъ ко двору и кого не брать, кромѣ развѣ кого ей позволятъ Верховной Тайный Совѣтъ; и теперь, де, Салтыковыхъ и духу нѣтъ, и лучше, де. твой дядюшка, Сильвестръ Алексѣевичъ, — ничто; и впредь ни кого не допустятъ, и нельзя статься, чтобъ имъ быть въ чемъ. И что она избрана Государынею, и то, де, только на первое время, помазка по губамъ.

Потомъ, когда присланъ курьеръ для возвращенія первыхъ пратъ, онъ, услышавъ, тотчасъ ко мнѣ пріѣхалъ и съ великою печалью спрашивалъ: что за перемѣна? Я ему сказалъ, что я надѣюсь, что Государыня можетъ быть изволила вступить въ Самодержавство, такъ какъ прежде у насъ было.

Противъ того онъ мнѣ сказалъ: Я, де, не вѣрю, что такъ сд
лалось. Понеже-де партишка зѣло безсильна была, и я, де, болы
думаю, что она вонъ выгнана; а буде, де, такъ, какъ прежде бы
такъ развѣ уже и Фелдмаршалы тѣ ничто будутъ? А потомъ сн
залъ: Что для меня, де, хотя такъ, хотя сякъ, все равно, только б
де, уже одинъ конецъ былъ.

И понеже извѣстно Вашему Превосходительству, что о
очень не глупъ, и для того если бы совершенной надежды не имѣ
какъ бы ему такъ смѣло говорить? И говорилъ не пьяной. Бо
сохрани какой перемѣны, чего весьма надобно опасаться и ост
рожно поступать, а я зѣло боюся, и теперь не вовсе увѣряюс
чтобъ все было успокоено. Не допусти, Боже, ежели какое несч
стіе сдѣлается и отмѣна Ея Величеству, то мы совсѣмъ пропадем
и по истиннѣ духъ нашъ не спасется.»

Салтыковъ, получивши это письмо, просилъ Волынскаго пр
слать ему формальное донесеніе о Козловѣ, чтобы разслѣдовать д
ло законнымъ порядкомъ:

«Письмо ваше, Государя моего, писалъ онъ Волынскому, и
санное въ Казанѣ Марта 16 дня, я получилъ. И при томъ писы
вѣдомость о Бригадирѣ Иванѣ Козловѣ, какіе онъ по пріѣздѣ и
Москвы въ Казань имѣлъ разговоры о порядкахъ Московскихъ.
нынѣ Ея Императорское Величество изволила указать къ тебѣ в
рочнаго курьера послать, чтобъ прислать съ нимъ въ Москву, п
письмѣ своемъ, доношеніе противъ присланной ко мнѣ вѣдомост
объ ономъ Козловѣ: какіе онъ имѣлъ по пріѣздѣ своемъ въ Каза
разговоры о здѣшнемъ Московскомъ обхожденіи, и при томъ к
былъ, какъ онъ съ вами разговаривалъ, чтобъ произвесть въ
ство можно было. И онаго курьера извольте отправить въ Мос
немедленно. А буде оной Козловъ безотлучно будетъ въ Каза
то оному Козлову объявлять не извольте. А буде куды станетъ
Казани отъѣзжать, то извольте ему объявить Ея Императорс
Величества Указомъ, чтобъ онъ безъ Указу изъ Казани ник
не ѣздилъ. (Апрѣля 8 дня, 1730 года).»

Волынскій отвѣчалъ, что онъ должностнаго доноса не прин
по тому что считаетъ неприличнымъ для порядочнаго человѣ
Русскаго Дворянина вступать въ подобные доносы:

«Вашего Превосходительства, Милостиваго Государя, письмо изъ осквы 8 Апрѣля и при томъ приложенную копію получилъ. Что е, Милостивый Государь, изволите писать, чтобъ мнѣ противъ приженной копіи прислать доношеніе, дабы по тому въ дѣйство можно было произвести, на оное симъ моимъ всенижайше отвѣтствуя ношу.

Служить Ея Императорскому Величеству, Всемилостивѣйшей сударынѣ, такъ какъ бы самому Богу, я и по должности и по вѣсти долженъ. При томъ же и предостерегать, конечно, повинность моя, не только что къ высокой Ея Императорскаго Величества пользѣ касается, но и партикулярно къ сторонѣ Вашего Превосходительств надлежитъ служить мнѣ, какъ свойственникуа и милостивому моему благодѣтелю, за толикіе ваши ко мнѣ отеческіе милости.

А чтобъ, Милостивой Государь, мнѣ доносить и завязыватца съ оздѣльниками, извольте отечески по совѣсти разсудить, сколь то и токмо мнѣ, но и послѣднему Дворянину, прилично и честно дѣлать. И понеже ни дѣдъ мой, ни отецъ никогда въ доносчикахъ и доносителяхъ не бывали, а и мнѣ какъ съ тѣмъ на свѣтъ глаза ои показать? Извѣстно Вашему Превосходительству, Милостивому сударю, что я съ робятскихъ лѣтъ моихъ при васъ жилъ и до сего времени большую половину вѣка моего прожилъ такъ честно, къ всякому доброму человѣку надлежало, и тѣмъ нажилъ нынѣшню честь мою, и для того лутче съ нею хочу умереть, хотя и лутче не буду того, каковъ теперь есмь, нежели послѣдній мой вѣкъ живать мнѣ въ пакостномъ и поносномъ званіи, въ доносчикахъ. спорю въ томъ, что противно: но понеже я пишу къ Вашему превосходительству такъ властно, какъ бы къ родителю моему, олько смѣло и надежно, что я не имѣю ни въ чемъ ни опасно, ни зазрѣнія ни какова. Противу же того и Вашему Превосхотельству, Милостивому Государю, надобно и ко мнѣ поступать, къ къ сыну своему, а по крайней мѣрѣ какъ къ родному плеяннику, какъ я и надѣюся.

Однако жъ не прогнѣвайся, Милостивой Государь, отецъ, мнѣ нятца въ такихъ дѣлахъ не только для меня, свойственника вашего,

но и для протчихъ доброжелательныхъ Ея Императорскому Величеству, всеконечно ненадобно такъ остро поступать, понеже впредь изволите всякому къ предосторожности пути загородить. Изволите сами разсудить, кто отважится честный человѣкъ итить въ очныя ставки и въ прочія пакости, развѣ безумной, или уже ни къ чему непотребной. Понеже и лучшая ему удача, что онъ прямо докажетъ, а останется самъ и съ правдою своею вѣчно въ безчестныхъ людехъ, и не только кому, но и самому себѣ, потомъ мерзокъ будетъ.

Впрочемъ, все сіе предаю въ ваше, Милостиваго Государя, здравое и милостивое разсужденіе, и при томъ, уповая на ваше великодушіе, всенижайше прошу впредь содержать меня въ своей истинной отеческой милости, какъ вѣрнаго вашего раба и племянника, въ чемъ я всегда имѣю крѣпкую мою надежду, и тако пребуду съ должнѣйшимъ почтеніемъ и вѣрностію.» [7]

---

[7] Къ этому письму, или къ другому изъ писемъ этого времени, приложена была записка Волынскаго о затѣваемой въ Москвѣ перемѣнѣ формы правленія:

«Слышно здѣсь, что дѣлается у васъ, или уже и сдѣлано, чтобъ быть у насъ Республикѣ.

Я зѣло въ томъ сумнителенъ. Боже, сохрани, чтобъ не сдѣлалось, вмѣсто одного самодержавнаго Государя, десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій, и такъ мы, Шляхетство, совсѣмъ пропадемъ и принуждены будемъ горше прежняго идолопоклонничать и милости у всѣхъ искать, да еще и сыскать будетъ трудно, понеже нынѣ между главными, какъ бы согласно ни было, однако жъ впредь, конечно, у нихъ безъ разборовъ не будетъ; и такъ одинъ будетъ миловать, а другіе, на того яряся, вредить и губить станутъ.

Второе, понеже народъ нашъ наполненъ трусостію и похлѣбствомъ, и для того, оставя общую пользу, всякъ будетъ трусить и манить главнымъ персонамъ для бездѣльныхъ своихъ интересовъ, или страха ради. И такъ хотя бы и вольныи всего общества голосы требованы въ правленіи дѣлъ были, однако жъ бездѣльные ласкатели всегда будутъ то говорить, что главнымъ надобно; а кто будетъ правду говорить, тѣ пропадать станутъ, понеже уже всѣ совѣты тайны быть не могутъ. К тому же главные для своихъ интересовъ будутъ прибирать къ себѣ изъ мелочи больше партизановъ, и въ чьей партіи будетъ больше голосовъ, тотъ что захочетъ, то и станетъ дѣлать, и кого захотятъ, того выводить и производить станутъ, а безсильной, хотя бъ и достойной былъ, всегда назади оставаться будетъ.

Салтыкову эта уклончивость показалась сомнительною, и неумѣстною. Онъ написалъ къ Волынскому, что ужъ если начали дѣло, то надо его и вести.

«Письмо ваше, Государя моего, которое писано въ Казанѣ Апрѣля 25 дня, я получилъ, за которое благодарствую. Что же изво-

---

Третіе, не допусти Боже, если война на насъ будетъ, и въ то время потребно расположить будетъ обществомъ или рекрутской наборъ, или прочій какой сборъ для пользы и обороны Государства, для того надлежитъ тогда всякому понести самому на себѣ для общей пользы нѣкоторую тягость, въ томъ голосовъ сообразить ни какъ не возможно будетъ, и что надобно сдѣлать и расположить въ недѣлю, того въ полгода, или въ годъ, не сдѣлаютъ; а что и положено будетъ, то будетъ на главныхъ всегда въ доимкахъ, и мы, средніе, одни будемъ оставатца въ платежахъ и во всѣхъ тягостяхъ.

Четвертое, если Офицеры передъ штатскими не будутъ имѣть лишняго почтенія и воздаянія, то и послѣдняя пропадетъ у тѣхъ къ военной служаѣ охота, понеже страха надъ ними такова, какой былъ, чаю, не будетъ.

Еще же слышно, что дѣлается воля къ службѣ; и правда, что въ неволю служить зѣло тяжело. Но ежели и вовсе волю дать, извѣстно вамъ, что народъ нашъ не вовсе честолюбивъ, но паче лѣнивъ и нетрудолюбъ, и для того если нѣкотораго принужденія не будетъ, то, конечно, и такіе, которые въ своемъ домѣ ѣдятъ одинъ ржаной хлѣбъ, не похотятъ черезъ свой трудъ получать ни чести, ни довольной пищи, кромѣ что всякъ захочетъ лежать въ своемъ домѣ, развѣ останутца одни холопи и крестьяне наши, которыхъ принуждены будемъ производить, и съ тое чести надлежащіе мѣста отдавать имъ, и такихъ на свою шею насажаемъ непотребныхъ, отъ которыхъ впредь самимъ намъ мѣста не будетъ, и весь воинской порядокъ у себя, конечно, потеряемъ. Притомъ же подъ властью такихъ командировъ, Боже, сохрани, такъ испотворованы будутъ солдаты, что злѣе стрѣльцовъ будутъ. И какъ можетъ команду содержать, или отъ какихъ шалостей унять, одному Генералитету, естьли въ полкахъ не будетъ добрыхъ Офицеровъ?

Еще же и то, ежели изъ арміи изъ рядовыхъ выпущено будетъ подлое Шляхетство, то уже имъ трудами своими отъ земли питать себя не привыкнуть, для того развѣ рѣдкой будетъ получать хлѣбъ свой отъ своихъ трудовъ, а протчіе большая часть разбоями и грабежами прибылей себѣ искать станутъ, и воровскія пристани у себе въ домѣхъ держать будутъ; и для того хотя бъ и выпускалъ, однако жъ, по моему мнѣнію, развѣ съ такимъ разсмотрѣніемъ, чтобъ за кѣмъ было 50, а по послѣдней мѣрѣ 30 дворовъ, да и то, чтобъ онъ нѣсколько лѣтъ выслужилъ, и молодые и шаткіе свои лѣта пробылъ подъ страхомъ, а не на своей волѣ прожилъ.

лите писать въ томъ своемъ письмѣ, что я по прежнему вашему письму (и при томъ письмѣ вѣдомость была кому о токъ вѣдать надлежало), я сообщилъ, а не сообщить было мнѣ ни какъ нельзя. Понеже, уповая я на то, что вы, Государь мой, изволили писать ко мнѣ, и я думалъ, что писали вы очень благонадежно, что слѣдъ какой покажется отъ васъ. А какъ нынѣ по письмамъ отъ васъ вижу, что показать вамъ нельзя, на чтобъ такъ ко мнѣ и писать, понеже и мнѣ не очень хорошо, что и я вступилъ, а ни чего не сдѣлалъ. И будто о томъ приносилъ я напрасно, а то все пришло чрезъ письмо отъ васъ ко мнѣ, понеже вы изволили писать, что онъ говорилъ при многихъ другихъ, а не одному, и я, на то смотря, и доносилъ, и то стало быть и мнѣ не хорошо, что будто не право я сказывалъ, и по тому видно, что лучше бъ вамъ того не писать, что при многихъ сказывалъ, а послѣ по письмамъ не такъ обошлось. Того ради я совѣтую лучше противъ прежняго письма извольте отписать, какіе онъ имѣлъ разговоры съ вами, чтобъ можно было произвесть въ дѣйство. Понеже, какъ для васъ, такъ и для меня, что о томъ уже коли вступили, надобно къ окончанію привесть. Что же изволите причитать, что вамъ будетъ не хорошо, и то напрасно такъ разсуждается, худо бы къ вамъ ни какое не причтется, развѣ причтетъ тотъ, которой доброй совѣсти не имѣетъ. При томъ же прошу не оставить въ письмахъ о своемъ здоровьѣ. Что же ко услугѣ вашей ко мнѣ надлежитъ, истинно со всякою охотою готовъ.»

Отвѣтъ Волынскаго на это письмо раскрываетъ предъ нами побужденія, которыми онъ руководствовался во всемъ этомъ дѣлѣ. Мы не вдаемся въ разбирательство этѣхъ побужденій, представляя читателю самому судить о достоинствѣ дѣйствій Волынскаго.

«Вашего Превосходительства, Милостиваго Государя, письмо, писанное въ Москвѣ прошедшаго 20 Мая, я чрезъ человѣка моего здѣсь въ цѣлости принять получилъ, въ которомъ изволите, Милостивой Государь, совѣтовать мнѣ, чтобъ я о извѣстномъ дѣлѣ прислалъ доношеніе, и при томъ изволите нарекать на меня и причитать себѣ за противно то, что вы изволили высокой персонѣ сообщить, въ той надеждѣ, что на то будетъ прислано письменное доказательство, на которое симъ моимъ всепокорно отвѣтство доношу.

Хотя меня изволите осуждать, что я къ Вашему Превосходительству писалъ, однако я не сумнѣваюсь о томъ, понеже по должности моей надобно мнѣ было такъ сдѣлать, а на Ваше Превосходительство я не нарекаю. Если только одной той персонѣ изволили сообщить, кому надлежало, мнѣ разсудилось, что должность моя была къ вамъ писать, и вамъ, конечно, надобно было о томъ сообщить той персонѣ, повѣря мнѣ, что я не лгу и не затѣю, въ чемъ и теперь изволите мнѣ повѣрить. А что изволите себѣ причитать въ худобу, что тѣмъ изволили вызваться, и то, Милостивый Государь, мнѣ кажется изволите мыслить напрасно, понеже я не солгу и не затѣю отъ себя, и для того не только нынѣ, и впредь отъ того, что писалъ, не отопруся никогда, но все какъ было не отрекаюся подробно самъ донесть, да только приватно, а не публично.

А чтобъ, Милостивой Государь, мнѣ доношеніи подавать, и въ доказательствахъ на очныхъ ставкахъ быть, не только самъ добровольно не хочу, ни другу моему никому не совѣтовалъ бы. Понеже, по моему слабому мнѣнію, мнѣ такъ разсудилось, что то всякому Дворянину противу его чести будетъ; а что престерегать и охранять, то, конечно, всякому доброму человѣку надобно, и я по совѣсти моей и впредь не зарекаюся то жъ сдѣлать, если что противное увижу, или услышу.

Повѣрь мнѣ, Милостивой Государь, ежели бъ я вѣдалъ тогда, что такъ будетъ, какъ уже нынѣ по благости Господней видимъ, по истиннѣ я бы, не смотря на то, хотя бъ кто лучше меня былъ, конечно, и здѣсь бы начало дѣла произвелъ явнымъ образомъ; и то бъ мнѣ приличнѣе было, да не зналъ, что такое благополучіе намъ будетъ.

И вправду донесть имѣлъ къ тому не малой и резонъ; но, понеже и тогда еще дѣло на балансѣ было, для того боялся такъ смѣло поступать, чтобъ мнѣ за то самому не пропасть. Понеже прежде нежели покажетъ время, трудно угадать совершенно, что впредь будетъ. И для того, Милостивой Государь, всякому свою осторожность имѣть надобно столько, чтобъ себя и своей чести не повредить.

Буде же сей мой поступокъ извѣстная персона изволитъ принять за противно, я всепокорно прошу милостиво меня экскузо-

вать и отечески разсудить: весьма я на Ваше Сіятельство, какъ на родителя моего, благонадеженъ пребываю, и тако остаюсь съ должнымъ моимъ почтеніемъ и вѣрностію.»

Можно судить, какъ пріятенъ былъ для Волынскаго благопріятный оборотъ дѣла Императрицы, и какъ въ немъ разыгривались честолюбивыя мечты, въ виду такого блестящаго положенія, какое выпало на долю его дядюшки. Съ своей стороны и онъ успѣлъ заявить свою преданность и, безъ сомнѣнія, ожидалъ, что она оцѣнена будетъ, кѣмъ слѣдуетъ, по достоинству.

Вѣрный братецъ сообщалъ ему изъ Москвы о всѣхъ перемѣнахъ въ положеніи дѣлъ и лицъ, чтобы зналъ, къ кому и какъ относиться:

«О Князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, писалъ онъ къ нему 7 Іюля, здѣсь ни чего не слышать, и думаю, что не правда только; у нихъ, у Семена Андрѣевича и у протчихъ Россіянъ, съ Нѣмцами не согласно; только Юсуповъ съ Нѣмцами мало имѣетъ, а паче съ Остерманомъ; только они сильны Бирономъ, которой нынѣча Оберъ-Камергеромъ, нынѣча и всѣхъ Нѣмцовъ двое Левольдовъ (Левенвольдовъ) да и Остерманъ и Бирон, да еще Курляндцовъ двое и, сверхъ того, введены и Остерманомъ изъ его служителей двое въ пажи, и сколько нашимъ ни думать, я чаю, что ихъ не пересилѣютъ.»

И вдругъ, во время самаго разгара надеждъ и предположеній, на Волынскаго обрушилось пренепріятное дѣло Казанскаго Архіерея, Сильвестръ жилъ въ Москвѣ и, прикрываясь старостію и саномъ, могъ безнаказанно взвести на него всякую небылицу, оболгать всякими злодѣйствами, какія тому и въ мысль не приходили. Волынскій приходилъ въ ярость отъ этой нежданной тяжбы, которая никогда не была меньше кстати, чѣмъ теперь, когда ему только что открывались виды, когда онъ надѣялся выйти въ люди.

Само собой разумѣется, что это не было пріятно и Салтыкову, котораго всѣ знали, какъ родственника Волынскому, и который волей, неволей, долженъ былъ принять участіе въ племянникѣ.

Салтыковъ вылилъ всю свою желчь въ письмѣ къ Волынскому, которое онъ послалъ въ отвѣтъ на извѣстіе его о положеніи Казанскаго дѣла:

«Письмо ваше, Государя моего, отъ 30 дня Іюля, писалъ къ нему Семенъ Александровичъ Салтыковъ, я получилъ. Въ которомъ изволите упоминать, что въ нынѣшнемъ году, при Указѣ изъ Синода, прислано въ Казанскую Губернскую Канцелярію, для изслѣдствія, драное дѣло, да двѣ выписки по доносу Казанскаго Спаскаго монастыря Архимандрита Іоны, что нынѣ разстрига Іосифъ, на Казанскаго Митрополита Сильвестра, въ непринимании исковыхъ челобитенъ. Да по тому жъ доносу для слѣдствія прислано было драное жъ дѣло Ундеръ-Офицера Саморокова на крестьянъ Архіерейскихъ въ безчестьѣ. Тако жъ велѣно слѣдовать о похищеніи церковныхъ и монастырскихъ вещей онымъ бывшимъ Архимандритомъ. И по вашему слѣдствію является и можетъ сыскаться, что оной Архіерей во многомъ виноватъ будетъ. И онъ, Архіерей, подалъ на васъ доношеніе въ подозрѣніи въ томъ дѣлѣ, и въ обидахъ, и въ разореніи. О чемъ присланы отъ васъ доношеніи, одно съ Синодъ, другое въ Сенатъ. На которое вамъ, моему Государю, доношу, что отъ Казанскаго Архіерея на васъ въ обидахъ къ служителемъ дому Архіерейскаго и въ протчемъ, также и монастырямъ Казанской Епархіи, при доношеніи пункты въ Синодъ поданы, а нынѣ уже изъ Синода и въ Сенатъ взнесено. А мнѣ кажется, Государь мой, лучше жить посмирнѣе. Что изъ того прибыли, что много жалобы происходитъ. И такъ кромѣ Архіерея жалуются много и толкуютъ о васъ не очень хорошо. Пожалуй, изволь меня послушать и жить посмирнѣе. Лутче вамъ будетъ самимъ. А какъ Казанской Архіерей свѣдалъ, что вы мнѣ свои, то тотчасъ пріѣхалъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ, что истинно, де, я не зналъ того, что Артемей Петровичъ свой тебѣ, а то бъ ни о чемъ просить не сталъ. Хотя бъ, де, и обидно было, лучше бъ могъ вытерпѣть. О чемъ кому надлежало, и я о томъ дѣлѣ говорилъ. Да онъ же, Казанской Архіерей, въ письмѣ своемъ, которое подалъ мнѣ сего Іюля 20 дня, въ которомъ просилъ, чтобъ я до васъ, Государь мой, писалъ и просилъ, что больше оной Архіерей бить челомъ не будетъ и броситъ такъ: и просилъ меня, чтобъ вы къ нему были по прежнему благопріятны и содержали въ дружбѣ. И хочетъ изъ Москвы оной Архіерей отъѣзжать скоро

въ Казань. Того ради, пожалуй, оставь все и живи съ нимъ посмирнѣе! При томъ же прошу впредь не оставить меня въ письмахъ. Вашъ, Государя моего, покорный слуга Семенъ Салтыковъ. 30 дня, 1739. Въ селѣ Измайловѣ.

Но приписка дороже письма:

«И не знаю, для чего такъ вы, Государь мой, себя въ людехъ озлобили, что сказываютъ до васъ доступъ очень тяжелъ, и мало кого до себя допускать изволите, и это не очень хорошо, можно и оставить.

Которые на васъ пункты подалъ Архіерей, и ежели то правда, что показано въ пунктахъ, истинно мнѣ очень удивительно. Съ какимъ опредѣленіемъ ты изволилъ дѣлать? Не токмо чтобъ поступать такъ, и стыдно слушать, какъ будутъ честь. Я не знаю, какъ изволишь такъ строго поступать. А я вѣдаю, что друзей вамъ почти нѣтъ и никто съ добродѣтелью о имени вашемъ помянуть не хочетъ. Я какъ слышалъ, что обхожденіе ваше въ Казанѣ съ такимъ сердцемъ, и на кого осердишься, велишь бить при себѣ, такъ же и самъ изъ своихъ рукъ бьешь. Что въ томъ хорошаго, и съ такимъ сердцемъ на што поступалъ и всѣхъ озлобилъ? Я напредь сего до васъ, Государя моего, писалъ, чтобъ вы прислали доношеніе противъ прежнихъ своихъ писемъ. На что изволили ко мнѣ писать: «какъ, де, я покажу себя въ люди доносителемъ? А мнѣ кажется, что развѣ кто не можетъ разсудить, чтобъ тебя могъ этѣмъ порекать. А нынѣ сами то себя показали присланныя ваши два доношенія на Архіерея. Въ которыхъ ни мало какого дѣйства въ тѣхъ доношеніяхъ, только что стыдно отъ людей, какъ будутъ слушать. Мнѣ сему очень удивительно, что такъ изволите поступать строго, безъ пути, и какую надежду изволите имѣть? Пожалуй, изволь жить посмирнѣе! Истинно лучше будетъ. А присланная отъ васъ челобитная объ отпускѣ въ Москву подана въ Сенатъ, для того что изъ Сената докладъ сдѣлаютъ. А безъ того обойтиться ни какъ нельзя.»

Волынскій старался расположить дядю въ свою пользу и воспользовался для этого представившимся случаемъ сдѣлать ему услугу по дѣламъ его въ Казанскомъ имѣніи. Салтыковъ, получивши

увѣдомленіе объ этомъ, выразилъ ему свою благодарность и готовность помогать по дѣлу съ Архіереемъ, чѣмъ будетъ въ состояніи:

«Письмо ваше, Государя моего, отъ 11 сего Августа, я получилъ 27 числа. Въ которомъ изволите писать: объ моемъ заводѣ подана въ Казанѣ челобитная именемъ Ѳедора Самойлова, что заводится вновь заводъ, а дачи общіе не размежованы и чтобъ освидѣтельствовать то мѣсто, чтобъ впредь спору отъ кого не было бъ: и для того изволили послать Маіора Чемодурова; такъ же и лѣсъ расчищали мои крестьяне одни, и въ томъ сосѣдямъ всѣмъ подписаться, и впредь будетъ крѣпко. Да что били челомъ вамъ, Государю моему, крестьяне на прикащика въ работѣ, изволили приказать розыскать. И за оное вамъ, Государю моему, благодарствую, и впредь прошу не оставить онаго заводу, и полагаюсь на ваше, Государя моего, разсужденіе, какъ лучше. Также изволите писать, что отправили ко мнѣ двухъ лошадей, и которая мнѣ нравна будетъ, взять мнѣ себѣ, и какъ ихъ приведутъ, я, Государь мой, ихъ посмотрю. При томъ же изволите писать о Казанскомъ Архіереѣ, что вымышленно васъ поносилъ, и подалъ на васъ подозрѣнія, и на то изволили ко мнѣ прислать экстрактъ, въ которомъ показано, что оной Архіерей ростригу Салникѣева погубилъ напрасно и нагло, что, по вашему нынѣшнему слѣдствію, все то сдѣлано напрасно и безвинно, и для того на васъ и затѣвалъ нарочно, чтобъ тѣмъ подозрѣніемъ до слѣдствія не допустить, и обще съ прочими духовными опредѣленными персоны слѣдовали. И по тому я нынѣ узналъ, что оной Архіерей по злобѣ на васъ то производитъ. Однако жъ, правда вѣдаю, что пустошъ, и этого вамъ дѣлать я ни какъ не чаю, что онъ показываетъ: только покамѣстъ можете оправдаться, а что обнесено такими злыми неправыми поступки, то не скоро выправиться можете; что моя возможность допустила, истинно служилъ, и впредь что возможно со всякою ревностію готовъ. И такъ Архіерей у меня былъ, и я ему говорилъ, чтобъ онъ въ томъ осмотрѣлся, что онъ сказываетъ и пишетъ на васъ напрасно лишнее, и онъ пошелъ отъ меня съ сердцемъ, что я ему противно говорилъ. Однако жъ, сколько возможно, извольте осмотрительно и осторожно охранять себя, какъ отъ Архіерея, такъ и отъ другихъ. Я вижу здѣсь, сколько вамъ не друзей, на сколько друзей, что вы и сами извѣстны, а я воистинну, сколько могу, васъ охраняю. Однако

жъ трудно противъ многихъ охранять. Также говорилъ мнѣ Князь Григорій Дмитрѣевичъ, что отъ васъ ни какихъ репортовъ и вѣдомостей въ Военную Коллегію въ присылкѣ нѣсколько времяни нѣтъ, и говорилъ мнѣ, чтобъ, де, я вамъ объ этомъ сказывалъ, и буду терпѣть нѣсколько времени, и буде въ присылкѣ не будетъ, то сказалъ, что будетъ о томъ репортовать въ Сенатъ, и прежде онъ мнѣ о томъ еще говорилъ, и я вамъ писалъ, токмо отповѣди отъ васъ не было; извольте въ эвтомъ осмотрѣться, и репорты присылать, и вамъ это не хорошо, какъ будетъ о томъ репортовать въ Сенатъ.»

Волынскій написалъ также просительное письмо къ Князю Г. А. Урусову, на которое тотъ отвѣчалъ готовностію сдѣлать что можно будетъ въ его пользу:

«Благопріятнѣйшее ваше, моего Государя, письмо, писанное въ Казанѣ сего Августа 12 дня, я вчерашній день получилъ, которое видѣвъ, конечно надобно мнѣ говорить съ Семеномъ Андрѣевичемъ и съ протчими, токмо еще никого не видалъ.

Зѣло мнѣ дивно, что вы, не опробовавъ моей къ вамъ въ дружбѣ отмѣны, да писать ко мнѣ не изволилъ и не сообщилъ ко мнѣ прежде, какъ нынѣ изъ письма твоего вижу, и не зналъ я, что по навѣтамъ Архіерейскимъ объ тебѣ дѣлать; токмо слышавъ отъ него, во многомъ вѣрилъ, а нынѣ вижу ваше оправданіе; что же объявлялъ онъ другое, чему ни какъ вѣрить нельзя, и для того говорилъ я со многими, чтобъ о томъ розыскалъ, а нынѣ изъ письма вашего увидѣвъ, [8] и знавъ я о здѣшнемъ, конечно, надобно быть слѣдованію между вами въ Казани; токмо того буду смотрѣть, чтобъ посланъ былъ человѣкъ доброй и не глупой, а паче чтобъ исправилъ безъ похлѣбства.»

Но всю свою досаду Волынскій излилъ въ письмѣ къ Нижегородскому Архіепископу Питириму:

---

[8] «Слышалъ я отъ членовъ Военной Коллегіи, что долгое время отъ тебя репортовъ не имѣется и уже хотятъ на тебя протестовать въ Сенатѣ, въ чемъ изволь остерегаться.»

«Я не мню, чтобъ не было отъ'кого ни будь здѣшнему Архіерею похлѣбства (отъ вашихъ персонъ), понеже видно, что и дѣло драное Саморокова, о которомъ доносилъ на него Салникѣевъ, въ ту мѣру взято назадъ, чтобъ все то уничтожить; а ежели прямо слѣдовать, то конечно удобнѣе сыскать истинну сдѣсь, нежели въ Москвѣ, понеже тѣ всѣ обрѣтаются сдѣсь, которые подавали ему, Сильвестру Митрополиту, челобитные, писанные на имя Императорскаго Величества, а онъ, Архіерей, за то бранилъ ихъ и челобитенъ тѣхъ не принималъ, а иные и дралъ, и велѣлъ писать на свое имя. А понеже въ томъ Указѣ, по которому велѣно назадъ прислать оное дѣло, не только того не написано, чтобъ тѣхъ подавателей челобитенъ допросить, но еще и запрещено именно, чтобъ по тому дѣлу ни чего не чинить, какъ же то стало не самое похлѣбство, и какъ такъ смѣло въ Указѣхъ къ намъ пишутъ о такихъ важныхъ дѣлахъ, о какихъ надлежало было понуждать, чтобъ то сыскивать, а не воспрещать?

А понеже блаженныя и вѣчно достойныя славныя памяти Императоръ и отецъ нашъ, какъ вамъ извѣстно, въ ту мѣру сочинилъ Святѣйшій Синодъ, чтобъ тутъ была святая истинная правда (гдѣ, конечно, и надобно и быть), а когда тутъ въ Канцеляріи, помѣщается, то уже въ нашихъ свѣтскихъ Канцеляріяхъ и весьма пропадетъ, понеже намъ надобно взирать на васъ, начальниковъ Вѣры.»

Сильвестръ въ своей тяжбѣ имѣлъ передъ Волынскимъ ту выгоду, что жилъ въ Москвѣ и могъ, по связямъ съ разными духовными и свѣтскими вліятельными лицами, во время поправить дѣло, и дать ему такое направленіе дѣлу, какое было для него лучше.

Изъ Казани написали ему, что Волынскій подыскивается подъ него, забираетъ разныхъ людей Архіерейскаго вѣдомства въ Губернскую Канцелярію, допрашиваетъ, пытаетъ и готовитъ новое на него доношеніе. Сильвестръ подалъ Салтыкову челобитную, въ которой жаловался на этѣ поступки Волынскаго и просилъ его обороны: [9]

[9] Заглавіе челобитной: «Божіею милостію, Высокопочтенному и Благородному Господину, моему премилосердому Государю, Семену Андреевичу, покорно доношу.»

«1. Напредь сего просилъ я Вашего Превосходительства о заступленіи къ вамъ и служителямъ нашимъ въ несносныхъ обидахъ и смертныхъ бояхъ и мученіяхъ, и различныхъ неудобъ стерпимыхъ раззореніяхъ, на Казанскаго Губернатора, Господина Волынскаго, и показать вашему Благородію двѣма письмами, которымъ моимъ предложеніямъ оной Господинъ Волынской первыми своими нападками не уволился, и чинитъ людемъ Божіимъ за доношенія мои на него смертной бой и мученіи злѣя перваго, а имянно: прежде показаннаго Канцеляриста Плетеневскаго пыталъ предъ собою въ застѣнкѣ тремя стрястками смертно; а спрашиванъ въ томъ: что, де, къ вамъ Архіерей и вы къ нему пишете, и въ чемъ, де, онъ въ Москвѣ на меня доноситъ, и о другомъ, не вѣдая о чемъ: ибо нашимъ знать о томъ не даютъ, и выломали у него руки и ноги бревномъ, на которомъ по концамъ становилось по два, а на обѣихъ по четыре человѣка, и содержится и по се время въ смертномъ утѣсненіи напрасно, и едва нынѣ и живъ ли.

2. Онъ же, Губернаторъ, сверхъ состоявшагося нынѣ печатнаго о вѣнечныхъ пошлинахъ Указа, происком своимъ, оставя настоящее свое правленіе, слѣдуетъ, о духовныхъ нашихъ дѣлахъ съ великимъ боемъ и нестерпимыми пытками и другіемъ мученіемъ и смертнымъ страхомъ, безъ Указу собою, Казанскими и всей Епархіи разныхъ чиновъ жителми подомовно: у кого съ прошлаго 727 году свадьбы были, и по чему за вѣнечную память пошлинъ становилось, и о штрафныхъ деньгахъ, которые, были взяты съ Поповъ за утайку не исповѣдавшихся, и куды браны, и по чему съ отпуску на освященіе церквей за антиминсы пошлинъ берется, и о держеныхъ на новокрещенскіе расходы деньгахъ, и о прочихъ дѣлахъ, о которыхъ отнюдь намъ за скрытіемъ отъ нихъ знать не возможно; и хотя кто на себя и другихъ овыя съ пытки, а иные и безъ розыску, чего и не говорилъ, и тѣхъ рѣчи, кои они за собою и ни за кѣмъ не свѣдаютъ, записываны и къ тому, за не волю, видя смерть, руки прикладывали.

3. А понеже онъ, Губернаторъ, въ Казани уже третей годъ живетъ, и когда бъ суще мною оное было (о чемъ онъ за ссору по злобѣ своей нынѣ слѣдуетъ и пытаетъ) чинено, то бы надлежало ему на меня въ тѣхъ яко бы народу обидахъ или Указомъ въ про-

тивностяхъ писать въ Москву первѣе сей между нами вражды, нежели послѣ протесту моего на него нынѣ за доношеніе наше имѣетъ напраслиное отмщеніе, чего ему, за полученнымъ изъ Синода Указомъ противъ доношенія моего, и въ духовное правленіе вступать было не довлѣло; ибо онымъ Указомъ ему, Губернатору, о томъ слѣдствіи за приказною недружбою запрещено; а вышереченные сборы и протчія исполнялись у насъ по прежнему обыкновенію: какъ при Тихонѣ и другихъ Митрополитахъ было, такъ и при мнѣ производили, а вновь наше смиреніе прибавку ни какова собою отнюдь не заводилъ.

4. Онъ же, Губернаторъ, въ кремли, позади каменнаго суконнаго двора, около яблонного домоваго стариннаго нашего сада, приказалъ каменную ограду разорить, которая и разобрана до подошвы, а намъ по крѣпостямъ и по нынѣ оного саду не отдаетъ, о чемъ сдѣсь въ Сенатѣ имѣется прошеніе наше, по которому и экстрактъ сочиненъ, токмо рѣшенія не учинено.

5. И отъ него, Волынскаго, не одни мы духовныя обидимы плачемъ, но и товарищей своихъ обрѣтающихся при однихъ дѣлахъ Вице-Губернатора, Господина Кудрявцова, да Секретаря Василья Второва, не токмо отъ дѣлъ онъ, Волынской, собою отрѣшилъ, но и домовъ ихъ лишилъ, и едва отъ него изъ Казани бѣгствомъ спаслись и живутъ въ Москвѣ оныя года по два, а иныя по одному лѣту, такъ же изъ Офицерства Куземодемьянской Воевода Обуховъ, Казанской помѣщикъ Прапорщикъ Скрыпицынъ, Чебоксарской посадской человѣкъ Иванъ Васильевъ сынъ Кеменовъ, и той Губерніи Чуваша и Черемиса бьютъ челомъ на него, Волынскаго, уже другой годъ; такъ же и напредь сего въ Астрахани развѣ малымъ чимъ отмѣннѣе сего воздавалъ, и дву Архіереомъ, Іоакиму, Епископу нынѣ Суздальскому, такъ же и Лаврентію Горкѣ, точію оные поступки какъ въ Астрахани, такъ и въ Казани, до воли Божій съ рукъ ему идутъ.

6. И видя Казанскіе разнаго званія жители оное домовымъ нашимъ и монастырскимъ служителемъ и другихъ чиновъ смертныя бои и чрезвычайныя въ Казани мученіи, такъ же и въ Москвѣ долговременные волокиты, и по челобитью нашему и протчихъ во

учиненіи резолюцій сильное замедленіе, всѣ пришли въ великой страхъ, и за тѣмъ продолженіемъ многія обидимыя, ѣхавъ изъ Казани въ Москву для челобитья на него, Волынскаго, съ пути остановились, и въ домы свои за боязнію не возвратились, и живутъ по чужимъ деревнямъ отъ него, Волынскаго, утайкою, и бить челомъ знатно не смѣютъ, понеже онъ, Волынской, гласитъ о себѣ тамошнимъ обывателямъ, яко бы ему еще впредь Губернаторомъ въ Казани десять лѣтъ жить.

7. И хотя отъ духовныхъ и мірскихъ персонъ наносится мнѣ порицаніе, и яко бы наше смиреніе живу въ Москвѣ и въ Казань не ѣду за свою охоту, и то суще порицаютъ напрасно, понеже овыя не вѣдаютъ того, Волынскаго, къ намъ гоненія, а иныя хотя и слышутъ, точію за посягательствомъ къ намъ не такъ разсуждаютъ, а всякому легко чужую скорбь врачевать, или постороннаго невидимую печаль и напасть разсуждать; ибо оная каждому не больна, а своему несчастію съ трудомъ пользы искать; а я со истинною бы радъ въ Казань сей часъ брести, точію за страхомъ, не получа по доношеніямъ своимъ Указа, мнѣ отсель ѣхать въ Казань опасно, и всякаго званія служителемъ нашимъ и освященному чину оставшимъ въ домѣхъ своихъ жить не возможно; на что же усмотря служители наши, мою сдѣсь вседневную волокиту, а оборонъ на него, Губернатора, по доношеніямъ своимъ тому четвертой мѣсяцъ, и ни какой резолюціи за словомъ Вашего Сіятельства, и своимъ терпѣніемъ получити не могу, многія отъ него, Губернатора, уже разбѣжались, а и послѣдніе, оставя домы свои, отъ того страха и ужаса бѣгутъ врознь, и разорились всѣ напрасно, и впредь добра на угадъ ждать.

8. А въ Указѣ Ея Императорскаго Величества, сего 730 году, Іюня 3 дня, напечатано: велѣно, высшимъ и нижнимъ Судамъ имѣть Судъ во всемъ повсюду равный, не смотря на лица сильныхъ и безъ богоненавистнаго лицемѣрія и злобы, и противныхъ истиннѣ проклятыхъ корыстей, и своимъ вымысломъ ни въ чемъ другу не дружить, а недругу не мстить, и ни для чего не наровить, дабы поступали и рѣшали по самой чистой совѣсти и учиненной присягѣ, не стыдяся лица сильныхъ, и избавляли обидимаго отъ руки неправеднаго; а гдѣ оного нѣтъ, тамо Божіе

благословеніе и милость отъемлется и въ праведный ево гнѣвъ впадаетъ. А которые неправедные въ Судахъ порученныхъ имъ будутъ поступать и волочить ради своего лакомства, или маня кому, и бояся кого, и за то будущаго Суда Божія, за презрѣніе клятвеннаго обѣщанія не избѣгнутъ. А Господинъ Волынской, не взирая на оной Указъ, исполняетъ свое жестоко злобное хотѣніе, и бьетъ людей Божіихъ, и въ застѣнкахъ пытаетъ горши скотовъ, напрасно.

9. И по силѣ оного Ея Императорскаго Величества мудраго и въ народъ публикованнаго Указа, вѣдая мы, что Ваше Превосходительство изволите любить и хранить правду и править сущую истину, того ради, припадая къ стопамъ ногъ Вашего Сіятельства, паки со слезами прошу: помилуй, Государь, избави Христіанъ отъ напрасныя смерти и злолютыхъ напастей, отри вѣрныхъ рабовъ Христовыхъ неповинныя слезы и проливаемыя крови! Пожалуй, Государь, благоволи отъ показанныхъ ево, Господина Волынскаго, великихъ къ людемъ Божіимъ мученіяхъ и разореніяхъ унять, и впредь ему оные бѣдствы и чрезвычайныя жестокости чинить воспретить, и домовыхъ нашихъ служителей и о священномъ чинѣ брать ему къ себѣ возбранить, и держащія неповинныя изъ подъ караула свободить, донелѣже они страждущіе живы и до смерти не запытаны, а тѣ дѣла взять въ Правительствующій Сенатъ, и о всемъ противъ перваго и вторичнаго и сего моего третьяго прошенія милосердое рѣшеніе учинить. О вышесказанномъ нижеписанный проситъ: Сильвестръ Митрополитъ Казанскій. Августа въ день, 1730 года.» [10]

Салтыковъ послалъ копію съ этой челобитной къ Волынскому, на что тотъ отвѣчалъ:

«Всепокорно благодарствую, Милостивой Государь, за присланные ко мнѣ съ девяти Архіерейскихъ, поданныхъ Вашему Превосходительству, пунктовъ. Изволь вѣрить, что все какъ плутъ затѣ-

[10] Такую жь челобитную въ 16 пунктахъ Сильвестръ подалъ Павлу Ивановичу Ягужинскому: см. «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1862 г., кн. IV. Смѣсь, стр. 127—133.

ваетъ на меня. Противъ которыхъ, на будущей почтѣ нашей, буду къ Вашему Препосходительству, противъ всякова пункта, отвѣтствовать.»

Въ слѣдъ за этѣмъ Волынскій прислалъ доношеніе на Высочайшее имя въ Сенатъ о разслѣдованіи его дѣла на мѣстѣ законнымъ порядкомъ.

Въ этомъ доношеніи (2 Сентября, 1730 г.) онъ изложилъ весь ходъ дѣла и выставляя, на видъ, что оно приняло незаконное направленіе въ слѣдствіе происковъ Сильвестра, проживавшаго въ Москвѣ, просилъ изслѣдовать то дѣло, равно какъ взведенныя на него обвиненія, на мѣстѣ и допросить всѣхъ лицъ Архіерейской команды, какія кому онъ сдѣлалъ обиды. При этомъ Волынскій предупреждалъ, чтобы отъ Архіерея истребовать отзыва о лицѣ, которое назначено будетъ къ слѣдованію: не имѣетъ ли онъ на него какого подозрѣнія? «Понеже безъ того, кто бы опредѣленъ ни былъ, и если правильно будетъ слѣдовать, то онъ, Архіерей Сильвестръ, какъ недобросовѣстный человѣкъ, на всякаго будетъ составливать и затѣвать какія ни будь подозрѣнія.» [11]

Вмѣстѣ съ доношеніемъ въ Сенатъ Волынскій отправилъ письма къ Салтыкову, Головину и Княгинѣ Черкаской:

«Милостивые и отеческіе Вашего Превосходительства письма, писалъ онъ къ Салтыкову, въ цѣлости получилъ, за которые и за всѣ ваши милости всенижайше благодарствую, а что умедлилъ на оные отвѣтствовать и нынѣ подробно доносить не могу, прошу не прогнѣваться на меня, понеже наказалъ меня Богъ претяжкою печалью; ибо, сего Сентября 12 числа, жена моя скончалась, и такъ я отъ 12 Августа истинно и по се время внѣ себя, понеже съ того времени сумнителенъ, а часто и отчаянъ животъ ея былъ, а нынѣ въ печали моей, благодаря Бога, что дѣтей мнѣ оставила, однако жъ смотрѣть мнѣ на нихъ зѣло жалко, что такъ малы и сиры.

---

[11] См. «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1862 г. кн. IV. Смѣсь, стр. 124—126.

Боже сохрани, естьли я мой вѣкъ не продолжится, такъ они бѣдные вовсѣ пропасть могутъ.

Всепокорно, Милостивой Государь, Отецъ, благодарствую за милостивое ваше отеческое престереганіе, что милостиво изволите писать, чтобъ я осмотрительно и осторожно жилъ. Повѣрь, Милостивой Государь, мнѣ, какъ Христіянину, истинно умѣряннѣе того нельзя ни кому жить, какъ я жилъ и живу; а что Архіерей вамъ и протчіе плуты доносятъ, не извольте вѣрить, истинно все лгутъ, въ чемъ вамъ клянусь Богомъ, и шлюся на всѣхъ добрыхъ людей. Что же надлежитъ до дѣлъ, милостиво извольте разсудить, что я буду за человѣкъ, естьли я буду упускать и слабо поступать; а что на меня жалуется, не извольте дивиться, только извольте крѣпко вѣрить, что безъ причины не дѣлаю ни кому ни какой обиды, а что и дѣлаю, и то не мзды ради, и не для моей страсти, что и Богъ и люди видятъ, и ни кто въ глаза изобличить меня не можетъ, что я вамъ, какъ отцу моему, по чистой совѣсти доношу; а что мнѣ мало доброжелателей, что дѣлать, буди воля Божія, только бъ я былъ въ совѣсти моей чистъ! Я уповаю, Богъ меня не оставитъ въ моей правдѣ, и ни кто меня не съѣстъ, естьли Онъ не попуститъ своей на меня казни.

Объ Архіереѣ однимъ словомъ доношу, что онъ, какъ плутъ и безсовѣстной человѣкъ, [12] все на меня затѣваетъ и лжетъ, закрывая то, чтобъ онъ воромъ и плутомъ не показался на старости, что я имѣю въ рукахъ моихъ, да только печаль моя не допускаетъ, показать ево, каковъ въ однихъ вѣнечныхъ деньгахъ, какое здѣсь народу разоренье, а у Государыни кража четвертная, а въ казну развѣ пятая часть приходитъ; гдѣ слыхано, что по два рубли съ полтиною, да по три рубли бѣднымъ людямъ становится одна вѣнчанная память, а деньгамъ записки нѣтъ, или есть ли Богъ и совѣсть, что сдѣсь въ Епархіи съ 60 церквей пустыхъ, для того что меньше 30 ставленника въ Попы нѣтъ, и что люди помираютъ безъ покаянія, и робята мрутъ не крещеные по году, то нѣтъ ни чего.

---

[12] Неразборчивость въ словахъ и выраженіяхъ указываетъ какъ на грубость природы писавшаго, такъ и вообще грубость того вѣка, часто не дѣлавшаго ни какого различія между лицомъ и носимымъ имъ саномъ, званіемъ и т. п. О. Б.

Я не хочу остаться въ томъ, что онъ, плутъ, на меня лжетъ. Посылаю челобитную въ Сенатъ, и прошу самъ, чтобъ велѣли про меня розыскать. Сотвори, Милостивой Государь, милость, если возможно, внушить о томъ Ея Величеству, что я самъ о томъ челобитчикъ и подлинно доношу, что я во во всемъ чистъ; а если не будутъ розыскивать, такъ я вѣчно какъ у Ея Величества, такъ и у всѣхъ останусь въ недобрыхъ людехъ и хуже всякова сумазброднаго.

Что же жаловался вамъ на меня и ко мнѣ писалъ Князь Василей Володимировичъ о купцѣ Соли Камской Турчаниновѣ, правда, для Князь Василья Володимировича онъ доброй человѣкъ, а въ прочемъ такой плутъ, какъ больше нельзя, понеже онъ не только Соль Камскую и Усольскій Уѣздъ, всю провинцію разорилъ, и однимъ словомъ сказать, что Соль Камская ево, а не Государынина, и естьли прямо слѣдовать, я найду тысячъ пятьдесятъ, или больше, покраденыхъ отъ него, и уже и самъ онъ во многомъ не въ чемъ признался. Гдѣ слыхано, что онъ кого чѣмъ подаритъ отъ себя? Вмѣсто того съ посаду не только Соли Камской, и изъ другихъ городовъ въ трое соберетъ неволею, а буде не станутъ платить, то куетъ и мучитъ, или велитъ Воеводѣ, а онъ, бѣдной, страха ради принужденъ, по приказу ево, и ковать, и пытать, и на правежѣ бить. Милости прошу сіе разсудить, какъ мнѣ то упускать и какъ бѣднымъ людямъ не помогать и не избавлять отъ того; я чаю мнѣ и Богъ за то не потерпитъ; а буде я то дѣлаю изо взятковъ, или хочу съ него, или съ другой стороны, взять, будь я во вѣки проклятъ!

Однако жъ я его, по письму Вашего Превосходительства, свободилъ изъ желѣзъ на поруки, а по дѣламъ слѣдовать буду, надѣяся, что и вамъ то не противно будетъ, что я по совѣсти дѣлаю. Повѣрь, Милостивой Государь, что я ни одному доброму человѣку ни какой обиды не дѣлывалъ, и впредь не хочу, а на безсовѣстныхъ не запираюся, держу отчасти строгость; и нельзя безъ того; а буде за все и для всѣхъ упускать, такъ я всѣхъ избалую и на всякое зло попущу.» [12]

---

[12] Такъ какъ никто близко не зналъ поступковъ Волынскаго, то въ послѣдствіи, когда его осудили, они разукрашивались въ молвѣ на тысячу ладовъ и превра-

Къ довершенію бѣдствій, Волынскаго посѣтило семейное несчастіе. 12 Сентября скончалась его жена, оставивши трехъ малютокъ, сына и двухъ дочерей. Но занятый тяжбой, онъ не далъ горю сломить себя. Въ Сентябрѣ онъ писалъ къ Головкину: «Вашего Высокографскаго Сіятельства милостивое письмо Іюля отъ 31, чрезъ

щались въ басни, которымъ вѣрили самые серьезные люди. Такъ случилось и съ исторіей Турчаninова. Пецольдъ, а въ слѣдъ за нимъ Германъ и разсказываютъ именно басню о тиранствахъ Волынскаго надъ купцомъ Турчаninовымъ (Kaufmann Turzinow). «Какъ онъ (Волынскій), пишетъ Германъ, послѣ восшествія на престолъ Анны, лишилъ имѣнія и жизни Русскаго купца Турцинова, это всѣмъ извѣстно. Послѣдній имѣлъ около Казани большіе мѣдные заводы и фабрики и содержалъ при нихъ множество народу. Онъ много и охотно помогалъ изъ своего богатства бѣднымъ и несчастнымъ. Къ этому-то фабриканту Волынскій обратился съ требованіемъ, чтобы тотъ прислалъ ему 20,000 рублей. Но такъ какъ купецъ не могъ, или не хотѣлъ, уплатить требуемой суммы, то Волынскій донесъ въ Москву, что Турциновъ не исполняетъ своихъ обязанностей къ Коронѣ и постоянно вводитъ ее въ убытокъ. Императрица приказала нарядить слѣдствіе. Волынскій, которому не хотѣлось допускать его до публичнаго суда, приказалъ немедленно взять его подъ стражу, засадилъ въ своемъ Московскомъ домѣ въ погребъ и кормилъ только хлѣбомъ и водою, тирански вымогая у него требуемую сумму. Между тѣмъ Турциновъ какъ-то увидалъ въ окно своей тюрьмы мимо проходящаго Ягужинскаго, узналъ его и просилъ заступиться за него. Ягужинскій разсказалъ объ этомъ при Дворѣ. Но, къ несчастію Турцинова, благодѣтель его (котораго Волынскій возненавидѣлъ съ тѣхъ поръ) запутался въ непріятности (съ Бирономъ), и въ слѣдствіе чего долженъ былъ немедленно уѣхать (Посланникомъ) въ Берлинъ. Безпомощный Турциновъ принужденъ былъ выдать требуемую сумму и отпущенъ на свои заводы съ условіемъ не пускать этого въ огласку. Но предусмотрительность Волынскаго этѣмъ не ограничилась: дорогой Турциновъ умеръ и, какъ увѣряютъ, отъ яду. Единственный сынъ его, получивши неожиданное извѣстіе о смерти несчастнаго отца, умеръ съ горя. Фабрики ихъ упали, такъ что, вмѣсто прежнихъ 30,000 р. годоваго доходу, не приносили и 4—5000 р.» (Hermann, Geschichte des Russischen Staates IV. B. S. 611—612). Вѣрнаго въ этомъ разсказѣ то, что Волынскій въ 1731 г. точно назначенъ былъ въ секретную слѣдственную Коммисію по дѣламъ Соли Камской, по его жъ доносу о злоупотребленіяхъ Турчаninова, которому отданы были на откупъ кабацкіе и таможенные сборы этой провинціи. За тѣмъ всѣ подробности—басня, выдуманная досужей фантазіей какого ни будь сплетника, либо памфлетиста. Въ Слѣдственной Коммиссіи 1740 года, въ которую собраны были всѣ дѣла о Волынскомъ, нѣтъ и помину о дѣлѣ его съ Турчаninовымъ. Стало быть, оно ведено и рѣшено было закончымъ порядкомъ. При томъ этотъ разсказъ невѣроятенъ по самому положенію Волынскаго въ 1731 году, какъ увидимъ это въ послѣдствіи. Волынскому

прикащика Акиѳія Демидова, получилъ, въ которомъ изволите писать, что держался въ Губернской Казанской Канцеляріи онаго, Демидова, человѣкъ, и если по дѣлу Вашего Высокографскаго Сіятельства то бъ ево свободили, и что Демидовъ въ поставкѣ бѣглыхъ вашихъ крестьянъ далъ письмо. Всепокорно доношу: оной Демидова человѣкъ держался только по тому дѣлу, котораго я нынѣ свободилъ.

Сего Сентября 12 дня посѣтилъ меня Богъ тяжкою печалію: понеже жена моя скончалась, что мнѣ безмѣрно горестно. Понеже извѣстно вамъ, что она была доброй человѣкъ и мнѣ была любима; благодарю Бога въ печали моей, что оставила мнѣ дѣтей, да нынѣ, вмѣсто утѣхи, зѣло мнѣ и на нихъ смотря горько. Понеже три такіе черви, что малъ мала меньше. Боже сохрани, естьли не продолжится мой вѣкъ, такъ они бѣдные уже и со всѣмъ пропадутъ; понеже извѣстно вамъ, Милостивой Отецъ, какъ я пустъ и сиръ.

Отъ такой моей тяжкой печали истинно у меня ни ума, ни памяти въ головѣ не стало, а помошника у меня въ Канцеляріи ни кого нѣтъ; а когда и Нееедъ здѣсь былъ, истинно мнѣ было все равно, есть онъ, или нѣтъ; понеже не дѣлалъ никогда самъ ни чего и не смыслитъ. И ежели какое будетъ въ дѣлѣхъ мое неисправленіе, милости прошу по человѣчеству разсудя, милостиво хранить меня; однако жъ я опасаюся, чтобъ что не упущено было и на мнѣ бъ не взыскалось. Поручилъ я Канцелярію править здѣшняго гварнизона Подполковнику Григорію Хвостову, которой правилъ Нижегородскую Губернію, и его столько станетъ, а самъ я нынѣ всего труда истинно снести не могу, пока сія моя бѣда изъ головы не убудетъ. Да боюся того, что то сдѣлалъ собою безъ Указу, чтобъ мнѣ того въ вину не причли. Милости прошу, Милостивой Отецъ, милостиво въ томъ охранить меня.

Сколько мнѣ чувственна и тяжка печаль моя, то и Богъ и люди видятъ; однако жъ, какъ животолюбивый человѣкъ, не хочется безчестно жить, а хотя и умереть, однако жъ не хочу съ тѣмъ поро-

---

въ ту пору было не до взятокъ, какой бы онъ ни былъ охотникъ до нихъ во всякое другое время.

комъ дѣтей своихъ оставить, чѣмъ меня язвили и всѣмъ обо мнѣ разгласили. Затѣялъ вымышленно, не бояся Бога и смерти, Архіерей здѣшней, и сдѣлалъ меня такимъ, естьли то не будетъ освидѣтельствовано, то я буду хуже всякова непотребнаго и сумазброднаго человѣка. Для того я принужденъ послать челобитную въ Правительствующій Сенатъ, прося самъ на себя, чтобъ повелѣно было по тѣмъ ево затѣйнымъ и составнымъ пунктамъ прислать кого сюды нарочного и розыскать одною только правдою, безо всякой мнѣ поноровки. Того ради, Милостивой Государь и Отецъ, слезно у васъ прошу милости, не прикажите сего такъ оставить, и чтобъ кто былъ доброй человѣкъ и безкорыстной присланъ, а я, не выбирая никого, только бъ кто не его стороны былъ и не поманимъ ни мнѣ, ни ему, о чемъ и паки прошу: сотвори, Милостивой Государь и Отецъ, въ томъ свою надо мною милость! А въ какой силѣ челобитная, прилагаю при семъ копію, и уповаю на вашу ко мнѣ отеческую милость, прилѣжно прошу милостиво приказать оную передъ собою прочесть. Впрочемъ, Милостивой Государь, предаю себя въ неотъемлемую вашу отческую милость и пребываю съ должнымъ почтеніемъ и вѣрностію.»

Салтыковъ по чему-то медлилъ съ прошеніемъ Волынскаго и не подавалъ его въ Сенатъ. [13]

Между тѣмъ въ Москвѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что Волынскій лишился жены. Нѣкоторые изъ его благожелателей совѣтовали ему поправить свои дѣла новой женитьбой: одинъ изъ нихъ, молодой Головкинъ, Михаилъ Гавриловичъ (въ послѣдствіи Вицеканцлеръ, мужъ знаменитой Катерины Ивановны Ромодановской), совѣтовалъ ему жениться на одной изъ Салтыковыхъ и обнадеживалъ, что съ этой женитьбой простятся ему всѣ его вины.

Волынскій, однако жь, не поддался на эту ловушку. Въ Октябрѣ онъ писалъ къ Княгинѣ Черкаской:

---

[13] Адъютантъ Салтыкова, Н. Кречетниковъ, писалъ къ Волынскому 18-го Ноября: «Челобитную подадимъ, а еще не подана, которую изволили прислать въ Москву.»

«Милостивая Государыня-мать, Княгиня Марья Юрьевна! Я пространными доношеніями моими опасаюся трудить Милостиваго Государя моего, Князя Алексѣя Михайловича, о которомъ сумнѣваюся, что онъ ко мнѣ не таковъ милостивъ сталъ, понеже я неоднократно просилъ и писалъ о кровныхъ моихъ нуждахъ, однако жъ ни на одно мое нижайшее прошеніе ни какой не только милости, ни отповѣди не получилъ.

Я васъ, Милостивую Государыню, всенижайше прошу, чрезъ самово Бога, чтобъ вы, по своей ко мнѣ прежней материнской милости, не изволили поскучить милостиво сіе мое прочесть, также и приложенной экстрактъ при томъ.

А за тѣмъ доношу: буду проклятъ, ежели я искалъ и происквалъ того, чтобъ мнѣ о Казанскомъ Архіереѣ розыскивать и дѣла его слѣдовать; да принудилъ меня Синодъ то дѣлать присланными ко мнѣ Ея Императорскаго Величества Указами, по тому я и вступилъ, что увѣдавъ здѣшней Архіерей, да не зналъ чѣмъ душевредство свое, а келейника своего воровство, закрыть, вымыслилъ составные на меня подозрѣніи, нарочно написавъ на меня и разглася то, что ежели въ мысль мою прихаживало, не только я то дѣлалъ, я буду треклятой и вѣчной бездѣльникъ! Правда, надобно было ему подозрѣніями отходить, понеже онъ по тѣмъ дѣламъ кругомъ виноватъ, только бъ не съ такими смертельно досадительными мнѣ образами, которыми онъ такъ меня теперь сдѣлалъ, что сталъ хуже всякаго сумазброднаго человѣка; и когда дядя мой, Милостивой Государь Семенъ Андрѣевичъ, ему повѣрилъ: какъ же другимъ кому не вѣрить? Понеже въ Святительскомъ санѣ и осмидесятилѣтней старичокъ; а буде о совѣсти его разсудить, мсти мнѣ Богъ сдѣсь и въ будущемъ, естьли я то затѣваю! Истинно ни самой бы безбожной варваръ не сталъ тово дѣлать по одному человѣчеству, какъ онъ, Христіянинъ, да къ тому жъ Архіерей, и будучи въ такой своей старости. Былъ сдѣсь въ знатномъ монастырѣ Архимандритомъ Смолянинъ, онъ же и Дворянской сынъ, Іона Салникѣевичъ (или по Русски Салникѣевъ), которой при покойномъ Тихонѣ, бывшемъ здѣшнемъ Митрополитѣ, былъ Судьею и въ крайней ево милости, и имѣлъ богатства своего на нѣсколько тысячъ, въ томъ числѣ денегъ съ три тысячей, или больше; потомъ взятъ въ Синодъ и тамъ

былъ Членомъ, да скучно ему, дураку, въ Питербургѣ стало, что тамъ живыхъ стерлядей нѣтъ, и что онъ разлучился съ своими друзьями, которому все знатные Дворяне и лутчіе купцы друзья и пріятели, также и бѣднымъ пріѣзжимъ Офицерамъ всѣмъ былъ благодѣтель; понеже былъ обходительной человѣкъ и жилъ зѣло роскошно, котораго и Губернаторы: Петръ Матвѣевичъ, Петръ Самойловичъ и Алексѣй Петровичъ безмѣрно любили, и такой человѣкъ былъ, что надобно было любить, и уже когда сюды и нынѣшній Архіерей въ Епархію прибылъ, сначала былъ къ нему очень добръ, и такъ и при немъ Судьею былъ, какъ при Тихонѣ Митрополитѣ; да учинилась у нихъ за то ссора, что Архіерей, по кончинѣ блаженные и вѣчно достославныя памяти Императора Государя Петра Перваго, не сталъ принимать челобитенъ, писанныхъ на имя Государыни Императрицы, и дралъ ихъ, и бросалъ, а велѣлъ переписывать на свое, Архіерейское, имя. Тотъ бѣдной Салникѣевъ сперва со слезами, стоя передъ нимъ на колѣняхъ, просилъ ево, Архіерея, и молилъ, чтобъ онъ пересталъ то дѣлать, понеже отъ того самъ боялся себѣ бѣды, что Судья былъ въ томъ ево, Архіерейскомъ, Приказѣ; однако слезами и просьбою не упросилъ, принужденъ говорить уже и противностію, и тѣмъ впалъ въ ево немилость, за что ему Архіерей уже сталъ и бѣды искать; при томъ же и мѣсто ево, Архимандрическое, понадобилось плуту чернецу Питириму, келейнику Архіерея нынѣшняго. Потомъ дошло до того, что Архіерей не только челобитные почалъ драть, и дѣла произведенные въ дѣйство съ такими челобитными, осердяся на нево, что онъ производилъ по тѣмъ челобитнымъ, писаннымъ на имя покойной Императрицы, а не на ево, а къ нему, Салникѣеву, привалками придрался, будто въ похищеніи церковныхъ и монастырскихъ вещей, и за то оковалъ ево и мучилъ тирански въ земляной тюрмѣ, и раздѣвъ на морозѣ билъ на правежѣ только въ одной свиткѣ; а все то только по одной своей богомерзкой злобѣ. Онъ, бѣдной Салникѣевъ, не стерпя того мученья, сказалъ за собою «слово,» и принужденъ доводить на него въ драньѣ тѣхъ челобитенъ и дѣлъ, изъ которыхъ и дѣло одно, выкравъ изъ Архіерейскаго Приказа, объявилъ, и при томъ просилъ на Архіерея въ своемъ напрасномъ мученьѣ, и былъ въ Преображенскомъ и въ прочихъ во многихъ мытарствахъ; потомъ дошелъ до Святѣйшаго Синода, гдѣ лучшая и святая всего Государства нашего правда; однако жъ тамъ, оставя голову, пой-

малися за хвостъ, мучили ево и допрашивали въ тѣхъ похищеніяхъ, гдѣ онъ поупрямился, и назвалъ присланную объ немъ отъ Архіерея выписку воровскою, а ссылался на подлинные дѣла, которые здѣсь въ Архіерейскомъ Приказѣ. Однако жъ все то отставя и не освидѣтельствовавъ той выписки съ подлинными дѣлами, лишили ево чести и чина священства и монашества, а за безчестье Архіерейское, что онъ назвалъ выписку воровскою, высѣкли кнутомъ. Тутъ ему и конецъ, тутъ и судъ весь. А пожитки ево и деньги пошли всѣ по рукамъ, за которые и кнутъ ему въ спину купленъ. А что доносилъ на Архіерея, то все брошено и по се время не слѣдовано.

И такъ все гибло, и онъ окованъ былъ въ Синодѣ, и содержался подъ крѣпкимъ карауломъ, которому не велѣно было давать ни чернилъ, ни бумаги: и то все дѣлалось при покойномъ Императорѣ Государѣ Петрѣ Второмъ, во время власти Ростовскаго Архіерея Дашкова. А какъ нынѣ Всемилостивѣйшая Государыня наша соизволила воспріять престолъ и вступить въ самодержавное правленіе, не вѣдаю чрезъ кого, оной бѣдной розстрига домогался, что прислали ко мнѣ изъ Синода Указъ, чтобъ мнѣ и двумъ духовнымъ персонамъ о всемъ вышеписанномъ изслѣдовать, и ево, разстригу, прислали сюда къ доказательству: но какъ я въ слѣдствіи тѣхъ дѣлъ пошелъ по прямой дорогѣ, то Архіерей здѣшней сталъ подавать на меня ябедническіе свои ложные подозрѣнія, а бывшей келейникъ ево, плутъ, котораго онъ на мѣсто того розстриги въ тотъ монастырь въ Архимандриты посвятилъ, подалъ жалобы, составя затѣйные жъ на присутствующихъ со мною духовныхъ.

А Святѣйшій Синодъ, маня Архіерею, не освидѣтельствовавъ обо мнѣ, и отрѣшили меня, какъ бы прямова подозрительнаго.

Не поскучь, Милостивая Государыня-Мать, и сіе еще милостиво прочесть:

Написалъ на меня Архіерей, будто я Секретаря ево, Судовикова, хотѣлъ шпагою заколоть, и, вынявъ оную на голо, будто гонялся за нимъ: прокляни Богъ душу мою, естьли я то мыслилъ, не только дѣлалъ! Сверхъ того, я не только бить, или колоть, ево, я ево

люблю, и онъ съ самово моево пріѣзду ищетъ во мнѣ, и не слыхалъ отъ меня истинно никогда ни какой брани, развѣ дьяволъ вмѣсто меня то дѣлалъ и Архіерею во снѣ явилось. Еще жъ написалъ, будто я отнялъ монастырской загородной дворъ, и держу на немъ съ двѣстѣ собакъ, и будто кормятъ ихъ и людей моихъ пятнадцать человѣкъ монастырскимъ хлѣбомъ да и кашею. Я доношу вамъ такъ совѣстно, какъ на страшномъ мнѣ Христовомъ Судѣ стать: дворъ тотъ пустой, и онъ разгороженъ на двое, изъ которыхъ одну половину велѣлъ для меня, по прозьбѣ моей, самъ Архіерей, гдѣ только два сарая и одинъ подклетъ, да черная баня, и собакъ моихъ истинно было только съ тридцать, да при нихъ пять человѣкъ людей, и жили только одну зиму, и то не всю; а чтобъ довольствовались монастырскимъ кормомъ, или брали ко мнѣ оттуды овесъ, будь я вѣчно бездѣльникъ, естьли то, или что ни будь изъ того правда, кромѣ что брано солома одна и то, что сами дадутъ. Также написалъ, будто я у монастыря оново велѣлъ вырубить березоную рощу, и будто посланные мной того монастыря Игумена хотѣли убить за то, что онъ рубить возпрещалъ. Ежели я мыслилъ то дѣлать, не только посылать ково рубить, убей меня самово Богъ! и хотя по приказу моему одно дерево срублено, я готовъ заплатить тысячу рублевъ; сверхъ того, во всемъ въ томъ шлюсь на Игумена на того, да и роща та вся цѣла и теперь.

Онъ же написалъ на меня, будто я обралъ по неволѣ у нево мастеровыхъ людей, и какъ онымъ, такъ и постороннимъ, за работу не плачу денегъ, и будто обралъ у него и у прочихъ лѣса на строенье хоромъ и протчаго безденежно; а понеже онѣ двухъ окольнишниковъ, которыхъ я у него просилъ для починки, самъ далъ мнѣ, и дѣлали съ мѣсяцъ, которымъ за работу и деньги далъ, сверхъ тово что мой хлѣбъ ѣли, и такъ истинно всѣмъ плачу въ полтора, или вдвое, какъ платятъ имъ другіе. И буде бралъ лѣсъ и обижу тѣмъ и не плачу денегъ я, хотя одною копѣйкою покорыствовался, или бъ просили за что взятое, или за работу денегъ, а я отказалъ и не заплатилъ, за то самово разори меня Богъ!

Я уповаю, что Ваше Сіятельство, Милостивая Государыня, по своему великодушію и по своей совѣсти, по такой моей Христіянской тяжкой клятвѣ, можете мнѣ повѣрить, и что я, имѣя Бога, душу и совѣсть, не сталъ бы такъ предавать себя добровольной

клятвѣ. Извольте жъ милостиво разсудить о томъ, кто на меня лжетъ, какая то богомерзкая совѣсть и какой онъ безстыдной плутъ.

Я у васъ, Милостивая Государыня-Мать, вмѣсто всякой вашей ко мнѣ милости и защищенія, прошу, чтобъ Милостивой Государь мой, Князь Алексѣй Михайловичъ, и Милостивой Государь мой, дядя Семенъ Андрѣевичъ, исходатайствовали то мнѣ, чтобъ обо мнѣ, какъ о самомъ о какомъ злодѣѣ, повелѣно было изъ Сената кому розыскать по поданнымъ отъ него, Архіерея, на меня пунктамъ, безъ всякой мнѣ понаровки, только одною самою истинною, дабы въ томъ бѣдная моя совѣсть чистоту свою и невинность мою показала.»

Къ письму сдѣлана приписка:

«Нѣкоторымъ и неоднократно говорилъ Михайло Гавриловичъ, чтобъ я женился на которой ни будъ изъ трехъ сестеръ Салтыковыхъ, которыя живутъ при Ея Высочествѣ, Государынѣ Царевнѣ, Екатеринѣ Ивановнѣ, обнадеживая, что если я женюсь, то мнѣ всѣ вины мои отпущены будутъ; а они такія госпожи, что ни куды не годятся, и за тѣмъ досидѣли до сорока лѣтъ, что никто не беретъ. А мнѣ, по мнѣнію моему, душа моя и честь милѣе, нежели весь свѣтъ; для того хочу съ совѣстью умереть, нежели послѣднюю половину вѣка моего со стыдомъ и безпокойствомъ совѣсти моей доживать. Я бы не хотѣлъ и въ постороннемъ домѣ видѣть того, кто мнѣ противенъ своими поступками; каково жъ пріятно мнѣ съ нимъ будетъ жить въ моемъ домѣ, да еще и спать на одной постелѣ?

Въ слѣдъ за этѣмъ письмомъ Волынскій отправилъ новое письмо къ Салтыкову, съ отвѣтомъ и оправданіемъ на девять пунктовъ Сильвестра:

«При семъ прилагаю копію съ пунктовъ, которыя подалъ Вашему Превосходительству Архіерей здѣшней на меня, и противъ тѣхъ пунктовъ отвѣтъ мой. Всенижайше прошу милостиво не поскучать приказать передъ собою его пункты прочесть, и при томъ на всякой пунктъ отвѣтъ мой, изъ чего изволите увидѣть удивленія и смѣху достойное многое, и изъ того изволите узнать безбожную и бездушную злобу Архіерейскую, и какой онъ дуракъ и плутъ безпутной.

---

[14] См. выше примѣч. 12-е. О. Б.

Желалъ бы я, чтобъ вы у себя приказали отвѣтъ мой прочесть ему, понеже я не почитаю ни за грѣхъ, ни за стыдъ того, что бралъ ево, да и не боюся, для того что я чистъ, и что пишу про него, то не отрекуся въ глаза предъ всѣмъ свѣтомъ сказать ему, понеже всякъ за свою обиду, а паче за ту, которая вредитъ честь, да еще и за напрасную, стоять конечно долженъ.

Я не знаю, какими глазами будетъ смотрѣть, и что противъ того говорить будетъ.

А за тѣмъ, Милостивой Отецъ мой, не дѣлай мнѣ ни какой милости, только чтобъ по его всѣмъ бреднямъ про меня розыскано было, такъ какъ я челобитною моею, посланною въ Сенатъ, самъ просилъ, и изволь вѣрно мнѣ вѣрить, что я во всемъ томъ, что онъ пишетъ и поноситъ меня, чистъ, и онъ все то какъ безсовѣстной и недоброжелатель составилъ и затѣялъ обще съ воромъ Питиримомъ Архимандритомъ, котораго только для такихъ пакостей и воровства и держитъ при себѣ, и въ Архимандриты за то и произвелъ. А кто онъ Питиримъ, мнѣ сказывалъ Прапорщикъ гвардіи Любовниковъ, что онъ былъ въ Шатскомъ Уѣздѣ Попомъ и держалъ у себя воровскую пристань, и самъ атаманомъ былъ нѣсколько лѣтъ; да когда товарищи его переловлены и стали на него съ пытокъ говорить, онъ отъ того ушелъ и постригся, а тѣ всѣ перевѣшаны. Изволь, Милостивой Государь, самъ того Любовникова спросить, а я его не зналъ.

Милости прошу и пункты и отвѣты мои показать Князь Григорью Алексѣевичу Урусову, чтобъ и онъ вѣдалъ и вѣрилъ мнѣ, что я чистъ.

Я буду ожидать слѣдствія здѣсь по Архіерейскимъ на меня бреднямъ и прошу, чтобъ кто присланъ былъ совѣстной человѣкъ для того слѣдствія. А за тѣмъ желалъ бы я самъ въ Москвѣ побывать на мѣсяцъ времени, какъ я прежде просилъ васъ, Милостивой Государь. А чтобъ вовсе отсюда, еже ей, ей не хочу. И я мышлю, крайняя нужда въ Москву быть мнѣ, первое, чтобъ видѣть Государыню, также и васъ, Милостивой Государь, а за тѣмъ и себя противъ Архіерейскихъ составныхъ лжей очистить и показать всѣмъ, какъ я невиненъ. Однако жъ все сіе предаю въ разсужденіе Ва-

шего Превосходительства и прилѣжно прошу милостиво меня увѣдомить.»

Письма этѣ Волынскій поручилъ разнесть служителю своему, Курочкину, который, исполнивши порученіе, отвѣчалъ Волынскому:

Прошедшаго Октября отъ 12 въ полученномъ того жъ Октября 29 числа въ Указѣ, Государь, вашемъ чрезъ деньщика Сидора Ваарушина писано: велѣно мнѣ рабу вашему по подписямъ письма рознести и навѣдаться о не бытіи вашемъ въ Казани. И на сіе вамъ, Государю, доношу, что письма ваши по подписямъ рознесъ, и отъ дяди вашего, Семена Андрѣевича, и отъ Князь Григорья Алексѣевича, письма къ вамъ, Государю, при семъ прилагаю. А Гавріло Ивановичъ противу того письма обѣщалъ писать, только не могъ вскорѣ того добиться. А Княгиня Марья Юрьевна очень больна. О перемѣнѣ, Государь, васъ изъ Казани, что Государыня Императрица изволила говорить о томъ, я предъ симъ писалъ къ вамъ, Государю, Октября 20 числа, съ деньщикомъ Пирожниковымъ, и на мѣсто ваше въ Сенатѣ еще ни кто не опредѣленъ, также и по челобитью Архіерейскому для слѣдствія ни кого не опредѣлено жъ; а присланную вашу, Государь, челобитную я въ Сенатѣ при собраніи чрезъ Рекетмейстера подалъ, и на той, Государь, челобитной помѣчено: «Записавъ, сообщить съ дѣломъ;» и къ тому, Государь, Архіерейскому дѣлу тое челобитную отдалъ Октября 22 дня. Въ Сенатѣ, Государь, по челобитью Скрыпицыной жены опредѣленіе учинено, велѣно дѣло и онаго Скрыпицына подъ карауломъ прислать въ Сенатъ, а противу того челобитья вамъ отвѣтствовать.

А сего, Государь, Ноября 6 дня, въ Сенатѣ записанъ Указъ, что вамъ, Государю, быть въ Москву, а Неведу Кудрявцову въ Казани править Губернаторскіе дѣла до Губернатора, а кому, Государь, быть тамъ Губернаторомъ, о томъ еще опредѣленія нѣтъ.

О пріемѣ, Государь, присланныхъ лошадей, которые присланы съ Иваномъ Рубинымъ, кто какъ принялъ и кто не принялъ, о томъ къ вамъ, Государю, писалъ съ Матвѣемъ Аристовымъ Октября 14 числа. А послѣ того и Князь Алексѣю Михайловичу Черкаскому дву иноходцевъ, половаго и соловаго, отвелъ, которыхъ изволилъ

смотрѣть и говорилъ: «Хотя, де, и мелки, только не стары,» изволилъ принять.»

Избавившись отъ такого опаснаго противника, каковъ былъ Волынскій, Сильвестръ вздохнулъ свободно, и 25 Сентября подалъ въ Синодъ доношеніе, въ которомъ писалъ, что «вотъ уже по двумъ слѣдствіямъ ни какова подозрѣнія, кромѣ истиннаго моего оправданія, за мною не явилось, а я по тому дѣлу четвертый годъ сокрушаюся суще безъ всякія причины и, за не вершеніемъ того дѣла живучи въ Москвѣ съ служителями и лошадьми, займывая деньги, все покупая, весьма избытчился и отъ продолженія разорялось напрасно, а не получа по тому дѣлу подлиннаго рѣшенія, взирая первому рѣшенію нарушеніе и отмѣну, опасаясь впредь такого жъ уничтоженія, ѣхать въ Казань не смѣю.» Сильвестръ просилъ повернуть дѣло и болѣе его не возобновлять, а для окончанія дѣла Владыка прикинулъ смиренную прибавочку: «И хотя по силѣ сего жъ 1730 года, Апрѣля 14 дня, Указа 3 пункту за умышленный его по ссорѣ съ злости поклепъ онъ, разстрига, достоинъ и смерти, однако жъ наше смиреніе выше реченной ему экзекуціи не желаю и прошу его отъ той казни уволить, а вмѣсто оной кары, за ложный его на меня послѣ вершенія двоекратный донось, оборонить меня и учинить ему въ Казани по прежнему гражданское наказаніе (25 Сентября, 1730 г.).»

Въ Москвѣ Сильвестра ни что не держало и, разумѣется, онъ могъ ѣхать въ Казань, когда захочетъ. Но дѣла нельзя было кончить такъ скоро и съ такою обидою для замѣшанныхъ въ немъ лицъ, а потому и прошеніе его оставлено безъ вниманія.

IV.

Пославши въ Сенатъ прошеніе о разслѣдованіи дѣла по жалобѣ Сильвестра, Волынскій, въ слѣдъ за тѣмъ, отправилъ доношеніе въ Синодъ о злоупотребленіяхъ Сильвестра по Епархіи.

Волынскій доносилъ, что въ Губернскую Канцелярію подалъ прошеніе одинъ Казанскій бобыль, Иванъ Евтихѣевъ, въ которомъ объяснилъ, что онъ заходилъ въ домъ къ Подьячему Плетеневцу, и у-

зналъ отъ дворовой его женки, что къ нему присылается изъ Москвы весьма много пакетовъ съ письмами, которыя онъ у себя въ домѣ распечатываетъ, и пишетъ по нимъ одинъ, запершись въ особой избѣ, а знатно тѣ письма подозрительныя. Это и заставило его сдѣлать означенное доношеніе, чтобъ не причлось ему въ утайку, ежели помимо него, обнесутся какія письма, касающіяся какой важности.

Волынскій приказалъ взять Плетеневца, вмѣстѣ съ письмами, въ Губернскую Канцелярію. Между письмами оказались нѣкоторыя подозрительныя, именно:

Въ одномъ письмѣ къ Казначею приказывалъ П. М. чтобъ Новокрещенскій расходъ въ вѣдѣніи писанъ былъ весь, также бы на тѣ раеходы и бумагу показать особливую, а не казенную, чтобъ въ остаткахъ на лицо денегъ было малое число, понеже деньги завидная вещь.

Плетеневецъ показалъ, что «въ этомъ письмѣ буквы П. М. означаютъ: Преосвященный Митрополитъ. А писалъ то письмо къ Казначею изъ Москвы Стряпчій Афанасьевъ въ такой силѣ, что въ Синодъ спросили вѣдомостей о Новокрещенскихъ расходахъ (которые и посланы). На тотъ расходъ велѣно ему, Казначею, брать по 1000 рублей, а бумага покупается у нихъ на казенныя деньги другихъ сборовъ, а не изъ тѣхъ Новокрещенныхъ расходовъ, а въ цыдулкѣ велѣно зачислить тѣ деньги на расходъ Новокрещенской суммы для того, чтобъ остатку деньгамъ явилось меньше. По которой цыдулкѣ и по допросу его стала быть деньгамъ явная утайка.»

Въ другомъ письмѣ, и приложенномъ къ нему реестрѣ, въ одномъ пунктѣ сказано: «Въ кельѣ моей съ Казначеемъ и Келаремъ тебѣ, Алексѣю, осмотря искусно, и ежели что чревъ надежду Божію явится, запечатать всѣмъ троимъ, держать въ цѣлости Казначею у себя въ кельѣ и въ Москву писать.»

Плетеневецъ показалъ, что «это письмо Архимандрита Питирима, привезенное имъ, Плетеневцомъ, изъ Москвы въ Великій Постъ, по которому велѣно ему въ томъ Спаскомъ монастырѣ въ кельяхъ

бывшаго Архимандрита Салникѣева осмотрѣть подъ поломъ покла-жи. А сказывалъ о той покладѣ въ Москвѣ Рязанской Губерніи, Радовецкаго монастыря Іеромонахъ Питиримъ. И они той покладжи не нашли; а Салникѣевъ еще на слѣдствіи показалъ, что у него въ подполѣ въ двухъ большихъ бутыляхъ зарыто было въ землю денегъ 1500 рублей, и что по показанію его изъ Губернской Канцеляріи посылали отыскивать ихъ, но по осмотру подполья, вмѣстѣ съ духовными Архіерейскими персонами, нашли только недавно разрытую яму, а денегъ ни чего не отыскано; а по тому знатно, что тѣ деньги взяты выше писаннымъ Кедаремъ и пропадаютъ напрасно, а надлежало бъ, взявши ихъ публично, донести о томъ въ Синодъ.»

Между бумагами найдены двѣ инструкціи, за скрѣпою Польячаго Ѳеофилактова, одна о сборѣ съ Поповъ на приказные расходы по 16 коп. съ Попа, другая о сборѣ съ Поповъ штрафныхъ денегъ. Плетеневецъ показалъ, что «тѣ деньги сбираются повсегодно уже четвертый годъ по приказанію Митрополита Сильвестра, а указовъ о томъ не имѣется и репортовъ въ Синодъ не посылается, что явная кража.»

Кромѣ того, Плетеневецъ и Польячій Юрьевъ допросами показали, что «они были у запоси вѣнечныхъ податей и брали тѣхъ пошлинъ съ первобрачныхъ по 52 коп., съ полуторобрачныхъ и двоебрачныхъ по 1 рублю 5 к., съ требрачныхъ по 1 р. 60 коп. А въ репортахъ показывается съ первобрачныхъ по 13 к., съ двоебрачныхъ по 26, съ требрачныхъ по 39, а остальныя въ приходъ не записываются, для того что вносятся въ келью къ Преосвященному Митрополиту.» Того ради я, усмотря оную народную тягость и слыша о томъ отъ многихъ происходящія жалобы, приказалъ Земскимъ Комисарамъ каждому въ своемъ дистриктѣ освидѣтельствовать сказками, по чему тѣ деньги берутъ за вѣнечныя памяти, и въ сказкахъ показано, что берутъ тѣ деньги еще противъ показаннаго числа съ излишествомъ, а именно съ иныхъ браней по 2 р. 60 к. и по 2 р. 60 к., такъ что только по двумъ Уѣздамъ, Казанскому и Уржумскому, кромѣ провинцій, взято излишне за три года 3,307 р. Отъ чего чинится подымъ людямъ великая тягость, а въ неписькѣ въ приходъ и непосылкѣ репортовъ явная ихъ кража.

Архіерейскіе Подьячіе, четыре человѣка, объявили по своимъ повытьямъ семъ исковыхъ челобитенъ на его, Архіерея, имя, безъ Высочайшаго титула, и по тѣмъ челобитнымъ дѣла были произведены.

Спаскаго монастыря Стрянчій Свѣшниковъ объявилъ челобитную, писанную въ 1730 году, отъ имени братій этого монастыря на Салникѣева; и въ той челобитной сказано, что къ тому жъ воровству и общему съ нимъ согласію приличенъ Благовѣщенскаго Казанскаго собора Ключарь Степанъ Давыдовъ, который въ описныхъ книгахъ многія статьи, гдѣ были писмы деньги, выскребалъ и другія рѣчи своеручно измѣнялъ. И тѣ слова въ челобитную своеручно вписалъ Питиримъ. И переписана та челобитная по приказу его, Питирима, отъ имени Келаря съ братіей Спаскаго монастыря. По этому доношенію Указомъ Сильвестра изъ Москвы Ключарь отъ Соборной церкви отрѣшенъ и священнодѣйствія лишенъ и обнесенъ безвинно, по тому что сначала слѣдствія о Салникѣевѣ участія Ключаря въ его дѣлѣ не показалось. Духовные судьи Архіерейскаго Приказа прошенія отъ него не приняли, слѣдственные судьи тоже, и въ такой его обидѣ и въ посягательномъ челобитьѣ бить челомъ стало некому. А понеже въ милосердомъ Ея Величества Указѣ сего 1730 года повелѣно и накрѣпко подтверждено какъ вышнимъ, такъ и нижнимъ Судамъ дѣла рѣшать по самой чистой совѣсти и учиненной присягѣ, не смотря на лица сильныхъ и избавляя обидимаго отъ рукъ неправды, то, чтобъ оное его прошеніе принять къ оному его, Питиримову, составному черному доношенію, а у Келаря съ братіею взять сказки, какія имъ, Ключаремъ, вещи изъ этой церкви похищены и Питиримъ приписывалъ оныя рѣчи сообща ль съ братіею, или собою. А приписка Ключари, по справкѣ съ описными книгами, состояла въ томъ, что многія иконы и другія вещи были не записаны, а онъ записалъ ихъ въ приходъ. И такъ оной Священникъ осужденъ напрасно, который таковъ въ своемъ званіи, какихъ во всей Казанѣ мало, или и подобнаго ему нѣтъ.

Въ томъ же приговорѣ именемъ его, Сильвестра, написано, что онъ, слушавъ прошенія властей Спаскаго монастыря, приказалъ въ ономъ съ ветхихъ иконъ всякаго званія оклады и привѣсы снять, также и съ Священническаго облаченія и прочей церковной утвари жемчугъ, дробницы и каменья спороть, а у парчей золото и серебро

выжечь и оцѣня продать изъ домовыхъ бобылей кому пристойно. А приговоръ тотъ писанъ, отъ имени Архіерея, имъ, Питиримомъ, что ему не надлежало дѣлать, по тому что онъ самъ Настоятель того монастыря и не судья Архіерейскаго дома, и для того приговоры сочинять, а паче о вещахъ той обители, гдѣ онъ самъ властелинъ, ему зѣло подозрительно. Изъ чего видно, что они оба съ Архіереемъ хотятъ тѣмъ корыстоваться сами. И между тѣмъ, какъ онъ же осудилъ Салникова, когда тотъ продалъ нѣкоторыя привѣсы на безотлагательныя монастырскія нужды, на пропитаніе братіи во время голода и на сѣмена въ монастырскія вотчины, и имѣетъ въ тѣхъ покупкахъ подлинныя росписки и свидѣтельства, самъ онъ, Архіерей, съ наслѣдникомъ мѣста того, Питиримомъ, учинилъ злѣе и того; понеже тотъ коснулся привѣсовъ отъ иконъ, а они велѣли на выжегу жечь и освященныя одежды и прочее. Какъ же то стало не самое богопротивное воровство?

А о собесѣдникѣ его, Архіерейскомъ, Питиримѣ, Подьячей Арманскій показалъ, что оный Питиримъ не только въ Архимандричествѣ, но и въ простыхъ Священникахъ быть не достоинъ, понеже, какъ Сильвестръ былъ на Рязани Архіепископомъ, держалъ онаго Питирима въ земленой тюрьмѣ и писалъ объ немъ въ Синодъ, что онъ, Питиримъ, ябедникъ, плутъ, и еретикъ, и раскольщикъ, которое доношеніе имѣется и нынѣ въ Духовной Дикастеріи. Да мнѣ же въ прошломъ Августѣ мѣсяцѣ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка Прапорщикъ Любовниковъ публично при многихъ сказывалъ, что онъ, Питиримъ, въ Шацкомъ Уѣздѣ держалъ воровскую у себя въ домѣ пристань и уже будучи Священникомъ, и самъ ѣзживалъ по разбоямъ, и что въ томъ многіе его товарищи переловлены и съ пытокъ на него въ томъ говорили, и онъ, Питиримъ, отъ того отъ церкви бѣжалъ, и, пришедъ въ монастырь тотъ, гдѣ былъ Архимандритомъ, или Игуменомъ, дѣдъ его родной, принужденъ постричься, и потомъ принялъ его къ себѣ Сильвестръ, будучи въ Рязанской Епархіи, и содержалъ его у себя нѣсколько времени тайно, и такъ онъ, Питиримъ, свободился отъ смерти, а товарищи его всѣ, за общіе съ нимъ разбои и грабежи, казнены смертію. И сіе все предаю въ разсужденіе Святѣйшаго Синода (30 Октября, 1730 г.).»

Разумѣется, нельзя одобрять Волынскаго за это доносеніе, которое было подыскиваніемъ подъ непріятеля, но его можно изви-

нить, въ виду извѣстнаго образа дѣйствій противника, съ которымъ они имѣли дѣло. А до какой степени этотъ образъ дѣйствій не сроденъ Волынскому, мы видѣли это изъ уроковъ, которые ему далъ Салтыковъ за уклончивость, съ которой онъ отказывался отъ доносовъ.

Узнавши о новомъ доношеніи Волынскаго, Сильвестръ съ своей стороны подалъ на него доношеніе, направляя его противъ обвинительныхъ пунктовъ Волынскаго.

Сильвестръ началъ съ Нижегородцевъ:

«Изначала перваго свиданія Нижегородцы, злорадствуя, кричали на Спаскаго Келаря и говорили: «Вы бы насъ встрѣтили въ Свіяжскѣ. И чего вы съ другими на Салникѣевѣ ищете, то и сами ему заплатите.»

По ихъ же навѣту Губернаторъ Волынскій билъ дома нашего Секретаря Богданова, смертно и напрасно.

Да по согласію жъ Нижегородцевъ Салникѣевъ подалъ въ Казанской Губернской Канцеляріи на меня доношеніе, которымъ ищетъ лѣтъ за двадцать и больше въ бытность мою Троицкимъ Архимандритомъ, яко бы во многихъ съ него и другихъ взяткахъ. Также будто у него въ Архимандрическихъ кельяхъ Спаскаго монастыря подъ поломъ въ землѣ зарыты были въ скляницахъ деньги, и по тому его доносу посланы были изъ Губернской Канцеляріи Секретари, и по его указанію будто денегъ искали, только ни чего не нашли. А видно тѣ деньги у Салникѣева имѣлись въ сохраненіи въ другихъ домѣхъ, а не въ монастырѣ, и Нижегородцы, знатно обще съ Салникѣевымъ, покорыстовались ими и, отводя свое лакомство, происки вали въ кельи у Питирима: но порожняго не положа пустаго нечего искать.

Да изъ той же Канцеляріи Секретарь Аврамовъ приходилъ съ солдатами въ домъ нашего Канцеляриста Плетеневца съ обыскомъ и, ухватя его, билъ и всякія, имѣющіяся при немъ, письма изъ двора его обобрали и отвели съ ними въ Канцелярію, и пытали въ застѣнкѣ тремя встрясками смертно, и выломали у него руки и ноги

бревномъ, и содержится по се число въ смертномъ утѣсненіи напрасно, и едва нынѣ отъ того и живъ ли.

Взявъ также съ гренадерами Спаскаго Келаря Володимерцова съ письмами и Стряпчаго Свѣшникова, привели въ Канцелярію и съ пристрастіемъ распрашивали, и намѣрены были по тому къ Свѣшникова пытать напрасно. А за что вышереченные люди мучены, о томъ въ Казани нашимъ вѣдать не даютъ и хоронятъ подъ скрытіемъ.

Они жъ, слѣдователи, оставя настоящее правленіе, разослали по всей нашей Епархіи Указы къ обывателямъ: у кого съ прошлаго 1727 года свадьбы имѣлись, и по чему за вѣнечную память пошлинъ становилось.

Да онъ же, Волынской, видно по согласію Нижегородцевъ, прислалъ въ Синодъ и въ Сенатъ разныя доношенія, въ которыхъ насъ уничтожая, написалъ, яко бы наше смиреніе, забывъ Бога и свою бѣдную душу и Архіерейскую совѣсть, и чиню святопродавство, и тѣмъ первѣе времени судитъ меня и ругаетъ, не токмо въ Казани словесно поноситъ всегда разными укоризны, но и здѣ при самой главности, гдѣ и самъ онъ судимъ и на меня суда проситъ, тутъ же не словесно уже, но и письменно, бранитъ явно, и пишетъ въ Москву къ Духовнымъ персонамъ и Господскимъ особамъ совѣтными письмами и цыдулками съ великими нашему смиренію угрозами, яко сущему извергу, или своему подчиненному, дабы мнѣ же испросить у него прощенія, а въ чемъ и за какую мою къ нему неуслугу и противность, истинно не знаю. А онъ, Губернаторъ, въ Казани уже третій годъ одинъ живетъ, и когда бъ мною оное было чинено, то надлежало бъ на меня въ тѣхъ яко бы народу обидахъ, или Указомъ противностяхъ, писать въ Москву, или собою слѣдовать, прежде прибытія Нижегородцевъ и прежде сей между нами вражды, нежели мстить за мой протестъ.

А вышереченные сборы и прочее у насъ исполнялось по прежному обыкновенію, какъ при Тихонѣ и другихъ Митрополитахъ было, а вновь наше смиреніе ни чего собою не заводилъ.

До прибытія Нижегородцевъ въ Казань такихъ страшныхъ за нами происковъ и ужасныхъ пытокъ ни отъ кого не бывало, и Гу-

бернаторъ Волынскій, по полученіи Синодскаго Указа, ожидая ихъ долговременно, одинъ въ дѣла не вступалъ. А онъ, Лаврентій, издавна къ тому разоренію себя затвердилъ и обыкъ не однимъ нам обиды наносить, но многія бѣдства и злословія и первѣе сего чинилъ.» (Сильвестръ разсказываетъ исторію, какъ Лаврентій судимъ былъ за взятки, смертные бои, блудодѣяніе и различныя монастырскія похищенія; какъ онъ посылалъ изъ Арзамаса въ Казань къ матери, сестрѣ, роднымъ и пущеной женѣ разные припасы).

Слѣдователи не право поступаютъ и въ томъ, что вѣрятъ показаніямъ Салникѣева. Они должны знать Указъ, что публично наказанныхъ въ число добрыхъ людей принимать и вѣрить такимъ во всемъ запрещено.

Слѣдователи, усмотря, что Господинъ Волынскій, на котораго была у нихъ несправедливая надежда, отъ тѣхъ дѣлъ отрѣшенъ, а нынѣ по Указу Сената велѣно ему, отдавъ городъ и всѣ дѣла той Губерніи Вице-Губернатору Кудрявцеву, ѣхать въ Москву, а имъ, духовнымъ, воровству Салникѣева упущеніе, мнѣ пакости, а монастырю разореніе, однимъ дѣлать нельзя, отказались отъ слѣдствія собою, безъ Указу, а не для того, какъ въ доношеніи ихъ лжековарно написано. А что они получали только хлѣбъ и квасъ, то въ доношеніи ихъ показано ложно. Отнявъ кельи у Архимандрита Предтеченскаго, живутъ въ сильныхъ съ сродники своими забавахъ праздны седьмой мѣсяцъ безъ всякаго труда, токмо чинятъ нашему смиренію нестерпимыя пакости и обиды горши прежняго.»

Синодъ, въ которомъ не было ужь никого изъ покровителей Сильвестра, ограничился по этѣмъ доношеніямъ тѣмъ, что велѣлъ сыскать въ Синодъ проживавшаго въ Москвѣ Питирима, для отвѣта по доносу Губернатора; а что въ доношеніяхъ Сильвестра и Волынскаго касается до Гражданскаго Суда, о томъ поручить имъ искать суда, гдѣ надлежитъ (20 Ноября, 1730 г.).

Питиримъ, вмѣсто оправданія, прислалъ въ Синодъ доношеніе на духовныхъ слѣдователей, что «хотя бъ они своего безчестія на мнѣ и искали, а по Указамъ слѣдствіе имъ оканчивать подлинно довлѣло, а они Нижегородцы, уничтожа посланные къ нимъ Указы, отъ произ-

веденія Салтыкѣевыхъ дѣлъ отказались самовольно, защищая противныя свои поступки и учинили остановку по страсти своей, наровя Салтыкѣеву, а не для того, какъ у Нижегородцевъ на злобѣ въ доношеніяхъ ложно во всемъ показано. А когда бъ Нижегородцы того, про что въ доношеніяхъ нашихъ показано, не чинили, то бы они могли своего безчестія по формѣ суда прямо искать, а не стороною, между прочими дѣлами подъ видомъ заочно просить и меня напрасно поносить, и оными доношеніи Нижегородцы первѣе времени забѣгаютъ и Ваше Святѣйшество обояніемъ утруждаютъ, а въ своихъ непорядочныхъ поступкахъ, узнавъ вину, запираются и меня ябедникомъ и другими злословятъ напрасно, котораго своего безчестія по силѣ Указу впредь искать буду.»

V.

Отправивши доношенія въ Сенатъ и Синодъ, Волынскій на этомъ не остановился, а послалъ прошеніе на Высочайше имя, вложивши его въ пакетъ Семена Андреевича Салтыкова. Это былъ съ его стороны рѣшительный шагъ, и по тому онъ озаботился обстановить его какъ можно лучше. Въ Москву изъ Казани послано было довѣренное лицо (кажется, Подполковникъ Дубасовъ) съ пакетами писемъ ко всѣмъ милостивцамъ и съ подробнымъ наказомъ, гдѣ и какъ вести дѣло.

Мы приведемъ относящуюся сюда переписку Волынскаго въ полномъ видѣ, чтобы не пропустить ни чего изъ этого любопытнаго дѣла.

Довѣренному лицу вручена была, записка для памяти, что дѣлать по пріѣздѣ въ Москву:

«1. Пріѣхавъ, освѣдомиться, какъ скоро отправляется новой сюды Губернаторъ, и съ тѣмъ прислать нарочнаго на скоро.

2. Внушить Семену Андреевичу и прочимъ, хотя разсуждаютъ пользу мнѣ въ моей перемѣнѣ, а мнѣ оная конечное принесла разореніе, какова на меня не бывало, понеже я по обнадеживанію ихъ забрался сюды со всѣмъ домомъ, гдѣ однихъ людей у меня чело-

вѣкъ со сто, а женатыхъ съ тридцать сѣмей. И такъ мнѣ хотя бъ и лишніе прихоти посмѣтать здѣсь, однако жъ и съ нуждами чего обставить нельзя; врядъ на двѣсти подводъ убраться, кромѣ своихъ лошадей.

3. У меня жъ заведены сюды изъ заводовъ изо всѣхъ деревень лутніе все лошади съ 80, и все кобылы да жеребята, которыхъ ковать нельзя, а не кованныхъ вести не возможно, а Персидскіе отъ одной стужи всѣ помрутъ. Какъ же то не самое мнѣ разореніе стало? А естьли бъ весною мнѣ отсюды ѣхать и чтобъ до Маія мѣсяца не перемѣнили меня, чтобъ я всего того разоренія миновалъ и собрался водою безо всякаго лишняго убытка.

4. Сверхъ того имѣю дѣтей малыхъ и деликатныхъ, которые не только на дворъ ходить, но и сѣней, за слабостію здоровья, мало знаютъ; а мнѣ ихъ оставить не на кого, а везти съ собою зимою я ихъ за стужу и могу поморить. Кжели бъ жива была покойная жена моя, я бы не тужилъ о томъ, хотя и здѣсь оставить.

5. Еще жъ сколько образна и обидна мнѣ моя перемѣна, то всякому легко разсудить можно. Когда я просилъ и искалъ того, тогда меня не допустили; а нынѣ полно мнѣ и того несчастія, что я лишился жены, а теперь пришло и съ дѣтьми и съ домомъ разстаться: сіе кто можетъ мнѣ причесть въ благополучіе? Но всякъ будетъ думать, что я отрѣшенъ за вину какую.

Подъ то жъ время, хотя я и самъ просилъ и прошу о розыскѣ между мною и Архіереемъ, теперь кто повѣритъ тому? Всякъ будетъ думать, что я въ опалѣ; понеже и перемѣнить и розыскивать про меня велѣно.

Еще жъ меня отрѣщать отъ Губерніи, а Архіерей остается въ своей Епархіи, а вся ссылка по дѣламъ на его духовныхъ и его подчиненныхъ. Какъ они за страхомъ Архіерейскимъ не будутъ по немъ покрывать и исполнять ево волю? Понеже образцы по Салникѣевымъ дѣламъ самъ знаешь, какъ Архимандриты и протчіе изъ подъ неволи къ суду прикладывали руки, а за что судили и какъ осудили, того сами не знали.

6. Я буду отъ Губернской Канцеляріи отрѣшенъ, а Неѳедъ Кудрявцовъ, который за меня съ Архіереемъ за одно и стакался, будетъ сидѣть въ Канцеляріи, гдѣ все къ тому слѣдствію надлежащіе дѣла и всѣ справки; а въ моихъ рукахъ того ни чего не будетъ: какой же четъ будетъ правой розыскъ? Понеже что надобно, того будетъ и сыскать негдѣ. Сверхъ того всякаго плута возбудятъ на меня то говорить, чего я не дѣлалъ, да не такъ, а мнѣ будетъ и оправдаться не чѣмъ; и такъ я и съ правдою буду хуже виноватого.

Того ради что мнѣ пользы въ розыскѣ? Я бы лучше желалъ, чтобъ меня совсѣмъ въ Москву взяли, тамъ ли такъ будутъ дѣлать; пускай лучше сама Государыня изволитъ увидѣть мою правду; понеже я не за свои дѣла сталъ, но по Указу. И тѣмъ Архіерея возбудилъ на себя, что я хранилъ Императорскую честь и правду, и дале искалъ и пресѣкалъ явную Архіерейскую кражу.

7. Навѣдаться пожаловать о невѣстѣ, нѣтъ ли какой; и если она такова: потомъ немедленно ко мнѣ отписать, понеже самъ ты знаешь, какъ я боюсь того.

8. Всего бъ лучше, чтобъ остановить новаго Губернатора, и не присылать сюда розыскивать про меня, а меня бъ не перемѣнить. И хотя во время слѣдствія мнѣ въ Губернской Канцеляріи и не засѣдать и въ команду не вступать, то и нѣтъ ни чего, только надобно, чтобъ и Архіерей отъ Епархіи на то время отрѣшенъ былъ, также чтобъ и Неѳеду Кудрявцову не присутствовать въ Канцеляріи на то время, для того, что у меня съ нимъ ссора. А по розыскѣ есть ли вины моей не будетъ, чтобъ мнѣ по прежнему править должность мою, хотя до Маія мѣсяца, а потомъ хотя и перемѣнить, такъ мнѣ не такъ будетъ обидно, да и выѣздъ мой мнѣ легче будетъ.

А буде не такъ, то лутче чтобъ въ Москвѣ слѣдовать.

9. Еще навѣдаться о томъ мѣстѣ, гдѣ я прошу перемѣны и опредѣленъ буду, и сіе все, что навѣдаетесь, прошу человѣку моему Куровкину сообщать.

10. Посылаю съ вами подъ конвертомъ дяди Семена Алексѣевича всеподданнѣйшее мое прошеніе къ Ея Императорскому Величе-

ству, и ежели она захочетъ показать милость со мною, надобно оное подать всеконечно, дабы Государыня извѣстна была, что я невиненъ, а когда изволитъ усмотрѣть, я уповаю на Ея Величества великодушіе и мудрое разсужденіе мужественно, что : меня напрасно не повелитъ перемѣною разорить и непорядочнымъ розыскомъ обругать. А буде онъ, жалѣя меня, по своему мнѣнію да не подастъ, такъ онъ тѣмъ погубитъ меня, и я вижу, что дѣло къ тому идетъ, что мнѣ умереть съ печали, что Богъ на немъ взыщетъ, что онъ до того довелъ меня.

11. Невозможно ль дядѣ Семену Андреевичу и прочимъ моимъ милостивымъ той милости показать, чтобъ для того розыску прислать кого изъ гвардіи, которые у такихъ дѣлъ бывали: Раевскій, Ушаковъ, или Мельгуновъ. Я отъ такихъ ни отъ кого не прочь, только чтобъ порядочно повели слѣдствіе.»

Съ Дубасовымъ посланы были письма къ Салтыкову и къ Урусову; письмо къ Салтыкову было послѣднимъ усиліемъ со стороны Волынскаго разшевелить дядю:

«Понеже я знаю себя въ совѣсти моей, что я невиненъ конечно и во всемъ чистъ, а я вижу, что дѣло не туды идетъ (и то, Милостивой Государь, отъ васъ мнѣ, что не могли и съ правою моею престеречь меня), того ради, не дожидаяся крайней напасти, принужденъ написать прошеніе мое къ самой Ея Императорскому Величеству, Всемилостивѣйшей Государынѣ. И ежели не надобна вамъ моя погибель, прошу оное поднесть; ибо я то учиню, вѣдая Ея Императорскаго Величества великодушное и мудрое разсужденіе, на которое уповая, не чаю, чтобъ безвинно я терпѣлъ неволю и преданъ былъ въ руганіе, да еще же за Ея Величества интересы, а за то себѣ злобу и напасть явную купилъ. А въ какой силѣ оное письмо, прилагаю копію, изъ которой изволите сами усмотрѣть, что противности въ немъ ни какой нѣтъ.

Я не знаю, Милостивой Государь-Отецъ, передъ вами ни какой моей вины, что вы сами изволите засвидѣтельствовать; а ежели вы меня нынѣ оставите, истинно вамъ за то будетъ самъ Богъ мститель, и я съ печали умереть могу.»

Въ то же время Волынскій писалъ къ Урусову:

«Хотя я вамъ просьбами моими наскучилъ, да крайняя невзгода къ тому влечетъ меня, забывая напрасной бѣды и крайняго моего разоренія. Разсудилося мнѣ написать всеподданнѣйшее мое прошеніе къ Ея Императорскому Величеству Всемилостивѣйшей Государынѣ, которое послалъ подъ конвертомъ дяди моего, Семена Андрѣевича, да боюсь того, что онъ, малѣя меня, подать либо не осмѣлится, а я опасности въ томъ ни какой не нахожу себѣ, для того, что я чистъ конечно.

И такъ естьли изволитъ Ея Императорское Величество то усмотрѣть, я уповаю на Ея Величества великодушіе и мудрое разсужденіе, что меня безъ вины напрасно обругать и разорить не повелитъ.

Я отъ розыску истинно не бѣгу, и самъ о томъ прошу, да только чтобъ порядоченъ былъ, а то какой же будетъ розыскъ, что всѣ мои оправданія и дѣла отнимутъ изъ моихъ рукъ, да станутъ слѣдовать, а мнѣ будетъ и сослаться не на что; а когда меня отрѣшатъ, надлежитъ отрѣшить и Архіерея отъ Епархіи, а Невѣду не надлежитъ быть при Губернской Канцеляріи, понеже у меня съ нимъ ссора, а онъ обще стакался противу меня съ Архіереемъ.

Впрочемъ ссылаюсь на вручителя сего: что вамъ будетъ доносить, изволь повѣрить и не оставить ево въ милости своей, понеже и онъ невинно страждетъ.

Остатнѣе прошу, естьли инова нельзя сдѣлать, чтобъ меня для допросу взять въ Москву прежде перемѣны: я столько чистъ, что въ два часа всѣ ево Архіерейскіе пункты очищу. А по допросѣ моемъ для улики пускай пошлютъ сюды слѣдовать, кого хотятъ, а меня пускай задержатъ въ Москвѣ, а вмѣсто меня быть здѣсь моему повѣренному. Да чтобъ Архіерею и Спаскаго монастыря Архимандриту Питириму не быть здѣсь. Понеже онъ по дѣламъ показался многажды явнымъ плутомъ.

А за тѣмъ по слѣдствіи воля Ея Величества и перемѣнить меня, да я честенъ буду и неподозрительно выѣду отсюда безо всякаго стыда. А буду по допросу моему и послѣдствію, естьли только достоинъ буду потерять пальцъ, не буду стоять и за голову.

А безъ вины и безъ розыску не хочу, чтобъ я такъ былъ обруганъ, какъ злодѣй какой. И то сами можете разсудить; а хотя дядя ко мнѣ и пишетъ, разсуждая изъ моей перемѣны мнѣ пользу, да я вижу, что пропаду и разобьюся со всѣмъ моимъ домомъ.

За вину чего меня жалѣть? да прежде надлежитъ освидѣтельствовать, а не тому вѣрить, что плуты, закрывая воровство свое, доносятъ и затѣваютъ. Впрочемъ, прошу напамятовать Бога и душу, да меня въ такомъ моемъ зломъ несчастьѣ не оставитъ, и въ правдѣ моей, сколько сможешь, вспоможествовать мнѣ. Симъ прекратя, остаюсь вашъ, Государя моего, покорный и вѣрный слуга Артемей Волынской.»

Человѣкъ Волынскаго, Курочкинъ, разнесъ всѣ его письма по адресамъ, и 24 Ноября увѣдомлялъ его о положеніи его дѣла:

«Сего Ноября 14 числа полученъ вашъ, Государевъ, Указъ, при томъ и письма къ вашему благодѣтелю чрезъ Сержанта, Господина Хомутова. И тѣ, Государь, письма, по подписанному, съ нимъ обща разнесли. А сего жъ, Государь, Ноября 20 числа въ Москву привезъ и Петръ Игнатьевичь Дубасовъ, и съ нимъ присланные письма всѣ разнесены жъ. И на тѣ письма всѣ сказали, что вамъ, Государь, лучше ѣхать скорѣй въ Москву, нежели тамъ медлить, а о конвоѣ и о подводахъ Семенъ Андрѣевичъ, Павелъ Ивановичъ и Князь Григорій Алексѣевичъ Урусовъ сказали, что ни какъ того Указу сдѣлать не можно. Присланное, Государь, письмо ваше, Государь, по совѣту Семена Андрѣевича съ Князь Алексѣемъ Михайловичемъ, Петромъ Игнатьевичемъ Дубасовымъ подано Оберъ-Камергеру Господину Бирону, которое въ то жъ число у Государыни и чтено при Семенѣ Андрѣевичѣ, и на то, де, ни чего не сказано, и о перемѣнѣ, Государь, вашей сдѣлано имяннымъ Указомъ, а видно по Архіерейскому оглашенію, на что чаялъ все яко бы то и правда, а челобитью, Государь, Архіерейскому въ Сенатѣ о розыскѣ опредѣленія ни какого нѣтъ. А о принятіи, Государь, Казанской Губернской Канцеляріи изъ Сенату Неѳеду Кудрявцову Указъ данъ Ноября 9 числа, и къ вамъ такой же Указъ посланъ, а надѣюсь, что Неѳедъ Кудрявцовъ изъ Москвы выѣдетъ сегодня, а Губернаторомъ въ Казань сказано Князь Михайлу Володимировичу Долгору-

кову, а Указу еще въ Сенатѣ не написано. А Неводъ Кудрявцовъ вамъ, Государю, такой благодѣтель, что присланныхъ Казанскихъ девьщиковъ Пирожникова и который присланъ съ Сержантомъ Хомутовымъ взялъ къ себѣ; о чемъ тое обиду доносилъ и Семену Андрѣевичу, изволилъ на то сказать, что не отъ него зависитъ, а отъ Сержантъ Хомутовъ, хотя, имѣя себѣ здѣсь свободу, и приискать бы можно мѣсто, однако добровольно соизволилъ на службѣ нашей въ Москвѣ остаться и нынѣ отправленъ къ вамъ, Государю, на нищенскихъ двухъ подводахъ, а до сего числа не отправленъ за тѣмъ, что чаялъ по присланному письму до Ея Величества Указу.

Агнинъ того ради, Государь, я началъ приготовлять сена и прова въ Москву къ приѣзду вашему. А гдѣ, Государь, (какъ) прибыть изволишь, возмемъ квартеру, о томъ ко мнѣ, рабу своему, вели отписать. А Василья Ивановича Волынскаго домъ отданъ въ наемъ иноземцу. О семъ доношу вашъ всенижайшій рабъ. Андрей Курочкинъ. Ноября 24 дня, 1730 году.

Еще вамъ, Государю, доношу, что видно изо всего заочнаго ни отъ кого благодѣянія по вашему желанію неизмѣно для чего нѣтъ. Можетъ иные великаго способа достать не могутъ, а другіе яко бы говорятъ, сожалѣя о помощи. Больше всего говорятъ та перемѣна сдѣлана отъ ничеваго охраненія. А Михайлу Михайловичу брату вашему, Государь, въ Сенатѣ опредѣленія къ дѣламъ никакого нѣтъ, а о томъ нѣкто ему писалъ ложно.

Нетерпѣливый Волынскій, не дождавшись отвѣта Салтыкова, послалъ къ нему еще новое письмо съ просьбой объ оставленіи его въ Казани хоть до будущей весны:

«Я уповаю, что съ прошеніями моими Сержантъ Хомутовъ прибылъ давно, а и Господинъ Дубасовъ въ сихъ дняхъ (кажется, въ половинѣ Ноября) къ Вашему Превосходительству уже прибылъ, и кромѣ писемъ моихъ могъ вамъ словесно о всемъ донести. По тому милостиво извольте, Милостивый Отецъ, сами разсудить, сколько безчестна и убыточна мнѣ нынѣ будетъ трудность въ дорогѣ съ малыми ребятишками, дѣтьми моими. Истинно я разорился безъ остатка со всѣмъ моимъ домомъ, и дѣтей бѣдныхъ принужденъ буду конечно повредить стужею, понеже здѣсь рѣдко помнятъ такихъ въ Ноябрѣ морозовъ, какіе нынѣ стали.

Я, Милостивой Государь Отецъ, ни о чемъ иномъ не прошу, когда пришла на то воля Ея Императорскаго Величества что(бъ) меня перемѣнить, что дѣлать, и когда ни будь надобно тому быть, да только нтобъ не въ нынѣшнее время. И для того всенижайше прошу показать надо мною Божескую милость и милостиво испросить мнѣ до весны время въ моей перемѣнѣ. Также прилежно прошу и о слѣдствіи по Архіерейскимъ на меня латѣйнымъ и составленнымъ бреднямъ, чтобъ повелѣно было слѣдовать не тому, кто на мое мѣсто Губернаторомъ назначенъ; понеже онъ, желая моего мѣста, будетъ на мою сторону посягать и съ правдою могъ дѣлать меня нарочно виноватымъ; также при томъ слѣдствіи чтобъ Нееду Кудрявцову не быть; понеже онъ съ Архіереемъ обще противу меня стажался. Того ради чтобъ повелѣно было прислать кого особливаго, и я не выбираю ни кого, только чтобъ кто совѣстенъ былъ и зналъ совершенно дѣло, а я готовъ подписаться на смерть, что ежели порядочно и на обѣ стороны на посягаю, ни маня, будетъ изслѣдовано, я буду во всемъ правъ, а Архіерей останется въ томъ какъ недобрый и безсовѣстный человѣкъ. [15]

Впрочемъ, Милостивой Государь-Отецъ, всенижайше прошу милостиво напамятовать мои хотя малые, но вѣрные, услуги къ Вашему Превосходительству, милостивому отцу, и при томъ милостивое ваше отеческое ко мнѣ обнадеживанье, и показать въ томъ ко мнѣ Божескую милость.

Ежели о пріѣздѣ моемъ въ Москву будутъ ту невозможность разсуждать, что Губерніи оставить не на кого, есть здѣ Подполковникъ Хвостовъ, во сто мѣръ лучше Нееда, и правилъ цѣлую Нижегородскую Губернію такъ порядочно, что въ одинъ годъ передѣлалъ столько дѣлъ, чего Юрій Ржевскій въ десять лѣтъ не сдѣлалъ.»

Не извѣстно, что отвѣчалъ Салтыковъ на это письмо, но Князь Урусовъ писалъ ему, что это его желаніе не исполнимо:

«Письмо ваше, писанное въ Казанѣ сего Ноября 4 дня, я получилъ 17 дня, ввечеру, на которое симъ отвѣтствую, чтобъ вамъ умедлить въ Казанѣ до весны, никакъ не могу вамъ въ томъ услужить, а для чего, по томъ изволишь увѣдомиться, пріѣхавъ въ Москву; либо вамъ лутче быть здѣсь, какъ можешь управиться скорѣе,

[15] См. выше примѣч. 12-ое. О. Б.

нежель въ Казанѣ до весны умѣшкать; а что вамъ по вашимъ недостаткамъ зѣло проѣздъ убыточенъ, и я тому вѣрю, да что же дѣлать? А что вы съ обнадеживанія привезъ и привелъ много, и въ томъ никто не виненъ, кромѣ васъ; понеже обнадеживали васъ не такой мѣрою, дабы вамъ не изъятну быть вовсе изъ Казани; токмо разсуждая въ вашу пользу, что вамъ перемѣны (въ то время не было) не слышно, и лутче вамъ жить тамъ, нежели въ Москву, по вашему желанію пріѣхать; а когда не потрафлено въ вашу пользу, и то уже друзьямъ и писать совѣтовъ не надобно. Архіерейская ссора съ вами, я чаю, твоимъ сюда пріѣздомъ пресѣчется безъ слѣдствія, а на ваше мѣсто будетъ Губернаторомъ Князь Михайло Володимировичъ Долгорукой, которой отсель поѣдетъ, я чаю, не замѣшкавъ, а Вице-Губернаторъ Кудрявцовъ, я не знаю, за чѣмъ отсель еще не поѣхалъ, а надлежало ему отсель давно выѣхать и ѣхать въ Казань. Вѣрный вамъ, Государю, слуга Князь Григорій Урусовъ. Изъ Москвы, Ноября 20 дня, 1730 года.»

VI.

Мы не знаемъ, при какомъ изъ этѣхъ прошеній и когда именно Волынскій послалъ оправдательное объясненіе на 38 пунктовъ Сильвестра. Видно только, что онъ послалъ ихъ въ 1730 году, когда Сильвестръ былъ еще въ Москвѣ. Вѣроятно, это было послѣдствіемъ его неудачныхъ просьбъ о разслѣдованіи дѣла на мѣстѣ.

Такъ какъ въ біографіи Волынскаго [16] приведены пункты Сильвестра, какъ «драгоцѣнный документъ, проливающій самый яркій свѣтъ на цѣлую эпоху жизни и дѣятельности Волынскаго,» то мы считаемъ справедливымъ привести и оправдательные пункты Волынскаго. Но они будутъ непонятны безъ обвинительныхъ пунктовъ, и по тому мы просимъ позволенія привести вмѣстѣ тѣ и другіе, одни за другими:

«1. Приговоромъ бывшаго Губернатора, Василія Зотова, съ товарищи, противъ прошенія нашего изъ Казанской Губернской Канцеляріи Указомъ, крѣпостныя наши старинныя мѣста въ Каменномъ

[16] «Артемій Петровичъ Волынскій,» Г. Шишкина. Отеч. Зап. 1860 г.

городѣ, близъ Никольскихъ воротъ, мѣрою длины тридцать, а поперешнику двадцать сажень, отданы были въ домъ нашъ по прежнему, и оный Указъ вышеписній Губернаторъ Волынскій, по немилости своей къ намъ, уничтожилъ и вышеозначенныя мѣста владѣніемъ у насъ отрѣшилъ, и ни чего строить на нихъ не вѣдѣлъ, и на вышереченныя мѣста ко всякому строенію куплено было нами у посторонникъ дорогою цѣною лѣсу сто воремдесятъ девять деревъ, также изъ плотовъ по два лѣта съ четыредста лучшихъ бревенъ, сильно Губернаторъ побралъ себѣ на дворъ, и потребилъ въ новопостроенныя свои Губернаторскія хоромы безденежно, и тѣмъ сильнымъ взятіемъ дому нашему учинилъ обиду и въ дѣлѣ остановки, также и другихъ нашихъ домовыхъ служителей, разныхъ чиновъ людей, побралъ, лучшихъ же бревенъ на выборъ многое число, безъ платы же.

1. Оныя мѣста въ замкѣ Казанской крѣпости, гдѣ были Дворянскіе и протчихъ чиновъ людей дворы, въ томъ числѣ и соборныхъ Поповъ, а не одни Архіерейскіе, и при бытности Губернатора Петра Матвѣевича Апраксина тѣ дворы сломаны, для очищенія крѣпости, и чтобъ въ ней деревяннаго строенія, для опасности отъ пожаровъ; и не было (что конечно и надлежало сдѣлать), а на тѣхъ мѣстахъ сдѣланъ цейхгаузъ каменной, а противъ цейхгауза сдѣланъ же Губернаторскій дворъ (который потомъ къ суконной фабрикѣ отданъ), а у кого тѣ дворы сломаны, тѣмъ людемъ даны иные мѣста, въ томъ числѣ соборянамъ и Архіерейскимъ служителямъ, на которыхъ они и нынѣ живутъ: и то онъ, Архіерей, все утаилъ; а что написалъ, что ему отдалъ мѣста Василей Зотовъ, и то учинено напрасно. Понеже не только вновь въ крѣпости деревянныхъ дворовъ подлымъ людемъ строить не надлежитъ, но и старое строенье весьма надобно вынесть, для того, первое, что отъ того въ крѣпости тѣснота, а параднаго нѣтъ довольнаго мѣста (какъ въ прочихъ крѣпостяхъ вездѣ есть и надобно быть); второе, надобно опасность имѣть отъ пожару, понеже подлѣ того мѣста, вышепомянутой цейхгаусъ, которой покрытъ деревомъ, а сводовъ каменныхъ въ немъ нѣтъ. Также близъ того мѣста фабричный дворъ и Соборная церковь, подлѣ которой кладутъ Архіерейскія дрова по нѣскольку сотъ саженъ. И ежели на томъ мѣстѣ попустить строиться вѣчныхъ Архіерейскихъ (какъ мнѣ онъ, Архіерей, о томъ говорилъ), то оные небреженіемъ своимъ все оно сож-

гутъ. Ктому жъ и мѣсто оное зѣло тѣсно, и строитися онымъ нигдѣ, для того что тутъ построены магазейные анбары на полковые аммуницы. Сверхъ того для лутчаго разсмотрѣнія прилагаю о томъ чертежъ. А что онъ, Архіерей, написалъ, что будто взято сто восемдесять девять бревенъ да четыреста бревенъ, и что будто и у другихъ домовыхъ ево побрано бревенъ лутчихъ многое число безденежно, и то онъ все солгалъ. Понеже хотя лѣса на Государственные строенія у лѣсныхъ торговыхъ людей, по торговой цѣнѣ и съ торги браны, тѣмъ всѣмъ производится должная заплата, и жалобы за то я ни отъ кого не слыхалъ, а у Архіерея ни одного бревна не бирывано.

2. Въ томъ же Каменномъ городѣ имѣлся у насъ старинный небольшой садъ и огородъ, въ которомъ, прошлаго 728 году, въ прибавокъ купя на свои келейныя деньги яблоновыхъ и вишневыхъ и прочихъ, раждающихъ плоды, деревьевъ, посадилъ вновь своимъ трудомъ, и промежъ тѣхъ яблоней на грядахъ обыкновенно дому нашего монахи садили ниже означенныя овощи, чѣмъ напредъ сего по вся лѣты и пропитаніе имѣли, и во оном нашемъ саду въ Великій Постъ онъ, Губернаторъ, не сказавъ намъ, велѣлъ сломать замки и вороты, и травилъ собаками волковъ и зайцевъ, отъ чего старыя деревья поломали, а вновь посаженныя мною деревья приказалъ, выкопавъ, перенести и посадить на загородномъ своемъ дворѣ, и послѣ недѣли Святыя Пасхи саженныя овощи наши: лукъ, чеснокъ, рѣдьку, салатъ, росаду, мяту, по приказу его, выкопали изо земли и выбросили за ограду, и приставилъ свой карауль, а калитку съ двора нашего, которою наши ходили въ оной садъ, велѣлъ бревнами завалить на глухо, и за онымъ и до днесь входу отъ насъ изъ владѣнія тѣмъ мѣстомъ нѣтъ.

2. Оной огородъ и садъ Архіерейской никогда не бывалъ, а заводилъ его Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ подлѣ выше помянутого Губернаторскаго каменнаго дому, того, что къ суконной фабрикѣ отданъ, и огородилъ тотъ садъ каменною стѣною, придѣланною къ тому каменному двору, и владѣлъ имъ онъ, Петръ Матвѣевичъ, а послѣ Петра Матвѣевича владѣли протчіе Губернаторы: Петръ Самойловичъ, Алексѣй Петровичъ Салтыковъ, Князь Александръ Волконскій, Иванъ Ѳомендинъ. А потомъ, въ прежнюю мою здѣсь бытность,

владѣлъ и я тѣмъ садомъ безспорно, а потомъ и Василей Зотовъ владѣлъ же; а когда мнѣ велѣно Зотова перемѣнить, тогда оный отдалъ Архіерею безъ Указу собою; а когда я сюда прибылъ, сталъ онымъ паки владѣть, и отъ Архіерея ни какова спору въ томъ не слыхалъ, а деревъ я изъ него на загородный дворъ ни одного не высаживалъ и вывозить было не для чего. А что онъ, Архіерей, написалъ, будто я калитку съ двора его, которою его люди ходили въ тотъ садъ, велѣлъ завалить на глухо бревнами, а калитки съ Архіерейскаго двора ни какой къ тому огороду нѣтъ и быть негдѣ, для того что между Архіерейскимъ дворомъ и тѣмъ садомъ Соборная церковь, а за Соборною церковью бывшей Губернаторскій дворъ, что нынѣ фабрика, а ходъ въ тотъ садъ особливой, а не съ Архіерейскаго двора и оной входъ и теперь цѣлъ, а я не только Архіерейскую калитку, но и ни какой не задѣлывалъ: и то онъ, Архіерей, все солгалъ.

3. А отнялъ и завладѣлъ онъ, Волынскій, тѣми мѣстами и огородомъ подъ именемъ купца Ивана Миклаева, жены его вдовы, Авдотьи, Ивановой дочери, которыми, какъ самъ Иванъ Миклаевъ при жизни своей, такъ и по кончинѣ его, оная вдова подлинно не владѣла, въ чемъ повелѣніемъ ея, прикащикъ ихъ, Иванъ Артемьевъ, въ Мануфактуръ-Конторѣ сказкою предъявилъ, что оными мѣстами и садомъ они не владѣли, и впредь имъ ни подъ какія случающіяся потребы во владѣніи быть не угодны, которая сказка и въ Правительствующемъ Сенатѣ по челобитью нашему и въ выписку о тѣхъ мѣстахъ написана.

3. Я владѣлъ тѣмъ садомъ не подъ именемъ вдовы Миклаевой, а владѣю по тому, какъ выше во второмъ пунктѣ написано; а что онъ, Архіерей, написалъ, что мужъ той вдовы, Иванъ Миклаевъ, не владѣлъ тѣмъ садомъ, и что по смерти его и оная вдова не влаживала, то правда, токмо оной Миклаевъ и жена его для того не владѣли, что ему отданъ одинъ дворъ каменной Губернаторскій для фабрики, а о томъ саду, чтобъ отдать ему, въ томъ Указѣ не написано. И хотя оной Миклаевъ и просилъ меня о томъ саду, токмо я ему не отдалъ, а отдалъ по Указу одинъ дворъ; и то дѣлалось въ прежнюю мою здѣсь бытность, что онъ, Архіерей, все утаилъ, а на меня затѣялъ сверхъ того онъ имѣетъ особливой свой

садъ тутъ же въ замку противъ Архіерейского дому, и въ тотъ я не вступаюся.

4. Также при домовомъ нашемъ Кизическомъ монастырѣ, во кругъ и подлѣ самой ограды, присланные отъ него, Губернатора, многолюдствомъ издревле береженную многихъ лѣтъ рощу порубили не малое число, изъ которыхъ присланныхъ озорничествомъ хотѣли онаго монастыря Игумена Корнилія бить, и отъ той, ихъ наглости едва онъ, Игуменъ, въ монастырь ушелъ и бѣгствомъ спасся, понеже онъ, Игуменъ, въ посѣчкѣ той рощи имъ воспрещалъ, а поимать оныхъ, за малолюдствомъ служителей монастырскихъ, было опасно и привесть за немилость Губернаторскую въ Канцелярію не возможно.

4. Все оное Архіерей солгалъ; понеже того ни чего не бывало, и я во всемъ томъ шлюсь на того Игумена и на всѣхъ того монастыря монаховъ, и на всѣхъ домовыхъ Архіерейскихъ служителей. Ктому жъ оная роща и теперь цѣла вся, которую я нарочно, услыша оную его затѣйную ложь, посылалъ свидѣтельствовать, а вырубить я ни кого ни одно дерево не посылывалъ; а съ чего онъ, Архіерей, то написалъ и солгалъ, я не знаю.

И когда я о томъ увѣдомился, спрашивалъ, при многихъ, того монастыря Игумена: цѣла ль та ихъ роща, или порублена, и кто оную рубилъ, и съ чего Архіерей то на меня написалъ, чего я не вѣдаю, и оной Игуменъ, при свидѣтеляхъ, мнѣ сказалъ, что рощи той ни кто не рубливалъ, только, де, весною приходили солдатскіе дѣти съ лѣкарскимъ ученикомъ, и, не сказавъ ему, Игумену, брали сосновые почки съ той рощи въ госпиталь на лѣченье больныхъ, а собирали, де, небережно и ломали нѣкоторыя сучья, и онъ, де, Игуменъ посылалъ на нихъ жаловаться къ тому Лѣкарю, отъ котораго они присыланы были, и тотъ, де, Лѣкарь хотѣлъ ихъ за то наказать, а рощи, де, они не рубливали, и его, Игумена, бранивали, и то, де, все напрасно на него затѣяно.

5. Оной же Губернаторъ, ѣхавъ изъ Москвы въ Казань Волгою рѣкою, и пріѣхавъ въ городъ Чебоксары; и вышедъ изъ стругов своихъ на берегъ; и по согласію съ Чебоксарскимъ Воеводою,

Алексѣемъ Заборовскимъ, велѣли изъ пушекъ палить (или стрѣлять), и въ то время отъ потѣхи ихъ пушку разорвало, и погибло мужеска и женска полу человѣкъ съ пятнадцать, о чемъ наше смиреніе, боясь суда Божія, по должности моего званія, и умолчать опасся, понеже отъ ихъ Господскихъ чрезвычайныхъ забавъ люди Божіи безъ всякаго Христіянскаго исправленія лишены сего отвѣта безвременно.

5. Я Воеводѣ Заборовскому истинно не только стрѣлять не приказывалъ, но и заказать велѣлъ, и о томъ кричали, чтобъ не стрѣляли, только не слышно было, понеже я не дошелъ до того мѣста сажень со ста. А что пьяной пушкарь зарядъ положилъ неумѣренный, и что разорвало пушку, и его самого и при томъ другихъ побило четырехъ человѣкъ на повалъ, да двое отъ ранъ померли, я въ томъ не виноватъ. Сверхъ того отъ той разорванной пушки два великія жеребья упали близъ меня, и на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ я шелъ, и такъ меня мало самого не убило до смерти.

6. А потомъ съ начала прибытія Господина Волынскаго въ Казань люди его и при немъ солдаты, слыша отъ него къ намъ всякія напрасныя посягательствы, пришедъ къ пѣвчему нашему, Алексѣю Высоцкому, въ домъ, нахально ночнымъ временемъ и бивъ его, едва жива покинули безъ всякія причины.

6. Я конечно людемъ моимъ и ни кому не потачикъ, а жалобы о томъ какъ отъ пѣвчаго, такъ и ни отъ, кого не слыхалъ, и люди мои по ночамъ изъ двора моего не выходятъ, что у меня накрѣпко заказано, а и въ день по дворамъ не шатаются ни къ кому, развѣ кто за чѣмъ посланъ, и для того не вѣрю, чтобъ то было отъ моихъ людей сдѣлано.

7. Да у загороднаго Губернаторскаго двора, по Приказу Волынскаго, Богоявленскаго Дьякона, Ивана Семенова, да съ нимъ Владимирскія церкви посвященныхъ дву человѣкъ церковниковъ, Степана Степанова и Андрея Гаврилова, поимавъ, солдаты прутьями гоняли и стегали нагихъ, которыя и биты нещадно и оставлены при смерти.

7. Въ прошломъ году весною былъ я съ женою и съ дѣтьми на загородномъ дворѣ, при томъ были нѣкоторые Офицеры и Дво-

ряне съ женами, и въ то время нѣсколько, человѣкъ раздѣвся нагіе, подъ самымъ дворомъ моимъ, противъ хоромъ тѣхъ, гдѣ я съ домашними моими и съ прочими былъ, купались и играли пьяные, которымъ къ моему дому, такъ безчинно обнажа свое тѣло, и близко подходить не надлежало: и за то я велѣлъ ихъ отогнать прутьемъ, а Дьяконы ль были, или Дьячки, узнать того было нельзя, для того что они наги были и можетъ быть что въ невѣдѣніи учинено было то, хотя бъ кто и лучше ихъ былъ, а чтобъ смертными побоями биты и будто они при смерти оставлены, то онъ, Архіерей, солгалъ, понеже ни одному изъ нихъ ни десяти ударовъ не доставалось, и тому уже прошло слишкомъ полтора года.

8. Также домоваго нашего иконописца, Никифора Смирнова, по приказу Волынскаго, взявъ присланные въ полицу (такъ!) и снявъ съ него, иконника, рубаху били нагого кошками смертнымъ боемъ.

8. Полиція у меня сдѣлана порядочная, и тѣмъ воздержано воровство, кражи, пріемы бѣглецовъ, шинки и блядскія домы запрещены, понеже до полиціи всѣми тѣми пакостями Казань была наполнена такъ, что и добрымъ людемъ въ нощное время изъ дворовъ своихъ выйтить было трудно; ибо по улицамъ и переулками не только великіе грабежи были, но и смертные убійства, какъ то всѣмъ извѣстно. И естьли кто изъ подлыхъ людей явится въ малыхъ винахъ, тѣмъ всѣмъ, не докладывая, чинятъ отъ Полиціи наказанье, а въ большихъ винахъ съ доношеніями приводятъ въ Губернскую Канцелярію. А по справкѣ нынѣ явилось что оной иконописецъ въ прошломъ годѣ сѣченъ кошками за то, что доставалося ему къ рогаткамъ на караулъ, а онъ, ругаясь тому опредѣленію, поставилъ на часы, вмѣсто себя, жену свою: и то наказанье учинено ему правильно, однако жъ не по моему приказу, а по опредѣленію Полиціи.

9. Да Казанскія нашея Духовныя Школы Авдитора, Ѳедора Афанасьева, захватя на дорогѣ его же, Губернаторскіе, деньщики били жестокими побои и таскали безвинно, и приведи еще къ Волынскому на загородный дворъ, и онаго, Авдитора, приказалъ вторячно бить батожьемъ предъ собою смертно, а оная Школа строе-

на и жалованье получаютъ изъ дому Архіерейскаго, а не отъ Губерніи.

9. Въ Казанской Духовной Школѣ нѣтъ ни какого Авдитора и не бывало никогда, кромѣ что человѣкъ съ пятнадцать Поповыхъ и Дьячковыхъ дѣтей грамотѣ учатся, изъ которыхъ въ прошломъ годѣ одинъ Дьячковъ сынъ, собравшись съ товарищами своими, самъ третей пьяные напали на одного солдата и били ево, близъ двора моего, и потомъ тотъ Дьячковъ сынъ пойманъ и приведенъ ко мнѣ на дворъ, и по слѣдствію явилось, что тотъ солдатъ битъ отъ нихъ напрасно, и за то оной Дьячковъ сынъ, по приказу моему, высѣченъ, что не только я, всякъ то учинитъ.

10. Оной же Господинъ Волынской въ Казани, выхватя изъ ноженъ своихъ шпагу, и гнался съ нагольною чрезъ горницу Духовнаго нашего Приказа за Секретаремъ, Осипомъ Судовиковымъ, и хотѣлъ заколоть его тою шпагою напрасно, который Секретарь едва отъ него, Волынскаго, ушелъ и бѣгствомъ тѣмъ Судовиковъ отъ смерти спасся.

10. Ни чего того не бывало, и все то онъ, жалобщикъ, какъ не доброй и безсовѣстной человѣкъ, напрасно затѣялъ, или мню, что онъ съ ума збрелъ и написалъ то, въ чемъ я шлюсь на самаго того Секретаря Судовикова, понеже онаго никогда и не бранивалъ, нѣ токмо когда хотѣлъ бить, или колоть.

11. И въ 729 году, будучи на Іорданѣ, оной Волынской усмотрѣлъ въ облаченіи Раиескія пустыни на іеродіаконѣ Иліѣ Персидской золотой парчи стихарь, и велѣлъ прислать къ себѣ и, боясь его, домовые наши оное церковное облаченіе отнесли къ Губернатору въ домъ, и оной стихарь Волынской приказалъ распороть у себя матерію, взять къ себѣ вовсе, а оплечье возвратить въ Раиескую пустыню по прежнему. [17]

---

[17] Я думаю, что эта исторія подала поводъ къ баснѣ, разсказываемой Германомъ, о дорогомъ, стотысячномъ стихарѣ: (Hermann, Geschichte des Russischen Staates, B. IV, S. 606—609, и у Г. Шишкина, въ біографіи Волынскаго, Отеч. Зап. 1860 г. № 2, пр. 491). Откуда въ Астрахани взялся стотысячному стихарю,

11. О стихарѣ, на которомъ Китайская шитая парча, просилъ я Архіерея, чтобъ приказалъ мнѣ оной дать на время для образца, чтобъ снять для шитья травъ и цвѣтковъ Китайской работы, но онъ, Архіерей, прислалъ оной стихарь ко мнѣ чрезъ Казначея своего, Іеромонаха Алексѣя Раифскаго, которой объявилъ мнѣ, что естьли мнѣ надобно, чтобъ я оставилъ у себя тотъ стихарь вовсе, а вмѣсто бъ того далъ въ тое пустыню иной какой. Того ради я, взявъ изъ ряду штофъ по красной землѣ съ золотыми травами, цѣною по пяти рублевъ, и оную парчу посылалъ ему, Архіерею, казать и спросить, прикажетъ ли изъ той парчи, вмѣсто той Китайской парчи, положить на стихарь? И понеже та Китайская парча вся не стоитъ больше десяти рублевъ, что онъ, Архіерей, за благо принялъ и велѣлъ мнѣ сдѣлать изъ того купленаго штофу стихарь, которой я, по ево велѣнію, сдѣлалъ и, обложа серебрянымъ кружевомъ, отослалъ къ нему, Архіерею, съ тѣмъ же его Казначеемъ, Іеромонахомъ Алексѣемъ, а тотъ спорокъ оставилъ у себя для снимания образца только, а не въ пожитокъ себѣ, да и то по его жъ, Архіерейскому, приказу, а потомъ я въ ту жъ Раифскую пустыню далъ отъ себя и ризы новые штофные по зеленой землѣ съ золотными травами, которая парча куплена въ ряду цѣною. А изъ онаго даннаго мнѣ ветхаго спорка, по снятіи образца, намѣренъ былъ сдѣлать стихарь и туда жъ въ пустыню отдать, но какъ услышалъ, что онъ, Архіерей, то на меня затѣялъ, оставилъ оной у себя для свидѣтельства. Того ради прошу, чтобъ повелѣно было тотъ стихарь и ризы данныя отъ меня и тотъ спорокъ, которой мнѣ Архіерей далъ, взять и освидѣтельствовать, и того Архіерейскаго Казначея, для лутчаго свидѣтельства, въ томъ допросить, совсѣмъ ли я сдѣланной стихарь, вмѣсто той ветхой парчи, далъ, или одно оплечье, и то съ его жъ, Архіерейской, воли ево учинилъ, или самъ собою взялъ.

когда всѣ монастыри бѣдные? А между тѣмъ во время суда надъ Волынскимъ сдѣлано было показаніе о Раифскомъ стихарѣ и о разныхъ злоупотребленіяхъ въ Астрахани, но объ Астраханскомъ стихарѣ—ни откуда ни слова. Не вымеръ же весь монастырь въ какія нибудь 15 лѣтъ. И Кубанецъ, главный доносчикъ на него, бывшій съ нимъ и въ Астрахани, нигдѣ не упомянулъ объ этой исторіи, которую онъ, безъ сомнѣнія, зналъ бы.

12. А сего 730 году, Мая въ 12 день, оной Волынской, злобствуя на наше смиреніе, по навѣту и заступленію живущаго въ Казани Подполковника Петра, Игнатьева сына, Дубасова, за взысканіе мое Спасо-Казанскаго монастыря на бывшемъ Архимандритѣ Іонѣ, нынѣ же разстригѣ Іосафѣ Салникѣевѣ (съ которымъ Дубасовъ имѣлъ сильное дружество), по Указамъ, а не собою, церковныхъ и монастырскихъ похищеніевъ, посланные отъ него, Волынскаго, нарочные солдаты, пришедъ въ домъ Архіерейской, и взявъ изъ Казанскаго Приказа отъ дѣлъ Секретаря нашего, Ивана Богданова, неволею, и привели къ нему, на загородный его, Губернаторскій, дворъ, и оной, Волынской, первѣе билъ его, Богданова, и за волосы дралъ собою, потомъ велѣлъ солдатамъ въ сѣняхъ его же, Богданова, въ другіи бить палками и топтунами предъ собою, безъ великія причины, и останилъ едва жива, и чинитъ Волынской зазнаемо оному вору, Салникѣеву, необычную понаровку, свободилъ его, изъ Канцеляріи прежде времени, и отвелъ ему свободную квартиру съ лучшими покои, чего Волынскому завѣдомо такому вѣдомому вору и церковному грабителю, разстригѣ, послабленія давать не надлежало.

. . . . . .

12. Подполковникъ Петръ Дубасовъ на Секретаря его, Архіерейскаго, Ивана Богданова, мнѣ ни чего никогда не сказывалъ, а что онъ, Архіерей, написалъ, что будто присланы были нарочные солдаты въ домъ его, и будто онаго Секретаря взяли изъ Казеннаго Приказу отъ дѣлъ, и то онъ, Архіерей, все солгалъ, а я по него посылалъ дневальнаго Подьячего одного безъ солдатъ, только для того, чтобъ присланному, по Указу изъ Святѣйшаго Синода Нижегородской Епархіи, для слѣдствія по дѣлу о разстригѣ Салникѣевѣ, Архимандриту Лаврентію да Протопопу Андрею, въ Спасскомъ монастырѣ велѣлъ очистить квартиру, о чемъ я ему, Богданову, и предъ тѣмъ приказывалъ, что онъ учинить и обѣщался, а потомъ, пришедъ ко мнѣ, объявилъ, что кельи для нихъ въ томъ монастырѣ очищены, но какъ оные, Архимандритъ и Протопопъ пришли въ тотъ монастырь, то оные кельи заперты, и ихъ никуда не пустили, которые принуждены ко мнѣ прійтить и жаловаться въ томъ на того Секретаря, что онъ ихъ обманулъ, объявилъ имъ, что кельи очищены, а ихъ не пустили и кельи заперты, а самъ онъ съ ними туда не пошелъ; того ради я, призвавъ паки къ себѣ онаго

Секретаря, сталъ ему говорить о томъ, но онъ, отвѣтствуя мнѣ, смѣялся, и за то я приказалъ его, Богданова, караульному Капралу побить палкою, которой Капралъ, по приказу моему, ударилъ его разъ пять, или шесть, и топунками онъ не бивзнъ и за волосы не дранъ; а что онъ, Архіерей, написалъ, что растрига Салникѣевъ свобоженъ изъ Канцеляріи въ квартеру, я ему квартеру дать велѣлъ, и при томъ поставленъ у него, Салникѣева, караулъ, и, кромѣ церкви и Канцеляріи, пускать его ни куда не велѣно.

13. А похищеннаго на немъ, Салникѣевѣ, церковныхъ и монастырскихъ вещей по Указу, отсель ни чего, по страсти своей, Волынской до сего времени не взыскиваетъ, и упустилъ, видно, и за взятку съ него, Іосифа, церковные интересы напрасно, и по посланнымъ изъ Синода двумъ Указамъ Саморокова дѣла изъ Казани въ Москву не присылаетъ и ни о чемъ по обоимъ Указамъ не репортуетъ.

13. На разстригѣ Салникѣевѣ не взыскиваю церковныхъ и монастырскихъ вещей для того, что по дѣлу, которое слѣдовалъ я, обще со опредѣленными духовными персонами, до Указу изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода взыскивать на немъ, Салникѣевѣ, не подлежитъ, понеже въ посланныхъ отъ него, Архіерея, въ Святѣйшій Синодъ выпискахъ, изъ которыхъ присланы къ слѣдствію при Указѣ копіи изъ подлиннаго дѣла, многихъ допросовъ было не внесено, и мнѣніемъ его, Архіерейскимъ, на ономъ, Салникѣевѣ, такіе вещи положены взыскивать напрасно, о чемъ писано въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ и послана обстоятельная выписка, а для скораго разсмотрѣнія при доношеніи приложены экстракты; а Саморокова драное дѣло послано при доношеніи въ Святѣйшій Синодъ минувшаго іюня 10 числа, и о томъ въ Святѣйшій Синодъ репортовано. А что онъ, Архіерей, въ томъ третьемъ на десять пунктѣ написалъ, что я похищенныхъ вещей на разстригѣ Салникѣевѣ не взыскалъ будто изо взятковъ и въ Святѣйшій Синодъ не репортую, и тѣмъ онъ меня оболгалъ; а хоти бъ на немъ Салникѣевѣ, такіе деньги взыскивать, не токмо съ него, за разореніемъ, взять нечего, по тому что того Салникѣева всѣ пожитки и деньги его, Архіерейскимъ, опредѣленіемъ описаны и запечатаны и содержатся въ Спаскомъ Казанскомъ монастырѣ, а именно, пожитковъ безъ мала на тысячу на пятьсотъ рублевъ, да изъ кельи его,

Салникѣева, вынуто денегъ тысяча пять сотъ рублевъ, которые и по нынѣ пропадаютъ напрасно, а онъ, Салникѣевъ, уже и дневной дищи не имѣетъ, кромѣ кто что подастъ милостыню, Бога ради, и тако мнѣ съ него брать стало нечего, понеже и до меня совсѣмъ разоренъ.

14. И сего Іюня въ 4 день, увѣдомлено наше смиреніе, что, де, прошедшаго Мая 15 дня, въ промеморіи изъ Казанской Губерискои Канцеляріи въ Духовной нашъ Приказъ, за руками Нижегородскаго монастыря Архимандрита Лаврентія, да Протопопа Андрея Иванова, да Казанскаго Секретаря Егора Абрамова, написано: «По присланному изъ Святѣйшаго Синода во оную Канцелярію Указу велѣно Казанскому Губернатору Волынскому, со опредѣленными изъ Синода духовными персонами, слѣдовать дѣло по предложенным при томъ Указѣ съ выписокъ, присланныхъ въ Святѣйшій Синодъ отъ нашего смиренія, копіямъ, о похищеніи Спасо-Казанскаго монастыря и села Плетеней церковныхъ вещей бывшимъ Архимандритомъ Іоною (что нынѣ, разстрига Іосафъ Салникѣевъ).»

15. И Мая же 13 дня, по приговору онаго Волынскаго съ тѣми духовными персонами, велѣно, де, во Архіерейской нашъ Духовный Приказъ, по сказкѣ выше писаннаго Салникѣева, послать промеморію, дабы ко оному слѣдствію изъ Духовнаго Приказу присланы были въ Губернскую Канцелярію подлинныя дѣла и выписки, которыя имѣются за его, Салникѣевою, рукою и описныя церковнымъ вещамъ Спасо-Казанскаго монастыря 1715 году книги, изъ которыхъ дѣлъ Секретарь Осипъ Судовиковъ сочинялъ выписки, и у онаго Судовикова и другихъ приказныхъ людей взять сказки съ подтвержденіемъ, что тѣ подлинныя дѣла, и выписки, и описныя книги, къ слѣдствію посланы всѣ, что есть, безъ утайки, и ни чего слѣдствія нашего въ Духовномъ Приказѣ не осталось; и тѣ ихъ сказки, купно съ помянутыми жъ дѣлами, присланы были въ Губернскую Канцелярію.

16. И на оную промеморію изъ Духовнаго Приказу въ Губернскую Канцелярію промеморіею, отвѣтствовали, что, де, съ имѣющихся въ Духовномъ нашемъ Приказѣ Спаскаго монастыря и села Плетеней на Іосафа Салникѣева, въ похищеніи имъ церковныхъ ве-

щей съ дѣлъ и слѣдствія выписки впредь, для вѣдома, въ Духовномъ нашемъ Приказѣ готовятся точныя копіи, а во время сочиненія тѣ копіи о посылкѣ оныхъ дѣлъ и выписокъ, съ требованіемъ резолюціи, послано доношеніе къ намъ, въ Москву; понеже о посылкѣ оныхъ дѣлъ отъ Синода повелѣнія ни какого не имѣется; а Секретарь Осипъ Судовиковъ отправленъ съ присланными отъ Вашего Святѣйшества солдаты, Васильемъ Савельевымъ и Тимоѳеемъ Тихановымъ, въ Москву.

17. И онаго жъ Мая 21 дня, въ Духовной нашъ Приказъ присланы были отъ Господина Волынскаго отъ Кавалеріи Луцкаго полку Поручикъ Василій, Григорьевъ сынъ, Неѣловъ, отъ Артиллеріи Поручикъ же Тимоѳей, Денисовъ сынъ, Яковъ, да Губернской Канцеляріи Канцеляристь Степанъ Стрѣлковъ, и при нихъ шесть человѣкъ драгунъ, которые присланные управителей того нашего Приказу, Судію Игумена Корнилія, Протопопа Михаила Иванова, Секретаря Осипа Судовикова, взявъ сильно, и привели съ немалымъ руганіемъ въ Губернскую Канцелярію, гдѣ въ то время присутствовалъ оной Волынской и съ иными Духовными персоны, и требовали отъ нихъ, управителей, имѣющіяся на разстригу Салникѣева о похищеніи имъ Спасо-Казанскаго монастыря и села Плетеней церковныхъ вещей подлиннаго слѣдствія и выписокъ, на которое требованіе они, управители, объявили, что онаго слѣдствія безъ послушнаго Указу отъ Вашего Святѣйшества и безъ повелѣнія нашего смиренія отдать не смѣютъ, и яко бы за отдачею тѣхъ дѣлъ посланъ въ нашъ Духовной Приказъ изъ Губернской Канцеляріи управляющій за Плацъ-Маіора Капитанъ Иванъ Рогинской, да оной же Секретарь Егоръ Аврамовъ, да показанной Канцеляристь Степанъ Стрѣлковъ, да съ обвахты восемь человѣкъ солдатъ, и выше писанной Секретарь Аврамовъ имѣющіяся на помянутаго Салникѣева подлинныя дѣла при оныхъ, изъ Москвы присланныхъ, солдатахъ, изъ нашего Духовнаго Приказу побрали насильно, и Секретаря Осипа Судовикова въ Губернскую Канцелярію съ собою взяли и подъ карауль отдали, у котораго требуютъ, сверхъ взятья дѣлъ, подписки, чтобъ ему изъ Казани никуды не съѣхать; точію оный Судовиковъ, за Указомъ отъ Вашего Святѣйшества, что отправленъ въ Москву, не подписывается, и за тою не подпискою содержится подъ карауломъ въ великомъ тѣсненіи и до днесь безвыходно.

44, 45, 46 и 47. Такая промеморія изъ Казанской Губернской Канцеляріи посылана для того, что и самъ онъ, Архіерей, въ томъ пунктѣ написалъ, что по Указу изъ Святѣйшаго Синода велѣно мнѣ со опредѣленными Духовными персонами слѣдовать дѣлъ по предложеннымъ при томъ Указѣ съ выписокъ его, Архіерейскихъ, копіямъ о похищеніи разстригою Іосифомъ Салникѣевымъ Спасо-Казанскаго монастыря и села Плетеней церковныхъ и монастырскихъ вещей. И о посылкѣ той промеморіи приговоръ мой, обще со опредѣленными Духовными персонами, учиненъ, и о присылкѣ къ слѣдствію подлинныхъ дѣлъ и выписокъ, которые за рукою Салникѣева, и описныхъ 715 году книгъ церковнымъ вещамъ Спасо-Казанскаго монастыря, изъ Губернской Канцеляріи промеморія въ Архіерейскій Духовной Приказъ послана для того, что при Указѣ изъ Святѣйшаго Синода съ выписокъ копіи, хотя и присланы, но токмо въ томъ Указѣ написано, чтобъ о томъ изслѣдовать подлинно; къ тому жъ, разстрига Салникѣевъ сказкою, при слѣдствіи, показалъ, что посланные выписки въ Святѣйшій Синодъ изъ Архіерейскаго Приказу учинены неправо, и при томъ просилъ, чтобъ о всѣмъ изслѣдовать по подлиннымъ дѣламъ, по тому что, де, многимъ допросовъ въ выписку, посланную въ Святѣйшій Синодъ, не вписано (что при слѣдствіи сыскано), и для того, чтобъ тѣ дѣла и выписки и книги къ слѣдствію присланы были безъ утайки, у Секретаря Судовикова и у приказныхъ людей сказки съ подтвержденіемъ и взяты; а хотя изъ Архіерейскаго Приказу промеморіею и отвѣтствовано, что съ тѣхъ дѣлъ будто готовятся точныя копіи, токмо то чинено для того, чтобъ тѣхъ дѣлъ не допустить до свидѣтельства непорядочныхъ Архіерейскихъ поступокъ и продолжить слѣдствію время. А понеже, по Указу изъ Святѣйшаго Синода, велѣно мнѣ, со опредѣленными Духовными персонами, какъ о присланномъ драномъ дѣлѣ, такъ и о другихъ по допросамъ показанныхъ отъ разстриги Салникѣева дѣлахъ, справясь достовѣрно освидѣтельствовать со всякою очисткою, и такъ по тому Святѣйшаго Синода опредѣленію и по оспору разстриги Салникѣева оные подлинные дѣла къ слѣдствію и свидѣтельству взять подлежало; а хотя бъ и опредѣленія отъ Святѣйшаго Синода о взятьѣ дѣлъ именно было не написано, но когда уже тѣ дѣла къ слѣдствію и свидѣтельству мнѣ съ тѣми Духовными персонами поручены, а оной разстрига о непорядочныхъ его, Архіерейскихъ, поступкахъ споритъ, то ни

какъ не можно было тѣ дѣла за его спором безъ свидѣтельства оставить, понеже (какъ и выше показано) онымъ изъ Святѣйшаго Синода, Ея Императорскаго Величества Указомъ велѣно по ихъ дѣламъ освидѣтельствовать достовѣрно со всякою очисткою.

И для того я Поручика Василья Неѣлова, а не Григорья, а потомъ и Потопоручика Языкова и Канцеляриста Стрѣлкова въ Духовной Приказъ къ Судьямъ Игумену Корнилію и Протопопу, съ согласія съ Духовными персонами, посылалъ безъ солдатъ для того, чтобъ они по посланной къ нимъ промеморіи для свидѣтельства подлинные дѣла въ Губернскую Канцелярію, которые, не приславъ тѣхъ дѣлъ, и пришли сами, а брать ихъ подъ караулъ никто не бирывалъ и ругательства имъ никакого, какъ отъ посланныхъ отъ меня, такъ отъ меня самаго, не бывало; а пришедъ оные въ Губернскую Канцелярію и сказали мнѣ и опредѣленнымъ Духовнымъ персонамъ, что тѣхъ дѣлъ безъ Указу Архіерейскаго отдать не смѣютъ. А понеже о свидѣтельствѣ дѣлъ слѣдуетъ присланной изъ Святѣйшаго Синода Ея Императорскаго Величества Указъ, къ тому жъ разстрига Салникѣевъ показалъ сказкою, что многихъ допросовъ и оправданія его въ выписку, посланную въ Святѣйшій Синодъ, не внесено, того ради я, съ общаго согласія со опредѣленными Духовными персонами, велѣлъ ему, Игумену и Протопопу, вычесть присланной изъ Святѣйшаго Синода Ея Императорскаго Величества Указъ, и ежели они по тому Ея Императорскаго Величества Указу тѣхъ дѣлъ, за послушаніемъ своимъ, не отдадутъ, велѣлъ имъ въ томъ подписаться, которые и подписались, и за тѣмъ, для забранія тѣхъ дѣлъ и чтобъ въ слѣдствіи не учинить остановки, Секретаря Аврамова и Канцеляриста Стрѣлкова я, обще со опредѣленными Духовными персонами, и посылалъ, а съ габвахты солдатъ двухъ сотъ человѣкъ я не посылывалъ, и по двѣсти человѣкъ на габвахтѣ на карауле никогда въ Казанѣ за расходомъ на плацѣ не бываетъ, развѣ человѣкъ по сороку, да и тѣхъ посылать было не для чего; также какъ Судья Корнилій и Протопопъ приходили въ Канцелярію, безчестныхъ словъ ни какихъ я имъ не говаривалъ, Секретаря Осипа Судовикова подъ карауломъ многое время и ни въ какомъ тѣсненіи не держивалъ, только оной Судовиковъ задержанъ былъ въ Канцеляріи сутки, или двои, и то за упрямство его, потому что, по вышеписаннымъ дѣламъ, надлежало ему, Судовикову, подписаться,

чтобъ безъ Указу изъ Казани никуда не съѣхать, по тому что Архіерейскіе Подвѣчіе безъ него, Судовикова, по тѣмъ дѣламъ, въ чемъ явится отъ Салникѣева споръ, отвѣтствовать не хотѣли; а указывали, что у тѣхъ дѣлъ былъ онъ, Судовиковъ, а онъ, Судовиковъ, въ томъ споримъ и не подписывался, и когда подписался, то онъ, Судовиковъ, изъ Канцеляріи и отпущенъ. И онымъ всѣмъ, чего я не чинилъ, онъ, Архіерей, ябедническои оболгалъ меня напрасно.

18. Онъ же, Губернаторъ, въ бытность свою въ Казани, повсягодно, во время косьбы сѣна, на собственныя свои конюшни бралъ у насъ, чрезъ посланныхъ своихъ, домовыхъ нашихъ однихъ крестьянъ, кромѣ монастырскихъ, человѣкъ по тридцати и больше, и работали на него мѣсяца по три безъ отпуску и во время дѣловыя нужныя поры на ихъ крестьянскомъ хлѣбѣ, понеже онъ у себя лошадей держитъ чрезвычайно многое число.

18. Лошадей, сколько бъ я ни держалъ, ему, Архіерею, до того дѣла нѣтъ, а въ неволю я для косьбы сѣна не только изъ его, Архіерейскихъ, и ни изъ какихъ вотчинъ ни отъ кого крестьянъ не бирывалъ, и по три мѣсяца и больши не держивалъ, а во время сѣнокосовъ прашивалъ я Архіерея и другихъ о работникахъ, и онъ, Архіерей, давалъ мнѣ человѣкъ по двадцати и по тридцати, и того во всю мою бытность одинъ разъ, или дважды, которые дней по десяти на меня сѣно кашивали, а собою и въ неволю я ни одного человѣка не бирывалъ: а что онъ, Архіерей, на меня написалъ, и то солгалъ, какъ недоброй человѣкъ.

19. Да отъ него жъ, Волынскаго, посланные повсягодно въ осеннюю пору и грязи брали жъ крестьянъ однихъ нашихъ, кромѣ монастырскихъ, съ лошадьми подводъ по шестьдесятъ и больши, для перевозки вышепоказаннаго сѣна, и бывали на той его, Губернаторской, работѣ по мѣсяцу и больше безъ отпуску на ихъ крестьянскомъ хлѣбѣ, а съ дворцовыхъ и ясашныхъ вотчинъ людей однихъ и крестьянъ съ лошадьми ни на какую работу не брали, а все обработываютъ наши домовые и монастырскіе крестьяне.

19. Для перевозки сѣна подводъ въ неволю я ни съ кого не бирывалъ, и обработывать ни кого его, Архіерейскихъ, крестьянъ не

заставливалъ, только что въ прошломъ 1728 годѣ Архіерей, по просьбѣ моей, давалъ мнѣ для перевозки сѣна подводъ съ пятьдесятъ, которые перевезли сѣна поѣздки съ три съ луговъ, которые отсюды въ семи верстахъ, а въ прошломъ 1729 году онъ присылывалъ ко мнѣ нѣсколько подводъ, для возки сѣна, съ Казначеемъ своимъ, Алексѣемъ Раиескимъ, и тѣхъ подводъ я не принялъ.

20. По приказу его жъ, Волынскаго, посланные солдаты домовыхъ нашихъ дву человѣкъ оловянищниковъ да третьяго живописа, Якова Савина, изъ домовъ ихъ взяли насильно къ Губернатору на дворъ, безъ вѣдома нашего, и сдѣлали ему изъ подъ неволи оловянной посуды большой руки дюжину блюдъ, и къ тѣмъ блюдамъ четыре ковчега оловянные же, да пять дюжинъ тарелокъ большой же руки и на нихъ ковчеги, и прочія работы многіе дѣлали, а живописецъ свѣтлицы подмазывалъ и всякую живописную работу отправлялъ многое время, а за работу имъ платы ни мало не дано.

20. Оловянищники для починки посуды, а живописецъ для подмазыванья свѣтлицъ, временно хотя и работывали, только не насильно, иногда съ воли его, Архіерейской, а иногда и они мастеровые добровольно и съ платы, и безъ платы, и насильно ни кто на меня не работывалъ никогда.

21. Онъ же, Волынской, собою, безъ вѣдома нашего, велѣлъ солдатамъ побрать дву человѣкъ нашихъ оконничниковъ къ себѣ въ домъ для дѣланія въ новыя хоромы стекольчатыхъ и слюденыхъ окончинъ не малаго числа, и задержаны были они до со ершенныя же отдѣлки, и работали на него днемъ и ночью безъ выпуску неотлучно, а платы имъ ни чего не даютъ.

21. Хоромъ собственныхъ у меня здѣсь своихъ нѣтъ, а живу въ домѣхъ Ея Императорскаго Величества, и когда случится дѣлать, или починить, окончины того, для такихъ подѣлокъ оконничниковъ прашивалъ у него, Архіерея, или у его Казначея, для того, что иныхъ мастеровъ здѣсь, кромѣ его, нѣтъ, и какъ окончится дѣло, за работу имъ давано всегда.

22. А пищу оные всѣ крестьяне и мастеровые художники получаютъ отъ дому Архіерейскаго, а иное покупаютъ на свои по-

слѣдніе деньги, а изъ дому Губернаторскаго не токмо хлѣба, или щей, но и квасу отнюдь не даютъ, и отъ того насильнаго взятья мастеровыхъ людей въ домѣ нашемъ въ починкѣ всякаго званія учинилась остановка, и для того строенія, по многой нашей просьбѣ, мастеровыхъ нашихъ людей къ намъ не отпускивалъ, и горши за то ихъ тѣснилъ, и посланныхъ отъ насъ бранилъ и грозилъ бить.

22. Мастеровыхъ людей иногда у меня кормливали моимъ хлѣбомъ, а иногда и нѣтъ, для того что дается имъ за работу плата, и ни какого имъ утѣсненія не чинилъ, и посланныхъ его не бранивалъ, и побоями никогда не грозилъ, и онъ ко мнѣ ни кого говорить не присылывалъ, и то все онъ, Архіерей, затѣялъ на меня какъ безсовѣстной человѣкъ.

23. Да изъ новаго нашего Болгарскаго монастыря оной Губернаторъ велѣлъ вновь записать въ подушной окладъ дѣйствительныхъ церковниковъ, Поповыхъ дѣтей, трехъ человѣкъ, и послалъ невѣдомо куды, не увѣдомя насъ про нихъ, а иные Дьячки посланы были отъ насъ въ оной монастырь для обученія церковнаго круга.

23. Дѣйствительныхъ Поповыхъ дѣтей въ подушной окладъ записывать не вѣливалъ; только въ прошломъ 729 году, Іюля 29 дня, по челобитью Казанскаго Уѣзду Нагайской дороги, села Архангельскаго, Поповыхъ дѣтей, Гура да Ефима Ильиныхъ, да того жъ села Дьячкова сына, Петра Иванова, да помѣщикова села Архангельскаго Пономарскаго сына, Захара Яковлева, въ подушной окладъ написать велѣлъ, для того, что въ прошеніяхъ ихъ написано: «какъ, де, была перепись и свидѣтельство о душахъ мужеска полу, и они, де, при той переписи при отцахъ своихъ написаны, а подушнаго, де, окладу съ нихъ не берется, а за чѣмъ, не знаютъ; а нынѣ, де, тому третей годъ Болгарскаго монастыря Игуменъ Филаретъ взялъ ихъ изъ тѣхъ селъ въ помянутый монастырь съ женами и дѣтьми, по Архіерейскому ль приказу, или собою, того не знаютъ же, и съ того, де, числа живутъ и по нынѣ въ томъ монастырѣ, и работаютъ на тотъ монастырь всякую крестьянскую работу того монастыря съ крестьяны въ равенствѣ, а данной земли отъ того монастыря имъ не имѣется, и чтобъ по той переписи положить ихъ въ подушной окладъ и жить гдѣ Указомъ повелѣно будетъ, понеже они не дѣйствительные церковники и грамотѣ не обучены, и въ цер-

ковной службѣ быть не заобычайны, а желаютъ жить въ Казанскомъ Уѣздѣ по Зюрейской дорогѣ, въ деревнѣ вверхъ по Заю рѣчкѣ, Маврино тожъ, а по справкѣ съ переписными книгами имянныхъ при выше писанныхъ отцахъ ихъ и при Болгарскомъ монастырѣ не написано, а по Указѣ Блаженные и вѣчнодостойные памяти Императорскаго Величества изъ Канцеляріи Высокаго Сената Іюня 21 дня, прошлаго 722 году, написано: «Ежели кто гдѣ изъ церковныхъ служителей при переписке явятся не служащіе и пожелаютъ въ посадъ и въ ремесленные люди, или на Государевы, или Синодальные и другіе вотченниковы пашенные земли, и таковыхъ опредѣлять и въ подушную перепись писать по ихъ волѣ.» По которому ихъ желанію въ выше писанномъ мѣстѣ въ подушной окладъ оные и написаны, понеже какъ и выше показано, что они не служащіе и грамотѣ не умѣютъ; а таковыхъ Указовъ, чтобъ Архіереемъ Поповыхъ и причетниковыхъ дѣтей въ крестьянскую работу опредѣлять, въ Губернской Канцеляріи не имѣется; и по тому видно, что желаніе его, Архіерейское, было тѣхъ людей имѣть въ крестьянской работѣ, а не для обученія церковнаго круга.

24. Онъ же, Губернаторъ, для изысканія надо мною всякаго неповиннаго сокрушенія, а домовымъ нашимъ и монастырскимъ крестьянамъ ища напраснаго разоренія, въ оной же Болгарской монастырь посылалъ тайно отъ себя Подъячего съ солдаты, не объявя намъ, и тѣ посланные Игумену съ братіею и при томъ монастырѣ живущимъ крестьянамъ чинили не малую изневагу и тѣсноту напрасно.

24. Во оной Болгарской монастырь Подъячего и солдатъ я посылалъ по присланной промеморіи изъ Казанской Лѣсной Конторы, въ которой въ промеморіи объявлено: «Въ прошеніи, де, Ибраима Мурзы Алѣева написано: Въ прошломъ, де, 728 году, крестились изъ за него люди и крестьяне изъ Татаръ въ Православную Христіянскую Вѣру Чирка Аклычевъ съ товарищи, семь человѣкъ, и въ поданныхъ о душахъ мужеска полу сказкахъ написаны оные за нимъ, Ибраимомъ Мурзою, за которыхъ подушные деньги платитъ онъ, Мурза спуста, отъ чего, де, онъ въ конецъ разорился, а жительство, де, оные новокрещены имѣютъ по опредѣленію изъ Архіерейскаго Приказу при Архіерейскомъ выше объявленномъ домовомъ мо-

настырю Успенскомъ, что на Болгарахъ, а изъ подушнаго, де, окладу изъ за него, Мурзы, не выключены, и чтобъ оныхъ большихъ людей и крестьянъ новокрещеновъ изъ за него, Мурзы, изъ подушнаго окладу выключить, и взыскивать подушные деньги и всякія подати въ выше писанномъ домовомъ Архіерейскомъ монастырѣ, гдѣ оные новокрещены нынѣ жительство имѣютъ.» А въ промеморіи изъ онаго Архіерейскаго Приказу писано, что выше писаннаго Мурзы люди и крестьяне, Татаръ семь человѣкъ, въ Православную Христіянскую Вѣру крещены и для обученія и исправленія Христіянскаго Закона опредѣлены жить при выше писанномъ монастырѣ; а при слѣдствіи, оные новокрещены сказками показали, что при томъ монастырѣ отведены имъ дворы и пашенные земли противъ крестьянъ въ равенствѣ, а въ подушную, де, перепись они написаны за помянутымъ Мурзою, и подушные деньги платитъ онъ, Мурза; а въ Указѣ блаженные и вѣчнодостойные памяти Петра Перваго, Императора и Самодержца Всероссійскаго, Ноября 22 дня, прошлаго 720 году, изъ Правительствующаго Сената написано: «велѣно по требовальной отпискѣ Казанскаго Тихона Митрополита, которые новокрещены разныхъ народовъ люди воспріяли Православную Христіянскую Вѣру, или которые впредь воспріимутъ, такимъ во всякихъ Его Императорскаго Величества зборѣхъ и въ издѣльяхъ давать льготы на три года;» и тѣхъ новокрещеновъ изъ за онаго Мурзы велѣлъ я выключить, и, по силѣ выше объявленнаго Указу, дать имъ льготы на три года и написать ихъ въ подушной окладъ на Вяцкой полкъ въ Свіяжскомъ же Уѣздѣ въ ясашное село Болшово, съ протчими того села крестьяны, которые положены на показанной Вяцкой полкъ, на которой прежде были написаны, дабы отъ того въ переводѣ изъ полка въ полкъ помѣшательства не было. Да при томъ же слѣдствіи по поданнымъ сказкамъ явилось за онымъ монастыремъ отъ подушной переписи утаеныхъ душъ не малое число, а имянно, семьдесять девять душъ, которые и по нынѣ подушнаго оклада не платятъ; а по Указамъ Ея Императорскаго Величества такихъ утаенныхъ отъ переписи взыскивать велѣно, а за утайку владѣльцамъ чинить наказанье, но точію по тому дѣлу за нынѣшнимъ его, Архіерейскимъ, споромъ рѣшенія не учинено. Изъ выше писаннаго видно, что оной Архіерей означенныхъ новокрещеновъ опредѣлялъ во оный монастырь для работы, а не ради обученія Христіянскаго Закона, какъ и выше въ сказкахъ оныхъ новокрещеновъ показано, что отведены были имъ

земли и покосы противъ крестьянъ въ равенствѣ; а таковаго Указу, чтобъ Архіереемъ новокрещеновъ у себя селить въ деревняхъ и подушныхъ денегъ съ нихъ не платить, въ Губернской Канцеляріи не имѣется.

25. Да въ мимошедшую осень въ каменномъ городѣ его жъ, Губернаторскимъ, приказомъ, бывшаго Соборнаго Протопопа, да у Протодіякона Ивана, дворы ихъ, да въ сосѣдствѣ Крутицкаго Архіерея подворье со всякимъ строеніемъ сломаны и мѣста очищены, и тѣмъ оные церковные служители разорены напрасно.

25. Такіе дворы сломать и мѣста очистить я велѣлъ для того, что они стояли въ тѣснотѣ близъ пороховыхъ цейхгаузовъ, и опасно было отъ пожару, да и для того, что такихъ партикулярныхъ людей дворамъ съ деревяннымъ строеніемъ въ крѣпостѣхъ быть не надлежитъ, а надлежитъ быть за городомъ, а вмѣсто того за городомъ велѣлъ имъ отвесть лучше тѣхъ порожжіе мѣста.

26. Въ прошломъ 1729 году въ Казанской Губернской Канцеляріи Симбирскаго Уѣзда вотчины Князь Василья Петрова сына Хованскаго села Векшамъ крестьянка, раскольница Ѳедосья Евдокимова дочь, въ допросѣ показала: «Вѣдаетъ, де, она въ Казанской Губерніи въ разныхъ лѣсахъ со многими мужеска и женска полу людьми три скита, въ которыхъ и она съ ними общее жительство равномѣрно имѣла, а именно: первой въ Керженцѣ Поповщинской, второй въ Синбирскомъ Уѣздѣ по рѣчкѣ Тересѣ въ лѣсу, третей въ лѣсу жъ вотчины Богородицкаго монастыря въ Свіяжскомъ Уѣздѣ, близъ деревни Харины, и живучи, де, въ тѣхъ скитахъ Святыхъ Таинъ, какъ Восточная Церковь, по преданію Святыхъ Апостолъ и Богодухновенныхъ Отецъ, повелѣваетъ, не пріобщалась, а причищалась, де, и молитву творила, живучи въ тѣхъ скитахъ, по ихъ, Раскольническому, ученію,» и которыхъ ея къ Церкви Святѣй и прочихъ въ тѣхъ скитахъ живущихъ раскольническихъ противностяхъ, оной Волынской не слѣдовалъ, и о всемъ завѣдомо умолчалъ въ духовную команду къ намъ по Указу, и за немилость свою для подлиннаго отъ раскола исправленія и выше показанныхъ скитовъ изысканія, тое женку не прислалъ, отъ котораго его, Губернаторскаго, попущенія и лучшую Раскольникамъ свободу задаетъ, на что

взирая, и болѣе такихъ суевѣрцовъ и скитовъ умножаться будетъ, понеже за ними, Раскольники, въ скиты посылки не было и уничтожено все зазнаемо.

26. Такая женка дворовыми людьми Вице-Губернатора Казанскаго, Нееѳда Кудрявцова, въ Губернскую Канцелярію приведена была, а слышалъ я отъ Нееѳда Кудрявцова, что онъ отсылалъ ее въ Архіерейской Духовной Приказъ, но тамъ оная не принята, а въ Губернской Канцеляріи о Раскольникахъ, которые живутъ въ лѣсахъ въ Свіяжскомъ Уѣздѣ, допросомъ оная женка показала, и для того показыванія тѣхъ раскольщиковъ и слѣдствія та женка отослана изъ Губернской Канцеляріи въ то жъ время въ Свіяжскую провинцію къ Брегадиру и Воеводѣ Козлову.

27. Онъ же, Губернаторъ, у Спаса Казанскаго монастыря на подсѣкѣ подгородный дворъ со всѣми покои отнялъ себѣ, который изстари нарочно сдѣланъ былъ для монастырскаго хлѣба и скотины и прочаго къ тому приличества, и перевелъ на оной дворъ собакъ съ двѣсти, да псарей и другихъ людей человѣкъ съ пятнатцать, и жили во всѣхъ кельяхъ и работныхъ избахъ съ великимъ того двора служителемъ преобидѣніемъ, и кормили оныхъ людей, также и собакъ, монастырскимъ хлѣбомъ и кашею, и брали къ Губернатору на дворъ съ той подсѣки овесъ чистой, изъ гумна всякую невѣйницу, и рубили изъ сноповой ржи колосъ, также яровую и ржаную солому возили безпорядочно, отъ котораго гуменнаго корму напредь сего монахи, продавая за деньги охочимъ людямъ по цѣнѣ, въ монастырь всему братству получали соль въ годъ себѣ на пропитаніе, а въ иное время псари привозили на ту подсѣку собакамъ мертвыхъ лошадей и коровъ и всякое стерво, отъ чего на томъ дворѣ будущія овцы и прочая скотина вымерли; и усмотря той же обители власти оную причину, просили Губернатора о сводѣ выше показанныхъ людей и собакъ съ двора того неоднократно, и въ тѣ жъ числа призвалъ Губернаторъ къ себѣ въ Канцелярію своя обители властей, и съ великимъ уграживаніемъ приказалъ имъ на томъ дворѣ, для помету щенятъ, сукамъ построить сломаную баню, и онныя власти, за страхомъ, подъ неволею, построили, и тѣмъ дворомъ Губернаторъ съ начала пріѣзда своего и донынѣ владѣлъ, а монастырь обижалъ напрасно.

27. Собакъ я у себя имѣлъ съ тридцать, а не съ двѣсти, а держать ихъ мнѣ у себя было негдѣ, а увѣдомился я съ пріѣзду моего, что за городомъ есть монастырскіе Спаскаго монастыря пустые два двора, конюшенной и скотной; того ради просилъ я Архіерея, чтобъ онъ далъ мнѣ тамъ мѣсто для людей моихъ и собакъ, и по просьбѣ моей онъ, Архіерей, самъ велѣлъ того монастыря Келарю изъ тѣхъ дворовъ очистить для меня одинъ дворъ, на которомъ нѣсколько мѣсяцовъ жили люди мои, пять человѣкъ, и при нихъ съ тридцать только собакъ, однако жъ кормомъ монастырскимъ ни какимъ не кармливаны, и люди мои сами собою и соломы безъ спросу ни бирывали, и на дворъ ко мнѣ овса и колосу не важивали, а когда случалась нужда въ соломѣ, я всегда прашивалъ у него, Архіерея, или того монастыря у Келаря, и по проъзбѣ моей раза два, или три, давали мнѣ соломы возовъ десятка по три и по пятидесяти, а собою и того ни чего я не бирывалъ. А что онъ, Архіерей, написалъ, будто отъ тѣхъ собакъ на томъ дворѣ померли овцы и прочая скотина, того ни чего не бывало, и я о томъ жалобы не слыхалъ, да и мереть не чему, для того что и до того мало было. Что же написалъ на меня Архіерей, будто я, призвавъ въ Губернскую Канцелярію того монастыря властей, и съ великими угрозами приказывалъ построить сломанную баню, того ни чего не бывало жъ, и баня не была сломана, только была изъ бани выломана печь, а между тѣмъ пришелъ ко мнѣ въ Губернскую Канцелярію того монастыря Келарь за нѣкоторомъ монастырскимъ дѣломъ, котораго я въ то время безъ всякихъ угрозовъ просилъ, чтобъ онъ велѣлъ въ той банѣ печь починить, что онъ и учинилъ; а онъ, Архіерей, все то на меня солгалъ и затѣялъ, понеже я дворомъ тѣмъ никогда не владѣлъ и обиды ни какой не дѣлывалъ.

28. Онаго жъ монастыря въ городѣ каменномъ другой послѣдній конюшій старинный жалованный дворъ занялъ всякимъ лѣсомъ и хоромными бревны и прочимъ, тому третій годъ, тѣснитъ и принуждаетъ тотъ дворъ вовсе сломать и мѣсто очистить подъ строеніе ему Губернаторскихъ конюшенъ, о чемъ словесно и просьба ему властелинская была многая и письменно отъ насъ къ нему, Губернатору, келейнѣ, по требованію его, отвѣтствовано жъ, также и нынѣ принуждаетъ Келаря, Варѳоломея Володимерцова, оной Волынской конюшенной дворъ и въ рядахъ лавки чрезъ посланъ-

ныхъ изъ Полиціи ломать и очищать мѣста безвременно, и хощетъ, яко бы за неломаніе оныхъ, бить публично.

28. Въ каменномъ городѣ конюшеннаго Спаскаго монастыря двора лѣсомъ и бревны я не занималъ, того двора вовсе сломать не веливалъ, которой и понынѣ стоитъ въ прежнемъ состоянiи, какъ и напредь было, и въ томъ Келарю Володимерцову ни какова принужденія отъ меня нѣтъ; возили лѣсъ того монастыря на строеніе Архимандричьихъ келій и на мостовое строеніе ихъ же монастырскіе крестьяне, а у меня только поставлены были на пустомъ мѣстѣ два струба избяныхъ ветхихъ, и то съ воли того монастыря Келаря; а въ мясномъ и рыбномъ рядахъ лавки чрезъ посланныхъ изъ Полиціи ломать и очищать мѣста я велѣлъ, по силѣ Губернаторской Инструкціи, для опасности отъ пожарнаго случаю, понеже оные лавки построены близъ самаго Государева каменнаго двора, сверхъ того отъ оныхъ мяснаго и рыбнаго рядовъ была великая въ городѣ вонь, такъ что тѣми мѣстами проѣхать трудно было, того ради оные мѣста и сломаны, а вмѣсто тѣхъ прежнихъ мѣстъ велѣлъ отвести другіе мѣста, которые и отведены подъ рыбной рядъ подлѣ рѣки Казанки, а подъ мясной за городомъ на пустомъ мѣстѣ.

29. Да онъ же, Волынской, по челобитью Маіора Болтина, рѣшилъ дѣло неправо, отнялъ у насъ и Болтину отдалъ жалованныхъ нашихъ крестьянъ, Михайла Григорьева сына Шеметова съ женами и съ дѣтьми, всего сорокъ одного человѣка, которыхъ по принужденію его, Губернаторскому, къ нему, Болтину, на сорока подводахъ и отвезли наймомъ болѣе пяти сотъ рублей, да сверхъ того правятъ насъ оному, Болтину, яко бы за пріемъ и держаніе оныхъ крестьянъ, свыше десяти тысячъ рублей, а тѣхъ крестьянъ, какъ прежде Архіереи, такъ и наше смиреніе и домовые приказные управители, отнюдь не принимали, а тѣхъ крестьянъ дѣды и отцы были не бѣглые и въ селѣ Ильбахтинѣ жили до отказу за домъ Архіерейской, о чемъ Шеметовъ и допросомъ показалъ, что дѣдъ и отецъ его, Шеметовъ, въ томъ селѣ, Ильбахтинѣ, и померли, а онъ, Михайло, съ братьями своими въ томъ же селѣ и родился, а отъ Коннина и Дементьева, отъ которыхъ, яко бы Болтину Шеметовы достались, крестьянства отпирались вовсе, и про

онаго Коппина отъ дѣда своего и отца не слыхивали, и ни малымъ къ тѣмъ Помѣщикамъ бѣглыми себя ни приличили, и подлинно называются нашими, Архіерейскими, крестьянами, а не пришлыми, и по переписи и свидѣтельству Генералитета, а по ихъ, Шеметовыхъ, сказкамъ, написаны они за домомъ нашимъ, а не за Помѣщики, и за тѣмъ въ Указное время вывозить намъ ихъ не надлежало, а признать ихъ въ то число и нынѣ пришлыми отнюдь не возможно, на которые его, Михайловы, допросы оной, Маіоръ Болтинъ, опроверженія и явнаго доказательства ни какого, что оные крестьяне суще Коппина, къ дѣлу не предложилъ, и родственниковъ его, Михайловыхъ, и знаемыхъ на нихъ постороннихъ свидѣтелей не предъявилъ.

29. Маіору Болтину изъ вотчинъ его, Архіерейскихъ, крестьяне Михайла Шеметъ съ товарищи, съ женами и съ дѣтьми, отданы по крѣпостямъ, по выписямъ съ писцовыхъ книгъ 132, 134 и 134 годовъ, съ переписныхъ 154 и 186 годовъ, въ которыхъ написаны тѣхъ крестьянъ прадѣды, и дѣды, и отцы, и дяди родные, и по Указу 722 году тѣхъ крестьянъ изъ вотчинъ его, Архіерейскихъ, въ прежніе жилища отвесть велѣно его, Архіерейскимъ, крестьянамъ на своихъ подводахъ, какъ о томъ Указы повелѣваютъ; а чего ради наймомъ тѣхъ крестьянъ мимо своихъ подводъ возили и во что сталъ наемъ, про то я не знаю; а что онъ, Архіерей, доноситъ, будто то дѣло я рѣшилъ неправо и будто я правлю съ него оному, Болтину, за пріемъ и за держаніе выше писанныхъ крестьянъ свыше десяти тысячъ рублевъ, и тѣмъ онъ, Архіерей, меня ябедою своею оболгалъ, по тому что крестьяне, какъ и выше показано, отданы по крѣпостямъ, а о пожилыхъ деньгахъ отъ Маіора Болтина въ Губернскую Канцелярію еще и прошенія не подано, и чтобъ повелѣно было то дѣло взять и освидѣтельствовать.

30. Да онъ же, Волынской, неправымъ своимъ приговоромъ отнялъ у Седьмиезерныя пустыни двѣ деревни, Большую Сару, Сосновка тожъ, Малую Сару, Кириловка и Матвѣевка тожъ, со крестьяны и со всякими угодьи, и отдалъ Казанскому Помѣщику, Андрею Писемскому, во владѣнье, не взявъ изъ монастыря крѣпостей, безъ допросу, о чемъ въ 729 году, Іюня въ 12, и въ нынѣшнемъ 730, Апрѣля 10 числахъ, по челобитью тоя пустыни Игумена Савватія

да Казначея Дамаскина, изъ Москвы къ нему, Волынскому, посланы изъ Юстицъ-Коллегіи два Указа, по которымъ, какъ первому, такъ и второму, велѣно тѣ деревни, у Писемскаго взявъ, паки возвратить къ монастырю по прежнему, а Писемскому отъ владѣнія тѣхъ деревень отказать, а неправо вершенное имъ, Волынскимъ, дѣло выслать ему къ рѣшенію въ Юстицъ-Коллегію, по которымъ обоимъ Указамъ того дѣла въ Юстицію не присылаетъ и деревню въ монастырь не возвращаетъ, и, взирая свое по тому дѣлу неправое вершеніе и на монастырь посягательство, а къ Писемскому понаровку, ни очемъ въ Москву другой годъ не рапортуетъ, и за оное властей прошеніе Волынской утраживаетъ онаго Казначея, Іеродіякона Дамаскина, на загородномъ дворѣ у себя бить кнутомъ напрасно.

30. Вышеписанной пустыни съ монахи по челобитью Писемскаго о деревняхъ дѣло вершено Вотчинной Коллегіи въ Конторѣ, и изъ той Конторы въ прошломъ 1724 году прислано при Указѣ въ бывшей Казанской Надворной Судъ, а не я оное вершилъ, и велѣно оные деревни за Писемскаго отказать, по которому Указу опредѣленіемъ Губерской Канцеляріи и отказаны; а тѣхъ вотчинъ къ той пустыни изъ за Писемскаго возвращать не надлежитъ, понеже во ономъ же присланномъ Указѣ изъ Вотчинной Конторы объявленъ блаженные и вѣчнодостойные памяти Императора Петра Великаго имянной Указъ, состоявшейся въ 701 году, что къ домовымъ Патріяршимъ вотчинамъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель не покупать и въ монастырѣхъ властемъ съ Помѣщики и вотченники жилыми и пустыми землями не мѣняться, и въ Помѣстномъ Приказѣ по ихъ заручнымъ челобитнымъ не росписывать, да по Уложенью 17 главы 42 пункта: «кто вотчину родовую, или выслуженую, или купленую, продастъ, или заложитъ, или по душѣ Патріярху, или Митрополиту, или Архіепископу, или Епископу, или въ которой монастырь, и та вотчина взять на Государя безденежно и отдать въ раздачу челобитчикамъ, кто о той вотчинѣ учнетъ Государю бить челомъ.» А оной пустыни бывшей Игуменъ съ братіею тѣ деревни къ тому монастырю изъ за Писемскаго сдѣлали подлогомъ за выше писаннымъ Его Императорскаго Величества имяннымъ Указомъ землю мѣною за одну четверть пятдесять четвертей, и тое четверть поступидись по конецъ поль, которой и сыскать негдѣ, а крестъ-

янъ будто бы по сдѣлкѣ за бѣглыхъ крестьянъ, а такихъ бѣглыхъ за пустынею и въ переписныхъ книгахъ имянами не написано, о чемъ явствуетъ по дѣлу имянно. Что же въ томъ пунктѣ написано, что тѣ деревни опредѣленіемъ Губернской Канцеляріи отданы Писемскому во владѣніе, не взявъ изъ монастыря крѣпостей безъ допросу, и то челобитчики сплутали, а оной Архіерей ябеднически на меня солгалъ, сообщася съ ними, понеже имѣющіяся на тѣ деревни ихъ крѣпости къ дѣлу предложены, а допрашивать, за присланнымъ Указомъ и за рѣшеніемъ того дѣла Вотчинной Коллегіи, въ Конторѣ тѣхъ челобитчиковъ не подлежало, и хотя бъ въ той Конторѣ оное дѣло и не правильно было рѣшено, Губернская Канцелярія перевершить не можетъ, и онымъ бы челобитнымъ надлежало бить челомъ въ Вотчинной Коллегіи на Контору, а не на Губернскую Канцелярію; и тако они челобитчики плутовствомъ, Архіерей ябедою и потачкою своею на нихъ, плутахъ, оболгали меня напрасно, о чемъ на оныхъ челобитчиковъ о сатисфакціи въ Государственную Юстицъ-Коллегію сего году Іюля 30 дня и доношеніе послано.

31. Онъ же, Губернаторъ, лѣтомъ и зимою со псовою охотою многолюдствомъ ѣздитъ по полямъ и сѣнным покосамъ и посѣянной яровой и озимой хлѣбъ нашъ и монастырской лошадьми и собаками и людьми своими толочутъ необычно, и мимо Помѣщиковыхъ и другихъ вотчинъ ночуютъ у насъ въ деревняхъ, и съ боемъ и неволею со крестьянъ нашихъ и монастырскихъ берутъ конямъ сѣна и овса и про людей всякой живности и хлѣба, сколько похотятъ, и тѣмъ несносную намъ и крестьянамъ обиду чинятъ напрасно.

31. Многолюдствомъ по полямъ я не ѣзживалъ, и Архіерейскихъ и монастырскихъ сѣнныхъ покосовъ и яроваго и озимаго хлѣба людьми и лошадьми и собаками не толачивалъ, и обиды ни какой крестьяномъ не чинивалъ, и сѣна и овса и про людей живности и хлѣба насильно не бирывалъ, а когда случалось съ собаками ѣздить, тогда отъ меня всѣмъ накрѣпко заказывано, чтобъ никому никто обидъ ни какихъ не чинили и хлѣба не толачивали, а въ деревняхъ монастырскихъ, какъ случится къ ночѣ, я ночевалъ, и то разъ пять, или шесть, а не для того, чтобъ чинить обиды, и жив-

ность, и овесъ, и сѣно въ то время покупаютъ у меня на деньги и повольною цѣною, кто что продастъ, а безденежно и въ неволю ни чего съ Архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ не имывавано; а когда случалось, что и безденежно оные крестьяны принашивали, и того во всю мою бытность овса не взято ни двадцати четвертей, также и сѣна ни пятидесяти возовъ, а живности не взято ни на пять рублевъ, но и то не изъ подъ неволи, и обидъ ни какихъ конечно ни кому не бывало; а ежели бъ я, или люди мои что брали въ неволю и безденежно, и ему бъ надлежало показать имянно, сколько гдѣ, и въ которыхъ числѣхъ, и кѣмъ, и на сколько цѣною чего побрано, и хлѣба потолочено, но онъ того не показалъ, и по тому, что онъ, Архіерей, ябедою своею облыгаетъ и вредитъ честь мою напрасно, стало быть, видно.

32. Да по Губернаторскому жъ приказу къ домовымъ нашимъ пѣвчимъ и церковнымъ причетникамъ поставлено Офицеровъ и солдатъ, гдѣ одна печь, тамо по два человѣка, а у кого по двѣ печи, тамо по четыре человѣка, а у иныхъ учинены съѣзжіе дворы и послѣдніе покоицы отъ постою у всѣхъ заняты, а у простолюдиновъ, градскихъ жителей у многова числа дворовъ постоемъ обойдено, а церковники, за посягательствомъ Волынскаго, принуждены и дворишки продавать, да за страхомъ Губернаторскимъ и купить ихъ не смѣютъ.

32. Постой въ Казани у всякихъ чиновъ людей, кромѣ Поповъ и Дьяковъ, становится на всѣхъ дворѣхъ необходимо, а не у однихъ Архіерейскихъ, по тому что въ Казанѣ гварнизонныхъ три полка, да прибылыхъ армейскихъ пѣхотныхъ два, Ростовской и Нижегородской, и стоятъ по полугоду, а въ другія полгода переводятъ на другіе квартеры, и гдѣ случится, по очереди, у прибылыхъ полковъ имѣются и съѣзжіе дворы, а посягательства моего къ его Архіерейскимъ пѣвчимъ и церковнымъ причетникомъ ни какого нѣтъ, и отводятся квартеры для постою изъ Полиціи по очереди.

33. Они жъ, пѣвчіе, также и дѣйствительные церковники съ прочими градскими жители написаны къ рогаткамъ на караулы необходимо и въ двунадесятые праздники и въ Царскіе Ангелы, оставя церковное служеніе, караулятъ со всякой печи по ночи сами на каж-

дой недѣлѣ, гдѣ бы сколько ни было, понеже оные церковники люди скудные и нанять имъ вмѣсто себя не на что, также и рогатки принуждены дѣлать не противъ Московскаго гораздо чаще, и оковывали ихъ желѣзомъ, которыя дѣлали каждую рогатку съ десяти дворовъ, а становилась рубли по два и больши.

33. Рогаточные караулы въ Казанѣ по улицамъ имѣются не для посягательства къ церковнымъ причетникомъ, но для унятія воровства, которымъ Казань до меня была наполнена, какъ о томъ всѣмъ извѣстно, и караулятъ въ ночное время всякихъ чиновъ люди, кромѣ Поповъ и Діяконовъ, въ томъ числѣ и церковные причетники, по тому что они имѣютъ каждой у себя свои дворы, и на тѣхъ дворѣхъ отдаточные въ наемъ избы бурлакомъ и прочимъ непотребнымъ, скитающимся безъ пашпортовъ, между которыми въ тѣхъ отдаточныхъ избахъ многіе переловлены разбойники и воры, и выниманы шинки и многіе бляди; когда тѣхъ карауловъ было неопредѣлено, тогда въ ночное время были многіе воровства и кражи изъ церквей церковныхъ утварей, въ томъ числѣ пойманы были нѣкоторые вѣдомства и его Архіерейскаго, а имянно: Іеромонахъ Зилантова монастыря Іосифъ, да церкви Бориса и Глѣба Дьяконъ, которой по розыску сосланъ въ Сибирь, и прочіе, изъ чего признаваю, знатно Его Преосвященство сожалѣетъ того, что его Архіерейскимъ служителемъ пресѣкли тѣми караулами воровство; ибо кромѣ вышеписаннаго въ нынѣшнемъ году не только прочіе церковные причетники и Іеромонахъ Спаскаго Преображенскаго монастыря Серафимъ въ ночное время пойманъ былъ съ непотребною, а Егорьевской Попъ Василей на кабакѣ игралъ въ карты и отнялъ у бурлака шапку, и съ тѣмъ приведены были въ Полицію, изъ которой отосланы къ наказанію въ его, Архіерейской, Приказъ.

34. Священники, Діяконы, пѣвчіе жъ и церковные причетники и градскіе жители, богатые и нищіе, всѣ безъ исключенія, принуждены по улицамъ со излишнимъ отягченіемъ чрезъ четыре сажени поставить столбъ и ель, и въ день Василія Великаго и Богоявленія Господня и въ прочія церемоніи, не по Указу, но по прихотямъ его, Губернаторскимъ, во всякое празднество по три дни сряду на каждой столпъ навѣшивали по три фонаря, въ которыхъ свѣчи горятъ зимою по осьми часовъ ночи непремѣнно, а не про-

тивъ Московскаго дѣйствія чрезъ десять саженъ столбъ учиненъ, и на немъ только по одному фонарю, которые люди отъ посланныхъ чрезъ нестерпимые побои, занимая въ долги, по тому размѣру и ставили фонари и столбы, и отъ того Священнослужителямъ и не имущимъ великое разореніе нанесъ, а за страхомъ Волынскаго и смертными побои, бить челомъ на него никто не смѣетъ.

34. Столбы по большимъ улицамъ только, и на нихъ фонари были выставлены, для дни коронованія Ея Императорскаго Величества, а не по моимъ прихотямъ, и когда то торжество минуло, то каждой свои столбы и фонари взяли въ домы къ себѣ по прежнему, и тако градскимъ жителямъ великаго разоренія принять было не отъ чего, по тому что многіе не только по большимъ улицамъ, но и по переулкамъ и поворотамъ для такого всенароднаго торжества фонари и у воротъ столбы съ фонарями жъ выставляли изъ воли своей сами и безъ приказу.

35. Да въ прошломъ 729 году, по приказу его, Волынскаго, ходили со многимъ людствомъ солдаты съ дубьемъ не малое время по дворамъ служителей нашихъ и прочихъ Казанскихъ жителей, и ловили баграми собакъ дворныхъ, и побивали многихъ до смерти, а хозяевамъ велѣли тѣхъ мертвыхъ собакъ за городъ возити, не вѣдая для чего.

35. О собакахъ приказъ такой отъ меня былъ, чтобъ ежели кто хочетъ у себя держать дворныхъ собакъ, то бъ держали на цѣпяхъ, а которые собаки шатаются по улицамъ, тѣхъ провосомъ бить и таскать за городъ велѣлъ для того, что многіе бѣсятся и вредятъ людей, къ тому жъ тѣ вольные собаки таскаютъ въ городъ всякую мертвечину, и отъ того бываетъ людемъ вредъ; сверхъ того столько было въ Казани собакъ умножилось, что въ нощное время по улицамъ и проѣздъ отъ нихъ съ трудомъ былъ, а по дворамъ собакъ бить приказу не бывало.

36. И выше означенныя власти и дому нашего служители, и крестьяне, и церковные причетники, приходя къ нашему смиренію со слезами и въ тѣхъ обидахъ жалобу приносили, по которымъ ихъ несчастнымъ докукамъ наше смиреніе просилъ его, Губерна-

тора, собою многократно, токмо ни какого къ себѣ и тѣмъ обидимымъ пользы и милости отъ него, кромѣ пущаго гнѣву, не могъ получить, но еще къ тому горшаго разоренія пріумножилось, и отъ того чрезвычайнаго утѣсненія духовной командѣ наносятся обиды и разореніе нестерпимое, отъ чего, не вытерпя, съ горестію нынѣ принужденъ симъ объявить, понеже, какъ слышимъ отъ своихъ, что ни при которыхъ Губернаторахъ и Воеводахъ такого утѣсненія и обидъ (какъ отъ Волынскаго суще разорены) не бывало.

36. Кто къ нему, Архіерею, жалобы на меня и въ какихъ обидахъ приносили, того я не знаю, и онъ, Архіерей, такихъ просителей имянно не показывалъ, и мнѣ онъ, Архіерей, ни о комъ не говаривалъ, и я ни какихъ дому его служителямъ обидъ не дѣлывалъ, и духовной команды людемъ утѣсненія ни какого я не чиню, а онъ, Архіерей, все то, какъ недоброй и безсовѣстной человѣкъ, напрасно затѣялъ.

37. А оныя власти и прочія духовной команды разнаго званія люди, видя его, Губернатора, ко мнѣ чрезвычайное утѣсненіе, домовымъ нашимъ управителемъ смертной бой и мало слыханное ругательство, бить челомъ на него, Волынскаго, никто въ Москву ити не смѣетъ, и принуждены власти, оставя монастыри, а свѣтскіе служители домы, брести врозь.

38. Понеже онъ, Волынской, и безъ всякаго моего и другихъ къ нему озлобленій, до сего времени чинитъ мнѣ и прочимъ вели кое разореніе; а какъ онъ увѣдаетъ про сіе мое нестерпимое доношеніе, то не токмо домовыхъ нашихъ и монастырскихъ властей, но и меня въ старости убьетъ и обругаетъ нагло; понеже между нами учинилась приказная быть ссора, и подъ вѣдомствомъ у него, Волынскаго, яко соперника своего, быть и служителемъ нашимъ и монастырскимъ крестьянамъ далѣе не возможно; ибо мы отъ него, Волынскаго, въ бытность его въ Казани Губернаторомъ, претерпѣваемъ всякія бѣдствія, тому нынѣ третій годъ неповинно.

Того ради, съ покорностію Вашего Святѣйшества прошу, дабы повелѣно было жезломъ паствы Вашего Святѣйшества церкви Божіи и насъ, сиротствующихъ, отъ него, Волынскаго, съ другими оборонить и защитить, и яко сильному насъ, немощныхъ, въ

руки не предать, и о воровствахъ разстриги Іоасафа Салникѣева дѣла изъ Губернской Канцеляріи у него взять и послать къ рѣшенію въ Казань же, къ кому надлежитъ, мимо его, Губернатора, и у Спасо-Казанскаго монастыря конюшеннаго двора и лавочныхъ мѣстъ и всякаго званія и у прочихъ обителей и церковныхъ причетниковъ безъ Указу отсель не отнимать, и въ томъ ему воспретить, также и впредь, за вышепоказанными Губернаторскими къ намъ нестерпимыми озлобленіи и смертными побои подчиненнымъ нашимъ и ругательствы, домовыхъ и монастырскихъ властей, и служителей, и крестьянъ судомъ и расправою и ни какими дѣлами Волынскому, по силѣ именныхъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти, Его Императорскаго Величества Указовъ, а паче же за приказныя недружбы, не вѣдать, и обидъ и налогъ ни подъ какимъ видомъ не чинить, а вѣдать оныхъ судомъ и расправою и всякимъ правленіемъ и сборами, по силѣ оныхъ Указовъ, въ домѣ нашего смиренія, и о присылкѣ онаго Судовикова и яко бы мною дранаго Саморокова дѣла изъ Казани въ Москву, къ слѣдствію и подлинному рѣшенію, къ нему, Губернатору, послать третій Указъ съ подтвержденіемъ, а въ Правительствующій Сенатъ противъ прежняго и сего моего доношеній, взнесть со мнѣніемъ и требованіемъ на все вышереченное резолюціи вѣдѣніе, чтобъ мнѣ въ Москвѣ незаконныхъ убытковъ и дому нашего служителемъ отъ Волынскаго горшаго бѣдства не умножилось и врознь не разбрелись. Къ подлинному доношенію Сильвестръ, Митрополитъ Казанскій, по пунктамъ руку приложилъ.

37 и 38. Власти и прочіе духовной команды ни какого отъ меня утѣсненія и озлобленія не видали, и живутъ власти по монастырскимъ, а прочіе духовныя команды разнаго званія люди по домамъ своимъ, точію онъ, Архіерей, оставя паству свою, съ согласникомъ своимъ, Архимандритомъ, плутомъ Питиримомъ, отбываютъ отъ слѣдствія, на которыхъ показано по дѣламъ, а имянно на Архіерея, что онъ, презрѣвъ свою клятвенную присягу и подписку къ Духовному Регламенту, не принималъ исковыхъ челобитенъ, писанныхъ съ титуломъ на имя Императорскаго Величества, и дралъ оные, и бросалъ, а велѣлъ писать на свое имя. Онъ же, забывъ свою клятву на Архіерейское званіе, вымышленно осудилъ, по злобѣ и по прочимъ богомерзкимъ своимъ страстямъ, Архимандрита Сал-

никѣева, а на его мѣсто посвятилъ явнаго по дѣламъ вора онаго, чернеца Питирима, въ Архимандриты, которой по дѣламъ явился въ сочиненіи неправыхъ вынисокъ, въ писаніи приговоровъ, противныхъ Указомъ и опредѣленію церковному, и въ прочемъ, какъ о томъ явно въ дѣлахъ показано; да онъ же, Архимандритъ Питиримъ, прежде монашества былъ разбойникъ и держалъ у себя воровскую пристань, живутъ безъ дѣла въ Москвѣ и сочиняютъ вышепоказанные бездѣльные пункты, чего не бывало. И все то онъ, Архіерей, производилъ на меня, какъ недоброй и безсовѣстной человѣкъ, напрасно, а по всему видно, что оные пункты производитъ онъ, Архіерей, не отъ своего вымыслу, но по составѣ ябедника, вора и разбойника, выше писаннаго Питирима, котораго онъ, Архіерей, укрылъ отъ смертной казни, о чемъ отъ меня какъ въ Правительствующій Сенатъ, такъ и въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ, въ доношеніяхъ объявлено имянно. И чтобъ Указомъ Ея Императорскаго Величества повелѣно было по вышеписаннымъ его, Архіерейскимъ, ябедническимъ и лжесоставнымъ пунктамъ, о всемъ изслѣдовать и учинить, какъ Ея Императорскаго Величества Указы повелѣваютъ.»

Дѣло, какъ самъ читатель видитъ, весьма неясное. Вѣроятно ли, съ одной стороны, сочинить тридцать восемь обвинительныхъ пунктовъ, въ которыхъ не было бы и тѣни правды? Вѣроятно ли, съ другой стороны, допуская фактическій поводъ къ каждому пункту обвиненія, безусловно отрицать обвинительный характеръ всѣхъ безъ исключенія фактовъ? Сдѣсь, какъ при началѣ всякаго судебнаго дѣла, одна изъ двухъ сторонъ является безусловно правою, и, слѣдовательно, другая несправедливою. Но предположить это всегда трудно, и тѣмъ болѣе это невѣроятно въ разсматриваемомъ случаѣ. Вопросъ могъ быть разрѣшенъ только формальнымъ слѣдствіемъ; а такъ какъ слѣдствія не было, то мы и должны остаться при однихъ догадкахъ, основывающихся не на данныхъ суда, а на характерахъ дѣйствующихъ въ тяжбѣ лицъ и обстоятельствахъ, въ которыхъ они выступили другъ противъ друга въ качествѣ противниковъ.

Всмотримся жъ ближе въ этѣ обстоятельства и въ характеры дѣйствующихъ лицъ, лица обвиняющаго и лица, отвергающаго взводимыя на него преступленія.

Волынской представляетъ совершенно основательно, что противникъ его выступилъ обвинителемъ тогда, когда самъ уже былъ отвѣтчикомъ, слѣдовательно, настоящее судебное дѣло отводилъ въ сторону, запутывалъ и усложнялъ тяжбу обвиненіемъ своего судьи. Это не законный поводъ къ обвиненію, а уловка подсудимаго, который хотѣлъ этѣмъ замять своё дѣло. Если бы его показанія имѣли какое ни будь отношеніе къ судебному дѣлу, онъ имѣлъ бы право сдѣлать ихъ и обнаружить въ своемъ слѣдователѣ какія ни будь пристрастія, или заподозрить его въ неправильномъ слѣдованіи; но его обвиненія имѣютъ независимый отъ слѣдствія, самостоятельный характеръ. Волынскій имѣлъ право требовать формальнаго слѣдствія по обвиненіямъ Архіерея; онъ и требовалъ его, но не получилъ. Это естественно больше склоняетъ насъ въ его пользу, нежели въ пользу обвинителя.

Разсматривая самыя статьи обвиненій, мы видимъ, что одне изъ нихъ, и при томъ большая часть, дѣйствительно несправедливы, другія до крайности мелочны (на примѣръ, тотъ, что Волынскій высѣкъ Семинарскаго школьника за шалости довольно крупнаго свойства, или что солдаты прогоняли прутьемъ пьяныхъ Дьячковъ,[10] которые вздумали купаться и шалить передъ Губернаторскими окнами, или что солдаты били собакъ по городу), а иные содержатъ ни на чемъ не основанныя подозрѣнія (на примѣръ, что Волынскій медлитъ слѣдствіемъ по дѣлу Салникѣева, надѣясь получить, или уже получивши, взятку, или опасеніе, что онъ убьетъ Сильвестра, какъ только узнаетъ о его доношеніи).

Но какъ повѣрили этой лжи, этѣмъ мелочамъ и небылицамъ? Отъ чего общество, и при томъ свѣтское, скорѣе стало на сторону Сильвестра, нежели на сторону Волынскаго? Безъ сомнѣнія, тутъ много значило обаяніе личной жалобы Сильвестра, восьмидесятилѣтняго старика, такъ какъ всякій по опыту знаетъ, что на сло-

---

[10] Сильвестръ особенно ударяетъ на то, что этѣ Дьячки были посвящены въ стихарь, какъ будьто это имѣетъ какое ни будь отношеніе къ купанью, сопровождавшемуся такими непріятными для нихъ послѣдствіями. Волынскій пишетъ, что того узнать было нельзя, для того, что они наги были.

вахъ можно сдѣлать изъ мухи слона. Человѣкъ, самый неразборчивый на слова, не осмѣлится написать, особенно въ судебной бумагѣ, того, чѣмъ онъ, не стѣсняясь, украшаетъ словесную жалобу. Но главной причиной была все та же нерасположенность общества къ Волынскому. Всѣ, кто ни сталкивался съ нимъ, знали его за человѣка съ несноснымъ характеромъ. Онъ былъ горячъ, заносчивъ, упрямъ, жестокъ, и при томъ весьма честолюбивъ. Мы не говоримъ о взяточничествѣ, по тому что общество было къ нему безразлично. Какъ оно ни было дурно, до него, однако жь, другимъ мало кому было дѣла, исключая тѣхъ несчастныхъ, на которыхъ обрушивалась его жадность; да пожалуй объ этой чертѣ его характера и знали не многіе. Понятіе о немъ установилось не тамъ, не въ той средѣ, гдѣ онъ бралъ взятки. Его не любило высшее общество, по тому что онъ относился къ нему, по меньшой мѣрѣ, съ неуваженіемъ. Онъ ссорился съ Долгорукими, Голицыными, Куракиными. Не успѣлъ пріѣхать въ Москву, какъ поссорился съ Ягужинскимъ. Другихъ послѣдующихъ ссоръ сдѣсь не перечисляемъ. Позже онъ говорилъ, и всегда думалъ, что онъ могъ бы править Государствомъ, что ни кто лучше его не понимаетъ искуства Государственнаго правленія.

Не только высшіе милостивцы его, даже свои домашніе часто, когда онъ бывалъ веселъ, говаривали ему: «Пора посмирнѣе жить, и на что всѣхъ презирать, а особливо и свою братью иногда уничтожать?»

Волынскій, былъ очень уменъ; но его природныя дарованія не были образованы воспитаніемъ и наукой. Эта была богатая, даровитая, чрезвычайно живая, воспріимчивая, увлекающаяся, но въ то же время необузданная, натура, которая, при недостаткѣ воспитанія и направляющемъ дѣйствіи среды, одинаково способна была на добро и зло. Онъ способенъ былъ понимать достоинство лучшихъ порядковъ въ обществѣ; могъ даже прилагать путь этѣмъ порядкамъ своими проектами и предначертаніями; но въ немъ не было той цѣльности, которая состоитъ въ согласіи мысли съ жизнію, не было того живого начала, которое начинаетъ преобразованіе общества съ себя самаго. У него теорія въ постоянномъ разладѣ съ практикою его собственной жизни. Онъ великъ, какъ совѣтникъ въ

дѣлахъ Государственнаго правленія, но какъ правитель запятнанъ самыми темными пятнами.

По самой природной горячности сложенія, Волынскій не умѣлъ и не могъ скрывать своихъ сочувствій и отвращеній къ окружающимъ лицамъ, не могъ хладнокровно переносить ударовъ, наносимыхъ его честолюбію, положительно не способенъ былъ къ выжиданію, скрытности и двуличной политикѣ. Довольно было поставить подлѣ него лицо съ противоположными свойствами, чтобы измучить его самымъ вѣрнымъ образомъ. Такимъ лицомъ и былъ подлѣ него Остерманъ. Волынскій не могъ равнодушно переносить его двуличной и выжидающей политики, и возмущался всякій разъ, когда тотъ пускалъ въ дѣло свои Нѣмецкіе таланты. Онъ самъ сознавался, что часто плакивалъ передъ нимъ, какъ ребенокъ, и наконецъ таки сдѣлался жертвой этой убивающей политики, которую ни переносить, ни усноить былъ не въ состояніи.

Остерманъ былъ хорошимъ дипломатомъ, и въ этомъ отношеніи имѣетъ свою заслугу. Но онъ не былъ Русскимъ, былъ безраличенъ, если не больше, къ Русской Церкви, и безпощаденъ къ Русской крови. Русскіе люди для него, какъ для Бирона и всего множества тогдашнихъ сильныхъ иноземцовъ, были шахматными фигурами, надъ которыми они показывали свое искуство. Волынскій, какъ ни злоупотреблялъ самъ властью, не могъ, однако жь, равнодушно смотрѣть на эту безучастность сильныхъ иностранцевъ къ Русскому народу. Онъ былъ Русскій, со всѣми его хорошими и худыми качествами. Его проекты направлены были къ дѣйствительной пользѣ Россіи, которую онъ зналъ и любилъ. Онъ видѣлъ недостатки Русскаго Духовенства и причины ихъ, хотѣлъ улучшить бытъ его какъ въ матеріяльномъ, такъ и въ нравственномъ, отношеніи. Онъ хотѣлъ поставить Русское купечество въ такое положеніе, въ которомъ бы оно, независимое отъ притѣсненій чиновничества, могло свободно и безопасно располагать своими капиталами и ихъ оборотами. Онъ хотѣлъ возвысить нравственный уровень Дворянства распространеніемъ въ немъ просвѣщенія. Онъ хотѣлъ образовать Русскихъ, своихъ природныхъ, Министровъ, посылая способныхъ молодыхъ людей въ иностранныя Государства для обученія разнымъ наукамъ и гражданскимъ правамъ. Для наблюденія

за исполненіемъ законовъ въ областяхъ онъ предполагалъ учредить ежегодные Сенаторскіе осмотры областей, и въ этѣхъ видахъ предлагалъ увеличить число Сенаторовъ. Мы не упоминаемъ о другихъ частяхъ его проектовъ, которые обнимали почти всѣ стороны Русскаго правленія и направлены были къ исправленію и улучшенію ихъ по указаніямъ опыта.

Историческая судьба государственныхъ дѣятелей весьма много зависитъ отъ успѣха ихъ предначертаній. Личные недостатки, неровности характера, злоупотребленія власти, останутся незамѣтными, или не столько замѣтными, если удастся имъ осуществить свои обширные планы, направленные къ счастію и величію народа, который произвелъ ихъ и пользѣ котораго они посвятили свой дальновидный умъ и свою опытность. Если жь случилось на оборотъ, если планы ихъ не осуществились, то народъ, не ощутивъ отъ нихъ пользы и не испытавъ на себѣ дѣйствія лучшихъ сторонъ ихъ души, или забудетъ о нихъ, или же сохранитъ память, какъ о людяхъ безпокойныхъ, или корыстныхъ, которые заботились только о себѣ, придавливая все, что лежало на пути къ цѣлямъ ихъ общественнаго преобладанія.

Эта судьба постигла и Волынскаго. Въ то темное время, когда онъ дѣйствовалъ, какъ высоко поставленное общественное лицо, онъ не могъ раскрыть лучшихъ силъ своей даровитой природы, не могъ сдѣлать примѣненія изъ богатыхъ запасовъ своего ума и обширной наблюдательности, и на судъ исторіи пошли одни темныя стороны его жизни, одни зазорныя дѣла, которыми онъ то прокладывалъ себѣ дорогу, то держался на высотѣ, купленной не дешевою цѣною.

Съ нимъ было и того хуже. Ему поставили въ вину то, что онъ осмѣлился «сочинять письменныя злодѣйскія разсужденія о приключившихся вредахъ особнѣ Государю и обще всему Государству и о гражданствѣ;» и то, что онъ «сочинялъ проектъ и разсужденіе съ явнымъ предосужденіемъ и укоризною прошедшаго и настоящаго въ Государствѣ управленія для того, что въ управленіи дѣлъ въ Государствѣ усмотрѣлъ онъ неудобствіе; чего ради то свое разсужденіе вмѣнялъ онъ за полезное и противъ прошедшаго и ны-

нѣшняго настоящаго въ Государствѣ управленія за лучшее.» Изъ его проекта «вытянули за волосъ, по выраженію Екатерины II, и взвели на него измѣнническій умыселъ, будто онъ себѣ присвоивать хотѣлъ власть Государя, что отнюдь на дѣлѣ не доказано.»

Мы надѣемся, что время и ближайшее знакомство съ историческими памятниками возстановятъ Волынскаго въ его подлинномъ величіи, о которомъ и въ народѣ сохраняется воспоминаніе, хотя только смутное.

VII.

Но, заговорившись о Волынскомъ, мы не довели до конца нашей тяжбы.

Въ Декабрѣ 1730 г. Сильвестръ съ Питиримомъ уѣхали въ Казань. Еще прежде нихъ уѣхалъ Кудрявцевъ, а отрѣшенный отъ Губернаторства Волынскій въ Декабрѣ 1730, или въ Генварѣ 1731 г., пріѣхалъ изъ Казани въ Москву, Февраля 11 состоялся объ немъ приказъ, чтобъ «быть ему при командѣ въ Украинскомъ корпусѣ, и опредѣлить его къ полкамъ, которые стоятъ на форпостахъ, по границѣ Турецкой и Крымской.»

Счастіе улыбнулось было Волынскому, но не надолго. Скоро опять нашли темныя тучи.

Въ Февралѣ 1731 года, по просьбѣ купца Бахтина, возобновлено было одно старое дѣло, вовлекшее Волынскаго въ большія хлопоты. Въ бытность въ Персіи Волынскій занялъ, между прочимъ, у одного Русскаго торговаго человѣка около 3000 р., и далъ ему въ нихъ росписку. По возвращеніи изъ Посольства, Волынскій представилъ счетъ своихъ долговъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ и просилъ объ ихъ уплатѣ, по примѣру, какъ уплачивались долги другихъ Посланниковъ. Коллегія медлила уплатой, и Волынскій оставался въ долгахъ. Съ пріѣздомъ его изъ Казани въ Москву поднято было одно изъ этѣхъ дѣлъ Бахтинымъ. Въ публикѣ, уже предубѣжденной противъ Волынскаго, начали ходить разные толки и, разростаясь, дошли до громаднаго размѣра. Дѣло изъ денежнаго приняло государственный характеръ. Волынскаго начали обвинять въ

томъ, что онъ былъ причиной войны съ Персіей при Петрѣ Великомъ. Волынскій долженъ былъ оправдываться и подалъ протестъ противъ взводимыхъ на него обвиненій.

Къ этому присоединилась новая непріятность.

Губернаторомъ, на его мѣсто въ Казань, назначенъ былъ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Князь Михаилъ Васильевичъ Долгорукій, [19] но дѣлами правилъ недоброжелатель Волынскаго, Вице-бернаторъ Нефедъ Кудрявцевъ. Слѣдствія этого для Волынскаго обнаружились скоро.

Едва онъ прибылъ въ Москву, какъ, въ слѣдъ за нимъ, пріѣхали цѣлыя толпы Татаръ съ жалобами и просьбами на него въ разныхъ неправильныхъ денежныхъ поборахъ. Волынскій зналъ, откуда идутъ эти тучи и, подавши объясненіе по Персидскому дѣлу («Оправданіе о Персидскомъ дѣлѣ»), въ то же время объяснялъ происхожденіе этѣхъ Татарскихъ жалобъ.

«Ежели принесено на меня то, будто я причиною былъ начинанію Персидской войны, писалъ онъ, на сіе отвѣтствую. Не только я въ томъ невиненъ, но ниже самъ отъ себя блаженныя и вѣчно достойнославныя памяти Его Императорское Величество Петръ Первый, всемилостивѣйшій Государь нашъ, сіе намѣреніе воспріять изволилъ, но послѣдовалъ тѣмъ дѣломъ родителю своему, блаженныя и вѣчныя памяти Государю, Царю, Алексѣю Михайловичу, о чемъ явно доказать можно. Понеже въ Морскомъ Уставѣ, въ предисловіи, на 4 страницѣ, имянно о томъ напечатано, какъ Его Царское Величество воспріялъ намѣреніе дѣлать корабли и навигацію на Каспійскомъ (то есть, Астраханскомъ) морѣ, и какъ вывезенъ

---

[19] Князь Михаилъ Васильевичъ Долгорукій въ царствованіе Петра II былъ Членомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта; при вступленіи на престолъ Императрицы Анны, 8 Апрѣля, 1730 г., назначенъ Губернаторомъ въ Астрахань, но чрезъ мѣсяцъ, 8 Мая, отрѣшенъ и сосланъ на житье въ свою Боровскую деревню, а 16 Ноября опредѣленъ Губернаторомъ въ Казань, но въ 1731 г., 23 Декабря, отставленъ и сосланъ опять въ деревню (Сказаніе о родѣ Князей Долгоруковыхъ стр. 99).

былъ изъ Голландіи Капитанъ Давидъ Бутлеръ съ компаніею мастеровъ и матрозовъ, которые и сдѣлали корабль, имянуемый Орелъ, да яхту или галіотъ, но сему дѣлу препятствовалъ бунтовщикъ Стенька Разинъ, которой, въ нашествіи своемъ на Астрахань, оное начатое дѣло разорилъ, и Капитана Бутлера убилъ, и протчіе той компаніи съ нимъ Капитаномъ избиты, а двое изъ нихъ, а имянно Лѣкарь Иванъ Термунтъ, да корабельной мастеръ Брантъ, ушли чрезъ Персію въ Индію, откуды паки, по умиреніи бунта, возвратились въ Москву, и Лѣкарь Термунтъ, во время государствованія блаженныя и вѣчно достойнославныя памяти Его Императорскаго Величества, Петра Перваго, титулованъ Докторомъ и взятъ ко Двору, и при Его Величествѣ былъ въ Голландіи и въ Англіи во время перваго похода съ Послами, и въ крайней Его Величества былъ милости, отъ котораго, а при томъ и отъ корабельнаго мастера Бранта, о выше помянутомъ отеческомъ дѣлѣ также по Персіи изволилъ наслышаться, какъ я отъ Его Императорскаго Величества о томъ самъ слыхалъ; понеже до семисотаго года присланы были (мастеры иноземцы въ Казань) шмаковаго дѣла и галернаго и прочихъ сортовъ морскихъ судовъ, для дѣла оныхъ, которые сдѣлали, кромѣ галеръ и другихъ мелкихъ судовъ, большихъ шмаковъ 150, или 160, такой пропорціи, что на каждое судно можно было посадить (свободно) для транспорта по 300 человѣкъ, да провіянта положить тысячи полторы, или по двѣ тысячи четвертей. Изъ которыхъ судовъ уже нѣсколько десятковъ сплавлены были къ Астрахани еще въ то время, когда тамъ Воеводою былъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, и нѣсколько туда морскихъ Офицеровъ иноземцовъ съ матрозами было отправлено, токмо и сему Астраханскому флоту такое жъ несчастье приключилось, какъ и первому. Понеже, когда забунтовали тамъ стрѣльцы и убили тамошняго Воеводу Тимоѳея Ржевскаго, тогда и оныхъ Офицеровъ и матрозовъ побили, а суда оные разорили. И когда такіе флоты начинали на Каспійскомъ морѣ оныя славныя Монархіи отецъ и сынъ, какая тамъ нужда была имѣть военные корабли и иные великія суда, естьли бъ не имѣли издавна намѣренія воевать Персію? Не вѣдаю намѣренія блаженныя памяти отца Его Императорскаго Величества, Государя, Царя Алексѣя Михайловича (понеже я тогда еще не родился); что же о Его Императорскомъ Величествѣ, конечно, могу безъ сомнѣнія сказать по истиннѣ, не меньше великаго Александра оной Августѣйшій Мо-

нархъ нашъ желалъ вездѣ славу свою показать. Понеже по замысламъ Его Величества не до одной Персіи было ему дѣло. Ибо естьли бъ посчастливилось намъ въ Персіи и продолжилъ бы Всевышній животъ его, конечно бы покусился достигнуть до Индій. А имѣлъ въ себѣ намѣреніе и до Китайскаго Государства, что я сподобился отъ Его Императорскаго Величества, по его ко мнѣ, паче достоинства моего, милости самъ слышать и, кромѣ себя, могу въ томъ и нынѣ на сіе Его Величества намѣреніе и высокіе замыслы нѣсколько свидѣтелей представить, которые, надѣюся, многократно и пространнѣе, нежели я, сами отъ Его Величества о томъ слыхали.

Буде же кто нарекаетъ на меня и клепаетъ тѣмъ, будто бы я склонилъ Его Императорское Величество и привелъ къ тому, что онъ изволилъ воспріять походъ свой въ Персію, и то явная ложь. Понеже помятуется мнѣ, что я еще былъ въ Турецкой землѣ, а Его Императорское Величество изволилъ послать нѣсколько морскихъ Офицеровъ и навигаторовъ въ Астрахань описать Каспійское море и берега, и осмотрѣть удобные гавани и впадающія въ то море рѣки, и сочинить правильную зей-карту. А я въ то время не только совѣтникомъ сего дѣла былъ, ниже о томъ вѣдалъ. А о самой Персіи зналъ только гдѣ оная, а какова оная и каковы люди, о томъ и вѣдать мнѣ нужды не было.

А потомъ въ прошломъ 715 году ни я искалъ, ниже желалъ быть въ такомъ отдаленномъ, а паче въ варварскомъ Государствѣ, токмо принужденъ ѣхать по волѣ Его Императорскаго Величества, и теперь имѣю инструкцію ту, которая тогда дана мнѣ, и хотя публичное мое было дѣло обнадеживаніе и подкрѣпленіе древней дружбы отъ Его Императорскаго Величества къ сторонѣ Шаха Персидскаго, и при томъ будто касалося дѣло для коммерціи, а самая была причина та, за которую мнѣ было тамъ легко пропасть мощно. Понеже морскіе Офицеры посланы были для описанія моря того, какъ выше показано, а я посланъ былъ смотрѣть внутреннее состояніе Персіи, и имянно: положеніе мѣстъ, и какіе горы и непроходимые мѣста, Гилянь и прочія провинціи по Каспійскому морю лежащіе, отдѣлены отъ Персиды. Также велѣно мнѣ осматривать рѣкъ большихъ, впадающихъ въ Каспійское море, и до которыхъ мѣстъ по онымъ рѣкамъ можно ѣхать отъ моря (и нѣтъ ли какой

рѣки въ Индіи, которая бы впала въ то море), и при томъ примѣчать пристаней морскихъ, смотрѣть городовъ, крѣпостей, и вѣдать, сколько у Шаха въ его области какихъ фортецей, и сколько въ которыхъ мѣстахъ войска, конницы и пѣхоты, артиллеріи и инова ружья, и въ какомъ состояніи все оное, и въ какомъ порядкѣ войска и артиллерія и протчее обрѣтается, и не множатъ ли гдѣ онаго, и тщательно ль, или слабо, во всемъ томъ поступаютъ, и не вводятъ ли Европейскихъ обычаевъ въ войнѣ. Мнѣ жъ повелѣно развѣдывать объ Армянскомъ и прочихъ Христіянскихъ и иновѣрныхъ съ Персами въ тѣхъ странахъ обрѣтающихся народахъ, и каковы они къ сторонѣ Его Императорскаго Величества (которыхъ къ тому велѣно было мнѣ и склонять всячески), и которой народъ какой состояніемъ.

Сіе все выше писанное имянно въ моей инструкціи написано, которая за рукою Канцлера Графа Гаврилы Ивановича Головкина, а съ чего оная написана, то помятуется мнѣ, что чернить и оные тайные пункты переправливать (и приписывать) своеручно самъ Его Императорское Величество изволилъ (такъ точно жъ было Его Величества оное дѣло), надѣюся и нынѣ еще въ сохраненіи лежитъ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. А для скорѣйшаго свидѣтельства, я съ оныхъ пунктовъ списавъ, прилагаю при семъ копію.

По сему всякому добросовѣстному легко можно разсудить, что не по выѣздѣ моемъ изъ Персіи, но за нѣсколько лѣтъ прежде, нежели я туда былъ посланъ, уже имѣлъ конечно Его Императорское Величество оное свое намѣреніе, и что подлинно не я тому причина.

Что же я дѣлалъ по волѣ Его Величества, по изустнымъ приказомъ и по Указамъ мнѣ, я все то хранить и исполнять повиненъ былъ, и наша въ томъ должность, понеже на то присягаемъ, для того что я видѣлъ и слышалъ, и въ какомъ состояніи я Персію засталъ, такъ точно безъ прибавки и убавки и доносилъ Его Величеству, а иноково и поступать я боялся и грѣха и казни и суда отъ Его Величества. Понеже кромѣ меня и прежде меня довольно Его Императорское Величество о состояніи Персидскаго Государства извѣстенъ былъ отъ Царя Арчила Грузинскаго и отъ Армянскихъ Патріярховъ, которые, не хотя жить подъ игомъ Персидскимъ, неоднократно Его Императорское Величество, яко избавителя Христіян-

скихъ обоихъ, Грузинскаго и Армянскаго, народовъ просили о томъ изъ давныхъ лѣтъ, и съ тѣмъ отъ Армянскаго и Грузинскаго народовъ нарочные къ Его Императорскмоу Величеству присыланы тайно бывали, о чемъ и теперь въ Коллегіи Иностранной сыскать можно. И понеже, какъ о томъ извѣстно, что Его Императорское Величество столько любопытенъ былъ, что только бъ о чемъ могъ услышать, надобно было ему о томъ конечно уже и совершенно вѣдать, и не только о важныхъ, но и о такихъ, до чего бы, казалося, и нужды мало, или и нечего не было.

И что бъ кто отважился на такое дѣло склонять его, котораго бъ Его Величество самъ самоизвольно дѣлать былъ не намѣренъ, конечно бъ, въ томъ всякъ обнануль себя, понеже онъ, Всеавгустѣйшій Монархъ нашъ, былъ особливо отъ Бога одаренъ душевными силами, какъ о томъ не однимъ намъ извѣстно, но и всему свѣту явно. И самые мудрые дѣла его и безсмертной памяти достойные могутъ великодушіе и непоколебимое постоянство высокаго ума его засвидѣтельствовать.

И что же, мнѣ ли бъ такому по истиннѣ возможно было обуздать моими слабыми представленіями такого мудраго Монарха и вести туда, куда бъ Его Величество самъ итить не изволилъ, и по чему бъ было сіе моей силы дѣло, понеже тогда уже Его Величество былъ въ лучшей крѣпости совершеннаго мужества своего, а я (не ровняю себя въ примѣръ всемилостивѣйшему нашему бывшему Государю) моложе Его Величества былъ безъ мала двадцати лѣтами? А какая деференція (противу Его Величества) въ недостаткѣ ума моего, о томъ, сколько я о себѣ вѣдаю, столько бъ и протчимъ знать мощно, понеже сіе не закрытое, но всѣмъ было явное.

Сверхъ того, представляю и сіе послѣднее мое оправданіе: когда Его Императорское Величество изволилъ вступить уже въ Персидскую войну, видѣлъ совершенно самъ въ томъ дѣлѣ многіе неудачи и убытки въ людѣхъ и въ прочемъ, однако жъ того ни чего на мнѣ взыскивать не изволилъ; самъ Его Величество въ себѣ подлинно изволилъ вѣдать, что тому дѣлу не я былъ виною, и не только Персію оставить не хотѣлъ, но и самъ паки высокою персоною своею въ прошломъ 1725 году итить былъ по вскрытіи воды на-

мѣренъ, токмо то скорая смерть пресѣкла; какъ же о томъ намъ разсудить, что самъ видѣлъ уже многіе противу воли своей неудовольства, а тѣмъ всѣмъ не могъ отъ того отвратить себя? А для чего такъ изволилъ дѣлать сіе дѣло, не только мнѣ, но, чаю, и другимъ многимъ было не довѣдомое. А теперь, по смерти Его Величества, мощно толковать, какъ кто разсудитъ, а по истиннѣ сказать, развѣ рѣдкой угадать можетъ.

А кто, злодѣйствуя мнѣ, говорилъ то, что Его Императорское Величество гнѣвался на меня въ Низовомъ походѣ, и вмѣняетъ въ томъ образѣ, будто бъ прогнѣвался за неудачу Персидскаго дѣла, и то подлинно солгано, понеже тогда еще на Персію мощно было разсмотрѣть, ни о будущихъ неудачахъ (которые потомъ воспослѣдовали) возможно было вѣдать; ибо въ то время ни одинъ человѣкъ еще съ судовъ и на землю не выходилъ, а сдѣлалось сіе мнѣ несчастье такимъ образомъ: когда мы при Его Величествѣ перешли море и сталъ флотъ на якоряхъ подлѣ Персидскихъ береговъ, повелѣлъ Его Величество, забавляясь, купать въ морѣ, страны тѣ жъ кто не бывалъ на Каспійскомъ морѣ, начавъ съ Адмирала всѣхъ до послѣдняго (а при томъ и самъ купаться изволилъ), между тѣмъ хотѣлося Адмиралу и Петру Толстому чтобъ и я былъ купанъ, къ чему и Его Величество склоняли, но я поупрямился въ томъ, понеже тогда былъ припьянъ, и тѣмъ своимъ упрямствомъ Его Величество прогнѣвалъ; подъ то жъ время получены были письма отъ Бригадира Витерянова о взятіи города, именуемаго Андрѣева деревня, которой велѣно было тому Бригадиру доставать, но онъ непорядочно въ томъ поступалъ, и потерялъ одного Подполковника, и съ 80 человѣкъ драгунъ съ нимъ побито, а можно было и кромѣ сего убытка достать оной городъ, токмо оной Бригадиръ, закрывая въ томъ дѣлѣ вину свою, писалъ къ Его Величеству то, чего не бывало. И хотя было Его Величество сей невеликой уронъ изволилъ уничтожить, однако жъ подъ такой случай Адмиралъ и Толстой, злодѣйствуя мнѣ, привели Его Величество на найбольшой гнѣвъ; но хотя жъ и претерпѣлъ я, однако жъ, не такъ, какъ мнѣ рабу надлежало терпѣть отъ своего Государя, но изволилъ наказать меня, какъ милостивой отецъ сына, своею ручкою, и на завтрія самъ всемилостивѣйше изволилъ въ томъ обмыслиться, что вины моей въ томъ не было, милосердуя раскаялся, и паки, какъ милосердой

отецъ и Государь нашъ, изволилъ меня принять въ прежнюю свою высокую милость и содержалъ непоколебимо. А между тѣмъ хотя и были случьи гнѣва Его Величества на меня, но и то, или на нѣсколько дней, или на нѣсколько часовъ, пока принесу извиненіе, или подлинное оправданіе, и такъ во всю мою жизнь (кромѣ одного онаго вышеписаннаго случая) не бывало никогда мнѣ отъ Его Величества не только побоя, ниже, тяжкой брани, и хотя зависти ради многіе покушались вредить меня какъ то между нашимъ народомъ особливо паче другихъ водится, однако жъ я высокою Его милостію столько обнадеженъ былъ, что не только безъ поврежденія чести, но и съ крѣпкою обороною жилъ, и никогда туне провождалъ мою жизнь, но всегда былъ въ важныхъ и нужныхъ дѣлахъ, паче многихъ сверстниковъ моихъ, не по моимъ молодымъ лѣтамъ, и вѣрить мнѣ паче достоинства моего изволилъ, и содержанъ былъ въ числѣ вѣрныхъ рабовъ даже до самой плачевной Его Величества кончины.

Претворяя себѣ въ жалость о убыткахъ, такъ какъ бы уже многіе тысячи пропали, и при томъ разсуждали, что тѣмъ дѣломъ непріятелю (на кого шли) будто великой авантажъ будетъ и прочее тому подобное внушали Его Величеству, но онымъ Господамъ ни побитыхъ жаль было, ни о непріятелѣ нужда разсуждать была, кромѣ что до меня одного было дѣло, чтобъ тѣмъ больше повредить и ввести въ побои, что по ихъ желанію и сдѣлалось. Понеже Его Величество скоро съ Адмиральскаго судна на свое изволилъ притить (хотя тогда и ночь была), однако жъ изволилъ прислать по меня, и тутъ, гнѣваясь, бить тростью, полагая вину ту, что будто тотъ городъ явился многолюднѣе, нежели я доносилъ, токмо блаженныя и вѣчныя памяти, любезная Его Величества супруга, всемилостивѣйшая Государыня Императрица, до большихъ побой милостиво довестить не изволила.

Хотя внушено на меня, будто я непорядочно жилъ въ Казани и будто многимъ дѣлалъ напрасные обиды, но въ томъ засвидѣтельствуюся генерально всѣми Казанскими жителями и прочими, кто былъ тамъ (выключая только однихъ притчинныхъ), сколько я умѣренно велъ себя во всѣхъ моихъ поступкахъ.

А что причина моего несчастія, о томъ доношу слѣдующее. Понеже тамошней Вице-Губернаторъ, Кудрявцовъ, имѣетъ тамъ домъ и

деревни, а съ природы зѣло прихотливъ и безмѣрно лѣнивъ, и для того я былъ имъ недоволенъ, а противу того и ему довольно мною нельзя быть, понеже я по прихотямъ его ни чего дѣлать не хотѣлъ. А имѣлъ онъ у себя дядю Дашкова, Архіерея бывшаго Ростовскаго, чрезъ котораго онъ, Кудрявцовъ, и прежде сего вредилъ меня, понеже хотѣлося Ростовскому Архіерею сдѣлать его туда и Губернаторомъ.

Потомъ нужда пришла и Казанскому Архіерею вредить меня. Понеже присланъ ко мнѣ изъ Синода Ея Императорскаго Величества Указъ, по которому велѣно было мнѣ про онаго Архіерея розыскивать въ томъ, что онъ, по кончинѣ блаженныя и вѣчно достославныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Перваго, оставя свою присягу, не сталъ челобитенъ у челобитчиковъ принимать съ титуломъ Императорскаго Величества, и оные челобитные дралъ и бросалъ, а велѣлъ переписывать на свое имя. Также и прочіе многіе безсовѣстнѣе дѣла были на него, Архіерея, показаны.

Но когда я въ то слѣдствіе вступилъ и порядочно повелъ дѣло, Архіерей тотъ увидѣвъ, что ему праву нельзя быть, принужденъ подняться противу меня, и подалъ подозрѣніе, но то не помогло ему; потомъ подалъ другое, а напослѣдокъ, затѣявъ, написалъ на меня 38 пунктовъ, между которыми истинно ни трехъ такихъ нѣтъ, которые бъ были и половина правды, а прочее, какъ недоброй и безсовѣстной человѣкъ, все затѣялъ, и при томъ ѣздя многимъ жаловался, плакалъ и лгалъ на меня, сколько могъ выдумать.

А отъѣзжая изъ Казани, не имѣлъ со мною ни какой ссоры, и за день отъѣзда своего былъ у меня и просилъ о неоставленіи своего дома, при томъ рекомендовалъ мнѣ своего Казначея и Секретарей, которымъ и приказалъ о всѣхъ нуждахъ объявлять мнѣ и просить, и уже и сюды прибывъ, жилъ около полугода, а ни въ чемъ не меня не билъ челомъ и не показалъ ни какой ссоры, и писывалъ ко мнѣ благодѣтельски, и я къ нему, но какъ объ немъ началося дѣло, тогда затѣялъ на меня бить челомъ.

А подъ тотъ случай пристalъ къ нему и Вице-Губернаторъ Кудрявцевъ, и такъ сообщался съ Архіереемъ, вредили меня, сколько могли.

Между тѣмъ же случилося въ Казани и еще одно дѣло, которое не мало помогло моему несчастію. Понеже Казанской Губерніи подчиненная провинція Соль-Камская безмѣрно запущена доимкою въ кабацкихъ и таможенныхъ сборахъ, а оные на откупу многіе сборы у тамошняго купца Турченинова, что я усмотря, по совѣсти моей началъ слѣдовать (отъ чего та доимка), взялъ табельные оклады и тамошніе репорты, и счелъ только одинъ годъ и 9 мѣсяцовъ (понеже только меня время допустило), но и въ томъ короткомъ времени нашелъ на томъ одномъ купцѣ сумнительныхъ съ 36000 рублевъ, и онъ уже было во многомъ самъ признался, а ежели бъ захватилъ я далѣ время, надѣялся бъ сыскать и больше, токмо и то мнѣ во вредъ стало, и такъ собралося одно къ одному.

А нынѣ слышу, что помянутой Вице-Вубернаторъ Кудрявцевъ, не довольствуяся тѣмъ всѣмъ, и еще въ мое поврежденіе трудится, научилъ нѣкоторыхъ плутовъ Татаръ, которые были наказываны за воровство (еще прежде меня), и велѣлъ имъ составить челобитную, приличая къ тому, будто я велѣлъ собирать съ волостей, сверхъ подушнаго окладу, нѣкоторые сборы, и по тому взяты въ Казань изъ тѣхъ волостей знатные изъ Татаръ Сотники, которыхъ изъ того держали въ тюрьмѣ и стращали, а они подали челобитную, написавъ отъ всѣхъ волостей. Что тѣ доносители плуты и что многіе изъ нихъ наказаны кнутомъ, а у другихъ за воровство и уши отрѣзаны, и для того чтобъ имъ въ томъ не вѣрили.

А о сборѣ томъ написали, что у нихъ изъ давныхъ лѣтъ бываетъ съ общаго согласія повсягодно, по чему опредѣлять иногда копѣйки по двѣ, иногда по три съ души на годъ, для общихъ расходовъ на наемъ подводъ и на приказные и протчіе нужды. Они жъ изъ тѣхъ денегъ отправляютъ челобитчиковъ въ Москву, даютъ за труды приказнымъ людемъ, и сами живучи за дѣлами, изъ того жъ довольствуются, но и за тѣмъ принуждаютъ оныхъ всячески, чтобъ кто показалъ на меня. А я нынѣ отъѣзжаю, для того опасаюся, чтобъ и симъ дѣломъ, такъ какъ и Архіерейскимъ, я не поврежденъ былъ.

А понеже и понынѣ Архіерейское дѣло по се время еще не слѣдовано, хотя я о томъ еще изъ Казани прислалъ въ Сенатъ

челобитную, прося о розыскѣ въ томъ самъ на себя. Также и нынѣ, прибывъ сюды, напоминалъ о томъ, однако жъ все то уничтожено, а я остаюсь въ суспиціи, такъ какъ бы подлинно виноватъ былъ.

Того ради я всепокорно прошу не о иной какой милости, только чтобъ Ея Императорское Величество всемилостивѣйше повелѣла, кому изволитъ въ томъ повѣрить (кромѣ тѣхъ, кто вредитъ мнѣ), все то, что принесено на меня и впредь будетъ, произвесть приказнымъ порядкомъ и прямымъ судомъ, изъ чего будетъ двѣ пользы. Первая та, что невинные впредь отъ безсовѣстныхъ вредителей терпѣть не будутъ напрасно. Второе, когда дѣло судомъ произведено и рѣшено будетъ, то всякъ виноватой подлинно обличенъ будетъ, и не можетъ сказать, что безвинно терпитъ.»

По дѣлу съ Казанскимъ Архіереемъ слѣдствія, однако жъ, не было назначено, но жалобы Татаръ были такого рода, что нельзя было оставить ихъ безъ вниманія. Волынскаго удержали въ Москвѣ.

Ясашные иновѣрцы въ челобитной своей написали, что въ 1730 году Сотники собирали съ нихъ, сверхъ подушныхъ денегъ, по 3 — 5 к. съ души. По показаніямъ сотниковъ тѣхъ денегъ въ сборѣ было болѣе 2000 руб. Изъ нихъ 1959 руб. отдано человѣку Волынскаго, Кубанцу, чтобъ имъ не быть въ работѣ корабельныхъ лѣсовъ.

Тѣ же ясашные Татары показали, что Волынскій взялъ съ нихъ 500 руб. за не посылку ихъ въ Персію въ переводчики. По слѣдствію оказалось, что Волынскому поручено было Сенатскимъ Указомъ посылать въ переводчики, кого онъ признаетъ лучше, ясашныхъ, или служилыхъ Татаръ. Волынскій донесъ, что ясашные Татары, какъ теперь, такъ и впредь, къ этому дѣлу не годятся. Ясашные Татары, въ благодарность за это, собрали съ двухъ дорогъ 500 руб. и отнесли къ Казанцу гостиной сотни Каменеву, чрезъ котораго и просили Волынскаго о не посылкѣ ихъ въ Персію, а тотъ велѣлъ отдать ихъ человѣку Волынскаго.

Черемисы Казанскаго Уѣзда также подали десять прошеній, въ которыхъ жаловались, что въ ихъ сотни и волостяхъ, послѣ по-

душной переписи, посланные для слѣдствія о не написанныхъ въ подушной окладъ, брали взятки не малыя. Въ Симбирскомъ Уѣздѣ также былъ сборъ сверхъ подушныхъ денегъ.

Императрица, уже предубѣжденная противъ Волынскаго, приказала арестовать его и сдѣлать ему инквизицію. [20] Волынскій оправдывался, какъ могъ. О ясашныхъ деньгахъ сначала показалъ уклончиво, что при отъѣздѣ его изъ Казани выборные ясашныхъ волостей объявили ему денегъ 2500 руб. для провозу, за опасностію, до Москвы; но потомъ признался, что Казанскіе и Свіяжскіе Сотники принесли ему тѣ деньги по обѣщанію за то, чтобъ имъ не быть у корабельной работы, и за прочія его благодѣянія, которыя онъ и принялъ предъ отъѣздомъ изъ Казани. Изъ 24 деньщиковъ Волынскаго, оговоренныхъ въ томъ, что они, по приказу Волынскаго, собирали этѣ деньги, ни одинъ не показалъ, чтобъ онъ чрезъ нихъ у кого ни будь вымогалъ деньги, или кому ни будь объ нихъ напоминалъ; милостивцы Волынскаго успѣли, однако жь, расположить Императрицу въ его пользу. Сентября 28 объявленъ ему Высочайшій Указъ, которымъ объявлено ему прощеніе въ тѣхъ взяткахъ, въ которыхъ онъ сознался, а въ прочихъ остальныхъ приказано было слѣдовать въ Казанской Губернской Канцеляріи и по окончаніи слѣдствія доложить Ея Императорскому Величеству. [21]

---

[20] Когда въ 1740 году Волынскій обвиненъ былъ въ Государственныхъ преступленіяхъ, то въ Слѣдственную Комиссію потребовали, между прочимъ, нерѣшеное дѣло изъ Сената о взяткахъ Волынскаго въ Казани въ 1731 году и о бывшей на него инквизиціи. Экстрактами изъ этого дѣла мы и пользовались въ настоящемъ случаѣ.

[21] Именной Высочайшій Указъ Сенату, 28 Сентября, 1731 года:

«Понеже Генералъ-Маіоръ Артемей Волынской Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше подалъ на письмѣ повинную въ разныхъ взяткахъ, которыя онъ бралъ въ бытность его въ Казани Губернаторомъ и въ чемъ отъ Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйше прощенія просилъ.

И того ради въ тѣхъ отъ него самаго объявленныхъ взяткахъ онъ, Волынскій, всемилостивѣйше прощенъ, и Ея Императорское Величество указала его изъ подъ аресту освободить. А что по продолжающемуся о немъ въ Казанской Губерніи слѣдствію еще впредь показано будетъ, о томъ донесть Ея Импера-

Но такъ какъ Волынскій скоро вошелъ въ милость при Дворѣ, то слѣдствія въ Казани произведено не было, и это въ послѣдствіи, въ 1740 году, причтено въ вину Казанскому Губернатору, Графу Платону Мусину-Пушкину. 8 Октября Волынскій освобожденъ изъ подъ ареста. Ноября 12, по поводу новаго распоряженія, по которому обрѣтающимся при арміи и у дѣлъ Генералитету повелѣвалось быть въ указномъ числѣ, Волынскій назначенъ въ Украинскій корпусъ Инспекторомъ при кавалеріи, но онъ только считался при корпусѣ. Въ то же время или около того же времени, онъ былъ опредѣленъ, по Высочайшему Указу, въ Секретную Коммисію о упущеніи таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ Казанской провинціи Соли-Камской.

Мы совсѣмъ забыли про нашихъ Казанцовъ, Сильвестра съ Питиримомъ и Салникѣева.

Питирима, какъ мы помнимъ, Синодъ потребовалъ къ отвѣту по доношенію Волынскаго еще въ 1730 году, когда онъ былъ въ Москвѣ. Питиримъ не заблагоразсудилъ явиться и, вмѣстѣ съ Сильвестромъ, уѣхалъ въ Казань. Синодъ возобновилъ свое требованіе о высылкѣ Питирима въ Мартѣ 1731 года и отправилъ за нимъ, солдата. Сильвестру жаль было разстаться съ своимъ союзникомъ, и по тому онъ отрепортовалъ Синоду, что «Питиримъ заболѣлъ тяжкою болѣзнію, и наше смиреніе, прибавлялъ онъ, усмотря въ томъ законную причину, солдату безвременно отдать и въ пути его нынѣшнею весеннею распутицею везти отъ тяжкія его скорби умученнаго подъ смертнымъ страхомъ не возможно, по тому что оной Архимандритъ до полученія того Указу за долговременно весьма тяжкою болѣзнію заскорбѣлъ, въ которой исповѣдыванъ и елеемъ освященъ, и про то извѣстно той обители всему братству, и нынѣ

торскому Величеству, для всемилостивѣйшаго разсмотрѣнія. Въ слѣдствіе этого Указа, 8 Октября въ Правительствующемъ Сенатѣ опредѣлено ему, Волынскому, о прощеніи вины его въ показанныхъ имъ взяткахъ объявить въ Сенатѣ, и изъ подъ ареста освободить. А содержащихся въ Сенатѣ по дѣлу объ немъ, Волынскомъ, человѣка его Курочкина и деньщика Копылова, тако жъ и Татаръ изъ подъ караула освободить съ росписками. А когда изъ Казанской Губерніи объ немъ, Волынскомъ, достальное слѣдствіе прислано будетъ, тогда о томъ донесть Ея Императорскому Величеству.»

отъ той немощи отрады не имѣетъ, и лежитъ весьма болѣнъ, и пользы ему получить вскорѣ не надѣюсь.»

Въ то же время (18 Марта) Синодъ потребовалъ отъ Казанскаго Губернатора подробныхъ выписокъ по донесенію Волынскаго, а отъ Сильвестра обстоятельнаго по нему объясненія, по всѣмъ пунктамъ, исключая челобитныхъ, писанныхъ на Архіерейское имя: понеже и во всѣхъ Епархіяхъ челобитныя пишутъ и подаютъ на Архіерейскія имена. О томъ о всемъ Его Преосвященству велѣть отвѣтствовать самою сущею правдою, съ явственнымъ о всемъ показаніемъ и подлинною очисткою въ немедленномъ времени, не примѣшивая посторонняго ни чего, подъ опасеніемъ за то штрафа.»

Казанскій Губернаторъ, Князь Долгорукій, 2 Мая отрепортовалъ Синоду, что требуемыя выписки сочиняются, а какъ сочинены будутъ, то пришлются немедленно.

Но Сильвестръ не отвѣчалъ на Синодскій Указъ, и даже не репортовалъ о полученіи его.

Мая 22 Синодъ послалъ къ нему вторичный Указъ, чтобы онъ отвѣтствовалъ въ самой скорости безъ всякихъ отговорокъ, не дожидаясь впредь о томъ другихъ Указовъ, подъ опасеніемъ за неисполненіе штрафа. А Питирима приказалъ выслать въ Синодъ всеконечно, безъ всякихъ отговорокъ, въ немедленномъ времени, и для взятія его опять послалъ солдата. Въ инструкціи солдату наказано, что ежели Архимандритъ несмотрѣніемъ его въ дорогѣ утечку учинитъ, то будетъ ему жестокое наказаніе безъ упущенія. Сильвестръ, не видя возможности удерживать долѣе Питирима, выдалъ его, 4 Іюня, присланному солдату, а въ слѣдъ за тѣмъ, 7 Іюня, прислалъ и свое объясненіе по доносу Волынскаго.

Мы не будемъ переписывать всѣхъ его подробностей, но ограничимся изложеніемъ только въ главныхъ чертахъ:

1. О новокрещенскихъ деньгахъ, чтобъ ихъ на лицо было малое число, можетъ быть и приказывалъ, только не ради какой моей страсти, но изъ ревности по Вѣрѣ, чтобы всегда имѣть въ запасѣ

деньги для помощи новоприходящимъ въ Св. Крещеніе иновѣрцамъ. Синодъ, однако жь, отрѣшилъ его отъ управленія новокрещенскихъ дѣлъ, и поручилъ ихъ Казначею Казанскаго Архіерейскаго дома, Алексѣю, котораго и произвелъ въ Архимандриты Свіяжскаго монастыря, отчисливъ его въ вѣдомство Святѣйшаго Синода.

2. О сборахъ съ вѣнечныхъ памятей показалъ, что они установлены еще предмѣстникомъ его, Митрополитомъ Тихономъ, но количество показано несравненно меньше, нежели въ донесеніи Волынскаго.

3. О Питиримѣ показалъ, что, бывши въ Рязани, въ земляной тюрьмѣ его не держивалъ и въ Синодъ не писывалъ объ немъ, что онъ ябедникъ, плутъ и грабитель. Попомъ и Діакономъ онъ до монашества нигдѣ не былъ, а имѣлъ житіе и пропитаніе трудомъ своимъ по разнымъ обителямъ, ища себѣ церковнаго обученія, изъ котораго сиротства Рязанской Епархіи въ Солотчинскомъ монастырѣ, по обѣщанію своему, въ 1708 г., и постриженъ холостой, а не изъ Священниковъ. И служилъ онъ при Стефанѣ Митрополитѣ, а не на воровствѣ, многіе годы, и по кончинѣ его у нашего смиренія въ Рязани и въ Казани, и за приказными моими дѣлами ходилъ явно, а не тайно.

4. О резолюціяхъ, писанныхъ на разныхъ челобитныхъ рукою Питирима, Сильвестръ доносилъ, что иногда приказывать ему записывать свои резолюціи, за что наше смиреніе не токмо ни какому осужденію неповиненъ, но и всякія похвалы еще за то достоинъ, что, не допуская бѣдныхъ до многой волокиты, немедленно, кому прилучилось, резолюцію велѣлъ подписывать, какъ и въ другихъ мѣстахъ у благоразсмотрительныхъ командировъ то водится.

Питиримъ, на допросѣ въ Синодѣ, показалъ, что все, что онъ ни говорилъ и ни писалъ на духовныхъ слѣдователей, все это дѣлалъ съ словъ Архіерея и по Архіерейскому приказанію, а самъ ни чего того не видалъ и ни какихъ обидъ съ ихъ стороны монастырю, или кому либо изъ братіи, не знаетъ.

Синодъ послалъ его на обѣщаніе въ Рязанскую Епархію, въ Солотчинскій монастырь въ братство, для того, что онъ тамошній

постриженецъ, и предписалъ монастырскому Начальству содержать его неисходно, а Сильвестру поставилъ на видъ, что онъ въ Спасо-Казанскій монастырь произвелъ его неправильно, безъ Указу Святѣйшаго Синода, по тому что этотъ монастырь принадлежитъ къ Синодальной области.

Оставался не разъясненнымъ одинъ пунктъ доношенія Волынскаго, о деньгахъ Салникѣева, спрятанныхъ въ подпольѣ его, Архимандритской, кельи. Синодъ потребовалъ у Сильвестра объясненія по этому дѣлу, а Спасо-Казанскаго Келаря, Варѳоломея Володимерцова, и Казначея, Герасима Байбакова, которые той поклажи искали, и Подъячего Плетеневца, по бумагамъ котораго сдѣланъ этотъ поискъ, приказалъ выслать для допросовъ въ Москву за конвоемъ (3 Сентября, 1731 г.). Всѣ они согласно показали, что по письму Питирима искали денегъ въ Архимандричьихъ кельяхъ въ подпольѣ, но ни чего не нашли.

Синодъ потребовалъ виновника этой тревоги, Родовицкаго монастыря Іеромонаха Питирима Храповскаго. Настоятель монастыря, Архимандритъ Гедеонъ, донесъ, что Питирима въ его монастырѣ нѣтъ, что онъ еще въ 1728 году, за нѣкоторыя продерзкія слова, которыя причитались къ важности, съ прочими монахами того монастыря взятъ подъ караулъ въ Синодъ. А по Синодскимъ дѣламъ оказалось, что онъ, за свои вины, въ 1730 году, битъ шелепами и отосланъ въ Вологду къ Преосвященному Аѳанасію, для содержанія въ монастырскихъ работахъ.

Можетъ быть, несчастному пришлось бы еще разъ отвѣдать шелеповъ, если бы его не выручилъ изъ бѣды новый доносъ на Салникѣева.

Сильвестру хотѣлось добить Салникѣева. Губернская Канцелярія была въ его рукахъ, хотя по тому, что боялись сплетника и сутяги, Невѣдъ Кудрявцевъ—давній его благодѣтель. За доносчиками изъ монаховъ дѣло не стало, и вотъ онъ пустилъ въ ходъ новую каверзу:

Августа 28 въ Архіерейскомъ Приказѣ сдѣланъ доносъ о насильственномъ убійствѣ конюха Спаскаго монастыря, Созона Павлова,

совершенномъ лѣтъ около пятнадцати назадъ, по приказанію бывшаго Спаскаго Архимандрита, Салникѣева. Извѣтчиками явились монастырскій конюшенный Іеромонахъ Гавріилъ и служитель Козьма Исаевъ. Убійцы, монастырскіе служители, также не запирались въ убійствѣ, но показывали, что совершено то убійство по повелѣнію бывшаго Спаскаго Архимандрита, Салникѣева. Поводомъ къ убійству была, по ихъ показанію, связь Салникѣева съ женою Созона Павлова.

На другой же день Архіерейскій Приказъ сообщилъ объ этомъ Губернской Канцеляріи, а Губернская Канцелярія, по предварительномъ изслѣдованіи дѣла, донесла о немъ Святѣйшему Синоду. Въ донесеніи своемъ она объявляла, что звала Салникѣева на очныя ставки съ доношиками и убійцами и водила въ застѣнокъ, но онъ съ розыску сознался только въ связи съ женою Павлова, а отъ обвиненія въ убійствѣ отрекался. Салникѣевъ объявлялъ дѣло такъ. Въ прошлыхъ годахъ, тому лѣтъ съ четырнадцать, ѣздилъ онъ изъ монастыря въ Закамскую вотчину, въ село Чертыкъ. Съ нимъ было человѣкъ десять монастырскихъ служителей, въ томъ числѣ и конюхъ Павловъ. Изъ Чертыка они поѣхали въ деревню Мордову и, отобѣдавъ у одного крестьянина, ввечеру поѣхали назадъ въ Чертыкъ. А въ то время была великая заметель и снѣгъ и въ пути отъ той заметели и отъ пьянства разъѣхались врозь. Онъ, Салникѣевъ, съ нѣкоторыми служителями, пріѣхалъ въ то село на монастырскій дворъ, гдѣ и ночевалъ, а другіе служители ночевали въ томъ же селѣ на другихъ дворахъ. На другой день утромъ всѣ служители съѣхались на монастырскій дворъ и объявили, что конюха Павлова нѣтъ, а гдѣ дѣвался, того они не вѣдаютъ. Салникѣевъ нарядилъ крестьянъ отыскивать его, но поиски ни къ чему не привели. Наконецъ ужъ черезъ недѣлю его отыскали въ лѣсу, гдѣ, по гнилости, его и похоронили. Салникѣевъ въ то время заявлялъ объ этомъ въ Губернской Канцеляріи: это было въ 1719 году.

По закону его слѣдовало розыскивать съ трехъ розысковъ, но такъ какъ онъ старъ и можетъ умереть въ пыткѣ, а за нимъ имѣется еще слѣдственное Синодское дѣло, то Канцелярія не рѣшалась пытать его, не снесшись съ Синодомъ (9 Ноября, 1731 г.). Но Синодъ поручилъ поступить съ нимъ, какъ Указы повелѣваютъ, по тому что онъ уже не духовнаго, но свѣтскаго суда.

Дѣло это, однако жь, не имѣло ндальѣйшаго хода, по тому что зачинщикъ его, Сильвестръ, самъ попалъ подъ слѣдствіе по дѣлу Коломенскаго Митрополита, Игнатія Смолы, и въ Декабрѣ 1731 года сосланъ въ послушаніе въ Невскій монастырь, а въ слѣдующемъ лишенъ сана и сосланъ въ Выборгъ, въ крѣпость, гдѣ и скончался въ 1735 году.

Долгорукаго смѣнилъ на Губернаторствѣ Графъ Платонъ Мусинъ-Пушкинъ. Принимая, или очищая, дѣла Губернской Канцеляріи, онъ встрѣтилъ не рѣшенное дѣло объ убійствѣ Созонова, и снова потребовалъ у Синода рѣшенія, какъ поступить съ Салникѣевымъ, по тому что онъ старъ и не можетъ вынести пытки. Синодъ отвѣчалъ своимъ прежнимъ опредѣленіемъ, чтобы въ розыскѣ убійства поступать, какъ Указы повелѣваютъ (3 Декабря, 1733 г.).

Въ то же время Синодъ приказалъ прекратить дѣло о деньгахъ, похищенныхъ у Салникѣева въ подпольѣ, по тому что то дѣло является быть весьма неимовѣрное. Ктому жъ онъ, Салникѣевъ, явился уже и весьма подозрителенъ и вѣры не достойный человѣкъ, понеже, по правиламъ Св. Отецъ и по военнымъ процессамъ, прелюбодѣй, въ чемъ и онъ, Салникѣевъ, явился, въ свидѣтельство не пріемлется (3 Декабря, 1733 г.).»

И. Ч.

ОТВѢТЪ АДМИРАЛА МОРДВИНОВА НА ПИСЬМО,

ПОЛУЧЕННОЕ ИМЪ НА ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКѢ ОТЪ НОВОРОССІЙСКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА, ГРАФА ВОРОНЦОВА,

отъ 26-го Мая, 1833 года.

Естьли могло быть затруднительно для Вашего Сіятельства увѣдомить меня о мнѣніи, которое представлено Вами въ Правительствующій Сенатъ по Байдарскому дѣлу моему, то сколько же тягостно долженствовало быть мнѣ отвѣчать лицу, вооружившемуся противъ силы и ясности документовъ, кои столько очевидны! Права мои на Байдарскую долину съ давнихъ лѣтъ уже неприкосновенными признаны отъ властей почтеннѣйшихъ въ Имперіи и утверждены Высочайшею волею. Рѣшенія и опредѣленія ихъ основаны были на древней исторіи и новѣйшихъ событіяхъ, кои никогда не могутъ быть подвержены мнѣніямъ; ибо силу получаютъ они отъ прошедшаго, совершившагося и не подвластнаго волѣ человѣка.

Мнѣніемъ Вашимъ Вы предоставляете мнѣ отъ 300 до 400 десятинъ земли, и отдаете всю Байдарскую долину въ собственность Татарамъ, новопришедшимъ на ея земли. Сіе заставляетъ меня сослаться на Исторію, писанную на всѣхъ языкахъ, что Турецкій Султанъ, Магометъ II, завоевалъ отъ Венеціянъ два Крымскіе Кадалыка, Ѳеодосійскій и Мангупскій, изъ коихъ въ одномъ находилась и Байдарская долина, и населилъ ихъ своими подданными, Греками и Армянами; на событіе, когда Генералъ Суворовъ, въ 1798 году, сихъ Грековъ и Армянъ вывелъ на Маріупольскую степь, гдѣ они и теперь находятся; на фирманъ послѣдняго въ Крыму Хана, которой отдавалъ на откупъ земли Байдарскія, какъ ка-

зенную свою собственность, и въ которомъ прописаны всѣ 12 деревень, въ долинѣ состоящія; на время взятія Княземъ Потемкинымъ въ обладаніе свое Байдарскую долину, яко принадлежавшую казнѣ, что послѣдовало чрезъ 6, или чрезъ 7, лѣтъ послѣ выхода Грековъ и Армянъ, древнихъ ея владѣльцевъ; на покупку Княземъ Потемкинымъ нѣсколькихъ заведеній, какъ то: мельницъ, домовъ и насажденій, кои присвоивали себѣ Татара, яко устроенныя ими со времени поселенія ихъ на земляхъ Байдарскихъ; на Манифестъ Императрицы Екатерины, 1793 года, Сентября 2, утверждающій всѣ сдѣланныя раздачи земель Генералъ-Губернаторомъ Княземъ Потемкинымъ и Губернаторами; на утвержденіе Ея Величествомъ въ томъ же году раздѣла имѣній, оставшихся послѣ Князя Потемкина, между наслѣдниками, изъ коихъ Высоцкому, племяннику его, опредѣлена во владѣніе Байдарская долина; на собственное признаніе Байдарскихъ Татаръ владѣльцами всей долины: Князя Потемкина, Высоцкаго и меня, доколѣ голодные писцы, отставленные въ одиннадцати Уѣздахъ бывшей Крымской до того времени Губерніи, не содѣлались стряпчими ябеды, напавъ въ Крыму на всѣ собственности Христіянъ; на купчую крѣпость, мною полученную, облеченную во всѣ законныя формы, въ коей сказано, что Высоцкій продалъ мнѣ 15,150 десятинъ, а я ихъ купилъ; на Коммисію, бывшую въ Крыму для изслѣдованія по землямъ правъ собственности, на рѣшенія коей не дозволено брать аппелляцій и которая присудила мнѣ въ Байдарской долинѣ 15 тыс. десятинъ въ собственность; на рѣшенія судебныхъ мѣстъ: Уѣзднаго Суда и Гражданской Палаты, кои нашли, что лоскутки бумагъ, вновь Татарами представленные, не содержатъ въ себѣ ни чего, до правъ собственности касающагося, и что нѣкоторые даже изъ нихъ поддѣльные; на сужденіе, послѣдовавшее въ Департаментѣ Юстиціи Государственнаго Совѣта, въ коемъ подробно изложены событія прошедшія, доказательства моихъ правъ, и нѣтъ ни чего въ пользу Татаръ; на единогласное мнѣніе Общаго Собранія Государственнаго Совѣта, опредѣлившее, въ самыхъ положительныхъ изреченіяхъ, въ собственность мнѣ Байдарскую долинѣ по всѣмъ окружнымъ естественнымъ ея границамъ; наконецъ на Высочайшее утвержденіе мнѣнія Государственнаго Совѣта блаженныя памяти Государемъ Императоромъ Александромъ I-мъ въ 1810 году, 29 Ноября.

Сіе число документовъ, каждое собственно собою сильное: сія древность событій историческихъ и дѣяній, приближенныхъ къ намъ; сей крѣпостной актъ, утверждающій по всей Рѳссіи собственность; сей рядъ приговоровъ Правительственныхъ Мѣстъ, предпоставленныхъ для разбирательства правъ; сіе Самодержавной власти утвержденіе по всей Россіи, къ коей обязаны благоговѣть, не могли, однако жь, преклонить Ваше Сіятельство на благосклонность ко мнѣ.

Вы утверждаете, что Князь Потемкинъ не владѣлъ въ Байдарахъ, какъ тѣмъ только, что онъ купилъ у Татаръ; что Высоцкій не имѣлъ права продавать мнѣ Байдарскую долину со всѣмъ ея пространствомъ, и что Губернаторъ Жигулинъ ложно доносилъ Ея Величеству, что Князь Потемкинъ владѣлъ въ Байдарахъ 15 тыс. десятинъ земли.

Таково есть основаніе мнѣнія Вашего Сіятельства по письму, которое я имѣлъ честь получить, и Вы подкрѣпляете онымъ заключеніе Таврической Казенной Палаты, послѣдовавшее въ 1827 году.

Естьли Ваше Сіятельство изволите войти въ ближайшее разсмотрѣніе и соображеніе съ существомъ дѣла всѣхъ доводовъ, то не можетъ быть, чтобы не открылась предъ Вами вся несправедливость оныхъ. Довѣренность Вашего Сіятельства при семъ случаѣ употреблена во зло; ибо все изложеніе Казенной Палаты содержитъ въ себѣ одни только ошибочныя умствованія, разсужденія бездоказательныя, событія невѣрныя и ведущія къ превратному понятію. Оно писано въ пользу тѣхъ, кои не имѣютъ ни какихъ правъ собственности и, смѣло можно сказать, взято изъ словъ Стряпчихъ, кои причиняютъ несчастіе краю, нарушая тишину и доброе согласіе возбужденіемъ къ тяжбамъ между Музульманами и Христіянами. Ихъ существованіе и насущный хлѣбъ зависятъ отъ единыхъ ябедъ, и Татара первые содѣлываются въ томъ жертвами. Народъ сей самъ по себѣ добродушенъ; но кто бы не поколебался и не прельстился, когда ему обѣщаютъ обладаніе богатое безъ всякихъ со стороны его на

оное правъ, и содѣлываютъ властелиномъ, вмѣсто наемщика, обязаннаго выполнять условленную повинность?

Мнѣніе Казенной Палаты, сколько несправедливо, столько же и дерзновенно, чрезъ отступленіе отъ предписанной положеніемъ Государственнаго Совѣта обязанности судить одни доказательства Татаръ на отыскиваемыя ими участки земель внутри Байдарской долины; но Палата вошла въ обсуживаніе правъ моихъ, о коихъ и вопроса не было. Она даже осмѣлилась утверждать, что моя купчая крѣпость, по узаконенному обряду, не была предъявлена въ Уѣздномъ Судѣ, когда на самой купчей сдѣлана Судомъ о предъявленіи ея надпись, и я принужденнымъ нашелся представить оную въ оригиналѣ Правительствующему Сенату, для обличенія неправды Казенной Палаты.

Дозвольте мнѣ предложить Вашему Сіятельству вопросъ: для чего содѣлываться защитникомъ въ тяжбѣ, гдѣ всѣ права, и права столь священныя съ одной стороны, и не единаго съ противной, по самому признанію тяжущихся, которые то подтвердили предъ Коммисіею, бывшею въ Крыму для разбирательства правъ собственности въ Крыму, и въ контрактахъ, многіе годы заключаемыхъ ими на содержаніе въ откупѣ земель Байдарскихъ съ Княземъ Потемкинымъ, Высоцкимъ и со мною? Ваше Сіятельство оказываете, при семъ случаѣ отличную щедрость. Вы отдаете всѣ земли тѣмъ, кои отыскиваютъ только часть оныхъ; вы опредѣляете даже имъ и корабельные лѣса, къ коимъ не могли они имѣть и притязанія; вы награждаете ихъ, безъ различія старыхъ отъ новыхъ посельцевъ, пришедшихъ въ Байдарскую долину, во время уже владѣнія моего оною, и распространяете милость Вашу и дары на тѣ двѣ деревни, которыя находятся въ меньшой долинѣ, отдѣленной хребтомъ горъ отъ большой, и которыя не имѣютъ со мною тяжбы, живутъ смиренно и дружно платятъ мнѣ за земли мои условленную подать.

Ваше Сіятельство пишете въ письмѣ Вашемъ ко мнѣ: «Я получилъ повелѣніе подать мнѣніе, и почелъ себя въ обязанности, по совѣсти и послѣ зрѣлаго обсужденія, подать противное Вашимъ пользамъ и Вашему образу мыслей.»

Повелѣніе, которое Ваше Сіятельство получили, не могло быть иного роду, какъ для поясненія правосудія и точнѣйшаго дознанія истины, послѣднимъ положеніемъ Государственнаго Совѣта велѣно не касаться до моихъ правъ, какъ разрѣшенныхъ уже 29 Ноября, 1810 года. Вы отступили отъ сего, и коснулись до правъ умершихъ, кои не могутъ отвѣчать на изложенія Ваши, сколько бы ни были они имъ противны и вредны. Долгъ не обязывалъ Васъ къ сему; совѣсть, есть ли она есть познаніе правды, того не требовала, но тотъ и другая призывали къ правосудію, ко вниманію на права законныя, къ уваженію Вышнихъ Властей. Мнѣніемъ Вашимъ Вы дали совершенно новый видъ дѣлу, уничтожающій всѣ прежнія сужденія и рѣшенія по оному.

Но смыслъ изреченія Вашего: «противное Вашему образу мыслей,» требуетъ особаго разсмотрѣнія, которое и будетъ далѣе ясно изложено; ибо оно, мнѣ кажется, заключаетъ въ себѣ побужденіе и причину Вашего мнѣнія.

Ваше Сіятельство пишете: «Вспомните, Г. Адмиралъ, что въ послѣднее мое пребываніе въ С.-Петербургѣ я Вамъ сказывалъ, что мнѣ будетъ весьма прискорбно, естьли потребуютъ мнѣніе мое по дѣлу Вашему Байдарскому; я тогда думалъ, что оно касается болѣе или менѣе до садовъ, до лужковъ и пр., которыя находились въ спорѣ между Вами и жителями долины.»

Дозвольте мнѣ, Ваше Сіятельство, отвѣчать на сіи два изложенія Ваши:

Первое, что «будетъ Вамъ весьма прискорбно, естьли потребуютъ мнѣніе Ваше,» не оглашаетъ ли ясно, что и тогда уже Вы были расположены лишить меня Байдарской долины, и что изслѣдованіе моихъ правъ въ многочисліи и твердости ихъ не измѣнили ни чего въ постоянномъ, одинъ разъ принятомъ, намѣреніи Вашемъ.

Второе, «Вы думали, что споръ заключается въ нѣсколькихъ садахъ, лужкахъ и проч.» Какой новый документъ открылъ Вашему Сіятельству, что тяжба Татарская есть иная, нежели какъ Вы оную понимали за нѣсколько мѣсяцовъ прежде? Генералъ-Гу-

бернаторъ, управляющій областію многіе годы, могъ знать во всякое время существо тяжбы, извѣстной въ тамошнемъ краю всѣмъ.

Ваше Сіятельство пишете: «Я былъ противенъ мысли Вашей объ изгнаніи Татаръ, какъ за полезное, и почти нужное для Крыма.»

Справедливо, что я сообщалъ таковую мысль Вашему Сіятельству. Она была Князя Потемкина и Императрицы Екатерины. Первый изъ Карасу-Базара, описывая въ донесеніи своемъ Ея Величеству, какъ о правахъ, обычаяхъ и привычкахъ Татаръ, такъ и о естественныхъ богатствахъ земли, излагалъ мнѣніе свое въ словахъ разительныхъ: «Ей Богу не стоятъ они земли, которую занимаютъ; ихъ мѣсто на Кубани.» Ея Величество Императрица, не принуждая ихъ выходить, открыла только врата Крыма, и ненависть Музульмановъ противъ Христіянъ столь была велика, что вышло девятъ десятыхъ изъ тамошнихъ жителей. Есть-ли я признаю теній знанія въ управленіи и обдуманное сужденіе о благосостояніи края въ сихъ двухъ высокихъ умахъ, коимъ еще до нынѣ ни кто въ таковыхъ дарованіяхъ не отказывалъ, то не дѣлайте за то мнѣ упрека и не считайте провинности моей до той степени, чтобы я могъ лишиться прекрасной моей Байдарской долины. Я скроменъ въ мысляхъ моихъ, и не позволю себѣ той смѣлости, чтобы почитать себя умнѣе и просвѣщеннѣе Ея Величества Екатерины Великой и Князя Потемкина, Вашего дѣдушки. Впрочемъ, я довольно изученъ въ экономіи политической для познанія, что безъ наукъ и капиталовъ ни какая страна не можетъ процвѣтать, и географія земли научаетъ меня, что вездѣ Магометанинъ противится просвѣщенію и есть по Вѣроисповѣданію врагъ Христіянина. Я достаточно понимаго и военное искуство и думаю, что горы и дефилеи не должны быть занимаемы, какъ людьми вѣрными и преданными. Я не говорилъ Вашему Сіятельству собственно отъ себя объ изгнаніи Татаръ съ земель, имъ въ собственность принадлежащихъ, ни съ нанимаемыхъ ими. Въ одномъ изъ мнѣній моихъ, поданныхъ въ Государственный Совѣтъ, я утверждалъ: сколь таковая мѣра была бы противна пользамъ Помѣщиковъ въ той землѣ, гдѣ не находится иныхъ жителей, кромѣ Татаръ! Повѣрьте, Ваше Сіятельство, что я не пожелаю въ пространномъ моемъ имѣніи остаться одинъ съ

бѣлками, прыгающими по деревьямъ, и съ ящерицами, бѣгающими прелестно по землѣ, и имѣть работниками и пахарями волковъ и лисицъ: первыхъ для увеселенія, вторыхъ для обогащенія моего. Когда я купилъ Байдарскую долину, тогда въ оной находилось не болѣе 600 Татаръ; новые поселенцы на опую пришли, и нынѣ я ихъ имѣю болѣе полуторы тысячи; слѣдовательно, Татарамъ не тягостно жить у меня.

Колико тщетенъ страхъ объ изгнаніи моихъ поселянъ изъ Байдарской долины! Не сіе ли есть побужденіемъ къ состраданію объ нихъ, не взирая, что они производятъ тяжбу безъ правъ и жалуются безъ причины? Но Русскіе крестьяне не возмущаются ли противъ своихъ Помѣщиковъ? Для чего жь удивляться, что возмутились Татара противъ Христіянина? Обратите сей случай на собственныя Ваши имѣнія. Естьли бы нашелся обольститель для возмущенія крестьянъ, или поселянъ, Вашего Сіятельства, и увѣрилъ бы ихъ, что они въ награду получатъ земли, на коихъ живутъ и кои они пашутъ, какіе бы вопли произнесены были Вашими крестьянами: Воронежскими, Тамбовскими, Кіевскими и прочими! Какія бы полились жалобы и обвиненія въ жестокостяхъ, Вами производимыхъ! Мои Байдарскіе поселяне, не имѣя законныхъ опоръ и правъ на заведенную ими тяжбу, писали: что я сжегъ двѣ изъ ихъ деревень, что открылъ ихъ гробы и похитилъ драгоцѣнныя кости ихъ предковъ. Примѣры возмущающихся крестьянъ у насъ не рѣдки. Народы даже возстаютъ противъ законныхъ своихъ Государей и Правительствъ, кои доставили имъ благосостояніе. Должно ли внимать ихъ жалобамъ, признавать оныя справедливыми и удовлетворять ихъ требованіямъ, происходящимъ отъ духа неповиновенія и возмущеній? Они также ссылаются на древнія свои права и находятъ ходатаевъ, кои поддерживаютъ неправедныя ихъ желанія. Естьли сострадательное есть добродѣтель, то оная не можетъ быть таковою въ отношеніи всѣхъ тѣхъ, кои произносятъ крики и вопли, бывающіе часто обманчивыми.

Мнѣ извѣстно, что Байдарскіе Татара собираются толпами, останавливаютъ на дорогѣ Вельможъ и Верховныя Власти, проѣзжающія чрезъ Байдарскую долину, и приносятъ имъ жалобы на

меня. Но сіи фарсы хорошо придуманные, хорошо изученные, при удобныхъ случаяхъ употребленныя, не рѣдко оказываются успѣшными, когда часто повторяемы бываютъ. Не имѣя законныхъ доказательствъ усвоивать себѣ то, чего отыскиваютъ, они останавливаютъ проѣзжающихъ, которые внимаютъ жалобамъ, соболѣзнуютъ и содѣлываются легко ихъ покровителями. Но Ваше Сіятельство — Генералъ-Губернаторъ области, и естьли опасеніе объ изгнаніи мною Татаръ Васъ занимаетъ и содѣлалось побудительною причиною мнѣнію Вашему, то, для удовлетворенія Вашей заботливости и попеченію о лучшей участи Татаръ, по. чему бъ Вамъ не предложить, чтобы изгонявшіеся мною вознаграждаемы были казенными землями, коихъ милліоны десятинъ лежатъ въ пустѣ и безъ пользы? Вышедшіе девять десятыхъ изъ бывшихъ жителей Крыма не унесли съ собою земель, которыя они населяли; великая площадь земли лежитъ не приносяща казнѣ ни какого дохода. Таковое предложеніе съ Вашей стороны было бы благодѣтельно, справедливо, и мудрое Правительство не отвергло бы онаго. Мѣра сія содѣлалась бы благотворною для поселянъ и для Помѣщиковъ. Водворилось бы тогда между нами болѣе согласія и взаимнаго уваженія. Одни опасались бы потерять работниковъ земли ихъ, а другіе менѣе бы подвержены были отягощеніямъ. Безъ пораженія правъ законныхъ удовлетворились бы чувства великодушія и почтены были бы начала собственности и свободы.

Прошу при томъ принять въ уваженіе, что Татара суть люди вольные, они не принадлежатъ къ землѣ, весьма малое число изъ нихъ земледѣльцевъ, имѣютъ собственныя земли, почти всѣ они содержатъ на откупу земли, принадлежащія вышнимъ сословіямъ, живутъ и обработываютъ оныя по контрактамъ, водворяются въ мѣстахъ для нихъ пріятнѣйшихъ. Для чего лишать ихъ той свободы, которою они до нынѣ пользовались, и считать ихъ рабами, долженствующими остаться на землѣ, которую они разъ заняли? Для чего смѣшивать понятія и узаконенія одной земли съ другою, и какой вредъ можетъ произойти отъ того, что большее число народа будетъ пользоваться свободою для перехода съ одной земли на другую?

Ваше Сіятельство пишете: «сколько я ни старался, не могъ открыть ни какого акта, ни какой данной, ниже какого пове-

лѣнія, кои, при жизни Князя Потемкина, давали бы ему въ Байдарской долинѣ иное, кромѣ того, что онъ самъ купилъ, т. е., отъ 300 до 400 десятинъ, называемыхъ имъ Байдарскою дачею. Я не могъ открыть и не могъ понять, по какому праву и съ какимъ намѣреніемъ Губернаторъ Жигулинъ, чрезъ долгое послѣ смерти Князя Потемкина время, могъ писать, что вся долина Байдарская ему принадлежитъ, и что въ ней находится 15 тыс. десятинъ; менѣе того я могъ понять, какъ Г. Высоцкій осмѣлился Вамъ продать какъ бы наслѣдственное ему отъ Князя Потемкина имѣніе, котораго Князь никогда не почиталъ своимъ.»

Но для чего Ваше Сіательство столь много трудились, для отысканія акта, данной, повелѣнія, кои долину Байдарскую укрѣпляли за Княземъ Потемкинымъ? Вамъ должно быть извѣстно, что всѣ собственности по землямъ въ 3-хъ, Вами управляемыхъ, Губерніяхъ, Херсонской, Екатеринославской и Таврической, суть начально розданныя Княземъ Потемкинымъ, который уполномоченъ былъ на сіе Императрицею Екатериною, и что поселеніе тѣхъ Губерній требовало таковаго уполномочія. Принимая въ руководство употребленныя Вами противъ меня доказательства, надлежало бы разрушить всѣ собственности въ означенныхъ 3-хъ Губерніяхъ. Но если повелѣніе, данная, по мнѣнію Вашему, нужны были, и ихъ нѣтъ, то Вы имѣли предъ собою Манифестъ Императрицы Екатерины 1793 года, обнародованный послѣ смерти Князя Потемкина, коимъ Ея Величество утвердила безъ исключенія всѣ земли, розданныя Княземъ при жизни его; Вы имѣли предъ собою Высочайшее утвержденіе раздѣла имѣній между наслѣдниками Князя Потемкина, учиненнаго въ Сенатѣ, которымъ уже получилъ Высоцкій неопровергаемыя права на Байдарскую долину и на 15 тыс. десятинъ земли, въ ней находящейся; Вы имѣли предъ собою рѣшеніе Коммисіи, бывшей въ Крыму для изслѣдованія правъ собственности, на которую Высочайше воспрещено брать аппелляціи, и, слѣдовательно, рѣшеніе ея должно быть неприкосновенымъ; Вы имѣли предъ собою мнѣніе Государственнаго Совѣта, въ сильныхъ выраженіяхъ изложенное и утвержденное Государемъ Императоромъ, которымъ Байдарская долина, по всѣмъ окружнымъ ея границамъ, въ числѣ 15 тыс. десятинъ земли, въ ней заключающихся, признана неотъемлемою моею собственностію.

Я привожу на видъ не болѣе, какъ сіи 4 акта, сіи 4 данныя, сіи 4 Самодержавныя утвержденія, и мыслю, что они заслуживаютъ уваженія и благоговѣнія къ нимъ, и вполнѣ содѣлываютъ права мои законными и непоколебимыми.

Дабы предать болѣе силы Вашему мнѣнію, вы подкрѣпляете оное словомъ: «дача Байдарская, по наименованію покойнымъ Княземъ,» и проводите подъ онымъ черту, какъ главнымъ будто бы доказательствомъ. Но Ваше Сіятельство слово «дача» есть въ единственномъ числѣ, Князь же Потемкинъ купилъ многія заведенія, сады и полянки, въ числѣ 52, внутри долины разбросанныя, отдѣльныя одно отъ другого, и ни которое изъ нихъ не прикасается границы долины Байдарской, къ коей Князь предписывалъ Губернатору Каховскому присоединить смежныя земли южнаго берега. Ни одинъ изъ нихъ, 52 малыхъ участковъ, не могъ названъ быть Байдарскою дачею. Князь правильно по Русски объяснился: онъ зналъ свой языкъ, любилъ оный и даже былъ пристрастенъ къ Славянскому, что видно изъ слогу, который онъ употреблялъ: слово «дача» въ единственномъ числѣ, по ученію Россійской Грамматики, служитъ совершенно въ мою пользу, и есть новое доказательство къ признанію правъ моихъ на Байдарскую долину во всѣхъ ея предѣлахъ.

Два Вашихъ изреченія, что «Губернаторъ Жигулинъ сдѣлалъ донесеніе свое чрезъ долгое время послѣ кончины Князя Потемкина,» и другое: что «Князь, при жизни своей, никогда не почиталъ долину Байдарскую ему принадлежащею,» кажется, занимаютъ въ мнѣніи Вашемъ мѣсто самыхъ слабыхъ доказательствъ и противныхъ истинъ; ибо Князь умеръ 5 Октября, 1791 года, а донесеніе отъ Губернатора Жигулина послано 27 Февраля, 1792 года; слѣдовательно, сіе, названное Вами, долгое время составляетъ только 4 мѣсяца и нѣсколько дней. Второе обстоятельство, что Князь не почиталъ Байдарскую долину своимъ имѣніемъ, опровергается явно слѣдующими событіями: онъ въ Байдарской долинѣ давалъ праздникъ Императрицѣ Екатеринѣ, провезъ Ея Величество чрезъ всю оную, отъ въѣзда со стороны Балаклавы до водопада Ускели другой оконечности, гдѣ Ея Величество кушала и отдохновеніе имѣла. О семъ историческомъ

для земли происшествіи Ваше Сіятельство, конечно, много разъ слышали въ разговорахъ; но естьли и могли объ ономъ временно забыть, то должны читать признаніе Князя въ самомъ его повелѣніи, на которое Вы указываете, и слова котораго поставляете въ доказательство. Признаніе Князя ясно изображено въ ордерѣ, данномъ Губернатору Каховскому, гдѣ именно сказано: «по близости Байдарской моей дачи находятся удобныя къ разведенію садовъ мѣста, и именно: деревни Форосъ, Мшатка и Михалатки, предписываю означенныя три деревни отмежевать мнѣ совокупно съ Байдарскою дачею.»

Что Князь признавалъ долину Байдарскую, ему принадлежащею, то сіе доказывается еще и тѣмъ, что ордеръ тотъ данъ прежде. нежели совершены были крѣпости на купленные имъ у Татаръ участки, разбросанные по долинѣ, дабы въ оной не было ни чьей болѣе собственности, кромѣ его, и дабы впредь не могло быть ни какихъ притязаній. Въ семъ дѣяніи Князя, является истина разительная, два же слова: «совокупно» и «мнѣ» утверждаютъ ему непреложно Байдарскую долину при жизни его, и иного смысла не возможно имъ дать.

Признаніе Князя въ принадлежности ему Байдарской долины подтверждается также приказаніемъ его обмежевать оную, и двѣ копіи съ межеваго плана находились сдѣсь въ С.-Петербургѣ, и были разсматриваемы въ Государственномъ Совѣтѣ, когда происходило въ ономъ сужденіе и послѣдовало рѣшеніе въ пользу мою въ 1810 году.

И кто можетъ праведно оспаривать у Князя Потемкина взятую имъ во владѣніе свое землю, казнѣ принадлежавшую, когда онъ силою ума своего всю область Таврическую пріобрѣлъ для Россіи, безъ пролитія крови?

Присвоивать Князю Потемкину волю и желаніе овладѣть въ Крыму 3 бѣдными Татарскими мельницами, безъ колесъ, съ лежачимъ дощатымъ кругомъ, съ вырѣзками для воды, на нихъ упадающей и приводящей въ движеніе стержень помольнаго камня, 3 Татарскими хатами, однимъ Мурзинскимъ домомъ и нѣ-

сколькими полями, едва могущими прокормить нѣсколько десятковъ козъ, не значило ли отвергнуть всѣ геніяльныя способности Князя и усомниться въ тѣхъ великихъ видахъ, коими всегда занята была мысль его? Таковое понятіе было бы чрезъ мѣру страшное и достойное удивленія.

И какая предстояла надобность Князю Потемкину покупать столь дробные и разбросанные участки земли, естьли бы вся Байдарская долина ему не принадлежала, и когда имѣлъ онъ полную власть раздавать другимъ и брать себѣ обширнѣйшія имѣнія? Да и бралъ ихъ въ разныхъ предѣлахъ Крыма, дабы дать примѣръ собою и другимъ содѣлаться помѣщиками сего края.

Я вопрошаю: въ которое бы изъ столь драгоцѣнныхъ малыхъ обладаній, купленныхъ у Татаръ, въ числѣ 52, возможно было помѣстить: великолѣпнаго, пышнаго, не ограниченнаго въ предположеніяхъ своихъ Князя Потемкина, того, котораго взоръ простирался далеко, котораго мысли обнимали величайшія пространства и котораго вкусъ не иначе услаждался, какъ необыкновенными размѣрами? Сдѣлать изъ Князя Потемкина Мурзу Татарскаго, который видитъ изъ окошка своего границы обладанія его! Но онъ не былъ доволенъ и окружающими всю пространную его Байдарскую долину, и приказалъ удалить ихъ до моря, на южный берегъ Крыма, гдѣ уже мысли его о величинѣ и пространствѣ невольно должны были остановиться.

Колико при жизни своей Князь Потемкинъ почелъ бы для себя уничижительнымъ, если бы кто вздумалъ заключить его въ столь тѣсные предѣлы обладанія, столь мало достойные великаго и дѣятельнаго ума, коего мысли, исполненныя силы и паренія, легко раздражались противъ всего того, что могло имъ ограничивать, или стѣснять!

Ваше Сіятельство пишете: «сіе дѣло перейдетъ еще другія инстанціи.»

Не сдѣсь ли слышанъ гласъ совѣсти, признаніе чувства внутренняго о содѣянной несправедливости? Я уважаю ваши чувства, кои всегда проистекаютъ отъ сердца, и принимаю утѣшеніе, ко-

торое Ваше Сіятельство мнѣ предлагаете; но тяжба продолжается болѣе 30 лѣтъ, и столько же лѣтъ страждутъ права законныя.

Не могу ли я со всею, рѣшительностію сказать, что на права мои по Байдарскому дѣлу не обращено ближайшаго вниманія, и не осмѣлюсь ли предугадать, что по единому только предубѣжденію я обвиненъ, а Татара оправданы?

Достаточно было бы прочитать, во первыхъ, рѣшеніе Комиссіи, бывшей въ Крыму для разбора споровъ по землямъ, и потомъ постановленіе Государственнаго Совѣта, въ коихъ подробно изложено существо всего дѣла и правъ моихъ на Байдарскую долину, чтобы не остаться при мнѣніи, присуждающемъ мнѣ въ оной отъ 300 до 400 десятинъ земли.

Удостойте, Ваше Сіятельство, прочитать прилагаемую при семъ выписку изъ сихъ двухъ актовъ, освященныхъ верховною властію: въ первомъ по тому, что безъ аппелляціи, а въ послѣднемъ по собственноручному Высочайшему утвержденію.

Но для меня всего прискорбнѣе обвиненіе въ ложномъ поступкѣ Губернатора Жигулина. Мертвый не отвѣчаетъ, но произнесенное осужденіе, для памяти его тяжко. Какое доказательство можетъ существовать о таковомъ преступномъ его дѣяніи? Какое побужденіе, какая предстояла ему польза, дѣлать Государынѣ Императрицѣ ложное донесеніе, что Байдарская долина принадлежитъ Князю Потемкину? Послѣдній изъ Татаръ долины могъ бы его изобличить во лжѣ. Донынѣ для обвиненія его ни кто еще не являлся: толико правда донесенія его всѣмъ вообще извѣстна и всѣми признаваема была. Князь Потемкинъ владѣлъ долиною нѣсколько лѣтъ. Каждый изъ жителей ея признавалъ его за владѣльца, помѣщика всей долины; вся область Таврическая таковымъ его признавала; таковымъ признаваемъ былъ Генералъ Высоцкій; таковымъ и я признаваемъ былъ первые годы покупки моей Байдарской долины. Князю Потемкину Таврическому платили десятину изъ урожаевъ съ полей ихъ, и работали число дней по обычаю земли; съ Высоцкимъ условливались они на посѣвъ пшеницы, со мною дѣлали условія на вырубку лѣсовъ и

доставку оныхъ для продажи въ города. Такъ обыкновенно бываетъ съ землею, въ оброкѣ содержимою; ибо Татара суть люди вольные, и на взаимныхъ выгодахъ дѣлаютъ свои условія. Не могутъ они быть подвержены законнымъ повинностямъ, безъ отнятія свободы у одной стороны и нарушенія правъ собственности у другой.

Губернаторъ Жигулинъ столько былъ лживъ въ донесеніи своемъ, сколько Высоцкій содѣлался преступнымъ чрезъ продажу не принадлежащаго ему, какъ Ваше Сіятельство огласили ихъ въ мнѣніи вашемъ.

Я защищаюсь правами Князя Потемкина, правами Высоцкаго, и естьли сіи не имѣли таковыхъ, то собственными моими, укрѣпленными Верховными Властями; я защищаюсь даже правами казны; ибо Байдарская долина принадлежала ей, а не Татарамъ, что признано Комиссіею и Государственнымъ Совѣтомъ.

Всѣ Судебныя Мѣста и Верховныя Власти признали мои права: одна Казенная Палата и Ваше Сіятельство мнѣ въ оныхъ отказываете. Но мнѣніе Казенной Палаты и мнѣніе Вашего Сіятельства суть побочныя по законоположеніямъ, для частныхъ тяжбъ существующимъ. Дѣло Байдарское ошибочно и неправильно выведено было изъ законнаго порядка. Татара отыскиваютъ свою частную, а не казенную, собственность. Казна же донынѣ на земли Байдарской на предъявляла ни какого иска. Естьли бы мнѣніе Казенной Палаты и мнѣніе Вашего Сіятельства могли быть и приведены, то и въ такомъ разѣ предъ закономъ и правосудіемъ Россійскимъ должны остаться недѣйствительными, паче же когда основаны они на сужденіяхъ произвольныхъ. Я одинъ не могу исключенъ быть изъ общаго законоположенія, одинъ, какъ бы не достойный пользоваться общимъ закономъ.

На семъ я останавливаюсь; ибо письмо мое довольно уже пространно. Я долго колебался, отвѣчать ли Вашему Сіятельству, но не остался въ молчаніи, по тому что предубѣжденіе Генералъ-Губернатора, дѣйствующаго по одному и тому же началу, можетъ поразить права и другихъ Помѣщиковъ и причинить вредъ всему краю; ибо дѣло Байдарское можетъ послужить примѣромъ и для

другихъ Татаръ и разстроить согласіе и спокойствіе, до нынѣ существующія между поселянами Магометанами и Помѣщиками Христіянами, тѣмъ болѣе послѣ права, которое Ваше Сіятельство исходатайствовали на продажу Татарами земель, на коихъ они жительство имѣли десять лѣтъ.

Отвѣтъ мой, можетъ быть, суровъ, но и несправедливость велика, неуваженіе къ законнымъ правамъ и невниманіе къ рѣшеніямъ Верховныхъ Властей суть слишкомъ явны.

Я упомянулъ о событіяхъ, показалъ годы и числа происшествій, выставилъ ошибки, привелъ на видъ рѣшенія Судебныхъ и Верховныхъ Мѣстъ, утвержденія Высочайшей Власти, признавшія вообще непоколебимость правъ моихъ и неосновательность иска противниковъ моихъ. Надѣюсь, что Ваше Сіятельство не оставите все сіе безъ вниманія и познаете правду, объясненную мною.

Не извѣстно мнѣ мнѣніе Вашего Сіятельства во всемъ пространствѣ его. Я могъ только отвѣчать на то, что благоугодно было Вамъ мнѣ сообщить.

Имѣю честь быть и проч.

17-го Октября,
1833 года.
С.-Петербургъ.

Выписка изъ рѣшенія 1809 года бывшей въ Крыму, для разбора споровъ по землямъ, Коммиссіи, и изъ постановленія Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденнаго 29 Ноября, 1810 г.

Изъ рѣшенія Коммиссіи: «По силѣ повелительнаго листа Хана Шагинъ-Гирея, вступившаго въ 1774 году во всѣ права Турецкаго Султана на Крымскую область, о имѣніяхъ, въ Горной части Крыма лежащихъ, изданнаго, всѣ деревни Байдарскія отданы были на откупъ находившемуся при его монетномъ дворѣ Директору

Абдулъ-Хамидъ-Агѣ съ товарищами, съ изъясненіемъ, по скольку взимать имъ предоставлялось съ жителей тѣхъ мѣстъ податей, и въ регистрѣ о тѣхъ деревняхъ, на откупъ отданныхъ, изъясне но, что они принадлежали до того Турецкому Султану; слѣдовательно, и не могли оныя земли, отыскиваемыя Татарами Байдарской долины, быть ихъ собственностію; по чему Коммиссія и признала: во 1, Татара, отыскивающіе земли Байдарской долины, не имѣютъ права собственности на оныя; во 2, блаженныя памяти Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ доносимо было отъ Таврическаго Губернатора Жигулина, 1792 года, Февраля 27 числа, что въ назначенной Князю Потемкину Таврическому, Байдарской долинѣ состоитъ земли удобной 13 тыс. и неудобной 2150 десятинъ; въ 3, опредѣленіемъ Правительствующаго Сената, состоявшимся 19 и 26 Октября, 1793 года, Байдарская долина утверждена въ числѣ 13 тыс. удобной земли за наслѣдникомъ Князя Потемкина Таврическаго, Генералъ-Маіоромъ Высоцкимъ; и напослѣдокъ въ 4, имѣніе сіе перешло по купчей крѣпости въ третьи руки, къ Адмиралу Мордвинову: то по симъ обстоятельствамъ Байдарскія земли составляютъ принадлежность Адмирала Мордвинова въ числѣ 15,150 десятинъ.»

Изъ постановленія Государственнаго Совѣта: «Земли, заключающіяся въ Байдарской долинѣ, по первымъ живымъ и безспорнымъ окружнымъ всей дачи границамъ, утвердить въ неотъемлемую собственность Адмирала Мордвинова, какъ имѣніе, ему по купчей крѣпости дошедшее и состоявшее въ безспорномъ его владѣніи болѣе 15 лѣтъ.»

Сообщ. Н. Поповъ.

РАЗЪЯСНЕНІЕ

ДОНЕСЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУ О ПЕРЕХОДѢ ВЪ 1845 ГОДУ ЛАТЫШЕЙ И ЧУХОНЪ ЛИВОНСКИХЪ ВЪ ПРАВОСЛАВІЕ.

Въ одной изъ книгъ * (кажется, 1865 года) «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» была напечатана статья о движеніи Латышей и Чухонъ въ Прибалтійскихъ Губерніяхъ къ Православію, и въ изложеніи оной вскользь было упомянуто и мое имя.

Какъ послѣдній дѣятель въ этомъ дѣлѣ, полагаю не лишнимъ прояснить нѣкоторыя мѣста, о которыхъ вовсе не упоминается.

Находясь въ Москвѣ, для выписокъ изъ нѣкоторыхъ дѣлъ, хранящихся въ секретныхъ Государственныхъ Архивахъ, въ самыхъ первыхъ числахъ Октября, 1845 года, получилъ я, чрезъ нарочнаго курьера, записку Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, чтобы, оставивъ двухъ, при мнѣ бывшихъ, Чиновниковъ для продолженія занятій моихъ по Архивамъ, самому, «не медля ни часа,» поспѣшить въ Петербургъ. Я исполнилъ приказаніе, и на третьи сутки, въ 9 часовъ утра, представился уже Г. Министру. [1]

Я былъ удивленъ, когда Левъ Алексѣевичъ съ улыбкой спросилъ меня о моемъ здоровьѣ. Вопросъ этотъ сбилъ меня съ

---

* 3-й, Отд. V, стр. 149. О. Б.

[1] Курьеру приказано было спѣшить обратно съ извѣстіемъ, что состояніе здоровья моего позволяетъ ли выѣхать, или нѣтъ? Курьеръ, заготовляя мнѣ лошадей, далъ возможность быстрой ѣзды: онъ пріѣхалъ только за два часа предо мною.

толку: не уже ли, думалъ я, для того только меня и вызвали, за семьсотъ верстъ, совершенныхъ въ двое съ половиною сутокъ, чтобы справиться о моемъ здоровьѣ?! Но недоумѣніе мое продолжалось не долго. Онъ присовокупилъ: могу ли я сего дня же, часа за два до вечерней зари, выѣхать въ совершенно противоположную сторону? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ сталъ писать записку и, вызвавъ дежурнаго, приказалъ ему самому тотчасъ отвезти оную Графу Протасову, а потомъ заѣхать къ Дубельту и сказать ему, что «Липранди пріѣхалъ и Графъ Протасовъ тотчасъ будетъ,» а по тому, не можетъ ли онъ пріѣхать? Къ чему все это клонилось, я рѣшительно не понималъ: быстрота дороги, двѣ безсонныя ночи, не допускали меня дѣлать какія бы то ни было соображенія. Министръ приказалъ ни кого не принимать, кромѣ помянутыхъ лицъ, и, наконецъ, пригласивъ меня сѣсть на обычномъ мѣстѣ, чрезъ столъ противъ него, спросилъ: [2]

Знаю ли я, что происходитъ въ Прибалтійскихъ Губерніяхъ?—«Недостатокъ въ народномъ продовольствіи?»—«Это само по себѣ,» сказалъ онъ, и тогда сообщилъ мнѣ, «что съ нѣкотораго времени Латыши и Чухны начали изъявлять желаніе присоединяться къ Православію, а теперь размѣры этѣ усиливаются; тамошнее Дворянство обвиняетъ наше Духовенство, будьто бы оно завлекаетъ крестьянъ; вмѣстѣ съ тѣмъ обвиняетъ и мѣстную власть, Генералъ-Губернатора, а также и его Министра, будьто бы, посредствомъ агентовъ, онъ обольщаетъ народъ обѣщаніями льготъ и раздаетъ деньги переходящимъ въ Православіе и т. п., [3] и предрекаютъ, что такое дѣйствіе Правительства и Православнаго Ду-

---

[2] Я выписываю разговоръ изъ дневника слово въ слово, что, само собой разумѣется, не йдетъ къ сущности дѣла, но указываетъ на то затрудненіе, въ которомъ тогда находились.

[3] Сѣсь Министръ показалъ мнѣ безъименное письмо изъ Риги, въ которомъ его упрекали, что онъ объявилъ себя врагомъ Прибалтійскаго Дворянства, которое служитъ «охраной трона» и пр. Это послѣднее выраженіе вызвало сильное негодованіе Министра. Онъ передалъ потомъ мнѣ письмо это, съ тѣмъ, чтобы стараться узнать по почерку лицо, писавшее оное, подозрѣвая кого-то. Объ этомъ было составлено мною особенное донесеніе, которое, не смотря на нѣкоторую занимательность, сдѣсь имѣть мѣста не можетъ.

ховенства неотмѣнно вызоветъ народъ къ мятежу противъ Нѣмцевъ, и о томъ, будто бы есть уже молва, и, въ заключеніе, они просятъ прислать къ нимъ, для сохраненія порядка и ихъ жизни, по крайней мѣрѣ, двѣ дивизіи» и пр. Послѣ сего Министръ присовокупилъ, что «это не заслуживало вниманія, и по тому все и оставалось въ томъ же положеніи; но нельзя же было, какъ хотятъ Бароны, предписывать Православной, у насъ господствующей, Церкви отталкивать отъ себя тѣхъ, кто желаетъ сдѣлаться ея сыномъ, а по тому и повторялись только предписанія, какъ Епископу, такъ и Генералъ-Губернатору, не отклоняться отъ предписанныхъ закономъ правилъ» и т. д.; потомъ прибавилъ, что «Сенявинъ и Лексъ ѣздили въ Губерніи, по предмету народнаго продовольствія, но изъ всего, слышаннаго ими, мимоходомъ о переходѣ, ни чего особеннаго не сообщили, да и между ними встрѣчалось разнорѣчіе въ разсказѣ» и пр.

«Теперь вотъ въ чемъ главное, продолжалъ Министръ: нѣсколько дней тому назадъ присланъ отъ Государя изъ Палермо фельдъегерь, [1] съ требованіемъ подробнаго донесенія о событіяхъ въ Прибалтійскихъ Губерніяхъ. Вопросъ о томъ былъ возбужденъ письмами лицъ изъ Ливоніи и изъ Петербурга къ родственникамъ и знакомымъ своимъ, находящимся при Высочайшихъ Особахъ въ Палермо. Сообщаемыя туда свѣдѣнія не могли не озаботить Императора. Говорятъ даже, что было о томъ писано туда и полуоффиціяльно отъ Дворянъ, находящихся будто бы въ самомъ ужасномъ положеніи по движенію крестьянъ.»

«Государь Наслѣдникъ тотчасъ потребовалъ подробныя свѣдѣнія отъ меня, отъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Графа Протасова, и отъ Дубельта» (заступившаго мѣсто Графа Орлова, находившагося при Государѣ въ Палермо).

Далѣе говорилъ, что «свѣдѣнія основывались у Министра Внутреннихъ Дѣлъ на донесеніяхъ Генералъ-Губернатора Головина и Предводителя Дворянства. У Графа Протасова на доне-

---

[1] Въ это время, за отсутствіемъ Государя и Императрицы, управлялъ Имперіею Наслѣдникъ, нынѣ царствующій Государь.

сенія Рижскаго Архіерея Филарета, а у III-го Отдѣленія на донесеніи Губернскаго Штабъ-Офицера, Полковника Гильдебранта. Независимо отъ сего, каждое Вѣдомство имѣло еще свѣдѣнія отъ посылавшихся, подъ разными предлогами, Чиновниковъ особыхъ порученій [5] въ Лифляндію, коимъ приказывалось, подъ рукой, узнавать, что и какъ происходитъ присоединеніе? Что, впрочемъ, составляло главный предметъ ихъ командированія.

Приступивъ къ составленію такихъ записокъ, какъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, такъ и у Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, встрѣтилось уже въ каждомъ изъ сихъ Вѣдомствъ много данныхъ, съ различными взглядами, а по тому пришлось руководствоваться только одними оффиціяльными донесеніями.

Когда все это сосредоточилось у Государя Наслѣдника, то Его Высочество усмотрѣлъ разительныя противоположности въ оцѣнкѣ и во взглядахъ на событія, такъ что нельзя было согласовать ихъ и составить для отправленія въ Палермо общее положительное изложеніе о происходящемъ по предмету присоединенія къ Православію. Его Высочество изволилъ приказать: «Перовскому, Графу Протасову и Дубельту, для избѣжанія разнорѣчій, избрать, съ общаго ихъ согласія, одно лицо, которое бы немедленно отправилось на мѣсто и донесло о происходящемъ.» Между тѣмъ сдѣланы были распоряженія, на случай, если нужно будетъ, усилить находящіяся уже въ Прибалтійскомъ краѣ войска. Дивизіонъ же Лейбъ-Казаковъ, подъ начальствомъ Флигель-Адъютанта Полковника Опочинина, тотчасъ былъ отправленъ къ границамъ, по направленію къ Дерпту.

Выборъ помянутыхъ трекъ сановниковъ палъ на меня, и я вытребованъ былъ изъ Москвы.

Графъ Протасовъ не замедлилъ пріѣхать къ Льву Алексѣевичу и, послѣ нѣсколькихъ словъ, пригласилъ меня ѣхать къ нему, чтобы ознакомиться съ донесеніями Епископа. Перовскій также приказалъ, по возвращеніи отъ Графа, просмотрѣть все то,

[5] Исключая III-го Отдѣленія, которое основывалось только на донесеніи своего Губернскаго Штабъ-Офицера.

что есть объ этомъ предметѣ въ Департаментахъ: Общихъ Дѣлъ, Полицейскомъ и Иностранныхъ Исповѣданій, и наконецъ, оба въ одинъ голосъ заявили о необходимости выѣхать сегодня до зари, чтобы Наслѣдникъ могъ видѣть это изъ рапорта съ заставы. Графъ Протасовъ разсказалъ, во время проѣзда нашего, почти то же, что и Левъ Алексѣевичъ. Когда онъ мнѣ указалъ на кипу бумагъ, лежавшую у него на столѣ, для моего ознакомленія съ оной, то я замѣтилъ, что не лучше ли будетъ, чтобы содержаніе этѣхъ бумагъ осталось вовсе мнѣ не извѣстно, какъ и то, что могу найти въ Министерствѣ и въ III Отдѣленіи, по тому что тогда мой взглядъ на мѣстѣ, гдѣ я имѣю многихъ старыхъ сослуживцевъ, будетъ принадлежать собственно мнѣ, и я избѣгну подпасть подъ вліяніе того или другого взгляда; а при томъ, присовокупилъ я, что при условіи выѣхать въ шесть часовъ вечера, а теперь полдень, не достанетъ и времени для одной пролистовки всей кипы бумагъ въ трехъ Вѣдомствахъ, что въ одномъ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, конечно, въ десятеро болѣе. Графъ совершенно согласился со мною. Въ это время вошелъ Дубельтъ, который, тотчасъ послѣ нашего выѣзда отъ Перовскаго, пріѣхалъ къ нему, а отъ него сюда. Леонтій Васильевичъ тоже одобрилъ мое намѣреніе не просматривать того, что писано было другими, и мы втроемъ опять отправились къ Перовскому. Въ началѣ Левъ Алексѣевичъ сталъ было возражать противъ моего мнѣнія, но я ему сказалъ тоже, что могу увлечься чьимъ ни будь взглядомъ, между тѣмъ какъ въ Ригѣ имѣю множество знакомыхъ и сослуживцевъ, которыхъ, по желанію его, и назвалъ. [6] Наконецъ и онъ согласился, въ особенности же по недостатку времени. Приказано было, по прибытіи въ Дерптъ, тотчасъ извѣстить по эстафетѣ, все ли тамъ спокойно, и наконецъ по выѣздѣ изъ онаго, опять такимъ же образомъ, отпра-

---

[6] Двухъ Генераловъ Мандерштерновъ (Коменданта Риги и Дюнамюнде) еще со Шведской войны; Лиліенфельда, Предсѣдателя Палаты Государственныхъ Имуществъ; отставныхъ Полковниковъ: Краузе и Вакульскаго. Всѣ помянутые сослуживцы по Генеральному Штабу; Инспекторъ Врачебной Управы Докторъ Леви, жившій со мной четыре года во Франціи, человѣкъ умный, наблюдательный, съ которымъ я въ дружескихъ отношеніяхъ, и другіе сослуживцы 1812 и 1815 годовъ, Лифляндскіе уроженцы, нынѣ въ отставкѣ и живущіе въ Ригѣ. Сверхъ того въ двѣ поѣздки мои въ Ригу, въ 1842 и 1843 годахъ, по порученіямъ, я былъ поста-

вить тѣ свѣдѣнія, которыя будутъ собраны отъ мѣстнаго Дерптскаго Духовенства, Полиціи и Жандармскаго Штабъ-Офицера, и потомъ ежедневно отправлять эстафету, хотя бы ни чего особеннаго и не случалось.

Я видѣлъ ясно, что всѣ три лица болѣе или менѣе, но не вполнѣ, довѣряли спокойствію края,. и всѣ налегали на выѣздъ мой въ тотъ же вечеръ. Наконецъ присовокупили, если все тамъ благополучно, то чтобы не замедлилъ возвращеніемъ съ общимъ донесеніемъ.

Графъ Протасовъ и Дубельтъ уѣхали. Министръ сдѣлалъ еще нѣсколько наставленій по предмету, и прибавилъ, что если буду имѣть время, то собралъ бы свѣдѣнія, что дѣлается по народному продовольствію, и опять пошла рѣчь о безыменномъ письмѣ. Потомъ присовокупилъ, чтобы я прямо ѣхалъ къ семейству, а отправленіе будетъ мнѣ прислано на домъ. Въ два часа я получилъ два предписанія, курьерскую подорожную, и на каждый случай три подорожные бланка, открытый листъ, письма къ Головину, Филарету и Гильдебранту, а также прогоны и экстраординарную сумму. Къ пяти часамъ я велѣлъ быть лошадямъ. Предъ началомъ обѣда пришелъ ко мнѣ Титулярный Совѣтникъ Рождественскій, подавшій переводъ изъ Министерства во II Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи. Тогда только пришло въ голову, что мнѣ кто ни будь нуженъ въ помощь, хлопотать о томъ было уже поздно, а по тому и предложилъ Рождественскому ѣхать, что, пока выйдетъ переводъ, чрезъ двѣ недѣли мы возвратимся; онъ согласился, забѣжалъ только за кой-какими вещами; мы сѣли въ дормезъ, и не было еще шести часовъ, какъ уже проѣхали заставу. Рождественскій своими способностями былъ мнѣ весьма важнымъ пособіемъ.

вленъ въ близкое сношеніе съ Епископомъ Филаретомъ, и хорошо познакомился съ Полиціймейстеромъ, Полковникомъ Языковымъ (нынѣ Г.-А., Директоромъ Училища Правовѣдѣнія), съ которымъ переписываюсь довольно часто. Въ Ригѣ же находится и нѣсколько Чиновниковъ Министерства, въ числѣ коихъ, Ханыковъ, съ которымъ я хорошъ и т. п. Все это, вмѣстѣ съ распросами на станціяхъ и другихъ мѣстахъ, не давая повода проникнуть цѣли, въ особенности чрезъ человѣка своего, для сего ловкаго, предоставитъ мнѣ всю возможность къ вѣрному опредѣленію событій.

Хотя я и не довѣрялъ всему тому, что разсказывалось въ Петербургѣ о враждебныхъ отношеніяхъ поселянъ къ Помѣщикамъ, но все, однако же, думалъ, что будетъ же какой нибудь тому признакъ, и совершенно ошибся: все, что услышали изъ разсказовъ съ первымъ шагомъ въ Эстляндскую Губернію, ни что не показывало и тѣни разсказывавшагося въ столицѣ, а потому, не доѣзжая еще до Дерпта, изъ м. Ева я отправилъ первую успокоительную эстафету. Потомъ донесеніе изъ Дерпта, въ копіи приложенное; за тѣмъ, не упуская случая говорить дорогой на станціяхъ съ Смотрителями, съ ямщикомъ, чрезъ посредство человѣка; иногда входя, подъ какимъ либо предлогомъ, въ корчмы, но ни что не указывало на опасенія. Эстафеты отправлялись, какъ было приказано. Одно изъ донесеній изъ Риги, включающее въ себѣ кое-какія данныя, помѣщено далѣе.

Наконецъ, послѣ семидневнаго пребыванія въ Ригѣ, въ кругу людей различныхъ взглядовъ, получилъ я ясное, по моему мнѣнію, понятіе о порученномъ мнѣ дѣлѣ. Выѣхавъ изъ Риги, на первой станціи, въ десяти верстахъ, я остановился ночевать, съ цѣлью привести въ нѣкоторый порядокъ все то, что было собрано. Въ Ригѣ сдѣлать этого не могъ; ибо старые знакомые, или каждый тащитъ меня къ себѣ, или оставался у меня безвыходно, иногда скоплялось человѣкъ до двадцати и, сводя ихъ по различнымъ мнѣніямъ между собой, я могъ извлекать только сущность истины. На станціи же, въ продолженіе цѣлой ночи, съ помощію Рождественскаго, сдѣланъ былъ очеркъ, окончаніе котораго должно было послѣдовать только послѣ свѣдѣній, которыя я ожидалъ получить на обратномъ пути въ Дерптѣ. Написанное же на станціи не выходило изъ нашихъ рукъ, въ дорогѣ пополнялось и исправлялось. Въ Дерптѣ, пробывъ нѣсколько часовъ для свиданія съ Протоіереемъ Березкинымъ, съ Полиціймейстеромъ и нѣкоторыми другими, выѣхалъ, и опять на первой станціи пробылъ шестьнадцать часовъ, чтобы привести все въ порядокъ и составить отчетъ о порученіи, который тутъ же и былъ переписанъ на бѣло. Съ разсвѣтомъ, 26 Октября, я возвратился, и въ девять часовъ утра представилъ Министру, при рапортѣ за № 521, записку касательно религіознаго движенія, и рапортъ о народномъ продовольствіи. Копіи съ обоихъ приложены.

Министръ былъ очень доволенъ исполненіемъ порученія, находилъ только нѣкоторыя выраженія рѣзкими. Я предложилъ было исправить, но онъ сказалъ, что теперь нѣкогда; приказалъ мнѣ ѣхать отдыхать, и тотчасъ послалъ извѣстить Графа Протасова и Дубельта о моемъ возвращеніи. Они не замедлили пріѣхать, нашли записку удовлетворительной, и представили оную Его Императорскому Высочеству, о чемъ сообщилъ мнѣ Дубельтъ, пріѣхавшій прямо изъ Дворца съ извѣстіемъ, что Его Императорское Высочество нашелъ свѣдѣнія основательными и приказалъ возвратить Лейбъ-Казачій дивизіонъ съ границъ Прибалтійскихъ Губерній. Посовѣтовалъ мнѣ съѣздить къ Графу Протасову, что я тотчасъ и исполнилъ, но, не заставъ его дома, записался.

Въ восемь часовъ вечера того же дня пріѣхалъ ко мнѣ Директоръ Департамента Общихъ Дѣлъ, испуганный (не знаю, по чему), съ извѣстіемъ, что сейчасъ Государь Наслѣдникъ прислалъ къ Министру за копіей моей записки, по тому что Его Высочество, для выигрыша времени, отправилъ подлинникъ въ Палермо, не оставивъ съ него списка, и у Министра тоже нѣтъ, а велѣно сейчасъ доставить копію, за моею же подписью. Сдѣлать это тотчасъ было не возможно, какъ по объему записки, такъ и по тому, что не всѣ могли разбирать мою руку, въ особенности при множествѣ вставокъ. Не было другого средства, какъ прислать ко мнѣ Чиновника, который бы у меня, подъ моимъ наблюденіемъ, могъ переписывать. Прислали двоихъ, для снятія въ одно время двухъ копій, изъ коихъ одна для Министра. Только что принялись за дѣло, какъ прислалъ за тѣмъ же Графъ Протасовъ и Дубельтъ. Имъ былъ тотъ же отвѣтъ, и они тотчасъ прислали по Чиновнику. Рождественскій взялся диктовать, а четверо писать. Едва къ осьми часамъ утра все было окончено. Записки мною подписаны и отправлены по принадлежности.

Государь Императоръ изволилъ найти изложеніе дѣльнымъ и пр. Всѣ замѣчанія мои приняты были въ соображеніе, все успокоилось и осталось по прежнему.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Секретно.

Дерптъ. 12 Октября, 1845 г. По эстафетѣ; въ 6½ ч. вечера.

Изъ разговоровъ, по дорогѣ на станціяхъ и въ городѣ Дерптѣ, съ лицами разныхъ состояній, даже изъ недавно присоединенныхъ къ Греко-Россійской Церкви, видно, что направленіе крестьянъ нѣкоторыхъ мѣстъ Лифляндской Губерніи къ принятію Православія есть чисто религіозное влеченіе и не сопряжено, до сихъ поръ, ни съ какимъ нарушеніемъ порядка ни общественнаго, ни частнаго, и если Помѣщики сами не подадутъ какого либо повода, то порядокъ сей со стороны крестьянъ, конечно, не нарушится.

Около половины Сентября обнародованъ былъ циркуляръ Генералъ-Губернатора, въ которомъ сказано, что принимать Православіе не запрещается, но для отлучки съ мѣста жительства должно имѣть дозволеніе отъ Помѣщика, или Управляющаго имѣніемъ. Обстоятельство это было поводомъ къ исполненію давняго желанія присоединиться къ Православію, и крестьяне цѣлыми толпами явились въ Дерптъ. Приписка и присоединеніе продолжаются донынѣ. Вчера присоединено 172 человѣка, а сегодня болѣе. Я самъ видѣлъ вновь присоединенныхъ, съ умиленіемъ и даже слезами на глазахъ молящимися. Протоіерей Березкинъ удостовѣрилъ меня, что подобное благоговѣніе есть общее присоединяющихся Съ 19 Сентября по настоящее время записалось для присоединенія до трехъ тысячъ семействъ, составляющихъ болѣе 20 тысячъ душъ, присоединено до 700 человѣкъ, кромѣ ихъ семействъ.

Явнымъ доказательствомъ, что Помѣщичьи крестьяне не имѣютъ въ виду завладѣть землями Помѣщиковъ (о чемъ этѣ послѣдніе распускаютъ слухъ), служитъ то, что однихъ крестьянъ Государственныхъ Имуществъ, какъ объявилъ мнѣ Протоіерей Березкинъ, присоединилось и записалось болѣе трехъ сотъ семействъ.

Вчерашняго числа около 50 человѣкъ явилось къ Протоіерею Березкину, для присоединенія; изъ нихъ у 20 человѣкъ съ мызы Керстенъ, Помѣщика Моллера, не имѣлось дозволительныхъ на отлучку билетовъ, по причинѣ отказа выдавать таковые, по чему Березкинъ, руководствуясь выше помянутымъ циркуляромъ Генералъ-Губернатора, объявилъ о томъ Полиціймейстеру, который передалъ ихъ въ Земскій Судъ, гдѣ ихъ наказали розгами. По окончаніи наказанія, они вновь пришли къ Протоіерею Березкину, съ просьбой о защитѣ, объявивъ, что они наказаны по 60 ударовъ, да, сверхъ того, взяли съ нихъ по 15 коп. сер. съ человѣка, за употребленныя для наказанія розги. Протоіерей Березкинъ присовокупилъ еще, что желающіе присоединиться часто жалуются на подобныя притѣсненія и разорительныя взысканія на мызахъ.

Изъ причинъ, которыя приводятъ поселяне, замѣчательны слѣдующія: «Такъ какъ Государь одинъ въ Россіи, то должна быть одна и Вѣра, и что Русская Вѣра есть самая древняя, по тому что она идетъ изъ Іерусалима, а Лютеранская—самая новая.»

Сдѣсь, въ Дерптѣ, Протоіерей Березкинъ, человѣкъ кроткій, добродѣтельный, пользующійся общимъ довѣріемъ въ паствѣ, дѣйствуетъ въ этомъ дѣлѣ съ большою осторожностію и, не взирая на неутомимую его дѣятельность, напослѣдокъ не въ состояніи будетъ перенести, безъ особой и скорой помощи, этой трудной обязанности.

О причинахъ стремленія здѣшнихъ поселянъ принять Православіе, по собраніи надлежащихъ свѣдѣній, вмѣстѣ съ другими соображеніями, я буду имѣть честь почтительнѣйше представить Вашему Высокопревосходительству изъ города Риги, куда я тотчасъ отправляюсь; копію же съ помянутаго циркуляра Генералъ-Губернатора и записку, переданную мнѣ Протоіереемъ Березкинымъ, при семъ прилагаю.

12 Октября, 1845 г.
Дерптъ.
Отправлено по эстафетѣ,
въ $6^1/_2$ ч. вечера.

II.

Рига. 16 Октября, 1845 года, по встафетѣ, отправленной въ 10 ч. вечера.

Свѣдѣнія, которыя я имѣлъ честь доставить Вашему Высокопревосходительству изъ Дерпта, въ главныхъ чертахъ остаются тѣ же самыя; по дорогѣ и въ самой Ригѣ все спокойно, и не было примѣровъ какого либо безпорядка, и даже слуховъ объ оныхъ по цѣлой Губерніи. Въ Ригѣ присоединено по настоящее время до 1200 человѣкъ, какъ мнѣ объявилъ Епископъ; сверхъ того, записано до 400. Оффиціальные акты и частныя свѣдѣнія, собранныя мною по дорогѣ и въ самой Ригѣ отъ лицъ разныхъ сословій, совершенно основательно знающихъ настоящій предметъ, не оставляютъ ни какого сомнѣнія, что главная мысль Лифляндскихъ поселянъ, въ присоединеніи къ Православію, какъ я уже имѣлъ честь доносить, есть удовлетвореніе религіозной потребности души, особенно въ настоящее тяжкое, по случаю неурожая, для нихъ время. По чему именно они не находятъ утѣшенія въ своемъ настоящемъ, объ этомъ я не премину донести, по собраніи полнѣйшихъ свѣдѣній, въ самомъ скоромъ времени, при общемъ донесеніи о возложенномъ на меня порученіи, лично. Распоряженія здѣшняго Начальства, относительно присоединенія, всѣ сообразны съ потребностями времени и обстоятельствъ. Но я смѣю думать, что учрежденіе походныхъ церквей не соотвѣтственно во многихъ отношеніяхъ настоящему положенію дѣлъ и даетъ главный поводъ къ неудовольствіямъ, о чемъ я тоже буду имѣть честь представить подробно въ слѣдъ за симъ лично.

III.

Секретно.

Рига. Весьма нужное.

Списокъ съ отношенія Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Липранди Г. Дерптскому Полиціймейстеру, отъ 18 Октября, 1845 года, за № 561, по эстафетѣ.

Препровождая при семъ Генеральную карту Лифляндской Губерніи, покорнѣйше прошу Ваше Высокоблагородіе, къ моему пріѣзду въ Дерптъ, и именно, въ воскресенье, 21 числа сего Октября, къ 10 часамъ утра, сдѣлать на этой картѣ слѣдующія отмѣтки, которыя я неотмѣнно долженъ представить, по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ, Его Высокопревосходительству, Господину Министру Внутреннихъ Дѣлъ:

1. Подчеркнуть на картѣ, красными чернилами, тѣ мѣста, изъ коихъ поселяне, по приходѣ въ Дерптъ, въ то же время были присоединены къ Православію (проведя подъ деревнею, или мызою, черту).

2. Тѣ мѣста, изъ коихъ поселяне только приходили и записались для присоединенія, но еще не присоединились окончательно, этѣ мѣста отмѣтить черными чернилами, или тушью.

3. Отмѣтить тѣми же чернилами вмѣстѣ, т. е., красными и черными, ставя двѣ черты одна подъ другою каждыми чернилами порознь, тѣ мѣста, изъ коихъ поселяне прежде записались, а потомъ въ послѣдствіи опять приходили въ Дерптъ и совершенно присоединены къ Православію.

Сверхъ того составить алфавитную книжку или тетрадку, сколько изъ каждой отмѣченной на картѣ деревни, или мызы, являлось поселянъ и въ каковомъ числѣ: я разумѣю здѣсь алфавитный списокъ не лицамъ, а только деревнямъ, или мызамъ.

При настоящей работѣ, которая, опять повторяю, неотмѣнно должна быть приготовлена къ моему пріѣзду въ Дерптъ, т. е., къ 10 часамъ утра 21 сего Октября, Вы попросите, отъ моего имени, содѣйствія отца Протоіерея Ѳеодора Березкина. О точномъ и своевременномъ исполненіи я не премину доложить Его Высокопревосходительству, Г. Министру, при представленіи оной.

IV.

Секретно.

Къ рапорту за № 521-мъ.

Соображеніе свѣдѣній, собранныхъ мною на мѣстѣ, какъ изъ оффиціальныхъ актовъ, такъ и отъ лицъ различныхъ партій всѣхъ сословій, относительно присоединенія поселянъ нѣкоторыхъ частей Лифляндской Губерніи къ Православію, показываетъ:

1. Не подвержено ни какому сомнѣнію, что необыкновенное явленіе въ мірѣ Исповѣданій, совершающееся нынѣ въ Лифляндской Губерніи, есть не что иное, какъ чисто религіозное влеченіе, необходимость души, чувство, господствующее до сихъ поръ надъ всѣми разсчетами жизни. [1]

Я основываю это на слѣдующемъ:

По существующимъ мѣстнымъ узаконеніямъ, Лифляндскій поселянинъ находится въ самомъ неблагопріятномъ положеніи относительно благосостоянія, гражданственности и политическаго своего значенія; это всегдашнее его состояніе усиливается еще болѣе, когда онъ бываетъ постигнутъ неурожаемъ. Въ подобномъ бѣдственномъ положеніи, каждый человѣкъ ищетъ утѣшенія въ спасительномъ нравоученіи исповѣдуемой имъ Вѣры, къ которой прибѣгаетъ преимущественно въ часы горести и страданій, бѣдствій и тому подобномъ; но въ этомъ отношеніи Лифляндскій поселянинъ еще болѣе несчастливъ; ибо онъ совершенно лишенъ религіозныхъ утѣшеній, успокоивающихъ душу и страсти, волнуемыя житейскими бѣдствіями. Пасторы, изъ коихъ нѣкоторые получили образованіе въ Піетизмѣ или Гернгутерствѣ, живя въ обществѣ Помѣщиковъ, раздѣляя съ ними увеселенія и плоды трудовъ поселянъ, не снисходятъ до прямыхъ своихъ обязанностей относительно непросвѣ-

---

[1] Это тѣмъ болѣе разительно, что въ то же самое время образуются почти во всѣхъ Лютеранскихъ странахъ Европы общества, противодѣйствующія истинному смыслу религіи и самому Правительству.

щенной своей паствы, и смотрятъ на нее только, какъ на источникъ своего обогащенія; а есть и Пасторы - Помѣщики. Небреженіе этой священной обязанности мало по малу возросло нынѣ до такой степени, что Чухны и Латыши Лифляндской Губерніи не только лишаются нравоучительныхъ проповѣдей, единственной основы Лютеранскаго Исповѣданія, [1] но и всѣхъ священныхъ обрядовъ жизни. Умершій погребается (по выраженію поселянъ, какъ собака), безъ всякихъ правилъ, предписываемыхъ Исповѣданіемъ. При похоронахъ присутствуетъ одинъ только Кистеръ, лице совершенно не духовное; Пасторъ же чрезъ мѣсяцъ и болѣе, а иногда (если вѣрить поселянамъ) и вовсе не является на могилу погребеннаго. Кирхшпили или приходы, простирающіеся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 10 тыс. душъ, конечно, не позволяютъ одному Пастору успѣть вездѣ; и народъ, можетъ быть, и оставался бы къ симъ важнымъ упущеніямъ болѣе снисходительнымъ, если бы онъ въ то же время не видѣлъ въ сихъ духовныхъ лицахъ вторыхъ Помѣщиковъ своихъ, часто еще болѣе взыскательныхъ, относительно оброка и другихъ повинностей, и совершенно недоступныхъ, когда поселянинъ ищетъ объяснить имъ иногда несправедливыя вымогательства Помѣщиковъ.

Подобное состояніе Духовенства неотмѣнно должно было охлаждать религіозныя чувства людей необразованныхъ, грубыхъ и невѣжественныхъ, каковы Латыши и въ особенности Чухны Лифляндской Губерніи, на которыхъ, и при другихъ условіяхъ, Лютеранское Исповѣданіе, основанное на одномъ умствованіи, на одномъ созерцаніи, не представляя ни чего привлекательнаго, ни чего величественнаго ни для глаза, ни для слуха, ни для осязанія, не можетъ

---

[1] Проповѣди на туземномъ языкѣ они слышатъ весьма рѣдко; ибо Пасторъ, имѣющій иногда нѣсколько киркъ въ своемъ Кирхшпилѣ, служитъ исключительно въ присутствіи Помѣщиковъ и чаще всего на языкѣ Нѣмецкомъ; когда же находитъ однихъ поселянъ, то всѣ нравоученія его заключаются въ угрозахъ діаволомъ и адомъ тому, кто не отбываетъ своихъ повинностей Пастору и Помѣщику. Нерѣдко же поселяне, стекшіеся въ кирки изъ дальныхъ мѣстъ, вовсе не застаютъ Пасторовъ и возвращаются въ домы свои съ естественнымъ негодованіемъ.

имѣть того религіознаго ощущенія, какое внушаетъ Православная Церковь.

Латыши и Чухны издавна уже обратили вниманіе свое на нашу Церковь; и образованіе въ тамошнемъ краѣ Православнаго Богослуженія на Латышскомъ языкѣ было необходимымъ послѣдствіемъ давнишней потребности народа въ Вѣроисповѣданіи болѣе обрядномъ и менѣе умозрительномъ и холодномъ Лютеранскаго. Доказательствомъ этого служитъ то, что издавна многіе Священники Православныхъ приходовъ, на примѣръ, Якобштадтскій, получали значительный доходъ даже отъ Латышей Лютеранъ, служившихъ молебны въ важныя для поселянина эпохи года, каковы: посѣвъ, жатва, сѣнокосъ и проч., а въ заутреню, предъ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ, они ползали на колѣнахъ въ слѣдъ за плащаницею. При томъ около Печоръ, въ Псковской Губерніи, на границѣ Лифляндской, есть множество Чухонъ, издревле принадлежащихъ къ Православной Церкви. Простонародіе называетъ ихъ полувѣрцами, по тому, что они ни слова не знаютъ по Русски. Ихъ исповѣдываютъ, равно и нѣкоторыя молитвы читаютъ имъ, на Чухонскомъ языкѣ. Изъ этого видно, что Православіе никогда не было чуждо Латышамъ и Чухнамъ, и если теперь оно развивается между ними быстрѣе прежняго, то, независимо отъ многихъ другихъ причинъ, нельзя не приписать этого отчасти и назначенію Православнаго Генералъ-Губернатора. Отвергать безусловно этого нельзя.

Въ заключеніе, я осмѣливаюсь почитать настоящія событія счастливѣйшими, если принять во вниманіе, что Лифляндскіе поселяне, при грубомъ, невѣжественномъ и угнѣтенномъ состояніи своемъ, лишенные нравоучительныхъ религіозныхъ наставленій, единственно ограждающихъ общество отъ разъединенія, при явномъ безвѣріи своемъ, легко могли быть увлечены въ вреднѣйшія секты и ереси, которыми окружены они въ окрестностяхъ Дерпта, по берегу Пейпуса, въ извѣстномъ селеніи Черномъ, въ Ригѣ и по всему прибрежью Балтійскаго моря, населеннаго преимущественно разными толками Безпоповщины, склоняющей, какъ извѣстно, обольщеніями и не щадящей денегъ для усиленія своихъ обществъ и послѣдователей; склонность же, или, по крайней мѣрѣ, возможность

Чухнамъ увлекаться въ секты, доказывается существованіемъ оныхъ между Чухнами въ Финляндіи, единоплеменными и единовѣрными съ Чухнами Лифляндской Губерніи.

2. Изъ множества слуховъ заслуживаютъ нѣкоторое вниманіе только три, и именно: первый, что будто бы нѣкоторые изъ Пасторовъ писали Королю Прусскому, какъ главѣ Лютеранизма, и взывали къ нему о ходатайствѣ; другіе говорятъ, что письма этѣ были писаны къ духовнымъ лицамъ Берлина, пользующимся Королевскимъ довѣріемъ; и наконецъ, что о происходящемъ нынѣ въ Лифляндской Губерніи сообщено въ разныя иностранныя газеты для того, чтобы возбудить всеобщее вниманіе. Вторая молва, болѣе распространенная, съ цѣлію угрожать поселянамъ, заключается въ томъ, что будто бы Правительство согласилось на присылку войскъ, для прекращенія безпорядковъ, происходящихъ отъ присоединенія къ Православію. Молва эта видимо неблагопріятна общему спокойствію края; ибо если предположить, что поселяне, недовольные Помѣщиками, прибѣгаютъ къ сильной мѣрѣ, перемѣнѣ Вѣры, въ надеждѣ на облегченіе положенія своего, то введеніе войскъ подъ симъ предлогомъ, въ видѣ экзекуціи, сдѣлаетъ непріятное впечатлѣніе на поселянина, и безъ того уже раззореннаго до крайности, и можетъ легко обратить негодованіе съ Помѣщика на высшее Правительство, которое въ его понятіи, будто бы, отвергая общее направленіе къ Православію, караетъ его, согласно желанію и силѣ владѣльцевъ, тогда какъ въ настоящее время поселянинъ благоговѣетъ предъ именемъ Монарха, что рѣшительно доказывается отвѣтами, дѣланными письменно поселянами, начиная съ 1841 года, гдѣ, отказываясь отъ всѣхъ льготъ, объявляютъ причину перемѣны Исповѣданія сими словами: «что ихъ Вѣра не хороша; или: какой Государь Вѣры, такой и мы хотимъ быть, и болѣе ничего не хотимъ.» Одни уже этѣ слова достаточно свидѣтельствуютъ внутреннее состояніе поселянъ. Положимъ, что ихъ склоняютъ обѣщаніями, подкупаютъ за 50-ть рублей, какъ выражаются иностранныя газеты; но безхитростное выраженіе: «наша Вѣра не хороша,» показываетъ, что вновь присоединенный не встрѣтитъ въ своей совѣсти упрека за перемѣну Вѣры, хотя бы обѣщанія (которыхъ нѣтъ) и не были исполнены. Пусть кто ни будь попробуетъ предложить не только обѣщанія, но и значительную сумму, Велико-

россійскому крестьянину за перемѣну Вѣры, пускай хоть пьяному и не въ кабакѣ, какъ это дѣлается будто бы въ Лифляндской Губерніи, а глазъ на глазъ; тогда увидѣли бы, какой онъ дастъ отвѣтъ.[1] Впрочемъ, нельзя безусловно отвергать и того, чтобы поселянинъ Лифляндіи не имѣлъ въ виду облегченія въ своемъ положеніи при переходѣ въ Православіе; ибо весьма понятно каждому изъ нихъ, что, отпавъ отъ Лютеранской Вѣры, освобождаются они отъ довольно значительныхъ повинностей, которыми были обязаны Пасторамъ, содѣлавшимся имъ ненавистными уже однимъ небреженіемъ духовныхъ своихъ обязанностей, холоднымъ безмолвіемъ къ ихъ житейскимъ нуждамъ, и прочее. Вмѣстѣ съ тѣмъ обращенные говорятъ, что будутъ имѣть болѣе праздниковъ.

Съ другой стороны, если дѣйствительно направленіе къ Православной Церкви обняло до такой степени умы народа, какъ оно представляется нынѣ, то не не можетъ ли это развиться еще въ большей силѣ въ присутствіи войскъ, и тогда не обратятъ ли Помѣщики, сами желавшіе войскъ для кары поселянъ, упрекъ на Правительство, которое согласилось ввести войско будто бы съ тайною только цѣлію покровительствовать уничтоженію Лютеранизма? Иностранные журналы этой партіи не упустятъ сего случая разразиться въ выходкахъ своихъ противъ мѣръ высшаго нашего Правительства, что, какъ смѣю думать, разольетъ въ Европѣ неблагопріятное впечатлѣніе на Нѣмцевъ и усилитъ еще болѣе безотчетное ихъ противъ Россіи озлобленіе.

Наконецъ третій слухъ, распространенный преимущественнѣе въ возвышенныхъ классахъ, заключается въ томъ, что злонамѣренные люди распускаютъ будто бы въ народѣ, что, по присоединеніи къ Православію, поселянинъ сдѣлается самостоятельнымъ, получитъ Помѣщичьи земли и проч., и что нѣкоторые поселяне мысленно

[1] Внутреннее состояніе души Лифляндскаго поселянина хорошо выражается въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, на примѣръ: возвращающіеся отъ присоединенія, встрѣчая Русскихъ, крестятся и, показывая на груди крестъ, съ восторгомъ говорятъ: «Смотри, теперь и мы Русскіе!» Въ Ригѣ проходящій Латышъ, котораго позвали: «Эй, Латышъ!» съ гордостію, показывая крестъ, сказалъ: «Я не Латышъ, а Русскій.»

уже раздѣляютъ между собою земли владѣльцевъ своихъ и проч., но на вопросъ, гдѣ и какъ? получаешь всегда въ отвѣтъ, что «я слышалъ, не помню, отъ кого, всѣ говорятъ,» и т. п., въ оффиціяльныхъ же актахъ нѣтъ ни чего; [4] между тѣмъ не подвержено сомнѣнію, что если бы была хотя тѣнь подобнаго говора, то Земская власть, составленная исключительно изъ Помѣщиковъ и туземныхъ Нѣмцевъ, не упустила бы облечь сей важный случай въ юридическій фактъ и схватить людей, позволившихъ себѣ малѣйшее неосторожное въ этомъ родѣ выраженіе; но какъ до сихъ поръ этого не сдѣлано, то и не возможно предполагать дѣйствительнаго существованія сего. Сверхъ того, какъ согласовать все это, когда видимъ казенныхъ поселянъ, также присоединяющимися къ Православію? Могутъ ли они раздѣлять мысли, приписываемыя Помѣщиками своимъ поселянамъ?

Опасеніе Владѣльцевъ на счетъ общаго возстанія поселянъ ихъ, тоже не основательно; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ оно существуетъ въ одномъ ихъ мнѣніи, или внутреннемъ тайномъ сознаніи въ своихъ притѣсненіяхъ, что и подаетъ имъ мысль о возможности справедливаго возмездія. Я нахожу, что если бы это дѣйствительно и могло существовать въ мысли у поселянъ, то Помѣщики сами породили оную, затрудненіемъ и негодованіемъ, оказываемыхъ ими тѣмъ изъ поселянъ, которые изъявляютъ желаніе присоединится къ Православію. [5] Это самое даетъ желающимъ поводъ заключать, что Помѣщики страшатся потерять отъ сего какія ни будь выгоды; иначе не противились бы тому и не гнали тѣхъ, кои оставили уже Лютеранизмъ. Конечно, равнодушіе Помѣщиковъ въ этомъ случаѣ не можетъ быть искренно; ибо каждый

---

[4] Начавшіяся въ Ригѣ три слѣдствія не кончены и не могутъ еще опредѣлить степень ихъ вѣроятія. При подобныхъ слѣдствіяхъ я полагаю необходимымъ быть одному изъ Русскихъ въ составѣ Коммисіи.

[5] По словамъ Православнаго Духовенства, основаннымъ на жалобахъ поселянъ, Помѣщики позволяютъ себѣ многія жестокости не только съ тѣми, которые объявляютъ желаніе присоединиться къ Православію, но даже съ тѣми, которые уже присоединились. Сихъ послѣднихъ, какъ объявилъ мнѣ Преосвященный Филаретъ и Дерптскій Протоіерей Березинъ, человѣкъ основательный, осторожный и умный, Помѣщики угрожаютъ согнать весною съ земель своихъ.

человѣкъ, какого бы онъ Исповѣданія и состоянія ни былъ, болѣе или менѣе движимъ религіознымъ самолюбіемъ; но при настоящихъ обстоятельствахъ, благоразуміе и обдуманность должны взять верхъ.

Поселяне вездѣ до сихъ поръ оказываютъ кротость и повиновеніе. Ярмарка въ Дерптѣ, въ концѣ Сентября, дала многимъ поводъ къ заключеніямъ; но всѣ ошиблись. До 15 тыс. Латышей и Чухонъ собралось на ярмарку; при всемъ этомъ тишина и порядокъ были совершенны, не взирая на обычное употребленіе вина. Повиновеніе доходило до такой степени, что Протоіерей Березкинъ, осажденный, такъ сказать, предъ симъ множествомъ желающихъ присоединиться къ Православію, и самъ опасаясь, что, при стеченіи большаго количества народа на ярмарку, при томъ разгоряченнаго крѣпкими напитками, можетъ произойти безпорядокъ, предупредилъ поселянъ, что въ продолженіи всей ярмарки онъ присоединять не будетъ; приказаніе было свято соблюдено: ни одинъ не являлся во всѣ три дня ярмарки, и уже по окончаніи, вновь начали приходить къ нему.

Въ поселянахъ не видно ни какого явнаго ожесточенія противъ Помѣщиковъ, но замѣтна ненависть къ Пасторамъ, которыхъ они почитаютъ главными виновниками своего злополучія. Со стороны Пасторовъ и Помѣщиковъ одинаково видно ожесточеніе противъ происходящаго. Между послѣдними есть, однако жь, такіе, которые показываютъ равнодушіе къ присоединенію; да и въ самомъ дѣлѣ они едва ли что потеряютъ; ибо земля и поселенные на ней, предоставлявшіеся прежде для повинностей Пасторамъ, остаются въ ихъ пользу; между тѣмъ какъ Пасторы теряютъ всѣ свои выгоды и должны будутъ довольствоваться жалованьемъ или содержаніемъ, которое опредѣлятъ имъ Помѣщики, за обычное исправленіе требъ для себя и своего семейства. Впрочемъ, если бы и произошли какіе либо частные случаи, то, конечно, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, нельзя предполагать иначе, какъ что поводъ къ тому подадутъ сами Помѣщики, выведя изъ терпѣнія и приведя человѣка къ ожесточенію, иногда безразсуднымъ своимъ, какъ выше сказано, обхожденіемъ.

3. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ Епископомъ, число окончательно присоединенныхъ къ Православію, съ 21 Апрѣля по 13 число

сего мѣсяца, состоитъ изъ 2062 человѣкъ, [6] что продожается безостановочно раза по два и по три въ недѣлю. Независимо отъ сего, записавшихся въ Ригѣ болѣе 400 человѣкъ, въ Дерптѣ 3925. Вписываются обыкновенно съ семействами, что, по счету Священниковъ, составляетъ нынѣ далеко за 20 тыс. душъ; но присоединятся ли всѣ изъ записавшихся и тѣ, кои упоминаются отцами семействъ, опредѣлительно сказать нельзя; Священники утверждаютъ положительно, Помѣщики отрицательно. Впрочемъ, здѣсь необходимо замѣтить еще и то, что число присоединившихся женщинъ весьма незначительно, а это и подаетъ поводъ Помѣщикамъ и другимъ лицамъ, не оправдывающимъ этого движенія, говорить и даже утверждать, что жены не соглашаются съ мужьями перемѣнить Вѣру. Изъ этого, выдуманнаго ими, обстоятельства, они выводятъ, что обращеніе Латышей и Чухонъ не есть искреннее, а руководствуется мыслею освобожденія себя отъ Помѣщиковъ, питая при томъ духъ ожесточенія, чрезъ что угрожается безопасность владѣльцевъ и проч. [7] Но и здѣсь нѣтъ фактовъ, а только безчисленное множество разсказовъ о происшествіяхъ въ семействахъ присоединившихся уже къ Православію, чѣмъ, повторяю, ни Власти, ни Помѣщики не упустили бы воспользоваться, для облеченія этого въ юридическія формы. По слозамъ Священниковъ, присоединяющійся отецъ семейства утверждаетъ, что жена его раздѣляетъ съ нимъ тоже желаніе, но, по дальнему разстоянію, не можетъ оставить хозяйства, а будетъ выжидать ближайшаго къ тому случая. Это весьма доступно вѣроятію; ибо въ настоящее осеннее время оставить дѣтей однихъ, или тащить ихъ съ собою на нѣсколько дней, бросивъ хозяйство, весьма трудно. При томъ, какъ Священники не

---

[6] Въ Ригѣ 1162, въ Дерптѣ 749, въ Верро и Рянинѣ 151; но съ тѣхъ поръ продолжаютъ присоединяться, и въ одномъ Дерптѣ, по 21 число Октября возрасло до 1333 душъ. 19 числа этого мѣсяца въ Ригѣ, а 21 въ Дерптѣ, я видѣлъ лично присоединяющихся съ женами и дѣтьми. Умиленіе и благоговѣніе при семъ случаѣ были тѣ же, какъ я имѣлъ уже честь доносить.

[7] Болѣе робкіе Помѣщики приводятъ 1-й стихъ XII главы Пророка Даніила, на основаніи котораго поселяне будто бы дѣйствуютъ; но каждый, прочитавшій содержаніе этой главы, увидитъ ясно всю несообразность подобнаго предположенія, не имѣющаго ни малѣйшаго взаимнаго сходства съ настоящимъ событіемъ.

утверждаютъ, въ такихъ случаяхъ многіе изъ поселянъ сами просятъ церковныхъ книгъ на туземномъ языкѣ, для приготовленія женъ и другихъ членовъ семейства; а выше сказано, что и я видѣлъ въ Ригѣ и Дерптской церкви женъ и дѣтей присоединяющимся.

Въ заключеніе всего долгомъ поставляю имѣть честь почтительнѣйше донести, что всѣ мѣры, принятыя Высшимъ Начальствомъ края, въ настоящихъ обстоятельствахъ, по моему мнѣнію, сообразны съ положеніемъ дѣлъ; и если встрѣчаются иногда взаимно какія либо разногласія между Властями, духовною и свѣтскою, а равно и съ мнѣніемъ Дворянства, то они суть не что иное, какъ неизбѣжное послѣдствіе необыкновеннаго явленія, неожиданно обнаружившагося въ Лифляндской Губерніи, для котораго нельзя было прежде ни обдумать, ни взаимно согласовать, своихъ дѣйствій. Духовное Начальство, движимое единственно рвеніемъ пріумножить стадо Православной Церкви, не щадитъ ни трудовъ, ни Пастырскихъ наставленій. Свѣтская высшая власть, отнюдь не противудѣйствуя сему, ищетъ только облечь все въ законную форму; ибо на ней исключительно лежитъ вся тяжкая отвѣтственность за несохраненіе порядка, который легко можетъ быть нарушенъ, если народъ внезапно увидитъ надъ собою эту власть ослабленной, что тѣмъ болѣе важно теперь, что совершенный недостатокъ народнаго продовольствія и безнадежность на скорое поправленіе, послѣ повторительныхъ неурожаевъ, можетъ содѣйствовать тому; по чему безъ усиленнаго соблюденія порядка и безпрепятственной зависимости, въ полицейскомъ отношеніи, народа отъ мѣстныхъ властей, достигнуть сего не возможно. Священники Православнаго Исповѣданія, записывая предварительно имена желающихъ присоединиться, даютъ чрезъ то возможность каждому обдумать свое дѣйствіе; ибо записка эта отнюдь не обязательная; отъ каждаго зависитъ не явиться къ присоединенію, и онъ не преслѣдуется за то; явившемуся же читается показаніе (прилагаемой формы), [8] которое онъ подписываетъ при полицейскомъ Чиновникѣ, слѣдовательно, ни вымогательства, ни обольщенія, ни какихъ либо другихъ средствъ, приписываемыхъ нашему Священству и другимъ, нѣтъ и быть не можетъ. Необходимо только, чтобъ о присоединенныхъ немедленно давали

[8] Его къ этому дѣлу, однако же, не приложено. О. Б.

знать Лютеранской Консисторіи, для надлежащаго исключенія изъ Кирхшпиля.

Я также смѣю думать, что для поддержанія въ Православіи присоединившихся къ оному, полезнѣе было бы на первый разъ, и при томъ въ самомъ поспѣшномъ времени, устроить Православныя церкви, но не иначе какъ въ казенныхъ имѣніяхъ, избравъ для сего мѣста, лежащія въ центрѣ Помѣщичьихъ селеній, въ коихъ болѣе присоединившихся, чтобы при самомъ началѣ избѣгнуть столкновенія съ мнѣніемъ Помѣщиковъ, еще не свыкшихся съ обстоятельствами и увлекающихся надеждою (которую они иногда питаютъ) ниспровергнуть мѣры, принятыя къ допущенію Православія. *

Походныя церкви должны ограничиться однимъ совершеніемъ обрядовъ только между присоединенными, но на пути своемъ отнюдь не присоединять другихъ; ибо во всякомъ случаѣ это наброситъ тѣнь на усиленное склоненіе къ Православію, а чрезъ то наша Церковь избѣгнетъ и несправедливыхъ упрековъ въ святости своего дѣйствія.

При настоящемъ состояніи умовъ всѣхъ классовъ Лифляндской Губерніи полезнѣе избѣгать столкновеній, но, дѣйствуя сколько можно приблизительнѣе къ согласованію мнѣній, облекая все въ законную форму, доказать, что правота на сторонѣ Правительства и Церкви.

Великая обязанность лежитъ на Православномъ Духовенствѣ: упрочить безпримѣрное въ лѣтописяхъ происшествіе, поспѣшить воздвигнуть Православные храмы и избрать достойныхъ Пастырей, которые бы вкоренили въ новообращенныхъ слово Божіе; ибо если они долго останутся безъ наставленій въ новой Вѣрѣ, къ которой

---

* Предсѣдатель Лютеранской Консисторіи, Генералъ-Адъютантъ Баронъ Меендорфъ, проѣзжавшій предо мною Ригу, слишкомъ разительно отозвался противъ тамошнихъ событій. Жандарскій Штабъ-Офицеръ, Гильдебрантъ, только частію донесъ Генералъ-Лейтенанту Дубельту о разговорѣ его съ нимъ при одномъ изъ Помѣщиковъ.

прибѣгли по тому только, что не находили того въ Лютеранизмѣ, то не трудно будетъ посѣять въ нихъ зародышъ раскаянія, тѣмъ болѣе, что могущія быть ухищренія со стороны Пасторовъ, а, можетъ быть, и обѣщанія Помѣщиковъ, если и не обратятъ къ привычному Лютеранизму присоединившихся уже, то легко могутъ пріостановить дальнѣйшее между Латышами и Чухнами развитіе Православія.

V.

26 Октября, 1845 г.
№ 522.
С.-Петербургъ.

Списокъ съ рапорта Господину Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Предписаніемъ Вашего Высокопревосходительства отъ 9 числа сего Октября, за № 2366, поручено мнѣ обозрѣть нѣкоторыя мѣста Лифляндской Губерніи, преимущественно окрестности Дерпта и далѣе по тракту къ Ригѣ, и узнать положеніе Губерній относительно продовольствія.

По собраннымъ мною лично свѣдѣніямъ и разсмотрѣнію дѣлъ по обезпеченію народнаго продовольствія, производящихся въ Канцеляріяхъ Генералъ-Губернатора, Гражданскаго Губернатора и Лифляндской Коммисіи Народнаго Продовольствія, оказывается:

Урожай хлѣбовъ въ Лифляндской Губерніи, въ продолженіи трехъ предшествовавшихъ лѣтъ, былъ болѣе нежели неудовлетворителенъ, и по тому всѣ хлѣбные запасы Помѣщиковъ, поселянъ и сельскихъ магазиновъ истощились совершенно, потребовалось неотложное пособіе отъ Правительства какъ на посѣвъ, такъ и на продовольствіе, и, въ слѣдствіе представленія Генералъ-Губернатора, на основаніи Высочайшее утвержденныхъ положеній Комитета Гг. Министровъ, назначено на посѣвъ Лифляндской и Курляндской Губерніи по 200 тыс. рублей серебромъ.

Относительно этого капитала Лифляндская Коммисія Народнаго Продовольствія, съ утвержденія Начальства, сдѣлала и дѣлаетъ слѣдующія распоряженія:

Выдача ссуды на посѣвъ полей производится лишь тѣмъ имѣніямъ, кои, по ближайшему и подробнѣйшему удостовѣренію, имѣютъ въ томъ дѣйствительную и настоятельную надобность, и при томъ, для большей вѣрности, производится такимъ образомъ. Помѣщикъ, имѣніе коего имѣетъ нужду въ сѣменахъ, обязанъ засѣять поля зерномъ, взятымъ у другого Помѣщика, смотря у кого выгоднѣе, а въ случаѣ неимѣнія зерновыхъ запасовъ въ сосѣдствѣ, сама Коммисія указываетъ лицо, у котораго есть излишніе запасы; когда поля засѣяны, то количество засѣяннаго хлѣба поручается Коммисіею освидѣтельствовать, и тогда уже за дѣйствительно употребленное на посѣвъ количество хлѣба выдаются деньги по возможно выгоднымъ цѣнамъ. Такимъ образомъ выданная Правительствомъ ссуда достигаетъ совершенно своего назначенія: Помѣщикъ не имѣетъ ни какой выгоды не засѣять всѣхъ своихъ полей, какъ это иногда дѣлается въ другихъ мѣстахъ, гдѣ получаются на этотъ предметъ деньги въ непосредственное распоряженіе. Ссуда выдается на круговое ручательство мірскихъ обществъ, согласно положенію о Лифляндскихъ поселянахъ. Объ окончаніи этой операціи, какъ мнѣ сказано, будетъ въ свое время донесено подробно. Курляндскій Гражданскій Губернаторъ, Бревернъ, личнымъ присутствіемъ въ самыхъ неурожайныхъ Уѣздахъ и распорядительностію, умѣлъ уменьшить число прежде требуемаго количества хлѣба. Это мнѣ извѣстно по частнымъ свѣдѣніямъ; впрочемъ, на это есть намекъ и въ дѣлѣ о продовольствіи по Канцеляріи Генералъ-Губернатора. Вообще здѣшнее мѣстное Начальство заботливо и строго слѣдитъ, въ настоящее тяжкое, по случаю неурожая, время, за обезпеченіемъ продовольствія крестьянъ, и всѣ распоряженія его по сему предмету, по моему мнѣнію, совершенно основательны.

300 тыс. рублей серебромъ, Высочайше назначенные, на облегченіе продовольствія Лифляндской Губерніи, при настоящемъ крайне затруднительномъ положеніи ея относительно продовольствія, есть необходимая и своевременная милость Правительства. Уже по донесеніямъ Надворнаго Совѣтника Адеркаса, командированнаго въ прошломъ Іюнѣ мѣсяцѣ Генералъ-Губернаторомъ въ наиболѣе пострадавшія отъ неурожая мѣста Губерніи, и хранящимся нынѣ въ дѣлахъ Канцеляріи Генералъ-Губернатора, можно судить о затруднительномъ положеніи Губерніи относительно продовольствія; за-

трудненіе это необходимо должно было возрасти въ нѣсколько разъ по случаю новаго въ нынѣшнемъ году неурожая, и дойти, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, до крайнихъ предѣловъ, въ чемъ я лично убѣдился во время моего проѣзда. Озимы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хороши, въ другихъ неудовлетворительны.

Относительно употребленія съ большою выгодою 300 тыс. рублей, назначенныхъ на продовольствіе Губерніи до новаго урожая, предъ моимъ отъѣздомъ были въ Лифляндской Коммисіи Народнаго Продовольствія нѣсколько дней совѣщанія, и главный вопросъ состоялъ въ томъ: какъ выгоднѣе заготовить хлѣбъ, выписать ли его изъ за границы, или закупить внутри Россіи, и какимъ образомъ? Результатъ этѣхъ совѣщаній оффиціяльно еще не извѣстенъ, но я узналъ частнымъ образомъ, что покупка хлѣба за границею признана неудобною и даже невозможною, по позднему времени года и скорому прекращенію водяной коммуникаціи.

Поименованныя въ предписаніи Вашего Высокопревосходительства 20 тыс. четвертей хлѣба, назначенныя къ отправкѣ изъ С.-Петербурга въ Ригу, и 5 тыс. четвертей, назначенные въ Дерпт, тамъ еще не получены; а между тѣмъ скорая присылка этого хлѣба необходима, какъ по тому, чтобы не упустить время водяной доставки, такъ и по тому, что этотъ запасъ уравновѣситъ и остановитъ возвышеніе цѣнъ. По мнѣнію Генералъ-Губернатора, усиленныя пособія, о которыхъ онъ ходатайствовалъ, для продовольствія Лифляндской Губерніи, совершенно и настоятельно необходимы. Крайній недостатокъ въ хлѣбѣ повсемѣстный, а есть мѣста въ совершенно крайнемъ положеніи.

Цѣны на хлѣбъ существуетъ въ Лифляндской Губерніи слѣдующія: за четверть ржи и за куль ржаной муки въ 9 пудъ отъ 6 рублей 50 копѣекъ до 7 рублей 50 копѣекъ; за четверть овса отъ 4 рублей до 6 рублей; пудъ сѣмя до 25 к. серебромъ.

Обо всемъ этомъ имѣю честь почтительнѣйше представить на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства.

И. Липранди.

ДОКУМЕНТЫ

О

СТАРООБРЯДЦАХЪ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

1.

Прошеніе Священника Георгія Иванова Епископу Сергію, о защитѣ его отъ клеветы.

Преосвященнѣйшему и Боголюбивому Епископу Сергію

покорнѣйшее прошеніе.

Преосвященнѣйшій Владыко! Мои причины Вамъ предлагаю, по коимъ я запрещенъ былъ отъ отца Петра въ 1862 году.

Первое. Отрекся отъ своего сана предъ Начальствомъ, сказалъ, что я не Священникъ, а крестьянинъ, и подписался въ томъ.

Второе. Въ одно время пришлось мнѣ изъ своего мѣста отлучиться съ своимъ Дьячкомъ въ Кимру.[1] Въ Кимрѣ же одинъ человѣкъ упросилъ меня, чтобы я съѣздилъ съ нимъ, въ одно мѣсто для исправленія нѣкоторыхъ требъ. Такъ я и сдѣлалъ: своего Дьячка оставилъ, а съ этѣмъ человѣкомъ поѣхалъ. Дьячекъ

---

[1] Село Корченскаго Уѣзда Тверской Губерніи.

мой за это на меня разсердился, сталъ грозиться и говорить всѣмъ: «Не я буду, чтобъ не запретили ему, сирѣчь мнѣ, священствовать.» Послѣ того пришелъ онъ къ Священнику Петру и высказалъ на меня клевету, яко бы въ прелюбодѣяніи былъ зазрѣнъ, и показалъ на одного человѣка, который будто бы видѣлъ. Священникъ Петръ присталъ ко мнѣ, чтобъ я утвердилъ сію клевету подписомъ своей руки и сказалъ мнѣ: «Отыди ото зла и сотвори благо! Я могу все сдѣлать, если и Владыки будутъ что препятствовать.» Я послушался его, и въ уваженіе подписался къ его запискѣ. Спустя много времени, я опять пришелъ къ нему, и онъ сказалъ мнѣ: «Ты не можешь болѣе священствовать.» Я поклонился ему и ушелъ. Чрезъ нѣсколько времени общество стало меня просить исправлять требы, но я высказалъ имъ свои причины, по коимъ не могъ священнодѣйствовать. Общество стало просить, кого слѣдуетъ, но успѣху не было. Тотъ же клеветникъ говорилъ всѣмъ: «Дайте сто цѣлковыхъ, и опять пришлютъ ему, сирѣчь мнѣ, разрѣшеніе.» А по тому и прошу Вашу Святыню не оставить меня безъ вниманія. Февраля 9 дня, 1864 года.

Священноіерей Георгій Ивановъ, Клинскаго Уѣзда, деревни Кузнечкова, руку приложилъ.

2.

Письмо Варлаама, Епископа Балтовскаго, къ Антонію Первому, Архіепископу Московскому и Владимірскому. [1]

Его Преосвященству, Господину Антонію, Архіепископу Московскому и Владимірскому, и всему Духовному Совѣту.

Честь имѣю довести до свѣдѣнія Вашего нѣкую повѣсть; ибо тайну Цареву добро есть таити, а слово Божіе добро есть про-

---

[1] Антоній Первый, Архіепископъ Московскій и Владимірскій, котораго звали до поступленія въ иночество Андрей Ларіоновъ Шутовъ. Онъ родился Московской

повѣдати. Не хотѣлъ бы я о семъ и глаголати, но боюся умолчати, ради бываемыя вины и часто приключающихся, по вольному хотѣнію, страстей, въ нихъ же удобь скоро на зло прилежательной человѣческой разумъ вритъ паче, неже на любомудріе истиннаго и душеполезнаго познанія, еже убо видимъ въ настоящее время въ народномъ нестроеніи, что происходитъ, и не могохомъ удержати хуленія богостудныхъ человѣкъ. Дабы сіе Божіе наказаніе не скрыто было въ затмѣніи невѣдѣнія, понеже всякъ, имѣющій разумъ, разсуждати и различати можетъ доброе отъ злаго, принимаю смѣлость возвѣстить Вамъ о случившемся происшествіи. Въ нашемъ мѣстѣ, разстояніемъ отъ Балты [3] въ восмидесяти верстахъ, Подольской Губерніи, Бряславскаго Уѣзда, въ селеніи Перепелигахъ, въ коемъ жители всѣ почти изъ нашихъ Христіянъ, въ прошломъ году мясоястія случилось у тамошняго жителя, по обряду Христіянскому, законное бракосочетаніе, и послѣ обычнаго пиршества, научи бѣсъ едину отъ женъ посмѣятися Святительскому сану, съ приложеніемъ имяни Епископа Варлаама, то есть, въ подобіе его, како онъ священнодѣйствуетъ во время Богослуженія. Упоминаемая жена, въ поношеніе служителя Божія, приступила къ хульно-студному дѣлу: распустила свои волосы, взяла рогозину, надѣла ее на себя, вмѣсто ризы, обернулась утиральникомъ, вмѣсто омофора, надѣла на голову нѣчто неподобное, вмѣсто митры, взяла въ руки рукомойникъ, вмѣсто кадила, наклала въ него хлопьевъ, закурила ихъ и стала кадить, приговаривая при томъ: «Вотъ какъ служитъ Архирей Варлаамъ, по нашимъ избамъ и дворамъ!» и прочія неподобныя рѣчи испущала, и въ той же самый часъ, по прозрѣнію Божію, не стерпѣ Владычное

Губернія, Коломенскаго Уѣзда, Подберезинской волости, въ селѣ Настасьинѣ, отъ крестьянина Ларіона Терентьева Шутова, и крещенъ былъ въ Православной церкви. По возрастѣ своемъ, отдѣлившись отъ родителей и женившись на Почтмейстерской дочери, Екатеринѣ, перешелъ онъ въ Безпоповское Согласіе, и крестился въ другой разъ на Преображенскомъ кладбищѣ, въ Хапиловскомъ прудѣ; послѣ того перечислился изъ крестьянъ въ Московское Цеховое Общество, перешелъ въ Поповщинское Согласіе и, по вступленіи въ иночество, посвященъ въ Архіепископа.

[3] Уѣзднаго города Каменецъ-Подольской Губерніи, въ 1228 верстахъ отъ Москвы.

Милосердіе на ругательство Святой Церкви скверныя тоя жены: вдругъ Божія сила стрясе духъ ея, нападе на ня страхъ и трепетъ, начала кричати, вопити и глаголати: «Помилуйте меня многогрѣшную и простите Христа ради!» И во время таковаго ея кричанія выскочили изъ главы ея оба глаза, аки луковицы, и всѣ полопались. О истинѣ сего происшествія могутъ подтвердить вамъ свидѣтели, которые на дняхъ будутъ въ Москву. Въ настоящее время оная жена находится въ живыхъ, лишенная зрѣнія. Увы, горе, горе скверныя жены тоя, за беззаконное ея ругательство на Святительскій санъ!

Еще къ сему имѣю честь присовокупить, что въ прошломъ году, въ Кореневскомъ женскомъ монастырѣ,[4] жила одна инокиня, именемъ Евлампія, которая была такая безстрашная ругательница и кощунница, не только на Священническій и Святительскій санъ, но даже въ одно время она дерзнула похулити и самыя Тайны Христовы, и разсказывала, будто бы она когда-то, пріобщаясь Святыхъ Таинъ Христовыхъ, чуть не подавилась ими; къ тому же и прочія хулы произносила. Однако за таковое ея кощунство и богохульство пришлось ей умереть безъ покаянія, а боляцій сребролюбіемъ и побѣжденный любочаліемъ, злонравный и гордостный іерей Пахомій, дерзнулъ надъ таковою служить погребеніе, и когда сталъ онъ влагать въ персты покойницы рукописаніе, то оное, разорвавшись на двое, вылетѣло изъ гроба.

Таковое неслыханное чудо было въ виду всѣмъ тутъ предстоявшимъ инокинямъ. Послѣ сего нѣкоторыя инокини, желая видѣть лице покойницы, вскрыли немного оное, и увидѣли множество вшей, ползующихъ преисполненно во рту, ноздряхъ и глазахъ, о чемъ мнѣ передавали лично многія инокини, которыя и Вамъ могутъ засвидѣтельствовать.

Еще скажу Вамъ нѣсколько словъ о Кореневскомъ монастырѣ. Жители онаго съ своими беззаконными Попами, Пахоміемъ и

---

[4] Старообрядческомъ, Кіевской Губерніи, Радомысльскаго Уѣзда, въ 5-мъ стану.

Саввою, признаютъ только одного новопоставленнаго Епископа Антонія за истиннаго пастыря, котораго и поминаютъ на ектеньѣ, а Митрополита Кирилла и прочихъ Епископовъ, по внушенію Пахомія, не признаютъ за истинныхъ пастырей, а называютъ ихъ Окружниками, еретиками и отступниками отъ Церкви Христовой; однако замѣчательно стало, что между ими оказывается нѣкоторое несогласіе, и тѣмъ обозначается наглое ихъ беззаконіе. У насъ недавно стало извѣстно двукратное отступничество этого наглаго Антонія отъ Православныя Вѣры, и многіе Раздорники, какъ видно, стали отряхать руки отъ таковаго пастыря и губителя стада Христова, и становятся какъ-то посмирнѣе противъ прежняго, а многіе изъ нихъ обращаются на путь святой истины; только одни его отчаянные Попы, не взирая на Митрополитовы предписанія и соблазняясь на злато и сребро, употребляютъ всѣ свои мѣры развращать народъ.

За тѣмъ остаюсь съ искреннимъ моимъ желаніемъ Вашего здравія и спасенія, заочно прошу у Васъ Архипастырьскаго прощенія, мира, благословенія и святыхъ молитвъ; и съ чистосердечною Христіянскою любовію низко Вамъ кланяясь, поздравляю съ преддверіемъ свѣтлаго и великоторжественнаго праздника, который желаю препроводить въ радости и всякомъ благополучіи.

Смиренный Варлаамъ, Епископъ Балтовскій и всея Бессарабіи.

Балта. 22 Марта, 1865 года.
Письмо получено 8 Апрѣля, 1865 года.

3.

Посланіе отъ Антонія Втораго, Епископа Московскаго, къ Антонію Первому, Архіепископу Московскому и Владимірскому.

Божіею милостію, Смиренный Антоній, Епископъ Московскій, Преосвященнѣйшему Господину Архіепископу Московскому и Владимірскому, Антонію.

Брату, союзнику и сослужебнику нашему, посылаю миръ и союзъ Святительской любви. Союзомъ любви связуемы были

Апостолы: тако и намъ подобаетъ пребывати въ любви между собою и имѣть благое, а не жестокое, сердце. Во благихъ сердцахъ и Богъ пребываетъ, и удаляется гордости; за гордость Господь Богъ не пощади и Архангела, сверже его съ небесъ; тако и ты, Антоній, подобенъ ему, за неповиновеніе власти духовной. Всякая власть, какъ духовная, такъ и свѣтская, отъ Бога есть; всякой власти, къ которой мы принадлежимъ, нужно повиноваться, и намъ повинуются нижнія власти, какъ то: Презвитеры и Діакони, иноцы же имѣютъ покорность къ своему Игумену. А ты, Антоній, возгордился противъ своей власти, Богомъ поставленной, возгордился противъ законнаго своего Архипастыря, пренебрегъ имъ и вышелъ изъ его повиновенія. Тебѣ нужно было бы почесть его, какъ старшаго Митрополита, который посвятилъ тебя въ санъ Святительскій.

Вспомни, когда ты, стоявши на орлѣ, давалъ клятву, чтобы во всемъ повиноваться ему, а послѣ того ты нарушилъ данную клятву. Когда Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Кириллъ посвятилъ тебя на Владимірскую каѳедру, послалъ въ Россію и поручилъ тебѣ на время, вмѣсто Софронія, Епископа Симбирскаго, править Московскимъ престоломъ, тогда ты послалъ за границу своихъ посланниковъ клевретовъ: Епископа Іустина и Іеродіакона Ипполита, съ кучами золота, чтобы ослѣпить имъ Боголюбивыхъ нашихъ Епископовъ и исходатайствовать себѣ мѣсто на Московскій престолъ. Клевреты твои сперва обратились къ Архимандриту и Намѣстнику Бѣлокриницкаго монастыря, Епископу Сергію, Священноиноку Іоасафу и Іеродіакону Филарету, которые были тогда еще Православными, и просили ихъ, чтобы они исходатайствовали у Архіепископа Кирилла тебѣ мѣсто на Московскій престолъ, смущая и соблазняя ихъ златомъ. Но какъ сказанные служители алтаря: Епископъ Сергій, Священноинокъ Іоасафъ и Іеродіаконъ Филаретъ, были тогда вѣрными чадами Христовой Церкви, и въ нихъ была искра Божія, не приняли твое гибельное злато и не согласились обольстить и обмануть своего Архипастыря, тогда твои споспѣшники отправились въ городъ Цилли [5] смущать Господина Митрополита и стра-

[5] Въ Штирія, въ Мариборскомъ краѣ, Австрійской Имперіи, по Славянски Целе,

дальца Амвросія, лежавшаго на одрѣ болѣзни. Амвросій, по своей слабости, не могъ бесѣдовать съ ними. Они подкупили его сына, Георгія Андреевича, и дали ему кучу червонцевъ. Сынъ Митрополита Амвросія принялъ ихъ съ великою честію за червонцы, и твои споспѣшники начали умолять его сими словами: «Георгій Андреевичъ! Въ чемъ мы будемъ тебя просить, то не откажи нашей просьбѣ и поддержи нашу руку! Васъ приказалъ просить нашъ Боголюбивый Высокопреосвященнѣйшій Господинъ Владыко Антоній, чтобы Вы приняли въ немъ участіе, для пользы и блага угнетенныхъ и Богомъ ему врученныхъ Христіанъ, и исходатайствовали у Владыки Амвросія грамоту на Московскій престолъ.» Георгій Андреевичъ на это сказалъ имъ: «Молитесь Богу, и просите Его. Онъ поможетъ Вамъ во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ Вашихъ, и я не забуду Вашей просьбы.»

Владыко Антоній! За твои столь низкія, неблагородныя и Богопротивныя дѣла, ты сталъ подобенъ Симону волхву, который принесъ дары Петру Апостолу, и тотъ не принялъ ихъ. Устыдись, Антоній, вспомни свое безчиніе и вспомни смертный часъ. Когда ты, въ 1861 году, Февраля 7 дня, предъ всѣми Боголюбивыми Епископами добровольно отказался отъ Московскаго престола и подписался, что «болѣе не желаю быть въ Москвѣ правителемъ Церкви Христовой,» въ чемъ ты торжественно давалъ клятву и отреканіе предъ Святымъ Евангеліемъ, и, сдавши Московскій престолъ, бывшему Епископу Онуфрію, выѣхалъ изъ Москвы, [6] въ то время нѣкоторые изъ ревностныхъ гражданъ Московскихъ, видя Святую Церковь Христову обуреваемую раздоромъ и несогласіемъ, послали за границу двухъ Боголюбивыхъ спутниковъ: Софронія, [7] Епископа Калужскаго и Уральскаго,

---

на югъ отъ Градца, съ 2000 жителей. Это Римскій городъ Claudia Celleja, въ которомъ пребывалъ нѣкоторое время Римскій Намѣстникъ; теперь онъ окружной городъ, имѣетъ Гимназію, Миноритскій монастырь съ гробницей Графовъ Цильскихъ, и проч.

[6] См. «Очеркъ Исторіи Поповщины съ 1846 года, К. Н. Николаева», въ «Чтеніяхъ въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1865 года, кн. III, отд. V, стр. 238, особо стр. 40.

[7] Софроній, Епископъ Калужскій и Уральскій, котораго звали до поступленія въ

бывшаго тогда Архимандритомъ Бѣлокриницкаго монастыря, чтобы просить Господина Митрополита въ Москву, для уничтоженія Окружнаго Посланія и для избранія на Московскій престолъ законнаго Епископа. Митрополитъ Кириллъ, данною грамотою, избралъ на Московскій престолъ Аѳанасія, Епископа Саратовскаго, и для вспомоществованія поручилъ ему двухъ присланныхъ Епископовъ: Софронія и Сергія. Но когда посланные благополучно возвратились въ Москву съ данною грамотою, ты въ то время былъ уже въ Москвѣ, успѣлъ убѣдить и подговорить на свою сторону нѣкоторыхъ неблагонамѣренныхъ гражданъ Московскихъ и, ослѣпивши златомъ Аѳанасія, Епископа Саратовскаго, и всѣхъ прочихъ простодушныхъ Епископовъ, Архимандритовъ и весь Священническій чинъ, какъ заграничныхъ, такъ и Россійскихъ, кромѣ трехъ Епископовъ: Софронія, Сергія и Виталія, которые остались вѣрными своему долгу, ты незаконно и противъ Святыхъ Апостолъ, татски и щельми вопхался и возлѣзъ на Московскій престолъ.

Владыко Антоній! Погибнешь ты черезъ свое проклятое злато: Іуда былъ первый Апостолъ у Христа, и тотъ погибъ черезъ злато. Ты глаголешь, что на всякую Губернію поставлю по Епископу. Не восхищайся этимъ: ты наставишь Епископовъ, не для мира церковнаго, но для большаго раздора и раскола, отъ которыхъ и теперь страждетъ наша Святая Церковь. А какъ мы называемся истинными Архипастырями, то и должно намъ пасти словесное стадо Христово такъ, чтобы оно не разбрелось по чужимъ пастырямъ; ибо мы за таковое нерадѣніе наше должны дать отвѣтъ въ день страшнаго Суда Божія предъ престоломъ Царя Царей.

Антоній! Что ты о себѣ такъ высоко думаешь? Всѣ о тебѣ понимаютъ очень низко, какъ о самозванцѣ. Ты, какъ Гришка

иночество Степанъ Трифоновъ Жировъ. Онъ родился отъ крестьянъ Малоярославскаго Уѣзда Калужской Губерніи, и крещенъ былъ по Поповщинскому Согласію. Онъ много лѣтъ находился Дьячкомъ или пѣвчимъ на Рогожскомъ кладбищѣ, и, по вступленіи въ иночество, посвященъ былъ во Епископа.

Отрепьевъ, который похитилъ Московскій престолъ Димитрія Царевича, а ты похищаешь мой престолъ, порученный мнѣ Промысломъ судьбы Божія. Я не татски влѣзъ на Московскій престолъ, а избранъ законно Московскими гражданами и посвященъ въ санъ Святительскій на основаніи Правилъ Апостольскихъ, Господиномъ Митрополитомъ Бѣлокриницкимъ, Кирилломъ, который и выдалъ мнѣ ставленную грамоту, за подписомъ своей руки и приложеніемъ имянной его печати. Хотя ты и гордишься своимъ саномъ, но всѣ признаютъ тебя не за истиннаго Архипастыря, но за хищнаго волка въ одеждѣ овчей, губящаго словесное стадо Христово.

Вспомни еще, Антоній, всѣ свои душепагубныя дѣянія и ереси, за которыя ты подлежалъ Церковному суду, бывшему на Соборѣ въ 1861 году въ Москвѣ, въ домѣ купца Анисимова. Тебя судили два Архіепископа и восемь Епископовъ:

1. За изданіе книги еретическаго мудрованія, подъ названіемъ: «Дѣяніе Осьмаго душепагубнаго Собора, бывшаго въ 1666 году.» Ты три раза клялся предъ святымъ Евангеліемъ, чтобы уничтожить эту книгу, и три раза клятвы свои преступалъ. Клятвопреступникъ епископствовать не можетъ.

2. За введеніе Безпоповской ереси: ты признавалъ невидимую Церковь. Епископъ еретикъ епископствовать не можетъ.

3. За клевету на Пафнутія, Епископа Казанскаго, который будьто бы поучаетъ народъ Безпоповской ереси, и ты по этому дѣлу изъ властолюбія своего посылалъ въ Гуслицы Дьякона Ивана Васильева Милославскаго со лживыми бумагами. Епископъ клеветникъ епископствовать не можетъ.

4. За двукратное твое крещеніе. Ты дважды былъ крещенъ: въ Великороссійской Церкви и на Преображенскомъ кладбищѣ.

5. За неимѣніе у себя отца духовнаго.

6. За поставленіе безъ Церковнаго совѣта недостойныхъ Священниковъ и Дьяконовъ. [8]

Вотъ краткій очеркъ всѣхъ твоихъ дѣяній, совершенныхъ на священномъ поприщѣ служенія твоего.

Въ заключеніе сего моего посланія скажу тебѣ откровенно и чистосердечно: прочитай со вниманіемъ сію бумагу; вникни пристальнѣе въ сущность ея содержанія; свѣрься съ Номоконономъ и Правилами Святыхъ Отецъ и Святыхъ Апостолъ; затверди все это потверже въ своей памяти, и расточи свое гибельное и проклятое злато, и тогда благодать Господа Бога и Спаса нашего, Іисуса Христа, будетъ со всѣми нами присно и во вѣки. Аминь. Москва. Августа 30 дня, 1865 года.

Смиренный Антоній, Епископъ Московскій.

4.

Отвѣтное посланіе Антонія Перваго, Архіепископа Московскаго и Владимірскаго, къ Антонію Второму, Епископу Московскому.

Божіею милостію, Смиренный Антоній, Архіепископъ Московскій и Владимірскій.

Боголюбивому Антонію, Епископу Московскому, миръ посылаю и благословеніе отъ Господа. Грамоту твою, отъ 30 Августа, сего года, я получилъ, и возрадовахся о тебѣ, яко о заблудшемъ сынѣ, возвращающемся къ отцу своему. Ибо ты, Антоній, прежде съ Еѳимомъ Ѳедоровымъ Крючковымъ, ушелъ изъ моей Епархіи, безъ моего благословенія за границу, а нынѣ возвратился

---

[8] Тамъ же, стр. 246, особо 48.

вспять. Всѣмъ извѣстно, что ты былъ постриженъ въ иноческій чинъ незаконно, бѣглецомъ Священноинокомъ Серапіономъ, который, желая самопроизвольно властвовать, бѣжалъ отъ своего Игумена, Епископа Варлаама Балтовскаго, за что и воспрещено ему было священнодѣйствовать и жить въ своей Епархіи. За таковое твое беззаконное постриженіе подлежишь ты запрещенію и даже отлученію отъ Церкви.

Прочитавши твою грамоту, воскорбѣхъ печалію моею и смутихся отъ гласа вражія и отъ стуженія грѣшнича, яко уклониша на мя беззаконія и во гнѣвѣ враждоваху, и сердце мое смутися во мнѣ. О Антоній! По что мя гониши, по что клевещешь на мя? Ты пишешь, чтобы я вспомнилъ смертный часъ. Мы всѣ смертные; писано бо есть: «И снидутъ во адъ живи, яко лукавство въ жилищахъ ихъ, посредѣ ихъ.» А у васъ съ Муравлевымъ много есть лукавства. Вѣдь ты на Муравлевскія деньги купилъ себѣ Архіерейскій чинъ: за твое поставленіе Крючковъ далъ Митрополиту Кириллу 1000 рублей, Священнику Сисою за церковь 300 рублей, Церковному Старостѣ 150 рублей, Чтецу 25 рублей, и еще кое-кому, какъ ты и самъ знаешь, 25 рублей, а всего стало ему, Крючкову, 1500 рублей серебромъ. Ты знаешь, что о семъ пишетъ Василій Великій: «Не пщуютъ нѣціи не согрѣшати. Понеже не абіе взимати, но рукоположеніе взятіе есть, еще что либо взяти. Молю убо сія приходы, паче же приведенія въ геену, отложите, и да не како, руку осквернивше сицевыми пріятіи, себѣ достойныхъ сотворитъ, еже совершати Святыя Тайны.» Еще посланіе иже во Святыхъ Отца нашего Тарасія, Патріарха Цареградскаго, къ Адріяну, Папѣ Римскому: «Аще кто и ходатай явится и нелѣпымъ взятіемъ, и сей убо аще причетникъ есть, своего да спадаетъ степени; аще ли міряннинъ, или инокъ, да будетъ проклятъ; аще легчайше паче есть Македонія и отъ него духоборецъ злочестивая ереси, нежели продати дерзающій благодать Всесвятаго Духа: тіи бо тварь и раба Богу и Отцу Святаго Духа буесловятъ.» Еще толкованіе отъ Валсамона, правило 29 и 30: «Не точію низлагаютъ, но и общенія отсѣцаютъ, иже сребренникъ ради быша Епископы.» Всѣ сіи правила извергаютъ тебя съ твоимъ бѣглецомъ Серапіономъ, а Крючкова проклятію предаютъ. Что ты ни пиши, вѣдь мнѣ зла не сотворишь;

писано бо есть: «Блажени есте, егда поносятъ вамъ, и изженутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще, мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ.» Ты себя ясно оказываешь клеветникомъ и пишешь, что я будто бы татски и щельми влѣзъ на Московскій Престолъ; неправда: не я, а ты, съ помощію Крючкова, влѣзъ въ санъ Святительскій, а по милости Муравлева возведенъ на Московскій престолъ. Всѣмъ извѣстно, что ты тайно бѣжалъ изъ моей Епархіи и, пробравшись за границу, проживалъ тамъ въ монастырѣ у инокини, матери Евпраксіи, и послѣ того Митрополитомъ Кирилломъ, безъ всякихъ свидѣтелей, поставленъ во Епископа. Ты самъ знаешь 8-ое правило Перваго Вселенскаго Собора, которое гласитъ сице: «Во единомъ градѣ не льзя быть двумъ Епископомъ;» а ты яко тать влѣзъ въ мою Епархію, и тамъ самопроизвольно епископствуешь; у Муравлева служишь купчихамъ заказныя обѣдни и поставляешь за деньги бѣглыхъ бродягъ во Священники и Дьяконы, безъ воли мѣстнаго Архіерея, а на какихъ правилахъ, и самъ не знаешь. Да какъ тебѣ и знать правила Святыхъ Отецъ, какъ человѣку полуграмотному, когда ты не распозналъ кондитерской лавки съ аптекою, и спрашивалъ въ кондитерской лѣкарства отъ кашля! Хорошъ Архипастырь Московскій и благовиденъ выборъ Крючкова съ Муравлевымъ!

Меня утвердили на Московскій престолъ и вручили мнѣ жезлъ Архіерейскій не Крючковъ, или Муравлевъ, а восемь Епископовъ при большомъ стеченіи Московскихъ гражданъ. Ты пишешь, что я соблазнилъ златомъ Аѳанасія, Епископа Саратовскаго. На мертваго все можно сказать, но онъ невиненъ и не дастъ отвѣта въ день страшнаго Суда Божія. Спроси у Муравлева, или Александра Бухарина, когда, послѣ моего утвержденія на Московскій престолъ, пришли Коломенскіе и Садовническіе крестьяне съ Муравлевымъ къ Свѣщникову, и стали подавать бумагу Епископу Аѳанасію о твоемъ утвержденіи на Московскій престолъ, то онъ безъ всякаго принужденія сказалъ имъ: «Мы уже избрали на Московскій престолъ законнаго Архіепископа Антонія: обращайтесь теперь къ нему, а не ко мнѣ!»

Послушай, Антоній: я знаю, что тебя соблазнили саномъ Святительскимъ Крючковъ и Муравлевъ, но все таки не правъ ты: Святыя Отцы повелѣваютъ каждому Епископу повиноваться Архіепископу, а ты, съ самаго пріѣзда въ Москву, послѣ твоего поставленія, не являлся въ Духовный Совѣтъ. Ты говоришь всѣмъ, что у тебя есть ставленная грамота за подлинною подписью и печатью Митрополита Кирилла, то для чего же ты не предъявляешь своей бумаги, скрываешься въ домѣ купца Муравлева, и тамо ратуешь на Святую Церковь? Сколько разъ приглашали тебя въ нашъ Совѣтъ, и ты не являешься, разглашая между нашими Христіанами нелѣпые толки, яко бы мы Окружнымъ Посланіемъ вводимъ разныя еретическія новшества, съ цѣлію присоединиться къ Иновѣрію, и своимъ лжесвидѣтельствомъ, вѣроятно, по внушенію Муравлева, дѣлаемъ большой раздоръ и расколъ въ нашей Церкви. Епископу должно быть кроткому и тихому и находиться въ повиновеніи у законныхъ властей, а ты буесловишь и развращаешь слабые умы; ибо писано есть: «Блаженни кротціи, яко тіи наслѣдятъ землю.» А ты своимъ упрямствомъ не наслѣдуешь земли, то есть, Московскаго престола.

Ты меня оскорбляешь всякими лжами и клеветами невинно. Пророкъ глаголетъ: «Ядый хлѣбы моя, возвеличи на мя пяту.» Сіи слова прямо относятся къ тебѣ, по тому что ты ѣшь хлѣбъ моихъ прихожанъ, да и прихожане, по своему невѣдѣнію и слабоумію, дѣлаютъ глупо, что пріемлютъ тебя за Епископа. Ты былъ и есть не что иное, какъ бѣглый инокъ и самозванецъ, котораго по правиламъ Святыхъ Отецъ должно предать извержению: «Пріемляй чуждаго причетника, да извержется.»

Ты сравниваешь меня съ Самозванцемъ, Гришкою Отрепьевымъ. Подумай прежде о себѣ, и сообрази свои дѣянія съ самозванцемъ. Ты болѣе на него походишь: Отрепьевъ былъ монахъ Чудова монастыря, который, бѣжавши въ Польшу, назвалъ себя Царемъ и, возвратившись въ Россію, съ помощію Поляковъ и Русскихъ измѣнниковъ, какъ то Басманова и прочихъ единомышленниковъ, завладѣлъ Московскимъ престоломъ, и послѣ погибъ злою смертію: и ты также былъ монахъ Кореневскаго монастыря, бѣжалъ въ Австрію, оттуда возвратился въ Россію Епи-

скопомъ и похитилъ у законнаго Архіепископа Московскій престолъ. Разница между вами небольшая: одинъ, съ помощію Поляковъ, влѣзъ въ Русскіе Цари, а другой, съ помощію Муравлева и Крючкова влѣзъ въ Московскіе Епископы. Ты называешь меня клеветникомъ и клятвопреступникомъ, а самъ на меня клевещешь и пишешь, что я изъ зависти порочилъ Пафнутія, бывшаго Епископа Казанскаго. Я не порочилъ его, онъ самъ себя опорочилъ своими дѣлами, за которыя онъ изверженъ и лишенъ своего сана правильно и законно. Ты видишь въ чужомъ глазу сучецъ, а въ своемъ бревна не видишь.

Владыко Антоній! Престань клеветать и лжесвидѣтельствовать на невиннаго; вспомни смертный часъ; подумай о Страшномъ Судѣ, на которомъ откроются всѣ дѣла твои. Не спасутъ тебя ни Крючковы, ни Муравлевы; ты одинъ, и одинъ ты, дашь отвѣтъ передъ престоломъ Грознаго Судіи. Прочитай сіи слова, если поймешь ихъ: «Тмамъ Ангеломъ, предстоящимъ Судіи, который отвѣтъ студу обрящеши, аще не прежде конца возопіеши, слезяще: «Согрѣшихомъ, благій Господи, помилуй мя!»

Ты велишь мнѣ затвердить потверже въ памяти Номоканонъ и Правила Святыхъ Отецъ и Святыхъ Апостолъ. Я давно уже затвердилъ ихъ, и отъ истины никогда не отступлю, а ты затверди потверже въ умѣ своемъ, что значитъ аптека и что значитъ кондитерская лавка. Я тебѣ поясню: въ аптекѣ отпускаютъ лѣкарства для больныхъ, а въ кондитерской продаютъ печенья и разныя конфекты для сластолюбцевъ.

Владыко Антоній! Оставь лучше свое Епископство и отправься въ монастырь, къ матери своей, Евпраксіи, или удались отъ своихъ клевретовъ и враговъ Церкви Христовой, Крючкова, Муравлева, Пискарева и прочихъ распространителей раскола въ нашемъ Христіанствѣ; ибо тіи и сами не видятъ, что творятъ; пріѣзжай въ нашъ Духовный Совѣтъ; смирися предъ всѣми Епископы, какъ Христосъ смирилъ себя, ради спасенія нашего. Совѣтъ проститъ тебя, яко Епископа, раскаявшагося во всѣхъ прегрѣшеніяхъ своихъ, и санъ твой почтитъ прощеніемъ: «Не пріидетъ къ тебѣ зло, и рана не приближится тѣлеси твоему.» О Христѣ Господѣ на

шемъ, Ему же подобаетъ всякая слава и держава во вѣки. Аминь. Сентября 4 дня, 1865 года.

Смиренный Антоній, Архіепископъ Московскій и Владимірскій.

5.

Актъ Московскаго Старообрядческаго Общества объ уничтоженіи Окружнаго Посланія.

1865 года, Октября 11 дня, Старообрядческое Общество Московскаго Рогожскаго кладбища, въ собраніи своемъ единогласно рѣшило уничтожить Окружное Посланіе, яко сочиненіе богопротивное и не согласное съ правилами Святой Церкви, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1-е. Принести другъ другу Христіанское прощеніе.

2-е. Окружное Посланіе уничтожить слѣдующими словами: «Окружное Посланіе уничтожаемъ, опровергаемъ и яко не бывшее вмѣняемъ.»

3-е. Кто на означенное уничтоженіе Окружнаго Посланія будетъ не согласенъ, какъ изъ духовныхъ, такъ и мірскихъ, лицъ, съ таковыми не имѣть сообщенія на молитвѣ.

4-е. Избрать двѣнадцать человѣкъ депутатовъ изъ общественныхъ лицъ отъ двухъ сторонъ, то есть, пріемлющихъ и не пріемлющихъ Окружнаго Посланія; безъ согласія оныхъ депутатовъ Духовенству ни чего не предпринимать и не дѣлать ни какихъ распоряженій. При семъ депутатамъ вмѣнить въ обязанность всѣ свои дѣйствія и распоряженія объявлять Обществу въ общемъ собраніи, и безъ согласія общественнаго ни какихъ дѣлъ не рѣшать, въ чемъ и подписуемся: Иванъ Петровъ Бутиковъ, Кононъ Анисимовъ Царскій, Ульянъ Ивановъ Гаранинъ, Егоръ Родіоновъ Самыковъ, Родіонъ Дмитріевъ Мартыновъ, Павелъ

Абрамовъ Лебедевъ, Ѳедоръ Васильевъ Винокуровъ, Митрофанъ Артамоновъ Муравлевъ, Ѳедотъ Еремѣевъ Медвѣдевъ, Андрей Трифоновъ Ѳоминъ, Трофимъ Михайловъ Кабановъ, Давидъ Антиповъ.

6.

Постановленіе Московскаго Духовнаго Совѣта объ уничтоженіи Окружнаго Посланія.

1865 года, Октября 13 дня, заявленное Древлеправославному Духовному Совѣту и Московскому Обществу отъ депутатовъ, прибывшихъ въ Москву отъ разныхъ Старообрядческихъ Обществъ, по случаю смущенія въ народѣ и раздора Церковнаго, чрезъ Окружное Посланіе.

Мы, депутаты, прибыли на Совѣтъ и, послѣ продолжительныхъ совѣщаній между Московскимъ Духовнымъ Совѣтомъ и Московскимъ Старообрядческимъ Обществомъ, не могли создать ни какихъ согласій, а по тому, поговоря между собою, единогласно рѣшили постановить слѣдующее: Не согласныя слова Священному Писанію Древлеправославной Церкви, помѣщенныя въ Окружномъ Посланіи, уничтожаемъ и яко не бывшія имѣемъ. Въ чемъ и подписуемся: С-тъ-Петербургскаго Старообрядческаго Общества купецъ Аѳанасій Яковлевъ, Попечитель Егоръ Сычовъ, С-тъ-Петербургскій депутатъ Иванъ Кондратьевъ Бѣляевъ, Попечитель Казанскихъ Старообрядцевъ купецъ Иванъ Петровъ Карповъ, депутатъ Казанскій купецъ Лука Ѳедоровъ Свѣшниковъ; депутатъ Старообрядцевъ города Саратова купецъ Тимоѳей Григорьевъ Чеботаревъ; отъ Уральскаго войска депутаты: Михайла Евимовъ, Семенъ Яковлевъ; отъ Самарскихъ Старообрядцевъ депутатъ Емельянъ Харитоновъ; депутатъ Нижегородскій мѣщанинъ Алексѣй Семеновъ Головастиковъ; Попечитель Петръ Николаевъ; Старообрядческаго Общества города Тулы Попечитель Георгій Романовъ Шуйскій; Попечители города Боровска: Григорій Евеимовъ Чечкинъ, Аѳанасій Ѳоминъ Воробьевъ.

7.

Письмо отъ Уральскаго Казака А. Д. о Семушкѣ Блаженномъ.

Я наслышалъ отъ пріѣхавшихъ изъ Москвы, что у васъ 9-го Іюня сего года, близъ Смоленскаго рынка, на Сѣнной площади, взятъ Полиціею и представленъ въ Пречистенскую Часть неизвѣстный человѣкъ, назвавшій себя ложно Уральскимъ Казакомъ Семеномъ, по тому что онъ не Казакъ, а бродяга и хитрый обманщикъ. Онъ въ Уральскѣ и окрестностяхъ онаго много лѣтъ шатается, притворяется глупымъ, безмолвствуетъ, яко глухой и нѣмой, ходитъ зимою босой, говоритъ чисто и здраво и пишетъ на разные почерки. Въ Уральскѣ его зовутъ Семушка Блаженной, а въ Москвѣ величаютъ Семушка Юродивый. Онъ глумится на улицахъ съ малолѣтными дѣтьми и свои не маловажныя дѣла дѣлаетъ, что ему надобно. Онъ имѣетъ въ разныхъ мѣстахъ знакомство съ неблагонамѣренными людьми, въ Казани онъ имѣетъ корреспонденцію съ Казачкою Александрою Яковлевою, дочерью Оренбургскаго Хорунжаго Кипиченкова, и бываетъ у ней часто въ гостяхъ. Семушка Блаженный въ этотъ разъ, ѣхавши въ Москву, заѣзжалъ къ ней и гостилъ у ней нѣсколько дней, а Казачка Кипиченкова проживаетъ въ Казани, въ ближней Архангельской слободѣ, подъ тайнымъ покровительствомъ Казанскаго купца Ивана Петрова Карпова, въ домѣ его, за стѣною паточнаго заводу, а для чего она проживаетъ у купца Карпова, про то они одни только знаютъ. Говорятъ, что Кипиченкова хорошая писака и сочинительница, которая имѣетъ сношенія съ заграничными авторами и старается объ учрежденіи въ Лондонѣ Старообрядческой Іерархіи, а у купеческаго сына, Алексѣя Иванова Петрова, по сему дѣлу хранится много писемъ. Говорятъ, что Казачкѣ Кипиченковой воспрещено Оренбургскимъ начальствомъ выдавать видъ на отлучку, и она объяснила своему начальству, что у ней въ Оренбургѣ ближнихъ родственниковъ нѣтъ, а есть служащіе родственники только въ Казани, и такимъ обманомъ получаетъ паспорты.

. . . . . .

Если заблагоразсудите повѣрить этѣ строки о Семушкѣ, Уральскомъ дурачкѣ, шарлатанѣ и обманщикѣ, то спросите о немъ

въ Оренбургѣ каждаго Казака, или Казачку, или въ Москвѣ на Рогожской улицѣ, торгующихъ Казаковъ: его всѣ знаютъ, и вамъ скажутъ, что онъ тотъ самый, какъ объ немъ сказано. Въ прошломъ Октябрѣ мѣсяцѣ былъ онъ въ Москвѣ съ Уральскимъ купцомъ Михайломъ Евеимовымъ, и съ Казанскимъ купцомъ Иваномъ Петровымъ Карповымъ; вѣроятно, что онъ на проѣздъ себѣ въ Москву выправилъ какой ни будь видъ. 1-го Іюля, 1865 года.

Уральскій Казакъ А. Д.

8.

Отвѣтное увѣдомленіе отъ Антонія Второго, Епископа Московскаго, къ Антонію Первому, Архіепископу Московскому и Владимірскому.

Отъ Епископа Московскаго Антонія къ Архіепископу Московскому и Владимірскому Антонію

Увѣдомленіе.

Наше смиреніе, получивъ бумагу, писанную отъ 2-го Августа прошлаго 1865 года, яко бы отъ лица Митрополита Кирилла, признать и принять ее за справедливую не можетъ, по тому что она наполнена лжами и клеветами на наше смиреніе. Въ оправданіе свое я нахожу себя вынужденнымъ объявить о семъ Православнымъ Христіанамъ: При поставленіи нашего смиренія отъ Его Высокопреосвященства, Митрополита Кирилла, дана мнѣ сталенная грамота; изъ ней предлагаю здѣ нижеслѣдующее: «Предусматривая же для святаго престола вся полезная и прочная къ неупустительному его существованію, хиротонисавъ сего благоговѣйнаго инока Антонія по степенямъ: въ Діакона, потомъ въ Пресвитера, и наконецъ во Епископа, и сей возлюбленный по духу братъ нашъ и сослужитель, Преосвященный Епископъ Антоній, яко достоинъ воспріяти Архіерейское предстательство и пастырскій жезлъ въ новоопредѣленной Епархіи царствующаго града Москвы, и отнынѣ да именуется Московскій Епископъ. Того ради и приглашается нынѣ новопоставленный Епископъ на

полученіе надлежащей ему сей грамоты къ престолу благодати, вкупѣ да воспріиметъ Архипастырьское ниже слѣдующее наставленіе отъ нашего смиренія: «Возлюбленный нашъ о Христѣ Ісусѣ братъ и по Духу Святому сослужитель, Преосвященный Епископъ, Господинъ Антоній! Се Благодатію Пресвятаго и Животворящаго Духа и Бога, чрезъ наше смиреніе рукоположенъ еси и преосвященъ на высокій степень Архіерейства Епископомъ царствующаго града Москвы;» ниже: «да егда Божіимъ благоволеніемъ вступиши въ Богодарованную ти Епископію и, пріявъ кормило ея, да имаши власть по всей Епархіи своей, гдѣ потребно будетъ, по благоусмотрѣнію твоему, сооружати церкви Христовы, и во оныхъ устрояти Священное чиноположеніе, какъ: поставленіе чтецовъ, рукоположеніе Діаконовъ, производство въ достоинство Пресвитеровъ и опредѣленіе духовныхъ отцевъ, и прочая вся, елико приснымъ и господствующимъ Епископомъ творити подобно есть.»

Въ выше означенной бумагѣ, отъ 2-го Августа, Митрополитъ пишетъ мнѣ, что въ твоей Епархіи благословляю быть Собору. Того ради я не могу эту бумагу принять за справедливую; аще ли Его Высокопреосвященство предпишетъ нашему смиренію, что въ твоей Епархіи благословляю быть Собору, тогда съ радостію пріиму и за свято почту, и донелѣ же не будетъ отъ Его Святыни предписанія мнѣ, то я безъ таковаго предписанія къ вамъ на Соборъ прійти не могу, и вся ваши дѣйствія правильными не считаю. Ваше смиреніе и сами знаете, что въ чужой Епархіи, безъ вѣдома мѣстнаго Епископа, Правила Святыхъ отецъ дѣлать ни чего не допускаютъ, и за сіе сановъ своихъ лишаютъ. Ваше смиреніе разсмотрите безпристрастно, возможно ли вамъ самовольно дѣлать всякія дѣла въ чужой Епархіи. За сіе вы воздадите отвѣтъ Праведному Судіи.

Теперь отвѣчаю вамъ на всѣ, присланные вами, двадцать пунктовъ:

1. Вы спрашиваете, по чему я принялъ иноческій чинъ отъ Священноинока Серапіона? По тому что я признаю его Православнымъ и не пріемлющимъ Окружнаго Посланія, получилъ отъ него иночество, и считаю сіе за свято.

2. Вы пишете, что я избранъ во Епископа мірскими людьми, и, взявши ложно благословеніе отъ Отца Евангельскаго на отлучку на два дни, бѣжалъ изъ Москвы. На что объясняю вамъ: Въ одно время прибылъ въ нашу келію Священноіерей Петръ, который, между прочими разговорами, спросилъ меня: «Кто у тебя отецъ духовный?» Не зная, по какому дѣлу онъ сюда пріѣхалъ, я на это ему ни чего не сказалъ. Спустя нѣсколько времени пріѣхалъ ко мнѣ одинъ человѣкъ и сказалъ мнѣ: «Поѣдемъ въ деревню на родину: тебѣ приказали ѣхать со мною для весьма нужнаго дѣла.» Взявши благословеніе отъ Отца Евангельскаго, я благополучно отправился въ путь, меня привезли не на родину, но къ Священноіереомъ, которые приняли меня весьма радушно и стали сказывать, что Митрополитъ прислалъ намъ бумагу, за подписомъ своей руки и приложеніемъ имянной своей печати, и предписалъ намъ избрать въ Московской Епархіи изъ Священноіереовъ, не пріемлющихъ Окружнаго Посланія, одного достойнаго человѣка на степень Епископа, и мы, по полученіи этой бумаги, собрались вкупѣ и, отслуживъ Литургію, положили жребіи на избраніе Епископа: паде жребій на твое имя, и мы послали за вами въ келію. Теперь просимъ и молимъ васъ не отказаться, ради Бога, и принять санъ Святительскій. Я долго отказывался и даже плакалъ отъ душевнаго чувства. Избравшіе мя Священноіереи сказали мнѣ, что «вамъ нельзя отказываться отъ благословенія Божія и Его Святой воли: не мы избрали васъ въ санъ Епископа, но Богъ избралъ васъ своимъ жребіемъ на управленіе паствою стада Христова, для спасенія рода Христіанскаго и пользы Святой, Соборной и Апостольской Церкви;» за тѣмъ вручили мнѣ бумагу за подписомъ своихъ рукъ и послали къ Митрополиту, который и хиротонисалъ меня во Епископа Московскаго. Слѣдовательно, я избранъ Священноіереями, по благословенію Митрополита Кирилла, а не мірскими людьми, какъ вы пишете.

3. Вы пишете: «Какъ смѣли убѣжать изъ своей обители въ другую?» Я изъ своей обители въ другую не бѣгалъ, и тамъ меня ни кто не принималъ и прожитія мнѣ не давалъ, и вами приведенныя правила Святыхъ Отецъ ко мнѣ не относятся.

4. Вы спрашиваете: «Какъ могли вы уйти безъ благословенія Епископа?» Въ то время наша область Епископа не имѣла.

5. Вы спрашиваете: «Какъ могли рѣшиться принять на себя Епископскую хиротонію отъ однаго Митрополита другой области, безъ согласія другихъ Епископовъ Россійской области и по избранію мірскихъ людей?» Отвѣтъ творю: при полнотѣ Церковной Іерархіи и безъ всякихъ церковныхъ возмущеній, или утѣсненій, Правилами Святыхъ Отецъ сіе творити воспрещается; но по нуждѣ, или при церковномъ возмущеніи, тѣми же Правилами разрѣшается поставляти единому Епископу, а равно и другой области. Зри сему примѣры изъ дѣяній Святыхъ Отецъ: Сава Сербскій единъ постави Арсенія Сербскаго во Епископы: Святцы съ Житіями, Октября 28. Иліодоръ Епископъ, Дисана Пресвитера, единъ нестави во Епископы: Прологъ Апрѣля 9. Евсевій Самосатскій единъ поставляше Епископы. Мелетій Патріархъ Гедеону Епископу благословилъ поставляти Епископы и Митрополита: Книга Кирилова, посланіе 4-е, къ концу. Святый Священномученикъ Автономъ прінде въ домъ, освяти церковь въ домѣ и дому хозяина постави во Епископы: Прологъ Сентября 12. Святый Іоаннъ Златоустъ единъ постави седмь Епископовъ: Книга Маргаритъ, Житіе Златоустаго, листъ 158 на оборотѣ. Святители наши: Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ, Митрополиты и Московскіе Чудотворцы, принимали хиротонію въ другой области отъ Цареградскаго Патріярха.

Хотя вы и обвиняете меня въ принятіи хиротоніи отъ одного Митрополита, и при томъ другой области, но я принялъ ее по нуждѣ, по случаю церковнаго возмущенія отъ составленнаго вами Окружнаго Посланія. Да и можно ли принять священную хиротонію отъ того Архіерея, который своими еретическими мудрованіями развратилъ Церковь Христову и всѣ Православные Христіане распались на части? Не подобаетъ Епископу клеветникомъ быти и ложно свидѣтельствовать на наше смиреніе, что мы будто бы избраны мірскими людьми. Напрасно вы сіе глаголете и обвиняете неповиннаго. Вы читали о семъ во 2-мъ пунктѣ этой бумаги, что я избранъ Священными лицами, по благословенію Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Кирилла Бѣлокриницкаго. Теперь позвольте спросить васъ, Владыко Антоній, по чему же вы о себѣ умалчиваете, и не глаголете сущей истины о своемъ избраніи и поставленіи? И вы тоже приняли хиротонію отъ того

же Митрополита другой области, Кирилла, отъ котораго и я былъ посвященъ, а избраны были не Епископами, не Священноіереями, и не мірскими людьми, но токмо единымъ инокомъ. Мнѣ не слѣдовало бы писать о семъ, но вы сами на это вызвались. А какъ вы сами напросились въ санъ Епископа и, по убѣжденію вашему, были избраны единымъ инокомъ, то, приведенными вами Правилами Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ, для моего обвиненія, вы сами, подлежите Церковному суду, отлученію и конечному изверженію, и не можете болѣе именовать себя Епископомъ, за ваше противозаконное избраніе.

6. Вы спрашиваете меня: «Дѣйствительно ли я поставленъ въ санъ Епископа 26 Іюля, 1864 года?» На это отвѣчаю вамъ, что я дѣйствительно возведенъ въ санъ Епископа, и данной грамотою отъ 26 Іюля, 1864 года, утвержденъ на Московскій престолъ, для управленія всѣми дѣлами въ Московской Епархіи.

7. Вы пишете, что Митрополитъ Кириллъ прислалъ вамъ грамоту отъ 24 Февраля, 1863 года, объ утвержденіи въ Москвѣ Собора и объ изверженіи Епископа Софронія. Владыко Антоній! Зрите свое лукавое беззаконіе, хитросплетенный обманъ и клеветы на своего Святителя. Митрополитъ таковой бумаги никогда не присылалъ и даже не думалъ писать. Клеветницы Епископы не бываютъ, а вы клевещете на Митрополита Кирилла и невиннаго Епископа Софронія. Вотъ что пишетъ о семъ Митрополитъ Кириллъ въ письмѣ своемъ, отъ 12 Мая, 1864 года, къ Епископу Софронію: «Боголюбивому Епископу и многотщательному ревнителю по благочестію, Софронію, свое Архипастырское благословеніе.» Далѣе продолжаетъ онъ: «Увѣдомляю васъ, сослужебниче мой, Софроніе, что былъ у меня Пафнутій, * Епископъ Казанскій, и сказывалъ мнѣ, яко бы они оскорбили тебя своимъ Соборомъ. Когда они собрались на свой беззаконный Соборъ и

---

* Пафнутій, Епископъ Казанскій, до поступленія во иночество Поликарпъ Овчинниковъ, родился Черниговской Губерніи въ Воронковскомъ Посадѣ, отъ тамошнихъ мѣщанъ и крещенъ былъ въ Православной церкви. По возрастѣ своемъ перешелъ онъ въ Поповщинское Согласіе, и тамъ, по вступленіи во иночество, какъ хорошій проповѣдникъ, посвященъ во Епископа.

уговаривали тебя принять Окружное Посланіе, и ты не согласился на принятіе онаго, то они положили тебѣ запрещеніе, чтобы не священнодѣйствовать. На что я отвѣчалъ Пафнутію при свидѣтеляхъ: Епископѣ Сергіѣ, Священноіереѣ Стефанѣ, Священноинокѣ Арсеніѣ, что я таковое ихъ запрещеніе признаю противозаконнымъ и не согласнымъ съ Правилами Святой Церкви, а Епископа Софронія почитаю ревнителемъ древлеистиннаго Благочестія, поборникомъ и заступникомъ Святой Церкви Христовой, и за его таковую ревность да сподобится онъ отъ Бога и всѣхъ Святыхъ благодати Сватаго Духа, нашего же смиренія Архипастырскій миръ и благословеніе, и ни кто же не можетъ безъ нашего смиренія наложити ему запрещенія.» [10] Для чего же вы подложною грамотою клевещете на Митрополита Кирилла, будто бы онъ согласенъ былъ съ вами на изверженіе Епископа Софронія?

Сколько вы ложныхъ бумагъ составили отъ имени Митрополита Кирилла, за фальшивою подписью его руки и приложеніемъ тожъ фальшивой именной его печати, наполняя таковыя бумаги разными лжами, клеветами, хулами и порицаніями на санъ Святительскій, и послѣ разсылали ихъ нашимъ Христіанамъ, которые, по невѣдѣнію своему, впадали въ заблужденіе, или въ сомнѣніе, и даже многіе обращались къ единовѣрію! Таковыя богопротивныя дѣянія ваши ведутъ васъ къ конечной погибели. Зрите о семъ: «Егда глаголетъ лжу, отъ своихъ глаголетъ, яко ложь, и отецъ лжи есть иже, лукавый человѣкъ, отъ лукаваго сокровища износитъ лукавое, погубити вся усты лживыхъ; иже утверждается на лжахъ, сей вѣтры пасетъ, и уста глаголющихъ лжу убиваютъ душу.» Альфа и Омега, глава 40. Святый Аѳанасій также пишетъ о лжахъ: «Всѣхъ лживыхъ общая ждетъ погибель.»

8. Вы пишете, что Митрополитъ Кириллъ прислалъ вамъ еще другую бумагу подъ названіемъ: «Опредѣленіе и разъясненіе на Окружное Посланіе», отъ 26 Іюня, 1863 года. Въ этой бумагѣ будто бы Митрополитъ пишетъ: «Чтобы Окружное Писаніе со-

---

[10] Очеркъ Исторіи Поповщины съ 1846 года, въ «Чтеніяхъ,» стр. 330 — 331, особо 132—133.

хранили во вѣки нерушимо. Аще кто дерзнетъ сіе нарушить, то на тѣхъ будетъ клятва Святыхъ Отецъ.» Спрашиваю васъ, Владыко Антоній, что вы оное посланіе нарушили, или ни? Аще нарушили, то клятву Святыхъ Отецъ на себя наложили и сами себя осудили, а по тому и эта бумага есть фальшивая.

9. Вы спрашиваете: «Какъ могли вы принять на себя именованіе Епископа Московскаго, тогда какъ Святительскій престолъ Московской Іерархіи занятъ былъ соборнѣ мною и утвержденъ я въ этомъ званіи Митрополитами Амвросіемъ и Кириллонъ?» Отвѣчаю на это: вы сами въ 1861 году, Августа 10 дня, подали отъ себя Освященному Собору бумагу, въ которой объяснили, что вы добровольно слагаете съ себя управленіе церковными дѣлами; что за ваши поступки совѣсть и законъ воспрещаютъ вамъ быть правителемъ столь великихъ дѣлъ, и что вы съ сего же часа слагаете съ себя, передъ всѣми боголюбивыми Святителями, врученное вамъ отъ Митрополіи всея Россіи церковное правленіе и самое старѣйшинство. Зрите о семъ Правила Святыхъ Отецъ: «Евстаѳій, Епископъ Памфилійскій, убогъ сый и не могій церковныхъ вещей правити и находящаго тамъ попеченія строити и управляти, таковыхъ отрекеся церковныхъ вещей правленія, рекше, остави Епископію писаніемъ;» ниже; «и потомъ на Ефескій Соборъ прінде, моля и кланяяся, на Епископію хотяше паки пріити; аще бы и просилъ Епископію, паки не быша его послушали, единою тоя отрекшеся.» 9 правило Третьяго Вселенскаго Собора. Такъ и вы, Владыко Антоній, сперва отреклися письменно отъ управленія церковными дѣлами всея Россіи, а потомъ опять самопроизвольно вступили на Московскую каѳедру и начали управлять церковными дѣлами вопреки Соборныхъ правилъ, которыя таковымъ воспрещаютъ быти Епископами. Аще бы вы и соборнѣ просили, умоляли и плакали, яко же выше сказано о Епископѣ Евстаѳіи, то и тогда не должно было бы Собору васъ слушати и избирать вторично на Святительскій престолъ.

10. Еще вы пишете, что я, будто бы изъ зависти, порочилъ Пафнутія, Епископа Казанскаго и Коломенскаго. Нѣтъ, я его не порочилъ; вы, вмѣстѣ съ нимъ, сами себя опорочили, отдавши Святительскій санъ на позоръ мірскихъ судей: «Епископы,

или Пресвитеры, или Діаконы, въ грѣховныхъ вещахъ оклеветаеми суще, аще оставятъ тѣ церковные суды и къ мірскимъ судіямъ прибѣгнутъ, и суждени будутъ, свой чинъ погубятъ; аще ли и оправлени бывше Градскимъ Судомъ, и тѣ тому приложившеся, свой чинъ погубятъ.» 15 ое правило Карѳагенскаго Собора. А когда вы судились съ Епископомъ Пафнутіемъ, прибѣгали къ мірскимъ судіямъ и просили у нихъ защиты, то, слѣдовательно, вы, по выше приведеннымъ Правиламъ, свой чинъ погубили и остались простецами. А равно и Митрополитъ Кириллъ, въ грамотѣ своей отъ 2 Ноября, 1863 года, въ 5-ти пунктахъ повелѣваетъ Епископамъ Пафнутію и Онуфрію быти въ запрещеніи присно и неизмѣнно, дондеже не принесутъ нашему смиренію чистосердечнаго раскаянія и не испросятъ прощенія въ своемъ сопротивленіи, а по тому до того времени считать ихъ и всѣхъ пріобщающихся къ нимъ Священноіереовъ подъ запрещеніемъ. [11] «Не пріобщенну пріобщаяся, самъ не пріобщенъ.» 9-е правило Карѳагенскаго Собора.

11. Еще я получилъ отъ васъ бумагу, писанную отъ 26 Декабря, которою вы спрашиваете наше смиреніе, по чему я не являюсь на вашъ Соборъ? Разсматривая церковныя дѣянія ваши, и соображаясь съ правилами Соборныхъ постановленій, я считаю, что именуемый вами соборъ не есть законный, достаточный. А равно возстановленіе уничтоженныхъ вами довѣрительныхъ грамотъ и снятіе наложеннаго запрещенія, учиненныхъ вопреки священныхъ каноновъ, признаю противозаконными; такъ же переведеніе и возведеніе на Московскій Престолъ Вашего Высокопреосвященства, Епископа Онуфрія и всѣхъ прочихъ священныхъ лицъ, находящихся подъ вашимъ управленіемъ, полагаю не дѣйствительными и не согласными съ правилами Святой Соборной и Апостольской Церкви, а по тому таковыя дѣянія ваши не могутъ быть признаны никогда моимъ смиреніемъ и прочими Православными Архіереями за правильныя и дѣйствительныя.

---

[11] Тамъ же, стр. 309 и слѣд., особо 111 и слѣд.

Вамъ извѣстно о присланной бумагѣ, что она была фальшивая [12] и привезена Епископомъ Іустиномъ и Іеродіакономъ Ипполитомъ, яко бы отъ Митрополита Кирилла. Если бы сія бумага была правильная и довѣрители были благонамѣренные люди, то не было бы раздору во Святѣй Церкви. Отъ Митрополита Кирилла дѣйствительно послана была грамота, въ которой предписано было, по пріѣздѣ довѣрителей въ Москву, приступить къ выбору на Московскій престолъ законнаго Епископа; ибо Митрополитъ Кириллъ считалъ тогда Московскій престолъ упраздненнымъ. Но вы не послѣдовали предписанію Митрополита, а содѣлали большой раздоръ между Христіанами.

12. Вы пишете, что Митрополитъ Амвросій, въ грамотѣ своей, отъ 28 Октября, 1863 года, [13] признавши всѣ дѣйствія и постановленія Всероссійскаго Освященнаго Собора, утвердилъ подписью своей руки и приложеніемъ имянной печати, ваши два сочиненія: «Опредѣленіе» и «Разъясненіе на Окружное Посланіе и Соборное дѣйствіе.» Напрасно вы глаголете неправду: Георгій Андреевичъ самъ сказывалъ мнѣ: когда твои посланные: Епископъ Іустинъ и Іеродіаконъ Ипполитъ, прибыли съ вашими бумагами въ городъ Цилли, къ его родителю, Митрополиту Амвросію, за 15 дней до его кончины, тогда онъ былъ очень нездоровъ и едва могли поднять его съ постели: то какъ же онъ могъ подписывать и утверждать ваши бумаги, когда не имѣлъ силы сидѣть на постели? Оставьте ложь, не клевещите на покойнаго!

13. Еще спрашиваете наше смиреніе: «По какимъ правиламъ вы съ нами не совокупляетесь? Или у васъ на это есть предписаніе отъ Митрополита Кирилла?» Да, у меня есть предписаніе Митрополита, который, въ грамотѣ своей, отъ 26 Іюля, 1864 года, [14] пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Въ Богослуженіи же не сообщаться съ тѣми, которые приняли разныя новшества и Окружное Посланіе, а равно съ Епископы и Священники, кото-

---

[12] Тамъ же, стр. 319—323, особо 121—125.

[13] Тамъ же, стр. 306—309, особо 108—111.

[14] Тамъ же, стр. 332, особо 134.

рые единомышленники новшества, не соединяться, и ни какихъ требъ и Таинствъ отъ нихъ не принимать, и сообщенія съ ними имѣть не благословляю.» Того ради мы съ Вами и не совокупляемся.

14. Еще вы пишете, что Окружное Посланіе было вами уничтожено соборнѣ 11 Октября, 1865 года, сицевыми словами: «Окружное Посланіе уничтожаемъ, опровергаемъ и яко не бывшее вмѣняемъ.» Вопрошаю васъ: Сознаете ли себя виновными, что вы чрезъ Окружное Посланіе сотворили раздоръ во Святѣй Церкви, или ни? Сознаете ли, что за сіе, изданное вами, Окружное Посланіе вы согрѣшили предъ Царемъ Небеснымъ, или ни? Аще вы отъ чистаго сердца уничтожили Окружное Посланіе, и по этому сознали его неправильнымъ и богопротивнымъ, то по чему же вы не подписываетесь, чтобы съ пріемлющими оное Посланіе не имѣть сообщенія въ моленіи? Аще ли не отъ чистаго сердца, а съ лукавствомъ, уничтожаете Окружное Посланіе, то вспомните, что сказано выше о лжѣ: «Лжущіе всѣ потребятся.»

Если вы сознаете себя согрѣшившими, принесете истинное раскаяніе Господу Богу, испросите у Православныхъ Христіанъ прощенія, чистосердечно уничтожите Окружное Посланіе, съ пріемлющими оное, какъ съ противниками Церкви Христовой, не будете имѣть сообщенія въ моленіи, и о всемъ ономъ утвердите подписями рукъ своихъ, то мы съ радостію и душевнымъ чувствомъ Христіанской любви соединимся съ вами въ единомысліи, и пріимемъ васъ въ нѣдра Святой Православной Церкви.

15. Еще вы пишете о раздираніи Церкви: «яко и мученическая кровь не загладитъ сего грѣха.» Теперь подобаетъ намъ разсмотрѣти нелицемѣрно, кіи Епископы, или Священницы, считаются раздирателями Церкви Христовой? «Отъ Царской цаты, отъ воображеннаго образа, аще малу частку отыметъ, всю златницу ложну творитъ; такожде елицы здравыя вѣры зѣло малу частку развратятъ, во всемъ сокрушатся, и отъ сего всегда къ горшему происходяща» и пр. Апостолъ Толковой, зачало 199, листъ 733. Тѣмъ же лучше намъ готовыми орудіями защищатися, яже суть отъ Православныхъ книгъ изданы, тѣми довлѣтися, а не ново-

умышленны и не свидѣтельствованы воспріимати.» Ниже: «Аще и не противная возвѣстятъ, или превратятъ все, аще и мало нѣчто благовѣтствуютъ паче, еже благовѣстихомъ, аще и худое что подвигнутъ, анаѳема да будутъ.» — Кіи же не разнственное дающихъ себѣ Церковь раздирающимъ, аще убо и догматы имутъ не противные, и сего ради не подобаетъ съ онѣми смѣшиватися, аще тояже мудрствуютъ, много паче по что за не? Любоначальство есть недугъ.» Алфа и Омега, глава 2, листъ 82 и 83. Теперь зрите прилежно и нелицемѣрно, и испытуйте, кіи Епископи, или Священницы, считаются раздирателями Церкви Христовой? Священное Писаніе признаетъ только тѣхъ раздирателями, которые вводятъ новое, или превратное, ученіе Церкви Христовой, то есть: «новыхъ вещей вводяще», какъ сказано выше. А какъ Окружное Посланіе, составленное вами, есть нововводное, которымъ вы произвели между Христіанами волненіе и раздирательство, то, слѣдовательно, вы сотворили себя раздирателями Церкви Христовой, и по сему, аще не покаетесь, то и кровь мученическая не загладитъ грѣха вашего.

16. Вы пишете, на полученныя бумаги отъ 2-го Августа, 1862 года, 24 Февраля и 26 Іюня, 1863 года, о разныхъ лживыхъ донесеніяхъ и клеветахъ на наше смиреніе. Объ этомъ объяснено въ началѣ нашей бумаги и еще въ 8 пунктѣ.

17. Еще вы пишете отъ Новыхъ Заповѣдей Іустиніана Царя: «Клеветникъ же, аще есть причетникъ, да извержется отъ своей степени.» Вспомните о себѣ, сколько разъ вы, съ Епископомъ Пафнутіемъ, клеветали другъ на друга и разсылали между Христіанами лживыя бумаги, наполненныя извѣтами и клеветами, за что въ 1861 году вы съ Пафнутіемъ были судимы Освященнымъ Соборомъ, который, снисходя на ваше раскаяніе, простилъ васъ и заповѣдалъ впредь сего не творити! Читая ваши клеветы и лживыя донесенія другъ на друга, нельзя, безъ сокрушеннаго сердца, изобразить оная перомъ. Если смягчить представленныя вами другъ на друга обвиненія въ вашихъ преступленіяхъ и сдѣлать лицепріятіе, то симъ ясно нарушены будутъ слова Божественнаго Учителя, рекшаго: «Не на лице зряще судите, но правильный судъ судите,» и попираеми будутъ правила Святоотеческія. Если

судить ваши вины законно, то необходимо нужно будетъ предать васъ или запрещенію, или изверженію отъ сана. Зрите о семъ вами приведенныя правила Святыхъ Отецъ о клеветахъ: тіи вси обращаются на васъ.

18. Вы спрашиваете: «На какомъ основаніи вы соединяетесь съ тѣми Епископами, которые находятся подъ запрещеніемъ? Отвѣчаю: «Аще который Епископъ, или Пресвитеръ, или Діаконъ, отъ Несторія Священства лишенъ, той преосвященъ есть, а его же онъ пріялъ, той не освященъ.» Кормчая, правило 3 Третьяго Вселенскаго Собора. «Не обличеннаго о грѣхѣ, общенія лишивъ Епископъ, лишенъ и самъ такожде общенія къ другимъ.» Толкованіе: «Аще который Епископъ причетника своего отлучитъ, необличенна бывша о грѣсѣ, но токмо отъ своея совѣсти осудитъ, отлученъ будетъ и самъ» и проч. Правило 134 Карѳагенскаго Собора. А какъ вами осуждены были помянутыя Священныя лица безъ всякой причины и вины, единственно по страсти вашей, то по сему 134-му правилу, вмѣсто ихъ, вы сами подлежите сему наказанію и лишаетесь всякого общенія съ Православными Христіанами.

19. Еще спрашиваете наше смиреніе: «Дѣйствительно ли мы рукоположили во Священники четырехъ лицъ?» Напрасно вы утруждаете себя таковымъ неправильнымъ вопросомъ, по тому что я имѣю законную власть въ своей Епархіи поставляти во Священники, по данной мнѣ грамотѣ отъ Господина Митрополита.

20. Еще пишете вы о Священноіереѣ Георгіи и о его противозаконныхъ, будто бы, поступкахъ. Въ оправданіе Священника Георгія, отвѣчаю вамъ: Не подобаетъ Епископу безъ испытанія клеветати и вскорѣ вѣру яти. Сколько вы ни писали на него обвиненій, всѣ они въ послѣдствіи оказались ложными. Здѣ о немъ предлагаю выписку: «Священноіерей Георгій Масляевъ былъ житель Воронковскаго посада; онъ рукоположенъ въ Священники Господиномъ Митрополитомъ Кирилломъ Бѣлокриницкимъ и находился при церкви въ Молдавіи, подъ паствою Архіепископа Аркадія Васлуйскаго. Въ одно время оный Георгій, испросивъ благословеніе у своего Архіепископа, съѣздить на свою

родину, въ Воронки, для распоряженія своего имущества, отправился въ свой посадъ. По пріѣздѣ его на родину, всѣ жители обрадовались его пріѣзду. А какъ жители посадовъ Воронки и Лужки въ то время, не имѣя у себя Священниковъ, стали просить его остаться у нихъ навсегда, Георгій сказалъ имъ, что онъ безъ благословенія Митрополита остаться у нихъ для священнодѣйствія не можетъ. Послѣ того жители, чрезъ посредство Архіепископа Аркадія, просили благословенія объ этомъ у Митрополита Кирилла, который грамотою своею и предписалъ Священноіерею Георгію остаться навсегда для богослуженія въ означенныхъ посадахъ Воронки и Лужки, на что онъ и въ настоящее время имѣетъ двѣ бумаги. А что онъ не подчинился Епископу Конону, тому была причина та, что Кононъ въ то время былъ взятъ подъ арестъ Правительствомъ, и Георгій ожидалъ его намѣстника, для подчиненія оному. Между тѣмъ Георгій получилъ отъ Господина Митрополита бумагу, въ которой пишетъ ему, чтобы онъ не имѣлъ сообщенія въ Богослуженіи и молитвѣ съ тѣми Епископами, священными лицами и мірскими людьми, которые пріемлютъ Окружное Посланіе. По полученіи таковой бумаги, онъ, Георгій, не смѣлъ подчиниться Духовному Совѣту, бывшему въ Москвѣ, по тому что оный Совѣтъ въ то время издалъ отъ себя Окружное Посланіе. Въ слѣдствіе сего Духовный Совѣтъ наложилъ на него запрещеніе отъ всякаго священнодѣйствія, какъ на противника Окружному Посланію, и предписалъ ему, чтобы онъ, Георгій, на разрѣшеніе обратился къ своему Епископу Антонію. Еще Духовный Совѣтъ обвиняетъ Священноіерея Георгія безвинно въ томъ, что онъ будто бы противозаконно совершилъ бракосочетаніе. Изъ Обояни [15] въ Воронки прибыли два семейства для бракосочетанія. Священноіерей Георгій, какъ слѣдуетъ, всѣхъ прибывшихъ допросилъ накрѣпко, что нѣтъ ли между женихомъ и невѣстою какого сродства, и они объяснили ему, что хотя и есть сродство, но только самое дальнее. Георгій, по обсужденія объ этомъ съ своими причетниками, не нашелъ ни какого сродства, и совершилъ бракосочетаніе. На другой день брака Георгій получилъ изъ Обояни распечатанное письмо, кото-

---

[15] Курской Губерніи.

рое прислано было за шесть дней до бракосочетанія, на имя пріемлющаго Окружное Посланіе, Павла Герасимова, жившаго въ Лужкахъ, разстояніемъ отъ Воронковъ въ пяти верстахъ. Въ этомъ письмѣ сообщено было, что изъ Обояни отправились въ Воронки два семейства для бракосочетанія, и что между ними есть ближайшее сродство.» Это письмо приводитъ насъ въ большое сомнѣніе, по тому во первыхъ: почему оно прислано было съ Обояни не запечатанное, которое могъ читать всякой, и на имя Окружника? и во вторыхъ, по чему оно продержано шесть дней и не доставлено въ свое время? Это очень ясно, что Павелъ Герасимовъ, какъ Окружникъ, хотѣлъ изъ зависти оклеветать Священника Георгія.

Прочитавши всѣ ваши двадцать пунктовъ, и опровергнувши оные, какъ ложно и превратно написанные, привожу вамъ свидѣтельства отъ Божественнаго Писанія о вашемъ неправильномъ и неблагословенномъ Соборѣ, бывшемъ въ Москвѣ, и о всѣхъ вашихъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ: «Соборъ убо есть се: егда пять Патріарховъ утвердятъ едину вѣру и едино слово; аще ли отъ нихъ единъ оскудѣетъ, или не покорится Собору, то Соборъ той не есть Соборъ, но сонмище и раздоръ суетенъ и непокорливъ, зриши сонмищу, имъ же поучашася, хищницы, а не пастыріе, на Христову Церковь. Аще хощеши о томъ увѣдати извѣстно, яко сонмище есть суета, а не Соборъ, испытай же и навыкни, яко своего Патріарха, недостойнаго Патріархомъ звати ся, изверже и отрину.» Соборникъ большой въ недѣлю первую Святаго поста, Іоанна Дамаскина, листъ 333. «Безъ своего старѣйшаго ни что же да творятъ Епископи.» 34 правило Святыхъ Апостолъ. «Съ Митрополитовою волею подобаетъ Епископомъ творити все, и безъ того промышленія ни что же строити.» Правило 9 Антіохійскаго Собора. «Соборъ бываетъ, идѣже повелитъ Митрополитъ.» Правило 19 Четвертаго Вселенскаго Собора.

Кто не посмѣется вашему Собору, который собранъ былъ самопроизвольно, безъ благословенія Митрополита Кирилла, а равно и безъ его разрѣшенія на священнодѣйствіе запрещенному Епископу Онуфрію, который, будучи простецъ, присутствовалъ на Соборѣ, яко Епископъ? Зрите о семъ отъ выше приведенныхъ Правилъ Святыхъ Отецъ, что таковой Соборъ не можетъ быть

пріятенъ Богу, и не подобаетъ его нарицати Освященнымъ Соборомъ, а развѣ сонмище Іудейское. Того ради и Епископъ Софроній не послѣдовалъ вашему душепагубному ученію, не принялъ ваше Окружное Посланіе, и не явился къ вамъ на Соборъ.

Подобаетъ убо вамъ оставити свой беззаконный Соборъ, взяти благословеніе отъ Митрополита Кирилла и утвердити едину вѣру и едино слово въ Церкви Христовой; ибо Святый Іоаннъ Дамаскинъ, какъ сказано выше, пишетъ: «Аще единъ не покорится, то не можетъ быть Соборъ, но сонмище и раздоръ суетенъ и непокорливъ, зри сонмищу, имъ же поучашася хищницы, а не пастыріе.» Зрите о себѣ: васъ Святый Дамаскинъ нарицаетъ не Епископами, а хищниками, понеже вы на своего Митрополита возсташа, яко же и тіи на своего Патріарха. Митрополитъ Кириллъ писалъ вамъ въ посланіи своемъ. [16] «Вонмемъ, како гласитъ Святое Евангеліе о человѣкѣ, отъ котораго происходитъ соблазнъ: тому лучше бы навязать на выю жерновный камень и потопить въ водѣ, аще единого отъ малыхъ соблазнитъ.» Если кто единого отъ малыхъ соблазнитъ, говоритъ Спаситель, лучше тому навязать на шею жерновный камень и потопить въ водѣ: а вы соблазнили всю вселенную своимъ еретическимъ мудрованіемъ и хитросплетеннымъ своимъ Окружнымъ Посланіемъ. Какому наказанію удостоились вы? Ни чему иному, по Церковнымъ Правиламъ, какъ слѣдуетъ предать васъ Церковному отлученію и вѣчному проклятію, какъ еретиковъ и богопротивниковъ.

Образумься, Антоній, и вспомни о себѣ, когда ты, во время своего поставленія, стоявши на орлѣ, обѣщался, послѣ чтенія Символа Вѣры, исповѣдывати и соблюдати Церковный миръ, ни единымъ же правомъ не противитися, мудрствовати и повиноватися Высокопреосвященнѣйшему Господину своему, Митрополиту Кириллу Бѣлокриницкому: «Но аще ли преступлю что едино отъ сихъ, здѣ писанныхъ, то лишенъ буду своего сана и данной мнѣ власти, безъ всякаго извѣта и слова.» Еще вспомни, Владыко Антоній, о своемъ запрещеніи, которое Митрополитъ Кириллъ грамотою своею наложилъ на тебя: «Азъ, смиренный Митрополитъ, запрещаю васъ отъ всякаго священнодѣйствія, за ваше самоволь-

[16] Тамъ же, стр. 320, ообо, 122.

ное и беззаконное соборище, которое возмутило всю вселенную. Аще послушаешь мене, пріидешь ко мнѣ со смиреніемъ и принесешь истинное раскаяніе во всѣхъ прегрѣшеніяхъ своихъ, то да пріимешь отъ Бога, отъ всѣхъ Святыхъ и отъ моего смиренія, прощеніе, благословеніе и разрѣшеніе въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ. Аминь.» А ты, находясь въ запрещеніи, не внимаешь гласу Церкви: самовольно священнодѣйствуешь, дерзаешь поставляти во Священники и Діяконы и раздираешь Церковь Христову, яко еретикъ и самозванецъ. Таковое безчиніе подобаетъ ли творити Архіепископу, къ тому же отрекшемуся отъ сана своего и погубившему оный своими дѣяніями? А равно и запрещенному Епископу Онуфрію подобаетъ ли таковаго безсановнаго Архіепископа, погрязшаго въ своихъ беззаконіяхъ, переводити на Москву и дозволяти ему священнодѣйствовать? «Моляйся съ отлученными, самъ такожде да отлученъ будетъ.» Правило 10-ое Святыхъ Апостолъ. «Моляйся со изверженными, самъ такожде осужденъ будетъ.» Правило 11-ое Святыхъ Апостолъ.

Еще здѣ приводимъ изъ вашей соборной бумаги о Епископахъ: Софроніи и Сергіи, [17] которые будто бы подлежатъ, по Правиламъ Святыхъ Отецъ, конечному изверженію до той степени, аще бы они подвизалися и мертвыхъ воскрешали, но священнодѣйствовати отнюдь не могутъ, отъ Церкви да отсѣкутся и священнодѣйствія ихъ будутъ считаться, яко дѣйствія самозванцевъ, не имѣющихъ хиротоніи. А когда изверженный вами Сергій, въ Іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго 1864 года, пріѣхалъ на вашъ беззаконный Соборъ и согласился съ вами въ единомысліи, то вы приняли его за истиннаго и Православнаго Епископа, ликовали съ нимъ и вмѣстѣ творили молитву, а 28 Сентября того же года, сей, изверженный вами, Сергій, подписался къ вашей соборной бумагѣ: «Смиренный Епископъ Сергій.» И вы, скрѣпивши ее подписями рукъ своихъ, показывали всѣмъ и говорили, что эта бумага есть душеспасительная, умиротворяющая всѣхъ Православныхъ Христіанъ и ведущая къ общему спасенію; но ведетъ она къ общей погибели, по тому что вы сами сперва извергли Сергія изъ сана Святительскаго, а послѣ, изъ своего властолюбія,

[17] Тамъ же, стр. 293—299, особо 95—101.

вмѣстѣ съ нимъ ликовали и молились, какъ съ Православнымъ Епископомъ, то, по выше приведеннымъ правиламъ, 10-му и 11-му Святыхъ Апостолъ, вы сами подлежите тому же изверженію священнаго сана и отлученію отъ Церкви. Теперь обратимся къ Епископу Софронію, которому вы въ 1861 году поручили въ управленіе три Епархіи, и просили его принять Окружное Посланіе, явиться на Соборъ и быть въ единомысліи съ вами. Но Софроній, какъ истинный пастырь, не послѣдовалъ вашему совѣту и остался вѣрнымъ блюстителемъ Православной Церкви и ея словеснаго стада. За что вы осудили его изверженію Епископскаго сана, и послѣ ложно писали о немъ, въ 1863 году, будто бы Господинъ Митрополитъ Кириллъ освободилъ его, по преклонности лѣтъ, отъ всякого правильнаго суда Церковнаго, а сами между тѣмъ долгое время братски увѣщевали соединиться съ вами въ единомысліи. Здѣ нужно замѣтить: аще бы Софроній, яко Сергій, послѣдовалъ вашимъ совѣтамъ, соединился съ вами въ единомысліи и явился на ваше душепагубное соборище, то и онъ былъ бы у васъ истиннымъ и Православнымъ Епископомъ. Очень понятно для каждаго здравомыслящаго Христіянина, что вы предали его Церковному суду и изверженію токмо за то, что онъ не послѣдовалъ вашимъ мудрованіямъ и еретическимъ нововведеніямъ: «Іоаннъ же не хотяше на Соборъ ити къ нимъ, аки ко врагамъ, видя же ихъ безстудную мысль, уклонися отъ нихъ; отвѣщаша на блаженна Іоанна и извергоша и, ни лица ему видѣша.» Аще бы Іоаннъ Златоустъ покорился неправильному Ѳеофилову Собору, то не осудили бы его изверженію. Но онъ не послуша ихъ неправильнаго изверженія, поиде со кресты и со Христіаны служити, за что онъ великой чести сподобился отъ Царя Небеснаго.

Еще вы, въ томъ же 1861 году, на своемъ Соборѣ осудили невиннаго Пафнутія, Епископа Казанскаго, тоже за непріятіе вашихъ новшествъ, и подвергли его 52-му правилу Святыхъ Апостолъ. Но и таковое изверженіе ваше, по выше приведенному примѣру, уподобляется Ѳеофилову Собору, на которомъ извергли отъ сана и Святаго Іоанна Златоустаго. Ибо Правила Святыхъ Апостолъ гласятъ: «Аще котораго Епископа, или Священника, извергнутъ отъ сана своего неправильно, то таковое изверженіе по-

слѣдуетъ на тѣхъ судей, которые неправильно осудили.» Напротивъ. того, вы своего единомышленника и злаго окружника, Варлаама, Епископа Балтовскаго, не только что не предали Церковному суду, за его беззаконныя дѣйствія, [18] но даже благодарили его, что онъ насильственными своими мѣрами принуждалъ иноковъ Кореневскаго монастыря къ принятію Окружнаго Посланія. Его по Церковнымъ Правиламъ слѣдовало бы предать конечному изверженію и отлученію отъ общенія съ Христіанами, яко еретика.

Еще вы, Владыко Антоній, поставили во Священники одного крестьянина Нижегородской Губерніи, именемъ Захарія, 26 лѣтъ, на какомъ основаніи? Вѣроятно, по Окружному Посланію, а Правилами Святыхъ Отецъ ставити во Священника моложе 30 лѣтъ воспрещается. «Пресвитеръ прежде 30 лѣтъ да не ставится;» и ниже: «Вси сіи изверженію повинны бываютъ.» Правило 14 и 15 Шестаго Вселенскаго Собора въ Толкованіи. Той же Священникъ Захарій въ одно время отрекся своего сана, а вы, вмѣсто должнаго изверженія, дали ему токмо заповѣдь не ясти мяса и дозволяли ему священнодѣйствовать. Это тоже, видно, на основаніи Окружнаго Посланія, а не по Правиламъ Святыхъ Отецъ.

Священники Козьма и Ѳеодоръ, также отказавшись сами добровольно отъ священнодѣйствія, нынѣ опять священствуютъ, по вашему благословенію.

Священникъ Аркадій, до своего поставленія, вѣнчанъ былъ на вдовѣ, и теперь священнодѣйствуетъ, яко достойный Іерей, а 18 правило Святыхъ Апостолъ таковыхъ поставлять воспрещаетъ.

Священникъ Матѳей Новозыбковскаго прихода, въ прошломъ году, подписавшись къ одной бумагѣ чужимъ именемъ: «Матѳемъ Кущнеровымъ,» нынѣ служитъ обѣдни и исправляетъ разныя требы «Причетническаго имени отвергшійся, и обратився паки, яко простый человѣкъ, пріимется.» Въ Толкованіи: «Аще отвержется

---

[18] Тамъ же, стр. 324—329, особо 126—131.

своего имени, да извержется отъ сана своего.» 62 правило Святыхъ Апостолъ.

Коломенскій Священникъ, Павелъ Никифоровъ, избивши родную свою сестру и подбивши ей глаза, священнодѣйствуетъ.

Бронницкій Священникъ, Ермилъ Яковлевъ, избивши свою Попадью, о чемъ донесено было Вашему Высокопреосвященству, нынѣ также священнодѣйствуетъ: «Святитель вѣрнаго, или невѣрнаго, бивъ, да извержется.» 27 правило Святыхъ Апостолъ. Всѣ сіи выше упомянутыя лица недостойны были прикасатися къ священнодѣйствію, и, по Правиламъ Святыхъ Отецъ и Святыхъ Апостолъ, должно было бы предать ихъ конечному изверженію, а вы допустили ихъ священнодѣйствовать, какъ достойныхъ пастырей и Священниковъ.

Ты явился между нашими Христіанами не блюстителемъ Благочестія и Церковныхъ преданій, но разорителемъ Святоотеческихъ и Апостольскихъ правилъ, и яко еретикъ Максимъ Кунникъ, который, раздравъ Церковь Божію многими мятежами и раздорами, готовъ былъ прощати вся согрѣшенія человѣкомъ. Смотри о семъ книгу Кормчую, листъ 86 на оборотѣ, и 4 правило Втораго Вселенскаго Собора. Тако и ты уподобился оному еретику Кунику, и такъ же своимъ Окружнымъ Посланіемъ, раздравше Святую Церковь на многія части, готовъ прощати за деньги вся согрѣшенія своимъ Священникамъ, а всѣхъ ревнителей по Благочестіи, какъ священныхъ, такъ и мірскихъ, лицъ, предать Церковному изверженію или отлученію. Да воздастъ вамъ Господь Богъ и Праведный Судія по дѣломъ вашимъ! Апрѣля 26 дня, 1866 года.

Смиренный Антоній, Епископъ Московскій.

Довѣренный въ лицѣ Епископа Московскаго Антонія, Священноіерей Василій Ивановъ Бухаринъ.

9.

Бесѣда объ Окружномъ Посланіи 1866 года.

Іюня 5-го дня, 1866 года, была бесѣда, въ домѣ Московскаго купца, Ивана Петрова Бутикова, съ Антоніемъ, Архіепископомъ Московскимъ и Владимірскимъ, Епископами Пафнутіемъ Казанскимъ и Варлаамомъ Балтовскимъ, съ сочинителемъ Окружнаго Посланія, Ларіономъ Егоровымъ, съ Семеномъ Семеновымъ, и съ прочими многими лицами, собранными по прошенію Уральскихъ жителей, въ томъ числѣ одного Казака, и прибывшихъ изъ разныхъ монастырей иноковъ и бѣльцовъ, для слушанія прѣнія и богословскихъ разсужденій объ Окружномъ Посланіи, то есть, съ пріемлющими и не пріемлющими оное Посланіе.

Вначалѣ Давыдъ Антиповъ и Евѳимъ Ѳедоровъ спросили Архіепископа Антонія: «Что вы Окружное Посланіе уничтожили, или нѣтъ?» Антоній сказалъ: «Уничтожили.» Давыдъ Антиповъ возразилъ: «Что Вы въ немъ нашли несправедливаго?» Антоній отвѣчалъ: «Худаго въ немъ ни чего не находимъ.» Давыдъ Антиповъ опять спросилъ: «Чего ради вы его уничтожили?» Антоній отвѣчалъ: «Тебя ради, Давыдъ Антиповичъ.» На это Давыдъ Антиповъ возразилъ ему: «Ради одного человѣка не подобаетъ вамъ уничтожать Окружное Посланіе. Если вы сознаете въ немъ какую либо погрѣшность, то должны уничтожить его, и за изданіе онаго принести чистосердечное прощеніе, что было бы весьма полезнымъ, какъ для Церкви Христовой, такъ и для всѣхъ Православныхъ Христіанъ; а если не находите въ немъ ни чего противнаго установленію Святыхъ Отецъ, то за чѣмъ же, изъ одной лести для одного человѣка, и уничтожать его?» Тутъ Давыдъ Антиповъ, взявши Окружное Посланіе, прочиталъ въ немъ: «Обаче же и пишемое и произносимое нынѣшними Греками и Россіянами тако: «Іисусъ, хулити не дерзаемъ, и не нарицаемъ его именемъ инаго «Іисуса и именемъ противника Христова, якоже нѣціи Безпоповцы зломудрствуютъ.» [19] Что, сіе вы уничто-

[19] Тамъ же, стр. 256, особо 58.

жаете, или нѣтъ?» Антоній сказалъ: «Я ни единаго слова здѣсь не уничтожаю.» Давыдъ Антиповъ спросилъ: «Что же вы уничтожили?» Антоній отвѣчалъ: «Тетрадь.» Давыдъ Антиповъ еще спросилъ: «Вы говорите, что уничтожили тетрадь, а мы еще вопрошаемъ, что вы уничтожили Окружное Посланіе, и въ немъ положенныя статьи, которыя были писаны вами, или нѣтъ?» Антоній отвѣчалъ: «Я здѣсь не могу ни чего уничтожить.» Тутъ Семенъ Семеновъ, подтвердивши тѣ же слова, сказалъ, что «въ Окружномъ Посланіи положенный смыслъ изъ Священнаго Писанія мы ни когда уничтожить не смѣемъ, и тѣхъ Христіанъ за еретиковъ считаемъ, которые, вопреки Священному Писанію, зломудрствуютъ.»

Послѣ того Давыдъ Антиповъ, обратившись къ народу, громогласно сказалъ: «Зрите, Православніи Христіане, и внимайте, вотъ какъ они уничтожаютъ Окружное Посланіе! Они не уничтожаютъ его, а только Православныхъ Христіанъ обманываютъ. Я, съ своей стороны, нахожу въ Окружномъ Посланіи много не Православныхъ мнѣній и нововодныхъ ересей, отъ которыхъ упаси насъ, Господи!» Тутъ Архіепископъ Антоній и Епископы Пафнутій и Варлаамъ встали съ мѣстъ своихъ, подошли къ Давыду Антипову и спросили его: «Покажи намъ, какія есть ереси въ Окружномъ Посланіи?» Давыдъ Антиповъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, и взявши Соборникъ большой, началъ читать изъ слова Святаго Германа, Патріарха Константинопольскаго: «Вопрошаю убо васъ, яко же Отецъ въ Сынѣ, и Сынъ во Отцѣ, тако и образъ въ крестѣ, и крестъ въ образѣ, да иже честному кресту честные поклоняются, иже человѣкообразенъ сый, по видимому начертавается.» Листъ 313 и 315. Изъ приведеннаго мною текста видно, что Святый Германъ пишетъ о божественной иконѣ и о крестѣ трехсоставномъ: «Яко же Отецъ въ Сынѣ и Сынъ во Отцѣ не раздѣляются:» а вы въ Окружномъ Посланіи написали противное Священному Писанію, и отняли образъ Господа нашего Іисуса Христа отъ поклоненія съ животворящимъ крестомъ, и, вмѣсто образа, положили двухчастный крестъ въ трехчастномъ, и трехчастный въ двухчастномъ: «Но убо послѣди вольнаго распятія Христова, аще и отъ трехъ древъ, аще и отъ единаго, аще отъ злата, или сребра, или

мѣди и прочихъ металловъ творитъ Церковь Святая крестъ Христовъ, съ воображеніемъ плоти Его, равно пріемлется и почитается, или токмо единъ крестъ безъ плоти Христовы начертавается, яко же на антиминсахъ, на просфорахъ, на всенощныхъ хлѣбахъ, на артосѣ, на панагіарномъ хлѣбѣ и на инѣхъ различныхъ церковныхъ вещѣхъ воображается: образъ того же креста Христова исповѣдуется, тѣмъ же и на самѣхъ главахъ Священныхъ храмовъ поставляется.» [20] Это есть Латинская ересь, которая учитъ поклаяитися двучастному кресту, яко же и трехчастному. Еще тутъ заключается иконоборная ересь Льва Исаврянина, который училъ иконамъ не поклаяятися, а кресту безъ написанія на немъ образа поклаяатися. Слѣдовательно, и вы въ своемъ Посланіи написали еретическое мудрованіе.»

Послѣ того Давыдъ Антиповъ, прочитавши изъ Толковаго Апостола: «Единъ хлѣбъ, едино тѣло есмы, многи не многимъ, но единымъ.» Зачало 145. Еще изъ Златоуста: «Яко же отъ многихъ зернъ единъ хлѣбъ бываетъ, тако и мы многи единымъ тѣломъ бываемъ, что есть хлѣбъ тѣло Христово, что же пріемлюще, тоже тѣло Христово.» Листъ 525, спросилъ ихъ: «А что еретицы тоже тѣло Христово, или нѣтъ?» Антоній отвѣчалъ: «Не Христово»; а Пафнутій подтвердилъ: «Однимъ тѣломъ, только они оскорузили». Давыдъ Антиновъ еще прочиталъ имъ въ Толковомъ Апостолѣ: «Хощу же васъ вѣдѣти, яко всякому мужу глава Христосъ есть». Зачало 147. И еще въ Златоустѣ: «Иди ли и Еллину ни како же, мы есмы тѣло Христово, и уды отъ части, и Онъ нашею главою есть, не сущимъ же въ тѣлѣ Его, и Онъ главою нѣсть». Листъ 531, и спросилъ: «Что у еретиковъ едино тѣло съ Православными Христіанами, или нѣтъ?» Варлаамъ отвѣчалъ: «Очень понятно, что нѣтъ.» Давыдъ Антиновъ возразилъ: «Какъ же вы написали въ Окружномъ Посланіи, что Инов҃ѣрные Христіане равно вѣруютъ съ нами въ Господа Бога и Святую Троицу.— Господствующая нынѣ въ Россіи Церковь, а равно и Греческая, вѣруетъ не во иного Бога, но во единаго съ нами, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ. Глаголю же: Свя-

[20] Тамъ же, стр. 258, особо 60.

тую Троицу единосущную и нераздѣльную: Отца безначальна, Сына собезначальна и Духа Святаго сопрестольна.» [21] Вы сами сознали, что у еретиковъ не едино тѣло съ Православными Христіанами, и, слѣдовательно, по Златоусту, Христосъ имъ не глава. Какъ же вы толкуете, вопреки Священнаго Писанія, и утверждаете въ своемъ Окружномъ Посланіи, что Иновѣрные Христіане съ Православными во единаго Бога вѣруютъ, тогда какъ Св. Іоаннъ Златоустъ пишетъ: «Христосъ имъ не глава и главою бываетъ однимъ единовѣрнымъ», то кто же имъ главою бываетъ? Инъ Богъ?» Потомъ, обратясь къ народу, сказалъ: «Смотрите, Православніи: Окружники проповѣдуютъ два Бога!» Пафнутій на это сказалъ: «Православные Христіане есть тѣло Христово, а Иновѣрные, не тѣло Христово, но главою обоимъ Христосъ». Давыдъ Антиновъ спросилъ его: «Укажите изъ Священнаго Писанія, гдѣ такъ написано, чтобы у двухъ тѣлъ была едина глава?» Послѣ того, взявши книгу: «О правой вѣрѣ,» началъ читать: «А сіе же и простѣйшіи познати могутъ, яко во единомъ тѣлѣ двѣ главы не могутъ быти, и диво бы то было, обаче змѣю сіе свойственно есть.» Глава 7, листъ 57, и сказалъ: «Слышите, Святіи Владыки, что глаголетъ намъ Священное Писаніе: «Сіе подобіе есть не тѣлу Церковному, а змѣю двухглавому.» Сего не попусти, Господи, даже и помыслити намъ. Если у единаго тѣла двѣ главы не бываетъ, то и у двухъ тѣлъ единой главы быти не можетъ.» Потомъ, обратясь къ народу, сказалъ: «Слышите, Православніи Христіане: у Окружниковъ еще новая ересь открывается, яко бы у тѣла Церковнаго есть двѣ главы!» Епископы, Пафнутій и Варлаамъ, возразили ему: «Давыдъ Антиповичъ! Кажется ты много заврался, или не понимаешь смысла Священнаго Писанія; а если понимаешь, то за чѣмъ же развращать слабые умы и волновать Церковь Христову, которая и такъ уже раздрася на три части: то есть, пріемлющихъ и не пріемлющихъ Окружное Посланіе, и пріемлющихъ Священство токмо отъ Великороссійской Церкви.» Давыдъ Антиповъ отвѣчалъ: «Не мы раздираемъ Церковь Христову, но вы своимъ Окружнымъ Посланіемъ и еретическими новшествами поколебали Святую Церковь.» Архіепископъ Антоній, вставши съ мѣста

---

[21] Тамъ же, стр. 253, особо 55.

своего, ударилъ его по плечу и сказалъ: «Послушай, почтенный Давыдъ Антиповичъ: скажи намъ, какъ передъ Богомъ, какія мы ввели еретическія новшества? Всѣ наши доказательства основаны на текстахъ Священнаго Писанія; для чего же намъ хулити и поричати все Святое, какъ то: четвероконечный крестъ и трехперстное сложеніе?» Давыдъ Антиповъ отвѣчалъ: «Въ Окружномъ Посланіи всѣ слова, приведенныя вами, ложно истолкованы еретическимъ мудрованіемъ; да вы и сами сознали себя еретиками, когда приводите во свидѣтельство Слово 10-ое Максима Грека: «Аще же не по всему согласуютъ, ниже сошествуютъ съ Богодухновенными Писаніи, яже отъ нѣкихъ писуемыя книги, отринути и гнушатися ихъ подобаетъ, аки хульныхъ и скверныхъ и Бога отъ насъ отлучающихъ.» [22] Это свидѣтельство ясно обнаруживаетъ васъ чисто еретиками». Архіепископъ Антоній спросилъ: «По чему?» Давыдъ Антиповъ отвѣчалъ: «По тому, что Окружное Посланіе написано не согласно съ духомъ Пророческимъ, Евангельскимъ и Апостольскимъ, а своимъ мудрованіемъ». Архіепископъ Антоній на это сказалъ: «Покажи намъ!» Тутъ Давыдъ Антиповъ подошелъ къ столу, взялъ книги и спросилъ: «А что, Владыки Святыи, если въ вашемъ Окружномъ Посланіи обрящутся слова, не согласныя Священному Писанію, то это будетъ ересь, или нѣтъ?» Епископъ Пафнутій отвѣчалъ: «Конечно, ересь, только надо доказать». Тутъ Давыдъ Антиповъ, взявши Окружное Посланіе, показалъ въ немъ ложныя ихъ толкованія: на Соборникъ, листъ 135, на Евангеліе поучительное на Воздвиженіе Честнаго Креста, и на Кормчую книгу Шестаго Вселенскаго Собора, правило 73, и сказалъ: «Теперь видите ли, Святыи Владыки, ваше мудрованіе?» Архіепископъ Антоній и Епископы Пафнутій и Варлаамъ, пересмотрѣвши всѣ показанныя мѣста, сказали въ одинъ голосъ: «Нѣтъ, почтеннѣйшій, ты не понимаешь смысла Священнаго Писанія, съ тобой говорить только напрасно слова терять». Давыдъ Антиповъ отвѣчалъ имъ: «Пускай такъ, что я не понимаю смысла Священнаго Писанія; но для чего вы ложно написали въ Окружномъ Посланіи: «Но и идѣже аще по прилучаю просто начертанъ, или сложенъ,

---

[22] Тамъ же, стр. 249, особо 51.

есть видъ креста, и таковый убо аще и не почитается святолѣпнѣ, но обаче и не гаждается, и не безчествуется, яко же гласитъ 73 правило Шестаго Вселенскаго Собора.» [23] Тамъ этого совсѣмъ нѣтъ; тамъ сказано только о Животворящемъ Крестѣ, что на немъ распято и пригвождено было тѣло Господне, и что Крестъ Господень содѣланъ отъ трехъ древъ: певга, кедра и кипариса. Еще ложно показано въ Окружномъ Посланіи на Апостолъ Толковый, зачало 282, о просфорѣ, и на Вѣру книгу, листъ 195. Еще въ Окружномъ Посланіи вы написали свое мудрованіе: «И мы, безъ всякаго увѣщанія человѣческаго, пойдемъ ко общенію ея». [24] Всѣмъ довольно извѣстно, что никогда Православные Христіане не ходили по общенію съ Иновѣрными Христіанами; но Иновѣрные Христіане приходили подъ исправу къ общенію Православной Церкви. Еще вы пишете: «Изъ всего выше означеннаго пресно показуется, яко того же исповѣдуетъ Христа Сына Божія, единосущна Отцу, и нѣсть здѣ и невозможно подразумѣвати инаго Бога, или инаго Іисуса ни како же». [25] Далѣе: «Сей Катихизисъ Святѣйшій Іосифъ, Патріархъ Московскій, въ 7157 году вторицею издаде, и несогласна Церковному преданію мнѣнія, яко же трехперстное сложеніе, поливательное крещеніе и нововводное имя Іисусъ, изъ него исключи». [26] Ваше Окружное Посланіе всякому окружитъ голову; вы сами пишете и сознаете имя Іисусъ нововводнымъ, сирѣчь, въ недавнее время введеннымъ, а равно и почитаете имя Іисусъ, введенное со временъ Апостольскихъ, и, слѣдовательно, у васъ оказывается два имени Сыну Божію, то есть: нововводное, или Іисусъ, и старовводное, или Іусъ: то какъ же вы соединили два имени единосущнымъ Отцу, и признали, яко бы Отецъ имѣетъ Сына младшаго и старшаго? Сіе толкованіе ваше относится прямо къ двумъ лицамъ. Таковаго мнѣнія не обрѣтается ни у Православныхъ Христіанъ, ни у прочихъ Вѣрос-

[23] Тамъ же, стр. 239, особо 61.

[24] Тамъ же, стр. 245, особо 57.

[25] Тамъ же, стр. 256, особо 58.

[26] Тамъ же, стр. 257, особо 59.

повѣданій, и даже не было у еретиковъ, чтобы они придавали Единосущному Отцу два Сына: младшаго и старшаго. Вотъ что пишетъ о семъ Кириллъ Іерусалимскій, на листѣ 509: «Ниже Сына вчиняя въ созданіе, и Отца тварь прежде нарекъ есть, ниже новому убо въ перваго и содѣтельнаго и старѣйшаго Бога; опредѣлему новому же второму и Бога разлучаему и служителю и ону, сія убо Аріева лукаваго сѣянія плоды». Здѣсь сказано: «служителю и ону», а въ Окружномъ Посланіи, «нововводное», и сіе тоже Отцу Единосущнымъ сотворили и себя вполнѣ Аріаномъ уподобили, которые признавали Бога Отца творцемъ небу и земли, Сына называли юнѣйшимъ, а Духа Святаго еще меньшимъ; а вы въ Окружномъ Посланіи нарекли Іисуса Сыномъ Божіимъ и потомъ называете Его «нововводнымъ». Если едино лице отъ Святыя Троицы признаете вы нововводнымъ, то по сему и Святая Троица будетъ у васъ нововводная, сирѣчь, начальная, а не безначальная. За таковое еретическое мудрованіе Святый Григорій Богословъ, въ Соборникѣ, на листѣ 732, называетъ Арія «горши Жидовъ и горши самихъ бѣсовъ.» Тутъ Архіепископъ Антоній, вставши со стула и покачавъ головою, сказалъ: «Ахъ вы, зловредные раздорницы и душепагубные раскольницы и клеветницы на Церковь Христову!»

Послѣ того Давыдъ Антиповъ сказалъ: «А, правда, видно, глаза колетъ! Еще позвольте васъ спросить: для чего вы руководствуетесь неправильными бумагами и фальшивыми печатями? [27] Тако не подобаетъ творити Епископамъ въ Церкви Христовой. Вы составляли лживыя бумаги отъ имени Бѣлокриницкаго Митрополита Кирилла съ фальшивою подписью его руки и приложеніемъ фальшивой имянной его печати, и разсылали ихъ Московскимъ гражданамъ. Въ этѣхъ бумагахъ излагали вы, будто бы Митрополитъ писалъ запрещенія отъ священнодѣйствія Священникамъ и отлученія отъ Церкви мірянамъ, которые не будутъ принимать Окружнаго Посланія. Для чего вы такъ ложно дѣлаете? Писано бо есть: «Всякая ложь отъ діавола есть.» Можетъ ли кто сатанинскимъ духомъ отнять благодать у Святителя, чрезъ

[27] Тамъ же, стр. 332, особо 134.

вашу фальшиво-вырѣзанную печать? Смотря на ваши душепагубныя дѣянія, очень понятно для каждаго Православнаго Христіанина, что вы въ своемъ Духовномъ Совѣтѣ бесѣдуете не съ Духомъ Святымъ, а съ сыномъ погибельнымъ, который воюетъ на Церковь Христову, собираетъ себѣ помощниковъ изъ человѣкъ лукавыхъ, дѣлаетъ ихъ своими сосудами и вселяется въ сердца совѣтники своя. Еще вы облыгаете Митрополита неповиннаго, будто бы онъ прислалъ къ вамъ бумагу, которою запрещаетъ Епископу Софронію отъ всякаго священнодѣйствія [28] за то, что онъ не согласился съ вами единомудрствовать, и таковыя бумаги раздавали гражданамъ за дѣйствительныя.

Потомъ Евѳимъ Ѳедоровъ, вставши со стула, подошелъ къ Архіепископу Антонію и спросилъ его: «Скажи, Владыко Антоній, по совѣсти, что Митрополитъ Кириллъ запрещалъ священнодѣйствовать Епископу Софронію, или нѣтъ?» Архіепископъ Антоній отвѣчалъ: «Это правда. Митрополитъ Кириллъ два раза запрещалъ Епископу Софронію священнодѣйствовать.» Евѳимъ Ѳедоровъ еще спросилъ его: «Этѣ бумаги были у васъ съ фальшивою печатью, или съ настоящею Митрополитовою?» Архіепископъ Антоній овѣчалъ: «Да, съ Митрополитовою.» Евѳимъ Ѳедоровъ, вынувъ изъ за пазухи бумаги, показалъ ему и сказалъ: «Посмотрите, сами сознаетесь! Мы знаемъ достовѣрно, что этѣ бумаги фальшивыя, подложныя и съ фальшивыми печатями: мы не вѣрили имъ прежде, и теперь ни вѣримъ, да и вѣрить ни какъ не возможно, по тому что мы у Митрополита Кирилла власти не отымаемъ, не смѣемъ противитися ему и считаемъ его своимъ верховнымъ Святителемъ.» На это Иванъ Егоровъ Сонцевъ возразилъ: «Не слушайте, Православные: этѣ крамольники все врутъ; бумаги всѣ настоящія, дѣйствительныя.» Евѳимъ Ѳедоровъ сказалъ: «Не горячись, Иванъ Егоровичъ; объ этомъ надобно узнать повѣрнѣе. Вы говорите, что Митрополитъ Кириллъ запретилъ священнодѣйствіе Епископу Софронію, а мы говоримъ, что нѣтъ, и въ доказательство имѣемъ отъ Митропо-

---

[28] Тамъ же, стр. 293 и слѣд., особо 95.

лита бумаги, [19] изъ которыхъ видно только, что онъ благодаритъ Софронія за его благочестивые «подвиги и содѣйствія къ опроверженію Окружнаго Посланія. Теперь остается только написать намъ съ обѣихъ сторонъ письма, послать къ Митрополиту Кириллу, и просить его увѣдомить о семъ дѣлѣ.» Архіепископъ Антоній, выступивъ впередъ, громогласно сказалъ: «Что намъ посылать письма тому Митрополиту, который своими богопротивными дѣлами расторгнулъ Церковь Христову и подвергнулъ самъ себя проклятію! И такъ да будетъ Митрополитъ Кириллъ анаѳема! анаѳема! анаѳема!» Народъ, тутъ предстоящій, услышавши такое дерзновеніе, пришелъ въ немалый ужасъ и удивленіе. На эти слова возразилъ Евѳимъ Ѳедоровъ: «Владыко Антоній! Какая же въ тебѣ есть совѣсть? Отъ кого ты прежде принялъ рукоположеніе, того нынѣ предаешь анаѳемѣ. Вѣроятно, нѣтъ въ тебѣ ни страха Божія, ни той благодати, которую ты получилъ отъ своего Митрополита, и который вручилъ тебѣ священный жезлъ паствы словесныхъ овецъ стада Христова! Образумься и приди въ себя! Вспомни о своей клятвѣ, принесенной тобою передъ престоломъ Царя Царей, во время твоего хиротонисанія! Ты обѣщался повиноваться во всемъ своему законному Митрополиту, и противъ него ни чего не творити, а нынѣ преступилъ и нарушилъ свою клятву. Теперь изъ всѣхъ лукавыхъ словесъ вашихъ видно, что вы отпали отъ своего корня и не имѣете плода прежняго. Но мы отъ Митрополита Кирилла ни какихъ новшествъ и ересей не видали и остались вѣрными его чадами, а вы, по внушенію Князя тмы, сочинили Окружное Посланіе, которымъ весь свѣтъ возмутили. Вамъ и теперь еще не хочется оставить его. Когда вы Митрополита своего предали анаѳемѣ, сирѣчь, проклятію, то и мы должны отринути васъ отъ общенія Православныхъ Христіанъ и считать васъ не истинными послѣдователями Святой Церкви, а ея противниками, понеже вы противитесь своему Митрополиту и на него клевещете. Вы не думайте болѣе объ насъ, что мы будемъ участниками во всѣхъ вашихъ ложныхъ выдумкахъ; сохрани, Боже, и помыслить намъ! Но, видно, древняя злоба не можетъ быть въ новой благодати, и какъ засохшее

---

[19] Тоже, стр. 330—331, особо 132—133.

древо не можетъ принести плода и предается огню, а если отъ корня пойдутъ вѣтви и сокъ, «го на древѣ развернутся листья, окажется цвѣтъ и начнетъ то древо приносить плодъ такой же, какой и прежде: такъ и вы, предавши корень свой анаѳемѣ, и тѣмъ изсушивши древо, древо духовное, предуготовляете его къ огню, не временному, но вѣчному. Умоляю васъ и гласомъ Церкви прошу оставить свои заблужденія и еретическія мудрованія, припасть къ стопамъ Верховнаго Святителя своего, Господина Митрополита Кирилла, испросить у него прощенія и благословенія, и обратиться въ единеніе съ Церковію Православною. Онъ очень милосердъ и желаетъ всѣмъ спасенія, отпуститъ ваши согрѣшенія и, какъ сердобольный отецъ, проститъ васъ, и мы бы о таковомъ вашемъ раскаяніи зѣло возрадовались. Очень жаль, что врагъ и ненавистникъ всему Христіанскому роду затмѣваетъ у васъ разумъ и тщится затворити уста ваши къ чистому раскаянію. Это было и прежде на Вселенскихъ Соборахъ, и тогда Святіи Отцы не могоша научити еретики Православію и присоединити ихъ къ Святой, Соборной и Апостольской Церкви.» Давыдъ Антиповъ дополнилъ: «Если кто знаетъ хорошо ваше злое намѣреніе, то нельзя вамъ скрыть свое предательство. Рано, или поздно, но откроются всѣ душепагубныя дѣла ваши.» Тутъ всѣ пріемлющіе Окружное Посланіе встали съ мѣстовъ своихъ и шепотомъ заговорили между собою: «Надо спросить его, какія душепагубныя дѣла кроются у насъ?» Архіепископъ Антоній и Епископы Пафнутій и Варлаамъ спросили его: «Скажи намъ, Давыдъ Антиповичъ, какія дѣла рано, или поздно, откроются у насъ?» Давыдъ Антиповъ отвѣчалъ: «Такія: для чего вы насильственно принуждали всѣхъ Епископовъ, Священниковъ и Дьяконовъ подписываться къ Окружному Посланію? Для того, чтобы предательски вовлещи ихъ въ Церковь Единовѣрскую; мы знаемъ вашъ умыселъ.» Семенъ Семеновъ отвѣчалъ: «Къ Единовѣрію дорога всякому открыта. Кто имѣетъ убѣжденіе, тотъ и завсегда можетъ присоединиться.» Давыдъ Антиповъ возразилъ: «Нѣтъ, вамъ хотѣлось всѣхъ Окружнымъ Посланіемъ запутать, какъ тенетами, и вовлещи въ Благословенную Церковь, да не придется, по тому что вы сами запутались и написали въ Окружномъ Посланіи два Бога и два Сына Божія.» Семенъ Семеновъ спросилъ: «А что имя Іисусъ нашъ Богъ, или нѣтъ?» Стоявшій передъ нимъ перекрещен-

никъ отвѣчалъ: «Да, инъ Богъ.» Семенъ Семеновъ на это сказалъ: «Васъ просимъ замолчать.» Перекрещенникъ отошелъ и скрылся въ толпѣ. Въ это время Иванъ Егоровъ Сонцевъ сказалъ: «Да что съ ними говорить: они всѣ крамольники и раздорники.» Давыдъ Антиповъ отвѣчалъ на это: «Мы не раздорники и не крамольники, а говоримъ сущую правду, оберегаемъ слабоумныхъ и обнаруживаемъ всѣ ереси. Вы хуже еретиковъ, вы чистые Евангелисты (т. е., Енгелисты), которые ни во что не вѣруютъ.» Въ это время всѣ, пріемлющіе Окружное Посланіе, засмѣялись. Семенъ Семеновъ спросилъ: «Покажи намъ хотя на одного Евангелиста, который бы не вѣровалъ въ Бога?. Давыдъ Антиповъ отвѣчалъ: «Вотъ, на примѣръ, Александръ Яковлевъ Сивовъ; еще есть ветошники двое на Нѣмецкомъ рынкѣ. Одинъ изъ нихъ содержался долгое время въ Питерѣ; видно былъ очень уменъ.» Семенъ Семеновъ спросилъ еще: «Все это хорошо, что ты показалъ намъ Евангелистовъ, которые въ Бога не вѣруютъ; да скажи намъ, ради Бога, что имя Іисусъ инъ Богъ, или нѣтъ?» Давыдъ Антиповъ отвѣчалъ: «Да!» Тутъ приступили къ Давыду Антипову Архіепископъ Антоній, Епископы Пафнутій и Варлаамъ, и Семенъ Семеновъ, и стали его спрашивать: «Скажи намъ, Давыдъ Антиповичъ, имя Іисусъ инъ Богъ, или нѣтъ, и какъ ты понимаешь объ этомъ словѣ?» Давыдъ Антиповъ отвѣчалъ: «Я понимаю также, какъ Іосифъ Патріархъ понималъ, то есть: имя Іисусъ исключи изъ Церковныхъ книгъ, а вмѣсто онаго замѣнилъ Ісусъ, которое и я теперь принимаю.» Тутъ приступили къ Давыду Антипову Иванъ Петровъ Бутиковъ, Егоръ Родіоновъ, Семенъ Семеновъ, Иванъ Егоровъ Сонцевъ, и сочинитель Окружнаго Посланія, Ларіонъ Егоровъ, схватили его за обѣ руки и за воротъ и начали трясти, говоря при томъ: «Имя Іисусъ инъ Богъ, или нѣтъ?» Давыдъ Антиповъ, испугавшись своихъ противниковъ, едва могъ вырваться изъ рукъ и убѣжать вонъ изъ покоевъ.

Тѣмъ и кончилась богословская бесѣда нашихъ Старообрядцевъ объ Окружномъ Посланіи. Послѣ того еще были бесѣды въ томъ же домѣ купца Бутикова и продолжались пять дней: Іюня 6, 7, 8, 9 и 19, и этѣ бесѣды также начинались защитою и опроверженіемъ Окружнаго Посланія тихо и миролюбно, а кончались шумомъ и бранью. Еще нужно было бы написать

коечто объ этѣхъ бесѣдахъ и разъяснить глупыя мнѣнія нашихъ крамольниковъ и раздорниковъ, да покуда достаточно и этой бесѣды, изъ которой можетъ усмотрѣть всякой благомыслящій Христіанинъ ихъ пагубныя дѣянія, которыя ведутъ насъ не къ миру духовному, но къ Церковному раздѣленію.

Семенъ Семеновъ.

Копія съ этой бесѣды послана къ Митрополиту Кириллу 29 Августа, 1866 года.

10.

Грамота отъ Кирилла, Митрополита Бѣлокриницкаго, къ Антонію Первому, Архіепископу Московскому и Владимірскому, объ Окружномъ Посланіи и фальшивой печати.

Кириллъ, Божіею милостію Архіепископъ Бѣлокриницкій и всѣхъ Древлеправославныхъ Христіанъ Митрополитъ.

Преосвященнѣйшій Архіепископъ Московскій и Владимірскій, по Духу Святому возлюбленный братъ и сослужитель нашея мѣрности, Господинъ Антоній! Благодать Божія да осѣнитъ главу Вашего Преосвященства, и миръ Церкви Христовой да внушитъ тебѣ глаголы сего нашего посланія:

1. Въ бытность мою въ Москвѣ мы съ вами соборнѣ и единодушно уничтожили Окружное Посланіе, чтобы его не принимать и не распространять между Христіанами, и своеручными подписями утвердили грамоту на общемъ нашемъ Соборѣ; но послѣ того, по чему же вы хотѣли уничтожить третій пунктъ и подписаться подъ нимъ, который гласитъ сице: «Аще кто его пріемлетъ, или будетъ предъ народомъ похваляти, съ таковыми не сообщаться ни въ моленіи, ни въ ястіи, ни въ питіи?» Вамъ самимъ давно извѣстно, что отъ этого Окружнаго Посланія вся вселенная возмутилась и Православные Христіане начали раздѣляться между собою, идетъ великая крамола въ народѣ, единъ другого

называютъ еритиками и творятъ Церковный расколъ; или нѣтъ у насъ древле-печатныхъ книгъ, кромѣ сей возмутительной книжки, которая многихъ привела къ погибели? А кто сему злу будетъ виновенъ? Только тотъ, кто прельщаетъ своей выдумкой простодушной народъ, а найпаче постраждутъ отъ Бога начальники и пастыри и всѣ послѣдующіе по нихъ. Горе тому человѣку, отъ коего соблазнъ происходитъ! [30]

2. Бывшему Епископу Онуфрію я запретилъ священнодѣйствіе, а вы, не смотря на мое запрещеніе, и безъ моего вѣдома, разрѣшили ему оное священнодѣйствіе, а Онуфрій, мною запрещенный, между тѣмъ возвелъ тебя на Московскій престолъ и предоставилъ тебѣ управленіе всея Россіи; а 34-е правило Святыхъ Апостолъ повелѣваетъ: «безъ своего старшаго Архіепископа ни что же творити Епископамъ,» а вы мнѣ объ этомъ ни чего не объявили.

3. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1864 года прислалъ ты грамоту Австрійскому Правительству, за подписомъ своея руки и приложеніемъ твоей Архіерейской печати, объявилъ въ ней, что я былъ въ Москвѣ и поставилъ Сергія Епископомъ на Тулу, и что по пріѣздѣ изъ Москвы въ Австрію посвятилъ въ Соколинцахъ [31] Епископа Антонія на Москву; но грамота твоя предательная Австрійскому Правительству не послужила мнѣ во вредъ, и Богъ сохранилъ меня отъ оныя напасти, понеже сердце Царево въ рукѣ Божіи. Начальство преклонилось на милость и не сотвори мнѣ ни какого зла, но паче же прославило нашу Религію умноженіемъ Древлеправославнаго духовенства. Тебѣ же за сіе предательское дѣло да воздастъ праведный Судія, егда пріидетъ судити каждаго по дѣломъ его! Подобаетъ ли тебѣ своего Митрополита предавать на судъ свѣтскому начальству? По этому дѣлу надо мною наряжена была слѣдственная коммисія, которая и продолжалась болѣе двухъ недѣль.

---

[30] Тамъ же, стр. 309 и слѣд., особо 111.

[31] Иначе Соколка, Уѣздный городъ Бѣлостоцкой Области.

4. По пріѣздѣ въ Москву Епископа Пафнутія и бывшаго Архидіакона Филарета, вы заказали мастеру вырѣзать фальшивую именную Митрополитскую печать, въ точность и подобіе моея, составили фальшивую запретительную грамоту, подвели мою руку, приложили свою фальшивую печать моего имени, и объявили всѣмъ Христіаномъ, что эта бумага была прислана отъ меня и привезена въ Москву Епископомъ Пафнутіемъ и Архидіакономъ Филаретомъ. Таковыхъ дѣлъ и въ Срацинахъ не обрѣтается. Подобаетъ ли тако творити Архіереомъ Божіимъ, но паче Святителю и Архіепископу Московскому и Владимірскому и всея Россіи? Вы не устыдились сана своего, не убоялись ни суда Божія, ни суда Царскаго, и дерзнули воровски имѣть у себя фальшивую печать и писать фальшивыя бумаги, аки бы отъ моего смиренія. Смотри отъ Царскихъ Законовъ, какія наказанія слѣдуютъ за фальшивосоставленныя бумаги: «Буде кто грамоту отъ Царя напишетъ самъ себѣ воровски, или съ подлинной Государевой грамоты спишетъ, и во иныхъ какихъ приказныхъ письмахъ переправитъ своимъ вымысломъ, мимо Государева указа и безъ Боярскаго приговору, или Думныхъ приказныхъ людей, Подьяческія руки подпишетъ, или сдѣлаетъ у себя печать, то за такія вины по сыску казнити смертію.» Глава 4, листъ 73.

5. Еще наше смиреніе получило изъ Москвы письмо, отъ 29 Августа сего года. Въ этомъ письмѣ сообщено было, что Ваше Высокопреосвященство, находясь на Соборѣ, бывшемъ въ домѣ Ивана Петровича Бутикова, дерзнули предать меня проклятію и трижды провозгласить «анаѳема!» [32] при почтенныхъ лицахъ и вѣрныхъ свидѣтеляхъ. Оле дерзости необдуманнаго твоего отзыва! Какъ ты посягнулъ на таковую клятву и послушался врага, поощрившаго тя выразить своимъ языкомъ изъ нѣдръ устъ своихъ такія ужасныя слова? Ты прежде одумался бы и вспомнилъ: кѣмъ ты просвѣщенъ Святою Вѣрою, отъ кого постриженъ во иноки и тою же рукою хиротонисанъ во Іерархи, а нынѣ того предаешь проклятію!

---

[32] См. выше Бесѣду объ Окружномъ Посланіи.

За всѣ таковыя противозаконныя дѣйствія и дерзновенія, означенныя въ пяти пунктахъ, запрещаю тебѣ отъ всякаго священнодѣйствія, донелѣ же не пріидешь въ раскаяніе въ содѣланныхъ тобою беззаконіяхъ и не испросишь у моего смиренія прощенія, и тогда воспрещаю тебѣ именоваться Архіепископомъ Московскимъ и Владимірскимъ и всея Россіи, но токмо Владимірскимъ.

6. Пафнутій, Епископъ Казанскій, за Окружное Посланіе такъ же предается Церковному суду. Онъ торжественно клялся предъ Святыми иконами и дерзалъ цѣловати честный Кресть и Святое Евангеліе, что онъ уничтожаетъ и опровергаетъ Окружное Посланіе, и яко не бывалое вмѣняетъ, и испросилъ отъ нашего смиренія прощенія, мира и благословенія, а потомъ обратился, яко песъ на своя блевотины, сталъ принимать сказанное Посланіе и поучать по оному легкомысленный народъ. За таковое клятвопреступничество вотъ что гласятъ Правила Святыхъ Отецъ: «Клеветникъ, рекше, кляныйся во лжу, или преступая истинную клятву, десять лѣтъ да пріиметъ запрещеніе: два лѣта да плачется, три лѣта да послушаетъ Божественныхъ Писаній, четыре лѣта припадаетъ, и одно лѣто стоитъ съ вѣрными, и потомъ Божественнаго общенія причастится.» Правило Святаго Василія Великаго, Книга Кормчая, правило 64, листъ 243. Согласно же сему указуетъ той же книги правило 82, листъ 247. А въ Законахъ Гражданскихъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, листъ 114 и 186, и въ Новыхъ Заповѣдяхъ Царя Льва Премудраго, листъ 72, повелѣвается: «клянущемуся во лжу языкъ урѣзати, аще кто обличенъ будетъ, а кто покаяніе пріиметъ, и Попъ дастъ ему заповѣдь таковую на одно лѣто: въ Понедѣльникъ, Среду и Пятокъ единожды днемъ ясти хлѣбъ съ укропомъ, во Вторникъ же и Четвергъ дважды да ясть варево безъ масла.»

Пафнутію, Епископу Казанскому, за его клятвопреступленіе и отступничество, и всѣмъ прочимъ Епископомъ и Іереомъ, пріемлющимъ, или похваляющимъ, Окружное Посланіе, запрещаю священнодѣйствовать, и повелѣваю считать ихъ не за истинныхъ пастырей и служителей олтаря Господня, но за еретиковъ и отступниковъ, удаляться отъ нихъ, яко отъ хищныхъ волковъ, и съ ними вкупѣ ни ясти, ни пити и Богу не молиться. Во увѣре-

ніе сего своеручно подписуюсь, съ приложеніемъ имянныя своея печати. Октября 11 дня, 1866 года.

Смиренный Митрополитъ Кириллъ.

11

Грамота отъ Митрополита Кирилла всѣмъ Православнымъ Христіанамъ, о раздѣленіи съ пріемлющими Окружное Посланіе.

Божіею милостію, смиренный Архіепископъ Бѣлокриницкій и всѣхъ Древлеправославныхъ Христіанъ Митрополитъ Кириллъ.

Боголюбивому Епископу Антонію Московскому и прочимъ Епископомъ съ вами во единомъ Дусѣ о Христѣ пребывающимъ, Попечителемъ Рогожскаго кладбища, гражданомъ царствующаго града Москвы и жительствующимъ въ ея окрестностяхъ и во всей Россіи, всѣмъ Древлеправославнымъ Христіанамъ, не пріемлющимъ Окружнаго Посланія и всякаго нововведенія, отъ моего смиренія опредѣленіе и разъясненіе:

1. Благословляю Боголюбивыхъ Епископовъ, Священноіереевъ, Попечителей Рогожскаго кладбища и всѣхъ Православныхъ Христіанъ исполнить бумагу, отъ 26 Іюля, 1864 года, данную моимъ смиреніемъ Епископу Антонію на управленіе Московскимъ престоломъ и прочими вдовствующими престолами, и повелѣваю безотлагательно устроить Духовной Совѣтъ и имѣть при ономъ трехъ Священноіереевъ и шесть мірскихъ старшинъ, для твердаго и вѣрнаго изслѣдованія церковныхъ дѣлъ, на основаніи Божественныхъ правилъ.

2. Заповѣдаю всѣмъ Боголюбивымъ Епископомъ, Священноіереомъ и мірскимъ людемъ не соединятися въ Богослуженіи, ястіи и питіи съ пріемлющими Окружное Посланіе, яко съ злѣйши-

ми еретиками, какъ съ Епископами, такъ и Священноіереями и мірскими людьми, понеже Правила Святыхъ Апостолъ гласятъ сице: «Со отлученнымъ моляйся, самъ отлученъ будетъ.» Правило 10 и 11. При томъ ни какихъ требъ и таинствъ у нихъ не совершать и отъ нихъ не принимать.

3. Извѣстить всѣхъ Епископовъ и Священноіереевъ, отдѣлившихся отъ Православной Церкви изданіемъ Окружнаго Посланія, чтобы они на будущее время ни какихъ бумагъ на мое имя не писали, а равно отъ моего смиренія ни какихъ бумагъ къ себѣ не ожидали.

4. Отселѣ благословляю принимать всѣхъ Окружниковъ третьимъ чиномъ, согласно преданіямъ Седми Вселенскихъ Соборовъ и Святыхъ Отецъ, на основаніи Божественныхъ Правилъ.

5. Моимъ смиреніемъ поставленный Антоній во Епископа Московскаго, 26 Іюля, 1864 года, паки утверждается на Московскій престолъ и благословляется управляти прочими вдовствующими престолами и всѣми Іерархическими дѣлами, отселѣ благословляю Епископа Антонія и всѣхъ Епископовъ, пребывающихъ съ нами во единомъ Благочестіи, избирати и хиротонисати во Епископы достойныхъ Священниковъ, а за неимѣніемъ таковыхъ Епископовъ, благословляю тебя одного со Іереями совершати хиротонію, по твоему усмотрѣнію, и о семъ въ скоромъ времени доносити нашему смиренію для утвержденія.

6. Бумаги, высланныя моимъ смиреніемъ въ Россію въ прошломъ 1864 году: отъ 20 Февраля, отъ 8 и 12 Мая, отъ 20 Іюня, отъ 26 Іюля, отъ 2 Октября, отъ 2 Ноября и отъ 8 Декабря, о всѣхъ душепагубныхъ дѣяніяхъ Окружниковъ, признаются нашимъ смиреніемъ правильными, законными и дѣйствительными, и остаются для исполненія въ полной ихъ силѣ, безъ всякого измѣненія, единожды навсегда. А въ случаѣ неисполненія оныхъ, какъ Священныя лица, такъ и мірскіе люди, преданы будутъ, на основаніи Священныхъ Правилъ, Церковному суду: отторженіемъ общенія съ Христіанами, и считаемы будутъ еретиками и противниками Церкви Христовой, донелѣже не испросятъ прощенія.

7. Боголюбивые Епископы и Священницы! Если кто изъ васъ сознаетъ свое заблужденіе въ принятіи Окружнаго Посланія, соборнѣ раскается въ своихъ согрѣшеніяхъ въ присутствіи Антонія, Епископа Московскаго, и Антоній о семъ меня увѣдомитъ бумагою, то таковаго съ радостію и сердечнымъ умиленіемъ пріиму въ нѣдра Святой, Соборной и Апостольской Церкви, принеся при томъ теплыя молитвы Господу Богу о его обращеніи.

Въ заключеніе сего да будетъ на васъ благодать Господа нашего Ісуса Христа, и любы Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа, нашего же смиренія отъ души братское привѣтствіе нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь. Октября 11 дня, 1866 г.

Бѣлокриницкій и всѣхъ Древлеправославныхъ Христіанъ Митрополитъ Кириллъ.

Письмо получено въ Москвѣ 29 Октября.

12.

Извѣщеніе отъ Московскаго Духовнаго Совѣта ко всѣмъ Православнымъ Христіаномъ о противозаконныхъ дѣйствіяхъ Митрополита Кирилла.

Отъ Московскаго Духовнаго Совѣта всѣмъ Православнымъ Христіаномъ, обитающимъ въ Богохранимомъ Государствѣ Всероссійскомъ

Извѣщеніе.

Съ душевнымъ соболѣзнованіемъ сообщаемъ во извѣстіе ваше, возлюбленніи о Христѣ чада смиренія нашего, яко Господинъ Митрополитъ Бѣлокриницкій Кириллъ, дѣлавшій въ продолженіе сего 1866 года разныя противозаконныя вмѣшательства въ распоряженіе по Церковно-Іерархическимъ дѣламъ неподчиненныя ему Россійскія области, въ настоящее время еще усилилъ

свои вредныя дѣйствія и прислалъ изъ за границы отъ числа прошлаго Октября мѣсяца двѣ грамоты, одну на имя стараго Антонія, Архіепископа Московскаго и Владимірскаго, а другую на имя новаго Антонія, Епископа Московскаго, въ коихъ, возводя ложныя, не существующія, вины на нашего Антонія, Архіепископа Московскаго и Владимірскаго, и Пафнутія, Епископа Казанскаго, подвергаетъ ихъ и всѣхъ Епископовъ и Священниковъ, именуемыхъ имъ пріемлющими Окружное Посланіе, запрещенію отъ священнодѣйствія, съ наложеніемъ на нихъ клятвы Святыхъ Отецъ, а съ послѣдующими имъ простолюдинами воспрещаетъ вкупѣ ни ясти, ни пити и Богу не молитися. Приходящихъ же отъ таковыхъ Епископовъ и Священниковъ, къ новому Антонію и къ подвѣдомымъ ему Попамъ, заповѣдуетъ принимати третьимъ чиномъ. Каковыя бумаги, изъ нихъ первая въ подлинникѣ, а послѣдняя въ копіи, доставлены намъ 11-го числа минувшаго Ноября, отъ имени новаго Антонія, Давыдомъ Антиповымъ.

Не безъизвѣстно всѣмъ Христіанамъ, что Митрополитъ Кириллъ, при изъявленіи согласія и подтвержденія всѣхъ дѣйствій и постановленій Всероссійскаго Освященнаго Собора, учиненнаго въ 1863 году, предупреждалъ въ грамотѣ своей, отъ 24 Февраля, 1864 года, что если будутъ получаться какія бумаги отъ имени его одного, вопреки изложенію Правилъ Святыхъ Апостолъ: 34, Антіохійскаго Собора 9 въ Толкованіи, и Карѳагенскаго Собора 39, не дозволяющихъ Митрополиту ни что же творити безъ согласія всѣхъ Епископовъ, и таковыя не признавать дѣйствительными. По этому и настоящія грамоты, послѣдовавшія отъ одного Митрополита, безъ согласія Епископовъ, могли бы быть нами отвергнуты, даже и безъ подробнаго ихъ разсмотрѣнія. Но какъ въ нихъ, кромѣ излагаемыхъ беззаконныхъ и самовластительныхъ распоряженій по Іерархическимъ дѣламъ Россійской Церкви, помѣщены еще личныя и ложныя обвиненія на Архіепископа Антонія и Епископа Пафнутія, которыя могутъ приводить Христіанъ въ недоумѣніе и соблазнъ, и какъ бумаги этѣ въ многочисленныхъ копіяхъ распространяются между послѣдователями новаго Антонія, то мы и считаемъ непремѣнною обязанностію объявить во всеобщее извѣстіе слѣдующее:

1. Изложенныя обвиненія въ первыхъ четырехъ пунктахъ Митрополитовой грамоты на Архіепископа Антонія суть ложныя, что доказывается слѣдующимъ: А) По учиненіи Митрополитомъ Кирилломъ, вообще съ Архіепископомъ Антоніемъ, съ прочими Епископами и Священными лицами, 24 Февраля, 1863 года, уничтоженія Окружнаго Посланія, Архіепископъ Антоній не только что не возобновлялъ онаго, но даже нѣсколько разъ подтверждалъ объ уничтоженіи его въ грамотахъ своихъ, отъ 23 и 29 Февраля, 1864 года, еще въ надписи на извѣщеніи Митрополита Кирилла, отъ 28 Сентября того же года, и въ Соборномъ Опредѣленіи, отъ 1 Ноября, 1865 года. Что жъ касается до общаго нашего несогласія на 3-й пунктъ Соборнаго акта, составленнаго 11-го Октября, 1865 года, нѣкоторыми Московскими гражданами, относительно несообщенія въ молитвѣ съ не уничтожающими Окружнаго Посланія, причина тому та, что оное Посланіе уничтожено не за ересь, но единственно по случаю Церковнаго возмущенія, происшедшаго чрезъ народное непостиженіе и невѣщеніе смысла и состава его, что и было буквально выражено Митрополитомъ Кирилломъ въ помянутой его грамотѣ отъ 24 Февраля, 1863 года, съ приведеніемъ словъ изъ Священнаго Писанія: «Аще и Христосъ повелѣ, а видиши нѣкоего вредящася отъ того, удержися и не сотвори по повелѣнію его.» Апостолъ Толковой, зачало 186, листъ 516. Въ извѣщеніи же, отъ 28 Сентября, 1864 года, Митрополитъ Кириллъ объяснилъ, что онъ уничтожаетъ Окружное Посланіе за возмущеніе нѣкотораго народа, но того Митрополитъ не писалъ, что оное Посланіе уничтожается за ересь; раздѣленіе же въ молитвѣ должно имѣть только съ еретиками, или съ отлученными отъ Церкви за важныя преступленія. Да между тѣмъ, изъ духовныхъ лицъ и нѣтъ не согласныхъ на уничтоженіе Окружнаго Посланія, но всѣ согласились соборнѣ уничтожить оное, а мірскихъ людей нѣтъ основанія приглашать къ уничтоженію сочиненія, изданнаго духовенствомъ. Ибо они должны только безпрекословно исполнять наставленія своихъ пастырей, «право правящихъ слово истины,» а не восхищать не предоставленное простолюдинамъ полномочіе на распоряженіе Церковными дѣлами. Б) Никогда Архіепископъ Антоній не посылалъ донесенія Австрійскому Правительству о бытности Митрополита Кирилла въ Москвѣ и о по-

становленіи имъ во Епископы Сергія и новаго Антонія. Сего ложнаго обвиненія Митрополитъ ни чѣмъ подтвердить не можетъ. Но, напротивъ того, достовѣрно извѣстно изъ хранящихся въ Духовномъ совѣтѣ писемъ, полученныхъ изъ Бѣлой Криницы, въ то время, когда производилось о семъ дѣлѣ слѣдствіе, что доказательство о всемъ этомъ было сдѣлано самимъ помянутымъ Сергіемъ, по личной его злобѣ на Митрополита Кирилла. Оный Сергій въ послѣдствіи сдѣлался отступникомъ отъ Православной Церкви, перешедъ въ Единовѣріе. В) Взводимое Митрополитомъ Кирилломъ обвиненіе на Архіепископа Антонія, который будто бы вмѣстѣ съ Епископомъ Пафнутіемъ и Архидіакономъ Филаретомъ писали отъ имени Митрополита какія-то запретительныя бумаги, подводили его руку и, заказавши мастеру вырѣзать фальшивую имянную его печать, прикладывали къ онымъ бумагамъ, есть очевидно ложное, ибо ни какими доказательствами не подверждается, и потому не заслуживаетъ ни малѣйшаго вѣроятія. Священныя бо Правила повелѣваютъ принимати доносы на Духовный чинъ отъ достовѣрнѣйшихъ точію лицъ, могущихъ несомнѣнными свидѣтельствы утверждати доносимое, при личности самыхъ объвиняемыхъ.

2. Анаѳемы [33] на Митрополита Кирилла отъ своего лица Архіепископъ Антоній не произносилъ, но говорилъ только, что Митрополитъ подвергается ей, что дѣйствительно справедливо по слѣдующимъ причинамъ: Блаженныя бо памяти Преосвященный Митрополитъ Киръ Амвросій, въ грамотѣ своей, отъ 28 Октября, 1863 года, [34] утверждая всѣ постановленія и дѣйствія бывшаго въ томъ году Всероссійскаго Освященнаго Собора, наложилъ запрещеніе на Митрополита Кирилла, если онъ не престанетъ отъ сопротивленія Собору, всѣхъ же творящихъ Церковное возмущеніе лишилъ не только своего благословенія, но и предалъ проклятію. Согласно сему и самъ Митрополитъ Кириллъ, подтвердивъ, какъ выше сказано, оныя Соборныя постановле-

---

[33] См. Бесѣду объ Окружномъ Посланіи.

[34] Тамъ же, стр. 306—309, особо 108—111.

нія въ грамотѣ своей, отъ 24 Февраля, 1864 года, признавъ всѣхъ сопротивляющихся имъ Священныхъ лицъ изверженію, а мірскихъ отлученію. И въ грамотѣ, отъ 28 Октября [35] того же года, паки, изъясняя подтвержденіе Соборныхъ постановленій и увѣряя о примиреніи и единомысліи своемъ со всѣми Епископы, наложилъ проклятіе и анаѳему на опровергающихъ сіе, а послѣ сего сдѣлалъ противленіе установленіямъ Собора 1863 года, и грамотою своею, отъ 2 Ноября того же года, [36] отвергая законность учиненнаго на ономъ разрѣшенія бывшему Епископу Онуфрію, и возведенія на Московскій Святительскій престолъ Архіепископа Антонія, признаетъ Московскимъ Епископомъ, беззаконно поставленнаго имъ, новаго Антонія, опровергаетъ заключенный съ Епископами миръ, и разсылаемыми таковаго направленія вредоносными бумагами, производитъ величайшее Церковное возмущеніе, за которое онъ самъ подвергается выше означеннымъ: запрещенію и клятвѣ Митрополита Амвросія, и собственнымъ своимъ: изверженію проклятію и анаѳемѣ.

3. Обвиненіе Митрополитомъ Кирилломъ Пафнутія, Епископа Казанскаго, во мнимомъ клятвопреступничествѣ, ни какими доказательствами, имъ не подтвержденными, есть также ложное, и мы увѣрены и свидѣтельствуемъ, что никогда Епископъ Пафнутій не согласится цѣловати Честный Крестъ и Святое Евангеліе въ клятвенное увѣреніе чего бы то ни было, такъ какъ Священнымъ лицамъ клятися положительно воспрещено правила и Номоканона, 181-мъ и 182-мъ, и Зонара 156-мъ, а между тѣмъ этѣмъ обвиненіемъ Митрополитъ Кириллъ самъ себя обвиняетъ, ибо онъ, какъ старѣйшій Святитель, ни какъ не долженъ при своей личности допускать до таковой клятвы Священныхъ лицъ: «Свѣдущаго о согрѣшающемъ и могущаго возбранити грѣху, а не возбраняющаго, подвергаетъ равному съ согрѣшающимъ запрещенію» правило Номоканона 165.

---

[35] Тамъ же, стр. 304—306, особо 106—108.

[36] Тамъ же, стр. 311, особо 111.

4. А какъ возводимыя Митрополитомъ Кириллomъ на Епископовъ обвиненія оказались ложными, а распоряженія его по общимъ Церковно Іерархическимъ дѣламъ, производимыя однолично, безъ согласія Епископовъ, противорѣчатъ выше приведеннымъ Священнымъ Правиламъ: Святыхъ Апостолъ 34-му, Антіохійскаго Собора 9-му въ толкованіи и 39-му Карѳагенскаго Собора, и, сверхъ сего, за противленіе Собору и производимое Церковное возмущеніе, то онъ самъ состоитъ подъ запрещеніемъ Митрополита Амвросія и подъ собственною клятвою анаѳема. Отъ таковаго тяжко виновнаго лица, не токмо запрещеніе, или отлученіе, не можетъ быть дѣйствительнымъ, но и благословеніе его, донелѣже не раскается, не имѣетъ ни какой силы. А по сему мы, сообразно Священнымъ Правиламъ: Седмаго Вселенскаго Собора 4-му, Сардикійскаго 21-му, по общему разсужденію собравшихся Епископовъ и Членовъ Духовнаго Совѣта, налагаемое Митрополитомъ запрещеніе, ни сколько не признавая связующимъ ны и прочихъ Епископовъ и Священниковъ, и ни мало не считая оное къ нашему исполненію обязательнымъ, опредѣлили продолжать въ настоящемъ видѣ, принадлежащее нашему званію, дѣйствіе и священнослуженіе.

5. За таковыя возмутительныя дѣйствія, клеветанія и безразсудныя запрещенія, Митрополитъ Кириллъ самъ подлежитъ, по Правиламъ Церковнымъ, тому же суду, которому онъ самъ тщится подвергнути невинныхъ служителей олтаря Господня; въ слѣдствіе чего нами сообщено было заграничному Освященному Собору о истребованіи отъ него нужныхъ объясненій, и потомъ, если онъ не принесетъ раскаянія, имамы соборнѣ судити его, яко противника Церкви Христовой.

Описавъ убо по сущей справедливости всѣ дѣянія нашихъ крамольниковъ: Митрополита Кирилла Бѣлокриницкаго и новаго Антонія, Епископа Московскаго, и прочихъ съ ними, убѣждаемъ и отечески молимъ всѣхъ Православныхъ Христіанъ, Богомъ собранныхъ въ священное совокупленіе Святыя, Соборныя и Апостольскія Церкви, не смущатися богопротивными грамотами Митрополита Кирилла и новаго Епископа Антонія, и не внимати ни мало возвѣщаемому въ оныхъ лживому клеветанію и бездоказательному между себе раздѣленію, вины коему и самъ Митрополитъ не

показуетъ и ни въ какой ереси обличити ны не можетъ, ибо и сами не вѣдятъ, что творятъ.

А по сему слѣпотствующіе Епископы и ихъ послѣдователи, или, правильнѣе сказать, подстрекатели - Священники, если будутъ исполняти заповѣданіе отлученнаго Митрополита Кирилла, и принимати Православныхъ Христіанъ третьимъ чиномъ, яко еретиковъ, проклиная невѣдомо кую ересь, всѣ сами и съ пріемлемыми ими, горше подвергнутся отлученію и проклятію, по словеси Господню, реченному ко Аврааму: «Благословляю благословляющія тя, и кленущія тя проклену.» Книга Бытія, глава 12. Да ни кто же убо дерзнетъ отъ Христіанъ покуситися на сицевое беззаконное дѣйствіе!

Увѣряемъ васъ истиннымъ Святительскимъ увѣреніемъ, что мы, благодатію Божію храними, соблюдаемъ неизмѣнно вся преданія, чины и уставы Богоносныхъ Отецъ нашихъ, въ древнихъ книгахъ изложенные и до лѣтъ Патріарха Никона изданные, и ни какихъ новшествъ, съ того времени введенныхъ Великороссійскою Церковію, ни како же не пріемлемъ, чесо ради и отдѣльную отъ нея Іерархію имамы, и приходящихъ изъ оной не инако пріемлемъ въ свое общеніе, какъ по совершеніи установленнаго чинопріятія, чрезъ отреченіе отъ ересей и Мѵропомазаніе.

Пребывайте убо, ни что же сомнящеся, ни въ чемъ же колеблющеся, въ должномъ повиновеніи законнѣй власти мѣстнаго Іерархическаго Священноначалія и во всякомъ единеніи со Святою Церковію, внѣ коей нѣсть спасенія! Миръ Божій, нашего же смиренія Архипастырское благословеніе, да пребудетъ съ вами отъ нынѣ и до вѣка. Аминь. Декабря 9 дня, 1866 года.

Смиренный Антоній, Архіепископъ Московскій и Владимірскій.

Іовъ, Епископъ Кавказскій, въ лицѣ Іерея Василія.

Смиренный Варлаамъ, Епископъ Балтовскій.

Іерей Петръ.

Іерей Ѳеодоръ.

13.

Соборное постановленіе, бывшее въ Гуслицахъ, объ уничтоженіи и проклятіи Окружнаго Посланія.

Окружное Посланіе написася въ 7370 (1862) году, Февраля 24 дня, по свидѣтельству Окружниковъ или пріемлющихъ Окружное Посланіе, яко бы во утвержденіе Единыя, Святыя, Соборныя и Апостольскія Древлеправославныя Каѳолическія Церкви. Напротивъ того въ Окружномъ Посланіи оказалось много не Православныхъ мнѣній и еретическихъ мудрованій и ложныхъ доказательствъ на Священное Писаніе, которыми облыгаютъ Святую Церковь, утвержденную на истинныхъ началахъ Божественнаго Откровенія и Правилахъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ, бывшихъ на Седьми Вселенскихъ Соборахъ и Девяти Помѣстныхъ. А такъ же Церковь Христова ни какихъ ложныхъ книгъ отъ себя не издавала прежде, и теперь не издаетъ, а Окружное Посланіе ссылается ложно на Соборникъ Большой, листъ 313 и 315, и глаголетъ о двухчастномъ Крестѣ: «Яко же Отецъ въ Сынѣ и Сынъ во Отцѣ, тако и Крестъ двухчастный въ трехчастномъ.» Въ этомъ Окружное Посланіе оклеветало Святаго Германа Патріарха, который такъ не писалъ; онъ писалъ иконоборцамъ: «О безуміе и безчестіе! Кіимъ словомъ пречистую Икону вочеловѣченія Господа Іисуса Христа зле хулитъ, иже Животворящему Кресту невозбранно покланятися извѣщаетъ. Аще Крестъ есть побѣдоносное оружіе на діавола и на всѣ супротивныя силы, и похвала, похваляемъ есть, но тоже изъ бездушныхъ сотворенное есть, отъ певга, кедра и кипариса, и не си токмо, но и руками беззаконныхъ древодѣльнымъ орудіемъ въ тридневную смерть Господа Іисуса содѣланъ бысть.» Далѣе: «Вопрошаю убо васъ, яко же Отецъ въ Сынѣ и Сынъ во Отцѣ, тако и образъ въ Крестѣ и Крестъ во образѣ, ибо Крестъ и образъ едина есть вещь». Здѣ Германъ Святый о Божественнѣй иконѣ и Животворящемъ Крестѣ глаголетъ: «Яко Отецъ въ Сынѣ и Сынъ во Отцѣ», а въ Окружномъ Посланіи, вмѣсто «Божественнѣй Иконѣ», толкуютъ о двухчастномъ Крестѣ и глаголютъ: «Яко же Отецъ въ Сынѣ и Сынъ во Отцѣ.» Слѣдовательно, Окружники поклоненія не признаютъ, а Германъ Святый пишетъ: «иже Животворящему Кресту покланя-

тися повелѣваютъ, такожде и Честнѣй и Божественнѣй Иконѣ да поклонятся». Но Окружники, вмѣсто «Божественнѣй Иконѣ,» двухчастный Крестъ поставили, по своему злому мудрованію, которое не согласуетъ съ Божественнымъ Писаніемъ, но разликуетъ.

Окружники ссылаются ложно на Евангеліе Поучительное на Воздвиженіе Честнаго Креста о двухчастномъ Крестѣ: тамъ совсѣмъ этого нѣтъ.

Окружники оболгали Святаго Каллиста, яко бы онъ пишетъ о двухчастномъ Крестѣ. Святый Каллистъ пишетъ о Животворящемъ Крестѣ, трехсоставномъ, что съ Божественнымъ Писаніемъ не согласуетъ, но разликуетъ.

Еще Окружники ссылаются на Коричую книгу, Шестаго Вселенскаго Собора правило 43, и толкуютъ ложно о томъ же двухчастномъ Крестѣ. Тамъ пишутъ Святые Отцы о трехсоставномъ Крестѣ, которымъ насъ Христосъ искупилъ отъ грѣха прародительскаго. И тутъ Окружники оклеветали Святыхъ Отецъ.

Еще оные Окружники указуютъ на Апостолъ, зачало 282, и глаголютъ, яко бы Святый Апостолъ пишетъ о просфорѣ: «Молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человѣки, за Царя и за всѣхъ, иже во власти суть.» Это справедливо, что Святый Апостолъ повелѣваетъ намъ за весь міръ молитися, за вѣрные и невѣрные, дабы всѣ пришли ко спасенію, а о просфорѣ здѣ ни единого слова не упомянулъ Святый Апостолъ. За чѣмъ же Окружники, своимъ еретическимъ Посланіемъ, не убоялись и не устыдились оклеветати и оболгати Святаго Апостола?

За таковыя лукавыя, своемышленныя и беззаконныя дѣянія ваши, со всѣми ложными вашими статьями, оклеветавши Святую Соборную и Апостольскую Церковь, яко бы оная отъ своего имени издала богопротивное сочиненіе, именуемое вами Окружное Посланіе, тогда какъ Святая Церковь, невѣста Христова, отъ временъ Апостольскихъ даже и до сего дне пребываетъ въ догматѣхъ своихъ неизмѣнно, безъ всякихъ еретическихъ мудрованій и прилоговъ, отлучаемъ всѣхъ Окружниковъ отъ общенія съ Христіаны,

а Окружное Посланіе, отъ котораго раздрася на многія части Церковь Христова, яко сочиненіе еретическое и богопротивное, опровергаемъ и проклинаемъ отъ нынѣ и до вѣка.

Преподобный Максимъ Грекъ, въ 10-мъ Словѣ своемъ о нововводныхъ книгахъ пишетъ слѣдующее: «Тѣ книги, которыя съ Божественнымъ Писаніемъ согласуютъ, а не разликуютъ, тѣ Бога отъ насъ не отлучаютъ; а которыя съ Божественнымъ Писаніемъ не согласуютъ, а разликуютъ, тѣ Бога отъ насъ отлучаютъ, тѣ и ереси утверждаютъ.» А какъ Окружное Посланіе съ Божественнымъ Писаніемъ не согласуетъ, но разликуетъ, то, по Преподобному Максиму, Бога отъ насъ отлучаетъ, а ереси утверждаетъ.

Еще приводимъ во свидѣтельство книги еретическаго мудрованія, подобныя Окружному Посланію:

1. Евангеліе Учительное, Кирилла Транквилліона Ставровецкаго, напечатанное въ 1619 году; въ Рахмановѣ, въ мѣстности Княгини Вышневецкой. Въ этомъ Евангеліи учители Православной Церкви нашли мнѣніе, не согласное съ ученіемъ Святыхъ Апостолъ, и ересемъ блужденіе, и собрали Соборъ, на которомъ уложили слѣдующее: «По повелѣнію Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Михаила Ѳеодоровича, всея Россіи Самодержца, и по благословенію и повелѣнію отца его, Великаго Господина, Святѣйшаго Филарета, Патріарха Московскаго и всея Русіи, велѣно смотрѣти ереси и погрѣшенія Кирилла Транквиліона Ставровецкаго, Евангелія Учительнаго въ домахъ не держать и чести не строить, по тому что у насъ нѣтъ книгъ Кириллова сложенія на Евангеліе Поучительное. У Митрополита Іова Борецкаго, Кіевскаго и Галицкаго, да у Епископа Исаіи Копинскаго, Перемышльскаго и Самборскаго и Екзарха Константинопольскаго, и Епископа Исаіи Луцкаго и Острожскаго, и у Епископа Холмскаго и Бѣльскаго, собранъ былъ Соборъ, на которомъ приговорили, что ту книгу, новое его, Кириллово, сложеніе, Евангеліе Учительное, ни кому отъ Православныхъ и благочестивыхъ Христіанъ, ни въ церквахъ, ни въ домахъ не держать, ни чести, ни покупати; а кто начнетъ чрезъ ихъ повелѣніе ту книгу въ церквахъ, или въ домахъ, держати, или чести, или покупати, и таковый да будетъ проклятъ; а къ тому своему Со-

борному уложенію руки приложили.» Сіи выше упомянутые Святители рукоположени быша отъ Великаго Святѣйшаго Господина Филарета, Патріарха Россійскаго. И Патріархъ Филаретъ со всѣмъ своимъ Освященнымъ Соборомъ сію книгу предалъ сожженію, за то, что оная книга съ Божественнымъ Писаніемъ не согласуетъ, а разликуетъ: и мы съ сими Святителями согласуемся, и Окружное Посланіе, какъ не согласное съ Божественнымъ Писаніемъ, предаемъ огню на сожженіе, яко еретическое мудрованіе.

2. Книга Типъ, девять главъ имѣющая. Оную книгу Преподобный Максимъ Исповѣдникъ, съ Епископомъ Мартыномъ Римскимъ и со всѣмъ Освященнымъ Соборомъ, предали проклятію. Смотри о семъ Четь-Минеи Генваря 21. И Окружное Посланіе уподобися книгѣ Типъ, и мы его предаемъ проклятію.

Окружники уподобились Мелетію, раздорнику Оиваидскому, который на своемъ Соборѣ, или, правильнѣе сказать, на своемъ раздорищѣ, проповѣдуя свои ученія и злословія, проклинаетъ Церковный раздоръ: смотри о семъ Ѳеодорита книгу 4, главу 7. Тако и Окружники сами сознали свое заблужденіе и написали 1-го Ноября, что Окружное Посланіе послужило къ раздѣленію Церкви, то есть, сотворило раздоръ Церковный. А по тому сіи раздорницы, съ своимъ Антоніемъ, Архіепископомъ Московскимъ и Владимірскимъ, и ихъ послѣдователями, подлежатъ, по Правиламъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ, церковному запрещенію, отлученію и даже конечному изверженію. Святые Отцы, собиравшіеся на Седьми Вселенскихъ и Девяти Помѣстныхъ Соборахъ, для низложенія таковыхъ же ересеучителей, како и Окружники, хотѣвшихъ предати низложенію самыхъ Святыхъ Отецъ нашихъ, кои отъ единаго и того же Святаго Духа озарены быша, но Святые Отцы, не убояшася ихъ противленія, и будучи укрѣпляеми духомъ святой истины, повелѣша, яже на пользу, предати тѣхъ самыхъ еретиковъ Церковному запрещенію, отлученію и конечному изверженію: и мы ихъ, вмѣстѣ съ Окружниками, раздорниками, проклявшими сами себя, предаемъ Церковному запрещенію, отлученію и конечному изверженію, и вся содѣланная ими чрезъ Церковное преданіе, учительство и воображеніе Святыхъ и приснопамятныхъ Отецъ, а равно и нововвод-

ное Окружное Посланіе, и всѣ ихъ еретическія сочиненія да будутъ преданы вѣчному проклятію и анаѳемѣ: «яко еретики есть и еретическимъ подлежатъ законамъ, аще и мало что уклонишася отъ Православныя Вѣры.» Никонъ Черныя Горы, Слово 63.

Мы всѣ выше приведенныя свидѣтельства Преподобныхъ и Богоносныхъ Отецъ нашихъ, Пастырей, Святителей и Учителей Вселенскихъ, пріемлемъ и съ ними во единомъ Дусѣ о Христѣ Ісусѣ пребываемъ, и всякое нововводное сочиненіе, яко же Транквилліоново Евангеліе, книгу Типъ, Окружное Посланіе, и всѣ прочія книги, которыя съ Божественнымъ Писаніемъ не согласуютъ, но разликуютъ, отвергаемъ и проклинаемъ.

Аще кто отъ Православныхъ Христіанъ выше означенную книгу еретическаго мудрованія, именуемую Окружное Посланіе, будетъ признавать за священную и почитать за справедливую, тотъ, по выше приведеннымъ свидѣтельствамъ Преподобныхъ и Богоносныхъ Отецъ нашихъ, яко ослушникъ Церкви Христовой, да будетъ проклятъ! Лѣта міробытія 7375 года (1867), Генваря 25-го дня.

Къ сему соборному постановленію подписуемся:

Смиренный Епископъ Антоній Московскій.
Священноіерей Петръ.
Священноіерей Василій.
Священноіерей Косма.
Священноіерей Діомидъ.
Священноіерей Никола.
Священноіерей Ѳома.
Священнноіерей Агаѳоникъ.
Священноіерей Ѳома.
Священноіерей Максимъ.
Священноіерей Павелъ.

14.

Мировая грамота, данная на Бѣлокриницкомъ Соборѣ, отъ Епископа Аркадія Славскаго, по довѣрію Антонія, Архіепископа Московскаго и Владимірскаго, 1868 года.

«О семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою.» Іоан. 13, 35.

1868 года, Апрѣля 6 дня, Антоній, Архіепископъ Московскій и Владимірскій, данною мнѣ грамотою, подписанною имъ 26 Февраля сего года, довѣряетъ мнѣ испросить прощенія отъ Его Высокопреосвященства, Господина Митрополита Кирилла Бѣлокриницкаго, во всѣхъ письменныхъ оскорбленіяхъ, учиненныхъ нами отъ самого рукоположенія по настоящее число, въ слѣдствіе изданнаго нами Окружнаго Посланія, и за всѣ прочія обиды, содѣянныя нами обоюдно. Исполняя волю Святителя Антонія и данное мнѣ порученіе, обращаюсь къ Вамъ, Владыко Святый: хотя всѣхъ оскорбленій, случившихся сими временами изчислить не возможно, и всѣ наши явныя и тайныя согрѣшенія вѣдаетъ токмо единъ Сердцевѣдецъ нашъ, Богъ, но во всѣхъ сихъ душевно прошу, какъ отъ себя, такъ и довѣрителя моего, Церковнаго прощенія. Равнымъ образомъ и довѣритель мой, Архіепископъ Антоній, съ своей стороны отъ чистаго сердца и съ Христіанскимъ миротвореніемъ, прощаетъ Господину Кириллу всѣ его оскорбленія и дѣянія, отъ коихъ раздрася Церковь Христова, и впредь проситъ потщиться удерживати себе отъ междуусобныхъ пререканій и пребивати въ мирѣ, въ любви и во единеніи съ Боголюбивыми Епископы и со всею братіею нашею, воспоминая при томъ смерть и страшный судъ Господень, на коемъ грозный и праведный Судія воздастъ каждому по дѣломъ его.

Прости насъ, Владыко Святый, во всѣхъ согрѣшеніяхъ нашихъ, и мы тя прощаемъ во всемъ.

Смиренный Архіепископъ Антоній Московскій и Владимірскій.

А за его и равно за себя подписуюсь, смиренный Епископъ Аркадій Славскій.

Бѣлая Криница.
1868 года, 2-го Іюля.

15.

Соборное опредѣленіе Бѣлокриницкой Митрополіи о примиреніи Старообрядцевъ.

Во имя Святыя, Единосущныя и Нераздѣлимыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Мы, нижеподписавшіеся, смиренный Митрополитъ Кириллъ Бѣлокриницкій, Архіепископъ Аркадій Васлуйскій, [36] Архіепископъ Антоній Формоскій, [37] Епископъ Аркадій Славскій, въ лицѣ Епископа Антонія Московскаго, Священноіерей Василій Ивановъ Бухаринъ, депутаты съ довѣрительными грамотами отъ разныхъ обществъ и весь Освященный нашъ Бѣлокриницкій Соборъ, принеся теплыя молитвы къ Всевышнему, общимъ совѣтомъ и единодушнымъ согласіемъ, постановили слѣдующее Соборное опредѣленіе:

1. Окружное Посланіе, изданное въ 7370-мъ году (1862), Февраля 24 дня, уничтожаемъ и опровергаемъ и яко бы не бывшее вмѣняемъ, со всѣми въ немъ положенными ложными статьями, писанными отъ своего смышленія, а не отъ Божественнаго Писанія, а тѣ, которыя съ Божественнымъ Писаніемъ не согласуютъ, но разликуютъ, опровергаемъ и проклинаемъ. Аще ли которые изъ нашихъ Христіанъ будутъ считать Окружное Посланіе и въ немъ ложныя положенныя статьи за справедливыя и душеспасительныя, какъ отъ духовныхъ, такъ и отъ мірскихъ лицъ, съ таковыми не имѣть сообщенія въ моленіи и таковыхъ отъ Святыя Соборныя и Апостольскія Церкви отсѣкаемъ, яко гнилый и непотребный удъ. Писано бо есть о семъ въ Священномъ Писаніи: «Вся, яже чрезъ Церковное преданіе и учительство, и воображенія Святыхъ и приснопамятныхъ Отецъ, новосотворенная и содѣянная, или по семъ содѣятися хотящая, анаѳема.» Книга Кормчая, гл. 81-я, листъ 641. «Отъ прикладающихъ же что, или отъемлющихъ, или инако претворяющихъ, аще и самъ крайнѣйшій учитель кто будетъ, ни како же слушати, но удалятися таковаго,

---

[36], [37] По Румунскимъ или Молдаво-Валашскимъ городамъ Васлую и Формосъ.

яко же Божественніи Апостоли научаютъ насъ, сице глаголюще: Но и аще мы, или Ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ, анаѳема да будетъ.» Книга Кириллова, листъ 305.

2. На Московскомъ Престолѣ по случаю утверждено два Епископа, противу Правилъ Святыхъ Отецъ, и какъ видно, что къ обоимъ Епископамъ народъ расположенъ, ни того, ни другого оставить не согласны, но ежду собою находятся въ раздорѣ и несогласіи чрезъ Окружное Посланіе, но Церковь Христова о семъ соболѣзнуетъ, и мы находимся въ великой скорби, то наконецъ рѣшилися уступить случайнымъ обстоятельствамъ, соображаясь при томъ съ Церковною нашею Исторіею: «Во времена Аѳанасія Великаго въ Антіохіи бысть равдоръ между Православными Христіанами о Павлинѣ и Мелетіи Епископахъ. Сіе несогласіе Святый Аѳанасій умиротворяше, обаче до сего пріиде, яко Епископи Восточныи, сонзволяющу Папѣ, сицевое между ими соравненіе сотвориша, дабы оба до смерти на престолѣ ономъ сидѣли, кійждо о своемъ стадѣ бодрствуя, а по смерти единаго дабы инъ Епископъ на его мѣсто избранъ не былъ. Книга Баронія, листъ 312 на оборотѣ.

3. А по сему опредѣлили Соборомъ: Архіепископу Антонію именоватися Московскимъ и Владимірскимъ, а Епископу Антонію именоватися токмо Московскимъ, имѣть жительство обоимъ въ Москвѣ и пребывать о Христѣ Ісусѣ о единомъ дусѣ, да оба имѣютъ равну власть и попеченіе во всѣхъ дѣлахъ Церковныхъ, въ прочихъ же вдовствующихъ Епархіяхъ единъ безъ другого да ни что же творятъ безъ общаго совѣту.

А какъ въ настоящее время Архіепископъ Антоній Московскій и Владимірскій, чрезъ своего довѣрителя, Епископа Аркадія Славскаго, принесъ Господину Митрополиту Кириллу Бѣлокриницкому чистосердечное раскаяніе за Церковный раздоръ и возмущеніе, происшедшее отъ Окружнаго Посланія, и Митрополитъ Кириллъ разрѣшилъ ему на вся Священнодѣйствія, то также да принесутъ раскаяніе вси Священноіереи и мірстіи люди,

принявшіе Окружное Посланіе, и тѣ получатъ прощеніе и разрѣшеніе, и тѣмъ самымъ умиротворится Церковь и разрушится вся вражда народная, а Епископъ Софроній остается въ своемъ чину Епископомъ, и на будущее время, какъ мнѣ, Митрополиту Кириллу, такъ и прочимъ Епископамъ въ распоряженіи Церковно-іерархическихъ дѣлъ руководствоваться неизмѣнно Правилами Святыхъ Апостолъ, Седьми Вселенскихъ и Девяти Помѣстныхъ Соборовъ. Аще ли же отъ кого либо отъ нашихъ Христіанъ будутъ изданы единолично какія либо бумаги, писанныя вопреки Священныхъ Правилъ, то таковыя не принимать и считать не дѣйствительными.

Въ заключеніе всего выше писаннаго, Освященный нашъ Соборъ, учинивъ между собою примиреніе, и тако благодать Господа нашего Іисуса Христа да будетъ со всѣми нами во вѣки вѣкомъ Аминъ.

И тако утверждаю вся выше писанная своеручнымъ подписомъ и приложеніемъ моей Святительской печати.

Смиренный Митрополитъ Кириллъ.

Бѣлокриницкая Митрополія.
8 Іюля, 7376 года (1868).

При семъ находились: Смиренный Архіепископъ Антоній Формоскій. Смиренный Архіепископъ Аркадій Васлуйскій. Смиренный Архіепископъ Антоній Московскій и Владимірскій; по довѣрію же за него и за себя Смиренный Епископъ Аркадій Славскій, Екзархъ Некрасовскій. Въ лицѣ Епископа Антонія Московскаго, по довѣрію его, Священноіерей Василій Ивановъ Бухаринъ. Смиренный Епископъ Іовъ Кавказскій.

Тискаго монастыря Архимандритъ Евфросинъ.
Мануйловскаго монастыря Архимандритъ Варсонофій.

Священноіерей Никита Кипріановъ Бѣлокриницкій.
Священноіерей Стефанъ Козминъ Климоуцкій.
Священноіерей Сисой Андреевъ Соколинскій.
Священноіерей Григорій Семеновъ Формоскій.
Священноинокъ Арсеній.

Священноинокъ Мелхиседекъ.
Іеродіаконъ Ѳеодосій Бѣлокриницкій.
Инокъ Алимпій Милорадовъ.
Инокъ схимникъ Тарасій.

Инокъ схимникъ Израиль. Инокъ Геннадій. За иноковъ: Серапіона, Алексія, Аѳанасія, Дороѳея, Ипатія, Трифона и Трифилія, по ихъ личной просьбѣ, подписалъ инокъ Геннадій. Инокъ Аркадій. Чтецъ Іуліанъ Марковъ. Казначей Іоаннъ Родіоновъ. Уставщикъ Іоаннъ Нефедовъ.

Уполномоченные депутаты, отъ Климоуцкаго общества: Прокопій Лаврентьевъ и Староста Ѳедоръ Ивановъ. Депутатъ отъ Формоскаго общества, Уставщикъ Петръ Ильинъ. Депутаты отъ Баташанскаго общества: Иванъ Игнатьевъ, Давыдъ Егоровъ, Иванъ Ѳедотовъ и Гаврила Савичъ. Депутаты отъ Бѣлокриницкаго общества: Староста Иванъ Михайловъ, Акиѳъ Васильевъ, Наумъ Антоновъ, Тимоѳей Васильевъ, Исидоръ Васильевъ, Уставщикъ Ѳаддей Акакьичъ, Мокей Ивановъ и Родіонъ Филипповъ. Депутатъ Воронковскаго общества Іосифъ Ивановъ Жеребцовъ. Депутаты отъ Московскаго общества: Священноіерей Василій Ивановъ Бухаринъ, Давыдъ Антиповъ, Никита Лукинъ, Иванъ Устиновъ и Филиппъ Семеновъ.

Сообщ. И. Г.

---

[38] Какъ этотъ документъ, такъ и документы 10, 11 и 12, нѣсколько разнятся отъ напечатанныхъ уже, первый въ № 33-мъ «Современной Лѣтописи», 1868 года, Сентября 29-го, стр. 3—4, а прочіе въ «Душеполезномъ Чтеніи,» 1867 г., кн. 2, стр. 85—87, 81—83, 89—93, и особо. Причины такой разницы пусть сами Старообрядцы опредѣлятъ: списки же оба шли отъ нихъ. О. Б.

ДВА ПИСЬМА

КНЯЗЯ А. Н. ГОЛИЦЫНА

КЪ ЮРЬЕВСКОМУ АРХИМАНДРИТУ ФОТІЮ.

Личность Князя А. Н. Голицына, имѣвшаго такое важное значеніе въ религіозныхъ дѣлахъ нашего Отечества, доселѣ остается загадочною. Прилагаемыя письма—несомнѣное свѣдѣтельство его религіознаго живаго чувства, по видимому чистаго Православнаго. Между тѣмъ извѣстно, что онъ горячо покровительствовалъ Квакерамъ. Подъ его защитою собирались въ Михайловскомъ замкѣ послѣдователи секты Татариновой, и, говорятъ, по его вліянію, Александръ 1-й считался воспріемнымъ отцомъ сына Татариновой. Онъ защищалъ Духоборцевъ; посѣщалъ неоднократно Селиванова, и покровительствовалъ ему во время ссылки его; всѣ Мистико-Масонскія общества съ своими изданіями и своею дѣятельностію считали его главнымъ своимъ защитникомъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ съ благоговѣніемъ преклонялся предъ всякимъ Православнымъ подвижникомъ благочестія и горячимъ ревнителемъ Вѣры. Кажется, ему дорого было проявленіе благочестія, какую бы форму оно ни принимало. Онъ цѣнилъ одно чувство; положительныя вѣрованія для него не составляли существеннаго. Извѣстно, что Фотій, поддерживаемый Аракчеевымъ и Шишковымъ, началъ съ нимъ рѣшительную борьбу, какъ съ врачемъ Православія, кончившуюся удаленіемъ А. Н. Голицына отъ должности Министра Народнаго Просвѣщенія и Духовныхъ Дѣлъ.

При личныхъ столкновеніяхъ и при заочныхъ отзывахъ, Фотій не щадилъ своего противника, называя его врагомъ Церкви и Отечества; но Князь А. Н. Голицынъ, кажется, и во время борьбы сохранялъ какое-то уваженіе къ этому мощному характеру. Когда Фотій громко изрекалъ на него проклятія, Голицынъ просилъ у него благословенія. О. Б.

Письмо 1.

Теперь разскажу Вамъ одно происшествіе, которое мнѣ чувствительно и умилительно было. Я не знаю, извѣстно ли Вамъ, что Буряты, народъ идолопоклонническій у насъ въ Сибири, нѣсколько тому лѣтъ назадъ, услышавъ, что Библейское Общество переводитъ Священное Писаніе на разные языки, собрали, чрезъ родоначальника своего, 12,000 рублей, и прислали къ намъ оные, чтобы мы перевели на ихъ языкъ слово Божіе и имъ доставили. Мы не знали, какъ къ сему приступить, что у нихъ за языкъ, и кому поручить. Наконецъ прислали они къ намъ двухъ Бурятъ, чтобы ихъ научить по Русски, и потомъ чтобы они перевели имъ Библію. Буряты сіго успѣли въ Русскомъ языкѣ, и одинъ изъ нихъ отправился во свояси, и Иркутскимъ Преосвященнымъ окрещенъ. Оставался здѣсь другой чрезвычайно хорошаго сердца человѣкъ. Онъ перевелъ Евангелиста Матѳея, и началъ чувствовать отвращеніе къ идоламъ, которыхъ онъ привезъ съ собою, потомъ перевелъ Святаго Іоанна, и уже четвертый годъ, какъ онъ сердцемъ началъ любить Спасителя, крещенія же не могъ получить по разнымъ причинамъ. Какъ вдругъ открылась въ немъ пресильная чахотка, и Докторъ объявилъ, что онъ двухъ недѣль не проживетъ. Я тотчасъ написалъ къ Преосвященному Митрополиту Серафиму, описавъ все, что съ нимъ происходило. Учить его и времени уже не доставало, и выученъ онъ былъ Господомъ. Митрополитъ назначилъ Священника, чтобы его крестить въ постелѣ; ибо онъ такъ былъ слабъ, что не могъ встать съ оной. Я былъ отцомъ крестнымъ его, и когда я къ нему вошелъ и спросилъ его: «Какое имя хочетъ онъ имѣть?» мнѣ отвѣчалъ, чтобы я выбралъ имя ему, и я предложилъ ему имя

Іоаннъ, на что онъ охотно и согласился. По крещеніи онъ пріобщенъ Святыхъ Таинъ, и въ 4-й день послѣ того скончался. Я былъ у него за день, и принесъ ему крестъ деревянный, освященный на Гробѣ Господнемъ и лежавшій 40 дней на Голгоѳѣ. Я объ ономъ разсказавъ отдалъ, онъ схватилъ крестъ и не выпускалъ изъ рукъ, держа его крѣпко до самой кончины. Я его спросилъ: «Радъ ли ты, что сподобилъ тебя Господь принять въ свою Церковь?» Онъ слабымъ голосомъ отвѣчалъ: «Я тело сердцемъ.» Чудное было сіе зрѣлище: на одрѣ смертномъ лежащій идолопоклонникъ, отрекающійся отъ идоловъ, а на стѣнѣ у него образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, Коему онъ покланялся и вѣровалъ, Благовѣщенія образъ и четырехъ Евангелистовъ. Помолитесь о душѣ сего новопросвѣщеннаго Іоанна, да приметъ Господь его въ обители свои вѣчныя.

1822 г.

Письмо 2.

Отче преподобне Фотіе! Большое писаніе твое о мирѣ Божіемъ я прочелъ: сіе писаніе есть чрезвычайное, исполненное Духа и помазанія Господня. Счастливъ я, что прочелъ о мирѣ Господнемъ; а какъ счастливъ тотъ, кто его вкусилъ! Надѣюсь, что молитвами вашими о мнѣ грѣшномъ и моимъ желаніемъ пламеннымъ полюбить Бога въ Іисусѣ Христѣ, Онъ когда ни будь, и въ то время, когда будетъ Его святая воля, пошлетъ и мнѣ оной, хотя не въ такой полнотѣ, но хоть каплю, которую я просить Его же буду, чтобы послалъ мнѣ способъ сохранить ее; а сія капля можетъ притянуть другую; отецъ же Фотій, по любви своей ко мнѣ, попроситъ и восполнитъ недостатокъ мой своимъ преизбыткомъ, а Господь благословитъ пустыню мою и оживитъ. Сего надѣюсь, сего прошу, сего жажду.

1822 г.

ГРАМОТА

НОВОГОРОДСКАГО И С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО МИТРОПОЛИТА СЕРАФИМА СОБОРНОЙ ЦЕРКВИ СЕЛА ГРУЗИНА, ПРИНАДЛЕЖАВШАГО ГРАФУ А. А. АРАКЧЕЕВУ.

По уваженію онаго, весьма для Свяяыя Церкви нашея достопамятнаго, событія, о кемъ какъ въ Слѣдованной Псалтыри, такъ и въ другихъ разныхъ мѣстахъ упоминается, что Святый Апостолъ Андрей Первозванный, проходя изъ полуденнаго края, былъ въ селѣ Грузинѣ и водрузилъ въ немъ жезлъ свой, отъ чего получило оно и наименованіе Друзино, по простонародному же реченію Грузино, и чрезъ таковое мѣста сего посѣщеніе, или паче проповѣдь свою, открылъ онъ предкамъ нашимъ, тьмою идолопоклонства омраченнымъ, двери къ Спасительной вѣрѣ въ Господа Бога и Спаса нашего, Іисуса Христа, благословляемъ мы въ соборной села Грузина церкви, имени сего Святаго Апостола посвященной, богатою утварью и ризницею снабженной и превеликолѣпно украшенной, совершать Божественную литургію при отверстыхъ Царскихъ вратахъ во все продолженіе оныя, даже до причастнаго стиха, при началѣ коего должны онѣ, исключая Святыя Пасхи, быть затворяемы для великой тайны Евхаристіи. Совершать же такимъ образомъ литургію не всегда, а токмо въ одни Воскресные, Господскіе, Высокоторжественные дни, въ храмовой праздникъ и при другихъ какихъ либо важныхъ случаяхъ.

Серафимъ, Митрополитъ Новгородскій
и С.-Петербургскій.

С.-Петербургъ.
26 Марта, 1825 года.

ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

1868 года, Іюня 18 дня.

1868 года, Іюня 18 дня, Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ предсѣдательствомъ Дѣйствительнаго Члена своего, А. Ѳ. Вельтмана, и въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: И. Д. Бѣляева, П. В. Хавскаго, Ю. Д. Филимонова, Гр. М. В. Толстаго, Н. В. Закревскаго, А. Н. Аѳанасьева, А. А. Майкова, М. Л. Назимова, Соревнователей: А. И. Хмельницкаго, И. И. Молнара, А. Е. Кудрявцева, и Секретаря Общества, О. М. Бодянскаго, имѣло обыкновенное засѣданіе, въ коемъ, по прочтеніи и подписаніи Протокола предыдущаго засѣданія, Марта 3-го сего же 1868 года, происходило слѣдующее:

1. Дѣйствительный Членъ и Секретарь Общества, О. М. Бодянскій, прочелъ статью, написанную имъ для помѣщенія въ «Чтеніяхъ,» подъ заглавіемъ: «Изображеніе Славянскихъ Первоучителей и Просвѣтителей, Св. Кирилла и Меѳодія, на поляхъ образа Святителя Николая Скоропомощника, находящагося въ Аѳонскомъ Дохіарскомъ монастырѣ.

За тѣмъ читаны были:

А. Предложенія.

2. Сербской Матицы въ Новомъ Садѣ, въ южной Угріи, отъ 18-го Марта, пол. 30-го 1868 г., объ обмѣнѣ изданій.

3. Редакціи Журнала, «Труды Кіевской Духовной Академіи,» отъ 20-го Марта, № 631, пол. 5-го Апр., 1868 г., объ обмѣнѣ изданій, т. е. «Чтеній» на «Труды» въ текущемъ году. Опредѣлено: обмѣниваться.

Б. Приношенія.

а. Статьями:

4. Статскаго Совѣтника Н. А. Абрамова, изъ Семипалатинска, отъ 1-го Марта, пол. 27-го: «О бывшемъ Тобольскомъ Намѣстничествѣ 1782 — 97 гг».

5. Его же Н. А. Абрамова, и оттуда же, отъ 14-го Апрѣля, 1868 г.: 1) «Туронскій Николаевскій дѣвичій монастырь въ 1863 г., и 2) Объ учрежденіи почты въ Сибири» (Объ статьи были помѣщены въ «Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ).

6. Д. Члена А. А. Майкова, пол. 20-го Апр., 1868 года: «Что такое пронія въ древней Сербіи?»

7. Редакціи Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, отъ 17-го Мая, № 168, пол. 24-го Мая, 1868 г.: «Описаніе Сербской сабли изъ собранія Князя С. Г. Голицына», съ приложеніемъ фотографическаго снимка ея, составленное Соревнователемъ Паплонскимъ.

8. Г-на Николая Дубровскаго, Іюня 1-го: «Дополненіе къ статьѣ: «Послѣдніе годы жизни Парицы Евдокіи Ѳедоровны.»

9. Кандидата Харьковскаго Университета, К. И. Алексѣева, отъ 16-го Мая, пол. 22-го 1868 г.: «Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу въ древней Россіи и Польшѣ.»

б. Матеріялами:

10. Соревнователя А. А. Чумикова, изъ Гельсингфорса, пол. 20-го Апр.: «Copie de la lettre de M-r Görtz à M-r de Bassewitz,

daté de Berlin le 14 Juillet, 1714,» съ Русскимъ переводомъ и примѣчаніемъ.

11. Помѣщика Пензенской Губерніи (нынѣ артиста Московскихъ Театровъ), М. Н. Владыкина, чрезъ посредство Д. Члена А. Н. Аѳанасьева, въ Мартѣ 1868 г., нѣсколько столбцевъ разнаго содержанія, между коими одинъ заключаетъ въ себѣ смертный приговоръ Стенькѣ Разину и брату его, Фролкѣ (къ сожалѣнію, безъ начала).

в. Книгами:

12. Ученаго Эстонскаго Общества при Дерптскомъ Университетѣ, отъ 17-го Февр., пол. 10-го Марта, 1868: 1) «Sitzungsberichte der gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat. 1867; 2) Schriften der gelehrten Estnischen Gesellschaft № 6. Ueber die frühere Existenz des Renthiers in den Ostseeprovinzen etc. Von G. Grewingk. Dorpat. 1867; 3) 25 Urkunden zur Geschichte Livlands im XIII Jahrhundert. Aus dem Königl. Geheimen Archiv zu Kopenhagen, herausgegeben von C. Schirren. Dorpat. 1866.»

13. Изъ разныхъ Славянскихъ земель. Изъ Далматіи: 1) «Сербско Далматинскій Магазинъ за лѣто 1851. У Загребу.» Изъ Княжества Сербскаго: 2) «Беседа Славенима Протоіерея Михаила Раевскога у цркви Рускогъ Посланства у Бечу приликомъ хилядугодишне светковине, за споменъ долазка у землю Славенску Св. Кирила и Методія. Београдъ. 1862. 3) Письмо Патріярха Православно-Католичке Цркви о Вѣри Енглезима 1723 года. Београдъ. 1864. 4) Молитва и две беседе, говорене 50 годишнице обновлене слободе Србіе, у Топчидеру 23 Мая, 1865. Београдъ. 1865.» Изъ Хорватіи: 5) «Piesne Meda Pućića. Karlovac. 1862; 6) Krjesnice. Knjiga I. Karlovac. 1863; 7) Govor Ivana Kukuljevića-Sakcinskoga, Velikog Župana Zagrebačkog, držan u Saborskoj sjednici dne 27 Studena, 1865. Zagreb. 1865; 8) Vilinski darovi. Zabavno-poučni album za domaće krugove. Uredio i izdao Abel Lukšić. Karlovac. 1864.

14. Д. Члена, Графа М. В. Толстого: «Разсказы изъ Русской Церковной Исторіи. Выпускъ 3. М. 1868.»

15. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, отъ 12-го Марта, № 42, пол. 8-го Апр., 1868 г.: «Отчетъ за истекшій годъ. Одесса. 1868.»

16. Археографической Комиссіи, изъ Петербурга, отъ 19 го Апр., № 51, пол. 27-го; 1868 г., изданія ея: 1) «1-й томъ Великихъ Миней Четій, собранныхъ Митрополитомъ Макаріемъ. Сентябрь. Дни 1—13. Спб 1868. 2) X-й томъ Дополненій къ Актамъ Историческимъ. 1682 — 1700. Спб. 1867. 3) V-й томъ Актовъ Южной и Западной Россіи. 1659—1665. Спб. 1867. 4) III-й томъ Новгородскихъ Писцовыхъ Книгъ. Вотская пятина. 1500 г. Спб. 1868. 5) Русско-Ливонскіе акты. Спб. 1868. 6) I-й выпускъ Указателя къ 8-ми томамъ Русскихъ лѣтописей. Спб. 1868.»

17. 2-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, отъ 22-го Апр., № 772, 1868 г., пол. 7-го Мая: «Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ Державами Иностранными. Томъ IX. Съ 1698 по 1699 годъ. Спб. 1868.»

18. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, П. Д. Шестакова, отъ 8-го Мая, 1868 г., № 1801, пол. 16-го Мая, статья его печатная: «Св. Стефанъ, Первосвятитель Пермскій. Казань. 1868.»

19. Югославянской Академіи Наукъ и Художествъ въ Загребѣ, отъ 8-го Мая, пол. 1-го Іюня: «Rad Jugoslavenske Akademjie znanosti i umjetnosti. Kniga 3. U Zagrebu. 1868.»

20. Д. Члена Макарія, Архіепископа Харьковскаго, печатныя сочиненія его: 1) «Введеніе въ Православное Богословіе. Изд. 3-е. Спб. 1868. 1) Православно-Догматическое Богословіе. 2 тома. Изд. 3. Спб. 1868; 3) Слова и рѣчи Макарія, Епископа Тамбовскаго. 2 тома. Спб. 1859; 4) Исторія Христіянства въ Россіи до Равноапостольнаго Князя Владиміра. 2-е Изд. Спб. 1868; 5) Исторія Русской Церкви. Изд. 2-е. Спб. 1868, томовъ 5.

21. Д. Члена А. А. Майкова, пол. 8 Іюня, 1868 г., печатная статья его, помѣщенная въ Журналѣ «Всемірный Трудъ:» «Замѣтка на замѣтки о самозванцахъ въ Россіи.»

22. Магистра А. А. Котляревскаго, сочиненіе его: «О погребальныхъ обычаяхъ древнихъ Славянъ. М. 1868.»

Опредѣлено: статьи и матеріялы разсмотрѣть, а книги сдать въ Библіотеку Общества.

В. Сообщенія.

23. Скончался Благотворитель Общества, Д. С. С. А. И. Лобковъ. Опредѣлено: умершаго исключить изъ списка Членовъ.

24. Казначеемъ Общества, Д. Членомъ, М. Л. Назимовымъ, предложено на усмотрѣніе Общества, не найдетъ ли оно нужнымъ капиталъ Общества, заключающійся въ 5-ти билетахъ Московской Сохранной Казны, всего на сумму 4671 руб. 42½ коп. сер. съ процентами, обратить въ какія либо болѣе выгодныя процентныя бумаги? Опредѣлено: Войти въ Правленіе Университета съ прошеніемъ объ истребованіи по билетамъ Общества изъ Сохранной Казны капиталовъ съ причитающимися на нихъ по настоящее время процентами, и на наличныя деньги пріобрѣсти два билета перваго и втораго 5% съ выиграшами займа, а на остальныя 5% билеты Государственнаго Банка и выкупныя свидѣтельства по равной части, на одинъ же билетъ, пріобрѣтенный на сумму въ 342 руб. 85½ коп., пожертвованную Чиновниками Канцеляріи бывшаго Московскаго Генералъ-Губернатора Князя Голицына въ премію за лучшее сочиненіе: «Градоначальствованіе Князя Голицына въ Москвѣ,» пріобрѣсти особо 5% билетъ Государственнаго Банка; за тѣмъ всѣ эти бумаги препроводить для храненія въ Московское Губернское Казначейство, съ означеніемъ принадлежности ихъ Обществу и съ изъясненіемъ относительно особаго назначенія 5% билета Государственнаго Банка, пріобрѣтеннаго на вышеозначенный билетъ; могущіе быть небольшіе остатки отъ размѣна на билеты и свидѣтельства, наличныя деньги, доставить въ Общество, съ показаніемъ отдѣльно остатка отъ промѣна, назначеннаго въ премію билета Сохранной Казны.

25. Д. Членъ и Секретарь Общества, О. М. Бодянскій предложилъ Обществу: 1) въ Почетные Члены: Его Сіятельство, Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Графа Дмитрія Андреевича Толстого; 2) въ Дѣйствительные Его Сіятельство, Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, Князя Александра Прохоровича Ширинскаго-Шихматова, его же въ Вице-Президенты Общества, Дѣйствительго Статскаго Совѣтника Николая Васильевича Сушкова, помѣстившаго въ «Чтеніяхъ» довольно своихъ статей и матеріяловъ; Соревнователя Александра Ивановича Хмельницкаго, напечатавшаго 1-ю часть «Исторіи Гельвитическаго Исповѣданія въ Польшѣ и Великомъ Княжествѣ Литовско-Русскомъ,» соч. І. Лукашевича, въ переводѣ на Русскій языкъ, коей 2-я часть вскорѣ появится въ «Чтеніяхъ,» и переведшаго также «Историческія Записки о событіяхъ на Волыни и Подолѣ въ 1789 году, соч. Луцкаго Протоіерея Ѳеодосія Бродовича, и 3) Преподавателя Олонецкой Семинаріи Елпидифора Васильевича Барсова, сообщившаго въ Редакцію «Чтеній» «Описаніе пергаментнаго Великаго Часослова XII вѣка» и «Описаніе Палеостровскаго монастыря», со множествомъ грамотъ и другихъ документовъ, въ Соревнователи Общества. По опредѣленію Общества, означенныя лица были балотированы, и по балотированіи оказалось, что почти каждый изъ предложенныхъ былъ избранъ единогласно. Опредѣлено: Увѣдомить новоизбранныхъ Членовъ объ ихъ избраніи и изготовить имъ дипломы, а Его Сіятельство, Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, Князя Александра Прохоровича Ширинскаго-Шихматова, просить войти съ ходатайствомъ къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія объ утвержденіи его въ званіи Вице-Президента Общества.

Въ концѣ Засѣданія Г. Секретарь и Д. Членъ Общества, О. М. Бодянскій, представилъ только что отпечатанную 1-ю книгу «Чтеній» 1868 года, заключающую въ себѣ 48⅜ листовъ. Содержаніе ея слѣдующее:

I. Изслѣдованія. Война 1812 года. Замѣчанія на книгу: «Исторія Отечественной войны, 1812 года, по достовѣрнымъ источникамъ, соч. Г. М. Богдановича. Спб. 1859 — 1860, въ 8-ку, 3 тома. Д. Члена И. П. Липранди.

II. Матеріялы Отечественные. Приложенія къ Запискамъ А. П. Ермолова. Часть II. 1816 — 1827 годы. Выписка изъ Се-

кретнаго Журнала о распоряженіяхъ по предмету вторженія Персіянъ въ наши границы. Приказы по Грузинскому отдѣльному корпусу.—Русскія народныя пѣсни, собранныя П. В. Шейномъ. Часть I. Пѣсни Дѣтскія.

III. Матеріялы Славянскіе. Восточный вопросъ и Болгарія. Д. Члена И. П. Липранди.

IV. Матеріялы Иностранные. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго Посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1638 годахъ, составленное Секретаремъ Посольства, Адамомъ Олеаріемъ. Переводъ съ Нѣмецкаго П. П. Барсова.

V. Смѣсь. Синодикъ XVI вѣка въ Нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ. Д. Члена Епископа Макарія. Древне-Русское сказаніе объ убійствѣ въ Угличѣ. И. С. Некрасова. Палеостровъ, его судьба и значеніе въ Обонежскомъ краѣ. Съ грамотами и другими письменными памятниками. Е В. Барсова. Копія съ письма Г-на Герца къ Г-ну Басевичу, писаннаго въ Берлинѣ 14 Іюня, 1714 года. Сообщ. Соревнов. А. А. Чумиковъ. Что такое пронія въ древней Сербіи? Д. Чл. А. А. Майкова. Двѣ Черногорскія грамоты къ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Записка Стефана Стратимировича, Православнаго Сербскаго и Валахійскаго народа Митрополита, въ Угорскомъ Королевствѣ сущаго, представленная чрезъ посредство Русскаго Протоіерея А. А. Самборскаго, Государю Императору Александру Павловичу въ 1804 году, объ освобожденіе Сербскаго народа вообще. Съ предисловіемъ Д. Члена О. М. Бодянскаго. Изображенія Славянскихъ Первоучителей и Просвѣтителей, Св. Кирилла и Меѳодія, на поляхъ образа Святителя Николая Скоропомощника, находящагося въ Аѳонскомъ Дохіарскомъ монастырѣ. Съ литографированнымъ изображеніемъ. Д. Чл. О. М. Бодянскаго. Извлеченія изъ Записокъ Фотія, Архимандрита Новгородскаго Юрьевскаго монастыря. О статьѣ Г-на П. М.: «Изъ прошлаго.» Н. В. Сушкова. Протоколъ Засѣданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, 1867 года, Мая 6 дня.

ПОПРАВКА

во 2-й книгѣ, отдѣленіе V.

Напечатано:	*Слѣдуетъ:*
Стр. 129, прим. Викарію Иннокентію и сл.	Митрополиту Серафиму

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ПЗСЛѢДОВАНІЯ.

	Стран.
Общій очеркъ періода удѣловъ. Василія Пассека..	1 — 29
Ханъ Нагай и его вліяніе на Русь и Южныхъ Славянъ. Д. Члена Архимандрита Леонида.....	30 — 42

II.

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

Записки Адмирала А. С. Шишкова, съ Мая 1824 по Декабрь 1826 года. Съ Предисловіемъ О. М. Бодянскаго.....	1 — 142

III.

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

Записки Архипресвитера Ѳеодосія Бродовича о событіяхъ на Волыни и Подолѣ въ 1789 году. Переводъ съ Польскаго Д. Члена А. И. Хмельницкаго. Съ Предисловіемъ О. М. Бодянскаго...	1 — 109

IV.

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

Подробное описаніе путешествія Голштинскаго Посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1638 годахъ, составленное Секретаремъ Посольства Адамомъ Олеаріемъ. Переводъ съ Нѣмецкаго П. П. Барсова. Книга III.....	103 — 226

V.

СМѢСЬ.

	Стран.
Дѣло Салникѣева. И. Ч.	1 — 125
Отвѣтъ Адмирала Мордвинова на письмо, полученное имъ на Французскомъ языкѣ отъ Новороссійскаго Генералъ-Губернатора, Графа Воронцова, отъ 26-го Мая, 1833 года. Сообщилъ Н. А. Поповъ	126 — 141
Разъясненіе донесеній Правительству о переходѣ, въ 1845 году, Латышей и Чухонъ Лифляндскихъ въ Православіе. Д. Члена И. П. Липранди	142 — 166
Документы о Старообрядцахъ нашего времени. Сообщилъ И. Г.	167 — 236
Два письма Князя А. Н. Голицына къ Юрьевскому Архимандриту Фотію. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго	237 — 239
Грамота Новогородскаго и С.-Петербургскаго Митрополита Серафима соборной церкви села Грузина, принадлежавшаго Графу А. А. Аракчееву.	240
Протоколъ Засѣданія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, 1868 года, Іюня 18-го дня.	241 — 247

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

Годъ 2-й:	Цѣна
изъ 9-ти книгъ, каждая . . .	2 р.
За всѣ, безъ пересылки . . .	18 „
а съ пересылкой.	21 „
Годъ 3-й тоже изъ 9-ти книгъ, каждая по	2 „
Года 4-го кн. I.	2 „
съ пересылкой. . . .	2 р. 30 к.
И того безъ пересылки . . .	38 р.
съ пересылкой	44 р. 30 к.

Годъ 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1867, по 4 книги въ годъ, безъ перес. каждый по 5 р. за всѣ 50 р.
съ пересылкой по 6 р. „ „ 60 „
За всѣ годы, безъ перес. „ „ 88 „
съ пересылкой: же. . . 104 р. 30 к.

ВРЕМЕННИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

съ 1849 по 1858 года.

25 книгъ, каждая по . .	1 р. 50 к.
а за всѣ безъ перес. . .	37 „ 50 „
съ пересылкой	45 „ — „

На пересылку всякой книги „Временника“ за 4 фунта.

Изданія Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ можно получать: 1) въ самомъ Обществѣ, у Актуарія Алексѣя Егоровича Кудрявцева, на Моховой, въ зданіи Университета, и 2) у Коммиссіонера Общества, Московскаго книгопродавца, Ивана Григорьевича Соловьева (бывш. И. В. Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, противъ Университетской Типографіи.

Тамъ же можно получать:

Славянскія Древности, соч. П. І. Шафарика, перев. съ Чешскаго О. Бодянскаго, 2 тома въ 5 книгахъ. М. 1848 г., ц. 6 р., перес. за 10 ф.

О времени происхожденія Славянскихъ письменъ, соч. О. Бодянскаго. М. 1855 г., ц. 2 р., съ перес. 3 р.

Исторія Руссовъ или Малой Россіи, соч. Преосвященнаго Георгія Конискаго. М. 1846 г., ц. 5 р. безъ пересылки.

Гусъ и Лютеръ. Критическое изслѣдованіе Е. Новикова. М. 1859 г., два тома, ц. 4 р.

Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы Д. Т. Сов. и Сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. М. 1860 г., ц. 1 р. 50 к.

О происхожденіи и родинѣ Глаголитизма, соч. П. І. Шафарика; перев. съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1861 г., ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Походы Викинговъ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ Скандинавовъ, соч. А. М. Стриннгольма, пер. съ Нѣмец. А. Н. Шемякина. 2 части. М. 1861, ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Путешествія Венеціянца Марка Поло въ XIII стол., съ объясненіями Авг. Бюрка, перев. А. Н. Шемякина, М. 1863 г., ц. 1 р. 50к., съ перес. 2 р.

Жизнеописанія древнихъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію, или говорившихъ о ней, перев. съ Нѣмец. А. Н. Шемякина. М. 1865, ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Исторія о Великомъ Княжествѣ Московскомъ, соч. Петра Петрея, перев. съ Нѣмецк. А. Н. Шемякина. М. 1867 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Письма Филарета, Митрополита Московскаго, къ Гавріилу, Архіепископу Рязанскому. М. 1868 г., ц. 75 к. сер., съ перес. 1 р.

ЧТЕНІЯ

КЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

при Московскомъ Университетѣ

будутъ выходить и въ 1869 году, какъ повременное изданіе, четыре раза въ годъ, по одной книгѣ, отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ, въ концѣ Марта, Іюня, Сентября и Декабря. Содержаніе каждой книги составляютъ: I. Изслѣдованія, II. Матеріалы: Отечественные, III. Славянскіе, IV. Иностранные, и V. Смѣсь.

Подписка годовая — шесть рублей серебромъ въ Москвѣ, а съ пересылкой въ другія мѣста — семь съ полтиной. Съ требованіями обращаться въ самое Общество, или къ Московскому Книгопродавцу, Ивану Григорьевичу Соловьеву (бывш. И. В. Базунову) на Страстномъ бульварѣ, противъ Университетской Типографіи.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ,

Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ,

въ С. Петербургѣ.

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТЪ,

Князь Александръ Прокоровичъ Ширинскій-Шихматовъ,

на Якиманкѣ, въ домѣ Нечаева.

СЕКРЕТАРЬ,

Осипъ Максимовичъ Бохвацкій,

у Никитскихъ воротъ, въ домѣ Мещеринова.

БИБЛІОТЕКАРЬ,

Георгій Дмитріевичъ Филимоновъ,

у Покрова въ Лепешкѣ, въ Зеленомъ домѣ.

ВАЗНАЧЕЙ,

Михаилъ Леонтьевичъ Назимовъ,

въ Гражданскомъ, въ Университетѣ, Кузнецкомъ.

АКТУАРІЙ,

Алексѣй Егоровичъ Кудрявцевъ,

въ Мостовой, въ нижнемъ зданіи Университета.